This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

**Usage guidelines**

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

**About Google Book Search**

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

**Правила использовапия**

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

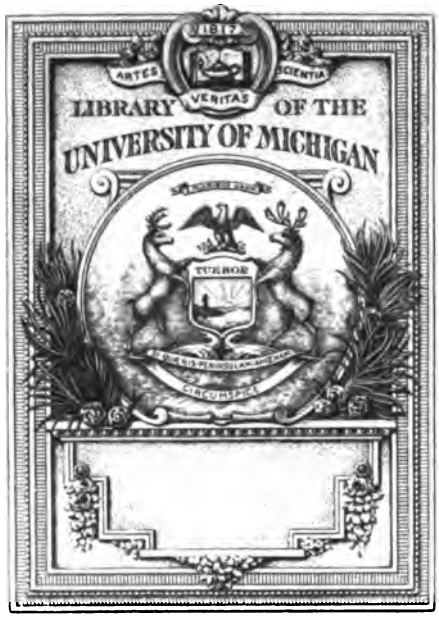
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

**О программе Поиск кпиг Google**

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 830,475


1817
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
TUEBOR

20K
3
R.1

DK
3
.A97

# СБОРНИКЪ

## ИМПЕРАТОРСКАГО

## РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО

## ОБЩЕСТВА

v.112

ТОМЪ СТО ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1904

Ф. 166

# СБОРНИКЪ

# ИМПЕРАТОРСКАГО

# РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО

# ОБЩЕСТВА

## ТОМЪ СТО ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1904

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, подъ наблюденіемъ члена Общества Барона **Ѳ. Р. Остенъ-Сакена** и при содѣйствіи Князя **Н. В. Голицына**.

Типографія В. Киршбаума, Дворц. площ., д. М-ва Финансовъ.

# СБОРНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА

[illegible]
[illegible]
[illegible]-31-34
[illegible]-21

# ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА

# ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

## ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

1772—1773 г.

Изданіе Политической Переписки Императрицы Екатерины II остановилось на *шестой* части ея, вслѣдствіе кончины, въ 1896 году, редактировавшаго это изданіе дѣйствительнаго члена Императорскаго Русскаго Историческаго Общества барона Ѳ. А. Бюлера, и перемѣны мѣста служенія содѣйствовавшаго ему въ этомъ трудѣ, бывшаго старшаго дѣлопроизводителя Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, магистра В. А. Уляницкаго.

Въ годичномъ общемъ собраніи своемъ 1 Марта 1901 г. Императорское Русское Историческое Общество возложило изданіе *седьмой* части Политической Переписки на дѣйствительнаго члена Общества барона Ѳ. Р. Остенъ-Сакена, который пригласилъ къ участію въ этомъ трудѣ бывшаго дѣлопроизводителя Московскаго Главнаго Архива, нынѣ причисленнаго къ Государственному и С.-Петербургскому Главному Архивамъ, князя Н. В. Голицына.

Изданіе, въ главныхъ чертахъ, велось по прежней программѣ, изложенной въ предисловіи къ первой части Политической Переписки Императрицы Екатерины II (Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. XLVIII, 1885 г.). Отступленія отъ первоначальнаго способа изданія заключаются въ слѣдующемъ:

1) Документы на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ не снабжены русскими переводами. (Постановленіе Совѣта Императорскаго Историческаго Общества отъ 19 Февраля 1899 г.).

2) Къ каждому документу присоединена, въ подстрочномъ примѣчаніи, его архивная формула. (Буквы „М. Г. А.“ означаютъ: Московскій Главный Архивъ Министерства Иностран-

ныхъ Дѣлъ; „Госуд. А.“ означаетъ Государственный Архивъ, находящійся въ С.-Петербургѣ).

3) Въ подстрочныхъ же примѣчаніяхъ отмѣчены тѣ ученыя изданія, въ которыхъ тотъ или другой изъ печатаемыхъ документовъ появился раньше. Помимо указанныхъ въ этихъ примѣчаніяхъ изданій, нѣкоторые документы 1772 и 1773 г.г. напечатаны въ Рус. Архивѣ 1871 г., стр. 1761—1855, и въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Росс. 1865 г., кн. II.

Что касается до характера документовъ, вошедшихъ въ составъ настоящей, 7-й части Политической Переписки, слѣдуетъ замѣтить, что онъ нѣсколько измѣнился сравнительно съ содержаніемъ первыхъ томовъ того же изданія. Въ предисловіи къ *первой* части Переписки, указано было, что подъ понятіе политической переписки Императрицы Екатерины II отнесены всѣ тѣ бумаги, которыя или прямо исходили отъ Императрицы, или будучи составлены ея министрами, тѣмъ не менѣе „носили на себѣ какой-либо слѣдъ того, что онѣ „были въ ея рукахъ и вызвали съ ея стороны то или другое „сужденіе, ту или другую резолюцію“ (стр. II предисловія къ 1-й части Политической Переписки). Но въ томъ же предисловіи отмѣчено было, что уже въ собственноручномъ указѣ отъ 21 Августа 1763 г. Императрица Екатерина предписала, за невозможностью самой отвѣчать на всѣ депеши своихъ министровъ за границей, составлять отвѣты въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и подносить ей оные на апробацію. Съ этого времени постепенно измѣняется характеръ политической переписки Императрицы Екатерины: ея личное участіе все болѣе уступаетъ мѣсто непосредственной иниціативѣ министра. По этому поводу въ предисловіи къ 1-й части Переписки было замѣчено, что „количество собственноручныхъ резолюцій Импе„ратрицы замѣтно уменьшается, а съ другой стороны полу„чаютъ болѣе значенія *депеши министровъ* къ нашимъ пред„ставителямъ за границею, и съ 1764, а особенно съ 1765 года, „нѣкоторыя депеши Панина, Остермана и друг. нисколько не „уступаютъ, по историческому интересу и по своему содер„жанію, рескриптамъ.... Въ виду того, что на многихъ изъ

„нихъ мы находимъ помѣту: „Ея Величество читать и апро-„бовать изволила“, и такъ какъ на нихъ нерѣдко находятся „ссылки въ апробованныхъ Императрицею рескриптахъ, то *де-„пеши этой категоріи* также введены въ составъ печатаемой „нынѣ политической переписки Екатерины II“ (стр. V—VI предисловія). Вѣрность этого указанія всецѣло подтверждается при разсмотрѣніи документовъ Политической Переписки приблизительно съ 1765 года.

Согласно вышеприведенному указанію, изъ числа *депешъ министровъ* вносился въ Политическую Переписку лишь извѣстный разрядъ, а именно такія, которыя имѣютъ помѣту объ апробаціи Императрицы, или о которыхъ упоминается въ апробованныхъ ею рескриптахъ. Но такое ограниченіе, имѣвшее смыслъ при подборѣ документовъ для первыхъ томовъ Переписки, утрачиваетъ свое значеніе въ послѣдующихъ, ибо депеши съ апробаціей Императрицы становятся, съ теченіемъ времени, почти настолько же рѣдки, какъ и документы, непосредственно отъ нея исходившіе, рескрипты, именные указы и проч. Такъ, напр., въ *пятой* части Переписки (томъ LXXXVII Сборника) изъ 278 документовъ больше половины состоитъ изъ писемъ графа Панина къ представителямъ Россіи за границей; въ *шестой* части (томъ XCVII Сборника) на 243 документа приходится до 100 такихъ же писемъ; при этомъ лишь на незначительномъ числѣ ихъ находится апробація Императрицы, или имѣются какіе-либо слѣды того, что то или другое письмо было въ ея рукахъ. Отсюда явствуетъ, что предложенное въ предисловіи къ 1-й части Переписки мѣрило для выбора документовъ, имѣющихъ войти въ составъ всѣхъ послѣдующихъ частей, примѣнимо лишь къ документамъ первыхъ годовъ царствованія Екатерины II, когда Императрица лично входила во всѣ подробности своей дипломатической переписки. Съ теченіемъ времени, когда политика ея вступила въ ясно опредѣленное ею русло, она ослабила свое наблюденіе за этой перепискою, довѣривъ ее испытанному ею министру, графу Н. И. Панину, вѣрному выразителю ея политическихъ предначертаній.

Такимъ образомъ, въ издаваемой нынѣ *седьмой* части, количество писемъ Панина далеко превышаетъ число бумагъ, исшедшихъ прямо отъ Императрицы; самое слово „рескриптъ", столь часто встрѣчающееся въ перепискѣ первыхъ годовъ царствованія Екатерины, попадается рѣдко, и то большею частью въ сношеніяхъ Петербургскаго кабинета, не съ дипломатическими представителями Россіи за границею, а съ военными начальниками (графомъ Румянцевымъ, княземъ Долгоруковымъ, Щербининымъ и проч.). Въ виду указаннаго измѣненія въ характерѣ документовъ Политической Переписки, въ настоящей 7-й части отведено большее мѣсто предписаніямъ ближайшихъ сотрудниковъ Императрицы по веденію внѣшней политики Россіи, дабы получить возможно полную картину дипломатическихъ мѣропріятій Россійскаго правительства.

Этимъ условіемъ объясняется и то, почему количество входящихъ въ составъ настоящей 7-й части документовъ превышаетъ число документовъ, напечатанныхъ въ каждой изъ предыдущихъ частей ея. Причиной тому является, впрочемъ, также и то обстоятельство, что важность и многочисленность политическихъ событій, ознаменовавшихъ захватываемые, въ издаваемомъ нынѣ томѣ, 1772 и 1773 годы, заставили Петербургскій кабинетъ работать особенно усиленно и вызвали особенно оживленную переписку. Раздѣлъ Польши, монархическій переворотъ въ Швеціи, попытки примиренія съ Турціей на Фокшанскомъ, а затѣмъ на Бухарестскомъ конгрессахъ, заботы объ установленіи независимости Крыма—таковы главныя явленія политической жизни, потребовавшія напряженной дѣятельности русской дипломатіи.

Въ заключеніе, редакція CXVIII тома позволяетъ себѣ обратить вниманіе будущихъ изслѣдователей на хранящуюся въ Государственномъ Архивѣ (разрядъ IV, №№ 134 и 135) обширную переписку Императрицы Екатерины II съ принцемъ Генрихомъ Прусскимъ, относящуюся къ 1770—1782 гг. и не имѣющую строго политическаго характера. Издатели „Бумагъ Императрицы Екатерины II" не коснулись ея; она не вошла

также и въ составъ Политической Переписки. Объясняется это тѣмъ, что переписка съ принцемъ Генрихомъ представляетъ изъ себя вполнѣ связное цѣлое, требующее особаго изданія, почему и нежелательно было разрозненное печатаніе ея въ отдѣльныхъ томахъ „Бумагъ“ или „Политической Переписки“. Всѣхъ писемъ принца Генриха въ этомъ собраніи—85, писемъ же Императрицы (въ черновыхъ собственноручныхъ отпускахъ) — 54, причемъ, однако, нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ изъ себя разныя редакціи одного и того же письма. Часть этихъ писемъ появилась недавно въ изданіи д-ра Эрнста Бернера: Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hauses Hohenzollern, vol. VIII (Berlin, Alex. Duncker). Въ этомъ изданіи напечатано 98 писемъ (47 писемъ принца Генриха и 51—Императрицы Екатерины), на основаніи подлинниковъ, сохранившихся въ Шарлоттенбургскомъ дворцовомъ архивѣ (Hausarchiv). Количество писемъ, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ, далеко превышаетъ число изданныхъ, а потому и нельзя не пожелать, чтобъ переписка Екатерины съ принцемъ Генрихомъ была напечатана въ полномъ объемѣ. Обнародованіе этой переписки тѣмъ болѣе желательно, что значеніе ея не исчерпывается одними личными отношеніями обоихъ корреспондентовъ: она является иллюстраціей отношеній Императрицы Екатерины къ Пруссіи и къ ея королю, ибо нѣтъ сомнѣнія, что Екатерина писала свои письма къ принцу Генриху въ расчетѣ на то, что они будутъ сообщаемы имъ Фридриху II; поэтому переписка эта служитъ непосредственнымъ дополненіемъ къ напечатанной въ XX томѣ Сборника Императорскаго Историческаго Общества перепискѣ Императрицы Екатерины съ Прусскимъ королемъ.

# ОГЛАВЛЕНІЕ

## БУМАГЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

---

## 1772 годъ.


| №№ | | | | Стр. |
|---|---|---|---|---|
| 2144 | *Декабрь 1771.* | | Собственноручная записка Императрицы. По поводу листа изъ Китайскаго трибунала о бѣгствѣ Калмыковъ за Китайскую границу . . . . . | 1 |
| 2145 | *Января 1772.* | | Собственноручная резолюція Императрицы. О снабженіи Веселицкаго въ Крыму деньгами . . . . . | 2 |
| 2146 | *Начало 1772.* | | Мнѣніе гр. Панина о положеніи политическихъ и военныхъ дѣлъ Имперіи . . . . . | 2 |
| | *Начало 1772.* | | Собственноручная записка Императрицы. | 8 |
| 2147 | *Послѣ 5 Янв.* | | Копія съ собственноручной замѣтки Императрицы. Графу Остерману объ уплатѣ Франціей Швеціи старыхъ субсидныхъ денегъ . . . . . | 9 |
| 2148 | *Января* | *11* | Рескриптъ Императрицы № 1 къ кн. В. М. Долгорукову. Отказъ въ разрѣшеніи прибыть въ Петербургъ . . . . . | 9 |
| 2149 | — | *12* | Письмо гр. Панина къ послу К. Сальдерну въ Варшаву. О принятіи, совмѣстно съ ген. Бибиковымъ, мѣръ для возстановленія спокойствія въ Польшѣ. Увѣренность въ томъ, что польскіе посланники въ Берлинѣ и Вѣнѣ не поколеблютъ рѣшеній этихъ дворовъ . | 9 |
| 2150 | — | *18* | Рескриптъ Императрицы къ ген. Е. А. Щербинину. О мѣрахъ для вспомоществованія Ногайскимъ ордамъ. . . . . | 11 |
| 2151 | — | *26* | Письмо графа Панина къ повѣренному въ дѣлахъ въ Копенгагенѣ И. Местмахеру. По поводу переворота при Датскомъ дворѣ . . . . . | 11 |
| 2152 | — | *28* | Грамота къ Эдиссанской (Буджацкой, Джембуйлуцкой и Эдишкульской) ордамъ. . . . | 12 |
| 2153 | — | *31* | Письмо графа Панина къ кн. В. М. Долгорукову. Просить предписать Веселицкому оставить дальнѣйшіе переговоры съ Крымскимъ ханомъ и снабдить его деньгами. Объ отправленіи обратно изъ Полтавы мурзы, посланнаго къ Калгѣ-султану . . . . . | 14 |
| | *Январь* | | Собственноручный рескриптъ Императрицы къ ген. Е. Кашкину. . . . . | 15 |

| №№ | | | Стр. |
|---|---|---|---|
| | *Январь или Февраль.* | Собственноручная черновая записка Императрицы | 15 |
| 2154 | *Февраля 5.* | Инструкція ст. сов. И. М. Симолину, отправляемому къ гр. Румянцеву для мирныхъ переговоровъ съ турками. Объ отношеніяхъ Россіи къ Турціи, Польшѣ и Австріи, о миролюбіи Императрицы. О предложеніи туркамъ созванія мирнаго конгресса | 15 |
| 2155 | *Послѣ 6 Февраля.* | Письмо Императрицы къ вдовствующей королевѣ Датской Юліанѣ-Маріи, съ препровожденіемъ акта о наслѣдствѣ дѣтей герцога Антона-Ульриха Брауншвейгскаго | 19 |
| | *Февраля 8* | Письмо Императрицы къ королю Прусскому Фридриху II | 20 |
| | — » | Рескриптъ Императрицы къ в.-адм. А. Н. Сенявину | 20 |
| 2156 | — *10* | Постскриптъ къ письму гр. Панина къ кн. Д. М. Голицыну въ Вѣну. О передачѣ кн. Кауницу плана соглашенія Императрицы съ королемъ Прусскимъ о Польшѣ | 20 |
| | — » | Plan d'un concert entre S. M. I. de toutes les Russies et S. M. le Roi de Prusse conséquemment à la situation des affaires de Pologne | 21 |
| | — *13* | Рескриптъ Императрицы къ гр. А. Г. Орлову. | 21 |
| 2157 | — » | Письмо гр. Панина къ нему же. Съ извѣстіемъ о согласіи Австріи приступить къ соглашенію Россіи съ Пруссіей о Польшѣ. О необходимости перемирія съ турками. | 21 |
| 2158 | *Послѣ 14 Февраля.* | Собственноручная записка Императрицы. Неодобреніе по поводу ожидаемой казни гр. Струэнзе | 23 |
| 2159 | *Февраля 19* | Письмо Императрицы къ Христіану VII, королю Датскому. Соболѣзнованіе по поводу его семейныхъ обстоятельствъ и надежда на его великодушіе къ виновнымъ | 24 |
| 2160 | — *22* | Рескриптъ Императрицы № 2 къ кн. В. М. Долгорукову. Съ препровожденіемъ похвальной грамоты къ войску Запорожскому | 25 |
| 2161 | — *28* | Проектъ письма гр. Панина № 1 къ послу К. Сальдерну въ Варшаву, по дѣламъ польскимъ | 26 |
| 2162 | — *29* | Проектъ письма гр. Панина къ Абовскому губернатору бар. Раппе. О затонувшемъ у береговъ Финляндіи суднѣ съ собраніемъ картинъ, купленныхъ Императрицею | 27 |
| 2163 | *Марта 2* | Проектъ письма гр. Панина къ Датскому министру гр. Остену въ Копенгагенъ. О политическомъ переворотѣ въ Даніи | 28 |
| 2164 | — *9* | Письмо гр. Панина къ кн. Д. М. Голицыну въ Вѣну. О размѣнѣ съ Австріею деклараціи по дѣламъ Польскимъ | 29 |
| | — » | Нота гр. Панина Австрійскому послу кн. Лобковичу | 30 |

| №№ | | | | Стр. |
|---|---|---|---|---|
| 2165 | *Марта* | *9* | Рескриптъ Иркутскому губернатору Брилю. Съ препровожденіемъ листа въ Китайскій трибуналъ о перешедшихъ за Китайскую границу Калмыкахъ . . . | 30 |
| 2166 | — | » | Листъ въ Китайскій трибуналъ о Калмыкахъ . . . . . | 31 |
| 2167 | — | *10* | Проектъ рескрипта Императрицы къ гр. И. А. Остерману въ Стокгольмъ. О награжденіи его орденомъ св. Александра Невскаго и предписаніе достигнуть скорѣйшаго окончанія сейма . . . . . | 35 |
| 2168 | — | *13* | Письмо гр. Панина въ Копенгагенъ къ И. И. Местмахеру. Съ предписаніемъ стараться спасти Струэнзе отъ смертной казни. . . . . | 36 |
| 2169 | — | *14* | Письмо гр. Панина къ гр. И. А. Остерману въ Стокгольмъ. Съ предписаніемъ дать праздникъ по случаю коронаціи Шведскаго короля . . . . . | 38 |
| 2170 | — | » | Тоже. По поводу ходатайства вдовствующей королевы Шведской объ увеличеніи ей содержанія. . . . . | 38 |
| 2171 | — | » | Тоже. Поздравленіе съ высочайшей наградой. Препровожденіе векселя на сто тысячъ рублей, для скорѣйшаго окончанія сейма . . . . . | 39 |
| | — | *15* | Письмо Императрицы къ королю Фридриху II . . . . . | 39 |
| 2172 | *Послѣ 16 Марта.* | | Собственноручная записка Императрицы къ гр. Панину. О доставленіи въ Россію дѣлателя фальшивыхъ ассигнацій француза Баро-де-Бротара. . . | 40 |
| 2173 | *Марта* | *19* | Проектъ письма гр. Панина № 4 къ Сальдерну въ Варшаву. О военномъ занятіи отходящихъ къ Россіи польскихъ земель. О свободномъ вывозѣ хлѣба изъ Польши въ Пруссію. Объ оказаніи покровительства аббату Вяжевичу. . . . . | 40 |
| 2174 | — | *21* | Письмо гр. Панина къ гр. А. Г. Орлову. О взятыхъ подъ англійскимъ флагомъ Тунисскихъ грузахъ и объ освобожденіи плѣнныхъ Тунисцевъ. О жалобѣ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Сабатье-де-Кабра . | 42 |
| 2175 | — | » | Тоже. О согласіи Порты на перемиріе и созваніе мирнаго конгресса. . . . . | 43 |
| 2176 | — | » | Письмо гр. Панина къ кн. Д. М. Голицыну въ Вѣну. О совѣщаніи Прусскаго короля съ бар. Ванъ-Свитеномъ. О благопріятномъ оборотѣ переговоровъ съ Портою. О наговорѣ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Сабатье-де-Кабра на кн. Лобковича. . . . . | 44 |
| 2177 | — | *22* | Рескриптъ Императрицы № 3 къ кн. В. М. Долгорукову. О вывозѣ Полтавскими жителями соли для руской арміи въ Крыму и заключеніи съ ними о томъ договора . . . . . | 47 |
| 2178 | — | » | Копія съ письма Императрицы къ Христіану VII, королю Датскому. Съ выраженіемъ соболѣзнованія его семейнымъ несчастіямъ и надежды на его великодушіе . . . . . | 48 |
| 2179 | *Послѣ 22 Марта.* | | Собственноручная резолюція Императрицы. На реляцію ген. Бибикова. О ссылкѣ въ Си- | |

| №№ | | | | Стр. |
|---|---|---|---|---|
| | | | бирь взятыхъ въ плѣнъ, при занятіи Кракова, французскихъ офицеровъ . . . . . | 48 |
| 2180 | *Послѣ 22 Марта* | | Собственноручная резолюція Императрицы. На реляцію ген. Бибикова. О награжденіи отличившихся въ дѣлахъ съ Польскими войсками и повстанцами . . . . . | 49 |
| | *Марта* | *23* | Собственноручное письмо Императрицы къ гр. А. Г. Орлову. . . . . | 49 |
| 2181 | *Послѣ 23 Марта.* | | Собственноручная записка Императрицы къ гр. Панину, по поводу сообщеннаго гр. Остерманомъ намѣренія Шведскаго короля посѣтить Императрицу. | 49 |
| 2182 | *Марта* | *24* | Проектъ письма гр. Панина къ Датскому министру гр. Остену. Благодарить за сообщенія его о положеніи дѣлъ при Датскомъ дворѣ . . . . . | 50 |
| 2183 | — | *28* | Письмо гр. Панина къ кн. В. М. Долгорукову. По крымскимъ дѣламъ . . . . . | 51 |
| 2184 | — | *30* | Проектъ письма гр. Панина № 5 къ К. Сальдерну въ Варшаву. О мѣрахъ по отношенію къ семействамъ Потоцкихъ, Мнишковъ и Радзивилловъ. О высылкѣ въ Россію двухъ шпіоновъ, способствовавшихъ взятію Кракова, и взятыхъ въ плѣнъ французскихъ офицеровъ. О раненомъ офицерѣ Шарло . . . . . | 57 |
| 2185 | — | *31* | Письмо Императрицы къ фельдмаршалу гр. П. А. Румянцеву. Объ исправленіи въ проектѣ перемирія неясныхъ выраженій по поводу входа судовъ въ устья Дуная и Днѣстра . . . . . | 59 |
| | *Апрѣля* | *2* | Собственноручная записка Императрицы къ почтъ-директору Эку. . . . . | 60 |
| 2186 | — | *3* | Копія съ рескрипта Императрицы къ гр. П. А. Румянцеву. Съ выраженіемъ удовольствія по поводу успѣховъ въ дѣлѣ замиренія съ Турціей. Недопустимость продолженія перемирія на 3 мѣсяца послѣ разрыва мирнаго конгресса и принятія ручательства посредствующихъ дворовъ въ соблюденіи перемирія. Объ ограниченіи свободнаго плаванія русскихъ и турецкихъ судовъ по Черному морю во время перемирія. О полученіи согласія Порты на созваніе мирнаго конгресса и выборѣ мѣста и времени для него. Объ извѣщеніи великаго визиря, что русскіе полномочные въ Маѣ прибудутъ въ Яссы . . . . . | 60 |
| | — | *6* | Записка Императрицы къ И. П. Елагину. . | 63 |
| 2187 | *Послѣ 6 Апрѣля.* | | Проектъ письма гр. Панина къ Датскому министру гр. Остену въ Копенгагенъ. О единствѣ интересовъ Россіи и Даніи и миролюбивой политикѣ Императрицы . . . . . | 63 |
| 2188 | *Послѣ 7 Апрѣля.* | | Собственноручная записка Императрицы къ графу Панину. По поводу реляцій Сальдерна изъ Варшавы. О замѣщеніи вакантныхъ должностей въ Польшѣ; одобреніе мѣръ Сальдерна по отношенію къ польскимъ уланамъ; о ссылкѣ въ Сибирь польскихъ конфедератовъ, отпускавшихся до сихъ поръ на поруки . . . . . | 65 |

| №№ | | | | Стр. |
|---|---|---|---|---|
| 2189 | *Апрѣля* | *7* | Письмо гр. Панина къ гр. И. А. Остерману въ Стокгольмъ. О бракѣ принца Карла Шведскаго и о предстоящемъ пріѣздѣ въ Петербургъ Шведскаго короля. | 65 |
| 2190 | *Апрѣля* | *11* | Рескриптъ Императрицы къ ген. Е. А. Щербинину. О назначеніи ежегоднаго жалованья Ногайскому начальнику Джанъ-Мамбетъ-бею . . . . . | 67 |
| 2191 | — | » | Грамота Императрицы къ Крымскому хану. Объ отпускѣ Крымскихъ посланниковъ и отправленіи къ хану посольства. Увѣреніе въ желаніи Императрицы видѣть Крымъ всегда независимымъ подъ покровительствомъ Россіи . . . . . | 69 |
| 2192 | — | » | Грамота Императрицы къ Крымскому обществу. Выраженіе удовольствія по поводу избавленія Крыма отъ турецкаго ига. Объ отправленіи посольства и отпускѣ Крымскихъ посланниковъ изъ Россіи . . . . . | 70 |
| 2193 | — | » | Инструкція для генерала-поручика Е. А. Щербинина. Обезопасить Крымъ отъ турецкаго нападенія и успокоить подозрѣнія татаръ въ желаніи Россіи овладѣть Крымомъ. Объ уступкѣ Россіи крѣпостей Еникале и Керчи, о содержаніи тамъ русскаго флота для защиты Крыма, и о порчѣ другихъ гаваней для прегражденія входа въ нихъ военныхъ судовъ. О доходахъ Крымскаго ханства и соглашеніи его съ Ногайцами. О независимости Кабардинцевъ отъ Крымскаго хана. О заключеніи съ ханомъ трактата и установленіи цѣны русской и турецкой монеты. О назначеніи Веселицкаго резидентомъ при ханѣ . . . . . | 72 |
| 2194 | — | *21* | Письмо гр. Панина къ ген. Е. А. Щербинину. О подаркахъ хану Крымскому, объ уступкѣ Еникале и Керчи для защиты Крыма отъ нападенія турокъ и о заключеніи съ ханомъ договора . . . . . | 87 |
| 2195 | — | » | Инструкція уполномоченнымъ на мирный конгрессъ съ турками, гр. Г. Г. Орлову и А. М. Обрескову. Содержаніе посольства. Формальности. Три основанія мирной негоціаціи и вытекающія изъ нихъ требованія. Способъ и порядокъ веденія негоціаціи. Требованія: 1) объ уступкѣ обѣихъ Кабардъ; 2) объ оставленіи прежней границы отъ Кабарды до Азовскаго уѣзда; 3) о признаніи Азова русскимъ владѣніемъ; 4) о признаніи независимости Крыма; 5) объ уступкѣ Грузинцамъ взятыхъ Россіею мѣстъ; 6) объ уплатѣ 30 милліоновъ р. за военныя издержки; 7) о свободѣ торговли и мореплаванія по Черному морю; 8) объ удержаніи за собой города Бендеръ или объ обмѣнѣ его на Очаковъ или Кинбурнъ. Предосторожности, имѣющія быть приняты при заключеніи каждой изъ вышеупомянутыхъ статей: право Россіи оборонять Крымъ, точное опредѣленіе границъ, свобода строить новые города, уничтоженіе прежнихъ трактатовъ, амнистія жителямъ Молдавіи и Валахіи и свобода ихъ переселенія, неупоминаніе въ трактатѣ о Польшѣ, права купцовъ и судовъ и учрежденіе консульствъ, содержаніе при Портѣ министра 2-го ранга, принятіе предложеній турецкихъ полномочныхъ, если они не за- | |

| №№ | | | | Стр. |
|---|---|---|---|---|
| | | | ключаютъ въ себѣ противнаго русскимъ предложеніямъ. О допущеніи посланниковъ Прусскаго и Австрійскаго лишь въ качествѣ представителей державъ, предложившихъ свои добрыя оффиціи, а не медіаторовъ. О недопущеніи къ тому Англійскаго посланника. О назначеніи времени и мѣста конгресса. Прибавленіе къ инструкціи: о требованіи уступки острова въ Средиземномъ морѣ для стоянки русскаго флота и о дозволеніи ему пройти черезъ Босфоръ; о снабженіи его припасами и снарядами; объ амнистіи для христіанъ въ Греціи и Архипелагѣ . . . | 90 |
| | *Апрѣля* | *22* | Собственноручное письмо Императрицы къ гр. А. Г. Орлову . . . . . | 110 |
| 2196 | — | » | Письмо гр. Панина къ гр. П. А. Румянцеву. Рекомендуетъ ему А. М. Обрескова . . . . . | 110 |
| 2197 | — | *30* | Собственноручная резолюція Императрицы. По поводу реляціи секретаря посольства въ Регенсбургѣ Струве. О свободѣ заведенія фабрикъ въ Россіи . . . | 111 |
| | *Апрѣль.* | | Собственноручное назначеніе Императрицею лицъ для мирнаго конгресса съ Турками. . . . . | 111 |
| | — | | Собственноручное черновое письмо Императрицы къ адм. Нользу. . . . . | 111 |
| 2198 | *Мая* | *2* | Докладъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ съ собственноручной резолюціей Императрицы. О пожалованіи 500 р. вдовѣ курьера Шеферова. | 111 |
| 2198/a | *Начало Мая* | | Копія съ записки Императрицы къ гр. Панину. О здоровьѣ сына, о наставленіяхъ Бибикову и Сальдерну и о казни Струэнзе. . . . . | 310 |
| 2199 | *Мая* | *5* | Проектъ письма гр. Панина № 6 къ К. Сальдерну въ Варшаву. О польскихъ земляхъ, отходящихъ къ Австріи при раздѣлѣ. О соглашеніи съ Австрійскими генералами для совмѣстнаго занятія польскихъ земель и объ оккупаціи части Краковскаго воеводства, которую Россія не желаетъ видѣть включенною въ долю Австріи . . . . . | 112 |
| 2200 | — | *7* | Собственноручные вопросные пункты Императрицы въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. О личномъ составѣ и денежныхъ средствахъ Коллегіи . . . . . | 114 |
| 2201 | — | *11* | Рескриптъ № 2 къ К. Сальдерну въ Варшаву. О домогательствѣ у польскаго правительства къ возвращенію бѣглыхъ крестьянъ помѣщика Челищева . . . . | 115 |
| 2202 | — | » | Собственноручная резолюція Императрицы. На письмо резидента въ Гамбургѣ Гросса. По поводу покупки коллекціи гравюръ Голштинскаго оберъкамергера Берхгольца . . . . . | 115 |
| 2203 | — | *12* | Рескриптъ Императрицы № 4 къ кн. В. М. Долгорукову. О награжденіи старшинъ Запорожскаго войска. . . . . | 116 |
| 2204 | — | » | Проектъ рескрипта Императрицы къ ген. А. И. Бибикову. Награды по случаю взятія Кракова. | 116 |

| №№ | | | | Стр. |
|---|---|---|---|---|
| 2205 | *Мая* | *16* | Письмо гр. Панина къ кн. Д. М. Голицыну въ Вѣну. По вопросамъ, касающимся раздѣла Польши. | 117 |
| 2206 | — | » | Замѣчанія относительно части, имѣющей отойти къ Австрійскимъ владѣніямъ при раздѣлѣ Польши. . . . . | 118 |
| 2207 | — | *19* | Рескриптъ Императрицы къ ген. А. И. Бибикову. О мѣрахъ къ соглашенію съ Австріей относительно занятія польскихъ областей и съ предписаніемъ держать занятою русскими войсками ту часть Краковскаго воеводства, которая должна быть исключена изъ доли Австріи. | 122 |
| 2208 | — | » | Рескриптъ Императрицы № 5 къ кн. В. М. Долгорукову. Съ одобреніемъ похода къ Каменному Затону и съ предписаніемъ держать тамъ войско въ готовности для вступленія въ Крымъ или для соединенія съ 1-ю арміею. . . . . | 124 |
| 2209 | — | *20* | Собственноручная записка Императрицы къ директору канцеляріи Совѣта С. Ѳ. Стрекалову. О награжденіи офицеровъ, отличившихся при взятіи Кракова . . . . . | 124 |
| | — | *25* | Собственноручное письмо Императрицы къ гр. А. Г. Орлову. . . . . | 124 |
| | — | *26* | Рескриптъ Императрицы къ гр. А. Г. Орлову. | 125 |
| 2210 | — | » | Письмо гр. Панина къ гр. А. Г. Орлову. Съ извѣстіями о мирныхъ переговорахъ съ Турціей и о соглашеніи съ Австріей и Пруссіей относительно раздѣла Польши . . . . . | 125 |
| 2211 | — | » | Копія съ собственноручнаго письма Императрицы къ К. Сальдерну въ Варшаву. Дозволеніе ему покинуть постъ въ Варшавѣ и писать воспоминанія о времени опекунства надъ в. кн. Павломъ Петровичемъ. | 126 |
| 2212 | — | *27* | Собственноручная записка Императрицы къ гр. Панину. О заключенныхъ въ Шпандау двухъ преступникахъ (Воронецкій и Вилларъ) . . . . . | 126 |
| 2213 | — | *31* | Рескриптъ Императрицы № 6 къ кн. В. М. Долгорукову. Объ отправленіи въ Петербургъ Запорожскаго старшины Максима Высоцкаго, обвиняемаго въ сношеніяхъ съ польскими мятежниками . . . . . | 127 |
| 2214 | *Послѣ 8 Сентября 1770 г.* | | Отвѣтъ на новыя предложенія Англіи о союзномъ трактатѣ [1]). Увѣреніе въ дружественныхъ чувствахъ Императрицы къ Англіи. Трудность осуществленія предложенной Англіей взаимной субсидіи кораблями во всѣхъ Европейскихъ моряхъ, а не въ одномъ Балтійскомъ морѣ. Невозможность гарантіи взаимныхъ завоеваній и распространенія для Россіи casus foederis на всѣ столкновенія Англіи съ другими державами. . . | 127 |


[1]) № 2214 помѣщенъ въ настоящемъ томѣ по прискорбному недосмотру. Этотъ проектъ отвѣта на англійскія предложенія, утвержденный собственноручною помѣтою Императрицы: „Быть по сему“, но безъ даты, находился въ картонѣ, гдѣ помѣщались доклады 1772 года; между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что проектъ относится къ болѣе раннему времени. Предложеніе Англіи дополнить союзный трактатъ 1742 г. (возобновленный въ 1755 году) новыми статьями, было сдѣлано лор-

| №№ | | | | Стр. |
|---|---|---|---|---|
| 2215 | *Іюнь 1772 г.* | | Записка графа Панина, врученная лорду Каткарту, по вопросу о союзномъ договорѣ съ Англіей. | 132 |
| 2216 | *Іюня* | *2* | Копія съ письма Императрицы къ герцогинѣ Курляндской Каролинѣ-Луизѣ. По поводу развода ея съ мужемъ, герцогомъ Петромъ Биромъ . . | 138 |
| | — | » | Рескриптъ Императрицы № 7 къ кн. В. М. Долгорукову. . . . . | 138 |
| | — | » | Копія съ рескрипта Императрицы къ ген.-пор. Е. А. Щербинину . . . . . | 138 |
| 2217 | — | *6* | Письмо гр. Панина къ кн. Д. М. Голицыну въ Вѣну о польскомъ раздѣлѣ . . . . . | 138 |
| 2218 | — | » | Мнѣніе гр. Панина по четыремъ основнымъ вопросамъ, касающимся умиротворенія Польши, переданнымъ ему княземъ Лобковичемъ по порученію князя Кауница: 1) О возстановленіи спокойствія въ Польшѣ. 2) О соглашеніи съ Польшею относительно раздѣла. 3) О вознагражденіи короля Польскаго за утраченныя имъ, вслѣдствіе раздѣла, имѣнія. 4) О формѣ правленія въ Польшѣ и положеніи ея по отношенію къ 3-мъ дворамъ . . . . . | 140 |
| 2219 | — | *8* | Письмо гр. Панина къ гр. Г. Г. Орлову. Съ извѣстіями о переговорахъ по раздѣлу Польши и о добрыхъ оффиціяхъ Австріи для заключенія мира съ турками . . | 144 |
| 2220 | — | *9* | Копія съ письма Императрицы къ герцогу Курляндскому Петру Бирону. О разводѣ его съ супругою, герцогинею Каролиной-Луизой. . . . . | 146 |
| 2221 | — | » | Собственноручная резолюція Императрицы. По поводу просьбы Финлея о возвращеніи ему задолженныхъ бар. Корфомъ въ 1747 г. денегъ . . . | 147 |
| | – | *11* | Собственноручное письмо Императрицы къ гр. А. Г. Орлову. . . . . | 147 |
| 2222 | — | » | Письмо гр. Панина къ гр. А. Г. Орлову. Съ извѣстіемъ о перемиріи съ турками. . . . . | 147 |
| 2223 | — | *12* | Проектъ письма Императрицы къ Польскому королю Станиславу-Августу. Съ отвѣтомъ на жалобы его по поводу несправедливостей при снабженіи провіантомъ русскихъ войскъ въ Польшѣ и закрытія трибунала вел. княжества Литовскаго . . . . . | 148 |
| 2224 | — | » | Рескритъ Императрицы къ гр. И. А. Остерману въ Стокгольмъ. О переводѣ ему 50 т. рублей и о желательности привести къ концу шведскій сеймъ . . . . . | 149 |


---

домъ Каткартомъ въ нотѣ отъ 8/19 Сентября 1770 г. (М. Г. А. Англія, IV, св. 5). Эта нота была предъявлена графомъ Панинымъ Совѣту на слѣдующій день, 9 Сентября (Архивъ Госуд. Совѣта, Т. I, ч. 1, стр. 58); а 28 Сентября Совѣту былъ представленъ отвѣтъ англійскому послу на предложеніе его о союзномъ трактатѣ. (Тамъ же, стр. 64). По сличеніи англійскихъ предложеній съ содержаніемъ напечатанной подъ № 2214 французской записки, не можетъ подлежать сомнѣнію, что это и есть тотъ документъ, который былъ сообщенъ Совѣту въ Сентябрѣ 1770 года.—Сравн. также Предисловіе къ тому XIX Сборника Имп. Русск. Истор. Общества и заключающіяся въ этомъ же томѣ депеши англійскаго посла 1770 года, подъ №№ 22, 49, 53, 63 и 67.

| №№ | | | | Стр. |
|---|---|---|---|---|
| 2225 | *Іюня* | *12* | Собственноручная записка Императрицы. Объ отвѣтѣ маркизу Сакрамозо, котораго Императрица желала бы видѣть представителемъ Мальтійскаго ордена въ Петербургѣ. . . . . | 150 |
| 2226 | — | *13* | Рескриптъ Императрицы къ ген.-пор. Е. А. Щербинину. По поводу переговоровъ съ ханомъ Крымскимъ объ уступкѣ Россіи Керчи и Еникале, и о дѣлахъ народовъ Ногайскихъ и горскихъ . . . . . | 150 |
| 2227 | — | » | Письмо гр. Панина къ ген.-пор. Е. А. Щербинину. О формѣ акта съ ханомъ Крымскимъ; о назначеніи Веселицкаго въ помощь ему при негоціаціи; объ оставшейся въ Крыму турецкой артиллеріи; о жалованьѣ лицамъ, находящимся при Щербининѣ . . . . . | 154 |
| | — | *15* | Объясненіе дѣйствій Россіи относительно Польской республики и проч. . . . . | 156 |
| 2228 | — | *18* | Письмо гр. Панина къ гр. А. Г. Орлову. О подвозѣ хлѣба и провіанта на нейтральныхъ судахъ; о скорѣйшемъ заключеніи перемирія . . . . . | 156 |
| | — | *28* | Рескриптъ Императрицы къ гр. А. Г. Орлову. . . . . | 158 |
| 2229 | — | *30* | Рескриптъ Императрицы къ гр. Г. Г. Орлову и А. М. Обрескову. О продленіи срока перемирія до 1 Августа, если въ томъ встрѣтится надобность . . . | 158 |
| | *Іюнь 1772 г.* | | Собственноручное черновое письмо Императрицы къ адмир. Нользу. . . . . | 159 |
| 2230 | *Іюля* | *4* | Собственноручная замѣтка Императрицы. По поводу предложенія французскаго генерала Валькруассана поступить на русскую службу . . . . . | 159 |
| 2231 | — | *8* | Письмо Императрицы къ Христіану VII, королю Датскому. О разводѣ его съ королевою Каролиною-Матильдою . . . . . | 159 |
| 2232 | — | *11* | Проектъ письма гр. Панина къ Датскому министру гр. Остену. Похвала за поведеніе его въ дѣлѣ развода короля Христіана VII съ королевою. Опасенія въ виду возвращенія ко двору Датскому графа Рантцау. Выражаетъ удовольствіе по поводу назначенія Нумсена посланникомъ въ Петербургъ. О предположеніи назначить Дрейера посланникомъ при в.-кн. Павлѣ Петровичѣ . . | 160 |
| 2233 | — | *24* | Письмо гр. Панина къ гр. Г. Г. Орлову. Съ препровожденіемъ переписки съ Австрійскимъ кабинетомъ по поводу раздѣла Польши. О допущеніи добрыхъ оффицій Австріи при мирныхъ переговорахъ съ турками. | 163 |
| 2234 | — | » | Письмо гр. Панина къ А. М. Обрескову. О добрыхъ оффиціяхъ Вѣнскаго двора, о Крымскихъ дѣлахъ, о перемиріи съ турками . . . . . | 165 |
| 2235 | — | *28* | Письмо гр. Панина къ кн. Д. М. Голицыну въ Вѣну. Съ извѣщеніемъ о подписаніи конвенціи о раздѣлѣ Польши. Объ участіи Австріи въ мирныхъ переговорахъ съ Турціей. Объ улаженіи столкновенія между ген. Суворовымъ и Австрійскимъ генераломъ д'Альтанъ . | 167 |

| №№ | | | | Стр. |
|---|---|---|---|---|
| | *Іюля* | *28* | Письмо гр. Панина къ кн. Д. М. Голицыну въ Вѣну | 169 |
| 2236 | — | » | Конфиденціальная министерская декларація Австрійскому посланнику кн. Лобковичу. Съ выраженіемъ надежды на содѣйствіе Австріи въ мирныхъ переговорахъ съ Турціей | 170 |
| 2237 | — | *30* | Записка гр. Панина для Калги-султана Шагинъ-Гирея. Съ выраженіемъ надежды, что онъ будетъ противодѣйствовать лицамъ, возбуждающимъ недовѣріе въ Крымскомъ ханѣ и жителяхъ къ намѣреніямъ Россіи | 171 |
| 2238 | — | *31* | Указъ Императрицы Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. О назначеніи И. М. Симолина посланникомъ въ Копенгагенъ | 172 |
| 2239 | *До 1 Августа* | | Собственноручная записка Императрицы. О продленіи срока перемирія съ турками | 173 |
| | *Августа* | *4* | Письмо Императрицы къ королю Фридриху II. | 173 |
| 2240 | — | » | Указъ Императрицы Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Объ увольненіи Сальдерна и назначеніи на мѣсто его посланникомъ въ Варшаву бар. Штакельберга | 173 |
| 2241 | — | *7* | Письмо гр. Панина къ гр. Г. Г. Орлову. О срокѣ перемирія съ турками. О подписаніи конвенціи о раздѣлѣ Польши и объ условіяхъ приведенія ея въ исполненіе | 174 |
| 2242 | — | *11* | Инструкція бар. Штакельбергу, посланнику въ Варшавѣ. Очеркъ сношеній съ Польшей при Имп. Екатеринѣ II, отношеній Польши и Австріи къ войнѣ Россіи съ Турціей; о Польскомъ раздѣлѣ и мѣрахъ къ приведенію этого раздѣла въ исполненіе | 176 |
| 2243 | — | » | Письмо гр. Панина къ кн. Д. М. Голицыну въ Вѣну. О поддержаніи интересовъ маркграфа Баденъ-Дурлахскаго при Вѣнскомъ дворѣ | 190 |
| 2244 | — | » | Письмо Императрицы къ маркграфу Баденъ-Дурлахскому. О покровительствѣ интересамъ его въ дѣлѣ полученія наслѣдства покойнаго маркграфа Баденъ-Баденскаго | 191 |
| 2245 | — | *12* | Грамота Императрицы къ хану Крымскому. Объ отпускѣ въ Крымъ брата его Калги-султана и отправленіи къ нему посломъ ген. Щербинина. Обѣщаніе продолжать ему свое покровительство | 192 |
| 2246 | — | » | Грамота Императрицы къ обществу Крымскому. О желаніи видѣть Крымъ освобожденнымъ отъ турецкаго ига. Обѣщаніе продолжать Крымскимъ жителямъ покровительство | 194 |
| 2247 | — | » | Высочайшій указъ повѣренному въ дѣлахъ въ Парижѣ Н. К. Хотинскому (циркулярный). О причинахъ раздѣла Польши и о ходѣ переговоровъ съ Австріею и Пруссіею. О томъ, что отвѣчать на вопросы по этому поводу | 196 |

| №№ | | | | Стр. |
|---|---|---|---|---|
| 2248 | *Августа* | *13* | Рескриптъ Императрицы къ гр. И. А. Остерману въ Стокгольмъ. О противодѣйствіи намѣреніямъ Шведскаго короля произвести переворотъ и о важности сохраненія въ Швеціи прежней формы правленія . | 202 |
| 2249 | — | » | Рескриптъ Императрицы къ гр. Г. Г. Орлову и А. М. Обрескову. Съ препровожденіемъ копіи съ инструкціи вице-адмиралу Сенявину . . . . . | 204 |
| 2250 | — | *14* | Письмо гр. Панина къ Выборгскому вице-губернатору Энгельгардту. По поводу возмущенія, произведеннаго въ Финляндіи бар. Спренгпортеномъ. | 204 |
| 2251 | — | *15* | Письмо гр. Панина къ К. Сальдерну въ Варшаву. Объ условленныхъ съ Австрійскимъ и Прусскимъ посланниками мѣрахъ для приведенія въ исполненіе польскаго раздѣла. О времени прибытія въ Варшаву новаго посланника бар. Штакельберга. . . . . | 206 |
| 2252 | — | » | Собственноручная замѣтка Императрицы. О напечатаніи въ газетахъ публикаціи Шведскаго короля о бунтѣ въ Шонской провинціи . . . . . | 207 |
| 2253 | — | *16* | Рескриптъ Императрицы къ гр. Г. Г Орлову и А. М. Обрескову. Съ одобреніемъ принятыхъ ими мѣръ. О попыткѣ Прусскаго и Австрійскаго посланниковъ при Портѣ присутствовать при конференціяхъ съ турецкими полномочными. . . . . | 208 |
| 2254 | — | » | Письмо гр. Панина къ гр. Г. Г. Орлову и А. М. Обрескову. Объ отвѣтѣ на притязанія Прусскаго и Австрійскаго посланниковъ при Портѣ. О смутѣ въ Финляндіи. . . . . | 209 |
| 2255 | — | » | Проектъ письма гр. Панина къ повѣренному въ дѣлахъ въ Копенгагенѣ И. И. Местмахеру. О происшествіяхъ въ Финляндіи, о замыслахъ Шведскаго короля и о соглашеніи съ Даніею для совмѣстныхъ дѣйствій въ случаѣ опасности . . . . . | 210 |
| | — | *17* | Рескриптъ Императрицы къ вице-адмиралу А. Н. Сенявину. . . . . | 214 |
| 2256 | — | *24* | Письмо гр. Панина къ гр. Г. Г. Орлову и А. М. Обрескову. О Шведскомъ переворотѣ и объ осложненіяхъ, которыя онъ можетъ повлечь въ дѣлѣ замиренія съ Турціей. . . . . | 214 |
| 2257 | — | *29* | Рескриптъ Императрицы къ ген. А. И. Бибикову. О пожалованіи его орденомъ св. Александра Невскаго . . . . . | 216 |
| 2258 | — | *30* | Письмо гр. Панина къ И. М. Симолину въ Копенгагенъ. О ложномъ слухѣ, будто Прусскій король представилъ Петербургскому кабинету о несвоевременности заключенія съ Даніей соглашенія о Голштиніи. | 216 |
| 2259 | — | *31* | Собственноручная замѣтка Императрицы. По поводу реляціи гр. Остермана о возбужденіи въ Швеціи недоброжелательства къ сосѣдямъ . . . . . | 217 |
| 2260 | *Августъ.* | | Проектъ рескрипта Императрицы къ гр. И. А. Остерману въ Стокгольмъ. О переводѣ ему 50 тысячъ рублей, «для нужныхъ операцій». . . . . | 218 |

| №№ | | | Стр. |
|---|---|---|---|
| 2261 | *Безъ даты. Августъ.* | Копія съ собственноручной записки Императрицы [1]). О прекращеніи военныхъ дѣйствій въ Грузіи и на Черномъ морѣ во время перемирія съ турками . . . . . | 218 |
| 2262 | *Сентября 2—3* | Собственноручная записка Императрицы. По поводу писемъ гр. Бернсторфа объ опасности, угрожающей со стороны Швеціи, и объ ускореніи соглашенія съ Даніей . . . . . | 219 |
| | *Сентября 4* | Письмо Императрицы къ королю Шведскому Густаву III . . . . . | 219 |
| | — » | Рескриптъ Императрицы къ гр. А. Г. Орлову. | 219 |
| 2263 | — » | Рескриптъ Императрицы къ графу Г. Г. Орлову. О предоставленіи на его волю, по случаю разрыва конгресса, оставаться при арміи или вернуться въ Петербургъ. О планѣ будущихъ военныхъ дѣйствій противъ турокъ . . . . . | 219 |
| 2264 | — » | Рескриптъ Императрицы къ А. М. Обрескову. О разрывѣ конгресса, съ повелѣніемъ ему оставаться при гр. Румянцевѣ на случай возобновленія мирныхъ переговоровъ . . . . . | 220 |
| 2265 | — » | Письмо гр. Панина къ А. М. Обрескову. Сожалѣетъ о разрывѣ конгресса, выражаетъ надежду, что Обрескову удастся возобновить его, и извѣщаетъ о паденіи придворнаго фавора гр. Г. Орлова . . . . . | 222 |
| 2266 | — » | Рескриптъ Императрицы къ графу П. А. Румянцеву. По случаю разрыва конгресса предписываетъ ему немедленно перейти Дунай и нанести туркамъ ударъ; но одновременно написать письмо къ верховному визирю съ выраженіемъ миролюбивыхъ намѣреній Россіи и съ предложеніемъ созыва новаго конгресса. О военныхъ мѣрахъ въ Финляндіи. Объ окончаніи польскаго раздѣла и возможности вывести изъ Польши часть войскъ для защиты Крыма . . . . . | 223 |
| 2267 | — » | Письмо гр. Панина къ гр. П. А. Румянцеву. Съ препровожденіемъ рескрипта Императрицы и изъясненіями на отправляемыя къ нему письма . . . . . | 226 |
| 2268 | — *12* [2]) | Письмо гр. Панина къ кн. Д. М. Голицыну въ Вѣну. О разрывѣ конгресса, о мѣрахъ, предписанныхъ гр. Румянцеву и Обрескову, и о заявленіи кн. Кауницу относительно поддержки со стороны Австріи мирныхъ намѣреній Россіи . . . . . | 228 |
| 2269 | — » | Письмо гр. Панина къ кн. Д. М. Голицыну въ Вѣну. О канцелярской ошибкѣ въ Австрійской ратификаціи трактата о раздѣлѣ Польши. О пожалованіи кн. Голицыну ордена св. Андрея Первозваннаго и о желаніи Императрицы, чтобъ кн. Лобковичъ награжденъ былъ орденомъ Золотого Руна . . . . . | 230 |


[1]) Подлинникъ этой записки находится въ Госуд. Архивѣ, разрядъ X, № 69, л. 355.

[2]) Въ текстѣ ошибочно поставлено „12 Августа“ 1772 г.

| №№ | | | | Стр. |
|---|---|---|---|---|
| 2269/а | *До 12 Сентября.* | | Проектъ ноты гр. Панина кн. Лобковичу. Объясненіе по поводу канцелярской ошибки въ Австрійской ратификаціи трактата о раздѣлѣ Польши . . . . | 311 |
| 2270 | *Сентября* | *15* | Проектъ письма Императрицы къ Императрицѣ Маріи-Терезіи. Съ выраженіемъ удовольствія по случаю окончанія соглашенія о польскомъ раздѣлѣ; съ одобреніемъ дѣйствій и похвалой способностямъ кн. Лобковича . . . . . | 232 |
| 2271 | — | » | Проектъ письма Императрицы къ Императору Іосифу II. Съ выраженіемъ удовольствія по случаю окончанія соглашенія о польскомъ раздѣлѣ и установленія тѣснаго единенія между обѣими монархіями. Одобреніе дѣйствій и похвала способностямъ кн. Лобковича . . . . . | 233 |
| 2272 | — | *18* | Письмо гр. Панина къ ген. Е. А. Щербинину. Съ приложеніемъ письма Калги-султана къ хану Крымскому. О трудности достигнуть удержанія Керчи и Еникале въ виду разрыва конгресса. О необходимости добиться при будущихъ переговорахъ независимости Крыма; о полученіи отъ татаръ акта, свидѣтельствующаго о существованіи свободной Крымской области . . . . . | 234 |
| 2273 | — | *21* | Рескриптъ Императрицы къ А. М. Обрескову. Выражаетъ надежду на соглашеніе съ турками по вопросу о независимости Крыма. Опасность со стороны Швеціи. Возможность осложненій въ Польшѣ. Важность заключенія мира, на основаніяхъ, изложенныхъ въ прежней инструкціи. Взамѣнъ уступки Керчи и Еникале можно было бы уступить въ вопросѣ объ инвеституре султана. | 236 |
| 2274 | — | *24* | Письмо гр. Панина къ А. М. Обрескову. О порядкѣ дальнѣйшихъ переговоровъ съ турками. Объ уступкѣ Керчи и Еникале, о Бендерахъ и турецкихъ гарнизонахъ въ Крыму . . . . . | 242 |
| 2275 | — | *28* | Рескриптъ Императрицы къ гр. П. А. Румянцеву. О продленіи срока перемирія; о помѣщеніи части войскъ на зимнихъ квартирахъ въ Польшѣ. О способѣ и мѣстѣ возобновленія мирныхъ переговоровъ . . | 244 |
| 2276 | — | » | Письмо гр. Панина къ ген. Е. А. Щербинину. О затрудненіяхъ съ Крымскими татарами. О возобновленіи мирнаго конгресса и возможности этимъ путемъ добиться уступки Керчи и Еникале, въ обмѣнъ за предоставленное султану право инвеституры Крымскихъ хановъ. | 248 |
| | — | *30* | Декларація Ея Императорскаго Всероссійскаго Величества, объявленная Е. В. Королю и Польской республикѣ чрезъ посредство ея уполномоченнаго министра, барона Штакельберга . . . . . | 248 |
| 2277 | *Октября* | *4* | Собственноручная замѣтка Императрицы. О допросѣ взятаго въ плѣнъ Каменецкаго епископа Красинскаго относительно дѣйствій Барской конфедераціи и объ освобожденіи его изъ плѣна . . . . . | 248 |
| 2278 | — | » | Проектъ письма гр. Панина къ Прусскому посланнику въ Константинополѣ Цегелину. Благодаритъ за выкупъ имъ русскихъ плѣнныхъ и за | |

| №№ | | | | Стр. |
|---|---|---|---|---|
| | | | поведеніе его на мирномъ конгрессѣ. О желаніи Императрицы заключить миръ. О созывѣ новаго конгресса. . . | 249 |
| 2279 | *Октября* | *7* | Проектъ письма гр. Панина № 1 къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. Съ предписаніемъ потребовать созванія сейма и указать королю Польскому на двуличное его поведеніе въ отношеніяхъ къ Россіи и ея двумъ союзникамъ . . . . . | 250 |
| 2280 | — | » | Проектъ письма гр. Панина № 3 къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. О его образѣ дѣйствій по отношенію къ королю; о Саксонской партіи, ея представителяхъ, и о противодѣйствіи имъ. О созывѣ сейма . . . . . | 252 |
| 2281 | — | *8* | Письмо гр. Панина къ Абовскому губернатору бар. Раппе. Объ оказаніи содѣйствія маіору Тиру при извлеченіи затонувшаго у береговъ Финляндіи судна съ коллекціею картинъ . . . . . | 255 |
| 2282 | — | *9* | Собственноручная записка Императрицы. По поводу донесенія Обрескова. О безусловной необходимости достигнуть удовлетворительнаго результата по тремъ главнымъ пунктамъ . . . . . | 256 |
| 2283 | — | *16* | Рескриптъ къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. О присылкѣ въ Петербургъ собранія всѣхъ польскихъ законовъ, статутовъ и конституцій . . . . . | 256 |
| 2284 | — | *17* | Рескриптъ Императрицы къ гр. П. А. Румянцеву. Объ оказаніи покровительства Волошскому господарю Гикѣ . . . . . | 256 |
| 2285 | — | *20* | Письмо гр. Панина къ гр. Гюльзену, воеводѣ Минскому. Отказывая въ одной изъ его просьбъ, увѣряетъ въ поддержкѣ Императрицы на сеймѣ и въ ея постоянномъ благоволеніи . . . . . | 257 |
| 2286 | — | *24* | Записка для Калги-султана въ отвѣтъ на письмо его о плѣнникахъ. О возвращеніи плѣнниковъ кн. Долгоруковымъ; о русскихъ плѣнныхъ въ Крыму . . . . . | 258 |
| 2287 | — | » | Письмо гр. Панина къ гр. П. А. Румянцеву. Объ оказаніи покровительства кн. Гикѣ, о содержаніи его и о лицахъ, назначенныхъ его сопровождать . . . . . | 261 |
| 2288 | — | *26* | Рескриптъ Императрицы къ А. М. Обрескову. О жалованьѣ ему, находящимся при немъ дворянамъ посольства, канцелярскимъ служителямъ и переводчикамъ . . . . . | 261 |
| 2289 | — | *29* | Письмо гр. Панина къ А. М. Обрескову. О новомъ турецкомъ уполномоченномъ для заключенія мира . | 262 |
| 2290 | — | *30* | Собственноручная резолюція Императрицы. Объ уплатѣ издержанныхъ резидентомъ въ Гамбургѣ Гроссомъ денегъ на отправку въ Петербургъ коллекціи гравюръ Голштинскаго оберъ-камергера Берхгольца. . . . | 264 |
| 2291 | — | » | Письмо гр. Панина къ А. М. Обрескову. Объ условіяхъ мира съ турками и о возможныхъ уступкахъ . | 264 |
| 2292 | *Ноября* | *6* | Проектъ письма гр. Панина № 6 къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. Съ изложеніемъ по- | |

| №№ | | | | Стр. |
|---|---|---|---|---|
| | | | велѣній Императрицы относительно взятаго въ плѣнъ Каменецкаго епископа Красинскаго (см. выше № 2277) . | 266 |
| 2293 | *Ноября* | *6* | Нота гр. Панина Шведскому посланнику бар. Риббингу. Съ изложеніемъ причинъ, побуждающихъ Императрицу отклонить предложеніе короля Шведскаго назначить къ русскому двору посла . . . . . | 267 |
| 2294 | — | *7* | Письмо гр. Панина къ гр. И. А. Остерману въ Стокгольмъ. Съ предписаніемъ переговорить съ сенаторомъ бар. Шеффером о намѣреніи короля назначить посломъ къ русскому двору гр. Поссе . . . . . | 268 |
| 2295 | — | *8* | Собственноручная замѣтка Императрицы. Съ отзывомъ ея о французскомъ министрѣ герцогѣ д'Эгильонѣ, по поводу донесенія Хотинскаго изъ Парижа о разговорахъ его съ д'Эгильономъ относительно возобновленія дипломатическихъ сношеній между Франціей и Россіей . | 269 |
| 2296 | — | *10* | Собственноручная записка Императрицы. Съ предписаніемъ кн. Голицыну, посланнику въ Гагѣ, воспрепятствовать предполагаемому денежному займу Швеціи въ Голландіи, подъ гарантіей Франціи . . . . . | 271 |
| 2297 | — | *15* | Проектъ письма гр. Панина къ гр. И. А. Остерману въ Стокгольмъ. О переворотѣ въ Швеціи и Шведскихъ вооруженіяхъ. Предписываетъ ему въ виду этого сообщить Шведскому министерству твердое намѣреніе Императрицы дѣйствовать за одно съ Даніей, въ случаѣ нападенія на нее со стороны Швеціи. . . . . | 271 |
| 2298 | — | *15* | Письмо гр. Панина къ гр. И. А. Остерману въ Стокгольмъ. О переворотѣ въ Швеціи и о привлеченіи на сторону Россіи надежныхъ людей изъ партіи «шляпъ». Предположенія о дѣйствіяхъ Даніи въ Шонской провинціи, и Пруссіи въ Помераніи . . . . . | 273 |
| 2299 | — | » | Тоже. Съ предписаніемъ переговорить съ гр. Шеффером по содержанію письма № 2297 . . . . . | 277 |
| 2300 | — | *17* | Письмо гр. Панина къ И. И. Местмахеру въ Копенгагенъ. Препровождаетъ ему копію съ письма гр. Остерману № 2297 для сообщенія Датскому правительству. О необходимости для Даніи оставаться на сторожѣ противъ возможныхъ осложненій со стороны Швеціи. | 278 |
| 2301 | — | » | Собственноручная резолюція Императрицы. О напечатаніи въ газетахъ присланнаго гр. Остерманом «Письма», составленнаго имъ для опроверженія ложныхъ извѣстій о Шведскомъ переворотѣ . . . . . | 279 |
| 2302 | *Декабря* | *1* | Проектъ письма Императрицы къ королю Прусскому Фридриху II. Сообщаетъ ему свои планы относительно примиренія съ Портой, съ просьбой предписать его посланнику въ Турціи склонять турецкое правительство къ возобновленію мирныхъ переговоровъ. О необходимости осторожно дѣйствовать по отношенію къ Австріи, въ виду ея близости къ Франціи, и желательности привлеченія ея окончательно на сторону Россіи и Пруссіи . . . . . | 279 |
| 2303 | — | *3* | Копія со всеподданнѣйшаго доклада гр. З. Г. Чернышева съ собственноручной резо- | |

| №№ | | | | Стр. |
|---|---|---|---|---|
| | | | люціей Императрицы. О продленіи срока для подачи присяги жителями вновь присоединенныхъ отъ Польши областей до 15 Января 1773 . . . . . | 281 |
| 2304 | *Декабря* | *3* | Собственноручная записка Императрицы. По поводу циркуляра короля Польскаго о созывѣ сенатусъ-консиліума. О дозволеніи содержащимся въ Калугѣ Польскимъ сенаторамъ присутствовать въ этомъ сенатусъ-консиліумѣ . . . . . | 282 |
| 2305 | — | *8* | Письмо гр. Панина къ кн. В. М. Долгорукову. Объ отпускѣ Калги-султана въ Крымъ. О находящихся въ Россіи плѣнныхъ Крымскихъ татарахъ. О подаркахъ, полученныхъ Калгою-султаномъ при его отъѣздѣ. О предстоящемъ свиданіи его въ Полтавѣ съ кн. Долгоруковымъ . . . . . | 283 |
| 2306 | — | » | Письмо гр. Панина къ ген. Е. А. Щербинину. Объ удачномъ заключеніи трактата съ ханомъ Крымскимъ. Объ избраніи Казы-Гирей-султана сераскиромъ надъ Ногайцами и стараніи привлечь ихъ на сторону Россіи. О пенсіяхъ двумъ Крымскимъ чиновникамъ и секретарю хана . . . . . | 286 |
| 2307 | — | *9* | Письмо гр. Панина къ А. М. Обрескову. О возобновленіи мирнаго конгресса; о декларацiи хана Крымскаго относительно признанія независимости Крыма. О включеніи въ трактатъ условія объ уступкѣ Керчи и Еникале. О промѣнѣ Бендеръ на Очаковъ . . . . . | 289 |
| 2308 | — | » | Тоже. По вопросу о г. Бендерахъ. Предписаніе доносить о сомнительныхъ пунктахъ, но не разрывать конгресса . . . . . | 292 |
| 2309 | — | *14* | Контръ-проектъ секретнаго акта, предназначеннаго къ размѣну между дворами Петербургскимъ, Вѣнскимъ и Берлинскимъ. Назначеніе послѣднихъ сроковъ для созванія сейма и окончательнаго соглашенія Рѣчи Посполитой съ тремя сосѣдними державами. Обязательство свято придерживаться конвенціи 25 Іюля . . . . . | 294 |
| 2310 | — | » | Проектъ письма гр. Панина къ кн. Д. М. Голицыну въ Вѣну. О переговорахъ съ кн. Кауницемъ относительно прохода русскихъ войскъ черезъ Польшу и объ условіяхъ продовольствія войска въ Польшѣ. . . | 296 |
| 2311 | — | » | Тоже. Съ препровожденіемъ контръ-проекта декларацiи (№ 2309); о размѣнѣ его съ Австрійскимъ контръ-проектомъ . . . . . | 297 |
| 2312 | — | *15* | Собственноручная резолюція Императрицы. О выдачѣ посланнику въ Берлинѣ кн. Влад. Долгорукову, вознагражденія въ виду чрезвычайныхъ издержекъ по случаю предстоящаго брака ландграфа Гессенъ-Кассельскаго съ принцессою Бранденбургъ-Шведтскою. . | 298 |
| 2312/a | — | *16* | Собственноручная записка Императрицы. О подпискѣ ея на три экземпляра сочиненія доктора Кенникота. . . . . | 510 |
| | — | *18* | Собственноручное письмо Императрицы къ гр. А. Г. Орлову. . . . . | 298 |

| №№ | | | | Стр. |
|---|---|---|---|---|
| | *Декабря* | *18* | Рескриптъ Императрицы къ гр. А. Г. Орлову. | 298 |
| 2313 | — | *17* | Проектъ письма великаго князя Павла Петровича къ Христіану VII, королю Датскому. Съ извѣщеніемъ о его совершеннолѣтіи и о вступленіи въ управленіе Голштиніей. . . . . | 298 |
| 2314 | — | *18* | Копія съ собственноручнаго письма Императрицы къ Христіану VII, королю Датскому. Съ выраженіемъ удовольствія по поводу удаленія отъ дѣлъ враждебнаго Россіи министра гр. Ранцау и съ увѣреніемъ въ своемъ тѣсномъ единеніи съ Даніей, по случаю переворота въ Швеціи . . . . . | 299 |
| 2315 | — | » | Копія съ собственноручнаго письма Императрицы къ вдовствующей королевѣ Датской Юліанѣ-Маріи. Съ выраженіемъ чувствъ привязанности къ памяти покойнаго короля и благодарности за поддержку добрыхъ отношеній между Россіей и Даніей. | 300 |
| 2316 | — | » | Проектъ письма гр. Панина къ И. М. Симолину въ Копенгагенъ. Объ общности интересовъ Россіи и Даніи по отношенію къ Швеціи . . . . . | 300 |
| 2317 | — | » | Проектъ письма гр. Панина къ Датскому министру гр. Остену. Объ отставкѣ гр. Ранцау и неудавшихся замыслахъ короля Шведскаго . . . . . | 302 |
| 2318 | — | *19* | Письмо гр. Панина къ гр. А. Г. Орлову. О нейтральныхъ судахъ въ Архипелагѣ и о военной контрабандѣ . . . . . | 303 |
| 2319 | — | » | Тоже. Объ удовлетвореніи требованія Франціи относительно освобожденія изъ плѣна двухъ Мавританскихъ купцовъ и купеческаго корабля . . . . . | 304 |
| 2320 | — | *23* | Проектъ письма гр. Панина № 7 къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. Одобреніе дѣйствій его къ понужденію короля Польскаго войти въ окончательное соглашеніе съ 3-мя дворами. О причинахъ измѣненій въ проектѣ декларації Вѣнскаго двора. О соглашеніи съ представителями Австріи и Пруссіи относительно передачи королю новой декларації . . . . . | 304 |
| | — | *29* | Рескриптъ Императрицы къ вице-адмиралу А. Н. Сенявину . . . . . | 307 |
| 2321 | — | » | Рескриптъ Императрицы къ ген. Е. А. Щербинину. Съ выраженіемъ благоволенія ему за окончаніе переговоровъ съ ханомъ Крымскимъ . . . . . | 307 |
| 2322 | *Безъ даты 1772 г.* | | Собственноручная замѣтка Императрицы. По поводу ноты Австрійскаго правительства объ ограниченіяхъ въ правѣ иностранныхъ министровъ въ Вѣнѣ безпошлиннаго провоза товаровъ . . . . . | 308 |
| 2323 | *Безъ даты 1772 г.* | | Собственноручная записка Императрицы. О высылкѣ содержанія студентамъ, обучающимся за-границей . . . . . | 309 |

№№ Стр.

## 1773 годъ.


2324 *Января 4* Письмо гр. Панина къ кн. Д. А. Голицыну въ Гагу. О препятствованіи Швеціи занять деньги въ Голландіи подъ ручательствомъ Франціи . . . . . 315

2325 — *10* Рескриптъ Императрицы къ А. М. Обрескову. Объ остановкѣ въ переговорахъ изъ за пункта о независимости Крыма. Опроверженіе доводовъ Рейсъ-Эффендія. Разрѣшеніе уступить Туркамъ часть Таманскаго полуострова. Необходимость добиться свободы плаванія и торговли въ Черномъ морѣ. Перемиріе можетъ быть продлено только до 9 Марта . . . . . 315

2326 — » Постскриптъ къ письму гр. Панина къ А. М. Обрескову. О необходимости уступокъ туркамъ и достиженіи свободы кораблеплаванія въ Черномъ морѣ . . 321

2327 — *14* Письмо гр. Панина къ кн. Д. М. Голицыну въ Вѣну. О предложеніи кн. Кауницу воздѣйствовать чрезъ Австрійскаго интернунція на турокъ для склоненія ихъ къ миру . . . . . 323

2328 — » Тоже. О предстательствѣ передъ Австрійскимъ правительствомъ за Великоскитскій Крестовоздвиженскій монастырь въ Галиціи, отошедшій къ Австріи по Польскому раздѣлу . . . . . 324

2329 — *15* Нота министерская Англійскому посланнику Гуннингу. О соглашеніи съ Англіей относительно торговли по Вислѣ и правъ городовъ Торна и Данцига. 326

2330 *Послѣ 15 Января.* Проектъ рескрипта Императрицы къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. О дозволеніи Польскимъ шляхтичамъ въ присоединенныхъ областяхъ принести присягу въ вѣрности, несмотря на минованіе положеннаго на то срока . . . . . 328

2331 — *20* Черновое письма Императрицы къ герцогу Курляндскому Петру Бирону. Соболѣзнованія по поводу кончины отца его герцога Эрнста-Іоганна . . 329

2332 — » Письмо гр. Панина № 1 къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. Объ освобожденіи содержавшихся въ Калугѣ 4-хъ Польскихъ политическихъ преступниковъ. 329

2333 — *26* Переводъ съ собственноручной записки Императрицы къ вице-канцлеру кн. А. М. Голицыну. О замѣчаніи посланнику въ Мадридѣ С. С. Зиновьеву, приславшему первое свое донесеніе не подписаннымъ . . . . . 330

2334 — *30* Рескриптъ Императрицы къ ген.-пор. Е. А. Щербинину. Съ разрѣшеніемъ ему прибыть въ Петербургъ. О передачѣ на воспитаніе подполк. Стремоухову дѣтей Эдишкульскаго и Эдиссанскаго начальниковъ . . 330

2334/а *Февраля 13* Собственноручная резолюція Императрицы. О днѣ пріема Англійскаго посланника Гуннинга 510

*Февраля 12—13* Краткій отчетъ разговора между графомъ Панинымъ и княземъ Лобковичемъ . . . . 332

| №№ | | | | Стр. |
|---|---|---|---|---|
| 2335 | *Февраля* | *15* | Рескриптъ Императрицы къ гр. Панину. Объ отпускѣ 100,000 р. на извѣстные расходы въ Польшѣ . | 332 |
| 2336 | — | » | Проектъ письма гр. Панина къ кн. Д. М. Голицыну въ Вѣну. Съ препровожденіемъ плана дѣйствій министровъ трехъ державъ въ Польшѣ . . . | 332 |
| | — | *20* | Рескриптъ Императрицы къ вице-адмиралу А. Н. Сенявину. . . . . | 335 |
| | — | *21 и 23* | Собственноручныя письма Императрицы къ гр. А. Г. Орлову. . . . . | 335 |
| 2337 | — | *23* | Письмо гр. Панина къ епископу Куявскому въ Варшаву. Съ увѣреніемъ въ расположеніи къ нему Императрицы и съ похвалою гр. Понинскому, доставившему письмо епископа. . . . . | 335 |
| 2338 | — | *24* | Проектъ письма гр. Панина № 8 къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. Одобреніе его дѣйствій по отношенію къ примасу и къ попыткѣ возстановить Литовскій трибуналъ; наставленіе по вопросу о торговлѣ и проч. . . . . | 336 |
| 2339 | — | » | Тоже № 10. О согласіи Императрицы назначить вознагражденія коронному канцлеру, епископу Куявскому и графу Гуровскому. . . . . | 337 |
| 2340 | — | » | Проектъ плана для поведенія трехъ министровъ въ Польшѣ, съ собственноручными замѣтками Императрицы. 12 подготовительныхъ пунктовъ (до созванія сейма). Исполнительные пункты (во время сейма): о заключеніи соглашенія по поводу занятія областей, отошедшихъ къ тремъ державамъ (7 пунктовъ); опредѣленіе положенія Рѣчи Посполитой (5 пунктовъ); возстановленіе правительства на его настоящихъ началахъ (21 пунктъ). Общее и частное заключенія. Приложеніе (зачеркнутое Императрицею) . . . . | 338 |
| 2341 | — | » | Проектъ письма гр. Панина № 9 къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. Въ случаѣ отказа поляковъ собираться въ сеймики, для избранія делегатовъ въ сеймъ, необходимо вызвать образованіе конфедераціи. | 358 |
| | — | *25* | Рескриптъ Императрицы къ гр. А. Г. Орлову. | 359 |
| 2342 | — | *27* | Проектъ письма Императрицы къ королю Станиславу-Августу, съ собственноручными ея поправками. . . . . | 359 |
| 2342/a | — | *29* (sic) | Собственноручная записка Императрицы. По поводу памфлета адмирала Эльфинстона о гибели военнаго судна «Святославъ» . . . . . | 511 |
| 2343 | *Марта* | *5* | Письмо гр. Панина къ королю Станиславу-Августу. Съ препровожденіемъ письма Императрицы и съ пожеланіемъ успѣшнаго замиренія Польши . . . . . | 360 |
| | — | *5 и 6* | Рескриптъ Императрицы № 1 и 2 къ кн. В. М. Долгорукову. . . . . | 361 |
| | — | *6* | Рескриптъ Императрицы къ вице-адмиралу А. Н. Сенявину. . . . . | 361 |

| №№ | | | | Стр. |
|---|---|---|---|---|
| 2344 | *Марта* | *7* | Письмо гр. Панина къ гр. П. А. Румянцеву. О видахъ на заключеніе мира съ Турціей и о продленіи перемирія . . . . . | 361 |
| 2345 | — | » | Указъ Императрицы Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. О назначеніи кн. И. С. Барятинскаго посланникомъ въ Парижѣ . . . . . | 365 |
| 2346 | — | *8* | Собственноручная записка Императрицы. По поводу записки проф. Эбергардта о бѣгствѣ Беньовскаго изъ Камчатки. . . . . | 365 |
| 2347 | *Послѣ Марта* | *11* | Форма письма кн. В. М. Долгорукова къ хану Крымскому. Независимость Крыма какъ главное условіе мира Россіи съ Турціей. Съ препровожденіемъ манифеста Императрицы къ татарамъ о вступленіи въ Крымъ русскихъ войскъ . . . . . | 366 |
| 2348 | — | *17* | Проектъ письма гр. Панина къ И. М. Симолину въ Копенгагенъ. Объ отставкѣ гр. Остена и назначеніи Шака временно министромъ иностр. дѣлъ. О кандидатахъ на этотъ постъ . . . . . | 368 |
| 2349 | — | *18* | Проектъ письма Императрицы къ гроссмейстеру Мальтійскаго ордена Франциску Хименецъ. Съ выраженіемъ удовольствія по поводу назначенія гр. Сакрамозо посланникомъ въ Петербургъ . | 369 |
| 2350 | — | » | Черновое письмо Императрицы къ Польскому королю Станиславу-Августу. Съ рекомендаціей гр. Сакрамозо, ѣдущаго въ Польшу по дѣламъ Мальтійскаго ордена . . . . . | 369 |
| 2351 | — | *19* | Письмо гр. Панина къ маркизу Кавалькабо, повѣренному въ дѣлахъ при Мальтійскомъ орденѣ. О прибытіи гр. Сакрамозо, о благоволеніи Императрицы къ нему и къ ордену и объ отъѣздѣ Сакрамозо въ Польшу . . . . . | 370 |
| 2352 | — | *21* | Проектъ письма гр. Панина № 14 къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. Объ отмѣнѣ карательнаго закона противъ лицъ, переходящихъ изъ католичества въ другія вѣроисповѣданія; объ опредѣленіи старостъ, назначенныхъ для содержанія короля; о постоянныхъ магистратахъ; о распущеніи войскъ частныхъ лицъ и назначеніи иностранной стражи къ королю. Препровождаетъ свой отвѣтъ на письмо епископа Краковскаго; поручаетъ оставить безъ отвѣта записку объ освобожденіи Польскихъ плѣнныхъ. . . . . | 371 |
| 2353 | — | *26* | Проектъ письма гр. Панина къ посланнику въ Гагѣ кн. Д. А. Голицыну. По поводу запрещенія Нидерландскихъ генеральныхъ штатовъ бывшему посланнику въ Петербургѣ гр. Рехтерену принять званіе камергера, дарованное ему Императрицей. . . . | 373 |
| 2354 | — | *28* | Письмо гр. Панина къ гр. И. А. Остерману въ Стокгольмъ. По поводу бывшаго у гр. Остермана разговора съ гр. Шефферомъ, который отрицалъ существованіе какихъ-либо воинственныхъ замысловъ у короля Шведскаго. О желаніи Императрицы сохранить всегда дружественныя отношенія съ королемъ; о необходимости | |

| №№ | | | | Стр. |
|---|---|---|---|---|
| | | | защищать Данію въ случаѣ нападенія на нее со стороны Швеціи. Императрица сожалѣетъ, что Швеція напрасно вошла въ издержки для вооруженія своихъ границъ, не будучи угрожаема Россіей. Гр. Панинъ проситъ передать гр. Шефферу, что предложеніе союза съ Швеціей не можетъ быть принято, ибо такой союзъ казался бы вынужденнымъ угрожающимъ положеніемъ Швеціи . . . . | 374 |
| 2355 | *Марта* | *31* | Проектъ письма гр. Панина № 16 къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. О необходимости дѣйствовать въ полномъ согласіи съ двумя союзными дворами; въ виду этого не слѣдуетъ добиваться установленія особаго вліянія Россіи на дѣла Польши . . . . . | 378 |
| 2356 | — | » | Проектъ письма гр. Панина № 17 къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. Объ оказаніи поддержки гр. Сакрамозо въ дѣлѣ Мальтійскаго ордена съ Польской республикой, по поводу владѣній ордена въ Острогѣ . . . . . | 380 |
| 2357 | — | » | Проектъ письма гр. Панина № 18 къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. Объ оказаніи покровительства Виленскому епископу . . . . . | 381 |
| 2358 | — | » | Письмо гр. Панина къ епископу Краковскому Солтыку. О причинахъ, побудившихъ Императрицу освободить его изъ заключенія, съ выраженіемъ надежды, что поведеніе его будетъ соотвѣтствовать видамъ Императрицы на замиреніе Польши. . . . . | 382 |
| 2359 | *Апрѣля* | *2* | Рескриптъ Императрицы № 4 къ кн. В. М. Долгорукову. О разрывѣ мирнаго конгресса; о мѣрахъ къ предупрежденію предпріятій турокъ противъ Крыма и сближенія съ ними татаръ и ногайцевъ. Съ препровожденіемъ формъ манифеста и писемъ отъ имени кн. Долгорукова къ хану Крымскому, Калгѣ-султану и Ногайскому начальнику . . . . . | 383 |
| 2360 | — | *5* | Письмо графа Панина къ кн. В. М. Долгорукову. Съ пожеланіемъ успѣховъ и съ препровожденіемъ копіи съ письма Веселицкому. О сношеніяхъ съ Эдишкульской ордой . . . . . | 385 |
| | — | *9* | Рескриптъ Императрицы къ гр. А. Г. Орлову | 386 |
| 2361 | — | *10* | Проектъ письма Императрицы къ Датскому королю Христіану VII, съ собственноручными ея поправками. По поводу перемѣны въ Датскомъ министерствѣ . . . . . | 386 |
| 2362 | — | *22* | Рескриптъ Императрицы № 5 къ кн. В. М. Долгорукову, съ собственноручной ея припискою. Съ одобреніемъ его представленій. О стараніи отвлекать Ногайскихъ татаръ отъ повиновенія туркамъ; о пожалованіи Калгѣ-султану взятыхъ имъ взаймы 4000 р., о дозволеніи ему находиться подъ защитой русской арміи и отпустить изъ Крыма въ Анатолію соль, составляющую его доходную статью . . . . . | 387 |
| 2363 | — | *23* | Собственноручная резолюція Императрицы. Объ увольненіи бывшаго русскаго агента въ Копенгагенѣ купца Д. Брауна . . . . . | 389 |

| №№ | | | | Стр. |
|---|---|---|---|---|
| 2364 | *Апрѣля* | *23* | Письмо гр. Панина къ посланнику И. М. Симолину въ Копенгагенъ. Съ препровожденіемъ письма Императрицы къ королю Датскому. О желательности назначенія гр. Бернсторфа министромъ . . . . . | 390 |
| 2365 | — | *29* | Письмо Императрицы къ графу П. А. Румянцеву. О присылкѣ вѣдомости, сколько у него осталось на лицо экстраординарной суммы, дабы, въ случаѣ достаточности ея на нѣсколько мѣсяцевъ, не переводить къ нему на это время новыхъ суммъ . . . . . | 390 |
| 2366 | — | *30* | Черновое письмо Императрицы къ гроссмейстеру Мальтійскаго ордена Франциску Хименецъ. Въ отвѣтъ на извѣщеніе его объ избраніи его въ гроссмейстеры . . . . . | 391 |
| 2367 | — | » | Рескриптъ Императрицы къ ген.-пор. Медему. Объ охранѣ границъ отъ замысловъ Кабардинцевъ. О сношеніяхъ ихъ съ Ногайцами. О покровительствѣ Ингушевцамъ. . . . . | 391 |
| 2368 | *Мая* | *2* | Нота, врученная Прусскому посланнику гр. Сольмсу. Объ отношеніяхъ Россіи къ Швеціи; вооруженія Россіи и Даніи были лишь предохранительными мѣрами по отношенію къ Швеціи; ложное положеніе, въ которомъ оказался король Шведскій . . . . . | 394 |
| 2369 | — | *4* | Письмо гр. Панина къ маркизу Кавалькабо, повѣренному въ дѣлахъ при Мальтійскомъ орденѣ. Съ препровожденіемъ письма Императрицы къ гроссмейстеру. Кавалькабо аккредитуется имъ при новомъ гроссмейстерѣ, такъ же какъ графъ Сакрамозо остается повѣреннымъ въ дѣлахъ ордена въ Россіи . . . . . | 397 |
| 2370 | — | *6* | Собственноручная записка Императрицы. О порученіи бар. Штакельбергу защищать интересы герцога Бульонскаго въ тяжбѣ его съ кн. Радзивилломъ . | 397 |
| 2371 | — | *7* | Тоже. По поводу просьбы посланника въ Берлинѣ кн. В. С. Долгорукова о награжденіи его чиномъ и пожалованіи ему ордена св. Александра Невскаго. . . . . | 398 |
| | — | *11* | Рескриптъ Императрицы № 6 къ кн. В. М. Долгорукову. . . . . | 398 |
| 2372 | — | *18* | Письмо гр. Панина къ кн. Д. М. Голицыну въ Вѣну. Съ изъясненіями о ходѣ переговоровъ на мирномъ конгрессѣ въ Бухарестѣ и о причинахъ его разрыва. О протестѣ нѣкоторыхъ польскихъ конфедератовъ противъ созыва сейма . . . . . | 398 |
| 2373 | — | *28* | Проектъ письма гр. Панина № 24 къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. О созывѣ сейма; въ случаѣ уступокъ со стороны короля, можно внести нѣкоторыя смягченія въ планъ умиротворенія Польши. . . | 403 |
| 2374 | — | » | Тоже № 28. О назначеніи пенсій гр. Понинскому, епископу Куявскому, гр. Гуровскому и другимъ; о желательности привлечь къ участію въ дѣлахъ брата короля . . | 405 |
| 2375 | — | » | Тоже № 32. Съ одобреніемъ его распоряженій; о наложеніи секвестра на имущества поляковъ, противящихся настоящему положенію дѣлъ; о прекращеніи поборовъ. . | 406 |

| №№ | | | | Стр. |
|---|---|---|---|---|
| 2375/а | *Іюня* | *11* | Нота гр. Панина Прусскому посланнику гр. Сольмсу. По поводу притязаній короля Прусскаго на Данцигъ и Торнъ . . . . . | 512 |
| 2375/б | *Около Іюня* | *4* | Довѣрительныя соображенія гр. Панина о проектѣ трактата, сообщенномъ ему гр. Сольмсомъ. О притязаніяхъ Пруссіи на расширеніе ея границъ со стороны Польши. Объ опредѣленіи ея границы Объ отношеніяхъ Пруссіи и Польши къ городамъ Данцигу Торну. О гарантированіи польскихъ владѣній въ трактатѣ. | 513 |
| 2376 | *Іюня* | *16* | Проектъ письма Императрицы къ герцогу Бульонскому, съ собственноручными ея поправками. Бар. Штакельбергу предписано защищать въ Варшавѣ интересы герцога въ тяжбѣ его съ кн. Радзивилломъ. . . . . | 408 |
| | — | *18* | Письмо Императрицы къ Прусскому королю Фридриху II. . . . . | 408 |
| 2377 | — | *20* | Копія съ собственноручной резолюціи Императрицы. Объ отправкѣ 2000 р. къ Хотинскому въ Парижъ на содержаніе 16 русскихъ, прибывшихъ изъ Камчатки . . . . . | 408 |
| 2378 | — | » | Нота врученная Прусскому посланнику гр. Сольмсу. Объ условіяхъ мира съ Турціей . . . . . | 408 |
| 2379 | — | *22* | Проектъ отвѣта въ Китайскій трибуналъ на послѣдній ихъ листъ о Калмыкахъ. По дѣлу о бѣжавшихъ Калмыкахъ . . . . . | 412 |
| 2380 | — | *24* | Отвѣтъ Россійскаго двора на манифестъ Порты Оттоманской по поводу разрыва Бухарестскаго конгресса . . . . . | 416 |
| 2381 | — | *26* | Проектъ письма гр. Панина № 35 къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. О назначеніи представителя отъ шляхетства въ совѣтѣ при королѣ; о введеніи въ тотъ же совѣтъ министровъ . . . . . | 427 |
| 2382 | — | » | Тоже № 39. О представленіи Австрійскому посланнику въ Варшавѣ по поводу расширенія предѣловъ отошедшей къ Пруссіи части Польши; о заявленіи ему же по вопросу о правахъ диссидентовъ . . . . . | 428 |
| | — | *28* | Собственноручное письмо Императрицы къ гр. П. А. Румянцеву . . . . . | 431 |
| 2383 | — | » | Копія съ письма Императрицы къ кн. М. Н. Волконскому. О свободномъ пропускѣ чрезъ карантинъ курьеровъ отъ гр. Румянцева . . . . . | 431 |
| 2384 | *Іюля* | *1* | Указъ къ находящемуся на Сибирскихъ линіяхъ ген.-пор. Де-Колонгу. Съ препровожденіемъ листа въ Китайскій трибуналъ . . . . . | 431 |
| 2385 | — | » | Рескриптъ къ Оренбургскому губернатору Рейнсдорпу. О пріемѣ въ Оренбургѣ возвратившихся изъ Китая Калмыкъ . . . . . | 433 |
| 2386 | — | *7* | Черновой рескриптъ Императрицы къ ген.-пор. Е. А. Щербинину. О пожалованіи 3000 р. подполковнику Стремоухову . . . . . | 433 |

| №№ | | | | Стр. |
|---|---|---|---|---|
| 2387 | *Іюля* | *14* | Копія съ письма гр. Панина къ Калгѣ-султану. О желательности избранія его въ Крымскіе ханы; объ утвержденіи независимости Крыма; о необходимости для Россіи, ради безопасности Крыма, имѣть въ своихъ рукахъ Керчь и Еникале. Предлагаетъ Калгѣ-султану убѣжище въ русскихъ предѣлахъ, еслибъ онъ подвергался опасности въ Крыму. . . . . | 433 |
| 2388 | — | *17* | Рескриптъ Императрицы № 7 къ кн. В. М. Долгорукову. О подготовленіи предпріятія противъ Кинбурна и Очакова. Объ отпускѣ ген.-пор. кн. Прозоровскаго . . . . . | 436 |
| 2389 | — | » | Тоже № 8. Объ отправленіи къ Калгѣ-султану письма гр. Панина, чрезъ посредство кн. Прозоровскаго . . . | 436 |
| | — | *18* | Собственноручное письмо Императрицы къ графу П. А. Румянцеву. . . . . | 437 |
| 2390 | — | *19* | Проектъ письма Императрицы къ герцогинѣ Курляндской Каролинѣ. Съ увѣдомленіемъ, что бар. Штакельбергу предписано поддерживать домогательства ея при сеймѣ въ Варшавѣ . . . . . | 438 |
| 2391 | — | *23* | Указъ Императрицы гр. Н. И. Панину. О выдачѣ 25,000 р. подъ росписку Шведскому посланнику бар. Риббингу . . . . . | 438 |
| 2392 | — | *27* | Проектъ письма гр. Панина къ И. М. Симолину въ Копенгагенъ. Съ препровожденіемъ письма Императрицы къ королю Датскому. О подписаніи трактата съ Даніей относительно Голштиніи . . . . . | 439 |
| 2393 | — | » | Письмо Императрицы къ королю Датскому Христіану VII. Съ выраженіемъ удовольствія по случаю заключенія трактата съ Даніей . . . . . | 440 |
| 2394 | — | » | Письмо гр. Панина къ Н. К. Хотинскому въ Парижѣ. Съ препровожденіемъ кредитива на 2000 р. для отправленія въ Россію русскихъ, прибывшихъ изъ Камчатки. . . . . | 440 |
| 2395 | — | *30* | Письмо гр. Панина къ И. М. Симолину въ Копенгагенъ. Объ отправленіи въ Данію Сальдерна, снабженнаго инструкціями в. кн. Павла Петровича для веденія переговоровъ по Голштинскому дѣлу. О русской церкви въ Килѣ и о слугахъ вел. князя въ Голштиніи. | 441 |
| 2396 | — | » | Проектъ письма гр. Панина къ И. М. Симолину въ Копенгагенъ. Императрица соизволяетъ на принятіе Симолинымъ ордена, которымъ Датскій король желаетъ его пожаловать . . . . . | 442 |
| 2397 | *Августа* | *1* | Объясненіе побудительныхъ причинъ къ заключенію съ Даніей запаснаго по Голштинскимъ дѣламъ трактата. . . . . | 442 |
| 2398 | — | *8* | Инструкція назначенному въ Парижъ полномочнымъ министромъ кн. И. С. Барятинскому. О званіи его. Обряды, имѣющіе быть исполненными имъ при аккредитованіи. Очеркъ политическихъ отношеній Россіи: съ Пруссіей, съ Даніей, съ Швеціей, съ Польшей, съ Австріей, съ Англіей, съ Испаніей, съ Ни- | |

| №№ | | | | Стр. |
|---|---|---|---|---|
| | | | дерландами, Венеціей, Сардиніей и Португаліей, съ Персіей и Китаемъ. Взаимныя отношенія этихъ государствъ со времени вступленія Императрицы Екатерины II на престолъ и положеніе ихъ по отношенію къ Россіи. Политическая система Франціи; старанія ея противодѣйствовать Россіи. Возможныя предложенія французскаго министерства кн. Барятинскому и отвѣты его на эти предложенія. О принятіи архива миссіи у повѣреннаго въ дѣлахъ Хотинскаго; о сношеніяхъ съ другими русскими министрами заграницей и съ иностранными министрами въ Парижѣ; о покровительствѣ торговлѣ съ Франціей; о содержаніи шифровъ подъ ключемъ; о собираніи свѣдѣній о французскомъ дворѣ, министрахъ, состояніи страны и проч.; о жалованьѣ кн. Барятинскому. О частомъ чтеніи этой инструкціи . . . . . | 445 |
| 2399 | *Августа* | *26* | Письмо графа Панина къ И. М. Симолину въ Копенгагенъ. О содѣйствіи кораблямъ эскадры контръ-адмир. Грейга, идущей въ Архипелагъ, въ снабженіи ихъ всѣмъ потребнымъ въ Копенгагенѣ . . . . . | 461 |
| 2400 | *Сентября* | *3* | Проектъ письма гр. Панина № 44 къ Штакельбергу въ Варшаву. О поддержкѣ домогательствъ герцогини Курляндской Каролины передъ сеймомъ. . . | 462 |
| 2401 | — | *4* | Собственноручная резолюція Императрицы. По поводу записки Гессенъ-Дармштадтскаго посланника Мозера о различныхъ нуждахъ и желаніяхъ ландграфа . . . . . | 462 |
| 2402 | — | *8* | Собственноручное письмо Императрицы къ гр П. А. Румянцеву. Съ выраженіемъ сожалѣнія объ обратномъ переходѣ войска черезъ Дунай; о представленіяхъ гр. Румянцева относительно преобразованій въ пѣхотѣ и кавалеріи и времени рекрутскаго набора. О недоступности Императрицы клеветѣ и справедливомъ распредѣленіи ею наградъ. О принятіи мѣръ для обезпеченія войска въ провіантѣ въ будущую кампанію. О болѣзни гр. Румянцева, съ разрѣшеніемъ отлучиться отъ арміи . . . . . | 463 |
| 2403 | — | *23* | Копія съ собственноручнаго письма Императрицы къ гр. Панину. Съ выраженіемъ признательности по случаю окончанія воспитанія великаго князя Павла Петровича . . . . . | 466 |
| 2404 | — | *27* | Письмо гр. Панина № 46 къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. О полученіи окончательнаго трактата съ Польшей. О нежеланіи Императрицы вмѣшиваться въ споръ кн. Сапѣги съ кн. Огинскимъ по поводу полученія званія великаго гетмана Литовскаго . . . . | 467 |
| | — | *30* | Письмо Императрицы къ Прусскому королю Фридриху II. . . . . | 467 |
| | — | » | Тоже. . . . . | 468 |
| 2405 | *Октября* | *3* | Письмо гр. Панина къ А. С. Мусинъ-Пушкину въ Лондонъ. Съ препровожденіемъ грамоты в. кн. Павла Петровича къ королю Англійскому и съ приказа- | |

| №№ | | | | Стр. |
|---|---|---|---|---|
| | | | ніемъ представить послѣднему копіи съ трактата съ Даніей о Голштиніи . . . . . | 468 |
| 2406 | *Октября* | *4* | Рескриптъ Императрицы № 9 къ кн. В. М. Долгорукову. О покровительствѣ Калгѣ-султану и о назначеніи ему содержанія . . . . . | 469 |
| 2407 | — | » | Тоже № 10. О производствѣ Калгѣ-султану Шагинъ-Гирею ежегодной дачи . . . . . | 470 |
| 2408 | — | *8* | Собственноручная записка Императрицы. Съ отвѣтомъ на предъявленныя посланникомъ ландграфа Гессенъ-Дармштадтскаго Мозеромъ желанія его государя. | 471 |
| 2409 | — | *9* | Рескриптъ Императрицы къ контръ-адмиралу С. К. Грейгу. Объ отправленіи его съ эскадрой въ Архипелагъ. О лоцманахъ, ожидающихъ эскадру въ Даніи, чтобы провести ее мимо Англіи. О политическихъ отношеніяхъ Россіи къ державамъ, мимо которыхъ имѣетъ пройти эскадра: къ Даніи, къ Голландіи, къ Англіи, къ Франціи, къ Португаліи, къ Испаніи, къ Сардинскому королевству, къ Мальтійскому ордену, къ герцогству Тосканскому, къ республикамъ Генуэзской, Венеціанской и Рагузской. О Тунисскихъ и Алжирскихъ корсарахъ. О перепискѣ Грейга съ русскими министрами за границей. О назначеніи ему суммы на чрезвычайныя издержки . . . | 471 |
| | — | *9* | Рескриптъ Императрицы къ вице-адмиралу А. Н. Сенявину. . . . . | 477 |
| | — | *13* | Письмо Императрицы къ королю Прусскому Фридриху II. . . . . | 477 |
| 2410 | — | » | Собственноручное черновое письмо Императрицы къ королю Шведскому Густаву III. О предположенномъ бракѣ герцога Зюдерманландскаго съ принцессой Голштинской . . . . . | 477 |
| 2411 | — | » | Собственноручная замѣтка Императрицы. Объ истребованіи мнѣнія Комиссіи о коммерціи по поводу предложеній о торговлѣ Польши съ тремя союзными державами . . . . . | 478 |
| 2412 | — | *17* | Нота Австрійскому посланнику кн. Лобковичу. О дѣйствіяхъ министровъ 3-хъ дворовъ въ Варшавѣ по введенію новаго положенія для управленія Польшею. О несогласіи Австрійскаго посланника въ Варшавѣ дѣйствовать за-одно съ посланниками Россіи и Пруссіи въ вопросѣ о предѣлахъ власти короля и о предписаніи ему со стороны его двора поступать совмѣстно съ обоими другими посланниками. . . . . | 478 |
| 2413 | — | *22* | Проектъ письма гр. Панина къ кн. Д. М. Голицыну въ Вѣну. О разграниченіи Австріи съ Польшей и о представленіи кн. Кауницу о неправильномъ проведеніи Австрійской границы по рѣкѣ Подгорце. (Въ примѣчаніи—объясненіе кн. Кауница по поводу этого недоразумѣнія) . . . . . | 480 |
| | — | *24* | Собственноручное письмо Императрицы къ гр. П. А. Румянцеву. . . . . | 483 |
| 2414 | — | *25* | Собственноручная резолюція Императ- | |

| №№ | | | | Стр. |
|---|---|---|---|---|
| | | | рицы. О назначеніи Калгѣ-султану на содержаніе 1000 р. въ мѣсяцъ . . . . . | 484 |
| 2415 | *Ноября* | *4* | Рескриптъ Императрицы къ ген.-пор. Е. А. Щербинину. О допущеніи избранія Казы-Гирей-султана сераскиромъ надъ Ногайскими ордами. О предложеніи этой должности Калгѣ-султану, еслибъ Казы-Гирей-султану не удалось добиться. О дальнѣйшемъ пребываніи подполк. Стремоухова при Ногайскихъ ордахъ . . . . | 485 |
| 2416 | — | *5* | Письмо гр. Панина къ ген.-пор. Е. А. Щербинину. О дальнѣйшемъ пребываніи подполк. Стремоухова при Ногайскихъ ордахъ. О допущеніи избранія Казы-Гирей-султана въ сераскиры . . . . . | 488 |
| 2417 | — | *8* | Рескриптъ Императрицы № 11 къ кн. В. М. Долгорукову. О собраніи свѣдѣній относительно прибытія изъ Турціи Девлетъ-Гирея въ Суджукъ-Кале и о поимкѣ его отряда . . . . . | 489 |
| | — | *19* | Письмо Императрицы къ Прусскому королю Фридриху II. . . . . | 489 |
| 2418 | — | *21* | Двѣ собственноручныя резолюціи Императрицы. Объ уплатѣ посланнику въ Мадридѣ С. С. Зиновьеву издержанныхъ имъ на чрезвычайные расходы денегъ. | 489 |
| 2419 | — | *23* | Разсужденіе гр. Панина объ условіяхъ мира съ Турціей. Война предпочтительна миру, купленному уступкайи. О неудобствахъ для Россіи владѣть Керчью и Еникале и о предпочтительности получить отъ Турціи Кинбурнъ. О внушеніи Портѣ, чрезъ Прусскаго посланника въ Константинополѣ Цегелина, предложить Россіи новыя условія мира, съ замѣною Керчи и Еникале Кинбурномъ. . . . . | 490 |
| 2420 | — | *28* | Рескриптъ Императрицы № 12 къ кн. В. М. Долгорукову. О выдачѣ Калгѣ-султану на содержаніе 1000 р. въ мѣсяцъ. . . . . | 493 |
| 2421 | *Декабря* | *1* | Собственноручная записка Императрицы. По поводу положенія короля Польскаго и его брата и просьбъ оберъ-камергера гр. Понятовскаго и кн. Сулковскихъ . . . . . | 493 |
| | — | *6* | Собственноручное письмо Императрицы къ гр. П. А. Румянцеву. . . . . | 494 |
| | — | » | Собственноручное письмо Императрицы къ гр. А. Г. Орлову. . . . . | 495 |
| 2422 | — | » | Собственноручная записка Императрицы. О передачѣ гр. Герцу отвѣта на письмо короля Прусскаго. | 495 |
| 2423 | — | *8* | Собственноручная замѣтка Императрицы. По поводу соперничества между кн. Огинскимъ и кн. Сапѣгою, домогающимися званія великаго гетмана Литовскаго. | 495 |
| 2424 | — | *20* | Проектъ письма гр. Панина къ гр. И. А. Остерману въ Стокгольмъ. По поводу предположенной королемъ Шведскимъ поѣздки въ Россію . . . . . | 496 |
| 2425 | — | » | Тоже. По поводу поѣздки короля Шведскаго въ Россію. | 496 |
| 2426 | — | *24* | Письмо гр. Панина къ повѣренному въ дѣлахъ въ Парижѣ Н. К. Хотинскому. О доведеніи | |

| №№ | | | | Стр. |
|---|---|---|---|---|
| | | | до свѣдѣнія герцога Орлеанскаго, что французскій повѣренный въ дѣлахъ въ С.-Петербургѣ Дюранъ представилъ Императрицѣ распечатаннымъ письмо его, съ извѣстіемъ о рожденіи у него сына . . . . . | 498 |
| 2427 | — | *31* | Проектъ письма гр. Панина № 49 къ бар. Штакельбергу въ Варшаву. О сохраненіи liberum veto въ прежней силѣ. О противодѣйствіи полякамъ въ ихъ стараніи измѣнить форму избранія короля. О власти великаго гетмана и великаго казначея . . . . . | 498 |
| 2428 | — | » | Тоже № 51. Объ отклоненіи представленія делегаціи о пожизненномъ содержаніи короля Польскаго со стороны трехъ союзныхъ державъ. Признательность Императрицы по случаю отказа короля отъ его прерогативъ. Объ отклоненіи просьбъ частныхъ лицъ о возмѣщеніи ихъ убытковъ и возвращеніи принадлежавшихъ имъ староствъ . | 501 |
| 2429 | — | » | Тоже № 52. О жалобахъ делегаціи по случаю насилій, совершенныхъ православными въ Украйнѣ. О привлеченіи посланниковъ Австріи и Пруссіи къ совмѣстнымъ представленіямъ передъ сеймомъ въ пользу диссидентовъ . . | 502 |
| 2430 | — | » | Тоже № 57. О денежной претензіи герцога Курляндскаго къ королю Польскому. О воспрепятствованіи рѣшенію сейма относительно присоединенія Курляндіи къ Польшѣ послѣ смерти герцога Петра . . . . . | 504 |
| 2431 | — | » | Тоже. О замышляемой въ Польшѣ конфедераціи и о необходимости противодѣйствовать этому намѣренію . . . | 506 |
| 2432 | — | » | Указъ Императрицы Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. О выдачѣ награжденія и денегъ на дорожныя издержки сыну Грузинскаго владѣтеля Ираклія и Грузинскому католикосу. О выдачѣ денегъ кн. Андроникову на выкупъ его матери, жены и сестеръ. Объ отправленіи денегъ повѣренному въ дѣлахъ И. Львову для выѣзда его изъ Грузіи . . . . . | 507 |
| 2133 | *Декабрь* | | Черновое письмо Императрицы къ королю Шведскому Густаву III, съ собственноручными ея поправками. Съ изъявленіемъ удовольствія ея по поводу сговора герцога Зюдерманландскаго съ принцессой Голштинской. . . . . | 508 |
| 2434 | *Безъ даты 1773 г.* | | Конфиденціальная нота, врученная Прусскому посланнику гр. Сольмсу. О предложенномъ Польшею Императрицѣ посредничествѣ въ дѣлѣ разграниченія между Польшею и Пруссіей . . . . . | 508 |

## 2144) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

(Декабрь, 1771 г.).

Прислана въ Коллегію при переводѣ съ листа изъ „Китайскаго трибунала внѣшнія провинціи“ [2]), 7 Декабря 1771 года.—Листъ этотъ, помѣченный числомъ правленія „Небомъ возведеннаго“ [3]), 36 года 7 луны [4]), былъ посланъ, какъ видно изъ содержанія, въ отвѣтъ на требованіе русскихъ пограничныхъ властей не пропускать въ предѣлы Китая бѣжавшихъ за рѣку Яикъ Калмыковъ. Трибуналъ сообщаетъ содержаніе указа богдохана, въ которомъ объявляется, въ обычныхъ въ то время высокомѣрныхъ выраженіяхъ, что Калмыки явились къ мѣстному цзянь-цзюню и къ другимъ начальникамъ, и заявили желаніе перейти въ Китайское подданство. „Оттого, конечно, что Россія пропитать ихъ не можетъ, отважились они на жизнь свою, не отъ другого чего, какъ отъ голоду“. Далѣе заявляется, что если бы Русское правительство вознамѣрилось потребовать выдачи бѣжавшихъ, то въ этомъ будетъ отказано; тѣмъ болѣе, что правительство это постоянно отказывало, вопреки постановленіямъ трактата, въ выдачѣ бѣжавшихъ въ Россію Зенгоровъ (Джунгаровъ), а въ особенности Шерена и Лауджандапа [5]).

Листъ изъ Китайскаго трибунала былъ доложенъ Совѣту 22 ноября 1771 г.; а 23 февраля 1772 г. былъ читанъ и апробованъ отвѣтъ [6]). (См. ниже № 2166).

Писать бы къ нимъ, что мошенники Калмыки не только сами измѣннически ушли, но и съ собою много Русскихъ увезли, какъ-то Дудина съ командою, и разбили русскихъ купцовъ, и обокрали ихъ. Придетъ когда-нибудь съ Китайцами раздѣлаться инако, нежели по сю пору дѣлали.

---

[1]) М. Г. А. Дѣла Китайскія. 1771—1774 г. Корреспонденція съ Китайскимъ дворомъ о Калмыкахъ. Именные указы по Азіатскимъ дѣламъ.

[2]) *Ли-фань-юань*. Впослѣдствіи стали переводить: трибуналъ или палата внѣшнихъ сношеній.

[3]) Императоръ Цянь-лунъ.

[4]) Августъ мѣсяцъ 1771 г.

[5]) Срав. Н. Бантышъ-Каменскій. Дипломатическое собраніе дѣлъ между Россійскимъ и Китайскимъ государствами. Казань, 1882. Стр. 279 и слѣд.

[6]) Архивъ Государственнаго Совѣта. Спб. 1869. Томъ I, ч. 2, стр. 245.

## 2145) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ РЕЗОЛЮЦІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

(Январь 1772).

Въ реляціи на имя Императрицы отъ 4 Января 1772 г. „изъ благополучнаго города Полтавы“ кн. В. М. Долгоруковъ писалъ: „Находящійся въ Крыму при его свѣтлости ханѣ повѣреннымъ въ дѣлахъ канцеляріи совѣтникъ Веселицкій присланнымъ ко мнѣ рапортомъ доноситъ, сколь усильно ни старался онъ какъ его свѣтлости хану, такъ и правительства членамъ внушать о познаніи сдѣланной ими, относительно до уступки городовъ, въ потачку упорливаго духовенства, ошибки, и дабы тѣмъ привести ихъ помышлять о поправленіи оной, столь де онъ изъ всѣхъ отзывовъ примѣтить могъ, что духовенство не малую въ правленіи имѣетъ силу, наипаче потому, что оно въ великомъ кредитѣ и почтеніи у подлости; то и разсуждаетъ онъ, не безъ пользы бъ было, еслибъ ихъ нѣсколько угобзить; но у него оставленныхъ мною 3,000 рублевъ весьма мало“. Къ реляціи кн. Долгорукова приложены: 1) Копія съ рапорта Веселицкаго къ кн. Долгорукову отъ 22 Декабря 1771 г., въ которомъ онъ проситъ снабдить его деньгами; 2) Копія съ письма Веселицкаго къ генералу-поручику Щербинину отъ 11 Декабря 1771 г. о мѣрахъ къ приведенію въ покорность Ногайцевъ и Кубанцевъ; 3) Копія съ письма Веселицкаго къ Абдылъ-Керимъ-эффендію, муллѣ Эдиссанской орды, съ просьбой приложить стараніе къ обузданію Кубанцевъ; 4) Копія съ записки, поданной Веселицкимъ Крымскому хану Сагибъ-гирею о выдачѣ русскихъ плѣнныхъ; 5) Копія съ другой записки, поданной Веселицкимъ хану Сагибъ-гирею о различныхъ проступкахъ, совершенныхъ татарами надъ русскими солдатами, по донесенію командующаго расположенными въ Крыму войсками генералъ-маіора Тургенева.

*Прикажите Веселицкаго снабдить всѣмъ, чего ему надлежитъ и въ чемъ онъ нужду имѣетъ.*

## 2146) МНѢНІЕ ГРАФА Н. И. ПАНИНА О НАСТОЯЩЕМЪ ПОЛОЖЕНІИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ВОЕННЫХЪ ДѢЛЪ ИМПЕРІИ [2]).

(Безъ даты, начала 1772 г.).

Каково есть настоящее положеніе дѣлъ нашихъ, оное не требуетъ никакого изъясненія, будучи само по себѣ довольно извѣстно.

Война съ Портою Оттоманскою свирѣпствуетъ еще въ полномъ огнѣ.

Польша утопаетъ въ бѣдственнѣйшемъ междоусобіи; дѣло независимости Крыма и прочихъ татарскихъ ордъ не достигло по сю пору

---

[1]) М. Г. А. Именные указы по Азіатскимъ дѣламъ, № 248.

[2]) М. Г. А. Секретныя мнѣнія.

совершенства своего; а, напротивъ того, Вѣнскій дворъ или, лучше сказать, первенствующій онаго министръ князь Кауницъ питаетъ въ сердцѣ своемъ величайшую ненависть и явное недоброжелательство къ успѣхамъ оружія нашего. Искры одной, такъ сказать, недостаетъ къ превращенію оныхъ изъ пассивнаго умозрѣнія въ сущій активитетъ. Всѣ сіи аспекты, сколь они въ существѣ своемъ ни важны, не могли бы однакожъ ни частно, одинъ безъ другого, ни всѣ между собою совокупно столько значить, сколько они нынѣ начинаютъ значить, по причинѣ внутренняго нашего злоключенія, которое распространеніемъ своимъ отъ Москвы въ ближніе уѣзды, а оттуда въ самые отдаленные, можетъ произвесть совершенную или, по крайней мѣрѣ, весьма чувствительную остановку въ разныхъ государственныхъ оборотахъ, нуждахъ и способахъ. Опасеніе сіе не можетъ быть почтено безвременнымъ, когда уже и теперь многія неудобства ощутительны становятся въ самомъ почти началѣ зла.

Обращаясь къ сей неложной картинѣ, нахожу я, что новыя въ ней открывшіяся тѣни требуютъ и новыхъ времени и обстоятельствамъ свойственнѣйшихъ средствъ, а особливо подчиненія ихъ всѣхъ точнымъ и исправно размѣреннымъ правиламъ, какъ по состоянію силъ и рессурсовъ нашихъ, такъ равнымъ образомъ по количеству и важности опорствующихъ намъ пружинъ.

Сколько силы разума и понятія моего постигаютъ, потщусь я изъяснить здѣсь о томъ и другомъ мысли мои, на внутреннемъ удостовѣреніи совѣсти моей и нѣкоторомъ въ дѣлахъ пріобрѣтенномъ искусствѣ, основывающіяся, желая, чтобъ они въ семъ ихъ единственномъ качествѣ и отъ другихъ приняты и уважаемы были.

Еслибъ Вѣнскій дворъ оставался покойнымъ зрителемъ войны нашей, то и можно бы намъ было, продолжая обуздывать Польшу и всѣхъ ея мятежниковъ посредственнымъ корпусомъ войскъ, безъ всякой уже заботы главными нашими силами ополчаться противу турокъ и дѣйствовать наступательнымъ образомъ до того времени, чтобъ они, наконецъ, принуждены были принять безмолвно предписываемый отъ Россіи миръ и согласиться по оному, какъ на признаніе татарскихъ народовъ вольною и независимою областью, такъ и на освобожденіе отъ власти своей провинцій, нынѣ подъ оружіемъ нашимъ состоящихъ. Но теперь, когда кн. Кауницъ, предубѣдя себя и дворъ свой нуждою равновѣсія между Россіею и Портою Оттоманскою, доводитъ дѣла до крайности и до явнаго почти разрыва съ нами, благоразуміе требуетъ уступить нѣсколько обстоятельствамъ и удовольствоваться тѣмъ, что способнѣе одержать можно, дабы инако, гоняясь за всѣмъ, всего же и не упустить.

*

На семъ основаніи не представляется-ли всего нужнѣе, чтобъ пунктъ вольности и независимости крымскихъ и прочихъ татарскихъ народовъ, какъ наивяще насъ интересующій, прежде всего и немедленно опредѣленъ и утвержденъ былъ? Хотя поверхность оружія нашего и самое обложеніе гарнизонами нашими нужнѣйшихъ въ Крыму мѣстъ, а особливо избраніе новаго хана, подъ протекціею Ея Императорскаго Величества, и показываютъ уже видъ отлученія татаръ отъ подданства Порты; но въ существѣ, все сіе не даетъ еще оному ни достаточной формы передъ публикою, ни прямой прочности, а надобно, чтобъ оное отлученіе и съ нимъ вмѣстѣ добровольное намъ поступленіе отъ татаръ, какъ самовластнаго уже народа, нѣкоторыхъ портовъ для собственной его на всегдашнее время ограды и обезпеченія отъ покушеній и нападеній утѣснителей его турковъ, торжественнымъ и такимъ образомъ опредѣлены и утверждены были, дабы затѣмъ не могло больше оставаться непріятелямъ нашимъ никакого предлога, при начатіи мирной съ турками негоціаціи, предлагать и дѣлать притязанія о внутреннемъ учрежденіи самовластія татарскихъ народовъ тогда, когда намъ надобно будетъ требовать единаго только отъ насъ признанія независимости сихъ народовъ.

Все сіе не можетъ удобнѣе и вѣрнѣе исполнено и достигнуто быть, какъ постановленіемъ и подписаніемъ публичнаго акта между Россіею и настоящимъ татарскимъ ханомъ, который долженствуетъ, для приданія оному вящей торжественности и святости, отъ всѣхъ татаръ за непремѣнный и фундаментальный законъ политической ихъ конституціи присягою утвержденъ быть, а потомъ отъ хана, такъ какъ ни отъ кого независящаго владѣтеля, долженствуетъ быть во всѣхъ краяхъ обнародовано объявленіе о таковомъ возобновленіи и утвержденіи татарской области, съ тѣмъ прибавленіемъ, что по торжественномъ при заключеніи мира признаніи отъ Порты татаръ въ качествѣ вольной и независимой области, они съ своей стороны обязуются и обѣщаютъ состоять и пребывать съ нею въ твердомъ и ненарушимомъ добромъ согласіи, такъ какъ и со всѣми другими окрестными областями и народами.

Въ разсужденіи таковыхъ нужныхъ обрядовъ, нѣтъ возможности совершить здѣсь желаемый актъ, ибо оный не могъ бы свѣту представленъ быть результатомъ общаго и единомысленнаго всѣхъ татаръ желанія, чего ради и надобно будетъ, по моему мнѣнію, отправить конечно,—безъ упущенія времени, въ самый Крымъ отъ двора Ея Императорскаго Величества знатнаго чина человѣка съ публичною полною мочью для заключенія его тамъ на мѣстѣ, въ чемъ ему локальное

познаніе людей, свойственныя корыстолюбію татаръ средства и страхъ присутственнаго оружія весьма много способствовать могутъ.

Скорое въ полной мѣрѣ исполненіе сего пункта необходимо нужно, потому что инако, если татаръ оставить въ настоящемъ ихъ нерѣшенномъ положеніи, послѣ, для точнаго опредѣленія вольности ихъ, надлежало бы трактовать объ ономъ съ Портою, которая тогда съ своей стороны стала бы несумнѣнно требовать себѣ безпосредственнаго съ ними сношенія и пользоваться онымъ къ возбужденію въ нихъ разномыслія и разврата. Старыя сопряженія, единовѣріе и привязанность къ прежнему хану доставили бы ей къ тому множество средствъ, кои бы взаимно всѣ наши машины ослабляли, а можетъ быть и все по сю пору учиненное по легкомыслію татаръ превратили ни во что; напротиву чего, когда нынѣ дѣло къ совершенству приведено будетъ, нельзя думать, чтобъ Порта стала неотмѣнно требовать разрушенія онаго, тѣмъ паче, что ей предъ чернью своею можно будетъ оправдаться добровольною дезерціею татаръ, которая однакожъ не подчиняетъ ихъ Россіи. Какъ я посему полагаю, что отдѣленіе татарскаго дѣла въ особливую на мѣстѣ производимую негоціацію есть кратчайшій путь къ скорому окончанію онаго, и что опять далѣе дѣйствительное его окончаніе можетъ въ свое время способствовать облегченію мира нашего съ Портою: то хочу теперь въ натуральное изъ того слѣдствіе сказать, что уже довольно по внутреннему нашему злоключенію здравая политика и истинные отечества интересы требуютъ отъ насъ употребленія всевозможныхъ средствъ къ скорѣйшему окончанію войны нашей съ Портою на резонабельныхъ и честныхъ кондиціяхъ, дабы, при дѣйствительномъ ополченіи противу насъ Австрійскаго дома, не быть намъ принужденнымъ, на супротивленіе новому, свѣжему и сильному непріятелю, доходить до самыхъ крайнихъ и послѣднихъ государственныхъ рессурсовъ, когда обыкновенные всѣ въ другую сторону обращены и оттуда никоимъ образомъ удѣляемы быть не могутъ, безъ причиненія чувствительной разстройки въ одержанныхъ по сю пору великихъ и знаменитыхъ авантажахъ на морѣ и на сухомъ пути.

Правда, можемъ мы надѣяться, что въ войнѣ противъ Австрійскаго дома будетъ намъ сильно помогать союзникъ нашъ король Прусскій, какъ по собственнымъ своимъ интересамъ, такъ и по тѣмъ обязательствамъ, которыя нынѣ по соизволенію Ея Императорскаго Величества здѣсь трактуются и чаятельно скоро къ окончанію приведены будутъ; но сіе не уменьшитъ однакожъ съ нашей стороны нужды впродолженіе турецкой войны изыскивать новые рессурсы и составлять вновь многочисленную армію, ибо натурально Его Прусское Величество будетъ дѣйствовать не главною воюющею державою, но въ

качествѣ помощника, который не объявитъ себя прежде, доколѣ насъ самихъ въ хорошемъ состояніи не увидитъ, и который сверхъ того еще, по мѣрѣ надобности нашей, цѣну на соучастіе свое возвышать не оставитъ.

Обоихъ сихъ неудобствъ избавимся мы весьма, если миръ съ Портою доставитъ намъ свободныя руки. Можетъ быть тогда и Вѣнскій дворъ совсѣмъ раздумаетъ отважить себя на неизвѣстную войну изъ зависти къ тому, что мы и король Прусскій намѣрены взять себѣ отъ Польши, а скорѣе согласится самъ слѣдовать примѣру нашему, дабы инако ему одному ни въ чемъ не остаться. Я въ гаданіи моемъ иду еще и далѣе, а именно: что и тогда уже императрица-королева усумнится поступить на разрывъ съ нами, когда только мирная негоціація у насъ съ Портою въ прямое теченіе приведена будетъ, ибо она легко возмнить можетъ, что турки не захотятъ для Польши продолжать столь несчастливой для нихъ войны, но что паче они для облегченія въ должномъ намъ отъ Порты удовлетвореніи и рады будутъ поступаться изъ оной, а особливо въ такой дальности отъ ихъ границъ.

Роптаніе и жалобы поляковъ будутъ въ первомъ случаѣ весьма недѣйствительны, во второмъ не столь важны; а въ такомъ, напротивъ, когда бы Вѣнскій дворъ возсталъ на Россію впродолженіе еще турецкой войны, могутъ оныя гораздо вредны быть и превратиться въ геперальную и весьма уже многочисленную конфедерацію, которая, затрудняя и пресѣкая снабдѣніе армій нашихъ, могла бы еще угрожать нападеніемъ и опустошеніемъ во внутрь собственныхъ границъ имперіи.

По всѣмъ симъ, сколько важнымъ, столько же и ощутительнымъ резонамъ, видится мнѣ необходимо нужнымъ испытать нынѣ до возобновленія будущей кампаніи, а съ оной и воспламененія повидимому новой, неизвѣстной и крайне уже тягостной войны, всѣ удобовозможные способы къ примиренію нашему съ Портою, остерегаясь однакожъ достаточно, чтобъ сей гордый и въ невѣжествѣ погруженный непріятель не возмнилъ отъ изысканія нашего, что мы не въ состояніи болѣе воевать, или же что мы устрашились вооруженія Австрійскаго дома. Такое нескладное мнѣніе можетъ въ немъ легко родиться и вселить упорство противу всякаго справедливаго удовлетворенія. До сихъ поръ видѣли мы, что хотя Австрійскій домъ всѣ наши требованія безъ исключенія отмещетъ, но не можно однакожъ думать, чтобъ для него въ существѣ равно важны были независимость татарская и отторженіе Молдавіи и Валахіи; въ первомъ пунктѣ зависть противу славы имперіи нашей остается ему одна истиннымъ побужденіемъ; второй же конечно можетъ имѣть и самый его интересъ, когда взять въ уваже-

ніе многое число земель съ нами, такъ какъ молдавцы и волохи, единовѣрныхъ, состоящихъ подъ владѣніемъ его, а изъ сего и можетъ сей высокомѣрный домъ поставить себѣ и прямымъ политическимъ правиломъ, чтобы не попустить Россію освободить своихъ единовѣрныхъ отъ власти надъ ними подобной турецкому насилію, ибо въ самомъ дѣлѣ и католики не лучше турковъ надъ ними владычествуютъ, да и поставляютъ сіе равно съ тѣми правиломъ своего закона.

По сему можно, кажется, полагать, что отступленіе наше отъ требованія завоеванныхъ княжествъ послужитъ взаимно къ облегченію другихъ нашихъ видовъ, а особливо татарскаго дѣла, ибо тутъ чаятельно австрійцы меньше пріобрѣтенію нашему завидовать и съ меньшимъ же жаромъ за оное вязаться будутъ, да и Порта сама съ большею податливостью на негоціацію соглашаться будетъ по причинѣ большей нашей умѣренности.

Я считаю потому за нужное испросить у Ея Императорскаго Величества высочайшаго въ семъ пунктѣ снисхожденія, а когда оное такимъ образомъ получитъ здѣсь свое опредѣленіе, то тогда съ большею твердостію возможно будетъ принять такія мѣры, чтобъ безъ малѣйшаго компрометтированія достоинства Ея Императорскаго Величества довести до свѣдѣнія Порты, что завоеванныя оружіемъ нашимъ провинціи могутъ подойти подъ негоціацію возстановляемаго мира, если Порта къ начатію оной свою готовость покажетъ, и что для твердѣйшаго себя въ томъ обнадеживанія воюющія державы могутъ снестись между собою чрезъ простыхъ эмиссаровъ въ третьемъ мѣстѣ, которые безъ формы и характеровъ скорѣе и свободнѣе учредятъ пунктъ конгресса или съѣзда полномочныхъ коммиссаровъ для формальныхъ мирныхъ постановленій. Отвѣтъ Порты на такое внушеніе откроетъ намъ прямыя склонности ея, къ познанію которыхъ можно будетъ пользоваться и всѣми въ первой арміи представляющимися случаями отъ генералъ-фельдмаршала Румянцева и чрезъ короля Прусскаго, нашего союзника. Если турки изберутъ способъ конгресса, тогда дѣло пойдетъ обыкновеннымъ порядкомъ, хотя оный и медлителенъ будетъ, но можетъ однакожъ имѣть пользу свою къ воздержанію австрійцевъ, а ежели они согласятся на съѣздъ эмиссаровъ для соглашенія преліминарій, въ такомъ случаѣ додастся удобность дѣло скорѣе къ концу привести предварительнымъ безъ всякихъ формалитетовъ рѣшеніемъ главныхъ положеній.

Дѣлая съ нашей стороны первое предложеніе на *uti possidetis*, можно будетъ въ то же время дать примѣтить, что сіе чинится только по общему обыкновенію между примиряющимися державами, обнадеживая впрочемъ, что на всякія резонабельные договоры, тѣмъ не меньше въ теченіе негоціаціи снисхожденіе показано будетъ, если

только на такое откровенное съ нашей стороны предъявленіе турки съ своей стороны также искренно объявятъ, въ чемъ состоитъ ихъ первое желаніе удовлетворить одержанные нашимъ оружіемъ авантажи, для пресѣченія пролитія невинной крови. По семъ татарская независимость долженствуетъ отъ насъ представлена быть какъ предложеніе *sine qua non*, и когда всѣми удобовозможными средствами оное одержано будетъ, то тогда дѣлать уступку Молдавіи и Валахіи, и за оную себѣ выговаривать другіе эквиваленты, какъ то особливо на обмѣнъ за городъ Бендеры, шпагою въ рукахъ и многою кровью взятый, городъ Очаковъ, а въ случаѣ крайняго въ томъ упорства — городъ Кинбурнъ, представляя къ убѣжденію турковъ въ разсужденіи перваго, что имъ Очаковъ, по перемѣнившемуся состоянію татаръ, болѣе совсѣмъ не нуженъ, какъ то прежде было, и они на Немировскомъ конгрессѣ возвращенія его отъ насъ для того только и требовали, чтобъ имъ обуздывать своевольство сего народа; да сверхъ того, свободное еще по Черному морю кораблеплаваніе и торговлю, въ залогъ утвержденія впредь собственнымъ на обѣ стороны интересомъ взаимныхъ подданныхъ добраго согласія, тишины и постояннаго мира между обѣими имперіями.

Для одержанія сихъ кондицій можно будетъ употребить и средство подкупленія котораго либо изъ турецкихъ министровъ, силу и кредитъ къ тому довольно имѣющаго, обѣщая ему еще и всѣ тѣ деньги, которыя отъ Порты при негоціаціи выговорены будутъ между другими Россіи удовлетвореніями, особенно за уступку Молдавіи и Валахіи.

Здѣсь представляется, по лучшему разумѣнію моему, образъ дѣйствій при рѣшительной Высочайшей резолюціи на отступленіе отъ Молдавіи и Валахіи, относительно скорѣйшей мирной негоціаціи съ турками, а можетъ быть не безъ вѣроятности, что тоже самое приведетъ и Вѣнскій дворъ къ смягченію надутой его осанки, когда по обстоятельствамъ и до его свѣдѣнія дойдетъ такое съ нашей стороны поступленіе, ибо тогда князю Кауницу конечно не останется больше, какъ единая персональная его ненависть и зависть къ дѣламъ нашимъ, чѣмъ бы ему ополчать противу насъ свой дворъ.

## СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ.

1772 г. О награжденіи чиновниковъ русскаго посольства, находившихся въ заключеніи въ Константинополѣ. См. Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества, т. XIII, стр. 294.

## 2147) КОПІЯ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНОЙ ЗАМѢТКИ ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Въ письмѣ къ гр. Н. И. Панину изъ Парижа отъ 5 Января 1772 г. повѣренный въ дѣлахъ Н. Хотинскій писалъ: „Обѣщанная Швеціи уплата долгу старыхъ субсидныхъ денегъ имѣла начаться съ нынѣшняго Генваря, въ самомъ дѣлѣ. Шведскій министръ старается теперь о томъ, и дошло сіе дѣло до того, что третьяго дня дюкъ Д' Егліонъ чинилъ съ нимъ распоряженія о векселяхъ".

*Сіе бы сообщить графу Остерману надлежало.*

## 2148) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ № 1 КЪ КНЯЗЮ В. М. ДОЛГОРУКОВУ [2]).

Нашему генералу аншефу князю Долгорукову.

Сколь ни желали бъ мы васъ здѣсь видѣть и оказать вамъ наше удовольствіе за всѣ ваши въ минувшую кампанію подвиги, кои служили къ пріобрѣтенію славы нашего оружія, но уважая надобность пребыванія вашего, какъ главнаго командира въ той сторонѣ, какъ для снабженія частныхъ командировъ потребными отъ времени до времени наставленіями, такъ и для нѣкоторыхъ политическихъ причинъ, не можемъ мы дать наше соизволеніе на пріѣздъ вашъ сюда, а потому мы увѣрены, что вы, узнавъ сію нашу волю, охотно по извѣстной намъ вашей ревности къ службѣ исполнить не отречетесь. Впрочемъ пребываемъ и проч. Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, Января 11 дня 1772 года.

Екатерина.

## 2149) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 27 КЪ ПОСЛУ САЛЬДЕРНУ ВЪ ВАРШАВУ [3]).

С.-Петербургъ, 12 Января 1772 г. (шифрованное).

Monsieur. D'après le tableau que V. E. a fait ici du déplorable état de la police à Varsovie, il a été trouvé indispensable de lui donner des ordres moins limités sur la conduite qu'elle a à tenir relativement à cet objet; c'est ce que je remplis par cette lettre, qui lui tiendra lieu d'explication et de supplément à ma lettre № 22. Quand Sa Majesté Impériale m'ordonna alors de vous prescrire, Mr., de ménager autant qu'il est pos-

---

[1]) М. Г. А. Франція III, св. 12.

[2]) М. Г. А. Турція X, св. 3.

[3]) М. Г. А. Польша III, св. 31.

[4]) См. Сборникъ И. Русскаго Истор. Общества, т. XCVII, стр. 464.

sible la jalousie du gouvernement sur votre participation à la police de la résidence, elle a naturellement entendu, qu'aprés l'avertissement si grave donné à ce même gouvernement par l'attentat commis contre la personne du roi, il serait pris par lui des arrangements aussi prompts qu'efficaces, non seulement pour se mettre à couvert à l'avenir de coups aussi sinistres, mais encore pour établir une sûreté suffisante dans la capitale. Mais dès que vous apercevez, qu'on n'est devenu ni plus sage, ni plus prévoyant, ni plus actif, ni mieux disposé, dès que les mêmes désordres et la même confusion règnent à Varsovie, dès qu'on continue à y être exposé à ces assemblées et à ces trames dans les couvents et à ce flux et reflux perpétuel de gens suspects, sans aveu ou mal intentionnés, qui vont et viennent sans qu'on prenne les moindres précautions contre eux, et surtout si ces dangers pour les suites existent également: V. E. dans un tel état, après avoir fait d'itératives représentations au roi sur l'indispensable nécessité où vous êtes de répondre à votre cour de la sûreté de sa personne, de la votre propre, de celles des officiers et des troupes qui sont avec vous; après avoir insisté pour que le gouvernement se prête encore à prendre de concert avec vous des mesures exactes et vigoureuses pour la police; si cet objet n'est point rempli par eux dans tous les points qui peuvent l'assurer, vous ne devez point balancer de concert avec mr. le lieutenant-général Bibikoff à prendre par vous même des mesures précises et plus indépendantes, soit pour garantir la personne du roi, soit pour empêcher ce désordre, des cabales et des troubles dans la ville, soit enfin pour vous mettre personnellement et les troupes de Sa Majesté Impériale à l'abri de toute entreprise, parce que le salut de la chose va avant toute autre considération, et fait ici votre unique loi. C'est au jugement de V. E. qu'est remis de concert avec le général de Bibikoff le choix des moyens propres à la sûreté de ces objets, ce n'est que quant à leur exécution même que je la prie de s'efforcer à la rendre le moins effarouchante que possible pour ces esprits déjà si déchainés contre nous et si prompts à saisir le premier prétexte de redoubler leurs clameurs.

Nous sommes ici dans la plus grande tranquillité sur l'envoi des ministres aux cours de Berlin et de Vienne. Nous savons ce qu'ils feront à celle-ci; et pour la première, dans les termes où nous en sommes vis-à-vis d'elle, un ministre polonais ne sera d'aucune influence sur sa résolution, qui déjà doit être prise ou qui assurement le sera indépendamment des affaires de la cour de Varsovie. Je réponds encore ici, m-r, à l'objet de votre lettre № 80. Par une conséquence de la conduite mesurée que nous nous sommes prescrite vis-à-vis des Autrichiens, et aussi pour ne par désavouer les promesses de notre ministre, le p-ce Galitzyne, V. E. s'expliquera dans les occasions convenables qu'elle laisse liberté entière

aux livranciers de cette couronne munis de certificats, mais sous main elle ne se donnera pas moins les soins nécessaires pour empêcher ou réduire au plus bas pied possible l'effet de leur commission. Pour moi je pense, que l'envoi de ces gens a plus pour objet de nous sonder et de s'assurer de nos propres mesures, que de servir effectivement à la formation de magazins. J'ai l'honneur d'être etc.

## 2150) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [1]).

Нашему генералу-поручику Щербинину.

Принявъ мы во всемилостивѣйшее уваженіе представленную отъ васъ, въ реляціи вашей отъ 29 Декабря минувшаго года, нужду, въ какой Ногайскія орды находиться могутъ въ теченіе настоящей зимы въ разсужденіи своего пропитанія, а равнымъ образомъ, апробуя и примысленные вами способы къ учиненію имъ при такихъ обстоятельствахъ вспоможенія, при семъ посылаемъ на ваши руки подъ отверстою печатью повелѣнія наши Воронежскому губернатору. Равно приказали мы потому же отправить изъ Военной Коллегіи указы крѣпости Святого Димитрія оберъ-коменданту и Донскому войсковому атаману; а изъ онаго вы усмотрите предписанныя отъ насъ въ семъ дѣлѣ мѣры сходными съ вашимъ представленіемъ. И пребываемъ впрочемъ нашею Императорскою милостію къ вамъ благосклонны.

Данъ въ С.-Петербургѣ, 18 Января 1772 года.

Подлинный подписанъ Ея Императорскимъ Величествомъ.

## 2151) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ КЪ ПОВѢРЕННОМУ ВЪ ДѢЛАХЪ И. МЕСТМАХЕРУ [2]).

С.-Петербургъ, 26 Января 1772.

Вчера получилъ я отъ васъ извѣстіе о толь важной въ Копенгагенѣ произведенной революціи. Мы имѣемъ причину думать, что она для блага и спасенія Даніи отъ совершеннаго развращенія весьма нужна была, и впредь полезна будетъ возвращеніемъ всѣхъ дѣлъ въ естественный ихъ порядокъ и теченіе. Не меньше ласкаю я себя, что сей переломъ способенъ и къ утвержденію взаимныхъ интересовъ

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ къ Е. А. Щербинину 1770—1775. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Р., 1871 г., IV, стр. 75.

[2]) М. Г. А. Давія, III, св. 9.

Россіи и Даніи, если только отнынѣ въ правленіи ея истребится вся прежняя необузданная вѣтренность.

Съ крайнимъ удовольствіемъ считаю я за долгъ себѣ отдать вамъ справедливую похвалу, что вы умѣли воспользоваться первымъ моментомъ къ изъясненію графу Остену здѣшнихъ желаній касательно возстановленія графа Бернсторфа. Пожалуйте продолжайте и далѣе вашими о томъ внушеніями по усмотрѣнію обстоятельствъ и чрезъ сего же министра, но тѣмъ не меньше, какъ въ настоящемъ случаѣ не безъ основанія сумнѣваться можно о истинной его склонности въ пользу графа Бернсторфа, постарайтесь еще и мимо его довести пристойнымъ образомъ внушенія ваши до вдовствующей королевы, потому что она теперь, бывъ главнымъ орудіемъ революціи, долженствуетъ быть въ силѣ и не можетъ сама по себѣ не доброхотствовать старику графу Бернсторфу по всѣмъ тѣмъ услугамъ, кои онъ ей прежде оказывалъ. Деликатность такого съ вашей стороны поступка взыскиваетъ сама собою отъ васъ осторожности, чтобъ оный графу Остену совершенно безызвѣстнымъ остался. Впрочемъ долженъ я еще рекомендовать вамъ, государь мой, чтобъ вы при всякомъ случаѣ въ разговорахъ вашихъ кстати и ко времени отзывались, но безъ всякой однакожъ аффектаціи, дабы инако показать съ нашей стороны вида, претензіи или какого либо предписыванія, что когда зло въ самомъ своемъ источникѣ отвращено и поправлено, то и нѣтъ кажется ни нужды, ни пристойности поступать съ виноватыми излишне строго, а особливо доходить до смертной казни, тѣмъ больше, что и безъ оной столь же много себя для переду обезпечить можно другими достаточными средствами, а симъ самымъ Его Датское Величество наиначе всего приближится къ образу мыслей и великодушныхъ дѣяній нашей всемилостивѣйшей Государыни, яко своей натуральнѣйшей союзницы и друга. Я почитаю, что сей убѣдительный резонъ можетъ вамъ послужить довольно къ отвращенію тѣхъ слѣдствій, кои бы склонились къ самой жестокости противъ впадшихъ нынѣ въ несчастіе.

Впрочемъ пребуду я и пр.

## 2152) ГРАМОТЫ КЪ ЭДИССАНСКОЙ (БУДЖАЦКОЙ, ДЖЕМБУЙЛУЦКОЙ И ЭДИСКУЛЬСКОЙ) ОРДАМЪ [1]).

По большомъ Императорскомъ титулѣ.

Какъ всѣ ногайскіе народы, содѣйствующу Всевышнему, пособіемъ побѣдоноснаго нашего оружія избавились отъ посторонняго порабощенія, въ которомъ оные толико лѣтъ воздыхали, и вступили въ нашу протекцію и съ нашею Всероссійскою Имперіею въ союзъ и дружбу, а между тѣмъ къ утвержденію славы и благоденствія сихъ наро-

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія.

домъ, всегда достойныхъ бывшихъ лучшей участи, составилась свободная и независимая татарская область, съ возвращеніемъ собственнаго верховнаго начальства законнымъ избраніемъ изъ древней татарской владѣтельной фамиліи на ханство новой области славнѣйшаго и свѣтлѣйшаго Сагибъ-Гирея, обязавшагося клятвою Крымскимъ полуостровомъ и всѣми ногайскими народами, независимо отъ Оттоманской Порты и ни отъ какой другой посторонней державы, управлять по древнимъ ихъ законамъ, обыкновеніямъ и обрядамъ и съ нашею Имперіею равнымъ образомъ состоять въ непремѣнномъ же союзѣ и дружбѣ, подъ нашимъ покровительствомъ; то мы, видя съ удовольствіемъ въ семъ случаѣ человѣколюбивыя наши намѣренія дѣйствительно исполненными, и коль всѣ ногайскіе народы принимаемымъ къ тому съ нашей стороны мѣрамъ и употребленнымъ стараніямъ и подвигамъ съ охотою соображались и послѣдовали, сею нашею Императорскою священною грамотою обнадеживаемъ и удостовѣряемъ оные народы вообще и каждый особенно, за себя и преемниковъ Россійскаго Императорскаго престола, что пока они въ настоящемъ положеніи и свободномъ состояніи оставаться будутъ, т. е. дружественными и союзными съ нашею Имперіею, начавшемуся вновь верховному татарскому правительству въ лицѣ хана крымскаго, избраннаго въ сіе достоинство въ независимости и вольными голосами по праву породы и наслѣдства, послушными и не подверженными искушеніямъ, могущимъ происходить иногда отъ завистниковъ ихъ благополучія и недоброжелателей, чтобъ вовреще татаръ въ бездну прежнихъ несчастій возвращеніемъ подъ иноплеменничью насильственную власть, но вопреки всѣхъ подобныхъ происковъ и кововъ пріобрѣтенную ими драгоцѣнную вольность и независимость всѣми своими силами сохранять и защищать будутъ, не допуская между себя распространяться и укореняться вреднымъ развратамъ, всѣ оные народы при такихъ обстоятельствахъ со стороны нашей Всероссійской Имперіи имѣютъ пользоваться не только покровительствомъ, охраненіемъ и самою дѣйствительною обороною, но и сверхъ того всѣ возможныя имъ выгодности и уваженія оказываны будутъ, въ чемъ во всемъ и да будетъ торжественнымъ залогомъ сія наша высочайшая грамота, которую мы повелѣли отправить съ присланными къ нашему Императорскому двору Эдиссанскими съ Денгисъ-Мурзою, Бимембетъ-Мурзою, Теняй-Агою и Акай-Агою, уповая совершенно, что Эдиссанскіе начальники, мурзы, аги и все общество, по полученіи оной, увѣдомясь во всемъ пространствѣ, сколь мы склонны находимся споспѣшествовать и впредь благосостоянію татарскихъ народовъ и новой свободной и независимой татарской области, исполнятъ сердца свои должною благодарностью и непремѣнно такимъ образомъ поступать будутъ, чтобъ взаимная довѣренность время отъ времени возрастала и нашъ Россійскій Императорскій престолъ всегда былъ надежнымъ прибѣжищемъ для всѣхъ татаръ, бывшихъ въ утѣсненіи, въ порабощеніи, и лишенныхъ всѣхъ способовъ къ препровожденію удобной и безопасной жизни, но избавленныхъ, возставленныхъ и обезпеченныхъ уже милосердымъ провидѣніемъ Всевышняго, внушившаго намъ справедливое объ нихъ сожалѣніе, за что мы усердное принося благодареніе Его всемогуществу, милостиво привѣтствуемъ всѣ татарскіе народы толикимъ доставленнымъ имъ отъ насъ благополучіемъ.

Отдавая съ удовольствіемъ достойную похвалу и засвидѣтельствованіе особенно Эдиссанской орды благонамѣренному обществу, какъ предшествовавшему всѣмъ прочимъ соглашеніемъ съ нашими полезными о татарахъ видами, и какъ первому и дѣйствительно по тому поступившему, а паче всѣхъ изъ сего общества вы, почтенный начальникъ Джанъ-Мамбетъ-бей, достойными себя учинили отличнаго нашего благоволенія

за первоначальный вашъ въ семъ спасительномъ предпріятіи подвигъ и вселенныя мысли ногайскимъ народамъ къ исключенію себя изъ-подъ иноплеменничьей и совсѣмъ для нихъ несвойственной власти, въ знакъ чего и посылается при семъ къ вамъ сабля отъ нашего Монаршего лица; а отъ прочихъ начальниковъ, мурзъ и всякаго состоянія людей, принадлежащихъ къ Эдиссанской ордѣ, мы ожидаемъ и надѣемся, что всегда сохранятъ они къ вамъ надлежащее уваженіе, какое вы и отъ всѣхъ татаръ безъ изъятія заслуживаете за ваше ихъ руководство къ свободѣ, независимости и къ отрадѣ, не только настоящей, но и дальняго потомства. Отпуская же мы такимъ образомъ отъ нашего Императорскаго двора Эдиссанскихъ посланниковъ, охотно подаемъ свидѣтельство и объ нихъ, что во всю свою при ономъ бытность вели себя пристойно и порядочно и тѣмъ совершенно соотвѣтствовали возложенной на нихъ отъ Эдиссанскаго народа довѣренности. Дана сія наша Императорская грамота, которую мы для полной достовѣрности государственною нашею печатью утвердить повелѣли, въ столичномъ нашемъ городѣ С.-Петербургѣ, въ 28 день Генваря мѣсяца, отъ Р. Х. 1772-го года, а государствованія нашего десятаго лѣта.

(Конецъ грамотъ къ Буджацкой, Джембуйлуцкой и Эдишкульской ордамъ):

Отдавая достойную похвалу и засвидѣтельствованіе главному ногайскому начальнику Джанъ-Мамбетъ-бею, за его въ семъ нашемъ великодушномъ предпріятіи содѣйствіе и оказанный собою первый примѣръ прочимъ начальникамъ къ сложенію ига, состоянію ногайскихъ народовъ и древней ихъ славѣ не свойственнаго и въ прочемъ неудобьносимаго, и къ пріобрѣтенію свободы, независимости и отрады, не только для себя, но и для дальняго своего потомства, почему мы къ особливой нашей благоугодности и воспріимемъ, когда всѣ безъ изъятія начальники, мурзы и аги ногайскіе сохранятъ къ нему всегда надлежащее уваженіе, мы охотно такожде при отпускѣ Буджацкихъ (Джембуйлуцкихъ, Эдишкульскихъ) посланниковъ подаемъ и объ нихъ свидѣтельство, что во всю свою бытность при нашемъ Императорскомъ дворѣ вели себя пристойно и порядочно и тѣмъ совершенно соотвѣтствовали возложенной на нихъ отъ Буджацкаго (отъ Джембуйлуцкаго, отъ Эдишкульскаго) народа довѣренности. Дана сія наша Императорская грамота, которую мы для полной достовѣрности государственною нашею печатью утвердить повелѣли, въ столичномъ нашемъ городѣ С.-Петербургѣ, въ 28 день Генваря мѣсяца, отъ Р. Х. 1772-го года, а государствованія нашего десятаго лѣта.

Подлинныя грамоты утверждены государственною печатью.

## 2153) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КНЯЗЮ В. М. ДОЛГОРУКОВУ [1]).

Милостивый государь мой Князь Василій Михаиловичъ.

Прилагая при семъ письмо мое къ находящемуся въ Крымѣ ст. сов. Веселицкому, покорно в. с—во прошу приказать немедленно и вѣрно къ нему отправить. А дабы не утрудить васъ, м. г. м., повтореніемъ содержанія онаго, точная здѣсь же и копія слѣдуетъ, изъ которой в. с—во изволите усмотрѣть, что дальнѣйшее со стороны Веселицкаго домогательство относительно нашего исканія о крѣпостяхъ и Портѣ, которое, повин-

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ и писемъ къ кн. В. М. Долгорукову, 1770—1783.

димому, и производилъ онъ, къ сожалѣнію, съ торопостію, и едва ли и съ употребленіемъ всѣхъ предписанныхъ въ семъ дѣлѣ мѣръ, способовъ и изъясненій, за благо разсуждается оставить до прибытія въ Крымъ полномочнаго Ея Императорскаго Величества, и коимъ образомъ по предъявленному имъ Веселицкимъ недостатку въ деньгахъ нужно учинить ему и непродолжительное снабдѣніе, зависимое для непотерянія времени отъ распоряженія и опредѣленія в. с—ва. Итакъ, я и о семъ равнымъ образомъ прошу васъ, м. г. м.; но сколько ему на чрезвычайные, а однакожъ необходимые расходы отпустить, въ собственное в. с—ва разсмотрѣніе и лучшее крымскихъ обстоятельствъ свѣдѣніе предаю; а почитаю только не за излишно, если при томъ рекомендовать ему изволите, наблюденіе и надлежащей экономіи. Что же касается до отправленнаго сюда отъ хана Крымскаго нарочнаго мурзы съ представленіями и съ письмомъ къ Калгѣ-султану, по обстоятельству тогожъ о крѣпостяхъ и Портѣ предмета, но удержаннаго в. с—вомъ въ Полтавѣ, по причинѣ случившейся въ бытность его уже тамъ одному изъ его товарищей смерти, то и можетъ онъ обратно отправленъ быть съ слѣдующими здѣсь же отъ Калги-султана письмами, которыя, по полученіи отъ него будучи открыты, оказались содержащими только увѣдомленіе о его сюда прибытіи и пріемѣ и о принятомъ намѣреніи отправить въ Крымъ нарочную особу, о чемъ о всемъ я предоставляя в. с—ву съ большею однакожъ точностью впредь сообщить, спѣшу теперь пересылкою оригиналовъ для того, чтобъ доставленіемъ оныхъ въ Крымъ ханъ и правительство тамошнее успокоены быть могли въ разсужденіи Калги султана. Впрочемъ всегда пребуду и проч.

Въ Петербургѣ, 31 Января 1772 года.

## СОБСТВЕННОРУЧНЫЙ РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГЕНЕРАЛЪ-МАЮРУ Е. КАШКИНУ.

Январь 1772 г. Объ отправленіи его при адмиралѣ Нользѣ на Дунай для починки взятыхъ у непріятеля и постройки новыхъ судовъ. См. Сборникъ Императ. Русск. Историч. Общества, т. XIII, стр. 215.

## СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЧЕРНОВАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ.

Январь или Февраль 1772 г. Объ отправленіи адмирала Нольза на Дунай для вооруженія и постройки тамъ судовъ. См. Сборникъ, т. XIII, стр. 216—218.

## 2154) ИНСТРУКЦІЯ СТАТСКОМУ СОВѢТНИКУ СИМОЛИНУ, ОТПРАВЛЯЕМОМУ КЪ ФЕЛЬДМАРШАЛУ ГР. РУМЯНЦЕВУ ДЛЯ МИРНЫХЪ ПЕРЕГОВОРОВЪ СЪ ТУРКАМИ [1]).

5 Февраля 1772 г.

En conséquence des ordres déjà expédiés au feldmaréchal comte Roumiantzof, vous serez employé par lui soit à la négociation d'un

[1]) М. Г. А. Турція, III, св. 19.

armistice entre les deux parties belligérantes, soit à toute autre commission qui pourrait exiger des deux parts l'envoi de personnes accréditées, et vous vous conduirez, quant à l'objet dont vous serez chargé, d'après les instructions propres qui vous seront données par ce général.

Mais dans l'un ou l'autre cas, il vous est enjoint d'ici, à l'occasion des conférences qui se tiendront entre vous et les commissaires de la Porte, de vous attacher à faire naître, et de saisir un moment favorable pour placer des insinuations tendantes à établir entre les deux cours une négociation directe pour la paix.

La nature de l'objet et l'à-propos à trouver pour faire de telles insinuations ne permettent pas de vous spécifier des règles fixes pour votre conduite; vous la mesurerez d'après les connaissances que vous acquérerez de l'état de la personne, avec qui vous aurez à traiter, de son caractère, de son rang, de ses dispositions personnelles pour la paix et de son crédit à sa cour, et cette appréciation est entièrement remise à votre sagacité et à votre zèle pour le service.

Il est seulement essentiel de vous donner quelques éclaircissements sur les motifs qui doivent déterminer les deux cours à préférer la voie d'une négociation immédiate à toute autre.

L'état respectif des deux empires avant cette guerre; la marche des affaires entre eux jusqu'à cette époque; les causes qui ont porté les Turcs à une rupture; les événements de la guerre; les ouvertures du comte Roumiantzof au Visir, enfin les démarches et les négociations médiates pour la paix par l'entremise des cours de Berlin et de Vienne, vous sont connues, et vous y avez déjà puisé une ample matière à des raisonnements, dont vous puissiez appuyer vos insinuations. Voici d'ailleurs ceux qui semblent les plus propres à faire impression sur les Turcs, que par conséquent vous employerez le plus souvent et que vous chercherez à leur montrer dans toute leur force et leur valeur.

L'éloignement de Sa Majésté Impériale pour toute contestation avec ses voisins s'est manifesté dès le commencement de son règne et a été prouvé par toutes ses actions. Il n'existe point d'autre ambition en elle que de faire jouir ses sujets des avantages de la tranquillité et du bon ordre intérieur et de ceux d'une communication avec leurs voisins, assurée sur la protection d'une paix permanente. Celle qu'elle a trouvée heureusement subsistante entre son empire et la Turquie était sacrée pour elle, autant par les vues bienfaisantes qui forment son caractère, que par la foi des traités, et la Porte elle même n'ignore pas, combien on lui a fait violence, quand la malice des hommes l'a forcée à recourir aux armes pour sa défense.

Que la Porte reconnaisse elle même, combien de ressorts on a fait jouer auprès d'elle pour l'entraîner à déclarer la guerre à la Russie, et encore, combien il était difficile à ses instigateurs de lui fournir des prétextes de rupture, puisque l'objet sur lequel on l'a séduite est d'un intérêt aussi évident et aussi palpable pour elle et pour tous les voisins de la Pologne, que pour la Russie. Car enfin quelles sont les opérations de la Russie en Pologne? Une troisième élection plaçait sur le trône la troisième génération de princes déjà puissants par eux-mêmes; le nombre de créatures acquises à cette famille pendant deux règnes ne laissait point de doute aux plus incrédules, qu'à la première occasion favorable le troisième roi Saxon ne réussît à faire déclarer la couronne héréditaire, projet dont le plan avait été déjà tout jeté par le premier.

L'interruption de cette succession était un coup d'état pour la Turquie, à moins qu'elle ne méconnaisse, combien il serait différent pour elle, que la Pologne fut un état monarchique héréditaire, capable de mettre en action toutes ses forces, ou une république telle qu'elle est.

C'est cet intérêt visible qu'on a assuré, en faisant reconnaître pour loi publique et immuable cet état électif de la couronne de Pologne, laquelle originairement fut héréditaire, qui n'était censée élective que par habitude, et à laquelle les princes Saxons qui l'ont possédée mettaient toujours pour titre, à côté des suffrages de la nation, leur descendance d'anciens princes héréditaires, les Jagellons.

Toutes les autres opérations en Pologne ne sont que des accessoires, propres à confirmer cet état de république et de trône électif: tel le *liberum veto,* statué comme loi immuable; telle même cette assurance de l'égalité des citoyens nobles dans la cause des dissidents. On défie de citer aucune constitution faite en Pologne sous la participation de la Russie, non seulement qui puisse préjudicier aux intérêts de la Porte, mais encore qui pût être faite autrement sans désavantage pour elle.

Ce qui se dit ici de la Porte, n'est pas d'une vérité moins incontestable quant à la cour de Vienne, et elle est trop éloignée de trouver du mécompte à ses intérêts dans tous les arrangements faits en Pologne, pour que ce soit de là que parte l'envie qu'elle porte aux affaires de la Russie. Il ne serait pas moins absurde de l'attribuer à un penchant de prédilection pour les avantages de l'empire Ottoman. On n'a qu'à mettre les Turcs sur les voies. Ils trouveront d'eux mêmes, si par la position de leurs états, par l'humiliation de la cour de Vienne à la dernière paix avec eux, enfin par les fastes des deux monarchies et de chaque état dont la cour de Vienne est venue à bout de former sa puissance actuelle, ils peuvent jamais établir de la confiance sur l'amitié des Autrichiens.

Il ne doit plus leur rester qu'à sentir et avouer la vérité de la chose; c'est que les dispositions présentes de la maison d'Autriche à l'égard de la Russie ne viennent que de la face que l'Impératrice, en montant sur le trône, a donnée aux vrais intérêts de son empire par une conséquence de ses sentiments pacifiques.

Dans le système qu'elle a adopté de vivre en bonne union avec tous ses voisins, elle a dû juger incompatible avec ses principes l'ancien système d'union permanente entre la Russie et la maison d'Autriche contre la Porte. Quand elle s'attache à faire fleurir ses états par la paix; quand elle éloigne tout désir de conquête; quand elle veut que ses peuples et les peuples des puissances voisines concourrent à accroître leur bonheur respectif par la communication des avantages et des commodités propres à chacun, elle a dû rompre les liens qui l'auraient assujettie à servir la passion et l'intérêt des autres. L'Impératrice s'est donc détachée de l'alliance de la maison d'Autriche, et si cette séparation de l'allié qui pouvait l'assister le plus efficacement contre la Porte est la preuve la plus incontestable, que toute idée d'attaque contre cette puissance répugnait à sa pensée, la haine marquée que cette séparation a inspirée à l'Autriche, pourra faire juger à la Porte, qui était la mieux intentionnée pour elle des deux cours; et probablement celle de Vienne, dans le crédit qu'elle s'est acquis à la Porte, dans la part qu'elle recherche avec tant d'ardeur dans la négociation, ne cherche qu'à amener la Russie au terme de revenir à une alliance, si favorable à la position de la maison d'Autriche et aux vues d'agrandissement qui font sa maxime immuable de politique, ou bien, par les entraves qu'elle mettrait à la paix, de prolonger les calamités des deux nations, d'énerver les deux puissances l'une par l'autre, afin de dominer avec plus d'assurance et leur dicter la loi dans leur affaiblissement.

Quelle conséquence en reste-t-il à tirer à la Porte? C'est qu'elle court le risque, que l'influence étrangère ne lui soit aussi funeste dans la paix, qu'elle lui a été incontestablement dans la guerre. Et l'intérêt d'une telle position, quand elle l'écoutera sans se laisser aveugler par l'influence étrangère, peut-il lui donner d'autre conseil, que de rétablir la paix avec une puissance, qui n'a désiré que d'être en bonne union avec elle? Mais de la rétablir cette paix par elle-même; de la régler sur les intérêts réels des deux états, lesquels ne consistent que dans l'union des sujets respectifs et les secours mutuels qu'ils peuvent se procurer les uns aux autres, et de ne point la soumettre au concours d'intérêts étrangers qui ne veulent y entrer que pour rendre la réconciliation des deux cours moins sincère et moins durable.

Quelques soient les succès, dont les armes de la Russie ont été couronnées dans une guerre aussi juste, Sa Majesté Impériale, ne perd point de

vue les principes immuables par lesquels elle veut règner; elle ne s'aveuglera point par l'espérance de pousser plus loin ses conquêtes. Dès que les Turcs entreront de bonne foi dans les mêmes dispositions qu'elle de pacifier leur querelle, surtout s'ils préfèrent, comme l'intérêt réciproque doit le dicter, une négociation directe par un congrès entre les deux cours sans la participation de ceux qui veulent à toute force s'y immiscer, ils seront sûrs de trouver en elle autant et plus de facilités et d'obtenir plus de concessions de sa part, que si la négociation doit subir les entraves de l'influence étrangère, laquelle doit être au moins aussi suspecte à la Porte qu'à la Russie, et dont l'effet jusqu'à ce jour n'a été que de jeter de la défiance entre les deux états, et d'empêcher entre leurs peuples ces relations heureuses qui communiqueraient de l'un à l'autre les productions de pays si fertiles et si abondants, tandis que l'étranger détourne à son profit ces richesses et en frustre les vrais propriétaires.

De cette façon, vous leur proposerez un congrès pour la paix entre les deux seules cours qui y sont intéressées, et vous chercherez par les raisons les plus convaincantes à leur en démontrer l'avantage pour eux-mêmes. Toutefois vous ne donnerez point à vos insinuations l'autorité de propositions formelles qui vous seraient ordonnées, mais vous les présenterez comme le sentiment et les réflexions d'un homme initié dans les affaires et à qui les dispositions de votre cour sont assez connues pour que vous puissiez croire, qu'une telle mesure serait agréée par elle.

Comte N. Panine.

## 2155) ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ВДОВСТВУЮЩЕЙ КОРОЛЕВѢ ДАТСКОЙ ЮЛІАНѢ-МАРІИ [1]).

(Послѣ 6 Февраля 1772 г.).

Madame ma soeur. Votre Majesté m'ayant fait connaître par sa lettre du 6 Février, que pour donner à mes intentions touchant la succession future des enfants de feu S. A. le duc Antoine-Ulric de Brunswick la sanction requise, il serait nécessaire que je la munisse d'un acte formel, dans lequel mes dispositions à cet égard fussent clairement énoncées, j'ai d'abord ordonné de dresser un document pareil. Votre Majesté le reçoit ci-joint, revêtu de toutes les formalités propres à le mettre au niveau des actes les plus solennels. Elle verra que j'y ai pris à tâche de ne lais-

[1]) М. Г. А. Данія I, св. 1.

*

ser subsister aucun doute sur l'emploi qu'il s'agira de faire un jour de la dite succession et que dès lors il ne pourra plus exister en temps et lieu la moindre difficulté ni contestation à ce sujet. J'ai été charmée de pouvoir prouver à Votre Majesté par mon empressement à la mettre en possession de cet instrument, mon envie sincère de l'obliger et de constater par là de nouveau les sentiments d'amitié et de haute considération, avec lesquels je suis,

Madame ma soeur,
de Votre Majesté
la bonne soeur et fidèle amie.

### ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ КОРОЛЮ ПРУССКОМУ ФРИДРИХУ II.

8 Февраля 1772 г. Напеч. въ Сборникѣ Имп. Русск. Истор. Общества, т. XX, стр. 315—317.

### РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ВИЦЕ-АДМИРАЛУ А. Н. СЕНЯВИНУ.

8 Февраля 1772 г. О командированіи адмирала Нольза и постройкѣ 2-хъ фрегатовъ. Напеч. въ Сборникѣ, т. XIII, стр. 219—220.

### 2156) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КН. Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ [1]).

*Быть по сему.*

С.-Петербургъ, 10 Февраля 1772 г. Напеч. въ Сборникѣ, т. LXXII, стр. 16—20, (при депешѣ графа Сольмса, отъ 14 Февраля 1772 г.).

Къ оригиналу письма приложенъ нижеслѣдующій постскриптъ, писанный гр. Панинымъ собственноручно:

P. S. Ваше с—во несомнѣнно сами примѣчать изволите, что принцъ Кауницъ ведетъ въ единой формѣ переговоровъ начатую съ вами негоціацію, можетъ быть и для того, чтобы опять поднять свой диктаторскій тонъ опредѣленіемъ намъ отъ себя нашихъ въ Польшѣ удѣловъ, представляя себѣ, что мы еще не имѣли время съ королемъ Прусскимъ съ точностью согласиться; чего ради я разсудилъ лучшимъ, съ одной стороны открыть сему министру чрезъ сообщаемый здѣсь вамъ планъ [2]), съ какою точностью мы рѣшилися уже прежде съ нашимъ союзникомъ, а съ другой—оградить себя тою же осторожностью, чтобы и вы по его примѣру негоціировали съ нимъ формою однихъ переговоровъ, пока онъ самъ, приближаяся къ дѣлу, оную перемѣнитъ. А посему вы, милостивый мой государь, извольте изъ французскаго моего письма и изъ приложеннаго къ нему плана сдѣлать такое же употребленіе, какое вы сдѣлали изъ перваго моего письма по сей же матеріи, предостерегая только, чтобъ кн. Кауницъ не счелъ, что вамъ особливо отсюда предписано учинить такимъ образомъ, но напротивъ

[1]) М. Г. А. Австрія III, св. 24.

[2]) См. ниже Plan d'un concert etc.

того, остался бы онъ увѣреннымъ, что вы сіе дѣлаете единственно по очевидной въ письмѣ моемъ откровенности, не имѣвъ о томъ никакого точнаго и особеннаго предписанія, и для того самаго не можете своихъ оригиналовъ, ниже съ нихъ своей канцеляріи копіи отдать къ нему въ архиву, а испрашиваете ихъ возвратно потомъ, когда онъ для облегченія своей памяти и точнѣйшаго доношенія Ихъ Императорскимъ Величествамъ сдѣлаетъ изъ оныхъ надлежащее употребленіе.

Также покорно прошу в. с—во удостовѣрить кн. Кауница, что съ моей стороны ни единый посторонній дворъ не узнаетъ о нашемъ настоящемъ соглашеніи, и что я столько жъ какъ и онъ увѣренъ, что Англійскій дворъ можетъ и съ Франціею соединенно искать отвращать и препятствовать нашимъ намѣреніямъ, которыя несумнѣнно одни только могутъ рѣшить настоящій кризисъ, отвратить новое пролитіе христіанской крови и постановить твердѣйшее основаніе къ продолженію и ненарушенію общаго въ Европѣ покоя. Пребываю и проч.

## PLAN D'UN CONCERT ARRÊTÉ ENTRE SA MAJESTÉ IMPÉRIALE DE TOUTES LES RUSSIES ET SA MAJESTÉ LE ROI DE PRUSSE CONSÉQUEMMENT A LA SITUATION ACTUELLE DES AFFAIRES DE POLOGNE [1]).

(Принадлежитъ къ письму гр. Н. И. Панина къ кн. Д. М. Голицыну, въ Вѣну, отъ 10 Февраля 1772 г.).

Напеч. въ Сборникѣ, т. LXXII, стр. 20—24 (при депешѣ гр. Сольмса отъ 14 Февраля 1772 г.)

## РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ.

13 Февраля 1772 г. Напеч. въ Сборникѣ, т. I, стр. 78—79.

## 2157) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ [2]).

С.-Петербургъ, 13 Февраля 1772 г.

Все то, что я въ послѣднемъ моемъ письмѣ къ в. с-ву, отъ 31 Декабря прошлаго года, полагалъ наугадъ въ разсужденіи Вѣнскаго двора одними только политическими исчисленіями, оное теперь къ крайнему удовольствію нашему начало уже собываться въ самомъ дѣлѣ, ибо сей дворъ недавно отозвался къ министру Ея Императорскаго Величества, что онъ не только новыя наши мирныя предложенія во всемъ справедливыми признаетъ, но и хочетъ еще, при подкрѣпленіи ихъ во свое время, приступить между тѣмъ къ нашему съ королемъ Прусскимъ на миръ положенному плану, чтобы каждой сторонѣ себѣ отъ

[1]) М. Г. А. Австрія III, св. 24.

[2]) М. Г. А. Турція, X, св. 3.

Польши сдѣлить и присвоить въ наказаніе и укрощеніе тамошнихъ неустройствъ. Такимъ въ дѣлахъ счастливымъ оборотомъ пріобрѣтаемъ мы теперь весьма важныя и несумнительныя выгоды. Во первыхъ, окончаніе войны турецкой становится вѣроятнымъ и возможнымъ въ скоромъ времени, чего каждый Россіянинъ сердечно желать долженствуетъ для утвержденія и запечатлѣнія какъ поверхности нашей надъ Портою Оттоманскою, такъ и славы всемилостивѣйшей Государыни въ томъ, что она, сверхъ ожиданія Европы и противу зависти знатнѣйшихъ дворовъ, предуспѣваетъ поставить систему свою на твердомъ и непоколебимомъ основаніи, чрезъ привлеченіе къ ней самыхъ большихъ ея завистниковъ. Во-вторыхъ, соединеніемъ нашимъ съ Вѣнскимъ и Берлинскимъ дворами, которое натурально произведетъ взаимную ихъ другъ другу гарантію на общественныя всѣхъ трехъ сторонъ пріобрѣтенія и владѣнія, получитъ Россія собственнымъ своимъ совершенную безопасность на настоящее время, купно же и прочное для переду обезпеченіе. Не уступитъ симъ двумъ великимъ выгодамъ, или паче превзойдетъ ихъ еще та, что Ея Императорское Величество, средствомъ своей системы и соединенія своего съ знатнѣйшими на твердой землѣ Европы державами, Австріею и Пруссіею, впрочемъ между собой толь близкими, но безпосредственнымъ сосѣдствомъ не граничащими однакожъ съ Россіею, сдѣлается необходимо арбитромъ мира и общей тишины, вѣрнѣе и болѣе, нежели когда Франція и морскія державы разными своими постановленіями и трактатами до того достигнуть могли въ опредѣленіи прочнаго равновѣсія между членами и частями христіанской республики.

В. с-во, какъ патріотъ и какъ мужъ истиннаго просвѣщенія, согласитесь конечно со мною въ основательности ихъ заключеній, а особливо, если притомъ взять еще въ надлежащее уваженіе и внутренность отечества. Сколь война наша ни счастлива, но даетъ однакожъ чувствовать тягость свою, особливо же съ того времени, какъ бичъ гнѣва Божія, смертоносная язва, продралась въ Москву и лучшія наши провинціи, гдѣ отъ оной торговля и циркуляція приведены въ знатное замѣшательство къ осязательному затрудненію отъ того и всѣхъ государственныхъ оборотовъ.

Для лучшаго в. с-ву усмотрѣнія всего въ Вѣнѣ происходившаго, поставляю я за долгъ званія моего и персональной моей къ вамъ преданности сообщить здѣсь точные переводы съ послѣдней отъ кн. Дм. Мих. Голицына полученной экспедиціи.

Позвольте мнѣ затѣмъ, м. г. м., препровождая симъ слѣдующій здѣсь высочайшій Ея Императорскаго Величества рескриптъ съ присвоенными настоящему времени предписаніями, присовокупить еще партикулярное мое мнѣніе по пункту постановляемаго съ Портой

перемирія, о которомъ теперь конечно уже сдѣлано Портѣ съ стороны Вѣнскаго двора предложеніе, и чаятельно она уже и согласную съ тѣмъ резолюцію приняла.

Какъ я съ самаго начала изъясненій нашихъ съ Вѣнскимъ дворомъ не отчаявался довесть его до желаемаго, нынѣ же въ полной мѣрѣ одержаннаго края, то въ сихъ мысляхъ и почиталъ всегда заключеніе временнаго перемирія нужнымъ и полезнымъ, какъ для того, чтобъ и сему двору на размышленіе и рѣшеніе себя по истиннымъ своимъ интересамъ дать довольное время, не тревожа его между тѣмъ новыми надъ непріятелемъ, въ настоящемъ положеніи оружія больше блестящими, нежели прямо важными успѣхами, такъ и потому еще, чтобъ въ случаѣ совершеннаго его ослѣпленія открыть себѣ безпосредственную дорогу къ сношеніямъ съ Турками и средствомъ оной стараться достигнуть съ ними частнаго мира, дабы послѣ тѣмъ въ большихъ силахъ и выгодахъ быть и ополчаться противу Австрійцевъ, еслибъ они покусились на дѣйствительный съ нами разрывъ въ пользу Оттомановъ, а по крайней мѣрѣ рождать и содержать между ими симъ способомъ безпрестанную другъ къ другу недовѣрку. Теперь мнѣніе о пользѣ и нуждѣ перемирія толь меньше вноситъ какую-либо въ усмотрѣніи моемъ перемѣну, что и обстоятельства сами по себѣ перемѣнились и сдѣлались намъ больше выгодными, слѣдовательно же и требуютъ облегченія, а не затрудненія всякихъ способностей къ миру, дабы намъ оный въ продолженіе и подъ тѣнію ихъ что скорѣе, то лучше заключить и чрезъ то самое домашнія, туго натянутыя струны поспустить.

Дружба и преданность моя къ в. с-ву, кои всегда были и пребудутъ правиломъ поступковъ моихъ къ вамъ, заставили меня говорить съ вами съ толикою откровенностью, зная совершенно, что вы ее въ истинной цѣнѣ принять изволите отъ человѣка, нѣсколько уже искусившагося и опредѣлившаго себя быть непремѣнно съ высокопочитаніемъ и проч.

## 2158) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Въ письмѣ къ гр. Н. И. Панину отъ 14 Февраля 1772 г. повѣренный въ дѣлахъ въ Копенгагенѣ И. Местмахеръ, излагая подробности паденія фаворита королевы Датской Струэнзе, писалъ: «Касательно пункта о будущемъ рокѣ впадшихъ нынѣ зѣсь въ несчастіе людей, я не преминулъ, по высокому в. с—ва мнѣ предписанію, въ моихъ разговорахъ о томъ отзываться; [2]) всѣ, коимъ я о томъ говорилъ, единодушно, да и нѣкоторые со слезами, прославляли великодушіе и человѣколюбіе Ея Императорскаго Величества нашей

[1]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки императрицы Екатерины II, св. 1.

[2]) См. выше № 2151.

Монархини, такъ убѣжденными находились къ послѣдованію такому безпримѣрному Ея Величества образу мыслей, что не помышляли уже какъ о избѣжаніи всякаго строгаго виноватымъ наказанія [1]); но какъ послѣ того, сличая такое милосердіе съ будущею безопасностью, оную безъ смертной казни по крайней мѣрѣ графамъ Струэнзе и Бранту утвержденною никакъ не видять, такъ де съ сокрушенными сердцами на такую вынужденную крайность поступить принуждены будутъ. Главнѣйшими къ тому побудительству причинами полагаютъ королевины Каролины-Матильды отмстительный нравъ и продолжающуюся къ гр. Струэнзе страсть; какъ в. с—ву уже извѣстно, будучи по разводу съ королемъ назначена для жительства въ какой-нибудь въ провинціяхъ замокъ, оттуда освободиться можетъ и, вѣдая въ живыхъ своего въ заточеніи страждущаго фаворита, не оставитъ его изъ онаго вывесть, отчего воспослѣдуетъ съ одной стороны кровное отмщеніе, а съ другой—отъ народа, по его къ королевѣ и Струэнзе, кои де всѣ мѣры пристойности преступили, великой злобѣ, опаснѣйшія возмущенія".

Если опасаются королевиной мщеніе (sic), то болѣе еще оной опасаться имѣютъ, если она найдетъ своихъ фаворитовъ умерщвлены, нежели ихъ въ живыхъ увидитъ; но не въ семъ дѣло состоитъ. Мое мнѣніе есть, что если Датчане дозволятъ своему слабому гдрю (государю) разговѣться и кровь проливать единожды, то онъ имъ всѣмъ, а по крайней мѣрѣ многимъ, головъ пересѣчетъ; напишите сіе съ первой почтой къ Местмахеру.

## 2159) ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ХРИСТІАНУ VII, КОРОЛЮ ДАТСКОМУ [2]).

Monsieur mon frère. Les sentiments invariables qui m'unissent à V. M. m'engagent à prendre une part entière aux fâcheuses circonstances, dont elle a trouvé bon de m'informer. Dans cette triste situation mon amitié pour Votre Majesté me persuade qu'après avoir fait ce que la justice et la tranquillité de son peuple lui ont paru exiger d'elle, elle ne laissera pas moins place à l'équité et à la clémence pour ceux qui malheureusement se trouveront coupables. Mais en tout temps mes voeux pour son bonheur sont aussi sincères qu'est parfaite la considération, avec laquelle je suis,

Monsieur mon frère,
de Votre Majesté
la bonne soeur
Catherine.

A St-Pétersbourg,
le 19 Février 1772.

[1]) Императрица ходатайствовала за преступниковъ передъ королемъ Датскимъ.
[2]) М. Г. А. Данія I, св. 1.

## 2160) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ № 2 КЪ КН. В. М. ДОЛГОРУКОВУ [1]).

Нашему генералу аншефу князю Долгорукову.

Принявъ мы во всемилостивѣйшее уваженіе учиненное вами представленіе въ реляціи вашей отъ 14-го Декабря минувшаго года, о пожалованіи Запорожскому войску похвальной грамоты, за оказанную онымъ во время прошедшей кампаніи къ службѣ нашей ревность и прилежность, особливо по случаю употребленія ихъ къ маскированію Очакова, дѣйствительно такую грамоту на ваши руки присемъ посылаемъ и съ копіею, для извѣстія вашего

Вы отправите сію грамоту къ Запорожцамъ съ нарочнымъ офицеромъ и снабдите его наставленіемъ, какимъ образомъ онъ поступить имѣетъ, чтобъ со всею должною пристойностью съ его стороны вручена, а отъ Запорожцевъ принята была, и о чемъ вы въ свое время и сюда донесете. Впрочемъ же мы нашею Императорскою милостію и пр. Данъ въ Санктъ-Петербургѣ 22-го Февраля 1772 года.

Екатерина.

Къ этому рескрипту приложена нижеслѣдующая грамота къ Запорожскому войску:

### Копія съ Высочайшей грамоты къ войску Запорожскому [2]).

Нашего Императорскаго Величества подданному Низоваго войска Запорожскаго кошевому атаману и всему войску Запорожскому наше Императорскаго Величества милостивое слово.

Предводительствующій второю нашею арміею генералъ-аншефъ князь Долгоруковъ доношеніями своими засвидѣтельствовалъ намъ, что во всю прошедшую кампанію отъ подданнаго нашего Низоваго войска Запорожскаго по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ оное по распоряженіямъ его находилось и упражнено было, возложенная служба исправляема была съ ревностію и возможнымъ прилежаніемъ. Мы будучи всегда полезнаго мнѣнія о должномъ къ намъ и къ службѣ нашей усердіи Низоваго войска Запорожскаго, съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ пріемлемъ сіе подтвержденіе, чѣмъ сходственнѣе тому наше было и собственное ожиданіе, и поелику и случай получаемъ предъявить сему мужественному и ревности къ вѣрѣ и отечеству преисполнен-

[1]) М. Г. А. Турція X, св. 3.

[2]) М. Г. А. Турція X, св. 3.

ному войску монаршее наше благоволеніе, за подъятые имъ подвиги, основанные на сугубой должности вѣрнаго подданства и благочестія.

Такимъ образомъ всемилостивѣйше мы похваляя сею нашею Императорскою грамотою помянутое Низовое войско Запорожское, совершенно надѣемся, коимъ образомъ оное продолжать службу свою будетъ къ намъ и къ нашей имперіи вѣрно, рачительно и мужественно и впредь, какъ при настоящей противъ врага Креста Господня войнѣ, пока въ миръ твердый и полезный не преобратится, такъ и во всякое время, къ чему когда употреблено быть можетъ, и всегда съ точностью по тѣмъ повелѣніямъ поступать имѣетъ, кои даваны будутъ отъ насъ и нашимъ высочайшимъ именемъ отъ начальниковъ, довѣренности нашей удостоенныхъ. Между тѣмъ и монаршая наша милость и призрѣніе къ сему нашему подданному войску не только продолжаемы жъ, но по мѣрѣ оказываемыхъ отъ онаго услугъ и усугубляемы будутъ, пребывая мы и нынѣ къ вамъ кошевому атаману и всему войску благонамѣренны и благосклонны.

Дана въ Санктъ-Петербургѣ, 22-го Февраля 1772 года.

Подлинная грамота подписана Ея Императорскимъ Величествомъ.

## 2161) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 1 КЪ ПОСЛУ САЛЬДЕРНУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

Monsieur. En accusant à Votre Ex-ce la réception de ses dépêches, savoir: des № 84, 85, 86, 87 et 88 de l'année dernière et des № 1, 2, 3, 4 de celle-ci, je dois avant tout vous prévenir, M-r, que l'état actuel de nos affaires avec la cour de Vienne change tout-à-fait la nature des combinaisons, des mouvements et des intrigues dans tout ce qui est ressortissant à votre poste. Delà tombent tout d'un coup dans l'insignifiance nombre d'affaires qui autrement auraient mérité quelque attention de notre part, et dans cette classe nous rangerons:

1) Ces tentatives de la finesse des Czartorysky à se faire valoir par leur entremise dans un rapprochement des deux cours. Ce rapprochement est tout fait; et tout ce que nous pouvons accorder au mérite de l'avoir voulu faire, c'est de leur ménager le plaisir de la surprise, en laissant aux effets qui seront la suite de cet événement le soin de les en instruire. Ils peuvent en attendant suivre cette correspondance secrète, à laquelle ils donnent tant d'importance, et se repaître des espérances d'une si bonne fabrique. Après la révolution dans le système

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 31.

politique de la cour de Vienne sur d'aussi grands intérêts personnels, nous ne nous figurerons jamais que des intérêts étrangers si médiocres apportent la moindre altération aux principes, auxquels elle est revenue.

2) Nous devons nous fixer au même système de tranquillité sur les plaintes ministériales ou exministériales des polonais contre les livraisons aux trouppes prussiennes et la façon dont on y procède. Je vous confie ici pour vous seul, M-r, que notre convention avec le roi de Prusse est signée, et après cette mesure non seulement ce serait une contradiction en nous, que d'accorder la moindre intercession aux réclamations faites et à faire contre les trouppes de ce prince; mais même notre intérêt exige, qu'il presse de plus en plus les polonais et qu'il soit à portée et en état de nous aider à donner l'efficace aux explications finales, où il faudra en venir; V. E. conclura de ceci, qu'on ne peut qu'approuver et trouver analogues et préparatoires au dénouement, les réponses qu'elle a faites au chancelier de la couronne sur cette matière. Je n'ai d'autre instruction à vous donner, M-r, que de vous tenir strictement aux mêmes raisonnements, dont vous vous êtes servi dans votre conférence avec ce ministre, sans entrer dans aucune explication ultérieure, ni leur donner sujet, en quoique ce soit, de nous comprendre plus que nous ne voulons qu'ils le fassent, jusqu'à ce que le terme de notre secret soit arrivé. J'ai l'honneur d'être etc.

A St-Pétersbourg, ce 28 Février 1772.

## 2162) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ АБОВСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ БАРОНУ РАППЕ [1]).

S.-Pétersbourg, ce 29 Février 1772.

Monsieur!

En rendant compte à l'Impératrice qu'à force de soins et de recherches on est venu à bout de retrouver le vaisseau submergé, sur lequel se trouve la précieuse collection de tableaux pour sa galerie, j'ai eu bien de la satisfaction, M-r, à mettre sous les yeux de Sa Majesté Impériale cet empressement si marqué de votre part à la servir. J'ai trouvé les détails de ces soins dans votre lettre du 11 de ce mois au baron Ribbing, que ce

[1]) М. Г. А. Доклады, св. 18. Письмо это, не имѣя прямого отношенія къ политической перепискѣ, помѣщено здѣсь какъ дополняющее извѣстіе о гибели судна съ картинами у береговъ Финляндіи въ письмѣ Императрицы къ Вольтеру отъ 3 Декабря 1771 г. (Сборникъ, т. XIII, стр. 199).

ministre m'a communiquée. Vous ne pouvez qu'être bien persuadé, M-r, du plaisir que vous faites à l'Impératrice et du gré qu'elle vous saura de l'avoir obligée dans un objet qui intéresse tant son goût pour les arts. Je réponds au désir de votre lettre ci-dessus mentionnée, en vous communiquant les observations faites ici sur l'état des tableaux: les peintres et les connaisseurs qui se sont fait une étude de tout ce qui intéresse cet art, nous tranquillisent assez sur leur conservation, aussi longtemps qu'ils sont sous l'eau, surtout à une profondeur où il n'y a guère de frottement et de roulis et point de gelée à craindre; mais ce qu'ils appréhendent le plus, c'est qu'au sortir de l'eau ces caisses et ces tableaux tout mouillés ne soient saisis de la gelée, et qu'ils ne soient par là totalement endommagés. D'après cela j'ai donc à vous prier instamment, M-r, de ne les faire retirer de l'eau qu'après que cette circonstance ne sera plus à craindre; comme il me semble que sur vos propres suppositions vous ne pensez à faire travailler à retirer le vaisseau qu'après le dégel, l'attention que j'ai l'honneur de vous demander s'accordera avec les facilités qu'il faut attendre pour cette opération, et ne préjudiciera point aux propriétaires des autres effets, qui se trouvent dans le même vaisseau. En même temps que je vous demande la continuation de vos soins pour tout ce qu'il sera besoin de faire pour retrouver et retirer ces caisses, j'ai l'honneur de vous adresser un homme d'affaires pour pourvoir à ce qu'exigeront les soins du transport, et avec lui un peintre de la cour, dont l'emploi est particulièrement la conservation des tableaux de la galerie de l'Impératrice, afin qu'aussitôt que les tableaux seront tirés de l'eau, il puisse leur donner tous les soins et prendre toutes les précautions nécessaires à leur état. J'ai l'honneur de vous recommander particulièrement ces deux personnes, en vous priant de faire remettre en leurs mains les caisses aussitôt qu'elles seront retirées et de leur faire donner d'ailleurs toute l'assistance dont ils auront besoin, soit dans les soins que l'état des tableaux exigera, soit pour leur transport ultérieur ici. De tels services obtiendront assurément d'autant plus de reconnaissance et de souvenir de Sa Majesté Impériale, qu'elle les recevra d'un officier distingué d'une couronne si parfaitement unie avec son empire, et pour laquelle Sa Majesté Impériale professe personnellement les sentiments d'une si étroite amitié. J'ai l'honneur d'être etc.

## 2163) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ДАТСКОМУ МИНИСТРУ ГРАФУ ОСТЕНУ ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ [1]).

С.-Петербургъ, 2 Марта 1772 г.

Je n'ai point répondu aux lettres que Votre Ex-ce m'a fait parvenir par m-r Dreyer, parce que les objets, sur lesquels aurait dû porter ma réponse, proprement relatifs à la situation d'alors de votre cour, sont tombés avec la révolution qui y est arrivée. Il ne me resterait donc, M-r, qu'à vous témoigner toute la satisfaction, avec laquelle j'apercevais

[1]) М. Г. А. Голштиніи, IX, св. 1.

dans vos efforts à tirer parti des circonstances les plus désavantageuses, la vérité toujours constante de vos sentiments personnels, et à vous assurer, comme je le fais, que je serai toujours empressé d'y répondre par la confiance la plus entière. Mais dans des moments aussi importants pour votre patrie, pour laquelle mes sentiments vous sont si bien connus, c'est avec la plus grande sincérité que je me félicite avec vous d'un changement si propre à rassurer sa paix et son bien-être intérieurs, comme sa considération au dehors, et mes espérances se joignent bien naturellement à celles, que V. E. et tous les bons danois en conçoivent. Sans doute dans une époque si intéressante il est à regretter, que le roi et l'état viennent de perdre un ancien serviteur si zèlé pour le Dannemarc, un homme dont le mérite solide, les sentiments vertueux et les talents réunissaient tous les esprits par l'estime la plus méritée et fortifiaient par cette union même la confiance au dehors. Cette perte devient encore plus sensible, quand on se représente, que la plus grande influence dans les affaires de votre cour tient par de nouveaux liens à un sujet, qui déjà tant de fois en a abusé si visiblement, qui oppose les maximes ou, pour mieux dire, les caprices de sa propre prévention et de ses passions aux maximes de l'état, et qui ne tournera jamais son crédit qu'au préjudice des liaisons les plus naturelles, les plus sûres et les plus utiles pour sa patrie.

V. E. ne se méprendra pas, qui je caractérise ici. Elle le voit, elle le sait aussi positivement que moi, et je ne l'invite que sur sa propre conviction à travailler à ôter cette épine, toujours inquiétante et pour le repos intérieur, et pour les vrais intérêts de sa patrie. Lui découvrir aussi confidemment mon opinion personnelle, c'est lui montrer, combien je me confie en ses lumières et que je ne mets point de bornes à la considération distinguée, avec laquelle etc.

## 2164) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КН. Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ [1])

Милостивый мой государь, князь Дмитрій Михайловичъ.

Отправленный отъ в-го с-ва курьеръ Юлинецъ довезъ исправно депешу вашу отъ 12/23 Февраля. Предоставляя себѣ по содержанію оной отвѣчать пространнѣе в-му с-ву съ отправляющимися на сихъ дняхъ обратно къ вамъ двумя прежними вашими курьерами, не нахожу теперь ничего предписать для дальнѣйшаго руководства вашего, но сообщаю вамъ, м. г. м., что князь Лобковичъ получилъ здѣсь изъ Берлина того самаго курьера, о которомъ в. с-во въ послѣднемъ письмѣ своемъ

[1]) М. Г. А. Австрія III, св. 24.

ко мнѣ упоминаете, и отдалъ онъ мнѣ проектъ извѣстной Декларацiи. Ея Императорское Величество, принявъ сiе съ удовольствiемъ, изволила оный актъ подписать, и размѣнъ его учиненъ на бывшей у меня съ княземъ Лобковичемъ конференцiи 8-го сего Марта, на которой вручена ему отъ меня приложенная при семъ министерiальная нота. В. с-во не оставите по точному ея содержанiю домогаться и отзываться въ вашихъ разсужденiяхъ съ кн. Кауницомъ, дабы такимъ образомъ могло скорѣе приведено быть къ окончанiю сiе новое политическое зданiе, которому положено нынѣ толь счастливое основанiе.

Всемилостивѣйшая Государыня повелѣть мнѣ соизволила препоручить в-му с-ву изъявить Ихъ Императорскимъ Величествамъ особливое удовольствiе ея о семъ сближенiи интересовъ обоихъ дворовъ, и что Ея Величество почитаетъ сей эпохъ удовольствительнѣйшимъ во время царствованiя своего. Сiе изъявленiе въ нансильнѣйшихъ терминахъ в. с-во учинить усмотрѣнiе, самимъ-ли Ихъ Императорскимъ Величествамъ, нашедъ къ тому приличный случай, или же посредствомъ кн. Кауница. Я же съ моей стороны прошу в. с-во сдѣлать отъ меня въ томъ же вкусѣ комплиментъ кн. Кауницу съ увѣренiемъ, что я радуюсь искренно, доживъ до такого времени, въ которое довѣренность мою къ сему просвѣщенному министру могу уже измѣрять не политическими уваженiями, но истинными моими сентиментами отъ почтенiя къ отличнымъ его качествамъ, великому знанiю и испытанной честности. Съ совершеннымъ почтенiемъ и пр.

С.-Петербургъ, 9-го Марта 1772 г.

## НОТА ГРАФА Н. И. ПАНИНА, ВРУЧЕННАЯ АВСТРІЙСКОМУ ПОСЛУ КН. ЛОБКОВИЧУ.

(Получена въ Вѣнѣ при письмѣ гр. Н. И. Панина отъ 9 Марта 1772 г.).

Напеч. въ Сборникѣ, т. LXXII, стр. 47—50 (при депешѣ гр. Сольмса отъ 12 Марта 1772 г.).

## 2165) РЕСКРИПТЪ ИРКУТСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ БРИЛЮ [1]).

Нашему генералу-поручику и Иркутскому губернатору Брилю.

На полученный здѣсь отъ Китайскаго трибунала при рапортѣ вашемъ отъ 2 Сентября минувшаго 1771 г. листъ о Калмыкахъ посылается при семъ отвѣтный, который вы обыкновеннымъ образомъ чрезъ Мунгальскихъ пограничныхъ начальниковъ въ

[1]) М. Г. А. Дѣла Китайскiя. Корреспонденцiя съ Китайскимъ дворомъ о Калмыкахъ, 1771—1774. См. ниже № 2166.

Китайскую сторону препроводите, а съ онаго, равно какъ и съ учиненнаго здѣсь перевода съ Китайскаго листа, при семъ же и копіи для вашего извѣстія прилагаются.

Хотя нынѣ при первомъ случаѣ, въ разсужденіи отдаленнаго Калмыкъ отъ границъ здѣшнихъ пребыванія, а паче по принятымъ безъ сумнѣнія съ Китайской стороны достаточнымъ распоряженіямъ къ ихъ сохраненію въ своемъ подданствѣ, и самому преступленію Калмыкъ, въ разсужденіи учиненной ими измѣны, и не чаятельно, чтобъ изъ нихъ нѣкоторые покусились на возвращеніе въ нашу сторону, со всѣмъ тѣмъ мы въ запасъ чрезъ сіе дать вамъ знать восхотѣли, что такіе выходцы, ежели бы когда оказались, какъ природные наши подданные, явнымъ образомъ вездѣ на нашихъ границахъ пріемлемы быть могутъ съ тѣмъ, чтобы они содержаны были въ безопасномъ мѣстѣ, пока объ нихъ сюда донесено будетъ и получится точная резолюція, о чемъ о всемъ даны нынѣ же наши повелѣнія какъ Сибирскому губернатору, такъ и командующему на Сибирскихъ линіяхъ генералу-поручику Де-Колонгу.

Данъ въ С.-Петербургѣ 9 Марта 1772 г.

Подлинный подписанъ по сему:

По имянному Ея Императорскаго Величества указу: Гр. Н. Панинъ.

Кн. А. Голицынъ.

## 2166) ЛИСТЪ ВЪ КИТАЙСКІЙ ТРИБУНАЛЪ О КАЛМЫКАХЪ [1]).

(Возвращенъ въ Коллегію 27 Февраля 1772 г. по разсмотрѣніи въ Совѣтѣ и апробаціи Ея Императорскаго Величества. Отправленъ 9 Марта 1772 г. См. выше № 2144).

Его Величества великихъ Азіатскихъ странъ императора, монарха самовластнѣйшаго, Богдойскаго и Китайскаго хана, верховнымъ министрамъ и государственныхъ дѣлъ управителямъ, въ трибуналѣ иностраннаго департамента управляющимъ.

Получили мы листъ вашъ, писанный по исчисленію вашему 36 года 7-й луны, которымъ вы насъ увѣдомляете о приходѣ на рѣку Или бѣжавшихъ изъ державы Россійской имперіи Калмыкъ или Олотовъ, и о принятіи ихъ въ подданство государства Китайскаго, по собственному ихъ прошенію.

Причины убѣдительныя, коими вы такой съ стороны вашей учиненный поступокъ оправдать стараетесь, состоятъ въ томъ, что вы ихъ не призывали и не подговаривали, а сами они пустились въ такую дальность, видно для того, что имъ у насъ въ Россіи стало быть несносно; надлежало ихъ удерживать при здѣшнихъ границахъ, а когда сего не учинено, то пришедшихъ къ вамъ съ покорностію, а притомъ отъ долгаго странствованія и изнуренныхъ, не можно было не принять и не призрѣть; положенное въ трактатѣ условіе о выдачѣ на обѣ стороны перебѣжчиковъ разумѣется только о людяхъ пограничныхъ и подлыхъ, а не о начальникахъ и владѣльцахъ съ многими тысячами подчиненныхъ людей; а какъ напредь сего, при случаѣ производимаго со стороны вашей завоеванія Зенгоріи, ушедшіе изъ сего народы въ здѣшнія границы не

[1]) М. Г. А. Дѣла Китайскія. Корреспонденція съ Китайскимъ дворомъ о Калмыкахъ, 1771—1774.

выданы, а особливо владѣльцы Шеренъ и Лоуянджапъ по многимъ вашимъ требованіямъ, то напротивъ того нынѣ и намъ нѣтъ слѣда и основанія ушедшихъ отъ насъ Калмыкъ требовать; наконецъ, въ семъ листѣ вашемъ содержится внушеніе, будто право принятія въ подданство людей другого владѣнія выводимо быть можетъ и изъ обстоятельства знатности и великости государства.

Несмотря на всѣ такія ваши предъявленія, мы удостовѣрены, что собственное ваше благоразуміе и проницаніе внутренно однакожъ представляютъ вамъ, коль твердо, неоспоримо и ниже какимъ-либо изъятіямъ подвержено право Россійской имперіи на сей народъ, и что вы по справедливости не долженствовали принимать оный въ ваше подданство, а по крайней мѣрѣ мы за нужное находимъ все то вамъ чрезъ сіе съ подробностью изъяснить для возраженія вашихъ положеній, которыя всячески произвольными только названы быть могутъ.

Калмыки издавна въ здѣшнемъ подданствѣ были. Доказывается сіе клятвами ихъ хановъ и другихъ знатныхъ владѣльцевъ, коими они при вступленіи ихъ въ должности обязывались вѣрностію къ Ея Императорскому Величеству, Самодержицѣ Всероссійской, всемилостивѣйшей и всевысочайшей нашей Государынѣ, и Ея Величества достоблаженнымъ предкамъ, Всероссійскимъ великимъ государямъ. Не видно ли изъ сего, что и самое начальство и управленіе ихъ зависѣло отъ благоволенія здѣшняго Императорскаго двора?

Мы не сумнѣваемся, что вы не призывали и не подговаривали, но сего не довольно. Между всѣми просвѣщенными государствами, областями и народами не только въ обыкновеніи есть, но и въ твердомъ храненіи, чужихъ подданныхъ не принимать и не присваивать въ продолженіе мира и согласія; инако настояла бъ въ свѣтѣ война повсемственная (sic), и родъ человѣческій бѣдствовалъ бы и былъ бы въ неустройствѣ безконечномъ.

Принятіе вами Калмыкъ, клятвопреступниковъ и измѣнниковъ, и есть поврежденіе толь спасительнаго, толь яснаго и толь всеобщаго правила, и оскорбленіе сосѣдства и дружбы между обѣими имперіями, къ взаимной пользѣ и благоденствію обоюдныхъ подданныхъ пребывающей, тѣмъ больше, что они не удовольствовались отлученіемъ своимъ, но присовокупили къ тому и разныя злодѣйства.

Можетъ статься, что достигли они до границъ вашихъ въ худомъ состояніи, по преодолѣніи своею отчаянностію трудности и дальности пути и всѣхъ препятствій, которыя безъ сумнѣнія были многочисленныя; но подъ сѣнью Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской защищенія жили они въ благоденствіи и удовольствіи, и многими не по достоинству своему благодѣяніями и щедротами монаршими преизобилованы были. Не свойственно великой имперіи, какова Россійская, утѣснять своихъ подданныхъ. Здѣсь законы правосудія и надъ преступниками умягчаются человѣколюбіемъ и снисхожденіемъ; и Ея Императорскаго Величества милосердіе служитъ повсюду достохвальнымъ примѣромъ. Но Калмыки возмутились и пришли въ неистовство отнюдь не по необходимости и не отъ нестерпимости бывшаго своего жребія, о лишеніи котораго можетъ быть они уже и сожалѣть начинаютъ, ниже общимъ соглашеніемъ, не по незапности, а по тайному развратu и коварнымъ происканъ нѣкоторыхъ изъ своихъ начальниковъ, коимъ надлежало поступать съ подвластными своими по всевысочайшей Императорской волѣ порядочнымъ образомъ и въ разбирательствѣ ихъ дѣлъ безпристрастно, а то ихъ корыстолюбію и самоугодію время отъ времени противно становилось, не разсуждая по слѣпотѣ своей и безумію, что отъ сего самаго распоряженія и собственнаго ихъ начальства важность зависѣла, а всѣхъ вообще польза и безопасность, почему единственно только ихъ въ

лости затвердѣлость и понудила ихъ на побѣгъ и измѣну; потомъ, какъ предуспѣли нѣкоторыхъ и изъ подвластныхъ своихъ разными ложными, но тайными внушеніями наклонить себѣ послѣдовать, которымъ прочіе уже и поневолѣ сообщниками быть стали.

Между тѣмъ, отлучаясь они изъ здѣшнихъ границъ, не только всѣхъ прилучившихся у нихъ купцовъ по наущенію своихъ владѣльцевъ разграбили, а многихъ и до смерти убили, равнымъ образомъ и по другимъ мѣстамъ всякія пакости, злодѣйства и смертныя убійства причинили, но и многихъ здѣшнихъ людей, захватя съ собою, увели, въ томъ числѣ капитана по имени Дудина съ командою, который находился при недостойномъ ихъ намѣстникѣ ханства Убашѣ, для собственнаго его обереженія, такъ что по крайней мѣрѣ до 150 человѣкъ Россіянъ въ мучительныхъ ихъ рукахъ и понынѣ остается.

Вотъ прямыя причины измѣны Калмыкъ и образъ ихъ отлученія. Разсудите жъ вами, достойны ли были со стороны вашей призрѣнія и милосердія разбойники и злодѣи, которые отвергли изъ сердецъ своихъ всѣ чувствованія человѣчества, поступя съ суровостію безприкладною съ людьми, кои для ихъ же надобностей между ими находились.

На примѣчаніе ваше, что предоставлялось при здѣшнихъ границахъ удерживать отходящихъ Калмыкъ, мы отвѣтствуемъ вамъ вопросомъ: развѣ въ вашемъ государствѣ никогда не случалось удачи бунтовщикамъ и противникамъ? Въ исторіи всѣхъ земель, между другими и вашего государства, многіе примѣры тому находятся. Можно ли было себѣ воображать, чтобъ Калмыки, преизобильно облагодѣтельствованные и неоднократно здѣшнимъ стараніемъ и властію спасенные отъ разсѣянія и совершенной погибели, къ чему они и напредъ сего иногда порывались легкомысленнымъ своимъ состояніемъ, а въ прочемъ свободно оставленные при ихъ вѣрѣ и обыкновеніяхъ, изъ вѣрныхъ подданныхъ, какими они считались, превратились вдругъ въ злодѣевъ, мятежниковъ и измѣнниковъ? А когда такими учинились, вопреки всякаго чаянія и надеждъ, можно ли было принять въ скорости достаточныя мѣры къ укрощенію народа, который намъ въ пограничномъ краѣ составлялъ защищеніе и войско, находя въ томъ и собственныя пользы и выгодности?

Пускай не можетъ быть распространено до сихъ измѣнниковъ, какъ въ великомъ числѣ состоящихъ, положенное въ трактатѣ о перебѣжчикахъ условіе; но въ семъ случаѣ надобно будетъ вамъ признаться, что всѣ и бывшія ваши требованія о выдачѣ намъ съ нашей стороны Зенгорцевъ, которые отъ военнаго вашего нашествія возымѣли прибѣжище къ нашимъ границамъ, совсѣмъ были неосновательныя, а однакожъ вы производили оныя требованія и съ великими нареканіями, вслѣдствіе помянутаго только пункта, и еще потому, что нѣкоторые изъ Зенгорскихъ начальниковъ вашими чинами были жалованы и въ подданствѣ присягали. Ежели по симъ только обстоятельствамъ вамнили вы имѣть право всѣхъ Зенгорцевъ безъ изъятія себѣ присваивать еще въ какое время, когда множайшіе изъ нихъ власти вашей не признавали, но явнымъ образомъ вамъ сопротивлялись, въ томъ числѣ и самые тѣ, кои вашими чинами были пожалованы, по принятіи оныхъ тотчасъ приставали къ тѣмъ Зенгорцамъ, которые еще независимость своего отечества защищали, изъ чего довольно видно, что и присяга ихъ была вынужденная, то не прекословите ли вы нынѣ сами себѣ явнѣйшимъ и ощутительнѣйшимъ образомъ, дозволя убѣжище и покровительство совершеннымъ мятежникамъ? Зенгорцы не только никогда вашего государства подданными напредъ сего не были, но и продолжительныя съ вами войны производили, и вы предуспѣли ихъ напо-

слѣдокъ покорить себѣ не инако, но по случаю происшедшаго въ семъ народѣ междоусобія. Когда же такимъ образомъ съ вашей Китайской стороны о завоеваніи сего свободнаго, и подъ собственнымъ своимъ верховнымъ правительствомъ состоявшаго народа стараніе прилагалось; не справедливо ли уже было по необходимому слѣдствію, что и съ нашей Россійской стороны дозволялось убѣжище нѣкоторымъ изъ Зенгорцевъ, которые, къ здѣшнимъ границамъ выходя, о томъ съ докучностію просили? Напротивъ того Калмыки, будучи издревле здѣшними подданными и обязанными неоднократными присягами и самымъ, такъ сказать, мѣстомъ природы, буде могутъ сравниваны быть, то, конечно, не съ Зенгорцами, вновь вами покоренными, а тогда еще въ свободности бывшими, но съ вашими Мунгалами, коихъ принадлежность къ вашему государству также безспорная и долгимъ времени продолженіемъ подтвержденная. Сіе уподобленіе не несогласно и съ собственными вашими отзывами, напредь сего учиненными, по случаю происходившаго отъ васъ домогательства о выдачѣ въ вашу сторону вышедшихъ изъ Зенгоріи на здѣшнія границы владѣльцевъ Шерена и Лоуянджапа, ибо какъ всѣхъ прочихъ Зенгорцевъ требовали вы на основаніи трактата, такъ сихъ послѣднихъ потому, что они не Зенгорской природы, но одной съ Калмыками Торгоутской, на основаніи пребывающей только между обѣими имперіями дружбы, и съ тѣмъ еще, чтобъ они отъ васъ могли быть наказаны за убійство нѣсколькихъ человѣкъ изъ вашего войска, съ которыми они встрѣтившись, притворились, будто вашими подданными быть хотятъ, а потомъ, собравшись съ силой, нѣкоторыхъ изъ того войска перебили, чтобы не имѣть препятствія въ проходѣ къ здѣшнимъ границамъ. Тогда вы неоднократно къ намъ писали, что сіи два человѣка великіе злодѣи, что они жестокое наказаніе заслуживаютъ и въ живыхъ оставлены быть не долженствуютъ, хотя еще случилось сіе и въ такое время, въ которое не всѣ Зенгорцы были ваши подданные, нынѣ же тѣ же самые люди, то есть Шеренъ и Лоуянджапъ, по вашимъ отзывамъ не только не злодѣи, но и награжденія достойны. Удивительна толикая въ вашихъ мысляхъ разнообразность, какой мы никогда и не ожидали! Буде сдѣланное ими вашему войску сопротивленіе казалось вамъ преступленіемъ, кольми паче въ самомъ обществѣ есть тяжкое и непростительное внушеніе измѣны цѣлому народу, отторженіе онаго отъ законной и природной власти и предводительствованіе во время отлученія на многіе разбои и убійства, въ чемъ во всемъ они оба по достовѣрнымъ извѣстіямъ прочимъ Калмыцкимъ владѣльцамъ примѣромъ и поощреніемъ служили. Терпимость подобныхъ людей, а паче чинимыя имъ награжденія, суть соблазны, коихъ распространеніе для всякаго благоучрежденнаго правительства и общества вредно. Мы же имѣемъ справедливую славу въ томъ, что по утвержденіи владѣнія вашего надъ Зенгоріей ни одинъ уже пришлецъ изъ тамошнихъ мѣстъ при Россійскихъ границахъ не принятъ. Доказательствомъ сему учиненная въ 1761 г. при Усть-Каменегорской крѣпости отдача владѣльца Балжура, который, имѣя при себѣ съ 200 человѣкъ, желалъ быть принятъ въ здѣшнюю сторону, а въ томъ не только ему отказано, но и самъ со всѣми бывшими при немъ людьми препорученъ былъ начальникамъ вашихъ войскъ, кои къ помянутой крѣпости для того пріѣзжали, а они, получа ихъ въ свои руки, всѣхъ и перебили тотчасъ до смерти, не уважа того, что заслуживали извиненіе по новости перемѣнившагося ихъ состоянія, изъ бывшаго предъ тѣмъ не подверженнаго посторонней власти въ подчиненное и для нихъ пріятнымъ быть не могшее.

Но вы скажете: что-жъ было вамъ дѣлать съ Калмыками, когда они уже при вашихъ границахъ находились, и возвратить ихъ на прежнія мѣста никакихъ способовъ

не оставалось? Прежде, нежели на сіе мы вамъ отвѣтъ сдѣлаемъ, положимъ напримѣръ, чтобъ вмѣсто случившейся отъ Калмыкъ измѣны, въ разсужденіи Россійской имперіи, произошла подобная отъ Мунгалъ въ разсужденіи вашей, будучи они Калмыкамъ по закону, образу жизни и по обязательству подданства, какъ и выше сего мы уже примѣтили, совершенно подобны, и кои также, удалясь изъ настоящихъ своихъ мѣстъ, границу вашу составляющихъ, въ пространство пустыни, всѣ ваши преслѣдованія учинили бъ тщетными, а однакожъ со всѣмъ тѣмъ принуждены были бъ искать, чтобъ приняты были въ здѣшнее подданство, для спасенія своего отъ конечнаго разсѣянія и степными народами, предъ ними сильнѣйшими, расхищенія.

Какіе же тогда со стороны вашей могли быть отзывы, какъ не нижеслѣдующіе: что имъ не долженствуетъ дозволяемо быть убѣжище, что они жалости недостойны и погибель ихъ будетъ примѣромъ наказанія во всѣ будущіе вѣки для всѣхъ вѣры и клятвы нарушителей и неблагодарныхъ подданныхъ, и что дружба между обѣими имперіями важнѣе, нежели чтобъ она для измѣнниковъ въ слабость приводилась; а по крайней мѣрѣ пожелали бъ вы, чтобъ къ нѣкоторому съ вами соглашенію приступлено было. Тожъ самое вамъ и надлежало учинить съ нами, по сосѣдству и взаимной довѣренности, ибо мы вамъ и еще повторяемъ, что ни одного на свѣтѣ государства нѣтъ, которое могло бы присвоивать себѣ чужихъ подданныхъ, не наруша справедливости и дружбы не только съ другими равнаго достоинства имперіями, но и съ меньшими предъ собою областями.

Намѣреніе сего листа такое, чтобъ доказавъ вамъ право, какое Россійскій Императорскій дворъ по многимъ основаніямъ имѣетъ на Калмыкъ, предохранить оное на будущее время; а впрочемъ отъ вашего человѣколюбія ожидаемъ, что вы, всѣхъ захваченныхъ сими измѣнниками Россіянъ и другихъ здѣшнихъ подданныхъ выруча, въ нашу сторону возвратите, равно какъ и мы всегда природныхъ вашихъ людей никогда у себя не оставляли.

Вашихъ сіятельствъ и превосходительствъ доброжелательные Ея Императорскаго Величества верховнѣйшіе сенаторы.

## 2167) ПРОЕКТЪ РЕСКРИПТА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ И. А. ОСТЕРМАНУ ВЪ СТОКГОЛЬМЪ [1]).

Счастливое окончаніе дѣла о королевскомъ обнадеживаніи свидѣтельствуетъ намъ вновь отличнымъ образомъ и усердіе, и искусство ваши. Они давно уже въ праведную отъ насъ мзду пріобрѣли вамъ монаршую нашу милость, довѣренность и благоволеніе, которыхъ въ явное теперь изъявленіе предъ публикою всемилостивѣйше жалуемъ вамъ знаки нашего ордена св. Александра Невскаго, повелѣвая самому наложить ихъ на себя.

Впрочемъ, совершенно апробуя всѣ тѣ способы, кои вами къ одержанію полезнаго оборота въ семъ важномъ случаѣ донынѣ упо-

[1]) М. Г. А. Швеція, III, св. 32.

треблены были, поручаемъ мы бдѣнному вашему попеченію скорѣйшее окончаніе и самого сейма, къ чему нужныя средства нынѣ же предлагаетъ вамъ по нашему соизволенію нашъ дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Панинъ, и пребываемъ къ вамъ и проч.

Данъ въ С.-Петербургѣ, 10 Марта 1772 г.

## 2168) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ КЪ СЕКРЕТАРЮ ПОСОЛЬСТВА И. МЕСТМАХЕРУ [1]).

С.-Петербургъ, 13 Марта 1772 г.

Повторяя вамъ удовольствіе мое о всѣхъ вашихъ доношеніяхъ, которыя я исправно получаю, не имѣю ничего сказать вамъ по содержанію послѣдняго вашего письма отъ 14/25 Февраля, кромѣ нѣкоторыхъ разсужденій, основанныхъ на человѣколюбіи и добродѣтели и касающихся до будущаго рока впавшихъ въ несчастіе людей въ нынѣшнюю въ Даніи перемѣну. Вы увѣдомляете меня, что на внушенія ваши о милосердіи къ преступникамъ, хотя и согласны многіе съ вашими о томъ мыслями, но, страшась будущей опасности, почитаютъ для нихъ смертную казнь необходимою. Причиной же сей опасности полагаютъ отмстительный нравъ королевы Матильды, которой если удастся возвратиться на прежнюю чреду, по изъясненнымъ вами различнымъ способамъ, то, по мнѣнію ихъ, никто уже не избѣжитъ лютаго ея мщенія, которое продолжающеюся и тогда можетъ быть страстью къ Струэнзе еще болѣе воспалится, и она, возвратя въ то время его, уже позволитъ себѣ всякую жестокую крайность для пораженія тѣхъ, кои были причиною настоящаго ихъ несчастія. Сіи гаданія, вамъ внушаемыя, суть дѣйствіе страха; но внимая свойству сердца человѣческаго, представляются совсѣмъ другія разсужденія, кои конечно не только тѣмъ равновѣсны, но еще едва и перевѣсъ не на ихъ-ли сторонѣ. Положимъ, что которымъ либо изъ предъявленныхъ въ письмѣ вашемъ способовъ и можетъ возвратиться королева; но предполагая въ душѣ ея страсть и мщеніе, чего же тогда ожидать отъ нея можно, когда, восшедъ на прежнюю степень счастія, найдетъ она мертвымъ своего фаворита? Теперь душою ея владѣютъ два чувства; а тогда и самая страсть, лишенная своего предмета, превратится уже въ лютость мщенія, которое одно поведетъ ее на погибель множества людей, ставшихъ нынѣ орудіемъ тогдашняго ея отчаянія.

[1]) М. Г. А. Данія, III, св. 9.

Словомъ, чего теперь страшатся и для отвращенія чего предпріемлютъ осудить на лишеніе жизни преступниковъ, то самое произойти можетъ точно отъ того, что они казнены будутъ смертію. Представимъ же теперь другой казусъ, и положимъ, что королева освободится отъ заключенія, будетъ имѣть прежнюю силу и возведетъ на прежнее счастіе своего фаворита: но стѣсненная и изнурительная жизнь во время толь жестокаго заточенія, истощивъ пріятности его наружнаго вида, не послужитъ-ли и къ уменьшенію въ королевѣ прежней къ нему страсти, а сіе уменьшеніе не смягчитъ-ли и лютость ея мщенія? Кто потеряетъ привязанность къ тому, за кого мстить хотѣлъ, того мщеніе конечно не опасно. Я хочу распространить далѣе съ вами мое разсужденіе, и скажу вамъ одно примѣчаніе, предъ которымъ всякое другое уваженіе всемѣрно уступить должно, и въ чемъ всякій истинный сынъ своего отечества не можетъ со мной не согласиться. Я разумѣю черезъ сіе первый шагъ къ лютости государя толь слабаго, каковъ нынѣ владѣющій король Датскій. На семъ первомъ шагу никогда легкомысленные государи не останавливаются, но входятъ потомъ нечувствительно въ привычку предаваться первымъ своимъ движеніямъ, а время, иногда же и короткое время, дѣлаетъ ихъ уже тиранами. Сколько въ свѣтѣ таковыхъ примѣровъ! Великая есть причина Датчанамъ бояться, чтобъ и ихъ король числа такихъ государей не умножилъ. Смерть преступниковъ сама собою не значитъ ничего: но слѣдствія казни опасны. Король, отмстя теперь имъ за себя, положимъ по резону, можетъ легко послѣ сего отомстить за себя же и безъ всякаго резону. Боже сохрани того, чтобъ наконецъ всякій проступокъ, единаго взысканія достойный, не сталъ казаться въ глазахъ его злодѣяніемъ, достойнымъ смертной казни. Не оставьте, государь мой, внушать открытымъ образомъ благонамѣреннымъ людямъ всѣ сіи разсужденія, и не скрывайте того, что они наши здѣшнія. Я препоручаю вашему благоразумію стараться по всей возможности о томъ, чтобъ Датчане образъ мыслей своихъ о смертной казни перемѣнили, дабы безъ нужды не была пролита кровь людей, хотя и преступниковъ.

Въ заключеніе сего ожидаю я отъ вашей къ службѣ ревности скораго и справедливаго увѣдомленія о томъ, истинно-ли то, что король лишенъ тѣлесныхъ и душевныхъ силъ злодѣйскими средствами, какія и отъ кого точно были сіи средства, каковыхъ свойствъ былъ онъ до возвышенія Струэнзева, а съ того времени какія перемѣны примѣчены въ тѣлѣ его и въ разумѣ. Намъ весьма нужно сіе отъ васъ увѣдомленіе, дабы потомъ судить, сколь далеко можно полагаться на его состояніе и какихъ слѣдствъ ожидать надлежитъ отъ продолженія его правленія. Впрочемъ и проч.

## 2169) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ И. А. ОСТЕРМАНУ ВЪ СТОКГОЛЬМЪ [1]).

Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ.
С.-Петербургъ, 14 Марта 1772 г.

Ея Императорское Величество въ оказаніе знатности характера вашего предъ Шведскою публикою, равно какъ и принятія свойственническаго участія въ коронаціи Его Шведскаго Величества, какъ ближайшаго своего родственника, всемилостивѣйше соизволяетъ, чтобъ ваше сіятельство съ своей стороны сдѣлали по сему случаю празднество въ домѣ вашемъ, на что Ея Величество жалуетъ вамъ 6000 рублевъ, которые и можете ваше сіятельство взять изъ находящейся у васъ наличной суммы. Съ особливымъ почтеніемъ и проч.

## 2170) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА ВЪ СТОКГОЛЬМЪ КЪ ГРАФУ И. А. ОСТЕРМАНУ [2])

*Быть по сему.*

Его Величество король Прусскій требовалъ здѣшняго содѣйствія въ пользу сестры своей, королевы Шведской, въ томъ, что будто вдовье ея содержаніе не опредѣлено еще, да и съ Іюня мѣсяца прошлаго года нисколько ей не выдано, да и сверхъ того дѣлается затрудненіе опредѣлить ей нѣкоторое удовлетвореніе за тѣ издержки, кои она между тѣмъ на прожитокъ свой сдѣлать принуждена была.

Сколько я проникаю, желаніе королевы Шведской идетъ къ тому, чтобъ сверхъ опредѣленнаго ей годового оклада получить еще нѣкоторую прибавку отъ двадцати до тридцати тысячъ ефимковъ, какъ о томъ и принцъ Генрихъ къ графу Сольмсу партикулярно отозвался.

Вся прихотливость требованія сего ни мало отъ меня не скрыта, по извѣстному въ конецъ истощенію Шведскихъ финансовъ, да и я при томъ весьма помню, что и безъ того уже ваше сіятельство имѣли много труда одержать столько въ пользу вдовствующей королевы, сколько дѣйствительно одержано; однакожъ съ другой стороны, въ показаніе Его Прусскому Величеству истинной нашей склонности и дружбы Ея Императорскаго Величества, долженъ я рекомендовать вамъ чрезъ сіе, чтобъ ваше сіятельство по полученіи сего письма отозвались къ Прусскому въ вашемъ мѣстѣ министру о новомъ вамъ данномъ высочайшемъ повелѣніи употребить въ угодность Его Прусскаго

[1]) М. Г. А. Швеція, III, св. 34.
[2]) М. Г. А. Доклады, св. 18.

Величества все ваше возможное стараніе въ пользу вдовствующей королевы, да и въ самомъ дѣлѣ, снесясь предварительно съ шефами благонамѣренныхъ, учинили нѣкоторые тому соотвѣтствующіе подвиги, дабы по крайней мѣрѣ ходатайство наше явный въ публикѣ видъ получить и до конца сохранить могло.

Собственное вашего сіятельства благоразуміе и знаніе локальныхъ обстоятельствъ преподаетъ вамъ тутъ лучшее руководство къ распоряженію всѣхъ вашихъ отзывовъ и поступковъ, на которое я съ своей стороны съ полною довѣренностію полагаясь, пребуду всегда и проч.

Въ С.-Петербургѣ, 14 Марта 1772 г.

## 2171) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ И. А. ОСТЕРМАНУ ВЪ СТОКГОЛЬМЪ [1]).

*Быть по сему.*

С.-Петербургъ, 14 Марта 1772 г.

Поздравляя ваше сіятельство съ славнымъ увѣнчаніемъ заботливѣйшаго вашего дѣла, и ласкательнымъ знакомъ монаршей зато апробаціи въ пожалованіи вамъ ордена св. Александра Невскаго, коего знаки присемъ слѣдуютъ, увѣряю я васъ, что въ томъ и другомъ принимаю истинное участіе по непремѣнной и неограниченной моей къ вамъ дружбѣ. Сумнѣнія я не имѣю, чтобъ ваше сіятельство не были совершенно увѣрены о искренности сихъ моихъ вамъ давно уже извѣстныхъ мыслей.

Для продолженія между тѣмъ съ равнымъ успѣхомъ начатыхъ дѣлъ, а особливо для скорѣйшаго къ концу приведенія самаго сейма, чтобъ при настоящихъ нашихъ другихъ важныхъ упражненіяхъ, кои напослѣдокъ къ желаемому объясненію наклонятся начинаютъ, имѣть совершенно свободныя руки, имѣю я честь приложить присемъ вексель на сто тысячъ рублевъ.

Въ новыхъ предписаніяхъ нѣтъ вашему сіятельству никакой нужды, собственное ваше толикими опытами испытанное искусство удовлетворить всѣмъ встрѣчающимся надобностямъ и обстоятельствамъ, по мѣрѣ ихъ явленія и происхожденія; я только въ заключеніе повторю здѣсь, что намъ всего нужнѣе и желательнѣе скорѣйшее окончаніе самаго сейма, чѣмъ ваше сіятельство конечно новую услугу Ея Императорскому Величеству окажете. Всегда пребуду я съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

## ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ПРУССКОМУ КОРОЛЮ ФРИДРИХУ II.

15 Марта 1772 г. Нашеч. въ Сборникѣ, т. XX, стр. 319—320.

---

[1]) М. Г. А. Доклады, св. 18.

## 2172) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ [1]).

Въ письмѣ отъ 16 Марта 1772 г. графъ Н. Й. Панинъ писалъ къ посланнику въ Гагѣ князю Д. А. Голицыну: „Извѣстный вашему сіятельству Сергѣй Пушкинъ, возвратившійся нынѣ изъ чужихъ краевъ, обысканъ будучи на здѣшней границѣ, пойманъ сталъ въ преступленіи и злодѣяніи государственномъ. Найденъ у него штемпель, номеры и литеры для напечатыванія подложныхъ банковыхъ ассигнацій, такихъ, каковыя нынѣ здѣсь ходятъ въ циркуляціи. Сей преступникъ объявилъ въ своемъ допросѣ, что онъ выѣхалъ въ прошломъ году изъ Россіи, въ препровожденіи нѣкоего француза, именемъ Баро де Бротаръ, точно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ посредствомъ его найти въ чужихъ краяхъ способъ сдѣлать воровской приборъ для дѣланія нашихъ ассигнацій... Имѣю честь, по точному Ея Императорскаго Величества повелѣнію, предписать вашему сіятельству, чтобъ вы ни одного возможнаго средства, ни одной наилучше примышленной мѣры пропустить не изволили для захваченія въ ваши руки онаго вора Баро де Бротара и для доставленія его сюда въ С.-Петербургъ... Я нарочно сіе письмо отправляю съ секретаремъ посольства Марковымъ, на вѣрность и усердіе котораго я полагаюсь, для того что можетъ быть онъ послужитъ къ достиженію желаемаго. Ваше сіятельство не разсудите-ль за благо, подъ видомъ также покровительства и способствованія въ пути, уговорить того француза ѣхать вмѣстѣ въ Россію съ г. секретаремъ посольства, какъ съ товарищемъ, ѣдущимъ съ нимъ въ одно мѣсто... Взялъ я отъ Пушкина къ тому вору письмо, съ котораго копію здѣсь прилагаю и по которому триста червонныхъ отдалъ г. Маркову, а потому можно полагать, что, ежели Баро де Бротаръ какъ-нибудь постороннимъ образомъ не провѣдаетъ объ арестованіи Пушкина, то можетъ быть легче рѣшится ѣхать сюда съ г. Марковымъ, тѣмъ наипаче, что Пушкинъ рекомендуетъ сего послѣдняго ему какъ своего пріятеля, съ которымъ онъ въ Россію безопасно ѣхать можетъ“.

Ну, графъ, какъ французъ не захочетъ ѣхать съ Марковымъ въ Россію, не можно-ли будетъ его везти въ ближній городъ короля Прусскаго, какъ-то Гельдернъ или иной, какъ-то Эмденъ? Я чаю, король не откажется его тамо арестована намъ доставить до Эльбы рѣки, гдѣ, проводя его до Гамбурга или Любека, мы бъ уже сами умѣли достать [2]).

## 2173) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 4 КЪ ПОСЛУ САЛЬДЕРНУ ВЪ ВАРШАВУ [3]).

A St-Pétersbourg, le 19 Mars 1772.

Monsieur. Par le courrier expédié aujourd'hui du Collège de guerre à m-r le lieutenant-général Bibikoff, il lui est donné avis, et il ne manquera pas d'en faire part à Votre Excellence, de l'entrée de quelques nouveaux

[1]) М. Г. А. Голландія, III, св. 8.

[2]) О Сергѣѣ Пушкинѣ и его сообщникахъ см. Сборникъ, т. XIII, стр. 219, 222, 228—229.

[3]) М. Г. А. Польша, III, св. 31.

détachements de nos troupes dans les frontières de Pologne sous le commandement des deux généraux-majors Rehbinder et Kakhovski. L'objet de ces nouvelles troupes étant distinct et séparé tant du corps toujours subsistant en Pologne, que de celui qui y est entré sous les ordres du général Romanius, les deux généraux qui les commandent s'occuperont à former des magazins à part pour leur propre entretien, et il y sera procédé à l'instar de nos grands magazins, formés par le général Romanius. Vous serez en conséquence requis, M-r, par m-r le général Bibikoff de fournir aux généraux Rehbinder et Kakhovski, pour les lieux où ils prendront leur position et établiront leurs magazins, les mêmes enseignements sur les propriétaires des terres dans leur arrondissement, que Votre Excellence a donnés pour le général Romanius, afin qu'instruits de l'état de ces propriétaires, ils puissent pratiquer à leur égard dans la livraison des vivres et fourrages la même classification de gens amis, suspects ou ouvertement contraires, qui a lieu pour les grands magazins. C'est à quoi je ne doute point que Votre Excellence ne se porte à concourrir avec le même zèle et la même bonne volonté qu'elle emploie pour le premier objet. Dans l'ordre adressé à m-r le général Bibikoff il ne lui est dit autre chose sur le dessein de l'entrée de ces nouvelles troupes, sinon qu'elles sont destinées à s'étendre à une certaine distance le long des frontières, à empêcher qu'aucun nouveau trouble ne s'y élève, à arrêter. disperser et empêcher de pénétrer dans nos propres frontières toute bande ou troupe de soi-disants confédérés, qui se montrerait de ce côté là, en un mot de prendre tous les soins et précautions pour la garde et tranquillité de nos frontières, et conséquemment de donner plus de main libre au corps de M-r Bibikoff à agir contre les confédérés dans l'intérieur du pays. Je vais m'expliquer plus confidemment avec vous, M-r, mais pour votre seule information personnelle, et de sorte qu'il ne se fasse encore aucune mention ni semblant dans les affaires, des éclaircissement que je vais vous donner. La vraie destination des deux généraux Rehbinder et Kakhovski et des corps à leurs ordres est d'occuper, sous le prétexte susmentionné de la garantie de nos frontières, les districts que nous voulons démembrer de la Pologne pour nous, afin qu'au moment où le concert entre nous, le roi de Prusse et la cour de Vienne devra éclater, ces deux généraux prennent possesion effective de ces districts et procédent à toutes les formalités de leur incorporation aux domaines de la Russie, après laquelle prise de possession ils seront considérés, traités, régis par nous comme terres de l'empire et non plus sur le pied étranger.

Je me sers aussi de l'envoi de ce courrier pour répondre aux deux lettres d'office de Votre Excellence № 9 et № 10. J'ai parlé ici avec le comte de Solms sur l'objet de l'exportation des grains dans les états de la

Prusse, et il m'a donné de fortes assurances, qu'il n'y aurait absolument aucun abus de leur part. Comme il est à considérer que le roi en a besoin non seulement pour ses magazins, mais aussi pour ses sujets, qui en manquent dans différentes contrées, il est bien à souhaiter, M-r, qu'en cherchant d'ailleurs à prévenir tous les abus et malversations des particuliers, vous puissiez accorder la libre sortie pour la quantité, qui sera sûrement pour le compte du roi et de ses sujets. Je ne crois pas, que cela puisse former un objet capable d'empêcher nos magazins de se remplir, si on coupe pied d'ailleurs à toutes les défaites de la cupidité et de la mauvaise volonté des propriétaires polonais. C'est à vous, M-r, à faire le mieux pour le mieux: et je vous prie de communiquer ceci à m-r Bibikoff, afin que de son côté il puisse aussi se règler d'après les mêmes vues.

Sa Majesté Impériale a approuvé, M-r, la protection que vous accordez à l'abbé Wiazewicz contre ses ennemis, et la douceur que vous lui faites pour lui procurer les moyens de subsister. Votre Excellence continuera à le garantir des persécutions, auxquelles il est en butte, et si elle voit qu'il soit impossible de le mettre à l'abri de tout danger tant qu'il restera en Pologne, vous pourrez l'envoyer sûrement en Russie, comme vous l'avez proposé, et on y aura soin de lui jusqu'à ce que des temps meilleurs lui permettent de retourner dans sa patrie. J'ai l'honneur d'être etc.

## 2174) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ [1]).

С.-Петербургъ, 21 Марта 1772 г.

Милостивый государь мой графъ Алексѣй Григорьевичъ.

Почтенное вашего сіятельства письмо отъ 25 Генваря получилъ я исправно изъ рукъ г-на контръ-адмирала Грейга, за которое и приношу должную мою благодарность. Сему достойному флагману былъ я и безъ того по собственнымъ его заслугамъ склоненъ оказывать всякое съ моей стороны уваженіе, а рекомендація вашего сіятельства долженствовала тѣмъ паче усугубить истинную мою къ тому готовность.

Какой отзывъ учиненъ здѣсь отъ Англійскаго двора по поводу взятыхъ подъ Англійскимъ флагомъ Тунисскихъ грузовъ, оное изволили ваше сіятельство усмотрѣть изъ отправленнаго къ вамъ рескрипта отъ 31 Декабря мѣсяца прошлаго года. Съ того времени не

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3. Напечатано въ Русск. Архивѣ 1880 г. т. III, стр. 245.

настояло болѣе вопроса о семъ происшествіи, и я, судя по вышеупомянутому вашему письму, начинаю думать, что Лондонскій дворъ останется доволенъ снисхожденіемъ вашего сіятельства на партикулярную его просьбу объ освобожденіи плѣнныхъ Тунисцевъ, а особливо если притомъ еще въ угодность ему видъ наказанія данъ будетъ надъ тѣмъ, кто при взятіи призовъ допустилъ до смертноубивства.

Между тѣмъ долженъ я сообщить вашему сіятельству новую жалобу Французскаго двора. Въ чемъ она точно состоитъ, изволите вы обстоятельно усмотрѣть съ перевода записки, которую его повѣренный въ дѣлахъ Сабатье подалъ мнѣ здѣсь. Я навѣдывался о существѣ сего дѣла у г-на контръ-адмирала Грейга: но онъ сказалъ мнѣ, что не помнитъ онаго. Я довольствовался сказать Сабатье на первый случай, что къ вашему сіятельству писать буду и что вы, сообразуясь высочайшимъ Ея Императорскаго Величества намѣреніямъ, не оставите конечно оказать правосудіе и всякое возможное ко двору его снисхожденіе. Всегда пребуду и проч.

## 2175) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ [1]).

С.-Петербургъ, 21 Марта 1772 г.

Въ дополнительное вашему сіятельству свѣдѣніе всего того, что у насъ по дѣламъ произошло съ отправленія къ вамъ послѣдней моей экспедиціи отъ 13 минувшаго Февраля [2]), ставлю я себѣ въ пріятный долгъ сообщить вамъ чрезъ сіе въ крайнѣйшемъ секретѣ и для единаго вашего свѣдѣнія новополученныя мною изъ Вѣны отъ князя Д. М. Голицына депеши въ полномъ и точномъ ихъ переводѣ. Вы усмотрите изъ онаго, милостивый мой государь, что Порта Оттоманская формально напослѣдокъ соглашается какъ на заключеніе временнаго перемирія, такъ и на составленіе самаго мирнаго конгресса. Изъ двухъ ея требованій о образѣ трактованія перемирія, избираемъ мы послѣднее, то есть, чтобъ оное черезъ особливыхъ коммиссаровъ отъ обѣихъ армій безпосредственно трактовано и постановлено было. Для употребленія въ сей негоціаціи со стороны генералъ-фельдмаршала гр. Румянцева давно уже отправленъ къ нему отсюда статскій совѣтникъ и Ея Императорскаго Величества при имперскомъ собраніи въ Регенсбургѣ акредитованный министръ Симолинъ. Я ласкаю себя по всѣмъ обстоятельствамъ, что теперь въ самомъ дѣлѣ чрезъ ко-

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3.

[2]) См. выше № 2157.

роткое время установлено будетъ перемиріе на здѣшнюю сторону всю, начиная съ Дуная до Грузіи и всего Чернаго моря включительно, напротивъ чего удержаніе оружія въ Архипелагѣ и Средиземномъ морѣ предоставится собственному вашего сіятельства сношенію и опредѣленію, съ выговореніемъ только отъ Турковъ, чтобъ они, когда дѣло формальною негоціаціей начнется, взяли на себя доставить вашему сіятельству прямо чрезъ Константинополь письменное о томъ увѣдомленіе генералъ-фельдмаршала, дабы и вы съ своей стороны почти въ то же самое время къ негоціаціи съ ними приступить могли относительно тамошнихъ военныхъ операцій, слѣдуя въ оной одинаковымъ правиламъ и основанію, то есть чтобъ каждая сторона осталась покойно и безпрепятственно при тѣхъ выгодахъ, способностяхъ и предѣлахъ, въ коихъ она до того находится, дабы инако самое перемиріе вмѣсто ожидаемой пользы не могло послужить къ предосужденію той или другой части. Надобность сего условія не скроется всемѣрно отъ собственной вашего сіятельства прозорливости, которая сама по себѣ, не меньше увѣренъ я, достаточна будетъ обезпечить и всѣ другія уваженія, а особливо въ послѣднемъ рескриптѣ означенныя. Даруй Боже, чтобъ оказывающіеся къ миру аспекты скоро достигли совершенства своего и тѣмъ навсегда запечатлѣли славу всемилостивѣйшей Государыни нашей. Въ сихъ усердныхъ желаніяхъ пребуду я и проч.

## 2176) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА ВЪ ВѢНУ КЪ КНЯЗЮ Д. М. ГОЛИЦЫНУ [1]).

Monsieur. Dans ma dernière lettre à Votre Excellence qui lui sera parvenue par le courier que le prince Lobkovitz renvoyait à sa cour, je lui ai donné connaissance de ce qui s'est passé ici entre ce ministre et nous. Je viens aujourd'hui à m'entretenir avec vous, M-r, sur le contenu de vos dépèches du $^{12}/_{23}$ Février et du 27 Février (9 Mars), que j'ai reçues, la première—par le courrier Julinetz et la seconde—par le major Thir. Je dis m'entretenir, parce que, par les raisons que j'expliquerai ci-après, nous ne sommes par encore en état de donner de réponse finale sur l'objet de la dernière: mais considérant que j'ai actuellement ici trois de vos courriers qui me sont parvenus successivement, et que dans les circonstances vous pouvez en avoir besoin d'un moment à l'autre, je me détermine à vous les renvoyer, et ce n'est en quelque sorte que par occasion que je vous écris.

Sur votre première lettre, mon prince, je me borne à vous dire que le prince Lobkovitz m'à touché verbalement la conférence du baron

[1]) М. Г. А. Австрія, Ш, св. 24.

Van-Swieten avec le roi de Prusse et absolument dans les mêmes termes qu'elle vous a été confiée par le prince Kaunitz. Il ne nous resterait qu'à en conclure, aussi bien que des instructions données au prince Lobkovitz et de l'engagement, échangé en conséquence entre les trois cours, que la participation au partage de la Pologne est la seule mesure que la cour de Vienne a en vue. Cependant je ne me porte point encore à ériger cette présomption en certitude.

Par la seconde, Votre Excellence nous a fait part des nouvelles que le prince Kaunitz lui a communiqué, que le courrier de retour de Constantinopole en a rapportées. Je dois vous dire, M-r, et je vous prie de le marquer au prince Kaunitz qu'elles ont été très agréables à la cour, que nous augurons très bien des dispositions de la Porte sur l'armistice et sur le congrès, pour en juger que les choses vont s'acheminer vers leur conclusion, et que nous aimons à y entrevoir d'heureux effets des bons offices de LL: MM: JJ: RR. Mais en même temps vous aurez la bonté d'observer à ce ministre, que dans l'état où nous parviennent ces avis, nous croyons ne faire que favoriser la chose, en différant pour très peu de temps à répondre par notre acceptation pure et simple à la proposition de l'un et de l'autre.

Premièrement, m-r le prince Kaunitz compte recevoir incessamment un nouveau courrier, lequel probablement nous apportera quelque chose de plus précis et de plus positif, en conséquence de quoi nous serons plus à portée et de répondre dans des termes pareils, et de nous décider sur les mesures propres à accélérer l'une et l'autre négociation.

Secondement, nous sommes dans le moment de conduire à leur fin les arrangements entre les trois cours, et je ne vois qu'avantage et facilités à les faire précéder à toute entrée effective en négociation avec les Turcs. Je sais, comme je vous l'ai observé ci-dessus, que ces arrangements n'ont pour objet que la Pologne, mais je ne puis point perdre de vue la première confidence que le prince Kaunitz vous a faite par rapport à ce tiers, qui était nommément la Turquie. Je ne puis pas non plus refuser une juste attention au renvoi de cette idée à la négociation même, ainsi que vous me marquez, mon prince, dans votre lettre du 12 (23) Février, que ce ministre vous l'a fait entendre.

Sans donc me permettre d'approfondir, quelles peuvent être les intentions de la cour de Vienne à cet égard, toutefois m'est-il permis de montrer une sorte de déférence à la réserve que le ministre aurait pu faire sur cet objet, en vous disant, mon prince, qu'elle est une des raisons pour lesquelles nous ne précipitons rien dans notre réponse sur l'armistice et le congrès, persuadés que si on nous fait part de ces vues, elles trouveront naturellement leur place dans nos mesures pour la négociation.

C'est aussi dans ce sens que je m'en suis ouvert avec le prince Lobkovitz, en l'assurant généralement que Sa Majesté Impériale, fixe dans ces dispositions pour la paix, ne tardera pas à s'expliquer définitivement sur l'armistice et le congrès.

J'observerai préalablement sur le premier, que la mesure, proposée par la Porte, d'en conduire la négociation entre les ministres de Vienne et de Berlin et le feldmaréchal comte Roumiantzov, pourrait y laisser beaucoup de choses à désirer. Un armistice devant laisser les deux parties belligérantes dans leur état actuel, dans toutes les parties du théatre de la guerre, de façon que la suspension d'armes ne puisse préjudicier à l'une ni donner d'avantage à l'autre, il pourrait fort bien arriver qu'avec la meilleure volonté les ministres des deux cours amies, par l'éloignement des lieux et faute de connaître les détails, omissent ou stipulassent quelque chose au préjudice de l'une ou l'autre des deux parties. Cette négociation par sa nature est purement militaire et ne saurait être bien faite que par les chefs des deux armées ou des commissaires travaillant immédiatement sous leur direction.

Par rapport à la garantie que la Porte requérerait de l'armistice, on ne saurait guère la regarder que comme une de ces ressources d'artifice et de défiance qui lui sont propres. Je ne crois pas, que dans la situation des choses on puisse nous soupçonner du moindre motif personnel de décliner une telle garantie de deux cours amies, c'est pourquoi je m'en explique avec liberté. Il ne me parait pas à sa place de soumettre un armistice à des précautions si graves et si authentiques, et je croirais, en le faisant, mettre en compromis la bonne foi de ma cour. Quand je pense que c'est sur ce point que tombe si directement la demande des Turcs, je ne vois plus en eux qu'une prétention barbare et offensante, qui n'a son principe que dans leur mépris pour les puissances chrétiennes, et ne fut-ce que cette considération, il me parait de l'intérêt de celles-ci de les rectifier sur ce point.

Il y a un article dans votre lettre, mon prince, que je ne saurais laisser sans réponse. Vous connaissez dès notre plus tendre jeunesse ma délicatesse et ma sensibilité à servir l'honneur et la vertu, quand je peux leur être utile et leur épargner des désagréments non mérités. Je n'ai pu qu'être affecté du soupçon d'indiscrétion auquel le prince Lobkovitz s'est vu exposé, et comme je le connais, que je l'aime et que je l'estime, je ne balance point à vous garantir, que la prétendue indiscrétion dont il s'agit n'a de fondement que dans le caractère noir et méchant de celui, à qui on dit qu'elle à été faite. Je l'ai suivi ce caractère depuis son séjour à St-Pétersbourg, et je vous prie, mon prince, de protester au prince Kaunitz en mon nom et de ma part, que je suis dans cette conviction qu'il n'existe point de trait dont Sabatier ne soit capable,

soit pour nuire aux autres, soit pour se donner du relief à la cour, et que ce ne sont point de simples conjectures, mais des preuves de fait multipliées que j'ai en main. En vous intéressant, mon prince, à rectifier l'impression que les avances d'un méchant auront faites au préjudice du prince Lobkovitz, vous ne ferez que rendre une justice que vous devez plus que tout autre à un ministre plein d'honneur et de sentiments et de zèle pour le service et les intérêts de la patrie. J'ai l'honneur d'être etc.

A St-Pétersbourg, ce 21 Mars 1772.

## 2177) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ № 3 КЪ КНЯЗЮ В. М. ДОЛГОРУКОВУ [1]).

Нашему генералу аншефу князю Долгорукову.

Сколь ни полезенъ изъясненный вами въ реляціи № 6 способъ доставленія въ Крымъ чрезъ Полтавскихъ жителей всего потребнаго войскамъ нашимъ провіанта, мы не можемъ однакожъ согласиться, чтобъ вывезли они оттуда въ имперію нашу столь много соли, сколько они то учинить желаютъ. И посему повелѣваемъ вамъ условиться съ ними о заплатѣ имъ за сію перевозку провіанта деньгами по той цѣнѣ, кою они сами отъ васъ требовали на случай недостатка соли въ Крымскихъ озерахъ, а притомъ и соизволяемъ какъ на выдачу имъ для подмоги въ пріуготовленіяхъ къ тому ста тысячъ рублей, такъ и чтобъ вывезли они изъ Крыма соли только на сію сумму для возвращенія оною тѣхъ выдаваемыхъ имъ денегъ. По заключеніи съ ними такого договора, имѣете вы увѣдомить о томъ Сенатъ нашъ для учиненія потребнаго о пріемѣ соли распоряженія, а объ отпускѣ вамъ на сію выдачу ста тысячъ рублей указъ въ Малороссійскую Коллегію сегодня отправленъ.

Присемъ же посылаемъ мы для вашего свѣдѣнія копію съ отправленнаго къ нашему вице-адмиралу Сенявину повелѣнія о дѣйствіяхъ въ наступающую кампанію командуемой имъ флотиліи, и пребываемъ впрочемъ и пр.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, 22-го Марта 1772 года.

Екатерина.

---

[1]) М. Г. А. Турція X, св. 3.

## 2178) КОПІЯ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНАГО ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ХРИСТІАНУ VII КОРОЛЮ ДАТСКОМУ [1]).

Monsieur mon frère. La lettre du 22 Février, que Votre Majesté a jugé à propos de m'écrire et par laquelle il lui a plu de m'informer confidemment des chagrins domestiques qui lui sont survenus, a fait sur moi toute l'impression qu'elle a pu désirer. Amie et alliée toujours sincère de Votre Majesté, il ne saurait rien lui arriver que je n'y prenne une part non équivoque. Je plains Votre Majesté, je plains le roi d'Angleterre et je souhaite de tout mon coeur de contribuer au maintien de la bonne harmonie de vos deux états. Au reste l'humanité naturelle à tout coeur honnête et sensible m'engage à m'intéresser près de Votre Majesté et à l'exhorter à préférer les conseils de la douceur à ceux de la sévérité et de la rigueur vis-à-vis des malheureux qui ont encouru sa disgrâce, quelque juste qu'elle puisse être. Je suis avec la plus grande considération, Monsieur mon frère,

de Votre Majesté
la bonne soeur, cousine et alliée
Catherine.

A St-Pétersbourg, le 22 Mars 1772.

## 2179) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ РЕЗОЛЮЦІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ [2]).

Командовавшій войсками въ Польшѣ генералъ-аншефъ А. И. Бибиковъ въ реляціи № 7 изъ Варшавы, отъ 22 Марта 1772 г., доносилъ о взятыхъ въ плѣнъ при занятіи Кракова французскихъ офицерахъ и о ходатайствѣ французскаго посла въ Вѣнѣ принца Рогана объ ихъ освобожденіи. Бибиковъ „далъ повелѣніе генералъ-маіору Суворову, чтобъ онъ на таковыя освобожденія французовъ безъ ордера его отнюдь не соглашался; а я", продолжаетъ онъ, „предоставляю рѣшимость сего пункта въ собственное Вашего Императорскаго Величества на то соизволеніе".

*Сослать ихъ въ Сибирь, о чемъ обновить повелѣніе.*

[1]) М. Г. А. Данія, I, св. 1.
[2]) М. Г. А. Польша, III, св. 31. См. Сборникъ, т. LXXXVII, № 1739.

## 2180) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ РЕЗОЛЮЦІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

(Писана краснымъ карандашомъ на поляхъ реляціи).

Въ реляціи № 8 отъ 22 Марта 1772 г., изъ Варшавы, командовавшій войсками въ Польшѣ ген.-аншефъ А. И. Бибиковъ испрашивалъ Высочайшія награды для отличившихся въ дѣлахъ съ Польскими войсками и повстанцами.

*О семъ надлежитъ сдѣлать разсмотрѣніе и не оставить ихъ безъ того, что каждому надлежитъ.*

## СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ.

23 Марта 1772 г. По поводу отправленія къ эскадрѣ въ Архипелагъ контръ-адмирала Грейга. Напеч. въ Сборникѣ, т. I, стр. 79.

## 2181) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ [2]).

Въ секретной реляціи изъ Стокгольма, отъ 23 Марта 1772 г., графъ И. А. Остерманъ доносилъ о желаніи Шведскаго короля Густава III посѣтить Императрицу въ Петербургѣ, во время поѣздки его въ Финляндію.

Въ отвѣтъ гр. Остерману о пріѣздѣ сюда кор. Шведскаго, дайте ему знать (въ самомъ—*зачеркнуто*), что пріѣздъ Его Величества, если на то его рѣшительное желанье есть, мнѣ не противенъ будетъ, но что въ нынѣшнемъ году я сумнѣваюсь, чтобъ оный мѣсто имѣлъ, если мнѣ (судить безъ противоположности и — *зачеркнуто*) сравнять сей поступокъ съ взятыми мѣрами генерала Эреншверта и его кордонъ, ибо Его Величество имѣетъ опасаться, что сей генералъ, знавъ столь утвердительно, что у насъ язва, изъ усердья сего государя къ намъ не пропуститъ. И для того предпишите графу Остерману, чтобъ онъ сюда прислалъ, и то какъ можно скорѣе, точное увѣдомленіе, въ какомъ году и въ какомъ мѣсяцѣ точно король быть думаетъ, дабы по крайней мѣрѣ не двойныя были намъ издержки, ибо лѣтнія приготовленія къ тому пріѣзду весьма разнствуютъ отъ зимнихъ. Въ самомъ дѣлѣ и самъ король Шведской еще не показывалъ гр. Остерману свое къ сему посѣщенію желанье, но только Прусской посланникъ отзывался именемъ своего короля. Итакъ прикажите намъ прислать что ни на есть точнѣе, не придавая и не отнимая у моего братца охоты ѣхать или дома остаться. Мнѣ кажется однако весьма вѣтренно, имѣвъ дома хлопоты и голодъ, государю рыскать по чужимъ краямъ.

---

[1]) М. Г. А. Польша III, св. 31.

[2]) М. Г. А. Швеція III, св. 35.

## 2182) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ДАТСКОМУ МИНИСТРУ ГРАФУ ОСТЕНУ ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ [1]).

С.-Петербургъ, 24 Марта 1772 г.

Monsieur. J'ai présenté à l'Impératrice la lettre du roi que V. Excellence m'a fait l'honneur de m'adresser pour elle; Sa Majesté Impériale n'a pas pu y répondre aussitôt qu'elle l'aurait souhaité à cause d'une incommodité à la main qui l'empêchait d'écrire; elle a saisi le premier moment où elle en a été quitte, pour se donner cette satisfaction, et j'ai l'honneur d'accompagner ici sa réponse au roi [2]). Je la ferai suivre de ma part, M-r, de l'expression de ma vive reconnaissance pour l'ouverture et la confiance intime, avec laquelle vous voulez bien me faire part de l'état le plus secret des affaires de votre cour, à quoi m-r Dreyer a ajouté, par votre ordre, la communication des pièces qui y sont relatives. Je ne me permettrai point et j'en suis certainement bien éloigné, pénétré comme je le suis de respect et d'égards pour les droits du souverain, de prononcer dans une matière si délicate, surtout d'avancer rien qui puisse contredire l'exercice du pouvoir du roi et de l'époux. En se fixant même à ce principe, personne ne saurait disconvenir que les prétentions du ministre d'Angleterre à votre cour ne prennent trop à la rigueur le sens des expressions du roi dans sa lettre au roi de la Grande Bretagne. Le soin, que Sa Majesté Danoise doit à sa propre dignité, ne la constitue pas moins seule arbitre des circonspections et des ménagements, avec lesquels doit être traitée l'information et la poursuite d'une affaire, qui touche de si près à son honneur personnel et à celui de sa maison et de sa couronne; mais plus ces droits sont incontestables, plus serait-il désirable à ceux même qui sont les plus portés à les reconnaître que le roi en les exerçant pour le bonheur et le repos intérieurs de son peuple, pour la sûreté de son trône et l'honneur de sa personne, et s'interdisant une publicité que tant de considérations désavoueraient, trouvât, dans le mouvement seul de son humanité, d'accorder que la voix de la nature se fasse jour jusqu'à elle au seul titre des liens du sang et de la confiance personnelle. Un tel tempérament honorera les vertus du roi sans mettre en compromis son autorité, et sa délicatesse profitera de l'unique moyen que de si malheureuses circonstances lui laissent de mettre en évidence sa justice, en communiquant à un roi, son beaufrère et son cousin, tout ce qui peut intéresser le sort d'une soeur.

---

[1]) М. Г. А. Голштинія, IX, св. 1.

[2]) См. выше № 2178.

Si vous reconnaissez ma franchise, M-r, dans ma façon de voir les choses et de vous les présenter, c'est que la vôtre m'a fait une loi de la mienne et que, dans un objet hors de toutes les règles communes, il ne reste plus que le principe de l'honnête homme et de l'homme sensible pour guide. J'ai l'honneur d'être etc.

## 2183) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КНЯЗЮ В. М. ДОЛГОРУКОВУ [1]).

28 марта 1772 года.

Милостивый государь мой князь Василій Михайловичъ.

При реляціи в. с-ва отъ 1-го сего Марта получены здѣсь копіи съ репортовъ къ вамъ, м. г. м., находящагося въ Крымѣ ст. сов. Веселицкаго, о возобновленномъ имъ у хана и у правительства Крымскаго домогательствѣ, до уступки во всегдашнее наше содержаніе нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ крѣпостей касающемся, и къ чему онъ г. Веселицкой, по собственному его въ тѣхъ репортахъ изъясненію, взялъ поводъ отъ учиненныхъ отъ хана отзывовъ или паче запросовъ, чтобъ воздаваемо было ему со здѣшней стороны за тѣ доходы, кои предмѣстники его, будучи подъ властію Порты Оттоманской, имѣли, а онъ ихъ лишается при настоящемъ своемъ съ Крымскимъ полуостровомъ состояніи; но по содержанію оныхъ репортовъ не вовсе нѣкоторымъ образомъ тщетны были старанія г. Веселицкаго въ разсужденіи только самого хана, который повидимому наклонность къ такой уступкѣ имѣть начинаетъ; напротивъ того мурзы и знатные люди оставались при прежнемъ своемъ мнѣніи, будто не можетъ соглашено быть съ положеніями ихъ магометанскаго закона препорученіе принадлежащихъ имъ мѣстъ въ стражу христіанамъ. Не взирая однакожъ и на то, г. Веселицкій не теряетъ надежды вынудить наконецъ у хана потребный актъ, къ совершенному сего затруднительнаго дѣла разрѣшенію, предуспѣвъ склонить его между тѣмъ на отправленіе къ Ея Императорскому Величеству прошенія съ нарочнымъ, чтобъ всемилостивѣйшая Государыня соизволила перенять на свое высочайшее попеченіе утвержденіе вольности и независимости Крымской при случаѣ мирнаго съ Портою соглашенія. А и изъ дошедшей сюда на сихъ дняхъ другой вашего же с-ва реляціи, отъ 6-го сего Марта, усмотрѣно, что ханскій нарочный и дѣйствительно уже въ ваше мѣсто пріѣхалъ съ симъ прошеніемъ, но что въ ономъ недостаетъ того обстоятельства, коимъ

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ и писемъ къ кн. В. М. Долгорукову 1770—1783 г. Напечатаны въ Архивѣ Воронцова, т. XXVI, стр. 80—91.

*

образомъ Крымскій полуостровъ, и при независимости своей отъ посторонней власти, имѣетъ быть подъ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества покровительствомъ; для чего в. с-во, остановя нарочнаго, требовали отъ хана, чтобъ онъ прислалъ къ вамъ новое представленіе съ пополненіемъ примѣченнаго вами въ настоящемъ недостатка. А почтеннымъ вашимъ ко мнѣ письмомъ отъ того же числа изъяснить изволили, что г. Веселицкій продолжаетъ стараться хана Крымскаго и правительство тамошнее согласить и склонить на уступку въ наше содержаніе Крымскихъ мѣстъ, по точному в. с-ва учиненному ему подтвержденію; ибо вслѣдствіе моего къ нему отъ 31 Генваря письма, съ котораго я и в. с-ву имѣлъ честь тогда же сообщить копію, хотя и долженствовалъ онъ оставить дальнѣйшее въ томъ стараніе до прибытія въ Крымъ г. генерала-поручика Щербинина, но вы не разсудили за потребно пропускать времени при представившейся надеждѣ къ полученію толь нужнаго акта, въ чемъ и нынѣ г. Веселицкій предуспѣть наиспльнѣйше удостовѣряетъ.

Я уже доносилъ в. с-ву предъ симъ, а именно тѣмъ самымъ отъ 31 Генваря письмомъ, что Ея Императорское Величество назпачить изволила къ отправленію въ Крымъ, въ качествѣ полномочнаго, г. Щербинина, для присвоенія совершеннаго формалитета всему тому, что понынѣ предпріято было, въ разсужденіи установленія независимаго правительства въ семъ полуостровѣ, слѣдовательно и у всѣхъ татаръ, отъ подданства турецкаго отторженныхъ; теперь же позвольте мнѣ, м. г. м., и во всей подробности изъяснить, въ чемъ такой формалитетъ состоять имѣетъ и сколько оный нуженъ и полезенъ для прочности и собственныхъ вашихъ подвиговъ, подъятыхъ на освобожденіе Крыма отъ порабощенія Порты Оттоманской, послѣ чего я удостовѣренъ, что в. с-во, по ревности вашей къ пользѣ отечества и къ собственной вашей славѣ, совокупляясь въ семъ случаѣ та и другая во едино, одного будете со мною мнѣнія и совершенно согласитесь, что при настоящемъ положеніи нашихъ съ татарами дѣлъ, частныя съ ними постановленія всего нашего съ сими народами на будущее время взаимства не рѣшать съ точностью и съ твердостью, ниже могутъ имѣть и достаточную инфлюенцію въ признаніе ихъ независимости отъ другихъ дворовъ.

Когда при открывшейся настоящей войнѣ первыя въ разсужденіи татаръ покушенія подали надежду отторгнуть ихъ отъ Порты, то въ рескриптѣ, отправленномъ къ брату моему, отъ 2-го Апрѣля 1770 года, во время предводительства его, и изъяснено уже во всѣхъ обстоятельствахъ основаніе принятой здѣсь объ нихъ и о самомъ Крымскомъ полуостровѣ системы, то есть, что въ неподверженное состояніе всѣхъ Ногайскихъ татаръ и съ Крымомъ привесть и въ томъ утвердить

желается, но что сего не можно будетъ исполнить инако, какъ занятіемъ навсегда нѣкоторыхъ Крымскихъ мѣстъ, по добровольной оныхъ татарами уступкѣ, завися отъ того удобность со стороны нашей защищать ихъ отъ противныхъ турецкихъ покушеній, и по Черному морю распространить кораблеплаваніе, какъ для того, такъ и для взаимнаго отъ коммерціи прибытка. Когда же благословеніемъ Всевышняго, ниспосланнымъ на справедливое Ея Императорскаго Величества оружіе, при мужественномъ в. с-ва онымъ въ прошедшую кампанію предводительствѣ, Крымскій полуостровъ въ здѣшнюю волю предался, то однакожъ, дабы и при томъ слѣдовано было предпринятой системѣ, и вся Европа видѣла, что не одно здѣшнее желаніе есть видѣть татаръ отторженными отъ бывшей надъ ними турецкой власти, но что и сами они тому всеохотно сообразуются, и по натуральному къ Портѣ недовѣренію тотчасъ и восчувствовали нужду въ нашемъ ихъ защищенія перенятіи, и препоручено уже было в. с-ву, отправленнымъ къ вамъ отъ 27 Августа 1771 г. рескриптомъ же [1]) стараніе, въ бытность вашу въ Крымскомъ полуостровѣ не наклонить и согласить татаръ на какую либо уступку, но благоразумнымъ вашимъ обращеніемъ и управленіемъ ихъ разсудка собственную ихъ заботу и рвеніе возбудить, чтобъ они какъ бы собственнымъ же познаніемъ на прошеніе поступили, и не мы того ищущими, но они о томъ намъ докучающими видѣлись по наружности.

Я не сумнѣваюсь отдать собственному в. с-ва проницанію судить, можетъ-ли г. Веселицкій нынѣшними своими трудами замѣнить, что могло только ожидаемо и дѣйствительно произведено быть важностію в. с-ва состоянія, по чину и начальству, и еще во время вашего посреди татаръ пребыванія. Тогда, говоря свойственно по тому времени, и самый громъ бывшаго въ рукахъ вашихъ оружія, давалъ бы грубому ихъ понятію ощущать прочность и пользу въ препорученіи и всегдашней намъ стражи ихъ свободы и неподверженности, и сдѣлалъ бы ихъ не только податными, но и желающими, чтобъ и дѣйствительныя въ томъ положительныя мѣры безъ упущенія предпріяты были; напротивъ того, г. Веселицкаго домогательства, при настоящемъ нашихъ гарнизоновъ во всѣхъ укрѣпленныхъ Крымскихъ мѣстахъ содержаніи, по праву завоеванія и по резону только продолжающейся войны, кажется, неминуемо опасныя татарамъ воображенія подавать имѣютъ, особливо же, что съ ихъ стороны и начались представленія о испражненіи и всего Крыма отъ здѣшнихъ войскъ, коль скоро в. с-во оттуда отлучились, и безпредѣльное жителей сего полуострова къ магометанству усердіе получило весь досугъ ополчить ихъ прежнею противъ христіанства ненавистію. Не могутъ-ли они заключать теперь, видя наши время отъ времени возобновляемыя усильныя иска-

[1]) См. Сборникъ, т. XCVII, № 2080.

тельства, съ подкрѣпленіемъ дачами и подарками, что мы ищемъ навсегда въ ихъ отечествѣ утвердиться, не для ихъ уже защищенія, но для собственной нашей выгодности, а предъявленіемъ и ихъ въ томъ пользы только что легковѣріе ихъ уловить стараемся? Ибо, примѣняясь къ образу татарскихъ мыслей, вѣтренныхъ и по большей части настоящимъ временемъ занимающихся, а будущимъ очень мало или совсѣмъ ничего, едва-ли множайшіе изъ нихъ, находясь нынѣ въ покойномъ положеніи и упражняясь въ своей набожности, и уважаютъ столько могущую быть имъ отъ турковъ опасность, сколько соблазнъ и предосужденіе ихъ закону отъ тѣснаго съ христіанскою державою соединенія и преданія себя въ ея покровительство и руководство. А чтобъ сіе сумнѣніе въ конецъ разрушить и истребить, и не довольно уже, примѣняясь же и еще къ образу татарскихъ мыслей, однихъ такъ сказать глухихъ и скромныхъ стараній, о которыхъ только начальникамъ извѣстно, а всему обществу ни мало; но съ тѣмъ соединены быть долженствуютъ и наружныя оказательства, умы татарскіе занимающія и чувствительно удостовѣряющія ихъ о здѣшнемъ къ нимъ доброжелательствѣ и уваженіи, не тонкостями, а кидающимся имъ въ глаза и убѣждающимъ каждаго изъ нихъ, какъ бы поневолѣ, преимущество настоящаго своего свободнаго состоянія сообразить и снести съ рабствомъ, въ какое они низвержены были.

Такимъ образомъ, хотя бъ в. с-во и сами время имѣли привести татаръ на всѣ здѣшнія желанія, то для вышеизъясненныхъ причинъ, собственно къ нимъ татарамъ относящихся, а не меньше или еще и больше для того, чтобы Крымъ и всѣ принадлежащіе къ сему полуострову Ногайскіе народы свободными и не подчиненными постороней власти и для всего свѣта видѣлись, слѣдовательно раздѣленными отъ Порты, прежде ими владычествовавшей, но равнымъ образомъ не присовокупленными и къ Россійской имперіи, и было бы однакожъ необходимо отправленіе къ нимъ торжественнаго посольства, ибо, по введенному въ Европѣ обыкновенію и этикету, не можетъ ни чѣмъ дѣйствительнѣе, явнѣе и достаточнѣе доказано быть признаніе съ стороны здѣшняго двора независимости татарской, какъ симъ поступкомъ, предполагающимъ ихъ достойными быть непосредственнаго съ почтительными державами сношенія и пересылки. Дворы христіанскіе, внимая сему убѣдительному опыту и примѣру нашего уваженія къ татарамъ, изъ рабства и неволи возникшимъ, не больше-ли возымѣютъ побужденія и съ своей стороны признать ихъ свободными, а тогда и Порта должна будетъ мнимое свое право уничтожить и отъ нихъ отступиться.

Между тѣмъ, увидя татары у себя полномочнаго Ея Императорскаго Величества, отдающаго имъ на собственный разсудокъ и произволъ

избрать способы къ будущей своей безопасности, можетъ быть по такому ласкательству ихъ честолюбія скорѣе и прямодушнѣе согласятся и на всѣ здѣшнія желанія, натуральнымъ образомъ не будучи въ собственныхъ ихъ силахъ предохранить турецкія на Крымъ, во всякое время, покушенія безъ здѣшняго участвованія. Но чтобъ уже ни воспослѣдовало, по крайней мѣрѣ все то, что полномочнымъ съ татарами постановится и заключено будетъ, составитъ цѣльный договоръ, на доброй ихъ волѣ основанный и къ предъявленію свѣту удобный, вмѣсто того, что до прибытія его, какія бы съ ними сдѣлки г. Веселицкій ни предпріялъ, онѣ не могутъ имѣть равномѣрной достовѣрности и важности, какъ частныя по временамъ происшедшія, а не совокупленныя въ обще въ составъ, свойственный формальному трактату, но къ чему онъ и необходимою довѣренностію и полною мочью отнюдь и не снабденъ; а безъ того оныя, принимая вещи въ такомъ разумѣніи, въ какомъ свѣтъ судить можетъ, неизбѣжны отъ вида и нѣкотораго приневоливанія, слѣдовательно и отъ самаго подозрѣнія, повреждающаго прочность и священность подобныхъ инструментовъ, по настоящему нашему надъ татарами, въ разсужденіи держимыхъ въ нашихъ рукахъ Крымскихъ мѣстъ, превозможенію, и пока торжественно не ознаменована еще съ нашей стороны татарская вольность и независимость и собственное ихъ верховное начальство, будучи по всему вышесказанному нужно предварительно исполнить сей обрядъ; а первымъ изъ того слѣдствіемъ и произведется уже совершеніе съ татарами трактата, всѣ здѣшнія намѣренія объемлющаго. кои касаться долженствуютъ не только до всѣхъ нашихъ къ нимъ отношеній, но и до тѣхъ самыхъ, въ какихъ Крымскіе жители съ прочими Ногайскими народами, новую татарскую область составляющими, оставлены быть могутъ, и что такожде для внутренняго сей области благоустройства, а потому и въ предвареніе всякихъ затруднительствъ, весьма надобно о семъ послѣднемъ пунктѣ трактовать и на мѣрѣ положить свойственнѣе къ г. Щербинину, не только какъ полномочному Ея Императорскаго Величества, но какъ имѣющему въ своемъ производствѣ дѣла татаръ Ногайскихъ, слѣдовательно и въ состояніи находящемуся войти во всю оныхъ связь и подробность при толь нужномъ случаѣ.

Не тщетною я ласкаюсь надеждою, что вы, м. г. м., разсмотря, съ обыкновеннымъ вамъ безпристрастіемъ, всѣ сіи основательныя уваженія, и сами изволите справедливость отдать мнѣнію моему въ томъ, что предовольно было бы съ г. Веселицкаго, когда бъ онъ старался только о расположеніи духовъ татарскихъ въ благонамѣреніи, и тѣмъ бы приготовлялъ ихъ къ лучшему вниманію и предложеній, кои имъ отъ здѣшняго полномочнаго въ свое время учинены будутъ, и лучше вдругъ за все отплатиться, нежели по частямъ имѣть расходъ, какой

татарское корыстолюбіе на счетъ и не поставитъ, на будущемъ съ ними чрезъ г. Щербинина трактованіи.

Но я принужденъ и еще вамъ, м. г. м., здѣсь же открыться, что равнымъ образомъ совсѣмъ излишнимъ почитается и учиненное г. Веселицкимъ хану присовѣтываніе объ отправленіи, съ нарочнымъ, прошенія къ Ея Императорскому Величеству, чтобъ перенято было стараніе Крымскую вольность, при постановленіи съ Портою мирнаго договора, утвердить. Когда Ея Императорское Величество дозволяетъ всѣмъ татарамъ, отъ подданства турецкаго отложившимся, высочайшее свое покровительство, и въ чемъ они неоднократно обнадежены, а Крымскій ханъ съ тамошнимъ правительствомъ и чрезъ в. с-во, то само собою разумѣется, что въ толь нужное и навсегда ихъ жребій опредѣляющее время, во всей возможности попеченіе объ нихъ имѣть оставлено не будетъ. Правда, въ вышеозначенномъ, отъ 27 Августа 1771 г. къ в. с-ву отправленномъ, рескриптѣ между другимъ сказано было, что нѣтъ намѣренія допустить татаръ къ непосредственному трактованію съ Портою о признаніи ихъ независимости, съ уступленіемъ бывшаго на нихъ права ея, а все то собственному здѣшнему попеченію предоставляется, но все сіе изъясненіе сдѣлано единственно для того, чтобъ в с-во видѣть могло, сколь нужно для облегченія употребляемыхъ въ томъ стараній предшествованіе съ Крымцами условія объ оставленіи въ нашихъ рукахъ нѣкоторыхъ ихъ мѣстъ, а не для того, чтобы г. Веселицкій часть своей негоціаціи составилъ изъ того, что могло только Крымцамъ съ нашей стороны внушаемо быть, къ побужденію ихъ къ намъ признанія и благодарности и въ поспѣшествованіе нашего искательства.

Извините меня, в. с-во, въ моей къ вамъ довѣренности, до сего человѣка принадлежащей. Онъ разумъ и употребленіе приведенныхъ въ рескриптѣ словъ понималъ конечно по извѣстной его способности; но написавъ самъ въ репортѣ къ в. с-ву, что надѣется у хана актъ на уступку Крымскихъ мѣстъ вынудить, когда можетъ быть доброю волею пріобрѣсть не удастся, не попускается-ли въ такую поползновенность, которая совсѣмъ съ здѣшними видами не сходна и весьма удалена отъ тѣхъ правилъ и началъ, кои имѣли ему при томъ служить руководствомъ, а тѣмъ и не производитъ-ли сумнѣнія, что въ искушеніи и желаніи находится въ состояніи быть доказать, коимъ образомъ и одинъ все сдѣлать могъ бы, чему по его разсужденію опытомъ служить имѣло преклоненіе хана поступить на нынѣшнее прошеніе? Но ему разсудить надлежало бъ, что дѣйствительное совершеніе важныхъ негоціацій предоставляется всегда не только особамъ, особливой монаршей довѣренности удостоеннымъ и публичными характерами снабденнымъ, но и приличному къ тому времени, и что однакожъ и другіе, трудящіеся къ облегченію подобныхъ дѣлъ и къ

предваренію неудобствъ встрѣчающихся, не теряютъ цѣны своихъ подвиговъ.

Какъ бы то ни было, но продолжающіяся съ стороны ханской сюда присылки и представленія весьма препятствовать могутъ отправленію здѣшняго полномочнаго, требуя новыхъ для него наставленій (на) всякій новый случай, пока еще онъ не вступаетъ въ свой путь, а не меньше и тому производству, какое здѣсь съ Калгою-султаномъ настоитъ, въ облегченіе коммиссіи сего полномочнаго; потому и спѣшу я просить в. с-во предписать г. Веселицкому, сколько возможно не помедля жъ, чтобъ онъ, увѣдомя хана объ отправляемомъ къ нему и къ Крымскому правительству торжественномъ посольствѣ, съ точнымъ обнадеживаніемъ о постановленіи Крымской свободы и независимости на прочномъ основаніи во все послѣдующее время, и чрезъ которое посольство съ нимъ ханомъ также трактовано будетъ, и о всѣхъ мѣрахъ, принадлежащихъ къ обезпечиванію Крымскаго полуострова отъ опасности съ турецкой стороны, удерживалъ его впредь отъ присылки сюда своихъ нарочныхъ. Но можетъ-ли находящійся нынѣ у в. с-ва присланный отъ хана нарочный, безъ огорченія его хана, возвращенъ быть назадъ по симъ же основаніямъ, ближайшему вашему разсмотрѣнію предаю, съ присовокупленнымъ только прошеніемъ, что ежели бы заблагоразсудить изволили отправить его сюда по полученіи отъ хана представленія въ такой силѣ, въ какой в. с-во быть оному желали и требовали, то по крайней мѣрѣ пожалуйте, м. г. м., прикажите сего татарина остановить на дорогѣ въ городѣ Торжкѣ, гдѣ и прежде отправленный отъ хана нарочный понынѣ еще удерживается, и мнѣ дать знать предварительно. Пребываю и проч.

## 2184) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 5 КЪ ПОСЛУ САЛЬДЕРНУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

A St-Pétersbourg, le 30 Mars 1772.

Monsieur. J'ai reçu par courrier les lettres d'office de Votre Ex-ce № 12 et 13, le № 11 m'etait arrivé peu auparavant par la poste; j'aurai l'honneur de répondre par celle-ci, M-r, sur les différents objets dont vous faites la représentation.

Votre Ex-ce peut être bien persuadée, que je ne perds point de vue la conduite à suivre par nous relativement aux grandes familles de la Pologne; je lui en ai dit précédemment mon avis, et mes principes sont d'accord avec les siens. Mais comme elle le sait, nos affaires se

[1]) М. Г. А. Польша, Ш, св. 31.

trouvent actuellement liées à notre concert avec les deux puissances voisines de la Pologne; j'attends donc avant de nous décider sur un parti, que je voie plus clair dans les dispositions propres de ces deux cours, sur le traitement à faire à tel ou tel magnat. Pour moi je suis toujours d'opinion, que ceux qui sont le moins à ménager quant à nous, sont les Potocki, les Mniszek et les Radzivil, et en général tout ce qui compose le parti Saxon, que nous tenons sans contredit pour la cause première et le mobile continu de tous les troubles actuels. Toutefois ces dispositions devront être, comme de raison, modifiées sur la conduite des personnages au moment où notre concert éclatera. Ce sera là la vraie et dernière épreuve, où nous mettrons les sentiments ouverts ou cachés de chaque individu, et les faveurs seront pour ceux qui se prêteront à procurer un arrangement final avec leur patrie, comme le ressentiment tombera sur ceux qui s'y opposeront. Ce sera là notre boussole, la conduite du présent prononcera indépendamment des haines ou des amitiés passées.

L'article de votre sûreté et de la tranquillité dans votre résidence exige de plus grandes précautions, à mesure que nous approchons du terme du développement de notre système. Ainsi, M-r, si dans les arrangements indispensables pour cet objet vous jugez de concert avec m-r le général Bibikof, que cela soit absolument nécessaire, vous pouvez prendre sous notre garde immédiate les portes de la ville.

Le parti que Votre Ex-ce propose de prendre à l'égard des deux malheureux qui ont facilité la prise du château de Cracovie, est le traitement qui appartient, selon toutes les loix de la guerre, à des espions et des traîtres. Mais comme depuis quatre années de troubles, pendant lesquelles nous avons éprouvé tout ce que le fanatisme de la religion et de la liberté, l'avidité du gain, la perversité naturelle du coeur, la haine et la vengeance peuvent faire tenter et exécuter aux hommes, nous avons pu nous épargner des actes de rigueur et de peine capitale, il faut encore nous sauver celui-ci, surtout dès que nous touchons nécessairement à la fin de toutes ces scènes, et que l'exemple, quoique contagieux, ne saurait plus nous nuire. La résolution sur cet objet, M-r, est donc que vous vous borniez à envoyer ces deux traîtres, pieds et poings liés, en Russie.

Pour tout officier français fait prisonnier parmi les troupes des confédérés, comme, en se déshonorant à prendre le parti de gens que nous ne reconnaissons que comme rebelles à leur patrie et nos ennemis, sans aucun titre auquel ils aient pu oser se déclarer tels, nous n'avons aucune règle du droit de gens à pratiquer à leur égard, et ils sont hors d'état de le réclamer. Il n'y a pour eux ni revers, ni échange, ni passeport à admettre; autant qu'il en tombera entre vos mains, il n'y a

autre chose à faire, que de les lier comme des criminels et les envoyer en Russie. Le cas du S-r Charlot est tout autre. Un homme blessé et qui ne peut se sauver qu'en se livrant lui-même à nous, traite tacitement avec notre humanité, et sans promesse de notre part, sans revers de la sienne, elle nous aurait dicté de fermer les yeux sur ce qu'il est, de le laisser se guérir s'il peut et s'en aller où il voudra. Sauver un malheureux est une chose qui peut toujours et même qui doit se faire sans condition.

Voilà ce que j'ai eu en général à répondre aux dépêches de Votre Ex-ce; de notre part je n'ai aucune nouvelle à lui faire parvenir; tout est au même état qu'à l'expédition de mon dernier courrier. J'ai l'honneur d'être etc.

## 2185) ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ФЕЛЬДМАРШАЛУ ГР. П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

Графъ Петръ Александровичъ.

На письмо ваше отъ 13-го числа Марта имѣю только на теперешній случай сказать вамъ: 1) Мнѣ сдается, что здѣсь, такъ какъ и въ вашихъ мѣстахъ, есть люди, кои большое предпріятіе, о которомъ вы извѣстны, въ случаѣ еслибъ миръ не состоялся, ищутъ всячески отдалить, не могши оному препятствовать, знавъ, что на то воля моя рѣшительная есть. 2) Въ вашемъ проектѣ о перемиріи, въ той статьѣ, гдѣ говорено о судахъ, чтобъ не входить имъ ни въ Дунай, ни въ Днѣстръ и не приближаться къ Бессарабскимъ берегамъ, я нашла двоякость словъ, и что она неясно и невнятно изображена: нашимъ-ли то дѣлать судамъ или турецкимъ запрещается. Для того, если еще есть время, надлежитъ оную рѣчь поправить; ибо безъ того нашимъ морскимъ приготовленіямъ можетъ учиниться отъ двоякости тѣхъ словъ помѣха, и найтися можемъ, еслибъ разорвался конгрессъ, въ недостаткѣ тѣхъ пріуготовленій, кои теперь идутъ, какъ то ни Донскія лодки, кои наряжены, ни Азовскіе фрегаты до устья Дуная не могли бы тогда дойти.

*Есмь какъ всегда къ вамъ доброжелательная*

*Екатерина.*

С.-Петербургъ, 1772 года, Марта 31-го дня.

---

[1]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки имп. Екатерины II, св. 3. Напечат. въ Сѣверномъ Архивѣ 1822 г., ч. II, стр. 333.

## СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ПОЧТЪ-ДИРЕКТОРУ ЭКУ.

2 Апрѣля 1772 г. О задержаніи писемъ французскаго агента въ Россіи Сабатье де-Кабра. Напеч. въ Сборникѣ, т. XIII, стр. 229.

## 2186) КОПІЯ СЪ РЕСКРИПТА ИМПЕРАТРИЦЫ № 17 КЪ ФЕЛЬДМАРШАЛУ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

Изъ реляціи вашей подъ № 16, отъ 13-го Марта, и приложенныхъ къ оной копій съ писемъ къ вамъ отъ находящихся въ Константинополѣ министровъ Ихъ Величествъ Императрицы-королевы и короля Прусскаго, также и отъ самаго верховнаго визиря, усмотрѣли мы съ полнымъ удовольствіемъ, что дѣло примиренія и мира нашего съ Портою Оттоманскою взяло уже собою кратчайшую дорогу, которой мы давно желали, и къ одержанію ея направляли всѣ наши политическія мѣры и подвиги, дабы безпосредственнымъ сношеніемъ не только время выигрывать, но и быть меньше въ зависимости отъ содѣйствія посредствующихъ дворовъ и ихъ прихотей. По прочтеніи всѣхъ вашихъ на тѣ письма отвѣтовъ и примѣчаній, находимъ мы ихъ въ общественныхъ положеніяхъ совершенно соотвѣтствующими прежнимъ нашимъ повелѣніямъ и естественному свойству настоящихъ дѣлъ, слѣдовательно же и заслуживающими высочайшую нашу апробацію.

Время по исчисленіямъ нашимъ, да и по собственному вашему сужденію, дозволитъ чаятельно поспѣть къ вамъ сему рескрипту прежде отверстія формальныхъ между взаимными коммиссарами переговоровъ о перемиріи, а по крайней мѣрѣ дѣйствительнаго его заключенія и подписанія. Мы восхотѣли потому снабдить васъ чрезъ сіе новыми и ближайшими наставленіями по разнымъ частямъ будущей подъ руководствомъ вашимъ негоціаціи, дабы вы новые съ турецкой стороны встрѣченные запросы и самыя перемирія статьи, по точнымъ нашимъ намѣреніямъ, со всею нужною къ скорому окончанію рѣшительностью сами собою разбирать и опредѣлять могли.

Ничто не можетъ быть благоразумнѣе и осмотрительнѣе поступка вашего въ совершенномъ отклоненіи отъ себя новыхъ и необычайныхъ турецкихъ требованій о продолженіи перемирія и удержанія оружія чрезъ три мѣсяца послѣ разрыва составляемаго во время оныхъ (?) мирнаго конгресса, и о ручательствѣ на самое перемиріе посредствующихъ дворовъ. На первое откроемъ мы вамъ, какъ истинному сыну отечества и какъ полководцу, толико мудрымъ своимъ предводитель-

[1]) М. Г. А. Турція IX, св. 5.

ствомъ и побѣдами выгодному положенію оружія нашего способствовавшему, что сколь ревностно и горячо ни желаемъ мы видѣть для пользы и облегченія нашихъ вѣрныхъ и любезныхъ подданныхъ скорый конецъ военнымъ бѣдствіямъ, столько же, въ оборотъ, считаемъ себя обязанными предъ Богомъ, предъ свѣтомъ и предъ ними, не инако поступить на миръ, какъ на миръ славный, общей нашей обидѣ удовлетворительный и для переду прочный. По сему непремѣнному правилу нельзя отнюдь согласиться на продолженіе перемирія чрезъ три мѣсяца, за разрывомъ уже въ конецъ мирной на конгрессѣ негоціаціи; ибо такою уступкою потеряна была бъ вся кампанія нынѣшняго года, а съ оною и всѣ для нея учиненныя важныя приготовленія, отъ которыхъ мы не безъ причины можемъ ожидать новаго и сильнѣйшаго у Порты побужденія къ миру и къ припятію нашихъ, впрочемъ толь умѣренныхъ требованій.

Домогательство турокъ о ручательствѣ посредствующихъ дворовъ на перемиріе есть отрасль и плодъ собственнаго ихъ съ вѣроломіемъ соединеннаго невѣжества, и какъ таковое не можетъ съ нашей стороны отнюдь принято и въ заключаемую взаимными коммиссарами конвенцію внесено быть; но съ другой стороны, не будемъ мы противиться, чтобъ посредствующіе дворы, сами собою и безъ соучастія нашего, удовлетворили въ томъ буйству непріятелей нашихъ какою-либо съ ихъ стороны согласною поманкою.

Довольно сего къ руководству вашему по вышеписаннымъ двумъ вновь затѣяннымъ статьямъ. Теперь приступимъ мы къ пункту изъ взаимныхъ вашихъ къ перемирію, какъ верховному визирю безпосредственно учиненныхъ, такъ и министрамъ Австрійскому и Прусскому при Портѣ для предъявленія ей сообщенныхъ предложеній, который насъ недовольнымъ своимъ различіемъ въ водахъ Чернаго моря и въ свободномъ на обѣ стороны плаваніи по оному нѣсколько озабочиваетъ. Правда, оный пунктъ, разбирая его по наружнымъ обстоятельствамъ, такого существа, что кажется быть сроденъ подчиненію инакціи и неподвижности, кои долженствуютъ быть самымъ основаніемъ перемирія; но по уваженіямъ извѣстной адмиралу Нользу особливо порученной коммиссіи, не можемъ мы желать, чтобъ всякое съ Дунаемъ вообще изъ Чернаго Моря сообщеніе, а съ нимъ и хожденіе судовъ по берегамъ Бессарабіи пресѣчены были; а инако и сами мы лишились бы таковымъ пересѣченіемъ свободы приблизить между тѣмъ къ способнымъ для переду мѣстамъ Азовскую флотилію и приготовляемыя къ оной Запорожскія лодки. Вслѣдствіе того, поручаемъ мы вамъ, при открытіи дѣйствительныхъ между коммиссарами переговоровъ, употребить всевозможное ваше попеченіе къ преложенію пункта учиненныхъ съ вашей стороны предложеній относительно до Чернаго Моря, такимъ

образомъ, какъ оный начертанъ въ проектѣ конвенціи, сообщаемомъ намъ нынѣ нашимъ д. т. с. графомъ Панинымъ, а именно, чтобъ обѣихъ сторонъ военныя и другія суда имѣли взаимно свободу ходить и плавать при берегахъ, оружію каждой части подвластныхъ, и между оными до крайняго съ своей стороны устья Дуная рѣки на томъ и другомъ берегу ея, не переступая уже отнюдь, и ни подъ какимъ предлогомъ, за сіи черты, а еще менѣе касаясь до береговъ и мѣстъ, непріятелемъ занятыхъ. Если инако нельзя будетъ одержать такого на обѣ стороны равнаго постановленія безъ дозволенія въ тоже время туркамъ свободнаго моремъ сообщенія и съ крѣпостію Очаковскою, въ такомъ случаѣ не возбраняемъ мы вамъ согласиться и на оное, только бы съ своей стороны получить намъ безпечное и безвредное всякими судами плаваніе къ берегамъ Бессарабіи, и чтобъ потому оныя, встрѣчаясь дорогою съ турецкими, не могли быть подвержены непріятельскимъ, отъ сихъ послѣднихъ, дѣйствіямъ.

Въ дополненіе визирскаго къ вамъ отзыва о готовности и согласіи Порты на конгрессъ, увѣдомилъ Прусскій въ Константинополѣ министръ Цегелинъ, чрезъ здѣшняго своего товарища графа Сольмса, министерство наше, что Порта, назнача съ своей стороны къ конгрессу двухъ полномочныхъ, а именно: Османа-эффендія и рейсъ-эффендія Измаила-бея, а третьяго готовясь назначить, просила его между тѣмъ исходатайствовать у двора нашего перемѣну въ сборномъ мѣстѣ, и вмѣсто города Измаила, какъ всячески неспособнаго, представить къ тому съ ея стороны Бухарешты, Фокшаны, или всякое другое намъ угодное мѣсто, а притомъ еще отобрать и точное свѣдѣніе, въ которое время наши полномочные на конгрессъ прибыть имѣютъ, дабы ея министры къ той же порѣ туда поспѣть и за прямое дѣло, безъ всякихъ церемоніальныхъ окрестностей и замедленій, вступить могли.

Мы повелѣваемъ вамъ по сему безпосредственно отозваться письмомъ отъ себя къ верховному визирю, что вы отъ двора вашего извѣщены, да и повелѣніе имѣете дать ему знать прямою дорогою для выигрыванія въ столь спасительномъ дѣлѣ, каково есть возстановленіе мира, драгоцѣннаго времени, что наши полномочные вскорѣ отсюда отправлены будутъ и поспѣютъ въ городъ Яссы, главную вашу квартиру, въ половинѣ или по крайней мѣрѣ въ концѣ Мая мѣсяца по нашему стилю; чтобы онъ потому благоволилъ употребить стараніе свое, дабы и турецкіе полномочные къ тому же времени въ станъ его визирскій присланы были; что они, взаимные полномочные, будучи тогда въ такой другъ отъ друга близости, могутъ скоро и достаточно между собою снестись и согласиться, какъ о назначеніи сборнаго конгрессу мѣста, ибо мы назначеніе къ тому города Измаила по неспособности его отмѣнить соизволили, такъ и объ одновременномъ туда

съѣздѣ и начатіи самого дѣла безъ всякихъ дальностей; что вы съ своей стороны готовы по первому ихъ востребованію подать къ свободному и безопасному ихъ въ пути проѣзду всѣ нужныя и пристойныя удобности, и что напослѣдокъ, когда полномочные въ сборномъ мѣстѣ съѣдутся и начнутъ, при благословеніи Всевышняго, мирную негоціацію, тогда они сами, по теченію ея и по взаимному къ желаемому концу приближенію, могутъ между собою соглашаться о надобности продолженія перемирія и опредѣлять оному новые сроки, кои вы натурально съ своей стороны наблюдать будете, если то равнымъ образомъ и съ его визирской стороны чинимо будетъ. И пребываемъ вамъ впрочемъ и проч.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ 3-го Апрѣля 1772 года.

Екатерина.

## ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ И. П. ЕЛАГИНУ.

6 Апрѣля 1772 г. О приготовленіяхъ къ прибытію Шведскаго короля. Напеч. въ Сборникѣ, т. XIII, стр. 231.

## 2187) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ДАТСКОМУ МИНИСТРУ ГРАФУ ОСТЕНУ ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ [1]).

Послѣ 6 Апрѣля 1772 г.

Monsieur. La lettre que Votre Ex-ce m'a fait l'honneur de m'écrire le 6 du mois d'Avril m'est une nouvelle preuve des sentiments qu'elle veut bien m'accorder; je me flatte que les miens pour elle ne lui seront pas moins assurés. Outre la connaissance que j'ai eue pendant plusieurs années du zèle et de l'activité, avec lesquels vous avez travaillé, M-r, pendant votre mission à St-Pétersbourg, à cimenter l'union des deux monarchies, les derniers temps que j'ai eu l'honneur moi-même de traiter directement avec vous ne peuvent me laisser de doute sur l'esprit et les principes, dans lesquels Votre Ex-ce est entrée dans sa carrière actuelle. En croyant que telle est ma persuasion sincère, elle ne fera que rendre justice à la façon de penser d'un homme, qui dans ses paroles ou ses actions se pique de ne prendre jamais d'autre guide que la vérité. La même justice je vous la demande encore, M-r, en

[1]) М. Г. А. Голштинія IX, св. 1.

croyant qu'on ne peut être plus intimement persuadé que je le suis, que tous vos soins et vos efforts tendront constamment à rectifier les affaires de votre cour, en rassurant leur direction vers le bien-être le plus naturel et le plus réel de votre patrie. Tous les gens de bien souhaitent sans doute que Votre Ex-ce réussisse dans ce dessein et n'en soit point empêchée par les obstacles de tout genre que chercheront à y apporter des gens mal intentionnés ou par vice de caractère, ou par ignorance. Je le souhaite personnellement d'autant plus, et je dois cette confiance à Votre Ex-ce en ma qualité d'ancien ami de la couronne de Dannemarc, que j'ai l'honneur de servir une souveraine qui voit tout par ses yeux et que les points, sur l'exécution desquels se fondent la solidité et la permanence de l'union des deux couronnes, sont inséparablement liés à l'exécution du système commun de leur alliance.

La mort du roi de Suède, évènement en tout temps important pour la paix du Nord et son indépendance de l'influence étrangère, devient bien plus grave encore par la position présente des affaires entre les deux cours, qu'un intérêt commun et immédiat réunit vers cet objet. C'est à triompher du désavantage de telles circonstances que va s'exercer le ministère de Votre Ex-ce et le mien. Le champ est ouvert à la bonne volonté. C'est par l'exécution effective des engagements de notre alliance qu'en sera démontrée l'utilité et la solidité assurée, et c'est par cette raison sur cette exécution que se porte actuellement toute l'attention de l'Impératrice.

Les dispositions de Sa Majesté Impériale pour la paix ou pour la guerre sont manifestées à toute l'Europe et surtout intimement connues de ses alliés. Tous ses traités d'alliance n'ayant pour but que de prévenir l'une, son goût et son penchant pour l'autre sont évidents. Autant elle a eu de répugnance à prendre les armes pour repousser l'agression injuste de la Porte, autant elle trouvera de contentement à les quitter, aussitôt que son ennemi se résoudra sérieusement à la paix. Elle n'en retardera point la conclusion par des prétentions outrées, qui puissent ou entretenir l'obstination de ses ennemis, ou porter ombrage aux puissances qui peuvent y avoir intérêt. Toute idée de conquêtes déjà depuis longtemps mise de côté, tant par principe d'état que par modération, Sa Majesté Impériale ne veut que la sûreté de son empire et de sa paix pour l'avenir, une juste satisfaction à sa dignité offensée, un dédommagement incontestable en soi et qui tient essentiellement aux deux premiers points. Voilà, M-r, l'idée d'une paix juste, et c'est aussi celle que vous avez avec raison de la façon de penser de l'Impératrice. Vous voyez que je parle à coeur ouvert sur cet objet, comme dans tout le reste de ma lettre, et je dois ajouter que ma confiance est entièrement analogue à celle, dont Sa Majesté Impériale honore votre ministère. Rien ne peut m'être

plus sensible que d'être toujours en état d'en suivre l'impression et de pouvoir dire avec autant de contentement que de vérité, que je suis inaltérablement avec les sentiments du plus sincère attachement et de la considération la plus distinguée, Monsieur, de Votre Ex-ce etc.

## 2188) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ [1]).

Въ письмѣ № 20, отъ 7 Апрѣля 1772 г., посолъ въ Варшавѣ Сальдернъ извѣщалъ графа Н. И. Панина о разговорѣ своемъ съ великимъ коронным канцлеромъ касательно замѣщенія вакантныхъ должностей въ Царствѣ Польскомъ.

Въ письмѣ № 21, отъ того же числа, Сальдернъ писалъ о польскихъ уланахъ:

„C'est en vérité un corps, où il y a beaucoup de désordre et peu de discipline, sans parler d'autres motifs, les Polonais sont toujours des Polonais, auxquels il est impossible de se fier dès qu'on veut s'en servir contre les Polonais".

Въ письмѣ № 23, отъ того же числа, Сальдернъ указывалъ на необходимость примѣнить строгія наказанія ко взятымъ въ плѣнъ польскимъ конфедератамъ, которыхъ до сихъ поръ отпускали на поруки. „J'ai cru d'être de mes devoirs", писалъ онъ, „à faire changer cette façon d'agir avec une nation, qui ne connait pas ce que c'est parole d'honneur".

Sur le № 20.

Je crois qu'après le 1 Juin il sera à peu près indifférent, à qui les charges vacantes seront données, et il parait que l'ambassadeur peut s'en tenir à (la simple recommandation sans [2]) ce qu'il a dit et ne rien exiger. Approuvez sa conduite et ce qu'il représente dans № 21 au sujet des oulans. Faites envoyer en Sibérie ces coquins sans honneur ni parole, dont il est parlé dans le № 23.

## 2189) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ И. А. ОСТЕРМАНУ ВЪ СТОКГОЛЬМЪ [3]).

Получа послѣднія депеши вашего сіятельства отъ 23 Марта (3 Апрѣля), спѣшу на оныя вамъ отвѣтствовать чрезъ сію нарочную стафету.

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 32.

[2]) Зачеркнуто.

[3]) М. Г. А. Швеція III, св. 34.

Ваше сіятельство весьма пристойнымъ образомъ принять изволили сдѣланныя вамъ внушенія отъ графа Денгофа по пункту бракосочетанія Его Высочества принца Карла, и касательно до намѣряемаго Его Шведскимъ Величествомъ посѣщенія нашей всемилостивѣйшей Государыни. Относительно до перваго, мнѣ видится, милостивый мой государь, что скорѣйшая свадьба того принца, въ разсужденіи новой тѣмъ прибавки государственныхъ издержекъ, долженствуетъ натуральнымъ образомъ еще больше обуздать французско-шведскія замашки къ навлеченію на націю военныхъ затѣй, а посему и ваше сіятельство въ своемъ содѣйствіи, яко проницательный министръ, извольте такъ разверстываться, чтобы только не огорчить своихъ пріятелей, желающихъ разрушенія того дѣла; причемъ однакожъ и тѣсная наша дружба съ Его Прусскимъ Величествомъ требуетъ удостовѣрить сего государя о вашемъ споспѣшествованіи его желаніямъ.

Что же принадлежитъ до королевской сюда поѣздки, намъ здѣсь трудно согласить сіе намѣреніе Его Величества съ тѣми утвердительными разглашеніями о моровой язвѣ, по которымъ господинъ Эренсвердъ окружаетъ наши границы военнымъ кордономъ, и не можно-ли будетъ сему генералу изъ особливаго усердія воспрепятствовать своему государю выѣхать за его кордонъ; ибо чаятельно, что поѣздка Его Величества, для осмотра въ Финляндіи, быть имѣетъ вскорѣ послѣ коронаціи и еще нынѣшнимъ лѣтомъ. Но какъ бы то ни было, когда въ правду Его Величество рѣшительное желаніе къ тому имѣетъ и къ вамъ по оному отозваться изволитъ, ваше сіятельство благоволите объявить пристойно, что Ея Императорскому Величеству конечно пріятно будетъ видѣть у своего двора такого высокаго гостя и ближняго свойственника.

Сообща такимъ образомъ вашему сіятельству въ резолюціи высочайшее соизволеніе всемилостивѣйшей Государыни, я долженъ васъ просить и рекомендовать вамъ, чтобъ мы здѣсь, какъ возможно скорѣе, увѣдомлены были отъ васъ о точномъ времени, когда сей государь положитъ намѣреніе выѣхать изъ Стокгольма, землею или водою путь свой принять изволитъ и къ которому времени на границу прибыть можетъ. Все сіе тѣмъ нужнѣе намъ заблаговременно вѣдать, что въ теченіе лѣтняго времени пребываніе Ея Императорскаго Величества по разнымъ мѣстамъ, требуетъ и разныхъ пріуготовленій для пріема того гостя.

А какъ пребываніе его здѣсь долговременно быть не можетъ, и потому бы Ея Императорскому Величеству угодно было, чтобы онъ ежедневно по свойству его склонностей угощаемъ былъ, то для сего намѣренія пожалуйте ваше сіятельство сколько возможно извольте описать мнѣ истинный характеръ, нравъ, свойства и склонности Его

Шведскаго Величества, прибавляя къ тому ваше увѣдомленіе о назначаемыхъ въ его свиту знатныхъ особахъ, съ числомъ слугъ, и не изволитъ-ли иногда онъ съ собою взять котораго либо изъ своихъ братьевъ. Впрочемъ пребуду я всегда и проч.

Въ С.-Петербургѣ 7 Апрѣля 1772 г. (въ шифрахъ).

## 2190) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [1]).

Нашему генералу-поручику Щербинину.

Находя мы основательнымъ учиненное реляціею вашею, отъ 12 Марта представленіе о опредѣленіи главному Ногайскому начальнику Джанъ Мамбетъ-бею жалованья, всемилостивѣйше соизволяемъ, въ показаніе къ нему Императорскаго нашего благоволенія, за доброжелательство его и усердіе къ намъ и къ нашей имперіи, и дабы онъ, кромѣ общей Ногайскихъ народовъ пользы, въ томъ, что они, отложась отъ турецкаго подданства, въ наше покровительство отдались, и особенныя поощренія имѣлъ утверждать ихъ въ семъ положеніи, а сверхъ того въ толь лучшее состояніе и приведенъ былъ, съ пристойностью себя содержать и прочимъ татарскимъ старшинамъ дѣлать угощенія и приласканія, чтобъ по всѣмъ такимъ уваженіямъ, считая съ начала настоящаго 1772 г., производилось ему, Джанъ Мамбетъ-бею, по 2000 рублевъ ежегодно.

Не безнужно однакожъ, а по крайней мѣрѣ до нѣкотораго времени, чтобъ о опредѣленіи ему нашего жалованья не только въ Крымѣ свѣдано не было, но ниже прочими Ногайскихъ татаръ начальниками, въ предвареніе, дабы ханъ Крымскій, который со своими справителями уже неоднократно отзывался съ прошеніемъ о воздаяніи ему и Крымскимъ чиновнымъ людямъ съ нашей стороны за тѣ доходы, кои имѣли его и ихъ предмѣстники, будучи въ подданствѣ Порты Оттоманской, не подтвердился въ своихъ искательствахъ, а другіе Ногайскіе начальники повода не возымѣли и для себя тогожъ домо-

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ къ Е. А. Щербинину 1770—1775. Напеч. въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Р. 1871 г., кн. IV, стр. 99—100.

гаться; ибо что до хана Крымскаго и тамошнихъ чиновныхъ касается, то удовольствованіе по ихъ требованіямъ составило бъ весьма великую каждый годъ сумму; Ногайскихъ же татаръ начальникамъ надобно ли такожде жалованье опредѣлить, для обязательства ихъ содѣйствовать главному Джанъ Мамбетъ-бею въ порядочномъ управленіи, о томъ разсмотрѣніе учинить удобнѣе быть имѣетъ по возвращеніи вашемъ изъ Крыма, для той же самой предосторожности, чтобъ Крымцы, видя татаръ Ногайскихъ награждаемыхъ, не единовременно, но съ точными навсегда положеніями и о чемъ не трудно уже было бъ имъ свѣдать, ежели бы, кромѣ Джанъ Мамбетъ-бея, и другимъ годовые оклады дѣйствительно нынѣ же назначились, а свои подобныя прошенія оставляемыя безъ исполненія, съ излишествомъ не огорчились, а чрезъ то и въ успѣхахъ вашей коммиссіи не встрѣтилось затруднительства. Напротивъ того, по окончаніи оной и слѣдовательно по точномъ уже назначеніи и предѣловъ власти хана Крымскаго надъ Ногайскими народами, со всею достовѣрностью и откроется, сколь и затѣмъ полезно будетъ съ здѣшней стороны непосредственно участвовать во внутреннихъ сихъ народовъ распоряженіяхъ, а потому и ласкать и всѣхъ ихъ вообще начальниковъ.

Итакъ, давая вы знать Джанъ Мамбетъ-бею чрезъ находящагося при немъ подполковника Стремоухова о воспослѣдовавшей нашей высочайшей милости, имѣете въ тожъ время и чрезъ онагожъ подполковника подтвердить ему, чтобъ онъ отнюдь о томъ не разглашалъ и никому не сообщалъ. Принадлежащее же въ дачу на сей годъ число денегъ надлежитъ вамъ доставить къ нему, и скрытнымъ уже образомъ чрезъ онаго же подполковника, изъ опредѣленныхъ на расходы по дѣламъ Ногайскихъ народовъ денегъ. А по окончаніи коммиссіи вашей въ Крыму и приведеніи всѣхъ дѣлъ татарскихъ въ нѣкоторое установленіе, откуда ему впредь жалованье производить, въ то время и назначится. Между тѣмъ, если по обстоятельству чинимыхъ съ стороны турецкой подсылокъ къ Ногайцамъ для ихъ развращенія, и о чемъ вы реляціями вашими, отъ 12 и 17 Марта, доносили, за нужно найдете по нѣкоторой суммѣ Ногайскимъ начальникамъ, предудерживая ихъ отъ искушенія, и нынѣ раздѣлить, въ томъ числѣ сверхъ жалованья и Джанъ Мамбету, изыскавъ къ тому какіе-либо пристойные претексты, и сіе отдается на ваше благоизобрѣтеніе, соображаемое съ пользою, изъ такой издержки ожидаемою.

Впрочемъ мы пребываемъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ С.-Петербургѣ 11 Апрѣля 1772 года.

Подлинный подписанъ Ея Императорскимъ Величествомъ.

## 2191) ГРАМОТА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ КРЫМСКОМУ ХАНУ [1]).

По большомъ Ея Императорскаго Величества титулѣ.

Свѣтлѣйшему и славнѣйшему Крымскому хану Сагибъ-Гирею, наша Императорская милость и поздравленіе.

Мы, повелѣвъ отпустить нынѣ отъ нашего двора, съ Императорскою нашею грамотою, присланныхъ отъ правительства и общества Крымскаго посланниковъ, прежде нежели ваша свѣтлость избраны были ханомъ Крымскимъ и получили верховное начальство надъ вольною и независимою, вновь состоявшеюся, татарскою областію, съ засвидѣтельствованіемъ должной ихъ благодарности за освобожденіе Крыма нашимъ пособіемъ отъ посторонней власти и съ прошеніемъ о нашемъ покровительствѣ, за благо и за нужно изобрѣли возвѣстить о томъ вашей свѣтлости сею особливою нашею онымъ же посланникамъ препорученною грамотою. Всѣ тѣ удостовѣренія и обнадеживанія, кои подаются нашимъ высочайшимъ именемъ обществу Крымскому, чрезъ сіе собственно и для вашей свѣтлости подтверждаются. Удовольствіе наше будетъ величайшее, когда мы, руководствомъ и попеченіемъ нашимъ возведши Крымскій полуостровъ и всѣ Ногайскіе народы на степень свободной и независимой области, въ состояніи найдемся, содѣйствіемъ вашимъ, твердыя и надежныя основанія положить къ обезпечиванію Крымскаго благополучнаго жребія и верховнаго его собственнаго начальства и на все послѣдующее въ роды родовъ время. Отправляя мы въ семъ намѣреніи къ вашей свѣтлости торжественное посольство, уповаемъ совершенно съ стороны вашей найти все вниманіе къ тѣмъ предложеніямъ, кои симъ посредствомъ вамъ учинены будутъ, для собственной вашей и области вашей пользы и будущей безопасности. А между тѣмъ поручаемъ вашу свѣтлость въ сохраненіе Всевышняго, и пребываемъ къ вамъ, и ко всей подъ вашимъ верховнымъ начальствомъ состоящей области, благосклонны. Дана сія наша Императорская грамота, которую мы для полной достовѣрности печатію имперіи нашей утвердить повелѣли, въ столичномъ нашемъ городѣ Санктъ-Петербургѣ, въ 11-й день Апрѣля мѣсяца, отъ Рождества Христова 1772 года, а государствованія нашего десятаго лѣта.

Подлинная грамота государственною печатью утверждена.

---

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ къ Е. А. Щербинину 1770—1775. Напечатана въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Р., 1871 г., кн. IV, стр. 100—102.

## 2192) ГРАМОТА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ КРЫМСКОМУ ОБЩЕСТВУ [1]).

По большомъ Ея Императорскаго Величества титулѣ.

Начальникамъ Крымскимъ, мурзамъ, агамъ, духовному чину и всему благонамѣренному обществу, наша Императорская высочайшая милость и благоволеніе.

Совершились наши человѣколюбивыя желанія и достигло наше удовольствіе до вышняго степени, видя милосердымъ Всевышняго промысломъ, а пособіемъ побѣдоноснаго нашего оружія, Крымскій полуостровъ со всѣми своими обитателями и со всѣми Ногайскими народами избавленнымъ отъ посторонняго порабощенія, его жъ испрашивающаго, чрезъ нарочно присланныхъ къ высочайшему нашему двору посланниковъ, наше Императорское покровительство, и поручающаго себя въ союзъ и дружбу нашей имперіи, а въ то же время и возвращающаго потерянное свое преимущество вольной и ни отъ кого независимой, кромѣ Единаго Бога, области, избраніемъ въ верховное начальство славнѣйшаго и свѣтлѣйшаго хана Сагибъ-Гирея, по праву наслѣдства и породы, и съ торжественнымъ обязательствомъ, чтобъ порученную ему власть употреблять по древнимъ татарскимъ законамъ, обыкновеніямъ и обрядамъ, и чтобъ непремѣнно быть, и остаться съ нашею имперіей въ союзѣ и дружбѣ и подъ нашимъ покровительствомъ, нужнымъ Крыму, и всѣмъ татарскимъ народамъ, для безвредности, цѣлости и безопасности настоящаго ихъ благополучнаго жребія. Мы, пріобрѣтши въ свѣтѣ справедливую славу нашимъ руководствомъ и великодушнымъ подвигомъ въ совершеніи толь знаменитаго происшествія, коимъ великая часть рода человѣческаго, въ злополучіи, въ горести, въ тѣснотѣ и презрѣніи бывшая, видить совершенно своего состоянія перемѣну полезную и для будущаго времени ласкательнѣйшія ей надежды подающую, собственную похвалу и достопамятствіе умножимъ, способствуя Крымскому обществу, нашимъ попеченіемъ и трудами, со всѣми татарскими народами, спасенному, возставленному и въ достоинство независимой области возведенному, всѣ сіи для него прежде неожиданныя, но дѣйствительно уже совершающіяся выгодности и преимущества сохранить и на позднѣйшее его потомство продолженіемъ времени предавать безпрепятственно. Но дабы перенимаемое нами охраненіе вольной татарской независимой, и подъ собственнымъ своимъ верховнымъ правительствомъ состоящей области, съ точностью было опредѣлено, и наше Императорское признаніе и подтвержденіе такого сей области

---

[1]) М. Г. А. Дѣла крымскія. Отпуски рескриптовъ къ Е. А. Щербинину, 1770—1775. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Р., 1871 г., кн. IV, стр. 102—104.

качества и верховнаго надъ оной начальства, славнѣйшаго и свѣтлѣйшаго хана Сагибъ-Гирея, торжественнымъ образомъ всему свѣту засвидѣтельствовано и ознаменовано, мы для всего того за благо и за нужно изобрѣли отправить въ Крымъ, къ его свѣтлости хану и всему правительству, нарочное торжественное посольство, назнача къ тому нашего генерала-поручика, лейбъ-гвардіи нашей маіора и кавалера Евдокима Щербинина, какъ уже при производствѣ дѣлъ татарскихъ не малое время находившагося, и потому о всѣхъ ихъ обстоятельствахъ свѣдомаго и персональное свое имъ доброжелательство доказать неоднократные случаи имѣвшаго.

Крымъ ничѣмъ больше не можетъ изъявить должной къ намъ благодарности и прямой довѣренности своей къ нашей имперіи, и соотвѣтствія своего къ нашимъ о пользѣ его и всѣхъ татарскихъ народовъ неутомленнымъ стараніямъ, какъ полнымъ вниманіемъ и уваженіемъ тѣхъ предложеній, которыя высочайшимъ нашимъ именемъ и по нашимъ повелѣніямъ полномочнымъ нашимъ учинены быть имѣютъ, для вящаго взаимной дружбы утвержденія и обезпечиванія татаръ отъ всякой опасности на все послѣдующее время. Между тѣмъ мы, отпуская нынѣ отъ нашего Императорскаго двора присланныхъ отъ Крымскаго общества посланниковъ, Измаилъ и Шагинъ-Гирей мурзъ съ товарищи, и сею нашею священною монаршею грамотою, имъ препорученною, начальниковъ Крымскихъ со всѣмъ обществомъ обнадеживаемъ и удостовѣряемъ, что пока они съ народомъ Крымскимъ въ настоящемъ положеніи и свободномъ состояніи оставаться будутъ, то есть дружественными и союзными съ нашею имперіей, начавшемуся вновь верховному татарскому правительству въ лицѣ хана Крымскаго, избраннаго въ сіе достоинство въ независимости и вольными голосами, по праву породы и наслѣдства, послушными и не подверженными искушеніямъ, могущимъ происходить неминуемо отъ завистниковъ татарскаго благополучія и недоброжелателей, чтобъ вовлещи ихъ въ бездну прежнихъ несчастій подведеніемъ и подверженіемъ подъ власть постороннюю, но вопреки всѣхъ происковъ и кововъ доставленную ихъ отечеству вольность и независимость всѣми силами сохранять и защищать будутъ, не допуская между себя распространяться вреднымъ развратамъ: при такомъ расположеніи Крымъ можетъ всегда имѣть надежное прибѣжище къ нашему Всероссійскому Императорскому престолу и защищеніемъ онаго пользоваться. Мы здѣсь же наконецъ съ охотою подаемъ засвидѣтельствованіе, что посланники общества Крымскаго, во всю при нашемъ дворѣ бытность свою, вели себя пристойно и порядочно, и тѣмъ совершенно оправдали возложенную на нихъ отъ общества Крымскаго довѣренность.

Дана сія наша Императорская грамота, которую мы для полной достовѣрности государственною нашею печатью утвердить повелѣли, въ столичномъ нашемъ городѣ Санктъ-Петербургѣ, въ 11 день Апрѣля мѣсяца, отъ Рождества Христова 1772 года, а государствованія нашего десятаго лѣта.

Подлинная грамота государственною печатью утверждена.

## 2193) ИНСТРУКЦІЯ ДЛЯ ГЕНЕРАЛА-ПОРУЧИКА Е. А. ЩЕРБИНИНА [1]).

Негоціація съ Крымскимъ полуостровомъ и татарскими народами, по случаю войны произведенная, объ отторженіи сего полуострова, и со всѣми Ногайскими ордами, отъ подданства Порты Оттоманской, и о утвержденіи навсегда ихъ свободы и неподчиненности, съ составленіемъ собственной области, требуетъ нынѣ окончательнаго и скораго совершенія, всему свѣту доказывающаго независимое татарское состояніе, а не меньше опредѣляющаго и способы охраненія ихъ въ томъ отъ нашей имперіи, на всѣ будущія времена. Но участіе, какое вы имѣли въ сей негоціаціи, безъ сумнѣнія и собственному вашему проницанію представляетъ недовольными къ тому всѣ учиненныя понынѣ частныя съ Крымскимъ начальствомъ постановленія, какъ не имѣющія наружности и формалитета, удостовѣряющихъ о доброй волѣ и склонности татаръ нашему объ нихъ попеченію соотвѣтствовать во всемъ существѣ и пространствѣ; надобно, чтобъ не для обстоятельствъ, какъ бы поневолѣ только, предъявили, но чтобъ ни малѣйшему сомнѣнію не подверженныя, а общимъ торжественнымъ ознаменованіемъ учиненныя свидѣтельства подали ханъ Крымскій и прочіе тамошніе начальники о раздѣленіи своемъ отъ Порты и союзѣ съ нашею имперіею, и въ такія съ нами вступили обязательства, въ коихъ бы прямо желали навсегда остаться и обезпечить свое независимое навсегдажъ состояніе.

Мы, по долговременной вашей ревностнѣйшей службѣ и испытанной при многихъ случаяхъ способности, препоручаемъ вамъ достиженіе толь важнаго намѣренія, повелѣвая, по полученіи сего, отправиться въ Крымъ въ качествѣ нашего полномочнаго, и тамъ стараться всему произведенному въ разсужденіи татаръ дѣлу прочное окончаніе положить, присвоеніемъ оному надлежащаго формалитета, чрезъ торжественно заключаемый съ Крымскимъ ханомъ и правительствомъ

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ къ Е. А. Щербинину 1770—1775. Въ VI-й части Политической Переписки (Сборникъ, т. XCVII) напечатана подъ № 2126 не состоявшаяся инструкція Щербинину, отъ 24 Ноября 1771 г.

трактатъ, и получаемый отъ нихъ же и особливый актъ; чтобъ первымъ инструментомъ назначены были извѣстные предѣлы нашего ихъ обереженія, а въ другомъ содержалось ихъ собственное и безпосредственное предъявленіе о пріобрѣтенной ими вольности и твердомъ намѣреніи хранить и защищать оную, съ требованіемъ признанія ихъ независимою областію отъ Порты и отъ всѣхъ сосѣднихъ державъ, дабы натуральнымъ образомъ производилось изъ того и доказательство о трудностяхъ въ приведеніи ихъ въ прежнее порабощеніе. А на подъемъ и справленіе ваше всемилостивѣйше жалуемъ мы пять тысячъ рублевъ, да на тамошнее пребываніе сверхъ обыкновеннаго жалованья другія пять тысячъ рублевъ, дозволяя сіи обѣ суммы взять изъ наличныхъ денегъ въ порученной вамъ Слободской губерніи.

Правила вашего поступка опредѣляются слѣдующія:

1) Главнѣйшее ваше стараніе относиться долженствуетъ къ этаблисменту, какой мы въ Крымскомъ полуостровѣ имѣть желаемъ по заключеніи съ Портою мира, для предохраненія татаръ отъ турецкихъ нечаянныхъ покушеній, и открытія и установленія тѣмъ же самымъ и свободнаго на Черномъ морѣ кораблеплаванія, какъ служить могущаго къ приращенію нашей коммерціи, но не меньше и къ ихъ безопасности; не безнужно такожде, чтобъ они не по принужденію видѣли, но чувствовали надобность до состоянія съ Портою мира и въ занятіи всѣхъ Крымскихъ крѣпостей нашими войсками, и въ томъ удостовѣрительное соглашеніе подали въ доказательство Портѣ и всему свѣту, что въ семъ случаѣ подобныя распоряженія не превозможеніе наше надъ непріятелемъ и Крымомъ въ основаніи имѣютъ, но, какъ и собственную тамошнихъ жителей безопасность составляющія, сообразны съ ихъ и волею собственною же и мыслями, и съ возложеннымъ на насъ надѣяніемъ; желательно еще, чтобъ они доведены были и морскія свои пристанища, кромѣ того, который въ нашъ этаблисментъ входитъ, для большихъ судовъ сдѣлать непроходными и невмѣстными, для затрудненія на ихъ полуостровъ непріятельскихъ десантовъ.

2) Какія въ бытность нашего генерала-аншефа кн. Долгорукова въ Крыму учинены были между имъ и ханомъ и правительствомъ тамошнимъ по разнымъ временамъ постановленія, прилагается при семъ выписка для точнаго вашего объ оныхъ свѣдѣнія, а затѣмъ какія еще были у него производства съ ними чрезъ находящагося при ханѣ ст. сов. Веселицкаго, и дабы вы равнымъ образомъ, прежде нежели въ мѣсто вашего назначенія прибудете, и о сихъ послѣднихъ со всею же подробностію знать могли, для того, отправляясь въ предлежащій вамъ путь, свидитесь вы въ Полтавѣ съ кн. Долгоруковымъ и потребныя отъ него извѣстія получите. А здѣсь между тѣмъ

вамъ вообще сказывается, что предпріятыя, помянутымъ стат. совѣтникомъ, некстати и не ко времени домогательства къ склоненію хана со всѣмъ обществомъ на уступку нѣкоторыхъ Крымскихъ мѣстъ въ наше всегдашнее содержаніе, встрѣтили съ стороны татарской затруднительства, сколько по ускорительному съ излишнимъ настоятельствомъ требованію, удобнымъ бывшему представить, свойственной магометанству къ христіанамъ недовѣрчивости, здѣшнюю паче пользу, нежели ихъ собственную въ томъ самомъ обращающуюся, а столько же можетъ быть и потому, что оныя домогательства, какъ неискусно и неосторожно произведенныя, странными и съ обѣщанною вольностью несовмѣстными возмечтались имъ, и по обыкновенной татарамъ неразборчивости нужды и случаевъ въ неизвѣстность повидимому будущаго событія относящихся, но кои однакожъ благоразуміемъ и предусмотрѣніемъ не только предугадываются, но такъ подлинными и достовѣрными почтены быть могутъ, какъ бы и теперь уже настояли, воображеніе хана Крымскаго, и всѣхъ вообще тамошнихъ татаръ, кажется наполненнымъ есть опасностію, могущаго произойти отъ имперіи нашей притѣсненія ихъ независимости и подверженія Крыма и всѣхъ татаръ въ сущее наше подданство, и что такимъ образомъ перейдутъ они изъ рабства въ рабство жъ, но тѣмъ больше для нихъ тягостнѣйшее и бѣдственнѣйшее, что въ первомъ, то есть во время владычества Портою Оттоманскою, законъ ихъ магометанскій былъ и оставался въ безвредности, напротивъ того при нашемъ превозможеніи и сей нѣжный и важный пунктъ, до совѣсти ихъ принадлежащій, будетъ терпѣть предосужденіе, поруганіе и самую тщету въ разсужденіи ихъ спасенія произведетъ, какъ отдавшихся въ произволъ и руководство державѣ христіанской, въ противность основательныхъ положеній ихъ магометанскаго закона, вѣчную вражду и непримиримость имъ подтверждающихъ со всѣми, кои въ разсужденіи вѣры не согласны. Но коль татары ни были бъ теперь непреклонными и въ упрямствѣ своемъ ожесточенными, всѣ сіи затруднительныя преткновенности могутъ однако же быть разрушены и истреблены, да и самое встревоженное магометанство успокоено, когда предуспѣется искуснымъ образомъ открыть имъ глаза на собственную ихъ пользу въ томъ, въ чемъ ихъ съ нашей стороны соглашеніе ищется. Приличныя внушенія, изъясненія, настоятельства, соединенныя съ терпѣливостью, съ наружнымъ уваженіемъ ихъ взаимныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, и съ возбужденіемъ собственнаго ихъ разсудка и вниманія, суть тѣ орудія, которыя въ сихъ окрестностяхъ полезны и удачны быть имѣютъ. Но чтобъ вообще сказанныя правила употреблены были вами со всѣмъ успѣхомъ на части дѣлъ, коммиссію вашу составляющихъ, по свойству и пристойности каждой, для того симъ же оныя ближе вамъ

изъясняются съ соображеніемъ съ настоящими нашими намѣреніями въ разсужденіи Крымскаго полуострова.

3) По прибытіи въ мѣсто пребыванія ханскаго. надлежитъ вамъ показаться тамошнему народу и самому хану со всею пристойною для возложенной на васъ довѣренности репрезентаціею, и съ тѣмъ же и у хана аудіенцію имѣть, но чтобъ однако же притомъ изъявлялось пристойное жъ уваженіе и къ нему, какъ къ главному правителю свободной и независимой области; для чего можете истребовать отъ генерала-аншефа кн. Долгорукова человѣкъ отъ четырехъ до шести офицеровъ, которые могли бы составлять свиту вашей репрезентаціи, кромѣ тѣхъ людей вашего вѣдомства, которыхъ вы съ собою взять изберете для отправленія дѣлъ вашихъ. Вручая же хану нашу грамоту, слѣдующую здѣсь, и съ копіею для вашего извѣстія, присовокупите по содержанію оной и словесное изъясненіе о нашемъ съ удовольствіемъ соглашеніи на его избраніе, и во свидѣтельство того тутъ же представите ему отъ насъ подарки по слѣдующей здѣсь же запискѣ, прибавляя къ тому, что мы склонны находимся всѣ способы и впредь подавать къ безвредному соблюденію татарской области, нашимъ пособіемъ существовать начинающей, и желаемъ потому взаимство дружбы и союза на такихъ утвердить основаніяхъ, кои бы навсегда уже всѣхъ татаръ въ благополучномъ ихъ состояніи обезпечивали.

4) Итакъ, прежде дѣйствительнаго приступленія къ негоціаціи, весь вашъ подвигъ долженствуетъ обращенъ быть на удостовѣреніе хана и правительства и, сколько возможно, и всего общества Крымскаго, что искреннее и ревностное наше желаніе есть—сохранить Крымскій полуостровъ, со всѣми принадлежащими къ нему татарами, въ доставленной оному, нашими трудами и попеченіемъ свободѣ, и совершенной отъ всякой посторонней власти независимости. Ничто не препятствовало въ минувшую кампанію, по завоеваніи Крыма оружіемъ нашимъ, сдѣлать распоряженія о присовокупленіи онаго къ нашей имперіи, будучи для Порты Оттоманской равно, наше ли надъ онымъ владѣніе признать, или вольнымъ и независимымъ, лишаясь въ обоихъ случаяхъ бывшаго своего владѣнія. Но сего не только съ нашей стороны не учинено, а напротивъ того, всякое имъ снисхожденіе оказано, такъ, что при самой бытности у нихъ нашей арміи, они всю свободность имѣли въ хозяйствѣ и правительствѣ, и древнее свое преимущество, тогда жъ имъ возвращенное, увидѣли дозволеніемъ и пособствованіемъ вольнаго избранія на ханство и другія начальства. Мы, подвигшись на ихъ избавленіе, уже сими первыми съ стороны нашей поступками, довольно и оправдали всѣ данныя имъ нашимъ именемъ обѣщанія. Когда же они, во время самаго дѣйствія нашего оружія, не-

утѣснены, но сохранены и возстановлены, тѣмъ безопаснѣе и надежнѣе могутъ быть отъ утѣсненія во все послѣдующее время со стороны нашей имперіи и нашихъ на престолѣ Всероссійскомъ преемниковъ, ибо, утѣсняя ихъ, мы собственное наше дѣло повредили бъ, имѣя въ свѣтѣ больше славы, свободя народы отъ несправедливаго порабощенія, нежели приводя оные въ порабощеніе, и что сіе совсѣмъ и образу нашихъ мыслей и склонностямъ противно; сверхъ того и пользы больше для имперіи нашей, чтобъ Крымскій полуостровъ всегда находился въ независимости и подъ собственнымъ своимъ верховнымъ правительствомъ, нежели къ нашему владѣнію присоединеннымъ; ибо въ семъ послѣднемъ случаѣ больше произошло бы заботъ и убытковъ, нежели выгодностей; напротивъ того, въ первомъ взаимная дружба и союзъ взаимную и границамъ безопасность произведутъ.

5) Въ подтвержденіе толь полезныхъ нашихъ о татарахъ мнѣній, имѣющихъ свое основаніе и на собственныхъ нашей имперіи интересахъ, представите вы имъ, и во всемъ пространствѣ дадите уразумѣть, оказанное съ стороны нашей уваженіе отправленіемъ въ лицѣ вашемъ торжественнаго къ нимъ посольства, сказывая имъ, что дѣяніе сіе есть такое, кое свойственно и обыкновенно только отъ знатной въ свѣтѣ державы оказывать подобной себѣ державѣ, или по многой мѣрѣ свободнымъ, и собственное верховное правительство имѣющимъ, областямъ и республикамъ. А когда мы рѣшились уже и заблагоразсудили почтить Крымскаго хана подобною торжественною обсылкою, то было бъ противно собственной нашей чести и достоинству нашей имперіи, чтобъ послѣ того какія-либо съ стороны нашей покушенія къ ихъ порабощенію предполагаемы быть могли. Однимъ словомъ, мы хотимъ, стараемся и ищемъ не только имъ, татарамъ, доказать такимъ снисхожденіемъ и знаменитостью обряда наше къ нимъ твердое благонамѣреніе, но и всему свѣту примѣръ дать признать ихъ въ качествѣ свободной и независимой области, и въ чемъ прочія державы толь охотнѣе и согласятся, видя насъ предшествующихъ, а тогда, когда общее признаніе пріобрѣтется, тѣмъ больше будетъ убѣжденія и для Порты отступить отъ мнимаго своего на нихъ права.

6) При такихъ вашихъ съ ханомъ и съ участными въ правительствѣ людьми изъясненіяхъ, коль скоро вы примѣтите, что оныя въ нихъ дѣйствовать начинаютъ, вступите и въ дѣйствительную негоціацію, но чрезъ кого однакожъ, дабы весь успѣхъ получила, сперва предпріята быть имѣетъ, ваше тамошнее на мѣстѣ усмотрѣніе въ томъ васъ руководствовать будетъ; а для облегченія вашихъ домогательствъ имѣете вы на чрезвычайные расходы принять въ Крыму, изъ собранныхъ тамъ съ разныхъ продажъ денегъ, тридцать тысячъ рублевъ, да вещей разныхъ на подарки хану и другимъ посылается къ вамъ

по приложенному реестру на двадцать тысячъ рублевъ, что все и будете вы употреблять по вашему благоизобрѣтенію, соображаясь съ представляющимися нуждами.

7) Вы объявите, между тѣмъ, хану и правительству, что какъ нынѣ же время настоитъ мыслить и согласиться о средствахъ точныхъ къ обезпечиванію Крымскаго полуострова отъ опасности съ турецкой стороны на все будущее время, и въ чемъ мы заботиться и участвовать и съ нашей стороны причину имѣемъ, произведши въ татарскомъ состояніи полезную и ими неожиданную перемѣну, и которая желательно, чтобъ въ позднѣйшее ихъ потомство простерлась къ возстановленію ниспадшей ихъ славы, то вы, будучи присланы для соглашенія о томъ, точное однакожъ повелѣніе имѣете избраніе способовъ, къ тому служить могущихъ, предоставить изобрѣтенію собственнаго ихъ размышленія, изъ предосторожности, чтобъ они ни въ чемъ съ нашей стороны приневоленными себя почитать не могли, причемъ вы имъ внушите удостовѣрительнѣйшимъ образомъ, и сколько наилучше возможно будетъ, что учиненныя съ стороны статскаго совѣтника Веселицкаго домогательства и назначенія, касающіяся до сего намѣренія, единственно источникъ свой возымѣли отъ неразмѣренной и торопливой его ревности видѣть Крымъ въ безопасности совершенной, а въ самомъ дѣлѣ и онъ имѣлъ только повелѣніе представить въ собственное ихъ благоизобрѣтеніе, какія они мѣры предпріять и употребить похотятъ.

8) Тутъ откроется вамъ обширное поле раствердить симъ грубымъ и недовѣрчивымъ варварамъ съ ясностію, велерѣчіемъ и убѣжденіемъ принужденное только съ ними разстаніе Порты, ея всегдашнее о толь великой потерѣ сожалѣніе, ея всегда могущія быть покушенія, чтобъ по прежнему ихъ себѣ подвергнуть отягощеніе ихъ узъ и умноженіе ихъ бѣдствій и злострадапія, при получаемыхъ турками огорченныхъ успѣхахъ, неспособность ихъ татарскую въ собственныхъ силахъ и распоряженіяхъ къ защищенію, необходимость заимствованія въ томъ съ нашей стороны и, наконецъ, неудобность и нашу къ поданію помощи ко времени и къ мѣсту, по отдаленности границъ нашихъ, а не меньше и потому, если бъ случилось быть намъ какою-либо другою войною обязанными или особливыми собственными нашими внутренними дѣлами, войскъ употребленіе требующими, стараясь сколько возможно больше на все то, какъ и выше сказано, собственный ихъ разсудокъ и разсмотрѣніе возбудить, а съ стороны вашей имъ пособствовать и предводительствовать нечувствительнымъ образомъ къ симъ размышленіямъ, чтобъ они какъ бы сами на нихъ нападать видѣлись. А наше намѣреніе и желаніе есть, чтобъ они намъ во всегдашнее содержаніе добровольно уступили лежащія на проливѣ

изъ Азовскаго въ Черное море крѣпостцы Еникаль и Керчь, съ околичнымъ угломъ земли, который какъ бы отъ прочаго Крыма отдѣленнымъ видится; напротивъ того городъ Кафа, который ст. сов. Веселицкимъ по повелѣнію, данному ему отъ генерала-аншефа кн. Долгорукова, дѣйствительно уже отъ хана требованъ въ нашъ этаблисментъ, какъ по собственному сего генерала обозрѣнію выгоднымъ найденный и съ гаванью своею, мы, не признавая въ необходимости нужнымъ для нашихъ намѣреній, оставленіемъ его, какъ лучшаго и знатнѣйшаго во всемъ Крымѣ, въ нашихъ рукахъ, не хотимъ раздражать татаръ, поелику они черезъ то подтвердились бы въ своихъ сумнительствахъ и неудовольствіяхъ.

9) Безъ сумнѣнія потребуютъ татары и вашего разсужденія о мѣрахъ, доставляющихъ имъ безопасность по прошествіи войны. Но вы, наведя ихъ на сіе дѣло, дадите имъ прежде въ собственныхъ совопрошеніяхъ и совѣщательствахъ истощаться и умножиться ихъ заботѣ, а потомъ уже откроете ваши мысли, однакоже не инако, но съ преданіемъ въ полную ихъ рѣшимость. Выше сего сказано, что успокоеніе крымцевъ въ разсужденіи содержанія здѣшнихъ гарнизоновъ во всѣхъ ихъ укрѣпленныхъ мѣстахъ есть предметъ вашихъ же будущихъ тамъ стараній. Сколько сіе обстоятельство ни оправдается правомъ завоеванія, будучи всѣ тѣ мѣста отобраны изъ рукъ турецкихъ, а паче резономъ военнаго времени еще настоящаго, и очевидною пользою собственнаго ихъ защищенія, ибо могли бъ безъ того подвержены быть мщенію Порты Оттоманской, какъ ея отступники, но, несмотря на всѣ такія справедливыя и основательныя уваженія, не оставилъ настоящій ханъ Крымскій Сагибъ-Гирей тотчасъ по своемъ избраніи, хотя и подъ нашимъ покровительствомъ учиненномъ, требовать отъ генерала князя Долгорукова, коль скоро увѣдомился, что по выведеніи нашей арміи изъ Крыма оставляются тамъ гарнизоны, чтобъ и оные равнымъ образомъ взяты были, не признавая въ нихъ нужды; можетъ быть продолженіемъ времени и послѣдующими помянутаго генерала изъясненіями, они пріобыкли уже видѣть у себя здѣшнія войска, но какъ внутреннее и совершенное ихъ удостовѣреніе о надобности занятія нынѣ нашими войсками всѣхъ ихъ укрѣпленныхъ мѣстъ толь лучше подвигнуть ихъ можетъ къ отдачѣ въ нашу стражу и навсегда нѣкоторыхъ, то облегчая сіе послѣднее и важнѣйшее искательство, и потщитесь вы сперва истребить негодованіе Крымское, буде бы какое по усмотрѣнію вашему еще оставалось по причинѣ держимыхъ всѣхъ ихъ мѣстъ въ нашихъ рукахъ во время настоящее военное, и въ чемъ ихъ соглашеніе и въ заключаемый съ ними трактатъ внесено быть долженствуетъ. Но чтобы татары сколько возможно меньше чувствовали тягости отъ настоящей въ ихъ мѣстахъ нашихъ

войскъ бытности, имѣете вы по сношенію съ командующимъ въ Крыму генераломъ такія учинить распоряженія, дабы поставка на гарнизоны дровъ и фуража и самое ихъ помѣщеніе не производили въ нихъ негодованія, но во всемъ томъ они минованы или, по крайней мѣрѣ, сколько возможно, и въ чемъ нашъ генералъ-аншефъ кн. Долгоруковъ, хотя и довольныя предписанія при отбытіи своемъ изъ Крыма тамъ оставилъ, но мы однакоже, не за излишно почитаемъ, по нѣжности татаръ къ обрядамъ своего закона и по роду ихъ жизни, и вамъ чрезъ сіе подтвердить, буде какія оставались бы для нихъ по тому и другому претыканія и каковы могутъ состоять въ разныхъ мелочахъ, вдругъ и непредвидимыхъ, и къ такому же отвращенію неудобныхъ, всѣ оныя оправить, предостерегая однакожъ, чтобъ и войска наши никакого изнуренія и нужды не терпѣли.

10) По расположеніи же всѣми возможными предуготовленіями татарскихъ духовъ ко вниманію предложенія вашего о уступкѣ, выше сего уже назначенной, вы дадите имъ знать, что въ продолженіе войны, будучи всѣ ихъ укрѣпленныя мѣста здѣшними гарнизонами заняты и сверхъ того въ близости въ готовности содержаны войска, совершенную имъ и доставляютъ безопасность, но что по окончаніи войны мы ни гарнизоновъ въ ихъ мѣстахъ, ни особливыхъ корпусовъ содержать не хотимъ и не можемъ, ибо на все то потребовалось бы великое иждивеніе, невозвратно употребляемое, и прекословило бы нашему истинному намѣренію оставить ихъ свободными и во всей независимости; а по отлученіи такимъ образомъ нашихъ войскъ изъ Крымскаго полуострова и изъ околичностей онаго, хотя сухопутныя непріятельскія покушенія, какія иногда произошли бъ съ Кубанской стороны, и еще нѣкоторымъ образомъ отражаемы быть могутъ здѣшнимъ бдѣніемъ и ополченіемъ воинскихъ силъ, обыкновенно въ близости оныхъ мѣстъ по границѣ содержащихся, но съ Чернаго моря, откуда главнѣйше и опасность настоять можетъ, имѣя Порта всю удобность въ скорости и въ незапности сдѣлать нападеніе флотомъ, не будетъ больше никакихъ способовъ, потому что пускай бы для того на Азовскомъ морѣ и здѣшній флотъ находился, но изъ того никакой пользы не воспослѣдуетъ, равно какъ бы его тамъ и не было, ибо прежде нежели оный въ Черное море войти можетъ, конечно, непріятель преградитъ ему дорогу занятіемъ пролива, Азовское море съ Чернымъ соединяющаго; а все сіе растолковавъ вы грубому татарскому понятію сколько возможно внятнѣе и ощутительнѣе, потщитесь пріобрѣсть ихъ соглашеніе о нуждѣ содержанія здѣшняго флота на Черномъ морѣ, слѣдовательно же и о нуждѣ же, чтобъ имѣлъ оный на Крымскомъ берегу гдѣ-либо свободное пристанище.

11) Могутъ татары сказать, что нашему флоту, какъ союзному и

для безопасности ихъ употребляемому, во всякую ихъ гавань входъ не возбраненъ будетъ; но сіе ихъ разсужденіе удобно опровергнуть надобностію имѣть при гавани запасные магазины для всякихъ снарядовъ и провіанта, и содержать для охраненія оныхъ туть же и людей, и что всѣ такія распоряженія требуютъ особеннаго, безопаснаго и удобнаго мѣста.

12) Наконецъ, вы изъяснитесь съ ними, что къ содержанію нашего флота всѣхъ прочихъ мѣстъ городъ Кафа былъ бы удобнѣйшимъ; но какъ оный во всемъ Крыму знатнѣйшій и лежащій на самой берега срединѣ, а потому и большіе доходы предъ другими приносящій, то мы и его въ пользу хана и тамошняго общества оставляемъ, а удовольствуемся напротивъ того, когда они только вышепомянутыя двѣ крѣпостцы, Еникаль и Керчь, въ пустѣ лежащія, съ околичнымъ угломъ такой же земли, и отъ прочаго Крыма какъ бы отдѣленнымъ, и отъ ихъ жилыхъ мѣстъ въ немаломъ разстояніи находящимся, уступятъ намъ въ содержаніе. Мы тамъ устроя потребную гавань на нашемъ собственномъ иждивеніи, для содержанія достаточнаго флота къ ихъ обереженію, и найдемся уже въ состояніи дѣйствительно исполнять данныя татарамъ обѣщанія; а они симъ поступкомъ подтвердятъ истинность своей къ намъ довѣренности и дружбы; впрочемъ ни наши люди отъ нихъ, ни татары отъ оныхъ, находясь между собой въ особливости и удаленіи, и обезпокоены уже не будутъ.

13) Сіи суть средства, коихъ искуснымъ употребленіемъ стараться вы имѣете преодолѣть татаръ неподатность и какъ бы собственныхъ мыслей ихъ и разсмотрѣнія слѣдствіемъ, по степенямъ происходящимъ, подвигнуть хана Крымскаго съ правительствомъ не только на соглашеніе, но и на самое дѣйствительное и заботливое прошеніе, чтобъ вышеозначенныя два мѣста, съ окрестною землею, нашими людьми заняты были, внушая имъ, по пристойности времени и случаевъ, для уничтоженія затруднительствъ и отъ суевѣрства ихъ, что и разность законовъ взаимной дружбѣ препятствовать не можетъ и не долженствуетъ; ибо никакимъ закономъ не запрещается искать своего благополучія, но паче каждому человѣку такое побужденіе врожденное есть. А между тѣмъ примѣчается вамъ здѣсь же, что преклоненіе на вашу сторону нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ и въ обществѣ почтеніе имѣющихъ изъ ихъ духовнаго чина, также не малый дать можетъ перевѣсъ въ пользу вашихъ подвиговъ, будучи, какъ извѣстно, у всѣхъ магометанъ поповскія изреченія священны и почти одного съ закономъ ихъ достоинства, каковыхъ людей весьма надлежало было и ст. сов. Веселицкому, вступая въ негоціацію съ ханомъ, уловить предварительно; но онъ вопреки того, увидя отъ нихъ затруднительства, попустился ихъ поносить, что и не могло быть какъ весьма странно для слу-

ха магометанскаго, а духовныхъ ихъ тѣмъ больше ожесточенными сдѣлать, чтобъ наши требованія отвергать противностью въ томъ ихъ закона.

14) Коль труденъ пунктъ вашей коммиссіи, до подвиженія татаръ на добровольную уступку касающійся, мы видимъ совершенно; но какъ вся будущая прочность исполненныхъ понынѣ предпріятій, для отторженія татаръ отъ турецкаго подданства и обезпечиванія границъ нашихъ отъ ихъ хищенія, зависитъ единственно отъ онаго, то вы сами и можете представить себѣ всю цѣну вашихъ въ сихъ дѣлахъ трудовъ и успѣховъ.

15) Порча гаваней препоручена была уже генералу-аншефу кн. Долгорукову рескриптомъ нашимъ отъ 27 Августа прошлаго года [1]) съ тѣмъ чтобъ татары и на то также доброю волею склонены были; но онъ напротивъ того, отъ 23-го Сентября, представилъ, что Крымскіе жители надѣются по заключеніи мира по прежнему воспользоваться своими гаванями, потому что все, касающееся до содержанія ихъ, получали они изъ-за-моря: слѣдовательно, если дѣлать невмѣстными судамъ, почтутъ за крайнюю тягость, да и невозможно ихъ къ тому наклонить; сверхъ того и не воспрепятствуется тѣмъ приставать судамъ, находясь удобныя мѣста отъ Балаклавы въ обѣ стороны, гдѣ и большія убѣжище имѣть могутъ, и для чего по всѣмъ онымъ мѣстамъ и посты содержаны были. Дѣло обращается не въ томъ, чтобъ поврежденіе гаваней простиралось до неудобности входить въ оныя купеческимъ мелкимъ судамъ, каковы обыкновенно туда приходятъ, но единственно военнымъ, требуясь для тѣхъ и другихъ разная глубина; сверхъ того, хотя бъ повсюду сего намѣренія исполнить было бъ не можно, но довольно уже будетъ пользы, когда немногія мѣста останутся подверженными непріятельскому съ моря дѣйствію, будучи разность превеликая, близко-ли большими судами приближась къ берегу десантъ дѣлать, или, оставаясь въ отдаленности по неудобности пристанища, на малыхъ подходить. Со всѣмъ тѣмъ наклонность Крымскаго начальства на такую работу сопряжена и подлинно съ вышнею степенью превозможенія надъ ихъ волею и разсудкомъ со стороны вашей, для чего и надобно имъ будетъ весьма искусныя и осторожныя о томъ внушенія чинить, а ежели бъ вы примѣтили, чтобъ духи ихъ возмущаться стали и худая надежда оказалась предуспѣть въ томъ нѣжномъ предпріятіи, въ такомъ случаѣ оное и оставить можете.

16) Всѣ учиненныя генераломъ-аншефомъ кн. Долгоруковымъ постановленія съ ханомъ и начальствомъ Крымскимъ, какъ нашимъ именемъ имъ обѣщанныя, неминуемо въ своей силѣ остаться долженствуютъ, но въ положительный трактатъ тѣ только внесены быть

[1]) См. Сборникъ т. XCVII, № 2088.

имѣютъ, коп не временныя, а непремѣнныя обязательства составляютъ: то есть о вѣчномъ съ татарскою областію союзѣ и дружбѣ, о пособіи и ручательствѣ нашемъ въ сохраненіи ея всегда независимою, о верховной власти надъ оною своего хана, по ихъ татарскимъ законамъ и обыкновеніямъ, о неупотребленіи Крымскихъ войскъ противъ нашихъ непріятелей, кромѣ такихъ, которые въ то же время и на нихъ нападать будутъ, о собственномъ ихъ управленіи всѣми Крымскими городами и мѣстами, кромѣ тѣхъ, которыя въ наше содержаніе отданы будутъ, объ оставленіи всѣхъ доходовъ въ ихъ пользу и о собираніи оныхъ по собственнымъ же ихъ распоряженіямъ, о возвращеніи имъ невольниковъ христіанскихъ націй, кромѣ нашихъ подданныхъ, прибѣгающихъ въ тѣ порученныя намъ мѣста, или о искупленіи ихъ за добровольную и резонабельную цѣну, и напослѣдокъ и о коммерціи взаимной.

17) Крымскіе начальники, учиня представленіе генералу-аншефу кн. Долгорукову о доходахъ, какіе ханъ Крымскій и прочіе тамошніе чиновные люди въ бытность ихъ въ подданствѣ турецкомъ получали, и домогавшись уже, чтобъ имъ за оные съ нашей стороны воздавано было, безъ сумнѣнія съ докучностію и отъ васъ того же требовать не оставятъ, несмотря на разность своего состоянія въ прошедшее и настоящее время. Напротивъ того, вы постараетесь пристойнымъ образомъ доказать имъ малое основаніе къ такому ихъ требованію, когда они здѣшними подданными не находятся, изъясняя имъ, что потеря оныхъ доходовъ, которые соединены были съ порабощеніемъ, замѣняется превосходнымъ образомъ доставленною имъ вольностью, которая всѣхъ сокровищъ дороже, сей же убытокъ наградится и тѣмъ, что въ единственномъ ихъ употребленіи остаются всѣ Крымскіе доходы, какого бъ оные званія ни были, безъ всякаго посторонняго въ томъ участвованія, а не такъ, какъ при турецкомъ подданствѣ было, пользовавшись и Порта не малою изъ нихъ частію; со всѣмъ тѣмъ и мы, по мѣрѣ ихъ къ намъ и къ нашей Имперіи благонамѣренія впредь продолжаемаго, не не склонны оказывать имъ знаки Императорской нашей милости и благоволенія, въ чемъ ихъ и обнадежить можете.

18) По предъявленію Крымскихъ начальниковъ, ханы тамошніе и съ Ногайскихъ ордъ собирали ежегодно до 60 тысячъ руб.; но сборъ толь знатный едва ли былъ законный и на древнихъ ханамъ дозволенныхъ преимуществахъ и правахъ основанный, а не паче ли съ вынужденіемъ и поневолѣ начавшійся въ послѣднія времена, когда Ногайцы въ ихъ обращеніяхъ утѣсняемы быть стали. Какъ бы то ни было, будучи вы въ Крыму, самый удобнѣйшій случай возымѣете не только о собираемыхъ съ Ногайцевъ на хана доходахъ постановленіе учинить,

но и о томъ равномѣрно, коль далеко ханская надъ Ногайскими ордами власть простираться можетъ, чтобъ къ содержанію ихъ въ порядкѣ достаточна была; но съ другой стороны, чтобъ сіи татары навсегда тутъ, гдѣ теперь находятся, а именно на Кубанской сторонѣ, остались, и собственные ихъ начальники каждый въ своей ордѣ дѣйствительными, для соблюденія сихъ ордъ въ нѣкоторой отъ Крыма особенности, лишающей хана способовъ, при какой-либо противъ союза съ нашею Имперіею неполезновенности, тотчасъ сіи орды въ свои виды обращенными видѣть. Особливо же мы желаемъ, чтобъ главный Эдиссанскій начальникъ, Джанъ-Мамбетъ, не лишился уваженія и силы, въ томъ разсужденіи, что онъ первый былъ, который собою показалъ примѣръ татарамъ къ отложенію отъ Порты и къ вступленію въ наше покровительство, сдѣлавъ и начало съ Эдиссанскою ордою, да и потомъ вѣрнымъ и благонамѣреннымъ къ намъ быть продолжаетъ.

19) Постановленіе между хана и Ногайскихъ ордъ начальниковъ не можетъ инако учинено быть, какъ чрезъ взаимныя ихъ между собою изъясненія, при вашемъ посредствѣ; потому и отдается въ собственное ваше разсмотрѣніе, не надобно ли будетъ отъ помянутыхъ начальниковъ требовать присылки въ Крымъ депутатовъ съ достаточнымъ наставленіемъ, или же могутъ къ тому употреблены быть находящіеся теперь у васъ всѣхъ четырехъ ордъ аманаты, которыхъ вы въ такомъ случаѣ съ собою и возьмете; а инако, если бы они не годились, надлежитъ ихъ оставить въ Харьковѣ или же при отъѣздѣ вашемъ другими смѣнить. Такое аманатовъ содержаніе особливо нужнымъ признавается по обстоятельству предпріятыхъ отъ Порты подсылокъ къ развращенію Ногайскихъ народовъ, какъ вы о томъ доносили реляціями вашими отъ 12 и 17 Марта; а чтобъ сіи аманаты и въ небытность вашу видѣли къ себѣ всякое призрѣніе и всѣмъ потребнымъ довольствованы были, вы надлежащія учините распоряженія. Для исправленія же расходовъ нужныхъ въ разсужденіи Ногайскихъ ордъ, дозволяется вамъ взять 10,000 руб. изъ наличныхъ же въ Слободской губерніи денегъ, а по представленію вашему, о опредѣленіи главному Ногайскому начальнику Джанъ Мамбету ежегоднаго жалованья, снабдимъ мы васъ за симъ особливою резолюціею со изъясненіемъ всѣхъ нужныхъ по сему случаю уваженій и предосторожностей; но вы и теперь его отчасти обнадежить можете, скрытно отъ прочихъ татаръ, и съ препорученіемъ ему и самому, чтобъ отнюдь не разглашалъ, въ предупрежденіе, чтобъ и Крымскій ханъ съ тамошнимъ начальствомъ въ такихъ искательствахъ не подтвердился, ни прочіе Ногайскіе начальники повода къ тому же преждевременно не возымѣли.

20) Предъ отъѣздомъ же вашимъ прикажете вы находящемуся при помянутомъ главномъ Ногайскомъ начальникѣ Джанъ Мамбетъ-

беѣ, подполковнику Стремоухову переписываться прямо съ пограничными нашими командирами, ежели бъ въ чемъ до котораго изъ нихъ по порученной ему должности случилась нужда, а къ вамъ и въ Крымъ отправлять время отъ времени извѣстія о всѣхъ между Ногайцами случающихся происшествіяхъ для употребленія оныхъ по тамошнему мѣсту, какъ и состоять ему особенно подъ вашимъ руководствованіемъ и повелѣніями.

21) Вѣроятно, что ханъ Крымскій пожелаетъ, дабы принадлежность къ Крыму Ногайскихъ ордъ, и заключаемымъ чрезъ васъ съ нимъ трактатомъ, съ нашей стороны именно признана была, а статься можетъ, что потребуетъ того же и въ разсужденіи Кубанскихъ и горскихъ народовъ, да и самихъ Кабардинцевъ, изъ которыхъ безспорно Ногайцы, Кубанцы и горцы и считались всегда подвластными его предмѣстникамъ; но Кабардинцы, хотя на нихъ притязанія и дѣлали многіе изъ хановъ Крымскихъ и разныя покушенія, чтобъ ихъ себѣ подчинить, однако жъ употребленными съ здѣшней стороны предостереженіями до того не допущены; а когда настоящая война открылась, Кабардинцы дѣйствительно въ наше подданство приняты, въ какомъ положеніи толь нужнѣе и впредь ихъ содержать, чѣмъ они числомъ своимъ, удальствомъ и выгодностію мѣстъ предъ всѣми прочими тамошними народами преимуществуютъ, и уступка ихъ Крыму послужила бы къ распространенію ханамъ сего полуострова власти своей далеко по Кавказскимъ горамъ, кои теперь Кабардинцами преграждаются; а по такимъ уваженіямъ и разсуждается здѣсь за благо, относительно Ногайскихъ ордъ и Кубанскихъ и горскихъ народовъ, которыхъ жительства начиная отъ Азовскаго моря до Кабардинскихъ мѣстъ доходятъ, показать хану удовольствіе, не вступая однако же ни въ какую подробность ни о тѣхъ народахъ, ни о ихъ предѣлахъ; а отъ претензіи, могущей быть отъ него на Кабардинцевъ, вы искуснымъ образомъ его отклоните, предъявляя ему, что они издавна подданными нашей Имперіи были, и то же самое подтвердили нынѣ и вновь учиненною присягою, находясь же при нашихъ границахъ въ близости, были бъ для оныхъ въ тягость по исключеніи своемъ изъ здѣшней принадлежности, ибо извѣстно, что только страхомъ близкаго наказанія отъ продерзостей воздерживаются, а удаленіе его ханское напротивъ того и поощрило бы ихъ отваживаться на разбои и всякія пакости, и оттого могла бъ происходить остуда между нашею Имперіей и правительствомъ Крымскимъ.

22) Мы, повелѣвъ здѣсь сочинить форму трактата, для примѣра вамъ и подражанія, при заключеніи дѣйствительнаго съ ханомъ и съ правительствомъ Крымскимъ, при семъ же оную съ вами посылаемъ, не отъемля однако у васъ воли сдѣлать въ томъ и дополненія, слу-

жащія къ лучшему объясненію, когда за нужно и полезно признаете, а притомъ, можетъ быть, и съ стороны ханской пожелается нѣкоторыя условія внести, которыя не предвидятся. Осторожность ваша въ семъ случаѣ на то главнѣйше простерта быть имѣетъ, чтобъ соблюсти начальныя основанія трактата безъ всякаго повреждения и произведенія изъ чинимыхъ прибавокъ противныхъ заключеній. Здѣсь же слѣдуетъ равномѣрно и форма акта, какой ханъ и начальники Крымскіе, чтобъ вамъ дали по совершеніи трактата, вы стараться имѣете; но содержаніе его ни въ чемъ перемѣнено быть не можетъ, развѣ нѣкоторыя маловажныя слова, кои силу и разумъ онаго не затмятъ и не ослабятъ, и еще развѣ самое окончаніе о подписаніи ихъ рукъ и приложеніи печатей, ежели бъ по лучшему вашему испытанію оказалось, что ханъ и начальники, которымъ въ семъ актѣ участвовать надлежало бъ, грамотѣ не умѣютъ или бъ подписать оной не склонились, почитая по своему обыкновенію за довольно приложеніе только своихъ печатей, но отчего вы не прежде отстанете, какъ по сильномъ настоятельствѣ, убѣждая ихъ собственною изъ того происходящею пользою, чтобъ намѣреніе вообще всѣхъ татаръ о сохраненіи пріобрѣтенной ими вольности какъ наискоряе свѣту открылось и сколько возможно съ большимъ и торжественнѣйшимъ удостовѣреніемъ, для чего и тѣ Ногайскіе депутаты, которыхъ вы въ Крымъ призовете, надобно чтобъ сей актъ подписали жъ или по крайней мѣрѣ приложили печати.

23) Статься можетъ, что въ бытность вашу въ Крыму дойдетъ вамъ дѣло разсуждать и о установленіи цѣны между нашею монетою и турецкою, какая обыкновенно въ татарскихъ рукахъ находится. Въ запасъ прилагаются здѣсь учиненныя нашей Бергъ-Коллегіи, въ Монетномъ департаментѣ, расчисленія, какъ для извѣстія вашего, такъ и дѣйствительнаго употребленія, при настояніи случая. Вы изъ сихъ расчисленій увидя почти всѣхъ турецкихъ монетъ соотвѣтствіе съ нашими, и которая точно противъ которой въ цѣнѣ и добротѣ прибыльнѣе и убыточнѣе, въ состояніи быть имѣете, какъ дѣйствительное съ Крымскимъ правительствомъ въ семъ дѣлѣ постановленіе учинить, со обращеніемъ сколько возможно больше прибыли отъ того въ нашу сторону, такъ и нынѣ уже Монетному департаменту возвѣстить и, по взаимному съ нимъ сношенію, опредѣлить мѣста и способы къ вымѣну въ казну нашу тѣхъ турецкихъ денегъ, которыя и по настоящей ихъ цѣнѣ съ пользою уже обращены быть могутъ въ передѣлъ въ нашу монету.

24) Исполня вы порученную вамъ коммиссію, возвратитесь назадъ въ вашу губернію, а при отлученіи вашемъ изъ Крыма для всегдашняго тамъ пребыванія останется резидентомъ ст. сов. Веселицкій, ко-

торый и представить себя хану въ семъ качествѣ, при случаѣ, когда вы отпускъ отъ него брать будете, вручая посылаемую къ нему нынѣ же грамоту нашу, съ которой здѣсь, для извѣстія вашего, и копія, а вы напротивъ того сообщите ему сію вашу инструкцію, чтобъ онъ вслѣдствіе оной же поступки свои послѣ васъ, въ чемъ когда нужда востребуется, располагать могъ. На основаніе же его дома мы всемилостивѣйше жалуемъ ему 3,000, да переводчику, при немъ быть имѣющему, на подъемъ 300 руб., опредѣляя ему, Веселицкому, и жалованья по 2,400, а переводчику по 500 руб.; назначенныя на обзаведеніе его, Веселицкаго, деньги выданы будутъ ему въ Крымѣ изъ собранныхъ тамъ наличныхъ по посланному нынѣ же къ нашему генералу-аншефу кн. Долгорукову рескрипту, а переводчику на подъемъ выдадите вы изъ имѣющихся у васъ; а равнымъ образомъ снабдить вамъ его, Веселицкаго, и другими людьми, безъ которыхъ ему будетъ не можно, и которымъ, по полученіи отъ васъ извѣстія, надлежащее же содержаніе назначено быть можетъ, а дотолѣ имѣете вы же ихъ удовольствовать по вашему разсмотрѣнію. О доставленіи ст. сов. Веселицкому, и при немъ переводчику, опредѣленнаго имъ обоимъ жалованья будетъ имѣть попеченіе наша Коллегія Иностр. Дѣлъ, но пока въ томъ распоряженіе учинится, на первый случай также вы можете имъ выдачу учинить на треть или больше, и о томъ въ помянутую Коллегію дать знать для разсчета. Нужно еще, чтобы сей нашъ резидентъ снабденъ былъ казенными вещьми на подарки, и нѣкоторою запасною суммою на чрезвычайные расходы по дѣламъ нашимъ, для чего вы изъ вещей и денегъ по нѣкоторой части и удѣлите ему, когда изъ того и другого остатокъ у васъ будетъ.

25) Невѣжество татарское о народныхъ правахъ будучи всеконечное, а лютость и грубость ихъ неограниченныя, при воспаленіи варварскихъ ихъ сердецъ, составляютъ нужду самую необходимую, чтобъ вы, взявъ причину отъ обыкновеннаго препорученія вашего при отъѣздѣ, хану и начальникамъ Крымскимъ резидента, въ надлежащее ихъ уваженіе, внушили имъ нѣкоторое понятіе о народныхъ правахъ, сколько касается до особъ, публичнымъ характеромъ снабженныхъ, увѣдомляя ихъ, что такіе люди ничьему суду, кромѣ своего государя, не подсудны, и не подвержены управѣ, но получается на нихъ удовлетвореніе отъ собственныхъ ихъ дворовъ по чинимымъ къ онымъ жалобамъ, что оказываемое имъ почтеніе относится на ихъ государей, равно какъ и оскорбленіе, что несмотря на дружбу и вражду одного государя съ другимъ, по временамъ случающуюся, обоюдные ихъ министры всегда безопасны въ разсужденіи своей и всѣхъ при нихъ находящихся людей жизни, имѣнія и всего имъ принадлежащаго, и со охраненіемъ назадъ отпускаются, ибо здравому разсудку и

самому человѣчеству противно взыскивать на нихъ, что́ однако жъ отъ ихъ воли не зависитъ, но отъ воли ихъ начальства, что Порта, наруша такія, общимъ соглашеніемъ всѣхъ почтительныхъ державъ и благоразумныхъ народовъ, утвержденныя установленія, въ лицѣ нашего резидента при началѣ войны, по безразсудку своему и запальчивости, но освобожденіемъ его потомъ изъ подъ ареста и сама признаніе сдѣлала въ непристойности и несправедливости своего поступка, въ чемъ отъ всего свѣта и будетъ вѣчную имѣть укоризну; напротивъ того, уповательно новая татарская область достохвальнымъ правиламъ порядочнаго правительства во всемъ будетъ слѣдовать и соображаться просвѣщеннымъ народамъ, чтобъ повсемственное получить къ себѣ и почтеніе. А при всемъ томъ, ежели вы, для большаго татаръ пріученія къ пристойному съ резидентомъ поступку, включите точную кондицію и въ самый трактатъ, кажется излишества не будетъ, для чего въ сочиненной здѣсь формѣ такая дѣйствительно и находится.

При окончаніи всего предъявляемъ мы вамъ и еще совершенное надѣяніе къ вашему усердію, ожидая отъ дѣйствій онаго благополучнаго окончанія порученной вамъ коммиссіи, которая, поколику требуетъ труда, заботы и осторожности и искусства, потолику возрастетъ къ вамъ и наше монаршее благоволеніе. А съ отправленнымъ по случаю сей вамъ поручаемой коммиссіи къ генералу-аншефу кн. Долгорукову рескриптомъ здѣсь же сообщаются вамъ и копіи.

Дана въ С.-Петербургѣ, 11 Апрѣля 1772 года.

Подлинная подписана Ея Императорскимъ Величествомъ.

## 2194) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ ЩЕРБИНИНУ [1]).

Милостивый мой государь Евдокимъ Алексѣевичъ. Препровождаю симъ инструкцію Ея Императорскаго Величества для препорученной вашему превосходительству съ Крымскимъ ханомъ и правительствомъ тамошнимъ негоціаціи. Хотя сія инструкція и расположена на все время вашего въ Крымѣ пребыванія, однако жъ ваше превосходительство не оставите, какъ наискорѣе возможно будетъ, донесть сюда о началѣ негоціаціи, съ какими обстоятельствами откроется, да и впредь время отъ времени подавать извѣстія и о продолженіи оной, дабы можно было снабдѣвать васъ надлежащими наставленіями и совѣтами. Вслѣдствіе сего нахожу за нужно и чрезъ сіе, по нѣкоторымъ самой инструкціи пунктамъ, открыть вашему превосходительству мои мнѣнія. И, во-пер-

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски писемъ гр. Панина къ Е. А. Щербинину, 1771—1775.

выхъ, что касается до подарковъ хану отъ Ея Императорскаго Величества, при томъ весьма необходимо предостеречь, чтобъ татары, по грубому своему умствованію, не почли монаршей милости въ необходимую дань, и не основали на томъ и для будущаго времени какого-либо нескладнаго права. При первой у хана аудіенціи и можете потому ваше превосходительство удовольствоваться врученіемъ только эгретта и сабли, какъ знаковъ подтвержденія его во власти, отъ общества Крымскаго ему подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества препорученной, а прочіе подарки послѣ того отдать ему изволите, хотя отъ высочайшаго имени, но съ такими изъясненіями, кои достаточны бы были предупредить всѣ предосудительныя заключенія, какъ собственно его ханскія, такъ и всѣхъ татаръ. При вѣрющихъ грамотахъ для васъ и г. Веселицкаго переводовъ не приложено, въ чемъ слѣдовано обыкновенію, какое относительно Порты Оттоманской наблюдалось, которая такіе переводы получала изъ рукъ тѣхъ людей, кои при ней аккредитованы; для чего и къ вашему превосходительству съ обѣихъ грамотъ при семъ же и посылаются переводы, изъ которыхъ и отдадите вы г. Веселицкому принадлежащій ему, чтобъ въ свое время употребить могъ. Назначенныя по содержанію инструкціи къ полученію въ наши руки двѣ крѣпостцы, Еникале и Керчь, лежащія на Крымскомъ берегу при проливѣ, Азовское море съ Чернымъ соединяющемъ, и въ такомъ углѣ земли, который въ пустѣ находится и Крымцами не обитаемъ, будучи, кажется, совсѣмъ для нихъ не надобнымъ, и съ околичностью ихъ, меньшую чаятельно съ ихъ стороны произведутъ и претительность въ уступкѣ своей въ наше всегдашнее содержаніе, нежели какую встрѣтили учиненныя г. Веселицкимъ домогательства въ разсужденіи Кафы, особливо же что и предпріяты были имъ съ торопостью, безвременно и почти безъ всякаго сбереженія собственнаго татарскаго разсудка и произволенія; напротивъ того, сумнѣнія нѣтъ, что ваше превосходительство не оставите употребить и воспользоваться всѣми предписанными вамъ способами съ точностью и съ пристойностью. Удивительно будетъ весьма, ежели и послѣ сего татары непреклонными и ожесточенными останутся. А мнѣ между тѣмъ разсуждается, что внутреннее ихъ изобличеніе въ надобности близкой нашей стражи наипаче воспослѣдовать можетъ отъ распространительныхъ изъясненій, доказывающихъ оную по собственной изъ того пользѣ настоящаго хана и всѣхъ Крымское правительство составляющихъ чиновныхъ людей, по удобности со стороны Порты почти во всякое время сдѣлать на Крымскій полуостровъ нападеніе чрезъ море, и по тѣмъ непреодѣленнымъ препятствіямъ, какія съ здѣшней стороны находятся въ поданіи имъ благовременной помочи. Какъ во всемъ томъ и Калга султанъ, признавъ нужду, оказалъ мнѣ свое желаніе, чтобъ ваше превосходительство тамъ на мѣстѣ, съ его братомъ и со всѣмъ обществомъ, изыскали лучшія и выгоднѣйшія средства къ всегдашнему содержанію нашего флота на берегѣ устья въ Черное море. Не натурально ли сіе разсужденіе, что Порта отступится отъ Крыма по крайней только необходимости, никогда не оставитъ стараться о пріобрѣтеніи онаго по-прежнему? Ежели она огорчена татарами за сверженіе ими власти ея, то конечно больше настоящимъ ханомъ и начальниками. Можетъ ли имѣть предѣлы ея мщеніе, коль скоро произвесть будетъ она въ состояніи потаенные ковы и ухищренія, и употребленіе явной силы, или то и другое совокупно и въ одно время, всегда для нея удобными предостаются? Какъ можно полагать и надѣяться, чтобъ въ цѣломъ и большомъ обществѣ не нашлось никогда предателей, предпочитающихъ особенныя свои выгодности общей всего отечества пользѣ и благоденствію? По выведеніи нашихъ гарнизоновъ изъ Крыма, которыхъ со-

держаніе послѣ войны настоящей продолжено быть не можетъ, не соотвѣтствуя сіе обстоятельство съ доставленною татарскимъ народамъ независимостью; сверхъ того великій для насъ убытокъ причинило бы, а равнымъ образомъ и по удаленіи находящихся нынѣ въ близости корпусовъ, ибо въ такомъ положеніи здѣшнія войска всегда не останутся по причинѣ соединеннаго и съ тѣмъ не малаго же иждивенія, коль легко и удобно возмущено быть можетъ спокойство Крыма по искушеніямъ Порты, подкрѣпляемымъ еще и непривычкою татаръ къ собственному верховному правительству! Гдѣ тогда ханъ и начальники найдутъ для себя безопасность и пособіе, когда доброжелательные могутъ быть въ подозрѣніи, а противные въ довѣренности, или что еще хуже, когда мятежники и нужды имѣть не будутъ себя скрывать, имѣя себѣ содѣйствующими турецкія войска! Но пусть будетъ вѣрность Крымскаго народа отнюдь ничѣмъ неповреждаемая; могутъ ли стоять Крымцы собственными своими силами противъ турецкихъ стремительствъ, а Порта однако жъ, когда только похочетъ, въ состояніи находиться или, по крайней мѣрѣ, при первомъ своемъ досугѣ напасть на Крымъ прежде, нежели ханъ съ правительствомъ свѣдаютъ о ея намѣреніи? Съ твердой правда земли еще нѣкоторымъ образомъ непріятельскія ея покушенія неудобно отражать, ибо если случились бы, то съ Кубанской стороны, а при нашихъ тамошнихъ границахъ находятся по мѣстамъ и войска, которыя тотчасъ и употреблены быть могутъ на уничтоженіе замысловъ и предпріятій для Крыма бѣдственныхъ. Но море Черное, почти весь сей полуостровъ окружающее, грозитъ ему съ очевидностію крайнею опасностію. Порта имѣетъ на европейскихъ и азіатскихъ берегахъ множество пристанищъ и гаваней, да и отъ самаго Константинополя всегда открытъ путь къ Крыму: ибо весь переѣздъ требуетъ, при удобномъ вѣтрѣ, времени очень короткаго. Собраніе турецкихъ судовъ, посаженіе на оныхъ войска, ихъ отправленіе, прибытіе къ Крыму и учиненіе десанта,—всѣ сіи происшествія слѣдовательно собственными Крымскаго правительства распоряженіями и способами отнюдь не отвращаемыя; ибо недопущеніе выйти съ судовъ непріятелю на берегъ зависитъ отъ недопущенія непріятельскимъ судамъ приблизиться къ берегу, а сего сдѣлать не можно какъ только готовымъ флотомъ и съ своей стороны непріятельскому равносильнымъ; но у Крымцевъ его нѣтъ, а здѣшній можетъ находиться въ удаленіи, весьма препятствующемъ къ поданію скорой помощи. Уже въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, буде еще не ранѣе, кораблеплаваніе по Черному морю отверстое и удобное, а берега Азовскаго еще покрыты льдомъ и море сіе безъ всякаго плаванія; пока здѣшній флотъ отъ Азова или Таганрога, ибо при сихъ только двухъ мѣстахъ и содержанъ оный быть можетъ, вытянется къ проливу въ Черное море ведущему, уже турки и будутъ не только при берегахъ Крымскихъ, но въ самыхъ, такъ сказать, нѣдрахъ его; а хотя бъ не случилось и препятствія ни отъ льда, ни отъ бурь, но всегда имъ время останется, и въ разсужденіи самаго разстоянія помянутыхъ двухъ мѣстъ, запереть проливъ прежде, нежели къ оному приспѣетъ здѣшній флотъ, и лишить его удобности распространиться по Черному морю и быть полезнымъ. Если Крымскіе начальники прямо вникнутъ во всѣ сіи справедливыя уваженія, кои ваше превосходительство извѣщать имъ будете больше вопросами, нежели прямою со стороны вашей откровенностью, дабы они собственный разсудокъ и размышленіе притомъ употреблять могли, причитая оныя своему откровенію, и если находятся въ нихъ сколько нибудь прямо къ отечеству своему доброжелательные, то всѣ сіи причины и убѣжденія больше нежели достаточны довесть ихъ до рѣшимости. Изъ сочиненной здѣсь формы трактата и приложенной при инструкціи жъ, ваше превосходительство изволите

усмотрѣть, что оная форма расположена такъ, какъ бы вамъ съ уполномоченными отъ хана Крымскаго заключить надлежало бъ; но сіе учинено только въ запасъ; а напротивъ того желательно, чтобъ самъ ханъ, съ составляющими Крымское правительство чиновными людьми, непосредственно совершилъ съ вами договоръ и оный подписалъ; когда же такимъ образомъ исполнится, то и ратификація ханская, о которой въ заключеніи формы упоминается, будетъ излишняя, а одна только Ея Императорскаго Величества ратификація окончательный формалитетъ составитъ, почему заключеніе дѣйствительнаго трактата ваше превосходительство и расположите уже сходно съ дѣйствительнымъ событіемъ. Впрочемъ, я усердно желаю вамъ, милостивый мой государь, наилучшихъ успѣховъ въ сей предстоящей вамъ, коль нужной, толь и вашей ревности соотвѣтствующей коммиссіи и пребываю съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

Въ Санктъ-Петербургѣ, 21 Апрѣля 1772 года.

## 2195) ИНСТРУКЦІЯ УПОЛНОМОЧЕННЫМЪ НА МИРНЫЙ КОНГРЕССЪ СЪ ТУРКАМИ [1]).

Инструкція нашимъ на мирный конгрессъ съ Портою Оттоманскою назначеннымъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посламъ генералъ-фельдцейхмейстеру графу Григорію Орлову и тайному совѣтнику Алексѣю Обрескову.

Начало, теченіе и настоящее къ мирному конгрессу наклоненіе войны нашей съ Портою Оттоманской и происшедшихъ отъ нея политическихъ негоціацій, какъ съ сею самою державою, такъ и съ дворами Вѣнскимъ и Берлинскимъ, извѣстны вамъ въ полномъ ихъ пространствѣ, и столько, что не требуютъ здѣсь никакого объясненія. Въ совершенномъ изъ опытовъ удостовѣреніи о вашемъ, къ службѣ нашей и отечества, патріотическомъ усердіи, о вашей всегдашней готовности къ воспріятію на себя величайшихъ подвиговъ для оной и для славы имени нашего и нашего отечества, и о вашемъ въ дѣлахъ отличномъ искусствѣ, рѣшась мы на избраніе и отправленіе васъ къ будущему конгрессу въ качествѣ нашихъ чрезвычайныхъ и полномочныхъ пословъ, не находимъ потому за нужно входить въ напрасныя повторенія; но ссылаемся на собственное ваше свѣдѣніе всѣхъ донынѣ послѣдовавшихъ военныхъ и политическихъ обстоятельствъ, на почерпаемый изъ оныхъ, кстати и ко времени, свѣтъ, и на приложенныя здѣсь, по особливому реэстру бумаги, съ № 1 по № 60 включительно, кои составляютъ всю связь и цѣпь негоціаціи между нами, Ихъ Римскими Императорскими Величествами и Его Прусскимъ Величе-

[1]) М. Г. А. Турція, IX, св. 4.

ствомъ, относительно до Польши и до мира нашего съ Портою Оттоманскою, предшествовавшихъ пункту приближающейся теперь общей ихъ разрѣшимости.

Въ дополненіе сей политической картины, повелѣли мы нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ сообщить вамъ, какъ послѣдній съ Портою въ 1739-мъ году заключенный мирный трактатъ, такъ и всѣ оному предшествовавшіе трактаты, конвенціи и другіе публичные акты, купно же и записи бывшаго въ 1737-мъ году Немировскаго мирнаго конгресса. Первые послужатъ вамъ къ показанію тогдашняго времени интересовъ и правилъ имперіи, а послѣднія къ распоряженію на будущемъ конгрессѣ церемоніальныхъ обрядовъ, по тогдашнему образцу и взаимному установленію. Сверхъ того снабдитъ васъ оная Коллегія нужными канцелярскими служителями и цыфирными ключами для переписки, по востребованію нужды и обстоятельствъ, съ министрами нашими при иностранныхъ дворахъ, а особливо при Вѣнскомъ и Варшавскомъ, о чемъ къ нимъ, да и ко всѣмъ другимъ наше повелѣніе нынѣ уже и посылается.

Какія тѣмъ канцелярскимъ служителямъ, сверхъ настоящаго ихъ окладнаго жалованья, производить мѣсячныя дачи, во все время бытности ихъ при васъ, оное вамъ тою Коллегіею сообщено будетъ, по данному ей и отъ насъ апробованному росписанію. Вамъ же самимъ всемилостивѣйше жалуя на подъемъ и дорогу: генералъ-фельдцейхмейстеру графу Орлову двадцать тысячъ рублей, а тайному совѣтнику Обрескову двѣнадцать тысячъ рублей, опредѣляемъ притомъ, сверхъ обыкновеннаго вашего жалованья, столовыхъ денегъ, помѣсячно, каждому, вамъ, генералъ-фельдцейхмейстеру графу Орлову, по три тысячи рублей, а тайному совѣтнику Обрескову, по тысячѣ рублей. На всякіе чрезвычайные расходы, для службы нашей, опредѣляемъ мы пятьдесятъ тысячъ рублей, кои вы отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ получить имѣете; а въ употребленіи ихъ полагаемся съ полною довѣренностію на собственную вашу разборчивость, и для того оставляемъ вамъ и свободныя руки опредѣлять и производить всякія дачи потому, какъ вы когда для службы нашей наилучше разсудите, по состоянію дѣлъ и по важности момента.

Не вѣдая по сю пору съ точностію, въ какомъ качествѣ явятся на конгрессъ турецкіе полномочные, въ посольскомъ-ли, или же просто министровъ, разсудили и мы съ своей стороны снабдить васъ двойными нашими полными мочами на оба сіи качества, дабы вы, во свое время, ту употребить могли, которая съ турецкою полною мочью согласовать будетъ. Турки, примѣняясь къ собственному своему обычаю, то есть приложенію къ публичнымъ актамъ одной печати съ именемъ султанскимъ, довольствуются обыкновенно и отъ другихъ дворовъ принимать

акты, одною же государственною печатью утвержденные; почему и здѣсь на двойныя наши для васъ полныя мочи слѣдуютъ и двойные экземпляры, одни съ государственною только печатью, а другіе при томъ еще и за собственноручнымъ нашимъ подписаніемъ, дабы вы на всякій случай въ недостаткѣ найтиться не могли.

За сими подробностями, приступая къ главному дѣлу, хотимъ мы коротко изобразить здѣсь къ будущему вашему руководству, въ теченіе самой негоціаціи, тѣ предѣлы, на которые мы напослѣдокъ рѣшились въ мирныхъ нашихъ мѣроположеніяхъ, изъ уваженія къ добрымъ оффиціямъ посредствующихъ въ мирѣ нашемъ дружественныхъ дворовъ, Вѣнскаго и Берлинскаго, и къ собственнымъ перваго существительнымъ статскимъ интересамъ, нашедшимся въ прекословіи съ первыми нашими требованіями, даже до того, что дѣло съ нимъ по всей вѣроятности до разрыва и явной войны доходило, вопреки взаимнымъ нашимъ склонностямъ.

Объявленіе наше оставить всякія требованія на княжества Молдавское и Волошское, разрѣша скоро сомнѣніе и колебаніе Вѣнскаго двора, доставило намъ въ оборотъ полное и охотное съ его стороны согласіе на положенныя отъ насъ мирной негоціаціи непремѣнныя основанія, и на всѣ другія части требованій нашихъ по онымъ, а въ то же время и дѣйствительное съ его стороны употребленіе добрыхъ при Портѣ оффицій, вмѣстѣ съ Его Величествомъ королемъ Прусскимъ, къ склоненію ея на конгрессъ, которыя въ семъ пунктѣ и возымѣли уже желаемое дѣйствіе, да и въ будущемъ трактованіи чаятельно для насъ гораздо полезны будутъ устрашеніемъ турковъ, когда они увидятъ, что австрійцы между тѣмъ, въ разсужденіи Польши и раздѣла нѣкоторыхъ ея провинцій, составили общее дѣло съ нами и союзникомъ нашимъ, и что изъ онаго родилось весьма тѣсное соединеніе между тремя нашими дворами.

Вышеозначенныя основанія состоятъ, извѣстнымъ образомъ, въ слѣдующихъ трехъ статьяхъ:

1) Чтобъ уменьшить Портѣ способности къ атакованію впредь Россіи.

2) Чтобъ доставить себѣ справедливое удовлетвореніе за убытки войны, воспріятой противу вѣры трактатовъ и безъ всякой законной причины.

3) Чтобъ освободить отъ порабощенія торговлю и безпосредственную связь между подданными обѣихъ имперій, для вящшей ихъ пользы и взаимнаго блаженства, дабы оными сохраненіе мира учинить тѣмъ полезнѣйшимъ и важнѣйшимъ для обоихъ народовъ, слѣдовательно же и тѣмъ драгоцѣннѣйшимъ для управляющихъ дѣлами ихъ.

Вслѣдствіе первой статьи, первое наше намѣреніе было требовать и домогаться: 1) уступки въ нашу сторону Кабарды большой и малой; 2) оставленіе границъ отъ Кабарды чрезъ Кубанскія степи до Азовскаго уѣзда на прежнемъ ихъ основаніи; 3) уступки себѣ города Азова съ уѣздомъ его; 4) признанія со стороны Порты всѣхъ, въ Крымскомъ полуостровѣ и внѣ онаго обитающихъ, татарскихъ ордъ и родовъ вольнымъ и независимымъ народомъ, и оставленія ему, въ полной собственности и владѣніи, всѣхъ ими донынѣ обладаемыхъ земель; 5) уступки Грузинскимъ владѣтелямъ взятыхъ Россійскимъ оружіемъ въ тамошней сторонѣ мѣстъ, яко они имъ издревле принадлежали и однимъ насильствомъ въ послѣднія времена похищены были съ выговореніемъ, какъ грузинцамъ, такъ и всѣмъ другимъ, въ войнѣ участіе принявшимъ христіанамъ, генеральной и безъ всякаго изъятія амнистіи и лучшаго впредь покровительства церквамъ христіанскимъ въ областяхъ Порты.

Всѣ сіи требованія, исключая одной независимости татаръ, такого свойства, что не чаятельно имъ встрѣтить затрудненія съ турецкой стороны; напротивъ чего оная будетъ конечно, въ одержаніи своемъ, стоить многаго труда. Но тѣмъ не меньше почитаемъ мы ее такою *sine qua non*, и для того къ вѣрному и скорѣйшему ея полученію, согласясь оставить требованіе на княжества Молдавское и Волошское, не возбраняемъ мы вамъ еще въ умноженіе за то цѣны уступокъ нашихъ, согласиться, въ разсужденіи Грузинскихъ владѣтелей, на возстановленіе съ ними границъ, какъ онѣ до войны были, только бы по послѣдней мѣрѣ избавлены они были навсегда утвердительно безчеловѣчной подати христіанскими дѣвками, взыскиваемой отъ нихъ пашами турецкими; и поступить еще на оставленіе обѣихъ Кабардъ въ томъ состояніи, въ какое они трактатомъ 1739 года поставлены были, съ выговореніемъ только себѣ свободы строить и заводить въ сосѣдствѣ ихъ всякіе города и селенія на собственныхъ нашихъ земляхъ.

Подъ второю статьею имѣло состоять первое наше требованіе въ замѣну и награжденіе военныхъ нашихъ убытковъ, до двадцати пяти милліоновъ рублей, въ секвестрѣ на двадцать пять лѣтъ обоихъ княжествъ Молдавскаго и Волошскаго, или, при совершенной отъ Порты претительности на такой секвестръ, въ объявленіи ею оныхъ вольными и независимыми, или же въ дѣйствительной заплатѣ всѣхъ Россіею издержанныхъ денегъ.

По отмѣнѣ нами сего требованія, изъ уваженія къ добрымъ офиціямъ и къ статскимъ интересамъ Вѣнскаго двора, опредѣлили мы требовать въ удовлетвореніе наше нѣкоторой суммы, въ намѣреніи, и оную всю или часть ея, обратить въ пользу и подкрѣпленіе пункта

о татарахъ, какъ вы въ томъ на мѣстѣ большую или меньшую удобность и нужду находить будете.

Третьею статьею опредѣлено было нами требовать свободной, на обѣ стороны, торговли и кораблеплаванія по Черному морю, отъ чего мы и теперь отнюдь отступить не намѣрены.

Вотъ вамъ начертаніе нашего ультимата, который единственно служить имѣетъ къ рѣшительному опредѣленію будущихъ мирныхъ кондицій, и потому долженствуетъ вами почитаемъ быть за непреступаемую черту намѣреній нашихъ и существительнѣйшихъ интересовъ отечества, которые отъ насъ вашему бдѣнію, вашему ревностнѣйшему попеченію и лучшему на мѣстѣ усмотрѣнію всякихъ способствующихъ выгодъ симъ съ полною на оныя надеждою ввѣряются, если съ другой стороны не представится оному ультимату въ замѣну иныхъ, здѣсь напередъ не усматриваемыхъ и не опредѣленныхъ выгодъ, удобностей и кондицій, кои бы важностію своею нѣкоторымъ изъ положеній его равновѣсить или большею частію соотвѣтствовать могли, а потому и заслуживали бы уже собственнаго нашего рѣшительнаго разсмотрѣнія и опредѣленія.

Въ ближайшее показаніе вамъ той стези и порядка, каковыми желаемъ мы, чтобъ по обыкновенномъ отверстіи мирнаго конгресса съ пристойными и во всемъ равными на обѣ стороны обрядами, важная ваша негоціація начата и поведена была, откроемъ мы чрезъ сіе наши мысли и разсужденія о томъ, основывающіяся на искусствѣ прошедшихъ временъ и исчисленныя на вышнюю степень вѣроятности къ одержанію желаній нашихъ. Мы ограничимъ ихъ въ слѣдующихъ двухъ параграфахъ:

§ 1. При всемъ частномъ каждаго турка невѣжествѣ, имѣетъ однакожъ Порта Оттоманская свой издревле установленный систематическій образъ негоціированія, который обстоятельствами мало перемѣняется. Основанія его суть гордость и застѣнчивость. Первое качество происходитъ отъ обыкновеннаго въ правительствѣ варварскаго тона, а второе отъ свойственной каждому турецкому полномочному боязни, чтобъ, въ случаѣ народнаго роптанія и неудовольствія за неполезный миръ, не быть своею персоною жертвою и удовлетвореніемъ онаго. Съ таковыми правилами турки, обыкнувъ вести негоціаціи свои съ превеликою холодностію, имѣли неоднократно удачу получать лучшія кондиціи, нежели каковыхъ они иногда сами ожидали, или каковыя съ своей стороны представить имѣли. Весьма удалено отъ мыслей нашихъ, чтобъ нѣчто подобное сему въ разсужденіи васъ случиться могло; ибо мы паче отъ прозорливости и искусства вашего ожидаемъ, что вы напротивъ, вникнувъ достаточно въ персональные характеры и нравы будущихъ съ вами турецкихъ полномочныхъ, и

настроя по онымъ съ своей стороны всѣ струны, скоро и легко предуспѣете, живыми и сильными убѣжденіями, привесть въ замѣшательство политику Сераля, а можетъ быть и обратить еще оную въ пользу и подкрѣпленіе вашихъ дѣлъ.

Отверстіе взаимныхъ вашихъ на конгрессѣ конференцій долженствуетъ натурально сдѣлано быть сперва разсмотрѣніемъ на обѣ стороны полныхъ мочей, а по немъ и дѣйствительною оныхъ размѣною. Въ обрядахъ сего и всѣхъ другихъ церемоніальныхъ дѣяній не хотимъ мы связывать вамъ рукъ никакими предписаніями, ибо учрежденіе оныхъ при конгрессахъ, постановленіе нейтралитета для сборнаго мѣста и установленіе въ ономъ внутренняго полицейскаго порядка зависятъ обыкновенно отъ предварительнаго между полномочными соглашенія вновь или по какому либо старому примѣру, къ чему вамъ записки Немировскаго конгресса достаточно служить могутъ.

Сколь скоро такимъ образомъ полныя мочи на обѣ стороны размѣняются, надобно будетъ тогда, и въ первую еще конференцію, приступить къ начатію самой негоціаціи таковымъ съ вашей стороны отзывомъ: чтобъ турецкіе полномочные, зная сами довольно начало войны и настоящее положеніе оружія, благоволили съ своей стороны предложить тѣ кондиціи, кои Порта Оттоманская Россіи, въ удовлетвореніе великихъ ея убытковъ и въ замѣну столь знатныхъ ея завоеваній, на конгрессѣ чрезъ нихъ предложить намѣрена, присовокупляя однакожъ именно, что вы тѣмъ не меньше готовы сдѣлать такое начало, буде бы они сего отъ васъ потребовали, какъ отъ стороны удовлетворенія требующей.

Какой ни будь отвѣтъ турецкихъ министровъ на сей первый вашъ запросъ, то есть снисходительный-ли, съ предъявленіемъ какихъ-либо для насъ удовлетворительныхъ кондицій, или же просто уклонительный отъ себя оныхъ, съ истребованіемъ отъ васъ перваго шага, но въ обоихъ случаяхъ равно желаемъ мы, чтобъ вы, прежде всякаго въ подробности вступленія, предложили туркамъ положенныя отъ насъ будущему миру непремѣнныя три основанія, а именно:

1) Чтобъ надежнѣйшимъ образомъ обезпечить границы Имперіи нашей отъ внезапныхъ нападеній.

2) Чтобъ доставить Россіи справедливое удовлетвореніе за убытки войны.

3) Чтобъ освободить отъ порабощенія торговлю и мореплаваніе безпосредственною связью между подданными обѣихъ имперій, для вящшей ихъ пользы и взаимнаго блаженства, дабы оными сохраненіе мира учинить тѣмъ полезнѣйшимъ и важнѣйшимъ для обоихъ народовъ, слѣдовательно же и тѣмъ драгоцѣннѣйшимъ для управляю-

щихъ дѣлами ихъ. Кои. основанія и отъ дворовъ, добрыми своими оффиціями на обѣ стороны посредствующихъ, признаны между тѣмъ за справедливыя, съ требованіемъ, чтобъ и они, турецкіе полномочные, ихъ таковыми признали и равномѣрно приняли за базисъ всей будущей негоціаціи, яко оная инако, безъ точнаго напередъ опредѣленія сей неминуемо нужной мѣры, большимъ затрудненіямъ подвержена быть можетъ, потому что при каждомъ новомъ вопросѣ надобно будетъ соглашаться не только о рѣшеніи его, но и объ изысканіи ему нѣкоего свойственнаго начала.

По убѣжденіи въ сей истинѣ турковъ вашими живыми и осязательными доводами, настанетъ время сдѣлать имъ первое съ нашей стороны предложеніе, вслѣдствіе взаимно условленнаго базиса негоціаціи и открыть имъ желанія наши съ начала, по точной силѣ перваго нашего Вѣнскому двору сообщеннаго примирительнаго плана, требуя по первой статьѣ:

1) Объ уступкѣ въ нашу сторону обѣихъ Кабардъ, большой и малой. Резоновъ къ подкрѣпленію сей претензіи довольно и предовольно собрано въ сообщаемыхъ вамъ при сей инструкціи бумагахъ, и правость наша въ семъ случаѣ признана обще и единогласно отъ обоихъ добрыми оффиціями посредствующихъ дворовъ. Вы не оставите какъ тѣми, такъ и симъ послѣднимъ аргументомъ наилучше пользоваться къ преклоненію турокъ на уступку Кабардъ, тѣмъ больше, что оныя прежде Имперіи Россійской безспорно принадлежали, съ начатіемъ нынѣшней войны опять подъ власть и подданство ея возвратились, и въ томъ утвердили себя торжественною присягою вѣрности, и что впрочемъ, если трактатъ 1739 года, въ коемъ Россія прочности и обезпечиванію мира жертвовала толь многими съ своей стороны снисхожденіями, поставилъ Кабарды за взаимную между обѣими имперіями баріеру, оный теперь по возгорѣніи толь неправедной войны ни мѣста, ни силы имѣть не можетъ, и долженъ почитаться вовсе уничтоженнымъ, равно какъ имъ предъ тѣмъ всѣ старыя обязательства уничтожены были.

2) Объ оставленіи границъ отъ Кабарды чрезъ Кубанскія степи до Азовскаго уѣзда на прежнемъ ихъ основаніи. Сія кондиція можетъ, во время негоціаціи по другимъ требованіямъ, поставляема быть въ цѣну оныхъ, а по крайней мѣрѣ всегда въ доказательство истиннаго нашего безкорыстія и нехотѣнія гдѣ-либо и какимъ ни есть образомъ распространять предѣлы Имперіи нашей.

3) О признаніи города Азова, съ уѣздомъ его, древнимъ Россійскимъ владѣніемъ, которымъ съ нашей стороны, по примѣру обѣихъ Кабардъ, тщетно жертвовано было трактату 1739 года, и который посему ни подъ какимъ видомъ не можетъ причисляемъ быть въ классъ

завоеваній нашихъ, ниже слѣдующихъ намъ удовлетворительныхъ выгодъ, равно какъ и цѣлость сохраненія Таганрога и другихъ нашихъ, во время сей войны, заведеній: ибо оныя всѣ безспорно находятся на собственныхъ нашихъ земляхъ и состроены въ такое время, когда между обѣими имперіями разорваны были всѣ прежнія обязательства.

4) О признаніи со стороны Порты всѣхъ, въ Крымскомъ полуостровѣ и внѣ онаго, обитающихъ татарскихъ ордъ и родовъ вольнымъ и независимымъ народомъ, подъ управленіемъ собственнаго своего самовластнаго, и ни отъ кого независимаго, хана, и объ оставленіи ему въ полной собственности и владѣніи всѣхъ ими донынѣ обладаемыхъ земель, въ чемъ и мы съ своей стороны равное уже учинили, отказавшись отъ права завоеванія, которое намъ правосудіе Божіе даровало на оныя.

Сіе требованіе наше есть прямой узелъ Гордіанскій, коего развязаніе предоставлено ревностнѣйшему вашему подвигу. Всѣ ваши мысли, силы и старанія, по лучшему на мѣстѣ усмотрѣнію представляющихся удобностей, да будутъ неутомленно устремлены къ одержанію въ семъ случаѣ желаемаго перелома турецкому упрямству. При объявленіи полномочнымъ Порты, что сія кондиція съ нашей стороны не сноситъ никакого изъятія, будучи она въ самомъ дѣлѣ одна, которая великость нашихъ убытковъ и множество пролитой крови для переду нѣсколько замѣнять можетъ, постарайтесь вы въ тоже время позолотить имъ сію пилюлю. Резоновъ и доказательствъ самыхъ убѣдительнѣйшихъ столько написано въ сообщаемыхъ вамъ бумагахъ что весьма излишне было бы входить здѣсь въ повтореніе оныхъ; и для того симъ коротко упомянемъ мы объ одномъ, который важностію и истиною своею свыше всякаго вопроса, и потому чаятельно съ наивящею пользою употребляемъ быть можетъ. Не извѣстная-ли правда, что Порта, съ нами и съ другими окрестными народами, по большей части за татаръ и отъ татаръ въ ссоры и явную войну приходила? Не они-ли хищностью и необузданнымъ своимъ своевольствомъ бывали всегда первыми оскорбителями добраго сосѣдства и начинщиками непріятельствъ? Не сама-ли Порта многократно признавалась въ такія времена, когда она и подлинно на мысляхъ не имѣла разрывать мира и покоя, что не находитъ довольныхъ средствъ къ довольному ихъ воздержанію? Когда все сіе такъ, можетъ-ли кто безпристрастный зазрѣть Россіи, что она нынѣ столь твердо принялась за исправленіе сего зла въ самомъ его началѣ, перемѣною самаго бытія татаръ и обязаніемъ ихъ онымъ, слѣдовательно же всѣмъ собственнымъ благосостояніемъ, жить впредь въ тишинѣ и покоѣ и добромъ сосѣдствѣ со всѣми окрестными державами, а еще менѣе, оспо-

рить право ея въ томъ оружіемъ и добровольнымъ самихъ татаръ покореніемъ произведенное? Паче-же всѣхъ, не должна-ли будетъ сама Порта благодарить намъ за нашу умѣренность и человѣколюбіе въ томъ, что мы хотимъ удовольствоваться одною свободою татарскаго имъ единовѣрнаго народа, вмѣсто того, что по праву завоеванія могли-бъ татаръ вовсе себѣ присвоить и подчинить, или по крайней мѣрѣ, землю и города ихъ совершенно опустоша, ихъ самихъ въ плѣнъ и неволю въ дальнія наши провинціи отвести, или же на нынѣшнихъ мѣстахъ всѣхъ безъ остатка огнемъ и мечемъ истребить, какъ людей прежнимъ ихъ поведеніемъ помилованія недостойныхъ, а для переду къ рожденію вновь безпокойствъ опасныхъ?

Къ облегченію тутъ договоровъ вашихъ позволяемъ мы, какъ выше сказано уже, по усматриваемой въ туркахъ податливости, отступить отъ требованія на обѣ Кабарды, съ выговореніемъ только, чтобъ они, по точной силѣ трактата 1739 года, остались между обѣими имперіями за баріеру, и чтобъ опять Россіи вольно было заводить въ сосѣдствѣ Кабарды на своихъ земляхъ такіе города и селенія, какіе она по обстоятельствамъ за нужно признавать будетъ.

Увольненіе Кабардинцевъ отъ подданства нашего, не взирая на то, что они издревле таковыми безспорно были, можетъ, относительно къ Крыму, служить хорошимъ доказательствомъ безкорыстныхъ нашихъ намѣреній, въ разсужденіи вольности и независимости всѣхъ вообще татаръ.

5) Объ уступкѣ Грузинскимъ владѣтелямъ взятыхъ россійскимъ оружіемъ въ тамошней сторонѣ мѣстъ, яко они имъ издревле принадлежали, и однимъ насильствомъ въ послѣднія времена похищены были, съ выговореніемъ какъ Грузинцамъ, такъ и всѣмъ другимъ въ войнѣ какимъ ни есть образомъ участіе принявшимъ христіанамъ, генеральной амнистіи, и лучшаго впредь покровительства церквамъ христіанскимъ въ областяхъ Порты, во взаимство тому, какъ магометане въ Россіи, подъ тѣнью законовъ нашихъ, вездѣ полною свободою и безопасностью пользуются.

Сей пунктъ не встрѣтитъ чаятельно никакого затрудненія со стороны турокъ, развѣ въ томъ одномъ, что для Грузинцевъ выговаривается оставленіе имъ, взятыхъ оружіемъ нашимъ, ихъ собственныхъ недавно похищенныхъ мѣстъ.

Турецкіе полномочные безъ сомнѣнія вѣдаютъ, что въ той сторонѣ ничего важнаго не произошло и не завоевано; но еслибы они однакожъ упорно домогаться стали объ оставленіи границъ между Портою и Грузинскими владѣтелями на томъ основаніи, какъ оныя были до войны, въ такомъ случаѣ не вдругъ, но по самой уже нуждѣ можно будетъ, въ пользу главнаго нашего предмета, чтобъ оный дру-

ними уступками сколько можно облегчить, согласиться и на сіе, съ тѣмъ только, чтобъ, при амнистіи, Грузинскіе владѣтели единожды навсегда освобождены были отъ вынуждаемой отъ нихъ поносной дачи христіанскихъ дѣвокъ.

По второй статьѣ обще принятыхъ основаній:

6) О заплатѣ намъ за военные убытки уже не двадцатипяти милліоновъ рублей, какъ въ прошломъ году требовано было, но тридцати, потому что оные временемъ до сей суммы простерлись: или въ отдачѣ за то обоихъ завоеванныхъ княжествъ въ секвестръ, на тридцать лѣтъ: или же въ объявленіи оныхъ отъ Порты вольными и независимыми, вмѣсто безпосредственнаго намъ самимъ удовлетворенія.

Вамъ извѣстно уже, что отъ насъ не только обоимъ въ примиреніи нашемъ съ Портою интересующимся дворамъ, но чрезъ нихъ и ей самой отчасти знать дано о резолюціи нашей отстать отъ сего требованія; и для того оставляемъ мы лучшему вашему на мѣстѣ усмотрѣнію расположенія въ духахъ и склонностяхъ трактующихъ съ вами турецкихъ полномочныхъ, къ скорому-ли заключенію мира, или же къ продолженію войны, предъявить оное кстати въ изображенной формѣ, какъ предложеніе, по естественной справедливости изъ настоящаго положенія взаимнаго оружія и поверхности нашей въ ономъ, само собою проистекающее: или же миновать совсѣмъ безъ упоминовенія, дабы инако не произвесть напраснаго раздраженія: а вмѣсто того прямо уже представить и домогаться о заплатѣ намъ одновременно, или въ два срока, подъ ручательствомъ дворовъ Вѣнскаго и Берлинскаго: или инако, съ достаточнымъ удостовѣреніемъ, нѣкоторой суммы денегъ въ удовлетвореніе нашихъ военныхъ убытковъ, когда мы уже рѣшились жертвовать первымъ нашимъ требованіемъ на княжества Молдавское и Волошское, изъ уваженія къ добрымъ оффиціямъ посредствующихъ дворовъ, и въ вящее побужденіе Порты къ равномѣрному съ ея стороны поступку въ разсужденіи признанія татаръ вольнымъ и независимымъ народомъ, который поступокъ положили мы въ цѣну нашего отъ тѣхъ княжествъ отступленія именно, а безъ того на оное никогда бы не согласились, потому что никакая денежная сумма не можетъ быть достаточна удовлетворить всѣмъ нашимъ убыткамъ, а особливо множеству пролитой крови.

Мы увѣрены, что вы всѣ сіи и другія, отъ собственной вашей прозорливости преподаваемые, резоны наилучше употреблять потщитесь, къ убѣжденію турецкихъ полномочныхъ. А еслибъ между тѣмъ открылся способъ къ подкупленію котораго ни есть изъ нихъ, въ такомъ случаѣ конечно не оставите вы онымъ, сколько можно больше воспользоваться, не жалѣя на то денегъ.

Что касается до количества требуемой суммы, оную можно въ первый разъ назначить до ( )[1] милліоновъ піастръ, а потомъ убавить оную до ( )[2] милліоновъ; но и въ томъ позволяемъ мы рѣшиться собственнымъ вашимъ на мѣстѣ усмотрѣніемъ, а въ случаѣ крайней нужды, оставить и вовсе требованіе денегъ, еслибъ только сею уступкою точно уже, и безъ всякаго изъятія, можно было купить полное признаніе отъ Порты татаръ въ качествѣ вольнаго и независимаго народа, и рѣшительное возвращеніе драгоцѣннаго покоя нашимъ вѣрнымъ подданнымъ.

По третьей статьѣ тѣхъ же основаній:

7) О свободѣ на обѣ стороны въ торговлѣ и кораблеплаваніи по Черному морю.

Сіе наше требованіе есть само собою довольной нѣжности. Съ одной стороны будетъ оному противиться зависть купечествующихъ народовъ, кои, во взаимной нашей и турецкой инакціи, находятъ свой счетъ, а съ другой—собственное турокъ опасеніе увидѣть окорененіе морскихъ нашихъ силъ на семъ морѣ, яко слабой ихъ сторонѣ, а чрезъ то самое и приращеніе нашихъ противу ихъ впредь рессурсовъ, и безъ того уже имъ нынѣ весьма чувствительныхъ. Тѣмъ больше будетъ заслуга ваша предъ нами и предъ отечествомъ, когда вы сіи два важныя затрудненія благоразумными вашими подвигами превозможете.

Побудительныхъ причинъ къ тому довольно сыскано въ сообщенныхъ вамъ бумагахъ, а къ подкрѣпленію оныхъ можете вы, утверждая неоспоримое наше право раздѣлять съ турками торговлю и кораблеплаваніе по Черному морю, кои, равно какъ Азовъ и Кабарды, въ минувшее время тщетно Россіею жертвованы были въ надеждѣ утвержденія сими уступками вѣчнаго мира, дать имъ прямо чувствовать, что недостатокъ сего, между обоими народами взаимно и равно полезнаго узла, былъ по сю пору видимымъ образомъ причиною частымъ между обѣими имперіями разрывамъ, потому что не настояло такой связи, коя бы, партикулярные между собою интересы той и другой стороны подданныхъ, соединяла въ одно, слѣдовательно же и дѣлала сама собою въ глазахъ правительствъ ихъ особливый, уваженія достойный, предметъ, каковой натуральнымъ образомъ скоро и весьма легко самъ собою родится чрезъ свободное на обѣ стороны мореплаваніе и торговлю; ибо Россія и земли Порты Оттоманской имѣютъ въ себѣ великое изобиліе такихъ товаровъ, мануфактуръ и произращеній, кои обѣимъ сторонамъ на

[1]) Оставлено въ пробѣлѣ.

[2]) Оставлено въ пробѣлѣ.

промѣнъ надобны и весьма удобны къ обогащенію взаимныхъ подданныхъ, а тѣмъ самымъ и къ составленію такого драгоцѣннаго залога, который важностію и прибытками своими можетъ впредь лучше ограждать и обезпечивать возобновляемый нынѣ миръ, а съ нимъ и общее ихъ благоденствіе. Еще можно прибавить къ сему, что теперь вся торговля, проходя не свойственными ей каналами, обращается единственно въ пользу постороннихъ народовъ, и тѣмъ самымъ возбуждаетъ ихъ зависть противу заведенія безпосредственной, дабы имъ и далѣе чужими трудами корыстоваться. Если турки, понимая всѣ сіи истины, станутъ еще остановляться, за опасеніемъ формируемаго нами на Черномъ морѣ военнаго флота, то будетъ дѣломъ прозорливости вашей вывесть ихъ изъ сего сумнѣнія и дать имъ сколько можно осязательнѣе восчувствовать, что хотя Россія, до послѣдней и нынѣшней войны, и не имѣла свободы содержать на Чернюмъ морѣ собственныя свои суда, однакожъ сіе не воспрепятствовало ей въ оба раза являться на ономъ съ достаточными морскими силами, что и впредь при всякой войнѣ тоже будетъ, потому что наши рессурсы независимы отъ береговъ и пристаней Чернаго моря, и что потому лучше вмѣсто сей пустой осторожности, употребить ту мѣру, которую самое естество представляетъ, къ ближайшему и прочнѣйшему соединенію обоихъ народовъ узломъ одинаковой и равной на обѣ стороны пользы. Впрочемъ требованіе наше въ семъ пунктѣ почитаемъ мы столь нужнымъ и важнымъ для пользы отечества, что отъ онаго конечно не отступимъ; и потому имѣете вы, во время негоціаціи, непремѣнно на ономъ настоять, сокращаясь только въ томъ, ежели турки больше не позволятъ, чтобъ наши торговыя суда не ходили далѣе азіатскихъ береговъ Чернаго моря и самаго Константинополя, гдѣ бы такимъ образомъ сдѣлался главный стапель нашимъ товарамъ, къ дальнѣйшему ихъ оттуда развозу. Во взаимство сего можно будетъ и туркамъ дозволить свободное плаваніе и свободную торговлю во всѣхъ нашихъ пристаняхъ, также и пріѣздъ сухимъ путемъ въ Украйну, гдѣ особливо есть множество удобныхъ, къ выгодному размѣну, товаровъ.

8) Впрочемъ, для обнадеженія успѣха въ мирной негоціаціи, соглашаясь на всѣ здѣсь ознаменованныя модификаціи, не заключаемъ мы однакожъ въ оныхъ города Бендеръ, толикимъ иждивеніемъ, толикимъ трудомъ и толикою кровію, со шпагою въ рукахъ, завоеванпаго. Онъ не принадлежитъ положеніемъ своимъ ни къ Молдавскому, ни къ Волошскому княжествамъ, а потому и не слѣдуетъ уже къ возвращенію вмѣстѣ съ оными. Право наше на удержаніе его за собою неоспоримо и признано таковымъ отъ обоихъ, добрыми своими оффиціями посредствующихъ, дворовъ. Мы готовы однакожъ уступить его туркамъ въ обмѣнъ на городъ Очаковъ, а если вы въ томъ най-

дете крайнія и непреодолимыя затрудненія, то и на Кинбурнъ. Резоны въ пользу Очакова могутъ теперь, собственно турками на Немировскомъ конгрессѣ употребленные, то есть обузданія сею крѣпостію своевольныхъ татаръ, удобно противу ихъ самихъ обращены быть, по совершенномъ развязаніи тѣхъ сопряженій, въ коихъ она тогда съ Крымомъ и всѣми татарами находилась, и кои теперь, по перемѣнившимся обстоятельствамъ, намъ свойственны стали. Такое съ вашей стороны предъявленіе кондицій, по содержанію перваго нашего, Вѣнскому двору сообщеннаго, примирительнаго плана, предполагаемъ мы однакожъ на тотъ только случай, когда турецкіе полномочные отрекутся съ своей стороны сдѣлать въ томъ первый поступокъ: ибо напротивъ, если они оный сдѣлаютъ, можно вамъ будетъ, сообразуясь ихъ предложеніямъ, по большей или меньшей ихъ къ принятію удобности, или по крайней мѣрѣ по степенямъ предстоящей вѣроятности къ ближайшему соглашенію, размѣрить тогда съ большею точностію взаимный вашъ отзывъ и требованія, во всей-ли ихъ вышеозначенной генеральности, или сокращенно въ частяхъ, предоставляя себѣ такимъ образомъ свободу трактовать и приводить къ соглашенію одинъ пунктъ по другомъ.

§ 2. Открывъ, тѣмъ или другимъ образомъ, требованія наши въ первомъ ихъ видѣ, и не инако допуская себя до позволенныхъ по оному модификацій, какъ по мѣрѣ податливости и соглашенія турецкихъ полномочныхъ на одинъ пунктъ по другомъ, не оставите вы притомъ остерегаться и предохранять:

1) Чтобъ при договорѣ, и постановленіи на мѣрѣ, артикула о вольности и независимости татаръ, не связать себѣ онымъ рукъ въ ручательствѣ нашемъ въ оборонѣ сего народа въ новомъ его состояніи, и въ постановленіи намъ съ нимъ по благоизобрѣтенію точныхъ и формальныхъ о томъ обязательствъ.

2) Чтобъ границы землямъ татарскимъ съ нашей, а особливо съ турецкой стороны, для избѣжанія впредь всякихъ недоразумѣній, съ точностью опредѣлены и отведены были по древнему ихъ владѣнію. Изъ чего, въ теченіе вашихъ договоровъ, и можете вы представить туркамъ уступкою, въ замѣну какихъ либо другихъ вашихъ требованій, земли Бессарабіи, дабы уже Молдавская, слѣдовательно и турецкая граница, отъ татарскихъ земель раздѣляема была рѣкою Днѣстромъ.

3) Чтобъ на обѣ стороны постановлена была совершенная свобода строить и заводить новые города и селенія тамъ, гдѣ которая въ своихъ земляхъ и границахъ за благо разсудитъ, дабы тѣмъ изъяты были навсегда случаи и прицѣпки, среди самаго мира, къ неосновательнымъ и оскорбительнымъ перепискамъ и спорамъ.

4) Чтобъ новымъ вѣчнымъ миромъ всѣ прежніе трактаты, конвенціи, сглашенія и тому подобные акты совершенно уничтожены и вѣчному забвенію преданы были, въ томъ числѣ именно и трактатъ 1739 года, какъ такой, который, въ намѣреніяхъ и въ средствахъ своихъ, ни мало не способствовалъ сохраненію покоя и тишины, а паче собою еще подавалъ поводъ къ частымъ недоразумѣніямъ и распрямъ, какъ и въ самомъ дѣлѣ напослѣдокъ нашелся недостаточенъ къ упрежденію нынѣшняго разрыва безъ всякой законной причины.

5) Чтобъ, при уступкѣ Молдавіи и Валахіи, именно выговорить въ пользу обоихъ сихъ княжествъ и всѣхъ въ нихъ безъ изъятія жителей, отъ мала до велика, совершенную и полную амнистію, съ содержаніемъ ихъ впредь отъ Порты неотмѣнно при всѣхъ тѣхъ правахъ, вольностяхъ и преимуществахъ, съ коими каждое изъ нихъ пришло подъ власть турецкую, и чтобъ еще свободное и торжественное въ нихъ отправленіе нашей православной и другихъ христіанскихъ вѣръ совершенно дозволено, отъ турецкаго правительства покровительствуемо, и отнюдь ни до какого утѣсненія допускаемо не было. Во взаимство чего можно съ нашей стороны равное обѣщать для магометанъ, въ нашемъ подданствѣ находящихся. При трактованіи и постановленіи на мѣрѣ сихъ подробностей, поручаемъ мы вамъ употребить все ваше искусство и лучшее знаніе къ одержанію какого-либо выгоднаго постановленія въ пользу, находящагося при дворѣ нашемъ, плѣннаго Волошскаго господаря Григорія Гики, который какъ прежде къ интересамъ Имперіи нашей чистосердечно привязанъ былъ, такъ и въ нынѣшнюю свою бытность всевозможную добрую волю и всякія отъ него зависимыя услуги оказываетъ; къ особливой намъ благоугодности послужило бы исходатайствованіе ему, по смерть, Молдавскаго господарства, яко такой земли, которая, по первоначальнымъ своимъ правамъ соединенія съ Портою, менѣе другихъ въ подданствѣ своемъ порабощенною оставаться долженствуетъ; къ чему не безосновательный можетъ вамъ додаться поводъ при соглашеніи уступки отъ насъ туркамъ обоихъ княжествъ.

6) Чтобъ всѣмъ тѣмъ изъ Волоховъ и Молдавцевъ, кои пожелаютъ изъ сихъ княжествъ переселиться въ другія области, съ ихъ семьями и имуществомъ, полная и неограниченная свобода на то дозволена была. По поводу такихъ выходцевъ, находимъ мы за нужно примѣтить здѣсь къ вашему руководству, что нѣкоторыя изъ тамошнихъ фамилій, а отлично предъ всѣми Кантакузинская, во время покоренія обоихъ княжествъ оружію нашему, чистосердечно къ интересамъ нашимъ прилѣпились и въ разныхъ случаяхъ не безполезныя услуги оказали, какъ между прочимъ изъ Кантакузиныхъ одинъ и жизнь свою положилъ въ дѣйствительномъ съ войсками нашими противу

турковъ сраженіи. Справедливость и святость особливыхъ нашихъ, такимъ фамиліямъ данныхъ, обнадеживаній требуетъ принять въ рокѣ ихъ особливое участіе. Вы имѣете потому, дѣйствительно заслужившихъ покровительство наше, спросить каждаго порознь, а особливо Кантакузиныхъ, о желаніи ихъ, и кто потребуетъ, тѣхъ именно исключить изъ возвращенія и отпустить куда кто самъ изберетъ, съ пристойнымъ каждому по мѣрѣ заслугъ вспоможеніемъ, наипаче же Кантакузинымъ на выѣздъ ихъ въ Россію.

7) Чтобъ о Польшѣ и дѣлахъ ея въ трактатѣ ни слова упомянуто не было. Если же турки того требовать станутъ, въ такомъ случаѣ, при другихъ къ отведенію ихъ приличныхъ резонахъ, можете вы по времени и слѣдующій употребить: что взаимно и мы отъ Порты для Польши требовать будемъ, дабы она, по обязательствамъ Карловицкаго трактата, срыла свою, въ противность оному построенную, Хотинскую крѣпость. Дѣло искусства и прозорливости вашей будетъ упредить всякія о сей матеріи изъясненія и не допустить до того, чтобъ дѣла польскія въ нашъ трактатъ примѣшаны были, яко опасный для переду корень къ новымъ хлопотамъ между обѣими имперіями, когда и настоящая война имъ обѣимъ довольно уже чувствительна быть должна, въ чемъ и въ несообразномъ опять безразсудствѣ поляковъ Порта сама не можетъ не признаться, искусясь нынѣ въ ихъ лживыхъ предъявленіяхъ и презрительномъ корыстолюбіи, которое одно произвело всѣ бѣдствія Польши и самую нашу войну, при подкрѣпленіи отъ коварства другихъ завистниковъ и враговъ общему покою и благосостоянію двухъ столь знатныхъ имперій.

8) Чтобъ по взаимной торговлѣ наши и турецкія суда и купцы пользовались на обѣ стороны тѣми же правами, вольностями и преимуществами, какими пользуются въ обѣихъ сторонахъ другія дружественныя и фаворизуемыя націи, съ платежемъ однакожъ обыкновенныхъ въ каждомъ государствѣ пошлинъ: и чтобъ еще дворъ нашъ имѣлъ право, для ободренія и вящаго поспѣшествованія безпосредственной торговли, опредѣлять и содержать консулей и вицеконсулей своихъ въ тѣхъ мѣстахъ владѣнія Порты, гдѣ другимъ націямъ такая свобода дозволена.

9) Чтобъ еще именно въ трактатѣ дозволено и опредѣлено было содержаніе съ нашей стороны при Портѣ министра втораго ранга, съ точнымъ назначеніемъ ему мѣста безпосредственно за цесарскимъ интернунціемъ, вмѣсто того, что Россія принуждена была по сю пору содержать тамъ просто резидентовъ, для некомпрометированія достоинства своего въ формальномъ уступленіи мѣста Шведской коронѣ, которая почитается турками, по особливому ихъ, имъ однимъ свойственному этикету, старшею въ содруженіи своемъ съ Портою.

10) Чтобъ напослѣдокъ, въ такомъ случаѣ, когда турецкіе полномочные, не принимая нѣкоторыхъ нашихъ требованій, станутъ въ замѣну онымъ представлять съ своей стороны намъ удовлетворительными другія средства, вы оныя зрѣло и подробно напередъ разсматривали, и тѣ, кои въ себѣ ничего существительнаго заключать не будутъ, прямо отвергали, прочія же, нѣчто знаменовать и къ поспѣшествованію мира служить могущія, принимали на доношеніе сюда, и вслѣдствіе того дѣйствительно представляли къ нашему разсмотрѣнію, препровождая оныя и собственнымъ вашимъ мнѣніемъ.

Не станемъ мы упоминать здѣсь о другихъ, къ трактату принадлежащихъ, кондиціяхъ, какъ напримѣръ о вѣчности мира, о размѣнѣ и освобожденіи всѣхъ безъ изъятія плѣнныхъ, о свободѣ посѣщать святыя мѣста, и другихъ тому подобныхъ, ибо оныя въ полномъ ихъ пространствѣ изъ стараго трактата взаимствованы быть могутъ и долженствуютъ; а примѣтимъ только то одно, чтобъ въ разсужденіи ратификацій нашихъ и султанскихъ, по примѣру тому, какъ сей пунктъ церемоніала обыкновенно наблюдается между Портою и Римскимъ Императорскимъ дворомъ, въ трактатѣ особливою кондиціею договоренось было, какъ объ одновременномъ ихъ отъ обоихъ дворовъ отправленіи съ торжественными посольствами, такъ и о размѣнѣ сихъ посольствъ пристойнымъ образомъ на той или другой границѣ, или же въ какомъ либо посреди лежащемъ польскомъ мѣстѣ.

Остается намъ затѣмъ снабдить васъ точнымъ наставленіемъ въ разсужденіи присылаемыхъ на конгрессъ отъ Вѣнскаго и Берлинскаго дворовъ, какъ посредствующихъ мирной негоціаціи добрыми своими оффиціями, публичныхъ министровъ или другихъ аккредитованныхъ персонъ, хотя и имѣемъ мы причину думать, что къ тому отъ нихъ предпочтительно употреблены будутъ министры ихъ, нынѣ въ Константинополѣ находящіеся, и по сю пору много уже въ сближеніи дѣлъ трудившіеся, Тугутъ и Цегелинъ. Вамъ извѣстны степени дружеской конексіи, въ которыхъ мы теперь находимся съ сими обоими дворами, и сколько который намъ по собственнымъ своимъ интересамъ содѣйствовать можетъ. Вы не оставите потому, наблюдая наружно къ обоимъ министрамъ видъ одинаковой довѣренности въ полной мѣрѣ, съ прямо открытымъ и дружескимъ обхожденіемъ, размѣрять между тѣмъ въ самомъ дѣлѣ откровенность вашу къ нимъ по степенямъ собственной ихъ благонамѣренности и больше или меньше сильнаго и искренняго содѣйствія и подкрѣпленія въ подвигахъ вашихъ. Нельзя вообразить себѣ, чтобъ тѣ министры захотѣли сами собою и безпосредственно участвовать при конференціяхъ вашихъ съ турецкими полномочными, потому что дворы ихъ не суть формальные медіаторы, но только употребляютъ добрыя свои оффиціи; но если бы однакожъ, сверхъ всякаго

чаянія, отъ обоихъ или отъ одного изъ нихъ послѣдовало такое невмѣстное требованіе, въ семъ случаѣ имѣете вы отговориться несвойствомъ такого употребленія добрыхъ оффицій, а наконецъ неимѣніемъ на то нашего указа, увѣряя ихъ впрочемъ, что вы тѣмъ не меньше будете сообщать имъ въ полной довѣренности всѣ ваши, турецкимъ полномочнымъ чинимыя, предложенія и получаемые на нихъ отвѣты, для дѣйствительнаго употребленія дружескихъ оффицій дворовъ ихъ: почему и въ самомъ дѣлѣ надобно вамъ будетъ имѣть съ ними частое и откровенное сношеніе о всемъ у васъ на конференціяхъ происходящемъ, и употреблять, по состоянію каждаго дѣла и случая, общее или частное ихъ посредство къ скорѣйшему убѣжденію турковъ; ибо ихъ съ ними переговоры и изъясненія могутъ быть гораздо вольнѣе и свободнѣе, нежели собственные ваши, а тѣмъ самымъ и способствовать больше скорѣйшему теченію и окончанію негоціаціи.

Не уповательно правда, чтобъ Англійскій дворъ захотѣлъ нынѣ чрезъ министра своего мѣшаться въ будущую вашу негоціацію, вслѣдствіе представленной имъ, съ самаго начала войны, намъ и Портѣ медіаціи, потому что оная тогда мѣста имѣть не могла, а послѣ о ней и вопроса уже не настояло; но если бы однакожъ сіе по нескладности Лондонскаго министерства, сверхъ всякаго чаянія, случилось, и посолъ Великобританскій, въ Константинополѣ находящійся, представилъ вамъ добрыя свои оффиціи, собою-ли или же по указу двора его, тогда вамъ по нѣжности тѣхъ уваженій, кои мы къ сему двору имѣть должны въ разсужденіи морскихъ нашихъ операцій въ Архипелагѣ и Средиземномъ морѣ, оставаться будетъ, не отказывая пріема и дозволенія симъ добрымъ оффиціямъ, подать, паче въ наружное по онымъ изъявленіе нашего къ королю Великобританскому снисхожденія, нѣкоторый еще видъ желанія къ тому; а впрочемъ сослаться на Порту Оттоманскую, которая по всей вѣроятности не допуститъ оныхъ до дѣйствительности, объявивъ уже предъ симъ, что она никакого другого посредства не желаетъ и не приметъ, кромѣ добрыхъ оффицій Вѣнскаго и Берлинскаго дворовъ, кои и съ своей стороны такому Англійскому покушенію всячески препятствовать не преминутъ. Ежели посолъ Муррей, не взирая на то, или безъ всякаго напередъ обвѣщенія, пришлетъ отъ себя на конгрессъ повѣреннаго человѣка, онаго можете вы встрѣтить просто, какъ чужестранца, а притомъ извиниться въ пріемѣ его аккредитованія неимѣніемъ на то указа: съ другой же стороны, не подавая вида въ недозволеніи ему квартиры, стараться отнести нежеланіе бытности его въ сборномъ мѣстѣ на турецкихъ полномочныхъ.

Вотъ вамъ всѣ тѣ руководства, кои мы относительно къ мирной негоціаціи и къ производству ея нужными почитаемъ. Извѣстное намъ искусство ваше увѣряетъ насъ напередъ, что вы будете умѣть апли-

ковать каждое предписаніе свойственному для него дѣлу, и что вы возложенную на васъ отличную нашу довѣренность совершенно оправдаете благоразумнымъ и прозорливымъ вашимъ поведеніемъ во всякомъ особливомъ случаѣ.

Ступайте затѣмъ съ Богомъ въ предопредѣленный вамъ путь и старайтесь поспѣть въ главную квартиру нашего генералъ-фельдмаршала графа Румянцева на обѣщаемый отъ него верховному визирю срокъ, вслѣдствіе послѣдняго нашего вамъ въ копіи сообщеннаго рескрипта. Можно надѣяться, что ко времени пріѣзда вашего въ Яссы и турецкіе полномочные въ своей арміи находиться будутъ. Въ такой близости удобно вамъ будетъ войти съ ними въ безпосредственное сношеніе; а если они еще не бывали, съ самимъ верховнымъ визиремъ, и тѣмъ или другимъ образомъ, безъ утраты времени, согласиться съ нимъ, или съ ними, о назначеніи конгресса въ удобномъ по общему и согласному избранію мѣстѣ, объ одновременномъ туда прибытіи обоихъ посольствъ, о предшествующихъ первому свиданію и первой конференціи церемоніальныхъ обрядахъ, о учрежденіи въ сборномъ мѣстѣ, для взаимной безопасности, внутренняго полицейскаго порядка, съ дозволеніемъ или безъ дозволенія оному на время негоціаціи нейтралитета, о пріемѣ и препровожденіи турецкихъ полномочныхъ до сборнаго мѣста съ приличными почестями, нужнымъ вспомоществованіемъ и совершенною безопасностію для нихъ, для людей ихъ и всего ихъ обоза, также и о продолженіи перемирія на Іюль мѣсяцъ, если бы до того негоціація начала своего не взяла и турки такого продолженія непременно требовать стали.

Да благословитъ впрочемъ десница Всевышняго предстоящій вамъ великій и важный подвигъ, къ пользѣ и благополучію любезнаго отечества, которое возвращенія вашего, съ вожделѣннымъ и славнымъ миромъ, будетъ ожидать съ распростертыми длaньми. Мы, проливая предъ престоломъ Божіимъ теплыя о томъ молитвы, надѣемся несомнѣнно, и съ полною довѣренностью на ваше усердіе и рвеніе, какъ истинныхъ и достойныхъ сыновъ отечества, что вы тутъ всѣ ваши силы и лучшее разумѣніе напрягать будете и что напослѣдокъ скоро и совершенно исполните мѣру радости нашей и общей всѣхъ вашихъ согражданъ, къ прославленію собственныхъ вашихъ именъ и къ вящему пріобрѣтенію себѣ высочайшей нашей милости, благоволенія и признанія, которыя пребудутъ всегда неразлучными спутниками истинныхъ заслугъ.

Екатерина.

Въ Санктъ-Петербургѣ, Апрѣля 21 дня 1772 года.

## Прибавленіе

### къ инструкціи нашимъ, на мирный конгрессъ съ Портою Оттоманскою назначеннымъ, чрезвычайнымъ и полномочнымъ посламъ, генералъ-фельдцейхмейстеру графу Григорію Орлову и тайному совѣтнику Алексѣю Обрескову.

Въ данной вамъ отъ насъ инструкціи не упомянуто ни словомъ ни о флотѣ нашемъ въ Архипелагѣ, ни о всей тамошней части дѣлъ нашихъ; мы разсудили отнести мысли и желанія наши о томъ и другомъ въ особливую статью, какъ оное симъ и учинили. Извѣстно уже вамъ обоимъ, что въ первыхъ нашихъ, къ мирной негоціаціи, положеніяхъ включали мы требованіе отъ Порты одного изъ Архипелагскихъ, турками вовсе не заселеннаго острова, для учрежденія и заведенія въ оном пристанища и стапеля россійской торговлѣ: а вамъ, генералъ-фельдцейхмейстеру графу Орлову, какъ члену совѣта нашего, долженствуетъ затѣмъ не меньше памятно быть, что по ближайшемъ разсмотрѣніи, въ пріѣздъ сюда ко двору нашему, брата вашего генералъ-аншефа графа Алексѣя Орлова, и по его точнѣйшимъ предъявленіямъ о состояніи Архипелагскихъ острововъ, тамошнихъ временемъ и искуствомъ болѣе открывшихся обстоятельствъ, рѣшились мы, напослѣдокъ, не только самый планъ кондицій нашихъ сократить, но и вовсе отказаться отъ требованія объ островѣ. Сія послѣдняя мѣра сообщена потомъ дворамъ Вѣнскому и Берлинскому, яко такая уже уступка отъ нашей стороны, которою мы болѣе сближаемся къ умѣреннѣйшимъ кондиціямъ для одержанія мира, чѣмъ въ то же время мы старались и Вѣнскій дворъ вывесть изъ того предубѣжденія, въ которомъ онъ нашелся при познаніи первыхъ нашихъ кондицій, и которое, еслибъ благовременно упреждено не было искренними и открытыми съ нашей стороны изъясненіями, могло бы противу взаимной склонности распространиться до явнаго между нами разрыва; можетъ же быть, что чрезъ средство тѣхъ дворовъ, и сама Порта Оттоманская увѣдомлена уже о такой нашей уступкѣ, и посему натуральнымъ образомъ чаятельно и ласкаетъ себя, что мы при конгрессѣ требованія нашего объ островѣ не возобновимъ, или по крайней мѣрѣ долго и твердо на оном настоять не станемъ. Но какъ бы то ни было, однакожъ сіе не мѣшаетъ, чтобъ вы, предуготовляя себѣ разные способы къ тому, дабы послѣ, въ теченіе самой негоціаціи, торговаться оными съ турками въ облегченіе другихъ вашихъ нужнѣйшихъ по инструкціи требованій, не возобновили требованія объ островѣ, хотя токмо предложеніемъ права и справедливости нашей, пожелать удержать за собою такое завоеваніе, ко-

торое бы впредь и въ мирное время могло служить выгодою къ взаимной торговлѣ подданныхъ обѣихъ сторонъ, и хотя еще и предувѣдомляя напередъ турецкихъ полномочныхъ, или по крайней мѣрѣ союзническихъ при конгрессѣ будущихъ министровъ, что вы отъ сей кондиціи послѣ отступитесь, въ цѣну другихъ съ турецкой стороны снисхожденій. Собственное ваше благоразуміе долженствуетъ тутъ быть лучшимъ и вѣрнѣйшимъ размѣрителемъ степеней и удобностей въ ту и другую сторону; почему мы съ полною довѣренностью и оставляемъ вамъ самимъ на волю, когда и какъ возобновить оное требованіе, и до котораго времени негоціаціи вашей держаться, доводя сей переговоръ до таковыхъ обстоятельствъ съ турецкими полномочными, въ которыхъ иногда могъ бы вамъ представиться случай покуситься на одержаніе отъ нихъ соглашенія на свободу, для нѣсколькихъ судовъ изъ флота нашего, возвратиться въ Россію изъ Архипелага прямо чрезъ Цареградскій каналъ и Черное море. Въ предлогъ такому постановленію можетъ предъявлена быть обветшалость и ненадежность къ дальнему, вкругъ всей Европы, плаванію нѣкоторыхъ судовъ, или же скорѣйшее и ближайшее возвращеніе со флота сухопутныхъ, оному въ тягость только служащихъ, войскъ. Мы чувствуемъ сами всю колкость и деликатность сего требованія: колкость для турковъ потому, что они при домогательствѣ и настояніи нашемъ о свободномъ плаваніи по Черному морю, тѣмъ больше могутъ почесть для себя на будущее время предосудительнымъ и опаснымъ практическое познаніе нашими мореплавателями Цареградскаго канала, чѣмъ меньше при начатіи войны ожидали быть атакованными со стороны такъ удаленнаго отъ Россіи Средиземнаго моря: а деликатность для насъ самихъ, дабы таковымъ требованіемъ дѣйствительно не вселить Портѣ мысль, или же гораздо не умножить безъ того уже, по случаю одного требуемаго свободнаго кораблеплаванія по Черному морю, воспріятую предосудительную импрессію о намѣреніи нашемъ завести на ономъ военный флотъ, а тѣмъ самымъ и не родить съ ея стороны вопроса и домогательства о раздѣленіи между военнымъ и купечественнымъ мореплаваніемъ: чего напротивъ съ вашей стороны конечно всѣми мѣрами обѣгать, и для того при всѣхъ переговорахъ и положеніяхъ о сей матеріи, елико только возможно, въ общественныхъ терминахъ обращаться надобно будетъ, избѣгая всегда входить въ разсужденіе съ вашей стороны о точномъ установленіи мѣры и пропорціи нашихъ на Черномъ морѣ кораблей и судовъ, и о томъ, чтобъ оныя никогда уже въ вооруженныя превращаемы быть не могли. Если вы въ теченіе переговоровъ вашихъ, познавъ образъ и расположеніе мыслей турецкихъ министровъ, усмотрите, что отзывъ вашъ можетъ вѣроятнымъ образомъ навлечь одно изъ сихъ слѣдствій: въ такомъ случаѣ лучше уже будетъ

совсѣмъ отъ онаго воздержаться, а уступку требованія объ островѣ обратить тогда единственно, какъ и выше сказано, въ облегченіе другихъ нужныхъ кондицій.

Между прочимъ можно кажется тутъ будетъ постараться о склоненіи, пристойными представленіями, турецкихъ полномочныхъ на то, чтобъ на основаніи возобновляемаго между обѣими имперіями мира и открытой за онымъ дружбы, Порта въ явное изъявленіе истинной своей склонности къ утвержденію взаимнаго дружелюбія, обѣщала и дѣйствительно доставила съ своей стороны флоту россійскому, для скорѣйшаго его въ отечество возвращенія, всѣ тѣ припасы и снаряды, кои оному къ столь дальнему плаванію необходимо нужны быть могутъ, полагая въ постановляемомъ о томъ артикулѣ за основаніе, что для флота нашего ничего изъ прихоти излишняго требовано не будетъ, кромѣ самыхъ необходимыхъ нуждъ, и что взаимно Порта всѣ оныя безъ затрудненія немедленно доставить велитъ.

Впрочемъ о всѣхъ въ Греціи и Архипелагѣ христіанахъ, кои въ дѣлахъ нашихъ приняли каковое либо участіе, собою разумѣется, что они точнымъ объ нихъ въ своемъ мѣстѣ упоминовеніемъ долженствуютъ воспользоваться генеральною, по инструкціи вашей выговариваемою, амнистіею, съ подтвержденіемъ ихъ правъ, вольностей и преимуществъ.

Екатерина.

Въ Санктъ-Петербургѣ, Апрѣля 21 дня 1772 года.

## СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ.

22 Апрѣля 1772 г. По поводу отправленія контръ-адмирала Чичагова съ эскадрою въ Средиземное море. Напеч. въ Сборникѣ, т. I, стр. 80.

## 2196) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ФЕЛЬДМАРШАЛУ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

Милостивый государь мой графъ Петръ Александровичъ. Искреннѣйшая моя преданность и дружба къ в. с-ву сугубо меня обязываютъ препроводить сими строками Алексѣя Михаиловича Обрескова, и какъ вѣрнаго, просвѣщеннаго и заслуженнаго патріота, и какъ моего истиннаго друга. Покорно прошу, милостивый мой другъ, почтить его вашею полною довѣренностью, яко человѣка совершенно того достойнаго, и такого, который конечно не въ состояніи никогда нарушить обѣта честности и употребить во зло оную. Ваше же с-во можете въ откровенности свѣдать отъ него истинное дѣлъ

[1]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки Имп. Екатерины II, св. 3.

нашихъ здѣсь положеніе, и получая онымъ ближайшій свѣтъ, будете лучше въ состояніи распоряжать ваши разсужденія и мѣры, . . . сославшись таковымъ образомъ на откровенныя вамъ предъявленія сего честнаго, твердаго и благоразумнаго мужа. Пребываю и проч.

С.-Петербургъ, 22 Апрѣля 1772 г.

## 2197) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ РЕЗОЛЮЦІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Секретарь посольства при Имперскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ, Штруве, въ реляціи отъ 30 Апрѣля 1772 г. доносилъ о томъ, что начальникъ стеклянныхъ заводовъ въ городкѣ Лорѣ близъ Вюрцбурга, Гейнрици, предложилъ свои услуги для заведенія такихъ же заводовъ въ Россіи, съ изложеніемъ своихъ условій.

*Всякому вольно фабрику завести въ Россіи, а казнъ до сего дѣла нѣтъ.*

## СОБСТВЕННОРУЧНОЕ НАЗНАЧЕНІЕ ИМПЕРАТРИЦЕЮ ЕКАТЕРИНОЮ ЛИЦЪ ДЛЯ МИРНАГО КОНГРЕССА СЪ ТУРКАМИ.

Апрѣль 1772 г. Напеч. въ Сборникѣ, т. XIII, стр. 232.

## СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ЧЕРНОВОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ АДМИРАЛУ НОЛЬЗУ.

Апрѣль 1772 г. О положеніи дѣлъ на Дунаѣ, о дальнѣйшихъ тамъ распоряженіяхъ и одной статьѣ мирнаго договора. Напеч. въ Сборникѣ, т. XIII, стр. 232—237.

## 2198) ДОКЛАДЪ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНОЙ РЕЗОЛЮЦІЕЙ ИМПЕРАТРИЦЫ [2]).

(Въ Коллегію возвращенъ съ высочайшей Ея Императорскаго Величества конфирмаціей 2 Мая 1772 г.).

Въ докладѣ, подписанномъ графомъ Н. И. Панинымъ и княземъ А. М. Голицынымъ, Коллегія проситъ Императрицу пожаловать 300 рублей оставшейся безъ пропитанія съ малолѣтними дѣтьми вдовѣ находившагося для заграничныхъ посылокъ, съ 1759 г. при Кіевской губернской канцеляріи, Данцигскаго уроженца Ивана Шеферова,

[1]) М. Г. А. Регенсбургъ, III, св. 14. Подлинникъ въ Имянныхъ указахъ 1760—1779 г. по Публичной Экспедиціи, № 334.

[2]) М. Г. А. Имянные указы 1768—1778 гг., лл. 279—780.

который въ 1768 г. былъ отправленъ изъ Константинополя, съ извѣстіемъ о заключеніи въ Семибашенный замокъ резидента Обрескова, въ Кіевъ, Варшаву и Петербургъ, но заболѣлъ по дорогѣ и умеръ въ Новгородѣ.

*Дать ей пятьсотъ рублевъ.*

## 2199) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 6 КЪ ПОСЛУ САЛЬДЕРНУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

Au moment où j'ai reçu le courrier qui m'a apporté le № 27 et 28 de vos lettres d'office, le premier portant la nouvelle de la prise du château de Cracovie et le second celle de l'entrée des trouppes Autrichiennes en Pologne, j'étais occupé à en expédier un à V. E. relativement à ce dernier objet, et c'est cette intention que j'exécute le même jour de la réception de vos lettres. J'ai donc l'honneur de vous communiquer, m-r, l'extrait d'une dépèche du prince Kaunitz au prince Lobkovitz, contenant la communication à notre cour de cette démarche de celle de Vienne et les réclamations qui peuvent y appartenir, de plus une apostille en français de ce même ministre pour se concerter avec moi sur ce qu' il y aurait à faire connaître aux Polonais à cette occasion et sur ce point mon sentiment tel que je l'ai donné confidemment au prince Lobkovitz. Mais avant de passer aux instructions, dont je dois munir V. E. pour sa conduite dans ce moment, je dois la prévenir que la cour de Vienne s'est ouverte à nous sur la part qu'elle voudrait pour elle des possessions de la Pologne, confidence que je ne vous fais, m-r' que pour votre seule connaissance et votre direction personnelle, et que vous aurez toute entière, au moyen de la copie ci-jointe de l'article même proposé par la cour de Vienne, à insérer dans notre convention. Nous trouvons la demande forte et éloignée de l'égalité, convenue par la déclaration échangée entre les trois cours, et nous cherchons à la reduire; je dois aussi vous ajouter que le prince Kaunitz n'en a fait la proposition qu'avec beaucoup de discretion et d'offres de déférence à nos avis sur les changements dont elle peut être susceptible, s'excusant sur ce que les connaissances et les informations locales lui manquent entièrement; et d'après cela nous devons penser que nous ne trouverons pas de difficulté majeure à les faire entendre aux restrictions que nous souhaitons y mettre. Je suis occupé actuellement de cette nouvelle détermination de leur partage d'après les idées à peu près sur lesquelles nous nous sommes concertés préalablement avec le roi de Prusse; j'en remettrai un de ces jours la proposition au prince Lobkovitz, et alors je ne manquerai pas

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 31.

de vous mettre dès à présent un peu plus à votre aise, je vais vous confier que nous pensons à fixer ainsi la nouvelle limite des Autrichiens, savoir: le cours du Dniester entre la Podolie et la Pokutie, depuis le point où cette rivière touche la Moldavie, en remontant jusqu'à Komniski ou quelqu'autre point en deçà de Sambor, et de là par une ligne qui laissera de côté le district de Léopol et le palatinat de Bielsk, jusqu'à la rivière de Wieprz et descendant cette rivière jusqu'à son embouchure dans la Vistule, ensuite le cours de la Vistule, en la remontant jusqu'à l'embouchure de la rivière Dunajec et le cours de celle-ci jusqu'à la Hongrie, ou une ligne tirée de quelque point de son cours qui irait gagner la frontière de la Silésie, mais toujours laissant de côté l'emplacement des salines; de sorte que cet objet, aussi bien que Léopol et son district et le palatinat de Bielsk, est proprement ce que nous voulons retrancher de la portion des Autrichiens; car s'il s'agit de leur laisser cet angle de la Pokutie en deçà du cours du Dniester, aussi bien que cette pointe au-delà de la Wieprz jusqu'à Parchew, je crois que nous y consentirons.

Comme ceci n'est encore que notre propre sentiment, il faut nous donner bien de garde de lui donner déjà l'air et la valeur d'une chose convenue; ainsi, quoique cela doive vous servir en quelque sorte de boussole dans vos arrangements, il faut éviter soigneusement que ces arrangements ne trahissent une volonté déterminée de les circonscrire dans ces limites. En venant à prèsent aux arrangements que vous avez à prendre, vous voyez, m-r, que dans mon sentiment donné au prince Lobkovitz, j'ai demandé que les corps de nos troupes, répartis dans des postes qui doivent être du partage des Autrichiens, doivent y être maintenus, et qu'afin que tout se fasse dans le meilleur ordre et la meilleure harmonie, il sera à propos que les commandants Autrichiens s'entendent et se communiquent amicalement avec les nôtres, tant de la grande armée que du corps de Pologne, soit pour la position des troupes respectives, soit pour la formation des magazins de part et d'autre. Le prince Lobkovitz a reçu cette proposition et l'a déjà envoyée à sa cour, en y représentant la nécessité absolue d'un tel arrangement pour nous, pour la subsistance de notre armée en Moldavie; et il a même proposé, pour plus d'exactitude, qu'au lieu d'une simple correspondance il fût envoyé des officiers pour s'aboucher avec les nôtres, de sorte que je ne doute point que les ordres ne soient déjà expédiés aux commandants Autrichiens de se conduire en conséquence. De notre part nous avons déjà aussi fait parvenir des instructions au comte Roumiantzof, en vertu desquelles il usera de cette raison du maintien des corps nécessaires à la subsistance de son armée, de façon à tenir les Autrichiens éloignés de Léopol et de son district et du palatinat de Bielsk. Ce que vous aurez

donc à faire de votre côté, vous et m-r de Bibicof, c'est d'arranger les choses de façon que par la même raison du maintien de vos postes et de la subsistance des troupes, vous teniez toujours garnie cette partie du palatinat de Cracovie que nous voulons retrancher de la portion des Autrichiens, et surtout l'emplacement du district où sont situées les salines, et que vous déclíniez honnêtement et poliment toute occupation de ces endroits de la part des Autrichiens. Tout cela devra se faire de la meilleure façon et ne présentant autre chose que le besoin absolu d'en agir ainsi pour faire subsister les troupes et soutenir les affaires contre les confédérés.

Cette direction, m-r, est l'ordre précis de l'Impératrice, que j'ai l'honneur d'inscrire ici, et afin de mettre m-r le général Bibicof en état d'y régler toutes les dispositions, je vous prie de lui lire cette dépêche en entier et de le prier de la regarder comme commune a lui et à V. E. J'ai l'honneur d'être etc.

A St-Pétersbourg ce 5 Mai 1772.

## 2200) СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ВОПРОСНЫЕ ПУНКТЫ ИМПЕРАТРИЦЫ ВЪ КОЛЛЕГІЮ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ [1]).

1. Много-ли министровъ, у какихъ дворовъ, и что имъ жалованья персонально?

2. Много-ли при нихъ канцелярскихъ служителей и что кому изъ нихъ жалованья?

3. Много-ли членовъ въ Иностранной Коллегіи и что имъ жалованья?

4. Много-ли канцелярскихъ всякаго званія людей, начинавъ отъ оберъ-секретарей или иныхъ званій чиновныхъ, и много-ли кому жалованья?

5. Какіе теперь экстраординарные и единовременные наряды изъ оной Коллегіи, и куда и сколько на нихъ расхода считается?

6. Сколько на Коллегіи долговъ и сколько она считаетъ, что ей должны?

Сочинить о семъ реэстры и подать оные къ намъ къ 1 чи: Іюня сего 1772 года.

Екатерина.

Мая 7 ч. 1772 г.

Прислано въ Коллегію отъ его с-ва графа Никиты Ивановича 9 Мая 1772 г.

---

[1]) М. Г. А. Именные указы по Публичной Экспедиціи № 332; книга штатовъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

## 2201) РЕСКРИПТЪ № 2 КЪ ПОСЛУ САЛЬДЕРНУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

Изъ приложенной при семъ копіи съ доношенія Торопецкаго помѣщика, секундъ-маіора Челищева, поданнаго въ нашу Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, усмотрите вы, какое претерпѣваетъ онъ раззореніе по причинѣ бѣглыхъ его людей и крестьянъ, кои жительство имѣютъ съ даннаго времени за польской границей за разными тамошними владѣльцами, и коихъ, по предъявленной отъ него при томъ вѣдомости, одного мужескаго пола имѣетъ быть девяносто девять душъ, да и вновь еще туда же бѣжали отъ него, въ 1759 и 1770 годахъ, крестьяне его Михайла и Агаѳонъ Логиновы съ женами и дѣтьми и со всѣмъ ихъ семействомъ, кои въ жительствѣ находятся понынѣ, города Полоцка, за старостой Мартиномъ Рипинскимъ, въ деревнѣ Свѣтлищевѣ; и хотя отъ находящагося въ Великолуцкой провинціи нашего пограничнаго коммиссара домогательства о выдачѣ сихъ бѣглецовъ и чинены были у польскаго пограничнаго коммиссара Суморока, но ничего болѣе по тому не послѣдовало, какъ только что онъ, Суморокъ, къ показанному Рипинскому далъ объ ономъ письмо, по которому онъ никакого удовольствія не сдѣлалъ и означенными бѣглецами понынѣ владѣетъ, кромѣ одного Агаѳона Логинова, который имъ возвращенъ. Мы посему рекомендуемъ вамъ въ пользу его, Челищева, стараніе и домогательство ваше употребить у двора и министерства польскаго, сообщая оному и вышепоказанную вѣдомость, съ требованіемъ, чтобъ накрѣпко подтверждено было указомъ королевскимъ помянутыхъ бѣглецовъ выдать въ здѣшнюю сторону; а впрочемъ, если дозволятъ тамошнія обстоятельства, и вы за способно усмотрите, можете къ возвращенію означенныхъ бѣглецовъ употребить другое средство, увѣдомя объ ономъ обстоятельно находящагося въ городѣ Невлѣ съ командою бригадира Энгельгарта, или кого другого, чтобъ онъ приказалъ тѣхъ бѣглецовъ, сколько ихъ тамъ найтиться можетъ, забирать и посылать ихъ къ ближнимъ форпостамъ для препровожденія на прежнее жилище, не касаясь при томъ польскихъ подданныхъ и не дѣлая имъ обидъ. И пребываемъ вамъ и проч. Данъ въ С.-Петербургѣ, Мая 11 дня 1772 г.

По Ея Императорскаго Величества указу подписанъ по сему:

Графъ Н. Панинъ.

Князь А. Голицынъ.

## 2202) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ РЕЗОЛЮЦІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ [2]).

Въ письмѣ отъ 11 Мая 1772 г. резидентъ въ Гамбургѣ Гроссъ извѣщалъ графа Н. И. Панина о томъ, что первый министръ Мекленбургъ-Шверинскаго двора, графъ Бассевичъ, предложилъ ему купить коллекцію гравюръ покойнаго Голштинскаго оберъ-камергера Берхгольца, для уплаты долговъ послѣдняго.

Я сіе собранье знаю. Напишите къ Гроссу, чтобъ онъ ее купилъ для меня и во что станетъ, о томъ увѣдомьте господина Олсуфьева для заплату денегъ.

---

[1]) М. Г. А. Польша III, св. 31.

[2]) М. Г. А. Гамбургъ III, св. 8. См. ниже № 2288.

## 2203) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ № 4 КЪ КН. В. М. ДОЛГОРУКОВУ [1]).

Нашему генералу князю Долгорукову. По случаю присланнаго нынѣ вновь отъ Запорожскаго войска прошенія о выдачѣ старшинамъ онаго жалованія, посылаемъ къ вамъ при семъ копіи какъ съ сего его прошенія, такъ и съ отправленныхъ къ предмѣстнику вашему, отъ 2-го Октября 1769 г. и 19 Марта 1770 г., рескриптовъ нашихъ, съ такимъ по тому соизволеніемъ, что мы, уважая оказанныя симъ войскомъ въ настоящую войну усердіе и храбрость, и не смотря что по содержанію помянутыхъ рескриптовъ получило оно довольное уже награжденіе, согласны учинить нынѣ такое же награжденіе и онаго старшинамъ; и вслѣдствіе того повелѣваемъ вамъ выдать оное, по приложенному при семъ же росписанію, всѣмъ тѣмъ изъ нихъ, кои дѣйствительно внѣ границъ своихъ противъ непріятеля служили. Мы надѣемся, что войско Запорожское такою монаршею нашей милостію совершенно будетъ удовольствовано, и ожидая доношеній вашихъ о исполненіи по сему, пребываемъ, какъ и всегда, Императорскою нашею милостію вамъ благосклонны.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, 12 Мая 1772 года.

Екатерина.

## 2204) ПРОЕКТЪ РЕСКРИПТА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ А. И. БИБИКОВУ [2]).

Увѣдомяся, изъ реляціи вашей отъ 21-го минувшаго Апрѣля, что Краковскій замокъ исторгнутъ наконецъ изъ рукъ мятежныхъ, мы восхотѣли изъявить вамъ симъ наше благоволеніе за ваши благоразумныя, въ семъ предпріятіи, распоряженія. Подъятые въ томъ случаѣ, нашимъ генералъ-маіоромъ Суворовымъ и всѣмъ употребленнымъ съ нимъ нашимъ войскомъ, труды, а притомъ и безкорыстіе реченнаго генералъ-маіора, заслужили также благоволеніе наше; и въ знакъ сего мы всемилостивѣйше жалуемъ ему тысячу червонныхъ и бывшимъ съ нимъ оберъ и унтеръ-офицерамъ и рядовымъ пять тысячъ рублей, повелѣвая выдать имъ оные изъ контрибуціонной суммы, по вашему разсмотрѣнію.

Въ Царскомъ Селѣ, 12 Мая 1772 года.

---

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3.

[2]) М. Г. А. Польша, X, св. 2.

## 2205) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КНЯЗЮ Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ [1]).

С-Петербургъ, 16 Мая 1772 года.

Милостивый мой государь, князь Дмитрій Михайловичъ.

Пользуясь отправленіемъ отъ кн. Лобковича курьера ко двору его, имѣю честь сообщить здѣсь в-му с-ву три піесы, кои вчера вручилъ я сему министру, на бывшей у меня съ нимъ конференціи, и съ коими онъ сего курьера отправляетъ. Высочайшая служба требуетъ, чтобъ я вошелъ съ в-мъ с-мъ въ нѣкоторое объясненіе по содержанію оныхъ, для того токмо, чтобъ вы въ своихъ отзывахъ тѣмъ способнѣе могли дать познать князю Кауницу справедливость и безпристрастіе, на коихъ виды и желанія наши основываются. Первую піесу найдете в-ше с-во здѣсь подъ титуломъ Observations etc.; въ ней изъясняется все то, что мы, по внутреннему признанію совѣсти и чести, достовѣрно вѣдаемъ о той части поссессій республики Польской, которая должна достаться на долю Вѣнскаго двора. Удѣлъ ихъ таковой, каковымъ мы его полагаемъ, есть гораздо больше пространствомъ доли короля Прусскаго; преимуществуетъ онъ предъ нею и плодородіемъ, и знатнымъ числомъ людей. Правда, что доля Вѣнскаго двора менѣе нашей пространствомъ; но нѣтъ сравненія между ними въ разсужденіи доброты земли и преимущества продуктовъ, умалчивая о томъ, что ихъ часть гораздо нашей многолюднѣе и слѣдственно доходнѣе. Не скрываемъ мы того, что новыми пріобрѣтеніями укорочиваемъ мы границы наши и доставляемъ себѣ отъ того происходящія выгоды, и что доля короля Прусскаго есть великія политическія важности, чрезъ округленіе и соединеніе его владѣній; но если кажется, что Вѣнскій дворъ имѣетъ напротивъ того неудобство расширить и продлить свои границы, то въ самомъ дѣлѣ они, приближаясь къ резиденціи и такимъ образомъ входя въ центръ Польши, доставляютъ Вѣнскому двору среди сего сосѣдняго государства отличное уваженіе и тому соразмѣрную инфлюенцію. Сіе само собою уже есть не малыя цѣны, но дѣйствительное преимущество Вѣнской доли предъ двумя другими состоитъ неоспоримо въ числѣ людей и въ добротѣ земли; а посему и надобно сказать по самой справедливости, что мы точность равенства переступаемъ конечно не не въ пользу Вѣнскаго двора. В-ше с-во все сіе усмотрите съ большими подробностями въ помянутой піесѣ. Мы ласкаемъ себя, что Вѣнскій дворъ, разобравъ всѣ предлагаемые нами резоны, увидитъ самъ справедливость оныхъ; но тѣмъ не меньше я имѣю честь препоручить в-му с-ву, благоразумными отзывами вашими, доказывать

[1]) М. Г. А. Австрія, III, св. 24.

князю Кауницу истинность и справедливость нашихъ намѣреній, дабы новоустановленная политическая система между тремя столь знатными державами, со взаимнымъ знатнымъ же каждому изъ нихъ пріобрѣтеніемъ, не только бъ не произвела новыхъ интересовъ зависти, но паче, если бы и прежде таковые настояли, то бъ важностію сей системы оные помрачиться могли. В-ше с-во изволите найти здѣсь еще проектъ конвенціи. Я её такою формою акта составилъ для того, чтобы избѣжать всякихъ непріятныхъ споровъ въ расположеніи титуловъ и подписей уполномоченныхъ къ тому министровъ, такъ что по сей формѣ каждой стороны полномочный, описавъ общія по сосѣдству побудительныя причины, резоны и правы, постановитъ пріобрѣтенія и обязательства одного своего государя и самъ одинъ оной подпишетъ, для размѣны съ другимъ, такимъ образомъ, что мы съ Прусскимъ и Цесарскимъ министромъ, каждый особенно, съ каждымъ свою размѣну сдѣлаемъ, а тѣмъ самымъ избѣжимъ всѣхъ трудностей въ одномъ мѣстѣ титуловъ четырехъ государей. В-ше с-во также не оставите и по сему пункту стараться привести на соглашеніе принца Кауница. Послѣдняя піеса слѣдуетъ здѣсь подъ титуломъ: Проектъ манифеста, которымъ при Польскомъ дворѣ нужно будетъ объявить одновременно, отъ всѣхъ трехъ сторонъ, дѣйствительную поссессію частей каждаго. Онъ мною написанъ былъ прежде распоряженія проекта конвенціи, и потому всѣ четыре государя вмѣстѣ во многихъ мѣстахъ упоминаются. Я прошу в-ше с-во и о семъ объясниться съ княземъ Кауницомъ и ему сказать, что если форма конвенціи отъ нихъ принята будетъ, то и сей манифестъ, не перемѣняя ничего въ его силѣ и содержаніи, можно легко такъ обратить, чтобъ въ экземплярѣ, подаваемомъ при Польскомъ дворѣ отъ каждаго министра, былъ только именованъ его государь, а другія двѣ стороны тутъ могутъ быть вмѣщаемы подъ именованіемъ вообще сосѣдовъ. Въ заключеніе сего, повторяю в-му с-ву всегдашнія мои увѣренія и проч.

## 2206) ЗАМѢЧАНІЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ЧАСТИ, ИМѢЮЩЕЙ ОТОЙТИ КЪ АВСТРІЙСКИМЪ ВЛАДѢНІЯМЪ ПРИ РАЗДѢЛѢ ПОЛЬШИ [1]).

(Принадлежитъ къ письму графа Н. И. Панина къ кн. Д. М. Голицыну, въ Вѣну, 16 Мая 1772 года).

Observations fondées sur l'amitié et la bonne foi, par lesquelles on cherche à convenir de la part des possessions de la république de Pologne qui devra appartenir à la cour Impériale et Royale.

---

[1]) М. Г. А. Австрія, III, св. 24.

Dans le concert arrêté entre les trois cours pour exercer leurs droits et prétentions sur la Pologne, elles ne sauraient se dispenser d'en combiner les mesures et les effets sur des règles fixes et immuables, qui leur garantissent respectivement la solidité et l'avantage réel d'un tel arrangement.

1. Leur vue doit se porter sur l'état propre de la Pologne après le démembrement des provinces, qui entrent dans le partage des trois cours. Un intérêt évident leur fait souhaiter à l'une comme à l'autre, que ce royaume demeure à perpétuité une puissance intermédiaire entre elles, qui empêche la collision de leurs intérêts, et conséquemment qu'il conserve une force et une consistance intrinsèque analogue à une telle destination.

2. Le penchant seul des trois souverains à maintenir entre eux l'amitié et la bonne harmonie leur ayant fait adopter la voie actuelle de conciliation et de balance de leurs intérêts respectifs, elles préviendront avec des dispositions pareilles et un soin égal, que le partage de l'un ne préjudicie aux intérêts de l'autre, soit à ceux qui résulteront de son propre partage, soit à ceux déjà existants de ses anciennes possessions.

3. L'envie qui pourrait naître d'une trop grande inégalité dans les nouvelles acquisitions serait une semence d'altérations à la bonne union des trois cours qu'elles ne désirent pas moins de prévenir, et à cet effet, outre les principes d'équité qui les sollicitent, elles ont signé et échangé entre elles un engagement, par lequel elles statuent que la portion de l'une n'excédera point la portion de l'autre.

4. Comme une telle égalité ne saurait être si parfaite et si stricte en tout point, que chacune des trois parts comporte la même étendue de pays, la même fertilité du sol, la même population, ni enfin la même valeur politique, elles sont trop justes, trop éclairées et trop parfaitement d'accord entre elles pour ne pas admettre, que ce qui manquera à l'une ou l'autre part, dans quelques uns de ces avantages, devra être compensé par un excédent dans les autres.

C'est conformément à ces règles, qui ont pour base la justice, la saine politique, la bonne foi et l'amitié mutuelle, que la cour de Russie s'est permis d'entrer dans quelques considérations sur le plan communiqué par m-r le p-ce Lobkovitz du partage de sa cour, et elle s'expliquera sur ce qu'elle y trouve d'embarassant avec la sincérité et la confiance qui doivent caractériser l'arrangement de pareils intérêts.

D'après les connaissances générales qu'on a de la Pologne, on sait que les pays propres pour former la part de la cour de Vienne sont comptés entre les provinces les plus fertiles de ce royaume, soit pour l'abondance, soit pour la qualité supérieure des productions. La population et les revenus étant deux objets qui, toute autre circonstance égale, se règlent sur la fertilité d'un pays, il s'ensuivrait que la part de la cour de Vienne, étant en étendue le triple de celle du roi de Prusse et

la surpassant dans bien des parties pour la bonté du sol, puisque la Pomérélie, qui fait un des morceaux les plus étendus du partage de ce prince, est un pays sablonneux et inculte, cette cour acquererait infiniment plus de sujets et de revenus que celle de Berlin.

Comparée à celle de la Russie, quoiqu'elle ne lui fut qu'à peu près égale pour l'étendue, comme il est notoire que les pays qu'acquiert la Russie ne sont la plupart que bois, marais et terrains sablonneux et n'ont aucune production qui entre en comparaison avec celles du partage de la cour de Vienne, il s'ensuit que la population et les revenus des deux parts, loin de se trouver en quelque égalité, différeraient au moins du double, et c'est ce qui sera incontestable pour qui connait la différence prodigieuse d'un sol à l'autre. L'inégalité se trouve telle, qu'il serait permis d'avancer, sans risquer de se tromper, que le partage de la cour de Vienne équivaudrait lui seul aux deux autres: excédent trop grand, pour qu'on puisse essayer de le balancer par d'autres avantages, conséquemment très difficile à assortir avec les vues respectives des trois cours.

Le point d'où commence la ligne du partage de la cour de Vienne présente aussi quelques inconvénients dignes d'attention. On sentira à la simple inspection de la carte, que cette ligne enclave trop les frontières de la Silésie prussienne. Elle couperait la communication de cette partie des états du roi de Prusse avec la partie correspondante de la Pologne, nuirait au débouché et à l'importation respective des productions propres à chacune et transporterait sous une autre relation la rivalité dans les productions communes à toutes les deux; d'où la prudence ne saurait manquer de prévoir mille occasions désagréables à des collisions d'intérêts, contre les intentions et le voeu des souverains.

Relativement au maintien de la Pologne dans une consistance de puissance intermédiaire, il est à propos de se faire une idée de ce qu'est pour la nation Polonaise la ville de Léopol et son territoire. Cette ville de temps immémorial est et doit être le rendez-vous général de la nation Polonaise, où elle fait chaque année toutes les amodiations et tous les contrats et où elle tient en depôt ses archives et ses documents. Le démembrement d'une telle ville et de son district jetterait toute la nation dans la plus grande confusion et donnerait une secousse terrible à la consistance du corps de l'état. Non seulement après on ne pourrait plus compter la Pologne dans cet état de puissance intermédiaire, où la souhaite l'intérêt fondamental des trois cours; elles y verraient perpétuer tous les maux des troubles intérieurs, qu'elles ont aujourd'hui en vue de guérir, et qui causent des préjudices si notables au repos et au bien-être de leurs propres sujets.

A cette considération il faut encore ajouter la perte des salines

dans le palatinat de Cracovie, enclavées dans le plan de partage, qui font le seul objet certain de la subsistance du roi de Pologne. L'état ne pourrait remplacer ce vide que par un changement et une grande diminution dans les biens de la noblesse, c'est-à-dire les starosties qui forment un si grand revenu pour elle, dont elle perdra sans celà beaucoup par toutes celles qu'il faudra convertir en économies royales, pour remplacer la perte de plusieurs terres de la couronne, enclavées dans le partage des trois cours; ce qui augmenterait encore la confusion et l'affaiblissement intérieur dans le royaume.

Dans la nécessité absolue de chercher à obvier à ces différents inconvénients, la cour Impériale de Russie ne balance point à s'en ouvrir de bonne foi à la cour Impériale et Royale, en la priant d'admettre des tempéraments dans ses acquisitions et d'agréer qu'elles soient déterminées par une nouvelle ligne, qu'elle lui propose avec toute la confiance de l'équité et de l'amitié.

Cette ligne commencerait des frontières de Hongrie, à la source d'un bras de la rivière Dunajec, pareillement nommé Dunajec, et suivrait le cours de ce bras faisant le tour de Novitarg jusqu'à la rivière même de Dunajec; ensuite le cours de celle-ci jusqu'à l'endroit, où elle se jette dans la Vistule. De là la limite suivra le cours de la Vistule jusqu'à l'embouchure de la Wieprz, d'où en remontant cette rivière jusqu'à une autre petite rivière, nommée la Wieprz, elle suivrait le cours de cette petite rivière jusqu'à Parchew; de cet endroit elle descendrait le long de la frontière particulière du palatinat de Brzesc en Lithuanie et irait gagner la rivière du Bug, au point où cette rivière entre dans la frontière du dit palatinat; de là elle suivrait le cours du Bug jusqu'à la frontière particulière du palatinat de Bielsk, d'où elle descendrait, en suivant la frontière commune de ce palatinat et la terre de Chelm, jusqu'au point de Zulkiew, d'où descendant le long du territoire de Lemberg, elle suivrait la frontière particulière de ce territoire et viendrait gagner le Dniester, laquelle rivière depuis ce point ferait la limite jusqu'à la Moldavie, ensuite les frontières de Moldavie jusqu'à la Transylvanie. Au moyen de quoi on laisserait à la république de Pologne l'article si important de ses principales salines dans le palatinat de Cracovie, la petite portion du palatinat de Russie ou de la terre de Chelm au delà du Bug, tout le palatinat de Bielsk, la ville et territoire de Lemberg et la petite portion de la Pokutie ou terre de Halicz, de l'autre côté du Dniester, qui en soi même ne saurait avoir aucune considération ou valeur importante, mais dont l'exception sert à favoriser une frontière naturelle par le cours du Dnieper (sic!).

La façon magnanime de penser et d'agir de Leurs Majestés Impériales et Royales ne laisse point de doute à la cour de Russie, qu'elles n'entrent

dans les considérations de l'équité de ce nouveau partage, et elle s'en flatte d'autant plus que Leurs Majestés, y trouvant une parfaite égalité avec le partage des deux autres cours, y jugeront pour elles mêmes, sous quelque regard, une supériorité d'avantages.

Ce partage sera toujours d'une bien plus grande étendue que celui du roi de Prusse, et l'emportant dans quelques parties pour la fertilité, lui sera de beaucoup supérieur pour la population. Quoique moins étendue que celle de la Russie, comme il n'y a aucune comparaison à faire de la bonté du sol, de la quantité de pays cultivé et cultivable et de la qualité des productions, elle se trouve être beaucoup plus peuplée et importer, par les mêmes raisons, de plus grands revenus.

On est trop vrai pour ne pas convenir, que dans une telle évaluation il ne faut pas moins tenir état de la valeur politique, et à cet égard la Russie est prête à passer pour elle même tous les aveux que porte sa situation. Ses nouvelles acquisitions lui donnent l'avantage de raccourcir la frontière, de l'avoir plus nette, plus naturelle et plus clairement désignée et à ce moyen elle espère d'être à l'abri à l'avenir de toutes les molestations et les excès que ses sujets ont eu à souffrir des Polonais. Ses possessions se trouveront moins mélées et confondues avec celles de la Pologne, et conséquemment moins exposées au contrecoup subit de tous les désordres qui se passent dans leur voisinage. Elle ne craint point d'avouer aussi que la part du roi de Prusse, par l'arrondissement et la connexion qu'elle donne à ses possessions, est de la plus grande considération politique. Il parait au premier coup d'oeil que la cour de Vienne a au contraire l'inconvénient d'étendre ses frontières et de les allonger; mais par le fait même elle en est dédommagée par un avantage qui lui est personnel: c'est que le point qui les avance jusqu'à quinze milles de la résidence, et ainsi au centre du royaume, lui assure évidemment au milieu de cet état voisin une considération et une influence qui y est proportionnée. Or, cet avantage étant encore une compensation politique, tandis qu'il en existe déjà une autre réelle dans la supériorité de la population de sa part sur la population respective des deux autres, on se persuade d'avoir trouvé les proportions les plus justes, les plus naturelles et les plus satisfaisantes pour elle même.

## 2207) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ А. И. БИБИКОВУ [1]).

Пребывающій въ Польшѣ нашъ полномочный посолъ, имѣя отъ насъ повелѣніе сообщить вамъ о томъ, чего, вслѣдствіе соглашенія

[1]) М. Г. А. Польша, X, св. 2.

нашего, Вѣнскаго и Берлинскаго дворовъ о извѣстномъ вамъ раздробленіи Польши, требуетъ Вѣнскій дворъ на свою долю, и что потому предпринялъ намѣреніе ввести въ тотъ свой удѣлъ нѣкоторую часть своего войска, не оставитъ дать вамъ свѣдѣніе и о томъ, что хотимъ мы исключить изъ сего ихъ требованія и вслѣдствіе того отклонить, дабы исключаемыя нами мѣста ихъ войсками наперед заняты не нашлись. По оному усмотрите вы, что съ нашей стороны отъ Вѣнскаго двора требовано было, чтобъ корпусы войскъ нашихъ, распредѣленные по тѣмъ постамъ, кои достаются на долю Австрійцевъ, тамо оставались, поелику нужда нашихъ дѣлъ того требовать будетъ; а дабы все дѣлалось въ наилучшемъ порядкѣ и въ наилучшемъ согласіи, то предложили мы Вѣнскому двору за приличное, чтобъ командующіе ихъ корпусами снеслись и согласились дружески съ командирами нашихъ войскъ, какъ первой арміи, такъ и польскаго корпуса, ради положенія обоюдныхъ войскъ и формированія магазейновъ съ обѣихъ сторонъ. Пребывающій здѣсь, Вѣнскаго двора министръ, князь Лобковичъ принялъ наше предложеніе и оное уже послалъ къ своему двору, представя притомъ необходимую для насъ нужду такового распоряженія, ради содержанія нашей арміи въ Молдавіи; а для большей точности предложилъ онъ, чтобъ, вмѣсто простой переписки, посланы были офицеры для словеснаго переговора съ нашими, такъ что чаятельно Австрійскимъ командирамъ и повелѣнія уже объ ономъ посланы. Съ нашей стороны даны также наставленія нашему генералъ-фельдмаршалу графу Румянцеву, въ силу коихъ подъ предлогомъ содержанія корпусовъ, нужныхъ ради пропитанія своей арміи, станетъ онъ держать Австрійцевъ далѣе Львова и его уѣзда и Бѣльскаго воеводства. Вамъ же симъ высочайше предписываемъ распорядить мѣры ваши такимъ образомъ, чтобы, подъ тѣмъ же предлогомъ пропитанія и содержанія вашихъ войскъ въ дѣйствіяхъ противъ возмутителей, держали вы всегда занятою нашими ту часть Краковскаго воеводства, которую мы хотимъ исключить изъ доли Австрійцевъ, а особливо тотъ дистриктъ гдѣ находятся соляные заводы. Надлежитъ вамъ съ ласковостію и съ пріисканіемъ лучшихъ, по локальному вашему свѣдѣнію, резоновъ отклонять всякое занятіе сихъ мѣстъ Австрійскими войсками, дабы все сіе имѣло единый видъ необходимой нужды поступать такимъ образомъ для содержанія войскъ и способствованія дѣламъ нашимъ противъ возмутителей. Впрочемъ пребываемъ вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны. Данъ въ Царскомъ Селѣ, 19 Мая 1772 г.

Екатерина.

## 2208) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ № 5 КЪ КН. В. М. ДОЛГОРУКОВУ [1]).

Нашему генералу князю Долгорукову.

Предпринятый вами, по изображеннымъ въ реляціяхъ вашихъ, подъ № 13 и 14, причинамъ, походъ съ остальною частію обсерваціоннаго корпуса къ Каменному затону мы за благо пріемлемъ. Присутствіе ваше близъ Крыма достаточно будетъ воздержать зломыслящихъ въ семъ полуостровѣ отъ противныхъ намъ поступковъ и споспѣшествовать также окончанію нашего о немъ намѣренія. Впрочемъ мы сумнѣваемся, чтобъ Порта была въ состояніи перевесть туда довольное число войскъ, да и похотѣла учинить сію попытку въ такое время, когда приступила она къ мирнымъ условіямъ и постановленію между тѣмъ перемирія; а думаемъ, что разглашено о семъ для единаго предъ нами оказательства, или же испытанія твердости Крымцевъ въ ихъ отторженіи. Но какъ бы то ни было, вы имѣете, пришедъ къ Каменному затону, расположиться тамъ или индѣ, гдѣ по вашему благоизобрѣтенію такимъ образомъ, дабы помянутое находящееся при васъ войско и въ Крымъ, и къ первой арміи тотчасъ обращено быть могло, какъ скоро въ одномъ нужда въ ономъ настоять будетъ, а о другомъ отъ командующаго первою арміею отъ васъ потребовано будетъ. Впрочемъ пребываемъ вамъ и проч. Данъ въ Царскомъ Селѣ, 19 Мая 1772 г.

Екатерина.

## 2209) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ДИРЕКТОРУ КАНЦЕЛЯРІИ СОВѢТА СТЕПАНУ ѲЕД. СТРЕКАЛОВУ [2]).

Въ реляціи изъ Варшавы отъ 20 Мая 1772 г. за № 11 командовавшій войсками въ Польшѣ, ген.-аншефъ А. И. Бибиковъ, просилъ о награжденіи, за военные подвиги при взятіи Кракова и ревностную службу, семи офицеровъ.

Степанъ Федоровичъ. Предложите, чтобы дали мнѣніе, чѣмъ тѣхъ наградить, кои при Краковской осадѣ были и кои еще не награждены?

## СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ.

25 Мая 1772 г. О мирныхъ переговорахъ съ Турціей. Напеч. въ Сборникѣ, т. I, стр. 80.

---

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3.

[2]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки Императрицы Екатерины II, св. 4. Ср. № 2180.

## РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ.

26 Мая 1772 г. О посылкѣ новыхъ военныхъ судовъ въ Архипелагъ. Напечатанъ въ Сборникѣ, т. I, стр. 81—82.

## 2210) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ [1]).

Царское Село, 26 мая 1772 г.

Послѣднимъ моимъ письмомъ отъ 21 Марта [2]) имѣлъ уже я честь увѣдомить ваше сіятельство, какъ о послѣдствіяхъ счастливаго перелома въ политическихъ началахъ Вѣнскаго двора, относительно къ войнѣ нашей съ турками, такъ и о дѣйствительномъ съ ихъ стороны соглашеніи на временное перемиріе и удержаніе оружія, по которому отсюда статскій совѣтникъ Симолинъ къ графу Петру Александровичу отправленъ былъ, для употребленія его въ трактованіе и постановленіе оныхъ. Съ того времени дѣла начали, съ самымъ непріятелемъ нашимъ, мало по малу приходить въ вящему сближенію, даже до того, что я, пишучи сіе письмо, считаю, что между тѣмъ перемиріе въ самомъ дѣлѣ уже заключено и подписано, а затѣмъ и къ вашему сіятельству отъ генералъ-фельдмаршала, прямо чрезъ Константинополь, отправлено формальное о томъ увѣдомленіе, дабы вы, съ своей стороны, въ равномѣрную негоціацію о перемиріи вступить и оную не меньше заключительнымъ образомъ кончить могли, на основаніи одинаковыхъ правилъ, кои вамъ изъ предыдущихъ рескриптовъ Ея Императорскаго Величества совершенно уже извѣстны и съ полною довѣренностію препоручены вашей стражѣ. Если я, сверхъ всякаго чаянія, ошибаюсь еще въ исчисленіяхъ моихъ о дѣйствительномъ теперь заключеніи и подписаніи конвенціи перемирія на твердой землѣ, въ таковомъ случаѣ прибытіе его сіятельства, братца вашего, къ арміи, слѣдовательно же и къ самому центру настоящихъ и будущихъ негоціацій, сдѣлаетъ въ томъ очень скоро полезный оборотъ изъятіемъ изъ среды повстрѣчающихся иногда между тѣмъ затрудненій. Даруй Боже, чтобъ патріотическій его подвигъ, увѣнчивая славу именъ вашихъ, оправдалъ, скорымъ, полезнымъ и прочнымъ миромъ, общую всѣхъ на оный возлагаемую надежду.

Хотя тройное соглашеніе, между Ея Императорскимъ Величествомъ, Вѣнскимъ дворомъ и королемъ Прусскимъ, объ удѣленіи на каждую сторону нѣкоторой части польскихъ смежныхъ земель, и не достигло еще совершеннаго окончанія своего, но я не сумнѣваюсь

---

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3.

[2]) См. выше № 2175.

однакожъ, что то скоро воспослѣдуетъ къ полному и взаимному всѣхъ сторонъ удовольствію. Мы упражняемся теперь въ опредѣленіи назначаемаго удѣла Вѣнскому двору, который между тѣмъ, съ предварительнаго съ нами согласія, вводитъ часть войскъ своихъ въ прилегшія къ границамъ его польскія области. Сіе обстоятельство можетъ скорѣе воспособствовать, нежели препятствовать мирной нашей съ турками негоціаціи, удостовѣреніемъ сихъ послѣднихъ, что Австрійцы ихъ оставили. Всегда пребуду я и проч.

## 2211) КОПІЯ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНАГО ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ПОСЛУ САЛЬДЕРНУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

26 Мая 1772 г.

Monsieur l'ambassadeur. Il y aurait longtemps que je vous aurais répondu, si je n'avais eu si mal au doigt, que je n'ai pu me servir de la main droite. Je m'en acquitte aujourd' hui. Je me souviens très bien de ma promesse; vous ne resterez pas plus longtemps dans la place, où vous vous trouvez, que vous y consentirez vous même; je conçois très bien le désagrèment que vous y devez avoir. Vous pouvez aller aux eaux et soigner votre santé, et vers le mois de Septembre je nommerai votre successeur, si vous êtes déterminé à quitter le poste que vous occupez présentement. Pour ce qui regarde votre seconde lettre, où vous me proposez d'écrire des mémoires sur le temps de la tutèle de mon fils, j'ai à vous dire qu'assurément personne n'est plus en état de le faire que vous, m-r, parce que vous y avez eu la plus grande part, seulement je vous prie instamment de ne point me faire à moi un habit des plumes d'autrui. Au reste soyez assuré de mon contentement pour les services que vous me rendez et de l'affection que je vous porte.

Catherine.

## 2212) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ [2]).

Въ письмѣ къ гр. Н. И. Панину отъ 27 Мая 1772 г. Прусскій посланникъ въ Петербургѣ, графъ Сольмсъ, писалъ: „Je joins encore l'extrait de la dernière dépêche du roi avec la copie du protocole de l'examen des nommés Woronetzky et Villars, qui se trouvent réunis à Spandau, par lequel toute l'intrigue de la lettre anonyme se trouve découverte et mise dans un jour à faire cesser toutes les inquiétudes... Le roi offre de

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 31.

[2]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки имп. Екатерины II, св. 4.

nouveau, si Sa Majesté l'Impératrice le sonhaite, de lui faire délivrer ces deux prisonniers à Memel et de les abandonner directement à sa disposition. V. E. voudra bien me faire savoir sur cela les intentions de Sa Majesté Impériale".

Dites au c-te Solms, en lui faisant mes remerciements, que je trouve que les deux garnements, dont il est question, sont si bien là où ils sont, que je me ferai une conscience de les déplacer.

## 2213) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ № 6 КЪ КН. В. М. ДОЛГОРУКОВУ [1]).

Нашему генералу аншефу князю Долгорукову.

По реляціи вашей, отъ 30 Апрѣля, о Запорожскомъ полковомъ старшинѣ Максимѣ Высоцкомъ, который самъ собою признаніе учинилъ въ бывшемъ у него, съ польскими мятежниками, соглашеніи и перепискѣ, касавшихся до возбужденія подданнаго нашего войска Запорожскаго къ измѣнѣ и къ соединенію съ помянутыми мятежниками, повелѣваемъ вамъ онаго старшину, за крѣпкимъ присмотромъ, отправить сюда, дабы со всею точностью узнать отъ него, по ближайшемъ разсмотрѣніи его состоянія, не съ безумства ли онъ на себя такое преступленіе показываетъ, или же и дѣйствительно въ томъ обращался, и пребываемъ вамъ въ прочемъ и проч.

Данъ въ Царскомъ Селѣ 31 Мая 1772 г.

Екатерина.

## 2214) RÉPONSE A LA NOUVELLE PROPOSITION DE L'ALLIANCE AVEC L'ANGLETERRE ET AUX CHANGEMENTS DEMANDÉS AU TRAITÉ [2]).

Раньше Іюня 1772 г. (безъ даты).

*Быть по сему.*

Le ministère Impérial de Russie a mis sous les yeux de l'Impératrice, sa Souveraine, les deux papiers, que lui a remis le lord Cathcart, ambassadeur de Sa M-té Britannique, le premier contenant l'avis important des nouvelles machinations de la France à la Porte au préjudice de la Russie, et par une suite de l'opposition que doivent faire en commun les deux cours à ces vues nouvelles et sinistres d'un ennemi caché, la proposition de perfectionner l'alliance naturelle qui subsiste entre l'Empire de toutes les Russies et la Grande Bretagne; le second contenant les changements avec lesquels la cour de Londres demande que ce traité soit conclu. Le ministère, après avoir pris les ordres de Sa Majesté Impé-

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3.

[2]) М. Г. А. Доклады, св. 3.

riale, a l'honneur de répondre à l'un et à l'autre conjointement dans ce mémoire. S. M. I. de toutes les Russies, qui variera aussi peu dans ses sentiments personnels pour le roi de la Grande Bretagne, que dans ses principes sur l'union des deux monarchies par un traité d'alliance, est aussi flattée que reconnaissante d'éprouver la même amitié de la part de S. M. Britannique, et la même attention vigilante aux intérêts naturels et indissolubles qui de tout temps unissent ces deux couronnes. La résolution que de son propre mouvement la cour de Londres a pris d'envoyer dans les mêmes mers, où la France a déjà fait parvenir quelques uns de ses vaisseaux, une escadre supérieure pour anéantir ses projets, est un service réel dont l'Impératrice se promet, pour sa propre cause, l'effet le plus utile, et l'intention seule qui l'a dicté lui marque tout ce qu'elle lui doit de reconnaissance. L'Impératrice est faite pour sentir l'étendue de ses obligations et rien ne remplira mieux son désir, que le moment où ses services pourront être d'une utilité réciproque et où elle pourra mettre en action son amitié si vraie et son estime pour la personne du roi, ainsi que sa prédilection pour la nation Britannique. Ce n'est que par l'effet de la franchise et de la cordialité avec laquelle deux souverains si amis doivent s'ouvrir l'un à l'autre, que la cour de Russie fixera l'attention de la cour de Londres sur cette réflexion aussi importante que naturelle, qui naît de la chose même et de l'objet présent; c'est qu'il n'est point d'évènement, ni même de démarche un peu signifiante en Europe, qui ne leur marque par des traits frappants, combien leur intérêt est commun et indissoluble, puisqu'avec l'intention de servir la Russie se trouvent inséparablement liés, et le soin de la propre dignité de la couronne de la Grande Bretagne, et cette obligation d'intérêt où la met sa position dans les affaires générales de l'Europe, d'empêcher qu'un système ne prenne une supériorité capable d'en troubler l'équilibre et ne se rende le maître d'étendre à son gré la guerre et d'entrainer, comme on le médite, un embrasement général. L'effet sans doute sera produit, et la partie motrice de tant d'affaires surcitées, depuis quelques années, à l'Empire de toutes les Russies par des vues de politique qui ne sont pas équivoques, sera contenue et restera, comme elle l'a fait jusqu' à présent, derrière le rideau. Le ministère ne parlera point ici à m-r l'ambassadeur de l'effet que cette démarche aura produit sur l'ennemi ouvert et déclaré de la Russie, la Porte, parceque m-r l'ambassadeur, avant la réception de ce papier, sera sans doute informé des termes dans lesquels se trouve actuellement à Constantinople l'article concernant la paix et la médiation. Il ne s'étendra point sur la bonne volonté personnelle de sa cour, ni sur le prix attaché aux bonnes intentions de celle d'Angleterre. Il appartenait trop à S. M. I. de sentir délicatement tout bon procédé et d'y répondre. En venant à l'objet même de la confection

du traité désiré et négocié depuis si longtemps, S. M. I. sent trop la force de l'intérêt qui unit les deux Empires, pour qu'elle n'estime pas au plus haut degré le moment qui viendra confirmer cet intérêt et mettre le sceau à ses propres sentiments; mais comme deux cours qui s'unissent avec de telles dispositions veulent le faire solidement et utilement, il faut, pour la dignité des souverains, pour la sûreté et l'avantage de leurs états, que leurs engagemens soient fondés sur une appréciation juste de leurs vrais intérêts, que les charges et les avantages d'une alliance comportent une réciprocité si non parfaite, du moins la plus approchante que la raison naturelle peut la déterminer.

L'union de la Russie et de la Grande Bretagne est faite pour montrer à l'Europe, qu'elles n'ont qu'un même intérêt et qu'elles sont disposées à faire cause commune dans tous les événements présents et futurs. Voilà leur objet, mais la négociation doit le remplir. Le point capital de la politique de la Russie est de comprendre la Turquie dans ses alliances. Elle est le „casus foederis" de toutes celles qu'elle a actuellement, et la Russie s'est engagée à n'en conclure que sur ce pied là. C'est en cela que consiste la difficulté à rapprocher les vues et les intérêts des deux cours, et elle existera toujours, à moins que d'autre part il ne se présente un intérêt aussi grand, qui puisse balancer, aux yeux de la Russie et de ses alliés, cette stipulation importante, ou que par quelque équivalent on ne fortifie la barrière contre son ennemi naturel et capital et procure à son empire la même sûreté de ce côté là que le ferait un traité.

Le ministère n'aura pas de peine à faire convenir m-r l'ambassadeur que le changement proposé d'étendre à toutes les mers d'Europe le secours en vaisseaux qu'on voulait restreindre à la Mer Baltique, ne remplit point l'objet. Premièrement, aussi longtemps que la Turquie est exclue du casus foederis, la limitation ou l'extension du secours et de son usage est très indifférente par rapport à elle, puisque contre elle ce secours ne sera jamais fourni. Secondement, quant à cette extension en elle même, si on réfléchit d'après des combinaisons purement morales, contre qui la Russie peut naturellement se trouver en guerre directe, on sentira d'abord que ce point, quoique d'ailleurs la Russie ait raison de le demander pour ne pas se lier les mains, n'est cependant pas une affaire capitale et aucunement un équivalent à son casus foederis si juste, si naturel et si important. D'ailleurs cette limitation même des mers d'Europe serait sujette à nombre d'interprétations et demanderait des spécifications géographiques dont un traité n'est guère susceptible.

L'article de la garantie qui suit immédiatement, S. M. I. y attache tout le prix qui lui est dû, et sa confiance dans la parole du Roi ne la distingue point d'un engagement consommé par les formes les plus

authentiques. Mais il y a bien des observations à faire sur cette garantie même, avant de la mettre en parallèle avec un traité qui lierait l'Angleterre à la Russie dans une guerre avec la Porte. Premièrement, une acquisition aussi peu utile à la Russie que la Tartarie Cubane ne vaudrait pas la peine qu'elle chargeât un allié d'une garantie d'ailleurs très difficile à exercer; une invasion dans le Cuban déférée à la puissance garante, ce ne serait qu'en traversant les gorges et le centre même des possessions de l'ennemi de la Russie que le remède pourrait être apporté sur les lieux. Secondement, quoique S. M. I. sente toute la valeur d'une garantie telle que celle de la Grande Bretagne, et qu'elle en reçoive la proposition avec la reconnaisance la plus parfaite, cependant elle ne peut encore la considérer que comme attachée conditionellement à la médiation. Troisièmement, il y a une observation qui n'aura certainement pas échappé au ministère Britannique: c'est que la Russie partagerait avec la Porte l'avantage de la garantie; souvent le cas de l'agression est difficile à discuter, mais toutefois si la Russie, en cas d'attaque reconnue de la part de la Turquie, trouve une défense, elle trouve aussi le garant en son chemin dans le cas, où, supposition faite, elle saurait que la Porte fait des préparatifs immenses dont elle est décidément l'objet, et qu'elle jugerait de la prudence de la prévenir et de porter la guerre dans ses provinces, plutôt que de l'attendre et de s'exposer à des dommages avec un tel ennemi, qu'une flotte peut venger avec éclat, mais qu'elle ne réparera jamais. Ces objets qui paraissent déjà si faibles à la cour de Russie pour balancer le casus foederis de ses alliances, se trouvent encore affaiblis par l'addition de la conversion du secours de terre, de la part de la Russie, en vaisseaux de guerre. Le ministère de Russie, en suivant les intentions sincères de la cour et la propre inclination à perfectionner l'alliance avec la Grande Bretagne, ne s'est refusé aucune peine pour trouver de la réciprocité dans cet article; il est obligé de s'avouer tout ce que cette nouvelle stipulation a d'onéreux et d'inégal. L'estimation faite dans l'engagement général du traité du secours de terre contre le secours de mer est de dix-mille hommes d'infanterie et deux mille de cavalerie contre 12 vaisseaux de ligne et de guerre, la liberté laissée à la Grande Bretagne de demander la conversion de ce secours, ne peut rien changer à la force du secours. Il y aurait une disproportion contraire à l'intérêt et à la dignité de la Russie à fournir 14 vaisseaux, lorsque son allié n'en fournit que 12, et la réciprocité est absolument mise de côté, si la liberté de la conversion n'est qu'en faveur d'une seule des parties contractantes. L'extension du casus foederis à toute attaque faite hors de l'Europe sur les possessions ou vaisseaux de S. M. Britannique, ou de ses sujets, par des puissances Européennes, est en soi même une obligation si étendue et si onéreuse, qu'elle ne pourrait être balancée

par aucun équivalent en faveur de la Russie. La rivalité du commerce aux Indes orientales et occidentales est une source aussi fréquente qu'intarissable de discussions et de guerre entre les puissances Européennes, dont les maux peuvent être balancés pour chacune d'elles par les profits et les avantages immenses de ces établissements; mais il sera toujours contre la politique d'une puissance qui ne se trouve point dans le cas de participer à ces avantages, de faire un cas de son alliance de querelles aussi étrangères, aussi éloignées et aussi contraires à sa constitution. Et c'est encore dans la circonstance présente que la Russie multiplierait à un tel point ses obligations et les occasions de guerre; elle supporte seule depuis deux années le poids de la guerre contre son ennemi le plus naturel et le plus formidable, et par les succès, dont Dieu a béni ses armes, elle touche au moment de se voir débarassée de ce fardeau par une paix glorieuse et solide; le repos et la tranquillité, dont elle ne se dissimule point le besoin, va succéder à des embarras, à des dépenses qui n'ont point été partagés avec elle; voilà sa position. Et de l'autre part, sans même donner trop d'importance aux conjonctures présentes, et en ne faisant que calculer, sur la durée de la dernière paix, les probabilités d'une guerre entre l'Angleterre et ses voisins, on trouvera que les circonstances ne sauraient être plus défavorables à la Russie. S. M. n'a reçu et ne recevra aucun secours contre son ennemi capital, et à toute guerre quelconque que son allié pourra avoir, il faudra que ses secours soient prêts, et peut être à peine sortie de l'embarras de la dépense et des efforts qu'exige sa propre cause, il faudra qu'elle y rentre pour la cause de son allié. Il y a plus, c'est que si la réquisition de son allié vient dans le temps même qu'elle sera en guerre contre la Turquie, dans une guerre pour laquelle elle ne reçoit aucun secours, il faudra que sans égard pour le poids de sa propre défense, elle se charge encore du poids d'assister son allié par un secours annuel de 500 mille roubles, selon la stipulation de l'article 5 de la part de l'Angleterre, cas qui ne saurait avoir de réciprocité, puisque, sans aucune exception, la Russie prendrait part à toutes les guerres de l'Angleterre; car il n'est pas possible de s'arrêter à ces exceptions si peu importantes des contestations qui peuvent survenir en Amérique avec le faible reste des nations Américaines, ou en Asie contre les établissements d'une compagnie de commerce par des nations asiatiques. Voilà les objections justes que fait la Russie aux changements proposés au traité remis par la cour de Londres, lequel en contenait déjà au projet remis par celle de Pétersbourg, qui sont toujours restés un objet de discussion. Il faut être vrai et sincère. Aussi longtemps qu'on refusera à Londres d'avouer et de reconnaître la solidité de ce système, établi par S. M. depuis qu'elle est sur le trône, de considérer la Turquie comme puissance de l'Europe, entrant nécessai-

rement dans la balance de toutes les affaires de l'Europe et personnellement à l'égard de la Russie comme le point immédiat de son intérêt d'état et le casus nécessaire de toutes ses alliances; tant que d'un autre côté on n'évaluera pas l'étendue des frontières que la Russie a à défendre en Asie, le cas de ses guerres avec la Perse, la Chine et tant de nations tartares asiatiques, contre les possessions des nations Européennes en Afrique, en Asie et en Amérique, — quelques soient les dispositions des deux souverains de la Russie et de l'Angleterre, quelque naturel et commun que soit l'intérêt de leurs monarchies et de leurs sujets, les deux empires n'auront jamais que des alliances casuelles, subordonnées à des conjonctures et à des besoins d'un temps, et on manquera toujours le but de faire entre elles un système commun, durable et qui embrasse tous leurs intérêts. Aussi n'est-il pas moins vrai, que sur ce même principe de l'intimité naturelle des deux souverains respectifs et de leurs nations, S. M. I. désire et attend constamment la première conjoncture qui pourra lui présenter un objet juste et important relativement à l'égalité d'intérêts des deux monarchies, et qu'elle pourrait apprécier alors à cette base d'une alliance de système d'union d'intérêts, indépendante de tout événement casuel, que les deux cours désirent de voir conclue. Cette époque ne saura jamais arriver trop tôt au gré du désir de l'Impératrice, mais elle ne l'attendra point pour se croire aussi attachée par inclination aux intérêts de la Grande Bretagne et de la nation Britannique, que si elle était liée à leur maintien par les engagements d'un traité: S. M. I. au contraire se fera un mérite d'aller au devant de toutes les occasions où elle pourra les servir utilement et donner à S. M. le roi de la Grande Bretagne les preuves les plus réelles de la sincérité de son amitié, aussi bien que des dispositions sincères et du penchant mutuel des deux nations l'une pour l'autre.

## 2215) MÉMOIRE DU COMTE PANINE [1]).

(Вручено англійскому послу лорду Каткарту, при отъѣздѣ его въ Іюнѣ 1772 г.).

Au moment où le comte Panine va se séparer de m-r l'ambassadeur, sa confiance personnelle en lui et les vraies dispositions de son coeur le portent à s'entretenir encore confidemment avec S. E. sur l'objet important, qui a été en négociation entre eux pendant les quatre années de son ministère à la cour de Russie.

---

[1]) М. Г. А. Англія IV, св. 5. Напеч. В. А. Уляницкимъ въ его трудѣ „Дарданеллы, Босфоръ и Черное Море въ XVIII вѣкѣ“, приложеніе 43.

C'est une chose qui parait à peine compréhensible que malgré les sentiments et le penchant des deux souverains l'un pour l'autre, malgré l'intérêt visible et naturel et la prédilection réciproque, qui porte les deux nations à s'unir, enfin malgré toute la bonne volonté, le zèle et la confiance que l'ambassadeur et le comte Panine ont mis dans leur négociation, on n'ait pu parvenir à conclure un traité d'alliance.

Comment se persuadera-t-on qu'on n'ait pu convenir de part et d'autre d'une distinction absolument nécessaire entre une alliance fondamentale, déterminée par les intérêts essentiels de deux cours, et une alliance casuelle, à laquelle elles ne sont conduites que par un mouvement propre à l'une ou à l'autre à l'aspect de circonstances plus ou moins signifiantes de la part d'autres puissances, quand la différence de ces deux sortes d'alliances est si facile à apercevoir?

Qui ne sait en effet que la première est l'appréciation libre et tranquille de tous les intérêts de deux monarchies et une estimation réfléchie de tous les moyens, par lesquels elles peuvent, avec réciprocité, concourir à la sûreté et l'avancement de ces intérêts, tandis que la seconde, dépendante de tel ou tel événement, ou déjà arrivée ou seulement prévue, concentre vers ce seul point toute son attention et ses mesures, et souvent met de côté l'intérêt principal pour ne pourvoir qu'à l'intérêt menacé? Ce premier point une fois réglé, comme il semblait si facile à l'être, aurait-il été besoin d'établir par des preuves de détail que le premier intérêt qu'ait la Russie, est la sûreté vis-à-vis de la Porte Ottomanne? Ce n'est point l'oeil de la politique qui le cherche et le découvre, c'est la nature qui le montre au jugement le plus simple. Rien de plus indispensable pour elle que de porter cet intérêt à la tête de toutes ses alliances. Elle n'a trouvé aucune difficulté à le faire avouer au roi de Prusse et au Danemark, et qu'on ne dise pas que ces deux puissances aient un moindre intérêt à ménager la Porte que l'Angleterre. On sait combien les liaisons naissantes du premier à la Porte lui étaient chères et quels avantages il pouvait s'en promettre à l'avenir pour l'intégrité de sa monarchie. Le commerce du Danemark dans la Méditerrannée n'entre point en comparaison, il est vrai, avec celui de l'Angleterre, mais on ne le trouvera pas relativement moins important pour cette couronne, quand on prendra la proportion entre le commerce total des deux états, ainsi qu'entre les moyens à employer par l'un et l'autre pour la sûreté de leur navigation. Et qu'est-il arrivé pendant la durée de la présente guerre entre la Russie et la Porte? De ces deux alliés de la Russie, bien connus pour tels par son ennemi, le crédit du premier est toujours allé en augmentant et aujourd'hui va de pair, si même il ne l'efface pas, avec le crédit des puissances les plus à ménager par la Porte; la navigation du second est restée tranquille jusque là

même que la Porte a été la première à s'employer à procurer la paix avec les Algériens; tant il est vrai qu'avec les Turcs la complaisance et les ménagements ne sont ni inutiles (sic!), ni nécessaires, et ne sauraient jamais être une raison pour retrancher d'une alliance l'intérêt capital d'une des deux parties contractantes. Mais, dira-t-on, la Turquie n'est pas une puissance européenne, elle est hors du système des puissances chrétiennes entre elles. C'est une erreur qu'on a quelquefois avancée dans la spéculation, mais qu'on a bien plus souvent réfutée dans la pratique.

Quand on ne se rappellerait pas à tant d'époques différentes, combien on a mélé cette puissance aux intérêts des chrétiens, celle de la guerre présente parle clairement à toute l'Europe et, pour ne pas se former à ce qui est su de tout le monde, il n'est pas ignoré de m-r l'ambassadeur, dans les circonstances propres de la Russie, quelle considération et quel poids on donne à cette puissance dans le maintien de l'équilibre général.

Qu'on applique ensuite tout ceci à la négociation pour un traité d'alliance entre la Russie et l'Angleterre. La Russie a proposé pour casus foederis son premier intérêt, la guerre contre la Turquie, intérêt déjà admis par deux alliés vis-à-vis de qui, comme il a été fait connaître dans le cours de la négociation, elle s'était lié les mains par rapport à ses alliances subséquentes; intérêt qui n'a que trop de liaison avec l'intérêt général de l'Europe, intérêt enfin qui, comme le fait l'a démontré, n'exposait pas à de grands risques le commerce de l'Angleterre, et jamais cependant on n'a pu faire entendre le ministère de cette couronne à l'admettre dans le traité.

Que l'on cherche ensuite, impartialement et de bonne foi, la raison d'un tel refus, ne paraîtra-t-il pas vraisemblable qu'il n'y en a point eu d'autre que la situation propre du ministère Britannique pendant le cours de la négociation. Les changements fréquents du ministère, les partis qui s'élevaient toujours contre le nouveau aussitôt après sa formation, pour en substituer un autre, cette fluctuation perpétuelle dans laquelle l'opinion populaire jouait un si grand rôle, tout cela n'a pas permis de s'écarter des routes tracées. On a dit: les traités précédents ont été comme cela, si nous nous en écartons, voilà un nouveau prétexte au cri de la multitude, les alarmes du commerce seront de nouvelles armes pour l'opposition.

Que ce soit à cette vacillation seule du ministère Britannique qu'on doive imputer cette résistance continuelle à accorder à la Russie la seule condition qui put rendre son alliance systématique et réellement utile; quant à elle, non seulement c'est une supposition plus que probable, on

en voit la preuve convaincante dans quelques propositions et quelques démarches qui ne sauraient avoir eu d'autre fondement.

On peut citer pour exemple la démarche que ce ministère à fait faire au roi, d'écrire directement au sultan et au visir, et de leur proposer sa médiation dans la forme et dans les termes qu'elle l'a été. Le but en était incontestablement de servir la Russie; mais était-elle propre à atteindre ce but? Ne l'éloignait-elle pas au contraire? A un ennemi aussi présomptueux et, pour le dire naïvement, aussi féroce que la Porte, une telle démarche, avec tant de formalité et d'appareil de la part d'une couronne, reconnue pour l'alliée naturelle et l'amie fidèle de la Russie, devait nécessairement réhausser ses prétentions, et l'offre de réparations que contenait la lettre, portait une sorte d'aveu de la justice de ses armes, plus propre sans doute à confirmer l'opiniâtreté du Serail, qu'à le désabuser sur les intrigues et les séductions qui seules avaient motivé sa guerre. Mais on ne réfléchit sur cette démarche qu'autant qu'elle sert à montrer la conduite peu politique du ministère d'alors, car autrement elle n'a eu aucune suite que la Russie ait actuellement raison de regretter.

Dans le fait même de la médiation, des préventions purement ministériales n'ont-elles pas toujours tenu en suspens et à la fin rendu nulles toutes ces bonnes intentions de l'Angleterre? Le ministère Britannique voulait rendre à Constantinople au roi de Prusse le peu d'égards ou plutôt le mépris que ce prince lui témoignait à Londres. On ne voulait point d'une médiation conjointe avec lui et si on la souffrait, en cas qu'il fût absolument impossible de faire autrement, on la rendait infructueuse par les précautions et la défiance que le ministre d'Angleterre devait toujours avoir vis-à-vis du ministre prussien: comme s'il était impraticable d'être uni et d'accord sur l'intérêt d'un tiers, parce qu'on ne l'est pas sur le sien propre, ou plutôt, comme si des personnalités devaient aller avant tout intérêt. Quand on réfléchit sur ce qui est arrivé après et ce qui s'exécute actuellement, pourra-t-on expliquer sans désavantage pour la réputation de ce même ministère, comment deux couronnes, l'Angleterre et la Prusse, qui non seulement n'avaient aucun engagement l'un contre l'autre, mais encore qui sortaient d'une alliance si intime et respectivement si utile, n'ont pu se concilier sur un point, où on voit le roi de Prusse et la cour de Vienne, elles qui sortaient d'une guerre longue et opiniâtre et qui portent constamment en soi des raisons de défiance et d'éloignement, se réunir, agir d'un parfait concert et produire de grands effets?

On n'attribuera encore qu'à cette circonspection trop exacte du ministère à déférer à l'opinion de la multitude, par le besoin de sa propre conservation, l'offre de suppléer par la garantie de la paix avec la Porte

à un engagement formé contre cette puissance, offre qui par tant de raisons devait paraître insuffisante à la Russie.

Mais ce qui démontre le fait encore plus incontestablement, c'est sa conduite inactive et irrésolue, lorsque la Russie, désespérant de pouvoir conclure une alliance entière et illimitée avec l'Angleterre, souhaitait au moins d'en conclure une qui mit à couvert un intérêt important et commun aux deux cours, qui était d'affranchir de toute influence étrangère le système du Nord et d'attacher à la Russie, comme à l'Angleterre, la Suède et le Danemark. Il ne s'agissait pour cela que de la conversion du secours, que la Russie demandait contre la Porte, en un traité de subsides avec la Suède. Ici le ministère n'a encore que son mobile ordinaire; il refuse un traité de subsides par la répugnance de la nation à donner des subsides en temps de paix.

On n'entreprendra point de prouver à l'Angleterre l'intérêt qu'elle a dans le maintien du système du Nord et de son indépendance. Il ne serait pas moins superflu de lui dire, que cependant il n'y a point d'autre moyen pour y parvenir que des subsides. La situation de la Suède et du Danemark est telle que le besoin d'argent est le premier intérêt, auquel elles ont à pourvoir, que n'ayant que peu ou point d'intérêt à la prospérité de la France ou à celle de l'Angleterre, elles tendent également la main à la première qui leur donnera des subsides; à moins qu'on ne puisse dire, que se considérant comme puissances maritimes, la trop grande supériorité de l'Angleterre sur mer les fait pencher intérieurement pour sa rivale et leur fait désirer un équilibre qui leur donnerait à elles-mêmes plus de sûreté et mettrait un plus haut prix à leur alliance. L'Angleterre aime mieux donner plus en temps de guerre, et par une raison contraire, tout aussi naturelle, ces deux couronnes aimeront mieux recevoir moins en temps de paix; de sorte qu'il est très douteux qu'à la veille d'une guerre on les trouve sans engagement. On peut même ajouter, que dans une guerre de mer, n'ayant absolument rien à gagner, et la dépense, et les dangers l'emportant beaucoup sur les subsides, les approches d'une guerre étant bien marquées, on ne les engagera que difficilement à une alliance, où il y aurait tout à perdre et si peu à gagner pour elles; que tout ce qu'on pourra obtenir d'elles, c'est une neutralité qu'il faudra payer et qui absorbera bien l'épargne du subside en temps de paix, d'où il arrivera que, sans avoir d'allié, il se trouvera qu'on aura payé tout autant. Mais c'est à l'Angleterre plus qu'à aucune autre cour à faire ce calcul; son commerce, ses forces maritimes, sa supériorité constante sur la France et l'Espagne unies sont sans contredit les premiers principes de sa politique, et si elle croit que le Nord, purgé de l'influence de sa rivale et attaché à son propre système, lui soit une chose indifférente, on essayerait en vain de la désabuser.

Mais on aurait tort de regarder comme maxime d'état ce qui n'a été que l'effet de l'inactitude du ministère et de l'indécision propre à sa situation.

On a lieu de se persuader que le ministère actuel, à qui on voit acquérir une consistance solide par les talents des personnes qui le composent et qui porte dans le règlement des affaires domestiques de l'Angleterre des vues aussi patriotiques, aussi justes et systématiques, que fermement exécutées, portera la même sagacité, la même résolution et la même vigueur dans les affaires du dehors. Il sentira sans doute, que deux grandes puissances, qui sont unies par l'intérêt le plus naturel, ne se bornent point entre elles à des alliances casuelles, parceque le moment de l'un peut bien ne pas être celui de l'autre; que l'effet d'une alliance ne se borne jamais à une stipulation ou d'un subside, ou d'un secours de troupes ou de vaisseaux; mais que deux puissances, qui ont le même système, le maintiennent par l'emploi commun de toute leur puissance, de leur crédit et de leurs ressources; que s'il en était autrement la conclusion d'une alliance serait pour elles une formalité assez vaine, parcequ'on verra toujours la simple amitié et les dispositions naturelles de deux états, l'un envers l'autre, se rendre sans traités des secours aussi utiles, que le pourrait être l'emploi d'un corps auxiliaire, qu'avec un peu plus d'efforts ou de gêne chacun peut trouver chez soi.

Et dans le fait on ne doute nullement que dans le cas d'un besoin absolu de l'une ou de l'autre, la Russie ou l'Angleterre, sans traité, ne fussent prêtes à s'assister et se tirer l'une l'autre de la presse.

On en a vu l'exemple et on le cite avec reconnaissance. L'Angleterre s'est intéressée au succès des opérations maritimes de la Russie et a apporté à ses armements les mêmes facilités qu'elle aurait pu se promettre de la stipulation d'un traité la plus expresse. C'est l'effet de l'intérêt naturel du penchant des souverains et d'une disposition nationale. Et il ne se présenterait pour la Russie aucun cas d'être réciproquement utile à l'Angleterre, où les mêmes sentiments ne produisissent les mêmes effets.

C'est ainsi que le comte Panine aime à épancher son coeur vis-à-vis d'un ministre, pour lequel il est pénétré de la plus parfaite estime. Si m-r l'ambassadeur retourne à sa cour sans avoir conclu une alliance, si désirée des deux parts et objet propre de sa mission, le comte Panine en partage bien sincèrement les regrets; mais leur consolation mutuelle est de voir, qu'il y a toujours le même fonds à faire sur les principes d'état qui recommandent cette alliance, sur les sentiments invariables des souverains et sur le goût national, et c'est la certitude que m-r l'ambassadeur emporte avec lui, de l'état où il laisse les choses du côté de la Russie.

## 2216) КОПІЯ СЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГЕРЦОГИНѢ КУРЛЯНДСКОЙ КАРОЛИНѢ ЛУИЗѢ [1]).

Zarskoé Sélo, le 2 Juin 1772.

Madame ma cousine.

J'ai approuvé l'arrangement entre Votre Altesse et le duc de Courlande, et je suis bien aise que vous ayez pris l'un et l'autre une résolution, qui était indispensable pour la tranquillité et le contentement de chacun de vous. Quoique je juge, que vous ne puissiez refuser une entière confiance aux promesses du duc, vos intérêts seront assurés de ma protection, et je vous marquerai un soin particulier dans tout ce qui pourra concerner votre bien-être. Mon amitié et mon affection pour vous restent les mêmes, et je ne chercherai que l'occasion de vous en donner des preuves. Sur ce je prie Dieu, qu'il vous aie, Madame ma cousine, en sa sainte et digne garde.

De Votre Altesse
l'affectionnée
Catherine.

## РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ № 7 КЪ КНЯЗЮ В. М. ДОЛГОРУКОВУ [2]).

2 Іюня 1772 г. Касательно намѣреній турокъ. Напеч. въ Сборникѣ, т. XIII, стр. 248—249, по черновому списку съ собственноручными дополненіями Императрицы. Въ припискѣ, напечатанной тамъ же и писанной на подлинномъ рескриптѣ рукою Императрицы, пропущены послѣ словъ «покушенія турецкія» слова: «у Бельбеку и у Ялты».

## КОПІЯ СЪ РЕСКРИПТА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГЕНЕРАЛЪ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ.

2 Іюня 1772 г. Повелѣніе ему отправиться въ Крымъ. Напеч. въ Сборникѣ, т. XIII, стр. 249.

## 2217) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА ВЪ ВѢНУ КЪ КН. Д. М. ГОЛИЦЫНУ [3]).

Милостивый мой государь князь Дмитрій Михайловичъ!

Въ ожиданіи увѣдомленія в. с-ва объ отвѣтахъ и отзывахъ Вѣнскаго двора на наши послѣднія изъясненія по настоящей негоціаціи, вру-

---

[1]) М. Г. А. Курляндія I, св. 1. — Герцогиня Каролина Луиза, рожденная принцесса Вальдекская, была замужемъ за герцогомъ Петромъ Бирономъ. Она развелась съ нимъ 26 августа 1772 г. (Русская родословная книга Кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго; изд. 2-е 1895 г., т. I, стр. 64).

[2]) М. Г. А. Турція X, св. 3.

[3]) М. Г. А. Австрія III, св. 24.

чилъ я князю Лобковичу мнѣніе мое, по желанію князя Кауница, на четыре вопроса его, изображенные въ депешѣ отъ него къ князю Лобковичу; въ чемъ же состоитъ оное мнѣніе, для усмотрѣнія того имѣю честь приложить при семъ копію съ помянутой пьесы, врученной мною сему послѣднему министру. Прося васъ, милостивый мой государь, при подающихся у васъ съ княземъ Кауницомъ конференціяхъ, увѣрить его, въ разговорахъ вашихъ, о моей готовности сообщать ему, со всякою искренностью, по дѣламъ мои мнѣнія, открываться чистосердечно по всѣмъ тѣмъ пунктамъ, по свойству коихъ могу я имѣть о нихъ больше свѣдѣнія, нежели дворъ его, и о равной готовности принимать всѣ его мнѣнія и разсужденія, а потому и распоряжать мѣры мои и дѣйствія для обоюдной пользы и интересовъ обоихъ дворовъ; я также прилежно прошу в. с-во сказать принцу Кауницу, что, хотя соглашеніе наше о присвоеніи польскихъ дистриктовъ и оглашено, но мнѣ кажется, что достоинство дворовъ нашихъ уже требуетъ не показать себя тѣмъ якобы растроганными и не предварять одинъ другого объявленіемъ о томъ, что обще сдѣлать соглашенось; но напротивъ того съ твердостію и контенансомъ учинить сіе объявленіе единовременно и такимъ точно образомъ, о какомъ мы соглашаемся. Я съ удовольствіемъ примѣчаю, что Вѣнскій и Берлинскій дворы начинаютъ разумѣть другъ друга гораздо съ меньшею претительностію, нежели до сего было, и вижу изъ всего того, въ чемъ они предо мною открываются, что сами они не признаютъ уже возможнымъ тѣснѣйшее соединеніе и тройной союзъ нашъ относительно до сохраненія и утвержденія общія тишины и покоя въ Европѣ. За какое же себѣ благодѣяніе почтетъ Европа, а особливо Германія, сію нашу систему, и можно-ль предполагать разсудительно, чтобъ какая-нибудь держава захотѣла возстать и воспротивиться оному? Да и не на каждое-ли замѣшательство между посторонними державами зависѣть будетъ отъ большаго или меньшаго наклоненія нашей системы въ ту или другую сторону, такъ что по справедливости миръ и тишина всей Европы въ нашихъ рукахъ будетъ? В. с-во, по откровенному вашему обращенію съ княземъ Кауницомъ, изволите представить ему безъ формалитета и аффектаціи все оное въ истинномъ разумѣ, такъ какъ и въ самомъ существѣ есть оно собственнымъ моимъ размышленіемъ. Правда, мнѣ представляются тутъ объекты, требующіе великаго уваженія и встрѣчающіе сильныя затрудненія, но я признаюсь и въ томъ, что не нахожу совсѣмъ неудобовозможнымъ приведеніе оныхъ въ общую связь согласія. Между прочими германскими интересами особливо разумѣю я предстоящую большую въ оныхъ революцію по разрушеніи наслѣдства курфиршествъ Пфальцкаго и Баварскаго. Но неужели то, что въ намѣреніи простирающимся до цѣли или конца какого-либо новаго

устройства, предпріемлется дѣйствіемъ оружія, не можетъ никогда средствомъ негоціаціи до того же приводимо быть? А ежели и не всегда такая невозможность настоитъ, то и въ томъ предметѣ не можетъ ли примирено быть противоборствованіе интересовъ Вѣнскаго и Берлинскаго дворовъ? Но когда еще съ обѣихъ сторонъ взаимное истинное желаніе и добрая вѣра въ томъ дѣйствовать будутъ, то и не представятся-ли выгоднѣйшія для Австрійскаго дома средства къ распоряженію себя съ Берлинскимъ дворомъ, нежели съ Версальскимъ? Ибо невозможно кажется, чтобы, не согласуясь ни съ тѣмъ, ни съ другимъ, отваживаться противъ зависти и помѣшательствъ отъ обоихъ.

Я, будучи увѣренъ о благородномъ образѣ мыслей и честности сердца князя Кауница, нимало не сумнѣваюсь, что онъ почтетъ самъ за верхъ удовольствія и славы своей такое зданіе, въ которомъ, я по склонности моей и по великодушнымъ сентиментамъ нашей всемилостивѣйшей Государыни, почелъ бы за особливое счастье быть соучастникомъ, и если князь Кауницъ заблагоразсудитъ сдѣлать мнѣ объ ономъ отзывъ для открытія мною къ тому перваго пути, то покорно прошу в. с-во увѣрить его, что я мнѣніе и предложеніе его о томъ приму съ истиннымъ удовольствіемъ и поступлю такъ, что, конечно, князь Кауницъ не будетъ сожалѣть объ учиненной мнѣ въ томъ довѣренности. Впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ и такою же преданностью и проч.

Въ Царскомъ Селѣ, 6-го Іюня 1772 года.

P. S. Я увѣренъ, что в. с-во сами признать изволите, что свойство сихъ отъ васъ новыхъ внушеній принцу Кауницу долженствуетъ имѣть весь образъ моей одной къ нему персональной конфіенціи, а потому и прошу васъ, мой милостивый другъ, конформировать вамъ съ нимъ разговоръ, и меня о его отвѣтахъ увѣдомлять особенными письмами.

## 2218) SENTIMENT DU COMTE PANINE SUR QUATRE POINTS CAPITAUX QUE M-R LE PRINCE LOBKOVITZ LUI A COMMUNIQUÉS DE LA PART DE M-R LE PRINCE KAUNITZ, RELATIVEMENT A LA PACIFICATION DE LA POLOGNE [1]).

(Къ письму графа Панина къ кн. Д. М. Голицыну отъ 6 Іюня 1772 г.).

Ces points sont:

1. Comment rétablir la tranquillité intérieure en Pologne.

2. Comment effectuer avec la république l'arrangement définitif, concernant les acquisitions respectives.

---

[1]) М. Г. А. Австрія III, св. 24.

3. Comment procurer au roi de Pologne, dont les finances souffriront nécessairement une diminution considérable par les acquisitions des trois cours, une indemnisation d'ailleurs et lui assurer à ce moyen un entretien convenable, et enfin

4. Quel devra être l'état de la Pologne dans ses nouvelles relations avec les trois cours afin d'y maintenir une paix solide, de prévenir l'éclat de nouveaux troubles et par là d'obvier au danger que les trois cours ne s'y trouvent elles-mêmes mêlées.

Après être convenu de prendre pour base de la pacification de la Pologne les idées d'un plan général, communiquées de la part de la cour de Russie aux cours de Vienne et de Berlin et approuvées par elles, on cherchera à apprécier et à déterminer, de la façon la plus convenable à l'état de la Pologne, les quatre points proposés par m-r le prince Kaunitz.

La tranquillité intérieure en Pologne, selon les lois de ce royaume, ne saurait y être rétablie qu'au moyen d'une diète, soit convoquée selon les formes ordinaires, soit sous le noeud d'une confédération. Les trois cours, après être convenues du manifeste à adresser par elles à toute la nation polonaise, duquel il a été fourni un projet de la part de la Russie pour l'approbation des deux autres cours, feront remettre ce manifeste en commun et en même temps au roi et au gouvernement. La proposition de la convocation d'une diète, tant pour rétablir l'ordre en Pologne que pour consommer vis-à-vis des trois cours la cession de l'équivalent de leurs droits et prétentions, duquel à ce moment elles se trouveront déjà en possession effective, y est formellement énoncée. Indépendamment encore d'une telle réquisition, le roi et le gouvernement ne sauraient se dispenser de recourir à la convocation d'une diète, comme la seule forme qui puisse donner une autorité légale à leurs démarches, soit que d'abord ils se déterminent à opposer de la résistance au concert des trois cours, soit qu'ils optent pour le parti de la négociation. Dans l'état des choses l'impression que produira la déclaration des trois cours peut être telle, que tous les chefs des différentes factions étouffent d'abord, ou au moins suspendent, toute passion et toute action d'intérêt personnel pour se tourner vers le gouvernement et entrer dans les voies qu'il choisira en se rendant à la convocation. Les choses se règleraient alors dans une diète ordinaire, dont les trois cours attendraient patiemment l'issue, se contentant de la voie des négociations et de l'emploi d'une influence commune pour porter l'ouvrage à la maturité, parvenir à un résultat conforme à leurs vues et prévenir qu'au contraire la république, ainsi assemblée, ne se détermine à courir les risques d'une résistance effective, extrémité à laquelle on ne se persuade pas qu'elle se porte

jamais, si, dans le cours de cette affaire, les trois cours agissent dans un parfait concert et se montrent également résolues dans leur objet.

Mais si la perversité des esprits est telle, que les factieux, sans être touchés d'une crise si effrayante pour la république, s'opiniâtrent dans leurs vues et leurs cabales actuelles, au péril de causer l'écroulement de l'état, il ne restera plus que la voie d'une confédération que les trois cours devront favoriser et soutenir par des mouvements militaires, soit pour dissiper les bandes armées actuellement sur pied, soit pour faciliter dans les différents palatinats, chacune dans la proximité de ses acquisitions, la nomination des nonces aux diètines; et ceux-ci assemblés en diète, il faudra sans doute user de moyens pécuniaires pour s'assurer la pluralité qui fait loi dans une diète sous le noeud de la confédération. Les ministères des trois cours à Varsovie concourront intimement et par le plus parfait concert à la diète assemblée de l'une ou l'autre façon, à faire régler l'arrangement des affaires de l'intérieur selon les vues des trois cours, nommément selon le plan général proposé par la cour de Russie et adopté par celles de Vienne et de Berlin ensemble, en réglant les quatre points capitaux proposés par m-r le p-ce Kaunitz. C'est là aussi qu'il sera nommé des ministres de la part de la république pour traiter avec les puissances voisines sur la cession des pays dont chacune aura pris possession, comme l'équivalent de leurs droits et prétentions, des quels alors, chacune pour soi, produira des déductions, ainsi qu'elles s'y engagent par le manifeste, et que se consommeront tous les actes relatifs à une décision légale et irrévocable de cette affaire. Ce sont là, selon le comte Panine, les errements selon lesquels il sera procédé à l'arrangement des deux premiers points.

Pour le troisième: il est incontestable que le roi de Pologne doit avoir un état proportionné à la dignité et par lequel il puisse la soutenir. On ne saurait remplacer la perte que souffriront les finances, par le partage des trois cours, qu'au moyen des starosties, dont il faudra affecter un certain nombre à son indemnité. On doit se faire d'autant moins de peine de ce moyen, que de ces bénéfices royaux, qui donnent un revenu si considérable à la noblesse, le plus grand nombre en a abusé, et continue à en abuser dans les circonstances présentes, pour mettre le trouble et la confusion dans leur patrie, qu'en les en dépouillant on ne fera que couper pied en partie à la continuation et à la renaissance de ces désordres et enfin que ce ne sera pour les chefs des factions qu'une punition juste et bien méritée. Mais il ne faut pas croire que ceux qui, à visage découvert, se sont arrogé le titre de confédérés soient précisément les plus coupables. Il y en a de cachés qui, sous main, ont donné le mouvement à tous ces excès et qui employent à les perpétuer les richesses immenses accumulées sur leurs têtes. Elles sont telles ces richesses, qu'elles seraient

hors de proportion pour un particulier dans tout gouvernement, et à plus forte raison sont elles dangereuses, et d'un préjudice évident, dans un gouvernement aristocratique. Tels sont les biens immenses des Radziwill, Potocky, Czartorysky, Mniszek et encore quelques autres, et ce sera une sûreté pour la Pologne même, si on les réduit à une moindre distance de l'égalité qui convient à des républicains.

Quatrièmement: pour l'état de la république, la couronne élective est celui qu'il importe aux trois cours de maintenir, comme aussi c'est le seul qui puisse convenir au goût général et à l'habitude de la nation. Il sera fort important d'y ajouter une condition qui, en même temps qu'elle assurerait mieux la tranquillité intérieure de l'état, mettrait aussi plus à l'abri de toute entreprise de sa part les intérêts de ses voisins. Ce serait de borner aux seuls Piastes l'éligibilité. La Pologne ne pouvant plus se donner pour chefs des princes étrangers, qui déjà puissants par leurs propres ressources donneraient un nouveau relief à la couronne, pourra moins sortir des bornes qu'actuellement on va lui fixer pour son état de puissance intermédiaire et perdra plus facilement toute vue de retour sur les cessions qu'elle va être obligée de faire. Par là seulement aussi on pourra couper pied à la brigue et à la corruption étrangère en Pologne, qui y ont joué de tout temps un si grand jeu.

Après l'exclusion de l'étranger, comme il ne faudra que d'autant plus de précautions pour empêcher que la couronne ne devienne héréditaire dans la famille d'un Piaste, il sera à propos de statuer l'exclusion des fils de roi, en dérogeant à leur égard au droit des Piastes. Autrement, on sent bien qu'un roi régnant aurait de trop grandes facilités à perpétuer la couronne dans sa maison par la distinction déjà attachée à ses enfants sur les autres candidats Piastes, et qu'il ne manquerait pas d'appuyer d'un parti formé de son vivant.

Enfin, pour lier autant que possible les mains à la Pologne pour ne jamais sortir d'un état de puissance intermédiaire, proportionné aux intérêts des trois puissances voisines, dans la négociation qui, comme il a été dit aux points 1-r et 2-d, devra être conduite avec la république pour l'arrangement définitif des acquisitions des trois cours, de même qu'au moyen de l'équivalent qu'elles se procurent, elles renonceront à tous leurs droits et prétentions sur la Pologne; la république réciproquement, outre la cession plénière des nouvelles acquisitions des trois cours, renoncera à tous droits et prétentions quelconques, soit anciennes ou autres, à quelque titre et sous quelque dénomination que ce puisse être, sur les pays, terres et possessions actuelles de la domination de l'une ou l'autre des trois puissances voisines, et il se fera alors un traité, dans lequel la république entrant comme partie principale, les quatre puissances se garantiront réciproquement les dites cessions, et le traité, selon les formes

de la Pologne, sera porté dans la constitution dans une diète. Le comte Panine n'est entré dans aucun détail sur les points de la dernière constitution, parceque cette constitution étant imprimée et parfaitement connue de m-r le prince Kaunitz, il est très assuré que ce ministre l'aura trouvée partout conforme aux intérêts de sa cour et très convenable tout ce qui y est statué pour la couronne élective, le liberum veto, le partage et le règlement des loix cardinales, de celles pour les matières d'état et les matières économiques. Au moyen des explications et du raisonné ci-dessus, le comte Panine se persuade d'avoir répondu, autant qu'il est en lui, aux vues et aux désirs des questions qui lui ont été proposées de la part de m-r le prince Kaunitz, et il se portera avec la même déférence à tout autre éclaircissement qui puisse tendre à établir la plus parfaite unanimité de vues et de mesures des trois cours.

## 2219) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ Г. Г. ОРЛОВУ [1]).

Царское Село, 8 Іюня 1772 г.

Съ истиннымъ удовольствіемъ узналъ я о благополучномъ пріѣздѣ в. с-ва въ Яссы. Поздравя васъ съ онымъ отъ всего сердца, желаю для блага отечества моего и для славы вашей, чтобъ успѣхъ предпріемлемаго вами подвига принесъ намъ скорѣе драгоцѣнный миръ, увѣренъ будучи несомнѣнно, что главное совершеніе онаго и есть единая награда патріотическому усердію вашему.

Слѣдуя долгу званія моего, имѣю честь сообщить теперь в. с-ву все то, что по дѣламъ происходило со времени вашего отбытія отсюда относительно до новой нашей политической связи, споспѣшествующей порученной вамъ негоціаціи. Исполненіе сего долга тѣмъ мнѣ пріятнѣе, что я пишу объ ономъ къ вамъ, къ которому совершенная моя откровенность и безъ того не велѣла бъ мнѣ скрывать ничего такого, что можетъ интересовать прямого патріота.

В. с-во теперь уже получили копіи съ тѣхъ трехъ піесъ, которыя вручилъ я князю Лобковичу по отъѣздѣ вашемъ: 1-я изъ нихъ содержитъ въ себѣ примѣчанія мои о той части поссессіи республики польской, которая должна доставаться на долю Вѣнскаго двора; 2-я есть проектъ конвенціи, сочиненной мною нарочно такою формою акта, для избѣжанія всякихъ непріятныхъ споровъ въ расположеніи предсѣданій четырехъ государей и подписей уполномоченныхъ къ тому министровъ; 3-я пьеса есть тотъ самый манифестъ о раздѣлѣ Польши, который въ Совѣтѣ и при васъ еще читанъ былъ.

---

[1]) М. Г. А. Турція, IX, св. 8.

Итакъ, м. г. м., почитаю я за излишнее входить въ дальнѣйшее разсужденіе по содержанію оныхъ піесъ, не имѣя ничего сказать въ ихъ объясненіе. В. с-во получили также копію съ мнѣнія моего о вступленіи Австрійскихъ войскъ въ Польшу и съ того рескрипта, который писанъ по сей матеріи къ генералъ-поручику Бибикову. Слѣдственно и сіе дѣло, будучи для васъ не новое, не требуетъ того, чтобъ я на немъ остановился. Но теперь нахожу за нужное привести в. с-ву на память то, князя Кауницово къ Лобковичу, письмо, котораго копію вы читать изволили при самомъ отъѣздѣ вашемъ. Какой на него изготовилъ я князю Лобковичу отвѣтъ, оное усмотрѣть изволите изъ приложенной при семъ піесы, которая также возобновитъ въ мысляхъ вашихъ и содержаніе помянутаго князя Кауницова письма.

Вотъ все то, м. г. м., о чемъ послѣ васъ трактовано было у меня съ княземъ Лобковичемъ.

Впрочемъ дѣла наши съ Прусскимъ королемъ остаются точно въ томъ же положеніи, какъ и при васъ были, и ничего не произошло особеннаго, о чемъ бы я такъ, какъ о новомъ, васъ увѣдомить могъ; а что по отъѣздѣ вашемъ графъ Сольмсъ мнѣ сообщалъ изъ депешей своихъ, какъ отъ короля Прусскаго, такъ и отъ г-на Цегелина, съ оныхъ по числамъ включаю здѣсь копіи. Я увѣренъ, что в. с-во съ удовольствіемъ сами примѣтить изволите изъ послѣдней копіи отъ Цегелина, что Вѣнскій дворъ уже и въ Царьградѣ своего министра взвелъ на тотъ путь, который онъ нѣкоторое время хотѣлъ еще скрывать передъ турками, и что г-нъ Тугутъ теперь перемѣнилъ свое прежнее поведеніе; симъ же самымъ и турецкая недовѣрка возросла къ его двору; а князь Лобковичъ передъ недавнимъ временемъ, отъ имени своего двора, сообщилъ мнѣ, что тому министру даны повелѣнія слѣдовать на конгрессъ за турецкими полномочными, и что онъ тамъ, со всякою готовностію въ пользу нашу, употреблять будетъ при всякомъ случаѣ, гдѣ нужда потребуетъ, добрыя оффиціи своего двора. О г-нѣ Цегелинѣ в. с-ву уже прежде извѣстно, что и онъ тамъ же при васъ будетъ.

Теперь еще имѣю честь увѣдомить в. с-во, что князь Лобковичъ получилъ новое повелѣніе отъ двора своего, домогаться о свободѣ плѣненныхъ въ Польшѣ нашими войсками французскихъ офицеровъ. Онъ мнѣ сказывалъ, какъ князь Кауницъ къ нему пишетъ, что пребывающій въ Вѣнѣ французскій посолъ къ нему адресовался, съ предъявленіемъ, что нѣкоторые французскіе офицеры, желая упражняться въ военномъ ремеслѣ и подать опыты своей способности, просили и получили позволеніе ѣхать въ Польшу и употребить себя при тамошнихъ военныхъ операціяхъ; что въ разсужденіи настоящихъ обстоятельствъ дворъ его вознамѣрился отмѣнить помянутое дозволеніе

и отозвать назадъ находящихся въ Польшѣ французскихъ офицеровъ, всѣхъ безъ выключенія; но что, какъ многіе изъ нихъ попали въ полонъ къ россійскимъ войскамъ, и оставаясь въ плѣну далѣе, могли бы тѣмъ самымъ лишаться дальнѣйшаго своего счастія, то Французскій дворъ желаетъ, чтобъ, изъ извѣстнаго всему свѣту великодушія Ея Императорскаго Величества, сіи офицеры выпущены были, если иначе пельзя, то хотя бы со взятіемъ съ нихъ торжественнаго обѣщанія не служить болѣе противъ россійскихъ императорскихъ и королевскопольскихъ войскъ; но чтобъ сіе домогательство тѣмъ скорѣйшій успѣхъ возъимѣть могло, то Французскій дворъ проситъ Вѣнскаго интересоваться въ ономъ у Ея Императорскаго Величества.

Князь Кауницъ примѣчаетъ притомъ ему, что дворъ его, не желая мѣшаться въ чужія дѣла, не могъ однакоже, по дружескому съ Франціей обращенію, и для самой благопристойности, вовсе отказать въ ономъ французскому послу, и для того препоручаетъ князю Лобковичу обо всемъ ономъ мнѣ сообщить, съ примѣчаніемъ, что здѣсь дѣло идетъ не о чемъ иномъ, какъ токмо о новомъ опытѣ великодушныхъ сентиментовъ нашей всемилостивѣйшей Государыни.

Весьма бы я хотѣлъ столько же удовольствительнаго в. с-ву сообщить по нашимъ дѣламъ въ Крыму; но я надѣюсь, что вы уже и сами, изъ писемъ къ вамъ князя Василія Михайловича, усмотрѣть изволили, какъ нарушенное тамъ согласіе духовъ, безразсуднымъ требованіемъ и не въ свое время уступки намъ крѣпостей съ одной стороны, а потомъ соблазнъ и прельщеніе турецкихъ денегъ и помощи съ другой, произвело уже въ нихъ многое и важное неустройство; а исправленія сему остается ожидать только отъ пріѣзда туда и разумнѣйшаго тамъ производства Евдокима Алексѣевича Щербинина, въ чемъ теперь несумнѣнно много ему способствуетъ заключенное перемиріе.

Позвольте мнѣ, м. г. м., здѣсь приписать мой поклонъ Алексѣю Михайловичу Обрескову, и просить в. с-во о сообщеніи ему содержанія сего письма, также и мое почтеніе засвидѣтельствовать братцу вашему, графу Ѳедору Григорьевичу.

Впрочемъ, продолжая мои искреннѣйшія желанія о наиласкательнѣйшихъ успѣхахъ великимъ и важнымъ вашимъ подвигамъ къ славѣ всемилостивѣйшей нашей Государыни и къ пользѣ отечества, пребываю и проч.

## 2220) КОПІЯ СЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГЕРЦОГУ КУРЛЯНДСКОМУ ПЕТРУ БИРОНУ [1]).

M-r mon cousin. C'est avec satisfaction que j'ai appris le règlement définitif des affaires entre Votre Altesse et l'épouse, dont vous avez été

[1]) М. Г. А. Курляндія, I, св. 1. См. выше № 2216.

obligé de vous séparer. Toutes les conditions d'un tel arrangement me paraissant conformes au besoin de la chose, à la justice et à l'humanité, je ne puis qu'y donner ma parfaite approbation. Après avoir levé cet obstacle à la prospérité de votre maison et à celle de vos états, il ne me reste qu'à vous souhaiter d'assurer l'une et l'autre par des liens plus fortunés, et vous ne douterez point que mon affection pour vous ne m'y fasse prendre un sincère intérêt. Sur ce je prie Dieu qu'il vous aie, m-r mon cousin, en sa sainte et digne garde.

De Votre Altesse l'affectionnée
Catherine.

A Zarskoé Sélo,
ce 9 Juin 1772.

### 2221) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ РЕЗОЛЮЦІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Къ письму резидента въ Стокгольмѣ, Стахіева, къ графу Н. И. Панину, отъ 9 Іюня 1772 г., приложено было письмо къ Стахіеву отъ Р. Финлея, съ просьбой исходатайствовать ему возвращеніе задолженныхъ ему Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ, по векселямъ барона Корфа въ 1747 г., денегъ.

*Faites lui faire justice; si cette somme lui est due, il faut la payer.*

### СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ.

11 Іюня 1772 г. О заключенномъ въ Журжевѣ перемиріи съ Турками. Напеч. въ Сборникѣ, т. I, стр. 82.

### 2222) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ [2]).

Царское Село, 11 Іюня 1772 г.

Милостивый Государь мой графъ Алексѣй Григорьевичъ.

Поспѣшая, обще съ любезнымъ братомъ в. с-ва графомъ Иваномъ Григорьевичемъ, увѣдомить васъ о заключенномъ съ турками перемиріи графомъ Петромъ Александровичемъ и верховнымъ визиремъ, не имѣю я ничего болѣе къ сему представить, кромѣ приложенія здѣсь въ копіи самой конвенціи перемирія, подписанной уполномоченными, изъ помянутыхъ особъ, коммиссарами въ городѣ Журжевѣ. Вслѣдствіе сего,

[1]) М. Г. А. Швеція III, св. 36.
[2]) М. Г. А. Турція X, св. 3.

и по данному отъ Ея Императорскаго Величества повелѣнію, его с-во графъ Петръ Александровичъ отправилъ уже съ симъ извѣстіемъ къ в. с-ву курьера, прямо черезъ Константинополь въ Архипелагъ, дабы вы, м. г. м., въ силу тѣхъ инструкцій, кои вы отъ Ея Величества имѣть изволите, могли съ своей стороны вступить въ переговоры для постановленія, въ вашей сторонѣ, равномѣрнаго перемирія. Впрочемъ пребываю и пр.

## 2223) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЮ СТАНИСЛАВУ-АВГУСТУ [1]).

Monsieur mon frère! J'ai reçu les deux lettres que Votre Majesté a bien voulu m'écrire, la première du 29 Avril et la seconde du 27 Mai. La crise importante des affaires ne me permet point d'y répondre autrement qu'avec la franchise propre à mon caractère et selon ma façon de penser relativement à vos intérêts. L'un et l'autre des deux points, dont se plaint Votre Majesté, est la suite du peu de confiance que toute la Pologne, et surtout votre conseil particulier, a eu constamment en mes bonnes et véritables intentions. Dans la résolution des grandes affaires la nécessité est la règle qui fait loi, et Votre Majesté est trop pénétrante et trop éclairée pour méconnaître l'impossibilité de règler au gré de tout le monde la classification de chacun dans les livraisons à faire indispensablement à mes troupes. Mon ambassadeur a sous sa direction l'exécution de règles générales qui lui sont prescrites, et moi, résolue à mettre fin à un trouble qui depuis si longtemps désole une nation voisine, qui irrite les intérêts de toutes les puissances dont les états confrontent avec elle, et qui menace et a déjà mis en avant le bouleversement du trône de Votre Majesté, je ne dois point me laisser détourner de mes principes par la considération, que dans les arrangements indispensables pour un tel dessein on ne pourra pas, quelque soin et quelque précaution que l'on prenne, empêcher qu'il n'y ait dans le grand nombre d'individus qui y sont intéressés, quelques cris et quelques clameurs.

L'interruption du tribunal du Grand Duché de Lithuanie est une mesure qui doit aussi naturellement avoir place dans le système d'une telle conduite. Je ne saurais imaginer que cette interruption d'un tribunal, destiné à juger quelques procès de particuliers, la plupart simples contestations de chicane, et qui ne se décident le plus souvent que par l'influence des esprits de parti plus ou moins supérieurs l'un à l'autre, mais dont, dans le moment présent, des gens qui ont si souvent abusé

[1]) М. Г. А. Польша I, св. 1.

de la confiance de Votre Majesté, gens enflés dans leurs vues sinistres et imbus de projets chimériques, se servent comme d'un instrument à étendre et perpétuer la confusion générale: je ne saurais imaginer, dis-je, que cette interruption, dans la circonstance où l'unique objet, qui doit occuper la nation, est de pacifier ses troubles intérieurs, de tranquilliser les intérêts des voisins et de raffermir le trône, puisse paraître si importante et si préjudiciable; surtout si je fais attention, que dans des circonstances bien moins critiques les vues d'intérêts de simples particuliers ont pu seules causer et décider une telle interruption, sans qu'il en soit résulté aucun grand inconvénient, ni qu'on ait crié au danger pour l'état.

Tel est le cercle étroit, dans lequel la gradation des affaires, qui toujours se sont refusées à tout remède offert de ma part, trace la conduite que désormais j'ai à suivre, et dans laquelle je m'attacherai toujours à marquer les vrais sentiments d'estime et d'amitié, avec lesquels je suis,

Monsieur mon frère etc.

A Zarskoe Sélo,
le 12 Juin 1772.

## 2224) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ И. А. ОСТЕРМАНУ ВЪ СТОКГОЛЬМЪ [1]).

Какъ мы всѣ ваши ревностные подвиги къ поспѣшествованію ввѣренныхъ вамъ дѣлъ, а по онымъ и способствующія лучшему ихъ успѣху представленія ваши обыкли принимать съ особливымъ благоволеніемъ, такъ и нынѣ повелѣли переслать къ вамъ, въ приложенныхъ здѣсь векселяхъ, требованную послѣдними вашими депешами сумму 50,000 рублей, поручая впрочемъ лучшему и бдительнѣйшему вашему попеченію стараться, какъ можно скорѣе, привесть къ концу настоящій Шведскій сеймъ, съ прочнымъ на ономъ для переду утвержденіемъ свойственныхъ желаніямъ нашимъ политическихъ видовъ, съ облегченіемъ по всякой возможности казны нашей, особливо при настоящихъ нашихъ столь великихъ издержкахъ. И пребываемъ вамъ Императорскою нашей милостью благосклонны.

Данъ въ Царскомъ Селѣ 12 Іюня 1772 года.

Подлинный подписанъ Ея Императорскимъ Величествомъ.

---

[1]) М. Г. А., Швеція III, св. 32.

## 2225) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

**Въ письмѣ изъ Лондона, отъ 12 іюня 1772 г., Мальтійскій кавалеръ Сакрамозо просилъ Императрицу ходатайствовать за него, передъ орденомъ, о назначеніи его повѣреннымъ въ дѣлахъ ордена въ Петербургѣ, и напоминалъ о своемъ знакомствѣ съ нею въ 1748 г.**

Je vous prie de faire au chevalier Sagramoso une réponse bien polie, bien flatteuse pour son particulier, car c'est un homme qui m'a témoigné beaucoup d'attachement depuis près de trente ans; assurèment, si son ordre avait à envoyer quelqu'un ici, personne ne pourrait m'être plus agréable, mais cet ordre est si Welche, il est si déchu de ses voeux, il nous a marqué si peu de bonne intention, et cette affaire d'Ostrog, qu'on veut pousser par notre influence et dont après les commanderies en Pol(ogne) se rempliraient de créatures Welches, ne me donnent pas la moindre envie du monde de m'intéresser pour Messrs les Maltois.

## 2226) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [2]).

Нашему генералу-поручику Щербинину.

На представленія и примѣчанія ваши, содержащіяся въ полученныхъ отъ васъ реляціяхъ отъ 22, 26 и 27 мая, подъ № 10, 11 и 12, по ввѣренной вамъ негоціаціи съ Крымскимъ ханомъ и начальствомъ тамошнимъ и въ разсужденіи опредѣляемой власти надъ Ногайскими народами хана сего полуострова, мы, въ дополненіе данной вамъ инструкціи, за нужно изобрѣли снабдить васъ еще слѣдующими наставленіями, въ благовременное упрежденіе всѣхъ затруднительствъ съ стороны татарской, по ихъ вѣтренности и недовѣрчивости вами предугадываемыхъ, а болѣе еще по открывшемуся между тѣмъ Крымскихъ начальниковъ искательству и всѣхъ жителей готовости содѣйствовать Портѣ Оттоманской, прежде ими владычествовавшей, изъ сохраняемаго къ сей магометанской державѣ, по единовѣрію, доброжелательства въ ея, на Крымъ, предпріятіяхъ.

Колебленность Крымскихъ начальниковъ и всѣхъ вообще жителей коль велика по сіе время ни была бы, въ надѣяніи на могущіе быть успѣхи турецкихъ покушеній, но прекратиться долженствуетъ

---

[1]) М. Г. А. Мальта, II, св. 1.

[2]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ къ Е. А. Щербинину, 1770—1775. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Р., 1871 г., IV, стр. 111—115.

теперь, по заключеніи между нашими и непріятельскими войсками перемирія на все время продолжаемаго конгресса, почему татары, не видя болѣе впредь никакихъ на Крымъ, съ турецкой стороны, десантовъ, по необходимости чаятельно и успокоятся.

Такимъ образомъ, будучи вы свободны отъ заботы начинавшагося въ нихъ разврата, который подкрѣпленъ и въ силу придти могъ не инако, но военными только непріятельскими дѣйствіями, и получаете всю свободность и время къ произведенію съ ханомъ Крымскимъ и начальствомъ тамошнимъ негоціаціи, по тѣмъ основаніямъ и способамъ, кои вамъ уже предписаны, къ преодолѣнію ихъ неподатности, не отъ постороннихъ причинъ и обстоятельствъ происходящей, но отъ свойственнаго имъ самимъ неразумѣнія и воображенія опасности тамъ, гдѣ отнюдь нѣтъ и никогда быть не можетъ.

Мы, отъ испытанной вашей, при многихъ случаяхъ, къ службѣ нашей ревности, съ совершеннымъ удостовѣреніемъ ожидаемъ, что все ваше тщаніе истощено будетъ на то, дабы склонить хана, и всѣхъ въ правительствѣ участныхъ, на отдачу во всегдашнее наше содержаніе крѣпостей Еникаля и Керчи съ околичною землею, со изъявленіемъ въ заключаемомъ трактатѣ собственнаго ихъ о томъ прошенія, какъ въ посланной къ вамъ формѣ, въ 8-мъ пунктѣ, назначено; но ежели бы однакожъ никакія ваши изъясненія, домогательства и подвиги не превозмогли надъ упорствомъ татарскимъ, въ сей крайности нѣкоторымъ образомъ сообразуясь уже ихъ суевѣрству, которое одно только можетъ имъ въ подобномъ прошеніи сдѣлать еще претительность, послѣ того, какъ вы предуспѣете открыть имъ глаза на собственную ихъ пользу, по истинному ихъ состоянію, дозволяемъ вамъ касающійся до помянутыхъ крѣпостей пунктъ смягчить такимъ образомъ:

„Какъ натуральное положеніе Крыма подвержено и всегда незапнымъ непріязненнымъ нападеніямъ, а россійскія силы, по заключеніи съ Портою Оттоманскою мира, возвратясь въ свои границы, великимъ разстояніемъ отдѣлены будутъ отъ сего полуострова, то дабы во всегдашнее время со стороны Всероссійской Имперіи надежные способы предоставались, перенимаемое торжественнѣйшимъ и священнѣйшимъ образомъ ручательство вольности и независимости Крымской и всѣхъ татаръ, составляющихъ нынѣ свободную область подъ собственнымъ своимъ верховнымъ правительствомъ, дѣйствительно исполнять, поданіемъ въ нужныхъ случаяхъ немедленной помочи и защищенія,—въ семъ уваженіи уступаются, во всегдашнее россійское содержаніе, крѣпости Еникаль и Керчь, на берегу пролива изъ Азовскаго въ Черное море лежащія, и съ околичною землею, чтобъ въ тѣхъ мѣстахъ запасное войско и суда находиться могли, для стражи и отвращенія всякихъ противныхъ, на Крымскій полуостровъ, покушеній“.

Кажется, по здѣшнему разсужденію, что татарамъ, вашими изъясненіями просвѣщеннымъ о прямыхъ способахъ ихъ безопасности, пользы и благоденствія, надлежитъ весьма согласиться на внесеніе въ трактатъ условія о крѣпостяхъ въ вышеозначенной силѣ, поколику о собственномъ ихъ прошеніи ни словомъ уже не упоминается; но ежели вопреки толь основательнаго ожиданія они, какъ съ излишествомъ подозрительные, мало разборчивые, а сверхъ того еще высокомѣрностію безмѣстною исполненные, и обыкновенно въ затменное недоумѣніе приходящіе, при всякомъ письменномъ разсмотрѣніи нашли бъ въ нѣкоторыхъ израженіяхъ и еще сумнительство, и стали бъ требовать перемѣны и оныхъ, вы можете и въ томъ имъ снисхожденіе оказать, для ускоренія совершить желаемый съ ними формалитетъ, поступая на умягченіе и помѣщеніе одного слова вмѣсто другого, но равносильнаго, тоже понятіе подающаго, а грубому и варварскому ихъ воображенію ласкающаго, или по крайней мѣрѣ ими недоумѣваемаго во всемъ содержаніи и пространствѣ; нужда и дѣло единственно въ томъ состоитъ, чтобъ помянутыя крѣпости, которыя составляютъ всю дальновидность нашей о татарахъ системы, остались въ нашихъ рукахъ, къ чему главнѣйшій пунктъ вашей негоціаціи, и заключаемаго съ татарами трактата, и относится, съ тѣмъ, чтобъ и свѣтъ удостовѣренъ былъ о собственномъ татаръ нашимъ видамъ соображеніи.

Съ удовольствіемъ и надѣяніемъ мы вамъ еще повторяемъ, что развѣ неудобность, невозможность и самая неприступность могутъ, и въ состояніи найдутся, остановить и безуспѣшными учинить ваши домогательства, инако ваше искусство, ревность и ваше стремительство къ пользѣ отечества проникнутъ во внутренность и варварскихъ душъ, а по крайней мѣрѣ насъ предъ Портою Оттоманскою, а паче предъ свѣтомъ, въ семъ случаѣ оправдаютъ, ибо мы, не хотя въ нашей мирной съ Портою негоціаціи трактовать съ нею о такомъ въ Крыму этаблиссментѣ, желаемъ напротивъ того быть въ состояніи свѣту показать, что татарская вольная, и ни отъ кого независимая, область по собственному праву власть имѣла, къ огражденію своему отъ всякой могущей быть впредь опасности, принять мѣры и войти съ нами въ обязательства, какія она сама за надежнѣйшія себѣ изобрѣсть могла.

Послѣ того, что касалось до Крымскаго полуострова, то есть тѣхъ отношеній, кои всюду видимы въ разсужденіи татаръ, отъ подданства турецкаго отторженныхъ, мы вамъ объявляемъ, коимъ образомъ всемилостивѣйшее наше благоволеніе заслуживаете вы и въ особенномъ правленіи дѣлъ между Ногайскими народами, по сю сторону Дона на Кубанской сторонѣ нынѣ находящимися, а особливо въ разсужденіи тѣхъ начальныхъ положеній, на коихъ полная мочь и наставленія ихъ депутатамъ распоряжены быть имѣютъ; и потому мы

оставляемъ въ собственное ваше разсмотрѣніе, какую форму, по ближайшему на мѣстѣ усмотрѣнію, заблагоразсудите дать тому взаимному обязательству, которое учинить надобно будетъ между хана Крымскаго и народовъ Ногайскихъ, о предѣлахъ его надъ ними власти и ихъ ему повиновенія; въ самомъ дѣлѣ, въ заключаемомъ непосредственно съ нами трактатѣ, какъ и вы разсуждаете, кажется нѣтъ нужды въ подробность о Ногайскихъ народахъ вступать, тѣмъ больше, что и оттого Крымскіе духи встревожены быть могутъ, хотя и малое всегда отъ Ногайцевъ послушаніе видѣвшіе, но никогда не слыхавшіе о томъ ихъ прямыхъ изъясненій, а уступавшіе только, по собственному каждаго времени нужды, усмотрѣнію, отчего грубость Крымская меньше всегда растрогана быть могла, нежели отъ какой-либо уступки, на предусмотрительномъ размышленіи основанной. Ваше долговременное испытаніе состоянія силы и связи сихъ скитающихся народовъ, и поколику они для Крыма нужны, а съ нашей стороны ихъ требованія подкрѣплены быть могутъ, составляетъ то правило, которое будетъ васъ руководствовать въ поставленіи обязательствъ между татаръ Крымскихъ и Ногайскихъ, но особеннымъ-ли актомъ съ обѣихъ сторонъ исполнится сіе, или даваемою отъ хана Крымскаго грамотою, лучше вы сами разсмотрите по теченію и успѣхамъ вашей негоціаціи.

Здѣсь мы, говоря вообще о дѣлахъ татарскихъ, заблагоразсуждаемъ дать вамъ знать о нашихъ мнѣніяхъ и о горскихъ народахъ, въ необходимой связи находящихся съ отторгшимися, отъ подданства турецкаго Ногайскими народами. По множеству сихъ Ногайскихъ народовъ, живущіе въ Кубани въ горахъ, коль бы ни были повидимому сначала съ ними несогласными, кажется наконецъ пристать къ нимъ должны будутъ; слѣдовательно, непосредственное наше стараніе, о преклоненіи изъ нихъ одного поколѣнія послѣ другого, едва ли не тщетное, какъ неминуемый только убытокъ, по ихъ корыстолюбію и предводительствующихъ ими къ тому начальниковъ Ногайскихъ, производящій.

Сіе примѣчаніе имѣетъ вамъ служить, чтобъ предложенія частныхъ Кубанскихъ поколѣній, изъ которыхъ многія очень малочисленныя, непосредственно не принимать, но отсылать оныя къ тому изъ Ногайскихъ начальниковъ, способомъ котораго они къ вамъ дойдутъ, съ пристойнымъ изъясненіемъ, что больше собственная ихъ, Ногайскихъ начальниковъ, а не наша нужда обращается въ преклоненіи сихъ въ горахъ живущихъ народовъ, по близкому ихъ къ тамошнимъ мѣстамъ пребыванію; а чтобъ оные начальники не огорчались на отказъ, небольшіе подарки ихъ удовольствуютъ; могутъ однако же быть случаи, изъятія требующіе, по надеждѣ важныхъ слѣдствій, но про-

ницаніе ваше и разборчивость всегда оные раздѣлятъ отъ общихъ положеній. Пребываемъ впрочемъ къ вамъ нашею Императорскою милостью благосклонны.

Данъ въ Царскомъ-Селѣ 13 Іюня 1772 года.

Подлинный подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою.

## 2227) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [1]).

Милостивый мой государь Евдокимъ Алексѣевичъ!

Препровождая симъ высочайшій Ея Императорскаго Величества рескриптъ, въ резолюцію на ваши послѣднія представленія, нахожу за нужно присовокупить къ тому еще нѣкоторыя изъясненія, какъ по содержанію онаго рескрипта и обстоятельствамъ порученной вамъ коммиссіи, такъ и въ отвѣтъ на благосклонныя в. прев-ства ко мнѣ письма.

Сочиненныя в. прев-вомъ формы полной мочи и наставленія Ногайскимъ депутатамъ, которые имѣютъ быть при васъ въ Крымѣ, удостоились всемилостивѣйшей апробаціи, о чемъ, не распространяя, ссылаюсь на содержаніе того самаго Ея Императорскаго Величества рескрипта.

Испытанное ваше въ дѣлахъ татарскихъ искусство основательною и справедливою причиною было, что за нужно не почтено отправлять къ в. прев-ву формы акта или постановленія, какое учинено быть имѣетъ между хана Крымскаго и Ногайскихъ начальниковъ, о власти его надъ сими народами; тѣмъ бы только сдѣлалось вамъ принужденіе въ употребленіи, сходныхъ со временемъ и встрѣчающимися случаями, израженій, а что в. прев-во, соображаясь съ производствомъ препорученной вамъ съ Крымскимъ начальствомъ негоціаціи, наилучшимъ образомъ и сіе дѣло распорядить находитесь въ состояніи, по совершенному свѣдѣнію взаимной связи между Крымцами и Ногайцами, и обоюднаго сихъ татаръ отношенія къ пользѣ здѣшней имперіи, въ томъ не только нѣтъ сумнѣнія, но и совершенное надѣяніе полагается на вашу разборчивость и проницаніе.

Со всѣмъ тѣмъ справедливо весьма ваше желаніе и требованіе, чтобъ г. Веселицкому предписано было пособствовать въ трудахъ вашихъ; онъ долженствуетъ состоять и зависѣть отъ вашихъ повелѣній, пока продолжится, при ханѣ Крымскомъ, бытность в. прев-ва, потому что прибытіемъ вашимъ въ Крымъ настоящая его должность какъ повѣреннаго въ дѣлахъ уже окончается, а послѣдующая какъ резидента имѣетъ начаться по отбытіи вашемъ; итакъ между тѣмъ, не представляя уже онъ дѣйствующаго лица, натуральнымъ образомъ вамъ какъ полномочному Ея Императорскаго Величества и есть подчиненнымъ. Я хотя уже къ нему и писалъ отъ 31 Января, при случаѣ увѣдомленія его о пожалованіи въ статскіе совѣтники и о назначеніи резидентомъ при ханѣ Крымскомъ и новой области татарской, чтобъ онъ трудами своими и совѣтами вамъ помогалъ, но чтобъ и настоящему в. прев-ва желанію удовлетворить, прилагаю

---

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски писемъ гр. Панина къ Е. А. Щербинину 1771—1775. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Р., 1871 г., IV, стр. 115—118.

при семъ письмо мое къ нему, и съ копіею, для вашего извѣстія, изъ которой изволите усмотрѣть, что ему подтвержается въ вашихъ повелѣніяхъ состоять.

Обстоятельство, примѣченное кн. Василіемъ Михайловичемъ Долгоруковымъ, въ письмѣ его ко мнѣ отъ 23 Мая, о артиллеріи турецкой и порохѣ въ Кафѣ, Арабатѣ и прочихъ мѣстахъ, касается такожде до вашей съ Крымцами негоціаціи, не будучи о томъ упомянуто въ данной в. прев-ву инструкціи, произвело по справедливости въ полководцѣ предусмотрѣніе, сказывая онъ напередъ, что если бъ все то въ здѣшнія границы вывозить, то требовалось бы къ тому не меньше какъ до 3,000 паръ воловъ, которое число собрать трудно, а инако татары, не зная съ такими орудіями обходиться, отдадутъ ихъ туркамъ, по своему къ нимъ доброжелательству.

Ваше прев-во можете, чтобъ избавиться труда и ижданія отъ перевоза сей тягости, по большей части и безполезной, ибо извѣстно, что у турковъ всегда меньше мѣдныхъ пушекъ нежели чугунныхъ, составить для хана Крымскаго и правительства тамошняго, сверхъ тѣхъ убѣжденій, кои вамъ уже предписаны къ успѣху вашей негоціаціи, еще и новое, предъявляя имъ къ пристойному времени, что хотя по утвержденному во всемъ свѣтѣ праву войны, помянутыя орудія и снаряды принадлежатъ намъ, какъ побѣдителямъ надъ турецкими войсками, которымъ и принадлежала та артиллерія, но Ея Императорское Величество, изъ отличнаго къ хану Крымскому уваженія, соизволяетъ оставлять оныя въ его вѣдомство и для собственнаго Крымцевъ употребленія, въ томъ надѣяніи, что сіе снисхожденіе принято будетъ во всей цѣнѣ достойной, и тѣ орудія не только навсегда въ Крымѣ сохранятся, но и дѣйствительно оными будетъ воспользованось на отраженіе противныхъ покушеній непріятельскихъ; а на семъ правилѣ извольте в. прев-во и о томъ постараться, дабы, при порученіи въ наши руки означаемыхъ отъ насъ крѣпостей, сколько возможно безъ ихъ раздраженія, снабдить тѣ крѣпости довольнымъ числомъ отборными мѣдными пушками изъ тамошней артиллеріи, подъ претекстомъ наинужнѣйшей для нихъ ограды и скорой обороны, противъ нападеній ихъ ненавистниковъ.

За нужно признанное в. прев-вомъ удержаніе Калги-султана чаятельно произошло, по той заботѣ, которая необходимымъ была слѣдствіемъ полученныхъ вами изъ Крыма извѣстій; безъ сумнѣнія по нихъ такое заключеніе, чтобъ между тѣмъ съ Крымомъ успѣть условиться для будущаго времени, производить надлежало; но учиненное между тѣмъ перемиріе, коль бы татары ни были въ колебленности, всѣ ихъ тайныя искательства и ковы остановитъ, а при такомъ состояніи дѣлъ кажется и продолженіе здѣсь Калги-султана безполезно, но прежде нежели онъ въ Крымъ прибыть успѣетъ, в. прев-во однакожъ время имѣть будете негоціацію вашу совершить.

При постановленіи для васъ инструкціи не можно было назначить дачи на исправленіе и подъемъ для тѣхъ людей, кои при в. прев-вѣ быть имѣли, по невѣдѣнію ихъ числа, состоянія и должностей; а въ самомъ дѣлѣ при подобныхъ случаяхъ всегда обыкновенны были особливыя пособія; потому за справедливо почитается, что вы рѣшились не въ зачетъ жалованья выдать тѣмъ, кои при васъ въ производствѣ дѣлъ находятся, за полгода, а кои свиту вашу составляютъ,—за треть года. А о изъятіи Крыма и Ногайскихъ татаръ отъ учиненнаго запрещенія о неввозѣ въ здѣшнія границы россійскаго чекана денегъ, Ея Императорскаго Величества повелѣніе уже дано.

Пребуду всегда съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

Въ Царскомъ Селѣ, 13 Іюня 1772-го года.

**DÉDUCTION DE LA CONDUITE DE LA COUR DE RUSSIE VIS-A-VIS LA SÉRÉNISSIME RÉPUBLIQUE DE POLOGNE, ET DES TITRES SUR LESQUELS ELLE FONDE LA PRISE DE POSSESSION D'UN ÉQUIVALENT A SES DROITS ET PRÉTENTIONS A LA CHARGE DE CETTE PUISSANCE.**

Напеч. въ Сборникѣ, т. LXXII, стр. 137—159 (при депешѣ графа Сольмса отъ 15 Іюня 1772 г.).

## 2228) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ ВЪ АРХИПЕЛАГЪ [1]).

18 Іюня 1772 г.

На представленіи в. с-ва, реляціей вашею отъ 25 Мая, здѣсь въ резолюцію высочайшій Ея Императорскаго Величества рескриптъ имѣю честь препроводить В. с-во, надѣюсь, найдетеся онымъ достаточно разрѣшенными по всѣмъ тѣмъ пунктамъ, кои васъ озабочивали. По сдѣланнымъ же отъ васъ, м. г. м., мнѣ и любезному вашему брату, графу Ивану Григорьевичу, откровеннымъ разсужденіямъ и примѣчаніямъ въ дружескихъ вашихъ къ намъ письмахъ, отправленныхъ купно съ помянутою вашею реляціею, обязали вы меня какъ съ братцемъ вашимъ откровенно изъясниться въ моихъ мнѣніяхъ, такъ и в. с-ву, по моей безпредѣльной къ вамъ искренности и нелицемѣрной дружбѣ, изъявить здѣсь оныя въ полномъ совершенствѣ моего о дѣлахъ познанія; а чтобъ сокращеннѣйше вамъ оныя представить, то я прилагаю здѣсь особенное мое разсужденіе о части всенародныхъ правъ, относительной къ вашей настоящей заботѣ. Увѣрьтесь, м. г. м., что тутъ никакое робкое уваженіе мною не руководствовало, а мысли мои и познаніе съ достаточнымъ свѣдѣніемъ основаны на опытахъ разныхъ многихъ происшествій въ войнахъ между державами, морскія силы имѣющими и отправляющими внѣшнюю торговлю и мореплаваніе.

Несогласіе въ правилахъ, опредѣляющихъ военный контрабандъ, столько велико и столь разнымъ по обстоятельствамъ перемѣнамъ подвержено, что и тѣ державы, кои твердыя владѣнія на тѣхъ моряхъ имѣютъ, на которыхъ такія военныя дѣйствія между ими производятся, никогда единою общею справедливостію между собою не разводились,

---

[1]) М. Г. А. Турція X, св. 3. Напечатано въ Русск. Архивѣ, 1880 г., т. III, стр. 251—253.

а всегда наконецъ одна другой уступала, или снисходила, по уваженію большей или меньшей поверхности, силы и дѣйствъ дѣлъ своихъ. Истинное мое предъ вами чистосердечіе не дозволяетъ мнѣ и того еще въ молчаніи оставить, что особливо по деликатности нашего положенія въ Средиземномъ морѣ долженствуетъ у насъ быть въ уваженіи: всѣ тѣ державы, кои могли, а не препятствовали нашему входу и пребыванію въ Средиземномъ морѣ, воображали себѣ сначала другія тамъ съ нашей стороны дѣйствія; онѣ считали, что средствомъ вооруженій на тамошнихъ берегахъ, война наша пойдетъ и съ той стороны болѣе сухопутною, нежели морскою, эскадры же наши останутся для снабдѣнія и подкрѣпленія оной; на семъ основаніи Англія, искавъ насъ своими услугами обязать, а туркамъ дать восчувствовать малое къ ней уваженіе, чтобъ и тѣмъ и другимъ сдѣлаться единою посредницею возстановленія мира и тишины, отворила намъ всѣ свои порты и дозволила всякое вспоможеніе. Напротивъ чего Франція, надѣясь, что чрезъ свой союзъ съ Вѣнскимъ дворомъ, найдетъ довольно способовъ намъ приключить тягости и ущербъ въ настоящей войнѣ, не нашла сходственнымъ, по внутреннему своему положенію, зайти безпосредственно въ тягостныя военныя хлопоты, и для того попустила нашему предпріятію, утвердясь притомъ, и та и другая держава, впрочемъ другъ другу завиствующія, на нашей генеральной декларації, въ которой, при обнадеживаніи свободной и безпрепятственной коммерціи, подвозъ хлѣба на нейтральныхъ купеческихъ корабляхъ исключенъ въ одномъ только казусѣ дѣйствительной блокады какого-либо непріятельскаго мѣста.

Вотъ, м. г. м., истинное существо дѣлъ нашихъ въ вашемъ мѣстѣ относительно до нейтральныхъ державъ. Примите мое въ томъ предъ вами чистосердечное откровеніе въ цѣнѣ той же истинной довѣренности къ собственному вашему благоразумію, съ которою я предъ вами въ ономъ изъясняюсь. Я остаюсь въ твердой надеждѣ, что в. с-во не оставите теперь, получа рѣшительныя высочайшія резолюціи на всѣ васъ столь много затрудняющія обстоятельства, употребить всѣ лучшія и скорѣйшія средства къ заключенію перемирія, дабы, какъ дѣла любезнаго вашего брата графа Григорія Григорьевича на конгрессѣ безпрепятственнѣе къ окончанію приведены были, такъ бы и вы сами, м. г. м., чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше вышли изъ-за критическаго положенія въ остановкѣ по манифесту вашему всякаго хлѣбнаго промысла между нейтральнаго мореплаванія и земель нашего непріятеля. Впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

## РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ.

28 Іюня 1772 г. Наставленія по вопросу о перемиріи съ турками. Напеч. въ Сборникѣ, т. I, стр. 83—87.

## 2229) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ Г. Г. ОРЛОВУ И А. М. ОБРЕСКОВУ [1]).

Реляціею вашею отъ 14 числа нынѣшняго (Іюня) мѣсяца докладываете вы намъ о снабдѣніи васъ позволеніемъ продолжить, по усмотрѣнію вашему, срокъ перемирія, которое въ силу данной вамъ инструкціи можетъ отъ васъ быть продолжимо только на Іюль мѣсяцъ. Мы, высочайше апробуя и соглашаясь на всѣ вами изображенные тому резоны, съ полною довѣренностью уполномочиваемъ васъ по сему пункту поступить по лучшему вашему усмотрѣнію и продолжать перемиріе столько, сколько то можетъ вами быть признано за полезно, для прекращенія войны, успѣхомъ вашей негоціаціи, какъ для возвращенія самаго толь вожделѣннаго Имперіи нашей мира, такъ и для нужнаго способствованія нашимъ польскимъ дѣламъ; но при всемъ томъ, зная гордость и невѣжество турецкое, не можемъ здѣсь оставить безъ примѣчанія, что, для лучшаго успѣха возложеннаго на васъ дѣла, не полезнѣе-ли будетъ, если вы будете отсрочивать перемиріе по временамъ, и такимъ образомъ, чтобъ получа согласіе ихъ на одни изъ нашихъ кондицій, во время приближенія срока перемирія, могли вы, для показанія вашего искренняго желанія о приведеніи къ концу сего спасительнаго дѣла и для привлеченія ихъ чрезъ то къ соглашенію на другіе важнѣйшіе отъ насъ требуемые пункты, продолжить еще на нѣсколько срокъ перемирія, и оный размѣрять по тому, какъ вы примѣчать будете податливость и искренность турецкихъ полномочныхъ къ заключенію мира на требуемыхъ нами кондиціяхъ. Все сіе однакожъ поручаемъ мы наилучшему вашему на мѣстѣ усмотрѣнію полагаясь во всемъ на испытанную вашу ревность къ службѣ нашей и отечества.

Можетъ быть турецкіе полномочные своимъ пріѣздомъ еще долѣе промедлятъ, и легко станется, что сія ихъ медленность будетъ умышленною до того, чтобъ продолжить безопасное свое отъ нашихъ военныхъ дѣйствъ положеніе. Въ случаѣ, если вы усмотрите, что и въ самомъ дѣлѣ такое ихъ замедленіе подозрительно, предаемъ мы на ваше благоусмотрѣніе изъясниться о томъ съ ними, и назначить имъ резонабельный для съѣзда вашего срокъ, объявя имъ, что далѣе онаго

---

[1]) М. Г. А. Турція IX, св. 8.

вамъ ждать ихъ не возможно. и сказавъ претекстъ оному тотъ, что вы имѣете ваши полномочія токмо до 1 Августа. Симъ средствомъ, можетъ быть, турецкіе полномочные побуждены будутъ поспѣшить своимъ пріѣздомъ и начать негоціацію, въ успѣхѣ коей полагаемся мы съ сострпенною довѣренностью на патріотическое ваше усердіе и тщаніе, пребывая впрочемъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Петергофѣ Іюня 30 дня 1772 года.

Екатерина.

## СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ЧЕРНОВОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ АДМИРАЛУ НОЛЬЗУ.

Іюнь 1772 г. О распоряженіяхъ его на Дунаѣ и о томъ, что онъ можетъ предпринять по окончаніи ихъ. Напеч. въ Сборникѣ, т. XIII, стр. 250—254.

## 2230) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАМѢТКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

При письмѣ посла въ Варшавѣ Сальдерна, отъ 4 Іюля 1772 г., къ графу Н. И. Панину приложено было, „uniquement pour informer V. E. de l'excès de la frivolité française“, какъ выражался Сальдернъ, письмо къ Императрицѣ отъ нѣкоего Valcroissant, генерала французской службы, съ предложеніемъ принять его въ русскую службу и привести въ Россію сформированный имъ полкъ въ 1200 человѣкъ, и съ изложеніемъ его условій въ 9-ти пунктахъ.

Cela est original, et voilá un ennemi acharné, dont il ne dépend que de nous de faire un traître; la revanche est douce; l'ambassadeur nous en a débarassé, en lui mandant qu'il avait jeté et la lettre et le mémoire au feu, et ce bijou, parent de Choiseul, restera au Roy de France, monsieur mon frère. Je ne lui en porte point envie.

## 2231) ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ХРИСТІАНУ VII, КОРОЛЮ ДАТСКОМУ [2]).

A Péterhof ce 8 Juillet 1772.

Monsieur mon frère.

J'ai été aussi sensible que j'ai du l'être à l'attention, que Votre Majesté a eu de me notifier préférablement à tout autre souverain son divorce avec la reine Caroline-Mathilde. L'intérêt que je prends à tout ce qui la concerne me fait souhaiter, qu'elle trouve à la suite de cet événe-

---

[1]) М. Г. А. Польша III, св. 33.

[2]) М. Г. А. Данія I, св. 1. См. выше №№ 2159 и 2178.

ment tout le contentement et la tranquillité qu'elle a pu en espérer. J'apprends surtout avec une satisfaction sincère, qu'une affaire aussi délicate a pu se terminer sans altérer la bonne union entre votre couroune et celle d'Angleterre. C'est avec un véritable empressement que j'ai cherché à concourrir à cette conciliation par les insinuations honnêtes et convenables de mon ministère, et je dois cette justice à la conduite de Votre Majesté qu'elle ne pouvait être plus conforme à la dignité, aux ménagements que les souverains se doivent et à mes propres désirs, quoiqu'en même temps je ne puisse point lui dissimuler, que j'aurais souhaité, par bien des considérations, que dans le jugement des criminels d'état sa modération et son humanité eussent prévalu sur la rigueur et l'observation stricte de la loi. Je vois au reste avec reconnaissance l'intérêt qu'elle prend à mes espérances actuelles d'une paix prompte et glorieuse pour mon empire avec la Porte. L'intérêt qui unit nos deux états et les liens du sang qui attachent nos maisons l'une à l'autre, lui garantissent de ma part une réciprocité parfaite pour tout ce qui pourrait concerner ou sa gloire personnelle, ou l'avantage de sa couronne. C'est avec ces dispositions et les sentiments d'une parfaite amitié que je suis.

Monsieur mon frère de Votre Majesté etc.

## 2232) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ДАТСКОМУ МИНИСТРУ ГРАФУ ОСТЕНУ ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ [1]).

Петергофъ, 11 Іюля 1772 года.

L'Impératrice, ma Souveraine, n'a pu qu'être sensible à la distinction que le roi votre maître a faite à son amitié et aux liens du sang qui les unissent, en lui notifiant exclusivement à tout autre souverain, son divorce avec la reine Caroline-Mathilde. Sa Majesté Impériale s'en explique sur ce ton dans sa réponse au roi, que j'ai l'honneur d'accompagner ici et que votre ex-ce voudra bien présenter à sa Majesté Danoise. L'Impératrice y témoigne également sa reconnaissance de l'intérêt, avec lequel le roi voit les espérances d'une paix prompte et glorieuse entre l'empire de Russie et la Porte. J'ai été on ne peut pas plus flatté des choses obligeantes, que vous avez ajoutées, m-r, de la part du roi, sur l'avantage que j'ai de participer dans mon ministère à un évènement, dont l'aspect est si favorable. Je dépose dans le sein de l'amitié, dont votre ex-ce m'honore, mes très humbles actions de grâces pour le roi votre maître. Je vous prie de l'assurer qu'intéressé, par principe d'état et par des sen-

[1]) Гольштинія, IX св. 1.

timents, qui depuis longtemps existent en moi, à tout ce qui peut concourir à la tranquillité et à la prospérité du Danemark, je n'ai pu voir qu'avec le plus grand plaisir terminées, à la satisfaction réciproque des deux couronnes et conformèment aux désirs de ma Souveraine, les affaires, qui menaçaient d'altérer l'amitié et la bonne union entre le Danemark et l'Angleterre. Je serai au comble de mes voeux, si, en m'efforçant de servir à une telle conciliation, j'ai pu manifester ces sentiments, que vous me connaissez, M-r, depuis si longtemps, et que je vous prie de mettre aux pieds du roi.

Je ne remplirais point ce qu'exige de moi ma propre persuasion, si je quittais cette matière sans dire à V. E., combien je trouve digne d'éloge la conduite prudente et mesurée qu'elle a tenue dans toute cette affaire. Elle l'a traitée avec la dextérité et la délicatesse, dont elle pouvait être susceptible sans compromettre la dignité de son maître, et le succès en est aussi glorieux pour votre ministère, qu'intéressant pour l'humanité et avantageux à l'état. Je souhaiterais être en état de m'expliquer en termes pareils sur l'acte, par lequel on a exposé au public les motifs de la sentence rendue contre les criminels d'état, mais, M-r, comme je ne veux avoir droit de conserver votre amitié que par ma confiance et ma sincérité, vous approuverez que je vous dise, qu'elle ne répond point à ce fond de discrétion, de lumières et de ménagements, qui a dirigé le reste, et qu'elle s'est ressentie de n'avoir pas dépendu uniquement et immédiatement de V. E. Il est facile de distinguer les affaires où vous présidez. La disposition qui règle la tutelle du prince royal, en cas de vacance du trône avant la majorité, en est une où je retrouve la prévoyance et la sagesse de l'homme d'état, qui a eu la parfaite approbation de l'Impératrice; elle vous méritera de justes éloges de toute l'Europe, et je vous prie d'en agréer, M-r, mes compliments sincères.

Puisque V. E. a pris la peine elle-même de toucher dans sa lettre un article qu'elle sait nous tenir fort à coeur, et que la prudence la plus simple ne saurait négliger, celui d'un homme que nous avons éprouvé aussi opiniâtrement qu'insensément contraire à l'union et la bonne harmonie de nos cours, je m'expliquerai avec vous à ce sujet, M-r, avec la franchise que vous me connaissez et que même le bien de la chose exige. Il n'est point douteux qu'aussi longtemps qu'il n'aura aucune part aux affaires, ses dispositions peuvent nous être indifférentes; je sais aussi, combien nous devons de confiance à vos soins et à votre prévoyance pour empêcher que jamais il n'y acquière une influence dangereuse; mais après les vicissitudes que nous avons éprouvées et qui ont été telles, que le comte Rantzau, éloigné de la cour, a pu, par ses intrigues y rentrer et y renouveler son crédit et son importance, je m'en

remets à votre propre jugement, s'il ne doit pas nous rester toujours une sorte de circonspection et d'inquiétude, laquelle devra nécessairement être consultée dans nos démarches et nos mesures aussi longtemps qu'il est dans le conseil, où nous nous figurerons toujours moins d'impossibilité à l'extension de son crédit, que s'il était entièrement éloigné des affaires, et assurément cet état ne peut être pour nous celui d'une parfaite tranquillité, telle que l'exige une alliance aussi intime que la notre. V. E. fait tout ce que nous pouvons attendre de ses propres dispositions pour diminuer nos craintes, mais l'effet en surpasserait sa propre attente, s'il allait jusqu'à les anéantir en entier.

Tout ce qui m'est revenu de M. de Numsen s'accorde parfaitement avec le bien, que vous m'en dites. Je n'ai pas manqué de m'en servir pour prévenir favorablement l'Impératrice sur la nomination de ce ministre, et j'ai la satisfaction de voir qu'elle a sa parfaite approbation. Je serai personnellement charmé de me lier de connaissance avec lui, et outre l'intérêt que V. E. prend à ses succès, j'ai, par devers moi, une considération qui m'y porte bien naturellement. Je me rappelle avec reconnaissance qu'étant à Copenhague encore jeune homme, j'ai joui de l'amitié et des bontés du père de M. de Numsen, et je serai très flatté si je puis marquer à celui-ci, combien je suis fidèle à l'impression qu'elles ont faite en moi.

Je puis vous assurer, M-r, qu'on ne saurait être plus content que je suis de M. Dreyer, que je lui veux sincèrement du bien et que je serai toujours prêt à contribuer à favoriser l'amélioration de son établissement; mais comme je ne dois rien vous cacher, permettez moi de ne pas entrer dans les vues que vous me faites entrevoir à son sujet. Vous devez être persuadé que l'inclination propre de l'Impératrice et du grand-duc, prince d'un âge à réfléchir et qui devance beaucoup son âge par sa maturité, autant qu'un principe naturel d'état, font souhaiter, et à la mère et au fils, qu'il n'y ait jamais entre eux et leurs affaires qu'une unité parfaite et un tout indivisible, et je croirais que ce serait y contrevenir que de nommer un ministre ou résident proprement auprès de la personne du grand duc. J'ajouterai que cette considération me fait même désirer, que si après la majorité de Son Altesse Impériale, ou même à l'occasion de cet événement, il y a quelque formalité qui exige qu'un ministre soit nommément accrédité auprès de lui, je trouverais plus juste et plus convenable, que ce fut le même ministre accrédité auprès de l'Impératrice qui y fut employé et revêtu du double caractère auprès de Sa Majesté et de Son Altesse Impériale.

M-r Dreyer vous aura prévenu, M-r, sur l'obstacle qui a empêché jusqu'à présent la nomination effective et l'envoi du ministre destiné pour votre cour. Il va cesser incessamment, et vous pouvez être per-

suadé que je ne tarderai point de m'employer efficacement à répondre en cela à vos désirs, qui dans leur objet s'accordent parfaitement avec les miens. J'ai l'honneur d'être etc.

## 2233) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ Г. Г. ОРЛОВУ [1]).

Принеся искреннее благодареніе за обязательнѣйшее письмо в. с-ва, отъ 22-го Іюня, покорно прошу васъ, м. г. м., извинить меня въ томъ, что я, моими, такъ уже давно вамъ не служилъ. Я истинно не хотѣлъ васъ безпокоить нерѣшительными увѣдомленіями, которыя состояли бы изъ сообщеній до меня доходившихъ, ничего собою не опредѣляющихъ, и разсужденій, часто другъ другу противорѣчащихъ, какова была сообщаемая графомъ Сольмсомъ королевская съ нимъ переписка; ибо ни король Прусскій, ни мы не знали точной рѣшительности Вѣнскаго двора. Наконецъ князь Лобковичъ получилъ нынѣ своего курьера съ рѣшительнымъ отвѣтомъ; а чтобъ в. с-во изволили ближе спознать модификацію, которую сдѣлалъ Вѣнскій дворъ своимъ требованіемъ, и тѣмъ приблизился болѣе къ предложенному отъ насъ ему плану на первыя его требованія доли въ раздѣлѣ польскомъ, такъ какъ и о другихъ его отвѣтахъ на мои разныя бумаги, по отъѣздѣ вашемъ отсюда, мною врученныя принцу Лобковичу, и вамъ, въ свое время, отъ меня сообщенныя, касательно до сей же негоціаціи, то имѣю честь приложить здѣсь въ копіяхъ: 1) письмо князя Кауница къ князю Лобковичу; 2) примѣчанія и разсужденія его о предстоящихъ для его двора неудобностяхъ принять въ точность отъ насъ имъ предложенную долю; а потому: 3) проектъ конвенціи съ ихъ стороны, съ полагаемою отъ нихъ, въ вышеупомянутой пьесѣ, модификаціей ихъ удѣла; 4) особенный артикулъ объ употребленіи ихъ добрыхъ оффицій на мирномъ конгрессѣ, на мѣсто отъ насъ представленнаго четвертаго артикула въ проектѣ нашей конвенціи; 5) разсужденія о вступленіи Австрійскихъ войскъ въ Польшу, въ отвѣтъ на мои о томъ сентименты; 6) письмо ко мнѣ князя Дмитрія Михайловича Голицына, въ коемъ упоминаемыя приложенія суть тѣ же самыя, которыя выше сообщаются в. с-ву; вы, м. г. м., между прочимъ въ ономъ письмѣ изволите увидѣть исповѣдь кающагося предо мной князя Кауница, въ оправданіе сдѣланной отъ него модификаціи клаузамъ употребленія ихъ добрыхъ оффицій; и наконецъ, 7) выписки изъ депеши короля Прусскаго къ графу Сольмсу, которую онъ получилъ съ тѣмъ же курьеромъ князя Лобковича.

[1]) М. Г. А. Турція, IX, св. 8.

В. с-во, прочитавъ оное, усмотрите связь всей нашей негоціаціи. А какъ зрѣлость дѣлъ нашихъ требуетъ немедленнаго рѣшенія, то Е. И. В., принявъ за благо Вѣнскимъ дворомъ сдѣланную уступку двухъ воеводствъ, Люблинскаго и Хельмскаго, высочайше мнѣ повелѣла, на основаніи представленныхъ модификацій, подписать конвенцію съ княземъ Лобковичемъ и графомъ Сольмсомъ, чѣмъ я нынѣ и упражненъ. Срокъ занятія и присвоенія польскихъ земель тремя высочайшими дворами постановляется въ первыхъ числахъ Сентября, дабы имѣть время на утвержденіе ратификаціями общаго соглашенія, и снестись ближе о декларації, которую всѣ три министра учинить имѣютъ въ Польшѣ, въ день срока помянутой инкорпораціи тѣхъ польскихъ земель, потому что, какъ вы и сами изъ письма князя Кауница примѣтить изволите, сей министръ, въ сообщенномъ ему мною проектѣ манифеста, нашелъ нѣкоторыя выраженія, несходственныя его двору.

Остается мнѣ теперь примѣтить в. с-ву, что Вѣнскій дворъ, или, лучше сказать, князь Кауницъ, принося покаяніе о прегрѣшеніи своемъ въ постановленныхъ съ турками обязательствахъ, и выпедъ изъ нихъ однимъ обѣщаніемъ добрыхъ и безпристрастныхъ оффицій при трактованіи ихъ съ нами о мирѣ, въ удовлетвореніе тѣхъ своихъ съ турками обязательствъ, кажется, что, въ успокоеніе сентиментовъ честности, искалъ отклонить свои добрыя намъ оффиціи на апробованныя уже имъ самимъ наши мирныя кондиціи, а по крайней мѣрѣ хочетъ сравнить ихъ съ тѣми, кои онъ обѣщалъ туркамъ; почему Е. И. В. и соизволяетъ успокоить сію политическую совѣсть князя Кауница и отворить ему прямой путь къ доведенію дѣлъ до пункта общепринятой нами системы, безъ поврежденія его честности; а вслѣдствіе того также повелѣть мнѣ изволила, при самомъ подписаніи помянутой конвенціи, вручить князю Лобковичу министеріальную промеморію, съ которой точную копію приложить здѣсь честь имѣю.

При таковомъ дѣлъ нашихъ положеніи, я за долгъ себѣ ставлю в. с-ву сообщить свое мнѣніе. Легко статься можетъ, что теперь, при начальномъ отвореніи вашей съ турецкими полномочными негоціаціи, г-нъ Тугутъ будетъ искать, своимъ между обѣими сторонами поведеніемъ, содержать себя въ равновѣсіи; но сіе, м. г. м., безпокоить васъ не должно; ибо, пока до нашего ультимата или до послѣднихъ требованій дѣла не дойдетъ, торговля кондицій не меньше свое теченіе имѣть будетъ; когда же пунктъ ультимата настоять будетъ, то тутъ, по совершеніи съ нами системы, Вѣнскому двору нельзя будетъ найтися между вами и ими въ равновѣсіи, а должно поневолѣ уже слѣдовать наклоненію новой политической связи, и обще съ Прусскимъ министромъ, совѣтовать турецкимъ полномочнымъ принятіе тѣхъ нашихъ послѣднихъ кондицій. Инако легко онъ покажетъ себя предъ

турками двояко коварнымъ, и подастъ поводъ имъ думать, что онъ намѣряется продолженіемъ войны еще воспользоваться и на турецкій счетъ, посредствомъ нашимъ; ибо нельзя ему больше показать имъ надежду своей помощи противъ насъ и короля Прусскаго, съ отвагою потери польскихъ пріобрѣтеній.

Позвольте мнѣ, м. г. м, и здѣсь также, какъ прежде, васъ просить, чтобы по милости своей вы сообщить изволили все сіе мое отправленіе Алексѣю Михайловичу [1]), на которое я къ нему въ моемъ письмѣ ссылаюсь, и свидѣтельствуя мой поклонъ любезному вашему братцу, пребываю и проч.

P. S. Здѣсь слѣдуютъ, для любопытства в. с-ва, обыкновенно получаемыя черезъ Вѣну Цареградскія извѣстія.

Въ Петергофѣ, 24-го Іюля 1772 года.

## 2234) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ А. М. ОБРЕСКОВУ [2]).

Петергофъ, 24 Іюля 1772 г.

Мнѣ много бъ надобно было приносить извиненіе в. пр-ву въ моемъ долгомъ предъ вами молчаніи, но вы, мой милостивый другъ, совершенно знаете и мою къ вамъ истинную и сердечную преданность, и тотъ вихрь дѣлъ и заботъ, въ которомъ я безпрестанно обращаюсь, по двойному моему званію. Итакъ, будучи удостовѣренъ о вашемъ ко мнѣ расположеніи, оставляю всѣ невмѣстные между нами комплименты, и скажу чистосердечно, что не имѣвъ свободнаго времени, оставлялъ писанье мое къ вамъ до того, пока дѣла надобность къ тому мнѣ представятъ, получая между тѣмъ, каждое въ свое время вѣрно и порядочно, всѣ ваши дружескія письма и съ приложенными при нѣкоторыхъ изъ нихъ вашими реляціями. Въ отвѣтъ же на всѣ оныя только то нахожу вамъ сказать, что Ея Императорское Величество всемилостивѣйше апробовать изволила положенное вами, обще съ гр. Григоріемъ Григорьевичемъ, намѣреніе содержать турецкое посольство на казенномъ счетѣ, для чего я къ вамъ на будущей недѣлѣ и нѣкоторую особливую сумму доставить не премину.

Нужнаго для свѣдѣнія дѣлъ вашихъ, что по сей часъ здѣсь произошло, я обо всемъ ономъ теперь пишу къ гр. Григорію Григорьевичу, прося его, чтобъ онъ вамъ оное сообщить изволилъ, а до сего времени наши дѣла съ Вѣнскимъ дворомъ въ остановкѣ находились. Мнѣ видится, мой милостивый другъ, что еслибъ Вѣнскій дворъ, или, лучше сказать, г. Тугутъ, и при вашемъ ультиматѣ лѣниво Турокъ погонять сталъ, и искалъ бы сохранять видъ равнаго безпристрастія между вами и ими, а отъ сего бы турецкая упорность вамъ непреоборимою предстояла, то г. Цегелинъ вамъ можетъ

---

[1]) Обрескову.

[2]) М. Г. А. Турція, IX, св. 8.

тутъ служить съ пользою, буде онъ, ко времени и кстати, тогда турецкимъ полномочнымъ внушитъ и растолкуетъ, сколь такая, Вѣнскаго двора министра, индифферентность или же и подкрѣпленіе ихъ въ упрямствѣ, имъ должны быть подозрительны; ибо, когда его двору удалося въ Польскихъ дѣлахъ пріобрѣсти себѣ такое знатное приращеніе, то какъ же ему теперь не замышлять продолжать войну между двумя сими имперіями, дабы, въ теченіе оной, успѣть еще вторично соединиться съ Россіею и оторвать отъ Оттоманской имперіи еще знатнѣйшую часть земли; а каковъ уже тогда для Турокъ миръ воспослѣдовать можетъ, о томъ и разсуждать излишно. Между тѣмъ я напередъ васъ увѣрить могу, что король Прусскій конечно дастъ такія повелѣнія г. Цегелину.

Вотъ, мой другъ, какія врата я еще пріуготовляю для успѣха вашего дѣла. Но меня теперь больше всего озабочиваютъ дѣла въ Крыму, безуміемъ и тщеславіемъ запутанныя. Я только имѣю извѣстіе о прибытіи туда Евдокима Алексѣевича Щербинина, и что онъ нашелъ тамъ духи почти всѣ объятыми страхомъ и недовѣренностью къ намъ, въ разсужденіи занятія крѣпостей; но сіе однакоже должно оставаться на нашей заботѣ, какъ и когда привесть оное въ порядокъ, вашихъ же инструкцій отнюдь не перемѣняетъ; ибо мы требуемъ признанія ихъ независимости по ихъ торжественному отъ Турокъ отторженію, и, во взаимство того, сами не хотимъ ими завладѣть, ниже ихъ въ ихъ гнѣздѣ истребить; а каковымъ больше или меньше дружескимъ и согласнымъ образомъ мы съ ними, яко съ сосѣдями, обращаемся, до того Туркамъ никакого правильнаго дѣла имѣть не можно, пока они ихъ сами независимыми не признаютъ, и пока военныя дѣйствія между ими и нами безпосредственно не произойдутъ.

Сказавъ здѣсь дружески вашему превосходительству все то, что по настоящему дѣлъ обращенію мнѣ въ мысляхъ моихъ представляется, ожидаю съ нетерпѣливостью узнать, какъ теперь ваши негоціаціи начинаются. Я не могу, мой милостивый другъ, себя инако увѣрить, что чѣмъ больше ваша противная сторона медлительности употребляетъ, тѣмъ паче подвергаетъ она себя худшимъ слѣдствіямъ, потому что, какъ бы она во время перемирія войскъ своихъ ни умножала, то всѣ оныя въ приближающуюся осень сами исчезать будутъ, а намъ, конечно, останется время тогда ихъ остатки разбить, и другую сторону Дуная по послѣдней мѣрѣ совершенно опустошить, если невозможно будетъ тамъ утвердить своей ноги. Дальнѣйшія же предпріятія мнѣ всегда представлялись и представляются столько же не нужными, сколько и невозможными, а по послѣдней мѣрѣ весьма отважными, если и не отчаянными. Напротивъ того, перемиріе намъ произвело ту существительную пользу, что Крымъ спокоенъ остался, безъ чего конечно намъ его удерживать въ семъ положеніи весьма было бы трудно, по всѣмъ тѣмъ снаряженіямъ, которыя Турки къ тому готовили, умалчивая еще, что тоже самое перемиріе конечно знатно споспѣшествовало намъ расторгнуть систему соединенія съ Турками Вѣнскаго двора.

Сердечно желаю благополучнаго окончанія вашимъ подвигамъ, и да укрѣпитъ Всевышній васъ духомъ терпѣнія, твердости и проницанія, столь нужными для производства толь великаго и значительнаго дѣла. Впрочемъ, слогъ, форма и рука [1]) сего письма довольно вамъ докажутъ, что оно писано отъ друга къ другу, и слѣдственно не по оффиціи депешею, и потому не заслуживаетъ мѣста въ архивѣ вашей, а только свидѣтельствуетъ вамъ, моему другу, то сердечное почтеніе и проч.

---

[1]) Письмо написано рукою секретаря Панина, Д. И. Фонвизина.

## 2235) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КНЯЗЮ Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ [1]).

Петергофъ, 28 Іюля 1772 года.

Monsieur. Rien ne prouve mieux la force de l'intérêt naturel qui subsiste entre deux monarchies, que la facilité avec laquelle les affaires les plus compliquées peuvent s'éclaircir et s'arranger pour elles, et les mesures qui paraissent les plus éloignées se rapprocher vers un terme commun et avantageux à l'une et à l'autre. Ce fut là toujours la base de mes espérances, que je n'ai jamais perdues de vue ni dans le principe, ni dans aucun état de la négociation actuelle avec la cour de Vienne, et aujourd'hui je les vois réalisées à ma plus grande satisfaction par la convention si importante pour nous et pour elle, qui vient d'être signée par les ministres respectifs [2]). En vous annonçant, Monsieur, la conclusion de cette grande affaire, je prie V. E. d'en faire particulièrement mes compliments à M. le prince Kaunitz et d'observer à ce ministre que pour avoir été toujours si confiant à me flatter du succès, il a fallu qu'outre une attention réciproque aux vrais intérêts de nos cours, je fisse constamment état de son honnêteté, de sa probité et de sa bonne foi, et que je me félicite d'avoir pu lui inspirer d'en suivre sans réserve l'impression. Mais ce qui ne saurait manquer d'être observé par ce ministre, et jugé dans son vrai prix, c'est la délicatesse de l'Impératrice à se relâcher sur une détermination plus précise dans l'objet des bons offices portés à l'article IV, aussitôt qu'elle a été informée des motifs de délicatesse qui pouvaient gêner la cour Impériale et Royale relativement à cette clause. L'affaire étant ainsi entièrement réglée d'après les dernières propositions de la cour de Vienne, je me dispense de vous envoyer une copie de la convention, mais je ne dois pas négliger de vous envoyer celle d'une déclaration confidentielle, que j'ai été autorisé à faire à M. le prince Lobkovitz, laquelle est l'expression même, et la preuve la plus convaincante, de la confiance, que l'Impératrice met dans l'amitié, la bonne volonté et la justice de LL: MM: II: et RR. Et mon intention est, M-r, que vous joigniez vos représentations et vos instances directes auprès de M. le prince Kaunitz à celles, que j'ai faites ici au prince Lobkovitz, à l'effet de nous

---

[1]) М. Г. А. Австрія, III, св. 24.

[2]) Конвенція о раздѣлѣ Польши подписана была въ Петербургѣ 25 Іюля 1772 г.

faire obtenir le but de notre juste réquisition, contenue en cette pièce. Il sera à propos, M-r, que vous assuriez avant tout ce ministre, qu'une telle demande de notre part ne porte et ne saurait porter sur aucune sorte d'inquiétude des offices et de la conduite future de sa cour à l'égard de notre paix avec la Porte. La bonne foi avec laquelle il a bien voulu vous communiquer et me faire communiquer par le prince Lobkovitz les mesures, dans lesquelles leur ministre à Constantinople était entré pour procurer la paix à la Porte, le refus de les ratifier, la précaution et la modération qu'elles portaient par l'alternative qui y était stipulée, le rapprochement graduel et enfin une réunion parfaite aux vues et au système de notre cour,— tout cela ne nous permet plus de voir dans cette conjoncture politique, que la confiance avec laquelle on veut bien nous en faire part, et de fait c'est la seule impression qu'elle laisse en nous. Mais je n'ai pas besoin de remarquer ici que nous avons affaire à l'ennemi le plus présomptueux par lui même, comme le plus facile à se livrer à la séduction; que celle qui l'arma contre nous continue encore à l'intriguer pour empêcher le retour de la paix, et qu'elle ne se ferait point scrupule de la surprise la plus grossière pour y parvenir; que la Porte qui n'a point de droit d'engagement, mais celui d'une simple réquisition de médiation aux bons offices de la cour Impériale et Royale, en ayant éprouvé d'heureux effets, peut être induite, ou par elle-même ou par des insinuations sinistres, à se flatter, qu'elle pourra toujours y recourir en tout état de guerre; qu'il peut même arriver, que le secret des négociations entre les deux cours sur l'objet de nos conditions de paix, aurait transpiré, ou même se devine et se suppose par la marche de nos propositions au congrès, et que d'un arrangement étranger à elle, uniquement approprié et nécessairement subordonné, quant à son sort à venir, à l'amitié et à la confiance des deux cours l'une envers l'autre, la Porte en conçut la confiance aveugle, qu'une plus longue prolongation de la guerre ne saurait l'exposer à de plus grandes pertes. Or il serait trop évident, quel préjudice extrême il en résulterait pour l'intérêt si important de procurer à la Russie une paix prompte et honorable. C'est donc le propre désir de Leurs Majestés Impériales et Royales de voir promptement la paix rétablie entre les deux empires. C'est leur intention sincère de faire avoir une paix honorable à la Russie; c'est leur justice et leur humanité, en empêchant que l'amitié et la confiance de l'Impératrice ne puisse être une occasion de préjudice à ses intérêts, et prévenant des craintes sur une plus longue effusion du sang humain, qui sollicitent LL: MM: II: et RR: AA. à accorder, que leur ministre soit autorisé à faire la déclaration que l'Impératrice attend de leur amitié, au moment où l'ultimatum de la Russie rencontrera des difficultés insurmontables. Ce sont là les objets que V. E. aura à présenter à M. le prince Kaunitz, avec tout l'intérêt dont ils sont sus-

ceptibles, et nous nous flattons que ce ministre prévoyant et juste trouvera nos motifs fondés et notre demande légitime.

A la suite de ceci, M-r, je réponds à la lettre de V. E. du $^{3}/_{14}$, par laquelle elle m'informe de l'entretien qu'elle a eu avec M. le prince Kaunitz relativement au malentendu survenu près de Tinietz entre le général-major Souvorof et le général d'Althan. Je ne doute point qu'actuellement, Monsieur, vous n'ayez reçu de M. de Saldern une réponse à la lettre que vous lui avez écrit à ce sujet, puisqu' aujourd'hui j'en reçois la copie de cet ambassadeur, et conséquemment vous êtes instruit de la tournure et de la fin de cette affaire. Je ne vous prie pas moins de marquer notre satisfaction et notre reconnaissance au prince Kaunitz pour la confiance avec laquelle il vous a parlé sur cette matière, les dispositions dans lesquelles il a vu la chose, et son désir d'y remédier; et afin de mettre encore plus de jour sur les vraies circonstances de cette contestation, je joins ici l'exposé du fait d'après les rapports du lieutenant-général Bibikof, que V. E. pourra lire à ce ministre. On voit par cet exposé que M. de Bibikof, voyant une sensation trop vive dans le général Souvorof, qui personnellement se juge lésé dans ses fonctions par un procédé si contraire aux règles militaires, et voyant de même une sorte de mécontentement dans les troupes, a envoyé d'abord le lieutenant-général Romanius prendre le commandement à la place de M. le général Souvorof, avec instruction de travailler à rétablir la bonne intelligence et la confiance entre les troupes respectives, ce que je ne doute point qui ne soit actuellement effectué et l'affaire entièrement arrangée. Dans cet état, me confiant entièrement dans les intentions réciproques de M. le prince Kaunitz d'empêcher tout ce qui pourrait occasionner la moindre étincelle de mésintelligence entre les troupes respectives, et conséquemment d'ôter jusqu'au souvenir du premier malentendu, je laisse au jugement de ce ministre, si de son côté il ne trouverait pas à propos que le général d'Althan fut employé ailleurs, afin de constater et de consolider d'autant mieux le rétablissement actuel des choses. J'ai l'honneur d'être etc.

## ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КН. Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ.

Петергофъ, 28 Іюля 1772 г.

Напеч. въ Сборникѣ, т. LXXII, стр. 222—225 (при депешѣ гр. Сольмса отъ 14 Августа 1772 г.).

## 2236) КОНФИДЕНЦІАЛЬНАЯ МИНИСТЕРСКАЯ ДЕКЛАРАЦІЯ АВСТРІЙСКОМУ ПОСЛАННИКУ КН. ЛОБКОВИЧУ [1]).

(Получена при французскомъ письмѣ графа Н. И. Панина къ кн. Д. М. Голицыну, въ Вѣну, 28 Іюля 1772 года).

Déclaration confidentielle du ministère Impérial de Russie à M-r le prince de Lobkovitz, ministre plénipotentiaire de Leurs Majestés Impériales et Royales Apostoliques.

La convention signée aujourd'hui est l'époque la plus heureuse de la réunion des intérêts importants des trois cours, et donne une preuve bien effective et convaincante de la confiance sans bornes que Sa Majesté Impériale de toutes les Russies met dans l'amitié et les sentiments de probité et de bonne foi de LL: MM: II: et RR: AA: L'Impératrice est persuadée que M. le pr. de Lobkovitz donnera un témoignage évident et rendra la justice due à la délicatesse de sa façon de penser, auprès de sa cour, quand il y rendra compte des facilités, avec lesquelles elle a bien voulu se relâcher dans l'objet des bons offices de LL: MM: II: et RR: AA: aux termes de l'art. IV, aussitôt que par le compte qui lui a été rendu par son ministre de la communication confidentielle de M. le pr. de Kaunitz elle a été informée des raisons, pour lesquelles la cour Imp-le et R-le demandait des changements dans cette clause. Aussi Sa Majesté Impériale de toutes les Russies attend avec la confiance qu'elle doit à l'intégrité et à la justice de LL: MM: II: et RR: AA.: que de leur côté, dans l'emploi de leurs bons offices, elles ne se départiront point de cette parfaite impartialité et la mesureront sur ce qu'elles feraient elles mêmes, si elles se trouvaient dans un cas pareil à celui de l'Impératrice, et d'après l'agrèment sincère donné par elles à ses dernières conditions pour la paix que Sa Majesté leur a communiquées sans réserve. Comme d'une autre part, en se conformant aux conseils contenus dans la réponse de l'Empereur et de l'Impératrice-Reine à la réponse personnelle de l'Impératrice de toutes les Russies, les instructions des plénipotentiaires de Russie leur prescrivent de se régler sur le choix du moment pour proposer les conditions de paix et de mettre dans leurs propositions les gradations qui pourront y convenir, l'Impératrice confie ici que leur première proposition sera *l'uti possidetis*, laquelle ils restreindront et diminueront graduellement à mesure que la négociation avancera jusque enfin à ces dernières conditions qui sont connues de la cour Imp-le et R-le. Mais par-

[1]) М. Г. А. Австрія, III, св. 24.

venue une fois à cette dernière proposition, Sa Majesté Impériale se tient persuadée que Leurs Majestés Impériales et Royales, autant par amitié pour elle que par amour pour l'humanité, ne voudront pas que, par l'opiniâtreté de l'ennemi de la chrétienté, le sang des chrétiens soit exposé à une plus longue effusion, et en conséquence de ces sentiments elle les prie, qu'alors leur ministre au congrès soit muni d'instructions, qui détermineraient les justes bornes de l'exacte impartialité et lui prescriraient de travailler efficacement à finir le sort de l'effusion du sang chrétien, en reconnaissant auprès des ministres turcs cet ultimatum, de la part de la Russie, comme les conditions de paix les plus équitables qui puissent leur être accordées dans un état de guerre pareil, et en leur déclarant que tel étant le terme jusqu'où pouvaient s'étendre leurs bons offices et non au delà, si maintenant ils ne les acceptaient pas, la cour Impériale et Royale ne pourra plus les leur continuer et jugera devoir laisser au sort des armes, de part et d'autre, la progression et la décision définitive de la guerre, sans s'y intéresser en aucune façon. Sa Majesté Impériale juge dans sa conscience une telle démarche de la part du ministre de LL: MM: II: et RR: AA. si juste, si impartiale et si conforme à l'état actuel des négociations entre les deux cours, qu'elle ne doute point que Leurs Majestés Impériales ne veuillent bien lui donner sur cette réquisition une réponse formelle et satisfaisante.

## 2237) ЗАПИСКА ГРАФА Н. И. ПАНИНА ДЛЯ ЕГО СІЯТЕЛЬСТВА КАЛГИ-СУЛТАНА [1]).

Графъ Панинъ, имѣя истинное усердіе и доброхотство къ націи татарской, съ сожалѣніемъ увѣдомленъ нынѣ, коимъ образомъ, несмотря на всѣ удостовѣренія и доказательства, съ стороны высочайшаго Россійскаго Императорскаго двора поданныя, чтобъ произведенное великодушнымъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской пособіемъ освобожденіе татаръ, изъ-подъ власти посторонней, не только сохранить, но и безопасность и независимость ихъ и на всѣ будущія времена учинить прочною, и Крымскій полуостровъ, со всѣми ихъ пребыванія мѣстами, огражденнымъ отъ всякихъ противныхъ на вольность татарскую покушеній, нашлись однакоже въ Крыму разные люди, которые, пришедъ въ развратъ, стараются толковать всѣ поступки Россійскаго Императорскаго двора въ противную сторону и присваивать ему потаенные виды, съ извѣстною его справедливостью несовмѣстные, предуспѣвъ уже не только въ Крымскихъ жителяхъ возбудить недовѣрчивость, но и въ самомъ его свѣтлости ханѣ Крымскомъ, и согласить сего независимаго владѣтеля на свои противныя предначинанія, сношенія и переписку не только съ Портою Оттоманской, толь самовластно и отяготительно татарами прежде владычествовавшею, но и съ самими Крымскими ширинами, для возбужденія ихъ къ заговору противу Россіи.

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски писемъ гр. Панина къ Е. А. Щербинину 1771—1775.

Слѣдствіе и дѣйствіе сего разврата, буде покушенія злонамѣренныхъ безпрепятственно продолжатся, конечно не иныя быть могутъ, какъ тѣ, что и Крымскіе жители въ случаѣ, ежели бъ настоящая между Всероссійской Имперіею и Портою Оттоманскою война по прежнему возымѣла свое производство, необходимымъ образомъ во оную замѣшаются; но тогда постигнутъ ихъ напасти, какихъ они предъ симъ избыли единственно своимъ отъ Порты отложеніемъ; а ежели между тѣмъ состоится миръ, съ тѣмъ, что Порта и откажется отъ бывшей надъ ними власти, но татары останутся однакожъ преданными на произволъ ея, какъ не учинившіе никакихъ достаточныхъ распоряженій къ огражденію безопастностью Крымскаго полуострова отъ всякихъ непріязненныхъ покушеній; какою же тогда участью самъ его свѣтлость ханъ угрожаемъ быть долженъ, о томъ и разсуждать нужды не настоитъ.

Калга-султанъ есть очевидный свидѣтель, коль истинное есть желаніе Россійскаго Императорскаго двора поступать съ татарами съ довѣренностью, откровенностью и возможные способы подавать имъ къ ихъ благоденствію по всѣмъ обстоятельствамъ, а потому чаятельно и самъ худость происшедшихъ въ Крыму ухищреній во всемъ пространствѣ восчувствуетъ и брата своего хана предохранить не оставитъ.

(Такова записка, на турецкомъ языкѣ, вручена Калгѣ-султану 30 Іюля 1772 года).

## 2238) УКАЗЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ [1]).

Возвратившійся ко двору нашему ст. сов. Иванъ Симолинъ, по исправленіи порученной ему важной и деликатной коммиссіи перемирія нашего съ турками, гдѣ оказалъ онъ отмѣнную ревность и усердіе къ дѣламъ нашимъ, заслуживаетъ тѣмъ особливое монаршее наше благоволеніе. Въ изъявленіе онаго всемилостивѣйше жалуемъ его нашимъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, и сверхъ того въ награжденіе повелѣваемъ Статсъ-Конторѣ выдать ему 4000 рублевъ. А какъ дѣла наши съ Датскимъ дворомъ требуютъ, чтобъ послана была отъ насъ туда характеризованная министерскимъ достоинствомъ особа, то высочайше и повелѣваемъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, отозвавъ его Ивана Симолина отъ перваго его поста изъ Регенсбурга, отправить его въ Копенгагенъ, въ качествѣ чрезвычайнаго послапника и полномочнаго министра, съ 8000 рублевъ ежегоднаго жалованья. На проѣздъ въ Данію всемилостивѣйше жалуемъ ему *шесть тысячъ рублей* [2]), да за употребленныя имъ деньги на пріѣздъ свой изъ Регенсбурга, для отправленія его ради заключенія перемирія—2000 рублевъ. Всѣ же сіи разныя суммы имѣетъ Коллегія Ин. Дѣлъ истребовать изъ Статсъ-Конторы и учинить по сему нашему высочайшему указу.

Екатерина.

Въ Петергофѣ, 31-го Іюля 1772 года.

---

[1]) М. Г. А. Имен. указы 1760—1779 г.г. по Публичной Экспедиціи. № 335.

[2]) Вписано Императрицею собственноручно.

## 2239) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Писана передъ начатіемъ негоціяцій на мирномъ конгрессѣ въ Фокшанахъ, до 1 Августа 1772 г. Инструкція полномочнымъ подписана 21 Апрѣля 1772 г.

Предложить въ Совѣтъ.

Первое. Посламъ въ инструкціи предписано и дано позволеніе продолжить перемиріе до 1 числа Августа; не полезно-ли будетъ послать къ посламъ нашимъ рескриптъ въ такой силѣ, что если они разсудятъ за нужно продлить и за симъ срокомъ перемирье, то сіе имъ дозволяется, но чтобъ прежде времени о семъ скрыли отъ турецкихъ полномочныхъ, дабы короткимъ срокомъ 1 числа Августа наивяще принуждены были спѣшить заключеньемъ мира.

Второе, если полномочные турецкіе (*есть-ли*—зачеркнуто) еще долго замедлятъ своимъ пріѣздомъ, и усмотрится, что сіе дѣлается единственно для продолженія ихъ теперешнихъ безопасныхъ отъ военныхъ дѣйствіяхъ (sic!) положеній, то послы наши могутъ имъ означить срокъ, въ который съѣхаться, сказавъ, что въ противномъ случаѣ долѣе ихъ ждать не будутъ, ибо долѣе 1 числа Августа не имѣютъ полномочій.

## ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ПРУССКОМУ КОРОЛЮ ФРИДРИХУ II.

4-го Августа 1772 г. Напечат. въ Сборникѣ, т. XX, стр. 322.

## 2240) УКАЗЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ [2]).

Соизволяя на принесенную намъ просьбу отъ посла нашего при Польскомъ дворѣ, Каспара Сальдерна, повелѣваемъ его оттуда отозвать, а на мѣсто его отправить, въ качествѣ полномочнаго министра, нашего дѣйствительнаго камергера барона Штакельберга, отозвавъ его нынѣ же отъ Гишпанскаго двора. На возвратъ первому повелѣваемъ перевести *пять тысячъ* рублевъ, а на подъемъ и на экипажъ второму все-

---

[1]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки Императрицы Екатерины II, св. 2 и Турція, IX, св. 5.

[2]) М. Г. А. Имени. указы 1760—1779 гг. по Публичной Экспедиціи, № 336.

милостивѣйше жалуемъ *семь тысячъ* рублевъ, съ ежегоднымъ окладомъ по *десяти тысячъ* [1]) рублевъ; и всѣ оныя суммы Коллегія наша имѣетъ требовать, какъ обыкновенно, по сему нашему указу изъ Статсъ-Конторы; да сверхъ того, въ разсужденіи большого производства въ тамошнемъ мѣстѣ настоящихъ столь важныхъ дѣлъ, мы всемилостивѣйше жалуемъ его Штакельберга тѣми же мѣсячными столовыми деньгами, которыя нынѣ имѣетъ посолъ Сальдернъ.

Екатерина.

Въ Петергофѣ 4 Августа 1772 г.

## 2241) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ Г. Г. ОРЛОВУ [2]).

Милостивый государь мой, графъ Григорій Григорьевичъ.

При полученіи дружественнѣйшаго письма в. с-ва, отъ 17 прошедшаго мѣсяца, я упражненъ былъ въ соглашеніи послѣднихъ мѣръ съ княземъ Лобковичемъ и графомъ Сольмсомъ, о точности времени и образѣ дѣйствительнаго присвоенія къ областямъ нашимъ польскихъ удѣловъ. Я хотѣлъ единовременно увѣдомить васъ объ ономъ и отвѣтствовать, пространно и съ подробностью, на письмо в. с-ва; но вчера, къ большому нашему удовольствію привезенныя исправно, съ курьеромъ, двѣ общія ваши реляціи къ Ея Императорскому Величеству, подъ № 5-мъ и 6-мъ, доказали мнѣ, что вы, м. г. м., сами конечно уже достаточно вывели себя изъ тѣхъ сомнѣній, кои въ письмѣ своемъ ко мнѣ изобразили: а тѣмъ самымъ и облегчили меня въ моемъ отвѣтѣ, который бы я на письмо ваше сдѣлать былъ долженъ, и что теперь симъ я исполняю. Причемъ имѣю удовольствіе предварительно сообщить в. с-ву, что какъ соображеніе ваше съ графомъ Петромъ Александровичемъ о времени продолженія перемирія, относительно военной его части, такъ и принятое потому вами намѣреніе отсрочить перемиріе до 1-го Сентября, Ея Императорское Величество, съ особливымъ благоволеніемъ принять, и разрѣшимость вашу высочайше апробовать изволила.

Я же съ моей стороны, по самой справедливости, могу увѣрить в. с-во, что вы проницаніемъ своимъ прямой разумъ и намѣреніе послѣдняго рескрипта, къ вамъ отправленнаго, совершенно внять изволили и исполнили въ точности все то, что здѣсь потому ожидаемо было: да и в. с-во ни мало не погрѣшите противъ силы повелѣнія,

---

[1]) Все набранное курсивомъ вписано Императрицею собственноручно.

[2]) М. Г. А. Турція, IX, св. 8.

изображеннаго въ помянутомъ рескриптѣ, если при истеченіи срока перемирія, то-есть при приближеніи 1-го Сентября, усмотрѣвъ самую невозможность привесть къ заключенію мирный трактатъ, а притомъ не примѣтивъ въ турецкихъ полномочныхъ рѣшительно коварнаго и умышленнаго намѣренія продолжить только время и обратить оное въ свою пользу впредь для продолженія войны, отсрочите вы и еще срокъ армистиціи, согласно съ мнѣніемъ графа Петра Александровича, на весь Сентябрь, раздѣля сіе время или пополамъ, или же вдругъ, на весь мѣсяцъ, постановя перемиріе по благоусмотрѣнію вашему: ибо мы съ основаніемъ ждать и надѣяться можемъ, что рѣшеніе нашего дѣла съ Вѣнскимъ дворомъ конечно много способствовать должно къ преклоненію турокъ согласиться на наши кондиціи, когда они не только узнаютъ, но и сами увидятъ Вѣнскій дворъ толь соединеннымъ съ нашимъ въ его новыхъ интересахъ.

Равномѣрно, м. г. м., не должна васъ много безпокоить и размѣряемая, отъ времени до времени, поступь цесарскаго министра Тугута: ибо самымъ опытомъ доказано, что нравъ и форма политики первенствующаго министра двора его, князя Кауница, состоятъ въ томъ, чтобъ всякій шагъ поступи размѣрять степенемъ заключаемаго дѣла. Остается теперь объяснить мнѣ в. с-ву, отчего взято то положеніе, которое вы примѣтили въ рескриптѣ къ братцу вашему, графу Алексѣю Григорьевичу, что перемиріе сдѣлано на все время конгресса, и къ чему сіе постановленіе полезно. Во время вашего еще здѣсь присутствія, положено уже у насъ было уполномочить васъ отсрочивать перемиріе, смотря на успѣхъ теченія негоціаціи; для сей причины и предписано въ рескриптѣ братцу вашему, что срокъ его перемирія долженствуетъ быть единообразнымъ сроку повсемѣстнаго перемирія, постановленнаго между нашимъ генералъ-фельдмаршаломъ и верховнымъ визиремъ. Что же надлежитъ до выраженія *„на все время теченія конгресса“*, то оное внесено было нарочно для того, что сіе и для чести братца вашего полезно: ибо в. с-во сами знаете, что состояніе флота нашего таково, что больше помышлять надобно о выручніи его изъ края, толь отдаленнаго отъ всѣхъ помогающихъ ему способовъ, нежели о каковомъ либо новомъ и великомъ предпріятіи; къ тому же и толь дальнее разстояніе не позволяло подчинить братца вашего тѣмъ недѣльнымъ пересрочкамъ перемирія, которое вы иногда могли бы дѣлать. Вотъ, м. г. м., все то, что я вамъ сказать могу въ объясненіе вашего вопроса; и я надѣюсь, что оное в. с-во достаточнымъ найти изволите, къ совершенному отнятію всякаго дальняго сумнѣнія вашего по сему пункту.

Теперь, въ дополненіе прежняго письма моего, имѣю честь сообщить в. с-ву, что наша тройная конвенція дѣйствительно уже нами

подписана на прошлой недѣлѣ, въ теченіе которой прибылъ къ князю Лобковичу курьеръ отъ князя Кауница съ депешами, кои в. с-во здѣсь въ копіяхъ найти изволите. Я по сему могу только то сказать в. с-ву, что Ея Императорское Величество, предпочтя правило единообразнаго во всемъ исполненія концерта трехъ дворовъ, дабы тѣмъ самымъ отнять у нашихъ ненавистниковъ поводъ и къ малѣйшему покушенію о развратѣ еще нашего соглашенія, изволила принять за благо декларацію, сочиненную княземъ Кауницомъ, тѣмъ наипаче, что она, въ самомъ существѣ, никакой не содержитъ въ себѣ разности съ проектованнымъ нашимъ манифестомъ. Что же надлежитъ до тѣхъ мыслей, кои изъ онаго выпущены въ декларацiи князя Кауница, то я конечно уже найду другое мѣсто, гдѣ ихъ употребить, и слѣдственно онѣ никогда потеряны быть не могутъ. Итакъ, м. г. м., для окончательнаго исполненія нашего соглашенія, положили мы здѣсь съ княземъ Лобковичемъ и графомъ Сольмсомъ: 1-е, чтобъ трехъ дворовъ министры, въ Варшавѣ пребывающіе, выбрали, съ общаго согласія, день между 1-мъ и 7-мъ числомъ Сентября ст. ст., и обще всѣ трое подали бы королю и республикѣ помянутую декларацію; 2-е, чтобъ между тѣми же числами, при дворахъ, гдѣ министры трехъ соединившихся державъ находятся, учинено отъ нихъ было откровенное и дружеское объявленіе о семъ дѣяніи, при сообщеніи имъ той же самой декларацiи; и 3-е, чтобъ вслѣдствіе всего онаго, каждая держава между тѣми же числами, то-есть 1-мъ и 7-мъ, вступила въ дѣйствительное владѣніе своей части польскаго удѣла, и со всѣми бы формалитетами присвоеніе онаго къ областямъ своимъ учинила. Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

Въ С.-Петербургѣ, 7 Августа 1772 года.

P. S. (Писанъ гр. Панинымъ собственноручно).

Мое искреннѣйшее почтеніе свидѣтельствую любезному вашему брату и прилагаю, для извѣстія вашего, Цареградскія письма и копію съ того письма, что Цегелинъ по пріѣздѣ своемъ къ вамъ писалъ къ графу Сольмсу, такъ какъ и экстрактъ изъ депеши къ послѣднему отъ короля его государя; а наконецъ покорно прошу в. с-во пожаловать сообщить все оное Алексѣю Михайловичу [1]).

## 2242) ИНСТРУКЦІЯ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ПОСЛАННИКУ И ПОЛНОМОЧНОМУ МИНИСТРУ ПРИ КОРОЛѢ И РЕСПУБЛИКѢ ПОЛЬСКИХЪ [2]).

*Быть по сему.*

Sa Majesté Impériale, ayant jugé à propos de rappeler son ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire à la cour de Varsovie, le con-

[1]) Обрескову.

[2]) М. Г. А. Польша, III, св. 31.

seiller privé actuel de Saldern, il lui a plu, M-r, par la confiance qu'elle met en votre zèle et votre capacité, de faire choix de votre personne pour le relever à ce poste, en qualité de son ministre plénipotentiaire. C'est par l'ordre exprès de Sa Majesté, qu'il vous est enjoint, aussitôt que vous aurez reçu votre expédition du Collège des Affaires Etrangères, ensemble avec l'argent pour votre voyage, de partir pour votre destination et de faire route avec le plus de diligence qu'il sera possible, afin que vous soyez incessamment établi dans la direction des affaires qu'elle vous confie. C'est aussi par son ordre et en son nom, qu'on va vous tracer ici les règles que vous aurez à suivre dans les fonctions de votre ministère et dans l'objet propre de votre mission.

La connaissance que vous avez déjà acquise ici des affaires, appartenantes au poste que vous allez remplir, vous la perfectionnerez par la lecture, sur les lieux mêmes, du dépôt de l'archive, qui sera remise en vos mains par votre prédécesseur, où vous verrez, tant les instructions générales, que les ordres particuliers donnés aux ambassadeurs et ministres qui vous ont précédés, l'exécution qu'ils y ont donnée, et en conséquence la marche et la progression de toutes les affaires. Vous y distinguerez particulièrement quatre époques:

La première est l'instruction donnée à l'ambassadeur, comte Kayserling, conjointement avec le prince Repnine, revêtu du caractère de ministre plénipotentiaire, et sur laquelle ce dernier a continué d'opérer pendant tout le cours de son ambassade, dans laquelle il succéda au comte Kayserling.

Cette époque vous présentera le commencement de toutes les affaires entre la Russie et la Pologne, depuis l'avènement de l'Impératrice au trône; l'élection du roi actuellement règnant; ses efforts et ceux de sa famille pour accroître les prérogatives et le pouvoir de la royauté et donner en même temps plus de signifiance et d'activité au gouvernement polonais; des réclamations et des instances de la part de la Russie et d'autres cours y intéressées, pour procurer le rétablissement des dissidents; les moyens employés pour opérer ce rétablissement; la confédération générale de Radom; la diète tenue à Varsovie sous le noeud de cette confédération; la nouvelle constitution; le traité renouvelé entre l'empire de Russie et la Pologne, bientôt après le commencement des troubles actuels et la guerre déclarée à la Russie par la Porte.

Seconde époque. L'envoi de l'ambassadeur, prince Wolkonsky; les instructions dont il fut pourvu; toutes sortes de tentatives et de négociations de sa part, tant auprès de la cour que des principaux de la nation pour faire cesser les troubles, toujours infructueux; les troubles augmentent; les soi-disantes confédérations se multiplient, se renouvellent et font

une guerre ouverte aux troupes de Russie; inactivité du gouvernement polonais au milieu de tous ces désordres.

Troisième époque. L'ambassadeur de Saldern est envoyé avec un nouveau plan pour la pacification de la Pologne; déclaration de sa part pour engager la nation à entrer en négociation avec lui et à se pacifier elle-même avec le concours de la Russie; inutilité de cette démarche; la fureur des factions continue avec le même acharnement; tout est sourd aux propositions de la Russie.

Enfin—quatrième époque, c'est l'état actuel des choses et l'objet propre de votre mission.

Sa Majesté Impériale, après avoir épuisé toutes les voies possibles de pacifier la Pologne, a reconnu avec douleur, que son amitié, son désintéressement et sa garantie des possessions de la république ne sont plus que des armes, que la nation polonaise emploie d'une part à sa propre destruction et de l'autre—à soutenir une guerre ouverte contre l'empire de Russie. Par cette triste conviction elle s'est jugée obligée de déférer à la voix de sa propre justice et de l'intérêt de ses peuples, et ne pouvant plus, sans un préjudice irréparable pour elle et pour la nation polonaise, se croire liée par des engagements que cette même nation a méconnus ou violés avec le mépris le plus manifeste, elle est entrée avec les puissances voisines de la Pologne dans un concert, à l'effet de mettre à couvert leurs droits et prétentions respectives à la charge de la Pologne, et de les faire valoir elles-mêmes, ensemble avec le rétablissement de la tranquillité et du bon ordre dans l'intérieur de cette république, ainsi qu'en lui appréciant une existence politique plus conforme aux intérêts de leur voisinage. Mais pour vous mettre en état de juger mieux de la combinaison d'un tel accord, de sa solidité et de l'union des trois puissances qui y participent, il est à propos de vous faire succinctement le récit des négociations qui l'ont préparé et conduit finalement à sa conclusion.

Il ne vous est pas inconnu, M-r, que les affaires de Pologne et la guerre, qui à leur occasion s'est élevée entre l'empire de Russie et la Porte, étaient vues d'un oeil bien différent par les cours de Vienne et de Berlin. La première se trouvait dans une alliance étroite avec la France, dont la politique, perpétuellement opposée à celle de la Russie, cherche à lui susciter des affaires à toutes les cours; qui soufflait et entretenait les troubles en Pologne, en leur donnant une assistance publique d'hommes et d'argent, et par ses clameurs et ses intrigues soutenues de sommes considérables, avait entraîné la Porte à déclarer la guerre à la Russie. En suivant l'impression des sentiments d'un tel allié, la cour de Vienne favorisait elle-même les confédérés, par un asile ouvert sur ses terres et la facilité de s'y pourvoir d'armes et de munitions et d'en sortir à leur volonté pour se remontrer dans leur patrie

et rallumer le feu de la guerre. Elle ne montrait pas moins une partialité marquée à la Porte contre l'intérêt le plus essentiel de ses pays héréditaires, et par là n'était pas un médiocre encouragement pour cette puissance à faire de plus grands efforts contre la Russie.

Le Roi de Prusse, au contraire, allié de la Russie, remplissait fidèlement les engagements des traités; l'assistait par un subside; contenait sur ses frontières les bandes des soi-disants confédérés; veillait aux dispositions et aux démarches de la maison d'Autriche et se montrait toujours prêt à en rendre compte à son alliée.

Au milieu du double embarras de la Russie, dans la guerre avec la Porte et les troubles en Pologne, la cour de Vienne crut trouver un moment favorable et pouvoir se payer par ses mains de la faveur qu'elle marquait tant à la Porte, qu'aux soi-disants confédérés, et sans colorer d'aucun droit ou prétexte ses démarches, elle se mit en possession du pays de Zips.

Moins les deux cours de Pétersbourg et de Berlin marquèrent publiquement d'attention à un tel mouvement, plus elles y réfléchirent mûrement dans l'intérieur du cabinet et cherchèrent entre elles à y adopter leurs propres mesures. En effet, il n'y avait que deux partis à prendre: ou de protester hautement contre une telle entreprise, d'employer la négociation pour en faire désister la cour de Vienne, et si on n'y réussissait pas par cette voie, d'y opposer celle des armes et d'entrer en guerre avec elle: ou de régler sa propre conduite sur celle de la cour de Vienne, en réclamant également, chacune des deux cours pour soi, ce qu'elles avaient à prétendre de la république.

Comme il était égal, pour l'équilibre de puissance à maintenir entre les trois cours, qu'elles s'abstinssent également de toute revendication à la charge de la Pologne, ou que chacune d'elles reçût un accroissement proportionné, la saine politique laissant ainsi la liberté du choix des deux partis, il ne restait à l'Impératrice qu'à considérer, lequel était le plus propre à accélérer la pacification de la Pologne et le plus équitable quant à elle, et elle ne devait pas balancer longtemps dans son jugement. Une nouvelle guerre avec une puissance, dont les états confinent avec la Pologne dans une si grande étendue de pays, allait être un nouvel aliment et un soutien puissant pour les troubles de la Pologne, en reculant la pacification pendant toute la durée de cette nouvelle guerre et en soumettant les conditions au sort des armes. Quant à elle-même, Sa Majesté Impériale précipitait son empire dans les dépenses et les dangers d'une nouvelle guerre, et pour qui? Pour une nation, à qui depuis tant d'années elle fait inutilement les plus grands sacrifices en hommes et en argent; à une nation qui ne paye ses services, sa bienfaisance et son désintéressement que par les traits d'ingratitude les plus marqués, qui non seulement lui

*

fait une guerre ouverte, mais encore a suscité contre elle l'ennemi le plus redoutable pour son empire.

L'autre parti au contraire présentait un concours amiable de trois puissances à la pacification de la Pologne; la liquidation de tous les objets, qui, tôt ou tard, pouvaient allumer une guerre entre l'une ou l'autre d'elles et la république; le rétrécissement des frontières de celle-ci, et par là une consistance plus analogue à sa propre constitution, comme à l'intérêt de ses voisins; enfin, le plus important de tous, le maintien de la paix dans cette partie de l'Europe. Toutes ces considérations pesées et son parti pris, Sa Majesté Impériale ne s'occupa plus que des moyens d'y parvenir.

Son ministère eut ordre d'entrer en conférence sur ces errements avec le comte de Solms, ministre du Roi de Prusse, et les sentiments de Sa Majesté Prussienne s'étant trouvés parfaitement conformes à ceux de l'Impératrice, il se lia une négociation entre les deux cours, terminée heureusement par une convention, signée ici à St.-Pétersbourg, le 4 Janvier 1772, ensemble avec un article séparé et une convention particulière pour l'entretien de tout corps auxiliaire respectif, desquelles pièces vous trouverez des copies dans l'archive de votre prédécesseur. Vous y observerez, que, dans les justes appréhensions que donnaient alors les dispositions et les mouvements de la cour de Vienne, les deux alliés se prémunissaient réciproquement contre elle, mais que toutefois ils ne désespérèrent pas de l'amener à leurs vues, et qu'ils laissaient toujours une porte ouverte pour y entrer; et vous verrez ci-après, comment et jusqu'où on y a réussi.

Dans le même temps que les deux alliés négociaient entre eux et convenaient de leur plan, il se faisait entre la cour de Pétersbourg et celle de Vienne une négociation d'une autre nature, dont il est besoin de vous dire la marche et le succès.

Il est présent à votre mémoire, que la Porte, après avoir reçu des échecs considérables, songea à la paix, et que selon sa méthode de traiter toujours par l'entremise d'un tiers, afin de tirer avantage pour ses propres affaires de la rivalité, qu'elle sait exister, plus ou moins, entre les puissances chrétiennes, elle s'adressa directement aux cours de Vienne et de Berlin et requit formellement leur médiation pour sa paix avec la Russie.

Le Roi de Prusse, ami intime de Sa Majesté Impériale et son allié fidèle, ne lui laissait rien ignorer des dispositions de la Porte, non plus que des différentes intrigues que l'on employait à Constantinople pour ou contre cette paix. La cour de Vienne, au contraire, gardait sur tout cela un silence affecté vis-à-vis de la Russie et de ses ministres, mais l'occasion voulut qu'au moment même, où la réquisition de la Porte pour la médiation parvint aux deux cours, le Roi de Prusse se trouvât en Bohême

au camp de l'Empereur et que là il eût quelques entretiens avec le pr. Kaunitz sur le sujet de la paix future entre la Russie et la Porte. Dans un tel état des choses, l'Impératrice, en égard à des circonstances vis-à-vis d'autres cours, déclina l'appareil d'une médiation formelle et pria que les cours de Vienne et de Berlin voulussent bien la restreindre à des bons offices, qu'elle agréerait d'elles avec reconnaissance; mais en même temps elle crut devoir se montrer prête à entendre à des conditions de paix honorables et sûres, et elle confia au Roi, son allié, son plan pour sa paix, en lui recommandant de n'en faire usage qu'en temps et lieu, mais aussi, s'il le jugeait à propos, de se servir de la voie de l'ouverture confidentielle établie entre lui et la cour de Vienne, pour participer à cette cour ce qu'il pourrait convenir de lui communiquer de la base des conditions de l'Impératrice. Peu de temps après il fut enjoint directement d'ici au pr. Galitzyne de s'ouvrir, dans un entretien confidentiel vis-à-vis du pr. Kaunitz, sur la nécessité où était Sa Majesté Impériale de demander la conversion d'une médiation formelle en des bons offices, ainsi que d'obtenir l'élargissement de son ministre, le s-r d'Obreskof, avant toute entrée en négociation, et à cette occasion, en protestant des dispositions de l'Impératrice pour la paix, de communiquer verbalement cette base des conditions auxquelles elle souhaitait la faire.

Mais dans le temps qu'on n'en était encore qu'à cette première ouverture, la cour de Vienne apprit indirectement la substance même des conditions de paix de la Russie, et il en était deux pour lesquelles elle affecta, ou sentit effectivement la plus grande opposition. L'une était l'alternative de l'indépendance de la Valachie et la Moldavie, ou la retenue de ces deux provinces en séquestre, pendant 25 ans, pour la Russie, à l'effet de l'indemniser des frais de la guerre. L'autre était le rétablissement de la souveraineté des tartares, comme peuple libre et indépendant de la Porte.

Le pr. Lobkovitz eut ordre de faire connaître ici, en forme de communication verbale, cette opposition de sa cour à ces deux conditions, prétextée de l'intérêt des états Autrichiens. Il y fut répondu par une communication confidentielle de tout le plan de paix de la part de la Russie, et on essaya de justifier aux yeux de cette cour la compatibilité de toutes ses conditions avec les intérêts les plus clairs des états Autrichiens. Ce point fut débattu de part et d'autre non dans la forme d'une négociation effective, mais sous celle d'explications confidentielles de souverain à souverain, et de communication pareillement confidentielle de ministre à ministre; on ne négligeait point sous main des insinuations ménagées avec art, sur ce qu'il importerait de faire relativement à la Pologne, sans être trop clair ni s'avancer trop. A ceci le pr. Kaunitz se montrait sourd, jusqu'à ce que dans la discussion de l'objet de la paix,

après avoir proposé quelques conditions qu'il croyait acceptables pour la Russie, il promettait de les faire appuyer à la Porte par les bons offices de sa cour, mais à la condition expresse, que la Russie ne penserait pas à rien démembrer des possessions de la Pologne, tandis que sa propre cour comptait bien revendiquer pour elle les treize villes du comté de Zips. Sur cette double proposition on parla plus clairement à la cour de Vienne. Sur l'objet de la paix avec la Turquie, l'Impératrice consentit par amour pour la paix et en considération du voisinage immédiat des états de la maison d'Autriche, à se rélâcher sur l'article de la Valachie et de la Moldavie; mais elle se montra infléxible à l'égard des tartares et opposa pour elle-même la même raison de l'immédiateté du voisinage de ses états. Et sur l'article de l'occupation de Zips, le comte Panine fit parvenir fermement au pr. Kaunitz par le pr. Galitzyne, comme quoi sa cour, qui prétendait revendiquer pour elle-même, ne pouvait point empêcher d'en faire autant des puissances, qui, tout aussi bien qu'elle, avaient des droits ouverts à la charge de la même république, mais bien que si elle trouvait de sa convenance d'entrer dans un accord et des mesures avec la Russie et son allié, pour conférer, liquider et arranger les droits des trois puissances, on se faisait fort d'y déterminer le Roi de Prusse. Ce ton et cette fermeté produisirent l'effet désiré; la cour de Vienne consentit au surplus des conditions de paix de la Russie, la réduction de l'article de la Valachie et Moldavie accordée par l'Impératrice, et elle se déclara prête à entrer dans tous les arrangements des deux alliés relativement à la Pologne. Il ne s'agissait plus que de finir sur ce pied là une négociation qui avait coûté tant de peine et de discussion de part et d'autre.

Pour avancer et arrêter déjà quelque chose de fixe entre les trois cours, il fut échangé le 7 Mars une sorte d'acte préliminaire, en forme de déclaration entre les trois cours, portant l'égalité des trois portions à séparer de la Pologne, et une assistance réciproque pour s'en mettre en possession, ainsi que vous le verrez par la copie de l'acte que vous trouverez dans l'archive de votre ambassade.

Comme la cour de Russie et celle de Berlin étaient déjà convenues de leur partage, il était seulement question d'y assimiler celui de la cour de Vienne. Il fut fourni un projet de sa part, qui d'abord fut trouvé trop étendu, et sur les réductions duquel étant enfin convenu, il s'est conclu et signé ici à St. Pétersbourg, le 25 Juillet, une convention entre les trois cours, qui fixe l'état du concert entre elles et que vous verrez en entier par la copie ci-jointe de l'acte sub litt.: A et B.

Les choses ainsi règlées définitivement entre les trois cours, il s'agit maintenant de faire admettre ce partage à la Pologne; d'ouvrir et de conduire avec elle une négociation jusqu'à la cession formelle des pays, qui forment la portion de chacune d'elles, en cherchant à procurer à une

telle cession toute l'authenticité, dont elle est susceptible dans la constitution de la république. Vous trouverez donc déjà tracée dans l'article V de la convention susmentionnée la conduite que vous aurez à tenir, qui est d'agir dans un parfait concert avec les deux autres ministres et de combiner en commun vos représentations et vos démarches, pour parvenir à la fin désirée.

Mais il est d'autres pièces relatives tant à la manière de procéder dans cette négociation, qu'à la pacification de la Pologne, qui étant convenues de part et d'autre, doivent faire règle pour les ministres respectifs, et qu'il importe de vous communiquer ici.

La première, sub litt.: C, est une déclaration des trois cours à remettre à la république lors de la prise de possession, fixée, comme vous le voyez par l'article 2 de la convention, aux premiers jours de Septembre.

La seconde, sub litt.: D, est un manifeste particulier de la Russie, ou la déduction de ses droits et prétentions à la charge de la république, pour l'équivalent desquels elle se met en possession du partage qui lui est assigné par la convention, duquel elle donnera la spécification à tel état de la négociation qu'il conviendra de le faire. Cette pièce vous ne la remettrez qu'après que la diète sera assemblée et la négociation déjà entamée entre les ministres des trois cours et ceux de la république, et à tel état de cette négociation qu'il sera jugé convenable de le faire par vous, de concert avec les deux autres.

La troisième, sub litt.: E, est le précis du plan de pacification de la Pologne, communiqué d'abord par le prince Galitzyne à Vienne et répété ici au prince Lobkovitz, dans le précis des idées communiquées à la cour de Berlin sur la même pacification; ces deux pièces n'ayant qu'un seul et même objet et également approuvées par les trois cours, sont jointes ensemble et n'en font qu'une.

La quatrième, sub litt.: F, est une réponse du comte Panine sur quatre demandes faites par le prince Kaunitz en conséquence de ce précis, concernant les choses à régler en Pologne et la manière de procéder vis-à-vis de la république. Cette pièce communiquée à la cour de Berlin, aussi bien qu'à la cour de Vienne, ayant été également approuvée de l'une et de l'autre, sert avec la précédente de base aux trois ministres pour les démarches qu'ils auront à faire, tant pour la négociation avec la république que pour sa pacification intérieure, et de même qu'il vous est prescrit ici de la prendre et de la suivre pour votre règle, on ne doute point que les ministres de Vienne et de Berlin n'ayent de leur côté la même instruction.

Par tout ce que ci-dessus, vous jugerez vous-même, que la première démarche que vous ayez à faire en entrant en fonction est de remettre à la république, en commun avec les ministres des cours de Vienne et

de Berlin, après vous être bien concerté et avoir pris jour et heure avec eux, la déclaration convenue, ci-dessus mentionnée, pour notifier le concert des trois puissances, la prise de possession de la portion de chacune d'elles, et inviter la nation polonaise de bannir, ou au moins de suspendre tout esprit de troubles et de séduction, afin que s'assemblant légalement en diète, elle puisse travailler, de concert avec les dites trois puissances, aux moyens de rétablir solidement chez elle l'ordre et la tranquillité, ainsi que confirmer, par des actes formels et amiables, l'échange des titres et prétentions de chacune contre l'équivalent, dont elles viennent de prendre possession.

Vous voyez que cette prise de possession est fixée, par l'article 11 de la convention, aux premiers jours de Septembre, et il est ajouté ici pour votre instruction plus précise, qu'il a été convenu après avec les ministres respectifs, qu'elle aura nommèment lieu entre le 1-r et le 7 Septembre, et qu' aussi la déclaration commune sera remise au Roi et à la république dans le même intervalle depuis le 1-r jusqu'au 7. Par là vous sentirez naturellement, combien il importe que vous fassiez diligence, afin que vous soyez rendu et légitimé à votre poste pour ce temps, parceque c'est par cette ouverture du nouvel état des choses que votre ministère commence.

Quant à votre conduite ultérieure et aux règles que vous aurez à suivre, les pièces susmentionnées sub litt.: E et F devant faire la base de toutes vos négociations, comme de celles des deux autres ministres, il est à propos d'entrer ici en plus ample explication sur ces deux pièces.

Les deux premiers points, énoncés dans la première, doivent absolument rester tels qu'ils sont; ainsi sur cet article il n'y a point d'autres règles à vous prescrire qu'une exécution ponctuelle, à laquelle probablement les deux autres ministres concourront avec le même zèle que vous, puisque c'est en cela que consiste l'intérêt de leurs cours, aussi bien que de la notre.

Sur la troisième: comme c'est un point réglé uniquement par la protection de la Russie, vous serez astreint, plus que les deux autres ministres, à des ménagements pour la dignité de votre cour, et vous les observerez, en paraissant le moins qu'il sera possible à découvert, dans la négociation entre les dissidents et les catholiques, afin que les concessions des premiers soient bien plus un sacrifice volontaire de leur part au bien de la pacification de leur patrie, qu'une condescendance ou un désistement, que la Russie n'a pas pu refuser aux circonstances.

Sur le quatrième: vous vous règlerez, ainsi que les deux autres ministres, principalement sur ce qui sera du goût le plus général de la nation: employant à propos les complaisances sur cet article envers ceux qui seront mieux intentionnés pour notre négociation; observant cepen-

dant toujours cet intérêt marqué pour les puissances voisines, qu'il n'y ait point une force ou un trop grand pouvoir fixé dans quelque partie que ce soit du gouvernement: c'est à dire, que si on en vient à casser les commissions, les grands généraux et les trésoriers, rétablis par là dans leurs anciens droits, n'acquièrent point une autorité plus grande, que celle qui leur appartient par les anciennes lois, et qu'on retranche les abus, au moyen desquels ces deux charges avaient une sorte d'autorité despotique; et si on laisse subsister les commissions, qu'elles ne soient point arbitrairement au pouvoir de la cour, ou inclinées à y entrer par des lois, faciles à éluder, sur la nomination aux emplois de ces deux commissions; enfin que les matières dont celles-ci doivent connaître, soient renfermées dans les bornes qui leur appartiennent. Par rapport à la forme de ces changements, un objet sur lequel vous devez employer tous vos efforts, c'est qu'ils se fassent non par une abrogation de la dernière constitution et du traité avec la Russie, mais par un ou plusieurs actes explicatoires, à quoi vous disposerez par toutes les voies de de la persuasion les deux autres ministres à coopérer avec vous.

Sur la seconde pièce: vous savez que nous entretenons depuis longtemps en Pologne un corps de troupes, uniquement destiné à agir contre les perturbateurs de leur patrie, lequel est actuellement sous le commandement de m-r le lieutenant-général Bibikof. Comme toutes les bandes des soi-disants confédérés sont presque entièrement anéanties ou dispersées, ces troupes auront les mains libres, et elles seront conservées là proprement pour faciliter vos négociations, comme il en restera de même de la part des cours de Vienne et de Berlin dans leurs portions respectives. Après donc que vous aurez fait ce premier pas de remettre votre déclaration au Roi et à la république, si l'éclat du partage des trois cours faisait une telle impression, qu'il voulût se former ou se rallumer quelque confédération, il s'agira d'y pourvoir aussitôt, en envoyant des troupes aux lieux où elle se formerait, avec ordre de la prévenir, ou au moins de la dissiper aussitôt après sa formation.

Si le gouvernement procède tranquillement et selon les voies ordinaires à la convocation d'une diète, comme l'assemblée des diétines est toujours orageuse même dans les temps les plus tranquilles du gouvernement polonais, il faudra, de concert avec les deux autres ministres et d'après le principe de coopération, établi dans la pièce dont il s'agit ici, distribuer, à portée de ces diétines, des partis de troupes pour en faciliter l'assemblée, comme aussi pour y favoriser l'élection de nonces qui nous soient les plus favorables; et c'est ici où il faudra bien faire jouer tous les ressorts, usités en Pologne, pour gagner des sujets qu'on puisse faire élire par préférence à d'autres.

Il pourra arriver, que la diète se trouvant assemblée selon les voies ordinaires, on jugera qu'il serait à propos de la faire confédérer, afin de rendre la conclusion de la négociation plus facile à la faveur de la pluralité. Sur ce cas, ainsi que sur tout autre, vous aurez à vous concerter intimement avec les deux autres ministres et faire jouer en commun tous vos ressorts, afin de faciliter et de soutenir une telle opération. Mais si, après la déclaration, le gouvernement reste inactif, ou que, malgré sa bonne volonté et vos efforts conjoints avec les deux autres ministres, on ne puisse parvenir à la convocation d'une diète ordinaire, le moyen auquel il faudra recourir alors sera celui d'une confédération; et cette confédération et toutes ces opérations, il faudra que les trois cours les appuyent par des mouvements militaires. Toutefois avant d'envenir à sa formation effective, vous ferez votre rapport en cour de la nécessité absolue de recourir à cette voie, des moyens que vous croirez pouvoir y employer, des principaux acteurs qu'on pourra mettre en jeu: tout cela combiné et arrangé avec les ministres de Vienne et de Berlin; et sur cela, vous serez pourvu d'ordres d'ici proportionnés à l'état des choses que vous y aurez exposé.

Il est à observer, que dans l'un et l'autre cas, soit que les choses se règlent en Pologne par les voies ordinaires, ou par celles d'une confédération, les districts qui forment le partage des trois cours n'entreront pour rien dans les démarches ou les délibérations de la nation. A cette date, qui vous est marquée entre le 1-r et le 7 Septembre, elles seront totalement séparées de la domination de la république, et l'acte de leur incorporation aux états de chacune des trois cours, consommé. Il y a pour notre portion des officiers généraux nommés et des troupes destinées uniquement à cet objet, lesquels ne dépendront point du commandant des troupes en Pologne et ne participeront en rien à vos opérations.

Vous voyez par ceci, que l'appui que vous aurez à attendre pour votre part dans toutes vos entreprises résidera entièrement dans la personne de m-r le lieutenant-général Bibikof; on ne saurait donc trop vous recommander, et on est persuadé que vous y serez personnellement disposé, d'entretenir avec ce général la plus parfaite intelligence et le concert le plus intime, afin que, partout où vos opérations auront besoin de l'assistance militaire, elle vous seconde à point nommé.

Pour ce qui regarde personnellement le Roi, il est à présumer, qu' après la déclaration à lui remise et à la république, frappé et abattu d'un tel événement, il vous entretiendra de sa propre situation soit séparément, soit en confondant ses malheurs avec ceux de l'état. Vous pourrez, pour ce qui regarde personnellement sa situation, le tranquilliser par l'assurance, que c'est un point convenu entre les trois

cours de pourvoir à son indemnité des pertes, que souffriront les biens royaux par le partage des trois cours, au moyen de la conversion d'autres biens qui seront appliqués à son entretien; et que les trois cours entendent et veulent, que cet entretien soit tel à le mettre en état de soutenir la dignité d'une tête couronnée. Mais ces assurances, vous attendrez pour les donner au Roi, que ce prince et le gouvernement aient déjà fait quelque pas signifiant vers l'arrangement définitif avec les trois cours, et qu'ils y montrent des dispositions sincères, moment, dont la décision est laissée entièrement à votre jugement et à votre sagacité.

Relativement aux maux de l'état, surtout s'il mettait en objection la garantie de ses possessions accordée par Sa Majesté Impériale, vous trouverez des raisons très fondées et très justificatives de notre conduite dans celle de la nation polonaise depuis la naissance des troubles. Vous lui opposerez cette haine et cette répugnance de la plus grande partie de la nation contre la garantie qu'elle a prise et hautement annoncée, comme un des premiers motifs de sa révolte: cette haine et cette répugnance, qui l'a portée jusqu'à des hostilités contre les troupes de Russie, et qui lui faisait préférer d'abandonner à la Porte plusieurs des meilleures provinces de l'état, plutôt que d'accepter un tel engagement: enfin la guerre onéreuse et destructive qu'elle a occasionnée à l'empire de Russie; et vous représenterez qu'aucune justice dans un pareil état ne saurait assujettir la cour de Russie à rester dans les liens vis-à-vis de la nation polonaise, lorsque cette nation rompt et rejette avec horreur tous ceux qui l'attachaient à la Russie.

Vous trouverez toutes ces raisons plus amplement exposées dans un premier *Manifeste commun pour les trois cours*, proposé de notre part et auquel, dans la suite, nous avons substitué la déclaration, ci-dessus mentionnée sub litt.: C, par la considération, que de telles raisons n'étaient pas aussi propres à la situation de la cour de Vienne vis-à-vis de la république, qu'à la notre. Quoique ce premier manifeste ne doive plus être d'aucun usage, nous le joignons ici uniquement comme un secours personnel pour vous pour la matière dont il est ici question. Vous pourrez encore recourir au second manifeste ou à la déduction, dont copie a été jointe ci-dessus sub litt.: D, dont l'usage public n'aura lieu, comme il vous a été marqué, qu'à tel état de la négociation qu'il conviendra.

C'est ainsi que dans la combinaison générale de cette grande affaire vous ne négligerez point aussi, en particulier, de rectifier en Pologne l'opinion publique sur notre conduite propre; mais dans tous les points propres à la marche, à l'avancement et au succès de la négociation, vous agirez dans le plus parfait concert et la plus grande intimité avec les ministres des deux autres cours, afin que votre langage et vos démarches soient uniformes et toujours tendantes au même but: la cession authen-

tique des acquisitions des trois cours et la pacification intérieure de la république. Et selon les progrès que vous ferez ou les obstacles que vous rencontrerez, il ne manquera pas de vous être donné, sur vos rapports, telles instructions propres à l'état des choses et aux cas que vous représenterez.

Un point encore relatif à votre conduite particulière: vous ne manquerez pas par des insinuations adroites et tous moyens praticables, de vous attacher d'entre la noblesse non de ceux qui participent aux grandes dignités, mais de ceux qui par leur caractère et leur esprit ont une sorte de crédit dans la nation et peuvent être mis en jeu avec utilité, un parti le plus considérable qu'il sera possible, qui entre dans les vues de l'arrangement actuel et s'emploie à le faciliter. Votre prédécesseur ne manquera pas de vous mettre au fait de tous ceux qu'il peut connaître, soit déjà acquis à la Russie, soit pouvant l'être par la suite; mais comme le changement de scène en produira naturellement un dans les esprits, vous ne pourrez guère compter que sur ceux, qui persisteront dans leur attachement à la Russie, ou s'y voueront après l'éclat que fera votre première démarche, et c'est ici que vous aurez besoin de toute votre prudence et de votre sagacité pour bien discerner les sujets.

Les moyens de persuasion à employer vis-à-vis d'eux, outre ceux que vos propres lumières vous suggèreront, seraient, ce semble, ceux-ci: leur bien faire sentir, combien l'état effectif de la noblesse dans la république est différent de sa constitution: qu'au lieu d'un corps de noblesse, égal en pouvoir, en dignité et en biens, on n'y voit qu'un certain nombre de familles qui absorbent toute l'autorité, réunissent sur leur tête toutes les dignités et accumulent de génération en génération toutes les richesses de l'état; qu'au lieu de l'indépendance et de la liberté, assurée sous la seule autorité du gouvernement, toute la noblesse et le gouvernement lui-même sont obligés de recevoir tous leurs mouvements de la volonté impérieuse de tyrans aristocratiques, toujours en opposition l'un à l'autre, abusant de la richesse et des moyens de la nation pour la tenir assujettie à leurs vues, favorisant un nombre de créatures comme des sujets dévoués, dont ils se servent pour opprimer les autres, fomentant perpétuellement la division, et enfin ayant précipité l'état dans l'abîme, où il est; qu'en un mot, à l'exception de ces familles, on n'y trouve proprement point de vrais nobles polonais libres, chacun étant obligé de vendre sa liberté à tel chef auquel il s'attache, et celui qui ne le fait pas, étant sûr d'être opprimé et dépouillé.

Par rapport aux raisons propres de l'Impératrice dans le parti qu'elle prend actuellement: leur montrer, combien, et leur gouvernement et les principaux de la nation, se sont montrés ingrats envers l'Impératrice; que rien ne prouve mieux le désintéressement, avec lequel la Russie a pris

si longtemps part à leurs affaires et les a si généreusement assisté, que la certitude qu'ils acquièrent aujourd'hui, qu'il n'était pour elle au dehors aucune politique, qui l'empêchât de s'écarter d'une telle conduite; qu'ils voient enfin, combien l'amitié de la Russie doit être chère et précieuse à la république, puisque cette seule amitié a été si longtemps sa sauvegarde, et qu'aussitôt qu'ils l'ont forcée à la retirer, on a vu, comment les puissances voisines sont constamment disposées à l'égard de la république et à quoi elles sont toujours prêtes vis-à-vis d'elle.

Vous observerez, que de telles insinuations vous sont prescrites pour votre conduite particulière; conséquemment, vous ne vous y livrerez qu'à proportion de la confiance que les sujets vous paraîtront mériter, et toutefois avec tant de circonspection et de ménagement, que jamais ce que vous aurez dit ne puisse vous compromettre vis-à-vis des ministres des deux autres cours.

Voilà ce qu'il y avait à vous prescrire quant à l'objet propre de votre mission; pour toutes les autres affaires, tant générales que particulières, autres que celle-ci, ressortissant à votre poste, vous observerez la même conduite que vos prédécesseurs, et leurs instructions vous sont indiquées ici comme votre règle.

Aussitôt que vous serez arrivé à votre destination, vous vous accréditerez auprès du Roi et de la république, en remettant à ce prince, dans une audience, vos lettres de créance ci-jointes, lesquelles vous accompagnerez d'un compliment de la part de l'Impératrice, contenant les assurances de son amitié pour le Roi et la république, la part sincère qu'elle continue à prendre à la triste situation de la nation polonaise et son désir sincère de voir bientôt succéder à tant de maux intérieurs, dont elle est affligée depuis tant d'années, des temps plus heureux et un état plus prospère.

Vous observerez, lors de cet acte public, la même étiquette qui aura été suivie à l'égard des ministres de Russie d'un caractère égal au votre, et vous jouirez en tout point des mêmes honneurs et distinctions, dont ils ont joui, sans vous en relâcher en rien, ni rien prétendre au-delà. Au reste, le caractère de ministre plénipotentiaire étant plus exempt d'étiquette qu'aucun autre, vous vous bornerez, vis-à-vis des ministres des autres cours, à la plus parfaite égalité que possible, laquelle d'ailleurs, comme il vous est connu, est le principe d'étiquette de la Russie, sans exiger de préséance, ni la céder à personne.

Votre prédécesseur remettra sous votre commandement les officiers employés dans la chancellerie, lesquels continueront sous vous leur service comme par le passé. Vous recevrez de lui toute l'archive, ainsi que la caisse extraordinaire de l'ambassade, desquelles vous dresserez un état que vous enverrez à la cour. Vous recevrez pareillement de lui la vaisselle

d'argent qui reste auprès de l'ambassade, et vous vous en servirez pendant tout le temps de votre mission; en la recevant, vous en dresserez un état que vous enverrez ici. Vous verrez, par les comptes annexés à la caisse, la nature des dépenses extraordinaires, dont vos prédécesseurs ont été chargés; vous verrez, selon le nouvel ordre des choses, les pensions qu'il faudra ou conserver, ou supprimer, ce qui est remis avec confiance à votre discrétion. Vous enverrez, ainsi que vos prédécesseurs, les comptes des dépenses, tant publiques que secrètes, de six mois en six mois, en les adressant de la même manière et dans la même forme qu'ils l'ont fait.

Les gages annuels de dix mille roubles, qui vous sont accordés, ainsi que huit cent roubles par an pour les frais de la poste, vous seront remis d'ici de tierçal en tierçal; de plus, vous êtes autorisé à prendre chaque mois de la caisse qui vous est confiée pour les dépenses extraordinaires, la somme de deux mille roubles pour votre dépense de table, c'est-à-dire la même somme que votre prédécesseur a eue.

Vous prendrez sous votre garde immédiate les chiffres qui sont dans l'archive, vous en servant pour les matières qui demandent du secret, dans vos relations en cour, dans votre correspondance avec le ministère' les ministres employés dans les cours étrangères, de même qu'avec les plénipotentiaires au congrès et les commandants des armées. Vous vous employerez, ainsi que l'ont fait vos prédécesseurs, à procurer à ces derniers toutes les facilités dépendantes de votre ministère, soit pour l'approvisionnement des troupes ou autres affaires, intéréssant le service, qu'ils auraient dans les possessions de la république. En se reposant pour l'exécution de tous les points ci-dessus, ainsi que de tous ceux que les circonstances peuvent faire naître et qu'il n'est pas possible de prévoir' sur votre capacité, votre activité et votre zèle pour les intérêts de Sa Majesté Impériale, il ne reste plus qu'à vous assurer en son nom, et de son ordre exprès, de sa protection et de sa bienveillance.

Donné à Péterhof ce 11 Août 1772.

Par ordre spécial de Sa Majesté Impériale:
Comte N. Panine.
Pr. A. Galitzyne.

**2243) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КН. Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ [1]).**

Expédié le 11 Août 1772.

Le margrave de Bade-Dourlach vient de faire à l'Impératrice les représentations les plus pressantes au sujet d'un *conclusum* du conseil

[1]) М. Г. А. Австрія, III, св. 24.

impérial aulique, du 10 du mois d'Avril, lancé ex officio et sans nulle raison apparente, dans l'affaire de la succession du défunt margrave de Bade-Bade, lequel est très onéreux et préjudiciable aux intérêts d'une maison si étroitement liée par le sang de Sa Majesté Impériale, et à laquelle elle ne saurait par conséquent refuser sa haute protection et son assistance. Pour mettre V. E. au fait de cette affaire, je joins ici la copie d'un mémoire, qui expose le vrai objet dont il s'agit et au contenu duquel je me rapporte.

Le dit margrave ayant réclamé, dans la situation où il est, la garantie du pacte de succession, que l'Impératrice a bien voulu lui accorder il y a quelque temps, j'ai l'honneur de vous faire connaître que l'intention de S. M. I. est, qu'après vous être entendu avec M-r de Fabrici, conseiller privé de légation du margrave à Vienne, V. E. se concerte avec les ministres des rois de Danemark, de la Grande Bretagne et de Prusse, également garants du Pacte de famille de 1765, sur les moyens les plus propres et convenables pour faire désister la cour de Vienne de la commission, dont elle a chargé le duc de Wurtemberg, pour conserver le margrave dans la juste possession du mobilier considérable qui lui appartient, à titre d'achat et de transaction, et pour appuyer les représentations fondées, que le margrave à faites à Sa Majesté l'Empereur contre le *conclusum* en question.

Sa Majesté l'Impératrice, prenant à coeur la conservation des droits et des intérêts de la maison de Bade-Dourlach, elle apprendra avec plaisir les succès des offices qu'elle vous autorise d'employer en son nom. J'ai l'honneur d'être etc.

## 2244) ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ МАРКГРАФУ БАДЕНЪ-ДУРЛАХСКОМУ [1]).

(Отправлено въ Варшаву къ Сальдерну для вручения Баденскому камеръ-юнкеру барону Гейлингу, 11-го Августа 1772 г.).

Durchlauchtigster Markgraf, freundlich lieber Herr Vetter!

Wir sind aus demjenigen, was Ew. Durchlaucht und Liebden, seit dem Absterben des Markgrafen zu Baden-Baden Liebden, dessen Nachlassenschaft halber an uns gelangen lassen, so wie aus Ihrem letzten Schreiben vom 14. May, von der gegenwärtigen Lage Ihrer, dahin einschlagenden Angelegenheit hinlänglich benachrichtiget worden, und haben daher nach unserer wahren Theilnehmung an dem Wohl und an der Aufnahme dero fürstlichen Hauses, zu Abwendung aller von Seiten des

[1]) М. Г. А. Баденъ, I, св. 1.

Reichshofraths in den Weg gelegten Schwierigkeiten, unserem Minister zu Wien eigens auftragen lassen, sich bei der Königl. Kaiserl. Majestät zum Besten dieser Sache auf die nachdrücklichste Weise zu verwenden. Wir haben hierin Ew. Liebden Wunsch, zugleich aber auch unseren eigenem Verlangen, Sie von unserem gnädigen Wohlwollen bei jeder Gelegenheit zu überzeugen, ein Genüge zu leisten gesucht, und in diesen Gesinnungen bleiben wir allstets

Ew. Durchl. und Liebden
wohl-affectionirte.

## 2245) ГРАМОТА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ХАНУ КРЫМСКОМУ [1]).

(Возвращена изъ Царскаго Села, отъ апробаціи, 22 Мая 1772 г.).

По большомъ Императорскомъ титулѣ.

Свѣтлѣйшему и славнѣйшему Крымскому хану Сагибъ-Гирею наша Императорская милость и поздравленіе.

Къ совершенной служило благоугодности нашей отправленіе къ Императорскому нашему престолу, отъ вашей свѣтлости и всего общества Крымскаго, брата вашего Калги-султана Шагинъ-Гирея, съ возвѣщеніемъ, собственнымъ вашимъ и всего общества, о избраніи, учиненномъ въ лицѣ вашемъ на ханство Крымскаго полуострова, составляющаго нынѣ съ народами Ногайскими милосердымъ Всевышняго промысломъ, а пособіемъ побѣдоноснаго нашего оружія, вольную и независимую область, и съ присовокупленнымъ къ тому еще прошеніемъ, чтобъ мы вамъ и подъ верховнымъ вашимъ начальствомъ сей вновь начавшейся области наше Императорское покровительство и защищеніе всегда продолжать благоволили. Находя мы прошенія и желанія вашей свѣтлости и общества Крымскаго дѣйствительно сходствующими съ нашими намѣреніями, о всѣхъ народахъ татарскихъ воспріятыми, кои единственно къ тому обращены, чтобъ произведенное монаршимъ нашимъ человѣколюбіемъ избавленіе ихъ отъ порабощенія осталось прочно и невредимо, въ особливое себѣ удовольствіе поставили принять и содержать при Императорскомъ нашемъ дворѣ брата вашего Калгу-султана съ отличностію и съ особливыми почестьми, а между тѣмъ за благо и за пристойно почли взаимнымъ образомъ отправить къ вашей свѣтлости, въ качествѣ полномочнаго нашего, генерала-поручика, лейбъ-гвардіи маіора и кавалера Евдокима Щербинина, признавая и подтверждая, какъ учиненнымъ при Императорѣ-

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ къ Е. А. Щербинину 1770—1775. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Р. 1871 г., IV, стр. 120—122.

скомъ нашемъ дворѣ торжественнымъ Калгѣ-султану пріемомъ, такъ и торжественнымъ же, съ стороны нашей къ вамъ, посольствомъ, верховное вашей свѣтлости начальство и область татарскую въ равномъ достоинствѣ съ прочими свободными и независимыми областями. Послѣ сихъ двухъ дѣяній, явныхъ и знаменитыхъ, не только ваша свѣтлость съ народами татарскими удостовѣрены быть можете, но и цѣлый свѣтъ безъ сумнѣнія согласиться долженствуетъ въ томъ, что мы ни вящаго, ни сильнѣйшаго засвидѣтельствованія подать не могли о истинности нашихъ мыслей и желаній споспѣшествовать благоденствію Крыма и всѣхъ татаръ, по всѣмъ обстоятельствамъ и въ свободномъ ихъ и независимомъ состояніи; почему съ надѣяніемъ ожидаемъ, коимъ образомъ и вы, свѣтлѣйшій и славнѣйшій ханъ, по должности возложеннаго на васъ верховнаго начальства отъ общества Крымскаго, и по самому къ отечеству вашему усердію, достаточно содѣйствовать не оставите нашему, о безопасности новой татарской области, попеченію и для всего послѣдующаго времени, завися предохраненіе Крыма, чтобъ не былъ непріязненнымъ покушеніямъ подверженъ и когда либо возвращенъ въ прежнее порабощеніе, отъ соглашенія и положенія такихъ мѣръ, отъ коихъ бы дѣйствительные способы произошли, и впредь навсегда татарскимъ народамъ быть и остаться въ доставленной нынѣ имъ свободѣ, при собственномъ своемъ начальствѣ и правительствѣ, и внѣ всякаго страха отъ посторонняго утѣсненія и подверженія, но въ союзѣ, дружбѣ и прямой довѣренности съ нашею Имперіей, для заимствованія и употребленія нашей помочи въ свою пользу, во всякое время того требующее; и о чемъ о всемъ нашъ генералъ-поручикъ Щербининъ имѣетъ повелѣніе учинить вашей свѣтлости надлежащія предложенія, будучи и полною мочью снабденъ къ заключенію формальнаго постановленія, касающагося до вида сего полезнаго и необходимаго. Такимъ образомъ, предпріявъ и исполнивъ мы, единственно изъ свойственнаго нашему великодушію движенія, освобожденіе татарскихъ народовъ отъ ига ихъ угнетавшаго, и возбуждая ихъ войти, со всѣмъ возможнымъ вниманіемъ, въ разсмотрѣніе основаній и пособій собственной своей безопасности, на все вѣковъ теченіе распространяемой, обнадеживаемъ вашу милость, какъ верховнаго сихъ народовъ начальника, и чрезъ сей отпускъ отъ Императорскаго нашего двора брата вашего Калги-султана, что мы и впредь вамъ и состоящей подъ вашимъ независимымъ правительствомъ области татарской, по содержанію тѣхъ условій, какія съ нашимъ полномочнымъ положатся по взаимному соглашенію, Императорское наше защищеніе и покровительство дозволять не оставимъ, пока со стороны Крыма и всѣхъ татаръ имѣетъ быть наблюдаема истинная къ Имперіи нашей дружба, и въ чемъ тѣмъ меньше мы сумнѣваться можемъ, чѣмъ всѣми понынѣ

бывшими происшествіями и опытами доказывается, коль велико было и есть наше искреннее желаніе руководствовать Крыму, спасенному, возстановленному, и на степень независимой области нашими трудами и подвигами произведенному, ко всѣмъ возможнымъ выгодностямъ и преимуществамъ, и самому, и позднѣйшаго потомства всѣхъ татарскихъ народовъ, обезпечиванію отъ всякаго посторонняго подчиненія. Дана сія наша Императорская грамота, которую мы, по обыкновенію, для надлежащей достовѣрности, государственною нашею печатью утвердить повелѣли, въ столичномъ нашемъ городѣ Санктъ-Петербургѣ, въ 12 день Августа мѣсяца, отъ Рождества Христова 1772 года, а государствованія нашего перваго на десять лѣта.

Подлинная утверждена государственною печатью.

Вручена Калгѣ-султану его с-вомъ графомъ Н. И. Панинымъ, 23 Октября 1772 года, при случаѣ бытности его на отпускной визитѣ у его с-ва.

## 2246) ГРАМОТА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ОБЩЕСТВУ КРЫМСКОМУ [1]).

(Возвращена изъ Царскаго Села отъ апробаціи 22 Мая 1772 г.).

По большомъ Императорскомъ титулѣ.

Начальникомъ Крымскимъ, мурзамъ, агамъ, духовному чину, и всему благонамѣренному обществу паша Императорская высочайшая милость и благоволеніе.

Мы, ко всемилостивѣйшей нашей благоугодности, воспріяли учиненное намъ чрезъ знаменитаго Калгу-султана отъ всего благонамѣреннаго общества возвѣстительное представленіе о избраніи на ханство Крымскаго полуострова, составляющаго нынѣ, съ Ногайскими народами, свободную и независимую область, старшаго его брата свѣтлѣйшаго и славнѣйшаго Сагибъ-Гирея, съ присовокупленнымъ къ тому прошеніемъ, чтобъ благоволили, по даннымъ высочайшимъ нашимъ именемъ всѣмъ Крымскимъ жителямъ обѣщаніямъ, сохранить ихъ навсегда при доставленной имъ, пособіемъ нашего побѣдоноснаго оружія, вольности. Избавленіе Крыма отъ посторонняго порабощенія есть такое благополучное происшествіе, которое воспослѣдовало единственно отъ нашего великодушнаго движенія. Мы видѣли съ сожалѣніемъ татарскіе народы подъ игомъ для нихъ несвойственнымъ, и подавъ имъ способы къ сверженію онаго, собственное удовольствіе и славу въ томъ поставляемъ, чтобъ они навсегда остались въ независимости при своихъ

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ къ Е. А. Щербинину 1770—1775. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Р. 1871, IV, стр. 123—125.

правахъ, обыкновеніяхъ и подъ собственнымъ верховнымъ правительствомъ. Всѣ наши труды и подвиги къ тому были обращены, и нынѣ попеченіе наше о томъ самомъ дѣйствительное и усердное есть; особливо же Крымское общество долженствуетъ удостовѣрено быть о истинности всемилостивѣйшаго нашего къ нему благонамѣренія, и по тѣмъ отличностямъ и уваженіямъ, какія при нашемъ Императорскомъ дворѣ оказываны были Калгѣ-султану, и въ чемъ онъ безъ сомнѣнія и самъ засвидѣтельствовать можетъ, а равнымъ образомъ и потому еще, что мы рѣшились къ хану Крымскому, и къ новой области татарской, и съ своей стороны нарочное торжественное посольство отправить: два толь важныя и толь знаменитыя обстоятельства, коими наилучшее всему свѣту засвидѣтельствованіе учинено, что мы хана Крымскаго признаемъ независимымъ владѣтелемъ, а область татарскую въ равномъ достоинствѣ съ прочими подобными свободными и подъ собственнымъ правительствомъ состоящими областями. Крымское общество обязано, со всѣми татарскими народами, намъ и нашей Всероссійской Имперіи справедливою благодарностью за сію полезную и прежде отнюдь неожиданную перемѣну своего состоянія, а чтобъ и позднѣйшее потомство его пользоваться могло непрерывно, во все продолженіе вѣковъ, равномѣрною свободою и независимостью, и новая татарская область всегда была въ совершенной безопасности и внѣ всякаго страха отъ непріязненныхъ покушеній, нужно для того согласиться съ нашимъ полномочнымъ, достаточнымъ отъ насъ наставленіемъ и повелѣніемъ снабденнымъ, о всѣхъ мѣрахъ, твердое къ тому основаніе полагающихъ, будучи впрочемъ довольно понятно и явственно, что благосостояніе новой области татарской зависитъ отъ продолженія къ ней и впредь нашего высочайшаго Императорскаго покровительства, которое мы и дозволяемъ дѣйствительно Крыму и всѣмъ татарскимъ народамъ, требуя и желая отъ нихъ, для собственной же ихъ пользы и благоденствія, чтобъ они предложенія, чинимыя имъ чрезъ нашего полномочнаго, въ томъ самомъ разумѣ приняли, въ которомъ оныя изъясняемы будутъ, и съ довѣренностію соотвѣтствовали и сообразовались нашему предусмотрѣнію и заботѣ. Мы заблагоразсудили такія наши всемилостивѣйшія мнѣнія объявить Крымскому обществу, по случаю отпуска отъ Императорскаго нашего двора Калги-султана, и обнадежить оное монаршею нашею милостію и благоволеніемъ, въ совершенномъ надѣяніи всегда имѣть удовольствіе видѣть Крымскихъ жителей и всѣхъ татаръ согласныхъ и единомысленныхъ, взаимно содѣйствующихъ въ соблюденіи порядка между собою и въ отвращеніи всякихъ противныхъ развратовъ, а не меньше и всего того, отъ чего и малѣйшее могло произойти сумнительство въ союзѣ и дружбѣ съ нашей Всероссійскою Имперіей, необходимыхъ для Крыма и всѣхъ

*

татаръ, какъ при настоящемъ ихъ положеніи, такъ и для всего послѣдующаго времени. Дана сія наша Императорская высочайшая грамота, которую мы, по обыкновенію, для надлежащей достовѣрности, государственною нашею печатью утвердить повелѣли, въ столичномъ нашемъ городѣ Санктъ-Петербургѣ, въ 12 день Августа мѣсяца, отъ Рождества Христова 1772 года, а государствованія нашего перваго на десять лѣта.

Подлинная утверждена государственною печатью.

Вручена Калгѣ-султану его с-вомъ графомъ Н. И. Панинымъ, 23 Октября 1772 г., при случаѣ бытности его на отпускной визитѣ у его с-ва.

## 2247) ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ ИЗЪ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ КЪ ПОВѢРЕННОМУ ВЪ ДѢЛАХЪ ВЪ ПАРИЖѢ Н. К. ХОТИНСКОМУ [1]).

(Циркулярный).

С.-Петербургъ, 12 Августа 1772 г.

Изъ самаго естества и теченія дѣлъ здѣшнихъ въ королевствѣ польскомъ отъ начала ихъ, кончиною покойнаго короля Августа III-го, явствуетъ весьма точно и осязательно, что всѣ виды, намѣренія и подвиги клонились единственно къ удержанію сей сосѣдственной области въ тишинѣ и порядкѣ при выборѣ новаго короля. На семъ основаніи, зная искусствомъ, что нація польская наскучила уже правленіемъ иностранныхъ государей, и что безпрерывное въ одномъ родѣ преемничество могло бы скоро обратиться въ совершенную пагубу вольности и конституціи Рѣчи Посполитой, рѣшилась Ея Императорское Величество, обще съ Его Величествомъ королемъ Прусскимъ, по одинаковымъ статскимъ интересамъ обѣихъ монархій, рекомендовать и наилучше способствовать избранію Пяста, который бы, извѣстными своими качествами и дарованіями, достоинъ былъ короны. Рѣчь Посполитая, согласуясь сему для нея толь полезному и славному положенію, нашла такого Пяста въ особѣ нынѣ царствующаго короля Станислава-Августа. Примѣра почти нѣтъ въ дѣяніяхъ польскихъ такому единодушію, съ каковымъ сей государь отъ сограждан своихъ на престолъ возведенъ былъ. Здѣшній дворъ имѣетъ въ семъ случаѣ предъ собою то удовольствительное удостовѣреніе, что дружескими его мѣрами и покровительствомъ доставилъ тутъ республикѣ совершенный покой и совершенное безпечіе, какъ извнѣ, такъ и внутри ея. Въ признаніе и благодарность отъ нея

[1]) М. Г. А. Франція, III, св. 12.

за сіе толь важное и, извѣстнымъ образомъ, толь дорогое одолженіе, желалъ здѣшній дворъ только вящаго утвержденія собственному ея благосостоянію чрезъ возстановленіе, въ права гражданства и равенства, собственныхъ ея членовъ греческаго и другихъ христіанскихъ исповѣданій, кои превосходнымъ числомъ католиковъ изъ оныхъ мало-по-малу однимъ насильствомъ вытѣснены были, вопреки точнымъ и яснымъ законамъ и самымъ основаніямъ республики, гдѣ вольность и равенство частныя каждаго гражданина составляютъ цѣпь общихъ. Вслѣдствіе того на самомъ первомъ мѣстѣ послѣ выбора королевскаго, учинено съ королемъ Прусскимъ и прочими протестантскими державами общее дѣло, и требовано формальными декларацiями, дабы республика, какъ изъ признанія къ здѣшнему двору, такъ и по самой справедливости, а не меньше и для собственной своей пользы, согласилась сдѣлать въ состояніи диссидентовъ надлежащее и достаточное поправленіе; но вмѣсто того партія на сеймѣ, знатностію чиновъ своихъ пронырствами господствующая, разсудила, въ удостовѣреніе собственнымъ своимъ прихотливымъ и властолюбивымъ видамъ, исключить дѣло толикой важности, и прямо государственное, отъ общаго на сеймѣ въ сей націи разсмотрѣнія, а предать оное, подъ тщетнымъ названіемъ духовнаго, разбору и суду однихъ католицкихъ епископовъ, подобно какъ бы частный ихъ корпусъ самъ по себѣ нѣкую власть имѣть могъ опредѣлить цѣну и уваженіе, должныя отъ республики къ требованіямъ Россіи и всѣхъ протестантскихъ державъ. Кромѣ сего, таже партія, забывъ всѣ здѣшнія ей, королю и всей Польшѣ благодѣянія, овладѣвъ совершенно тогдашнимъ сеймомъ, начала еще дѣлать разныя попытки не только къ утѣсненію другихъ, ей не подчиняющихся, гражданъ, но и къ поврежденію самой конституціи. Акты коронаціоннаго сейма подаютъ въ томъ неоспоримое свидѣтельство, равно какъ и послѣдовавшее за онымъ общее, не однихъ уже диссидентовъ, но и всей почти націи, роптаніе и негодованіе, кои скоро потомъ произвели конфедерацію, сперва диссидентовъ, а за оною и Радомскую, въ которой всѣ воеводства, дистрикты и повѣты единодушное приняли участіе.

Кому могутъ быть неизвѣстны обыкновенныя слѣдствія польскихъ конфедерацій? Конечно оныя въ то время, о коемъ здѣсь говорится, сдѣлались бы для республики сугубо вредны, а можетъ быть и совершенно раззорительными, потому что диссиденты, видя себя въ конецъ утѣсненныхъ и лишенныхъ для переду всякой надежды, когда имъ покровительство толь многихъ и знатныхъ державъ нимало не воспользовало, рѣшились напослѣдокъ, изъ отчаянія, составить изъ себя особливую конфедерацію, чѣмъ самымъ весь жаръ фанатичества противу ихъ возбужденъ былъ. Въ сихъ обстоятельствахъ не могъ здѣшній дворъ обойтиться ввести въ земли республики часть войскъ своихъ, дабы

оными оградить тишину ея и не допустить взаимной обѣихъ сторонъ ненависти до явнаго разрыва. Въ самомъ дѣлѣ, присутствіе оружія здѣшняго достаточно было обуздать первый жаръ. А изъ того далѣе и вышло, что дружелюбныя въ полной мѣрѣ, и вездѣ употребленныя средства и негоціаціи, предуспѣли напослѣдокъ согласить интересы, съ перваго взора только между собою разнствующіе. Радомская конфедерація присоединила къ себѣ диссидентскую, съ обѣщаніемъ разсмотрѣть по справедливости и удовлетворить по законамъ желанія и требованія диссидентовъ. Сеймъ затѣмъ собранный вошелъ дѣйствительно въ сіи умѣренные и похвальные виды, и, при посредствѣ здѣшнемъ, не только нашелъ способъ сообразить интересы диссидентовъ съ конституціею и прямымъ благомъ республики, но и утвердить еще оныя постановленіемъ новыхъ и непремѣнныхъ навсегда законовъ въ пользу вольности своей, которая до того, вмѣстѣ съ римскимъ исповѣданіемъ, какъ ничѣмъ еще за господствующую религію не признаннымъ, не имѣла себѣ точнаго основанія, происходя единственно отъ привычки и такихъ правъ, кои каждымъ сеймомъ, слѣдовательно же корыстію, пронырствомъ и властолюбіемъ, перемѣняемы быть могли. Все сіе въ свѣжей еще у публики памяти, равно какъ торжественное отъ Рѣчи Посполитой посольство къ двору здѣшнему, формальное онымъ испрошеніе ручательства на всѣ новыя узаконенія тогдашняго сейма, а напослѣдокъ и самое подписаніе точнаго о томъ трактата чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ княземъ Репнинымъ и особливою отъ республики уполномоченною депутаціею всего министерства, большей части сенаторовъ и множества земскихъ пословъ. Сей трактатъ былъ отъ Ея Императорскаго Величества и отъ Его Величества короля Польскаго, по данной ему отъ сейма власти, надлежащимъ образомъ утвержденъ и ратификованъ, и получа такимъ образомъ силу и важность непремѣннаго на обѣ стороны обязательства, могъ натуральнымъ образомъ почтенъ быть за достаточное средство къ успокоенію здѣшнему, въ разсужденіи состоянія диссидентовъ и гражданской въ Польшѣ тишины, почему, немедленно послѣ размѣны взаимныхъ ратификацій, и велѣно войскамъ здѣшнимъ возвращаться кратчайшими дорогами въ отечество. Извѣстно свѣту, что они всѣ дѣйствительно находились уже на обратномъ походѣ, какъ вдругъ, и противъ всякаго чаянія, нѣсколько человѣкъ коварныхъ и властолюбивыхъ магнатовъ, подъ именемъ одного или двухъ предводителей, ничего собственнаго, ниже репутаціи въ отечествѣ своемъ не имѣющихъ, слѣдовательно же ничего и не отваживающихъ, вооружили толпу бродягъ подъ названіемъ Барской конфедераціи, которые дерзнули не только всѣ, республикою на торжественномъ сеймѣ постановленные, законы объявить тщетными, но и поднять оружіе собственно

противъ Имперіи здѣшней, простирая притомъ буйство свое даже до обнародованія нѣкоихъ бумагъ къ возмущенію россійскихъ вѣрныхъ подданныхъ. Къ сей то мнимой конфедераціи присоединились потомъ всѣ другія, имъ подобныя шайки, и съ нею вмѣстѣ составляли толь разглашаемую генеральность. Правленіе республики, которое въ первомъ мятежническомъ покушеніи никакого участія не имѣло, адресовалось само собою съ просьбою къ Ея Императорскому Величеству объ остановленіи похода войскъ здѣшнихъ и объ употребленіи ихъ къ усмиренію мятежниковъ. Оба сіи предмета, несмотря на сильное размноженіе мнимыхъ конфедератовъ, собственнымъ послѣ попущеніемъ польскаго правленія, были бы скоро достигнуты, и дружескимъ здѣшнимъ попеченіемъ тишина республикѣ возвращена, еслибъ тутъ вопреки не повстрѣчалась вѣроломная война Порты Оттоманской, которая допустила себя уловить лестными обѣтами злонамѣренныхъ поляковъ. Они, въ пріобрѣтеніе себѣ ея покровительства и дѣйствительной помочи, не усумнились представить ей съ своей стороны, въ награжденіе, Подолію всю, купно съ польскою Украйною. Обстоятельство сіе самою Портою прямо открыто и ею здѣшнему двору, въ удовлетвореніе военныхъ убытковъ, при будущемъ мирѣ заранѣе предлагаемо было. Хотя такимъ образомъ войною здѣшнею съ Портою бдѣніе и силы здѣшнія стали быть раздѣляемы, и здѣшній дворъ, доколѣ правосудіе Божіе не увѣнчало оружія здѣшняго толь многими и знаменитыми побѣдами, не въ состояніи находился единовременно очищать всѣ части Польши, гдѣ между тѣмъ пламя фанатичества, возмущенія и разбоя вкрадываться и распространяться могло, однакожъ тѣмъ не меньше зло само по себѣ не достигнуло бы до того края, въ коемъ оно послѣ находилось, еслибъ только правленіе республики осталось при прежней своей резолюціи почитать возмутителей возмутителями, и не стало само себя приводить въ совершенное небытіе, по происканъ нѣкоторыхъ властолюбивыхъ и тщеславныхъ людей, кои умноженіе безпокойствъ въ отечествѣ своемъ считали надежнѣйшимъ и лучшимъ путемъ къ возвышенію своему и достиженію опасныхъ своихъ, на коронаціонномъ сеймѣ открытыхъ, видовъ.

Здѣшній дворъ, съ своей стороны, продолжая содержать и употреблять въ Польшѣ знатный корпусъ войскъ своихъ, не взирая на происходящую оттого при другихъ военныхъ упражненіяхъ великую тягость, не оставилъ притомъ, отъ времени до времени, испытывать и другія средства кротости и умѣренности, какъ между прочимъ согласился и на ближайшее объясненіе обязательствъ ручательства здѣшняго, по собственному желанію правленія польскаго, потому что оное предъявляло, будто генеральность онаго рождаетъ во всей націи подозрѣніе и недовѣрку на будущія времена; но всѣ здѣшнія снисхож-

денія, купно же и серьезныя представленія и совѣты Его Величества короля Прусскаго, не предуспѣли по сю пору нимало убѣдить и привесть въ резонъ людей, опредѣлившихъ жертвовать всѣмъ, что свято есть, корыстолюбію своему и духу властвованія, коимъ они заразились; а только видѣлъ здѣшній дворъ тотъ единый плодъ отъ безпрестаннаго разбитія здѣшними войсками разныхъ, изъ мѣста въ мѣсто, скопляющихся возмутительскихъ шаекъ, что по сіе время самая польская корона совсѣмъ ими не опрокинута, а съ нею и цѣлое бытіе польской державы еще не разрушено, чему начало было сдѣлано явнымъ предпріятіемъ королевскаго убійства.

Нѣтъ никакой нужды подробно описывать здѣсь того бѣдственнаго состоянія, въ коемъ теперь республика страждетъ, ибо слѣдствія гражданскаго неустройства и войны всякій легко себѣ представить можетъ: купечество и промыслы вездѣ пресѣчены и раззорены, диссиденты, гдѣ возмутителямъ ни попадаются, вездѣ бываютъ мучимы, терзаемы и убиваемы, поселяне, въ домахъ своихъ покойно пребывающіе, имѣнія и пропитанія лишаемы, города и села пожигаемы и опустошаемы,—словомъ вездѣ видны слѣды убійства и жесточайшаго варварства.

Бдѣніе и стража, коими долженствуетъ Ея Императорское Величество благоденствію ввѣренной ей отъ Бога Имперіи, не позволили уже болѣе сносить и терпѣть сіе пагубное и развращенное неустройство въ столь сосѣдственной землѣ, потому что отъ онаго собственные здѣшніе подданные много вреда имѣютъ пресѣченіемъ всякаго сообщенія, и что еще изъ продолженія зла вящія бѣдствія легко на всѣ стороны произрасти могутъ. Чего ради, познавъ между тѣмъ дружескимъ сношеніемъ, что Ихъ Величества Императоръ Римскій, Императрица-королева и король Прусскій весьма одинаковыхъ и согласныхъ съ Ея Императорскимъ Величествомъ въ томъ мнѣній, взаимно и формально согласились между собою: 1-е, о употребленіи отнынѣ единодушнаго всѣхъ трехъ дворовъ старанія къ скорѣйшему прекращенію польскихъ неустройствъ и къ возстановленію въ семъ сосѣдственномъ государствѣ мира, тишины и порядочнаго правленія; 2-е, взять въ тоже время каждому во владѣніе нѣкоторыя польскія провинціи, яко эквивалентъ имѣющихся своихъ на Польшѣ справедливыхъ и неоспоримыхъ правъ и претензій, по коимъ они отъ республики никакого удовлетворенія не получали еще, да инако едва ли когда и получить могли бъ.

Вслѣдствіе сего взаимнаго соглашенія, респективные трехъ дворовъ министры, въ Варшавѣ находящіеся, будутъ отъ государей своихъ уполномочены подать въ одно время, а именно — въ первыхъ числахъ будущаго Сентября мѣсяца, по старому стилю, королю и рес-

публикѣ Польской общую декларацію, съ коей здѣсь копія слѣдуетъ [1]).

Не сообщая во всемъ пространствѣ сего указа, который единственно долженствуетъ служить къ объясненію вамъ самимъ порядка дѣлъ и приведенія васъ потому въ состояніе, при случающихся къ вамъ отзывахъ, отвѣтствовать на оные съ достаточнымъ свѣдѣніемъ прямыхъ обстоятельствъ, имѣете вы съ своей стороны вручить сію декларацію, дружескимъ образомъ, министерству мѣстопребыванія вашего, согласясь напередъ о днѣ единовременнаго ея врученія между 1-мъ и 7-мъ числомъ будущаго Сентября мѣсяца, по старому стилю, съ министрами или повѣренными въ дѣлахъ Вѣнскаго и Берлинскаго дворовъ; буде же министра или повѣреннаго въ дѣлахъ, котораго ни есть изъ сихъ дворовъ въ мѣстѣ вашего пребыванія на ту пору, не случится или совсѣмъ нѣтъ, то съ министромъ или повѣреннымъ въ дѣлахъ того одного, отъ котораго онъ находиться будетъ; а если и отъ обоихъ дворовъ характеризованной персоны не случится, въ такомъ случаѣ надобно вамъ будетъ одному уже сдѣлать вышепредписанное тамошнему министерству сообщеніе, но въ томъ или другомъ случаѣ одинаково съ пристойнымъ привѣтствіемъ, что Ея Императорское Величество, обращаясь съ тѣмъ дворомъ въ дружбѣ и въ доброй перепискѣ, миновать не хотѣла, чтобъ не сдѣлать ему сего дружескаго предъявленія о постановленіи такого соглашенія между тремя дворами, граничащими съ республикой Польской, для твердѣйшаго установленія и обезпеченія равновѣсія, слѣдовательно же и общей тишины того края Европы, и что Ея Величество надѣется, что когда дворъ вашего пребыванія возьметъ въ зрѣлое и безпристрастное уваженіе все прошедшее дѣяніе, несумнѣнно признаетъ онъ нужду и справедливость сего соглашенія, для скорѣйшаго и доскональнаго пресѣченія всѣхъ могущихъ произойти бѣдственныхъ слѣдствій генеральной тишинѣ и покою Европы всей; причемъ вы объявить имѣете, что сообщаемая вами тамъ декларація вручается, въ тожъ самое время, въ Варшавѣ королю и республикѣ польскимъ вмѣстѣ отъ министровъ и всѣхъ трехъ дворовъ, здѣшняго, Вѣнскаго и Берлинскаго.

Какіе на сіе сообщеніе послѣдуютъ къ вамъ отъ тамошняго министерства отвѣты и разсужденія, объ оныхъ не оставите вы сюда въ свое время обстоятельно донесть, равно какъ и о первой импрессіи отзыва вашего, также о разговорахъ и примѣчаніяхъ публики.

Въ запасъ на тотъ случай, еслибъ кто, превратно толкуя поступокъ двора здѣшняго въ присвоеніи себѣ нѣкоторыхъ польскихъ земель, сталъ ссылаться на прежнія здѣшнія деклараціи, гарантирую-

---

[1]) Напечатана въ Сборникѣ, т. XIX, стр. 305—310.

щія цѣлость владѣній республики, разсуждено сдѣлать здѣсь, къ руководству вашему, слѣдующее, на сущей справедливости основанное и потому ничѣмъ не опровергаемое примѣчаніе: правда, здѣшній дворъ далъ республикѣ такую гарантію, но не инако какъ со взаимствомъ отъ нея снисхожденія по диссидентскому дѣлу, и точнаго еще притомъ обязательства—разсмотрѣть и удовлетворить справедливыя здѣшнія требованія, по точной силѣ трактата 1686 года, чрезъ нарочную полномочную коммиссію. Когда же поляки, все сіе торжественно и свято обѣщавъ новымъ заключеннымъ трактатомъ, въ подтвержденіе и объясненіе прежняго, оный совсѣмъ пренебрегли, нарушили и не дѣйствительнымъ объявили, то можетъ ли кондиціональное здѣшнее, симъ самымъ трактатомъ постановленное и съ неприкосновенною его цѣлостью во всѣхъ частяхъ неразрывно связанное, обязательство почитаемо быть и оставаться дѣйствительнымъ, оставляется каждому безпристрастному человѣку на волю судить, кто тутъ правъ и кто виноватъ.

Гр. Н. Панинъ.
Кн. А. Голицынъ.

## 2248) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ И. А. ОСТЕРМАНУ ВЪ СТОКГОЛЬМЪ [1]).

По послѣднимъ вашимъ депешамъ отъ 11, 13, 20, 24 и 27 Іюля ст. ст., мы за нужно нашли доставить вамъ, въ запасъ, еще новую денежную сумму, дабы поелику возможно вы нашлися въ состояніи болѣе усилить и подкрѣпить новые ваши подвиги къ скорѣйшему отнятію случая и времени произвесть въ дѣйство затѣянное Его Шведскимъ Величествомъ предпріятіе къ опроверженію настоящей формы его правительства средствомъ и подкрѣпленіемъ Версальскихъ денегъ, и для того здѣсь повелѣли мы включить къ вамъ векселей на 50000 р.

Касательно же до самаго намѣренія короля Шведскаго, мы не безъ основанія надѣемся и ожидаемъ, что ваше испытанное бдѣніе въ дѣлахъ, и ревность и благоразуміе въ совѣтахъ, съ которыми вы оные преподаете благонамѣренному Шведскому сенату съ его партизанами, отвратятъ отъ Швеціи тѣ безконечныя бѣдствія, которыя на нее нынѣ навлекаются дерзостію и легкомысліемъ ея молодого государя, когда сей его заговоръ вамъ благовременно открытъ сталъ; но чтобъ однакожъ не остаться намъ при одной той надеждѣ, то мы ко вящему вашему руководству за благо находимъ подать вамъ нижеслѣдующія еще наставленія и примѣчанія.

[1]) М. Г. А. Швеція, III, св. 32.

Вы сами довольно знаете, сколь великъ и важенъ непремѣнный интересъ имперіи нашей въ сохраненіи въ Швеціи настоящаго образа правленія, и что и союзы наши, съ Датскимъ и Прусскимъ дворами, довольнымъ образомъ сопряжены съ предохраненіемъ онаго; а по сему и не оставили мы пристойно отозваться къ обоимъ симъ дворамъ, сообща имъ столько, сколько сообщить было надобно,. не компрометтируя вашего канала, о намѣряемомъ королемъ Шведскимъ предпріятіи. Правда, хотя мы имѣемъ многія причины оставаться удостовѣренными, что оба тѣ наши союзника не оставятъ насъ единыхъ во всей заботѣ столь важнаго сѣвернаго интереса, когда случай нашего союза дѣйствительно насталъ бы, а особливо Датскій дворъ, имѣвъ пространнѣйшее въ томъ съ нами обязательство, конечно не отречется обратить всѣ свои къ тому силы; однакожъ при всемъ томъ признать должно, что такое происшествіе случилося бы намъ совсѣмъ не въ удобное время, и обременило бы весьма чувствительнымъ образомъ настоящее Имперіи нашей положеніе, въ разсужденіи не оконченной нашей войны съ турками, еслибы въ настоящее же время мы принуждены были обратиться еще къ новой войнѣ; да и сумнѣнія нѣтъ, чтобъ и весь заговоръ между его Шведскимъ Величествомъ и Версальскимъ дворомъ, въ своемъ существѣ, не единственно къ тому одному клонился, дабы произвесть новое замѣшательство въ сѣверѣ, и тѣмъ умножить наши заботы, ободрить упадшихъ турокъ и воспричинствовать разрывъ начатаго у нихъ съ нами мирнаго конгресса.

По симъ толь важнымъ для насъ консидераціямъ, лучшее наше желаніе есть такое, чтобъ, съ вашимъ поспѣшествованіемъ, Шведскій сенатъ и благонамѣренные чины того государства, усугубляя свою ревность и бдѣніе, изыскали средства законною властію пресѣчь королевскій замыселъ, и окончавъ съ твердостью, какъ возможно скорѣе, настоящій сеймъ, пресѣкли тѣмъ же самымъ и случай Его Величеству произвесть оный въ дѣйство тѣмъ порядкомъ и формою, каковыми онъ о томъ условился съ Версальскимъ дворомъ. Можетъ сему поспѣшествовать оказанный уже въ Копенгагенѣ видъ морского вооруженія, да и уповательно, по учиненному отъ насъ нынѣ тому двору внушенію, скоро примѣтно будетъ нѣкоторое войсками движеніе, на первый случай, съ Норвежской стороны; но если бы со всѣмъ тѣмъ, по зрѣлому и точному вашему усмотрѣнію и удостовѣренію, всѣ сіи способы не могли отвратить угрожаемой опасности, и она бы совершенно близко и неизбѣжно настояла, да и вы бы также напередъ удостовѣрены нашлися, что предписуемый вамъ нижеслѣдующій поступокъ конечно произведетъ желаемое дѣйствіе, и напротивъ того совершенно не навлечетъ королю еще большаго ускоренія исполнить свое предпріятіе, дабы тѣмъ рѣшительнѣе совершить виды и желанія Версаль-

скаго двора, въ навлеченіи на насъ новыхъ хлопотъ, то въ такомъ случаѣ, а не инако, мы васъ уполномочиваемъ, согласясь съ Датскимъ министромъ, сдѣлать обще ту декларацію, которая вамъ отъ насъ предписана прежде, на случай опроверженія формы Шведскаго правленія. Весьма бъ желательно было, чтобъ вы склонили и г-на Гудрика сдѣлать съ вами общее дѣло; однакожъ, хотя бъ онъ и отрекся, то уже тогда вамъ за тѣмъ останавливаться нужды не будетъ. Мы надѣемся, что, по нашему требованію, Его Прусское Величество не оставитъ вскорѣ и прежде настоянія такого крайняго обстоятельства отозваться къ своему племяннику Шведскому королю съ откровеннымъ предъявленіемъ, что онъ индифферентнымъ и безъ участія остаться не можетъ, и по своему съ нами обязательству, и по собственному своему интересу, если Его Шведское Величество то свое намѣреніе не отмѣнитъ производить въ дѣйство. Впрочемъ пребываемъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Петергофѣ, 13 Августа 1772 года.

## 2249) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ Г. Г. ОРЛОВУ И А. М. ОБРЕСКОВУ [1]).

Нашимъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посламъ на мирномъ конгрессѣ, графу Григорію Орлову и Алексѣю Обрескову.

О состояніи Азовской флотиліи вы извѣстны теперь изъ учиненнаго вамъ нашимъ вице-адмираломъ Сенявинымъ рапорта. Какое же мы отправили къ нему вслѣдствіе того повелѣніе [2]), съ онаго, для вашего свѣдѣнія и нужнаго по тому руководства, посылаемъ присемъ копію, пребывая впрочемъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Петергофѣ, 13 Августа 1772 года.

Екатерина.

## 2250) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ВЫБОРГСКОМУ ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРУ ЭНГЕЛЬГАРДТУ [3]).

14-го Августа 1772 года.

Я сегодня подъ вечеръ, на дорогѣ въ переѣздѣ съ Его Императорскимъ Высочествомъ изъ Петергофа въ Царское Село, получилъ письмо ваше съ важнымъ извѣстіемъ о происшествіи въ Шведской Финляндіи, произведенномъ отчаянымъ полковни-

[1]) М. Г. А. Турція, IX, св. 8.

[2]) См. Сборникъ, т. XIII, стр. 263—264.

[3]) М. Г. А. Книга разныхъ писемъ (VII, 41), 1771—1773 г.

комъ Спренгпортомъ [1]); а теперь я спѣшу, наивозможнѣйшимъ образомъ, симъ предписать вамъ, государю моему, на сей незапный случай, высочайшее именное повелѣніе отъ Ея Императорскаго Величества.

Всѣхъ являющихся съ Шведской стороны въ границахъ вашей губерніи, для освобожденія себя отъ противузаконной тамъ производимой новой присяги Спренгпортовой, изволите принимать безъ всякой особенной аффектаціи, и, не обнародывая напередъ о томъ ничего, равно извольте по сему сообщить и во всѣ наши военныя тамошнія команды, дабы на границы, безъ задержанія пропускаемы и къ вамъ адресуемы были, всякаго званія Шведскіе подданные, которые продъявятъ о себѣ, что они, не хотя подвергнуться вводимому тамъ самодержавству, ищутъ своего убѣжища въ Россіи.

Являющихся у васъ извольте обнадеживать высочайшимъ именемъ нашей всемилостивѣйшей Государыни о ея имъ покровительствѣ, и если кто изъ нихъ нѣкоторыя особенныя и обстоятельныя теперь намъ извѣстія подать можетъ, какимъ образомъ гдѣ что происходило, то извольте таковыхъ сюда ко мнѣ отправлять немедленно, дабы мы могли здѣсь все теченіе сего важнаго дѣянія, какъ и теперь явившихся уже въ Фридрихсгамъ капитана барона Ребиндера съ купцомъ Фалкомъ, обнадежа особливою монаршею милостью и призрѣніемъ Ея Императорскаго Величества, извольте тотчасъ ко мнѣ сюды отправить.

Сверхъ сего, особенно Ея Величество повелѣваетъ вамъ, государь мой, чтобы вы, обще съ оберъ-комендантомъ г. Ступишинымъ и съ тамошними военными начальниками, такія мѣры приняли и распорядили, посылкою ли избранныхъ нарочно къ тому способныхъ людей, или иначе какъ, дабы съ тамошней стороны, всегда обстоятельно и безъ упущенія времени, вѣрныя и точныя извѣстія получать было можно: какимъ образомъ продолжается Спренгпортово предпріятіе? Сколько городовъ дѣйствительво присягали и гдѣ съ какою доброю волею, или изъ принужденія? Сколько какихъ людей и кто таковы, какое супротивленіе и когда гдѣ произвели? Какъ они покорены, или гдѣ и кто дѣйствительно подъ арестъ посаженъ и держится? Сколько также дѣйствительно войска Финляндской милиціи и сколько по гарнизонамъ вербованныхъ Спренгпортъ къ себѣ въ одно мѣсто свелъ? Гдѣ съ ними находится, или куды обратился? Не примѣчается-ли какихъ еще движеній, сборовъ, или же и самаго отправленія войскъ и амуниціи шхерами въ какую либо сторону, къ нашимъ ли границамъ или же и въ Стокгольмъ, ибо по здѣшнимъ нашимъ, недавно открытымъ, примѣчаніямъ статься можетъ, что въ Стокгольмѣ сіе предпріятіе еще скрывается и король ожидаетъ перваго потрясенія въ свою пользу со стороны Финляндской? И, наконецъ, въ какомъ расположеніи духи поселянъ въ тамошней землѣ находятся или находиться будутъ, при такомъ переломѣ

---

[1]) Баронъ Георгъ Магнусъ Спренгпортенъ, одинъ изъ участниковъ въ государственномъ переворотѣ, произведенномъ Королемъ Густавомъ III, находился въ то время въ Финляндіи. 14 августа (н. с.) 1772 г. онъ принялъ подъ свое начальство малочисленный военный отрядъ, находившійся въ г. Борго, а 16 августа (н. с.) успѣлъ овладѣть Свеаборгомъ и привелъ гарнизонъ къ присягѣ на вѣрность Королю.—Архивъ Госуд. Совѣта. Спб. 1869. Томъ I, часть 1, стр. 191 и слѣд.—К. Ординъ. Покореніе Финляндіи. Спб. 1889. Томъ I, стр. 119.— M. G. Schybergson. Finlands Historia. Helsingfors. 1889. II, 199.—Срав. также С. Соловьева: Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Томъ 28 (Изд. 3-е, 1892 г.), стр. 383 и 387.

ихъ законнаго состоянія? Всѣ-ли они, средствомъ собранныхъ войскъ, безмолствено приведены къ новой присягѣ, или же нѣкоторые остались или оставлены въ ихъ колеблемости?

Я прошу васъ, государя моего, увѣдомлять меня всякій разъ, какъ скоро что-либо въ дополненіе къ настоящему свѣдать или услышать изволите, хотя бы то было и не однажды въ сутки. Съ симъ письмомъ я посылаю къ вамъ нарочнаго почталіона, а какъ вчерась отправилъ я отсюда курьеромъ въ Стокгольмъ поручика Рено, то и посылаю включенное здѣсь къ нему письмо, чтобъ онъ съ депешами тотчасъ назадъ ко мнѣ возвратился. Я прошу васъ, государь мой, если Рено Выборгъ уже проѣхалъ, не задержавъ почталіона, отправить съ нимъ письмо мое вслѣдъ до границы, приказавъ ему догонять какъ наивозможно скорѣе. А буде, паче чаянія, онъ Выборга еще не проѣхалъ, то, при въѣздѣ его къ вамъ, велѣть ему ко мнѣ воротиться.

## 2251) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛУ САЛЬДЕРНУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

Царское Село, 15 Августа 1772 г.

Monsieur. J'ai l'honneur de faire part à V. E. que nous avons définitivement conclu et signé, le 25 du mois passé, notre convention avec la cour de Vienne et celle de Berlin, par rapport à la Pologne. Comme elle est en tout conforme à celle qui existait déjà entre nous et la dernière de ces deux cours, je n'ai besoin, pour votre information, que de vous communiquer, M-r, comme je le fais par la copie ci-jointe, l'article des acquisitions de la cour de Vienne, et un autre concernant les bons offices des deux cours amies pour notre paix avec la Porte; et aussi de vous dire, que par la nouvelle convention la prise de possession est fixée aux premiers jours de Septembre vieux style.

Je dois encore ajouter que nous avons arrété ultérieurement avec le prince Lobkovitz et le comte Solms:

1-o. Que la prise de possession aurait lieu nommément du 1-er au 7 Septembre.

2-o. Que dans le même intervalle de temps il sera remis au Roi et à la république de Pologne une déclaration commune des trois cours, par leurs ministres résidant à Varsovie.

3-o. Enfin, qu'à cette même date à toutes les cours de l'Europe, où l'une ou l'autre des trois cours entretiennent des ministres, il sera donné connaissance de leur présent concert sur les affaires de Pologne, par une

[1]) М. Г. А. Польша, Ш, св. 31.

copie remise de la déclaration faite au Roi et à la république.—A présent je viens, M-r, à l'état de votre poste dans cette circonstance. M-r de Stackelberg vient d'être nommé par Sa Majesté Impériale pour vous relever en qualité de ministre plénipotentiaire; il est parti le 12, et à la diligence que je lui ai recommandée et qu'il me promet, je ne doute point qu'il ne soit rendu à Varsovie assez à temps pour ouvrir sa mission par cette communication à faire au Roi et à la république. Mais comme il peut lui arriver sur la route tel empêchement qu'on ne saurait prévoir, et que le service, dans un moment aussi important, n'admet pas la moindre incertitude, l'intention de S. M. I. et son ordre exprès, que j'ai l'honneur de vous transmettre, est que, si m-r le baron de Stackelberg n'est pas rendu à son poste assez à temps pour pouvoir se légitimer dans son caractère de ministre et faire au terme fixé la dite démarche commune avec les deux autres ministres, ce soit vous, M-r, qui la fassiez. Dans ce cas donc V. E. prendrait jour et heure avec les ministres de Vienne et de Berlin, entre le 1-er et le 7 Septembre, et vous rendant tous les trois en même temps chez le ministère de la république, vous y délivrerez la déclaration ci-jointe, signée de vous, de même que chacun des deux autres ministres remettra celle de sa cour, pareillement signée de lui.

Je n'ai pas besoin, M-r, de vous prescrire rien de plus. La connexion des affaires vous suffit pour tout ce que vous auriez à dire dans une telle démarche. Mais mon sentiment serait: la plus grande réserve, du silence et du mystère, afin d'éviter dans ce premier moment toute explication qui ne saurait qu'être très désagréable. Toutefois V. E. se concerterait avec les ministres de Vienne et de Berlin, afin de n'avoir tous les trois qu'un ton et qu'un langage. Ensuite elle aurait l'attention de me faire part de la façon, dont la déclaration aurait été reçue, et de la sensation qu'elle aurait fait. J'ai l'honneur d'être etc.

## 2252) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАМѢТКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Къ реляціи посланника въ Стокгольмѣ, гр. И. А. Остермана, за № 100, отъ 15 Августа 1772 г. приложена была, въ числѣ прочихъ: „публикація короля Шведскаго и увѣщаніе относительно начатаго бунта въ Шонской провинціи, въ Христіанстадской крѣпости".

*Нельзя-ли сію публикацію напечатать въ здѣшней или иностранной газетѣ?*

[1]) М. Г. А. Швеція, III, св. 33.

## 2253) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ Г. Г. ОРЛОВУ И А. М. ОБРЕСКОВУ) [1]).

Изъ предыдущихъ вашихъ доношеній усмотрѣли мы съ особливымъ удовольствіемъ принятыя вами мѣры, а по нимъ и учиненныя распоряженія для отворенія мирнаго конгресса. Съ таковымъ же благоволеніемъ изъ послѣдней реляціи вашей, отъ 29 Іюля, узнали мы и образъ, которымъ вы открыли конференціи о толь великомъ дѣлѣ, препорученномъ отъ насъ испытанной вашей ревности къ службѣ нашей и отечества; а изъ сего и видимъ уже мы тѣ добрыя слѣдствія, что турецкіе послы обошлись съ вами гораздо съ большею откровенностью и ласкою, нежели того, какъ скоро чаять было можно, по свойственной сей націи грубости. Равномѣрно мы всемилостивѣйше апробуемъ учиненное вами продолженіе перемирія до 10-го Сентября, надѣясь притомъ, что предыдуще къ вамъ отправленный рескриптъ нашъ подастъ вамъ болѣе свободы къ разрѣшимости и на дальнѣйшее продолженіе перемирія по благоусмотрѣнію вашему. Нескладная попытка министровъ двухъ дружескихъ дворовъ о формальномъ присутствіи при вашихъ конференціяхъ, не можетъ ничего иного значить, кромѣ ихъ собственнаго покушенія придать себѣ тѣмъ болѣе знати и отличности, какъ предъ своимъ дворомъ, такъ и предъ публикою, въ персональныхъ ихъ инфлуэнціяхъ у обѣихъ сторонъ. Вы весьма благоразумно учредили имъ потому отвѣтъ и примѣчанія ваши, относительно положенія нашего въ разсужденіи медіаторскаго конгресса; ибо обѣтъ нашъ предъ Англіею, къ которой однако же долженствуемъ мы менажементомъ, былъ бы, въ самомъ существѣ, въ ничто обращенъ, еслибъ допустили мы Вѣнскаго и Берлинскаго министровъ до внѣшняго и толь формальнаго содѣйствія въ нашемъ мирѣ, допущеніемъ ихъ присутствовать при вашихъ конференціяхъ. Мы посему повелѣли министерству нашему сдѣлать, въ равной силѣ, отзывъ объ оном пребывающимъ здѣсь Вѣнскому и Прусскому министрамъ, съ присовокупленіемъ имъ притомъ такого истолкованія, что гдѣ полномочные послы, съ формальными полными мочами отъ своихъ государей, трактуютъ дѣло, тамо никакъ не могутъ имѣть мѣста тѣ акредитованные министры, кои употреблены токмо для способствованія къ приведенію въ согласіе обѣихъ сторонъ, только въ тѣхъ пунктахъ, въ коихъ они сами собою согласиться не могутъ; въ конференціяхъ же между трактующими съ обѣихъ сторонъ чрезвычайными послами идетъ дѣло конечно и о тѣхъ пунктахъ, въ коихъ безъ всякаго посредства согласиться они

[1]) М. Г. А. Турція, IX, св. 8.

сами собою могутъ. Мы надѣемся, что толь несовмѣстное характеру. добрыхъ оффиціи требованіе Тугута и Цегелина притомъ уже и останется, и что дворы ихъ, если не формально оное дезавуируютъ, то по крайней мѣрѣ оставятъ на ихъ счетъ въ молчаніи сіе ихъ притязаніе. Впрочемъ ожидая отъ васъ извѣстій, постепенно приближающихъ къ концу успѣхъ вашего дѣла, полагаемся въ ономъ на ваше искусство и усердіе. И пребываемъ навсегда Императорскою нашею милостію къ вамъ благосклонны.

Данъ въ Царскомъ Селѣ 16 Августа 1772 года.

Екатерина.

## 2254). ПИСЬМО ГР. Н. И. ПАНИНА КЪ ГР. Г. Г. ОРЛОВУ И А. М. ОБРЕСКОВУ [1]).

Милостивые государи мои, графъ Григорій Григорьевичъ и Алексѣй Михайловичъ!

Почтеннѣйшее письмо вашихъ высокопревосходительствъ отъ 29 прошедшаго Іюля я имѣлъ честь исправно получить. Ваше производство порученнаго вамъ дѣла столь благоразумно и столь сходственно съ мыслями и намѣреніями всемилостивѣйшей нашей Государыни, что я, по истинѣ, не имѣлъ никакой нужды съ оными его согласовать моими объясненіями Ея Величеству, по содержанію упомянутаго дружескаго письма вашего. Теперь имѣю я истинное удовольствіе препроводить къ вамъ, милостивые государи мои, высочайшую дѣламъ вашимъ апробацію въ включенномъ здѣсь за собственноручнымъ Ея Величества подписаніемъ рескриптѣ; я также ссылаюсь на оный и въ томъ, что принадлежитъ до нескладнаго требованія двухъ дружескихъ министровъ; а имѣю честь сообщить только то вашимъ высокопревосходительствамъ, что я упомянутое въ рескриптѣ именное повелѣніе дѣйствительно исполнилъ, отозвавшись здѣсь Вѣнскому и Прусскому министрамъ, и истолковавъ, во всемъ пространствѣ, всю невмѣстность притязанія господъ Тугута и Цегелина. Они сами признали справедливость моего истолкованія; а князь Лобковичъ казалъ мнѣ еще и письмо къ нему отъ господина Тугута, изъ котораго мы оба усмотрѣть могли, что онъ не имѣетъ конечно точнаго на то предписанія отъ двора своего, а самъ собою даетъ слову «добрыя оффиціи» гораздо пространнѣйшій разумъ, нежели надлежитъ. По таковыхъ объясненіяхъ надѣюсь я, милостивые государи мои, что болѣе у васъ сіе требованіе возобновлено уже не будетъ.

---

[1]) М. Г. А. Турція, IX, св. 5.

Я не хочу оставить, чтобъ въ дружеской конфиденціи вамъ, милостивый государь мой графъ Григорій Григорьевичъ, не сослаться здѣсь на сообщенныя вамъ копіи чрезъ братца вашего, графа Ивана Григорьевича, которыя вручилъ я ему для отправленія къ вашему сіятельству, дабы тѣмъ сократить мнѣ мое весьма много теперь упражненное время. Они составляютъ все то, что вѣдаемъ мы по сей часъ о происшествіи въ Финляндіи; но болѣе сего мы ничего еще не знаемъ. На сихъ дняхъ имѣли мы однакожъ черезъ посторонній каналъ нѣкоторое предвареніе о семъ насильственномъ и отважномъ предпріятіи Шведскаго короля; но нельзя было чаять толь внезапнаго исполненія. Я нетерпѣливо ожидаю теперь извѣстія о томъ, въ одно ли время сіе большое дѣяніе произошло и въ Стокгольмѣ, или же Финляндіей начало токмо сдѣлано? Мы отъ сего происшествія можемъ въ настоящее время имѣть только тѣ непріятныя слѣдствія, что слухъ о сей революціи, дошедъ до Порты (если только такъ скоро доставленъ туда быть можетъ), подастъ новый поводъ посламъ вашимъ ободриться тѣмъ въ своемъ упорствѣ. Впрочемъ мы конечно не имѣемъ причины опасаться нынѣшнимъ еще годомъ диверсіи съ Шведской стороны; а выигравъ сіе время, надѣюсь я, что способомъ обязательствъ съ нами Датскаго и Прусскаго дворовъ, нанесемъ мы большія, а можетъ быть и весьма бѣдственнѣйшія въ Швеціи замѣшательства. Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

Въ Царскомъ Селѣ 16 Августа 1772.

## 2255) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОВѢРЕННОМУ ВЪ ДѢЛАХЪ ВЪ КОПЕНГАГЕНѢ И. МЕСТМАХЕРУ [1]).

Царское Село 16 Августа 1772 года.

Au moment où vous recevrez cette lettre, M-r, vous aurez peut-être des informations plus étendues, que je ne puis encore vous le donner, de quelle façon et jusqu'à quel point s'est opéré en Suède le renversement de la forme actuelle de gouvernement. Aujourd'hui nous avons reçu avis de la partie de la Finlande qui nous appartient, que le colonel Sprengport, arrivé depuis quelques jours de Stockholm dans la Finlande Suèdoise, après avoir rassemblé secrètement quelques troupes, y faisait prêter un nouveau serment de fidélité au roi comme souverain, avec cassation de la diète actuelle et de la corégence du sénat, et que les villes

[1]) М. Г. А. Данія, III, св. 9.

de Helsingfors, Schwaibourg [1]), Borgo et Louisa avaient déjà prêté un tel serment, malgré l'opposition de leurs commandants, que le colonel Sprengport pour cette raison a fait arrêter. Nous ne savons point ce qu'il s'est fait de plus, ni quel sort a déjà subi, ou attend encore, la résidence même. Cet événement subit, qui donne une secousse si dangereuse à l'équilibre du Nord et à la sûreté de son repos, ne permet pas de différer à prendre des mesures, au moins pour faire face à tout nouvel aspect qui peut en résulter. Et comme tout cela intéresse personnellement et au plus haut degré la politique permanente de la cour de Danemark, vous aurez, M-r, aussitôt après que vous aurez reçu cette lettre, à en communiquer sans perte de temps le contenu à S. E. le comte d'Osten, en lui marquant de ma part que je n'ai pas voulu différer d'un moment à communiquer à un ministre aussi bien intentionné tout ce qui est venu à ma connaissance de cette entreprise; qu'à la vérité la chose était moins inattendue pour moi, qu'elle ne me frappe par son exécution subite, parce qu'il y a déjà quelques jours que j'ai eu connaissance d'un engagement à ce sujet du roi de Suède avec la cour de Versailles, ou pour mieux dire avec le roi de France lui-même. Les papiers ci-joints qui m'ont été communiqués sous le plus grand secret et que je communique de même à ce ministre, le mettront au fait de tout le concert de cette affaire. Il y verra la résolution désespérée avec laquelle le roi de Suède y est entré, et y remarquera que l'exécution n'avait pas eu lieu au premier terme fixé pour cela, conséquemment qu'il était peu présumable qu'un tel plan put s'exécuter dans le temps même, où le gouvernement de Suède et la diète, sur les soupçons qu'ils avaient déjà de ce qu'on tramait, avaient commencé à prendre des mesures pour le prévenir.

Aussitôt que j'ai reçu ces papiers, je n'ai pas manqué de m'en ouvrir à m-r Dreyer et je l'ai prié d'en écrire à m-r le c-te d'Osten, en lui représentant la nécessité de faire des démonstrations qui indiqueraient l'armement de la flotte et l'assemblée des troupes en Norvège.

Comme l'uniformité de notre intérêt dans le Nord avec celui du Danemark et toutes les combinaisons de notre alliance ont principalement pour objet la Suède, et que cet objet se trouve aujourd'hui dans un péril éminent, je vais communiquer confidemment à m-r le comte d'Osten, pour qu'il en rende compte au roi son maître, les résolutions et les mesures de Sa Majesté Impériale sur ces premières nouvelles d'une révolution commencée en Suède, en requérant, au nom de Sa Majesté Impériale, la cour de Danemark que de sa part elle veuille bien prendre provisoirement des résolutions et des mesures conformes et analogues à la même fin.

---

[1]) Sveaborg.

*

Sa Majesté Impériale a arrêté, jusqu'à ce qu'on voie clair aux mouvements actuels, à leur progrès dans les autres parties du royaume et surtout qu'on soit instruit de ce qui sera arrivé dans la capitale, de s'abstenir de toute ouverture, représentation ou démarche quelconque à ce sujet vis-à-vis du roi de Suède, ni même rien déclarer au public de ses sentiments à ce sujet, mais elle s'est décidée à des mesures qui puissent faire voir, que sans s'expliquer elle se met en état de recevoir en bonne contenance tout ce qui pourra résulter d'une pareille entreprise.

En conséquence il va d'abord être envoyé un général de marque en Finlande et on fera défiler des troupes dans cette province pour être à portée des frontières. Nos galères vont être apprêtées afin de pouvoir être employées à la première nécessité.

Quoiqu'actuellement nous ayons peu de monde pour former les équipages de nos vaisseaux de guerre, étant obligés d'entretenir deux armements considérables dans l'Archipel et dans la Mer Noire, nous en ramasserons cependant autant qu'il sera possible et nous travaillerons à l'armement de ces vaisseaux, afin qu'on voie qu'aussi nous nous préparons de ce côté-là. En un mot nous allons nous montrer partout sur une défensive respectable et nous n'oublierons effectivement rien de ce qui peut la rendre telle.

Et aussitôt que nous serons informés d'une décision dans le succès de la révolution et l'effet qu'elle fera prévoir au dehors, Sa Majesté Impériale se propose de s'entendre et de se concerter intimement avec le roi de Danemark sur ce qui sera plus expédient pour leurs intérêts communs.

Mais dès à présent, comme les deux cours ne sauraient faire une impression plus marquée sur la cour et le gouvernement de Suède, quel qu'il soit, qu'en manifestant par l'uniformité de leurs mesures celle du principe d'intérêt qu'elles ont à la chose, Sa Majesté Impériale prie le roi, en admettant cette considération, comme elle fait pour la base de ses dispositions et de ses démarches, de vouloir bien, ainsi qu'elle, s'abstenir dans ces premiers instants de toute ouverture ou représentation quelconque vis-à-vis du roi de Suède au sujet des affaires actuelles, mais de donner des ordres pour les préparatifs d'équipement de sa flotte, et d'avoir effectivement le plus qu'il se pourra de vaisseaux prêts à mettre en mer au premier besoin. De même de faire des dispositions dans ses troupes, si bien en Norvège, que du côté de la Scanie, et en effet de les approcher davantage entre elles et les porter plus près vers les frontières de Suède, d'ordonner des magazins et tous les préparatifs et indications de troupes prêtes au premier ordre.

Et comme il est naturel que le dénouement de l'entreprise du roi de Suède sera plus tôt connu à Copenhague qu'ici, Sa Majesté Impériale

prie le roi, quel que soit ce dénouement, de s'en tenir à ces démonstrations d'une défensive tranquille et confiante, et de ne faire aucune démarche à part, soit de déclaration ou autre, vis-à-vis de la cour de Suède; à moins qu'il ne fût d'une nécessité indispensable de le faire, que le cas fût si urgent qu'il y eût un inconvénient absolu à le différer jusqu'à une communication avec la cour de Russie, et enfin, qu'une telle démarche fût d'une utilité décidée à l'état des choses.

C'est, M-r, je le répète avec confiance, cette parfaite uniformité de conduite des deux cours qui est le moyen le plus propre à contenir les dispositions du roi de Suède dans la première chaleur d'une révolution pareille, et, retenues dans ce moment, les deux cours verront après les remèdes à apporter au mal même de la révolution, suivant le degré où les choses auront été portées.

De plus, ne voulant point, dans un tel moment, mettre de réserve à ma confiance envers m-r le comte d'Osten, vous lui direz confidemment que nos engagements avec le roi de Prusse portent en partie pareillement sur l'état des affaires de Suède et statuent le maintien de la forme de gouvernement; que je n'ai pas manqué à la première nouvelle de la révolution qu'on y méditait, et aujourd'hui plus particulièrement, après ce qui m'est parvenu de ses commencements, de requérir le ministre de ce prince pour son parfait concert avec nous dans tous nos arrangements, selon que l'étendue de nos engagements peut l'exiger; qu'en conséquence je ne doute point, qu'il n'y entre parfaitement et ne fasse cause commune avec nous.

Voilà ce que vous avez à exposer à m-r le comte d'Osten, en assurant ce ministre de la parfaite confiance que je mets dans ses lumières et ses sentiments pour faire agréer au roi, son maître, cette méthode de procéder dans le concert de nos cours. Vous ne tarderez pas à m'informer de la façon, dont elle aura été reçue, et des résolutions qui s'en suivront.

Je me crois d'autant plus fondé à suivre cette route, que selon tous les indices, et même le rapport d'un officier Suèdois, arrivé depuis deux jours sur nos frontières (lequel rapport je reçois au moment où je finis cette lettre), il est certain qu'alors que ces choses se passaient en Finlande, tout était encore tranquille à Stockholm, et qu'au départ de cet officier de la Finlande Suèdoise, pour passer chez nous, le bruit s'y répandait, que le colonel Sprengport s'était déjà embarqué avec environ 200 hommes de son régiment pour se rendre à Stockholm, afin sans doute de donner le premier ébranlement à cette capitale; ce qui est entièrement conforme aux mesures du plan du roi, tel qu'il se trouve dans les papiers que j'ai communiqués ci-dessus.

Je suis très parfaitement etc.

## РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ВИЦЕ-АДМИРАЛУ А. Н. СЕНЯВИНУ.

17 Августа 1772 г. Распоряженія по случаю переговоровъ съ турками. Напеч. въ Сборникѣ, т. XIII, стр. 253—255.

## 2256) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ Г. Г. ОРЛОВУ И А. М. ОБРЕСКОВУ [1]).

Милостивые мои государи, графъ Григорій Григорьевичъ и Алексѣй Михайловичъ!

Не хотя отпустить отправляющагося сего дня, въ первую армію, курьера безъ увѣдомленія вашихъ высокопревосходительствъ о исправномъ полученіи депешей вашихъ отъ 6-го сего мѣсяца, но притомъ весьма упражненъ будучи новымъ явленіемъ Шведскихъ дѣлъ, покорно прошу васъ, милостивые мои государи, извинить меня, если я, не входя во всю оныхъ подробность, сокращусь токмо въ преподаніи вамъ тѣхъ свѣдѣній, которыя для спознанія вашего сообщить вамъ за нужно почитаю. Ваши высокопр—ва, изъ приложенныхъ присемъ въ копіяхъ депешей нашего въ Стокгольмѣ министра, усмотрѣть изволите цѣлое происшествіе учиненнаго королемъ насильства, опровергающаго и національную вольность, и фундаментальные законы. Теперь, когда все уже тамъ сдѣлано, то въ настоящемъ нашемъ положеніи, и доколѣ еще не учинено у насъ сношенія съ дружескими нашими дворами, Ея Императорское Величество высочайше положить изволила, смолчавъ предъ Шведскимъ королемъ свои сентименты о новомъ происшествіи, не показывать казистыхъ мѣръ и распоряженій къ наступательнымъ дѣйствіямъ, но учинить однако же всѣ оборонительныя пріуготовленія, отозвавшись кстати и въ удобное время Шведскому королю, что сіи самыя пріуготовленія суть ничто иное, какъ законная и нужная предосторожность, послѣдовавшая отъ толь великаго и внезапнаго происшествія: дабы по совершеніи онаго не быть и самимъ намъ сюрпренированнымъ, тѣмъ наипаче, что намъ никакъ не подозрительна быть не можетъ настоящая у Шведскаго двора инфлуэнція державъ, принявшихъ участіе въ премѣненіи прежняго образа правительства.

Вы, милостивые мои государи, сами видѣть изволите, что сіе насильственное дѣйствіе Шведскаго короля можетъ увеличить трудности и въ дѣлѣ вамъ порученномъ, а потому я, и изъ единой истинной къ

[1]) М. Г. А. Турція, IX, св. 5.

вамъ дружбы, долженъ сказать откровенно мое мнѣніе по поводу учиненнаго отъ васъ предложенія, турецкимъ полномочнымъ, кондиціи нашей о независимости татаръ. Мнѣ кажется, что теперь настоитъ та критическая и деликатнѣйшая средина времени, въ которую менѣе всего удобно преклонить турокъ на соглашеніе въ семъ важнѣйшемъ для насъ пунктѣ. Ибо съ одной стороны, они, какъ видно, и единою уже надеждою объ успѣхѣ Шведской революціи подняты были, слѣдственно совершеніемъ оной еще и болѣе усилится ихъ высокомѣрное упорство, а съ другой стороны ваши высокопр—ва, изъ предыдуще мною сообщенныхъ вамъ бумагъ, примѣтить изволите, что Вѣнскій дворъ не былъ еще въ томъ пунктѣ, чтобъ за сію важную кондицію, яко за первую вами предлагаемую, усильно хватиться и приняться, да и видно изъ прежнихъ его отзывовъ; что онъ считалъ сію кондицію, въ разсужденіи ея важности, за предлагаемую въ теченіи уже негоціаціи, на которомъ основаніи и въ инструкціи вашей о сей кондиціи упомянуто. Для сихъ резоновъ я думалъ бы, какъ истинный вашъ другъ, чтобъ, если сіе мое письмо застанетъ дѣла ваши въ томъ же положеніи, и вы по локальному вашему усмотрѣнію не возможете избрать лучшихъ совѣтовъ, приняли вы мой, происходящій отъ истиннаго чистосердечія; а оный состоитъ въ томъ, чтобы согласиться съ турецкими полномочными отложить сей пунктъ, яко трудный для скораго разрѣшенія, въ дальнѣйшее теченіе негоціаціи вашей, а между тѣмъ, дабы оная не остановилась, трактовать о другихъ пунктахъ, сходственно съ изображенными въ инструкціи вашей расположеніями. До тѣхъ же поръ, какъ дойдетъ чреда до преклоненія турокъ на сей важный пунктъ, можно надѣяться, что и г-нъ Тугутъ получитъ повелѣнія о сильнѣйшемъ вамъ способствованіи въ одержаніи татарской независимости, да и я самъ могу къ тому времени, обозрѣвъ ближе представляющіяся новыя конъюнктуры, подать вамъ, милостивые мои государи, дальнѣйшія объясненія къ руководству вашему. Ваши высокопр—ва впрочемъ сами конечно въ состояніи познать истинное свойство Шведской революціи, относительно до нашихъ интересовъ, и потому я за излишне ставлю рекомендовать вамъ, чтобъ не по вашимъ извѣстіямъ турецкіе послы первѣе о томъ увѣдомлены нашлись, а когда уже они чрезъ свой каналъ объ ономъ свѣдаютъ, то пристойное и къ мѣсту объясненіе съ вашей стороны, что и новая форма правленія не дастъ власти Шведскому королю, безъ согласія чиновъ государственныхъ, нарушать внѣшній покой, можетъ вамъ, милостивые мои государи, служить для вашего противъ ихъ контенанца. Примите настоящее мое откровенное письмо въ цѣнѣ совершенной преданности и того высокопочитанія, съ которыми навсегда имѣю честь быть и проч.

Въ Царскомъ Селѣ, Августа 24 дня 1772 года.

P. S. Простите мнѣ, милостивые мои государи, что по приложѣннымъ къ депешѣ вашей письмамъ Молдавцевъ и Волоховъ ничего теперь не могу сказать вашимъ высокопр—вамъ: истинно обремененъ будучи настоящихъ новыхъ дѣлъ положеніемъ, не имѣлъ я ни четверти часа времени обратить мысли мои на разсмотрѣніе просьбы, содержащейся въ тѣхъ письмахъ, но имѣю честь васъ увѣрить, что мнѣнія моего о томъ сообщить вамъ не замѣшкаю.

## 2257) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ А. И. БИБИКОВУ [1]).

Озирая съ особливымъ монаршимъ благоволеніемъ на отличную вашу ревность къ службѣ нашей и отечества, равно какъ и на усердныя старанія ваши о истребленіи польскихъ мятежниковъ, всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ нашего ордена св. Александра Невскаго, коего включенные здѣсь знаки, возложа самому на себя, носить повелѣваемъ. Мы надѣемся, что сіе изъявленіе высочайшаго нашего удовольствія о службѣ вашей будетъ подвигомъ къ продолженію вашего къ ней толь испытаннаго усердія; впрочемъ и проч.

Данъ въ С.-Петербургѣ 29 Августа 1772 г.

## 2258) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛАННИКУ И. М. СИМОЛИНУ ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ [2]).

(Письмо въ цыфрахъ). St-Pétersbourg, le 30 Août 1772.

Le premier avis que vous nous avez donné, M-r, dans votre lettre d'office № 87, de quelques inquiétudes, de la cour où vous êtes, sur les sentiments vrais du roi de Prusse par rapport à l'affaire importante qui vient de se consommer entre nous et elle, ne nous avait fait absolument aucune sensation. Nous ne croyons y voir que des spéculations de politique que l'événement confirme ou détruit, et le sort de ceux-là ne pouvant être douteux pour nous, nous pouvions laisser avec confiance à l'avenir à détromper le ministère Danois. Mais dans une de vos lettres subséquentes, le № 90, vous avez allégué des faits qui ont été administrés et sur lesquels se fonde l'erreur; ainsi notre premier jugement et première

---

[1]) М. Г. А. Польша, X, св. 2.
[2]) М. Г. А. Данія, III, св. 10.

indifférence ne peuvent plus subsister. Je vous disai donc, M-r, que c'est avec étonnement que Sa Majesté Impériale a lu dans votre lettre № 90, qu'il avait été donné avis au ministère que le roi de Prusse avait fait remettre une note à son ministère, par son ministre auprès d'elle, le c-te de Solms, pour la dissuader de conclure, du moins jusqu'à l'arrangement final des affaires de Pologne, la négociation du Holstein avec la cour de Danemark, et que Sa Majesté Impériale avait fait répondre à cette note par écrit, que cette négociation était trop avancée pour être reculée et qu'il n'était pas possible de mêler dans une affaire de cette nature des intérêts étrangers. Sa Majesté m'a donné ordre dans le moment de m'ouvrir sur ce fait avec m-r de Numsen, et de lui en certifier la fausseté, ce que j'ai déjà exécuté. Je vous fais aussi la même déclaration, M-r, et je vous charge expressément, par ordre de Sa Majesté Impériale, de dire à m-r de Bernstorff et aussi à m-r Schack, que c'est une calomnie manifeste que l'avis qui leur a été donné de cette prétendue note et de la réponse. Non seulement le roi de Prusse n'a fait remettre aucune note par son ministre sur cette affaire, ni conséquemment il ne lui a été fait aucune réponse, mais même jamais il n'a passé de lui à nous aucune ouverture ministériale quelconque pour ou contre l'arrangement entre les deux cours. Si jamais on a eu ici quelque notion des sentiments de ce prince à ce sujet, ce n'a été que discours éventuels, mais de toute une autre nature que ceux que lui prête la calomnie. La cour de Berlin, dans l'état de confiance intime entre elle et la notre, n'a pas ignoré la marche de nos arrangements avec le Danemark, toujours elle en a marqué son contentement et loin de les trouver préjudiciables à quelques intérêts, elle a toujours dit qu'elle les regardait comme un avantage et comme l'assurance la plus permanente de la paix et de la tranquillité de tout le Nord. Voilà, M-r ce que vous avez à affirmer à m-r de Bernstorff, et vous lui en ferez la conclusion: c'est qu'un avis aussi faux ne peut leur avoir été donné que par un méchant, ami du trouble et de la confusion, familiarisé avec la calomnie, qui n'est plus pour lui qu'un moyen ordinaire. C'est au Danemark donc à le connaître et à se précautionner contre tout autre avis qui pourrait lui venir d'une source aussi impure. J'ai l'honneur d'être etc.

### 2259) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАМѢТКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Въ реляціи изъ Стокгольма за № 105, отъ 31 Августа 1772 г. графъ Остерманъ писалъ: «Изъ послѣдующаго затѣмъ въ переводѣ на французскомъ языкѣ сочиненія подъ титуломъ «Густавовы дѣла. Шведское благополучіе», Ваше Императорское

[1]) М. Г. А. Швеція, III, св. 33.

Величество высокопроницательно усмотрѣть соизволите, какимъ образомъ стараются ласкатели предъ публикою оправдать его (Шведскаго короля) вѣроломное предпріятіе. Я затѣмъ наипаче сіи обѣ піесы здѣсь включаю, что Ваше Императорское Величество изъ оныхъ всемилостивѣйше усмотрѣть изволите, коимъ образомъ нигдѣ не оставляется жало противу высокихъ сосѣдей въ націи поощрять».

Я думаю, что вы у мѣста и кстати не упустите сдѣлать употребленіе изъ того, что нынѣ во Швеціи *нигдѣ не оставляется жало противу сосѣдей въ націи поощрять* [1]). Надобно, чтобъ и они знали, что сосѣди на это рефлекціи дѣлаютъ и что они пустымъ комплиментомъ вѣроломнаго короля не обмануты. Знатно, для отвращенья націи отъ собственнаго состоянья ей даютъ другой объектъ.

## 2260) ПРОЕКТЪ РЕСКРИПТА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ И. А. ОСТЕРМАНУ ВЪ СТОКГОЛЬМЪ [2]).

Изъ послѣднихъ вашихъ депешей усмотря, что вы, при умножающихся въ теченіе сейма внутреннихъ и посторонникъ затрудненіяхъ, не только въ подвигѣ вашемъ не ослабѣваете, но и при всякомъ новомъ и неожиданномъ случаѣ находите сами въ себѣ, по прежнимъ нашимъ предписаніямъ, лучшія и свойственнѣйшія вопреки мѣры, восхотѣли мы чрезъ сіе объявить вамъ совершенное наше благоволеніе и высочайшую апробацію. Для продолженія между тѣмъ нужныхъ операцій и сколько можно скорѣйшаго прекращенія самого сейма, повелѣли мы вновь перевесть 50 т. рублевъ, поручая признанному вашему усердію и искусству настроить всѣ струны такимъ образомъ, дабы послѣднее наше намѣреніе безъ дальняго уже отлагательства въ полной мѣрѣ достигнуто быть могло. Полагаясь въ томъ съ неограниченною довѣренностью на ваши усилія, пребываемъ и проч.

Данъ въ Августа 1772 г.

## 2261) КОПІЯ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНОЙ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ [3]).

Безъ даты. Относится къ негоціаціи о примиреніи съ Турціей, начавшейся въ Августѣ 1772 года.

Въ Грузіи, въ какомъ положеніи курьеры ихъ наѣдутъ.

На морѣ же отъ рѣки Ріомы [4]) до устья Дунайскаго, чтобъ во время перемирія турецкіе корабли устья Дунайскаго не проходили, къ Крымскимъ берегамъ не подходили и также устья Ріома не проплыли, а наши также не пройдутъ мимо устья Дуная и Ріомы.

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ Императрицею.

[2]) М. Г. А. Швеція, III, св. 32.

[3]) М. Г. А. Турція, IX, св. 5.

[4]) Ріонъ.

### 2262) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Датскій посланникъ въ Петербургѣ Нумсенъ сообщилъ полученныя имъ изъ Копенгагена отъ графа Бернсторфа письма отъ 2 и 3 Сентября 1772 г. Въ этихъ письмахъ гр. Бернсторфъ, излагая ходъ монархическаго переворота въ Швеціи, указываетъ на опасность его для Россіи и Даніи.

Quand j'aurai lu les dépêches du comte Ostermann, je dirai si le péril en Suède est aussi pressant que le comte Bernstorff nous le représente pour nous hâter un peu, vu que depuis le mois de Fevrier jusqu'à celui de Septembre il y a huit mois. Vous ferez très bien de travailler sérieusement au contreprojet, afin qu'il ne vienne point trop tard et dans un temps, où l'on puisse croire, que la peur fait que nous nous hâtons.

### ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ КОРОЛЮ ШВЕДСКОМУ ГУСТАВУ III.

4 Сентября 1772 г. Напеч. въ Сборникѣ, т. LXXII, стр. 253 (при депешѣ гр. Сольмса отъ 4 Сентября 1772 г.).

### РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ.

4 Сентября 1772 г. Напеч. въ Сборникѣ, т. I, стр. 87.

### 2263) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ Г. Г. ОРЛОВУ [2]).

(Концептъ рескрипта—съ собственноручными поправками Императрицы) [3]).

Узнавъ, къ крайнему нашему сожалѣнію, изъ послѣднихъ вашихъ депешей къ нашему дѣйств. тайн. совѣтнику графу Панину, какимъ образомъ турецкіе полномочные совершенно рѣшились возвратиться въ свою сторону съ мѣста конгресса, и слѣдственно тѣмъ оный разорвать; а чѣмъ больше въ самое сіе же время озабочивается наше серьезнѣйшее примѣчаніе на аспекты, происходящіе изъ перемѣны Шведскаго правленія, тѣмъ паче мы принуждены находимся изыскивать всѣ удобь возможнѣйшія средства къ скорѣйшему поправленію, если только возможно, разорванной съ вами негоціаціи: а потому и рѣшились мы сего же дня дать наши, вслѣдствіе того, повелѣнія рескриптомъ нашему генералу-фельдмаршалу графу Румянцеву, съ котораго для вашего извѣстія здѣсь копія прилагается [4]). Вамъ же симъ

---

[1]) М. Г. А. Данія, IV, св. 2.

[2]) М. Г. А. Турція, IX, св. 8.

[3]) Отмѣчены ниже курсивомъ.

[4]) См. ниже № 2265.

высочайше объявляемъ, что если сей нашъ рескриптъ застанетъ васъ въ генеральной квартирѣ у графа Румянцева, то *отдаемъ съ полною довѣренностью на вашу собственную волю*, сюда ли возвратиться, или попрежнему вступить въ прежнюю вашу коммиссію, какъ скоро, по содержанію повелѣній нашихъ графу Румянцеву, случай къ тому представится, обще съ т. сов. Обресковымъ, которому мы особеннымъ рескриптомъ дали наши о томъ повелѣнія, а вамъ съ него копію сообщаемъ для вашего руководства.

Вы усмотрите, изъ нашего рескрипта къ генералу-фельдмаршалу графу Румянцеву, желанія наши, какимъ образомъ начать военныя операціи. Правда, мы бы во всякое время предпочли дѣйствіе по первому плану, въ присутствіи вашемъ въ совѣтѣ предполагаемому; но настоящее, столь серьезное, уваженіе границъ нашихъ къ Швеціи не можетъ намъ дозволить въ столь новое и короткое время тѣхъ дѣлъ, и при истеченіи кампаніи сего года такъ далеко завязаться и завести себя въ военныя предпріятія противъ турокъ, а тѣмъ самымъ и затруднить еще болѣе вспомоществованіе нашихъ союзныхъ дворовъ скорѣйшему достиженію мира, который намъ тѣмъ нужнѣе становится, чѣмъ сомнительнѣе, для существительнѣйшихъ интересовъ Имперіи нашей, оставаться можетъ долгайшее окорененіе въ Швеціи произведенному предпріятію тамошняго молодого государя. По симъ уваженіямъ рѣшились мы на то сократительнѣйшее военное дѣйствіе, противъ настоящаго нашего непріятеля, на нынѣшнюю компанію. Вамъ же равномѣрно всемилостивѣйше *отдаемъ на собственное ваше благоизобрѣтеніе*, по извѣстной испытанной вашей ревности къ службѣ нашей и отечества, *присутствовать или употребить* себя, по вашему военному званію, и въ арміи, подъ предводительствомъ нашего генерала-фельдмаршала графа Румянцева, пока вамъ время къ тому дозволитъ, и возложенная на васъ особливая коммиссія мирной негоціаціи не возобновится. Впрочемъ пребываемъ мы вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, 4-го Сентября 1772 года.

## 2264) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ А. М. ОБРЕСКОВУ [1]).

Нашему тайному совѣтнику Обрескову.

Усмотря, къ крайнему нашему сожалѣнію, изъ общаго вашего съ генералъ-фельдцейхмейстеромъ графомъ Орловымъ министеріальнаго

---

[1]) М. Г. А. Турція, IX, св. 8.

письма, отъ 18 Августа, къ д. т. с. графу Панину, что держанный въ Фокшанахъ, между вами обоими и турецкими полномочными послами, мирный конгресъ доведенъ былъ тогда до совершеннаго разрыва на самомъ первопредложенномъ артикулѣ вольности и независимости татарскихъ народовъ, безъ всякаго притомъ трактованія о другихъ кондиціяхъ, и испытанія предоставленныхъ отсюда на тамошнее, кстати и ко времени, усмотрѣніе и употребленіе многихъ удобностей и разныхъ степеней къ сближенію и соглашенію изъ оныхъ одной другою: предполагаемъ мы, что вы теперь, по семъ несчастливомъ оборотѣ, дѣйствительно находитесь на возвратномъ ко двору нашему пути. Но какъ общее дѣлъ нашихъ положеніе долженствовало бы, совершеннымъ пресѣченіемъ мирной негоціаціи, натурально придти въ вящее предъ прежнимъ затрудненіе и отягощеніе отечеству, въ разсужденіи новыхъ заботливыхъ и сомнительныхъ аспектовъ со стороны Швеціи, гдѣ королю счастливою революціею удалось схватить неограниченное почти самодержавіе, то по сей причинѣ и рѣшились мы употребить, по возможности, всякое пристойное стараніе, чрезъ нашего генерала-фельдмаршала графа Румянцева, къ приведенію Порты на продолженіе или, свойственнѣе сказать, на возобновленіе мирной негоціаціи, къ произведенію которой мы опять васъ же симъ опредѣляемъ, по имѣющейся уже у васъ въ рукахъ полной мочи, будучи напередъ совершенно удостовѣрены, многими и дѣйствительными опытами о вашей къ намъ и отечеству вѣрности, о вашемъ къ службѣ усердіи и о вашемъ въ дѣлахъ отличномъ искусствѣ. Отправляя сей рескриптъ съ нарочнымъ курьеромъ, дабы васъ дорогою встрѣтить, повелѣваемъ мы вамъ съ того мѣста, гдѣ вы его получите, возвратиться въ главную квартиру генерала-фельдмаршала графа Румянцева, дабы тамъ въ близости и всегдашней къ дѣлу готовности быть, сколь скоро турецкая податливость къ оному ознаменована будетъ. Приложенная здѣсь копія съ рескрипта, къ помянутому генералу-фельдмаршалу, откроетъ вамъ въ полной мѣрѣ принятыя наши мѣроположенія къ достиженію сего предмета, а потому самому имѣетъ оный служить и для вашего, на первый часъ, руководства.

Впрочемъ, чрезъ нѣсколько дней отъ сей экспедиціи, сдѣлаемъ мы къ вамъ новое отправленіе съ новыми нашими, до самаго существа мирной негоціаціи относительными, разсужденіями и наставленіями въ дополненіе прежней инструкціи, по мѣрѣ и образу того, что у васъ на конгрессѣ происходило, и, по признанію нашему, гораздо близко было къ прямой цѣли желаній и намѣреній нашихъ.

Если по возвращеніи вашемъ къ арміи въ главную квартиру вы найдете тамъ еще нашего генерала-фельдцейхмейстера графа Орлова, и онъ самъ рѣшится остаться при семъ дѣлѣ, то по прежнему нашему

опредѣленію, имѣете вы и нынѣ обще съ нимъ, въ его товариществѣ, возобновить и производить сію негоціацію, слѣдственно и сей нашъ именной рескриптъ долженствуетъ тогда вамъ обоимъ служить общимъ предписаніемъ. И пребываемъ затѣмъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ 4-го Сентября 1772 года.

Екатерина.

## 2265) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ А. М. ОБРЕСКОВУ [1]).

Петербургъ, 4 Сентября 1772 г.

Сердечно сожалѣю, мой любезный другъ, о настоящемъ вашемъ положеніи, видя изъ послѣднихъ депешей вашихъ, что новозародившееся бѣшенство и колобродство перваго товарища вашего испортили все дѣло. Въ сихъ прискорбныхъ и досадныхъ обстоятельствахъ могу я вамъ по крайней мѣрѣ принести утѣшеніе, побожась вамъ честію моею и увѣря васъ, какъ истиннаго друга, что ни малѣйшимъ образомъ и ничто въ семъ несчастномъ происшествіи насчетъ вашей особы отнюдь не упало; а напротивъ того Ея Императорское Величество внутренне удостовѣрена, что вамъ невозможно было ничего иного сдѣлать въ положеніи вашемъ, какъ то, что вы сдѣлали. Повѣрьте, мой другъ, что вамъ вся справедливость отдается, и ваши прежнія заслуги не помрачаются конечно отъ необузданности товарища вашего. И въ самомъ дѣлѣ, всякому постороннему человѣку нельзя тому не удивиться, какъ первые люди въ обоихъ государствахъ, посланные для толь велнкаго дѣла, съѣхались за однимъ будто словомъ, а сказавъ его другъ другу, разъѣхались ни съ чѣмъ. Но меня сіе ни мало не удивляетъ, зная совершенно тѣ обстоятельства, которыя вамъ извѣстны и тѣ, *которыя вамъ еще неизвѣстны*. Сколько же сей разрывъ конгресса, слѣдственно и уничтоженіе надежды общей достигнуть мира, терзаетъ сердце мое и оскорбляетъ меня какъ министра и какъ человѣка, любящаго всею душою свое отечество, то вы сами лично себѣ представить можете и по тому уже одному, когда вообразите себѣ, что мы поставлены теперь въ наикритическое положеніе чрезъ сей разрывъ, возобновляющій войну старую и ускоряющій новую, которая намъ угрожать стала. Но я при всемъ томъ уповаю на правосудіе Божіе въ поправленіи испорченнаго. На васъ, мой любезный другъ, на вашу ревность къ службѣ отечества и на ваше искусство и благоразуміе, полагаю я мою надежду. Изъ приложеннаго при семъ къ вамъ рескрипта вы увидите, что вамъ препоручается извлечь отечество изъ такого жестокаго кризиса. Дай Боже, чтобъ успѣхъ отвѣтствовалъ вашимъ стараніямъ, объ устремленіи которыхъ къ дѣлу, вамъ ввѣренному, я не могу сумнѣваться, зная образъ мыслей вашихъ, честность сердца и патріотическій духъ вашъ; а къ сему въ крайнѣйшую вамъ конфиденцію и съ совершеннѣй-

---

[1]) М. Г. А. Турція, IX, св. 8.—Напеч. въ Сборникѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, выпуски 3 и 4 (1883 г.), въ трудѣ В. А. Уляницкаго: «Дарданеллы, Босфоръ и Черное Море въ XVIII в.», прилож. 45-е.

шимъ удостовѣреніемъ открою, какъ вѣрный вашъ другъ, что хотя по рескрипту къ вамъ вы можете счесть, что прежній вашъ товарищъ и теперь съ вами дѣйствительно будетъ, однакоже, мой милостивый другъ, я, по многимъ надежнымъ обстоятельствамъ, уповаю, что вы одни останетесь въ дѣлѣ, а онъ самодуромъ сюда прискачетъ, не взирая, что мы pro forma сегодня же и къ нему рескриптъ отправляемъ на мѣсто въ Яссы, съ котораго здѣсь для единаго вашего свѣдѣнія копію прилагаю; да пускай бы противъ моего чаянія онъ еще тамъ остался, сей рескриптъ его тамъ застанетъ, и онъ по немъ рѣшится употребить себя въ продолженіе негоціаціи, то и въ такомъ случаѣ конечно вамъ не будетъ больше нужды его мечтательныя мысли столько уважать, какъ прежде, ибо *его прежній случай совсѣмъ миновался;* а потому и вы, мой милостивый другъ, нуждъ болѣе имѣть не будете сокращаться вашимъ въ дѣлахъ просвѣщеніемъ и искусствомъ, въ единыхъ соображеніяхъ и расположеніяхъ его необходимыхъ мнѣній и разсужденій, а можете надежно, съ большею твердостію, держаться вашихъ собственныхъ и его къ онымъ обращать. Въ противныхъ же случаяхъ, и когда гдѣ въ чемъ его не согласите, извольте только откровенно ко мнѣ писать. Я жъ себя ласкаю, что вы, мой милостивый другъ, знавъ меня столь коротко, не возмните, чтобъ я былъ въ состояніи коварно или легкомысленно васъ на сіе привести. Болѣе на сей разъ, за краткостію времени и обремененіемъ отъ дѣлъ, ничего сказать мнѣ не остается, а только вновь прошу васъ никогда не почитать меня инако, какъ вашимъ искреннимъ другомъ и покорно вѣрнымъ слугою.

P. S. Я увѣренъ остаюсь, что ваше пр—во сіе мое письмо въ истинномъ разумѣ безпредѣльной моей къ вамъ дружбы и довѣренности примете, и потому предадите его огню по прочтеніи[1]).

## 2266) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ФЕЛЬДМАРШАЛУ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [2]).

Нашему генералу-фельдмаршалу графу Румянцеву.

По депешамъ послѣдняго курьера изъ Фокшанъ, должны мы теперь, къ чувствительному нашему оскорбленію, несумнѣнно полагать, что мирный конгрессъ, и съ онымъ и мирная негоціація, совсѣмъ уже пресѣчены дѣйствительнымъ отъѣздомъ турецкихъ полномочныхъ министровъ. Чѣмъ болѣе сіе неожиданное извѣстіе долженствуетъ трогать человѣческое наше сердце, тѣмъ вяще поспѣшаемъ мы снабдить васъ такими наставленіями, кои иногда возмогутъ еще возвратить прерванную негоціацію въ прежнее ея теченіе, а притомъ и возбудить въ туркахъ новую къ тому склонность и собственное желаніе. Испытавъ многими и отличными опытами искусство ваше, купно же и патріоти-

---

[1]) Все письмо писано рукою секретаря гр. Н. И. Панина Д. И. Фонвизина, кромѣ постскрипта, писаннаго рукою самого Панина.

[2]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки Императрицы Екатерины II, св. 3.

ческое усердіе къ службѣ нашей и отечества, имѣемъ мы наперед твердую надежду, что вы потщитесь въ полной мѣрѣ оправдать нашу въ толь важномъ случаѣ на васъ возлагаемую довѣренность. Сей рескриптъ застигнетъ уже васъ, конечно, по прошествіи срока перемирія, слѣдовательно же въ такое время, когда вашъ случай къ новымъ лаврамъ предстоять будетъ. Мы потому за благо находимъ предъявить вамъ желанія наши, оставляя исполненіе по онымъ собственной вашей ревности и попеченію, кои вы, во всѣхъ дѣлахъ службы нашей, въ полной мѣрѣ доказывали. Они состоятъ въ томъ, что если, при полученіи сего рескрипта, ничего такого и на сей часъ нами здѣсь непредвидимаго у васъ настоять не будетъ, что бы могло перемѣнить настоящее наше заключеніе о совершенномъ разрывѣ конгресса, и чрезъ что бы вы не имѣли новыхъ аспектовъ къ желаемому окончанію войны чрезъ какую либо продолжаемую негоціацію, чего однакоже мы теперь здѣсь никакъ предугадывать не въ состояніи, то въ такомъ случаѣ, какъ выше сказано, желаніе наше есть, чтобъ вы, ни мало не теряя времени, устремили все ваше радѣніе къ тому, дабы непріятелю какъ можно скорѣе нанесть чувствительный ударъ на супротивномъ берегу рѣки Дуная, разогнаніемъ ли главной его арміи, или же опроверженіемъ какого либо знатнаго корпуса войскъ его: а въ обоихъ случаяхъ производя поиски, елико возможно будетъ, обратить ихъ такимъ образомъ, дабы вамъ кампанію вашу кончить, уже осѣдлавъ дѣйствительно рѣку Дунай, и въ семъ положеніи взять зимнія квартиры.

Сверхъ сего, при равномъ предположеніи дѣлъ нашихъ, какъ выше означено, поручаемъ мы вамъ нынѣ же отозваться къ верховному визирю письмомъ вашимъ для показанія ему истинной и непрерывной склонности къ продолженію, или лучше сказать, къ возобновленію мирныхъ договоровъ, не взирая на начинаемыя военныя дѣйствія.

Письмо ваше долженствуетъ быть такого содержанія: что мы, продолжая непремѣнно въ нашихъ искреннихъ желаніяхъ видѣть прекращеніе военныхъ дѣйствій обоюдныхъ имперій, увѣдомилися съ сожалѣніемъ, что мирная негоціація разорвалась отъ турецкихъ министровъ на самомъ первомъ артикулѣ, и безъ всякаго трактованія о другихъ кондиціяхъ, слѣдовательно же и безъ всякаго договаривающимися взаимнаго испытанія въ сближеніи и соглашеніи одной кондиціи съ другою; напротивъ же того вы, будучи удостовѣрены о персональныхъ его, верховнаго визиря, добрыхъ намѣреніяхъ и полезныхъ диспозиціяхъ къ прекращенію пролитія невинной крови, представляете ему готовость свою къ возобновленію мирныхъ договоровъ тамъ, въ такое время и такою формою, какъ, гдѣ и когда вы оба между собою наилучше согласиться можете; что для сего самаго и оставляются при

васъ оба, или одинъ второй нашъ посолъ, т. с. Обресковъ, дабы онъ по имѣющейся у него полной мочи и достаточнымъ инструкціямъ, безъ всякой сюда описки, могъ въ дѣло и въ негоціацію вступать, сколь скоро онъ, верховный визирь, на то согласится, и съ своей стороны паки назначитъ, прежняго ли своего полномочнаго Османа-Эффендія, или же кого другого; и что напослѣдокъ вы находитесь достаточно въ состояніи къ разрѣшенію предшествующихъ вторичному собранію окрестностей, какъ напримѣръ въ назначеніи времени и мѣста, дабы чрезъ то обще желаемаго предмета скорѣе достигнуть, къ равной пользѣ взаимныхъ подданныхъ.

Что до сихъ двухъ пунктовъ касается, въ опредѣленіи ихъ оставляемъ мы вамъ полную власть, обще съ обоими, или съ однимъ изъ пословъ нашихъ, дозволяя между прочимъ согласиться на мѣсто собранія въ главной вашей квартирѣ, или другомъ какомъ ближнемъ отъ оной мѣстѣ, а въ случаѣ турецкаго требованія,—и въ земляхъ Австрійскаго владѣнія.

Въ семъ послѣднемъ случаѣ надобно будетъ истребовать позволеніе Вѣнскаго двора, къ чему вы тогда посредство министра нашего въ Вѣнѣ, князя Голицына, употребить можете.

Допущеніе министровъ, добрыя оффиціи употребляющихъ, Вѣнскаго и Прусскаго, долженствуетъ натурально остаться при томъ положеніи, какое въ Фокшанахъ было.

Не зная здѣсь прямыхъ обстоятельствъ дѣлъ послѣ разрыва конгресса, а еще менѣе будучи въ состояніи судить напередъ объ отвѣтѣ, какой на письмо ваше воспослѣдуетъ съ стороны визиря, не можемъ мы потому и предписать рѣшительно, надобно ли будетъ, до полученія онаго, возобновлять военныя дѣйствія, а особливо производить желаемый нами, на ту сторону Дуная, знатный поискъ сильнымъ и достаточнымъ корпусомъ къ опроверженію главной непріятельской арміи, а по крайней мѣрѣ какого либо ея знатнаго корпуса, и къ занятію, на супротивномъ берегу, твердой ноги; почему принятіе въ семъ случаѣ точной резолюціи предаемъ мы собственной вашей прозорливости, обще съ совѣта обоихъ нашихъ пословъ, или одного т. с. Обрескова, кои, при разставаніи съ турецкими министрами, могли иногда изъ нихъ, а особливо изъ рѣчей и мыслей Османа-Эффендія, познать прямыя намѣренія верховнаго визиря, а можетъ быть и самаго Сераля.

Мы удостовѣряемъ себя, что вы тутъ, соображая пользу и поспѣшествованіе службы и дѣлъ нашихъ, найдетесь сами собою въ состояніи избрать лучшую дорогу, и безъ ошибки опредѣлить время удобное къ тому или другому изъ двухъ противныхъ оборотовъ, хотя мы тѣмъ не меньше думаемъ, что какой либо чувствительный ударъ скорѣе послужитъ къ умягченію турковъ, нежели къ вящему ихъ упорству.

Между тѣмъ считаемъ мы за нужно нынѣ же вамъ дать знать, что новыя въ Швеціи наставшія явленія и схваченное королемъ почти неограниченное самодержавіе, начинаютъ озабочивать насъ и съ здѣшней стороны, чего ради, дабы на всякій случай прикрыть Финляндскія наши границы, положили мы въ теченіе зимы подвинуть къ онымъ тѣ полки, кои теперь составляютъ корпусъ, назначенный отъ второй арміи къ подкрѣпленію ввѣренной вамъ при предполагаемой, напредъ сего, большой за Дунай экспедиціи.

А какъ теперь дѣла польскія приведены уже въ совершенную ясность между нашимъ, Вѣнскимъ и Берлинскимъ дворами, по которому и самое сего королевства внутреннее успокоеніе начинаетъ уже собываться, то по сей причинѣ, и по занятіи Австрійскими войсками многихъ мѣстъ, гдѣ вы прежде деташементы свои содержать принуждены были, кажется и не невозможно вамъ будетъ замѣнить отлученіе того корпуса пропорціональнымъ уменьшеніемъ находящихся въ Польшѣ команды вашей войскъ. Мы, на то считая, и поручаемъ вамъ чрезъ сіе напередъ, при будущемъ расположеніи арміи вашей на зимнія квартиры, возымѣть о томъ попеченіе, чтобъ изъ оной поставить, соотвѣтствующее командированному сюда корпусу, число войскъ такимъ образомъ, чтобъ оное, въ случаѣ нужды, къ прикрытію Крыма и къ усиленію тамошняго корпуса безпосредственно служить могло; ибо не безъ причины опасаться должно, что непріятель съ той стороны сильныя покушенія дѣлать будетъ; а настоящій дѣлъ нашихъ кризисъ, не оставляя намъ ни время, ни способности къ какому либо скорѣйшему и новому прибавленію нашихъ военныхъ силъ, требуетъ однакожъ необходимо, чтобъ мы наличныя симъ образомъ подѣлили между всѣми предметами, аттенцію нашу привлекающими.

Впрочемъ пребываемъ мы вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны. Данъ въ С. Петербургѣ 4-го Сентября 1772 года.

Екатерина.

## 2267) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ФЕЛЬДМАРШАЛУ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

Милостивый государь мой, графъ Петръ Александровичъ.

Новыя политическія явленія, происшедшія какъ съ Шведской стороны, такъ и съ вашей, по причинѣ неудачнаго нашего конгресса, столь много меня озаботили и упражнили, что я ласкаю себя найти

[1]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки Императрицы Екатерины II, св. 3.

у в. с-ва себѣ извиненіе, что я ни о томъ, ни о другомъ теперь не распространяюсь, но сими строками препровождаю токмо включенный здѣсь рескриптъ за подписаніемъ Ея Императорскаго Величества [1]). Сердечно желаю, м. г. м., чтобъ оный засталъ васъ въ выгоднѣйшихъ обстоятельствахъ къ исполненію вами по его содержанію, и душевно тому радоваться буду, если сіе мое желаніе столько совершится, сколько то правда, что я съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію навсегда пребываю и проч.

С.-Петербургъ, 4-го Сентября 1772 года.

P. S. (писанъ гр. Панинымъ собственноручно.) Еще въ крайнѣйшую конфиденціо скажу вамъ, милостивому моему другу, что отправляемый здѣсь къ вамъ имянной рескриптъ былъ заготовленъ до полученія нами извѣстія о послѣдней уступкѣ отъ Алексѣя Михайловича (Обрескова) турецкому послу; а какъ и послѣ того пролежалъ онъ у Ея Величества на столѣ, то я, усматривая въ какой заботѣ вамъ оставаться должно, разсудилъ написать къ вамъ слѣдующее здѣсь письмо мое, и наконецъ представилъ вчерашняго числа, что когда новый аспектъ къ миру не столько еще кажется достаточнымъ, чтобы перемѣнить предписуемыя въ томъ рескриптѣ мѣры, то по послѣдней мѣрѣ оный къ вамъ отправить надобно, дабы вы были въ состояніи сообразоваться съ здѣшнимъ усмотрѣніемъ о нашемъ непріятелѣ; вслѣдствіе чего сегодня Ея Величество оный подписать и особенное къ вамъ въ него вложенное письмо [2]) для отправленія прислать изволила. Ваше с-во изъ сего сами угадывать можете, что есть люди, кои, одни для собственныхъ надменныхъ своихъ замысловъ, другіе для подсалаживанія тѣмъ, ищутъ затруднить заключеніе мира, и потому мысль о отсрочкахъ перемирія сдѣлали здѣсь ненавистною, а наипаче послѣ Архипелагскихъ извѣстій и представленій. Напротивъ чего милостивый мой другъ, долгъ истиннаго сына отечества и вѣрнаго слуги заставляетъ преобороть оное; и посему прибавлю здѣсь, для достаточнѣйшаго объясненія мыслей моихъ, что подаваемое, въ письмѣ моемъ вамъ, мнѣніе о перемиріи я основываю на самомъ токмо удостовѣреніи, что всѣ наши мирныя кондиціи намъ будутъ акордированы и что время продолженія тишины останется нужно только для единаго распоряженія и подписанія трактата, ибо тутъ, не обнажась въ коварствѣ предъ отечествомъ, нельзя будетъ оному препятствовать, и слѣдовательно дѣло ваше злословить. Все сіе требовало бы гораздо большаго объясненія здѣшней карты, но бумага къ сему неспособна, а

[1]) См. № 2266.

[2]) Этого письма въ дѣлѣ не оказалось.

*

ссылаюся, съ полною довѣренностію, на словесное вамъ обо всемъ предъявленіе князя Василья Владиміровича Долгорукова, который, сколько совершенно и искренно вамъ преданъ, столько и наполненъ сантиментами благороднаго сына отечества. Онъ во вторникъ, конечно, отсюда выѣдетъ, и будетъ съ поспѣшностію путь свой къ вамъ продолжать. Исполняя симъ образомъ мое предъ вами дружеское обязательство, увѣренъ остаюся, что какъ письмо мое, такъ и сей постскриптъ, не касаяся ничьихъ другихъ рукъ, по прочтеніи, будутъ совсѣмъ истреблены вами.

P. S. Еще дозвольте, милостивый мой другъ, сдѣлать здѣсь съ вами соглашеніе, чтобы вы изволили, въ вашихъ ко мнѣ письмахъ, раздѣлять матеріи, и о каждой особенно ко мнѣ писать, инако я часто нахожусь въ затрудненіяхъ по содержанію разныхъ матерій въ одномъ письмѣ предъявлять оныя; также и постановленіе нумеровъ для нашей переписки совсѣмъ излишнее.

## 2268) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КН. Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ [1]).

С.-Петербургъ, 12 Августа 1772 г.

Monsieur. Au moment où on se flattait de recevoir des nouvelles favorables du progrès des négociations pour la paix, on a appris avec une extrême sensibilité que le congrès a été rompu, de la part des plénipotentiaires Turcs, sur les difficultés à convenir du premier article mis en proposition, sans être aucunement entré en examen des autres conditions, ni en avoir discuté aucune.

Une rupture aussi subite d'une assemblée de ministres, qui avait coûtée tant de peines et de mesures préalables, a causé un vrai déplaisir à l'Impératrice, mais n'a en aucune façon refroidi son amour pour la paix. Les moyens qu'elle a mis en usage d'abord après avoir reçu la nouvelle de ce désagréable événement, constateront au contraire qu'elle reste toujours animée du désir le plus sincère de mettre fin aux calamités de la guerre.

Il fut envoyé sur le champ un ordre spécial de sa part au feldmaréchal comte Roumiantzof, pour qu'il eût à faire connaître, par une lettre au visir, les dispositions sincères et non interrompues de sa cour

---

[1]) М. Г. А. Австрія, III, св. 24.

à continuer ou, pour mieux dire, à renouveler les conférences pour la paix, et cela nonobstant qu'il eût déjà repris les opérations militaires, vu que cet ordre ne pourra lui parvenir qu'après l'expiration de l'armistice.

Dans cette lettre le comte Roumiantzof fera observer au visir que la rupture ne provient que de ce qu'on s'est arrêté au seul premier point proposé, sans entrer dans la discussion des autres, et que par là on s'est privé des facilités naturelles que procure à une négociation la compensation d'une condition par l'autre et de tous moyens de conciliation et de rapprochement, lesquels se trouvent dans l'ensemble d'une négociation et non dans une de ses parties isolées; qu'une telle rupture ne touche ni aux dispositions des souverains, ni à la possibilité de s'arranger; qu'il est prêt à renouveler la négociation en tel temps, sous telle forme et tel mode et en tel lieu, qu'ils pourront en convenir entre eux; qu'à cette fin il reste auprès de lui un des ministres plénipotentiaires de sa cour, m-r Obreskof, lequel en vertu du pleinpouvoir dont il est muni et de ses instructions, est en état, sans autre ordre ultérieur, de renouer la négociation et de traiter, aussitôt que le grand visir en sera d'accord et nommera de sa part, soit le plénipotentiaire précédent Osman-effendi, ou tel autre qu'il lui plaira; enfin que lui, comte Roumiantzof, est en état de convenir de tout ce qui peut concerner cette nouvelle assemblée des ministres, soit pour le temps, le lieu ou tout autre détail qui peut y appartenir.

Il a été par la même mesure ordonné à m-r Obreskof de rester au quartier général, se tenant toujours prêt à recommencer la négociation. Et vu que les termes auxquels le premier et unique point discuté à Fokchane a été conduit par les ministres Turcs, suivant le rapport qui en a été fait ici, s'approchent extrêmement des vues et intentions de la cour de Russie, on ne fait point de doute qu'au moyen des instructions envoyées à m-r Obreskof sur ces termes mêmes, on ne puisse facilement arranger la chose au gré des deux parties.

L'intention de l'Impératrice, M-r, est que Votre Excellence porte à la connaissance de m-r le prince Kaunitz cet état actuel des choses et que vous demandiez à ce ministre, avec la confiance que porte l'intimité actuelle des deux cours, l'intervention des bons offices de LL: MM: II: et RR: pour appuyer les moyens que Sa Majesté Impériale met en usage pour opérer le renouement de la négociation de la paix.

L'Impératrice souhaiterait pour cet effet qu'il plût à la cour Impériale et Royale de munir son ministre, m-r de Thuguth, d'instructions qui l'informeraient que, quoiqu'il soit inouï qu'un congrès, où on s'est proposé sérieusement et de bonne foi de traiter de la paix, ait été rompu

à l'ouverture de la première condition proposée, sans être entré dans la discussion des autres, sur lesquelles naturellement des condescendances raisonnables pourraient faciliter l'arrangement de celle-là, on ne persiste pas moins à la cour de Russie dans les mêmes dispositions et la même intention déterminée de mettre fin aux calamités de la guerre; que Sa Majesté Impériale professe sincèrement ces sentiments et que la Porte les éprouvera tels dès aussitôt qu'elle-même aura des intentions et un désir pareils; qu'il lui fut prescrit de rechercher le moment propre à faire connaître cela ou à la Porte, si déjà les ministres sont de retour à Constantinople, ou s'ils sont encore à l'armée Turque, au visir ou à Osman-effendi, soit directement de la part de la Russie, ou, pour éviter d'enorgueillir les Turcs, indirectement de sa part à lui-même, comme du ministre d'une cour amie dont les bons offices sont spécialement affectés au rétablissement de la paix entre les deux empires; qu'alors, si m-r Thuguth trouvait que le visir et Osman-effendi, après le premier étourdissement de la rupture du congrès, fussent disposés à renouer la négociation, il peut les assurer que la reprise des opérations militaires n'y apportera aucun obstacle; que le feldmaréchal comte Roumiantzof a des instructions, au moyen desquelles on pourra facilement convenir de ce renouement, et qu'il n'y aura point de difficulté ni sur la forme, ni sur le lieu ou le temps de la nouvelle négociation, à laquelle on pourra encore, si les Turcs le demandent ou y consentent, ôter l'emphase d'un congrès, le seul cas excepté, où de la part de la Porte il serait demandé que le plénipotentiaire de Russie se transportât à Constantinople; qu'un de nos plénipotentiaires, m-r Obreskof, restera à la suite de l'armée toujours muni de son pleinpouvoir et de ses instructions; qu'une telle mesure de la part de la Russie doit être pour le visir une nouvelle preuve de la sincérité, dont il lui sera bien facile de faire usage, puisqu'il lui suffira de s'entendre sur ce qui y est relatif avec le comte Roumiantzof; qu'au reste la cour de Russie en agit ainsi dans la ferme persuasion que, si toutes les conditions de la paix avaient été également agitées et discutées, la compensation des unes aurait facilité l'arrangement des autres et qu'au lieu d'une rupture aussi brusque, les deux empires jouiraient peut être à présent du bonheur du retour de la paix.

Dans l'état d'étroite union qui subsiste entre les deux cours, nous ne faisons nulle doute que celle où vous êtes ne défère à une réquisition si naturelle à l'emploi précédent de ses bons offices pour l'arrangement et le succès de la négociation, et dont le renouement intéresse à un degré égal son propre désir pour la paix, ses maximes d'état et son amitié pour l'Impératrice. J'ai l'honneur d'être etc.

## 2269) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КНЯЗЮ Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ [1]).

С.-Петербургъ, 12 Сентября 1772 г.

Monsieur. En faisant part à Votre Ex-ce que l'échange des ratifications sur notre convention avec les cours de Vienne et de Berlin s'est fait hier entre les ministres respectifs, je dois en même temps l'instruire sur une méprise de chancellerie qui s'est trouvée dans celles de la première, dont nous avons dû amicalement faire la remarque au p-ce Lobkovitz. Vous verrez nommèment, M-r, en quoi elle consiste par la copie que j'ai l'honneur de joindre ici de la note que nous avons remise à ce sujet à ce ministre; il s'agira que de votre part vous veniez à l'appui des représentations qu'il en fera à sa cour, en demandant, avec confiance et amitié, la même chose à m-r le p-ce Kaunitz. Le cas nous parait trop clair et trop hors de doute pour que nous attendions autre chose que complaisance et acquiescement sur nos demandes. Aussi Sa Majesté Impériale, pour un tel incident, n'a point voulu suspendre à faire remettre sa ratification, persuadée qu'un redressement aussi juste et aussi facile ne saura manquer de se trouver en son temps, et estimant que ce serait une minutie de sa part que de s'y arrêter. A ce moyen nous tenons actuellement tout pour consommé sur le concert des trois cours, les effets en parlent déjà à l'Europe, et je vous prie, M-r, en faisant mes sincères félicitations à m-r le p-ce de Kaunitz sur cette importante négociation, de lui témoigner combien je souhaite qu'elle soit, à sa satisfaction personnelle, une époque aussi intéressante, qu'elle l'est à la mienne.

Une chose qui y met le comble, quant à moi, c'est qu'il a plu à l'Impératrice de reconnaître votre zèle, votre capacité et vos services effectifs dans le cours de la négociation et vous donner, M-r, une marque publique et authentique de sa satisfaction. Sa Majesté Impériale vous nomme à cette occasion, c'est à dire le jour même de l'échange des ratifications, chevalier de son ordre de St. André. Votre Ex-ce recevra incessamment un courrier de moi, qui lui portera, avec les marques de l'ordre le rescrit signé de la propre main de l'Impératrice, qui les accompagnera avec le désir de donner au mérite ce qui lui est dû incontestablement. Sa Majesté a voulu par cette décoration publique donner comme une nouvelle sanction, aux yeux de l'Europe, à sa satisfaction personnelle d'un acte qui, avec l'intérêt important qu'il établit, constate son intimité actuelle avec la cour Impériale et Royale toujours désirée par elle.

[1]) М. Г. А. Австрія, III, св. 24.

Recevez, mon prince, mes compliments sincères sur cette distinction de l'Impératrice, recevez les comme d'un ancien ami qui a toujours pris un vif intérêt à votre gloire et à vos succès, et comme d'un ministre flatté d'avoir eu si souvent à parler à notre souveraine du zèle, de l'intelligence et de l'activité de votre service.

A la suite de ceci, je ne saurais vous cacher ici que l'Impératrice verrait avec un contentement particulier qu'il plût à LL: MM: II: et RR: Apost. de distinguer pareillement le zèle, les bonnes intentions et la conduite intègre de leur ministre à sa cour, le prince de Lobkovitz, lui qui, au su de l'Impératrice et sous ses yeux, pendant tout le cours de son ministère, s'est fait remarquer par l'empressement personnel le plus actif à cultiver et maintenir la bonne union entre les deux cours, et qui aujourd'hui a la satisfaction et l'honneur de voir ses soins anciens, comme ses travaux récents si heureusement couronnés. L'Impératrice verrait à sa cour le p-ce Lobkovitz, décoré de la Toison d'or, comme d'un prix accordé à des services qui ne peuvent lui être indifférents, et cette distinction ressortant aux yeux de l'Europe, ainsi que celle que Sa Majesté Impériale fait à son ministre, apprendrait à juger de l'importance que les deux cours attachent à leur intimité actuelle.

Voici, comme vous le voyez, mon prince, une nouvelle négociation que je vous confie. V. E. s'ouvrira confidemment sur ce désir de l'Impératrice à m-r le prince Kaunitz, elle le lui recommandera dans les termes les plus affectueux et le priera de le faire parvenir de la manière la plus convenable à LL: MM: II: et RR; elle le priera de s'intéresser personnellement à la réponse; en un mot, je sais que personne n'est plus propre que V. E. à bien remplir une pareille commission, ainsi je la lui remets en entier et m'abandonne à sa discrétion. Mon courrier, chargé des marques de l'ordre, partira ces jours-ci. Je me flatte qu'il sera aussi porteur de lettres de Sa Majesté Impériale pour LL: MM: l'Empereur et l'Impératrice-Reine. J'ai l'honneur d'être etc.

## 2270) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ-ТЕРЕЗІИ [1]).

A St-Pétersbourg, ce 15 Septembre 1772. (Cette lettre a été écrite de la main propre de Sa Majesté Impériale).

Madame ma soeur. La sanction donnée aux engagements, qui m'unissent à Votre Majesté Impériale, est un objet trop intéressant à ma

---

[1]) М. Г. А. Австрія, I, св. 1.

satisfaction, pour que je ne cherche pas à lui faire connaître moi-même les sentiments dont je suis affectée à cette occasion. C'est avec la joie la plus vive que je vois s'établir par le concert sur les affaires de Pologne un nouvel intérêt si propre à s'unir à ceux, qui subsistent permanemment entre nos monarchies. Plus un tel arrangement avait de complications différentes à démêler, plus j'ai eu à reconnaître ce que pouvaient les dispositions propres des souverains pour en applanir les difficultés. Ici je ne saurais me dispenser de rendre justice au soin, qu'a eu de me manifester celles de Votre Majesté Impériale son ministre plénipotentiaire le prince Lobkovitz, de même qu'à l'intelligence et à la droiture qu'il a mises dans la négociation. Je souhaite que de ma part Votre Majesté Impériale ne soit pas moins convaincue de mon penchant invariable pour notre plus parfaite union, ainsi que du soin le plus empressé à l'assurer de la parfaite amitié et de la haute considération, avec lesquelles je suis,

Madame ma soeur,
de Votre Majesté Impériale etc.

## 2271) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ИМПЕРАТОРУ РИМСКОМУ ІОСИФУ II [1]).

A St-Pétersbourg, ce 15 Septembre 1772. (Cette lettre a été écrite de la main propre de Sa Majesté Impériale).

Monsieur mon frère. L'accession de Votre Majesté Impériale et la ratification respective des souverains venant de mettre le sceau à la convention sur les affaires de Pologne, c'est un moment que je saisis pour marquer personnellement à Votre Majesté Impériale la vive satisfaction que j'ai du succès de cette importante négociation. J'ai toujours désiré ardemment de tenir dans leur intimité naturelle et de resserrer les liens qui unissent permanemment les deux monarchies, et le nouvel intérêt créé par nos engagements récents est l'événement le plus heureux pour un tel dessein. Puisse-t-il contribuer, autant que je le souhaite, à leur union la plus parfaite, comme à leur gloire et leur prospérité commune. Mais je me le persuade avec la plus grande confiance, en voyant les intérêts les plus puissants soutenus par les dispositions personnelles des souverains les plus heureuses.

C'est comme telles que m'a toujours représenté celles de Votre Majesté Impériale son ministre plénipotentiaire le prince Lobkovitz. Je me

---

[1]) М. Г. А. Австрія, I, св. 1.

plais à lui rendre justice sur ce point, aussi bien que sur sa droiture et l'integrité de sa conduite. Je me flatte aussi que je ne fais que confirmer ses rapports, en réiterant les assurances de la parfaite amitié et de la haute considération, avec lesquelles je suis.

Monsieur mon frère
de Votre Majesté Impériale etc.

## 2272) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ ЩЕРБИНИНУ [1]).

18-го Сентября 1772 года.

Двѣ вашего прев-ва реляціи, отъ 7-го и 31-го Іюля, здѣсь исправно получены и изъ оныхъ со всѣми обстоятельствами усмотрѣно о тѣхъ трудностяхъ и препонахъ, съ коими порученная вамъ негоціація происходитъ по разнымъ причинамъ, а особливо по привычкѣ татаръ къ игу и порабощенію турецкому, а по излишней напротивъ того къ здѣшней сторонѣ недовѣркѣ.

Прилагаю присемъ письмо отъ Калги-султана къ брату его хану, истребованное мною по дошедшему отъ в. прев-ва увѣдомленію о двоедушіи и самого хана, и его къ Портѣ Оттоманской преданности, несмотря на то, что настоящимъ своимъ состояніемъ и достоинствомъ будучи единственно одолженъ здѣшнему пособію, для собственной своей пользы и безопасности, намъ доброжелательствовать наисильнѣйшія убѣжденія имѣлъ и еще имѣть будетъ, по крайней мѣрѣ пока судьба и жребій Крыма съ точностію не рѣшатся.

Слабость ли его персональная и недостатокъ власти понудили согласиться съ крымскими начальниками, нашимъ намѣреніямъ упорствующими, или же совокупно и собственно безпредѣльное къ магометанству усердіе, представляющее ему, такъ какъ и другимъ, всякое съ христіанскою державою обязательство противнымъ, но чинимое ему отъ брата его удостовѣреніе, основанное на очевидномъ толь для него вѣрнаго и надежнаго человѣка испытаніи о истинности здѣшнихъ стараній, чтобъ татарская вольность прочною навсегда осталась, и слѣдовательно онъ, и по немъ преемники его, независимыми владѣтелями, можетъ быть уменьшить отчасти его колебленность.

Ваше прев-во изволите ему сіе письмо, съ котораго для вашего извѣстія здѣсь и переводъ слѣдуетъ, по данному Калгѣ-султану обѣщанію доставить скрытнымъ образомъ, а сія предосторожность, буде для нихъ обоихъ нужна по какимъ либо собственнымъ уваженіямъ, но не меньше и вамъ способы подать можетъ, прежде нежели ханъ предобъятъ будетъ противными, и на оное письмо, изъясненіями, развращающихъ внушить, или же подтвердить ему, безъ помѣшательства и со всѣмъ досугомъ, прямыя правила поведенія его относительно здѣшней стороны, и коимъ образомъ тѣжъ самыя нужными полагаетъ и братъ его Калга-султанъ, для обоюдной ихъ и всѣхъ татаръ пользы и благоденствія; а по прибытіи своемъ въ Крымъ, отправляясь онъ, Калга-султанъ,

---

[1]) М. Г. А. Турція, IX, св. 6. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист и Др. Р., 1871 г., IV, стр. 125—128.

дѣйствительно на сихъ дняхъ отсюда, когда только чинимые имъ здѣсь отзывы о искренности происходятъ, наилучшимъ образомъ обѣщаетъ и совсѣмъ хана вывесть изъ заблужденія, въ какое онъ ввержонъ коварными происками нѣкоторыхъ изъ мурзъ, въ правительствѣ участныхъ, а притомъ и вообще сильное употребить стараніе къ успокоенію и наклоненію мыслей татарскихъ къ признанію, въ общей цѣнѣ, дозволенной имъ отъ Ея Императорскаго Величества протекціи и защищенія.

Между тѣмъ съ сожалѣніемъ признаться однакожъ надлежитъ, что коль ни велика была по сихъ поръ неподатность, претительность и отвращеніе татаръ на уступку въ здѣшнее содержаніе лежащихъ на Крымскомъ берегу и двухъ крѣпостей Еникаля и Керчи, теперь легко сбыться можетъ, что и самая уже невозможность настоитъ предуспѣть въ семъ главнѣйшемъ видѣ препорученной вамъ, съ ханомъ Крымскимъ и правительствомъ, негоціаціи, послѣ случившагося нечаянно разрыва мирнаго съ турками конгресса, о которомъ происшествіи безъ сомнѣнія къ вамъ уже и непосредственное могло дойти извѣстіе, съ тѣмъ, что требованіе съ стороны нашей совершеннаго отреченія Портою, въ существѣ и наружности, отъ принадлежности къ ней татаръ произвело все затруднительство и претыканіе. Хотя оная впрочемъ дѣйствительно склонною и готовою предъявлялась признать хана Крымскаго самовластнымъ владѣтелемъ и настоящее татаръ совокупленіе—областію свободною, но съ предохраненіемъ только, древностію и какъ бы самымъ магометанскимъ закономъ присвоеннаго и утвержденнаго ей Портѣ, права, чтобъ ханы Крымскіе давали ей знать о своемъ выборѣ, а она на то свое соглашеніе, однимъ словомъ, чтобъ для суевѣрной и наглой подлости турецкой соблюдена была симъ пустымъ инвеституры обрядомъ наружность турецкаго и впредь въ татарахъ участвованія.

При такихъ обстоятельствахъ, новое такъ сказать войны возгорѣніе, и новыхъ требовать можетъ мѣръ въ разсужденіи Крымскаго полуострова жителей, по предусмотрѣнію и соображенію собственнаго ихъ обращенія, ежели ни малѣйшей не остается надежды къ возобновленію разорвавшейся съ турками негоціаціи, какая теперь не совсѣмъ еще нѣкоторымъ образомъ теряется; а коль скоро начало и теченіе свое возымѣетъ сія негоціація, такъ скоро и жребій татарскій совершенно и окончательно уже установленъ и рѣшенъ быть имѣетъ; при которомъ случаѣ можетъ быть и самою Портою уступятся вышепомянутыя двѣ крѣпости, Еникаль и Керчь, въ наше содержаніе, ограничиваясь все наше искательство, что до Крыма и всѣхъ вообще татаръ касается, въ существенно нужномъ и важномъ, для пользы Имперіи, видѣ приведенія сихъ хищниковъ въ несостояніе на поползновенности и пакости при здѣшнихъ границахъ, и приведенія еще и Порты Оттоманской въ несостояніе употреблять ихъ по единственному ея произволу; а то и другое всеконечно и одержится пріобрѣтеніемъ двухъ оныхъ мѣстъ, равно какъ по способности необходимой бдѣнія нашего татарскихъ поступковъ, и Порта едва ли возможетъ когда либо, наружнымъ соблюденіемъ участія своего въ сихъ народахъ, дѣйствительную вообще имѣть инфлуэнцію къ предосужденію здѣшнему.

Я, на основаніи всѣхъ сихъ разсужденій, имѣю честь дать вамъ знать, по высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію, что до точнѣйшей удостовѣрительности, коль склонною окажется Порта къ прекращенію военнаго безпокойства, и ежели бы между тѣмъ, въ произведеніи порученной всей съ татарами негоціаціи, не миновались прежнія затруднительства, или иногда и большія встрѣтились при настоящемъ положеніи дѣлъ, вы со всѣмъ тѣмъ, не приходя въ уныніе, простерли ваше стараніе

не на совершеніе уже оной негоціаціи, учинившейся такимъ образомъ неудобною и невозможною, безъ подкрѣпленія татаръ, исполненные вѣтреностію и суевѣрствомъ, независимыми отъ нихъ средствами; но напротивъ того, на полученіе отъ хана и отъ правительства акта, засвидѣтельствующаго Портѣ и всей Европѣ о дѣйствительномъ бытіи свободной области татарской, съ твердымъ намѣреніемъ всѣхъ народовъ, изъ коихъ корпусъ ея состоитъ, защищать сіе свое вновь полученное преимущество по крайности и до истощенія послѣднихъ силъ и средствъ, дабы такой актъ съ пользою употребленъ быть могъ при возобновляющейся мирной негоціаціи, а въ случаѣ, ежели-бъ оная и не состоялась, и цѣлому свѣту предъявленъ, въ уличеніе турецкаго не ко времени упрямства въ сохраненіи власти своей надъ народами, которые сами же оной не признаваютъ; а предуспѣвъ в. прев-во въ семъ особенномъ дѣлѣ, и затѣмъ продолжались бы еще бытностію вашею въ Крыму, подъ предлогомъ продолжающейся у васъ съ татарами негоціаціи, но для того, чтобъ, пока еще есть время, сколько возможно больше искать внушить, раствердить и дать возчуствовать симъ повидимому еще мало разборчивымъ людямъ, которыхъ и перво-начатое, съ нѣкоторымъ успѣхомъ къ тому, духовъ соглашеніе приведено было опять въ разстройство, все преимущество вольности и независимости, снесенныхъ съ тою подлостью, въ какой они предъ симъ находились, и возбудили по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ изъ нихъ должное вниманіе къ разсмотрѣнію и различенію началъ и положеній вѣры отъ выгодностей и пользъ политическихъ, и коль излишнимъ однихъ уваженіемъ другія ко вреду и тщетно теряются.

Имѣющаяся у в. прев-ва инструкція и собственное ваше искусство, основанное на многократномъ испытаніи образа обхожденія съ татарами и ихъ мыслей, подадутъ вамъ способъ и случай къ сему учительству, и коими вы конечно пользоваться никогда и не оставите, просвѣщая лучшихъ изъ нихъ въ семъ пунктѣ разумнаго познанія и уловляя какъ чрезъ то, такъ и приманкою кстати подарковъ, ихъ къ намъ доброжелательство, для распространенія полезныхъ умствованій и во всемъ народѣ, и лучшаго чрезъ то, отъ привязанности ихъ къ Портѣ, отвращенія.

## 2273) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ А. М. ОБРЕСКОВУ [1]).

Нашему тайному совѣтнику Обрескову.

Предыдущимъ рескриптомъ объявили мы уже вамъ высочайшее наше соизволеніе о томъ, чтобъ вы съ мѣста, гдѣ васъ оный встрѣтитъ на обратномъ отъ конгресса пути, немедленно и прямо отправились вспять къ главной квартирѣ нашего генерала-фельдмаршала графа Румянцева, и оставались при оной безотлучно, для неускорительнаго возобновленія мирной негоціаціи, если турки на оное согласятся по поводу чинимаго о томъ къ верховному визирю отзыва.

Надежда наша въ семъ случаѣ основывается, отъ большей части, на усмотрѣніи, изъ собственныхъ вашихъ и товарища вашего депешей,

[1]) М. Г. А. Турція, IX, св. 8.

той податливости, съ которою турецкіе полномочные, а особливо первый изъ оныхъ Османъ-Эффендій, дѣйствительно уступали въ существѣ татарскаго дѣла, упорствуя только въ одержаніи нѣкоего рода инвеституры отъ султана всѣмъ ново-избираемымъ ханамъ; ибо они впрочемъ предъявили всякую готовность постановить и опредѣлить ей въ трактатѣ точные, ясные и неотмѣнные предѣлы, для обезпеченія самой вольности и независимости.

Правда, послѣ того и предъ самымъ уже разрывомъ конгресса, напуталъ Османъ-Эффендій, въ проектованномъ своемъ о татарахъ артикулѣ, много разныхъ и весьма уже прихотливыхъ положеній; но думать надобно, чтобъ онъ отъ оныхъ въ продолженіе негоціаціи безъ затрудненія отсталъ, удовольствовавшись только употребить ихъ степенями и цѣною послѣдняго своего снисхожденія, по общему въ таковыхъ случаяхъ обычаю и примѣру всѣхъ негоціаторовъ.

По крайней мѣрѣ можно столько полагать, что еслибъ съ нашей стороны и другія требованія всѣ, предписаннымъ порядкомъ и образомъ, предъявлены, очищены и позволенными въ нихъ многими и важными уступками, въ замѣну и равно въ сіе главному предмету, поставлены были: то и не осмѣлился бы Османъ-Эффендій разорвать конгресса отъѣздомъ своимъ, а сталъ бы развѣ требовать только времени на полученіе отъ Порты ближайшихъ и рѣшительнѣйшихъ повелѣній.

Дозволеніе такой отсрочки не было бы и для нашихъ дѣлъ вредно: ибо тѣмъ выигралось бы время сообразить положеніе оныхъ на конгрессѣ съ положеніемъ всѣхъ другихъ, и на общемъ результатѣ политическаго опредѣленія каждой части, въ согласной и твердой связи разныхъ государственныхъ нуждъ, расположить послѣднія наши мѣры и границы въ мирныхъ договорахъ.

Но теперь, когда уже дѣло сдѣлано, остается только помышлять о скорѣйшемъ и лучшемъ поправленіи упущеннаго, тѣмъ болѣе, что инако дѣла Имперіи нашей будутъ находиться въ самомъ важномъ и нѣжномъ кризисѣ, какого, со временъ императора Петра Перваго, для Россіи не настояло.

Съ одной стороны, если не ускоритъ миръ, война съ Портою, такъ сказать, вновь загорится вопреки истиннымъ склонностямъ обѣихъ державъ, и можетъ быть съ большимъ жаромъ и усиліемъ, нежели до сего было, по причинѣ удаленной къ миру надежды и умноженія нашихъ заботъ отъ Швеціи; съ другой стороны, и безъ того уже весьма сомнительные и опасные аспекты отъ сего сосѣда, обуздываемые по сю пору, вѣроятностію скораго у насъ мира съ Портою, получатъ вящее себѣ приращеніе, а можетъ быть возмогутъ уже подвигнуть молодого короля и на дѣйствительныя непріятельства, когда онъ узнаетъ, что съ разрывомъ конгресса кончилась безповоротно мирная негоціація и

всякая къ миру надежда, по крайней мѣрѣ на будущій годъ; съ третьей стороны, испорченное дѣло, какъ вамъ извѣстно, съ Крымскими татарами затрудняетъ теперь производимую въ Крыму негоціацію, и содержитъ еще духи татарскіе въ нерѣшимости и волненіи, открывая сверхъ того осязательнымъ образомъ, что татары не познаваютъ и не чувствуютъ ни нашего имъ благодѣянія, ни цѣны даруемой имъ вольности и независимости; но паче, привыкнувъ ко власти и игу Порты Оттоманской, желаютъ внутренно, подъ оныя возвратиться, буде не всѣ вообще, то по послѣдней мѣрѣ и лучшіе изъ нихъ, съ однимъ только равнодушіемъ на то взираютъ. Страхъ одинъ нашего присутственнаго оружія удерживаетъ первыхъ отъ явнаго и дѣйствительнаго въ томъ поползновенія.

При сихъ трехъ толикія важности предметахъ, политику и интересы наши озабочивающихъ, не можемъ мы равномѣрно выпускать изъ виду и бдѣнія нашего Польши и развращенныхъ ея дѣлъ. Хотя извѣстное вамъ соглашеніе наше съ Вѣнскимъ и Берлинскимъ дворами о раздѣлѣ нѣкоторыхъ польскихъ земель, вслѣдствіе извѣстной конвенціи, на сихъ дняхъ и исполнилось, слѣдовательно же симъ способомъ возмутительскія толпы всѣ въ конецъ разсыпаны и истреблены будутъ, какъ и нынѣ ихъ весьма уже мало остается: однакожъ, доколѣ война наша съ Портою продолжится, а въ ней натурально настоять будетъ корень къ новымъ непредвидимымъ случаямъ и къ повсемѣстной потому заботѣ другихъ дворовъ, по разнымъ каждаго сопряженіямъ и интересамъ, особливо же Вѣнскаго, въ разсужденіи его, по толь ближнему сосѣдству съ воюющими державами, существительной политики, до тѣхъ поръ нельзя навѣрное полагать, чтобъ раздѣлъ Польши, а наипаче внутреннія ея безпокойства не могли еще опять сдѣлаться виною новыхъ недоразумѣній, новыхъ заботъ и новыхъ хлопотъ.

Не трудно вамъ будетъ сдѣлать, по всему вышеписанному, точное заключеніе, колико для Россіи миръ нуженъ, и коль великую услугу можете вы оказать намъ и отечеству чрезъ дѣйствительное онаго одержаніе при возобновляемой мирной негоціаціи. Способности ваши къ тому, долговременнымъ и благоразумнымъ искусствомъ пріобрѣтенныя, совершенно намъ извѣстны, и какъ прежде, такъ и нынѣ съ полною довѣренностью рѣшатъ выборъ нашъ въ персонѣ вашей. Мы напротивъ того увѣрены, что вы съ своей стороны, имѣя предъ собою побужденіемъ истинное благо отечества и монаршую нашу во мзду милость, устремите всѣ свои силы и лучшее разумѣніе къ соотвѣтствованію онымъ въ полной и достойной мѣрѣ. Опредѣленіе времени, мѣста и образа для возобновляемой мирной негоціаціи, предоставили мы безпосредственному соглашенію нашего генерала-фельдмаршала графа Румянцева съ верховнымъ визиремъ: вамъ потому надобно будетъ

сообразоваться оному во всѣхъ сихъ частяхъ; а впрочемъ вообще стараться, сколько пристойность дозволять будетъ, сокращать наружные обряды, дабы въ дѣлѣ самомъ шествовать послѣ съ тѣмъ большимъ размѣромъ и не довесть паки негоціаціи до разрыва, съ совершеннымъ однакожъ предохраненіемъ, въ разсужденіи турковъ, наружнаго лица, инако же они, усматривая излишнее съ нашей стороны исканіе, могутъ тѣмъ самымъ, по сродной своей надменности, придти въ вящее упорство. Многолѣтняя ваша привычка, къ нимъ и къ образу лучшаго съ ними трактованія, будетъ вамъ спутникомъ и руководителемъ въ избраніи прямой дороги.

Имѣющаяся у васъ отъ Фокшанскаго конгресса инструкція изображаетъ весьма подробно какъ порядокъ, коимъ мы по довольномъ размышленіи желали, чтобъ негоціація открыта и ведена была, такъ и степени уступокъ нашихъ по разнымъ артикуламъ, которыми предоставляли мы искусству и прозорливости пользоваться къ сближенію встрѣчающихся прекословій и къ замѣнѣ одной уступки другою, дабы тѣмъ способомъ облегчить къ концу, по возможности, главный предметъ желаній нашихъ. Мы увѣряемъ себя теперь и болѣе еще, что сей родъ негоціированія приличествуетъ настоящему случаю, а потому и желаемъ, чтобъ вы оный, при новомъ съѣздѣ, дѣйствительно употребили, стараясь прежде всего убѣдить турковъ въ истинѣ и справедливости положенныхъ отъ насъ основаній, а затѣмъ уже проходить порознь, одно по другомъ, производимыя отъ сихъ основаній частныя требованія, чтобъ уступкою въ одномъ облегчать одержаніе желаемаго въ другомъ. Если бы однакожъ турки захотѣли непремѣнно начать возобновленіе договоровъ съ того мѣста, гдѣ оные на Фокшанскомъ конгрессѣ прервались, то-есть артикуломъ о татарахъ, въ такомъ случаѣ не возбраняемъ мы вамъ по необходимости уже поступить и на сіе ихъ желаніе, тѣмъ болѣе, что не отъ нихъ, а съ нашей стороны, предписанный въ инструкціи порядокъ негоціированія, отмѣненъ былъ.

Изъ рѣчей, увѣреній и божбы перваго на конгрессѣ турецкаго посла Османа-Эффендія, а особливо изъ того, что онъ, при извѣстныхъ своихъ къ миру склонностяхъ, рѣшился разорвать конгрессъ, можно повидимому навѣрное полагать, что султанъ въ самомъ дѣлѣ лучше хочетъ подвергнуться неудобствамъ и опасностямъ продолжительной войны, нежели, при объявленіи татаръ вольнымъ и независимымъ народомъ, пресѣчь всякое съ ними и наружное сопряженіе, вопреки правиламъ магометанскаго закона, и тѣмъ поднять на себя гидру народнаго суевѣрія.

Уважая потому, съ одной стороны крайнюю претительность султана, а съ другой—настоящій кризисъ дѣлъ, купно же и самую двоякость, непостоянство и ненадежность татаръ, съ коими начатая въ

Крыму негоціація встрѣчаетъ теперь безконечныя трудности и преποны, разсуждаемъ и признаемъ мы за нужно и выгодно, рѣшительное о татарахъ положеніе, сообразить ближае съ вышеозначенными уваженіями, и въ пользу оныхъ обратить толь сильное Порты Оттоманской домогательство о сохраненіи ей нѣкоего рода инвеституры надъ новыми Крымскими ханами.

На семъ основаніи, и когда вы съ достовѣрностію познаете, что турки во всѣхъ другихъ статьяхъ склонны будутъ удовлетворить нашимъ желаніямъ, позволяемъ мы вамъ чрезъ сіе именно и точно согласиться напослѣдокъ на требуемое отъ Порты испрашиваніе каждымъ новымъ Крымскимъ ханомъ соизволенія султанскаго на выборъ его, по правиламъ магометанскаго закона, слѣдовательно же и нѣкоего ему отъ Порты въ семъ достоинствѣ признанія и дозволенія, по тѣмъ же самымъ правиламъ.

Мы для изъятія въ семъ случаѣ всякаго недоразумѣнія и двоякости, повторимъ здѣсь точныя, въ протоколѣ послѣдней вашей конференціи, записанныя слова Османа-Эффендія: «Les tartares seront «entièrement libres, toutes les fois que l'élection des Khans, l'administra«tion de la justice et des affaires politiques, tant au dedans qu'au dehors, «en un mot tout l'emploi et toute la disposition non seulement du corps «et du bien de chaque particulier, mais de l'état, ne dépendra absolument «que d'eux et de celui, qu'eux-mêmes éliront pour leur Khan; lequel Khan, «dès le moment de son élection, devient leur souverain et ne peut être «déposé par personne. Tout ceci nous l'accordons; le grand seigneur «ne pourra désapprouver l'élection d'un Khan».

Нѣжность и важность дѣла требуютъ, чтобъ всѣ сіи подробности ясно, точно и именно оглавлены и означены были въ соглашаемомъ о татарахъ артикулѣ мирнаго трактата, дабы послѣ къ изъятіямъ и превратнымъ толкованіямъ ни малѣйшаго повода настоять не могло. Въ остереженіи всего этого полагаемся мы съ полною довѣренностью на дознанную вашу прозорливость и патріотическое къ службѣ радѣніе.

Между тѣмъ не инако, однакожъ, хотимъ мы согласиться на требованіе турковъ въ разсужденіи наружнаго татарскимъ ханамъ подтвержденія, какъ съ выговореніемъ и полученіемъ для себя отъ нихъ, въ справедливую замѣну, другихъ для насъ нужныхъ и существительныхъ выгодъ. Пускай въ мирномъ трактатѣ постановлена и утверждена будетъ на вѣчныя времена уступка Имперіи нашей требуемыхъ нами въ Крымскомъ полуостровѣ мѣстъ, Керчи и Еникаля, яко составляющихъ вообще округъ единаго города, съ принадлежащимъ къ онымъ пустымъ угломъ земли довольной дистанціи для садовъ и выгоновъ, купно съ ауторизаціею ручательства нашего вольности и независи-

мости татарскаго народа. Причемъ надобно будетъ постановить, что, какъ съ нашей стороны мы всѣ прочіе города на Крымскомъ полуостровѣ, кои нынѣ нашими гарнизонами заняты, возвратимъ въ полное владѣніе вольной, и ни отъ кого независимой, татарской области: то бы взаимно сему и Порта обязалась не посылать и не вводить никогда въ тѣ города своихъ войскъ и гарнизоновъ.

Вотъ отверстое поле искусству вашему. Мы несомнѣнно ожидаемъ, что вы, какъ пристойнѣйшими убѣжденіями, такъ и всѣми другими способами, ревностно и наилучше пользоваться будете къ достиженію новаго сего предмета, ставя туркамъ въ равновѣсную оному цѣну важную нашу уступку въ пунктѣ инвеституры, и приводя ихъ резонами и примѣромъ прежнихъ дѣяній во внутреннее удостовѣреніе, а потомъ уже и въ явное признаніе крайней для насъ нужды и необходимости имѣть, въ собственныхъ нашихъ рукахъ, достаточные способы къ надежному обузданію татаръ, подобно какъ Порта, въ узду на нихъ, имѣетъ крѣпость Очаковскую и Кинбурнскую.

Вы найдете сами въ себѣ и въ инструкціи нашей много другихъ побужденій и доводовъ въ пользу сего нашего требованія, а особливо отъ пункта взаимной между обѣими имперіями торговли, которая донынѣ завистью другихъ дворовъ, и исключительною ихъ коммерціею, въ конецъ угнетаема была, вмѣсто того, что оная, будучи въ свободу поставлена, можетъ послужить не только къ обогащенію взаимныхъ подданныхъ, но и къ вкорененію между обѣими имперіями такихъ равной пользы политическихъ узловъ, кои для нихъ впредь сохраненіе мира драгоцѣннѣе дѣлать будутъ, нежели какъ оно по сю пору бывало, по недостатку всякой связи во взаимныхъ интересахъ ихъ подданныхъ.

Если впродолженіе договоровъ необходимость требовать будетъ умножить съ нашей стороны цѣну уступки намъ вышеупомянутыхъ татарскихъ мѣстъ, Керчи и Еникаля съ ихъ окружностію, тогда позволяемъ мы вамъ оставить еще и требованіе какого-либо удовлетворенія или промѣна за городъ Бендеры; чего ради, и дабы рѣшенію татарскаго пункта всячески способствовать обращеніемъ въ пользу его всѣхъ нашихъ, по другимъ пунктамъ дозволенныхъ, уступокъ, весьма желаемъ мы, чтобъ, сколько можно, прежде трактованія объ ономъ, другія кондиціи всѣ туркамъ, въ первомъ ихъ положеніи одна по другой, предъявлены были.

Ввѣряя съ полною довѣренностью вѣрности, усердію и искусству вашему возобновленіе и совершеніе прерванной мирной негоціаціи, напередъ обѣщаемъ мы себѣ, что вы тутъ всѣми силами вашими потщитесь оказать себя истиннымъ сыномъ отечества, усерднымъ исполнителемъ воли и намѣренія нашихъ, и министромъ отличныхъ даро-

ваній; мы же, съ своей стороны, увѣряя васъ о милости и благоволеніи нашемъ, по мѣрѣ важности службы вашей, и между тѣмъ уже пребываемъ вамъ онымн благосклонны.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, Сентября 21 дня 1772 года.

Екатерина.

## 2274) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ А. М. ОБРЕСКОВУ [1]).

Петербургъ 24 Сентября 1772 г.

Милостивый мой государь Алексѣй Михайловичъ.

Когда включенный здѣсь именной рескрипт къ в. прев-ву уже подписанъ былъ, тогда получены здѣсь депеши ко двору гр. Петра Александровича и ваше ко мнѣ дружеское письмо отъ 9 Сентября, объ учиненномъ поступкѣ отъ верховнаго визиря къ возобновленію мирной негоціаціи. Вы, м. м. г., получа предыдуще отправленный къ вамъ рескриптъ, конечно сами предчувствовать могли, съ какимъ удовольствіемъ принято здѣсь сіе послѣднее извѣстіе; а потому и спѣшу я отправить къ в. прев-ву включенный здѣсь рескриптъ, который васъ разрѣшитъ и вновь наставитъ, какимъ образомъ вести вамъ сію негоціацію. Но какъ, за поспѣшнымъ къ вамъ отправленіемъ онаго съ симъ курьеромъ, никакихъ повелѣній отъ двора не посылается къ графу Петру Александровичу, а оныя предоставлены послать къ нему на сихъ же дняхъ съ особливымъ курьеромъ, то я рекомендую в. прев-ву, для выиграніе времени, сей рескриптъ представить его с-ву для прочтенія въ оригиналѣ.

Здѣсь войду я, м. г. м., со всею моею вамъ извѣстною искренностію, въ истолкованіе и соображеніе здѣшняго образа мыслей, съ объясненіемъ вашимъ на начатіе, на бывшемъ конгрессѣ, вами негоціаціи съ самаго важнѣйшаго пункта, по мнѣнію вашему яко неминуемымъ слѣдствіемъ первой статьи изъ трехъ фундаментальныхъ кондицій. Правда, что сей пунктъ присвоенъ натурально къ первому базису мирныхъ договоровъ по содержанію данной вамъ инструкціи; но въ самой той же инструкціи не точно-ли изображено, что, въ пользу сего нашего главнаго предмета, предписывается вамъ облегчать оный другими уступками предположенныхъ артикуловъ во всѣхъ трехъ фундаментальныхъ кондиціяхъ? А сіе самое предписаніе и предполагаетъ уже ясно, что разумъ инструкціи не былъ тотъ, чтобъ главный нашъ предметъ предшествовалъ всему другому и предложенъ былъ турец-

[1]) М. Г. А. Турція, IX, св. 8.

кимъ посламъ совсѣмъ отдѣленнымъ образомъ; истинная же выгода негоціаціи въ томъ предполагалась, чтобъ легчайшіе артикулы всѣхъ трехъ базисовъ приносимы были на жертву одержанію важнѣйшаго артикула. Но пусть онъ, яко принадлежащій къ первой базиса кондиціи, разсужденъ вами предложенъ быть прежде артикуловъ другихъ двухъ фундаментальныхъ статей; то и тутъ онъ не первый, но послѣдній, яко важнѣйшій, изображенъ въ инструкціи. В. пр-ву извѣстно, что во-первыхъ предписанъ пунктъ объ уступкѣ въ нашу сторону обѣихъ Кабардъ, потомъ объ оставленіи границъ отъ Кабарды чрезъ Кубанскія степи на прежнемъ ихъ основаніи; за онымъ—о признаніи Азова нашимъ древнимъ владѣніемъ, равно какъ о цѣлости и о сохраненіи Таганрога, и наконецъ уже о татарской независимости. Тутъ точно предписано, въ пользу сего послѣдняго, отступить по нуждѣ отъ требованія и на обѣ Кабарды, слѣдственно и въ семъ случаѣ никакъ полагать нельзя, чтобъ разумъ инструкціи повелѣвалъ о независимости татарской предложить еще прежде и помянутыхъ двухъ артикуловъ первой статьи базиса.

По таковомъ объясненіи, пребываю я въ твердомъ удостовѣреніи, что мы теперь другъ друга совершенно разумѣемъ. Стараніе главнѣйшее в. пр-ва должно конечно устремлено быть къ тому, чтобъ по возобновленіи негоціаціи пройти порознь, одно по другомъ, всѣ частныя требованія наши, дабы уступкою въ одномъ облегчить одержаніе другого; но при всемъ томъ, еслибы турки упорно захотѣли начать возобновленіе трактованія съ того мѣста, гдѣ на Фокшанскомъ конгрессѣ остановились, то есть на татарской независимости, то и тутъ я надѣюсь, что в. пр-во удобно можете, въ самое то же время, предложить имъ и всѣ прочіе наши артикулы для толь нужнаго облегченія негоціаціи.

Паче всего, м. г. м., надобно намъ, въ замѣну нашего согласія на требованіе турковъ въ разсужденіи инвеституры новоизбираемому хану, удержать навсегда за нами Керчь и Еникаль, дабы симъ самымъ единожды рѣшить всѣ трудности въ полученіи намъ этаблисмента на Черномъ морѣ. Двѣ причины привлекаютъ меня думать, что турки много въ ономъ упорствовать не станутъ: первая та, что они сами знаютъ всю безполезность сихъ городовъ для татаръ, ибо и уголъ, принадлежащій къ нимъ, есть пустой и необитаемый; вторая та, что, для одержанія сего, позволяемое вамъ отступленіе отъ промѣна города Бендеръ есть также пунктъ для нихъ тѣмъ выгоднѣйшій, что оный признанъ за резонабельный и апробованъ отъ двухъ, добрыя оффиціи употребляющихъ, дворовъ.

При ономъ надлежитъ в. пр-ву остерегаться, чтобъ Бендеры не называть иначе, какъ принадлежащимъ къ Бессарабіи, дабы Бессараб-

скія земли, оставаясь подъ недоумѣніемъ, не подали впредь туркамъ поводу вовлечь къ себѣ на оныя прежнихъ татаръ, но навсегда бъ остался Днѣстръ у нихъ съ турками границей. Не менѣе сего нужно ясно постановить, чтобъ турецкихъ гарнизоновъ не было въ Крыму, о чемъ, въ включенномъ здѣсь рескриптѣ, точно в. пр-ву предписано.

Я прошу васъ, м. г. м., и сіе мое письмо показать графу Петру Александровичу. Единодушное ваше съ нимъ во всемъ сношеніе и содѣйствованіе произведетъ необходимо полезныя слѣдствія въ дѣлѣ толикія важности для нашего отечества; что я особенно вамъ рекомендуя, повторяю при томъ и всегдашнія мои увѣренія о совершенномъ почтеніи и искренней преданности, съ которой пребываю и проч.

P. S. (рукою гр. Панина). Вотъ, милостивый другъ, полное вамъ разрѣшеніе къ окончанію столь нужнаго и столь важнаго дѣла. Я увѣренъ, что вы, знавъ мою къ вамъ сердечную дружбу, и преданность, и почтеніе, не примете на свою собственно персону, и въ противномъ разумѣ, объясненіе мое на общую вашу инструкцію по татарской независимости. Намѣреніе мое тутъ только въ томъ въ одномъ, чтобы вамъ, какъ въ отдаленіи находящемуся, то открыть, что можетъ еще нѣсколько затмѣвать ваше собственное разсужденіе и содержать васъ въ невмѣстномъ уже совсѣмъ респектѣ къ опредѣленнымъ предположеніямъ старшаго вашего бывшаго товарища. Пожалуй, мой истинный другъ, вѣрь въ томъ моему слову, и пойди съ Богомъ путемъ, собственнымъ вашимъ разсудкомъ и проницаніемъ представляемымъ, равно и не останавливайтесь на формѣ и на обрядахъ; они для насъ, и для дѣлъ нашихъ, всѣ равны, какъ только фельдмаршалъ учредитъ и согласится о томъ съ визиремъ, лишь бы только вы опять не нашлись въ турецкихъ рукахъ, въ чемъ я симъ варварамъ никогда повѣрить не могу.

## 2275) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ФЕЛЬДМАРШАЛУ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

Нашему генералу фельдмаршалу графу Румянцеву.

Предшествовавшій сему рекриптъ нашъ, отъ 4-го Сентября, долженствовалъ заранѣе возвѣстить вамъ то особливое удовольствіе, съ которымъ мы получили нынѣ послѣднюю вашу реляцію отъ 9-го Сентября, со всѣми ея приложеніями, о новомъ къ вамъ отзывѣ верховнаго визиря къ продолженію мирнаго дѣла.

Отъ благоразумія и прозорливости вашихъ, толикими опытами испытанныхъ, не могли мы ожидать и желать лучшаго, ни видамъ и

---

[1]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки Императрицы Екатерины II, св. 3.

намѣреніямъ нашимъ сходственнѣйшаго отвѣта, какъ учиненнаго вами визирю, собственнымъ побужденіемъ и руководствомъ. Мы потому, всемилостивѣйше апробуя оный во всѣхъ его частяхъ, восхотѣли еще чрезъ сіе открыть вамъ мысли наши по поводу трехъ вашихъ, означенною реляціею предложенныхъ, вопросовъ.

Первый касается до опредѣленія нашего: привесть ли опять въ теченіе мирную негоціацію. Съ полученіемъ рескрипта нашего отъ 4-го Сентября, находитесь вы по сему пункту въ совершенномъ разрѣшеніи.

Второй вопросъ относится къ дозволенію или недозволенію перемирія на предлагаемые визиремъ мѣсяцы, дабы между тѣмъ соизволенія наши на миръ, или на будущую компанію, имѣли время быть произведены въ дѣйствіе. Не можетъ уже вамъ быть безызвѣстно, по сообщенію отъ посла нашего Обрескова данныхъ ему нынѣ вновь повелѣній, рескриптомъ нашимъ отъ 21-го Сентября, (который мы чрезъ сіе на васъ самихъ такимъ образомъ апликуемъ и вамъ присвояемъ, какъ бы оный собственно на ваше имя и лицо отсюда писанъ и отправленъ былъ), что мы съ одной стороны, видя крайнюю упорность турковъ въ разсужденіи татарскаго дѣла, а съ другой—настоящую, по новымъ обстоятельствамъ въ Швеціи, нужду скорѣйшаго прекращенія войны нашей съ Портою Оттоманскою, рѣшились напослѣдокъ дозволить въ ономъ нѣкоторыя наружныя уступки, съ предписаніемъ однакожъ обратить ихъ вопреки въ подкрѣпленіе и одержаніе собственнаго нашего требованія о Керчи и Еникалѣ на Крымскомъ полуостровѣ. Думать надобно, что снисхожденіе наше на турецкія желанія, въ самомъ нѣжнѣйшемъ и важнѣйшемъ для нихъ пунктѣ, то есть въ предохраненіи Султаномъ нѣкоего рода инвеституры будущимъ Крымскимъ ханамъ, весьма послужитъ къ успѣху мирной негоціаціи, и что оная, въ нынѣшнее свое возобновленіе, достигнетъ уже желаемаго совершенства.

А какъ, натурально, продолженіе сроковъ перемирія долженствуетъ тутъ употребляемо быть средствомъ негоціаціи, которая пойдетъ подъ глазами вашими, то и предаемъ мы съ полною довѣренностію собственному вашему, на мѣстѣ, лучшему и временному усмотрѣнію, обще съ совѣта и согласія посла нашего Обрескова, опредѣлять вновь и продолжать долѣе сроки перемирія по тѣмъ степенямъ, въ каковыхъ мирные переговоры находиться будутъ, по мѣрѣ являемой въ оныхъ большей или меньшей податливости съ турецкой стороны.

На третій вашъ запросъ о удѣленіи знатной части войска изъ арміи вашей на зимнія квартиры въ Польшу, въ разсужденіи трудности или, такъ сказать, невозможности доставить въ оную потребное число провіанта, по причинѣ многихъ, въ Австрійское владѣніе, отшед-

шихъ земель, или же о продолженіи военныхъ дѣйствій, объявляемъ мы здѣсь коротко:

Если теченіе мирной негоціаціи будетъ преподавать, вѣроятіе заслуживающіе, аспекты къ дѣйствительному заключенію мира, въ такомъ случаѣ, при умножающихся въ пропитаніи крайнихъ затрудненіяхъ, не возбраняемъ мы вамъ отдѣлить, по благонзобрѣтенію вашему, нѣкоторую часть войска на зимнія квартиры въ Польшу; но въ то же время и не скроемъ здѣсь предъ вами, что мы внутренно желали бъ вамъ предпочтительнѣе изыскать удобовозможнѣйшихъ средствъ къ дальнѣйшему пропитанію арміи въ настоящихъ мѣстахъ, дабы ей, до самаго конца, остаться къ обузданію турковъ страхомъ присутственнаго оружія, въ дѣйствительномъ и всегда готовомъ ополченіи, какъ бы посреди еще самой войны.

Такимъ образомъ, не связывая вамъ рукъ ни по которому изъ разныхъ вашихъ запросовъ, довольствуемся мы только вкратцѣ примѣтить здѣсь и положить за главное намѣреній нашихъ правило, что всѣ частныя распоряженія и дѣянія ввѣренной вамъ арміи долженствуютъ относимы и обращаемы быть въ пользу и поспѣшествованіе мирной негоціаціи.

Что принадлежитъ до опредѣленія формы и мѣста возобновленія негоціаціи къ чему визирь, съ своей стороны, представляетъ глухо два разные способа безпосредственной, между имъ и вами, переписки или же новаго съѣзда полномочныхъ, то, оба для насъ будучи равно пріятны, поручаемъ мы вамъ самимъ, обще съ совѣта посла нашего Обрескова, избрать лучшую, кратчайшую и надежнѣйшую дорогу; и если новый съѣздъ въ Бухарестѣ, или какомъ третьемъ мѣстѣ, соглашенъ будетъ, отправить его туда, какъ уже министра, въ качествѣ полномочнаго, турками единожды признаннаго и принятаго, содержа между тѣмъ съ нимъ до конца безпрестанное сношеніе, дабы вы, по оному, военной махинѣ мѣру и движеніе опредѣлять могли. Способъ вторичнаго съѣзда и для того, кажется, нуженъ, что инако, еслибъ негоціаціи перепискою только идти, не взирая на всѣ трудности, недоразумѣнія, а особливо медленность и существительные недостатки въ изъясненіяхъ на письмѣ, въ такомъ случаѣ были бы отъ оной вовсе исключены министры обоихъ, добрыми оффиціями содѣйствующихъ дворовъ, коп нынѣ, увѣрены мы напередъ, съ равнымъ жаромъ и совершенною искренностью, негоціаціи нашей способствовать будутъ по новымъ повелѣніямъ государей своихъ; ибо тогда, гдѣ бы имъ быть, у васъ или же у визиря, и какимъ образомъ, находясь въ одной сторонѣ, исполнять въ разсужденіи другой долгъ возложенныхъ на нихъ добрыхъ оффицій? Но главное дѣло состоя въ томъ, чтобъ по желанію и намѣреніямъ нашимъ получить миръ, скажемъ мы здѣсь однакожъ, что для

насъ тотъ способъ будетъ и пріятнѣе, которымъ оный скорѣе достигнутъ быть можетъ, и что мы, съ другой стороны, съ неограниченною надеждою полагаемся въ томъ на собственную вашу разборчивость, пребывая вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, 28 Сентября 1772 года.

Екатерина.

## 2276) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [1]).

28 Сентября 1772 года.

Прежде нежели отправлено быть могло къ в. прев-ву доставляемое, при семъ же случаѣ, письмо мое, которое будетъ вамъ служить, какъ въ увѣдомленіе о полученіи реляцій вашихъ отъ 7 и 31 Іюля, такъ и о томъ равнымъ образомъ, какой вамъ въ разсужденіи Крымскихъ татаръ, относительно препорученной вамъ съ ними, въ затруднительство пришедшей, негоціаціи, поступокъ имѣть остается, до точнаго объясненія и рѣшимости настоящихъ нашихъ дѣлъ съ Портою Оттоманскою, получена здѣсь и еще реляція в. прев-ва отъ 31 Августа, которою, вообще и въ подробности, описываются всѣ тщетно истощенные вами подвиги въ склоненіи Крымскаго хана и начальниковъ на здѣшніе виды.

Ваше прев-во основательно разсуждать изволите, что съ одной стороны преданность татаръ къ Портѣ по закону, продолженію времени и укоренившейся привычкѣ къ ея владычеству, а съ другой и паче то предупрежденіе, какое отъ нея имъ, какъ бывшимъ съ нею во все время войны въ сношеніи, учинено о удержаніи Крымскаго полуострова, по прежнему, въ своемъ вѣдомствѣ и владѣніи, несмотря на всѣ здѣшнія требованія и старанія, тѣмъ больше въ Крымскихъ начальникахъ дѣйствовать стали, ожесточая ихъ въ упорности, ни на что не соглашаться, чѣмъ ближе, по открытіи бывшаго конгресса и производству, они надѣяться могли отъ насъ навсегда и отдѣлаться, по обнадеживаніямъ отъ Порты полученнымъ.

Надлежитъ признаться, что забота ваша долженствуетъ быть въ вышней степени, по отчаянности успѣха въ людяхъ, зараженныхъ разными, и по большей части ложными, убѣжденіями и нисколько не преклонныхъ. Но чрезъ то ни цѣна ревностныхъ трудовъ вашихъ не потеряется, предстоя теперь случай имъ быть обращеннымъ на такую цѣль, достиженіе которой можетъ быть меньше будетъ неудобно, нежели совершеніе съ татарами, упрямыми и недовѣрчивыми, трактата формальнаго и цѣлаго; ни воспріятая, въ разсужденіи сихъ народовъ и Крымскаго полуострова, система въ исполненіи своемъ, отъ своенравія ихъ, не можетъ уже больше, при настоящихъ у насъ съ турками обстоятельствахъ, быть зависимою.

Ваше прев-во изволите, изъ приложеннаго при семъ моего письма, усмотрѣть, что несмотря на безвременное конгресса разорваніе, подавалась и тогда тотъ часъ надежда къ возобновленію мирной негоціаціи, а чрезъ сіе имѣю удовольствіе вамъ, моему другу,

---

[1]) М. Г. А. Турція, IX, св. 6.

сообщить, коимъ образомъ и въ самомъ дѣлѣ то полезное чаяніе совершается; ибо не только верховный визирь, къ графу Петру Александровичу, отозвался съ предъявленіемъ со своей стороны къ тому готовности, но по тому и перемиріе уже до 20-го Октября продолжено. Итакъ, благослови Боже, исполниться и состояться благому начинанію! Когда же, по содержащимся въ оном же моемъ письмѣ изъясненіямъ, и камень претыканія татарскаго, произведшійся особливо отъ непосредственнаго нашего отъ нихъ требованія крѣпостей Еникаля и Керчи, предостается изъять изъ вреды соглашеніемъ съ Портою и утвержденіемъ оныхъ крѣпостей за нами ея уступкою, а не татарскою, въ облегченіе чего, кромѣ дозволяемой Портѣ инвеституры на избраніе хановъ Крымскихъ, чему изъяснены причины въ томъ же моемъ письмѣ, и еще новую модификацію намѣреніе принято ей показать относительно до Бендеръ: то пускай татары между тѣмъ, въ предстоящей съ вами негоціаціи, упрямятся и затрудняются; узнавъ въ свое время о учиненномъ между обоими дворами условіи, конечно и успокоиться принуждены будутъ. Слѣдовательно и в. прев-ву также тянуть и продолжать оною негоціаціею надобно же, или же оставить въ молчаніи, стараясь только, какъ наискорѣе, получить отъ хана актъ, о Крымской независимости свидѣтельствующій, а затѣмъ просвѣщать понятіе татаръ въ разсужденіи превосходства свободнаго состоянія передъ рабскимъ, и въ томъ еще нужды обращающейся, для существенной ихъ пользы, чтобъ они покровительство Ея Императорскаго Величества навсегда имѣть могли.

## DÉCLARATION DE SA MAJESTÉ IMPÉRIALE DE TOUTES LES RUSSIES, FAITE A SA MAJESTÉ LE ROI ET LA RÉPUBLIQUE DE POLOGNE PAR SON MINISTRE PLÉNIPOTENTIAIRE LE BARON DE STACKELBERG.

Напеч. въ Сборникѣ, т. XIX, стр. 305—310 (при депешѣ Роб. Гуннинга отъ 30 Сентября 1772 г.).

## 2277) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Въ письмѣ за № 19, отъ 4 Октября 1772 г., посланникъ въ Варшавѣ, баронъ Штакельбергъ, извѣщалъ о захватѣ въ плѣнъ русскими войсками Каменецкаго епископа Красинскаго и о доставленіи его въ Варшаву.

Мнѣ кажется, съ бископа Красинскаго взять надобно чистосердечное описанье всего того, что происходило по случаю Барской конфедераціи, какъ тайныя, такъ и явныя ея движенія, причины, намѣренія, и кто въ ней былъ, ее двигалъ скрытно и явно; да взявъ описанія сихъ плутней, его бископа и выпустить, уничтожая его персону, ибо онъ, хотя интригантъ, но еще глупѣе, нежели вѣтренъ.

---

[1]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки Императрицы Екатерины II, св. 2, и Польша, III, св. 33.

## 2278) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПРУССКОМУ ПОСЛАННИКУ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ ЦЕГЕЛИНУ [1]).

С.-Петербургъ, 4 Октября 1772 года.

J'ai exactement reçu, avec la lettre dont vous m'avez honoré en date du 29 Août, la note de la dépense dont vous avez bien voulu vous charger pour l'entretien de nos prisonniers. Nous sommes extrèmement sensibles, M-r, à l'intérêt que vous avez toujours pris à leur sort et aux services effectifs que vous leur avez rendus. L'Impératrice n'a pu en apprendre successivement tous les détails qu'avec reconnaissance; c'est ce que je vous dois certifier. De plus, comme dans le moment présent nous ne saurions prévoir encore le temps de leur élargissement, c'est avec confiance que nous vous prions de leur continuer les mêmes bontés. La rupture aussi subite qu'inattendue du congrès est une circonstance que nous n'avons pu apprendre ici qu'avec bien de la sensibilité. L'Impératrice souhaitait sincèrement la paix et attendait avec empressement la fin de l'effusion du sang. Toutes ses démarches et ses intentions tendaient à ce but. Pour vous, M-r, dans cette conjoncture, une satisfaction intérieure dont vous devez jouir, c'est la reconnaissance qui vous est si parfaitement acquise de la part de Sa Majesté Impériale pour le zèle, la conduite intègre et la bonne volonté que vous avez montrée dans ces affaires.

J'ai l'honneur d'ajouter, que quoiqu'il soit inouï qu'un congrès, où on se soit proposé sérieusement et de bonne foi de traiter de la paix, ait été rompu à l'ouverture de la première condition proposée, sans être entré dans la discussion des autres, sur lesquelles naturellement des condescendances raisonnables pouvaient faciliter l'arrangement de celle là, nous ne persistons pas moins ici dans les mêmes dispositions et la même intention déterminée de mettre fin aux calamités de la guerre. Ce sont les sentiments que Sa Majesté professe sincèrement, et la Porte les éprouvera tels, dès aussitôt qu'elle même aura des intentions et un désir pareil. J'ai en conséquence à vous prier, M-r, de rechercher le moment propre à faire connaître ceci ou à la Porte, ou même au Visir, ou à Osman-Effendi, soit directement de nous, ou, pour éviter d'enorgueillir les Turcs, indirectement de votre part, comme du ministre d'une cour amie, dont les bons offices sont spécialement affectés au rétablissement de la paix entre les deux empires. Si vous trouvez même dès à présent que le Visir et Osman-Effendi, après le premier étourdissement de la rupture du congrès, fussent disposés à renouer la négociation, la reprise des opérations militaires n'y apportera aucun obstacle. J'ai l'honneur de vous

[1]) М. Г. А. Турція, II, св. 1.

prévenir que le feldmaréchal comte Roumiantzof a des instructions, au moyen desquelles on pourra facilement convenir de ce renouement, et qu'il n'y aura point de difficulté ni sur la forme, ni sur le lieu ou le temps de la nouvelle négociation, à laquelle on pourra encore, si les Turcs le demandent ou y consentent, ôter l'emphase d'un congrès. C'est à cette fin que nos plénipotentiaires, ou au moins l'un deux, m-r Obrescof, va rester à la suite de l'armée, toujours muni de son pleinpouvoir et de ses instructions. Une telle mesure de notre part devrait être pour le Visir une nouvelle preuve de notre sincérité, et il lui sera bien facile d'en faire usage, puisqu'il lui suffira de s'entendre sur ce qui y est relatif avec le comte Roumiantzof. Nous en agissons ainsi dans la ferme persuasion, que si toutes nos conditions avaient été également agitées et discutées, la compensation des unes aurait facilité l'arrangement des autres, et qu'au lieu d'une rupture aussi brusque, les deux empires jouiraient peut-être à présent du bonheur du retour de la paix.

Voilà, M-r, dans leur vrai, les intentions sincères de l'Impératrice; je les confie, avec toute assurance, au ministre de l'allié le plus fidèle et l'ami le plus intime de ma Souveraine; à un ministre dont tous les travaux, depuis le principe de cette négociation jusqu'au point où elle était parvenue, nous ont prouvé au même degré les bonnes intentions et la capacité. Et cette confiance, M-r, vous servira à apprécier les instructions que vous recevrez incessamment du Roi votre maître, que, je ne doute point, qui ne justifient pleinement son amitié constante pour l'Impératrice. J'ai l'honneur d'être etc.

## 2279) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 1 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

Selon l'aspect des choses à votre poste, M-r, après la déclaration remise au ministère de la république, vous jugez, ainsi que les ministres des deux cours amies, qu'on ne parviendra point à obtenir la convocation d'une diète, si tous les trois vous n'en faites la demande expresse au roi dans une audience, et vous demandez dans vos lettres d'office №№ 2 et 3, qu'il vous soit donné des ordres qui vous autorisent à cette démarche.

L'objet essentiel de votre mission étant de procurer une négociation entre la république et les trois cours, vous êtes autorisé par vos instruc-

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 31.

tions a parler au roi dans les termes les plus propres à le porter à un [illegible]arrangement, et il vous a été administré des raisons à faire valoir, en temps et lieu, tant relativement à sa personne, que relativement à l'état.

Mais pour vous mettre plus à votre aise et appliquer au cas particulier que vous représentez l'autorisation générale, dont vous êtes muni, j'ai l'honneur de vous marquer ici, que Sa Majesté Impériale approuve, qu'en conséquence du concert entre vous et les ministres de Vienne et de Berlin, vous demandiez audience au roi, et que là vous requerriez formellement ce prince de convoquer une diète, en lui représentant, dans les termes aussi décents qu'expressifs, la nécessité indispensable d'une telle assemblée pour mettre fin à l'amiable aux affaires, qui subsistent entre les trois cours et la république. En un mot, M-r, vous êtes autorisé à marcher dans cette réquisition d'un pas égal avec les deux autres.

A cette mesure commune vous ajouterez personnellement celle de tâcher à vous procurer quelque entretien particulier avec le roi là, où vous pourrez l'obtenir, et de lui faire des représentations plus sérieuses et plus décisives sur son état et sa conduite. Vous lui direz franchement qu'il n'est pas à reconnaître aujourd'hui, quel préjudice ont apporté à ses affaires tous les faux pas, où l'ont entraîné des conseils pernicieux: qu'il a pu avec moins de danger se livrer à des illusions aussi longtemps qu'il n'a eu affaire qu'à la cour de Russie, parce que l'amitié de l'Impératrice et sa gloire, intéressée à maintenir son ouvrage, le mettaient à l'abri de toute extrémité; que maintenant son sort ne dépend plus d'elle seule, qu'il a affaire à deux cours, dont il ne saurait prudemment attendre les mêmes ménagements et la même indulgence; que dans un moment marqué pour régler le sort de son royaume et son sort personnel, le moindre écart de sa part nuira irrévocablement à l'un et à l'autre; que le seul remède à appliquer aux maux présents est la convocation d'une diète et non des palliatifs comme des petites conférences de ministres et un *senatus consilium*; que dans ces petites mesures ses conseillers continuent à l'abuser et ne cherchent à le mettre personnellement en opposition aux trois cours, que pour le rendre responsable des suites, et au milieu des disgrâces de l'état rendre sa perte inévitable; qu'en un mot la crise est telle, qu'il ne doit songer qu'à sa propre existence, j'entends—au maintien de sa royauté et de sa subsistance comme roi.

Voilà, M-r, (ce) que vous avez à lui exposer sans le moindre détour et en lui faisant remarquer, qu'il n'y a que le ministre d'une cour son ancienne amie, qui puisse et qui doive lui parler aussi vrai sur ses intérêts. J'ai l'honneur etc.

A St-Pétersbourg, ce 7 Octobre 1772.

## 2280) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 3 КЪ ПОСЛАННИКУ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

С.-Петербургъ, 7 Октября 1772 г.

Avant de répondre, M-r, à la lettre, que vous m'avez fait l'honneur d'écrire № 9, je suis bien aise de vous avoir déjà donné dans mon № 1 [2]) la résolution, que vous désiriez, sur votre audience à prendre avec les deùx autres ministres auprès du roi, ainsi que les instructions sur le langage que vous avez à tenir à ce prince dans toutes les occasions que vous aurez de l'entretenir en particulier. J'ai donc déjà pourvu pour la plupart à ce qui est relatif à la personne du roi; ce que vous me marquez de sa conduite et de ses démarches présentes, surtout de la note, qu'il a fait remettre aux ministres étrangers, en leur communiquant notre déclaration, exige seulement, M-r, que vous proportionniez le ton de fermeté, dont vous avez à lui parler, à ces démonstrations d'opposition de sa part. Si celles-ci ne sont que l'effet d'un caractère, qui veut encore se faire illusion, je ne doute point que vous ne veniez à bout de les contenir, en lui montrant ce qu'il a à espérer ou à craindre en se roidissant contre trois cours unies, dont une seule suffirait à le réduire: et cela, vous devez le faire avec toute l'énergie, que la chose exige. S'il n'a d'autre but, que de se disculper aux yeux de la nation, il n'a pas besoin d'attendre une nouvelle réquisition de la part des ministres des trois cours. La déclaration déjà remise s'adresse à lui et à la république; elle est assez expressive pour le décider et la nation. Il devrait déjà l'avoir rendue publique, et s'il ne l'a pas fait, vous n'avez, M-r, qu'à la faire traduire en diverses langues et la faire imprimer et distribuer vous-même. Dans toute votre conduite montrez au roi et à la nation nos trois cours unies solidement, un parti pris dont on ne les fera jamais désister, des moyens pour le soutenir, l'insuffisance et le danger de toute résistance, qu'on voudrait tenter. Avec ces armes, pressez de front la convocation d'une diète, l'acheminement à une négociation et la conclusion de celle-ci, comme la seule mesure, qui garantisse à l'état sa conservation. Laissez entrevoir hardiment que trois cours qui en sont venues au point où elles sont, non seulement ne reculeront pas, mais qu'il est dangereux qu'un ressentiment mérité ne vienne étendre les bornes, dans lesquelles leur justice, tranquille sans humeur et ne respirant que la paix, s'est elle-même renfermée: enfin, pour le dire ouvertement, que c'est ce qu'ils ont à perdre et non ce

---

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 31.

[2]) См. № 2279.

qu'ils ont perdu, qui doit faire leur objet. Le votre, pour le moment présent, et le travail auquel vous devez vous livrer de concert avec vos deux coopérateurs, c'est d'ébranler et de convaincre, par la force de ces raisons, le roi, le ministère et tout individu polonais, qui vous approche. Je crois vous laisser déjà entrevoir, que je ne souhaiterais pas, que vos soins fussent distraits par des mesures réservées pour une autre saison et dont on ne se doit servir, qu'après que l'impossibilité de la première, c'est-à-dire celle de porter le gouvernement à travailler de lui-même à régler ses affaires avec ses voisins, aura été bien reconnue. Je vais m'expliquer davantage, en répondant nommément à vos propositions touchant et ceux du parti saxon et les magnats. Sur les premiers, il est juste, que je vous communique ce que l'expérience m'a appris à leur sujet. Depuis l'élection du roi actuellement régnant, il ne s'est fait aucune démarche de la part de la Russie en Pologne, ou bien n'est survenu aucun événement dans l'intérieur du royaume, qui parut plus ou moins propre à donner une face nouvelle aux affaires, qu'aussitôt il ne se soit retourné vers nous un essaim de ces partisans Saxons. Les promesses les plus affectueuses de leur part, un dévouement aux vues de la Russie, était toujours le début d'un tel rapprochement; mais à peine avaient-ils pu pénétrer nos vues, que, ne les voyant point pencher vers cet enthousiasme indestructible à remettre un prince Saxon sur le trône, ils ont déserté vers le parti contraire et en ont été après les plus forts arc-boutans. Ne croyez pas, M-r, et je vous en engage ma parole, qu'ils aient le moins du monde changé de système. Ils ne savent pas ce que les trois cours pensent sur la conservation du roi régnant, et quand ils le sauraient, ils se mettront tout de suite en tête, que sa mauvaise conduite pourra les forcer à l'abandonner. Avec cette espérance ils feront jouer mille ressorts pour le faire tomber dans des égarements qui acheminent à leur but, ne restant auprès de nous que pour en recueillir la dépouille et ne travaillant sincèrement qu'à ce qui pourrait la leur assurer. C'est le rôle qu'ils joueraient indubitablement, dès qu'on aurait l'imprudence de se fier encore à eux. Mais encore leur emploi dans l'état actuel a de bien plus grandes considérations que la certitude d'être dupés par eux. Nous sommes trois actuellement logés en Pologne, et ce n'est pas un médiocre travail que d'arranger les intérêts et les convenances de l'un avec les intérêts et les convenances de l'autre; et s'il y est admis encore l'intérêt Saxon, il sera impossible que tant d'intérêts ne refluent l'un sur l'autre, ne s'accrochent et ne se brisent.

En passant aux magnats, je nommerai Mniszeck, parce que c'est là le vrai partisan Saxon. J'avoue et n'ai que trop reconnu, que le caractère que vous lui donnez est le sien; et c'est aussi ce caractère qui a fait, que lui et le palatin de Kiovie, Potocky, ont été les vrais moteurs

de tous les troubles de leur patrie. Je dois à son sujet et à celui de tous les magnats en général vous rappeler les principes, sur lesquels nous sommes d'accord avec deux autres cours, que vous avez dans mon Sentiment au prince Kaunitz et dans la réponse amicale de ce ministre. Nous nous proposons de couper pied aux troubles futurs en retranchant les ailes de ces tyrans aristocratiques: nous en avons besoin pour remplir le vide dans l'entretien du roi; et aussi dans la pacification nous sommes bien aises que les boutefeux aient à se repentir des maux, qu'ils ont faits. Mniszeck y est nommé par son nom: ce serait l'ôter du catalogue et nous contredire manifestement, que d'en faire le chef d'un parti.

Aussi selon les principes mêmes de notre déclaration, nous invitons la nation à étouffer, ou au moins à suspendre, l'effet de l'intérêt et des haines particulières; et ce serait nous-mêmes souffler un nouveau feu, que d'employer un Mniszeck et d'autres instruments, qui ne respirent que cette haine et cet intérêt et qui ne nous serviraient que par ce motif.

D'après les vues de l'instruction, ce sont de tout autres acteurs, qu'il nous faut, des gens médiocres, qu'on convainque du danger de l'état, qui sentent d'où est provenu le mal et qui trouvent du profit au changement, parce que ceux qui jusqu'à présent les ont soumis par l'excès de leur pouvoir et de leurs richesses, seront rapprochés de l'égalité avec eux. Mais ceux-ci ne doivent pas encore être excités à rien entreprendre, et il n'y a aucun plan à leur proposer: ils doivent rester encore dans les termes, où l'on est vis-à-vis du reste de la nation et que j'ai fixés au commencement de cette lettre.

Nous en sommes à la première tentative pour notre opération. Nous avons demandé, que la nation s'assemble en diète pour se pacifier et s'arranger avec nous. C'est cette demande que nous avons à poursuivre par toutes les instances qui peuvent décider la nation à y répondre. Si la fatalité de la république est telle, que nous devrions y échouer, nous recourrons à la confédération et alors nous serons justes et conséquents.

Jusqu'à ce moment il n'y a ni intrigue, ni cabale à mettre en jeu; c'est l'évidence du besoin de l'état, qui doit être présentée à la nation et la remuer. Nous avons à en décider l'effet, d'une part, par la fermeté dont nous la présentons, et de l'autre — par une conduite pacifique et conciliante à l'égard de tous ceux qui seront disposés à s'y rendre. C'est l'emploi de ce second moyen qui doit vous guider dans vos réponses, soit au Primat, soit à Wessel, Wielepolsky, ou tout autre dans un cas pareil, tout ci-devant ou confédéré ou mal intentionné, qui veut se rendre à Varsovie pour participer à ce que le gouvernement résoudra dans la crise où il est. Ces réponses se fonderont sur ce peu de mots: nous vous avons exhortés à la paix intérieure entre vous, venez la faire et assurez-la par une négociation avec nous; la porte vous est ouverte. Je sais que

tout autant qu'il en viendra, vous ne parerez pas aux importunités et aux persécutions des vues, des conseils et des intrigues de chacun. Ecoutez patiemment: connaissez l'homme: ne rejetez rien: n'acceptez rien: mais prêchez la concorde et le besoin d'une résolution, parce que c'est cette résolution, qui doit sauver l'état. La moindre porte, que vous ouvrez à leurs insinuations, ils doutent de votre assurance dans vos vues; des insinuations contraires sont faites aux ministres, qui travaillent avec vous; vous êtes bientôt tous les trois dans un tourbillon à ne plus vous reconnaître; la méfiance ou existe ou se laisse soupçonner; l'un et l'autre nuit également au succès.

Ce que je vous recommande ici, M-r, il est de la plus grande importance, que ce soit aussi le plan et la conduite des deux autres ministres. Travaillez auprès d'eux et obtenez cette parfaite unité de ton, de langage et de démarches, et le plus grand pas est fait vers votre but. Ou le mal est incurable, ou c'est là le remède. Je suis avec une parfaite considération etc.

## 2281) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ АБОВСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ БАРОНУ РАППЕ [1]).

8 Octobre 1772.

Monsieur. Nous venons d'apprendre qu'il a échoué à deux lieues d'Abo un vaisseau hollandais nommé „Francharia", capitaine Reynoud Lourens. Ce vaisseau a dans sa cargaison plusieurs caisses pleines de tableaux de prix pour le compte propre de Sa Majesté Impériale. Comme ce sont des effets très susceptibles d'être endommagés et qui demandent beaucoup de soins et de précautions, j'envoye sur les lieux le major Thier pour les faire retirer et soigner leur transport ultérieur. Je l'ai muni de cette lettre pour vous, M-r, par laquelle je vous prie de lui fournir toute l'assistance dont il aura besoin pour s'acquitter de sa commission. Je ne doute point que vous ne vous fassiez un plaisir de montrer votre empressement pour un objet qui regarde personnellement l'Impératrice et qu'en cela vous ne cherchiez même à vous assurer l'approbation de Sa Majesté Suédoise. M-r le baron Ribbing, son ministre en cette cour, vous écrit sur le même sujet. J'ai l'honneur de joindre ici sa lettre. Je suis pleinement persuadé que vous aurez égard à sa demande et à la mienne, et je profite avec plaisir de cette occasion pour vous renouveller tous les sentiments de considération avec lesquels je suis etc.

---

[1]) М. Г. А. Доклады, св. 18. См. выше № 2162 и примѣчаніе къ нему.

## 2282) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Въ письмѣ къ гр. Н. И. Панину, отъ 9 Октября 1772 г. изъ Яссъ, уполномоченный на мирномъ конгрессѣ въ Фокшанахъ, а впослѣдствіи—въ Бухарестѣ, А. М. Обресковъ писалъ: «Удержаніе Еникала и Керчи встрѣтитъ непреодолимое затрудненіе, тѣмъ болѣе ежели Портѣ не дозволится держать свои гарнизоны въ прочихъ крѣпостяхъ, въ Крыму лежащихъ; да и кораблеплаваніе на Черномъ Морѣ, по тому же турецкому предубѣжденію, къ желаемому концу привести не такъ то легко, какъ иногда заочно полагается; я сіе различными опытами знаю, да и многіе, коли только не всѣ, интересованы сему препятствовать».

Если при мирномъ договорѣ не будетъ одержана независимость Татаръ,

не кораблеплаванье на Черномъ Морѣ,

не крѣпости въ заливѣ (sic!) изъ Азовской въ Черное Море,

то за вѣрно сказать можно, что со всѣми побѣдами мы надъ Турками не выиграли ни гроша, и я первая скажу, что таковой миръ будетъ столь же стыдный, какъ Прутскій и Бѣлградскій въ разсужденіи обстоятельства.

## 2283) РЕСКРИПТЪ КЪ ПОСЛАННИКУ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [2]).

Потребно здѣсь имѣть всѣ польскіе законы и статуты, употребляемые въ тамошнихъ судебныхъ мѣстахъ, равно какъ и конституціи, состоящіяся на сеймахъ по сіе время; чего ради мы симъ рекомендуемъ вамъ, доставъ все оное, прислать въ нашу Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ сколь скоро возможно, съ нарочнымъ или какъ вы за удобнѣе разсудите, употребивъ на то деньги, сколько надобно будетъ, изъ имѣющейся у васъ нашей казенной суммы. И пребываемъ вамъ и проч.

Данъ въ С.-Петербургѣ, Октября 16 дня 1772 г. По Ея Императорскаго Величества указу подписанъ по сему:

Графъ Н. Панинъ.
Князь А. Голицынъ.

## 2284) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ФЕЛЬДМАРШАЛУ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [3]).

Нашему генералу-фельдмаршалу графу Румянцеву.

Волошскій господарь Гика, желая предъ ожидаемымъ заключеніемъ нашего мира съ Портою быть ближе къ своей землѣ, и тамъ ожидать своего жребія, что при мирныхъ нашихъ договорахъ для него

---

[1]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки имп. Екатерины II, св. 2, и Турція, IX, св. 7.

[2]) М. Г. А. Польша, III, св. 31.

[3]) М. Г. А. Турція, IX, св. 6.

одержано будетъ, предуспѣется ли тогда доставить ему непремѣнное, по смерть его, господарство; или же какимъ ни есть образомъ выручена быть можетъ его фамилія изъ турецкихъ рукъ, дабы уже ему съ нею навсегда основаться въ Имперіи нашей, просилъ насъ о позволеніи отъѣхать отсюда въ Молдавію; а какъ вамъ самимъ извѣстно, что онъ былъ и прежде къ Россіи благонамѣреннымъ и оказывалъ намъ свои услуги, то не усумнились мы снизойти на его просьбу, и вамъ симъ особенно рекомендуемъ содержать его, какъ и прежде, прилично его состоянію, выдавая ему по пятисотъ рублей на мѣсяцъ изъ экстраординарной у васъ суммы, и оказывать ему всякое зависящее отъ васъ вспоможеніе, какъ въ поправленіи его жребія, такъ и въ намѣряемомъ имъ собираніи нѣкоторыхъ денежныхъ суммъ, кои, какъ онъ предъявляетъ, розданы отъ него въ заемъ въ Молдавіи и Валахіи. Сіе отличное съ нашей стороны ему покровительство будетъ наградою за всегдашнюю его къ намъ преданность, и мы, надѣясь отъ васъ совершеннаго исполненія сей воли нашей, пребываемъ навсегда Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ С.-Петербургѣ, Октября 17-го дня 1772 года.

Екатерина.

## 2285) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ ГЮЛЬЗЕНУ, ВОЕВОДѢ МИНСКОМУ [1]).

Петербургъ, 20 Октября 1772 г.

Monseigneur. Je suis fâché de ne pouvoir répondre avec précision aux demandes qu'accompagnaient la lettre que V. E. m'a fait l'honneur de m'écrire. Comme homme d'état lui-même, il ne saurait lui échapper, que dans une révolution telle que celle qui vient d'arriver dans les affaires entre la Pologne et ses voisins, on a dû nécessairement se prescrire des principes et des règles générales, et que si on commence d'abord à y apporter des exceptions, on s'assujéttira immanquablement à des inconvénients, dont il n'est pas possible de prévoir quelle serait un jour la nature et l'étendue. C'est donc par l'état même de la question que je suis empêché, Monseigneur, de vous satisfaire sur ce premier point. Pour tous les autres je puis vous protester avec certitude, qu'au moment de l'assemblée d'une diète dans votre patrie, seul moment où on puisse les proposer et les régler, vous éprouverez de la part de l'Impératrice tout l'appui et la faveur, dont vous êtes digne par les sen-

[1]) М. Г. А. Польша, II, св. 4.

timents que vous avez professé jusqu'à ce jour; et ces assurances je vous les donne avec d'autant plus de confiance que je ne saurais douter que les mêmes principes, les mêmes vues et le même zèle dans votre conduite ultérieure ne continuent à vous mériter sa bienveillance et sa recommandation. Je me rapporte au reste à ce que vous écrit, en même temps que moi, le comte Czernichof, gouverneur général de la nouvelle province. Je me suis toujours fait un devoir de placer V. E. dans l'esprit de ma Souveraine au rang que lui assignent les témoignages uniformes que lui ont successivement rendu tous nos ministres. Je n'ai pu le faire sans me prévenir moi-même pour elle de l'attachement le plus décidé, et elle me trouvera dans tous les temps aussi attentif à en conserver l'impression, qu'à lui prouver la considération distinguée, avec laquelle j'ai l'honneur d'être etc.

## 2286) ЗАПИСКА ДЛЯ ЕГО СІЯТЕЛЬСТВА КАЛГИ-СУЛТАНА ВЪ ОТВѢТЪ НА ПИСЬМО ЕГО О ПЛѢННИКАХЪ [1]).

Всему Крымскому правительству и всѣмъ татарамъ достаточно извѣстно быть имѣетъ о избыткѣ употребленныхъ понынѣ, со стороны Имперіи Всероссійской, мѣръ, стараній и пособій, по высочайшему и великодушному Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской соизволенію, къ избавленію Крымскаго полуострова, съ его начальствомъ и всѣхъ татаръ, отъ посторонняго ига и порабощенія, и къ возведенію ихъ на степень вольной и отъ иноплеменничьей власти независимой области.

Изъ сего никогда неожиданнаго, но милосердными Всевышняго судьбами совершившагося происшествія, посредствомъ побѣдоноснаго оружія россійскаго, необходимое и слѣдствіе такое, что Ея Императорское Величество, созиждя вольность татаръ, равнымъ образомъ и охраненіе и защищеніе ихъ въ томъ навсегда для себя и для Имперіи своей поставлять изволитъ важнымъ же попеченіемъ.

Когда татары пріемлются и признаваются при толь благополучныхъ для нихъ обстоятельствахъ здѣшними союзниками, друзьями и благонамѣренными, и многомощнымъ Ея Императорскаго Величества покровительствомъ пользоваться могутъ, доколѣ собственнымъ своимъ поведеніемъ достойны того будутъ, то и всѣ снисхожденія, какія основаніе свое имѣютъ на правосудіи и порядкѣ надлежащемъ, къ нимъ и впредь продолжатся, равно какъ тому не только, но и многимъ угодностямъ, происшедшимъ и единственно отъ дѣйствія человѣколюбиваго и милостиваго Ея Императорскаго Величества монаршаго сердца, уже и по сіе время многократные и совершенно удостовѣрительные опыты оказаны.

Взаимное возвращеніе плѣнниковъ есть безспорно должность, ихъ существеннѣйшихъ, союза дружбы и довѣренности.

---

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски писемъ гр. Панина къ Е. А. Щербинину 1771—1775. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Р. 1871 г., IV, стр. 132—136.

Предводительствующій второю Ея Императорскаго Величества арміею г. генералъ-аншефъ кн. Долгоруковъ, по вступленіи своемъ въ Крымскій полуостровъ, едва только примѣтилъ тамошнихъ жителей соображающимися съ великодушными Ея Императорскаго Величества намѣреніями, такъ скоро не только остановилъ военныя дѣйства, коихъ продолженіе неминуемо могло бы воспричинствовать всѣмъ имъ конечную погибель и истребленіе и обратить отечество ихъ въ страшную пустыню, но и безъ всякаго затрудненія согласился на возвращеніе и полученныхъ отъ нихъ плѣнниковъ, въ толь вящее доказательство здѣшняго безкорыствованія и желанія споспѣшествовать благоденствію народовъ татарскихъ, по всѣмъ возможнымъ частямъ и подробностямъ ихъ нуждъ и выгодностей.

Вслѣдствіе сего всѣ плѣнники, какіе въ бытность генерала-аншефа кн. Долгорукова въ Крымскомъ полуостровѣ при войскахъ, и гдѣ бъ то ни было, найтись могли, возвращались и возвращены дѣйствительно Крымскому начальству безъ всякаго различія случаевъ, при какихъ оные попались, а были въ томъ числѣ однакожъ и такіе, кои съ оружіемъ въ рукахъ учинены плѣнными во время, когда, напротивъ того, Крымское начальство въ соглашеніяхъ съ здѣшнимъ генераломъ упражненнымъ уже было, но и самые турки, получавшіе заступленіе съ Крымской стороны, равнымъ образомъ свободою воспользовались.

Правда, не оставили Крымскіе начальники при всемъ томъ кн. Долгорукову учинить представленія, будто многіе изъ татаръ увезены внутрь здѣшней имперіи, равно какъ изъ грузинцевъ, волоховъ и другихъ не подданныхъ россійскихъ, хотя и христіанскаго закона, націй; но здѣсь, напротивъ того, съ достовѣрностью извѣстно, что всѣ христіане, если оные не были только здѣшніе подданные, воспріимавшіе убѣжище къ россійскимъ войскамъ, назадъ отсыланы, а чтобъ ни малѣйшаго и способу не оставалось къ тайному изъ Крыма провозу плѣнниковъ, какого бы они званія и закону ни были, то, по распоряженію онаго же генерала-аншефа, и нарочный въ Перекопской крѣпости штабъ-офицеръ затѣмъ только находился, чтобъ предостерегать подобныя покушенія.

Въ сей точно силѣ кн. Долгоруковъ отвѣтствовалъ и Крымскому правительству на вышеозначенныя жалобы, предоставя собственному ихъ безпристрастному разсужденію, можно-ли было достаточнѣйшія къ ихъ удовольствованію воспріять мѣры, нежели какія имъ употреблены со всѣмъ тщаніемъ.

Видно изъ сего безъ всякаго сумнѣнія, что Ея Императорскаго Величества высочайшее соизволеніе есть, дабы попадшіеся въ здѣшнія руки Крымцы и Ногайскіе татары, какъ принадлежащіе къ народамъ, кои отъ подданства Порты Оттоманской отторглись и вступили въ союзъ съ здѣшнею имперіей и въ покровительство Ея Императорскаго Величества, удерживаны не были; со всѣмъ тѣмъ можетъ статься, что нѣкоторыхъ изъ нихъ, которые либо напредь сего при разныхъ случаяхъ захвачены, или же, при самомъ въ Крымъ здѣшней арміи вступленіи, могли иногда отправлены быть въ отдаленныя мѣста, и времени еще не было, по обширности Всероссійской Имперіи, назадъ возвратить, но какъ Ея Императорскаго Величества повелѣніе повсюду о томъ уже обнародовано и извѣстно, то и послѣдніе наконецъ изъ плѣнниковъ, буде сколько нибудь оныхъ еще находится, конечно увидятъ свое отечество, и о чемъ между тѣмъ и особенное стараніе продолжаемо быть имѣетъ.

*

Что касается до христіанъ, не подданныхъ здѣшнихъ, когда г. генералъ-аншефъ кн. Долгоруковъ отъ принятія и такихъ уже, по уваженію къ его свѣтлости хану и благонамѣренному правительству Крымскому, уклонился и въ собственную свою въ Крыму бытность, съ побѣдоносною Ея Императорскаго Величества арміею, а равнымъ образомъ поступать предписалъ и оставленному тамъ, по отбытіи своемъ, воинскому начальнику, который потому и находится въ должности исполнять во всей точности данное ему повелѣніе, то и касающійся до сихъ людей вопросъ, будучи самымъ дѣйствіемъ довольно изъясненъ и разрѣшенъ, повидимому ни малѣйшаго недоумѣнія не оставляетъ; а ежели желается, дабы точное положеніе учинено было о недозволеніи имъ убѣжища, или вмѣсто того хозяевамъ ихъ воздавано было деньгами по справедливой цѣнѣ, пристойно въ томъ согласиться и постановить на мѣрѣ съ находящимся въ Крымѣ полномочнымъ Ея Императорскаго Величества г. генералъ-поручикомъ Щербининымъ, который дѣйствительно тамъ и для того, чтобъ, по общимъ откровеннымъ разсмотрѣніямъ съ его свѣтлостію ханомъ и правительствомъ Крымскимъ, съ точностію означить и опредѣлить взаимство союза и дружбы, и самыя твердыя положить основанія къ обезпечиванію Крымской вольности и независимости на всѣ будущія времена, удобностію употребленія здѣшней помощи къ воспрепятствованію и отраженію противныхъ предпріятій.

Отдавая впрочемъ всю справедливость Крымскому правительству въ томъ, что онымъ по соглашеніи съ г. генераломъ-аншефомъ кн. Долгоруковымъ похвальное стараніе употреблено такожде было объ отысканіи и возвращеніи бывшихъ у нихъ въ плѣну и здѣшнихъ подданныхъ людей, почему многіе дѣйствительно въ отечество свое и возвратились, не можно однакоже здѣсь не примѣтить, коимъ образомъ, не смотря на тѣсные Крымскаго полуострова предѣлы и удобность ко всякимъ освѣдомленіямъ и обрѣтеніямъ, многіе же и еще изъ россіянъ тамъ и нынѣ въ неволѣ удерживаются.

Предъявленіе сіе тѣмъ сходнѣе съ сущею правдою, чѣмъ повѣренный въ дѣлахъ Ея Императорскаго Величества, ст. сов. Веселицкій, удостовѣреннымъ о томъ нашелся отъ самыхъ спасшихся плѣнниковъ подавшимися имъ нечаянно способами, которые, въ разныя времена выходя, но единогласно ему возвѣстили, что множество несчастныхъ людей еще въ татарскихъ рукахъ по разнымъ мѣстамъ остается, коихъ ввержепныхъ въ ямахъ и содержаніемъ на цѣпяхъ скованныхъ укрывая, да и тягчайшими работами и побоями изнуряя, принуждаютъ къ принятію магометанской вѣры, а малолѣтнимъ незлобивымъ и невиннымъ дѣтямъ грозятъ убійствомъ къ тому же признаться, и о чемъ о всемъ помянутый статскій совѣтникъ его свѣтлости хану и правительству пристойнымъ образомъ представя, требовалъ и поправленія, но что по тому произошло, здѣсь неизвѣстно.

Господинъ Калга-султанъ, по благоразумію своему, конечно во всемъ пространствѣ усмотритъ противность такого поступка, и коль мало оный соотвѣтствуетъ здѣшнему ожиданію, почему совершенная полагается надежда, что по возвращеніи въ Крымъ, возможнымъ съ стороны своей содѣйствіемъ, не только сей соблазнъ счастливо начавшейся между Всероссійскою Имперіей и областью татарскою дружбы потщится какъ наискорѣе отвратить и изъять изъ среды, но и все общество свое вразумить о нуждѣ и пользѣ въ продолженіи къ татарамъ высочайшаго Ея Императорскаго Величества покровительства.

(Такова записка на русскомъ и турецкомъ языкахъ доставлена Калгѣ-султану 24 Октября 1772 года).

## 2287) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ФЕЛЬДМАРШАЛУ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

24 Октября 1772 года.

Препровождая симъ къ в. с-ву рескриптъ за подписаніемъ Ея Императорскаго Величества, [2]) за излишне почитаю повторить здѣсь его содержаніе, а только покорно прошу васъ, милостивый мой другъ, продолжать тоже самое покровительство и благосклонность князю Гикѣ, какимъ онъ и прежде удостоенъ былъ. Ваше ходатайство будетъ ему конечно единымъ способомъ къ поправленію его состоянія, что онъ, по существительному своему жалостному состоянію, и заслуживаетъ.

Что же надлежитъ до его содержанія, то объ ономъ в. с-ву, въ томъ же самомъ рескриптѣ, сообщается соизволеніе Ея Величества, и мнѣ только то прибавить остается, что онъ взялъ уже здѣсь впередъ за два мѣсяца, то есть по 1-е число Января будущаго года.

Бывшій при немъ Иностранной Коллегіи актуаріусъ Мигай и нынѣ съ нимъ же отправляется; а какъ ваше с-во сами окладъ жалованья его по 400 р. въ годъ опредѣлить изволили, то я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь мой, продолжать ему выдачу сего жалованья изъ экстраординарной у васъ суммы, съ 1-го числа Ноября нынѣшняго года.

Препроводившій сюда князя Гику, отъ в. с-ва, армейскій поручикъ Волковъ остался здѣсь за болѣзнію, на мѣсто котораго отправляю теперь истребованнаго мною изъ Военной Коллегіи артиллеріи поручика Александра Краснослѣпова. Присемъ имѣю честь приложить къ в. с-ву имена всей свиты господарской.

Остается мнѣ еще сообщить в. с-ву: бывшій при князѣ Гикѣ приставъ г. канцеляріи совѣтникъ князь Мещерскій по просьбѣ его получилъ позволеніе отъ Ея Императорскаго Величества здѣсь остаться. Можетъ быть пребываніе его здѣсь подастъ мнѣ случай быть ему полезну въ поправленіи его состоянія, а черезъ то самое желаю искренно и в. с-ву, какъ его свойственнику, показать нѣкоторый опытъ совершенной моей къ вамъ преданности, съ которою и проч.

## 2288) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ А. М. ОБРЕСКОВУ [3]).

Нашему тайному совѣтнику Обрескову.

Снисходя на ваше, въ письмѣ къ нашему д. т. с. графу Панину отъ 22-го Сентября учиненное, представленіе, всемилостивѣйше соизволяемъ мы:

1-ое. Вамъ самимъ удвоить прежде опредѣленныя столовыя деньги, назначивая, съ полученія сего рескрипта, впредь до окончанія мирной негоціаціи по двѣ тысячи рублей на мѣсяцъ.

---

[1]) М. Г. А. Турція, IX, св. 6.

[2]) См. выше № 2284.

[3]) М. Г. А. Турція IX, св. 8.

2-е. Оставшимся при васъ дворянамъ посольства и канцелярскимъ служителямъ продолжать, до того же времени, прежде опредѣленное имъ мѣсячное содержаніе.

3-е. Бывшаго подъ протекціею Прусскаго двора, въ званіи титулярнаго переводчика, грека Панаіодороса, по вашему толь выгодному о немъ засвидѣтельствованію, принять въ дѣйствительную нашу службу, съ жалованьемъ по тысячѣ по двѣсти рублей на годъ и съ чиномъ нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ секретаря, который вы ему именемъ нашимъ объявить и его въ вѣрности къ присягѣ привесть имѣете.

4-е. Секретно до времени, чрезъ посредство ваше, въ нашу же службу приговоренному изъ Англійской, переводчику Николаю Пизанію производить и доставлять тѣмъ средствомъ, какое вы сами удобнѣйшимъ къ тому изыщете, на содержаніе его по пятисотъ рублей на годъ, до тѣхъ поръ, какъ съ заключеніемъ мира будетъ объявлено дѣйствительное его въ оную принятіе съ опредѣляемымъ тогда чиномъ и окладнымъ жалованіемъ.

5-е. Посольства совѣтнику Пинію, да переводчикамъ Дандрію и Лашкареву выдать заслуженное нынѣшняго года жалованье, да и впредь производить изъ наличной у васъ суммы, считая послѣднему обыкновенный, въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, четырехъ-сотный окладъ.

Потребныя на все сіе деньги повелѣли уже мы Статсъ-Конторѣ отпустить въ нашу Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, которая съ своей стороны возымѣетъ попеченіе о дальнѣйшемъ ихъ въ руки ваши доставленіи, по данному ей нашему указу. Впрочемъ пребываемъ мы вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ 26-го Октября 1772 года.

Екатерина.

## 2289) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ А. М .ОБРЕСКОВУ [1]).

С.-Петербургъ, 29 Октября 1772 г.

Милостивый мой государь Алексѣй Михайловичъ!

Чрезъ отправленнаго сюда курьера, отъ его с-ва графа Петра Александровича, имѣлъ я честь получить и ваши два дружескія письма отъ 8-го нынѣшняго мѣсяца. Хотя мы, не зная персональныхъ свойствъ и достоинствъ вновь назначеннаго отъ Порты посла, и не

[1]) М. Г. А. Турція, IX, св. 1.

можемъ сравнивать оныя съ качествами прежняго Османа-Эффендія, однако нельзя намъ принять то безъ удовольствія, что таковою перемѣною вся Европа нынѣ удостовѣрится о неудовольствіи Порты на поступокъ прежнихъ своихъ полномочныхъ, въ столь скоромъ разорваніи мирнаго дѣла, въ коемъ слѣдственно она и великую имѣетъ нужду. Усмотрѣнія и разсужденія в. пр-ва по тремъ артикуламъ, предложеннымъ отъ верховнаго визиря въ основаніе мирной негоціаціи, конечно и справедливы, и благоразумны. Въ сихъ самыхъ артикулахъ усматривать можно, что по пункту независимости татаръ Порта на квестію *an* безгласно уже соглашается, и что остается теперь существительно трактовать и соглашать квестію *quomodo*.

На семъ основаніи, учиненный его с-вомъ фельдмаршаломъ отзывъ къ визирю, Ея Императорское Величество во всемъ и апробовать изволила. Что же надлежитъ до требованія визирскаго о повышеніи чина вашего для уравненія съ посломъ ихъ, то вы, милостивый мой другъ, сами уже столько испытали и внутренніе высочайшіе сентименты Ея Величества о награжденіи истинныхъ заслугъ, и собственно къ вамъ ея милость, щедроту и благоволеніе, что, конечно, не можете себѣ представить того, чтобъ неудобство въ соглашеніи на оное относилось на персону вашу. Исполненіе сего прихотливаго турокъ требованія, въ настоящемъ ихъ положеніи, возбудя въ нихъ болѣе гордости, ослабило бы то положеніе, въ которомъ мы предъ ними находимся. И дѣйствительно, не одна-ли то ихъ грубая прихоть, когда во всѣхъ дѣяніяхъ сихъ самыхъ турокъ нигдѣ не находимъ, чтобъ въ трактованіи своемъ съ христіанами, сверхъ сравненія употребленныхъ къ тому людей характерами, представляющими особы своихъ государей, еще искали и требовали сравнивать чинами службы каждаго внутри своего отечества? Таковое уравненіе, будучи не совмѣстно съ важностію представляемой особы, никѣмъ и никогда взыскуемо не было, и мы съ нашей стороны толь излишнимъ снисхожденіемъ усугубили бы токмо въ немъ высокомѣріе, а съ онымъ и затрудненія въ самой негоціаціи, происходящія отъ сего невѣжественнаго ихъ порока. Графъ Петръ Александровичъ весьма изрядно объяснилъ визирю знатность чина и должность службы вашей внутри имперіи; но если бы отъ Порты еще вамъ объ ономъ домогательство случилось, чрезъ новаго посла, то вы, м. г. м., въ прибавокъ къ тому еще истолковать ему можете, что званіе ваше, члена Иностранной Коллегіи, равняетъ васъ съ нимъ совершенно, и по должностямъ внутри государствъ вашихъ вами отправляемыхъ; ибо, какъ онъ, Рейсъ-Эффендій, подъ управленіемъ визиря отправляетъ дѣла иностранныя, такъ и вы подъ министерствомъ вашимъ въ той же самой части дѣлъ служите отечеству вашему.

Присемъ прилагаю, по желанію вашему, на случай какого либо шикана отъ турецкаго посла, новую полную мочь на одну вашу персону; она безъ подписанія руки Ея Императорскаго Величества, для того что при размѣнѣ съ Османъ-Эффендіемъ употреблены были тѣ, которыя съ одною государственною печатью безъ подписи. Впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

## 2290) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ РЕЗОЛЮЦІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Письмомъ отъ 30 Октября 1772 г. резидентъ въ Гамбургѣ Ф. Гроссъ извѣщалъ графа Н. И. Панина объ издержанныхъ имъ 395 р. 85 коп. на перевозку изъ Данцига въ Петербургъ четырехъ ящиковъ, содержащихъ коллекцію гравюръ оберъ-камергера Берхгольца [2]).

*Faites payer.*

## 2291) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ А. М. ОБРЕСКОВУ [3]).

С.-Петербургъ, 30 Октября 1772 г.

На дружескія ваши примѣчанія, въ письмѣ отъ 9 Октября, на наше новое требованіе о Еникалѣ и Керчѣ, позвольте мнѣ откровенно съ вами изъясниться. Правда, никто оспорить не можетъ, чтобъ не повстрѣчать намъ великаго упорства и затрудненія по сему пункту, такъ какъ и по пункту мореплаванія въ Черномъ морѣ; но при генеральномъ уваженіи, что при великихъ дѣлахъ и великія трудности превозмогаются, и то не меньше истинно, что туркамъ на миръ рѣшиться надобно; что отъ продолженія войны они теперь весьма легко навлекутъ на себя и Австрійскія силы; что мы по снисхожденію къ Вѣнскому двору одну Молдавію и Валахію за собой удержать не намѣрены; что наиважнѣйшая крѣпость Бендеры, яко земли Бессарабской, совершенно исключается изъ сего положенія, слѣдовательно остается въ нашихъ рукахъ; что, имѣвъ достаточное число судовъ, ничто ужъ насъ не исключаетъ отъ мореплаванія по Черному морю; что безъ утвердительной, трактатомъ намъ, въ томъ свободы, мы миру не заключимъ, равно какъ и безъ распоряженной тутъ же независимости татаръ, которую уже теперь и дѣломъ, и нѣкоторымъ соглашеніемъ турки сами предъявляютъ: дѣломъ по тому, что они болѣе татарами

---

[1]) М. Г. А. Гамбургъ, III, св. 8.

[2]) См. выше № 2202.

[3]) М. Г. А. Турція, IX, св. 1.

не повелѣваютъ, а ихъ подговариваютъ и склоняютъ; соглашеніемъ потому, что уже, не отметая сего отъ нихъ положенія, предлагаютъ согласованіе оное съ ихъ вѣрою; а по симъ уваженіямъ, и когда туркамъ мириться нужно, то не тягостнѣе-ли имъ павлечь на себя новую войну, къ единой уже неизбѣжной потерѣ нѣкоторыхъ вновь провинцій, оставлять въ нерѣшимости жребій всего Крымскаго полуострова и города Бендеръ, для выученія котораго лучшаго для нихъ не остается, какъ вымѣнъ на Кинбурнъ, или же все оное рѣшить уступкою такого угла земли, который существительно не ихъ, а татарскій, и которымъ опредѣлится сохранить въ цѣлости ихъ единовѣрнаго татарскаго народа, съ тѣми закона ихъ преимуществами, которыя они столь свято почитаютъ; а наконецъ и въ мореплаваніи нашемъ изъ того не одна единосторонняя наша выгода произойдетъ, но и взаимная торговля обѣихъ сторонъ съ большею выгодностію производима будетъ. Я весьма увѣренъ, мой любезный другъ, что ваша ревность къ высочайшей службѣ, ваше природное остроуміе и ваше пространное познаніе турецкихъ дѣлъ и нравовъ достаточно вамъ служить будетъ руководителями, когда и какъ сіи истинныя начертанія вамъ имъ съ успѣхомъ приводить въ понятіе.

(Дальнѣйшее писано Панинымъ собственноручно). Для большаго однакоже облегченія вамъ, моему другу, все(го) онаго, скажу, въ крайнѣйшую откровенность, собственную мою мысль, которую въ таковомъ только достоинствѣ и принять извольте. Еслибы турки поставили важнымъ неудобствомъ, что, не имѣвъ они въ Крыму ничего, наша съ Керчью коммуникація, сухимъ путемъ чрезъ Перекопъ, будетъ содержать для нашихъ войскъ отвореннымъ весь сей полуостровъ, въ такомъ случаѣ кажется можно представить сюда на резолюцію, приведя однакоже прежде турокъ къ желанію, чтобы мы обязались не содержать войсками никакого сношенія съ тѣмъ мѣстомъ сухимъ путемъ, а дѣлать всѣ снабженія чрезъ Азовское море; равно также и о земляхъ Очаковскихъ или турецкихъ внѣ Крыма поступить можно, съ тѣмъ только, чтобы татары или, точнѣе сказать, татарскія семьи, отнюдь ни кѣмъ къ населенію оныхъ принуждаемы не были. Я о семъ послѣднемъ пунктѣ и о слѣдующихъ ниже говорю относительно отзывовъ Османъ-Эффендіевыхъ въ нѣкоторыхъ бывшихъ съ вами конференціяхъ; а именно, мнѣ видится, вамъ равно поступить будетъ можно, какъ о моленіи въ татарскихъ мечетяхъ о султанѣ и защитителѣ Мекки, такъ и о турецкихъ судьяхъ между поселившимися въ Крыму турками, только чтобъ ихъ расправа далѣ не распространялась, какъ только въ ихъ междоусобныхъ обидахъ, дабы тѣмъ они совсѣмъ не могли выйти изъ зависимости верховной Крымской власти.—Пожалуй, мой любезный другъ, увѣдомляй порядочно г. Щербинина о всемъ

томъ, въ чемъ предуспѣвать будете въ Крымскомъ дѣлѣ, ибо онъ тѣмъ свои негоціаціи по тому располагать будетъ.

Истинная и совершенная моя къ вамъ, какъ къ моему другу, довѣренность заставила меня симъ образомъ соединить съ вами мой внутренній образъ мысли, по которому между тѣмъ я не оставлю пріуготовлять здѣсь духи. Вамъ же непремѣнно пребуду и проч.

## 2292) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА № 6 ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

С.-Петербургъ, 6 Ноября 1772 г.

En attendant que je sois en état, M-r, de vous pourvoir des résolutions sur toutes vos dépêches reçues ici depuis l'expédition de mon courrier, je me hâte de vous faire parvenir les ordres de l'Impératrice sur le sort ultérieur de l'évèque de Kamieniec, dont vous m'avez annoncé la capture. Sa Majesté Impériale approuve la conduite pleine de compassion et d'humanité, que vous et m-r Bibikof avez tenue vis-à-vis de ce prisonnier dès l'instant qu'il est tombé en vos mains, ainsi que l'aisance modérée tant à l'égard de ses soumissions au Roi, que de ses relations avec ses amis touchés de ses malheurs. Actuellement, M-r, l'intention de l'Impératrice est que vous preniez de cet évèque un détail exact et sincère de tout ce qui s'est passé à l'occasion de la confédération de Bar, des mouvements publics ou secrets, des causes et des vues de cette confédération, de tous les auteurs qui la faisaient mouvoir et y prenaient part ouvertement ou en secret, et lorsque vous aurez reçu de lui une telle spécification, que vous le relâchiez comme une personne qui n'est digne que de mépris, en prenant seulement de lui un revers tel que le donnent tous ceux de son espèce. C'est ce que vous avez présentement à exécuter, et je ne doute point qu'il ne se trouve très heureux d'en être quitte à ce prix. Vous n'aurez sur cet élargissement aucune explication à donner au Roi et à son ministère, afin qu'il ne vienne point en tête à ceux-là de s'en faire un mérite auprès de l'évèque, et aussi pour détourner de la nation en général toute idée que nous cherchions à montrer des égards et des ménagements à la cour. Vous le relâchez comme un homme, dont le malheur présent excite la compassion de l'Impératrice, dont elle méprise les intrigues passées et les vains efforts à lui nuire, et qui doit être trop bien guéri par l'expérience pour se rembarquer dans la fomentation de nouveaux troubles. Et avec tout cela vous aurez toujours l'oeil sur la conduite et le moindre manège, dont vous aurez lieu de le soupçonner; vous serez exact à nous en instruire. J'ai l'honneur d'être etc.

[1]) М. Г. А. Польша III, св. 31.

## 2293) НОТА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ШВЕДСКОМУ ПОСЛАННИКУ БАРОНУ РИББИНГУ [1])

(Вручена Шведскому министру барону Риббингу 6 Ноября 1772 г.)

Note pour aider la mémoire, de la part du comte Panine au baron Ribbing, en réponse à l'ouverture faite par le Roi de Suède au comte Ostermann, touchant son désir d'envoyer une ambassade à la cour de Russie.

L'Impératrice reçoit dans cette intention du Roi les marques distinctives de son amitié et de sa considération pour elle, aussi bien que de son empressement à cultiver la bonne harmonie et le bon voisinage entre les deux états, et elle en regarde la démonstration tout comme ayant pleinement son effet. Rien ne saurait donner plus de satisfaction à l'Impératrice que de voir à sa cour l'ambassadeur d'un parent aussi proche que Sa Majesté Suèdoise, si un tel dessein ne contrevenait au désir qu'elle a fait paraître dès son avènement au trône, et qui consiste en ce qu'elle trouvait plus convenable à l'étiquette de sa cour de n'avoir que des ministres du second ordre. Il y fut aussitôt répondu de la part des cours amies, qui sous le précédent règne avaient entretenu des ambassades respectives avec la cour de Russie, et on admit, de part et d'autre, de n'avoir plus que des ministres du second ordre. Il est vrai qu'il y a eu avec la cour de Londres une mission d'ambassadeurs, qui semblerait faire exception, mais on ne fait point difficulté d'en confier ici les circonstances. Au moment d'un changement du ministère en Angleterre, m-r Pitt, rentré en dernier lieu dans les affaires, y fit résoudre d'abord l'envoi d'une ambassade à la cour de Russie; m-r Stanley fut déclaré publiquement ambassadeur, et il avait déjà baisé la main du Roi, son maître, avant qu'on nous en eût fait aucune participation. Il ne restait plus alors à l'Impératrice que de répondre à cette démarche par la nomination réciproque d'une ambassade, ce qu'elle fit dans la personne du c-te Czernichof. Cette ambassade a été de courte durée, et on s'est bientôt arrangé pour remettre les ministres respectifs dans leur caractère précédent. Tel est l'état des choses, dont l'Impératrice fait amicalement part au Roi son cousin, et elle attend de son amitié que, persuadé de la justice que l'Impératrice rend à son intention et du gré parfait qu'elle lui en sait, il voudra bien ne la point exécuter et être assuré que la connaissance qu'il en a donnée à Sa Majesté Impériale, lui tient parfaitement lieu d'accomplissement et porte avec soi la même certitude de leurs sentiments l'un pour l'autre.

---

[1]) М. Г. А. Швеція IV, св. 1.

## 2294) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ И. А. ОСТЕРМАНУ ВЪ СТОКГОЛЬМЪ [1]).

Какъ чрезъ депешу в. с-ва, съ шведскимъ курьеромъ полученную, такъ и чрезъ министеріальный отзывъ барона Риббинга, извѣстились мы о намѣреніи Его Шведскаго Величества отправить къ здѣшнему двору посольство. По испрошеніи высочайшей Ея Императорскаго Величества резолюціи, отвѣтствовалъ я сему Шведскому посланнику, по точной силѣ приложенной здѣсь французской записки, въ облегченіе его памяти, которую ему для того нарочно и вручилъ [2]). В. с-во найдете въ ней довольно побудительныхъ причинъ къ отклоненію такого посольства, которое насъ завести могло бъ въ равное неудобство и съ другими дворами; а посему извольте дружески и откровенно изъясниться съ сенаторомъ барономъ Шеффером, примѣчая ему однакожъ лучшимъ образомъ и въ убѣдительнѣйшихъ терминахъ, что Ея Императорское Величество тѣмъ не меньше аттенціей Его Шведскаго Величества крайне довольна и одно уже оной намѣреніе изволитъ съ особливою признательностію принимать за самое дѣло. Кромѣ изъясненныхъ въ той запискѣ резоновъ, можете в. с-во какъ бы собою и слѣдующій еще присовокупить, что обстоятельства двора нашего, въ разсужденіи посольствъ, сдѣлавшись съ нѣкотораго времени больше особливыми и нѣжными, мы съ своей стороны не хотимъ подавать поводовъ къ восчатію непріятныхъ случаевъ, а наипаче при дружественныхъ дворахъ, дабы инако и оныхъ въ постороннія хлопоты безъ всякой нужды и пользы не вовлекать. Если же в. с-во усмотрите, что всѣ сіи возраженія не будутъ достаточны къ приведенію Его Шведскаго Величества на другія мысли въ разсужденіи посольства, въ такомъ случаѣ можете вы далѣе сенатору Шефферу внушить, что и назначиваемая въ послы персона сенатора, графа Поссе, меньше всѣхъ другихъ способна къ исполненію сего важнаго поста, ибо онъ въ прежнюю свою долговременную бытность не имѣлъ счастія пріобрѣсти обращенію своему высочайшей Ея Императорскаго Величества апробаціи, а паче оставилъ по себѣ, во мнѣніяхъ Ея Императорскаго Величества, неполезную импрессію, которая въ новомъ его званіи не можетъ для поспѣшествованія и сближенія взаимныхъ интересовъ быть хорошимъ спутникомъ.

Деликатность собственныхъ вашихъ сентиментовъ преподаетъ в. с-ву наилучшее руководство къ учиненію сего послѣдняго внушенія

---

[1]) М. Г. А. Швеція, III, св. 34.

[2]) См. № 2293.

въ самомъ крайнемъ случаѣ нужды, съ тѣмъ размѣромъ и съ тою осмотрительностію, кои для сохраненія его въ тайнѣ и для не раздраженія персонально сенатора графа Поссе потребны быть могутъ.

Въ скоромъ времени отправляю я къ вамъ собственнаго курьера, черезъ котораго войду уже въ подробныя разсужденія о будущемъ вашемъ поведеніи, а между тѣмъ довольствуюсь увѣрить, что никогда не перестану быть и проч.

Въ С.-Петербургѣ, 7 Ноября 1772 г.

## 2295) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАМѢТКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

(Писана краснымъ карандашомъ на поляхъ реляціи).

Въ реляціи отъ 8 Ноября 1772 г., изъ Парижа, повѣренный въ дѣлахъ Н. К. Хотинскій писалъ: На прошлой почтѣ имѣлъ я честь в. с-ву въ послѣднемъ моемъ письмѣ донесть вообще, съ каковымъ удовольствіемъ дюкъ д'Эгильонъ увѣдомился о допущеніи г-на Дюрана на аудіенцію къ Ея Императорскому Величеству. Нынѣ же нахожу за потребное писать подробно и всѣ его отзывы. При поданномъ ему мною первомъ о томъ извѣстіи, вручилъ я ему при томъ отвѣтное вице-канцлерское письмо на посланное дюкомъ д'Эгильономъ къ его с-ву чрезъ того Дюрана. Прочитавъ то письмо отозвался дюкъ: оно очень хорошо и весьма учтиво, и далъ мнѣ читать. По окончаніи чтенія подтвердилъ и я его мысли касательно до содержанія онаго, примѣтя ему, что оно тѣмъ больше значитъ, что конечно всѣ онаго израженія были взвѣшены и всемѣрно лишняго не сказано.

По семъ, поздравя его съ такимъ желаемымъ успѣхомъ, вызвался я, что тому теперь около года, какъ могли бы дѣла быть въ настоящемъ положеніи, если бы по тогдашнимъ моимъ внушеніямъ послалъ онъ въ Россію отъ себя человѣка, на что онъ мнѣ отвѣтствовалъ: вы знаете, что я дѣлалъ то, что мнѣ можно было; и послѣ вдругъ отозвался: мы же и учинили первый шагъ, но я де о томъ не краснѣю, я де сообщилъ о семъ нашимъ друзьямъ и Гишпаніи, она согласныхъ (де) съ нами мыслей; и заключилъ отзывомъ: резонабельнѣйшіе должны первые уступить. Я же напротивъ того вызвался: по совѣсти не могли мы, г-нъ дюкъ, первые учинить поступь,—и продолжалъ потомъ, что понеже дошли уже дѣла до такого желаннаго имъ конца, то для чего подавать завистникамъ, возстановленію согласія между Франціею и Россіею, способы къ отдаленію такого блага нескладными съ здѣшней стороны и противорѣчащими поступками въ словахъ съ дѣлами.

Удивясь о такой задачѣ, спросилъ онъ у меня, въ чемъ то состоитъ; тогда сказалъ я ему, что во свое время показывалъ я ему письмо г-на Штакельберга, въ которомъ онъ меня увѣдомлялъ, что наше перемиріе продолжено и конгрессъ возстановленъ будетъ по повторительнымъ прошеніямъ турокъ, а напротивъ того въ Парижской газетѣ напечатано, что турки по нашему прошенію на то согласились, которыми наружностями оказывается, будто съ здѣшней стороны продолжительно намъ недоброхотствуютъ.

[1]) М. Г. А. Франція, III, св. 12.

Онъ сказалъ мнѣ на сіе, что въ газетѣ онъ того не примѣтилъ, а въ подлинну помнитъ, что таковое извѣстіе подано было изъ Вѣны, и знатно съ прочими вѣдомостями не нарочно напечатано, а дабы доказать, что то дѣлается безъ всякаго намѣренія, то предлагалъ мнѣ, что буде я хочу, велитъ онъ ко мнѣ присылать первыя пробы газетъ, въ которыхъ могу я вычернивать все то, что ни покажется. Поблагодаря его за такое снисхожденіе, отказалъ я онымъ пользоваться и просилъ только, чтобъ онъ приказалъ, дабы впредь или умалчивали, или же поскромнѣе упоминали о вещахъ, которыя двору моему индифферентными быть не могутъ. Исполненіе сего онъ мнѣ и обѣщалъ.

На другой день, 14-го числа сего, ходилъ я къ нему подъ вечеръ и засталъ у него разныхъ иностранныхъ министровъ. Идучи въ свой кабинетъ, спросилъ онъ у меня мимоходомъ вслухъ о здоровьѣ моемъ, а послѣ въ полголоса наскоро сказалъ, хочу-ли я къ нему зайти, почему, погодя немного, я къ нему и пошелъ. Принялъ онъ меня съ весьма радостнымъ лицемъ, сообща, что онъ получилъ чрезъ отправленнаго г-номъ Ласіемъ въ Мадридъ курьера, и отъ самого Дюрана, увѣдомленіе, что онъ имѣлъ аудіенцію и всемилостивѣйшею нашею Государынею милостиво былъ принятъ, что онъ Дюранъ, упоминая также, что и всѣ придворные съ нимъ весьма учтиво обошлись, примѣчаетъ, что такое обстоятельство наипаче въ сѣверныхъ дворахъ служитъ почти вѣрнымъ признакомъ благосклонныхъ мыслей двора, и что онъ хвалился особливо ласковостію вашего с-ва, но что не имѣлъ еще случая съ вами о дѣлахъ говорить, ибо ходивши къ вамъ, милостивый государь, нашелъ онъ, что изволили вы сбираться въ спектакль, но что передъ выходомъ соблаговолили однако къ нему отозваться слѣдующими израженіями: вы можете своему двору донести, что мы не имѣемъ обязательства, которыя бы могли намъ воспретить имѣть союзъ съ Франціею. Сіи точныя рѣчи повторены мнѣ были и Шведскимъ посланникомъ Крейцемъ, съ тѣмъ прибавленіемъ, что ваше с-во, произнося оныя, взяли Дюрана за руку; и отъ того же посла вѣдаю я, что по сему первому предвѣщанію возстановленія дружбы между обоими государствами дюкъ д'Эгильонъ отзывался: наконецъ де я исправилъ бѣду, которую дюкъ Шуазель сдѣлалъ Франціи, поссорясь съ Россіею. Когда оный д'Эгильонъ мнѣ пересказалъ вышеписанное, изъявилъ я ему мою объ ономъ радость, которой и онъ не притворно соотвѣтствуя повторялъ: увидимъ де далѣе. Я же, оказывая надежду о хорошихъ успѣхахъ, разсудилъ однако за благо предупредить на случай, ежели бы съ нашей стороны не столь жарко поддались къ сдруженію, какъ здѣсь того желаютъ, что надобно теперь ожидать, что завистники возстановленія между обоими государствами дружбы станутъ всемѣрно всякими вымыслами тому перечить и стараться сколько можно продлить взаимно состоявшую недовѣренность, почему на первый часъ можетъ быть сходнѣе было бы для обѣихъ сторонъ дружбу свою приращать безъ дальнихъ наружныхъ о томъ доказательствъ. Отъ кого ожидать такихъ раздоровъ, сказалъ онъ, какъ не отъ пруссаковъ? Я жъ прибавилъ къ тому, что и отъ англичанъ потребно также остерегаться, ибо сколь Франція съ ними теперь ни въ дружбѣ, не должно однако забывать, что они натуральные ея непріятели, коихъ всякое государство особливыхъ своихъ имѣетъ. Выслушавъ сіе со вниманіемъ, отозвался онъ: Прусскій министръ конечно на васъ нападетъ, дабы что либо узнать; но я надѣюсь, что вы ему не перескажете нашъ разговоръ; Вѣнскій де посолъ мнѣ жаловался, что онъ къ нему насильно пристаетъ о томъ или другомъ вывѣдывать, равномѣрно жъ и Сардинскій посолъ, котораго тихій нравъ вамъ де извѣстенъ, также жалуется, что онъ ему наскучилъ своими безпрестанными и

нескромными вопросами: и въ заключеніе того отозвался о характерахъ, какъ г-на Гольца, такъ и Сандоса, весьма нельстительнымъ образомъ и безъ размѣра. На первую часть отвѣтствовалъ я дюку, что ему образъ моихъ мыслей извѣстенъ уже больше года, и что, надѣясь, что ближе спозналъ онъ таковой съ минувшаго Іюля мѣсяца, примѣтя конечно, что когда я съ нимъ говаривалъ по поводу посылки въ Россію г-на Дюрана, всегда передъ выходомъ условливался съ нимъ, какимъ образомъ мнѣ потомъ отзываться, и что признавая нужду скрывать о видѣ поѣздки къ намъ того Дюрана, сносилъ я лучше слыть по сему дѣлу несвѣдомымъ и не имѣющимъ его дюка довѣренности, какъ то Сандосъ разглашалъ, нежели тщеславясь знающимъ человѣкомъ разгласить ту тайну. Посему, насказавъ мнѣ многія учтивости, поговорилъ онъ еще немного со мною и послѣ того отпустилъ меня при увѣреніяхъ своей дружбы.

*Cette dépêche marque bien l'esprit d'intrigue et l'envie de brouillonner de M-r d'Aiguillon.*

## 2296) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Въ письмѣ изъ Копенгагена, отъ 10 Ноября 1772 г. посланникъ И. Симолинъ извѣщалъ о предполагаемомъ денежномъ займѣ Швеціи въ Голландіи, подъ гарантіей Французскаго правительства, и о нежеланіи Голландіи заключить этотъ заемъ. «On avait encore ajouté à cette information, qu'il serait convenable de faire fortifier les Etats Généraux par l'envoyé de Sa Majesté Impériale, le p-ce de Galitzyne, dans ces dispositions, afin de faire échouer cette négociation».

Напишите письмо къ кн. Голицыну въ Гагѣ, чтобъ онъ старался всячески подъ рукою препятствовать заемъ денегъ Шведской и Французской короны.

## 2297) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ И. А. ОСТЕРМАНУ ВЪ СТОКГОЛЬМЪ [2]).

*Быть по сему.*

С.-Петербургъ, 15 Ноября 1772 г.

Monsieur. La révolution arrivée en Suède fixe sans doute l'attention de toutes les puissances et il s'en trouverait difficilement une, qui ne reconnût la nécessité existante, à plus forte raison, pour les voisins de

---

[1]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки Императрицы Екатерины II, св. 1, и Данія, III, св. 10.

[2]) М. Г. А. Доклады св. 18. Содержаніе этого письма сообщено было 7 Декабря 1772 г. Шведскому сенатору графу Фалькенбергу.

veiller aux suites possibles d'un tel évènement. Il est vrai que les assurances données à ceux-ci par Sa Majesté le roi de Suède au moment même du changement dans le gouvernement, touchant la paix et l'amitié qu'il désire de cultiver avec eux, a de quoi les tranquilliser et leur inspirer de la confiance, mais il ne reste pas moins pour eux, comme une obligation de la plus simple politique et comme un droit naturel de défense, de ne point négliger les mesures qui peuvent les mettre à couvert de toute entreprise dans l'intérieur de leurs frontières. C'est dans cet état qu'on apprend les armements considérables que fait la Suède, les mouvements et l'assemblée des troupes dans la proximité de la Norvège et de la Scanie, et au milieu de cela le départ subit du Roi pour se rendre sur les lieux mêmes, sous l'annonce du voyage royal usité dans les provinces.

L'Impératrice, accoutumée pendant tout le cours de son règne à traiter toutes ses affaires avec toutes les puissances avec la franchise et la bonne foi qui lui sont naturelles, et jugeant même qu'il est un devoir encore plus strict pour elle de ne s'en point écarter vis-à-vis de Sa Majesté Suèdoise, dans les liens du sang et l'amitié sincère qui l'unissent à elle, ne veut point lui dissimuler les vives alarmes que lui donne cet aspect des choses, et sans vouloir pénétrer ni juger les intentions ultérieures du Roi, elle croit n'avoir point de temps à perdre pour lui faire connaître que les engagements les plus solennels lient tous les intérêts du Danemark à ceux de son empire.

En conséquenee, M-r, l'ordre et l'intention de Sa Majesté Impériale, que je vous trace ici sont, qu'aussitôt après la réception de cette dépèche vous vous rendiez auprès du ministère du Roi et que, vous ouvrant sans réserve à lui et lui demandant d'en rendre compte d'abord à Sa Majesté Impériale, vous lui communiquiez que quelques soient les liens qui attachent personnellement Sa Majesté Impériale au Roi de Suède, quelque sincère que soit l'amitié qu'elle lui porte et l'intérêt qu'elle prend à sa prospérité et à sa satisfaction, elle ne saura voir indifféremment toute tentative, mouvement ou entreprise quelconque de la part de la Suède au préjudice du Danemark, et qu'elle regardera toute attaque contre cette couronne, en quelque lieu, sous quelque prétexte et de quelque manière que ce soit, comme une aggression contre ses propres intérêts. Et Sa Majesté Impériale, ajoutant foi à des assurances si positives et si souvent répétées, que lui a données le Roi, de son amitié personnelle et de son attention à cultiver la bonne harmonie et la bonne union entre les deux états, est fermement persuadée qu'une communication aussi ouverte. que celle qu'elle fait au Roi de sa position, sera pour Sa Majesté Suèdoise une preuve bien évidente et de ses sentiments personnels pour elle, et de la confiance. J'ai l'honneur d'être etc.

## 2298) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ И. А. ОСТЕРМАНУ ВЪ СТОКГОЛЬМЪ [1]).

С.-Петербургъ, 15 Ноября 1772 г.

Депеши в. с-ва получены здѣсь всѣ, одна по другой, по № 121 включительно. Предоставляя, въ послѣдующихъ моихъ письмахъ, изъясниться съ в. с-вомъ о тѣхъ матеріяхъ, между коими каждая требуетъ частной для себя резолюціи, хочу я теперь войти съ вами въ нѣкоторыя предварительныя разсужденія, по поводу собывшейся несчастливой революціи.

Разныя части политическихъ нашихъ дѣлъ и расположеній не достигли еще той зрѣлости, чтобъ отнынѣ уже можно было опредѣлить и умѣрить тѣ точные поступки, каковыми, для славы Ея Императорскаго Величества и для существительной государственной пользы, удобнѣе, выгоднѣе и приличнѣе намъ будетъ ополчиться и дѣйствовать противъ захваченнаго королемъ Шведскимъ самовластія; но столько однакожъ могу я в. с-ву съ подлинностію сказать, что мѣры наши будутъ напередъ соглашаемы съ союзными и дружественными дворами, и что когда время раскроетъ завѣсу для явныхъ дѣяній, мы на театрѣ не одни явимся, а всемѣрно съ добрыми и надежными помощниками. До тѣхъ поръ требуетъ отъ насъ благоразуміе оставаться въ пассивномъ примѣчаніи и бдѣніи за всѣми намѣреніями и шагами короля Шведскаго, довольствуясь между тѣмъ, мало по малу и подъ рукой, заготовлять собственную свою оборону и ополченіе. Правда, м. г. м., разрушеніе Шведской формы правленія составляетъ для насъ случай самой величайшей важности, и особливо въ слѣдствіяхъ своихъ для переду опаснымъ быть могущій; но и то опять истинно, что легче и способнѣе есть стрещи, блюсти и охранять нѣчто закономъ, присягою, временемъ и привычкою сооруженное, а національнымъ благомъ освященное, нежели послѣ, когда всѣ сіи коренныя основанія въ конецъ уже опровержены, возстановлять опроверженное и дѣло совсѣмъ сдѣланное возвращать въ небытіе. Я думаю потому (но въ семъ и въ послѣдующихъ мысляхъ, о благовременномъ отнынѣ устроеніи нѣкоторыхъ, въ самой націи пріуготовительныхъ, мѣръ, открываюсь я вамъ теперь единственно въ качествѣ истиннаго и персональнаго вашего друга, который обыкъ имѣть къ вамъ неограниченную довѣренность, а не въ качествѣ министра, ибо время и обстоятельства не позволяютъ мнѣ еще говорить съ вами въ оном точнымъ и опредѣлительнымъ образомъ), что въ настоящемъ случаѣ надобно будетъ намъ не о томъ

[1]) М. Г. А. Швеція, III, св. 34.

помышлять и цѣлью себѣ ставить, чтобъ прежнюю форму правленія, во всемъ ея пространствѣ и во всѣхъ частяхъ не раздробительно, возстановить, но чтобъ по крайней мѣрѣ, взаимствуя изъ оной коренныя основанія, какъ существительной вольности для націи Шведской, такъ и прочной впредь безопасности для окрестныхъ державъ, нынѣшнюю новую такимъ образомъ распорядить и учредить, дабы и тотъ и другой пунктъ изъ старой признаны и утверждены были фундаментальными законами, безъ всякаго тутъ подчиненія произволу и своенравію королей. По всей вѣроятности судить можно, что сія посредственная дорога встрѣтитъ, въ свое время, меньше затрудненія и препонъ; ибо въ ней и король и нація нѣчто для себя выиграннаго находить будутъ: первый—сохраняя по меньшей мѣрѣ нѣкоторую часть похищенія своего, а послѣдняя—возвращая себѣ то, что для истиннаго ея блага и безпечности государственной всего драгоцѣннѣе было въ прежней формѣ правленія. Сочиненіе въ свое время такого плана долженствуетъ натурально самимъ Шведамъ предоставлено быть; но в. с-во тѣмъ не меньше меня одолжите, если заранѣе потрудитесь положить на бумагу собственныя ваши о томъ мысли, многолѣтнимъ искусствомъ руководствуемыя, и сообщить мнѣ ихъ для благовременнаго, здѣсь Ея Императорскому Величеству, усмотрѣнія и опредѣленія крайнихъ съ нашей стороны уступокъ въ новомъ Шведскомъ законоположеніи.

Между тѣмъ, дабы къ будущему нашему тѣмъ или другимъ образомъ дѣйствованію, въ пользу Шведской національной вольности, имѣть намъ въ самой Швеціи нѣкоторое способствованіе, о чемъ и вы сами въ разныхъ вашихъ депешахъ неоднократно уже отзывались, нужно весьма, чтобъ в. с-во, безъ поданія и малѣйшаго на себя вида къ сомнѣнію, или же и дѣйствительному подозрѣнію, а паче безъ всякой огласки и аффектаціи, старались, по крайней возможности, не только сохранять, но и умножить еще дружбу и довѣренность къ себѣ нѣкоторыхъ изъ надежнѣйшихъ, и въ твердости испытанныхъ, шефовъ прежней благонамѣренной партіи, ободряя ихъ несомнѣнною надеждою скорой и дѣйствительной перемѣны въ настоящемъ порабощеніи отечества ихъ, а потому и обязывая ихъ самихъ заготовлять мало по малу, искуснымъ образомъ и безъ компрометтированія себя безъ нужды, духи друзей своихъ къ надлежащему впредь, за общее благо, поборствованію. Зная состояніе нравовъ Шведскихъ, сужу я, согласно съ учиненнымъ уже отъ в. с-ва примѣчаніемъ, что есть теперь конечно и между «шляпами» много такихъ, кои опроверженіе прежней формы правленія чистосердечно оплакиваютъ и рады будутъ содѣйствовать всѣми своими силами возстановленію ея.

Пожалуйте, м. г. м., не оставьте въ присвоиваніи людей къ нашему намѣренію обращать бдительное око и на сихъ послѣднихъ, приласки-

вая къ себѣ довѣренность ихъ. и взаимно опять имъ открываясь, по мѣрѣ усматриваемаго въ нихъ жара и соединенной съ онымъ надежности. Между именитѣйшими «шляпами» не могу я вообразить себѣ, чтобъ нынѣшній сенаторъ графъ Ферзенъ, внутри сердца своего, могъ быть равнодушенъ въ разсужденіи похищеннаго королемъ безпредѣльнаго самовластія. Онъ умѣетъ и обыкъ уже править духами знатной части согражданъ своихъ, почему непритворное его къ нашей сторонѣ пріобрѣтеніе и могло бы, въ свое время, немалую принести пользу. Нѣтъ нужды остерегать в. с-во, съ коликою деликатностью надобно поступать въ пріобрѣтеніи новыхъ людей, да и въ откровенныхъ съ старыми друзьями сношеніяхъ, дабы, съ одной стороны, тайны своей не компрометтировать, а съ другой—тѣхъ или другихъ опасности не подвергнуть, чтобы всякое, внутри Швеціи желаемое для насъ въ свое время содѣйствованіе, въ конецъ раззорило, къ крайнему обремененію внѣшнихъ подвиговъ.

Искусство и прозорливость в. с-ва, толикими опытами оправданныя, будутъ тутъ умѣть вѣрно и надежно размѣрять каждый шагъ и каждое покушеніе, и я буду только ожидать, чтобы вы, отъ времени до времени, увѣдомляя меня объ успѣхѣ трудовъ вашихъ, нынѣ напередъ подробно сюда знать дали, на кого именно думаете вы, что теперь уже вѣрно считать можно, кто изъ нихъ какого чина и состоянія, кому напримѣръ поручить, въ свое время, главную надъ всѣмъ дѣломъ дирекцію, кого, какъ въ Стокгольмѣ, такъ и въ Финляндіи, можно надежнѣе употребить первыми дѣйствующими лицами, кому между тѣмъ ввѣрить раздачу денегъ для содержанія духовъ въ полезныхъ диспозиціяхъ и недопущенія ихъ до совершеннаго упадка, какимъ образомъ оныя въ раздачу употреблять, и напослѣдокъ, коликая сумма на первый случай нужна и достаточна быть можетъ, да и какимъ образомъ дѣлать къ вамъ отсюда переводы, безъ обнаруженія оныхъ на Стокгольмской биржѣ.

Всѣ сіи свѣдѣнія долженствуютъ натурально предшествовать принятію здѣсь рѣшительной Ея Императорскаго Величества резолюціи, и для того я, в. с-во, о доставленіи оныхъ въ непродолжительномъ времени, прилежнѣйше чрезъ сіе прошу, увѣряя съ своей стороны, что они здѣсь въ непроницаемой тайнѣ оставаться будутъ.

Приготовленіе людей въ актеры для Шонской провинціи свойственнѣе Датскому двору, нежели намъ, почему оное и можно предоставить собственному его попеченію; но тѣмъ не меньше не оставляйте, пожалуйте, в. с-во, имѣть въ виду и тамошній край; ибо совокупное и одновременное дѣйствованіе въ обѣихъ сторонахъ, то есть въ Шоніи и въ Финляндіи, будетъ гораздо сильнѣе и прочнѣе, служа одно другому опорою.

*

Ежели по сему, и для Шонской провинціи, вамъ актеры надежные и полезные попадаться будутъ, не упускайте и тѣхъ, м. г. м., изъ рукъ; но паче старайтесь пріобрѣтать ихъ безпосредственно себѣ для сохраненія, до пункта рѣшенія всего, нужнаго секрета, ибо послѣ ничто уже не помѣшаетъ уступить ихъ Даніи, и употребить подъ ея дирекцію тамъ, гдѣ для нея одной вся способность.

Что до Помераніи касается, въ разсужденіи ея обстоятельства совсѣмъ другія, ибо тамъ все дѣло зависѣть будетъ отъ скорости въ военныхъ движеніяхъ союзника нашего короля Прусскаго, на которую, конечно, съ полною надеждою положиться можно, и отъ той импрессіи, съ каковою вся Германская имперія на оныя взирать можетъ и будетъ, по времени и политическимъ расположеніямъ главныхъ ея членовъ, а особливо Австрійскаго дома.

Все сіе соображая къ тому пункту, когда собственныя наши государственныя расположенія зрѣлости своей достигнутъ, а особливо миръ съ Портою дѣйствительно заключенъ, слѣдовательно жъ и главныя наши военныя силы и рессурсы отъ тамошней заботы совершенно освобождены будутъ, прошу я в. с-во сообщить мнѣ предварительно, для донесенія Ея Императорскому Величеству въ полномъ пространствѣ и со всѣми, напередъ удобь опредѣляемыми, подробностями, ближайшія ваши мысли объ образѣ дѣйствительнаго открытія внутреннихъ операцій въ Финляндіи и Шонской провинціи, дабы симъ способомъ, и здѣшнія и Датскія мѣры и содѣйствованіе, на одинаковыхъ правилахъ основать, обращая всѣ части огромнаго плана къ одной цѣли, то есть къ лучшему и сильнѣйшему подкрѣпленію взаимно одной другою.

Для сего же самого нужно весьма заранѣе и съ достовѣрностію знать точное расположеніе духовъ Шведской націи въ разныхъ ея состояніяхъ, а особливо въ арміи и во всѣхъ военныхъ людяхъ. Неоспоримо то, что король успѣлъ пріобрѣсть себѣ, для произведенія революціи, большую часть войска; кажется, что оное и теперь еще на его сторонѣ, не взирая на частныя неудовольствія многихъ достойныхъ офицеровъ, обойденныхъ младшими ихъ сверстниками; а вопрошается только, духъ энтузіазма, которымъ армія и войска наполнены, какого прямо свойства, истиннаго-ли военнаго и стремящагося къ возобновленію прежней славы Шведскаго имени, слѣдовательно же сомнительнаго и опаснаго для сосѣдей, или же напротивъ только честолюбиваго, льстящагося скорѣйшимъ полученіемъ чиновъ и другихъ отличностей при молодомъ и самовластномъ государѣ? Разборъ въ семъ случаѣ в. с-ва будетъ здѣсь входить въ разсужденіе, а потому самому и требуетъ основательнаго отъ васъ испытанія, дабы инако намъ въ расчисленіяхъ своихъ не ошибиться.

Нетерпѣливость мою, въ ожиданіи вашего отвѣта на сію депешу, можете вы удобно сами понимать, и для того, упомянувъ только объ ней, кончу я увѣреніемъ, что всегда пребуду и проч.

## 2299) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ И. А. ОСТЕРМАНУ ВЪ СТОКГОЛЬМЪ [1]).

По французскому языку, который употребленъ въ одномъ изъ писемъ настоящей экспедиціи [2]), можете в. с-во сами судить, что оное долженствуетъ, въ полномъ своемъ содержаніи, Шведскому двору предъявлено быть. Я прошу васъ потому, адресуясь къ сенатору графу Шеферу, словесно или же письменно, буде онъ ко времени пріѣзда сего курьера не возвратился еще въ Стокгольмъ отъ своего за королемъ путешествія въ Шонскую провинцію, согласовать отзывъ вашъ точной силѣ и словамъ той моей французской депеши, съ присовокупленіемъ однакожъ, какъ бы отъ собственнаго вашего лица, что въ дѣлѣ толикой важности вы хотите тѣмъ не меньше, по персональной вашей откровенности, сообщить ему, приложенною бумагою, и самыя отъ двора полученныя повелѣнія, дабы инако между вами какого-либо недоразумѣнія случиться не могло. Надобно, чтобъ къ той порѣ, когда в. с-во будете входить въ предписуемое здѣсь словесное или письменное изъясненіе съ сенаторомъ графомъ Шеферомъ, состояніе дѣлъ больше объяснилось и разрѣшало уже всѣ наши теперешнія недоумѣнія. Въ томъ случаѣ, еслибы между тѣмъ послѣдовали новыя какія явленія, состоящія въ какихъ либо еще точнѣйшихъ вооруженіяхъ, прибавленіемъ-ли полковъ къ сборному мѣсту, отправленіемъ-ли туда знатной артиллеріи, или же и подтвердившимся тогда подозрѣніемъ о дѣйствительномъ прибытіи, подъ именемъ депутатовъ, нѣкоторыхъ и изъ Норвежскихъ возмутителей, къ вящему обнаруженію дальновидныхъ проектовъ короля Шведскаго противъ Даніи, не безполезно будутъ в. с-ву именно примѣтить графу Шеферу, что тѣ самыя явленія сугубо долженствуютъ служить къ обезпокоенію всемилостивѣйшей Государыни, слѣдовательно же и къ умноженію ея недовѣрки, а съ оною и принужденныхъ мѣръ нашихъ, поколику мы, въ жребіи короля Датскаго, покойными и равнодушными зрителями оставаться не можемъ.

Для сообщенія, въ дружескую конфиденцію Датскому двору, нашего, въ пользу его, чрезъ в. с-во чинимаго поступка, отправляю я къ

[1]) М. Г. А. Швеція, III, св. 34.

[2]) См. выше № 2297.

повѣренному въ дѣлахъ Местмахеру точную копію съ французскаго моего письма, почему и в. с-во можете оное Датскому, въ вашемъ мѣстѣ министру дать прочесть, въ образѣ персональной вашей къ нему довѣренности, равно какъ и увѣдомить его о даваемомъ вамъ во свое время отвѣтѣ. Всегда пребуду и проч.

С.-Петербургъ, 15 Ноября 1772 г.

## 2300) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ КЪ ПОВѢРЕННОМУ ВЪ ДѢЛАХЪ МЕСТМАХЕРУ [1]).

С.-Петербургъ, 17 Ноября 1772 г.

Съ одной стороны, для успокоенія Датскаго двора, при настоящихъ его заботливыхъ обстоятельствахъ, въ искренномъ образѣ дружескихъ нашихъ къ нему мыслей, а съ другой, доколѣ еще нерѣшимость въ аспектахъ то дозволять можетъ, для воздержанія короля Шведскаго отъ дѣйствительнаго исполненія чинимыхъ имъ въ Норвегіи военныхъ приготовленій, отправляю я нынѣ, по волѣ Ея Императорскаго Величества, съ нарочнымъ курьеромъ къ графу Ивану Андреевичу [2]) приложенную при семъ въ копіи французскую депешу. Онъ имѣетъ повелѣніе предъявить ее, въ полномъ пространствѣ и въ точныхъ словахъ, сенатору графу Шеферу, для донесенія Его Шведскому Величеству, и для познанія въ отвѣтъ прямыхъ намѣреній сего государя. Я поручаю вамъ все сіе сообщить Датскому министерству въ дружеской осторожности, съ сильнѣйшимъ его въ тоже время увѣреніемъ, что доколѣ Его Датское Величество, въ настоящихъ своихъ правилахъ и въ томъ тѣсномъ союзѣ съ Россіей, оставаться изволитъ, до тѣхъ поръ и Ея Императорское Величество, никогда не перестанетъ благо, цѣлость и сохраненіе интересовъ короны его почитать дѣломъ собственнаго и величайшаго интереса Имперіи своей, и на семъ основаніи подавать ему, при всякихъ случаяхъ, дѣломъ и совѣтомъ, всевозможное по обстоятельствавъ вспомоществованіе. Какое между тѣмъ произведетъ у короля Шведскаго дѣйствіе предписанный нынѣ графу Ивану Андреевичу важный и публичный поступокъ, о томъ вы и Копенгагенскій дворъ увѣдомитесь скорѣе меня, слѣдовательно же и будетъ оный въ состояніи сообразовать, прежде насъ, рѣшительныя свои мѣры полезному или предосудительному обороту.

[1]) М. Г. А. Данія, III, св. 9.

[2]) Остерману.

А если же, какъ и чаять надобно, сей нашъ у Шведскаго двора поступокъ дѣйствительно обуздаетъ буйство молодого Шведскаго короля, и онъ свои вооруженія и другія потаенныя намѣренія противъ Даніи сократитъ, то однакоже Датскій дворъ не долженъ имѣть ни малой причины останавливать съ своей стороны предпринятую осторожность, а еще менѣе поползнуться на какія-либо о томъ точныя и особенныя соглашенія съ Швеціей; ибо объявленныя ей отъ того двора побудительныя причины своего оборонительнаго вооруженія конечно неоспоримы; а особливо когда еще Датское министерство за благо разсудитъ, при удобномъ случаѣ, къ онымъ прибавить и тотъ новый предметъ уваженія, который аттенцію всѣхъ Шведскихъ сосѣдей опредѣлить долженъ: яко то, что прежняя, со стороны всѣхъ оныхъ, на границахъ противъ Швеціи опредѣленная и содержащаяся, сила обороны, размѣряема была такою въ Швеціи верховною властію, которой всякія рѣшенія и опредѣленія зависѣли отъ большаго числа голосовъ всѣхъ четырехъ государственныхъ чиновъ. Нынѣ же, когда все стало во власти единаго короля, оказавшаго столь много смѣлости въ предпріятіяхъ и противъ самой своей націи, то не требуетъ-ли уже наипаче здравая политика сосѣдей его, чтобъ они, не только принудили и содержали въ совершенной цѣлости опредѣленную свою оборонительную систему, но паче, по мѣрѣ своихъ настоящихъ силъ и рессурсовъ, оную искали увеличить? Извольте, государь мой, все сіе примѣчаніе дружескимъ отъ меня совѣтомъ, сообщить господамъ Остену и Шаку. Всегда пребуду и проч.

### 2301) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ РЕЗОЛЮЦІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Къ реляціи посланника въ Стокгольмѣ гр. И. А. Остермана, отъ 17 Ноября 1772 г., приложено было составленное самимъ Остерманомъ, вмѣстѣ съ англійскимъ посланникомъ, письмо подъ заглавіемъ: «Lettre à l'auteur de la relation, publée dans le supplément de la Gazette de France du 7 Septembre 1772», для опроверженія ложныхъ извѣстій о происшедшей въ Швеціи революціи. Остерманъ просилъ графа Н. И. Панина приказать напечатать это письмо въ иностранныхъ газетахъ.

*Faites imprimer cette lettre ici ou en Hollande.*

### 2302) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ КОРОЛЮ ПРУССКОМУ ФРИДРИХУ II [2]).

Monsieur mon frère. Je ne mets point de bornes à ma confiance en Votre Majesté, comme en mon meilleur ami et mon plus fidèle allié, en lui communiquant, dans la plus grande confidence, mon plan et mes pen-

[1]) М. Г. А. Швеція, III, св. 36.

[2]) М. Г. А. Турція, IX, св. 1.

sées les plus secrètes sur ma pacification avec la Porte. Le temps parait propre à y travailler. Tous les évènements, postérieurs aux premières ouvertures de part et d'autre, doivent les acheminer à un but. Les turcs n'ont à se louer d'aucun fait d'armes qui ait pu changer, ni même refroidir leurs dispositions, et les miennes se fortifient naturellement, à mesure que j'acquière une plus grande certitude de procurer à mes peuples une paix juste, honorable et sûre. C'est à cela que se rapportent uniquement mes conditions. Je me flatte que Votre Majesté les approuvera. Je ne choque les vues politiques de qui que ce soit. Il est même évident qu'il n'y a point de puissance chrétienne impartiale, dont l'intérêt ne s'accorde parfaitement avec le mien, qui, comme Votre Majeté le voit et le sait, n'est autre, que de détourner autant que possible toute nouvelle occasion de guerre avec mon ennemi.

En faisant Votre Majesté dépositaire de toutes mes intentions, je suis dans la pleine persuasion, qu'elle en fera le meilleur usage que je puisse attendre de son amitié et de sa discrétion, dans le temps et les circonstances qu'elle même jugera les plus propres pour défendre le fond de ma bonne cause, justifier la droiture de mes intentions, manifester mon désintéressement effectif et enfin accélérer la conclusion de la paix; toutes considérations sur lesquelles je me remets entièrement à la prudence, aux lumières et à la grande pénétration de Votre Majesté.

Je dois ici spécialement observer à Votre Majesté que le renvoi de mon ministre Obreskof, de la façon que je l'ai demandé, est et restera toujours comme un préalable indispensable à toute entrée en négociation et même à toute ouverture quelconque pour cela. Elle sait mon éloignement absolu à me prêter à cet arrangement de la Porte, de faire négocier à Constantinople et d'y accréditer de nouveau mon ministre; mais si après m'avoir donné satisfaction sur ce point, qui tient si essentiellement à ma gloire personnelle et au bien de ma paix, les turcs veulent envoyer leurs plénipotentiaires dans quelque place de la Moldavie ou de la Pologne, j'y enverrai aussi les miens et je regarderai comme un bon office de Votre Majesté, de faire travailler son ministre à Constantinople à les y disposer. Dans les insinuations que Votre Majesté jugera à-propos de leur faire faire, et dont elle est entièrement la maîtresse, je sais que sa prudence lui dira, que mon plan, tel que je le lui communique, n'a été rédigé que pour la confiance et l'amitié, et qu'il n'est pas de nature à être communiqué à un ennemi. Ce serait trop tôt, et quand le temps sera venu, il faudra l'apprêter sous une autre forme et dans d'autres termes.

Je parlerai à présent à Votre Majesté des ménagements et de la conduite, que j'ai à tenir vis-à-vis de la cour de Vienne dans l'état actuel des choses. Il n'y a entre moi et elle aucune ouverture directe sur l'article de ma paix: et comme elle se trouve, relativement à moi et à Votre

Majesté, dans un système politique toujours équivoque, par ses liaisons avec la France, je ne croirais pas prudent de m'avancer vis-à-vis d'elle, plus que je n'ai fait par la note ministériale du 29 Septembre dernier, en réponse aux premières ouvertures de la part de Votre Majesté, touchant la réquisition de la Porte pour votre médiation commune. Voilà donc des formalités, et encore après cela faudra-t-il que je mesure ma confiance sur ce que j'aurai raisonnablement à me promettre de sa sincérité. Le parti le plus court et le plus sûr pour moi, et tel que je le vois dans ma franchise et mes sentiments, est de ne connaître en ceci que Votre Majesté et de la prier d'agir vis-à-vis de cette cour relativement à la participation, qu'elle doit avoir de mes vues et de mes intentions, comme elle ferait pour sa propre affaire. Toutefois je ne crois pas, qu'il puisse lui être confié une copie de mon plan, à moins que nous ne soyons bien assurés, qu'elle est revenue à de meilleurs principes sur mes affaires, et qu'elle n'a pas cette partialité, qui, quoiqu'incompatible avec son intérêt le plus clair, n'en est pas moins probable. Sa vraie façon de penser n'a pu échapper à Votre Majesté dans l'ouverture confidentielle qui s'est faite avec elle; elle est à portée de la pénétrer et de voir ce qu'on peut en attendre, en suivant la même voie de discuter l'objet de mes intérêts; ma confiance ira pas-à-pas à l'abri de celle de Votre Majesté. J'avoue d'un autre côté, que je ne voudrais point nuire par trop de réserve, ni par aucune marque d'éloignement vis-à-vis de cette cour, au bien qu'une plus grande intimité avec elle peut apporter à nos liaisons même. Si à la suite de cette intimité il était possible de la dégager du système absurde dans lequel elle est, et de la faire entrer dans nos vues, l'Allemagne se verrait rendue à son état naturel, et la maison d'Autriche serait par d'autres perspectives détournée de ses vues sur les possessions de Votre Majesté, que ses liaisons actuelles entretiennent. En attendant tout du temps, des circonstances et surtout de la prudence de Votre Majesté, je suis avec les sentiments invariables de la plus parfaite estime et amitié, Monsieur mon frère, de Votre Majesté la bonne soeur, amie et alliée

Catherine.

St-Pétersbourg, ce 1 Décembre 1772.

## 2303) КОПІЯ СО ВСЕПОДДАННѢЙШАГО ДОКЛАДА ГРАФА З. Г. ЧЕРНЫШЕВА СЪ СОБСТВЕННОРУЧНОЙ РЕЗОЛЮЦІЕЙ ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

3 Декабря 1772 г.

Публикованнымъ, въ обѣихъ всемилостивѣйше ввѣренныхъ мнѣ новыхъ губерніяхъ плакатомъ [2]), поставленъ, въ силу высочайшаго

[1]) М. Г. А. Высочайше утвержденные доклады, св. 2.

[2]) Плакатъ напечатанъ въ Чтеніяхъ О. И. и Др. Р., 1863 г., кн. I.

Вашего Императорскаго Величества повелѣнія принятію присяги въ вѣрности подданства, трехмѣсячный срокъ, который сего Декабря 5-го дня кончается; и хотя почти всѣ находящіеся въ тѣхъ губерніяхъ, какъ шляхетство, такъ и купечество и прочіе разнаго состоянія люди, а равномѣрно и нѣкоторые, кои отъ домовъ своихъ въ отсутствіи, но въ близости быть случилися, явясь у опредѣленныхъ, за губернаторовъ генералъ-маіоровъ Каховскаго и Кречетникова, присягу учинили; но многіе, еще въ отлучкахъ находящіеся, желающіе вступить въ подданство, не успѣвъ однако же по отдаленности явиться, не могли учинить оныя, и потому въ силѣ того плаката лишаются имѣнія своего, не взирая, что причиною тому единственно только отдаленіе: сего для осмѣливаюсь я, всемилостивѣйшая Государыня, представить, не соизволите-ль, изъ высочайшаго милосердія къ симъ желающимъ быть вѣрноподданными вашими, помянутый поставленный срокъ продлить еще до 1-го числа будущаго Генваря, дабы невинная отлучка вдаль или другія какія, не отъ воли зависящія, препятствія не могли лишать ихъ той монаршей милости, которою сограждане ихъ, подъ державою Вашего Величества, пользуются. Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ

графъ Захаръ Чернышевъ.

*Срокъ продлить до 15-го будущаго мѣсяца.*

11 Декабря 1772 года въ С.-Петербургѣ.

## 2304) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Къ письму посланника въ Варшавѣ барона Штакельберга, за № 43 отъ 3 Декабря 1772 г., приложена была копія съ циркуляра короля Станислава-Августа о созывѣ великаго сенатусъ-консиліума.

Читавъ сіе, мнѣ пришло на умъ, чтобъ пользоваться симъ случаемъ и отпустить къ сему сенатусъ-консиліуму тѣхъ сенаторовъ, кои у насъ въ Калугѣ содержатся. Сіе на первый взглядъ можетъ быть страшно покажется, но въ самомъ дѣлѣ можетъ сдѣлать разныя полезныя импрессіи; бояться ихъ нечего, ибо три державы всю націю держатъ въ почтеньи, боязливые примѣромъ сихъ людей устрашаться будутъ, многіе увидятъ, коль мало мы ихъ интригъ и интриганта уважаемъ въ семъ случаѣ, иные же похвалятъ сей поступокъ, другимъ отымется одинъ способъ болѣе противу насъ кричать, а будутъ и такіе, у которыхъ аттенція оборотится болѣе къ сему добровольному

---

[1]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки имп. Екатерины II, св. 2 и Польша, III, св. 34.

поступку, нежели къ самому дѣлежу, въ томъ числѣ будетъ родня и и кліенты сихъ людей. Теперь прошу сказать тѣ причины, кои противурѣчатъ сему моему мнѣнію; мнѣ никакихъ на умъ не приходятъ. Если же нѣту никакихъ, то быть по сему.

Чарторижскимъ сіе пріятно быть не можетъ, ибо сіи люди были Саксонской партіи коренные boute-feu. Всѣмъ же прочимъ сенаторамъ отыметъ сей примѣръ случай отговориться отъ съѣзда, безъ котораго желаемый нами сеймъ состояться, или лучше сказать — собраться, не можетъ.

## 2305) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КНЯЗЮ В. М. ДОЛГОРУКОВУ [1]).

С.-Петербургъ, 8 Декабря 1772 г.

Милостивый государь мой князь Василій Михайловичъ!

По нѣсколькихъ дняхъ отправится Калга-султанъ отсюда въ возвратный путь свой чрезъ Москву, гдѣ на самое только короткое время остановится, для обозрѣнія древняго сего столичнаго города, а половина изъ его свиты напередъ уже передъ нѣкоторымъ временемъ дѣйствительно отправлена, и сіе учинено для того, чтобъ съ тѣмъ большею удобностью исправиться можно было по дорогѣ въ поставкѣ лошадей, которыхъ и при такомъ раздѣленіи однакожъ не меньше ста сорока для каждаго стана приготовлено по необходимости.

Какъ теперь соглашеніемъ хана Крымскаго и правительства тамошняго на трактатъ, предложенный имъ со здѣшней стороны черезъ Евдокима Алексѣевича Щербинина, миновались уже тѣ причины, кои въ отпускѣ Калги-султана въ Крымъ нѣкоторымъ образомъ препятствіе полагали, то по пріѣздѣ его къ в. с-ву въ Полтаву, онъ и далѣе такожде путь свой безъ остановки продолжать можетъ, коль скоро потребныя къ тому распоряженія учинятся по вашимъ повелѣніямъ; а съ симъ отправляю я къ вамъ, м. г. м., секундъ-маіора Варавкина, присланнаго сюда изъ Крыма съ депешами, препоручивъ ему препроводить до Полтавы отряженнаго отъ Калги-султана нарочнаго татарина, казначея его, по имени Булатъ-Шахъ-агу, съ однимъ слугою, котораго онъ истребовалъ дозволеніе послать предъ собою для увѣдомленія хана о своемъ отъѣздѣ. Итакъ покорно в. с-во прошу, отпуская онаго татарина изъ Полтавы въ Крымъ, по снабдѣніи всѣмъ нужнымъ для сей дороги, пожаловать приказать отправить и секундъ-маіора Варавкина къ Евдокиму Алексѣевичу, гдѣ бы онъ между тѣмъ ни находился.

Изъ приложенныхъ при семъ копій съ двухъ Ея Императорскаго Величества грамотъ къ хану и правительству [2]), препорученныхъ Калгѣ-султану, в. с-во изволите усмотрѣть, что оныя такъ расположены, какъ бы еще Евдокимъ Алексѣевичъ и теперь видѣлся не предуспѣвшимъ въ своей негоціаціи, но еще во всемъ подвигѣ. Сіе обстоятельство произошло оттого, что грамоты получилъ Калга вскорѣ послѣ отпускной аудіенціи, а о совершеніи трактата съ Крымцами только на сихъ дняхъ дошло сюда

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ и писемъ къ кн. В. М. Долгорукову, 1770—1783 г. Напечатано въ Архивѣ Воронцова, т. XXVI, стр. 92—98.

[2]) См. выше №№ 2245 и 2246.

извѣстіе, между тѣмъ удерживанъ былъ здѣсь онъ подъ разными предлогами, вслѣдствіе учиненныхъ примѣчаній отъ Евдокима Алексѣевича, о неполезности въ томъ, ежели бы въ такое время въ Крымъ прибыть успѣлъ, когда еще татары въ упорствѣ пребывали по негоціаціи, да и самъ отбытіемъ своимъ не весьма дотолѣ торопился, пока по представленіямъ и домогательствамъ своимъ о плѣнникахъ многихъ дѣйствительно не получилъ, съ точнымъ обнадеживаніемъ, что и впредь находимые неотмѣнно также возвращены будутъ, и употребится къ тому стараніе возможное.

Но будучи однакожъ сихъ грамотъ содержаніе наполнено и удостовѣреніями наилучшими о сохраненіи Крыму и всѣмъ татарамъ независимости, съ продолженіемъ къ нимъ Ея Императорскаго Величества покровительства, пристойными потому и почтены остаться въ рукахъ у Калги-султана, и чтобъ онъ только съ оными въ Крымъ отправился; ибо перемѣна ихъ теперь,—по совершеніи трактата, другими съ настоящими обстоятельствами сходнѣйшими, составила бы нѣкоторымъ образомъ и самаго того трактата ратификацію, которая по семъ учинена быть можетъ съ лучшею удобностію.

Что касается до бывшаго здѣсь домогательства отъ Калги о плѣнникахъ, прилагается при семъ же, для извѣстія в. с-ву, какъ первое его въ семъ дѣлѣ представленіе и съ отвѣтомъ, на то учиненнымъ, такъ и вторичное, которымъ онъ требовалъ возвращенія по крайней мѣрѣ такихъ, кои въ здѣшней столицѣ и въ околичностяхъ оной сысканы быть могли бъ, предъявя особливою запискою, какова и здѣсь такожде прилагается, въ чьихъ они находятся и рукахъ; сверхъ того, просилъ онъ о освобожденіи и нѣкоторыхъ поименно изъ военноплѣнныхъ турковъ, которые по высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію тотчасъ ему и отданы съ припамятованіемъ, коимъ образомъ никогда они къ вреднымъ покушеніямъ безъ сумнѣнія и допущены не будутъ, въ чемъ онъ сильнѣйшія и подалъ обнадеживанія; а изъ татаръ, назначенныхъ отъ него, хотя нѣкоторые и остались за отдачею, не росписывая я здѣсь ни тѣхъ ни другихъ, а предоставляя донесть объ нихъ в. с-ву приставу его маіору Путятину, по случившемуся и въ томъ затруднительству главнѣйшею причиною только и было, что по запискѣ Калги еще со многими людьми необходимо надлежитъ сдѣлать справки, а къ тому и время требуется.

Но онъ требовалъ еще, чтобъ и приставу его данъ былъ отверстый указъ, по силѣ котораго имѣлъ бы сей офицеръ право и дозволеніе, встрѣчающихся съ ними по дорогѣ татарскихъ плѣнниковъ же, у кого бъ оные ни были, отбирать и съ собою брать; напротивъ того признано здѣсь за несходно на сіе поступить по многимъ уваженіямъ; ибо толь необыкновеннымъ снисхожденіемъ и податностію оказано было бъ преизлишнее ласкательство невѣжественной татарской высокомѣрности, а нѣкоторымъ образомъ и собственная власть ихъ, въ лицѣ Калги, въ нашихъ нѣдрахъ и предѣлахъ какъ бы однакожъ дѣйствительною имъ возмечтаться могла бъ, умалчивая, что и крещеныхъ изъ татаръ едва-ли они покинуть похотѣли бъ; а чтобъ со всѣмъ тѣмъ и въ семъ послѣднемъ требованіи отчасти удовольствованъ былъ Калга-султанъ, для того, при учиненномъ ему изъясненіи о невозможности, по содержанію и силѣ здѣшней имперіи законовъ, исполнить его желаніе, сказано ему: что приставъ его имѣетъ по дорогѣ, еслибъ гдѣ усмотрѣны были плѣнники татарскіе, записавъ ихъ и распрося о всѣхъ принадлежащихъ обстоятельствахъ, донести потомъ в. с-ву для дѣйствительнаго, по вашемъ разсмотрѣніи предварительномъ, употребленія способовъ, отъ васъ зависимыхъ, къ ихъ возвращенію, и заимствованія въ томъ, ежели бъ нужно было, и здѣшняго пособія.

Въ самомъ дѣлѣ, м. г. м., при настоящемъ положеніи нашихъ съ татарами дѣлъ, возвращенныхъ паки, несмотря на бывшее въ нихъ замѣшательство, въ надлежащій порядокъ и установленіе, а притомъ и по той надеждѣ, что заключаемымъ съ Портою Оттоманскою миромъ, жребій и участь татаръ по нашему же желанію рѣшатся, съ признаніемъ и съ турецкой стороны ихъ независимости, коль полезно, толь и нужно при представляющихся случаяхъ подавать татарамъ удостовѣрительные опыты о прочности новой ихъ съ нами связи; развѣ бы, совсѣмъ непредвидимыя и незапныя перемѣны, и правилъ нашихъ перемѣну произвели относительно Крымскаго полуострова, чего однакожъ теперь ожидать не можно.

Пунктъ о плѣнникахъ есть для татаръ безспорно изъ нѣжнѣйшихъ, по самымъ ихъ закона положеніямъ и началамъ, и потому, если в. с-во, время отъ времени, нѣкоторыхъ къ нимъ отсылать будете, наичувствительнѣйшее тѣмъ имъ удовольствіе оказываво быть имѣетъ, причемъ особливо я за нужно признаю примѣтить в. с-ву о плѣнникахъ одиннадцати человѣкахъ, кои, по предъявленію Калги-султана, будто у г. генерала-поручика Берга находятся, и о которыхъ онъ почти больше, нежели о всѣхъ другихъ, и настоялъ; но удовольствованіе его въ томъ невозможнымъ сдѣлавъ небытность здѣсь г. Берга, составила необходимость внушить Калгѣ-султану, чтобъ онъ адресовался объ нихъ къ в. с-ву, по пріѣздѣ своемъ въ Полтаву, поелику г. Бергъ подъ вашимъ предводительствомъ находился во время послѣдней противъ Крыма кампаніи. Вотъ, м. г. м., отговорка повидимому къ вашей тягости, но по крайней мѣрѣ, если, посредствомъ и вашимъ, г. Бергъ доведенъ быть не могъ бы къ возвращенію держимыхъ имъ татаръ противъ ихъ воли, в. с-во прикажите, въ походной вашей канцеляріи и по другимъ мѣстамъ вашего начальства, справиться, не найдется ли точныхъ извѣстій, какъ о числѣ ихъ и состояніи, такъ и о случаяхъ, при какихъ оные ему достались, чтобъ изъ всего того здѣсь уже надлежащее употребленіе сдѣлать было можно; а Калга-султанъ, когда и вашими отзывами такожде удостовѣренъ будетъ, что требованіе его объ нихъ не только не забыто, но и дѣйствительное отысканіе производится, и не возымѣетъ, по справедливости, причины случившееся замедленіе напраснымъ проводамъ причитать.

Слѣдующее здѣсь росписаніе будетъ служить къ извѣщенію в. с-ву и о издержкахъ, на его обратное отправленіе употребленныхъ, а что принадлежитъ до учиненныхъ ему и свитѣ награжденій, то не считая содержанія на каждый день по сту рублевъ, получилъ онъ при первомъ случаѣ, сверхъ шубы и прочаго платья и шапки богатыхъ, причемъ шестерымъ и изъ его чиновныхъ, которые были съ нимъ на первой ауціенціи, такожде хорошія шубы и другое платье жъ сдѣлано, 5000 рублевъ и столовый серебряный сервизъ, потомъ вскорѣ еще 10000 рублевъ; а при отпускѣ, какъ в. с-во изволите усмотрѣть изъ росписанія, на себя двадцать тысячъ съ саблею, золотомъ и дорогими каменьями оправленною, а для свиты своей десять тысячъ, имъ же дано и по портищу сукна, да по случаю бытности его въ Царскомъ Селѣ, во время высочайшаго Ея Императорскаго Величества тамъ же присутствія, пожалованъ ему перстень и табакерка не малой цѣны, и наконецъ, по отзывамъ его, что со всѣмъ симъ награжденіемъ не могъ бы еще всѣхъ сдѣланныхъ имъ долговъ заплатить, ибо и подлинно жилъ здѣсь наирасточительнѣйшимъ образомъ и весьма съ худымъ хозяйствомъ; и еще 12000 рублевъ выдано, причемъ и я подарилъ ему перстень; а в. с-ву о всемъ томъ доношу съ подробностію для того, что хотя онъ здѣсь къ толь великой къ нему монаршей

щедротѣ наичувствительнѣйшимъ быть казался, предъявляя всѣ знаки глубочайшей благодарности, но не излишно однакожъ будетъ, когда и в. с-во при подающемся приличномъ случаѣ, а вслѣдствіе воспріятой симъ татариномъ къ вамъ, м. г. м., довѣренности, искуснымъ образомъ изволите дать ему выразумѣть, что онъ по персональному уваженію больше награжденъ, нежели Крымцы со всѣмъ своимъ начальствомъ заслуживали, по бывшимъ предъ симъ происшествіямъ.

Приставу его дано, какъ на издержки въ дорогѣ, такъ и на прогоны до Полтавы, по сему же здѣсь приложенному росписанію, довольное число денегъ, считая и прогоны отсюда до Полтавы на уѣздныя лошади и на лѣтніе мѣсяцы; онъ тѣмъ приведенъ будетъ въ состояніе коммиссію свою исправить безъ нужды и затрудненія, а в. с-во по пріѣздѣ его къ вамъ, прикажите сдѣлать ему отчетъ во всѣхъ сихъ деньгахъ.

Мнѣ осталось послѣ всего вамъ, м. г. м., сказать еще здѣсь же и о свиданіи в. с-ва съ симъ знатнымъ татариномъ.

Желательно, чтобъ онъ по пріѣздѣ своемъ въ ваше мѣсто учинилъ вамъ первую визиту. Безспорно, что самолюбіе его найдетъ тутъ претительность, особливо на основаніи перваго примѣра; но пожалуйте, м. г. м., я открываюсь вамъ съ довѣренностію, не торопитесь въ томъ; татарская спѣсь, удостовѣрясь о непремѣнности требованія вашего, можетъ быть сей разъ уступитъ пристойности, тѣмъ больше, что Калга-султанъ, въ продолжительную здѣсь бытность, кажется къ намъ благонамѣреннымъ учинился и довольно уже примѣниться могъ къ вѣжливому обхожденію; а я и приставу его препоручилъ, чтобъ онъ старался во время дороги къ такому поступку его расположить, требуя того съ его, Калги-султана, стороны важность всемилостивѣйше ввѣреннаго вамъ поста, чина и персональнаго вашего состоянія. Имѣю честь быть и проч.

## 2306) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [1]).

Петербургъ, 8 Декабря 1772 г.

Милостивый мой государь Евдокимъ Алексѣевичъ!

Прилагаю при семъ копію съ письма моего, отправленнаго нынѣ къ князю Василію Михайловичу, для извѣстія в. прев-ву о предстоящемъ отсюда отъѣздѣ Калги-султана, о издержкахъ, бывшихъ на его здѣсь содержаніе, о учиненныхъ ему подаркахъ и о всѣхъ прочихъ принадлежащихъ до него обстоятельствахъ.

Я надѣюсь, что в. прев-во при случаѣ вашего съ нимъ свиданія, въ Крымѣ-ли то случится, или же и на возвратномъ вашемъ пути, обойдетесь съ нимъ дружески и съ довѣренностію, существа нашихъ видовъ хотя не открывающею, но тѣмъ паче уважающею собственную татаръ пользу. А онъ къ воспріятію всякихъ понятій не неспособнымъ видится, и буде устоитъ въ своихъ обѣщаніяхъ, кои онъ сдѣлалъ, и разставаясь со мною, то кажется съ пользою и содѣйствовать намъ будетъ, чтобъ грубыхъ татаръ вразумить о прочности нашего съ ними союза.

---

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски писемъ гр. Панина къ Е. А. Щербинину 1771—1775. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Р., 1871 г., IV, стр. 136—140.

Между тѣмъ, удачное в. прев-вомъ совершеніе трактата съ ханомъ Крымскимъ и правительствомъ тамошнимъ и полученіе отъ нихъ акта, свидѣтельствующаго о нхъ независимости въ такое время, когда упорство ихъ до высочайшей степени доходило и совсѣмъ казалось невозможнымъ сдѣлалось къ малѣйшей податности, тѣмъ больше доказываютъ ваши достоинства и усердіе къ Монархинѣ и къ отечеству; и я искренно и съ удовольствіемъ поздравляю васъ, милостивый мой другъ, толь неожиданными успѣхами; вообще теперь за короткимъ временемъ скажу вамъ, что всѣ принимаемыя в. прев-вомъ въ теченіе сего дѣла мѣры, къ наклоненію онаго по нашему желанію, равно какъ и употребленныя вами распоряженія и предосторожности, чтобъ ничего не осталось и послѣ въ недоразумѣніи и удобнымъ къ двоякому толкованію, не инако, но заслуживаютъ похвалу справедливую.

Высочайшее Ея Императорскаго Величества подтвержденіе, всего вами учиненнаго и произведеннаго въ дѣйство, будетъ служить залогомъ всемилостивѣйшаго Ея Величества къ вамъ благоволенія и милости. А я при семъ случаѣ почитаю еще только за нужное собственныя мои примѣчанія сообщить в. прев-ву о находящемся въ горахъ на Кубани Казы-Гирей султанѣ, о которомъ вы, милостивый мой другъ, предъ совершеніемъ съ Крымцами трактата, и получа уже къ тому надежду, неоднократно однако сюда представляли, что небезполезно было бъ опредѣлить его сераскеромъ надъ Ногайскими ордами, по примѣченной въ немъ къ намъ преданности.

Здѣсь совсѣмъ неизвѣстно, не изъ числа-ли онъ тѣхъ татарскихъ князей, которые единожды навсегда обрядомъ магометанскаго закона наиторжественнѣйше преданы проклятію и недостойными провозглашены повелѣвать мусульманами: уваженіе, которое при отдѣленномъ управленіи Ногайскихъ ордъ отъ Крыма, можетъ быть не воспрепятствовало бы въ произведеніи его сераскеромъ надъ ордами, по причинѣ малой разборчивости законныхъ тонкостей съ стороны грубыхъ сихъ татаръ. Но теперь, при настоящемъ положеніи нашихъ съ Крымцами дѣлъ, и когда совершенная надежда настоитъ установить ихъ жребій по желанію нашему, и самымъ Порты Оттоманской, на все то, соглашеніемъ, нужно весьма будучи соблюдать хану Крымскому и тамошнему правительству всю наружность участвованія во внутреннихъ Ногайскихъ ордъ распоряженіяхъ, а намъ содѣйствовать не инако, но съ искусствомъ и тихостію, и остается непремѣнно и съ довѣренностію знать, можетъ ли Казы-Гирей султанъ для хана Крымскаго и правительства быть пріятенъ, хотя бы въ порученіи ему начальства надъ Ногайцами никакого препятствія въ разсужденіи и магометанскаго закона не находилось.

Пускай такимъ образомъ Ногайцами и избирается онъ въ сераскеры, ежели имъ пріятенъ, нѣтъ въ томъ преткновенности и отъ закона, и признанная надъ сими народами хана Крымскаго власть тѣмъ оскорблена не будетъ; но пускай же они, донося о томъ сюда, требуютъ, по введенному у нихъ издавна порядку, отъ хана Крымскаго и подтвержденія, а ежели и самое приступленіе къ выбору безъ дозволенія хана есть предостереженіе ханскаго права и преимущества, то лучше подкрѣпить ихъ стараніе у хана, нежели при первомъ самомъ случаѣ его тревожить своевольнымъ поступкомъ Ногайцевъ, а особливо еще по нашему побужденію, будучи сіе обстоятельство постановленія надъ ними начальника такого, что какъ наблюденная съ стороны нашей притомъ въ видимости непричастность весьма послужитъ къ удостовѣренію Крымцевъ о истинности всѣхъ нашихъ бывшихъ понынѣ предъявленій и учиненныхъ чрезъ в. прев-во формальныхъ обязательствъ, относительно оставленія имъ независимаго отъ посторонней власти

правительства надъ всѣми народами, къ ихъ полуострову принадлежащими, такъ напротивъ того ничѣмъ столько обличено быть не можетъ уже и покушеніе наше о содержаніи Ногайскихъ ордъ подъ нашими руками, какъ явнымъ нашимъ вступленіемъ въ избраніе ихъ начальника, долженствующаго и по собственному нашему обѣщанію зависѣть отъ хана Крымскаго, который представляетъ теперь, въ лицѣ своемъ, верховную власть свободной татарской области, что все и оставляю я ближайшему в. прев-ва разсмотрѣнію на случай, ежели бъ въ настоящее время Ногайцы непремѣнно восхотѣли имѣть сераскера, или ханъ Крымскій и отъ себя дать имъ вознамѣрился; а инако мнѣ мнится, не полезнѣе-ли было бъ и совсѣмъ обождать симъ дѣломъ и производствомъ до окончанія возобновленнаго, и въ своемъ теченіи находящагося, мирнаго конгресса, дабы со всѣмъ досугомъ и разсмотрѣніемъ, соотвѣтствующимъ тогдашней системѣ, приступлено было къ опредѣленію точныхъ правилъ нашей инфлюэнціи, не только въ разсужденіи всего татарскаго общества, но и самаго ихъ начальства, тѣмъ больше, что пока мирный конгрессъ продолжается, не можно ожидать вообще отъ всѣхъ Ногайцевъ противныхъ и поползновенностей, хотя бъ Порта и дѣйствительно предуспѣла уже, какъ отъ васъ предъ симъ писано было, подарками и подсылками своими поколебать ихъ къ намъ вѣрность и доброжелательство; ибо и ей теперь остерегаться надлежитъ, чтобъ въ совершеніи мира, котораго кажется она ревностно желаетъ, никакихъ препятствій подано не было, а чтобъ между тѣмъ извѣстное Ногайскихъ начальниковъ корыстолюбіе, нѣкоторыми со стороны нашей приманками, ласкалось, для убѣжденія ихъ содержать своихъ людей въ порядкѣ и въ покоѣ при границахъ, и не отставать отъ сношенія съ вами по своимъ дѣламъ и обстоятельствамъ, и въ томъ в. прев-во можете поступать и дѣйствовать по собственному вашему благоизобрѣтенію, соображая издержки, на нихъ чинимыя, съ пользою, изъ того ожидаемою.

Но говоря о расходахъ по дѣламъ съ татарами, скажу я вамъ, милостивый мой другъ, что и здѣсь важными и необходимыми почтены тѣ основанія, по коимъ вы рѣшились обѣщать пенсіи двумъ Крымскимъ чиновникамъ, а именно Абду-Вели-пашѣ и Мегмедъ-Гирею-мурзѣ и еще ханскому секретарю; но по выѣздѣ вашемъ изъ Крыма чаятельно не будетъ нужды оставляемому тамъ резиденту подобные способы собою употреблять, а долженствуетъ онъ напередъ сюда доносить. По оказывающемуся у васъ въ деньгахъ недостатку, за всѣми по нынѣ бывшими употребленіями и издержками, изволите сюда прислать особенное представленіе, съ приложеніемъ счета и съ примѣчаніями вашими, какіе и впредь расходы неминуемы, и которымъ мѣстамъ и вѣдомствамъ вы понынѣ еще должными остаетесь, дабы единство сего дѣла и вниманіе, полное а нераздробленное, къ рѣшенію своему возымѣло.

Ежели в. прев-во сіе мое письмо, которое я къ вамъ посылаю съ г. Варавкинымъ, произведеннымъ по вашей рекомендаціи въ секундъ-маіоры, получите по выѣздѣ вашемъ изъ Крыма, въ такомъ случаѣ не оставите сообщить изъ того потребное, къ свѣдѣнію и наставленію, и г. Веселицкому, продолжая и впредь, какъ я чрезъ сіе наиточнѣйше васъ прошу и препоручаю, не только по прежнему управлять дѣлами Ногайцевъ, но равнымъ образомъ и Крымскими, и для того находиться въ непрестанной перепискѣ съ резидентомъ, наставляя и руководствуя его во всѣхъ случаяхъ, того требовать могущихъ. Всегда пребываю и проч.

## 2307) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ А. М. ОБРЕСКОВУ [1]).

Милостивый мой государь Алексѣй Михайловичъ!

Послѣднія двѣ в. Пр—ва экспедиціи, отъ 31 Октября и 10 Ноября, были здѣсь, одна по другой, исправно получены и неукоснительно мною Ея Императорскому Величеству представляемы.

Даруй Боже, чтобъ возобновленная нынѣ мирная негоціація имѣла лучшее окончаніе, нежели прежняя. По крайней мѣрѣ изволитъ всемилостивѣйшая Государыня пребывать удостовѣренною, что не станетъ за искусствомъ, бдѣніемъ и ревностію вашими.

Я съ моей стороны, въ поспѣшествованіе сему великому дѣлу, хочу теперь, по высочайшей Ея Величества волѣ, войти съ вами въ ближайшее разсмотрѣніе и опредѣленіе послѣдовавшаго между тѣмъ счастливаго оборота въ безпосредственной нашей съ татарами негоціаціи, поколику оный всячески участвовать долженъ въ настоящихъ теперь у васъ съ рейсъ-эффендіемъ мирныхъ договорахъ. Конечно, до полученія сего письма, увѣдомлены уже в. пр-во, безпосреднымъ сообщеніемъ отъ генерала-поручика Щербинина, что онъ предуспѣлъ на послѣдокъ достигнуть заключенія формальнаго съ татарами трактата и одержанія отъ нихъ, по желанію нашему, формальной же декларації, какъ Портѣ, такъ и всѣмъ другимъ дворамъ, о воспріятомъ ими новомъ образѣ собственнаго вольнаго и совершенно независимаго правленія. Я сообщаю вамъ здѣсь оригинальный актъ сей декларації, купно съ копіей всего трактата. Оный, то есть актъ декларації, можетъ въ истинномъ его видѣ турецкому послу предъявленъ быть, въ доказательство ему и самой Портѣ, что совершившееся теперь татарское дѣло есть въ существѣ своемъ вѣрное слѣдствіе истинныхъ татарскихъ склонностей, происшедшихъ точно въ ту пору, когда они нашлись безъ всякой посторонней защиты, слѣдовательно тогда, когда каждый человѣкъ возвращается опять въ первоначальное свое, по человѣчеству, состояніе свободы и собственной единственно отъ себя зависимости. Тутъ еще къ убѣжденію турокъ служить можетъ слѣдующее уваженіе, что если Порта всѣ свои штатскія дѣла такъ въ точность сообразуетъ съ предписаніемъ своего Алкорана, и потому во всѣхъ оныхъ за необходимость поставляетъ слѣдовать мнѣніямъ своихъ законниковъ, то какъ законники оные могутъ согласить съ духовными Алкорана правилами, что въ самое то время, когда невѣрная держава, имѣвъ въ своей власти плѣнить, раззорить и истребить

[1]) М. Г. А. Турція, IX, св. 1.

цѣлый народъ ихъ единовѣрныхъ, даетъ имъ чистосердечно и наиторжественнѣйшимъ образомъ желаемую ими вольность и независимость, съ оставленіемъ имъ всего ихъ имѣнія, то въ тоже время единовѣрная съ ними держава сему противится, ищетъ ихъ опять возвратить въ свое рабство, и наконецъ тѣмъ принуждаетъ оную невѣрную державу къ той строгости военнаго права ихъ истребленія, которую извлекаетъ изъ нея собственный ея статскій резонъ прочнѣйшаго на будущія времена утвержденія покоя и тишины своимъ границамъ и подданнымъ; ибо при возобновленіи настоящей войны, если за симъ пунктомъ миръ не заключится, Россія должна будетъ по необходимости сіе исполнить, а тогда какъ и чѣмъ ихъ господа законники очиститься могутъ предъ Богомъ отъ пролитія той магометанской крови, въ которомъ они останутся сущими и единственными орудіями?

Сообщаемый вамъ въ копіи трактатъ, заключая въ себѣ разныя важныя, собственно до Порты касающіяся постановленія, отнюдь не такого свойства, чтобъ въ полномъ своемъ пространствѣ туркамъ показанъ быть могъ, и я разсудилъ его сообщить вамъ для того только, дабы вы, зная литерально силу постановляемыхъ съ татарами условій и обязательствъ, тѣмъ самымъ находились въ состояніи сообразовать онымъ, кстати и ко времени, отзывы и поступки ваши.

Такимъ образомъ главный пунктъ въ производимой вами мирной негоціаціи получаетъ теперь совсѣмъ другой видъ, слѣдовательно же и требуетъ себѣ ближайшаго по обстоятельствамъ апресіированія въ предлагаемыхъ отъ насъ кондиціяхъ и дозволяемыхъ по онымъ снисхожденіяхъ. Я усматриваю тутъ, къ утвержденію съ одной стороны воздвигнутаго нами политическаго зданія, а съ другой—къ соглашенію на оное турецкой претительности, два уваженія, одно должное, а другое, по мнѣнію моему, возможное. Должное то, чтобъ Порта, именно и точно, признала въ будущемъ мирномъ трактатѣ вольность и независимость татарскаго народа въ политическомъ и гражданскомъ его правленіи, какъ вольной и независимой уже области; а возможнымъ, къ наружной поманкѣ турецкому суевѣрію и упорству по пункту того, что нѣкоторымъ образомъ относиться можетъ до магометанской религіи и требуемаго въ оной преимущества султана, яко единаго защитника Мекки, почитаю я сіе, чтобъ, какъ татары своимъ съ Россіей заключеннымъ трактатомъ дружбы обязались обвѣщать Россійскимъ государямъ каждый выборъ новаго у себя хана, то можно и въ разсужденіи Порты, въ будущемъ мирномъ трактатѣ, дозволить въ томъ же самомъ пунктѣ, гдѣ слово будетъ о признаніи татарской области вольной и независимою въ политическомъ и гражданскомъ ея правленіи, или совсѣмъ особенныя, дабы татары, какъ сосѣдняя и дружественная нація, чинили всякій разъ подобную же нотификацію и сул-

танамъ, яко единовѣрнымъ съ ними, и въ магометанскомъ законѣ знаменитѣйшимъ государямъ и единымъ защитникамъ города Мекки, безъ всякаго однакоже требованія инвеституры, конфирмаціи и сему чего подобнаго, а просто единаго признанія; и съ тѣмъ еще, чтобъ оное съ стороны Порты послѣдовало уже всегда безспорное, и при томъ отъ нея оставлено было прежнее обыкновеніе посылать къ новымъ ханамъ шубы, сабли, перо и прочее; ибо сіи знаки почитались татарами, да и впредь не могли бы иначе почитаемы быть, какъ знаками нѣкотораго подчиненія и подвластности, чего они сами отнынѣ весьма терпѣть не хотятъ.

Не меньше нужно и то, чтобъ съ турецкой стороны одержать тѣмъ или другимъ образомъ соглашеніе, или по крайней мѣрѣ простое только въ трактатѣ упоминовеніе, объ уступкѣ намъ отъ татаръ Еникаля и Керчи, съ ихъ гаванями и окружностію, въ собственную ихъ, для переду, ограду и обезпеченіе отъ постороннихъ нашествій. Одержаніе желаемаго въ семъ случаѣ можетъ на будущее время и полезно и важно быть, а нынѣ отъ насъ съ тѣмъ большимъ резономъ требуемо быть, что дѣло уже сдѣлано изъ доброй воли самихъ татаръ.

Со всѣмъ тѣмъ, еслибъ, несмотря на сіе, турецкій посолъ сталъ сораздо запинаться и упорствовать на ономъ пунктѣ, да и на признаніи татаръ въ качествѣ вольной и независимой области, на такомъ основаніи, какъ теперь здѣсь опредѣляется, въ томъ случаѣ можно будетъ в. пр-ву воспользоваться, къ убѣжденію и преклоненію его, предоставленными искусству вашему способами разныхъ снисхожденій въ другихъ пунктахъ.

Доколѣ еще татарское дѣло въ самомъ Крыму не рѣшено было, и мы себя принужденными видѣли обратиться къ другимъ пособіямъ, а именно къ полученію Керчи и Еникаля, чрезъ посредство мирнаго уже съ Портою трактата, тогда вамъ позволено было жертвовать Бессарабіею, съ удержаніемъ только рѣки Днѣстра границею между турокъ и татаръ, а по нуждѣ и самою сей земли главною крѣпостью Бендерами, какъ не принадлежащею къ Молдавіи и Валахіи, купленною нами весьма дорогою цѣною. Съ того времени обстоятельства въ Крыму взяли другое, и нѣкоторымъ образомъ выгоднѣйшее теченіе, слѣдовательно же по справедливости и самое татарское дѣло, въ разсужденіи Порты, не требовало бы той цѣны, которую мы на оное прежде полагали при произведеніи его безпосредственною съ нею негоціаціею. Такимъ образомъ можно будетъ в. пр-ву напередъ попытаться въ возможности успѣха, по первому нашему о Бендерахъ положенію, о промѣнѣ сего города на Очаковъ, и не инако уже обратить совершенную его безъ всякаго удовлетворенія уступку туркамъ, въ цѣну снисхожденія нашего по татарскому дѣлу въ обоихъ его пунктахъ, вольности

націи и порученія намъ въ стражу, для собственнаго ея охраненія, Керчи и Еникаля, какъ по истощеніи всѣхъ другихъ примышляемыхъ средствъ и убѣжденій, также и по усмотрѣніи совершенной невозможности одержать въ обмѣнъ городъ Очаковъ.

Употребленіе и произведеніе въ дѣло всѣхъ сихъ разсужденій, кстати и ко времени, изволитъ Ея Императорское Величество съ полною довѣренностью предоставлять дознанной вашей прозорливости, равно какъ въ тоже время безъ всякаго сомнѣнія дозволяетъ вамъ Ея Величество показать туркамъ, въ облегченіе главнаго дѣла при могущемъ отъ нихъ быть домогательствѣ, податливость вашу и дѣйствительное снисхожденіе въ извѣстныхъ ихъ, меньше важныхъ, желаніяхъ, о моленіи въ татарскихъ мечетяхъ о султанѣ, яко защитителѣ Мекки, и о турецкихъ судьяхъ между поселившимися въ Крыму и на другихъ татарскихъ земляхъ съ турками, только чтобы ихъ расправа далѣе не распространялась ихъ междоусобныхъ обидъ.

Сообщая вамъ чрезъ сіе нужные къ строенію матеріалы, увѣряю я самъ себя, что вы будете умѣть, безъ всякаго отсюда точнаго назначенія, помѣщать каждый въ своемъ удобнѣйшемъ мѣстѣ и давать ему наружно такой видъ, какой для пользы и успѣха дѣла вашего приличнѣе и убѣдительнѣе быть можетъ, только чтобъ намъ, отъ трудовъ вашихъ, скоро видѣть и получить дѣйствительные плоды вожделѣннаго мира.

Съ сими сердечными желаніями заключаю я, какъ истинный вашъ другъ, который навсегда пребудетъ и проч.

Въ С.-Петербургѣ, 9-го Декабря 1772 г.

PS. (писанъ гр. Панинымъ собственноручно). Упомянутый здѣсь оригинальный актъ деклараціи слѣдуетъ въ особливомъ свиткѣ, обвернутомъ клеёнкой, а его переводъ, купно съ копіею татарскаго трактата и съ его переводомъ, здѣсь включаются.

## 2308) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ А. М. ОБРЕСКОВУ [1]).

С.-Петербургъ, 9 Декабря 1772 г.

На партикулярное ваше письмо, отъ 31-го Октября, нахожу за нужное подать вамъ, мой любезный другъ, слѣдующее объясненіе:

Въ первомъ, съ здѣшней стороны Вѣнскому и Берлинскому дворамъ сообщенномъ, планѣ требованныхъ нами съ начала мирныхъ кондицій, настоящее каждой воюющей державы владѣніе или *uti possidetis* положено было основаніемъ всей негоціаціи. Пер-

[1]) М. Г. А. Турція, IX, св. 1.

вый изъ тѣхъ дворовъ, отревожась симъ планомъ, въ разсужденіи толь ближняго съ собственными его областями сосѣдства княжествъ Молдавскаго и Волошскаго, не только уклонился предъявить оный Портѣ, но и не скрылъ еще отъ насъ своей заботы и своего неудовольствія. Памятно еще весьма, до какой за тѣмъ крайности доходили у насъ дѣла съ Австрійцами, и какимъ опять счастливымъ оборотомъ приведены оныя, съ нѣкотораго времени, въ настоящее ихъ выгодное положеніе. Здѣшній дворъ рѣшился въ семъ случаѣ, избѣгая новыхъ хлопотъ и новаго военнымъ бѣдствіямъ распространенія, уступить видимымъ существительнымъ интересамъ Австрійскаго дома и вслѣдствіе того представить со своей стороны меньше онымъ прекословящія кондиціи. На сёмъ основаніи, отказавшись отъ утвержденія за собою Молдавіи и Валахіи, безъ включенія тутъ, наравнѣ съ ними, земель Бессарабіи, стали мы по второму, здѣсь на мѣстѣ постановленному и отъ обоихъ посредствующихъ дворовъ безъ всякаго уже изъятія за благо принятому, плану, требовать удержанія за собою города Бендеръ, какъ шпагою въ рукахъ, многою кровью, многими трудами и многимъ иждивеніемъ взятаго, оставляя такимъ образомъ земли Бессарабіи въ совершенномъ молчаніи и недоумѣніи, слѣдовательно же и способомъ для себя представить, въ теченіе мирной негоціаціи безпосредственно самимъ туркамъ, уступку ихъ въ замѣну другихъ нашихъ желаній, а особливо по татарскому дѣлу. По сему самому резону мы, во всѣхъ послѣдующихъ изъясненіяхъ, называли Бендеры крѣпостью, на Бессарабскихъ земляхъ лежащею; и для того о ней, яко не о принадлежащей къ Молдавіи, мы особливыя кондиціи постановили. Для сего же резона и должно теперь, самымъ простымъ заключеніемъ изъ вышеписаннаго, то-есть снисхожденія нашего, по пункту княжествъ Молдавскаго и Волошскаго, къ заботѣ и интересамъ Австрійскаго дома, остерегаться, чтобъ Бендеры не называть инако, какъ принадлежащимъ къ Бессарабіи, дабы въ противномъ случаѣ, ни мы сами, ни оба посредствующіе двора, признавъ справедливымъ, и ни мало съ жребіемъ означенныхъ княжествъ не сопряженнымъ, требованіе наше о городѣ Бендерахъ, не могли найтиться въ противорѣчіи не только предъ Портою, но и предъ цѣлымъ свѣтомъ. Когда, несмотря на то, изъ намѣренія всѣми удобь возможными средствами поспѣшествовать возстановленію мира, соглашаемся мы на промѣнъ Бендеръ на Очаковъ или Кинбурнъ, а напослѣдокъ и на самую его уступку безъ всякой уже собственно за него замѣны, кромѣ одного чрезъ оную облегченія въ главномъ дѣлѣ, то и тутъ еще не слѣдуетъ, чтобъ чрезъ возвращеніе одного укрѣпленнаго города долженствовало разумѣться одновременное и повсемѣстное съ нимъ возвращеніе и всей той земли, въ которой оный самъ собою весьма малую часть занимаетъ. Для сего самаго въ данной на конгрессъ инструкціи, хотя уступка Бессарабіи и позволена, но совсѣмъ особливо и независимо отъ принадлежащаго къ ней города Бендеръ, слѣдовательно же, и была оная предоставлена искусству и прозорливости трактующихъ для умноженія, кстати и ко времени, цѣны снисхожденіямъ нашимъ въ другихъ большей нужды и важности постановленіяхъ. Изъ сего явствуетъ далѣе, что безъ крайней необходимости и не должно будетъ трогать сію струну, но паче оставлять ее подъ недоумѣніемъ, дабы Бессарабскія земли инако не подали впредь туркамъ повода вовлечь къ себѣ на оныя прежнихъ татаръ, но всегда бы остался Днѣстръ между турокъ и татаръ границею, что первому положенію въ существѣ своемъ не прекословить; а для насъ болѣе всего ради того желательно, чтобъ всякую связь между турками и татарами сколько можно болѣе затруднять, къ чему живая граница рѣкою Днѣстромъ всего удобнѣе и полезнѣе быть видится.

Я увѣренъ остаюсь, что изъ сего объясненія, вы, милостивый мой другъ, найдете сами, что не ошибкою переписчика городъ Бендеры названъ принадлежащимъ къ Бессарабіи, но вслѣдствіе вышепредъявленныхъ здѣсь нашихъ положеній; да и я, съ искреннымъ удовольствіемъ, вижу изъ послѣдующихъ вашихъ конференцій, что сіе недоразумѣніе не произвело никакого помѣшательства въ томъ разумномъ расположеніи вашихъ требованій отъ турецкаго посла, которыя вы ему на оныхъ предложили. Душевно желаю, чтобъ окончательный успѣхъ великаго вашего дѣла соотвѣтствовалъ моей надеждѣ и той поверхности, которую вы столь виднымъ образомъ одерживаете надъ разсужденіями и уклонностями вашего товарища. Я есмь и проч.

P. S. Пожалуй, мой почтенный другъ, соглашай по самой возможности взаимные наши съ непріятелемъ договоры, и если увидите достовѣрно, что пункты вѣры магометанской очищаются отъ всякой замашки ко влеченію впредь татаръ въ прежнее рабство, а остаются въ правду единымъ скрупуломъ турецкаго суевѣрія, то не оставьте ихъ объяснять точно такими, и которыхъ своею властію принять не можете, извольте принимать сюда на доношенія, съ представленіемъ собственныхъ вашихъ по тому мнѣній; конференцій же пожалуйте не разрывайте.

## 2309) CONTRE-PROJET D'UN ACTE SECRET À ÉCHANGER ENTRE LES COURS DE S.-PÉTERSBOURG, DE VIENNE ET DE BERLIN [1]).

(Съ сего акта вручены копіи Цесарскому и Прусскому министрамъ 12 Декабря 1772 года).

La façon dont le Roi de Pologne vient de répondre à la déclaration, que je lui ai fait remettre par mon ministre résidant à sa cour, le 7 Septembre dernier, de concert avec Leurs Majestés Impériales et Royales et Sa Majesté le Roi de Prusse, a rendu indispensable la déclaration ultérieure, que je viens de lui faire conjointement avec Leurs susdites Majestés et dont voici la teneur:

*Contre-projet d'une déclaration à remettre au Roi et à la République de Pologne par les ministres des cours de St.-Pétersbourg, de Vienne et de Berlin* [2]).

„Sa Majesté l'Impératrice de toutes les Russies, par la déclaration qu'elle a fait présenter à Sa Majesté le Roi et à la république de Pologne par son ministre plénipotentiaire le baron Stackelberg le 6 Septembre [3]) nécessitée par l'anarchie qui depuis tant d'années désolait l'état; ayant fait solennellement la réclamation d'anciens droits et prétentions légitimes à la charge de la république, pour l'équivalent desquels elle se

---

[1]) М. Г. А. Австрія, III, св. 24.

[2]) М. Г. А. Австрія, III, св. 25.

[3]) См. выше стр. 248.

mettait en possession effective de quelques-unes de ses possessions, et ayant en même temps invité toute la nation polonaise en général à bannir, ou au moins à suspendre, tout esprit de trouble ou de séduction, s'assembler en diète, et dans cette représentation légale du corps de la république travailler de concert avec Sa Majesté Impériale et les deux cours unies avec elle, aux moyens de rétablir solidement chez elle l'ordre et la tranquillité et confirmer par des actes formels et amiables les échanges des titres et prétentions de chacune contre l'équivalent, dont elles viennent de prendre possession. Tel était le véritable sens et l'intention de cette déclaration; et Sa Majesté Impériale en attendait patiemment jusqu'à ce jour l'effet juste et nécessaire. Ce n'est qu'avec la plus vive sensibilité qu'elle a appris, que pour réponse à une telle déclaration le Roi, par un premier mouvement et d'autorité privée, a fait remettre à son dit ministre et rendre publique une protestation tendante à infirmer les dits droits et prétentions de Sa Majesté Impériale, ainsi que ladite prise de possession faite en son nom. Ce n'est pas avec moins de douleur que Sa Majesté Impériale voit d'autre part que la nation polonaise, au lieu de se porter avec zèle et affection à la convocation d'une diète, sans laquelle elle ne peut ni pacifier solidement les troubles intérieurs, ni régler les affaires si pressantes qu'elle a avec ses voisins, se livre encore à toutes les séductions, les intrigues et les vues d'intérêts particuliers, propres à éloigner le terme si désirable de la paix et de la sûreté de ses possessions. Dans cet état d'une opiniâtreté si inconcevable Sa Majesté Impériale du moins ne veut pas qu'il soit imputé à son silence aucun des maux ultérieurs que peut éprouver la république. A cet effet elle renouvelle, de la manière la plus forte et la plus pressante, ses instances auprès du Roi et de la nation pour la convocation de la diète et la consommation d'un arrangement final entre la république et les trois puissances voisines. Et afin qu'aucune illusion ne puisse diminuer aux yeux de la nation polonaise le poids de cette nouvelle démarche de l'Impératrice, elle fixe un terme, jusqu'où seulement, et non au delà, elle en attendra l'effet, savoir: pour l'assemblée de la diète—le premier de Fevrier 1773 vieux style, et pour l'arrangement définitif avec les trois cours—la fin du mois de Mars suivant. Et ces termes expirés, sans que de la part de la nation polonaise il y ait été pourvu, Sa Majesté Impériale se déclarant dès à présent dégagée de toute rénonciation quelconque portée en sa première déclaration, employera d'abord tel moyen qu'elle trouvera plus prompt et plus expédient pour se faire pleinement justice».

Mais comme je n'en suis pas moins constamment dans l'intention de me conformer à ce que j'ai offert par ma dite déclaration, sous les clauses et conditions qui y sont énoncées, je m'engage envers Leurs

Majestés Impériales et Royales et Sa Majesté le Roi de Prusse et promets, foi et parole de souverain, que, dès aussitôt, soit par l'effet que pourra faire cette déclaration, ou autre moyen quelconque, nous aurons pu obtenir du Roi et de la république de Pologne les actes de cessions et de rénonciations que nous avons demandés, je me contiendrai religieusement, quant à mes acquisitions en Pologne, dans les bornes des stipulations, contenues sur ce sujet dans la convention signée en mon nom à St.-Pétersbourg, le 25 Juillet de la présente année.

En foi de quoi j'ai signé de ma main le présent acte. Fait à St.-Pétersbourg, le 14 Décembre 1772.

Catherine.

## 2310) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КН. Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ [1]).

Monsieur.

J'ai reçu la lettre, que V. E. m'a fait l'honneur de m'écrire le 5/16 de Novembre. Le prince Lobkovitz m'a remis immédiatement après les mêmes pièces, que vous m'avez fait parvenir. Pour vous tenir, mon prince, toujours au courant de ces affaires, j'ai l'honneur de vous envoyer ci-joint sub №№ 1, 2, 3, les réponses que j'ai été autorisé à y faire. Comme le pr. Kaunitz ne vous a parlé à ce sujet qu'à titre de confidence personnelle, je n'ai point d'explication directe à vous charger de porter à ce ministre sur les changements que nous avons jugé devoir faire à ses propositions. Toutes celles, dont la matière est susceptible, se trouvant dans notre réponse au mémoire, qui nous a été fourni de leur part, la première des pièces, dont je vous fais communication, vous serez le maître de les étendre et de les appuyer dans une conversation particulière, si vous trouvez occasion de les y placer. Il ne s'agit que de sentir la différence de leur position à la notre relativement à la Pologne, pour reconnaître d'abord qu'il y a une impossibilité absolue pour nous d'admettre une stipulation aussi grave et aussi préjudiciable que celle de nous lier les mains pour le passage de nos troupes par ce royaume. C'est le seul débouché que nous ayons pour être utiles à nos alliés et participer aux affaires de l'Europe; et cet engagement, ce serait avec nos alliés même que nous le contracterions, et dans un acte qui y est entièrement étranger.

Aux trois pièces qui se trouvent déjà jointes ici, j'en dois ajouter une quatrième qui, comme vous le verrez, mon prince, par le titre, est une sorte de plan relatif à l'entrée des nouvelles troupes respectives en

[1]) М. Г. А. Австрія, III, св. 24.

Pologne. Outre les points qui y sont spécifiés, je suis convenu avec le pr. Lobkovitz et le comte de Solms: 1-o que la méthode de donner des reconnaissances des vivres et fourrages, fournis par les terres non mises en séquestre, se pratiquerait aussi pour les terres séquestrées, afin de se conserver par la suite vis-à-vis des propriétaires, jugés dans le commencement dignes d'une telle contrainte, les moyens d'adoucir leur sort selon qu'on les verra revenir à de meilleurs principes et à une meilleure conduite; 2-o qu'à l'imposition de tout séquestre il sera fait un inventaire exact de tous les effets séquestrés et qu'ils seront mis sous une garde sûre et fidèle, et que de même les revenus seigneuriaux de ces terres seront mis en réserve et gardés aussi soigneusement sans en rien divertir, pour pouvoir ensuite se régler quant à la disposition à en faire définitivement sur le mérite ou le démérite du propriétaire; 3-o que comme dans l'emploi de pareilles mesures que celles que les nouvelles troupes vont exécuter, le moindre relâchement dans la discipline militaire produirait des abus sans nombre et serait destructif de ce plan de se relâcher de la rigueur, selon qu'elle ne sera plus méritée, les généraux respectifs auront ordre d'y tenir la main avec plus d'exactitude et de rigidité que jamais. L'un et l'autre ministre écrira à sa cour sur ces trois points non insérés dans la pièce en question, et de votre part, mon prince, je vous prie d'en parler au prince Kaunitz et de lui en faire goûter les raisons. J'ai l'honneur d'être etc.

St-Pétersbourg, ce 14 Décembre 1772.

## 2311) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КН. Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ [1]).

Dans la confiance où nous sommes, que la cour Impériale et Royale ne fera aucune difficulté sur l'omission que nous avons trouvé indispensable de faire au projet, qui nous a été fourni de sa part pour l'acte à échanger entre les trois cours, l'Impératrice n'a pas balancé à signer dès à présent, de sont côté, cet acte dans les termes du contreprojet remis par son ordre, et j'ai l'honneur d'en envoyer l'instrument à Votre Ex-ce pour qu'elle puisse procéder à son échange, ne doutant point que Leurs Majestés Impériales et Royales n'ayent pour agréable de vous en faire remettre un pareil, signé d'elles. Vous aurez l'attention, mon prince, de prévenir m-r le prince Kaunitz qu'un tel instrument est entre vos mains, et vous lui demanderez de vous en obtenir un pareil, contre lequel il puisse être

[1]) М. Г. А. Австрія, III, св. 24.

échangé. Vous observerez à ce ministre que la chose nous paraît si droite et si naturelle, que l'Impératrice n'a pas voulu attendre le retour d'un courrier pour finir cette affaire quant à elle, et qu'elle est bien aise de marquer par là à Leurs Majestés Impériales et Royales sa confiance dans leurs dispositions et son empressement à entrer dans les mesures, qui peuvent leur plaire dans l'objet qui leur est commun avec elle. J'ai l'honneur d'être etc.

A St-Pétersbourg, ce 14 Décembre 1772.

## 2312) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ РЕЗОЛЮЦІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Въ реляціи отъ 15/26 Декабря 1772 г. за № 8, изъ Берлина, посланникъ кн. Владиміръ Долгоруковъ доносилъ Императрицѣ о сговорѣ ландграфа Гессенъ-Кассельскаго съ принцессою Филиппиною Бранденбургъ-Шведтскою и просилъ, въ виду чрезвычайныхъ издержекъ, которыя сопряжены съ празднованіемъ этого событія, назначить ему денежное вознагражденіе, „какъ уже и прежде Ваше Императорское Величество при такихъ празднованіяхъ пожаловать изволили".

*Выдать по прежнимъ примѣрамъ.*

## СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ.

17 Декабря 1772 г. Императрица предоставляетъ его усмотрѣнію: ѣхать на зиму въ Италію или остаться въ Архипелагѣ. Напеч. въ Сборникѣ, т. I, ст. 87.

## РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ.

18 Декабря 1772 г. О необходимости продолжить пребываніе флота въ Архипелагѣ и держаться точной силы рескрипта отъ 28 Іюня 1772 г. Напеч. въ Сборникѣ, т. I, стр. 88—89.

## 2313) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА КЪ ХРИСТІАНУ VII КОРОЛЮ ДАТСКОМУ [2]).

St.-Pétersbourg, ce 17 Décembre 1772.

Sire.

Le temps de ma majorité étant arrivé, l'Impératrice, Madame ma mère, comme ma tutrice, ayant remis en mes mains les rènes du gouver-

---

[1]) М. Г. А. Именные указы 1760—1779 гг. по Публичной Экспедиціи, № 340.

[2]) М. Г. А. Данія, I, св. 1.

nement de mes états patrimoniaux, tous les sentiments qui m'unissent à Votre Majesté m'invitent à lui faire part de cet évènement. Je ne saurais douter qu'une époque aussi intéressante pour un prince, proche parent de Votre Majesté et fils de son alliée la plus fidèle, ne soit pour elle un sujet de satisfaction. C'est aux mêmes titres que j'espère, que dans le cours de mon administration que je commence actuellement, mon empressement à cultiver avec elle les liens d'une étroite amitié et d'un bon voisinage éprouvera de sa part la réciprocité la plus propre à le conduire à son but. Les voeux que je fais pour cet heureux accord de nos intentions, sont les mêmes que je forme pour la perpétuité de l'alliance, qui subsiste entre l'Impératrice, ma mère et Votre Majesté. Autant celle-ci est chère au coeur des deux souverains autant elle est importante à la gloire et au bonheur des deux nations; et mon attachement aux intérêts de la Russie me fera toujours désirer de contribuer à son maintien.

C'est dans ces sentiments que je suis avec le plus tendre attachement, Sire,

de Votre Majesté le très affectionné et dévoué parent et ami

Paul.

## 2314) КОПІЯ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНАГО ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ХРИСТІАНУ VII КОРОЛЮ ДАТСКОМУ [1]).

(Отправлено 18 Декабря 1772 г.).

Monsieur mon frère! C'est avec reconnaissance que j'ai appris par la lettre de Votre Majesté du 10 Juillet, l'attention qu'il lui a plu de me marquer, en éloignant de sa personne et des affaires le comte Rantzau. Le démérite constant qu'il avait à mes yeux n'étant autre qu'une opposition indiscrète et scandaleuse à l'union de nos deux monarchies, je devrai, par une raison toute contraire, ma confiance à un ministère soigneux et empressé à en resserrer les noeuds et la rendre indissoluble. Au moment où je m'entretiens de cet objet important avec Votre Majesté, je me croirais peu attentive aux soins qu'il exige, si je ne faisais aucune mention des choses qui se sont faites en Suède. Il n'y a point de doute que Votre Majesté juge digne de la plus sérieuse attention la révolution arrivée dans ce royaume et ses suites. Elle y trouvera des motifs puissants de marquer hautement son intimité avec moi et de se montrer en état de la soutenir. De ma part Votre Majesté sait déjà le vif intérêt que j'ai marqué à la première nouvelle des vues cachées dans le voyage du Roi

[1]) М. Г. А. Данія, I, св. 1.

de Suède vers les frontières de vos états, et certainement je soutiendrai ce que j'ai déclaré. Je suis persuadée que le ministre de Votre Majesté à Stockholm aura ordre de s'unir étroitement au comte Ostermann. Je ne saurais douter du succès de ce parfait concert et suis avec la plus parfaite amitié,

Monsieur mon frère,
de Votre Majesté etc.

## 2315) КОПІЯ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНАГО ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ВДОВСТВУЮЩЕЙ КОРОЛЕВѢ ДАТСКОЙ ЮЛІАНѢ МАРІИ [1]).

(Отправлено 18 Декабря 1772 г.).

Madame ma soeur! C'est me rappeler un souvenir bien cher que de me parler de l'amitié qui m'unissait au feu Roi votre époux. J'ai toujours souhaité à ce titre et à celui de l'estime parfaite que m'ont inspiré les vertus de Votre Majesté, de vous prouver, combien je m'intéresse à votre satisfaction. Vous y ajoutez de nouveaux motifs par les soins que vous vous donnez pour le maintien de la plus parfaite union entre les deux états. J'en sais personnellement gré à Votre Majesté comme d'une chose qui s'accorde avec mes désirs les plus sincères, et je n'aurai jamais rien de plus à coeur que de lui marquer en tout ce qui pourra lui plaire ou l'intéresser, les sentiments d'une parfaite estime et d'une tendre amitié, avec lesquels je suis,

Madame ma soeur,
de Votre Majesté etc.

## 2316) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛАННИКУ СИМОЛИНУ ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ [2]).

С.-Петербургъ, 18 Декабря 1772 г.

J'ai mis sous les yeux de l'Impératrice, M-r, vos deux premières relations et vos lettres d'office à moi jusqu'au № 11 inclusivement. Sa Majesté Impériale a donné son approbation à la manière dont vous vous êtes accrédité à votre poste, et elle n'a pas remarqué avec moins d'attention et de contentement le ton instruit dont vous débutez dans les fonctions importantes qui y sont attachées. Toutes les assurances, que vous

---

[1]) М. Г. А. Данія, I, св. 1.
[2]) М. Г. А. Данія, III, св. 10.

avez données à la cour et au ministère des dispositions de l'Impératrice dans l'état présent des affaires, sont trop analogues à la sincérité de son amitié pour le Roi, sa famille et sa couronne, pour ne pas être avouées comme faites en son nom, et les effets les justifieront dans tout le temps. Je suis bien aise que les appréhensions du coté de la Suède se calment un peu; vous avez vu que nous n'avons point perdu de temps à manifester l'intérêt qui nous unit, et comment Sa Majesté Impériale se ressentirait de toute attaque faite à son allié; quoique les choses semblent se détourner de cette extrémité, la cour et le ministère ne doivent pas se tenir moins éveillés sur tous les mouvements du roi de Suède, et nous le serons aussi de notre côté. On ne doit rien négliger pour faire face à toute surprise, ou agression ouverte, et toutes vos insinuations et vos représentations doivent avoir cela pour objet. Vous pouvez dire hardiment, que nous traîtons la sûreté du Danemark comme la notre propre et que nous ne négligeons point d'y intéresser nos amis et nos alliés. A mesure que cet état perplexe se débrouillera, nous en suivrons les gradations, et en agissant dans le plus parfait concert, nous ne nous refuserons à aucun des moyens propres à remédier au passé et à assurer l'avenir. Voilà en général ce que je vous certifie, Monsieur, et vous autorise à certifier là où il sera à propos de le faire; et pour le but spécial de notre conduite nous ne ferons aucune démarche que je ne vous en informe d'abord, pour que la cour où vous êtes y participe et que tout constate l'unité d'intérêt entre nous. Je me suis décidé à vous expédier cette lettre par un courrier, que depuis longtemps j'étais intentionné de vous envoyer avec les réponses de l'Impératrice au Roi et à la Reine douairière, de même qu'avec celle de m-r le grand duc au prince Frédéric, incluse dans la mienne à la lettre dont ce prince m'a bien voulu honorer. J'ai l'honneur d'accompagner ici ces lettres.

En même temps Monseigneur le grand duc écrit au Roi pour lui notifier son entrée dans l'administration de ses états en Allemagne, que l'Impératrice, sa mère et sa tutrice, vient de remettre en ses mains, comme ayant atteint l'âge de majorité. Je joins aussi cette lettre ici. Vous vous concerterez, M-r, avec m-r le comte Osten sur la manière de la remettre de même que les autres, et d'ici je vous laisse le maître selon que vous en conviendrez avec lui, ou de les remettre vous-même, ou de le prier de les présenter.

Vous vous êtes expliqué comme il convient sur le retard des premières et vous n'avez dit que des choses vraies à la lettre. C'est le transport de ma chancellerie de la campagne ici, et joint à cela l'accablement des affaires, qui les a tenues si longtemps de côté. J'en suis sincèrement mortifié et je vous prie d'en faire agréer, là où il appartient, mes excuses personnelles. Je suis avec une considération particulière etc.

P. S. Je joins ici, pour votre information, M-r, les copies des lettres que je vous envoie et de même j'enferme ici ma lettre à m-r le comte d'Osten, que je vous prie de présenter à ce ministre, et dont le contenu vous sera connu par la copie que je vous en communique.

## 2317) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ДАТСКОМУ МИНИСТРУ ГРАФУ ОСТЕНУ ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ [1]).

С.-Петербургъ, 18 Декабря 1772 г.

La nouvelle de la démission du comte Rantzau a été reçue ici dans les dispositions, dans lesquelles elle devait l'être. L'Impératrice la regarde comme une marque de l'attention de votre cour, et c'est dans des termes de reconnaissance qu'elle en parle au Roi dans la réponse que j'adresse aujourd'hui par un courrier à m-r de Simoline. Je lui fais parvenir pareillement la réponse de l'Impératrice à la Reine douairière et celle de Son Altesse Impériale au pr-ce Frédéric, de même que ma réponse à la lettre dont Son Altesse Royale a daigné m 'honorer. Je crois que vous trouverez toutes ces lettres, M-r, d'un ton et d'un caractère de sincérité qui ne saurait laisser de doute sur la parfaite conformité des sentiments de ma cour à ceux de la votre. Si j'ai quelque chose à y ajouter, c'est de prier personnellement V. E. de m'acquitter auprès de Sa Majesté la Reine douairière de mon respect, de mon admiration et de mon empressement à obéir à ses ordres.

A la suite de ceci, M-r, permettez moi que je me félicite avec V. E. de voir terminé un point qui nous tenait également au coeur, aussi propre à contrecarrer vos bonnes dispositions qu'à inquiéter les notres, et que je me montre très persuadé à vos yeux que notre bonne union ne saura qu'y gagner.

Cette lettre, M-r, comme vous le reconnaîtrez par le style, devait être envoyée il y a longtemps. Le déménagement de la campagne ici et la multiplicité des affaires, qui se sont succédées depuis, ont entraîné insensiblement le retard qu'en a souffert l'expédition. M-r de Simoline est chargé d'en présenter des excuses de ma part, et je prie V. E. d'être avec lui pour les faire agréer.

Au temps où nous sommes actuellement, il ne serait pas naturel que j'eusse l'honneur de vous écrire sans vous parler des mouvements de nos voisins. Ma cour n'a pas tardé à s'expliquer, comme elle le disait, aussitôt qu'on en a vu la direction, et je me persuade que cette démarche aura eu tout son prix aux yeux de la votre et de votre nation.

---

[1]) М. Г. А. Голштинія, IX, св. 1.

Nous sommes très charmés de voir le projet échoué, ou du moins, si on n'a voulu faire que des démonstrations, l'impression qu'on en attendait réduite à sa vraie valeur. Il faut espérer qu'à l'avenir on ne sera pas plus dangereux et même qu'on cessera de pouvoir l'être, dès que les deux cours continueront d'opposer à cet état perplexe des choses la vigilance, la fermeté et le concert le plus intime entre elles.

Ce sont les désirs et l'espérance de celui, qui est avec le plus parfait attachement etc.

## 2318) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ [1]).

С.-Петербургъ, 19 Декабря 1772 года.

Свидѣтельствуя в. с-ву чувствительную мою благодарность за два письма ваши отъ 15 и 24 Августа, а особливо за толь откровенное въ послѣднемъ изъясненіе мыслей вашихъ, по поводу свободнаго плаванія нейтральныхъ судовъ и безполезнаго затѣмъ пребыванія далѣе флота нашего въ Средиземномъ морѣ, ставлю я въ пріятный себѣ долгъ препроводить чрезъ сіе собственноручно Ея Императорскимъ Величествомъ подписанный рескриптъ [2]), который для переду совершенно разрѣшаетъ вамъ и тотъ и другой пунктъ. Не входя въ повтореніе собственныхъ, всемилостивѣйшей Государыни, разсужденій о причинахъ и о выгодѣ продолженія въ Архипелагѣ морскихъ нашихъ операцій, кои донынѣ, въ разсужденіи славы и могущества любезнаго отечества, произвели уже весьма важныя и полезныя дѣйствія, хочу я только, по истинной моей къ в. с-ву преданности, примѣтить, что при дозволяемомъ всѣхъ нейтральныхъ судовъ свободномъ плаваніи, никакая предилекція къ той или другой націи мѣста отнюдь имѣть не можетъ и не должна; ибо такое предпочтеніе всѣ другія націи, конечно, огорчитъ, и навлекло бы съ ихъ стороны взаимныя непріятности, коихъ мы всячески убѣгать стараемся, для собственной флота пользы и безопасности.

Что касается до выводимаго Англичанами толкованія, изъ нашего съ ними коммерческаго трактата, о заповѣдныхъ товарахъ и о присвоеніи ими себѣ права провозить свинецъ и дробь, на сіе могу я в. с-ву въ отвѣтъ сказать, что хотя сіи два артикула и не именованы точно въ числѣ военной амуниціи, но тѣмъ не меньше могутъ къ оной без-

---

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3. Напечатано въ Русскомъ Архивѣ, 1880 г. т. III, стр. 257.

[2]) См. стр. 298.

посредственно причисляемы и, какъ такіе, оспариваемы быть. Тутъ надлежитъ примѣтить, что все сіе истолкованіе простирается единственно до судовъ, кои повстрѣчаемы быть могутъ нашими крейсирующими кораблями, или на нѣкоторыхъ станціяхъ въ морѣ стоящими. Для особенныхъ же мѣстъ, дѣйствительно блокированныхъ и осажденныхъ нашими кораблями, тѣмъ не меньше всякое сообщеніе и снабдѣніе можетъ быть совершенно пресѣкаемо, и всякіе нейтральные корабли со всѣмъ ихъ грузомъ оттуда назадъ отсылаемы, съ объясненіемъ имъ, что они туда пропущены быть не могутъ и чтобы возвращались, куда хотятъ. Всегда пребуду и проч.

## 2319) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ [1]).

С-Петербургъ, 19 Декабря 1772 г.

Милостивый государь мой графъ Алексѣй Григорьевичъ.

Французскій дворъ чрезъ находящагося здѣсь министра своего подалъ здѣшнему два меморіала, съ коихъ копіи здѣсь приложить честь имѣю; в. с.-во изъ оныхъ усмотрѣть изволите, что дворъ тотъ рекламируетъ первымъ двухъ мавританскихъ купцовъ, взятыхъ командиромъ Россійской фрегаты, 23 Іюня, съ судна, называемаго Табарнъ, ѣхавшаго изъ Смирны въ Тунисъ; а вторымъ приноситъ жалобу о взятіи судна съ кофіемъ, 25-го числа Августа; Крувельеръ есть имя капитана онаго судна.

Въ разсужденіи чего, если помянутые мавританцы дѣйствительно не суть военные люди, но купцы, по промыслу своему на нейтральномъ суднѣ ѣхавшіе, и разсуждается здѣсь, что лучше всего бы ихъ, какъ людей никакого вниманія не заслуживающихъ, отпустить, а равномѣрно хозяина, взятаго судна съ кофіемъ, нѣкоторымъ образомъ удовлетворить, если въ самомъ дѣлѣ справедлива сія жалоба, чтобы инако не подать Французскому двору поводъ къ новымъ и вящимъ привязкамъ.

Сообщая объ томъ вамъ, м. г. м., съ удовольствіемъ повторяю всегдашнія мои увѣренія и проч.

## 2320) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 7 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [2]).

Vous m'avez fait part dans une de vos dernières lettres d'office, M-r, de la démarche, que vous et les deux autres ministres avez trouvé indispensable de faire pour forcer le Roi et son ministère à supprimer tout

---

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3. Напеч. въ Рус. Архивѣ, 1880 г., т. III, стр. 256.

[2]) М. Г. А. Польша, III, св. 31.

délai et tout détour à l'arrangement définitif avec les trois cours. La confiance que vous avez marquée au ministre de la cour de Vienne, en entrant dans ses vues pour un pas aussi signifiant sans attendre l'ordre de votre cour, et la sagesse des termes, auxquels en même temps vous avez réduit la déclaration, étaient on ne peut pas mieux à leur place et ont été parfaitement approuvées de l'Impératrice. C'est avec satisfaction que je vous le dis ici, et vous le verrez encore répété dans une des pièces qui sont le sujet de l'envoi de ce courrier.

Vous aurez jugé de vous même, M-r, que le projet de déclaration de la cour de Vienne, le projet d'acte qui en est la suite et le mémoire qui accompagnait le tout, quoique reçus de bonne grâce par nous, subiraient à notre examen les modifications qu'exigent tant l'intérêt même des affaires de Pologne, que nos propres convenances. C'est ce que j'ai effectué, dans nos réponses que j'ai l'honneur de vous communiquer ici sub № 1, 2, 3, et dans une pièce à part, pareillement ci-jointe sub № 4, qui doit servir de règle sur les mouvements des nouvelles troupes à faire entrer en Pologne. Le p-ce Lobkovitz et le comte Solms les ont envoyées à leur cour, où je me flatte qu'elles seront approuvées, et je ne crois pas trop présumer de vous les prescrire dès à présent comme votre règle.

Je dois ajouter qu'outre le contenu de ces quatre pièces, je suis convenu verbalement avec les mêmes ministres et cela par addition à la quatrième:

1. Que la même méthode de donner des reconnaissances des livraisons de vivres et fourrages, faites par les terres non mises en séquestre, aura également lieu pour les terres séquestrées, afin de se conserver par la suite le moyen de donner tels adoucissements, qu'on trouvera bon aux propriétaires de celles-ci, selon qu'on les verra revenir à de meilleurs principes et les pratiquer dans leur conduite.

2. Qu'à l'imposition de tout séquestre il sera fait un inventaire exact de tous les effets séquestrés, de même les revenus seigneuriaux mis en réserve et le tout tenu sous une sûre garde jusqu'à la disposition à en faire définitivement, selon le mérite ou le démérite des propriétaires.

3. Que vu l'emploi délicat des troupes à cet objet, il sera prescrit aux généraux respectifs de tenir la main à la discipline militaire avec plus d'exactitude et de rigidité que jamais.

Ces points sont donc aussi proposés aux cours de Vienne et de Berlin, et le p-ce Galitzyne, à la première, les appuyera de ses représentations; ainsi je vous prie d'avoir l'oeil et de coopérer à leur exécution, de même que je ne doute point qu'il sera prescrit à vos collègues de le faire.

A la suite de ceci, M-r, je viens à m'entretenir brièvement avec vous sur mes motifs dans nos changements aux propositions de la cour

de Vienne. J'ai craint comme de raison que leur déclaration, telle qu'elle était projetée, ne causât une alarme générale en Europe autant qu'en Pologne, et n'y fit soupçonner l'anéantissement total de la république, comme un concert qui s'exécutait par degrés. L'impuissance actuelle des autres états fait qu'une telle appréhension n'effleure que légèrement la cour de Vienne et peut-être celle de Berlin; mais leur position n'est pas la notre. Nous sommes au milieu d'une négociation de paix, à qui ses propres difficultés suffisent; nos mains sont en quelque sorte liées sur les avantages que nous pouvons y prétendre, la guerre ne peut continuer qu'en pure perte pour nous, et la jalousie combinée des autres puissances venant à redoubler ses efforts aux nouvelles craintes que nous leur inspirerions, réussirait peut-être à prolonger nos embarras dans ces contrées éloignées; tandis que dans notre voisinage nous avons à pourvoir aux affaires de Suède.

En voilà assez pour que nous ayons dû prudemment laisser couvert d'un voile ce que nous voulons ou ne voulons pas faire en Pologne. Pour les raisons de l'omission que nous avons faite à l'acte ou engagement respectif entre les trois cours, elles sont si frappantes que j'ignore, comment on ne les a pas senties avant de nous faire une pareille proposition.

Ce serait donc là le fruit d'une influence que nous avons consenti à partager, qu'on ne voudrait pas même nous en laisser l'ombre, et on ne se lierait avec nous que pour nous reléguer dans nos foyers. Je trouve une telle prétention si absurde, que j'ignore comment on a pu imaginer de sang froid que nous pourrions y entendre; toutefois je suis bien éloigné de penser qu'il y ait ici du sousentendu, et je ne regarde cela que comme une de ces choses lâchées au hasard, à laquelle on n'a pas même réfléchi. Au reste ceci pour vous.

Quoiqu'il en soit, les papiers que je vous envoye sont nos sentiments et les seuls que nous puissions avoir. Je crois qu'on y déférera; vous voudrez donc bien, à la réception de ce courrier, les communiquer aux deux autres ministres, et vous préparerez d'avance tout avec eux, afin que les choses s'exécutent aussitôt qu'ils auront reçu les ordres de leurs cours. Pour vous mettre entièrement à votre aise à ce sujet, je vous autorise à régler avec eux, ainsi que vous l'aviserez bien, la manière de procéder à la remise de la nouvelle déclaration à faire; soit que tous les trois vous jugiez à-propos de la remettre au Roi en personne, soit que vous preniez, comme pour les autres, la voie du ministère. Mais de façon ou d'autre, il faut vous attacher à lui donner la plus grande publicité dont elle soit susceptible, et à cet effet il sera bon que dès aussitôt que vous l'aurez remise, vous la fassiez traduire en polonais et imprimer, la traduction à côté de l'original, et que tout de suite vous la fassiez distribuer tant à Varsovie que dans les provinces, en envoyant des exemplaires à

tous les officiers qui commandent les troupes respectives, réparties dans tout le royaume. Je vous invite dans toute cette opération, ainsi que dans toute autre, à entretenir la plus parfaite intimité avec les deux autres ministres. C'est le moyen de faire et vis-à-vis des polonais, et vis-à-vis des puissances jalouses, l'impression dont on a besoin pour vaincre l'obstination de ceux-là et contenir la mauvaise volonté des autres. Je suis bien aise de trouver dans vos dépêches les assurances les plus satisfaisantes à ce sujet. Il ne faut pas moins d'intimité non plus entre vous et m-r Bibikof, je vous le demande absolument, et c'est une chose à laquelle je vous crois bien disposés l'un et l'autre. Vous voyez que dans l'exécution des choses que je vous envoye, sa part ne sera pas petite; je vous prie donc dès à présent de lui faire une communication ouverte du tout, afin qu'il puisse s'arranger pour n'être pas en arrière, dès que le signal vous viendra de Vienne et de Berlin de mettre la main à l'oeuvre.

Vous voyez pour vous, M-r, que je réponds d'une seule fois à vos représentations les plus importantes, vous savez actuellement, à point nommé, ce que vous avez à faire vis-à-vis de l'état et des particuliers, et si j'ai différé à vous donner ces prescriptions, c'est qu'actuellement nous ne devons rien faire que les autres ne fassent, et qu'il faut qu'il y ait dans tout ce que vous ferez tous les trois une uniformité de temps et de manière. Toutes vos dépêches, jusqu'au № 42 inclusivement, sont exactement parvenues. J'ai l'honneur d'être etc.

A St.-Pétersbourg le 23 Décembre 1772.

### РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ВИЦЕ-АДМИРАЛУ А. Н. СЕНЯВИНУ.

29 Декабря 1772 г. О вызовѣ его въ Петербургъ. Напеч. въ Сборникѣ. т. XIII, стр. 292.

### 2321) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [1]).

Нашему генералу-поручику Щербинину.

Совершеніе негоціаціи съ ханомъ Крымскимъ и правительствомъ есть новое подтвержденіе нашего, всегда бывшаго, удостовѣренія о вашихъ способностяхъ и усердіи къ намъ и къ нашей Имперіи.

---

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ къ Е. А. Щербинину 1770—1775. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Р., 1871 г., IV, стр. 140—141.

Мы, входя во всѣ обстоятельства, съ какими оная негоціація производима была, съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ отдаемъ справедливость тщанію, трудамъ и подвигамъ вашимъ при томъ оказаннымъ, чѣмъ непреодолѣннѣе оказались быть тѣ препятствія, кои съ вами непрестанно встрѣчались; и толь охотнѣе усугубленно и наше къ вамъ всемилостивѣйшее благоволеніе, чѣмъ и самое, къ нашимъ видамъ татаръ, счастливое обращеніе было слѣдствіемъ употребленныхъ вами мѣръ и способовъ по пристойности времени и случаевъ, между тѣмъ происходившихъ.

Теперь же, когда мы, такимъ образомъ видѣвъ по нынѣ довольные вашего искусства и трудолюбія опыты въ управленіи почти несообразимыми Ногайскими татарами, имѣемъ уже и толь паче не сумнительныя свидѣтельства о достаткѣ предусмотрѣнія вашего и заботы къ сохраненію и удержанію и Крымскаго правительства въ расположеніи, свойственномъ съ учиненнымъ съ онымъ чрезъ васъ самихъ договоромъ, то по сему нашему преимущественному къ вамъ надѣянію, мы всемилостивѣйше соизволяемъ, чтобъ до времени, и пока дѣла съ Крымскимъ полуостровомъ нѣкоторое точное распоряженіе получатъ, и по выѣздѣ вашемъ изъ сего полуострова, гдѣ бъ вы ни находились, были однакожъ оныя въ вашемъ вѣдомствѣ и управленіи, равно какъ и Ногайскія въ вашемъ же производствѣ состоятъ. Почему симъ вамъ и препоручаемъ, оставляемаго при ханѣ Крымскомъ резидента, всегда руководствовать вашими наставленіями, какъ основанными на пріобрѣтенныхъ вами свѣдѣніяхъ и испытаніяхъ локальныхъ о всемъ тамошнемъ состояніи, и для того и быть съ нимъ въ перепискѣ непрестанной.

Впрочемъ мы совершенно благосклонны пребываемъ къ вамъ нашею Императорскою милостью.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, 29 Декабря 1772 года.

Подлинный подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою.

## 2322) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАМѢТКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Къ нотѣ, врученной Австрійскимъ посланникомъ кн. Лобковичемъ въ 1772 г. (безъ даты) касательно ограниченій въ правѣ иностранныхъ пословъ и министровъ при Вѣнскомъ дворѣ безпошлиннаго провоза всякаго рода товаровъ.

*Je veux parier que c'est l'ambassadeur de France qui a donne lieu à ces arrangements, car ces messieurs là sont les premiers contrebandiers de l'Europe.*

---

[1]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки Императрицы Екатерины II, св. 1, и. Австрія, IV, св. 3.

## 2323) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

(Безъ даты, 1772 г.).

Если студентамъ обѣщано прибавленье ихъ содержанья, какъ то преосвященнаго Платона письмо, кажется, свидѣтельствуетъ, то оное скорѣе и переслать должно, заготовя къ моему подписанію указъ въ Коллегіи Экономіи для выдачъ оныхъ денегъ, включая и ту сумму, коя нужна для возвращенья тѣхъ учениковъ, кои по пустому уже въ Англіи я содержу, ибо всѣ науки уже давно прошли; слѣдовательно ихъ тамо пребыванье уже только пустыя издержки причиняетъ.

---

[1]) М. Г. А. Именные указы 1760—1779 гг. по Публичной Экспедиціи, № 339.

## Прибавленіе къ 1772 году.

### 2198a) КОПІЯ СЪ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ [1]).

(Въ началѣ Мая 1772 г.).

Графъ Никита Ивановичъ. Изъ письма Вашего отъ сего утра усмотрѣла я, что сынъ мой все въ одномъ состояніи, и что этотъ припадокъ долго очень продолжается къ моему сожалѣнію. Теперь нужно кажется Бибикову и Сальдерну дать сходственныя наставленія съ рескриптомъ, отправленнымъ, съ послѣднимъ куріеромъ, къ графу Румянцеву. Если подтвердится извѣстіе о ужасной казни Струэнзея [2]), то выпѣвайте моимъ имянемъ Дрейеру [3]), и скажите ему, что ихъ суровость весь свѣтъ соблазнитъ несумнѣнно, и что я смотрю съ сожалѣніемъ, коль мало уваженія они имѣютъ, не токмо къ моимъ словамъ, но и къ собственной славѣ своего Государя, заставляя его людей тиранить; dites lui cela mot-à-mot. Желаю Вамъ здравствовать.

Въ пять часовъ.

---

[1]) Госуд. Архивъ V, № 94.—Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Р., 1863 г., кн. 2. — Описаніе тетради, въ которой помѣщены, въ спискахъ, письма и записки Императрицы къ графу Н. И. Панину, находится въ примѣчаніи, на стр. 153, тома VII Сборника Русскаго Истор. Общества.

[2]) Струэнзе былъ казненъ въ Копенгагенѣ 17/28 апрѣля 1772 г.—26 апрѣля графъ Панинъ читалъ въ Совѣтѣ депешу изъ Копенгагена „о неизбѣжности казни графа Струэнзе и генерала Бранта, по общему противъ нихъ огорченію". 3 Мая читана министерская реляція изъ Копенгагена о подписаніи приговора казни, а 7 Мая—о самой казни Струэнзе и Бранта. (Архивъ Государственнаго Совѣта, Спб. 1869. Томъ I, часть I, стр. 169, 170 и 171).

[3]) Датскій повѣренный въ дѣлахъ въ С.-Петербургѣ. См. № 2232, стр. 162.

## 2269a) ПРОЕКТЪ НОТЫ ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КНЯЗЮ ЛОБКОВИЧУ [1]).

До 12 Сентября 1772 г.

Il s'est fait une méprise de chancellerie dans la rédaction des ratifications de la cour Impériale et Royale, que le ministre Impérial de Russie ne saurait se dispenser d'observer à m-r le prince Lobkovitz, avec prière de s'employer à la faire rectifier, et il lui en fait la remarque avec la confiance que porte l'amitié actuelle des deux cours dont l'acte, duquel il s'agit ici, restera à perpétuité un gage précieux. On la saisira d'abord cette méprise par une refléxion toute simple sur les règles propres à la question.

La ratification d'un souverain est un acte, par lequel il approuve et valide, par sa signature personnelle, l'engagement contracté par son ministre en vertu des pleins pouvoirs, dont il l'a muni, dans lesquels pleins pouvoirs est portée la promesse provisionelle de ratifier ce que son ministre aura conclu.

L'esprit et le but de la ratification est toujours le même, soit que la convention ait été faite en plusieurs instruments, contenant l'engagement séparé de chaque partie, soit que les engagements respectifs se trouvent joints dans un seul et même instrument. C'est toujours le fait de son ministre, que le souverain approuve. C'est son engagement, qu'il reconnait être le sien propre et dont il promet l'exécution.

Dans la méthode qu'on a suivie pour la convention du vingt cinq Juillet, chaque partie a stipulé son engagement dans un instrument séparé et l'échange de ces instruments a constitué la réciprocité. Je m'engage vis-à-vis de vous, voilà mon acte; vous vous engagez vis-à-vis de moi, vous me donnez le votre.

La ratification est appelée incontestablement à suivre la même marche: votre ministre m'a fait tel engagement de votre part, vous me le ratifiez et de même je vous ratifie ce que mon ministre vous a promis de la mienne.

Il sera donc évident à m-r le prince de Lobkovitz, que la ratification de la cour portant sur l'engagement de la Russie et non sur le sien propre, ne remplit point le but d'une ratification, lequel demandait nécessairement, que ce fut l'instrument signé par m-r le prince Lobkovitz et remis par lui au ministère de Russie, qui y fut inséré.

S'il en était autrement, il se trouverait que dans le fait il n'y aurait point de ratification de la convention entre les deux cours, mais une

[1]) М. Г. А. III, св. 24. Къ № 2269, въ которомъ упоминается о канцелярской ошибкѣ въ редакціи ратификаціи Вѣнскаго двора трактата о раздѣлѣ Польши.

simple acceptation, puisque ce n'est que de cette dernière que sont susceptibles les engagements d'un autre.

On sait que la bonne foi et l'équité de deux cours les font passer sur un défaut de formalité, ou plutôt sont supérieures à toute formalité, mais puisque leur intention est d'établir un droit entre elles, ce serait la rendre vaine que de laisser subsister un tel défaut.

Dans cet état, Sa Majesté Impériale ayant pris la chose en considération et persuadée, qu'une rectification de cette nature ne saurait rencontrer de difficulté, a ordonné à son ministère de procéder à l'échange des ratifications, c'est-à-dire, de remettre à m-r le prince Lobkovitz sa propre ratification, qu'elle juge dans la forme requise pour être authentique, et de recevoir celle de la cour Impériale et Royale, telle qu'elle est, en attendant que m-r le prince Lobkovitz, rapport de ceci fait à sa cour, en reçoive une nouvelle ratification dans la forme nécessaire, laquelle il échangera alors contre la première.

C'est à quoi il est prié de vouloir bien donner ses soins, avec cet accord et la bonne intelligence qui conviennent à une pareille matière.

L'Impératrice, informée en même temps que pareil embarras se rencontrait pour la ratification à échanger entre le prince Lobkovitz et le ministre du Roi de Prusse, et intéressée à tout ce qui appartient à une négociation indivisible et faite à sa cour, a ordonné à son ministère de disposer le comte de Solms à se conformer à cette occasion à ce qui sera fait de la part de la cour de Russie. En conséquence le ministère a conféré à ce sujet avec le comte de Solms, et ce ministre ne fera aucune difficulté de remettre la ratification de sa cour à m-r le prince Lobkovitz et de recevoir la sienne, dans la même espérance, qu'il en sera procuré une autre à sa cour dans la même forme, qu'à la cour de Russie.

Le ministère est persuadé que m-r le prince Lobkovitz agréera les instances qu'il a l'honneur de lui faire pour l'un et l'autre changement; qu'il les présentera dans le seul jour, dont elles soient susceptibles, qui est de ne laisser rien à désirer à la perfection du concert des trois cours et à l'authenticité de leurs engagements.

# 1773 годъ.

## 2324) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КН. Д. А. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ГАГУ [1]).

Государь мой князь Дмитрій Алексѣевичъ.

Какъ дошло сюда на сихъ дняхъ, весьма вѣрнымъ каналомъ, извѣстіе, что корона Шведская ищетъ въ Голландіи занять, подъ ручательствомъ Франціи, нѣкоторую денежную сумму, и что Генеральные Штаты стараются всячески подъ рукою ей въ томъ препятствовать, то и долженъ я вамъ, государь мой, по точному Ея Императорскаго Величества повелѣнію рекомендовать, по причинѣ нашего критическаго положенія съ Швеціею, чтобъ и вы съ своей стороны также приложили всевозможное стараніе, подъ рукою и безъ огласки, не компрометтируя себя и дворъ свой, мѣшать таковымъ Шведскимъ, не меньше же и собственнымъ Французскимъ, денежнымъ операціямъ, къ чему и настоитъ теперь весьма удобный случай по, происшедшимъ на Амстердамской биржѣ, весьма смутнымъ обстоятельствамъ. Впрочемъ, вѣрьте, что я всегда пребуду и проч.

Въ Петербургѣ 4 Января 1773.

## 2325) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ А. М. ОБРЕСКОВУ [2]).

Нашему тайному совѣтнику Обрескову.

Разсматривая всегда съ особливымъ вниманіемъ получаемые отъ васъ депеши и протоколы конференцій вашихъ съ турецкимъ полномочнымъ посломъ, имѣемъ мы причину быть совершенно довольными тщаніемъ и искусствомъ, съ которыми предуспѣли уже вы привесть разныя статьи будущаго мирнаго постановленія въ рѣшительное соглашеніе и опредѣленіе. Весьма желательно и полезно было бы, чтобъ и остальные, въ затрудненіи и прекословіи остановившіеся, договоры о нашей навигаціи и объ уступкѣ намъ Крымскихъ мѣстъ, Керчи и

---

[1]) М. Г. А. Голландія, III, св. 8. См. выше № 2294.

[2]) М. Г. А. Турція, IX, св. 10.

Еникаля съ ихъ окружностію, таково же легко могли изъ среды изъяты быть; но къ сожалѣнію нашему принуждены мы видѣть, что всѣ ваши усильнѣйшія убѣжденія не могли въ семъ случаѣ преодолѣть турецкой претительности, и что потому вы, обще съ Рейсъ-Эффендіемъ, нашлись въ нуждѣ и необходимости требовать отъ дворовъ новыхъ и точнѣйшихъ предписаній. Сіе обстоятельство, будучи теперь по всей вѣроятности единственною причиною непріятной остановки въ дѣйствительномъ и конечномъ совершеніи блаженнаго мира, долженствуетъ тѣмъ паче обращать на себя всю нашу атенцію. Мы хотимъ теперь для сего самаго войти съ вами въ ближайшія разсужденія о существѣ обоихъ сихъ пунктовъ, и объявить вамъ чрезъ сіе послѣднія и крайнія наши по онымъ желанія и намѣренія, дабы вы съ своей стороны въ состояніи быть могли, по полученіи Рейсъ-Эффендіемъ новыхъ имъ отъ Порты требованныхъ наставленій, безпечно приступить къ положенію послѣдней руки на мирное дѣло, по сю пору обоими вами толь далеко уже доведенное.

Признаніе и сохраненіе татаръ въ качествѣ совершенно вольной и независимой области, есть пунктъ, интересующій въ вышнемъ степени честь и безопасность Имперіи нашей. Для одержанія на то турецкаго согласія, дозволивъ уже Портѣ духовное султаномъ благословеніе всѣхъ будущихъ Крымскихъ хановъ, купно съ другими выгодами по магометанскому закону, не можемъ мы въ равновѣсіе симъ важнымъ уступкамъ имѣть другого залога въ собственную нашу надежность, кромѣ твердой ноги въ самомъ Крымскомъ полуостровѣ. Для сего самаго требуемъ мы во владѣніе наше Керчи и Еникаля: ибо безъ того ручательство наше, татарамъ столь свято и торжественно формальнымъ трактатомъ обѣщанное, не могло бы имѣть мѣста. По такому изъятію и отмѣны нетерпящему уваженію, нельзя намъ никоимъ образомъ отступить отъ своего въ разсужденіи сихъ двухъ мѣстъ единожды учиненнаго требованія, которое вы потому и имѣете почитать ультиматомъ изъ ультимата.

Но чтобъ однакожъ сухимъ наотрѣзъ отказомъ по сему пункту не разорвать вновь мирной негоціаціи, и тѣмъ самымъ не возжечь, такъ сказать, совсѣмъ новой войны, надобно здѣсь подробно разсмотрѣть полагаемые съ турецкой стороны, вопреки требованію нашему, резоны и преподать вамъ тѣ способы, кои, по мнѣнію нашему, къ преломленію ихъ упорства другими поманками служить могутъ.

Въ данной вамъ отъ насъ на конгрессъ инструкціи и послѣдовавшихъ за оною повелѣніяхъ, говоря о дѣлѣ вольности и независимости татарскаго народа, полагали мы вездѣ непремѣнною кондиціею, чтобъ всѣ Крымскіе города и крѣпости оному въ полное и совершенное владѣніе отъ Порты уступлены были, безъ равнаго требованія о нахо-

дящихся на Кубани турецкихъ городахъ и крѣпостяхъ, какъ въ такой сторонѣ, которая отъ границъ нашихъ весьма удалена и находится безъ всякаго обитанія, кромѣ временнаго туды выхода изъ горъ тамошнихъ дикихъ народовъ. Вы, напротивъ того, не сдѣлали въ предложеніяхъ своихъ никакого различія между Крымскими и Кубанскими городами и крѣпостями, чѣмъ самымъ и предоставили себѣ, къ особливой нашей благоугодности, дверь къ новому сношенію.

Когда сей рескриптъ до рукъ вашихъ дойдетъ, до того времени конечно уже будетъ имѣть Рейсъ-Эффендій отъ Порты рѣшительныя свои наставленія. Если они будутъ снисходительны до такого градуса, что вы съ своей стороны возможете удовлетворить имъ дозволенными вамъ, въ инструкціи и въ прежнихъ нашихъ повелѣніяхъ, снисхожденіями, которыя, яко послѣднія средства, по сю пору удержались вы еще предлагать, въ такомъ случаѣ ничто уже не воспрепятствуетъ вамъ, искусно обращая ихъ въ свою пользу, достигнуть безъ дальнихъ хлопотъ заключенія желаемаго мира; но если иногда Порта, настоявшія по нынѣ затрудненія, указомъ своимъ подтвердитъ, или же, по крайней мѣрѣ, затѣетъ вмѣсто оныхъ другія, не меньше прихотливыя требованія, тогда надобно вамъ будетъ стараться оныя отвращать, уменьшать и замѣнять другими податливостями, на основаніи ниже сего дозволяемыхъ послѣднихъ предѣловъ нашей умѣренности и истиннаго нашего желанія видѣть, какъ можно скорѣе, счастливый конецъ военныхъ безпокойствъ.

Въ оспариваніяхъ своихъ противу уступки намъ крѣпости Еникаля, говорилъ между прочимъ Рейсъ-Эффендій, по протоколу третьей на десять вашей съ нимъ конференціи: 1-е „Что такъ совершенно „свободное мореплаваніе, какъ вы требовали съ уступкою Еникале, „совсѣмъ противно интересамъ Порты и разрушаетъ мира основаніе; „2-е „Что каждая держава ищетъ во-первыхъ безопасности собственной „ея столицы, которой Константинополь безъ всякаго сомнѣнія лишается, „ежели Россіи при такъ вольномъ мореплаваніи достанется крѣпость „Еникале, и что когда бы Порта имѣла другую какую-либо крѣпость „въ тѣхъ странахъ, то бы онъ Рейсъ-Эффендій никакого не учинилъ „затрудненія уступить Россіи Еникале; 3-е „Что онъ клянется вамъ, „что еслибъ Порта имѣла одну только въ тѣхъ мѣстахъ крѣпость, „или мѣсто къ построенію новой, то бы онъ безъ всякаго затрудненія „согласился уступить Россіи Еникале и Керчь; 4-е „Что съ крѣпостей „турецкихъ на берегахъ европейскихъ и азіатскихъ Чернаго моря, „ниже прохода изъ Еникале въ море, Россійскаго флота видѣть нельзя; „5-е „Чтобъ вы сыскали другое какое мѣсто для безопасности Порты, „и что онъ тогда Еникале тотчасъ уступитъ; 6-е „Что онъ уже полу- „чилъ въ отвѣтъ повелѣніе стараться, дабы за мореплаваніе и коммерцію

„осталась Портѣ крѣпость Еникале, а напослѣдокъ, по протоколу чет-
„вертой на десять конференціи, что Еникале есть единственный ключъ
„безопасности турецкой столицы отъ Чернаго моря, и слѣдовательно,
„не сыскавъ другого для безопасности Константинополя мѣста, сего
„уступить не можно.

Отъ искусства и остроумія вашихъ несумнѣнно ожидаемъ мы, что до полученія сего рескрипта предуспѣли уже вы на держанныхъ между тѣмъ конференціяхъ познать рѣшительныя резолюціи Порты Оттоманской, и поколику онѣ тѣмъ или другимъ образомъ въ пользу гребованія нашего о Керчѣ и Еникалѣ обращены быть могутъ. Изъ помянутыхъ выше сего рѣчей Рейсъ-Эффендія видно, что Порта съ своей стороны непремѣнно желаетъ имѣть для себя въ Крыму крѣпость; но мы на сіе отнюдь согласиться не можемъ, а развѣ удовольствуется она тѣмъ, чтобъ ей уступить и оставить во владѣніи всѣ города и крѣпости на Кубани, которые вы по сю пору толь благоразумно смѣшивали вмѣстѣ съ Крымскими, исключая изъ того одинъ островъ Тамань, который нуженъ къ безпосредственному сообщенію Крымскихъ татаръ съ Ногайскими ордами.

Ежели однакожъ Рейсъ-Эффендій, таковою въ разсужденіи Кубани уступкою, не захочетъ еще удовольствоваться, въ такомъ случаѣ, слѣдовательно, въ самой уже крайности, не возбраняемъ мы вамъ еще и на самомъ Таманскомъ островѣ отдать, въ диспозицію и владѣніе Порты въ углу онаго къ Черному морю, достаточное мѣсто къ построенію крѣпости и къ снабдѣнію ея нужными угодьями. Такимъ образомъ будетъ имѣть и Порта равный Еникальскому ключъ въ Черномъ морѣ, закроетъ со стороны онаго не только столицу свою, но и всѣ уже приморскіе свои города и селенія, а сверхъ того и будетъ еще въ состояніи видѣть всегда суда наши при Еникалѣ и ниже сего мѣста, о которомъ неудобствѣ именно вызывался Рейсъ-Эффендій на третьей на десять конференціи.

Вы не оставите, конечно, предъявляя съ своей стороны, кстати и ко времени, сіи облегчительные способы, употребить напередъ всевозможное стараніе, чтобъ Порту, если только можно будетъ, отпотчивать одними Кубанскими крѣпостями, и не инако уже снизойтить въ разсужденія Таманскаго угла, какъ по усмотрѣнію сущей невозможности инако ее удовольствовать, ставя ей въ семъ послѣднемъ случаѣ уступку онаго какъ можно въ высокую, и Еникальской крѣпости въ совершенно равновѣсную цѣну, какъ и въ самое доказательство истиннаго нашего желанія оставаться навсегда съ нею въ мирѣ и добромъ согласіи.

Что напротивъ того касается до пункта торговли и мореплаванія, въ ономъ неотмѣнно надобна намъ совершенная свобода на такомъ основаніи, какъ вами понынѣ требовано, безъ всякихъ, съ турецкой

стороны въ томъ и въ другомъ, стѣсненій и ограниченій. Самъ Рейсъ-Эффендій отзывался, сверхъ всего выше о Еникалѣ приведеннаго, и не меньше до сей щекотливой матеріи относительнаго: „Что Порта по„зволяетъ уже свободное кораблеплаваніе и въ Бѣломъ морѣ однимъ „купеческимъ судамъ, съ потребными пушками и военными снарядами, „къ защищенію себя отъ случающихся въ тѣхъ моряхъ разбойниковъ, „и что онъ еще и о военныхъ корабляхъ Портѣ представитъ, и думаетъ, „что когда нужда того востребуетъ, можно будетъ и военные корабли „посылать". Изъ сего можно заключать, что Порта полную свободу морской торговли и кораблеплаванія поставляетъ, невозможною съ своей стороны, кондиціею въ зависимости только требуемой нами уступки Еникаля, безъ дозволенія ей другого и подобнаго сему ключа въ Черномъ морѣ: почему, когда теперь сіе неудобство въ пользу ея изъ среды изнимается, можно вамъ съ тѣмъ большимъ основаніемъ требовать оной свободы, что нынѣ прежніе ея вопреки резоны мѣста уже имѣть не могутъ. Предъявляя сіе уваженіе въ свойственнѣйшемъ и убѣдительнѣйшемъ образѣ, можете вы далѣе примѣтить Рейсъ-Эффендію, что хотя мы и одержимъ, по желанію нашему, нестѣсненное кораблеплаваніе, однакожъ оное въ самомъ существѣ будетъ, по самой физической необходимости, сокращаться въ одномъ торговомъ плаваніи; ибо мы собственнымъ искусствомъ довольно и предовольно испытали, что воды въ Черномъ морѣ къ нашей сторонѣ не могутъ поднимать и носить большихъ кораблей, и что для оныхъ нѣтъ на нашихъ около берегахъ и ни одной удобной пристани, слѣдовательно же все упорствованіе Порты устремляется противу одной мечты; но мы въ томъ снизойтить не можемъ, для наружнаго предъ свѣтомъ лица и для чести Имперіи нашей, дабы не показалось публикѣ, что мы, и въ самую счастливую для насъ войну, принуждены были принять отъ непріятеля нашего законы: да и еще для того, что всѣ дружественныя съ Портою державы никакого трактатами ограниченія не имѣютъ, и всѣ ихъ корабли, купеческіе и военные, приходятъ къ самому Царюграду [1]).

Вперяя сколько можно вразумительнѣе всѣ сіи явныя и неоспоримыя истины турецкому послу, можете вы далѣе присовокупить, что хотя намъ Порта и обѣщаетъ трактатомъ свободное кораблеплаваніе, сіе однакожъ, когда бъ мы и предуспѣли напослѣдокъ, такъ сказать,

[1]) На концептѣ приписано было рукою Императрицы: *и для того еще, что сіи Порты ограниченія мѣста не имѣютъ со всѣми другими державами, корабляmъ коихъ безъ различія военныхъ ли или купеческихъ приходить* (sic) *къ самому Царяграду.* Эта вставка редактирована затѣмъ гр. Панинымъ въ той формѣ, какъ внесена въ рескриптъ.

вопреки самаго естества, завести у себя нѣсколько военныхъ судовъ на Черномъ морѣ, не будетъ ее нимало обязывать, и безъ всякаго о томъ точнаго выговоренія къ допущенію въ свои порты цѣлыхъ эскадръ, какъ то и всѣ европейскія державы обыкновенно между собою чинятъ, дѣлая у себя въ землѣ внутреннее распоряженіе, въ какомъ числѣ принимать и допускать въ свои гавани военныя суда другихъ государей. Извѣстное дѣло, что Порта, какъ выше въ своемъ мѣстѣ сказано, не возбраняетъ входа и въ самый Константинопольскій каналъ всѣхъ другихъ, съ ней въ дружбѣ находящихся дворовъ: по какому же резону хочетъ она исключить, и исключить трактатомъ, изъ сего генеральнаго положенія одну Россію, которая съ своей стороны всѣ способности преподаетъ къ основанію и утвержденію впредь мира и истинной дружбы на такихъ началахъ, кои бы существомъ своимъ, сколько въ человѣчествѣ возможно, непоколебимы были? Время и искусство прежнихъ трактатовъ доказало, что полагаемыя въ оныхъ невмѣстныя исключенія составляютъ всегда корень взаимной недовѣрки, многихъ напрасныхъ хлопотъ, да и дѣйствительной остуды. Для чего же намъ теперь изъ доброй воли подвергаться толь важному неудобству, и для чего особливо упорствовать далѣе Портѣ противу нашего желанія, когда мы съ своей стороны снисходимъ на ея требованіе и вручаемъ ей, на Таманскомъ острову, подобный Еникальскому ключъ для Чернаго моря? Изъ всего вышеписаннаго слѣдуетъ, что мы, въ свободѣ торговли и мореплаванія, какъ уже и сказано, никакого исключенія дозволить не можемъ, что вы Рейсъ-Эффендію не обинуясь сказать имѣете, толкуя ему, однако, въ то же время, что Портѣ отъ уступки въ семъ случаѣ совсѣмъ нечего опасаться и обѣщая притомъ сильнѣйшимъ образомъ, но словесно, что мы никогда и ни для чего не подадимъ ей повода къ сумнѣніямъ и недовѣркѣ нашими военными судами на Черномъ морѣ, тѣмъ паче, что большіе военные корабли, по мелководію на Черномъ морѣ, ходить не могутъ, и россійскія военныя суда, кои строятся на Дону, по мелководію же менѣе всякаго, по сю пору на томъ морѣ видимаго, турецкаго купеческаго корабля.

Между тѣмъ для показанія туркамъ, что мы теперь послѣднія истощаемъ удобности, можете вы внушить Рейсъ-Эффендію, прежде вступленія еще въ трактованіе несоглашенныхъ артикуловъ, или же въ самое оныхъ трактованіе, по лучшему вашему усмотрѣнію пристойнѣйшаго къ тому времени, что послѣ сихъ ультиматовъ, вновь вамъ дозволенныхъ, ежели и оные отъ Порты отвергнуты будутъ, не можетъ она ожидать и надѣяться продолженія перемирія далѣе 9-го Марта, и что по истеченіи сего срока долженствуютъ уже возобновиться военныя дѣйствія, по напрасномъ жертвованіи отъ насъ, для мира, всѣхъ безъ изъятія успѣховъ оружія нашего на морѣ и на сухомъ пути, и

по потеряніи напрасно толь долгаго времени для цѣлой кампаніи, по единому токмо истинному желанію съ нашей стороны поспѣшествовать всѣми удобовозможными способами прекращенію военнаго бѣдствія.

Да отвратитъ однакожъ десница Всевышняго, благостію Своею сію человѣколюбивому и матернему нашему сердцу столь прикрую и оскорбительную крайность, но да увѣнчаетъ паче скорымъ и блаженнымъ миромъ труды и подвиги ваши. Впрочемъ, всемилостивѣйше апробуя придуманныя вами самими, и Рейсъ-Эффендію предложенные уже, артикулы сверхъ инструкціи нашей, охотно признаемъ мы въ оныхъ плодъ персональнаго вашего усердія и локальнаго знанія дѣлъ нашихъ съ Портою, довольствуясь только примѣтить, что пятую статью изъ проектованнаго вами шестого на десять артикула, гдѣ говорится: „Равнымъ образомъ Россійскій дворъ счелъ бы себѣ за одолженіе, еслибъ блистательная Порта дала обѣщаніе употребить кредитъ и власть свою къ приведенію Трипольскаго, Тунисскаго и Алжирскаго кантоновъ сдѣлать съ Россіею трактаты дружбы и коммерціи, и въ оныхъ была бы за нихъ ручательницею“—совсѣмъ исключить должно, а вмѣсто того выговорить акордованное Портою въ разсужденіи нѣмецкихъ кораблей, то-есть, чтобы при взаимной дружбѣ обѣихъ имперій, а притомъ и подъ покровительствомъ блистательной Порты, россійскія купеческія суда могли безопасно плавать. Сіи суть точно собственныя ваши къ Рейсъ-Эффендію, въ третьей на десять конференціи записанныя, слова. Въ заключеніе пребываемъ мы вамъ монаршею нашею милостію благосклонны.

Данъ въ С.-Петербургѣ 10 Января 1773 года.

Екатерина.

## 2326) ПОСТСКРИПТЪ КЪ ПИСЬМУ ГР. Н. И. ПАНИНА КЪ А. М. ОБРЕСКОВУ [1]).

Въ письмѣ своемъ графъ Н. И. Панинъ передаетъ Обрескову объ удовольствіи Императрицы по поводу всѣхъ его поступковъ на мирномъ конгрессѣ въ Бухарестѣ, и проситъ его стараться, чтобъ въ мирномъ договорѣ къ титулу Государыни присоединены были слова: «Ручательница въ вольности и независимости Крымскихъ и всѣхъ прочихъ татарскихъ ордъ».

С.-Петербургъ, 10 Генваря 1773 г.

Рескриптомъ, и моимъ здѣсь предслѣдующимъ письмомъ, я все истощилъ, что по публичному моему званію мнѣ должно было описать. Теперь буду я съ вами, мой любезный другъ, говорить о дѣлахъ

[1]) М. Г. А. Турція IX, св. 10.

отечества такъ, какъ съ моимъ соотчичемъ и вѣрнѣйшимъ другомъ. Вы увидите изъ рескрипта, до какого я привелъ снисхожденія къ удержанію Еникаля и Керчи для скорѣйшаго заключенія мира, о которомъ отечество вопіетъ, умалчивая и съ другой стороны надобность онаго по новымъ политическимъ обстоятельствамъ. Но какъ здѣсь не всѣ такъ живо и чувствительно, какъ мы, и то и другое себѣ воображаютъ, то ничѣмъ преодолѣть по сю пору мнѣ было невозможно надменныхъ воображеній о устроеніи впередъ великихъ морскихъ силъ на Черномъ морѣ, а посему и всякое слово ограниченія кораблеплаванію дѣлаетъ непреоборимое препятствіе всякой точной резолюціи на смягченіе онаго; итакъ, любезный мой другъ, если тѣ уступки, къ которымъ вы уже оторизированы, купно и съ тѣми, о которыхъ въ сегодняшнемъ рескриптѣ къ вамъ писано, не найдутся довольными турецкаго посла удовлетворить за неограниченную навигацію, то все долженствуетъ уже зависѣть отъ единаго вашего остроумія и патріотическаго цѣломудрія, въ какихъ выраженіяхъ и словахъ составить статью трактата о коммерціи и мореплаваніи, дабы товарищъ вашъ не помѣщалъ въ свою мысль, чтобы мы могли и похотѣли, среди мира и тишины, инсюльтировать турецкое спокойство и взаимную пользу народовъ нашихъ безразсуднымъ вооруженіемъ и оказательствами военныхъ флотилій; а съ другой стороны, мы бы здѣсь также не приняли, что намъ связали руки замышлять, въ дѣйствѣ—несбыточныя, а въ теоріи—ласкательныя предпріятія впередъ на случай, хотя и неудобь настояемыя. Вотъ, мой искреннѣйшій другъ, какъ стѣсняема быть можетъ истинная и нелицемѣрная вѣрность и любовь къ своему государю и отечеству; да что дѣлать? Надобно и того и другого искупать по самой крайней возможности, да и при успѣхѣ онаго несумнѣнно надо ожидать благоволенія и апробаціи. Мнѣ мнится не безъ основанія, что Порта сама по себѣ утвердительную татарскую независимость гораздо для себя важнѣйшимъ дѣломъ поставляетъ, нежели свободное наше по всѣмъ морямъ кораблехожденіе, напротиву же того постороннія державы больше находятъ зависти противу насъ въ послѣднемъ, а посему безпосредственное, и безучаствующее отъ другихъ, ваше съ турецкимъ посломъ соглашеніе о кораблеплаваніи чаятельно лучшій успѣхъ возымѣетъ, чего ради въ приложенныхъ здѣсь письмахъ отъ нашихъ союзныхъ министровъ къ ихъ товарищамъ въ Цареградъ они имъ рекомендуютъ, чтобы послѣдніе свои дальнѣйшіе у Порты поступки, представленія и домогательства распоряжали и чинили по вашимъ къ нимъ увѣдомленіямъ, а до того бы обращалися по генеральнымъ имъ отъ ихъ дворовъ предписаніямъ, чего ради и прошу васъ, моего друга, употреблять ихъ оффиціи по собственному вашему проницанію и благоизбранію.

Впрочемъ, молчаніе мое по сіе время на откровенное ваше ко мнѣ письмо касательно намѣренія вашего о молодомъ гр. Румянцевѣ, пожалуй, мой любезный другъ, не сочти моимъ о томъ къ вамъ неудовольствіемъ, и будьте увѣрены, что совсѣмъ вопреки тому я въ ономъ чувствую совершенно и полную откровенность дружбы и довѣренности вашей ко мнѣ и почтеннѣйшіе ваши сентименты добродѣтельной души, такъ что бы я чувствительно оскорбился, еслибы невиннымъ образомъ сдѣлался претыканіе для васъ въ исполненіи столь достойнаго почтенія намѣренія вашего. Сердечно желаю, мой любезный другъ, дабы десница Вышняя, какъ наискорѣе, воспомоществовала вамъ имѣть то удовольствіе воздать во внукѣ дѣдово вамъ благодѣяніе, а мнѣ васъ, какъ моего искренняго друга, обнять и съ тѣмъ поздравить.

## 2327) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КНЯЗЮ Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ [1]).

St.-Pétersbourg, le 14 Janvier 1773.

Mon prince.

Comme notre négociation pour la paix traine longtemps et que par les dernières conférences que nous venons de recevoir, nous observons des roideurs de la part de la Porte, auxquelles nous ne devions pas nous attendre d'après les termes où les choses avaient été amenées dans celles qui les avaient précédées, nous ne saurions que reconnaître à ces mauvais effets les ressorts et les intrigues de toute espèce que font jouer à Constantinople diverses puissances, partie par jalousie contre la Russie, partie en haine de l'étroite union des trois cours dans les affaires de Pologne. On remue tout à cette cour et on la presse d'insister sur les conditions les plus avantageuses, afin de prolonger la négociation, en lui faisant espérer que dans cette intervalle il nous surviendra d'autre part des embarras qui nous forceront à en passer par tout ce qu'elle voudra. Dans le même temps on nous sollicite et on nous presse de renouveller notre alliance avec la Suède, afin de se procurer par un tel engagement, qu'on se flatte d'extorquer par la force des circonstances, l'aveu et la confirmation de la forme de gouvernement que le roi a arrachée à la nation. On ne s'endort point non plus sur l'article de notre concert pour la Pologne, et l'on se porte à toute sorte de mouvements et de tentatives, dont j'ai successivement donné communication au prince

[1]) М. Г. А. Австрія, III, св. 25.

Lobkovitz, afin de susciter des tracasseries dans les détails et l'exécution de ce concert et de semer entre nous la défiance et la désunion.

Vu de telles considérations, je vous prie, mon prince, de vous ouvrir confidemment à m-r le prince Kaunitz sur cette position des affaires et de le prier d'obtenir de Leurs Majestés Impériales et Royales, qu'en conformité des assurances si sincèrement données par elles de vouloir favoriser la Russie dans l'obtention d'une paix juste et honorable, elles veuillent bien munir d'instructions leur ministre à Constantinople qui puissent rectifier cette roideur de la Porte et accélérer la réussite de la négociation. Elles voudraient bien l'autoriser à contrebalancer l'effet de toutes ces intrigues étrangères, en représentant dans les termes les plus expressifs à la Porte, combien il est important pour elle de ne pas perdre l'occasion présente de sortir d'affaire à des conditions aussi modérées que celles que lui propose la Russie, et lui faisant sentir que tout ce qui lui est conseillé d'autre part, n'a d'autre but que de lui faire porter tout le poids, toutes les pertes et les dangers de la guerre pour avancer les intérêts des autres, sans s'embarrasser quelles en pourront être les suites et la fin pour elle. Je ne doute point, mon pr-ce, qu'une telle réquisition ne soit reçue avec de justes égards à la cour où vous êtes, et que dans l'effet qu'on voudra bien y donner Sa Majesté Impériale n'ait une nouvelle occasion de reconnaître l'amitié sincère de Sa Majesté Impériale et Royale et le solide intérêt qui unit les deux monarchies. J'ai l'honneur d'être etc.

## 2328) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КНЯЗЮ Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ [1]).

A St-Pétersbourg, le 14 Janvier 1773.

Mon prince.

Je suis bien fâché d'avoir retenu si longtemps ici le valet de chambre de V. E. sans le lui renvoyer. Elle voudra bien m'excuser sur la multiplicité des affaires dont je suis obsédé. J'ai remis d'un jour à l'autre cette expédition, comptant toujours qu'il surviendrait quelque affaire où j'en aurais besoin, mais enfin je ne veux pas attendre plus longtemps, et je vous renvoie aujourd'hui cet homme. Le prince Lobkovitz se sert aussi de lui pour envoyer ses dépêches en cour. En les joignant ici, mon pr-ce, j'ai l'honneur de vous prier d'en soigner la remise au ministère.

---

[1]) М. Г. А. Австрія, III, св. 25.

Je profite au reste de l'occasion pour vous écrire sur l'affaire suivante. Dans la terre de Halicz, appartenante au partage de la cour de Vienne, se trouve le monastère de l'Exaltation de la Croix Vélikoskiteski [1]), qui depuis le Tzar Fédor Alexiévitch a été constamment sous la protection spéciale des souverains de Russie. Elle leur a été assurée par des lettres patentes, lesquelles tout récemment, et nommément dans l'année 1771, ont été renouvellées et confirmées par Sa Majesté l'Impératrice actuellement régnante. Ce monastère a aussi reçu des rois de Pologne des privilèges authentiques pour le libre exercice de la religion grecque non unie, au moyen desquels il a toujours été à l'abri des persécutions, qu'éprouvaient dans le même district ceux de la même communion. Les moines de ce monastère tirent leur subsistance des villages du monastère de Sotchawitzki en Moldavie, qui anciennement leur ont été assignés pour leur entretien par les Hospodars et les métropolites du pays. A l'occasion du changement actuel de domination, ils se sont adressés au feld-maréchal comte Roumiantzof, et celui-ci a fait parvenir en cour leurs très humbles instances, par lesquelles ils sollicitent Sa Majesté Impériale, d'intercéder auprès de Leurs Majestés Impériales et Royales, pour qu'ils soient maintenus et conservés tant dans le libre exercice de leur religion, que dans leurs propriétés.

---

[1]) Велико-скитскій Крестовоздвиженскій монастырь, находящійся близъ селенія Манява, въ Богородчанскомъ повѣтѣ Галиціи, былъ основанъ въ 1612 г. и пользовался извѣстностью въ XVII и XVIII вв. Послѣ турецкаго погрома въ 1672 г. [a]), онъ получилъ денежное вспомоществованіе отъ царя Ѳеодора Алексѣевича. Монастырь, владѣвшій значительными помѣстьями въ Буковинѣ, имѣлъ въ своемъ управленіи и Сучавицкій монастырь, о которомъ упоминается въ письмѣ графа Панина. Послѣдняя польская привилегія дарована монастырю въ 1767 г. *Тринадцать лѣтъ послѣ перваго раздѣла Польши, а именно въ 1785 г., Крестовоздвиженскій монастырь былъ упраздненъ по распоряженію Австрійскаго правительства.* Развалины его существуютъ и по настоящее время.

Вышеприведенная справка, весьма обязательно составленная профессоромъ Львовскаго университета, М. Грушевскимъ, была любезно доставлена редакціи 118 тома Сборника профессоромъ С. Л. Пташицкимъ, который дополнилъ ее слѣдующими любопытными свѣдѣніями: Императрица Екатерина II пожаловала, 21 декабря 1771 г. бывшимъ въ этомъ году въ Спб., Крестовоздвиженскаго монастыря игумену Авраамію и іеромонаху Дороѳею, грамоту на сборъ пожертвованій въ Россіи, въ продолженіе 8 лѣтъ. (Петрушевскій. Сводная галичско-русская лѣтопись. Львовъ. 1887. Ч. I, стр. 306.—Ср. также: Baliński i Lipiński. Starożytna Polska. Warszawa. 1885. T. II, стр. 910, и А. Трачевскій. Союзъ Князей. Спб. 1877. стр. 90, прим. 2).

---

a) I. v. Hammer. Geschichte des Osmanischen Reiches. 2-te verb. Ausgabe. Pesth. 1835. III Band, pag. 663.

*Прим. ред.*

L'Impératrice trouvant une obligation naturelle et de droit à déférer à leurs prières, m'a chargé de vous autoriser, mon pr-ce, à parler en son nom en leur faveur à la cour où vous êtes. Vous exposerez au ministère le détail de cette situation et vous le prierez de porter à la connaissance de Leurs Majestés Impériales et Royales, avec quelle confiance Sa Majesté Impériale requiert et se promet de leurs sentiments d'équité et de leur amitié, que le monastère susnommé jouira sous leur sceptre, où il a le bonheur de passer, d'une protection signalée qui lui assurera la jouissance tranquille et non interrompue de ses privilèges et le libre exercice de sa religion, étendant même sa bienfaisance jusqu'à les faire maintenir dans la possession des terres qui lui sont affectées en Moldavie.

J'ai l'honneur d'être etc.

## 2329) НОТА МИНИСТЕРСКАЯ АНГЛІЙСКОМУ ПОСЛАННИКУ ГУННИНГУ [1]).

(Вручена Англійскому министру Гуннингу 15 Января 1773 г.).

Il est aussi juste et naturel, que satisfaisant pour l'Impératrice de voir les intérêts de la Russie et ceux de la Grande-Bretagne se communiquer et s'entendre confidemment sur chaque objet, qui peut les affecter, soit séparément, soit en commun.

C'est dans cette disposition, que Sa Majesté Impériale a reçu l'ouverture, faite à son ministère par ordre de Sa Majesté Britannique, touchant le maintien du commerce de la Pologne par la Vistule sur l'ancien pied et la conservation des droits des villes de Thorn et Dantzig. Comme il n'entra jamais dans l'esprit et les vues de l'arrangement, que le concert de pacification pour la Pologne entre les trois cours a dû nécessairement effectuer, qu'il fût fait lésion à l'un ou l'autre de ces points, ni mis de côté aucun des justes égards, dûs à l'intérêt qui en dérive pour les autres puissances, Sa Majesté Impériale ne se sent aucun éloignement à entrer dans les mesures propres à assurer un tel effet. Loin de cela, elle est dans le cas de le souhaiter d'après l'invitation qui lui en est faite par une cour amie, et elle ne demande autre chose, sinon qu'il soit convenu entre elle et Sa Majesté Britannique des principes, dans lesquels devront être dirigés de telles mesures, et elle ne balance point à proposer, que ces principes puissent être:

1. Que le commerce de la Pologne par la Vistule ne soit pas plus gêné et surchargé de droits et se continue avec autant d'avantages et de commodités pour les nations commerçantes de l'Europe, que par le passé.

[1]) М. Г. А. Англія. IV, св. 5.

2. Qu'établissant et déterminant les droits de la propriété des deux villes de Thorn et de Dantzig, on distingue de ceux-là les droits, que ces mêmes villes peuvent avoir résultant, en vertu de conventions ou autres actes, de la propriété d'un tiers.

3. Qu'en conséquence de cette distinction du point précédent, en statuant que ces deux villes susmentionnées seront maintenues imperturbablement dans les droits de la première, il sera aussi laissé la liberté convenue aux tiers, de la propriété duquel résultent ceux de la seconde, d'entrer à ceux-ci (?) avec elle dans des arrangements justes et équitables et compatibles avec ses intérêts.

D'accord, comme il parait évidemment sur le fond de la chose et sur la fin qu'on se propose, il ne reste sans doute qu'à s'entendre sur l'accession, qui est dans l'intérêt de Sa Majesté Prussienne, et convenir de représentations amiables à lui faire pour faciliter l'arrangement, dont il est besoin et qui termine tout. La cour de Russie, dans une alliance et amitié étroite avec celle de Berlin, et unie à celle de Londres par les mêmes liens de l'amitié et par ceux d'un intérêt naturel et inaltérable, se portera avec autant de satisfaction que de bonne volonté à faire avec celle-ci vís-à-vis de la première les démarches que le cas indique et semble requérir, et par la connaissance qu'elle a des dispositions de son allié, par le désir déjà marqué par lui et suivi de propositions à la ville de Dantzig de s'arranger avec elle, elle se flatte que les deux cours trouveront toutes les facilités, qu'elles peuvent avec justice désirer au succès de leurs vues. Le point, tout simple qu'il est, demandant néanmoins d'être traité avec ménagement, l'Impératrice, accoutumée à discuter tout intérêt avec une cour amie avec la franchise qui lui est naturelle, ne veut point cacher à Sa Majesté Britannique, qu'elle se flatte que pour elle, n'admettant qu'une impartialité absolue et ne donnant nul accès à des insinuations, provenant de plaintes et des cris exagérés, elle ne voudra imprimer à ses représentations que ce caractère de justice, d'équité et de conciliation, qui toujours prévient et rapproche les esprits.

Tels sont dans leur sincérité les sentiments et les dispositions de la cour de Russie. M-r l'envoyé est prié de les présenter à la sienne sous leur point de vue naturel et d'y faire rapport, qu'aussitôt qu'il sera arrêté par elle de faire à la cour de Berlin des représentations sur l'objet en question dans les errements que propose la cour de Russie, celle-ci agira conjointement avec elle et procédera à pas égaux et avec les mêmes instances à procurer l'arrangement désiré; que remettant à son choix ou de faire faire ces représentations directement à Berlin par son ministre auprès du roi de Prusse, ou par le ministère Britannique au ministre de ce prince à Londres, on ne sera pas plus tôt informé ici,

laquelle des deux voies elle aura préféré, que le ministre de Russie, à l'une ou l'autre place, sera muni des ordres et instructions nécessaires pour le concours le plus exact de sa part à cette mesure. Enfin m-r l'envoyé est prié de certifier à sa cour l'empressement de celle de Russie à voir cette affaire terminée à la satisfaction commune, encore avant l'ouverture de la navigation et d'une façon, qui constate l'esprit d'union, d'amitié et de bonne intelligence qui en aura décidé la résolution.

## 2330) ПРОЕКТЪ РЕСКРИПТА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ПОСЛАННИКУ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

(Послѣ 15 Января 1773 г., послѣдняго срока подачи присяги; см. выше № 2303).

Les deux termes, que nous avons successivement fixés par nos lettres patentes, pour l'hommage et prestation de serment de tous les habitants des deux provinces réunies à notre empire étant expirés, et tous ceux des propriétaires, qui n'ont point satisfait à ce devoir, ayant encouru de droit la séquestration de leurs terres, nous, considérant qu'il serait préjudiciable aux droits et intérêts de notre couronne de déroger à cette loi générale, mais en même temps, toujours disposée à donner accès aux sentiments d'indulgence envers ceux, que nous trouverons mériter quelques exceptions par des circonstances particulières, nous vous autorisons par la présente à faire connaître à tous ceux des gentilshommes polonais, possessionnés dans nos deux nouveaux gouvernements, que vous trouverez, par la considération du triste état de leurs affaires, par leur conduite personnelle et leurs sentiments pour le bien de l'état, mériter que nous les favorisions, en recevant d'eux, nonobstant l'expiration du terme, l'hommage et serment de fidélité, qu'ils nous doivent, comme à leur légitime souveraine; qu'ils peuvent compter, que nous nous relâcherons sur cela et compâtirons à leur situation, dès que dans la diète, qui va s'assembler, ils se montreront animés des sentiments de vrais patriotes, et coopéreront avec zèle et sincérité, tant au rétablissement de l'ordre et de la tranquillité dans leur patrie, qu'à l'arrangement définitif des affaires entre la république et les trois puissances voisines, qui prennent une part si effective à la pacification. Sur ce nous vous assurons de notre bienveillance Impériale.

---

[1]) М. Г. А. Польша, II, св. 4. Тутъ же находится черновой переводъ того же рескрипта на русскомъ языкѣ.

## 2331) ЧЕРНОВОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГЕРЦОГУ КУРЛЯНДСКОМУ ПЕТРУ БИРОНУ [1]).

Durchlauchtiger Herzog.

Die uns von Ew. Liebden mitgetheilte Nachricht von dem Absterben dero Herrn Vaters des Herzogs Ernst-Iohann Durchl. und Liebden, haben wir mit einem desto grösseren Leidwesen vernommen, da wir demselben allezeit mit besonderem Wohlwollen zugethan gewesen.

Das aufrichtige Beileid, das wir Ew. Liebden dieses Trauer-Falles halber hiemit abstatten, vereinigen wir mit dem Wunsche, dass der Allmächtige Ihren gerechten Schmertz lindern und Ihnen den Genuss einer dauerhaften Glückseligkeit und Zufriedenheit mildig verleihen wolle, woran wir stets wahren Antheil nehmen und mit fortdauerndem Wohlwollen beharren

Ew. Liebden
wohl affectionirte
Catherine.

St.-Petersburg, den 20 Januar 1773.

## 2332) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 1 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [2]).

St.-Pétersbourg, le 20 Janvier 1773.

J'ai l'honneur de vous faire part, M-r, que l'Impératrice, par un mouvement de clémence et de compassion, a ordonné l'élargissement des quatre prisonniers d'état polonais, détenus chez nous, l'évêque de Cracovie, celui de Kiovie, le grand général Rzewuski et son fils. L'ordre a éte envoyé à Kalouga, lieu de leur arrêt, de les pourvoir de tous leurs besoins pour la route et de les faire partir en droiture de là pour la Pologne.

Sa Majesté n'a consulté que son coeur dans cet acte d'humanité, mais par là nous coupons court à une infinité de plaintes et de sollicitations, qui ne manqueraient pas de se rendre plus incommodes dans les circonstances présentes et que vous trouveriez toujours dans votre chemin. Je ne saurais imaginer, que ces messieurs ne soient corrigés

---

[1]) М. Г. А. Курляндія, I, св. 2.

[2]) М. Г. А. Польша, III, св. 35.

par une expérience pareille, et que vous ne les trouviez doux et traitables dans la participation qu'ils vont avoir aux affaires, et pour les mettre ou les affermir dans de telles dispositions, vous leur ferez bien entendre, que ce n'est qu'à l'Impératrice qu'ils doivent leur liberté et qu'ils auraient eu encore longtemps à soupirer après, s'ils n'avaient dû la tenir que de la force des réclamations en leur faveur ou de toute autre considération politique.

Cette lettre arrivera tard pour votre information, vous aurez à vous plaindre de moi pour les premiers jours de la surprise, mais bientôt vous en tirerez parti vous-même pour convaincre d'autant mieux la nation, que ce n'est ici que l'effet de la sensibilité du coeur de l'Impératrice et non le succès d'une négociation ministériale. J'ai l'honneur d'être etc.

## 2333) ПЕРЕВОДЪ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНОЙ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ВИЦЕ-КАНЦЛЕРУ КНЯЗЮ А. М. ГОЛИЦЫНУ [1]).

(Прислана въ Коллегію отъ его с-ва вице-канцлера, 26 Генваря 1773 г.).

Назначенный посланникомъ въ Мадридъ, камеръ-юнкеръ Степанъ Зиновьевъ, забылъ подписать и датировать первую свою реляцію на имя Императрицы.

Включенное здѣсь письмо получила я вчера ввечеру съ почты, ко мнѣ адресованное. Я разсудила, что оно отъ Зиновьева. Однакожъ странно, что онъ, начиная министерство свое, первымъ ко мнѣ письмомъ позабылъ подписать подъ онымъ свое имя и число поставить. Это знакъ малой исправности или еще и вертопрашества. Дайте вы ему скромнымъ образомъ восчувствовать, что поступокъ сей гораздо не порядоченъ. Сіе его исправитъ и сдѣлаетъ осторожнѣе.

## 2334) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [1]).

Нашему генералу-поручику Щербинину.

Соизволяя мы, по учиненному отъ васъ, въ реляціи отъ 13 Января, представленію, на пріѣздъ вашъ сюда, для толь удобнѣйшаго изъясненія всѣхъ до Крыма касающихся обстоятельствъ и подробностей, всемилостивѣйше пріемлемъ притомъ за благо и употребляемые вами, и

[1]) М. Г. А. Испанія, III, св. 8.

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ къ Е. А. Щербинину 1770—1775 гг. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Р., 1871 г., IV, стр. 141—142.

въ той же самой реляціи описанные, способы и мѣры къ предудержанію Ногайскихъ ордъ, особливо же ихъ начальниковъ, отъ противныхъ въ настоящее время съ непріятелемъ соглашеній, а къ утвержденію въ расположеніи приличномъ и свойственномъ съ пользою Имперіи нашей, и ожидаемъ въ самомъ дѣлѣ отъ примѣра, показаннаго Эдишкульскимъ начальникомъ, Мамбетъ-беемъ, въ препорученіи сына своего, для воспитанія и обученія, находящемуся въ ихъ Ногайскихъ ордахъ подполковнику Стремоухову, такихъ слѣдствій, кои по мѣрѣ умноженія сему начальнику послѣдователей, въ чемъ уже вы и надежду подаете, полагая въ числѣ оныхъ и главнаго Эдиссанскаго начальника жъ Джанъ-Мамбетъ-бея, желающаго внуковъ своихъ препоручить тому жъ подполковнику, умножатъ необходимымъ образомъ для всѣхъ предводителей Ногайскихъ и обязательства держаться нашей стороны, а паче въ случаѣ, буде вы склонить ихъ предуспѣете, чтобъ они дѣтей своихъ прислали къ вамъ въ Харьковъ, гдѣ вы сами объ нихъ попеченіе имѣть можете, и они всему тому обучаемы, чему отцы ихъ и родственники сами похотятъ, а такимъ образомъ и послужатъ оные питомцы, какъ нынѣ надежнымъ залогомъ, такъ напротивъ того для послѣдующаго времени полезно быть имѣетъ и пріобрѣтаемое ими между тѣмъ къ нашей Имперіи доброжелательство отъ просвѣщенія и привычки; ибо мы, только бъ дѣйствительная податность отъ Ногайскихъ начальниковъ оказана была бъ, склонны находимся всѣ къ тому возможные способы употребить, и прислать и отсюда, ежели бъ въ вашемъ мѣстѣ не сыскалось, искуснаго для обученія ихъ дѣтей человѣка, и о чемъ вы и начальникамъ Ногайскимъ можете дать знать, для толь лучшаго убѣжденія исполнить по нашему желанію, которое имъ представите единственно имѣющимъ отношеніе къ собственной ихъ потомства пользѣ и преимуществамъ. Отъѣзжая же вы сюда изъ вашего мѣста, не оставите, въ разсужденіи управленія дѣлами препорученной вамъ губерніи, чтобъ въ порядочномъ оныхъ теченіи и производствѣ, и въ небытность вашу никакой остановки не случилось, равно какъ и по татарской коммиссіи, и чтобъ переписка ваша съ ст. сов. Веселицкимъ, по Крымскимъ дѣламъ, кои по рескрипту нашему, отъ 29 Декабря минувшаго года, ввѣрены въ ваше же руководство, такожде могла быть продолжаема.

Впрочемъ посылается при семъ къ вамъ ратификація напа на трактатъ, заключенный вами съ ханомъ Крымскимъ и правительствомъ, препоручая мы вамъ оную отправить отъ себя для пристойнаго хану врученія къ помянутому ст. сов. Веселицкому, и пребывая затѣмъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ 30 Января 1773 года.

Подлинный подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою.

## PRÉCIS D'UN ENTRETIEN DU COMTE PANINE AVEC LE PRINCE LOBKOVITZ.

Вручено Цесарскому министру 12-го, а Прусскому 13 Февраля 1773 г. Напеч. въ Сборникѣ, т. LXXII, стр. 340—344 (при депешѣ гр. Сольмса отъ 15 Февраля 1773 года).

## 2335) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ [1]).

Графъ Никита Ивановичъ. На извѣстные въ Польшѣ расходы повелѣли мы отпустить въ вѣдомство ваше, изъ здѣшней Монетной Экспедиціи, сто тысячъ рублей золотою монетою.

Екатерина.

Февраля 15 дня 1773 года.

## 2336) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КН. Д. М. ГОЛИЦЫНУ. ВЪ ВѢНУ [1]).

Mon prince.

J'ai l'honneur d'envoyer ci-joint à V. E. un plan d'opération pour les trois ministres en Pologne, que la cour où vous êtes et aussi celle de Berlin ont souhaité avoir de moi. Je l'ai communiqué au prince Lobkovitz qui le fait parvenir au prince Kaunitz par le courrier qu'il expédie aujourd'hui, le même que je charge de cette lettre; et de cette façon je m'abstiens, mon pr-ce, de vous recommander d'en faire usage de notre part; mais je n'ai pas voulu me dispenser de vous en envoyer personnellement une copie pour vous tenir dans une connaissance parfaite de la marche et de la suite de nos affaires, et aussi pour que vous puissiez en raisonner avec ce ministre, s'il entre en quelque entretien sur la matière avec vous. Comme je me suis tenu, en rédigeant ce plan, aux vues et objets appréciés dans le concert des trois cours, ainsi qu'aux désirs de la nation le plus généralement connus, il ne sera point étonnant qu'il se trouve dans l'exécution quelques points à changer ou d'autres à ajouter, c'est à dire sur l'objet de la pacification intérieure; ce sera aux trois ministres à Varsovie à en convenir entre eux, selon qu'ils jugeront par là approcher et assurer la conclusion du tout. Et je

[1]) Госуд. Архивъ, V, № 94.

[1]) М. Г. А. Австрія, III, св. 25.

prie seulement V. E. de le remarquer à m-r le prince Kaunitz dans votre entretien, que je suppose devoir immanquablement avoir lieu.

Mais, mon prince, dans les détails qu'amène naturellement une conversation sur des objets respectivement si intéressants, et qui se traitent dans un concert si intime entre nos cours, je voudrais bien que, vous servant de la confiance méritée que le prince Kaunitz vous accorde, vous fissiez entrer sans affectation dans votre entretien quelques observations qui me paraissent se présenter d'elles-mêmes sur l'état des affaires.

Le prince Kaunitz a très sagement prévu que même après que les trois cours seraient d'accord entre elles, tout ne serait pas encore dit à beaucoup près.

Il n'y a pas d'illusion à se faire sur la sensation générale qu'a produit notre concert. Entre toutes les cours, il n'y a que celles à qui la chose est absolument indifférente ou qui elles-mêmes sont trop insignifiantes par leur faiblesse, qui gardent le silence ou au moins ne laissent rien percer qui y soit contraire. La France crie et intrigue partout et manifeste hautement ses vues pour l'embarrasser et en empêcher ou du moins altérer en partie l'exécution. Son grand arc-boutant est de prolonger la guerre de Turquie. Pour ranimer la Porte abattue de ses pertes et qui voulait la paix à tout prix, elle a voulu lui montrer la Suède dans un état plus propre à nous donner de la jalousie et bientôt la flatter d'une diversion qui lui serait favorable; on a fait tenter au roi un coup désespéré qui a réussi; la forme du gouvernement a été renversée; aussitôt des préparatifs de guerre, des mouvements pour forcer à l'inaction l'allié de la Russie, le plus à portée de nuire au nouveau souverain, des négociations à force et des propositions de toute part de la France et de la Suède, tant à Stockholm et à Paris, qu'ici, pour renouveller l'alliance expirée entre la Russie et la Suède, pour comprendre dans cette alliance la France, enfin pour nous lier les mains et nous extorquer des engagements difficiles à associer à notre système actuel. Au moyen de cette face nouvelle qu'ils ont donnée à cette partie du Nord, ils tournent la tête aux musulmans et leur promettent monts et merveilles de la continuation de la guerre. Ils engagent d'autres cours à se joindre à eux pour empêcher la conclusion de la paix et pour n'en citer qu'une, la navigation sur la Mer Noire que l'Angleterre elle-même voulait nous faire avoir, si nous l'avions chargée de la médiation, est à présent un sujet de jalousie au point d'intriguer pour nous la faire refuser.

Aussi ne manquons nous pas de ressentir par l'état présent de la négociation les effets préjudiciables de ce tourbillon d'intrigues. Les Turcs, ou du moins leur plénipotentiaire va en rétrogradant et se rétracte de telles propositions qu'il avait faites, qui en garantissaient presque le succès. Au lieu qu'à présent rien n'est si problématique.

N'est ce pas une réflexion qui s'offre d'elle même, qu'il est de la justice et de la dignité de la cour Impériale et Royale de ne point se montrer indifférente à une position, qui à la verité est d'abord la notre, mais aussi qui ne porte pas moins visiblement sur le système d'union des trois cours: de leur justice – puisque Leurs Majestés Impériales et Royales savent, dans quel état de détresse était la Porte, lorsqu'elles-mêmes ont travaillé à l'en tirer; que ce n'est qu'à leur seule intercession que l'Impératrice a pu vaincre sa répugnance sur la restitution de la Moldavie et de la Valachie; que la considération de l'intérêt immédiat de leur voisinage a été un temps son seul refuge; que c'est à cette seule considération que la Porte avait l'assurance d'une paix plus favorable que ne le porte l'état de sa guerre, et qu'aujourd'hui, séduite par des promesses de secours étrangers, elle refuse les conditions les plus justes et es plus modérées. De leur dignité — puisqu'enfin cette conduite de la Porte n'est que l'effet d'un bruit de paroles qui se fait entendre à ses oreilles, et que ce n'est pas à de tels moyens que doit céder un système de trois cours puissantes qui se doivent à elles-mêmes de pouvoir régler entre elles leurs intérêts, sans qu'à aucune autre il appartienne de les en dètourner.

Le prince Kaunitz lui-méme, ministre juste, éclairé et honnête, ne jugera-t-il point qu'il convienne à sa cour de manifester, quelle est l'impression que fait sur elle cet état de la Porte et le but visible du rôle qu'on veut lui faire jouer.

Sans doute rien ne pourrait mieux la contenir qu'une représentation nerveuse de la part du ministre de Leurs Majestés Impériales, qui lui ferait sentir, qu'on ne veut lui faire continuer la guerre que pour couvrir la Suède, ou plutôt consolider le pouvoir usurpé dans la main du roi; qu'au lieu des chimères, après lesquelles elle va courir, elle perd dès à présent toute l'espérance qu'elle devait aux bons offices de Leurs Majestés Impériales et Royales de recouvrer deux provinces importantes, parce que dès que la guerre continue, elles abandonnent cette condition, aussi bien que toutes les autres, au sort des armes; enfin, que si c'est l'espoir d'une diversion qui lui fait refuser la paix, elle doit savoir que Leurs Majestés Impériales et Royales ne resteront point tranquilles spectatrices d'une telle extension de la guerre, que le même intérêt de voisinage et la même considération d'entretenir l'équilibre entre les deux parties belligérantes, qui les a déterminées à s'employer à lui faire avoir une paix raisonnable, lorsque les succès des armes avaient donné une supériorité trop décidée à la Russie, seront aussi leur règle dans les mesures qu'il leur importera de prendre dans la nouvelle scène qui va s'ouvrir.

Voilà, mon prince, sur quelles voies je vous prie de mettre le prince

Kaunitz, de ne faire parler que la vérité des faits, la justice qui caractérise sa cour et son ministère, et tout cela éclairé par l'intérêt le plus évident pour la cour Impériale et Royale elle-même. J'ai l'honneur d'être etc,

A St. Pétersbourg, ce 15 Février 1773.

### РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ВИЦЕ-АДМИРАЛУ А. Н. СЕНЯВИНУ.

20 Февраля 1773 г. Объ отпускѣ, въ распоряженіе его, суммъ. Напеч. въ Сборникѣ, т. XIII, стр. 304.

### СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ.

21 Февраля 1773 г. О пожалованіи ему брилльянтовой шпаги за одержанныя надъ турками побѣды. Напеч. въ Сборникѣ, т. I, стр. 89.

### СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ.

23 Февраля 1773 г. О денежной наградѣ капитанамъ Коняеву и Клеопину, и о посылкѣ Георгіевскихъ крестовъ. Напеч. въ Сборникѣ, т. I, стр. 90.

### 2337) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ЕПИСКОПУ КУЯВСКОМУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

St. Pétersbourg, le 23 Février 1773.

Monseigneur.

Je ne veux point laisser retourner le comte Poninski en Pologne, sans informer Votre Eminence que l'Impératrice a reçu avec satisfaction sa lettre et m'a ordonné de l'assurer de ses bontés. Le témoignage que ses ministres lui ont rendu successivement, Monseigneur, de votre zèle et de votre conduite patriotique, vous ont mérité son estime et sa bienveillance, et actuellement le baron Stackelberg est à même de vous certifier ces sentiments.

Je ne serais pas juste, si je chargeais M-r de Poninski de cette lettre sans vous témoigner, combien je suis flatté d'avoir fait sa connaissance; quoique je sois fâché de le perdre, je me réjouis d'un autre côté

[1]) М. Г. А. Польша, II, св. 4.

qu'un homme de son mérite se trouve, dans sa patrie, dans les circonstances présentes, et je ne souhaite rien tant, que de voir les sentiments qu'il m'a fait connaître s'étendre et se généraliser. Je l'ai prié de dire à votre Eminence, combien je m'honore de servir un prélat et un citoyen aussi distingué par ses vertus, il lui demandera pour moi son estime et la priera d'être persuadée de la très parfaite considération, avec laquelle j'ai l'honneur d'être etc.

## 2338) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 8 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

St. Pétersbourg, le 24 Février 1773.

Au moment où j'ai l'honneur de vous écrire, M-r, je suis en possession de vos lettres d'office de cette année, depuis № 1 jusqu'à № 13.

Je répète ici ce que j'ai déjà eu l'honneur de vous marquer dans une autre de mes lettres, que votre plan général d'opérations avec les deux autres ministres doit être désormais la règle de votre conduite et de vos démarches, et c'est là, comme de justice, que je renvoie toutes les résolutions relatives aux affaires, sur chaque représentation de votre part jusqu'à ce jour. Je ne toucherai donc ici que les objets hors de cette catégorie.

La résolution que vous avez prise, M-r, de vous refuser au renouvellement du tribunal de Lithuanie, a été approuvée; dans le moment où tous les efforts doivent tendre vers la résolution de l'objet principal, on ne saurait trop éviter les causes de troubles et de discussions particulières, qui ne feraient que divertir de celui là.

Vous avez répondu dans les termes que vous deviez, M-r, aux insinuations du nonce et du clergé, appuyées de la recommandation du ministre de Vienne en faveur des intérêts de la religion catholique dans nos nouvelles provinces. Vous n'avez point d'autre langage à tenir toutes les fois qu'il sera reparlé de cette affaire.

Comme je vous l'ai déjà fait pressentir dans une de mes lettres, nous allons travailler à déterminer, une fois pour toutes, un régime ecclésiastique pour ces nouveaux sujets catholiques. Vous proposez, M-r, comme un objet très important à régler, les intérêts du commerce entre les trois cours et la république. La nouvelle position du roi de Prusse et des Autrichiens rend, quant à ces deux cours, cet article difficile à régler à la satisfaction de tout le monde; elles ne sauraient cependant négliger d'y travailler dans ce moment, où il faut tout finir avec la république,

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 35.

et je ne doute point qu'elle n'instruisent à cet effet leurs ministres. Votre office dans cet arrangement, s'il a lieu, sera celui d'un médiateur qui cherche autant qu'il est possible à concilier les intérêts divers et à prévenir toute altercation. Quant à nous, le changement n'est presque pas sensible, et il suffira de statuer une exécution plus exacte de ce qui est stipulé pour le commerce dans les anciens traités, ainsi que leur extension à nos nouvelles acquisitions. Dans l'acheminement de la négociation j'approfondirai d'avantage l'objet jet e vous pourvoyerai de résolutions plus précises.

Je trouve très prudente et très juste la conduite que vous tenez à l'égard du primat. Si par des insinuations et des voies de douceur vous ne pouvez pas l'attirer à Varsovie, il vaut mieux se passer de lui, que de recourir à la violence, celle-ci me paraissant devoir faire une impression plus défavorable, que ne le peut même son absence. De plus, comme il sera indispensable de recourir à une confédération, on trouvera peut-être tôt ou tard le moyen de l'y faire entrer et conséquemment participer aux affaires. D'ailleurs cet homme, après la façon dont il s'est expliqué en dernier lieu dans sa lettre au roi, ne mérite pas que l'on coure après lui, car jamais il n'a aussi bien prouvé à quel point il est un sujet pervers. J'ai l'honneur d'être etc.

## 2339) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 10 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

St. Pétersbourg, le 24 Février 1773.

Sur la représentation que j'ai faite à l'Impératrice, M-r, relativement aux objets contenus en votre lettre d'office. non numérotée du $\frac{23\text{ Janvier}}{3\text{ Février}}$, j'ai reçu ordre de Sa Majesté Impériale de vous marquer qu'elle approuve que vous fassiez de sa part des gratifications au grand chancelier de la couronne et à l'évêque de Cujavie, pour les mettre en état de subsister honorablement et de vous être plus utiles dans le moment présent. Elle vous autorise d'employer à cet usage les sommes que vous avez indiquées dans la dite lettre, savoir celle provenante des revenus échus de l'évêché de Cracovie pendant votre résidence, et ce que vous recevrez de la commission du trésor pour le loyer de la maison de votre prédécesseur. L'Impératrice a pareillement eu égard à la représentation que vous faites, M-r, en faveur du comte Gourovski. Elle remet à votre

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 35.

discrétion le traitement à lui faire selon l'utilité dont il vous sera, ainsi que la façon même du traitement, afin de tenir toujours cet homme en votre disposition. J'ai l'honneur d'être etc.

## 2340) ПРОЕКТЪ ПЛАНА ДЛЯ ПОВЕДЕНІЯ ТРЕХЪ МИНИСТРОВЪ ВЪ ПОЛЬШѢ, СЪ СОБСТВЕННОРУЧНЫМИ ЗАМѢТКАМИ НА ПОЛЯХЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ [1]).

(Сообщенъ министру цесарскому и прусскому).

(Къ письму гр. Панина къ бар. Штакельбергу въ Варшаву, за № 5, 1773 года, 24 Февраля).

Projet d'un plan pour la conduite des trois ministres en Pologne pour effectuer qu'entre les trois cours et la république légalement assemblée en diète il soit statué irrévocablement par un traité sur leurs intérêts avec cette puissance, et qu'il leur soit fait une cession pleine et absolue des pays dont préalablement elles ont pris possession: et conjointement avec cet arrangement extérieur, pour procurer que l'ordre et la tranquillité soient rétablis dans ce royaume sur un pied équitable et solide, les griefs nationaux redressés, les abus du gouvernement corrigés, et une existence politique permanente, analogue aux dispositions et intérêts de ses voisins, assurée à la république.

Les points à prescrire aux ministres respectifs se rapportent à leur conduite avant ou pendant la diète. Les premiers sont préparatoires, les seconds d'exécution.

Points préparatoires.

1.

Dans les derniers ordres envoyés conjointement par les trois cours à leurs ministres à Varsovie, les deux termes fixés dans la déclaration qu'il leur est enjoint de remettre au gouvernement, tant pour l'assemblée de

[1]) М. Г. А. Доклады, св. 1. — Этотъ проектъ плана уже былъ помѣщенъ въ LXXII томѣ Сборника (стр. 317—334) въ числѣ документовъ, принадлежащихъ къ дипломатической перепискѣ Прусскихъ посланниковъ при Русскомъ дворѣ съ 1772 по 1774 г. (См. предисловіе къ этому тому). Въ печатаемомъ нынѣ черновомъ проектѣ плана обозначены всѣ собственноручныя приписки, исправленія и замѣчанія сдѣланныя рукою Императрицы. Въ текстѣ отмѣчены также мѣста значительно отличающіяся отъ текста, помѣщеннаго въ LXXII т. Сборника.

la diète que pour l'arrangement final avec les trois puissances, pouvant se trouver insuffisants: les trois ministres n'insisteront pas à la rigueur sur les dits termes, dès qu'ils verront évidemment que le roi et le ministère travaillent à acheminer les choses à ces deux fins, sans y perdre du temps au delà de ce qu'il en faut absolument selon la constitution.

2.

La marche des troupes respectives, qui d'après les derniers arrangements doivent s'avancer dans l'intérieur du royaume, devant faire sur la nation une impression générale, qui lui fasse désirer de sortir enfin de la crise où elle est, c'est là proprement que commence l'activité des trois ministres, et qu'ils travailleront unanimement à disposer et réunir les esprits vers les vues des trois cours.

3.

Si le Roi, comme on a lieu de le présumer par les derniers rapports de ses dispositions, s'offre à diriger la diète vers la fin qu'en attendent les trois cours, les ministres pourront entrer en accord avec lui à ce sujet, en se précautionnant toutefois que cette direction du roi ne soit que de lui seul, et qu'il n'y entre ni intérêt et considération de famille, ni intrigue et influence particulière. De même on pourra admettre dans la conduite de l'opération des chefs de parti, même de ceux, qui sont reconnus pour être du parti Saxon, mais en s'assurant que dans cette entreprise, qui doit être purement nationale, il n'y sera question d'aucune vue et intérêt étranger.

*

Параграфъ 3-й зачеркнутъ и на мѣсто его рукою Императрицы, на поляхъ, написано слѣдующее:

*Si on remarquera que le Roi est disposé, vu la nécessité où il se trouve, d'entrer dans les vues des trois cours, on pourra s'ouvrir avec lui au sujet de la direction de cette diète, bien entendu qu'on soit sûr d'avance qu'aucun intérêt, ni intrigue, ni influence étrangère puisse s'en mêler au préjudice des trois cours. On exclue d'autant moins le Roi, que dans cette opération purement nationale, on trouve utile d'admettre tous les acteurs de quelque parti qu'ils puissent avoir été, pourvu qu'ils veuillent sincèrement finir les troubles de leur patrie.*

4.

Comme il ne sera pas possible que les trois ministres veillent par eux-mêmes à tant d'endroits différents où se tiendront les diètines, ils s'assureront d'un certain nombre d'acteurs devoués, qui se chargeront d'y ménager les choses vers les fins qu'on se propose, et dans ce choix ils s'attacheront beaucoup moins au nombre, qu'au caractère des personnes, et ne prendront, s'il se peut, que des gens sûrs, résolus et capables.

5.

Les moyens de force seuls ne pouvant jamais suffire à donner le mouvement aux diètines et en décider les résolutions dans les principes des trois cours, tant pour le choix des nonces qui leur conviennent, que pour les instructions dont ceux-ci seront munis, il sera indispensable d'y ajouter la séduction, et pour être en état de le faire, les trois cours formeront dès à présent auprès de leurs ministres une caisse destinée uniquement au succès des opérations présentes, pour laquelle on estime que le premier fonds pour chaque cour ne pourra pas être moins de 150 à 200 mille écus.

6.

Cette caisse sera en commun à la disposition des trois ministres, et il n'en sera rien payé que du consentement unanime de tous les trois.

7.

Un fonds ainsi assuré pour la séduction, les forces militaires disposées le plus à propos qu'il se pourra, et tous les moyens de persuasion,

qui naissent de l'intérêt particulier, connus autant qu'il est possible et prêts à être administrés, ce sera aux acteurs qu'on employera, lesquels connaissent le fort et le faible de telle ou telle diètine, à instruire les ministres, lequel des moyens devra être employé par préférence, ou dans quel degré tous les trois; et d'après ces avis les ministres dispenseront au besoin la pression militaire, la persuasion ou la séduction. Comme la première regarde les généraux, il y aura toujours entre eux et les ministres une communication ouverte et sans réserve, pour que leur partie soit toujours exécutée à point nommé.

8.

Dans les points et articles énoncés ci-après, les trois ministres obligés de s'ouvrir tant au Roi qu'aux acteurs qui concourront à leurs vues sur le plan général de l'arrangement, auront attention à ménager les uns et les autres, en se tenant dans une réserve raisonnable sur ceux de ces points, qu'ils sauront devoir déplaire indubitablement aux uns ou aux autres.

9.

Comme toutes les affaires à régler à la diète future, tant l'arrangement avec les puissances voisines, que la pacification de l'état et la réforme de ses abus, sont sous la loi du *liberum veto* et que conséquemment il n'est pas même présumable qu'on vienne à bout de les résoudre dans une diète libre et leur donner la sanction désirée par les lois de la république, toutes les vues des mi-

nistres doivent se tourner vers une diète sous le noeud de la confédération.

10.

Cette opération peut se faire de deux manières: ou les nonces, prévenus et disposés par les ministres et convaincus de la nécessité de la chose, se confédéreraient comme par leur propre impulsion et établiraient d'abord la diète sous cette confédération, à quoi il faudra travailler au moyen des acteurs dont on se sera assuré d'abord; ou l'impossibilité de cette première mesure reconnue, les ministres feront à Varsovie une confédération, à laquelle la diète devra accéder et dès lors prendre la nature d'une diète tenue par confédération. Pour entrainer l'un ou l'autre moyen, les ministres ne manqueront pas d'exposer avec énergie tout ce qui peut résulter de la prolongation des calamités de l'état, et de faire sentir à tous ses membres pour lors rassemblés à Varsovie, que puisque les trois cours remettent encore entre leurs mains de sauver leur patrie, c'est à eux à prendre le chemin le plus court et le plus sûr pour y parvenir.

11.

Il est à observer que ces représentations feront plus d'effet sur le Roi, dont l'état se trouve plus critique à proportion de l'indécision et de la confusion des affaires, que sur ceux des chefs de parti ou d'autres qui tiennent à la faction Saxonne, parceque ceux-ci, toujours imbus de leur passion favorite de revoir un prince de Saxe sur le trône, croient

toujours y apercevoir une lueur d'espérance dans la complication des maux de leur patrie. Or, comme il est absolument hors du systême des trois cours d'entendre à aucune ouverture propre à favoriser de telles vues, et que d'autre part, à mesure de l'importance dont le Roi croirait être pour le succès de l'opération, il ne manquerait pas d'exiger des assurances sur le maintien de ses avantages personnels et de ceux de sa famille, dont partie doit être sacrifiée à la pacification de l'état, les vrais acteurs, que les ministres ont à choisir, sont ceux d'une classe moyenne, dont la fortune ne tient ni à la cour de Varsovie, ni au parti de Saxe, et qui n'ont personnellement à entrevoir qu'une amélioration de bien être pour eux dans la fin des maux de leur patrie.

Послѣ параграфа 11-го рукою Императрицы вписанъ новый,

§ 12.

*Le choix du maréchal de la diète étant d'une grande importance pour la réussite de l'objet principal, les trois ministres emploieront tous leurs soins pour trouver un sujet, dont les intentions soient sincères et qui se laisse diriger dans les cas de besoin. Ce choix étant fait, il s'entend de soi-même qu'ils travaillent pour son élection.*

Points d'exécution.

La diète ayant pris consistance de l'une ou de l'autre des deux manières ci-dessus énoncées et se trouvant en activité, commence de la part des trois ministres l'exécution

des vues de leurs cours, savoir: la conclusion d'un traité confirmatif du partage, qu'elles ont fait entre elles, la fixation de l'état de la république, tel qu'il convient à une puissance intermédiaire, enfin le rétablissement du gouvernement dans les vrais principes pour opérer la pacification présente et y assurer à l'avenir le maintien de l'ordre et de la tranquillité.

Conclusion du traité.

1.

Les trois ministres feront en commun une démarche formelle auprès des états assemblés en diète, pour demander qu'il soit nommé une députation pour traiter avec eux, autorisés à cet effet par leurs cours.

2.

Dans la négociation les ministres n'entendront à aucune discussion sur la validité des titres de leurs cours, ni à aucune restriction ou diminution de la portion de chacune, mais ils insisteront sur une cession et rénonciation pleine et absolue de la part de la république aux terres et districts, dont chacune a pris possession.

3.

De leur part ils renonceront au nom de leur cour à toutes prétentions quelconques à la charge de la république.

4.

La rénonciation de la part de la république comprendra, outre les provinces cédées, tout droit ou prétention ancienne sur les états et possessions quelconques des trois cours.

5.

Les ministres obtiendront la délivrance de toutes les archives, titres et documents, appartenant aux pays, qui leur sont cédés.

6.

Ils statueront qu'il ne sera plus fait mention de la régie de ces provinces dans les actes de la république, et que tout ce qui les a concerné comme faisant partie de ses états, est annullé; et nommément les articles 13 et 14 des lois cardinales concernant les villes de la Prusse et la Livonie.

7.

Enfin ils stipuleront que le traité sera ratifié des deux partis et inséré dans la constitution de la présente diète.

## Fixation de l'état de la République.

1.

Les deux points établis par l'article 5 des lois cardinales de la constitution de 1768, qui statuent la couronne élective à perpétuité et la succession au trône proscrite, seront renouvelés et confirmés.

2.

Il ne pourra à l'avenir être élu pour Roi de Pologne qu'un noble polonais d'origine noble, né et possessionné en Pologne. La diète statuera à perpétuité l'exclusion de tout prince étranger.

3.

Les fils ou petits fils du dernier Roi ne pourront être élus Rois immédiatement après leur père ou leur grand-père, mais il faudra au

moins un intervalle de deux règnes pour qu'ils puissent être éligibles.

4.

Le gouvernement de la Pologne sera à perpétuité un gouvernement républicain.

5.

Le *liberum veto* restera loi immuable, comme il a été statué à la dernière diète, et les mêmes matières qui ont été mises sous sa garde y seront aussi conservées.

NB: Il pourra dès la future diète être pris des arrangements entre les ministres des trois cours pour le choix et la désignation d'un sujet pour être proposé pour candidat à la première vacance du trône.

NB зачеркнуто и на его мѣсто написано рукою Императрицы, на поляхъ:

*J'ai effacé le NB et ce qui le suit, parceque je considère cela comme pouvant donner lieu à de nouveaux brouillaminis sans fin, ceux qui existent m'ennuyent déjà assez.*

## Le rétablissement du gouvernement dans ses vrais principes.

Comme c'est en ceci que consiste la pacification de la Pologne, à laquelle les trois cours ont annoncé qu'elles veulent travailler de concert avec la nation, les trois ministres réuniront leurs efforts pour y rapprocher toute chose du vrai état de la république, et que cette opération soit caractérisée et se recommande aux yeux de toute la nation par une utilité non équivoque. En ceci il faudra qu'ils distinguent ce qui est passion ou caprice de quelques-uns, ou fantôme de la multitude, d'avec ce qui est juste, réellement salutaire et requis par les lois.

1.

On ne pense point, que qui que ce soit ose faire des propositions relativement à la personne du Roi,

mais toutefois les ministres auront par devers eux comme un principe en tête de tous les autres, sa conservation sur le trône.

2.

Le vrai principe du gouvernement polonais est l'équilibre des pouvoirs des trois ordres, le Roi, le sénat et l'ordre équestre. C'est la loi ancienne et fondamentale de la république, et la première loi cardinale dans la dernière constitution y est relative. Mais il s'en faut beaucoup, que cet équilibre légal soit réalisé par une influence égale des trois ordres sur le gouvernement, et c'est à rétablir et assurer cette égalité d'influence que doivent tendre toutes les réformes actuelles.

3.

A cette fin on reprendra toutes les constitutions récentes, par lesquelles il a éte plus ou moins porté atteinte à cet équilibre, et l'on prendra toutes les précautions qui peuvent l'assurer à l'avenir.

4.

Comme c'est particulièrement du côté du Roi que la nation se plaint que l'équilibre penche, on redressera ce qui se trouve de trop à ce pouvoir. L'autorité et la dignité royale seront circonscrites par de nouvelles lois (et les *pacta conventa*) redigées plus convenablement à la forme du gouvernement républicain.

Слова: et les *pacta conventa*—зачеркнуты Императрицею.

5.

Une des premières opérations pour y parvenir est d'empêcher, qu'au moyen de ses parents, le Roi ne puisse réunir à son pouvoir celui des autres ordres de l'état, ce qui indi-

querait leur exclusion de toutes les charges. Mais comme en eux on ne saurait cesser de considérer les prérogatives de nobles polonais, qui leur donnent la capacité à toutes les places à l'égal de leurs concitoyens, il est bon d'user de tempérament sur cet article, et on se bornera à statuer, que les oncles, frères et cousins germains du Roi et de la Reine seront exclus du ministère et des grandes charges, leur réservant de pouvoir être sénateurs, palatins ou castellans et posséder toute autre charge de moindre considération.

6.

La faveur et l'amitié produisant souvent les mêmes effets que les liens du sang, le Roi, en se choisissant un conseil privé, s'assure par là un nombre de créatures, qui pour partager l'éclat qui environne le trône sont moins jaloux du maintien du pouvoir de l'ordre auquel ils appartiennent, et souvent en font le sacrifice à des vues d'intérêt particulier. Il sera donc à propos de statuer que le Roi ne pourra avoir d'autre conseil privé qu'un certain nombre de sénateurs *à son choix*, qui lui seront donnés par la diète *ad latus regium*.

Слова: *à son choix*—вписаны Императрицей.

7.

L'influence du Roi sur les commissions de guerre et du trésor étant un sujet d'alarmes pour la nation, ces deux commissions seront cassées et les charges de grands généraux et grands trésoriers retablies sur l'ancien pied, *si la pluralité le souhaite*. Seulement on préviendra les anciens abus, en statuant que

Слова: *si la pluralité le souhaite*—вписаны Императрицей.

les grands généraux n'ayent point le droit de vie et de mort sur le militaire de la république, et que les grands trésoriers ne disposent poin arbitrairement des fonds de la république, ni n'en soient les caissiers. Pour cet effet il sera donné un conseil aux grands généraux et grands trésoriers. Aucune des personnes qui composeront ce conseil ne pourra être à la nomination du Roi, mais chaque palatinat ou district les éliront tous les deux ans.

8.

Le pouvoir des grands généraux rétabli, il sera remis sous leur commandement les troupes qui sont actuellement sous celui du Roi, et à l'avenir le Roi de Pologne ne pourra avoir ni des troupes appartenant à lui en particulier, ni des troupes de la république dépendant de lui.

9.

L'influence des grands et notamment de la famille du Roi sur les tribunaux de justice étant un sujet d'oppression pour la nation et une des causes qui renversent l'équilibre de pouvoir, les présidents et les membres de ces tribunaux seront élus par (la nation assemblée en diète) *les districts et palatinats*, et l'on fera les lois les plus salutaires pour tirer ces tribunaux de toute dépendance quelconque du Roi ou des grands.

10.

Le département de la poste restera un attribut de la royauté, mais sous la régie de la république assemblée en diète, *si la pluralité le désire.*

Слова: *la nation assemblée en diète*— зачеркнуты, а слова: *les districts et palatinats*—вписаны Императрицей.

Слова: *si la pluralité le désire*— вписаны Императрицей.

Параграфъ 11-й зачеркнутъ, а на поляхъ рукою Императрицы написано:

*J'ai effacé ce point, parceque la royauté étant élective, les terres redeviendront terres nobles à son décès, et cela ne ferait qu'augmenter les criailleries sans aucune utilité réelle pour nous autres; qui a à peine de quoi vivre n'achète point de terres.*

Нумерація этого и слѣдующихъ §§ собственноручно исправлена Императрицей.

11.

Il ne pourra jamais être ajouté à la permission donnée au Roi d'acheter des terres en Pologne ou en Lithuanie, et à l'avenir aucune permission pareille ne sera donnée au Roi de Pologne.

NB: En faisant de cette loi une loi cardinale, la loi 11 des matières d'état est annullée.

11. (12).

Le pouvoir dans l'ordre du sénat s'étant soutenu jusqu'à présent assez dans les bornes qui lui conviennent, il n'y a qu'à le maintenir tel qu'il est. Il ne s'agit que de prévenir: 1) qu'aucun parti de ce pouvoir ne se joigne à celui du Roi pour faire pencher la balance de son côté; 2) d'empêcher, autant que les lois peuvent y pourvoir, la trop grande accumulation des richesses dans les membres de cet ordre, et 3) leur pression sur les charges inférieures et surtout sur celles de judicature, en un mot cette influence des grands sur les petits, qui est la source de toutes les factions dans l'état. Pour parer à ces appréhensions, il pourra être statué sur la première, qu'à l'assemblée de chaque diète la conduite des sénateurs, donnés au Roi *ad latus regium*, et celle des autres dans les *senatus consilia* devra être louée ou reprise, selon qu'elle aura tendu au bien de la république ou s'en sera éloignée. Pour la seconde on ne peut pas faire plus, que d'établir des lois fixes sur la distribution des grâces et bénéfices royaux. On se précautionnera contre la troisième de la

manière indiquée ci-dessus au point 9.

Слова: *Tout ceci aura lieu* и т. д.— прибавлены Императрицей.

*Tout ceci aura lieu, si la nation assemblée y trouve son compte et si la pluralité le souhaite.*

12. (13).

L'ordre équestre, qui forme le troisième pouvoir de la république, n'a pas à beaucoup près la même influence que les deux autres sur le gouvernement. Ce pouvoir n'a qu'une existence périodique et momentanée, tous les deux ans à la convocation de chaque diète, au lieu que les deux autres sont permanents et toujours en activité, même dans les intervalles des diètes. De plus on sait l'influence des deux premiers sur l'élection des nonces, ce qui diminue encore ce pouvoir. Il sera bon de statuer le renouvellement et la confirmation d'anciennes lois ou l'établissement de nouvelles, qui assurent mieux que par le passé la liberté des diètines. Il sera bon surtout de statuer que cet ordre ait des délégués au sénat [1]), choisis dans son corps à la diète, qui résident dans l'intervalle des diètes à Varsovie et aient voix et séance au sénat, avec le droit de protestation contre tout ce qui y serait proposé ou résolu au préjudice des constitutions, ou des prérogatives de leur ordre; afin que sur l'avertissement qui en sera donné par eux aux diètines, les nouveaux nonces soient instruits d'en poursuivre le redressement à la diète.

[1]) Слѣдующихъ словъ, отъ «choisis» до «sénat» включительно, нѣтъ въ текстѣ, помѣщенномъ въ LXXII т. Сборника.

C'est ainsi qu'on pourrait donner au pouvoir de l'ordre équestre la permanence d'activité qu'ont déjà les deux autres.

13. (14).

A la suite de ces arrangements, comme il est indispensable de suppléer à sa diminution que le Roi a souffert dans ses biens, par le partage des trois cours, et lui assurer un entretien sortable à sa dignité, il sera pris un certain nombre de starosties, qui seront affectées par la diète à perpétuité à cet objet. Et l'on pense qu'un tel entretien pour être convenable, devrait être (de trois à) quatre cents mille ducats; *ou bien aussi pour fournir à cet état du Roi, on pourra mettre un impôt proportionné sur les starosties conférées jusqu'à cette diète.*

14. (15).

(Pour) *On pourrait encore* fournir à cet état du Roi, (il sera fait) *en faisant* une réduction générale sur toutes les starosties conférées jusqu'à ce jour.

*C'est à la nation à voir ce qui lui conviendra le mieux de ces propositions.*

15. (16).

Comme il ne sera plus élevé sur le trône de Pologne de prince étranger, qui joigne à l'éclat de la royauté la puissance et les richesses d'états patrimoniaux, il serait à craindre que la royauté, bornée aux seuls Piastes, qui passent de l'égalité au trône, ne perdit trop de sa considération, si on retranchait de ses prérogatives celles de la distribution des grâces et bénéfices royaux. La

Слова: *de trois à* — зачеркнуты Императрицею.

Слова: *ou bien aussi pour fournir* и т. д. прибавлены Императрицею.

Слова: *pour* и *il sera fait* зачеркнуты, а слова *on pourrait encore* и *en faisant* — вписаны Императрицей.

Слова: *C'est à la nation* и т. д. прибавлены Императрицею.

distribution des starosties restantes, après que la destination de l'art. 13 aura été remplie, lui sera donc conservée: mais en même temps il sera statué, que dans chaque maison il ne pourra pas être donné plus de deux starosties, et celles-ci ensemble excéder la valeur de 7 à 8 mille ducats de revenu annuel, de sorte qu'une starostie qui seule aurait une telle valeur serait déjà une exclusion pour une deuxième dans la même maison.

Слова: *Ce point aura lieu* и т. д.—прибавлены Императрицею.

*Ce point aura lieu, si la pluralité de la nation le désire.*

16. (17).

Pour assurer l'exécution de cette loi on accordera action en diète contre toute maison, en faveur de qui il y aurait été contrevenu et, le cas prouvé, la punition sera la perte de toutes les starosties, dont l'une sera conférée ipso facto à celui qui aura intenté l'action, et les autres seront pour cette fois à la nomination de la république, qui les conférera dans la même diète.

Слова: *Ce point peut avoir lieu* и т. д.—прибавлены Императрицею.

*Ce point peut avoir lieu, si le précédent est statué* [1]).

17. (18).

Le Roi n'accordera plus de lettres de survivance aux fils ou parents, ou à la veuve du possesseur d'une starostie, mais à la mort de celui-ci elle rentre en ses mains, libre de

[1]) Словъ «Ce point peut avoir lieu, si le précédent est statué» нѣтъ въ текстѣ, помѣщенномъ въ LXXII т. Сборника.

Слова: *Ce point comme très indifférent* и т. д.—прибавлены Императрицею.

tout engagement pour être de nouveau conférée.

*Ce point, comme très indifférent aux intérêts des trois cours, doit être réglé ou non réglé, comme les polonais le trouveront bien.*

18. (19).

Un objet désiré par tous les ordres est l'augmentation du militaire, et dans le fait il en est essentiellement besoin pour le maintien du bon ordre et de la tranquillité, rien n'y étant plus contraire que le peu de proportion qu'il y a entre les troupes de l'état et les troupes des particuliers, lesquels par là peuvent se jouer impunément de l'autorité et la braver. Il n'y aura aucun inconvénient pour les puissances voisines à consentir que le militaire de la république soit augmenté de six mille hommes.

19. (20).

L'affaire des dissidents étant un des points essentiels de la pacification, les trois ministres favoriseront une négociation entre eux et les catholiques sur les points qui peuvent être cédés de part et d'autre dans la réintegration, effectuée à la dernière diète, de ceux-là au corps de l'état. De la part des dissidents il pourra être renoncé à l'entrée au sénat et aux places du ministère, et de la part des catholiques—la loi pénale contre ceux qui passent d'une religion à l'autre, loi barbare pour un siècle éclairé, sera abrogée. Le reste des points qui concernent les dissidents restera en vigueur et sera renouvelé dans la nouvelle consti-

Слова: *surtout l'admission à la place des nonces*—прибавлены Императрицею.

tution, *surtout l'admission à la place des nonces.*

20. (21).

Outre ces points les ministres ne feront aucune opposition à tous ceux qui seront proposés par la nation, dès qu'ils ne toucheront ni directement, ni indirectement les intérêts de leurs cours.

21. (22).

La classification des lois faite dans la dernière constitution n'offrant que des vues d'utilité, on peut l'admettre et la conserver dans les arrangements actuels, à moins qu'on n'y trouve une impossibilité absolue dans la répugnance de la nation; et si elle est conservée, on rangera dans la classe des lois cardinales ou des matières d'état tous les points ci-dessus, selon qu'ils sont d'un intérêt plus ou moins immédiat pour les trois cours, et qu'il sera plus ou moins facile de les faire admettre à la nation; mais tous les points de la fixation de l'état de la république devront immanquablement être mis dans la classe des lois cardinales.

Observation générale.

Tous les points d'éxécution qui concernent, soit la conclusion du traité, soit la fixation de l'état de la république, seront d'injonction préfixe pour les ministres respectifs, qui ne pourront s'en écarter ni y admettre des changements et des restrictions qui puissent en altérer la substance. On leur laissera les mains plus libres sur ceux qui regardent le rétablissement du gouvernement

*

ou sa pacification, comme n'étant que d'un intérêt secondaire pour les trois puissances. Le vrai sens de leurs instructions sur ces derniers sera de se régler sur le goût le plus général de la nation, et par des complaisances, ménagées avec art, de faciliter d'autant plus l'obtention des premiers. On en excepte cependant l'augmentation des troupes de l'état, laquelle ne pourra jamais être plus forte que de six mille hommes, et l'abrogation de la loi pénale qu'ils devront absolument emporter. Et quant à l'état des dissidents, excepté leur rénonciation au ministère et à l'entrée au sénat, ils ne devront pas souffrir qu'il soit fait aucune diminution à leurs privilèges, qui puisse infirmer leur liberté de religion ou leur existence civile.

Observation particulière.

Il a été dit ci-dessus art: 13, que pour former l'entretien du Roi, il sera fait une réduction générale de toutes les starosties conférées jusqu'à ce jour. On se règlera dans cette opération sur la fortune des particuliers, selon qu'elle pourra plus ou moins supporter de diminution. Les gens malaisés, qui ne subsistent qu'à la faveur des starosties qui sont en leurs mains, pourront être éxemptés de la réduction, mais les familles qui ont des biens héréditaires suffisants, surtout les familles riches et opulentes, y seront assujetties sans aucune exception, et elles doivent d'autant moins s'en défendre que l'entretien du Roi est un besoin de l'état qui doit passer avant toute

Вся эта статья зачеркнута, и на поляхъ рукою Императрицы написано:

*J'ai effacé tout cet appendice, parce que je hais de fondation toutes les persécutions personnelles et que je les trouve basses et méprisables et au-dessous de moi; l'âme de Catherine Seconde n'en souffrira jamais, parcequ'elle les abhorre.*

grâce ou faveur, ou même récompense de service; et tel particulier de cette classe, qui par une longue jouissance des biens royaux a accru ses propres richesses, ne saurait contester que ces biens au moment d'un besoin pareil retournent à leur usage primitif.

*Appendice.*

On ne saurait terminer ce plan sans nommer quelques familles, à l'état desquelles les trois cours ne peuvent pas négliger de faire attention dans l'ouvrage de la pacification de la Pologne.

Il est reconnu que par l'emploi pernicieux de leurs richesses, les Radziwill ont toujours été les premiers moteurs des troubles et les boutefeux de leur patrie. La conduite et le caractère à jamais incorrigible du chef actuel de cette famille sont pareillement connus. Il n'y a que de nouvelles menées, de nouveaux excès et de nouveaux troubles à attendre de sa part, si on le rétablit purement et simplement dans sa patrie. Les trois cours ne feront que ce que dictent la raison et l'équité, en abandonnant sans aucun ménagement ses biens au cours de la justice vis-à-vis de ses créanciers.

Les Czartoryski ont prouvé, combien ils sont dangereux par ce caractère de ruse et d'intrigue, qui pendant leur longue vie leur a presque soumis toutes les affaires. Ils le sont devenus surtout sous ce présent règne par leur parenté avec le Roi et l'ascendant pris sur lui dans l'enfance, dont ils ne l'affranchissent

pas sur le trône. Il n'est d'autre moyen d'être quitte d'eux, que de les éloigner des affaires.

La famille Potoçki, savoir celle du dernier palatin de Kiovie, par l'immensité de ses richesses est celle qui a la plus grande influence populaire. C'est un fantôme dangereux pour le peuple qu'on ne saurait prudemment laisser subsister avec cet excès de puissance et de crédit dans un arrangement tel que celui qui s'opère aujourd'hui.

Mniszech, élevé et enrichi par les rois Saxons, est l'âme du parti en Pologne. C'est lui qui est le signe de ralliement pour toutes les créatures de cette maison et qui dirige toutes les brigues qui se font en sa faveur. On ne sera point sûr de ce côté-là, si on ne le réduit sur un pied à ne pouvoir plus jouer un pareil rôle: et ce ne saurait être qu'en frappant sur ses richesses et sur son crédit.

## 2341) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 9 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

Vous représentez, M-r, dans votre lettre d'office № 12 les appréhensions qui se présentent à vous et à vos collègues, que la nation ne refuse de s'assembler dans les diètines pour la nomination des nonces, et vous demandez des instructions sur le cas, s'il venait à avoir lieu.

Il n'y a pas de doute, M-r, qu'il ne fallût alors se décider à commencer l'ouvrage par la formation d'une confédération. Je ne doute point que telles ne soient les instructions que vos collègues recevront de leurs cours, et les ordres que j'ai à vous transmettre de Sa Majesté Impériale sont, qu'aussitôt qu'un tel refus se manifesterait généralement, vous eussiez, de concert avec les deux autres ministres, à dresser vos batteries pour une confédération, afin que sur le premier rapport que vous ferez

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 35.

d'un tel état à vos cours, vous soyez d'abord autorisé à débuter et procéder par cette voie. Mais je me flatte que vos efforts réunis réussiront à prévenir le cas d'une telle nécessité, en appliquant au succès des diètines tous les moyens indiqués par le plan. Mais toutefois, M-r, à quelque temps ou dans quelques circonstances que l'on en viendra à la formation d'une confédératon, je trouve qu'il sera nécessaire de la faire sous la rubrique d'une confédération civile, comme portant déjà l'idée de la pacification, et non d'une opposition, et je vous prie de bien juger et de ne pas perdre de vue ce caractère de cette opération. J'ai l'honneur d'être etc.

St. Pétersbourg, ce 24 Février 1773.

## РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ.

25 Февраля 1773 г., съ объявленіемъ монаршаго благоволенія за побѣду, одержанную надъ турками. Напеч. въ Сборникѣ, т. I, стр. 90—91.

## 2342) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЮ СТАНИСЛАВУ-АВГУСТУ, СЪ СОБСТВЕННОРУЧНЫМИ ЕЯ ПОПРАВКАМИ [1]).

St. Pétersbourg, le 27 Février 1773.

Monsieur mon frère!

La franchise, avec laquelle Votre Majesté s'est expliquée vis-à-vis de moi, m'oblige à lui répondre de même. Mon caractère ne connait point d'autre langage, et c'est le seul que j'aie employé toutes les fois que j'ai eu à lui parler de ses intérêts et de ceux de sa nation. Je ne rappellerai point ici le passé, parce que la discussion ne lui en serait pas moins désagréable qu'à moi-même. Les choses ayant changé de nature et étant parvenues au point où elles sont actuellement, il ne dépend pas de moi, séparément de mes alliés, de consentir ou favoriser tel ou tel arrangement plus ou moins approprié à l'état de votre royaume. C'est à la connaissance de Votre Majesté et à celle du public que j'en appelle, si, aussi longtemps que j'ai eu seule part à vos affaires, je n'ai pas tout rapporté, tout fait et tout sacrifié pour les conduire à un état de bien-être et de prospérité pour la république. Poussée à bout par les intrigues et les factions de votre nation, j'ai dû entrer dans un concert avec les deux autres voisins de la Pologne, afin de pourvoir par des efforts communs

[1]) М. Г. А. Польша, I, св. 1.

à ses troubles et à la désolation intérieure, et au contrecoup qui s'en faisait ressentir pour nos propres états.

Malgré tous les embarras que la nation polonaise a suscité à mes affaires, je n'ai point perdu de vue son bien dans ce concert. Tous les points sur lesquels il porte sont, pour la personne de Votre Majesté, l'intégrité de sa couronne et de l'état qui y appartient; pour la nation— une pacification solide, un gouvernement libre, mieux réglé, plus tranquille et plus sûr pour elle-même et pour ses voisins. Quant aux termes mêmes de chaque objet, mon ministre et ceux des deux autres cours sont pourvus d'instructions uniformes, d'après lesquelles ils vont travailler à réunir le concours de Votre Majesté et celui de sa nation.

Après avoir parlé si ouvertement à Votre Majesté, je me ferais un reproche éternel, si je lui taisais que je désespérerais de lui voir assurés les avantages que ce concert porte pour elle, si à présent elle écoutait (encore [1]) les conseils sinistres de *ceux* [2]), dont les intrigues et les cabales ont précipité son royaume dans cet état de troubles et de divisions, dans cette anarchie qui l'a menacé d'un écroulement total, dont il n'a été préservé que par l'intervention des trois puissances voisines. Je me flatte qu'elle *se rendra* [3]) à des meilleures impressions, et qu'ainsi je ne serai point contrariée de mon intention sincère de lui prouver la parfaite amitié, avec laquelle je suis, Monsieur mon frère,

de Votre Majesté etc.

## 2343) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЮ СТАНИСЛАВУ-АВГУСТУ [4]).

St-Pétersbourg, le 5 Mars 1773.

Sire!

Aussitôt que j'ai reçu la lettre dont il a plu à Votre Majesté de m'honorer le 18 Janvier, je n'ai pas manqué de présenter à l'Impératrice celle qu'elle renfermait pour elle. A présent Sa Majesté Impériale m'ayant remis sa réponse pour la lui faire parvenir, c'est un ordre que je remplis avec autant d'empressement que de satisfaction. Je ne doute point que dans cette réponse vous ne reconnaissiez, Sire, ce caractère de confiance, avec lequel vous avez parlé à l'Impératrice et que vous avez souhaité d'elle. Rien ne saurait être plus heureux que l'existence assurée de ce

---

[1]) Зачеркнуто Императрицей.

[2]) Исправлено Императрицей вмѣсто стоявшаго раньше слова: personnes.

[3]) Исправлено Императрицей вмѣсто стоявшихъ раньше словъ: va se livrer.

[4]) М. Г. А. Польша, I, св. 1.

sentiment, au moment où va commencer le grand ouvrage de la pacification de votre royaume et de son arrangement avec ses voisins. Puissent ces deux objets, et j'en ai la ferme espérance, si les vues de l'Impératrice et de ses alliés obtiennent parfaitement leur effet, être réglés de la manière la plus avantageuse pour Votre Majesté et la plus solide pour la paix et le bonheur de sa nation. Si, comme ministre, je suis appelé à prendre le plus vif intérêt à une telle réussite des affaires, je ne la désire pas moins, comme un homme qui fait gloire d'être avec le plus sincère attachement et le plus profond respect,

Sire,

de Votre Majesté etc.

### РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ № 1 КЪ КНЯЗЮ В. М. ДОЛГОРУКОВУ.

5 Марта 1773 г. Объ ожидаемомъ возобновленіи военныхъ дѣйствій противъ турокъ. Напеч. въ Сборникѣ, т. XIII, стр. 313—314.

### РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ № 2 КЪ КНЯЗЮ В. М. ДОЛГОРУКОВУ.

6 Марта 1773 г. О военныхъ мѣропріятіяхъ на Крымскомъ полуостровѣ, на случай продолженія съ Портою войны. Напечат. въ Сборникѣ, т. XIII, стр. 315—316.

### РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ВИЦЕ-АДМИРАЛУ А. Н. СЕНЯВИНУ.

6 Марта 1773 г. Объ охраненіи Крымскаго полуострова отъ турецкихъ десантовъ. Напеч. въ Сборникѣ, т. XIII, стр. 314.

### 2344) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ФЕЛЬДМАРШАЛУ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

Милостивый государь мой графъ Петръ Александровичъ. Принимаясь писать къ вашему с-ву, хочу я прежде вступленія съ вами въ дружескій разговоръ, положить здѣсь условіемъ, что все мною ниже сказываемое не будетъ отъ васъ, милостивый мой другъ, принято за слова человѣка, въ правленіи дѣлъ участвующаго, къ командующему арміею, генералу-фельдмаршалу, но паче и единственно поставляемо за совершенное и неограниченное изліяніе всей внутренности сердца одного истиннаго патріота предъ другимъ, которые и

[1]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки имп. Екатерины II, св. 3.

безъ того уже связаны между собою священнѣйшими союзами дружбы и взаимной довѣренности, и что потому изволите вы откровенности моей, отъ сего источника происходящей, опредѣлить, въ собственныхъ своихъ мысляхъ и дѣяніяхъ, ту мѣру и ту цѣну, каковыхъ она нѣжностью своею причастна быть можетъ.

Простите мнѣ, м. г. м., что я, получая письма ваши, одно за другимъ, до № 9-го включительно, умедлилъ толь долгое время должнымъ моимъ на оныя отвѣтствіемъ, купно же и изъявленіемъ вашему с-ву за нихъ чистосердечной моей признательности. Послѣдняго изъ сихъ обоихъ долгу не хотѣлъ я исполнять особенно безъ перваго, а въ разсужденіи сего напротивъ не имѣлъ по несчастію ни малѣйшей способности, а еще менѣе какую-либо надежную стезю, чтобъ достаточно могъ входить въ разборъ и раздробленіе повстрѣчавшихся вамъ сумнѣній. Когда теченіе и положеніе вещей не имѣли и не имѣютъ еще толь твердаго основанія, чтобъ можно и удобно было разсуждать и трактовать объ оныхъ съ достаточною разрѣшительностью, то и не хотѣлъ я, по справедливости, одними гаданіями и предположеніями съ моей стороны, затруднять, лучшее и вѣрнѣйшее на мѣстѣ, руководства собственнаго вашего здраваго разсудка и собственной вашей патріотической ревности, какъ къ службѣ Ея Императорскаго Величества вообще, такъ и частно къ славѣ и пользѣ толико превознесеннаго вами оружія; толь болѣе, что вы, милостивый мой другъ, въ особенномъ моемъ положеніи удостовѣрены быть не могли. Я вижу теперь, съ чувствительнѣйшимъ порадованіемъ, что ваше проницаніе и ваше бдѣніе удовлетворили въ полной мѣрѣ выгоднѣйшему учрежденію, единыхъ времени и обстоятельствамъ свойственныхъ и приличныхъ, правилъ.

Нынѣ представляются другіе и съ перваго взгляда ласкательнѣйшіе аспекты. Новый, Алексѣемъ Михайловичемъ къ поспѣшествованію мирной негоціаціи, взятый оборотъ, и послѣдовавшее непосредственно за онымъ отправленіе отъ Рейсъ-Эффендія къ Портѣ племянника его, начинаютъ издалека преподавать ближайшую къ миру перспективу. Я оною потому особливо ласкаю себя въ мысляхъ, что по сю пору не усматриваю еще, а по крайней мѣрѣ ни отъ куда не дошло до меня, чтобъ Порта отъ завистниковъ миру нашему дѣйствительно была доведена, воображаемыми ей съ здѣшней стороны пособіями, до точной и совершенной разрѣшительности добиваться оружіемъ лучшихъ для себя мирныхъ кондицій, нежели каковы ей представлены были и еще представлены быть могли. Слѣдовательно и можно за симъ натуральнымъ уже заключеніемъ далѣе предполагать, что она только въ жебаніи своемъ получить скорый войнѣ конецъ, нѣсколько поостановлена была, и для того самаго желала выиграть одно время, дабы между

тѣмъ въ истинѣ учиненныхъ ей предъявленій и обѣтовъ о Шведской намъ диверсіи, прямо удостовѣриться и, по событію или несобытію оной, распорядить напослѣдокъ конечныя свои мѣры и поступки.

Естли сіи мои разсужденія справедливы, какъ я въ томъ по всѣмъ политическимъ исчисленіямъ не безъ основанія полагаться могу, то всемѣрно не мало послужатъ въ пользу нашу новѣйшія отъ Вѣнскаго двора интернунціусу Тугуту данныя повелѣнія къ учиненію Портѣ сильнѣйшихъ побужденій для преклоненія ея къ миру, ибо сіи повелѣнія долженствовали придти въ Царь-Градъ одновременно съ послѣдними посла нашего предложеніями чрезъ Рейсъ-Эффендіева племянника. Для ближайшаго вашему с-ву свѣдѣнія и апресіпрованія той импрессіи, каковую Вѣнскія внушенія при Портѣ родить могутъ, поставляю я себѣ въ пріятный долгъ сообщить вамъ здѣсь, въ обыкновенной моей откровенности, точную копію съ посланныхъ отъ князя Кауница къ Тугуту депешей.

Ваше с-во не удалены теперь отъ того момента, который долженствуетъ со стороны конгресса подать ближайшій свѣтъ къ поднятію опять оружія, или же къ желаемому окончанію войны. Для облегченія въ семъ послѣднемъ случаѣ, надобно прежде всего взять послѣднія, сюда изъ Архипелага дошедшія и вамъ уже извѣстныя, новости и представленія о неполезности для тамошней стороны продолженныхъ въ разныя времена сроковъ перемирія. Вы не можете не знать, м. г. м. колико сіи представленія здѣсь всегда уважались, а нынѣ можетъ быть и больше, нежели когда. Разумная осмотрительность будетъ потому натурально требовать самаго нѣжнаго изворота въ будущихъ резолюціяхъ, поколику онѣ и до сей удѣльной части дѣлъ нашихъ относиться могутъ. Входя чистосердечно, и со всею непремѣнному образу мыслей моихъ свойственною и ничѣмъ непоколебимою искренностью, въ заботливое состояніе вашего с-ва, слѣдовательно и поставляя самого себя въ оное, скажу я здѣсь то, что бы я самъ на мѣстѣ вашемъ сдѣлалъ при дѣйствительномъ сближеніи Турковъ къ миру.

Какъ уже намъ никоимъ образомъ отъ принятія мира отрещись не можно, если Турки прямодушно подадутся на послѣднія, Алексѣемъ Михайловичемъ учиненныя, предложенія, то въ семъ случаѣ, усердствуя истинному благу отечества и истиннымъ интересамъ Ея Императорскаго Величества, рѣшился бы я самъ собою на продолженіе перемирія на такое время, которое при дѣйствительномъ очищеніи главныхъ артикуловъ мира, чрезъ приступленіе Порты къ представленному отъ посла нашего письменному плану, по общему вашему съ нимъ разсужденію и усмотрѣнію, нужно быть могло бъ къ соглашенію и формальному учрежденію всѣхъ подробностей будущаго трактата и къ самому, по востребованію обстоятельствъ и нужды, рѣши-

тельному употребленію, въ свое время представленныхъ еще Алексѣемъ Михайловичемъ, снисхожденій изъ дозволенныхъ ему послѣднихъ уступокъ, слѣдовательно иногда и къ полученію отъ Порты сообразно онымъ, равно крайнихъ и конечныхъ послу ея повелѣній; но при томъ исключилъ бы уже въ своемъ постановленіи продолженіе перемирія для Архипелага, на прежнихъ тамъ особенно соглашенныхъ кондиціяхъ, представляя въ резонъ такого съ вашей стороны исключенія, что, какъ въ самое первое перемиріе съ турецкой стороны разныя оному противныя покушенія и предпріятія въ Архипелагѣ учинены были, то по сей причинѣ и дабы опять въ подобномъ случаѣ не наитися, находите себя обязанными предоставить самому графу Орлову изобрѣтеніе, и безпосредственное на мѣстѣ опредѣленіе съ Портою, тѣхъ распоряженій для удержанія вновь оружія и срока тому перемирію, кои онъ, по состоянію ввѣренныхъ ему морскихъ и сухопутныхъ силъ, удобными и къ обезпеченію своему достаточными признать можетъ; причемъ, по моему мнѣнію, ваше с-во можетъ взять на себя, чтобъ его увѣдомить, какъ о частной вашей резолюціи, такъ и о имѣющейся къ постановленію мира вѣрной надеждѣ, дабы онъ, съ своей стороны, и въ томъ, и въ другомъ тѣмъ скорѣе и съ меньшимъ затрудненіемъ съ Портою согласиться могъ.

Обнаруживая вашему с-ву искреннія мои разсужденія въ томъ образѣ, какъ оныя мнѣ самому въ голову приходили, повторяю я вамъ и паки, что я самъ себя на ваше мѣсто ставилъ и въ ономъ на себя же самого ихъ относилъ. Не остается мнѣ ни малѣйшаго сумнѣнія, что вы сіе мое чистосердечное изъясненіе изволите принять залогомъ истинной моей любви къ отечеству и истиннаго-же рвенія къ общей намъ службѣ одному Государю, когда въ прочемъ положеніе вещей отъемлетъ всякое твердое основаніе и поставляетъ меня въ невозможность сообщить вамъ что-либо сверхъ собственныхъ моихъ мыслей. Но по тому самому пріемлемая вашимъ с-вомъ, изъ собственнаго подвига, кстати и ко времени, благоразумная резолюція можетъ предъ цѣлымъ свѣтомъ быть знаменитѣйшею услугою. Я-же съ моей стороны, по всей моей возможности силъ и состоянія, конечно не оставлю съ твердостью подкрѣплять все вами, яко именитѣйшимъ патріотомъ, учиненное для истинной пользы отечества, въ чемъ такъ, какъ моему искреннему другу, съ удостовѣреніемъ и скажу, что меня въ томъ и не достанетъ, какъ бы въ прочемъ другіе ни каверзили. Всегда пребуду я и проч.

Въ С.-Петербургѣ, 7-го Марта 1773-го.

## 2345) УКАЗЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ [1]).

Какъ прерванное отъ нѣкотораго времени, по извѣстнымъ затрудненіямъ съ стороны Версальскаго двора, взаимное при ономъ и при нашемъ содержаніе взаимныхъ характеризованныхъ министровъ, присылкою сюда полномочнаго министра его Дюрана, имъ самимъ, къ совершенному намъ удовлетворенію, напослѣдокъ возстановлено: то въ соотвѣтствіе сему поступку короля Французскаго, разсудили и мы назначить ко двору Его Величества, въ равномъ качествѣ, нашего полномочнаго министра, генералъ-маіора князя Ивана Барятинскаго, повелѣвая по тому Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ дѣйствительно его туда отправить, и при семъ отправленіи снабдить его, какъ пристойными по интересамъ нашимъ наставленіями, такъ и всѣми къ будущему его министерству потребностями. Жалованья ему, князю Барятинскому, опредѣляемъ мы на годъ по *восьми тысячъ рублей*, почтовыхъ денегъ и на канцелярскіе расходы, на годъ же, — по *присылаемымъ отъ него счетамъ*, да на проѣздъ и исправленіе экипажа *десять тысячъ* [2]) рублевъ, которыя деньги имѣетъ Коллегія, по сему нашему указу, требовать и получать, во свое время, отъ Статсъ-Конторы.

Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, 7 Марта 1773 года.

## 2346) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ [3]).

Къ письму резидента въ Гамбургѣ Гросса къ гр. Н. И. Панину, отъ 8 Марта 1773 г., приложена была записка профессора Геттингенскаго университета Іоганна-Павла Эбергарда [4]), который предостерегалъ въ ней русскій дворъ отъ возможности нападенія на Камчатку Беньовскаго, бѣжавшаго оттуда на Филиппинскіе острова [5]) и субсидируемаго Франціей. По этому поводу Гроссъ пишетъ графу Панину: „Je n'aurais sûrement pas risqué d'importuner V. E. de cette affaire, assez chimérique en apparence, à moins qu'il ne m'eût paru possible, que la puissance protectrice reconnue

---

[1]) М. Г. А. Именн. указы 1760—1779 г.г. по Публичной Экспедиціи, № 341.

[2]) Все набранное курсивомъ вписано Императрицею собственноручно.

[3]) М. Г. А. Гамбургъ, III, св. 8.

[4]) Эбергардъ былъ архитекторомъ и профессоромъ математики. Онъ умеръ въ 1795 г.—Въ 1754 г. Ломоносовъ предлагалъ его на вакантную каѳедру механики въ Императорской Академіи Наукъ. (П. Пекарскій. Исторія Имп. Академіи Наукъ. Томъ II, стр. 549—550).

[5]) Беньовскій не былъ на Филиппинскихъ островахъ, а на пути въ Макао, заходилъ въ Японію и на островъ Формозу.

de l'aventurier Beniovsky et de ses indignes compagnons, par esprit de vengeance et sensible à la perte du Canada, pourrait en effet tenter la recherche d'un équivalent en pelletries et autres besoins par la voie du Kamtchatka".

Ecrivez à Pouschkine [1]) de prier la Compagnie des Indes Anglaises d'ordonner à ses intendants dans leurs différentes colonies, et nommément à Macao [2]), pour qu'ils ayent l'oeil à la route que prendra ce fou de Beniovsky, afin qne nous sachions au vrai, s'il a des vues ou s'il est réellement destiné avec ses troupes aux iles Bourbon et de France.

## 2347) ФОРМА ПИСЬМА ОТЪ ГЕНЕРАЛА-АНШЕФА КНЯЗЯ В. М. ДОЛГОРУКОВА КЪ ХАНУ КРЫМСКОМУ [3]).

(Безъ даты. Послѣ 11 Марта 1773 г.).

Свѣтлѣйшій и славнѣйшій Сагибъ-Гирей, ханъ Крымскій.

Продолжавшаяся понынѣ между Россійскою Имперіей и Портою Оттоманскою война, хотя и казалась приходитъ къ окончанію учрежденіемъ, по взаимному воюющихъ сторонъ соглашенію, мирнаго конгресса въ городѣ Бухарестѣ, и дѣйствительнымъ, чрезъ немалое время, надлежащей о томъ негоціаціи производствомъ и теченіемъ, но напослѣдокъ, вопреки всякаго наилучшаго ожиданія, однакожъ сей конгрессъ рушился, не оставя по себѣ слѣдствіемъ вожделѣннаго и богоугоднаго мира. Порта Оттоманская, какъ начала съ Имперіей Россійской войну настоящую безъ всякой законной причины, но единственно по свойственной ей высокомѣрности, — такъ разорваніемъ конгресса и наипаче такія свои мысли подтвердила и явно оказала, не согласясь на заключеніе мира для того только, что по нужному, съ высочайшей Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской моей всемилостивѣйшей Государыни стороны, предусмотрѣнію и настоятельству, лишиться и навсегда, формально и предъ свѣтомъ отказаться долженствовала всѣхъ способовъ, какіе могли бы ей предоставиться для будущаго времени, къ возвращенію въ свое владѣніе Крымскаго полуострова и къ порабощенію попрежнему татарскихъ народовъ. Такимъ образомъ и будетъ главнѣйшею причиною, или, лучше сказать, единственною, продолженію военнаго безпокойства и пролитію крови человѣческой, вольность сихъ народовъ, великодушнымъ Ея

---

[1]) Алексѣй Семеновичъ Мусинъ-Пушкинъ, посланникъ въ Лондонѣ.

[2]) Императрицѣ извѣстно было, изъ Парижскихъ донесеній, о нахожденіи Беньовскаго съ товарищами въ Макао. Онъ прибылъ въ этотъ портъ 12 Сентября 1771 г. и оставался тамъ до 4 Января 1772 г. Изъ Макао Беньовскій направился на островъ Иль-де-Франсъ (нынѣ ос. Маврикія). (А. Сгибневъ. Историческій очеркъ главнѣйшихъ событій въ Камчаткѣ, съ 1650 по 1856 гг. Морской Сборникъ 1869 г. № 6).

[3]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ и писемъ къ кн. В. М. Долгорукову 1770—1783.

Императорскаго Величества пособіемъ въ дѣйство производимая, но Портою завидимая. Ея Императорское Величество, желая, по высочайшему своему обѣщанію, доставить полную безопасность народамъ татарскимъ въ разсужденіи ихъ независимости и на всѣ будущіе вѣки, убѣждена, правосудіемъ своимъ и прозорливостью, повелѣть дѣйствовать оружію, чтобъ принудить упорнаго непріятеля признать въ совершенствѣ вольность сихъ народовъ; и сіе есть новое и удостовѣрительнѣйшее доказательство, коль великое и всегда долженствуетъ быть надѣяніе ихъ къ Россійскому Императорскому престолу; напротивъ того Порта, согласясь на многія условія мира, но пришедъ въ затруднительство токмо до татаръ относительно, слѣдовательно всю нужду въ преданіи себя военному жребію, понынѣ бывшему для нея толь бѣдственнымъ, и поставляетъ въ томъ только, чтобъ видѣть, буде возможно, по прежнему въ своемъ порабощеніи татаръ, народы по природѣ своей знаменитые, толико вѣковъ свободными бывшіе, вступившіе съ нею въ союзъ и дружбу по доброй волѣ, но наконецъ ухищреніями ея въ узы рабства сведенные, и въ томъ превозможеніемъ и насильствомъ понынѣ держанные. Когда она силится симъ единовѣрнымъ себѣ народамъ заграждать путь къ благоденствію, несмотря, что они имѣютъ къ тому право безспорное, то не выходитъ-ли изъ того и доказательство ощутительное, что если когда отъ нея зависѣть можетъ, конечно не оставитъ она сдѣлать участь ихъ и совсѣмъ бѣдственною и неудобьносимою, и не погрѣшитъ-ли слѣдовательно каждый такой изъ Крымскихъ жителей противъ своего отечества и своего потомства, который восхочетъ благожелательствовать толь немилосердной державѣ, какова Порта Оттоманская, и покусится поспособствовать ея предпріятіямъ властолюбивымъ, и другихъ къ тому же развращать и возбуждать?

Получая высочайшее Ея Императорскаго Величества повелѣніе предостерегать, при возобновляющейся нынѣ за татаръ войнѣ, могущія быть на Крымскій полуостровъ покушенія и дѣйствительно оныя и силою отражать, равно какъ и татаръ, сообщающихся съ турками противъ очевидной отечества своего пользы, и имъ пособствующихъ, если бы толико зломысленные нашлись, признавать за непріятелей и поступать съ ними по праву военному, гоня огнемъ и мечемъ, прилагаю при семъ, для предварительнаго увѣдомленія всѣхъ вообще Крымскихъ жителей, о волѣ монаршей манифестъ, мною учиненный, и прошу вашу свѣтлость, яко верховнаго свободной области татарской владѣтеля, и какъ къ Россійской Императорской сторонѣ благонамѣреннаго, такъ и къ отечеству своему усерднаго, приказать оный повсюду обнародовать. Ожидая и надѣясь, что ваша свѣтлость, по извѣстному вашему благоразумію, вступленіе нынѣ Россійскихъ Императорскихъ войскъ въ вашу область благоволите признать не только нужнымъ и необходимымъ, завися отъ сихъ мѣръ безопасность ея, но и всѣ возможныя со стороны вашей старанія употребить не оставите къ предупрежденію въ татарахъ разврата и колебленностей, а о такихъ, кои бы иногда не могли удержаны быть легкими способами отъ противнаго поведенія, съ точностью мнѣ открывать будете, дабы я, давая имъ чувствовать месть Россійскаго оружія, всѣмъ напротивъ того добрымъ татарамъ благодѣтельствующаго, въ состояніи былъ толь лучше отличить ихъ отъ доброжелательныхъ и благонамѣренныхъ, и правила союза и дружбы съ точностію наблюдающихъ. Впрочемъ усердно желаю вашей свѣтлости всякаго благополучія, и остаюсь съ особливымъ къ вамъ почтеніемъ ко услугамъ готовымъ.

## 2348) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛАННИКУ И. М. СИМОЛИНУ ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ [1]).

С.-Петербургъ, 17 Марта 1773 г.

J'ai successivement mis sous les yeux de l'Impératrice, M-r, jusqu'au № 24 inclusivement, toutes vos lettres d'office, par lesquelles vous avez donné avis des sujets progressifs de mécontentement que donnait le comte d'Osten à la famille royale et au conseil, et enfin de l'état d'aliénation totale des esprits contre ce ministre. On voit même par la dernière de vos lettres, que les mauvaises dispositions de ce ministre sont une chose si avérée, qu'il n'y avait plus d'autre parti à prendre que de l'éloigner des affaires, et probablement cette résolution aura sorti son effet avant que cette lettre vous parvienne. Vous n'aurez, M-r, qu'à témoigner la parfaite satisfaction et la reconnaissance de l'Impératrice envers Sa Majesté le Reine et Son Altesse Royale de l'attachement sincère, qu'elles ont montré en cette occasion au système et à l'union des deux cours, et de leur attention à obvier qu'il n'y fût porté d'altération par la conduite répréhensible du ministre. C'est avec bien du plaisir que nous apprenons dans ces circonstances, que c'est M-r Schaack qui sera chargé du département *ad interim*. Il serait bien à souhaiter qu'il pût être décidé à accepter tout-à-fait ce poste; mais toutefois, M-r, vous devez assurer Leurs Majestés et Son Altesse Royale, que l'Impératrice met trop de confiance dans leurs sentiments pour douter qu'un ministre, tel qu'il soit, puisse jamais se proposer d'autres règles que d'y rapporter ses propres vues et ses démarches. C'est donc avec la plus grande confiance qu'elle attendra le choix qu'il leur plaira de faire. Pour moi, M-r, comme vous m'avez confié les deux sujets qu'on aurait en vue, en me témoignant qu'on désirerait savoir mon avis, je vais vous le dire avec sincérité.

Entre m-r Yuel et m-r Larrey je ne balance point à donner la préférence au premier, comme Danois et jouissant d'une fortune qui le met au-dessus de toute autre considération, que celle de faire son devoir. C'est en même temps un homme ferme, attaché sincèrement au système de l'union des deux cours, d'une probité et d'une droiture connues, et qui, dans des occasions intéressantes pour cette union, a montré toute la résolution, la vigueur et le zèle qu'on pouvait souhaiter.

Si quelque chose me prévient contre m-r Larrey, c'est son caractère personnel. Je l'ai connu, quand il a commencé à entrer dans les affaires sous m-r d'Assebourg, et j'ai trouvé en lui un fond de légèreté si extrême

---

[1]) М. Г. А. Данія, III, св. 10.

que j'ai jugé et suis resté pénétré jusqu'à ce moment, qu'elle devait tenir à un autre principe qu'à la seule jeunesse. L'âge peut l'avoir modéré et probablement changé quant à l'objet, mais je crains qu'il n'ait pu la détruire et qu'il n'en reste plus, que n'en peuvent souffrir sans préjudice des affaires telles que celles, dont il serait chargé. D'ailleurs il est étranger et sans fortune. Toutefois, M-r, je ne prétends vous donner ceci que comme mon sentiment et comme motif à porter à y réfléchir où vous êtes; car si par des raisons que d'ici il n'est pas possible de juger, c'est m-r Larrey qui absolument doit l'emporter, vous n'avez aucun mécontentement à en marquer. Dans tout ce dérangement vous marquerez à notre ami l'extrême confiance, que nous mettons en lui, et combien on s'applaudit ici à la vigilance qu'il a marquée pour parer à toute suite défavorable du changement d'un homme, qu'on n'aurait jamais jugé capable d'un écart pareil et aussi inconséquent. J'ai l'honneur d'être etc.

## 2349) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРОССМЕЙСТЕРУ МАЛЬТІЙСКАГО ОРДЕНА ФРАНЦИСКУ ХИМЕНЕЦЪ [1]).

St.-Pétersbourg, ce 18 Mars 1773.

Monsieur le grand-maître. J'ai reçu avec satisfaction la lettre du prédécesseur de Votre Eminence, par laquelle le chevalier de Sagramoso est accrédité à ma cour comme ministre plénipotentiaire de l'ordre.

L'avantage qu'il avait d'y être connu et l'estime générale qu'il s'y était acquise, n'ont pu que me rendre agréable le choix de sa personne. Je ne saurais d'autre part regarder sa mission, que comme une marque d'attention et de justes égards très propres à me confirmer dans l'affection constante que je porte à votre ordre. C'est toujours avec plaisir que je verrai s'établir plus de rapport de lui à mon empire et conséquemment plus de moyens ouverts de lui marquer l'intérêt que je prends à ses avantages. Sur ce je prie Dieu etc.

## 2350) ЧЕРНОВОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЮ СТАНИСЛАВУ-АВГУСТУ [2]).

St.-Pétersbourg, le 18 Mars 1773.

Monsieur mon frère! Le chevalier de Malte, comte Sagramoso, accrédité de son ordre à ma cour comme ministre plénipotentiaire, va se rendre à la cour de Votre Majesté pour réclamer les droits de l'ordre sur l'ordi-

[1]) М. Г. А. Мальта, I, св. 1.

[2]) М. Г. А. Польша, I, св. 1.

nation d'Ostrog. J'ai été priée par le grand-maître de leur accorder mon intercession auprès de la république, et pour cet effet j'accompagne de cette lettre auprès de Votre Majesté le chevalier Sagramoso. Je recommande la considération de l'affaire, qui le conduit auprès d'elle, à la justice et à l'équité de Votre Majesté, et à ses bonnes grâces la personne même de ce chevalier, comme un homme, qui m'est connu depuis longtemps et à qui j'ai toujours accordé mon estime et ma bienveillance. Je suis avec les sentiments d'une sincère amitié,

Monsieur mon frère,
de Votre Majesté
la bonne soeur, amie et voisine.

## 2351) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ МАРКИЗУ ГЕОРГУ КАВАЛЬКАБО, РУССКОМУ ПОВѢРЕННОМУ ВЪ ДѢЛАХЪ ПРИ МАЛЬТІЙСКОМЪ ОРДЕНѢ [1]).

С.-Петербургъ, 19 Марта 1773 г.

Le chevalier de Sagramoso, M-r, ministre plénipotentiaire de l'ordre de Malte, est arrivé ici et a présenté sa lettre de créance à l'Impératrice qui lui a fait l'accueil distingué, dû à son caractère. L'ordre ne pouvait faire un choix, qui fut plus agréable à Sa Majesté et à sa cour. Le mérite reconnu de ce chevalier, ses liaisons avec nombre de personnes en place, qui lui ont conservé depuis son premier voyage en Russie leur estime et leur amitié, lui assurent chez nous un séjour aussi honorable que satisfaisant. L'Impératrice est en même temps flattée de considérer sa mission comme un juste retour d'attention de la part de l'ordre pour la marque d'affection qu'elle lui a donnée et lui continue, en vous accréditant et vous entretenant auprès de lui. Je vous charge, M-r, d'en faire connaître sa satisfaction au grand-maître et au gouvernement dans les termes les plus propres à les assurer des bonnes grâces et de la bienveillance de Sa Majesté Impériale. Elle même a jugé à propos de la marquer dans sa réponse, qui a été remise ici aux mains du chevalier Sagramoso, ainsi que la mienne sur celle, dont le feu grand-maître m'avait honoré. Je joins ici de ces lettres les copies nécessaires à votre information. L'ordre ne saurait sans doute être indifférent aux avantages qui peuvent résulter pour lui des relations suivies avec l'empire de Russie, et il ne saurait souhaiter dans la personne de la Souveraine de dispositions, qui y soient plus favorables. Vous avez pu souvent le faire apercevoir, pendant le cours de votre résidence, et vous êtes autorisé à le confirmer en toute occasion. Et c'est aussi par ces considérations, que l'Impératrice regarde le poste de ministre plénipotentiaire à sa cour comme

[1]) М. Г. А. Мальта, III, св. 1.

toujours subsistant, quoique le chevalier Sagramoso parte ces jours-ci pour Varsovie, où il va suivre la commission qui lui est confiée, pour laquelle il sera pourvu de lettres de recommandation à notre ministre en Pologne, et Sa Majesté Impériale, s'attendant de le revoir à sa cour, ne lui a point donné d'audience de congé pour ce départ; vous insinuerez, M-r, de la manière la plus convenable au gouvernement ce désir et ces intentions de l'Impératrice, qui ne sauraient que lui rendre plus sensible l'avantage d'une correspondance immédiate entre l'empire de Russie et l'ordre, correspondance, qui, avec le temps et selon les événements, ne peut que devenir plus utile à celui-ci.

C'est avec plaisir que je réitière ici les assurances des sentiments, avec lesquels je suis, M-r, etc.

## 2352) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 14 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

Toutes vos lettres d'office, M-r, jusqu'au № 24 inclusivement me sont exactement parvenues. Après vous avoir assuré, qu'en général on est content ici de toutes vos mesures préparatoires pour la diète, je passe tout de suite aux résolutions, dont vous avez besoin.

Si l'abrogation de la loi pénale contre ceux, qui passent de la religion dominante à une autre, rencontre des obstacles aussi forts, que ceux que vous voyez et pressentez déjà, vous êtes autorisé à consentir à telle modification, qui sera exigée impérieusement et avouée par vos deux collègues, jusque là même, que si le besoin le demande, vous pouvez la laisser dans le même état, que précédemment elle a été statuée, et en conséquence vous êtes délié de la force de l'engagement sur ce point porté en votre plan d'opérations.

Ce qui vous est prescrit de l'emploi des starosties à l'indemnité du Roi est subordonné à la pluralité, ainsi sur ce point vous pouvez consentir tel arrangement ou tel expédient, qui sera le plus goûté par la nation. Si on se détermine à ne faire rentrer ces biens dans la main du Roi qu'à mesure qu'ils viendront à vaquer par la mort des possesseurs actuels, vous pouvez aussi consentir à telle impôt ou opération de commerce, qui puisse préalablement pourvoir à cette indemnité, jusqu'à ce que le fond des starosties rentrées y suffise. Toutefois vous aurez l'attention de pourvoir que cet impôt et ces opérations ne préjudicient en rien aux nouveaux intérêts des trois cours, résultants de l'avance de leur possession dans l'intérieur du royaume.

Si le Roi donne lui-même les mains à renoncer à la distribution des starosties, je regarde ce consentement comme un point déjà de gagné

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 35.

pour la tranquillité de la nation. Vous consentirez à régler les choses sur ce nouveau pied et vous entrerez alors dans telle mesure, qui sera prise à la pluralité.

Vous pouvez de même avec la pluralité laisser passer l'établissement d'un corps de magistrature permanent; et ce sera un bien, si on peut en convenir et le fixer solidement.

L'Impératrice trouve très juste la proposition d'abolir les troupes des particuliers, et je réservais cette idée pour vous en écrire dans le cours de l'activité de la diète. On pourra réduire toutes ces troupes jusqu'à la concurrence d'une garde convenable, qui pourra être fixée selon les rangs, et la plus forte ne pas excéder quarante ou cinquante hommes, et ce point vous devez le recevoir, comme une addition au plan général, dont vous êtes déjà pourvu, et en ménager l'exécution de concert avec vos collègues.

Il y a de plus une observation à faire pour la personne du Roi, c'est que tout ce changement dans son royaume ne saurait manquer de laisser dans les esprits, originairement mal disposés pour lui, des semences de haine et d'animosité. Comme les troupes, qu'il a actuellement sous son commandement, lui seront retirées, et qu'il n'aura absolument rien à dire sur aucunes des troupes nationales, il est à craindre qu'après que les affaires seront terminées, et que les troupes respectives des trois couronnes auront évacué le royaume, sa vie et sa couronne ne soient exposées à quelque attaque subite. Ainsi il serait très sage et très prudent de lui accorder pour sa garde une couple de bataillons de troupes étrangères. On fixerait le fonds pour la levée de ces troupes et une somme annuelle pour leur entretien, qui pourrait être laissée à l'entière disposition du Roi. Il serait chargé de les faire recruter, et les commissions des officiers seraient données par lui. Vous aurez la bonté d'en conférer avec vos collègues, et comme je ne doute point, que leurs cours n'admettent cette vue, vous travailleriez en commun à la faire réussir. Je suis d'autant plus persuadé de leur consentement à cet article, que c'est une proposition, qui nous est venue de Sa Majesté Prussienne elle-même.

L'Impératrice a été satisfaite de la lettre de l'évèque de Cracovie. J'ai été autorisé à lui faire une réponse que je joins ici, M-r, en vous priant de la remettre à ce prélat [1]). Je vous en envoye en même temps la copie pour votre information.

J'ai vu la note, qui vous a été remise, contenant la demande de l'élargissement de m-r Czaski et autres prisonniers polonais. Quoiqu'on verra par la suite ce qu'il y aura à faire à cet égard, je vous prie de laisser cette note sans réponse, jusqu'à ce que je vous aie informé quelle résolution on aura pris ici. J'ai l'honneur d'être etc.

A St. Pétersbourg, le 21 Mars 1773.

---

[1]) См. ниже № 2358.

## 2353) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛАННИКУ ВЪ ГАГѢ КНЯЗЮ Д. А. ГОЛИЦЫНУ [1]).

Vous serez informé, mon prince, qu'après que le comte Recteren eût pris son audience de congé, l'Impératrice outre le présent ordinaire lui donna la clef de chambellan. Le chargé d'affaires resté ici après lui, le s-r Schuartz (sic), m'a fait lecture d'une dépêche qu'à cette occasion il a reçue de m-r le greffier Fagel, dont je joins ici la copie et qui vous mettra au fait de la façon, dont cette distinction faite à un de leurs ministres a été prise par le gouvernement. On ne s'ingéra point à révoquer en doute, ni contester les règles, qu'il a plu aux Etats Généraux de prescrire à leur ministre sur l'article de dons des cours étrangères; mais il est à observer que c'est une chose faite, conséquemment sur laquelle on ne saurait revenir sans désagrément. Ce n'était pas à nous à savoir ce que le comte Recteren pouvait ou ne pouvait pas recevoir, mais à lui à ne pas perdre de vue un statut qu'on nous dit inséré dans ses instructions. Comme bien loin de se croire lié, il nous a dit qu'il pouvait accepter la clef, et que c'est en conséquence qu'elle lui a été donnée, il en coûterait à l'Impératrice de savoir, qu'il lui coûtât si cher de n'avoir pas mieux compris ses instructions. Pour tâcher d'y obvier, je vais entrer avec vous dans quelques explications, que je crois admissibles et satisfaisantes à la question. Selon l'insinuation qui m'est faite, la défense porte sur toute donation ou gratification; or la clef de chambellan n'est ni l'un ni l'autre, c'est un pur régal honorifique, qui marque au comte Recteren la satisfaction de l'Impératrice de son séjour à la cour, par lequel elle a aussi particulièrement eu en vue de montrer les sentiments d'affection et d'amitié qu'elle porte à Leurs Hautes Puissances, et rien de plus. On ne saurait la considérer comme une charge donnée, puisqu'il n'y a ici absolument que le nom, et que le comte Recteren n'est point compté par nous, ni ne saurait se compter lui-même dans le service de la cour. Si donc la loi est telle qu'on nous la présente, elle ne parait toucher en rien le cas du comte Recteren. Je vous prie, mon prince, de vous en entretenir sur ce pied avec m-r Fagel, de lui présenter la chose dans son vrai sens et son vrai jour, de lui dire qu'on s'attend ici qu'il ne sera point fait une extension rigoureuse de la règle à un objet si éloigné de son motif. Vous lui représenterez au contraire, que si même la règle est d'une généralité absolue, c'est le cas où jamais, d'y laisser passer un adoucissement, comme à une chose faite, puisqu'autrement il sent bien que ce serait une désobligation à l'Impératrice, qui s'assortirait

[1]) М. Г. А. Голландія, III, св. 8.

mal avec cette suite continue d'amitié, de complaisance et d'égards respectifs entre son Empire et les Etats Généraux.

Vous tâcherez ainsi de terminer cette légère contestation à la satisfaction de votre cour, et vous nous marquerez jusqu'où vous y aurez réussi. Je suis avec une parfaite considération etc.

A St.-Pétersbourg, le 26 Mars 1773.

## 2354) ПИСЬМО ГР. Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ И. А. ОСТЕРМАНУ ВЪ СТОКГОЛЬМЪ [1]).

С.-Петербургъ, 28 Марта 1773.

Monsieur. Dans votre lettre d'office en date du $^{8}/_{19}$ de ce mois, vous avez fait rapport d'une conférence que V. E. a eue avec le sénateur comte Scheffer, dans laquelle ce ministre vous a dit au nom du Roi son maître: que depuis le changement arrivé en Suède, il a été donné des assurances multipliées de la part du Roi de son désir sincère et de son intention ferme et inébranlable d'entretenir avec l'Impératrice, notre Souveraine, le voisinage le plus amical et la plus parfaite union.

Que Sa Majesté Suèdoise, animée à l'heure qu'il est du même désir ardent, lui a ordonné de vous le confirmer de la manière la plus solennelle, en ajoutant que ne doutant point de la réciprocité de Sa Majesté Impériale à ce sentiment, elle s'est entièrement reposée jusqu'à ce jour sur les assurances, qui lui ont été données de sa part, sans avoir égard aux avis, qui lui sont venus consécutivement pendant le cours de quatre mois, de dispositions militaires qui se font vers les frontières de Finlande, telles que la formation de magazins de grains et d'autres provisions et le renforcement des garnisons; mais qu'à présent, recevant non seulement la confirmation itérative de tous ces préparatifs militaires, mais encore l'avis de l'assemblée d'un corps de 18 mille hommes et de l'armement de 75 galères et d'une escadre considérable, il ne peut point vous cacher, combien des préparatifs militaires aussi considérables seraient capables d'inquiéter Sa Majesté Suedoise, si par une suite de sa candeur et de sa sincérité elle ne se reposait pas avec une pleine assurance sur l'amitié de l'Impératrice, fondée sur les liens du sang.

Qu'avec tout cela, comme de telles mesures si près d'elle et celles qui se font en Dannemark ne sauraient que porter sa propre attention vers la défense nécessaire de son royaume,—par cette considération, jusqu'à ce qu'elle soit plus positivement éclaircie, elle a jugé nécessaire de

[1]) М. Г. А. Швеція, III, св. 41.

prendre de son côté quelques précautions, comme entre autres de mettre en état sa flotte de galères qui se trouve à Stockholm, et lui a ordonné à lui, c-te Scheffer, de vous en faire part, en vous donnant itérativement l'assurance, que le Roi n'a pris cette résolution que par l'unique motif de sa défense, sans avoir la moindre intention d'inquiéter Sa Majesté Impériale non seulement pas par une attaque, mais pas même par la moindre démarche, démonstration ou mouvement; qu'il promet au nom du Roi, qu'aussitôt qu'il apprendra de votre bouche, que Sa Majesté Impériale dans ses dispositions n'a point intention de rien entreprendre contre Sa Majesté Suèdoise, dès le même moment on cessera jusqu'à la moindre démarche de leur côté, sur quoi il vous a engagé à plusieurs reprises sa parole d'honneur.

En vertu d'ordres de sa cour, le baron Ribbing m'a fait aussi ici cette insinuation absolument dans le même sens et avec les mêmes expressions.

Je n'ai pas manqué de la mettre sous les yeux de l'Impératrice, aussi bien que les raisonnements, dont elle a été appuyée auprès de Votre Excellence par le comte Scheffer et ici par le baron Ribbing.

En conséquence de l'attention, que Sa Majesté Impériale y a donnée, et des dispositions dans lesquelles elle l'a reçue, V. E. est autorisée à faire parvenir en son nom à Sa Majesté Suèdoise par le même ministre, le comte de Scheffer:

Que depuis que le Roi est sur le trône, Sa Majesté Impériale a toujours eu à coeur de l'assurer de l'amitié sincère qu'elle lui porte, comme à un proche parent, de l'intérêt qu'elle prend à sa prospérité et à sa satisfaction, et en même temps de la confiance qu'elle met en ses dispositions pour la bonne union et parfaite harmonie entre les deux couronnes: qu'animée de ces sentiments elle ne peut recevoir qu'avec une nouvelle confiance et une nouvelle satisfaction les assurances, que dans les circonstances actuelles, le Roi lui a fait parvenir par vous, M-r, et par le baron Ribbing;

Que Sa Majesté Impériale dédaigne trop toutes vues cachées, que pendant tout son règne elle a conduit ses affaires à découvert à la face de l'Europe, qu'à plus forte raison elle ne pourrait pas se montrer moins fidèle à une telle conduite vis-à-vis d'un prince qui lui est allié de si près par le sang, et que d'après ce principe invariable de sa politique elle vous ordonne, M-r, d'assurer, que dans ce qui s'est fait et se fait dans ses états, il n'est entré, ni n'existe aucune vue, ni intention d'attaque contre Sa Majesté Suédoise; qu'afin de l'en convaincre, elle fait profession de trop de franchise et de bonne foi pour ne pas s'expliquer sur le vrai et unique motif des mesures défensives, qu'elle a ordonné de prendre pour se mettre à l'abri de toute surprise ou attaque inattendue contre

ses frontières de ce côté-ci; qu'en même temps qu'elle met le plus haut prix aux assurances, qu'elle reçoit d'un Roi son proche parent, elle n'a pu s'empêcher d'évaluer aussi ce que l'aspect des circonstances exigeait de sa prévoyance pour la sûreté de son empire; que dans une juste appréciation de ce qu'elle doit de confiance aux premières et de considérations à celles-ci, l'Impératrice a cru se placer dans un milieu équitable, en se renfermant dans les mesures qu'elle a prises; que tout état, tout homme impartial, combinant cette conduite de l'Impératrice sur l'état des choses, trouvera placée, régulière et juste; que ce n'est pas sur des avis répétés de plus d'une part, ni sur des conjectures de tout le public, touchant les desseins et les influences étrangères contraires aux affaires de l'Impératrice, qu'elle a apprécié sa résolution, mais qu'il est bien évident que le premier pas dans l'état présent du Nord n'a point été fait par elle. Sa guerre avec la Turquie était déjà portée à un point à faire choisir à l'ennemi la voie d'une négociation de paix, et c'est dans ce moment que la Suède a reçu une nouvelle forme de gouvernement. De ce changement d'un état si voisin de la Russie et des mouvements militaires qui l'ont suivi immédiatement et qui se continuent sans interruption jusqu'à ce jour, son ennemi encouragé montre une roideur qu'il semblait avoir oubliée, et la progression des négociations pour la paix rencontre des difficultés que n'en avait pas le commencement. Que de là, plus naturellement, l'Impératrice a dû porter une attention plus circonspecte sur ce qui se passait en Suède, puisque la sensation s'en faisait tant apercevoir au loin; et encore que l'on compare impartialement les effets de cette attention avec les objets, auxquels elle se rapportait. Aussitôt après le changement arrivé en Suède, on a commencé de toute part des dispositions militaires, réparé les forteresses, élevé de nouveaux ouvrages sur la frontière, complété l'armée, tout disposé pour l'équipement de la flotte, fait assembler des troupes, dirigé des mouvements vers la Norvège, et même depuis cette dernière mesure, temps où les déclarations pacifiques du Danemark, où les représentations pleines d'assurance d'amitié et de bon voisinage de la Russie ont dû rassurer pleinement, on n'a pas discontinué de suivre et d'augmenter ces préparatifs jusqu'à mettre les forces dans un état beaucoup au dessus de ce que portent les dépenses de la couronne pour un état de paix. La Russie au contraire, attaquée à l'improviste par la Turquie, avait de toutes parts rassemblé ses forces de terre et de mer pour faire face aux premières attaques de son ennemi, et dans la confiance d'une paix subsistante depuis tant d'années entre son empire et la Suède, elle avait dégarni toutes ses frontières et ses ports dans le Nord, se proposant selon le cours de sa guerre d'y rappeler successivement des troupes, à la place de celles qu'elle en avait tirées, de même que de suppléer au vide de sa marine, qui, outre les envois contre la

Turquie, avait été considérablement affaiblie par un incendie dans le havre des galères de St-Pétersbourg. L'état de sa guerre et le rapprochement d'autres corps de ses troupes des provinces les plus reculées de son empire, ainsi que la construction de quelques vaisseaux et galères, l'ont mise en état de le faire, et c'est à cela que se réduisent toutes ses dispositions militaires. Ces forces ne sont que dans une proportion naturelle aux ressources de son empire et n'ont rien d'excédant à l'état où elles ont toujours été en temps de paix. Les frontières n'avaient été dégarnies que pour la nécessité du moment, elles n'étaient pas destinées à rester telles, et elles ne l'ont pas dû de la façon dont l'aspect de leur voisinage a changé. Surtout les mouvements vers le Danemark, dont la garantie des possessions est imposée à la Russie par une alliance, et que l'Impératrice n'a pas balancé à faire connaître avec toute énergie au Roi dans sa première déclaration, ajoutaient encore à l'équivoque de sa position relativement à l'état présent de la Suède.

Il vous plaira, M-r, d'y ajouter, que Sa Majesté Impériale ne dément point ses dispositions, mais qu'elle agit dans le principe qui les lui a fait faire, en déclarant qu'elle n'a songé et ne songe qu'à sa défense naturelle et celle de son allié, et que le Roi, lui confirmant aussi solennellement ses assurances qu'il ne veut ni l'attaquer, ni l'inquiéter par aucune démarche, ni aucune démonstration; et si une pareille sécurité s'étend aussi au Danemark, l'Impératrice assure de son côté Sa Majesté Suèdoise, avec autant de sincérité que de satisfaction, qu'elle n'a aucune intention de l'attaquer et qu'elle souhaite de maintenir entre les deux monarchies l'heureux état de paix et d'amitié dont elles jouissent;

Que puisque Sa Majesté doit ajouter foi entière aux assurances actuelles du Roi et conséquemment se persuader, qu'aucune vue ni secours étranger n'entrent dans ses préparatifs et ses armements actuels, elle regrette sincèrement que ce prince se soit constitué en dépenses et efforts extraordinaires qu'il aurait pu s'épargner, puisque dans le fait l'Impératrice n'a jamais eu aucune vue hostile contre lui.

Après avoir ainsi exposé au comte Scheffer les sentiments et les dispositions de l'Impératrice, pour qu'il les rende de même au Roi son maître, je prie V. E. de dire de ma part à ce ministre, aux lumières et à la sagesse duquel je rends toute justice, de qui j'ai l'honneur d'être connu et à qui ma façon de penser ne saurait être étrangère, que j'ai reçu l'insinuation que le baron de Ribbing était chargé de me faire sur une union plus étroite entre nos cours, et que vous même, M-r, m'avez touchée dans votre lettre; que je ne veux point lui cacher et que je lui confie avec toute franchise, que ce n'est pas bien connaître le caractère et l'élévation des sentiments de l'Impératrice que de lui proposer une démarche qui, quelque agréable qu'elle pût lui être, quelque conforme

qu'elle fût à ses vrais sentiments et à ses dispositions pour le Roi et le royaume de Suède, se laisserait cependant interpréter à l'envie comme un acte déterminé ou même forcé par les circonstances; que par ce sentiment, qui ne saurait être désapprouvé, je le prie par V. E. de suspendre cette proposition jusqu'au moment où la situation des affaires sera plus calme et conséquemment exempte de toute interprétation. J'ai l'honneur d'être etc.

## 2355) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 16 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

Comme je vous vois dans plusieurs de vos lettres d'offices, M-r. vous attacher à cette considération, qu'il faut rétablir ou soutenir pour notre cour une influence prépondérante en Pologne, je vais avoir l'honneur de m'entretenir avec vous sur cet objet et vous faire part sans détour de la façon, dont il s'offre à moi. L'importance en est évidente, et le principe n'en admet point de variation. Mais la politique ne refuse point dans ses règles de suspendre quelquefois tel intérêt admis et reconnu par elle comme intérêt permanent, pour donner cours préférablement à un intérêt présent d'une importance unique, fugitif par sa nature, et qui une fois négligé ne laisse plus que le regret de ne l'avoir pas saisi. Telle est, ce me semble bien positivement, notre situation vis-à-vis de la Pologne. Nous sommes parvenus à un concert, pour terminer en paix les affaires intérieures de cette république et régler celles, qu'elle a avec ses voisins à l'avantage de ceux-ci. Tout est en mesure actuellement pour cela, et l'ouvrage est assez compliqué, assez difficile, a coûté assez de peine pour être amené au point où il est, pour que sa marche ne doive pas être embarassée et traversée par d'autres soins. Il y aura du temps pour revenir à ceux-ci, quand nous aurons terminé l'objet présent, il ne nous manquera point de moyens ni physiques, ni moraux, pour remettre notre influence sur le pied qu'elle doit être (sic). Mais pour le moment, il n'y a absolument autre chose à voir et à penser, que de finir les affaires actuelles, et comme il n'est point d'autre moyen pour y réussir, que d'entretenir la plus parfaite harmonie et la plus intime confiance entre les trois cours, c'est là la considération, à laquelle il faut tout sacrifier. Donnons-nous de garde de nous laisser même soupçonner de la vouloir maintenir notre prépondérance au moment d'une opération, qui ne se conduise et n'arrivera à son but qu'à l'appui de l'égalité la plus parfaite. Toute démarche de notre part, qui sentirait tant soit peu l'exclusion,

---

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 35.

exposerait visiblement à une dislocation tout le système actuel, ferait peut-être fuir pour jamais cette exécution pacifique, que nous attendons du plan si heureusement adopté par trois cours de finir les affaires si compliquées de la Pologne.

Ne nous point lier les mains par des engagements, qui fermeraient tout retour à notre influence, ne point aggraver séparèment des deux autres cours la situation de la Pologne, ne point aliéner les esprits par des voies de fait, qui ne seraient qu'à nous, est tout ce que le moment nous laisse. Loin donc de vous montrer trop vigilant sur l'avenir, il y aura de l'utilité à affecter de l'indifférence, et dût-on en cela soupçonner ou votre dextérité propre ou la politique de votre cour, croyez, M-r, que le vrai avantage du service s'en accommodera. Je rapporte avec raison à cet objet du sort de notre influence future la part, que vous devez avoir à la distribution des grandes charges et des grands bénéfices vacants, ou qui vaqueront d'ici à la conclusion des affaires. Ici votre principe, ainsi que sur tout le reste, est de ne rien faire que dans le plus grand concert avec vos collègues, de conférer entre vous quel sujet vous conviendrait le mieux pour telle ou telle place, et quand vous l'aurez arrêté, de le recommander en commun, et sans faire ni plus ni moins d'instances les uns que les autres, et à tous trois votre règle pour le choix de chaque sujet, c'est sa conduite dans les circonstances présentes, c'est ce qu'il peut et veut faire pour servir aux succès de la pacification. Par cette seule observation je réponds, M-r, à toutes les prescriptions, que vous avez désiré avoir sur cet article, et je vous prie de tenir en fait, que ce n'est pas dans ces sollicitations, que les polonais vous donneront le moins de besogne. Il en viendra à vous, qui ne vous parleront que de prédilection pour l'union de la république avec votre cour, de dévouement à ses intérêts, d'obéissance à servir ses vues; et ces gens, soit de dessein par un effet de leur malignité, soit même avec des intentions louables et droites, parviendront à exciter la jalousie entre vous trois, et celle-ci peut-être ne tarderait pas à se communiquer à vos cours; au lieu que si vous n'écoutez les polonais et ne vous liez avec eux, que sur l'exécution de votre plan, vous êtes toujours en état de montrer à vos collègues le fond de toutes vos intelligences; et, en retour de cette confiance, vous avez droit d'exiger d'eux, qu'aussi ils vous découvrent confidemment tout ce qui se traite entre eux et tel autre polonais, qui paraîtrait s'attacher à eux de préférence. C'est selon moi la seule conduite, qui puisse vous répondre d'être toujours unis entre vous, et telle elle doit être vis-à-vis de tous les polonais, de quelque ordre et de quelque rang qu'ils soient; je n'en excepte pas même la personne du Roi. Il sera vis-à-vis de lui même très prudent d'observer, que tout ce qu'il y aura à traiter et négocier le soit en commun, ses propositions, ses représentations ou ses ré-

ponses s'adressent indifféremment à l'un ou à l'autre de vous trois, qu'il croie n'avoir à traiter qu'avec une seule cour et un seul ministre.

Je crois essentiel de concentrer là toutes vos vues et toutes vos démarches, parce que ce n'est que dans une intimité pareille, que j'entrevois l'espoir du succès .J'ai l'honneur d'être etc.

St.-Pétersbourg, ce 31 Mars 1773.

## 2356) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 17 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

Le comte Sagramoso, chevalier de Malte, M-r, qui est venu ici comme ministre plénipotentiaire de son ordre solliciter la protection de la cour dans la réclamation qu'il va faire auprès de la république de Pologne de l'ordination d'Ostrog, a présenté ici sur cette affaire le mémoire que j'ai l'honneur de joindre ici. Comme il est allé à Varsovie plaider lui-même cette cause à l'assemblée prochaine de la diète, vous serez à portée de savoir plus en détail de lui toutes ses raisons et ses droits, et jusqu'à quel point il désirerait de les faire valoir. Quant à la participation que vous devez à ses démarches, voici ce que j'ai à prescrire de la part de l'Impératrice. Sa Majesté Impériale trouvant conforme à ses sentiments et à sa dignité de ne point refuser son appui à la justice partout où elle se trouve, a consenti d'intercéder en faveur de la demande de l'ordre de Malte, pour autant qu'elle peut le mériter à ce titre. Selon les promesses que le chevalier Sagramoso a pareillement tirées des cours de Vienne et de Berlin, il est à présumer qu'elles entreront dans cette affaire avec les mêmes dispositions que l'Impératrice. Vous aurez donc avant toutes choses à vous concerter avec vos deux collègues et confronter ensemble les instructions de vos cours respectives, et ensuite de la façon qu'il aura été convenu entre vous, faire les insinuations nécessaires au Roi et à la diète, pour qu'il soit donné satisfaction à l'ordre de Malte sur les prétentions de la façon la plus conciliante pour les deux parties et la moins onéreuse pour la république. Il ne nous est point connu ici, quelles sont les raisons de droit que la république a à opposer aux demandes de l'ordre, mais toutefois est-il placé et décent que Sa Majesté ne refuse point de s'intéresser pour ce qui est juste, et ce n'est qu'autant que cette affaire se trouvera l'être en effet qu'elle la recommande.

Il a été prononcé sur l'ordination d'Ostrog à la diète de 1766; et les droits de l'ordre mis de côté, il ne s'agit pas de bouleverser et d'annuler

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 35. См. выше №№ 2350 и 2351.

ce qui a été fait alors, ce qui serait, dans les circonstances actuelles, un nouveau sujet de discorde et d'affaire de parti, dont on n'a pas besoin, mais le point est de trouver un biais qui mette d'accord, autant que possible, l'ordre de Malte et les familles intéressées à ce procès. Vous travailleriez donc à disposer le Roi et la république à rechercher par eux-mêmes tel expédient, qui leur serait le moins à charge pour composer avec le c-te Sagramoso. J'ai même lieu de croire la chose facile d'après les dispositions que ce chevalier m'a fait apercevoir, puisque, comme je vous l'avoue en particulier, il m'a fait entendre confidemment comme à un ancien ami, que son ordre se contentera d'une espèce de reconnaissance extérieure de son droit et qu'il avait carte blanche pour entrer dans tous les arrangements, qui pourront convenir à la république. Avec des prétentions aussi modérées il ne saurait donc y avoir d'inconvénient que vous, M-r, ainsi que j'ai ordre de vous y autoriser, vous veniez, de concert avec vos collègues, à l'aide des mesures et des démarches qu'il va faire, et que vous contribuerez à conduire la chose à une transaction respective entre les parties. J'ai l'honneur d'être etc.

A St.-Petersbourg, ce 31 Mars 1773.

## 2357) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 18 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

L'Impératrice a reçu avec satisfaction, M-r, la lettre que lui a écrit l'évèque de Vilna. Ses intentions patriotiques et ses vues à concourir à la pacification de sa patrie lui assurent sa protection et sa bienveillance. Vous pouvez le lui notifier, M-r, et lui confirmer les promesses, que vous lui avez faites, conformèment à l'esprit de ma lettre № 16. Vous pouvez donc, M-r, de concert avec vos collègues travailler à lui faire obtenir à la diète une constitution pour le jugement de ses affaires. Vous vous emploierez de même à lui procurer la survivance héréditaire d'une starostie pour un de ses neveux, selon que cela se trouvera pouvoir subsister dans les nouveaux arrangements au sujet de cette nature de biens, ou si cela ne pouvait avoir lieu, y substituer tel autre avantage, que vous pourriez équitablement lui procurer. De même vous le recommanderez tous les trois en commun et presserez sa nomination à la charge de vice-chancelier.

Il a fait mention dans sa lettre à l'Impératrice d'une terre, qui lui est hypothéquée, dont il sollicite la levée du séquestre. Si cette terre est

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 35.

située en Pologne, vous pouvez à ce sujet le favoriser, autant qu'il sera pratiquable, et la chose dépend entièrement de vous. Mais si elle est située dans nos acquisitions, il est besoin que nous sachions la nature de ce bien, s'il est héréditaire ou si c'est une starostie à vie, enfin si en vertu de l'hypothèque il est déjà possesseur ou non; et lorsque ces circonstances nous seront connues, il aura lieu d'être satisfait de la façon, dont il en sera agi de notre part. Quant à la prestation du serment, dès que ses sentiments et sa conduite sont tels, que vous les représentez et qu'ils se soutiendront de même, Sa Majesté, par une faveur particulière, le dispense du serment en personne et elle se contente, qu'il le prête entre vos mains à Varsovie, et vous êtes autorisé par celle-ci à le recevoir et envoyer en cour. En un mot selon le degré de confiance, que vous jugez qu'il mérite, vous pouvez lui protester de la constante protection et de la bienveillance de votre cour. J'ai l'honneur d'être etc.

A St.-Pétersbourg, ce 31 Mars 1773.

**2358) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ЕПИСКОПУ КРАКОВСКОМУ СОЛТЫКУ [1]).**

Monseigneur! L'Impératrice a reçu avec bonté la lettre que V. Eminence a cru de son devoir de lui écrire. Le sentiment qui l'a porté à ordonner votre élargissement, vous répond qu'elle a fait taire tout motif ancien de mécontentement et qu'elle verra votre conduite ultérieure avec la même impartialité, que si jamais il n'en eût existé. C'est ce qu'elle m'ordonne de vous annoncer, pour que vous puissiez désormais, en toute confiance et avec une parfaite tranquillité, aspirer à sa protection et à sa bienveillance. Votre Eminence juge, par ce que j'ai l'honneur de lui dire ici des dispositions de l'Impératrice, qu'il n'est besoin pour elle ni d'excuse, ni de justification, et que le passé est totalement mis en oubli. Si personnellement j'ai quelque droit à son estime, elle sentira sans que je lui dise, que je n'ai pas été un moment sans ressentir vivement sa disgrâce et que j'ai souffert des circonstances qui l'ont nécessitée. A présent que Sa Majesté Impériale a admis le seul moyen praticable de rendre la paix à la Pologne, toute autre considération antérieure cède à celle-là. Il est à souhaiter que de même la conduite des membres de l'état, appelés à y participer, n'ait d'autre mobile que le sentiment d'apprécier, une fois pour toutes, l'intégrité d'un état stable pour leur patrie et aussi le seul titre, sur lequel pourra se fonder pour eux la bienveillance de ma Souveraine. J'ai l'honneur d'être etc.

A St.-Pétersbourg, ce 31 Mars 1773.

[1]) М. Г. А. Польша, II, св. 4.

## 2359) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ № 4 КЪ КНЯЗЮ В. М. ДОЛГОРУКОВУ [1]).

Нашему генералу-аншефу князю Долгорукову.

Вамъ уже извѣстно о безплодномъ окончаніи мирной, съ Портою Оттоманской, негоціаціи и наставшей паки необходимости къ продолженію войны съ симъ клятвеннымъ христіанства непріятелемъ. Сколько съ одной стороны обольстительныя, недоброжелательствующихъ намъ дворовъ, внушенія могли Порту ожесточить въ упорствѣ, чтобъ не согласиться на предложенныя ей мирныя условія, столько жъ, а по крайней мѣрѣ не меньше, могла отвергнуть оныя и по собственному своему подвигу, жалѣя отступиться отъ бывшей власти надъ Крымскимъ полуостровомъ и татарскими народами, и едва ли не представляя себѣ легкимъ завоеваніе и пріобрѣтеніе сего полуострова, а особливо по интригамъ своимъ, между тамошними жителями и прочими татарами, безпрерывно производимымъ.

При такихъ обстоятельствахъ, какъ ожиданіе десантовъ турецкихъ на Крымъ и всякихъ покушеній, чтобъ изъ занятыхъ теперь нашими войсками мѣстъ, въ которыхъ либо утвердиться, и сверхъ того и татаръ въ свою пользу развратить, больше нежели уже вѣроятное есть: такъ и долженствуютъ безъ всякаго потерянія времени достаточныя употреблены быть мѣры и предосторожности къ упрежденію и уничтоженію всѣхъ непріятельскихъ предпріятій, въ коихъ поелику меньше будетъ имѣть удачи при первомъ случаѣ, потолику натуральнымъ образомъ и стремленіе его о исторженіи изъ нашихъ рукъ Крыма въ послѣдующее время уменьшиться можетъ.

Мы, испытавъ уже ревность вашу къ службѣ нашей и отечества, и будучи удостовѣрены, что при собственномъ вашемъ обозрѣніи и ближайшихъ попеченіяхъ съ толь вящею дѣйствительностію пристойныя и нужныя распоряженія пріемлемы быть имѣютъ, равно какъ и съ толь вящимъ успѣхомъ оказывающійся иногда непріятель и отражаемъ будетъ подъ вашимъ предводительствомъ, или же при даваемыхъ отъ васъ непродолжительныхъ повелѣніяхъ, соизволяемъ для всего того, чтобы вы какъ наискорѣе, со всѣми препорученными вамъ войсками, старались достигнуть Крыма, кои, какъ приведенныя уже предъ симъ отъ васъ въ движеніе, чаятельно на такой переходъ и невеликаго времени востребуютъ, а будучи тамъ, расположили оныя по усмотрѣнію нужды, и наконецъ по оказывающимся случаямъ, призвавъ въ помощь Господа силъ, и военныя производили дѣйствія на отраженіе турецкихъ нападеній и для удержанія татаръ отъ сложенія

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3.

съ непріятелемъ, долженствуя простираться стараніе ваше не только до однихъ Крымскихъ, но равномѣрно и до Ногайскихъ, теперь на Кубани находящихся; ибо Порта и сихъ послѣднихъ, по всѣмъ извѣстіямъ, такожде развращать старается, а ежели бъ тѣ ли или другіе изъ татаръ сообщились съ непріятелемъ и въ пособіе его воспріяли оружіе, вы всѣхъ въ такихъ обстоятельствахъ найтися могущихъ, по соглашенію только о Крымскихъ съ тамошнимъ ханомъ, а о Ногайскихъ съ ихъ начальникомъ Джанъ-Мамбетемъ, пока сами они не будутъ невѣрны и подозрительны, имѣете стараться привесть въ несостояніе быть больше вредными, дѣйствуя и противъ ихъ военною рукою точно такимъ образомъ, какъ объ ономъ, въ учиненномъ отъ васъ имъ дружественнѣйшемъ объявленіи, сказано, поражая однихъ мечемъ, другихъ бравъ въ плѣнъ въ неволю, раздавая помѣщикамъ въ крѣпостные, и наконецъ выжигая ихъ селенія, яко клятвопреступниковъ; слѣдовательно въ запасъ и на случай нужный, чтобъ и изъ Ногайцевъ зломысленные тотчасъ поражены быть могли, изъ состоящихъ въ вашемъ предводительствѣ войскъ нѣкоторое число для сего употребленія въ удобномъ къ тому мѣстѣ, не ослабляя со всѣмъ тѣмъ нужнѣйшихъ, держать будете, какъ для дѣйствительнаго употребленія, такъ и въ показаніе симъ легкомысленнымъ народамъ удобности къ ихъ пораженію. Между тѣмъ, дабы Крымскіе жители предварительно увѣдомлены были о повелѣніи нашемъ, данномъ вамъ въ вышеописанной силѣ, и ханъ Крымскій, равно какъ и Ногайскій начальникъ Джанъ-Мамбеть, непосредственные ваши и точные отзывы имѣли, о должности ихъ, при возобновляющейся у насъ съ Портою Оттоманской войнѣ, подвластные имъ народы предохранять отъ всякихъ искушеній и поползновенностей, прилагаются здѣсь формы, съ отверстаго отъ имени вашего манифеста и съ писемъ отъ васъ же къ хану Крымскому, и къ Калгѣ-Султану, и къ Ногайскому начальнику; и вы, препровождая манифестъ къ хану, для обнародованія во всемъ Крымскомъ полуостровѣ, чрезъ него, какъ настоящаго татарской области верховнаго владѣтеля, сообщите однакожъ равномѣрный и находящемуся при немъ резиденту ст. сов. Веселицкому, предписавъ ему, чтобъ и онъ со своей стороны о распространеніи свѣдѣнія повсюду сей вашей декларації старался, не полагаясь, въ толь нужномъ Крымскимъ татарамъ увѣщаніи, единственно на распоряженія и содѣйствіе ихъ хана; а что касается до письма вашего къ Джанъ-Мамбетю, оное вы отправите къ находящемуся при немъ подполковнику Стремоухову, приказавъ и ему содержаніе его, также и манифеста, всѣмъ и прочимъ Ногайскимъ начальникамъ и знатнымъ людямъ учинить извѣстнымъ, и сколько возможно наилучше изъяснить, и чтобъ сей подполковникъ, о всѣхъ сихъ народовъ и ихъ начальниковъ обращеніяхъ, вамъ

въ свое время доносилъ и испрашивалъ вашего пособія и наставленій.

Впрочемъ мы, по окончаніи всего, и повторительно предъявляя совершенное надѣяніе къ усердію и искусству вашему въ сохраненіи пріобрѣтенной, въ настоящую, съ вѣроломнымъ непріятелемъ войну, нашего оружія славы, пребываемъ къ вамъ и нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, 2 Апрѣля 1773 года.

Екатерина.

## 2360) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГЕНЕРАЛУ-АНШЕФУ КНЯЗЮ В. М. ДОЛГОРУКОВУ [1]).

Милостивый государь мой князь Василій Михайловичъ!

Имѣю честь препроводить къ в. с-ву высочайшій рескриптъ, коимъ Ея Императорскому Величеству угодно было всемилостивѣйшее изъявить вновь надѣяніе къ патріотической вашей ревности, по случаю рушившагося мирнаго съ Портою Оттоманскою конгресса, препорученіемъ в. с-ву стражи Крымскаго полуострова отъ непріятельскихъ покушеній, и удержанія татаръ вообще, и Крымскихъ и Ногайскихъ, въ спокойномъ положеніи, но такимъ образомъ, чтобъ нужныя въ сихъ обоихъ предметахъ распоряженія, какъ и самыя военныя дѣйствія, зависимыми предоставались отъ собственнаго вашего локальнаго усмотрѣнія, и потому вы, м. г. м., всю свободность имѣть могли въ избраніи и употребленіи пристойныхъ и толь дѣйствительнѣйшихъ, по встрѣчающимся обстоятельствамъ, способовъ. Я по усердію моему къ отечеству, а притомъ и къ особѣ в. с-ва, сугубо участвуя въ успѣхахъ предстоящихъ вамъ, м. г. м., подвиговъ, отъ всего моего сердца желаю, да ниспослетъ Всевышній благословеніе свое на всѣ в. с-ва предпріятія, къ скорѣйшему обращенію вновь возгарающагося военнаго пламени въ миръ полезный, и къ толь вящему и прославленію вашего имени и достоинствъ.

Прилагаю при семъ же письмо мое къ ст. сов. Веселицкому, изъ копіи котораго изволите в. с-во усмотрѣть о учиненномъ нынѣ отъ меня ему предписаніи, чтобъ онъ, о всѣхъ въ его мѣстѣ происшествіяхъ и своихъ развѣдываніяхъ, немедленно в. с-ву доносилъ для

---

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ и писемъ къ кн. В. М. Долгорукову 1770—1783.

надлежащаго употребленія, и поступалъ бы и самъ по вашимъ повелѣніямъ, какія и когда ему даны быть имѣютъ; а въ такой же точно силѣ и къ находящемуся при Ногайскихъ ордахъ приставомъ подполковнику Стремоухову равномѣрно нынѣ же писано.

А какъ Эдишкульская орда не соединенно съ тремя прочими ордами Ногайскими управляется, но особенно и въ независимости отъ Джанъ-Мамбета, главное лицо въ оныхъ ордахъ представляющаго, имѣетъ собственное начальство, то здѣсь и почитается за нужно, чтобъ в. с-во, дѣлая по предписанію, въ высочайшемъ рескриптѣ содержащемуся, обсылку съ Джанъ-Мамбетъ-Беемъ, отозвались при настоящихъ обстоятельствахъ такожде и къ Эдишкульской ордѣ, въ показаніе къ ней нѣкотораго къ уваженія, отправляя и къ начальнику тамошнему особливое письмо, для котораго здѣсь же и форма слѣдуетъ. Впрочемъ же я всегда пребуду и проч.

Въ С.-Петербургѣ 5 Апрѣля 1773 года.

## РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ.

9 Апрѣля 1773 г. Объ окончаніи срока перемирія съ Турками, прекращеніи мирныхъ переговоровъ въ Бухарестѣ и о начатіи военныхъ дѣйствій. Напечат. въ Сборникѣ, т. I, стр. 92.

## 2361) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ДАТСКОМУ КОРОЛЮ ХРИСТІАНУ VII, СЪ СОБСТВЕННОРУЧНЫМИ ПОПРАВКАМИ ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Monsieur mon frère! Rien n'est plus obligeant que la lettre qu'il a plu à Votre Majesté de m'écrire, en me faisant part du changement qu'elle a trouvé bon de faire dans son ministère. Les qualités qu'elle veut trouver dans le sujet [2]), à qui elle confiera la direction de ses affaires *avec les cours étrangères*, me sont la preuve la plus certaine de sa sincère amitié et des *principes qui l'attachent au maintien de notre union. Je ne veillerai pas* [3]) avec moins de soin de mon côté à mettre hors de toute atteinte cet objet si cher et si important, et toutes mes démarches convaincront Votre Majesté, que notre système est celui que je regarde

[1]) М. Г. А. Данія, I, св. 1.

[2]) См. № 2364.

[3]) Напечатанныя курсивомъ слова вписаны Императрицею.

comme le plus solide et respectivement le plus avantageux pour les deux Etats. C'est dans ces sentiments que je suis avec la plus parfaite amitié,

Monsieur mon frère,

de Votre Majesté

la bonne soeur, amie et alliée.

St-Pétersbourg, ce 10 Avril 1773.

## 2362) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ № 5 КЪ КНЯЗЮ В. М. ДОЛГОРУКОВУ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНОЙ ЕЯ ПРИПИСКОЮ [1]).

Нашему генералу-аншефу князю Долгорукову.

По разсмотрѣніи представленій вашихъ, содержащихся въ вашихъ реляціяхъ отъ 20 и 29 Марта, о приготовленныхъ вами войскахъ для сохраненія въ спокойномъ состояніи Ногайскихъ ордъ, на Кубанской сторонѣ находящихся, и употребленія противъ оныхъ, въ случаѣ нужды, со испрошеніемъ, чтобъ производство ихъ дѣлъ по прежнему однакожъ оставалось въ вѣдомствѣ нашего генерала-поручика Щербинина, и можно ли будетъ находящимся въ рукахъ Крымскихъ разныхъ націй христіанамъ, когда которые изъ сихъ татаръ противными окажутся, а оные христіане будутъ искать въ то время прибѣжища, такимъ изъ Крыма возвращаться дозволить, несмотря на трактатъ, съ ханомъ Крымскимъ заключенный, коимъ подобные невольники навсегда утверждены татарамъ, и, наконецъ, о ссудѣ, учиненной вами Калгѣ-Султану, при случаѣ его изъ Полтавы отъѣзда, подъ образомъ займа отъ одного тамошняго купца, со взятіемъ отъ него, Калги-Султана, и обязательнаго въ томъ письма, причемъ вы разсуждаете, что не только сіи деньги не безполезно бъ было ему уступить, но и заложенные имъ перстень и кисть съ шапки, отъ насъ ему пожалованные, выруча отдать же, если онъ только, по началу имъ оказанному, по прибытіи въ свое отечество, благонамѣреннымъ неизмѣнно и впредь пребудетъ: объявляемъ симъ наше соизволеніе на всѣ тѣ представленія.

Мы всемилостивѣйше апробуемъ учиненныя вами распоряженія къ соблюденію Ногайскихъ ордъ въ непреклонномъ Портѣ Оттоманской состояніи, признавая оныя къ тому совершенно достаточными, и хотя впрочемъ нашъ генералъ-поручикъ Щербининъ, какъ въ семъ же самомъ видѣ, такъ и по случающимся съ Ногайскими татарами и кромѣ того дѣламъ, и будетъ продолжать съ ними переписку, но поелику при настоящихъ военныхъ обстоятельствахъ удержаніе

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3.

вредной ихъ поползновенности больше зависимымъ быть можетъ отъ употребленія дѣйствительныхъ мѣръ, нежели отъ письменныхъ изъясненій, слабыхъ для преодолѣнія ихъ невѣжественной грубости и слѣпой привычки къ повиновенію туркамъ, потому и нужно весьма, чтобъ попеченіе ваше и до нихъ простиралось, какъ составляющихъ часть не малую области татарской, которую мы созиждя, желаемъ и навсегда утвердить въ независимости Порты Оттоманской, для чего, о всѣхъ оныхъ татаръ происхожденіяхъ, находящійся при нихъ приставомъ подполковникъ Стремоуховъ, по данному ему предъ симъ повелѣнію, и доносить вамъ имѣетъ. Когда по содержанію отправленнаго къ вамъ, отъ 2 Апрѣля, рескрипта нашего будетъ настоять нужда поступать съ Крымскими татарами такъ, какъ съ непріятелями, со всѣми, или съ нѣкоторою изъ нихъ частію, то конечно справедливо уже будетъ, чтобъ выходящіе тогда отъ сихъ нашихъ противниковъ и христіане находили прибѣжище, какъ при войскахъ нашихъ, такъ и при крѣпостяхъ, и возъимѣли всю удобность къ воспріятію пути въ нашу Имперію, или же и въ природныя свои мѣста.

Мы признаваемъ разсужденіе ваше основательнымъ и о уступкѣ Калгѣ-Султану выданныхъ ему отъ васъ заимообразно четырехъ тысячъ рублей, для подкрѣпленія его въ полезномъ, къ сторонѣ нашей, расположеніи, равно какъ, чтобъ доставлены были ему и перстень съ кистью подъ закладъ отданные; вслѣдствіе чего и дѣйствительно повелѣваемъ вамъ, въ пристойное по вашему разсужденію время, увѣдомить его, чтобъ онъ больше о заплатѣ помянутыхъ денегъ не заботился, возвращая при томъ къ нему и письмо его обязательное; а сверхъ того, дадите ему еще знать, что и заложенныя имъ вещи повелѣли мы такожде выкупить нашему генералу-поручику Щербинину, который не оставитъ ему въ свое время доставить.

Вы имѣете между тѣмъ съ нимъ, Калгою-Султаномъ, обходиться дружески и съ уваженіемъ, и пользоваться его откровеніями, пока оныя, по вашимъ на мѣстѣ лучшимъ примѣчаніямъ и соображеніямъ съ Крымскими обстоятельствами, вѣру и вниманіе заслуживать будутъ, обнадеживая его точно нашимъ именемъ, что, еслибъ сверхъ всякаго чаянія, весь Крымъ дошелъ до такого разврата, что ему, Калгѣ-Султану, не оставалось собственно никакой надежности быть тамъ, и его бы дальнѣйшее пребываніе между его народомъ подвергнуто было совершенной опасности для его персоны, въ такомъ случаѣ онъ совершенно воспользоваться можетъ нашимъ обѣщаннымъ ему покровительствомъ и найдетъ въ предѣлахъ Имперіи нашей вѣрное и безопасное убѣжище и содержаніе, сходственное съ его знатностію и его заслугами, почему при всякомъ смутномъ случаѣ, покамѣсть вы съ арміей въ Крыму находиться будете, и можете вы, по вашему соб-

ственному усмотрѣнію, ему дозволять быть и оставаться при васъ въ арміи и подъ защитою нашего оружія.

Надѣяніе наше на вѣрность и доброжелательство сего татарскаго начальника пріобрѣтаетъ снисхожденіе нынѣ, равнымъ образомъ, и къ представленному намъ прошенію его, чрезъ генерала-поручика Щербинина, чтобъ соль, составляющую доходъ его по калгинскому чину, дозволено было, по заключенному съ нѣкоторымъ купцомъ договору, отпустить изъ Крыма на двухъ судахъ въ Натолію, или же въ казну нашу взять по цѣнѣ, съ тѣмъ купцомъ соглашенной; но какъ исполненіе сего послѣдняго домогательства его не могло бъ обойтись безъ убытка напраснаго, а впрочемъ мы не усматриваемъ и неудобства предосудительнаго, когда онъ по первому поступитъ, то-есть, отпуская оную соль въ Натолію, тѣмъ паче, что и людей къ тому обѣщается употребить число необходимое, а всѣхъ надежныхъ, то мы, соизволяя и въ семъ случаѣ оказать къ нему наше благоволеніе, препоручаемъ вамъ пристойнымъ образомъ и о томъ его увѣдомить, распорядя при томъ со стороны вашей, но только для него непримѣтно, чтобъ никакого злоупотребленія и коварства въ томъ и въ самомъ дѣлѣ не произошло. Пребываемъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, Апрѣля 22 дня 1773 года.

Екатерина.

Собственноручная приписка Императрицы:

*Я всѣми вашими распоряженіями весьма довольна и вездѣ вижу въ нихъ великое ваше ко мнѣ усердіе.*

## 2363) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ РЕЗОЛЮЦІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Въ реляціи отъ 23 Апрѣля (4 Мая) 1773-го г. повѣренный въ дѣлахъ въ Копенгагенѣ, И. М. Симолинъ, доносилъ Императрицѣ объ отъѣздѣ въ Азію бывшаго дотолѣ русскимъ агентомъ въ Копенгагенѣ, англійскаго купца Давида Брауна, и предлагалъ впредь не назначать особаго агента, а въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ обращаться къ одному изъ находящихся въ Копенгагенѣ купеческихъ домовъ.

*Сего уволить, а впредь учинить по сему.*

---

[1]) М. Г. А Именные указы 1768—1778 г., л. 322.

## 2364) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛАННИКУ И. М. СИМОЛИНУ ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ [1]).

A Zarskoe Sélo, le 23 Avril 1773.

La lettre que j'ai l'honneur de vous accompagner par celle-ci, M-r, est une réponse de l'Impératrice à celle que le Roi de Danemark lui a écrite pour lui faire part du changement qu'il a trouvé bon de faire dans son ministère. Vous la ferez parvenir par le canal du ministère aux mains de Sa Majesté Danoise, ou vous la présenterez vous-même, selon l'occasion et la circonstance. Mais dans l'un et l'autre cas vous l'accompagnerez des assurances de la parfaite amitié de l'Impératrice et d'expressions de ses sentiments sur l'évènement dont il s'agit, analogues aux termes dans lesquels Sa Majesté elle-même s'en est expliquée dans sa lettre, dont je joins ici une copie pour votre information. La confiance de l'Impératrice pour la cour de Danemark est toute fondée sur les dispositions propres de cette cour et non sur le plus ou le moins de persuasion personnelle de zèle ou de bonne volonté d'un ministre. Avant de de finir cette lettre je veux vous y ajouter en mon particulier, M-r, que les dernières que j'ai reçues de vous m'ont fait un sensible plaisir, en m'apprenant que c'est m-r de Bernstorf qui se trouve à présent le plus sur le tapis pour le poste vacant Sans que je veuille préjudicier en rien au mérite des autres, proposés pour la même place ou en état d'y prétendre, je vous avoue sincèrement que pour ma personne, c'est à lui que je donnerais la préférence par l'estime et l'amitié sincère que j'ai toujours eue pour le feu comte Bernstorf, son oncle. Au reste, comme la cour où vous êtes est déjà informée par son ministre m-r de Numsen, que notre affaire du Holstein est actuellement en activité, et que j'espère que dans le cours d'une couple de semaines d'ici, tout au plus tard, nous parviendrons à la terminer, pour autant qu'elle le peut être d'ici, j'espère donc qu'à présent vous trouverez m-r Schaack plus pliant et plus flexible à se rendre à notre désir, en conservant ce département au moins pour un certain espace de temps. Je suis avec une considération particulière etc.

## 2365) ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ФЕЛЬДМАРШАЛУ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [2]).

Графъ Петръ Александровичъ! Пришлите ко мнѣ съ первымъ курьеромъ вѣдомость, сколько у васъ остаточной, отъ прошлаго къ

---

[1]) М. Г. А. Данія, III, св. 10.

[2]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки имп. Екатерины II, св. 3.

нынѣшнему году, на лицо экстраординарной, также отъ Гартенберга и прочей вступившей суммы; ибо какъ по нынѣшнимъ худымъ банкировъ обстоятельствамъ, мы съ немалымъ затрудненіемъ каждый мѣсяцъ къ вамъ деньги переводить принуждены, то, въ случаѣ наличной у васъ на нѣсколько мѣсяцевъ суммы, могла бы казна облегчена быть, и оную сумму обратить на другіе расходы. *Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна.*

Екатерина.

Царское Село, 29 Апрѣля 1773 года.

## 2366) ЧЕРНОВОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРОССМЕЙСТЕРУ МАЛЬТІЙСКАГО ОРДЕНА ФРАНЦИСКУ ХИМЕНЕЦЪ [1]).

Monsieur le grand maître! Je n'ai pu recevoir qu'avec intérêt la notification que V. E. a bien voulu me faire de son élection à la grande-maîtrise. Je ne rechercherai pas moins affectueusement que je l'ai fait vis-à-vis de son prédécesseur, à lui marquer le désir le plus sincère de concourir à la prospérité de son ordre. Le marquis Cavalcabo continuera à remplir les fonctions que je lui ai confiées, et pour cet effet, l'accréditant de nouveau par la présente, je prie V. E. d'ajouter foi entière à tout ce qu'il aura l'honneur de lui dire ou proposer, concernant mes intérêts et ceux de la religion; je ne doute point que de même elle ne confirme dans sa mission à ma cour le comte Sagramoso, qui vient de s'en absenter pour aller veiller aux intérêts de l'ordre à la diète actuelle de Pologne. Sur ce je prie Dieu, qu'il vous ait, M-r le grand-maître, en sa sainte et digne garde. De Votre Eminence

l'affectionnée amie.

A Zarskoe Sélo, le 30 Avril 1773.

## 2367) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ МЕДЕМУ [2]).

Нашему генералу-поручику Медему.

На реляцію вашу отъ 2 Марта, которою вы, описывая разные признаки и опыты зломыслія Кабардинскихъ владѣльцевъ къ сторонѣ нашей, необходимо нужнымъ почитаете, при такомъ ихъ развращеніи, употребить силу и оружіе, для предупрежденія вреднѣйшихъ слѣдствій отъ продолжаемой, въ разсужденіи сихъ легкомысленныхъ и мятежныхъ людей, терпимости, симъ вамъ въ наставленіе и резолюцію знать даемъ:

Во-первыхъ, примѣчается здѣсь, что для края, стражѣ вашей препорученнаго, какъ и до сего вы уже увѣдомлены были, ни откуда

[1]) М. Г. А. Мальта, I, св. 1.

[2]) М. Г. А. Кабардинскія дѣла 1763—1777 г.

прибавки и умноженія войску къ тому, кое вы дѣйствительно теперь въ вашемъ предводительствѣ имѣете, учинить невозможно при настоящихъ войны обстоятельствахъ, для чего и остается вамъ довольствоваться способами, съ силою вашею размѣрными, кои наипаче состоять могутъ въ предохраненіи своихъ мѣстъ и жилищъ отъ злодѣйствъ и набѣговъ варварскихъ, нежели въ открытыхъ и наступательныхъ противъ ихъ предпріятіяхъ, а при томъ не меньше и въ томъ, чтобъ противные однихъ замыслы и покушенія другихъ, опорствованіемъ и несоглашеніемъ, и въ самомъ началѣ уничтожаемы быть могли.

Кабардинцы по образу жизни и мѣстоположенію всегда были и останутся и впредь къ воровству и злодѣйствамъ поползновенными, а по закону магометанскому къ сторонѣ нашей, какъ христіанской, внутренно противными, а доброжелательными къ турецкой; но всѣмъ прошедшимъ временемъ однакожъ доказывается, что единодушны они только въ защищеніи себя и своихъ жилищъ, когда общая и извнѣ наносимая имъ опасность угрожаетъ, а почти никогда не были согласны и устремительны на общія, за своими предѣлами, предпріятія, которыя заслуживали бъ военныхъ дѣйствъ именованія.

Не можетъ быть и вамъ неизвѣстно, коль сильно роптали они по случаю заведеннаго при Моздокѣ селенія, и коль часто происходили въ то время слухи, да и дѣйствительныя были у нихъ и совѣщанія между собой и съ околичными народами, чтобъ на оное селеніе учинить нападеніе и раззорить; но всему тому долго ожиданнымъ слѣдствіемъ оказалось наконецъ, не устремленіе военное, требующее подчиненія или по крайней мѣрѣ духовъ единства, а удаленіе ихъ Кабардинцевъ къ горамъ Бештовымъ на вершины Кумы рѣки, откуда однакожъ, по начатіи войны настоящей, будучи чрезъ васъ на прежнія жилища удалены, и понынѣ на оныхъ остаются.

Кажется, что и вновь начавшіяся, и вами примѣченныя обсылки и сношенія Кабардинскихъ владѣльцевъ съ Ногайскими народами, отторженными отъ подданства Порты Оттоманской, и находящимися на Кубанской сторонѣ, съ дозволеніемъ и обѣщанною имъ отъ насъ независимостью и свободою, равно какъ и съ живущимъ въ Кубанскихъ горахъ Казы-гирей-солтаномъ и съ другими тамошними мелкими, а имъ, Кабардинцамъ, по большей части однородными народами, едва ли не больше въ видѣ собственной ихъ цѣлости и предупредительной о томъ заботы, по воображенію паче со стороны нашей опасности, начались и происходятъ, нежели съ намѣреніемъ и прямымъ предложеніемъ сдѣлаться явными противниками въ пользу враждебной намъ Порты Оттоманской, ибо, не бывъ они, Кабардинцы, какъ выше сказано, никогда по нынѣ согласны въ намѣреніяхъ, кои взаимнымъ

только всего народа совокупленіемъ и содѣйственностію важность получить могли бъ, безъ сумнѣнія и теперь находятся между собою столько жъ не сообразимыми и не согласными; сверхъ того, весьма велика была бъ легкомысленность и Ногайскихъ народовъ въ преданіи себя въ неразмысленность нѣсколькимъ изъ Кабардинскихъ владѣльцевъ, послѣ того удостовѣрительнѣйшаго испытанія, кое помянутые народы имѣли при самомъ ихъ отторженіи отъ принадлежности Порты, о избыткѣ удобностей погубленія и спасенія ихъ съ стороны нашей, и послѣ того еще, когда имъ не можетъ быть неизвѣстно, что и теперь, по распоряженіямъ предводительствующаго второю нашею арміей генерала-аншефа кн. Долгорукова, всѣ оказывающіеся изъ нихъ доброжелатели турецкіе и поборники по семъ нашемъ непріятелѣ справедливой оружія нашего мести во всякое время не избудутъ; а и Казыгирей-солтанъ, сообщаясь съ Кабардинцами, а больше еще съ Ногайцами, то-есть, съ народами, заимствующими наше благоволеніе въ самомъ своемъ настоящемъ бытіи и существованіи, видится больше ищущимъ нашего призрѣнія, нежели умышляющимъ подавать явные къ раздраженію поводы, не оказавшись никогда явнымъ къ Имперіи нашей противникомъ во всю, издавна продолжающуюся, его на Кубани бытность.

Мы имѣемъ основательную, по всѣмъ симъ уваженіямъ, причину вѣрить, что изъясненныя въ реляціи вашей Кабардинскаго народа злодѣйства, кои и накопились отчасти въ продолжительное время, не предполагаютъ съ ихъ стороны опасной и сумнительной дальновидности, но будучи, по самому своему свойству, воровскія и разбойническія, таковыми суть и въ причинахъ своего производства и совершенія; а ежели, по вашему усмотрѣнію и развѣдываніямъ, находятся Кабардинцы въ большемъ нынѣ противъ обыкновеннаго движеніи и въ отзывахъ своихъ раскаиваться начинаютъ въ преданіи себя въ наше подданство, то, судя по прежнимъ въ подобныхъ случаяхъ примѣрамъ ихъ поведенія, то и другое причитать можно по содержанію всей ихъ съ вами переписки, учиненному, по вашему опредѣленію, захвату, за отогнаніе только нѣсколькихъ немногихъ быковъ и овецъ. двѣнадцати человѣкамъ изъ ихъ людей, не обличеннымъ въ томъ воровствѣ, а только въ подозрительномъ мѣстѣ найденнымъ, и еще полагаемому отъ васъ препятствію, чтобъ они отступились отъ присваиваемой ими принадлежности живущаго въ горахъ Ингушевскаго народа, потому только, что оный между тѣмъ непосредственно призналъ себя нашимъ подданнымъ. Справедливо въ самомъ дѣлѣ былобъ не только захватить, но и наказать оныхъ людей, еслибъ на самомъ воровствѣ они случились; но когда многія подобныя приключенія вы уже терпѣли, а Кабардинскіе владѣльцы сихъ захваченныхъ не только

оправдываютъ, но непричастность ихъ въ томъ и присягою утвердить хотятъ, то, конечно, полезнѣе ихъ отпустить, нежели подтверждать въ буйствѣ и продерзкой запальчивости предпріимчивыхъ разбойниковъ.

Заслуживаютъ призрѣніе и Ингушевцы такожде, поелику подвергли себя нашему покровительству и подданству, но пособствованіе имъ, пока не откроются продолженіемъ времени лучшія удобности, однако же въ соотвѣтствіи оставаться долженствуетъ съ предосторожностями, чтобъ сильнѣйшіе предъ ними околичные народы раздражены не были, а особливо Кабардинскій, и о чемъ о всемъ точныя предписанія находятся и въ конфирмованномъ отъ насъ, 15 Іюля 1771 года, докладѣ нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ по Кабардинскимъ дѣламъ [1]), а вамъ для исполненія сообщенномъ при рескриптѣ нашемъ отъ 17 Августа того же года.

Такимъ образомъ, повелѣвая вамъ, какъ наискорѣе, изъять изъ среды камень претыканія, встрѣтившій Кабардинскихъ владѣльцевъ въ такое время, когда мы, попеченіе наше обращая на производство войны съ Портою, въ мѣстахъ, подлинную оной рѣшимость подать могущихъ, весьма довольны быть можемъ, если напротивъ того окружающіе съ Кизлярской и Астраханской стороны наши границы варвары, хотя повидимому спокойными оставаться будутъ въ обществѣ, и подтверждая вамъ, сверхъ того, дабы прямыя вы извѣстія имѣть могли о обращеніяхъ Ногайскихъ ордъ, для соображенія съ онымн прочихъ, вами получаемыхъ, сноситься съ находящимся въ тѣхъ ордахъ подполковникомъ Стремоуховымъ, и поступать впрочемъ въ ввѣренномъ вамъ дѣлѣ, по означеннымъ выше сего началамъ и положеніямъ. Пребываемъ къ вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, Апрѣля 30 дня 1773 года.

Екатерина.

## 2368) НОТА ВРУЧЕННАЯ ПРУССКОМУ ПОСЛАННИКУ ГРАФУ СОЛЬМСУ [2]).

(Вручена 2 Мая 1773).

Le comte Panine n'a pas manqué de mettre sous les yeux de l'Impératrice les dernières ouvertures contenues dans l'extrait de la dépêche de Sa Majesté le Roi de Prusse à m. le comte de Solms, en date du 24 de ce mois. Sa Majesté Impériale, accoutumée à voir prendre au Roi, son ami et son allié fidèle, les soins les plus officieux pour tout ce qui peut regarder ses intérêts, retrouve ce sentiment dans toute son activité dans

[1]) См. часть VI Политической переписки (Сборникъ, т. XCVII) № 2074.

[2]) М. Г. А. Пруссія, IV, св. 5.

les dites ouvertures, ainsi que dans l'assurance qui les suit, qu'en cas d'attaque de la Suède le Roi ne refusera jamais à l'Impératrice les secours stipulés par leur alliance. C'est en payant le juste retour de confiance dû à de telles dispositions, qu'elle a ordonné au comte Panine de faire part confidemment à m-r le comte de Solms, pour les faire parvenir de même au Roi, de ses reflexions sur la situation présente vis-à-vis du Roi de Suède.

Au moment où s'est faite la révolution en Suède, il n'est pas à présumer que ce jeune prince qui venait d'exécuter une entreprise si hazardeuse, ait raisonnablement pu supposer, qu'il allait d'abord être attaqué par la Russie. Toutes les frontières de cet empire de son côté se trouvaient entièrement dégarnies, il n'y avait ni troupes, ni magasins, ni vaisseaux, tout avait été porté du côté de la Turquie à une grande distance de ses états, et une négociation qui ne faisait que s'entamer et où rien n'était encore débrouillé ne présentait tout au plus que comme très éloigné le rappel dans son voisinage des forces propres à l'inquiéter.

Il avait tout aussi peu sujet de prendre ombrage du Danemark. L'embarras des affaires intérieures de cette cour, si évident alors, joint à sa faiblesse, laissait même fort douteux si elle se déterminerait à agir dans le systême de la Russie, ou si elle n'en prendrait point un plus conforme aux circonstances les plus frappantes et qui montraient le plus de probabilité de sortir d'affaire. C'est cependant immédiatement après cette révolution et dans une telle situation des deux seules puissances qui parussent avoir à dire à la révolution, que le Roi de Suède a commencé à armer de toutes parts. Et par là est prouvé incontestablement que la révolution et les armements de la Suède étaient deux objets liés ensemble et inséparables et combinés avec la même affinité sur les conjonctures de la guerre de la Russie avec la Porte qu'on a supposé lui lier absolument les mains; système qui ainsi se simplifie et ne montre plus que l'esprit français, qui a maîtrisé le Roi et a calculé que c'était par lui et par ce côté là qu'il allait faire une diversion à la Russie et jeter du trouble et de l'embarras dans ses affaires.

La Russie a travaillé à pourvoir à cette attaque, que tout lui présentait comme prochaine; le Danemark s'est mis en état le plus tôt que ses circonstances et la saison ont pu le permettre; mais le Roi de Suède, qui n'en voulait ou n'était dirigé que contre la Russie, a cru pouvoir brusquer les choses vis-à-vis de son allié, et tandis que ses intrigues et celles de Versailles jouaient tous leurs ressorts à Copenhague, il s'est montré sur les frontières dans un appareil de guerre afin d'entrainer la séparation du Danemark de la Russie.

La fermeté de cette couronne a tenu contre des apparences, et il ne s'est pas trouvé en état de pousser jusqu'à des réalités. Depuis ce temps le développement successif des mesures défensives de la Russie et de son

allié ont mis le Roi dans un état d'appréhension réelle et même de crainte d'être attaqué par ces deux puissances. Il est bien naturel qu'il ait fait parvenir ses alarmes à la puissance qui l'a mis en jeu, qu'il l'en entretienne successivement et lui pèse par ses réclamations. Il n'est pas douteux aussi que le ministre de France ici, pour qui les dispositions militaires de la Russie ne sauraient être une énigme, n'en parle à sa cour dans des termes à exciter son attention. C'est de cela seul et non d'aucune autre chose que l'on aperçoit ces mouvements et que l'on entend ces cris et ces exagérations à Paris, et que la Suède et sa puissance protectrice, la cour de Versailles, en sont à Pétersbourg à des ouvertures et à des instances pour tâcher d'empêcher un éclat, pour parer à des aspects qu'on était éloigné de prévoir dans l'état où on a jugé qu'était la Russie par sa guerre contre la Porte.

Les choses et leur marche sont telles visiblement, que ce n'est ni la volonté du Roi, ni celle de ses amis, mais l'impuissance réelle vis-à-vis des efforts qu'a dû faire la Russie, qui étaient bien loin de leur compte, qui l'empêche de poursuivre le premier dessein décidément conçu d'une attaque contre elle.

D'où l'Impératrice conclut, qu'il est de la prudence et de la politique de laisser ce jeune Roi dans la connexion embarassante, où il s'est mis, et qu'il suffit qu'il sache ce dont déjà il ne saurait douter, que l'Impératrice ne l'attaquera pas, parce que d'un côté avec cette assurance on ne saurait présumer qu'il se porte à attaquer la Russie, puisqu'il n'y a aucun parallèle entre la situation où lui et la France ont supposé la trouver, ni même celle où elle était au moment de la révolution, et l'état où elle est aujourd'hui; ses forces rassemblées sur les frontières peuvent agir même avec supériorité; le Danemark, ferme dans le système de son alliance, s'est mis en état de la secourir et a aussi prêtes des forces dans la même proportion, et encore avec tout cela l'Impératrice a un allié si sûr dans Sa Majesté Prussienne, dont les engagements ne peuvent être ignorés du Roi de Suède. D'un autre côté, quand la Russie a déjà fait la dépense de ses armements et qu'elle a pu suffir à ces efforts sans rien diminuer de ses forces essentielles et du soutien de sa guerre contre la Turquie, et que son allié a dû aussi armer pour faire face à tout évènement, il est naturel que pour sa sûreté, même sa considération, elle maintienne cet état où elle s'est mise; et à cela se joint encore une troisième considération, c'est que, quoique Sa Majesté Impériale soit bien éloignée de ne vouloir opter que la seule voie de la force pour changer, ou au moins rectifier, ce qui a été fait en Suède, dans le moment présent toute explication à ce sujet avec le roi de Suede lui parait hors de temps et susceptible d'un grand inconvénient, parce que dans les ouvertures et les éclaircissements où il faudrait en venir nécessairement, il

est à craindre de décéler l'intention déjà concertée entre l'Impératrice et Sa Majesté Prussienne de tenter par des voies amiables cette rectification et d'entamer une négociation pour cet effet.

### 2369) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ МАРКИЗУ КАВАЛЬКАБО, РУССКОМУ ПОВѢРЕННОМУ ВЪ ДѢЛАХЪ ПРИ МАЛЬТІЙСКОМЪ ОРДЕНѢ [1]).

Царское Село, 4 Мая 1773.

Le nouveau grand-maître, M-r, ayant notifié à l'Impératrice son élection par une lettre que son ambassadeur à Paris a fait parvenir ici par le canal de m-r Khotinsky, j'ai l'honneur de vous adresser ci-jointe la réponse de Sa Majesté Impériale [2]) dans laquelle il lui plait de vous accréditer auprès du nouveau grand-maître de la même façon, que vous l'avez été auprès de son prédécesseur, et vous vous acquiterez de la remise de cette lettre tout comme vous avez fait des précédentes de Sa Majesté. Par les copies, que je joins ici pour votre information, de la lettre du grand-maître et de la réponse de l'Impératrice vous apercevrez, que nous persistons ici dans l'idée, que le chevalier comte Sagramoso, après avoir fini les affaires de l'Ordre en Pologne, reviendra à sa mission à la cour de Sa Majesté Impériale et y restera. Mes dernières lettres vous ont instruit de quelle manière vous avez à appuyer ce sentiment de votre cour, et je ne doute nullement qu'on n'y défère où vous êtes; mais si à l'arrivée de celle-ci on n'y a point encore pris de résolution, vous prendrez occasion de la réponse de Sa Majesté Impériale, qui vous continue dans vos fonctions, pour réitérer les représentations motivées que je vous ai précédemment prescrites, et vous tâcherez d'effectuer qu'on se conforme aux vues de votre cour, pour une mission permanente d'un ministre de l'Ordre auprès d'elle et nommément la continuation de celle du chevalier Sagramoso. Vous connaissez les sentiments avec lesquels je suis etc.

### 2370) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ [3]).

Письмомъ къ Императрицѣ отъ 6 Мая 1773 г. герцогъ Годфридъ Бульонскій просилъ заступничества Императрицы въ тяжебномъ дѣлѣ его съ кн. Радзивиломъ.

Mon avis est d'ordonner à Stackelberg de s'intéresser pour le duc de Bouillon qui, s'étant adressé à moi, mérite mieux ma protection que

[1]) М. Г. А. Мальта, III, св. 1.

[2]) См. выше № 2366.

[3]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки Императрицы Екатерины II, св. I, и Франція I, св. I. См. № 2377.

ce détestable Radziwill, qui de toute façon s'en est rendu indigne, et il parait que la prétention du duc de Bouillon n'est pas sans fondement, du moins autant qu'on peut juger d'une affaire de justice en ne voyant qu'un côté. Faites lui faire une réponse civile, en conséquence de ce qui est dit ci-dessus, afin que je la signe.

## 2371) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Посланникъ въ Берлинѣ, инженеръ-генералъ-маіоръ князь Владиміръ Долгоруковъ, просилъ въ письмѣ на имя Императрицы, отъ 7 мая 1773 г., о награжденіи его чиномъ генералъ-поручика и пожалованіи ему ордена св. Александра Невскаго.

Его сіятельство такъ худо изволитъ знать учрежденія и установленія своего отечества, что по сю пору еще до ушей его не дошло, что инженерскій корпусъ особую линію имѣетъ и съ армейской не считается; онъ и обычай не лучше же знаетъ, ибо о орденовъ (sic), окромѣ военнаго, челобитенъ не подаютъ.

## РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ № 6 КЪ КН. В. М. ДОЛГОРУКОВУ.

11 Мая 1773 г.

Напечатанъ въ Сборникѣ, т. XIII, стр. 337, подъ заголовкомъ: Списокъ съ письма Екатерины II къ Кн. Долгорукому (sic), съ благодареніемъ за быстроту приближенія къ Перекопской линіи.

## 2372) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КН. Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ [2]).

Monsieur. En répondant à la lettre que V. E. m'a fait l'honneur d'écrire le 3 (14) du mois dernier, sur la nouvelle qui lui était parvenue et qu'elle avait communiquée au prince Kaunitz de la séparation des ministres du congrès, je crois qu'il ne sera pas déplacé que j'entre un peu en explication avec vous, mon prince, sur l'état vrai de la négociation, sa marche et la nature des difficultés qui en ont entrainé la mauvaise issue. On reconnaîtra évidemment que la cour de Russie a toujours été conséquente, à la manière dont elle a voulu originairement la paix, et que ce n'est que l'opiniâtreté de son ennemi à lui contester des conditions très modérées dans l'état de sa guerre et les seules sûres et

[1]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки Императрицы Екатерины II, св. 2, и Пруссія III, св. 8.

[2]) М. Г. А. Австрія, III, св. 25.

honorables pour elle, qui en a empêché la conclusion. En un mot, quelque interprétation que cherche la Porte à donner à l'ultimatum du plénipotentiaire de Russie, le fait n'en sera pas moins démontré que cet ultimatum ne portait rien au delà de ce que cette cour a confié, dès l'entrée de la négociation, aux deux cours amies, dont les bons offices se sont employés à en faciliter le succès.

L'Impératrice, uniquement par déférence pour l'intérêt du voisinage immédiat des états de la monarchie Autrichienne, se désistait de sa première résolution de détacher, à perpétuité, de la domination de la Porte les principautés de Valachie et Moldavie, arrachées par ses armes au joug des mahométans.

Cette concession, dans laquelle il n'était entré aucune sorte de considération par rapport à son ennemi, ne pouvait que lui donner plus de droit à insister vis-à-vis de lui sur une paix sûre et honorable. Or cette paix, ainsi que Sa Majesté Impériale s'en était expliquée, ne pouvait exister telle que dans la reconnaissance de l'indépendance absolue des tartares; et c'était là le seul avantage réél auquel elle bornait toutes les prétentions d'une guerre constamment heureuse, après des ouvertures formelles de son éloignement pour toutes conquêtes.

Voilà donc le point que le plénipotentiaire de Russie avait à obtenir: séparer irrévocablement, et sans réserve ou exception, la nation tartare de la domination de la Porte, non en l'attachant à la Russie, puisque celle-ci ne voulait point de conquêtes, mais en la constituant en un gouvernement libre et indépendant; et telle était la proposition dans sa simplicité à l'ouverture des négociations. Le ministre de Russie n'y a fait dans la suite aucune altération et n'a point varié dans ses demandes. Tout ce qu'il a fait, et sans doute c'était la seule conduite qu'il eut à tenir, a été de renforcer sa proposition à mesure que du côté de la Porte on a cherché à la réduire et en affaiblir l'effet. Car que voulait la Porte? Au lieu d'une reconnaissance pure et simple de l'indépendance des tartares, elle demandait à conserver toutes ses garnisons en Crimée: que le Khan nouvellement élu demandât et reçût du Grand Seigneur comme Calife son investiture, que l'on priât pour lui dans les mosquées, que les gens de loi des tartares reçussent leurs pouvoirs du Muphti, que la monnaie continuât à appartenir au Grand Seigneur.

C'est contre toutes ces entraves qu'elle veut mettre à l'indépendance des tartares, c'est contre tous ces subterfuges insidieux par lesquels elle tend visiblement à se conserver toute son influence et son autorité précédente sur cette nation, ou au moins à rester en posture de la reprendre aussitôt qu'elle sera hors de prise avec la Russie, que m-r Obreskoff a eu à combattre pendant toute la négociation; et qu'y a-t-il opposé? Rien de plus qu'une reconnaissance de la part de la Porte de la cession de

deux misérables places sur la côte de Crimée, cession faite par les tartares dans un traité avec la Russie, comme par un peuple qui s'était déclaré libre et qui ne se reconnaissait plus dans aucune sujétion ni dépendance de la Porte.

Cette demande, au reste, dû consentement de la Porte à une telle cession, n'est rien moins que quelque chose de nouveau et d'aggravant à la condition originaire. On sait, et la cour de Russie s'en ouvrit à l'heure même aux deux cours amies, qu'après que le refus d'une reconnaissance pure et simple de l'indépendance des tartares eut entrainé la rupture du premier congrès, il ne fut trouvé de moyen de compensation aux restrictions captieuses de la Porte, que de stipuler son consentement à cette cession de Kerchi et d'Yenicale, et c'est sur ce principe que se rouvrirent les conférences dans un second congrès. Ceci était d'autant plus éloigné de toute idée d'aggravation, que la Russie en même temps se désistait d'un échange contre Bender.

Il n'aurait point dû être question de ce consentement dès que la reconnaissance de la Porte pure et simple aurait passé, parce qu'alors les tartares pleinement libres et indépendants n'avaient pas besoin de la consulter sur un arrangement de convenance mutuelle entre eux et la Russie.

Mais à mesure que la négociation avançait, il était d'autant moins possible de s'en départir, que les tartares eux-mêmes ouvraient les yeux à la Russie sur le danger des réserves qu'on accordait à la Porte et la fausseté des motifs employés par elle pour les obtenir. Ce sont les principaux et les plus éclairés de l'état qui, lorsque ces restrictions que la Russie accordait leur furent communiquées, l'investiture, les prières publiques et les pouvoirs pour les gens de loi, se récrièrent que tout l'édifice de leur gouvernement était renversé, que leur liberté n'était qu'une ombre et qu'ils restaient tout autant dépendants de la Porte que jamais ils l'aient été. Dans la stipulation de l'art. *(προδηλ)* d'abord par un abus des termes la Porte ne reconnaissait les tartares que comme libres; or par la loi de Mahomet tout esclavage d'un de ses sectateurs vis-à-vis d'un autre est proscrit; ainsi tout ce qu'elle accordait se bornait à un précepte de religion sans former une obligation politique.

Les turcs avaient avancé qu'il ne saurait exister selon leur loi deux souverains indépendants professant la religion de Mahomet. Tous les tartares prétendent au contraire que par l'alcoran tout prince ou chef qui peut rassembler douze mille sabres sous ses étendards peut se déclarer indépendant. Et les fastes de l'histoire attestent sans cela l'existence à la fois de plusieurs Califes.

C'est ainsi que la Porte, forcée par sa situation à chercher à sortir d'une guerre désavantageuse, croyait y parvenir par une concession

illusoire, par des mots captieux, et borner là tout ce que pouvait obtenir d'elle un ennemi victorieux. On voit son but, on la laisse se repaître de ses idées; pour l'avenir et pour tout rempart contre les effets prochains ou éloignés d'une mauvaise volonté qu'elle démasque par toutes ces voies sourdes, on ne retient que deux vieux mauvais châteaux, qui ne sont ni havres, ni ports, conséquemment qui ne peuvent être aucune cause d'alarme pour elle du côté de la Russie; tout l'avantage, dont peuvent être ces bicoques, n'est que de servir de point de ralliement aux Tartares en cas de surprise et d'attaque subite de sa part. Et c'est aussi par cette raison que les Tartares demandent que la Russie les conserve, et que la Porte le refuse si obstinément. Car il est bien connu, malgré tous les cris de la Porte, qu'elles ne peuvent être d'aucun secours pour les forces maritimes de la Russie, ni conséquemment menacer Constantinople. Elles ne sont point propres, ni l'une ni l'autre, pour des vaisseaux de guerre, et nous en avons fait l'épreuve. Une de nos frégates expédiée l'été passé dans ces parages avait compté hiverner à Jenicale et elle ne l'a pas pu, elle a dû rester sur ses ancres en pleine mer à la merci des glaces qui, la froissant continuellement et la faisant dériver, la mettaient à tout moment en danger de périr.

Telle a été la discussion de ce point, sans lequel tombe tout avantage, toute sûreté et tout honneur pour la Russie dans sa paix. Après les concessions qu'elle avait faites à la Porte, après l'influence religieuse sur les Tartares qu'elle condescendait à lui voir retenir, se désister de la possession de Kerchi et d'Jenicale eut été se déssaisir du seul gage, qui restât contre tant de présomption ou plutôt de preuves authentiques de sa mauvaise foi.

Les autres articles de la paix n'ont pas moins fait partie essentielle des premières intentions de l'Impératrice, telles qu'Elle les avait fait connaitre aux cours amies avant la négociation. La Porte a voulu mettre des bornes étroites à la navigation marchande et exclure totalement la marine militaire: comme si la Russie, dans un état de victoires et de prospérité, devait subir les mêmes gênes et les mêmes entraves, auxquelles un ennemi réduit par les armes est obligé de souscrire. Il est bien connu de la Porte, et à present nous-mêmes nous le savons, que la Mer Noire ne comporte pas une marine militaire. Ce serait en pure perte qu'une puissance voudrait en établir une à l'ombre de la paix, puisque pour peu que celle-ci dure, on ne se verrait à l'ouverture d'une guerre qu'avec des vaisseaux pourris et incapables d'aucun service. Quant à l'état de guerre, on n'a alors aucun consentement à demander, et la Porte a fait l'expérience que sans Kerchi et Jenicale, toutes les fois qu'on en est venu à une rupture entre les deux Empires, on n'a pas tardé de notre part à se montrer avec des forces suffisantes sur cette

mer. Ce n'était donc qu'une pure opiniâtreté de sa part à contester sur ce point déjà réglé par la nature des choses, et si m-r Obreskof y insistait, ce n'est que parce qu'à la fin d'une guerre heureuse il était de la dignité de sa cour de n'être point traitée, quant au droit, plus défavorablement que le sont les autres nations commerçantes avec la Porte Ottomane.

Il parait presque inutile de s'arrêter ici sur ce que dans son ultimatum m-r Obreskof, à quelques restitutions, comme celles des îles de l'Archipel, ajoutait quelques conditions. La difficulté de faire admettre au plénipotentaire turc la reconnaissance d'Azow et du Cabarda comme d'anciens domaines de la Russie, l'importance qu'il donnait à ces articles, contre lesquels il demandait toujours des équivalents et des compensations en faveur de sa cour, mettaient m-r Obrescof dans la nécessité de garder toujours en apparence quelque réserve, quoiqu'il s'ouvrit assez confidemment au plénipotentiaire turc sur la condescendance que l'on trouverait en lui sur ces conditions non exprimées.

Quoiqu'encore il parut insister sur la cession de Kinburn et la démolition d'Oczakow, il ne s'était pas moins mis très à découvert sur l'intention à laisser ces deux forteresses dans l'état où elles étaient. De même sur les conditions de la restitution de la Valachie et de la Moldavie, s'il ne les a pas spécifiées dans l'ultimatum, il n'a pas moins dit nommément, que ces conditions ne porteraient absolument que sur le plus ou moins de soulagement à obtenir pour ces malheureux habitants chrétiens, qui allaient retourner sous un joug appesanti par la haine et le ressentiment de leurs efforts à en rester affranchis, et rien du tout qui pût porter intérêt pour la Russie ou préjudice pour la paix.

En un mot, m-r Obreskof poursuivait le seul point qui constituait une paix honorable et sûre pour sa cour, l'indépendance absolue des Tartares; il montrait clairement tout ce qu'il était autorisé à faire pour l'obtenir, et aussi longtemps qu'on tenait ce point enveloppé d'un nuage de restrictions frauduleuses il devait nécessairement tenir en réserve plus ou moins de condescendance à placer par lui, à proportion que la Porte consentirait à l'éclaircir et le fixer.

Je suis bien aise d'être entré avec vous, mon prince, dans cette suite d'observations, afin que vous soyez bien informé que loin que notre ultimatum ait été enflé depuis le principe de la négociation, il a été au contraire modéré considérablement et a fléchi sur nombre d'objets, qui d'abord semblaient ne tenir qu'à l'ignorance et au fanatisme de religion des turcs, mais où réellement on déférait aux vues de leur duplicité, de leur mauvaise foi et de leur politique éventuelle. Et cette certitude établie chez vous, il vous sera facile, à ce que j'espère, de la porter dans le sentiment même du prince Kaunitz, car j'avoue à V. E. que je ne ver-

rais pas sans une vraie douleur qu'on parvint, ou qu'on fût parvenu, à présenter à un ministre, tel que lui, notre négociation sous un autre jour que celui que la vérité des faits doit lui donner, et c'est à quoi je prie V. E. de s'attacher dans le premier entretien qu'elle pourra avoir avec lui sur notre négociation.

Ceci fini, mon prince, il faut que je vous dise un mot de l'avis, dont le prince Kaunitz vous a fait part, que des confédérés, détenus prisonniers chez nous, ont envoyé des protestations contre la tenue de la diète. Peut-être ce trait est-il le premier qui se soit offert propre à donner à ce ministre une véritable idée du caractère des individus polonais. Je vous prie de vouloir bien le lui faire saisir. Il en viendra sans doute bien d'autres à la file, qui porteraient la même empreinte de fausseté et d'impudence. Depuis dix ans je les vois s'entasser l'un sur l'autre sans intervalle, et je m'y suis accoutumé. Je ne doute point que la fausseté d'un bruit pareil ne soit déjà avérée où vous êtes, toutefois je vous l'atteste au besoin, comme un mensonge aussi grossièrement que méchamment forgé. J'ai l'honneur d'être etc.

Zarskoe-Sélo, ce 18 mai 1773.

## 2373) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 24 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

Царское Село, 28 Мая 1773.

Toutes vos lettres d'office, M-r, jusqu'au № 50 inclusivement, me sont exactement parvenues; je les ai successivement mises sous les yeux de l'Impératrice et j'ai eu la satisfaction de voir Sa Majesté donner une approbation entière à cette suite de démarches mesurées et conséquentes, par lesquelles vous avez opéré l'établissement de la diète sous le noeud d'une confédération, et ainsi acheminé les affaires vers la voie la plus expéditive d'une résolution légale. Vous avez eu sans doute à vous applaudir de ne vous être pas plutôt mis à découvert et d'avoir fait jouer moins de ressorts pour l'assemblée des diètines, que n'en semblait demander le succès de vos vues. C'est à ces assemblées que l'influence de la cour, aidée de la haine du démembrement, aurait pu vous attaquer avec plus d'avantage; et par la résistance du Roi à accéder à la confédération et sa répugnance à chaque pas dans cette forme de direction des affaires, vous ne faites que vous convaincre, combien elle confond ses idées et quels obstacles il y aurait opposé, s'il l'avait préssentie. Mais enfin la diète existe et elle est sous le lien de la confédération, et

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 35.

vous avez rempli en tout point tout ce qu'on a pu se promettre de l'activité de votre zèle et de l'étendue de vos talents. L'Impératrice m'ordonne de vous en marquer son contentement et de vous assurer, qu'elle va attendre avec confiance le développement progressif du reste de vos opérations.

Par l'état que vous nous présentez des délibérations de la diète, le Roi est le seul que vous ayez à combattre, ou du moins, s'il y a des acteurs en second, c'est un secret impénétrable; car je suis bien sûr que vous ne vous négligez point à les découvrir. Tous vos soins vont donc se concentrer vers sa personne et l'emploi des moyens les plus propres à faire impression sur son esprit. Le premier qui s'offre, et celui que vous avez déjà saisi, est d'avoir pour vous l'opinion nationale. On est déjà si accoutumé à le considérer comme la première cause des maux de son royaume, qu'il n'y aura qu'un mouvement à lui en imputer la durée, dès que son opiniâtreté à défendre ses prérogatives sera à découvert le seul empêchement à un accord avec les puissances voisines. Si donc son opposition est telle, que de concert avec vos deux collègues vous jugiez qu'il ne soit possible de la vaincre qu'en intimidant ce prince sur la sûreté de son état, vous devez vous ouvrir avec franchise à lui, qu'en vous résistant et vous poussant à bout, il met en vos mains l'arme la plus dangereuse et la plus terrible, et que comme vous avez un but à remplir, vous devez prendre la route qui vous y conduit, sans vous embarrasser des suites. Vous le préviendrez, qu'à chaque acte de violence ultérieure auquel il vous nécessitera par une résistance qu'il doit sentir que vous êtes toujours les maîtres d'anéantir, vous instruirez sa nation et vos cours, et que, malgré vous, vous êtes obligé de lui dire que la haine et l'éloignement total de l'une et un abandon mérité des autres lui annonçaient sa vraie perspective; qu'en vain il chercherait à se faire illusion par les motifs de dignité, qu'il croirait encore attacher la cour de Russie au maintien de son ouvrage, puisque sa conduite y pourvoyait suffisamment, et que votre cour saurait peser ce qu'il lui convenait de faire et se décider. Mais ce langage doit être uniforme entre vous et vos collègues; vous devez d'abord en convenir entre vous, et que vos expressions ayent la même force et la même énergie. Nous ne doutons point que le ministre de Prusse n'entre avec activité dans de telles représentations; mais le baron Revitzki ne s'y portera pas si facilement par les préventions où est sa cour en faveur du Roi. C'est à vous, M-r, à faire toucher au doigt et à l'oeil à ce ministre l'inconséquence et la légéreté du Roi, à l'engager à en faire des rapports vrais à sa cour, à y montrer le peu de confiance à prendre en un caractère tel que le sien, et aussi travailler à en changer ses dispositions: ce qui parait moins difficile à présent que le Roi a perdu dans la personne de son frère le point d'appui qu'il avait à cette cour.

Vous mettrez au reste plus de force et de clarté dans ces représentations au Roi, selon que les gradations de sa conduite l'exigeront. Si ensuite, tous les trois, vous le voyez ramené, par la crainte, à des vues moins éloignées des votres, vous pourrez graduellement le radoucir par quelques tempéraments que vous lui laisseriez entrevoir, s'il entrait en négociation avec le parti national; et si une concorde parfaite se rétablissait avec lui, et qu'il concourut sans résistance à terminer les affaires du traité et du gouvernement, vous vous retrouveriez dans votre état naturel de médiateurs entre tous les partis, et sans jamais vous séparer de celui qui a la direction actuelle des affaires, Vous pourriez procurer au Roi des adoucissements sur les points de la pacification, qui en seront jugés par la nation susceptibles avec le moins d'inconvénient.

Comme ces points dans le plan sont dépendants de la pluralité, c'est celle-ci qui fera toujours votre règle et votre instruction, et sur aucun la cour n'aura point de résolution qui ne s'y rapporte. Mais quelque soit la conduite du Roi, allez toujours de bonne foi à la réforme et au redressement des griefs de la nation. J'ai l'honneur d'être etc.

## 2374) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 28 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

Царское Село, 28 Мая 1773 г.

L'Impératrice me charge, M-r, de vous marquer la satisfaction, qu'elle a du zèle qu'ont montré pour le bien de leur patrie les sept sénateurs, qui les premiers ont signé l'acte de la confédération, et vous pouvez les assurer, tous en général et chacun en particulier, de sa protection et de sa bienveillance. Vous témoignerez particulièrement au comte Poninski, combien l'Impératrice est satisfaite de le voir à la tête de la diète et de la confédération, dans une circonstance aussi importante pour sa patrie, et vous lui direz que Sa Majesté est bien persuadée, qu'il va suivre avec fermeté et vigueur les seules voies qu'il sait pouvoir procurer à la république sa paix et sa sûreté. Sa Majesté approuve la disposition que vous avez faite d'assigner 2100 ducats par mois pour l'entretien de sa table et 1000 pour celle du maréchal de la confédération de Lithuanie, et Elle a aussi approuvé la précaution que vous avez prise de donner une garde au premier pour sa sûreté. Sa Majesté Impériale approuve de même les gratifications que vous avez faites de 3350 ducats au grand chancelier, 3300 à l'évèque de Cujavie et aussi 3300 au comte Gourovski. Sa Majesté vous autorise de plus à réaliser à celui-ci l'espé-

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 35.

rance que vous lui avez donnée du rétablissement de sa pension, et vous la porterez sur l'état des dépenses, ainsi qu'elle y a été précédemment.

Le don que vous avez fait de 81 ducats au secrétaire du chancelier, vous sera pareillement passé en compte. Quant à l'autorisation que vous désireriez avoir de faire des gratifications et d'augmenter le nombre de nos pensionnaires, lors de la formation du conseil *ad latus*, vous voudrez bien y procéder avec la plus grande réserve, pour ne point donner prise contre vous à vos collègues, pour qui toute démarche et intelligence séparée serait suspecte; au moment du besoin on y travaillera avec plus d'activité, et on y réparera ce que les circonstances auront fait omettre. Cependant, quand vous trouverez un sujet solide et d'un mérite connu, vous ne devez point vous faire scrupule de vous l'attacher par des promesses.

Ici je trouve l'occasion de réflechir sur le frère même du Roi; je ne manquerai point de faire faire en sa faveur des représentations par le prince Lobkovitz, comme de votre part vous en devez faire par le baron Revitzki. Mais puisque sa conduite a toujours été si sage et si éloignée des vues ambitieuses de sa famille, ne pourriez vous point en tirer des bons offices dans l'état actuel des choses? Et si on obtenait de lui qu'il prit part aux affaires, au lieu de le laisser partir pour l'Angleterre, il vaudrait mieux le retenir à Varsovie, et en attendant ce dédommagement pour la starostie de Zips, que le parti qu'il prendrait ne pourrait qu'accélérer, vous pourriez tous les trois pourvoir à son entretien de la caisse qui est en votre disposition. C'est à vous à juger de concert avec vos deux collègues, jusqu'où cela est pratiquable et peut vous devenir utile. J'ai l'honneur d'être etc.

## 2375) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 32 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

Царское Село 28 Мая 1773 г.

Toute l'expédition de mon courrier d'aujourd'hui était prête, M-r, lorsque j'ai reçu vos lettres d'office depuis (le) № 50 jusqu'à 54 inclusivement, et je suis bien aise d'être encore à temps d'y répondre et de vous pourvoir de résolutions sur leur contenu.

Sa Majesté Impériale a vu avec satisfaction, que vous avez enfin surmonté toutes les difficultés qui s'opposaient à l'acte de limitation, tel

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 35.

qu'il était important de l'obtenir, et Elle a parfaitement approuvé tous les moyens et les mesures, dont vous avez fait usage pour y parvenir. Je vous fais en particulier de sincères compliments sur un succès, qui décide ultérieurement de l'ordre et de la tranquillité de votre négociation, et qui n'est pas un préjugé peu favorable pour l'issue qu'elle aura. Vous vous trouverez à présent, M-r, vis-à-vis du Roi, dans des termes prévus par ma lettre № ... [1]), et sur lesquels elle porte les instructions que vous désirez. Il vous y est indiqué de plus une règle sûre pour tous les cas la pluralité dans les objets de la pacification, qui d'après votre plan doit être votre boussole et celle de vos collègues. Je vous ai aussi marqué la satisfaction qu'a l'Impératrice de la conduite du comte Gourovski, et vous ai autorisé à lui en faire ressentir des effets réels. Je n'ai qu'à m'y référer et vous ajouter ici un nouveau compliment pour lui, sur ce qu'il vient de faire, et l'espérance où nous sommes, que tel nous le trouverons toujours jusqu'à la fin de l'opération. J'entre, M-r, dans la justice de la note qui vous a été remise pour la cessation de toutes contributions, et la réponse que vous y avez faite est sage, consolante et analogue à vos instructions. Il y a cependant une règle à fixer quant à l'exécution de ce soulagement, c'est qu'il ne doit point y avoir de révocation ni de changement du système de classification établi pour les livraisons. D'autre part vous sentirez vous même, et la république ne saurait décemment l'exiger de vous, que tout ce qu'il y a de polonais, qui se sont retirés hors de leur patrie et qui refusent de participer à l'arrangement actuel, ne sauraient jouir d'aucun bénéfice, surtout au moment où partie d'eux vient encore d'avoir la témérité de protester à Augsbourg contre tout ce qui se fait à présent. Tout au contraire, quant à eux, s'il s'en trouve quelqu'un dont les terres ne soient pas sous le séquestre, elles doivent y être mises d'abord, et ce serait une inconséquence de ne le pas faire. Quant à la généralité des individus qui se trouvent en Pologne, vous pouvez, sans supprimer votre système de classification, comme je vous l'ai dit ci-dessus, passer tel ou tel d'une classe à une autre, selon que vous l'aviserez bien. Et c'est là, ce me semble, la façon la plus juste et la plus convenable de vous rendre à la réquisition qui vous est faite.

Pour ce qui est des aggravations particulières imputées aux troupes prussiennes, c'est à vous, M-r, à faire des représentations à m-r Benoit et de tâcher d'obtenir par lui de sa cour, qu'il en soit agi en tout, de la part de ces troupes, dans une parfaite uniformité et égalité avec celles des deux autres cours. Je ne manquerai point de faire ici les mêmes instances auprès du comte de Solms. J'ai l'honneur d'être etc.

---

[1]) См. № 2374.

### 2376) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГЕРЦОГУ БУЛЬОНСКОМУ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНЫМИ ПОПРАВКАМИ ЕЯ [1]).

A Zarskoe Sélo, ce 16 Juin 1773.

Mon cousin, M-r. le duc de Bouillon. *En conséquence du désir que vous m'avez marqué par votre lettre, pour que j'employasse mon intervention pour vous faire obtenir justice du prince Radzivill* [2]), j'ai donné ordre à mon ministère de faire parvenir à mon *envoyé* à la cour de Varsovie, le baron Stackelberg, le mémoire de vos prétentions. Celui-ci prendra sur les lieux les informations nécessaires pour suivre cette affaire, et il en pressera la conclusion de tout le poids dont peut être ma recommandation, en quoi je serai bien aise de vous marquer les sentiments de bienveillance que je vous porte. Sur ce je prie Dieu, qu'il vous ait, mon cousin, M-r le duc de Bouillon, en sa sainte et digne garde.

### ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ПРУССКОМУ КОРОЛЮ ФРИДРИХУ II.

18 Іюня 1773 г. О ландграфинѣ Гессенъ-Дармштадтской Каролинѣ и дочери ея принцессѣ Вильгельминѣ (впослѣдствіи В. Кн. Наталія Алексѣевна). Напеч. въ Сборникѣ, т. XX, стр. 324—326.

### 2377) КОПІЯ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНОЙ РЕЗОЛЮЦІИ ИМПЕРАТРИЦЫ [3]).

Письмомъ отъ 20 Іюня 1773 г., изъ Парижа, повѣренный въ дѣлахъ Н. К. Хотинскій просилъ графа Н. И. Панина о переводѣ къ нему 8000 рублей на содержаніе въ Парижѣ и отправку въ Россію 16 русскихъ, прибывшихъ изъ Камчатки [4]).

*Прикажите послать къ нему кредитъ на двѣ тысячи рублей.*

### 2378) НОТА, ВРУЧЕННАЯ ПРУССКОМУ ПОСЛАННИКУ ГРАФУ СОЛЬМСУ [5]).

20 Іюня 1773 г.

Nous sommes très reconnaissants des soins que s'est donnés m-r de Zegelin pour inspirer des sentiments plus pacifiques à la Porte et rapprocher la conciliation des deux parties; et nous voyons dans ses efforts tout ce qui peut caractériser le zèle d'un ministre d'un Roi ami

---

[1]) М. Г. А. Франція I, св. 1. См. выше № 2370.
[2]) Курсивъ написанъ Императрицею.
[3]) М. Г. А. Франція III, св. 13.
[4]) См. № 2346.
[5]) М. Г. А. Пруссія, IV, св. 5.

et allié sincère de la Russie, et qui est personnellement bien intentionné pour nos intérêts. M-r de Zegelin peut être assuré que le secret, qu'il a recommandé des nouvelles ouvertures des conditions de la Porte qu'elle vient de faire passer par son canal, sera inviolablement gardé, et qu'il n'en transpirera absolument rien à quelque cour que ce soit. Quant à ces conditions en elles-mêmes, nous ne lui laisserons point ignorer (et il fera de notre opinion l'usage que lui dicteront sa prudence et sa bonne volonté) sous quel point de vue nous les envisageons; et d'abord nous ne lui dissimulons point, qu'à quelque différence près dans la tournure et l'arrangement, elles sont absolument les mêmes que celles qui ont été traitées et discutées et en partie convenues dans les conférences du dernier congrès. Et comme telles, peuvent elles faire sur nous plus d'impression qu'elles n'en ont fait alors?

Qu'est ce que la Russie a demandé? Rien pour elle. A quoi sacrifie-t-elle tous les avantages d'une guerre heureuse, à laquelle elle a été provoquée injustement? A rétablir dans son état primitif une nation originairement libre et indépendante, qui même, malgré son assujetissement à la Porte, a toujours conservé ses propres chefs de l'ancienne race de ses souverains, et son régime propre, et ne fut jamais incorporée aux autres parties de la domination Ottomanne. Mais ce rétablissement doit être non imaginaire et fictif, mais vrai et dans sa substance, et la souveraineté indépendante de la nation tartare être la même, qu'elle fut et exista si longtemps, avant sa soumission à la Porte.

Aujourd'hui cette puissance consent à reconnaître les Tartares pour libres et indépendants. Quand elle dit libres: depuis quand est-il devenu licite, selon la loi de Mahomet, qu'un mahométan soit l'esclave d'un mahométan? Et qu'accorde-t-elle que chaque individu de la nation tartare n'ait pas déjà par le droit de sa religion, sans jamais pouvoir lui être ravi? Elle veut qu'ils soient crus indépendants, parce qu'elle consent la libre élection des Khans. Mais cette confirmation, qu'elle se réserve à leur donner, qui sous-entend sans doute une part à leur élévation et les présents usités, dont l'acceptation est une sorte de foi et hommage à leur manière, montrent bien mieux ce qu'il faut croire de cette indépendance. Les Tartares seront indépendants dans leur gouvernement et leur jurisdiction, mais quelle sorte de gouvernement et de jurisdiction, si ces peuples, sans défense, sans place à eux, se voyent entourés et coupés dans leurs habitations par des places que les Turcs s'approprient, quoiqu'elles soient de l'ancien domaine et de l'ancienne propriété des Tartares, par des forteresses et des garnisons, et ne peuvent ni se mouvoir, ni vaquer à aucune des fonctions qu'exige une administration, autrement que sous les armes des Turcs? C'est ce qui ne saurait jamais être conçu, et c'est cependant dans cette situation qu'elle veut les laisser par un

traité de paix. Or, quand la Russie fait dépendre de l'état seul des Tartares tout l'avantage qu'elle demande de la position respective des armes, peut-elle concéder que cet état reste aussi précaire et aussi vide d'effet, et ira-t-elle elle-même donner la main à une réserve si visible de la Porte, de remettre au premier jour les choses dans leur état précédent? L'inexistence de la chose serait sans doute moins préjudiciable que l'erreur de se livrer à une illusion aussi grossière.

Non, jamais il n'y aura d'indépendance effective des Tartares que lorsque, outre la libre élection des Khans, laquelle se fera toujours dans la famille de Tschingis-khan, le centre du gouvernement tartare et la résidence de son chef, la péninsule de Crimée, sera entièrement purgée et nettoyée de forteresses, de garnisons et de troupes quelconques de ses anciens maîtres, ainsi que cette péninsule leur a été remise par la Russie, et cet état ne sera assuré que par la garantie mutuelle des deux cours, telle que l'a proposé la Russie, et avec le point d'appui du côté de celle-ci de Jenicale et Kertchi. La Porte a mauvaise grâce et n'a aucun titre à contester à la Russie la propriété et la possession de ces deux places. Elle les possède et les retient au désir et aux instances de la nation tartare, qui, comme un gouvernement libre et indépendant, les lui a cédées par un traité, et s'il a été fait mention dans les conférences pour la paix du consentement de la Porte à cette cession, ce n'a été que pour confirmer encore par là la reconnaissance de l'indépendance des Tartares, qui était son objet dans la négociation et qui forma toujours son ultimatum, ainsi que pour rapprocher et concilier, avec la pure intention d'une telle indépendance, la prétention de la Porte à une influence religieuse sur cette nation.

A tout cela la Porte oppose une allégation de motifs de religion. Mais que fait à la Russie un tel motif, et quelle consideration doit-elle à la loi de Mahomet? Quand les mahométans envahissaient dans toutes les parties du monde des provinces chrétiennes, quelle impression auraient fait sur eux tous les chrétiens réunis et leur criant tous d'une voix, que leur religion ne leur permet pas de souffrir que des chrétiens et des pays chrétiens restent soumis à la domination des mahométans? Et tel serait aujourd'hui l'effet de l'allégation de la loi de Mahomet, qu'elle empêcherait que des mahométans, non pas restassent sous la domination de princes chrétiens, mais fussent rétablis dans un gouvernement libre et indépendant, dans leur état naturel et primitif, un état qui a subsisté si longtemps sans que la loi de Mahomet ait réclamé contre.

Les Turcs avancent l'incompatibilité de deux califats. Ne serait-ce que dans ces derniers temps, que les préceptes de l'Alcoran auraient acquis cette sublimité, cette perfection et cette rigidité d'observance? Puisqu'il y a des siècles que non seulement cette souveraineté indépen-

dante des Tartares existait, quoiqu'il existât en même temps d'autres souverainetés mahométanes également indépendantes, et qu'à la fois on a vu plusieurs califes et en Asie et en Afrique, et cela il y a des siècles, conséquemment dans un temps, où le mahométisme était dans sa première ferveur et pouvait avoir bien plus d'importance politique par rapport aux princes chrétiens.

Cela seul prouverait indubitablement, qu'ici il n'y a point de motif de religion, mais une simple allégation, par laquelle la politique veut couvrir et faire passer ses subterfuges. Mais ce qui détruit sans réplique toute idée d'un pareil motif, c'est que les mahométans eux-mêmes soutiennent, qu'il est un précepte de l'Alcoran, suivant lequel tout chef, qui peut rassembler sous son commandement jusqu'à 12 mille sabres, peut, quand il voudra, se faire indépendant.

La Porte n'est pas plus fondée à rejeter la garantie de la Russie: premièrement, on lui a offert l'égalité sur ce point, et par cela seul elle doit juger qu'il n'y a aucune vue cachée dans cette garantie; secondement: si on objecte que Kertchi et Jenicale sont un point d'appui pour la garantie de la Russie, dès que la paix aurait été conclue dans les termes où les choses étaient amenées par la négociation, la Porte conservait aussi ses points d'appui, et la différence en ce que ceux-ci seraient à une plus grande distance et hors de la Crimée sera nulle pour qui balancera, de quel côté les Tartares auraient le plus à craindre pour le renversement de leur liberté et de leur indépendance, ou de la Porte, qui ne veut pas y entendre à cette indépendance, qui se ménage sous tant de faux prétextes tous les moyens de la miner et de l'anéantir; ou de la part de la Russie, qui déjà de son propre gré, et par un pur mouvement d'humanité, a converti son droit de conquête sur les Tartares en un consentement illimité à leur indépendance, et qui réunit, vers le seul point de leur obtenir un pareil consentement de la Porte, tout ce qu'elle pourrait obtenir d'autre part d'avantage dans la paix.

Le consentement de la Porte au commerce de la Russie au Levant n'est point une stipulation qu'elle puisse mettre pour contrepoids à quelque prétention du côté de la Russie. La Méditerranée et l'Archipel sont ouverts à toutes les nations, et tout état de paix comporte la même liberté pour la Russie, et si jusqu'à présent elle a négligé d'en user, c'est que la longueur, les frais et les inconvénients de cette navigation lui ont paru en absorber tous les profits ou au moins les rendre trop incertains.

Pour ce qui est du commerce et de la navigation sur la Mer Noire, comme elle s'était lié les mains à cet égard par le dernier traité de paix, elle a proposé de remettre les choses sur le pied de la liberté et du droit naturel, et en cela elle a spécialement en vue de rendre la paix plus durable et son maintien plus important par l'importance et l'intérêt des liens et des rapports de commerce, qui uniraient les deux nations.

Pour ce qui peut être entendu en ceci de la navigation militaire, il est certain, qu'en temps de paix aucune nation ne fait son commerce sur des vaisseaux de guerre; outre qu'une telle dépense ne s'accorderait point avec l'intérêt des marchands, on sait qu'entre les puissances les plus amies et alliées il faut des consentements exprès pour relâcher dans leurs ports avec de tels vaisseaux.

La Porte sait d'ailleurs aussi bien que nous, de quelle inutilité ce serait d'entretenir en temps de paix une flotte sur cette mer, et en quel état on la trouverait au moment de la guerre, pour peu que la paix durât, et elle n'ignore pas davantage que sans Kertchi ni Jenicale, ni une stipulation expresse de liberté de navigation sur la Mer Noire, nous n'avons pas tardé toutes les fois, qu'il y a eu guerre, à mettre sur cette mer des forces en état de faire tête aux siennes.

C'est donc bien inutilement qu'elle s'obstine sur ce point; c'est aussi inutilement et uniquement pour affecter une sorte de supériorité, qu'elle prétend de limiter le port des vaisseaux marchands, parce qu'on sait bien, que les grands vaisseaux ne conviennent point à la Mer Noire, et que la nature l'a déjà ainsi règlé sans elle. Mais parce qu'il est contre la dignité de la Russie, dans un état de guerre tel que celui où elle traite de la paix, de se laisser imposer la loi sur un objet de droit naturel, elle ne doit point admettre qu'il soit stipulé de pareilles restrictions dans son traité.

Les nouvelles conditions de la Porte ainsi entendues et expliquées, l'offre qu'elle fait d'une somme d'argent pour dédommagement tombe d'elle même et ne signifie pas plus, que lorsqu'il en a été fait la proposition par son plénipotentiaire dans les conférences du congrès.

## 2379) ПРОЕКТЪ ОТВѢТА ВЪ КИТАЙСКІЙ ТРИБУНАЛЪ НА ПОСЛѢДНІЙ ИХЪ ЛИСТЪ О КАЛМЫКАХЪ [1]).

(Возвращенъ въ Коллегію 15 Іюня 1773 г. по разсмотрѣніи въ Совѣтѣ и апробаціи Ея Императорскаго Величества. Посланъ 22 Іюня 1773 г.).

Получа мы листъ вашъ, писанный по исчисленію вашему 37-го года 8 луны 1-го числа, въ дѣлѣ о Калмыкахъ, изъ державы Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійской, нашей всемилостивѣйшей Государыни побѣгъ учинившихъ, съ сожалѣніемъ изъ онаго усмотрѣли, что вы, принявъ наши мысли и разсужденія, по случаю сего происшествія вамъ предъявленныя, по большей части вопреки здѣшняго намѣренія, въ другомъ разумѣ, употребили и израженія въ отвѣтѣ вашемъ, не могущія и не долженствующія имѣть мѣста въ перепискѣ между двумя дружественными дер-

[1]) М. Г. А. Дѣла Китайскія. Корреспонденція съ Китайскимъ дворомъ о Калмыкахъ 1771—1774. См. выше № 2166.

жавами. Но честь наша и справедливость требуютъ совокупно, чтобы вы лучшаго объ насъ были мнѣнія. Итакъ, въ семъ толь нужномъ намѣреніи учинимъ мы наши примѣчанія на содержащіяся въ листѣ вашемъ укоризны.

Сказали мы, что между всѣми просвѣщенными государствами, областями и народами не только въ обыкновеніи есть, но и въ твердомъ храненіи, чужихъ подданныхъ не принимать и не присваивать; инако настояла бъ на свѣтѣ война повсемственная и родъ человѣческій бѣдствовалъ бы и былъ въ неустройствѣ безконечномъ. Сіе и подлинно одно изъ главнѣйшихъ началъ и положеній всенародныхъ правъ; но вы, приличая оное на войну настоящую, которую производитъ Имперія наша, и обвиняете уже насъ несправедливостію.

Война есть зло иногда неизбѣжное, да и правило вышеозначенное имѣетъ свои изъятія въ разсужденіи справедливой стороны; ибо необходимымъ образомъ одной всегда такою быть должно.

Если и подчиненные люди не осуждаются, не выслушавъ ихъ оправданія, кольми паче себѣ равные, великимъ разстояніемъ отдѣленные, въ дѣлѣ къ цѣлой имперіи отношеніе имѣющемъ, по однимъ гаданіямъ порицаемы быть не могутъ.

Послѣ сего, упоминая вы, что Калмыки были пришельцы въ Россію, присовокупляете къ тому прежнія заключенія, вами учиненныя, что они конечно навсегда у насъ остались бы, еслибы не принуждены были отлучиться по самой крайней необходимости, ибо недостаткомъ въ содержаніи, поборами съ нихъ пошлинъ и употребленіемъ въ походы и на службы были изнуряемы, а чтобъ ихъ подговорили нѣкоторые изъ нихъ же развратники, тому вѣры не подаете, представляя себѣ, что небольшое число склонить было бы можно на какіе-либо особенные виды, а не многія тысячи на согласный побѣгъ и удаленіе, и которыхъ мы по вашему мнѣнію за продолжающейся войною и удержать не въ состояніи нашлись, а между тѣмъ предъявляете со стороны вашей надѣяніе, что они, Калмыки, имѣя теперь во всемъ довольство, никогда къ намъ возвратиться не похотятъ, отвѣтствуя симъ будто на наше такого случая ожиданіе.

Правда, что Калмыки были въ Россію пришельцы, но назадъ тому съ полтораста лѣтъ (NB. Калмыки пришли на Волгу въ 1630-мъ году), слѣдовательно всѣ тѣ, кои нынѣ побѣгъ и измѣну учинили были здѣшніе уроженцы и безпрекословно здѣшніе подданные; жили же они въ державѣ Россійской Имперіи въ довольствіи и безъ всякаго изнуренія, и никакихъ поборовъ не платили, а только что иногда на службу наряжалися; но и ваши подданные конечно къ тому же употребляются, да и вездѣ такое обыкновеніе. Мы и еще повторяемъ, что конечно и по однимъ ковамъ и ухищреніямъ нѣкоторыхъ изъ своихъ начальниковъ они возмутились. Сколько сіе обстоятельство ни кажется вамъ невѣроятнымъ, но оное однакожъ подлинно, и чѣмъ наилучшимъ образомъ и доказывается, коль велика власть оставляема была собственному калмыцкаго народа правительству, поступившему на такое, въ самомъ дѣлѣ отважное предпріятіе, единственно по неограниченному честолюбію, возмечтавъ тѣ, кои оное составляли, по побѣгѣ учиниться важнѣйшими. Прилично здѣсь же примѣтить, что мы никогда къ вамъ не писали, будто назадъ Калмыкъ ожидаемъ всѣхъ вообще: конечно воображается недостойнымъ ихъ начальникамъ во всемъ существѣ сдѣланное преступленіе; а сказали только, что Калмыки сожалѣть могутъ объ отлученіи своемъ изъ здѣшней Имперіи, и сіе разсужденіе тѣмъ сходственнѣе съ истиною, чѣмъ въ заговорѣ, какъ и выше сказано, было число малое, но прочіе поневолѣ долженствовали повиноваться и оставить природныя свои мѣста, а многіе и родственниковъ. Признаемся мы,

что не могли удержать Калмыкъ отъ измѣны и побѣга, и дѣйствительно за не бытностію въ ихъ краю войскъ, но не по причинѣ производимой нами войны, а для того, что гдѣ Калмыки жили, они же сами составляли защищеніе и войско, почему и нужды не было содержать тамъ другія силы, по надѣянію на ихъ вѣрность, основанному на тѣхъ пользахъ и выгодностяхъ, кои они при толь свободной жизни непремѣннымъ образомъ имѣть могли и дѣйствительно имѣли.

Пускай, мы соглашаемся, не могло стерпѣть человѣколюбіе ваше видѣть ихъ погибающихъ послѣ долгаго и томительнаго странствованія, и что на семъ основаніи дали вы симъ отчаяннымъ бѣглецамъ и убѣжище въ вашихъ предѣлахъ; но не довольствоваться простымъ сего убѣжденія повѣствованіемъ, когда вы почтить насъ не хотѣли непосредственнымъ истребованіемъ, чтобъ мы ихъ вамъ формально уступили, а прибавлять къ тому разсужденія, оправдывающія измѣнниковъ, и казаться подавать имъ совершенную вѣру,—есть чувствительно трогать почтительную державу, которая, съ своей стороны, всякое къ вашему государству хранитъ уваженіе; предъявлять же еще при томъ и право имѣть предпріимать все, что не разсуждается за благо, слѣдовательно и людей всякаго званія, породы и земель себѣ присвавать одною собственною властію,—есть всю вселенную мнить имѣть въ своемъ повиновеніи.

Самый вопросъ, сдѣланный со стороны вашей, не будемъ-ли мы обращаться войной, и съ обвиненіемъ притомъ, будто мы уже миръ портить хотимъ, собственное ваше признаніе содержитъ, что для Россійской Имперіи ваши опредѣленія непреложнымъ правиломъ и уставомъ служить не могутъ; но мы, напротивъ того, отнюдь не нарушили и не нарушаемъ мира и добраго согласія, сказавъ вамъ, что по сосѣдственной между обѣихъ Имперій дружбѣ имѣли основательную причину ожидать совсѣмъ другого отъ васъ поведенія, въ разсужденіи нашихъ измѣнниковъ Калмыкъ, нежели какимъ вы хвалитесь, или по крайней мѣрѣ умѣреннѣйшихъ отзывовъ, нежели какими дано намъ знать о принятіи ихъ въ ваше подданство. Противно вамъ также было и учиненное нами уподобленіе Мунгалъ къ Калмыкамъ, для чего, не отвѣтствуя прямо, что бъ вы въ такомъ случаѣ дѣлать стали и какихъ бы отъ насъ снисхожденій пожелали, еслибы не Калмыки къ вамъ перебѣжали, а Мунгалы, ваши подданные, къ намъ, говорите только что сего никогда статься не можетъ, но не довольно сего—присовокупляете къ тому еще и насмѣшливый вопросъ, требуя, чтобы мы вамъ сказали, если по прошествіи ста тысячъ лѣтъ одинъ или два Мунгала въ наши границы войдутъ, подлинно-ли ихъ не пріимемъ. Мы не знаемъ о времени, толико отъ нашего вѣка отдаленномъ, а о настоящемъ со всею достовѣрностію вамъ сказываемъ, что весьма часто подданные ваши, въ нашу сторону перебѣгающіе, по силѣ настоящаго трактата назадъ возвращаются, и о чемъ, буде не притворяетесь не вѣдать, спросите вашихъ пограничныхъ начальниковъ.

Какъ бы то ни было, мы однакожъ никогда не ожидали, чтобъ намъ отказали въ возвращеніи захваченныхъ Калмыками, измѣнниками, Россіянъ. Воспріимите съ дружескимъ вниманіемъ повторяемое черезъ сіе о томъ наше требованіе. Весьма ошибаетесь, мня, будто мы домогаемся ихъ выдачи изъ честолюбія; совсѣмъ нѣтъ, и можно-ли почитать воздаяніемъ полученіе нѣсколькихъ десятковъ, за потеряніе многихъ тысячъ народа? Единственно жалость и человѣчество насъ къ тому убѣждаютъ, ибо воображеніе настоящаго ихъ состоянія, какъ отлученныхъ отъ отечества, отчаявшихся видѣть своихъ родственниковъ и терпящихъ тяжкую неволю, долженствуетъ и претвердое сердце тронуть. Ежели, во время шествія Калмыкъ къ вашимъ границамъ, многіе изъ

нихъ погибли и живота лишились, могли однакоже и понынѣ нѣкоторые въ ихъ рукахъ остаться. Ежели Калмыки, пришедъ къ вамъ, не сказали объ нихъ, но нынѣ находитесь въ состояніи спросить и исторгнуть изъ звѣрскихъ ихъ челюстей толь несправедливую добычу. Говорите вы наконецъ, что у васъ нѣтъ закона вновь о семъ дѣлѣ вступать во изслѣдованіе; но законъ естественный, основанный на внутреннихъ чувствованіяхъ и источникъ всѣхъ гражданскихъ законовъ, да послужитъ вамъ первымъ къ тому убѣжденіемъ, а во-вторыхъ, когда теперь Калмыки въ вашей зависимости, то и самый между обоими государствами продолжающійся трактатъ, вырученіе и возвращеніе сихъ несчастныхъ людей предписываетъ и опредѣляетъ.

О взаимной коммерціи вы также не обошлись безъ примѣчанія, изъясняя съ подробностію, будто оная остановлена была за исканіе нами, въ противность трактата, одной корысти, и паки разрѣшена по нашему прошенію; а изъ послѣдняго нашего листа видно, аки бы мы не только миръ разрушить хотимъ, но и прямо ищемъ остановить торгъ и купечество, будучи вамъ угодно признавать сей листъ не содержащимъ въ себѣ никакой справедливости и безъ всякой дѣльности; а по вашему мнѣнію долженствовали мы однакоже съ почтеніемъ и благосклонностію отвѣтствовать на вашъ, коимъ подано увѣдомленіе о вступленіи Калмыкъ въ ваше подданство. Взаимная торговля подчинно остановлена была вами въ отмщеніе за дозволеніе съ стороны нашей убѣжища нѣкоторому небольшому числу изъ Зенгорцевъ, прежде нежели оные вами покорены были, а теперь вы сами между другимъ отзываетесь, что дружба важнѣе и полезнѣе, нежели чтобъ оная для перебѣжчиковъ нарушаема быть могла; поведеніе наше въ семъ случаѣ отнюдь и не значило исканія корысти. Вы не хотѣли нынѣ отвергнуть прямыхъ нашихъ измѣнниковъ; для чего жъ тогда мы не могли принять свободныхъ и въ вашей зависимости еще не бывшихъ людей, и въ числѣ несравненно меньшемъ спасавшихся отъ крайней своей погибели? Мы не имѣемъ затрудненія согласиться съ вами и подтвердить ваше предъявленіе, что и остановленная вами торговля прежнее теченіе и производство воспріяла по нашему искательству и прошенію. Конечно, обращается въ томъ польза здѣшнихъ подданныхъ; но равнымъ образомъ не можетъ она быть не выгодна и для вашихъ; но чтобъ мы искали нынѣ остановить оную, да и миръ разрушитъ, ни намѣренія ни желанія нашего, совсѣмъ нѣтъ; ибо что касается до образа нашей переписки, а особливо до послѣдняго нашего листа, противъ котораго вы толь жестоко вознегодовали, то въ какихъ бы мы преніяхъ, въ разсужденіи дѣлъ съ вами, находились, всегда отзывались однакоже, съ пристойностью и учтивостью, ни въ послѣднемъ нашемъ листѣ не выступили изъ предѣловъ надлежащаго къ вамъ уваженія; а ежели вы требуете, чтобъ мы на всѣ ваши мысли и предложенія соглашались и онымъ безъ всякаго разсмотрѣнія слѣдовали, то сіе было бы равно, какъ бы во власти и повиновеніи вашемъ мы находились; но высокое достоинство Россійской имперіи отнюдь того терпѣть не можетъ, и мы бы во зло употребили возложенную на насъ довѣренность отъ высочайшей Монархини нашей, будучи всему свѣту извѣстно, что иной голосъ есть подданнаго, а иной происходящій со стороны державы почтительной.

Надлежитъ вывесть васъ также изъ заблужденія въ разсужденіи приписываемой намъ боязни, чтобъ, по случаю перехода къ вамъ Калмыкъ, свѣдѣніями ихъ о нашихъ мѣстахъ и продолжающейся у насъ войны, вы не воспользовались сдѣлать на насъ нападеніе. Отнюдь мы себѣ и не представляемъ, чтобъ ваше государство, толь знатное, и правительствомъ мудрымъ предводимое, рѣшиться могло на подобное предпріятіе, противное трактату и уничтожающее въ конецъ издавна продолжающуюся

дружбу, въ надѣяніи успѣховъ по употребленію только Калмыкъ и по способствованію ихъ собственнымъ вашимъ военнымъ силамъ. Слава же Россійскаго воинства основана и на доказательствахъ не ложныхъ, то есть на побѣдахъ и торжествахъ, одержанныхъ надъ непріятелями многочисленными и мужественными, почему мы никакой войны не боимся, хотя ни въ какую не вступаемъ безъ самыхъ убѣдительныхъ причинъ, а будучи принуждены, производимъ не набѣгами незапными, могущими только поводъ подать къ ссорѣ, но дѣйствіями откровенными и сильными, рѣшающими окончательную судьбину случившагося несогласія, и не прежде покидаемъ воевать, пока не получаемъ полнаго удовлетворенія за причиненныя обиды; и о чемъ о всемъ изъясняемъ вамъ не изъ самохвальства, которое мы ненавидимъ, но по необходимости, видя, что вы прямого понятія не имѣете ни о силахъ здѣшнихъ военныхъ, ни какимъ образомъ мы обыкли воевать и мириться.

Сей нашъ листъ, представляющій вамъ съ подробностію, коль несправедливо мы оскорблены слогомъ и содержаніемъ вашего, да возымѣетъ желаемое нами дѣйствіе, убѣждая васъ восчувствовать пристойность нашего требованія, въ разсужденіи взаимной учтивости, и о чемъ мы васъ, какъ сосѣдей и друзей, прилежно просимъ. Вашихъ сіятельствъ и превосходительствъ доброжелательны Ея Императорскаго Величества Всероссійской верховнѣйшіе сенаторы.

## 2380) ОТВѢТЪ РОССІЙСКАГО ДВОРА НА МАНИФЕСТЪ ПОРТЫ ОТТОМАНСКОЙ ПО ПОВОДУ РАЗРЫВА БУХАРЕСТСКАГО КОНГРЕССА [1]).

(Приложенъ къ циркулярному письму графа Н. И. Панина къ повѣренному въ дѣлахъ въ Парижѣ Н. К. Хотинскому отъ 24 Іюня 1773 г.).

Réplique de la cour de Russie au manifeste qui a été rendu par la Porte aux ministres étrangers residant auprès d'elle, à l'occasion de la rupture du congrès de Bucharest.

On voit circuler un manifeste distribué par la Porte aux ministres étrangers résidant près d'elle, à l'occasion de la rupture du congrès et de la reprise des hostilités par les armées respectives. La cour de Russie ne prendrait pas la peine de répondre à cette pièce, s'il ne s'agissait que d'elle à son ennemi, parcequ'elle n'y voit qu'une mauvaise foi habituelle, contre qui ni la conviction des faits, ni l'évidence du raisonnement ne font rien. Mais comme elle s'est conduite dans cette négociation, ainsi qu'elle fait dans toutes ses entreprises, à découvert à la face de l'Europe, c'est encore à elle qu'elle veut déférer de prononcer sur la réalité ou l'illusion des imputations de la Porte; et afin qu'il ne puisse pas rester le moindre doute dans les esprits, elle rétablira les faits dans leur vérité.

D'abord, on ne s'arrêtera pas plus que ne l'a fait la Porte sur la cause de la guerre, qui s'est allumée, il y a plus de 4 ans, et continue encore entre les deux empires. La Porte publia dans le temps son mani-

[1]) М. Г. А. Франція, III, св. 13.

feste, la Russie donna le sien; le public est instruit, et sans qu'on en fasse la remarque, on aura observé que les raisons que celle-là jette en avant dans le nouveau manifeste dont il s'agit ici, ne sont pas les mêmes et sont autrement digérées que celles d'alors, qu'elle voulut bien exposer dans la simplicité de son style.

On ne parlera pas davantage des succès de la guerre, et en cela on se prend à l'avis de la Porte, qui ne souffre pas qu'on s'enorgueillisse des succès de l'inconstante fortune; mais on ne saurait se passer de dire, et à cela il n'y a point de vanité, que la Russie pouvait raisonablement compter sur une bonne paix.

La Porte désirait de la faire, parce que la fortune ne la favorisait pas. La Russie était toujours prête à y entendre, parce que ce n'est qu'avec répugnance et pour sa seule défense qu'elle a pris les armes; et ses dispositions étaient d'autant moins un mystère, qu'il y en a peu à dire qu'on veut être modéré et humain. La Porte fit une démarche formelle auprès des cours de Vienne et de Berlin pour requérir leur médiation, et ce fut par les bons offices de ces deux cours que l'on convint de l'assemblée d'un congrès.

Comme cependant les lenteurs d'une négociation ne promettaient que dans un temps éloigné à la Porte le repos, dont elle avait besoin dans le moment, elle témoigna combien un armistice était de son goût et fit des instances pour l'obtenir. Quelque défavorable qu'il pût être pour les armes de la Russie, dans la position où elles se trouvaient alors, d'interrompre leurs opérations, l'Impératrice fit céder toute considération à son humanité et à son amour pour la paix. L'armistice fut signé et les plénipotentiaires s'assemblèrent à Foczany, où se trouvèrent aussi les ministres chargés de l'emploi des bons offices de leurs cours. On pourrait remarquer ici comme un préjugé sur le plus ou le moins de dispositions de part et d'autre pour la paix, que les ambassadeurs de Russie, malgré l'éloignement, se trouvèrent rendus au quartier général de leur armée dans le voisinage du lieu désigné pour le congrès dès le 24 Mai, et que ce ne fut que le 24 Juin, après un mois entier d'attente, que les ambassadeurs turcs arrivèrent au camp du grand visir; mais c'est un point, sur lequel la marche et la fin des négociations ne pourront pas laisser de doute. Quoiqu'il en soit, avant l'assemblée du congrès, même avant le départ des ministres turcs de Constantinople, il avait été fait part à la Porte des conditions auxquelles la Russie ferait la paix, et sur toutes choses elle avait été prévenue, qu'il ne s'agirait pas pour elle de négocier la bourse à la main et que ce que la Russie demandait n'était point à racheter à prix d'argent.

On ne tarda donc pas au congrès de Foczany à entrer en matière et on débuta par ce qu'il y avait de plus essentiel.

Il fut demandé de la part de la Russie l'indépendance absolue des tartares.

Dans quelques conférences, où cette condition fut agitée, les plénipotentiaires de la Porte accordaient que les tartares seraient libres et indépendants, que l'élection des Khans, l'administration de la justice et des affaires politiques, tant au dedans qu'au dehors, en un mot—tout l'emploi et la disposition non seulement du corps et du bien de chaque particulier, mais de l'état, ne dépendra absolument que d'eux et de celui qu'eux mêmes ils s'éliraient pour Khan, lequel Khan dès le moment de son élection devint leur souverain et ne peut être déposé par personne. Mais ils demandaient, et cela, disaient-ils, comme un article de cérémonial religieux, que le Khan après son élection écrivît au grand seigneur et demandât de lui qu'il approuvât son élection, ce que le grand seigneur n'aurait point le pouvoir de refuser.

Les plénipotentiaires de Russie voulaient réduire la chose à une simple notification, ainsi que cela se pratique entre les souverains, et refusèrent ce consentement à demander par le Khan à la Porte, comme incompatible avec l'indépendance absolue des tartares. Osman-Effendi, premier plénipotentiaire de la Porte, se récria qu'il était contre leur religion qu'il y eût une concurrence de deux califes, et qu'ils ne pourraient jamais consentir à ce que les tartares ne fussent pas dans une dépendance religieuse de la Porte. Les plénipotentiaires de Russie, jugeant qu'une telle dépendance, de la façon que les turcs la demandaient, équivaudrait à une dépendance politique, refusèrent de l'accorder. On disputa sans qu'il fut rien cédé de part et d'autre. Osman demanda des chevaux et rompit le congrès.

On voudra bien comparer ceci avec ce que rapporte le manifeste turc, et on verra combien on s'y est écarté de la vérité. On n'y a pas été plus fidèle dans les circonstances de l'assemblée du second congrès; voici comme les choses se passèrent à cet égard.

Sur la première proposition de l'indépendance des tartares, le grand visir avait écrit au maréchal Roumiantzof, qu'il ne se serait pas attendu à une telle demande des personnes aussi discrètes et honnêtes que les plénipotentiaires de Russie, parce que c'était offenser la religion de Mahomet, et il priait le maréchal de leur écrire et en termes équivalents de leur recommander plus de respect pour leur religion.

Le maréchal, bien loin de se permettre de rien reprendre aux demandes des plénipotentiaires de sa cour, qui d'ailleurs n'étaient point dans sa dépendance, répondit au visir en termes très polis, qu'il trouvait qu'ils avaient bien fait.

Une autre lettre du grand visir suivit immédiatement cette réponse, et comme le congrès était déjà rompu, il y était exprimé les plus vifs

regrets de cet évènement. Un homme de confiance, un certain Vassif-Achmet-Effendi, qui avait été précédemment prisonnier en Russie, fut dépêché exprès pour la porter au maréchal. Le visir y proposait de renouer la négociation et il laissait au maréchal l'alternative, ou de s'approcher l'un et l'autre du Danube et de traiter tous les deux directement, ou d'assembler de nouveaux plénipotentiaires à Bucarest; tout cela terminé par une demande très instante d'un armistice de six mois. Vassif-Achmet outre cette lettre était muni d'une instruction ostensible, qui l'autorisait à règler tant l'affaire de la reprise de la négociation, que celle de l'armistice.

Le maréchal Roumiantzof, sans instruction de sa cour, prit sur lui de ne point effaroucher ces démonstrations pacifiques, qu'il avait tout lieu de juger sincères, et il consentit à accorder un armistice de 40 jours, temps dont il avait besoin pour écrire à sa cour et en recevoir les ordres.

Pendant que cela se passait à l'armée, on avait reçu à Pétersbourg la nouvelle de la rupture du congrès, et croyant aussi de bonne foi que les turcs ne prétendaient d'autre limitation à l'indépendance des tartares que ce qui regarde les affaires de religion, on y était d'avis d'entrer en quelque condescendance à cet égard, et on pensa à compenser ce qu'il y aurait de préjudiciable en cela, soit du côté de la dignité par rapport aux engagements avec la nation tartare, soit du côté de l'intérêt même de la chose par rapport à l'influence que cela conservait à la Porte; et l'expédient que l'on crut propre à cette fin était d'obtenir l'aveu et le consentement de celle-ci à la cession faite par les tartares de Kertchi et d'Yenicale, cession dont l'objet d'une part est d'assurer la tranquillité des frontières de l'Empire, et de l'autre—de garantir la Crimée de toute invasion ou attaque subite des turcs.

Ces idées furent à peine conçues, qu'elles furent confiées aussitôt aux deux cours, dont les bons offices favorisaient la paix, et par leurs ministres à Constantinople elles ne tardèrent pas non plus à être connues à la Porte; et d'autre part on répondit au maréchal d'accepter un second congrès.

C'est de cette manière et dans cet état que les plénipotentiaires des deux cours s'assemblèrent à Bucarest. A l'ouverture de la négociation le plénipotentiaire turc fit parade de beaucoup de bonne volonté pour la paix, mais il ne laissa pas avec tout cela de chicaner sur les choses les plus minutieuses et de dire à chaque pas qu'il fallait qu'il écrivit à sa cour.

Les points de l'indépendance des tartares, de la cession de Kertchi et d'Yenicale, de la liberté du commerce et de la navigation, furent discutés dès les premières conférences tantôt séparément, tantôt conjointe-

ment, comme ayant entre eux une liaison immédiate. On était venu à bout dans la 12-me conférence le 6 Décembre de fixer les termes de la dépendance religieuse des tartares, savoir: que le Sultan donnera sa bénédiction au Khan nouvellement élu, qu'on priera pour lui dans les mosquées, que les gens de loi des tartares recevront des autorités du Muphti, et le plénipotentiaire turc se montrait content d'avoir sur ces points satisfait à sa loi.

On avait aussi établi des principes, afin que la garantie de la Russie de l'indépendance des tartares ne s'étendit point sur ces points de religion.

Le ministre turc balançait entre la liberté illimitée du commerce et de la navigation et la cession de Kérchi et d'Yenicale, et prétendait que les deux conditions ne pouvaient pas être accordées à la fois par sa cour: que si elle cédait Kertchi et Yenicale, il faudrait limiter la navigation, ou bien que si on accordait la navigation, il faudrait nécessairement que la Porte conservât Yenicale pour avoir l'oeil sur les mouvements des forces maritimes de Russie. C'est jusque là que la négociation se trouvait avancée; il n'était point question de conserver les forteresses turques dans la Crimée et au Cuban, il ne s'agissait que de la possession d'Yenicale et Kertchi ou de la limitation de la navigation. Les deux ministres disputaient sur ces deux articles sans pouvoir s'accorder, lorsque le plénipotentaire turc avança qu'il était si vrai, qu'il n'y avait que la crainte de ce qui pourrait arriver à l'avenir du concours de ces deux conditions, qui retint la Porte, que si seulement on lui cédait à la proximité une place pour y bâtir une forteresse comme Yenicale, elle s'en contenterait.

Cet expédient fut saisi des deux côtés; les deux ministres s'y fixèrent décidément le 10 Décembre, et tous les deux d'accord écrivèrent à leurs cours, le ministre turc pour y représenter que celui de Russie ne voulait point se désister de Kertchi et d'Yenicale, et celui de Russie pour marquer à la sienne que les turcs demandaient un emplacement dans la proximité pour y bâtir une forteresse. C'était donc de là uniquement que devait dépendre le sort de la paix.

La réponse de la cour de Russie fut analogue à la représentation de son ministre. On ne sait point quelle fut celle de la Porte, mais ce qu'il y a de certain, c'est qu'après le retour du courrier envoyé à Constantinople, son ministre changea tout à coup de langage. On le vit dès la première conférence, après l'arrivée de ce courrier, glisser dans le discours les noms des forteresses qui devaient rester à la Porte, et ensuite réclamer toutes ces forteresses avec une telle assurance, que m-r Obreskof crut devoir lui dire, qu'il fallait qu'il fût arrivé un changement notable dans les dispositions de sa cour.

Il se trouva par là, qu'on n'avait rien avancé et que tout ce qui avait été traité l'avait été en pure perte. Cet état dura jusqu'à l'arrivée

du courrier que m-r Obreskof attendait de sa cour. Aussitôt qu'il l'eût reçu il alla son chemin, comme s'il n'eut pas dû faire attention aux variations du ministre Ottoman, et lui dit que sur la représentation qu'il avait faite à sa cour selon qu'ils en étaient convenus dans le temps, il en avait reçu des ordres, et qu'à présent il lui proposait de choisir une place pour bâtir une forteresse comme Yenicale.

Le ministre turc fit bien sentir à m-r Obreskof, qu'il ne s'agissait plus de cela; cependant ils prirent une carte et ils examinèrent le lieu que pouvait choisir la Porte. C'était une carte turque appartenant à l'ambassadeur turc, ainsi l'erreur telle qu'elle eut pu être dans le choix du lieu ne pouvait être imputée au ministre de Russie. Celui-ci, apercevant sur cette carte une île située entre le cap Akbouron et l'île de Taman, dit au plénipotentiaire turc: «Eh bien! vous voulez un oeil pour éclairer nos vaisseaux, voilà une île qui est au milieu du détroit; pourriez vous souhaiter quelque chose de mieux»? Le ministre turc n'en parut que médiocrement touché, mais m-r Obreskof trouva moyen d'exciter son attention par une proposition qu'il était autorisé à faire, en tel état de la négociation qu'il trouverait le plus convenable, c'est que si la Porte acceptait ses conditions telles qu'il les avait exposées et aux termes où il les avait conduites par la négociation, alors sa cour renoncerait à tout dédommagement; et ici il est bon d'observer que, depuis l'ouverture de la négociation, la Russie avait toujours insisté sur un dédommagement pour la restitution de la Valachie et de la Moldavie, dans la vue de s'en servir à faciliter la négociatiou. C'est en faisant cette proposition que m-r Obreskof répéta et récapitula son ultimatum, exactement dans les termes qui suivent:

Si la Porte reconnait l'indépendance des tartares telle que je l'ai demandé;

Si elle cède à la Russie Yenicale, Kertchi et Kinbourn et rase Oczakow et consent à laisser pour barrière toute l'étendue de terrain entre le Boug et le Dniester;

Si elle cède aux tartares toutes les terres, villes etc., tant en Crimée qu'au Cuban, ainsi qu'elles ont été cédées à ces peuples par la cour de Russie;

Enfin, si elle concède la pleine et parfaite liberté du commerce et de la navigation pour toute espèce de vaisseaux dans toutes les mers de sa domination, et aussi si elle consent à tous les autres articles tels qu'ils ont été proposés par moi,—alors ma cour rendra à la Porte toutes les autres conquêtes faites sur elle et se désiste de tout dédommagement quelconque pour les frais de la guerre. Ce fut le 4 Février qu'il lui fit de telles propositions.

Le ministre turc (ne) fit alors plus de réflexions à l'île qu'on lui propo-

sait; il pria m-r Obreskof de lui donner par écrit cet ultimatum, et il dépêcha son propre neveu en courrier le porter à Constantinople.

On vit renaître une nouvelle lueur d'espérance pour la paix, et les deux ministres s'y entretinrent jusqu'au retour du courrier de Constantinople, qui se fit attendre jusqu'au au 6 Mars. Le plénipotentiaire turc, au lieu d'une réponse catégorique qu'on avait d'autant plus lieu d'attendre que l'armistice allait expirer, ne remit au ministre de Russie que des remarques sur son ultimatum, et tout ce qu'il lui dit, qu'il avait à lui demander, était une réponse à ces remarques. M-r Obreskof lui représenta, combien toutes les réponses qu'il pourrait faire seraient inutiles; cependant comme il l'exigeait de lui obstinèment, il les lui remit par écrit. Dans le fait cependant il était arrivé une autre résolution au ministre turc; il le faisait sentir à m-r Obreskof, mais il la réservait jusqu'au dernier moment, et ce ne fut que le 9 Mars, à l'expiration même de l'armistice, qu'il lui communiqua cette résolution, qui portait, qu'il avait ordre pour toutes choses de proposer à la Russie un dédommagement de 70 mille bourses, savoir: 40,000 pour la restitution de toutes les conquêtes à la Porte, et 30,000 pour équivaloir aux 4 articles qui formaient l'ultimatum de la Russie.

Qu'on se représente la surprise du ministre de Russie, lorsqu'il lui fut fait une pareille proposition, par laquelle toute négociation était anéantie et qui manifestait, combien la Porte était éloignée de vouloir de bonne foi la paix, puisque depuis longtemps il lui était connu que sa cour ne voulait point d'argent, mais qu'elle demandait pour tout fruit de ses conquêtes la sûreté de ses frontières et de se trouver, à la suite d'une guerre heureuse, dans l'état de liberté, qui appartient naturellement à tout état par rapport au commerce et à la navigation. Quand même il eut existé de la possibilité que sa cour se bornât à un dédommagement, l'énormité de la somme proposée ne lui aurait pas permis de la regarder autrement que comme un piège tendu à sa bonne foi. En quels termes se serait fait le payement de cette somme? On la proposait purement et simplement sans en demander aucun. Il n'était pas présumable qu'elle fût payée à l'heure même que la paix aurait été conclue, parce que malgré la bonne opinion, qu'on a des trésors du grand seigneur, on ne lui croit point une somme aussi considérable en réserve après 4 campagnes, où il a fallu faire des largesses extraordinaires aux troupes, sinon pour les engager à bien faire, au moins pour les empêcher de se débander et conserver le simulacre d'une armée. S'il s'agissait d'accorder des termes de payement à une puissance, qui par sa religion se juge dispensée de toute bonne foi vis-à-vis des chrétiens, il aurait fallu ou y renoncer, ou se la procurer par une nouvelle guerre. Mais les intentions de sa cour lui étaient trop connues pour s'arrêter à des pareilles réfléxions. Aussi

m-r Obreskof la rejeta et n'y fit aucune attention, et le plénipotentiaire turc, honteux du peu d'effet qu'elle avait produit, revint bientôt à dire que ce n'était pas là le dernier mot de la Porte. Il proposa, vu que l'armistice etait expiré, qu'il s'arrêterait à Russig pour y attendre ses derniers ordres, et il promettait au ministre de Russie de lui en faire part, si celui-ci l'approuvait. M-r Obreskof, par une suite de la sincerité, avec laquelle on en agissait du côté de la Russie, condescendit à ses instances pour la continuation d'une correspondance entre eux nonobstant, la reprise des hostilités, afin de laisser une porte ouverte, si réellement les turcs avaient une autre résolution à donner sur son ultimatum, et ils réglèrent entre eux par une convention la marche de cette correspondance.

Mais il est bien évident, que la Porte pendant tout le congrès a bien moins eu pour objet de convenir de quelque point qui approchât les deux partis de la conclusion de la paix, que de prolonger à l'infini l'armistice et d'amener par un épuisement, qu'elle jugeait en devoir être la suite, la Russie à des conditions qu'elle ne se promettait pas d'obtenir d'elle par les armes.

Dès la première ouverture faite par le visir pour le renouement de la négociation, on a vu que les turcs demandaient un armistice de 6 mois.

Lorsque dans les premières conférences les deux plénipotentiaires fixèrent l'armistice jusqu'à l'équinoxe du printemps, le ministre turc avait insisté pour qu'il fût de deux mois de plus. A mesure qu'il avait élevé des difficultés dans la négociation et qu'il en augmentait la lenteur par les temps que demandait le retour de ses courriers de Constantinople, il ne manquait pas d'observer qu'il n'y aurait pas assez de temps pour convenir de la paix pendant l'armistice, et plus celui-ci approchait de son terme, plus il se rendait pressant pour une prolongation et montrait des dispositions pacifiques, afin d'y amener le ministre de Russie. Mais celui-ci refusa toujours d'y entendre, parce qu'il y voyait un trop grand préjudice pour sa cour et parce que l'emploi que les turcs avaient fait de tant de prolongations, qui leur avaient été itérativement accordées, ne montrait que l'envie de pourvoir aux moyens de continuer la guerre.

Ils en avaient profité du côté de l'Archipel pour des amas considérables de vivres et de munitions, à Constantinople — pour la réparation de leurs forteresses dans les îles et sur leurs côtes d'Asie. Ils en profitaient pour envoyer des émissaires chez les tartares, y ramasser et exciter un parti qui prit les armes en leur faveur, aussitôt qu'ils débarqueraient en Crimée, ils tenaient un corps de troupes prêt pour cette expédition, et peut-être l'auraient-ils tentée même au milieu de l'armistice, si à l'aspect de quelques mouvements parmi les tartares, on n'avait pas pris

du côté de la Russie des résolutions vigoureuses, qui ont contenu les partisans nombreux de la Porte, qui déjà se rassemblaient en corps armés et dont toutes les démonstrations indiquaient l'espérance de l'apparition prochaine des turcs.

Mais où on ne se trouve pas borné à des simples présomptions, c'est le plan qu'avait formé le gouvernement turc de surprendre et de détruire,—au milieu de l'armistice—la flotte et les forces de terre de la Russie dans l'Archipel. Toutes les dispositions en avaient été faites, et on commençait déjà à les mettre à exécution, lorsque l'activité du comte Orlof, en détruisant l'escadre Dulcignore déjà en mer pour remplir la partie du plan qu'elle avait à exécuter, a confondu la mauvaise volonté des turcs. Les faits en ont été exposés dans toutes leurs circonstances, et les turcs, honteux de leur perfidie, ont été forcés au silence.

Ces exemples étaient trop récents et trop expressifs, pour que m-r Obreskof ne se refusât pas constamment à toute prolongation de l'armistice, mais il le faisait avec la prudence d'un ministre, à qui sa cour a confié le soin de faire une paix honorable et qui sait qu'elle la veut de bonne foi, dès qu'elle la trouvera telle, et autant il se tenait en garde contre la surprise d'un nouvel armistice, autant voulait-il, si la paix était faisable, y apporter des facilités.

C'est à cette fin que sur les instances qui lui étaient faites par le ministre turc le 7 et 8 Mars, à l'instant de l'expiration de l'armistice, d'accorder encore du temps, il lui proposa de signer avec lui les 7 principaux articles de la paix, et qu'après il consentirait à donner tout le temps nécessaire pour le reste. Mais encore cherchant à apporter plus de facilités, il se réduisit à 4 articles qui sont: l'indépendance des tartares, la cession de Kertchi et d'Yenicale et la liberté du commerce et de la navigation; mais ces articles, tels qu'il demandait de les arrêter pour pouvoir donner du temps pour le reste, étaient absolument tels, qu'ils avaient été arrangés dans le cours de la négociation, tels que le ministre turc les avait admis sous la seule condition d'un emplacement à céder à sa cour pour y bâtir une forteresse, tels enfin que depuis plusieurs mois la Porte les avait eu sous les yeux, tels qu'ils lui avaient été de nouveau envoyés le 4 Février avec la clause de la rénonciation à tout dédommagement. Ils n'étaient ni changés, ni grossis de ce qu'ils avaient été alors, et loin qu'il y eût de la roideur à en demander la signature, m-r Obreskof, qui accordait du temps pour tout le reste, ce qui naturellement entrainait une prolongation d'armistice, qui se reduisant à ces 4 points, montrait à découvert tous les autres comme pouvant être arrangés au gré de la Porte, et l'assurait positivement, allégeait sans doute ces 4 points de tout ce que ceux là pouvaient avoir d'onéreux.

Tant s'en faut qu'il se soit exprimé que tout au plus il serait accordé d'ériger un fort sur une île imaginaire, qu'au contraire il a dit, répété et donné par écrit, que si l'île proposée d'abord n'était pas jugée suffisante pour l'objet, il serait libre à la Porte de choisir une place sur la côté du Cuban à l'opposite.

Par tout ceci on voit clairement, à quoi se réduit en substance la paix que la Russie souhaitait et sur laquelle elle a insisté dans la négociation: conserver les tartares en une souveraineté indépendante, en laquelle ils se sont formés à l'ombre de ses armes et à la faveur d'une rénonciation au droit de conquète qu'elle a sur ce peuple.

Sur ce premier point, la Porte emploie dans son manifeste un trait de politique qui n'est pas de l'Alcoran. Elle cherche à inquièter les puissances voisins sur ce nouvel état des tartares, comme s'il pouvait y avoir de doute, que cette nation, actuellement qu'elle existe par elle-même, ne sera pas susceptible d'une meilleure police que lorsqu'assujettie à la Porte. Elle devait être prête à tout moment à porter la dévastation chez ceux de ses voisins, contre qui cette puissance méditait la guerre. Il est de fait, qu'une irruption des tartares fut pendant des siècles pour les puissances chrétiennes le signal d'une guerre avec la Porte, et comme un manifeste de sa part; elle ne sera donc plus un tel instrument, et c'est déjà beaucoup de gagné. Quant aux excursions qui pouvaient venir proprement des tartares, de l'inquiètude de leur Khan, de l'esprit de brigandage, enraciné dans quelquesunes des hordes, peut-on présumer qu'actuellement, qu'ils n'auront plus de refuge dans le soutien de la Porte, celles-ci aussi ne soient moins fréquentes? Enfin, si la Russie, qui est intéressée elle seule à l'objet plus que tous les autres voisins des tartares, parce que la surface de ses frontières vis-à-vis de ce peuple est infiniment plus grande que les leurs, réclame ce changement dans leur état comme un bien pour elle, croira-t-on qu'elle avait moins bien calculé l'avantage et le désavantage, que ne l'aura pu faire la Porte par l'unique considération de l'intérêt des puissances chrétiennes, sentiment si nouveau pour elle qu'on a peine à l'admettre comme le sien? Enfin, croira-t-on que la Russie soit dans l'erreur au point d'y attacher tout le fruit d'une paix, qui doit cependant être avantageuse?

La Russie insista encore sur la cession de Kertchi et Yenicale, parce que les turcs peuvent en un moment passer d'Oczakow en Crimée et en un moment jeter la confusion dans ce peuple et le remettre dans l'état d'où il vient de sortir. Kertchi et Yenicale seront 2 points d'appui, où le gouvernement tartare pourra réunir ce qui se trouvera de bien intentionnés dans la nation, et si on ne repousse pas les turcs, du moins la consommation du mal pourra être retardée, jusqu'à ce qu'il y arrive des secours de Russie. Ces deux places sont encore un gage à la Russie,

que les tartares n'insulteront point ses frontières et ne se joindront point à la Porte dans une nouvelle guerre, et quoique ni l'une ni l'autre ne soient d'aucune considération pour la marine, elles peuvent apporter quelques facilités au commerce qu'elle veut assurer à ses sujets sur la mer Noire.

La liberté du commerce et de la navigation appartient de droit naturel à tout état que sa situation appelle à en jouir, à moins qu'il n'y ait renoncé expressément. L'état de la guerre pour les deux puissances porte-il ce sacrifice de la part de la Russie, et la Porte a-t-elle droit de l'exiger d'elle? Et si sans droit elle le demande et ne l'obtient pas, qu'a-t-elle à imputer à son ennemi?

Voilà cependant contre quoi elle crie si haut. Elle a fait prononcer par ses ulémas, que la religion ne permet pas la rivalité de deux califes. Elle trouve cette rivalité dans l'indépendance des tartares, et c'est une raison présemptoire (sic) pour les puissances chrétiennes.

Serait-il besoin de relever, combien une pareille prétention est absurde? Mais il y a plus: c'est qu'elle n'est appuyée que sur une fausseté; il n'est pas vrai que l'Alcoran ait posé l'incompatibilité de deux princes indépendants dans la religion de Mahomet ou, ce qui se rapporte au même, de deux califes.

Il a existé à la fois plusieurs califes et il s'en était établi partout, où les Sarrasins formèrent des états. Les tartares, qui lisent, entendent et suivent l'Alcoran comme les turcs, disent au contraire qu'un des principes de leur livre est, qu'un prince qui peut réunir sous ses étendarts jusqu'à 12,000 sabres, est aussi libre et aussi indépendant que le plus grand monarque. Mais le fait est, qu'à mesure que la Porte a absorbé les conquètes des premiers arabes, et qu'elle a formé sa vaste monarchie de leurs différentes principautés, elle a cherché à faire la liaison de toutes ces pièces éparses par un préjugé religieux, qui la considérerait comme la source unique de toute autorité spirituelle. Ce n'est donc pas de la loi de Mahomet, mais de la politique Ottomanne, dont il s'agit; mais qu'il en soit ce qu'il voudra, est-ce à des nations chrétiennes à se soumettre à de tels systèmes, soit politiques, soit religieux? Quel rempart avaient-elles, ces nations, à opposer de leur côté à ces fiers conquérants, lorsqu'ils les dépouillaient de toutes leurs possessions en Asie et en Afrique, et qu'ils envahissaient des royaumes florissants au centre de l'Europe? Et de quel secours eut-il-été pour elle de s'appuyer sur un principe de religion, non pour refuser des conditions équitables et modérées, dont il est question aujourd'hui, mais pour se soustraire au joug le plus honteux?

La cour de Russie ne suivra point cette généralité de son intérêt avec celui de tous les états et les peuples chrétiens. Elle est gravée

sans doute dans l'âme et le coeur d'un chacun. Mais elle est sûre que sa conduite dans la paix et dans la guerre sera trouvée aussi conséquente et régulière, qu'elle est honnête et modérée.

## 2381) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 35 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

Петергофъ, 26 Іюня 1773 г.

Les principes généraux, M-r, sur lesquels les trois cours sont convenues entre elles de coopérer à la réforme du gouvernement, étant d'assurer sa tranquillité à venir, de rétablir l'équilibre des trois pouvoirs et d'empêcher que dans aucune partie de l'administration il ne se concentre une autorité prépondérante capable d'avoir des suites préjudiciables à leurs intérêts, c'est sur ce principe que vous devez juger de tout plan quelconque qui pourra vous être proposé pour l'arrangement des affaires. C'est aussi d'après eux que j'ai fait l'examen des pensées sur l'établissement futur du conseil *ad latus*, que vous m'avez communiquées. Je n'y ai rien trouvé qui ne puisse être consenti par vous et vos collègues, dès que la pluralité le demandera, si ce n'est l'établissement à vie du premier représentant de l'ordre équestre, dont je crois plus prudent de borner la durée des fonctions à l'intervalle d'une diète à l'autre. Quelque précaution que l'on prit pour fixer les limites de l'autorité d'un tel représentant, il est palpable, qu'étant à vie il ne tarderait pas à devenir le personnage le plus signifiant de l'état. Ce serait un rival de la puissance royale, à qui la voie du despotisme serait d'autant moins disputée, que regardé comme le défenseur et le gardien des lois, les entreprises les plus irrégulières de sa part auraient toujours en leur faveur l'opinion publique. Qu'on établisse un premier représentant, à la bonne heure! Mais pourquoi ne pas le rendre amovible à chaque diète, ainsi que tout autre membre du même tribunal? Il me semble que la prudence recommande plus spécialement cette précaution à l'égard de lui que de qui que ce soit. Ainsi, M-r, quelque disposition que vous puissiez voir dans la nation à établir cette charge à vie, vous devez déconseiller un tel dessein et engager vos collègues à s'y opposer avec vous.

Pour ce qui est des ministres, dès qu'on défére la nomination de ce conseil au choix libre d'une diète, je ne trouve aucune raison ni

[1]) М. Г. А. Польша III, св. 35.

justice à les en exclure; et loin qu'il y ait à craindre en les y admettant d'y accroître l'influence du Roi, il me parait au contraire que leur indépendance dans cette partie décidera plutôt celle, dont ils s'armeront dans leurs autres fonctions.

Ceci cependant je l'aurais remis à ce que la saine partie de la nation en jugera, en se réglant sur le bien réel pour l'avenir et non sur les préjugés du moment. J'ai l'honneur d'être etc.

## 2382) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 39 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

Петергофъ, 26 Іюня 1773 г.

Au moment où j'ai l'honneur de vous écrire, M-r, je suis en possession de vos lettres d'office jusqu'au № 66 inclusivement. Les dépêches de mon dernier courrier vous ont pourvu sur chaque point des résolutions nécessaires, et notamment sur la conduite que vous avez à tenir, en coopérant à la négociation séparée de vos deux collègues avec la république, à l'effet de procurer à celle-ci les conditions les plus supportables qu'il se pourra par rapport à son commerce, ainsi qu'une garantie pour le reste de ses possessions après les traités conclus. Par ces résolutions vous êtes autorisé à faire de votre mieux, pour que la république soit traitée avec modération et équité, et dans le principe de lui conserver une force intrinsèque et une considération suffisante pour l'état de puissance intermédiaire, à laquelle elle est destinée. Vous jugerez de vous même, M-r, que toute cette coopération de votre part à lui procurer un meilleur sort doit nécessairement se renfermer dans les bornes de bons offices et d'insinuations amicales, et que nous n'irons pas nous faire une affaire propre de ce qu'elle pourra ou ne pourra pas obtenir, et à cet égard je me réfère à toutes les considérations politiques, que je vous ai amplement déduites dans mes dernières dépêches, et votre prudence vous suggérera suffisamment les termes où vous devrez vous arrêter. Je suis à votre appui ici et je représente au prince Lobkovitz et au comte Solms les mêmes choses que vous faites à leurs ministres à Varsovie, afin de remettre les deux cours dans les termes de notre convention.

[1]) М. Г. А. Польша III, св. 35.

J'ai aussi eu l'honneur de vous marquer ce qu'il peut être en général accordé d'adoucissement aux instances de la république, par rapport aux séquestres et aux livraisons. Ainsi je ne trouve à présent que deux points, sur lesquels il est important de vous pourvoir d'ordres par addition.

L'un est l'inconvénient de la suspension de votre négociation, par la raison que le baron Revitzki ne sait pas, si sa cour passera l'extension des limites du Roi de Prusse.

L'autre est la crainte que vous avez, que la cour de Vienne n'appuye la cour de Varsovie à faire exclure les dissidents de la législation.

Sur le premier: il y a un état des choses, sur lequel il faut que je vous donne des lumières, mais que vous garderez par devers vous et pour votre seule direction.

Le baron Revitzki vous a dit nuement M-r, que sa cour n'avait pas encore approuvé le projet de traité du Roi de Prusse, et ce même ministre a écrit ici au prince Lobkovitz que le prince Kaunitz lui a marqué, que ce projet de traité lui ayant été présenté par le ministre du Roi de Prusse à la cour de Vienne, lequel lui avait dit en même temps, que ce même projet avait été communiqué à la cour de Russie qui l'avait approuvé, lui, prince Kaunitz, avait répondu au ministre du Roi de Prusse, que puisque la cour de Russie l'avait approuvé, il se chargeait d'en procurer aussi l'approbation de Leurs Majestés Impériales et Royales. Ainsi vous voyez, M-r, que le baron Revitzki ne vous a fait qu'une communication imparfaite de l'état et des circonstances de la chose, et cela doit vous servir pour vous règler vis-à-vis de lui. Mais comme c'est une confidence personnelle que m'a faite le prince Lobkovitz, vous ne devez absolument en laisser rien apercevoir.

Quoiqu'il en soit, ce qui vous tombe en charge dans cette contestation, c'est de faire de votre chef à m-r Revitzki, sans nommer votre cour, autant et d'aussi fortes représentations sur la démarcation de ses limites, qu'il vous a été recommandé précédemment d'en faire à m-r de Benoît; et comme ces deux cours, au milieu d'un concert dont l'une et l'autre retirent de si grands avantages, se conduisent encore par le principe d'une ancienne rivalité, et vont strictement l'une sur les pas de l'autre, de même que vous avez dû représenter à m-r Benoît le danger qu'il y avait que son exemple ne servit d'appui à de nouvelles prétentions de la cour de Vienne, de même vous représenterez au ministre de celle-ci, que les limites qu'elle fixe à ses acquisitions au delà de la convention, engagent et autorisent le Roi de Prusse à ne pas désister des siennes.

Vous vous efforcerez par cette considération et les autres, que je vous indiquais dans ma lettre № 29, de ramener les deux parties dans

le sens de la convention et à s'y tenir strictement. Vous pouvez même porter vis-à-vis de chacun des deux ministres le motif de persuasion jusqu'à lui dire, que si sa cour consent à se renfermer dans la dite convention, vous vous faites fort d'y porter l'autre, et pour vous mettre en force de ce côté là, je vous dirai que déjà nous avons l'assurance du Roi de Prusse, que si les Autrichiens veulent se borner ponctuellement à la convention, il consent à en faire autant de son côté.

C'est un champ ouvert à votre dextérité de rompre cette glace entre ces deux cours et de faire passer par votre canal ces explications qu'elles ne se feront jamais directement: enfin, si vous voyez que l'un et l'autre s'opiniâtrent à ne point céder, vous pouvez leur faire entendre comme un sentiment seulement à vous, que si les deux cours veulent absolument sortir des termes de la convention, vous jugez, qu'il ne restera d'autre parti à prendre à la votre que d'étendre aussi ses acquisitions, et que vous écrivez de votre côté pour avoir de nouveaux ordres.

«Ce n'est au reste qu'un langage à tenir aussi longtemps qu'ils ne seront pas d'accord entre eux et que par là la négociation demeurera accrochée; car s'ils peuvent convenir ensemble, soit de se souffrir mutuellement leur extension de limites, soit de s'en désister l'un et l'autre, dans un cas comme dans l'autre vous pouvez passer outre et conclure la négociation. L'objet n'étant jamais d'une importance à devoir laisser toutes choses en suspens pour le discuter et jeter l'équivoque sur la solidité de notre concert» [1]).

Quant au second point: je vous ai déjà indiqué, M-r, de faire des représentations au baron Revitzki sur cet appui de sa cour, dont celle de Varsovie cherche à se prévaloir, et aussi les raisons dont vous pouvez appuyer la cause des dissidents. Vous en ferez usage pour défendre, qu'il ne soit point apporté plus de restrictions à leur état que nous n'avons consenti d'abord à y en permettre. Vous avez à opposer à m-r Revitzki, que dans le plan autorisé des trois cours l'admission des dissidents aux places de nonces est nommément exprimée, comme ne pouvant leur être ôtée. et vous ne sauriez absolument consentir à cet arrangement sur un autre pied; en ceci engagez m-r Benoît à faire cause commune avec vous et faites bien sentir aux polonais tout ce qui peut résulter d'un pareil obstacle à l'arrangement. J'ai l'honneur d'être etc.

---

[1]) Написанное въ ковычкахъ выставлено по имянному Ея Императорскаго Величества повелѣнію.

## СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ФЕЛЬДМАРШАЛУ ГР. П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

28 Іюня 1773 г. Съ благодареніемъ за переходъ Дуная. Напечатано, по черновому списку, въ Сборникѣ, т. XIII, стр. 345 — 346. Варіанты: въ бѣловомъ спискѣ опущено слово «мнѣ» послѣ словъ «и какъ вы...». Конецъ письма, начиная со словъ: «О свободномъ проѣздѣ курьеровъ...» помѣщенъ въ PS. и читается такъ: «О свободномъ проѣздѣ курьеровъ вашихъ сквозь карантинъ сего же дня пишу къ князю Волконскому. Копію же съ того письма присемъ прилагаю».

## 2383) КОПІЯ СЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ КНЯЗЮ М. Н. ВОЛКОНСКОМУ [2]).

(Приложеніе къ предыдущему письму Императрицы къ графу П. А. Румянцеву).

Князь Михаила Никитичъ. Отправляемыхъ отъ нашего генералъ-фельдмаршала графа Румянцева куріеровъ, съ особливыми отъ него билетами, прикажите въ карантинѣ не останавливать, но, принявъ надлежащія осторожности, отправлять ихъ сюда прямо. Сіе самое сообщите и нашей гвардіи маэору Шипову, дабы съ его стороны то же самое исполнено было. Впрочемъ пребываю вамъ навсегда доброжелательною.

Въ Петергофѣ, 28 Іюня 1773 года.

## 2384) УКАЗЪ КЪ НАХОДЯЩЕМУСЯ НА СИБИРСКИХЪ ЛИНІЯХЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ ДЕКОЛОНГУ [3]).

Прилагаются при семъ копіи съ перевода, учиненнаго здѣсь, съ листа изъ Китайскаго трибунала о Калмыкахъ, въ отвѣтъ на здѣшній, отъ 9 Марта минувшаго 1772 г., и съ отправленнаго нынѣ въ ихъ трибуналъ новаго, какъ для вашего свѣдѣнія, такъ и соображенія вашихъ развѣданій въ находящейся въ сосѣдствѣ съ пре-

---

[1]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки Императрицы Екатерины II, св. 3. Напечатано было въ Сѣверн. Архивѣ, 1822 г., ч. II, стр. 334.

[2]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки Императрицы Екатерины II, св. 3.

[3]) М. Г. А. Дѣла Китайскія. Корреспонденція съ Китайскимъ дворомъ о Калмыкахъ 1771—1774.

порученною стражѣ вашей стороною Киргизъ-Кайсацкой средней ордѣ, которая, въ разсужденіи настоящаго пребыванія мѣстъ измѣнившихъ Калмыкъ, равнымъ образомъ непосредственное съ ними сообщеніе имѣть можетъ. А на репорты ваши, отъ 10 Іюля и 30 Ноября того же 1772 г., о выбѣжавшихъ въ Усть-Каменогорскую крѣпость десяти человѣкахъ Калмыкъ, слѣдующее вамъ въ резолюцію объявляется.

Содержаніе сихъ выходцевъ въ Сибири, а особливо при умножающемся можетъ быть впредь числѣ, будучи совсѣмъ неудобно, нѣкоторымъ образомъ нужнымъ дѣлаетъ отправленіе ихъ на Волгу, къ оставшимся тамъ ихъ однородцамъ; но притомъ встрѣчается и основательное сумнѣніе, чтобъ они не причинили въ нихъ разврата и не возбудили и послѣднихъ Калмыкъ, въ здѣшнемъ подданствѣ находящихся, на измѣну и на побѣгъ, равно какъ и первымъ сіи мысли внушены отъ бывшихъ между ними Зенгорцевъ.

Такимъ образомъ, чтобъ не были оные вышедшіе Калмыки, да и впредь выходящіе, при оставленіи ихъ въ Сибири, въ тягость вамъ и прочимъ тамошнимъ начальникамъ, требуя они, по состоянію своему и обстоятельствамъ, самаго ближайшаго присмотра, но чтобъ однакоже, гдѣ бы ни находились, не были же и въ состояніи производить вреда, имѣете вы, какъ сихъ отправить, такъ и впредь будущихъ отсылать, за препровожденіемъ по линіямъ, въ Оренбургъ къ тамошнему губернатору генералу-поручику Рейнсдорпу, снабдѣвая ихъ нужнымъ въ дорогу пропитаніемъ и сказывая имъ, что они возвращены будутъ на прежнія ихъ мѣста, а губернатору въ то же время сообщая копіи и съ допросовъ ихъ, каковы вамъ всегда и сюда присылать надлежитъ. По доставленіи же ихъ въ Оренбургъ имѣетъ съ ними губернаторъ поступать по даннымъ ему особливымъ наставленіямъ, и о чемъ о всемъ вы единственно для того увѣдомляетесь, чтобъ при случаѣ каждаго новаго изъ Калмыкъ выхода, и какъ они не всегда тотчасъ далѣе отправлены быть могутъ, обратили между тѣмъ вы примѣчанія ваши на различеніе изъ нихъ надежныхъ отъ ненадежныхъ, и не сыщутся-ли въ числѣ ихъ иногда и нарочно подосланные, и о томъ такожде губернатору сообщали для его употребленія; впрочемъ, такія вамъ предписанія требуютъ крайняго секрета, чтобъ Калмыкъ не отстрастить въ здѣшнее подданство возвращаться. И какъ усматривается здѣсь, между другимъ, изъ полученнаго при рапортѣ вашемъ отъ 30 Ноября допроса, учиненнаго одному изъ вышеозначенныхъ десяти человѣкъ Калмыкъ, будто захваченный измѣнниками капитанъ Дудинъ находится нынѣ у Киргизъ-Кайсакъ въ неволѣ, а сей офицеръ, котораго толь злополучная участь постигла для службы Ея Императорскаго Величества, и по человѣчеству и по справедливости заслуживаетъ, дабы удобь возможное о выручніи его стараніе употреблено было, потому наиточнѣйше и препоручается вамъ, способомъ доброжелательныхъ Киргизъ-Кайсацкихъ старшинъ и обѣщаніемъ имъ достаточнаго награжденія, искать достовѣрнѣйшія объ немъ Дудинѣ извѣстія получить, а когда увѣдомитесь, гдѣ и въ чьихъ рукахъ онъ находится, и дѣйствительно его выкупить.

Данъ въ С.-Петербургѣ, 1 Іюля 1773 г.

По имянному Ея Императорскаго Величества указу:

Гр. Н. Панинъ.

Кн. А. Голицынъ.

## 2385) РЕСКРИПТЪ КЪ ОРЕНБУРГСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ РЕЙНСДОРПУ [1]).

Нашему генералу-поручику и Оренбургскому губернатору Рейнсдорпу.

Изъ приложенной при семъ копіи съ указа, посланнаго нынѣ изъ нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ къ находящемуся на Сибирскихъ линіяхъ генералу-поручику Деколонгу, усмотрите вы о данномъ ему повелѣніи отправить къ вамъ въ Оренбургъ, вышедшихъ въ Усть-Каменогорскую крѣпость, десять человѣкъ отъ измѣнившихъ Калмыкъ, да и впредь быть могущихъ отсылать же, а вамъ симъ предписывается приказать какъ оныхъ, такъ ежели бы когда и еще подобные къ вамъ присланы были, содержать за присмотромъ въ такомъ изъ препорученной вамъ губерніи мѣстѣ, чтобъ они ни малѣйшаго сношенія съ оставшими на Волгѣ Калмыками имѣть не могли; а между тѣмъ, сообщая объ нихъ губернатору Астраханскому, а въ небытность онаго въ тамошнюю губернскую канцелярію, со всею до ихъ состоянія касающеюся подробностію, въ разсужденіи дальнѣйшаго ихъ отправленія поступать по требованіямъ губернатора Астраханскаго и тамошней губернской канцеляріи, въ которую каковъ нынѣ же въ семъ дѣлѣ отправленъ указъ, съ того, равнымъ образомъ для вашего извѣстія и употребленія, здѣсь же копія прилагается. Между тѣмъ, учиненное генералу-поручику Деколонгу предписаніе, о захваченномъ Калмыками капитанѣ Дудинѣ, служить имѣть къ надлежащему и со стороны вашей исполненію.

Данъ въ С.-Петербургѣ, 1 Іюля 1773 г.

По именному Ея Императорскаго Величества указу:
Гр. Н. Панинъ.
Кн. А. Голицынъ.

## 2386) ЧЕРНОВОЙ РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [2]).

Петергофъ, 7 Іюля 1773 г.

Евдокимъ Алексѣевичъ. Прикажите изъ остающейся въ Слободской губерніи за штатными расходами суммы выдать подполковнику Стремоухову три тысячи рублей, кои мы ему жалуемъ.

## 2387) КОПІЯ СЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КАЛГѢ-СУЛТАНУ [3]).

Сіятельный Калга-Султанъ, мой почтенный пріятель.

Извѣстясь я съ подробностію о содержаніи бывшаго въ минувшемъ Іюлѣ мѣсяцѣ между вашимъ сіятельствомъ и г. генералъ-поручикомъ и кавалеромъ княземъ Прозо-

[1]) М. Г. А. Дѣла Китайскія. Корреспонденція съ Китайскимъ дворомъ о Калмыкахъ 1771—1774.

[2]) Госуд. А. V, № 122.

[3]) М. Г. А. Турція, X, св. 3. См. ниже № 2389.

ровскимъ разговора дружественнаго и откровеннаго по случаю его васъ посѣщенія, и касающагося до тѣхъ способовъ, кои признаваются вами колико достаточными, толико и необходимыми къ приведенію въ безопасность и твердость настоящаго независимаго отечества вашего состоянія, почитаю за долгъ моего званія, а не меньше за нужно и во удовлетвореніе истинной моей къ вамъ дружбы, сдѣлать чрезъ сіе на примѣчанія и предложенія ваши, до толь важнаго вида относящіяся, мои объясненія съ полною довѣренностью къ вашему извѣстному благоразумію, преспособному вообразить все основаніе моихъ разсужденій и употребить оныя наипристойнѣйшимъ образомъ по нынѣшнему дѣлъ положенію.

Ея Императорскаго Величества, моей всемилостивѣйшей Государыни, безкорыствованіе и справедливость въ такомъ совершенствѣ оказались при освобожденіи Крымскаго полуострова и Ногайскихъ народовъ отъ порабощенія Порты Оттоманской и дарованіи имъ свободы и независимости, что для каждаго въ томъ участвующаго, столь великодушное поведеніе и столь безпримѣрное благодѣяніе весьма ощутительными быть долженствуютъ по справедливости, кольми паче вы, мой почтенный пріятель, по ближайшимъ вашимъ испытаніямъ, еще и съ точнѣйшею достовѣрностью вѣдать можете, что во всемъ томъ главнѣйше, или лучше сказать, единственно собственное татарскихъ народовъ благосостояніе искалось, да и понынѣ есть же къ тому всѣмъ убѣжденіемъ.

Желательно было, чтобъ при первомъ случаѣ, когда Крымскіе начальники, пособіемъ торжествующаго Ея Императорскаго Величества оружія, увидѣли себя свободными, и въ состояніи возстановить потерянную отечества своего верховную и независимую власть, избраніе на ханство пало и склонилось на васъ, какъ достойную особу высшей власти, по вашимъ заслугамъ и усердію къ отечеству и отмѣнной вашей прозорливости и прочимъ качествамъ достохвальнымъ; но ежели тогда сего не воспослѣдовало, а напротивъ того, по единогласному Крымскихъ чиновъ соглашенію, ханское достоинство получилъ братъ вашъ, и между тѣмъ и съ высочайшей Ея Императорскаго Величества стороны торжественно въ томъ признанъ, равно съ торжественнымъ же и точнымъ предоставленіемъ Крымскому правительству и будущихъ на ханство избраній изъ ваш-й Чингизской фамиліи, по древнимъ татарскихъ народовъ законамъ и обыкновеніямъ, къ совершенной независимости и безъ всякаго посторонняго посредства, и наконецъ и между предъявленными, со стороны Всероссійской Имперіи, Портѣ Оттоманской кондиціями, на какихъ миръ съ нею заключенъ быть можетъ, одну изъ первѣйшихъ составляетъ сіе самое требованіе, чтобъ Порта, по примѣру здѣшнему, Крымъ со всѣми тамошними жителями и народами Ногайскими признала областію независимою и хана Крымскаго, брата вашего, верховнымъ и самовластнымъ владѣтелемъ, такъ какъ и будущихъ по немъ преемниковъ: то при всѣхъ такихъ обстоятельствахъ всякое нынѣ новое предпріятіе, въ разсужденіи внутренняго области татарской правительства, и было бъ уже совсѣмъ вопреки сихъ положеній и настоятельствъ, со всѣмъ свойственнымъ обрядомъ свѣту ознаменованныхъ, да и могло бъ произвести новыя хлопоты, заботы и затруднительства въ совершеніи съ Портою мира, который, напротивъ того, по прошествіи нынѣшней кампаніи и при продолжаемомъ отъ Всевышняго благословеніи на оружіе Ея Императорскаго Величества, надѣяться надобно, и получитъ свою дѣйствительность, къ существенной татарскихъ народовъ пользѣ и выгодностямъ, во всѣ будущіе вѣка простирающимся.

При всемъ томъ я согласенъ съ вашимъ с-вомъ и съ сожалѣніемъ примѣчаю, что многіе изъ Крымскихъ начальниковъ, по нѣкоторой удивительной, отъ бывшаго

рабства, затвердѣлости и ослѣпленію ихъ разсудка, не только не перестаютъ доброжелательствовать Портѣ, державѣ только татаръ тѣснившей, но съ удовольствіемъ видѣлибъ, ежелибъ предуспѣла она распространить надъ ними по прежнему насильственное свое владычество, отнюдь не уважая всего происходящаго изъ того злоключенія.

Итакъ, чтобъ несмотря однакоже на зломысліе и ухищренія сихъ, благополучіемъ своего отечества жертвовать склонныхъ людей, Крымскій полуостровъ сохранилъ навсегда неподверженное свое настоящее состояніе и послѣ того какъ Господь Богъ благословитъ насъ вожделѣннымъ миромъ, необходимо нужно-жъ будетъ, чтобы со стороны Всероссійской Имперіи предупреждаемы были противныя на оный покушенія непрестанно продолжаемымъ бдѣніемъ и предосторожностію; поелику со стороны Порты никогда и опасность не прекратится, и по тому уже самому уваженію, что она при бывшей о мирѣ негоціаціи главнѣйшее упорство оказала въ пунктѣ признанія татаръ свободными и оставленія въ рукахъ здѣшнихъ двухъ Крымскихъ крѣпостей, Еникаля и Керчи, подавая тѣмъ довольную причину къ заключенію, что коль скоро избудетъ препятствіе, тотчасъ и устремитъ свой подвигъ къ завладѣнію Крымомъ, несмотря на обѣщанія и обнадеживанія, между тѣмъ отъ нея исторгаемыя; но тѣ двѣ крѣпостцы, будучи единственно выговорены по трактату, съ татарскою областію учиненному, для всегдашняго въ оныхъ содержанія нѣкоторой части здѣшнихъ силъ въ готовности къ отраженію непріятельскихъ замысловъ и предпріятій, точно такое употребленіе, по содержанію онаго трактата и моихъ многократныхъ вамъ уже и прежде сего бывшихъ изъясненій, и предполагаютъ, о надобности котораго ваше с-во нынѣ и сами князю Прозоровскому отзывались, слѣдовательно собственное ваше проницаніе и предоставитъ вамъ безъ сумнѣнія, что кромѣ вида безопасности Крымскаго полуострова и ближайшихъ къ его защищенію способовъ, сіи два мѣста въ здѣшнемъ вѣдомствѣ содержать совсѣмъ признавалось бы за излишнее.

Вотъ, почтенный мой пріятель, что я, соображаясь въ точности съ наступающимъ дѣлъ положеніемъ, вашему с-ву сказать хотѣлъ, ожидая съ надѣяніемъ, коимъ образомъ согласитесь вы со мною въ важности предстоящаго вашимъ желаніямъ неудобства, и которое отмѣнено быть не можетъ здѣшнимъ участвованіемъ и явнымъ посредствомъ и пособствованіемъ, не причиняя вяще предосудительныхъ слѣдствій, нежели есть настоящее духовъ волнованіе, въ которомъ нѣкоторая часть Крымскихъ жителей находится, и что потому несравненно съ лучшею пользою и пристойностію и употреблены быть могутъ вами, для приведенія себя у Крымскаго правительства въ надлежащее, по вашему званію, почтеніе и силу, къ вящему утвержденію заключеннаго между Всероссійскою Имперіею и татарскою областію союза, средства, собственнымъ вашимъ благоразумѣемъ находимыя и преподавающія вамъ отъ внутренняго отечества вашего въ правительствѣ устроенія.

Впрочемъ, ежели бы паче всякаго чаянія, дѣла до такой крайности дошли, чтобъ вы однакоже не нашли полной для себя въ отечествѣ вашемъ безопасности, и дальнѣйшее ваше тамъ присутствіе оказалось бы дѣйствительно безполезнымъ для вразумленія татаръ, а для васъ собственно бѣдственнымъ, на такой случай я имѣю точное повелѣніе отъ Ея Императорскаго Величества здѣсь же вамъ объявить, что отъ васъ будетъ зависѣть возмѣть тогда прибѣжище въ границы Ея Величества Имперіи, и что вы будете приняты и снабдѣны, и содержаніемъ пристойнымъ вашему состоянію и породѣ, и какъ и такая еще особа, которая благоразумнымъ къ отечеству своему усердіемъ и исканіемъ прямой его пользы, что все моя всемилостивѣйшая Государыня въ

*

достойной изволитъ содержать цѣнѣ, пріобрѣла къ себѣ высочайшее Ея Императорскаго Величества благоволеніе и отличность. Я же всегда былъ, да и впредь останусь къ вашему с-ву доброжелательнымъ и усерднымъ.

Въ Петергофѣ, 14 Іюля 1773 года.

## 2388) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ № 7 КЪ КН. В. М. ДОЛГОРУКОВУ [1]).

Нашему генералу-аншефу князю Долгорукову.

Хотя за неокончаніемъ настоящей кампаніи и не можемъ мы сдѣлать точнаго заключенія о продолженіи войны на будущій годъ, однако представленіе ваше объ учиненіи предпріятія на Кинбурнъ мы всемилостивѣйше апробуемъ, яко пріемлемую заблаговременно мѣру для нанесенія вреда непріятелю. Мы потому повелѣваемъ вамъ принять всѣ надлежащія распоряженія и постараться предпріятіе сіе произвести въ дѣйство, буде не приближающеюся осенью, то, по крайней мѣрѣ, будущею весною; а въ то же время и обратить оное на Очаковъ, наблюдая, чтобъ потеря и издержки наши притомъ были меньше сколь возможно, чего ради обо всемъ потребномъ и надлежитъ вамъ заранѣе снестись съ тѣми мѣстами, отъ коихъ то получить должно.

Что же надлежитъ до отпуска генерала-поручика князя Прозоровскаго на представляемый вами срокъ ради поправленія его дѣлъ и здоровья, то мы всемилостивѣйше оставляемъ вашему благоразсужденію, какъ его уволить, такъ и поручить команду его тому генералу, котораго вы сами способнымъ къ оной признаете, и пребываемъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ Петергофѣ, 17 Іюля 1773 года.

Екатерина.

## 2389) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ № 8 КЪ КН. В. М. ДОЛГОРУКОВУ [2]).

Нашему генералу-аншефу князю Долгорукову.

Мы заблагоразсудили, по случаю бывшаго разговора у Калги-Султана съ генераломъ-поручикомъ княземъ Прозоровскимъ о настоящихъ Крымскаго полуострова обстоятельствахъ, и о чемъ вы реляціею вашею, отъ 19-го минувшаго Іюня, сюда доносили, повелѣть отвѣт-

---

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3.

[2]) М. Г. А. Турція, X, св. 3. См. № 2387.

ствовать къ нему, Калгѣ-Султану, со изъясненіемъ здѣшнихъ мнѣній, письмомъ партикулярнымъ нашему д. т. с. графу Панину, которое и съ копіею, для вашего извѣстія и употребленія, присемъ приложено быть имѣетъ, а вы по полученіи отправите оное въ Крымъ къ князю Прозоровскому, предписывая ему, чтобъ доставилъ Калгѣ-Султану и васъ увѣдомилъ, въ какихъ мысляхъ сей татарскій начальникъ послѣ того находиться будетъ. Впрочемъ же пребываемъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ Петергофѣ, 17 Іюля 1773 года.

Екатерина.

## СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ФЕЛЬДМАРШАЛУ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

18 Іюля 1773 г. Напечатано, по черновому списку, въ Сборникѣ, т. XIII, стр. 349—351. Варіанты: стр. 349, строка 5-я письма—„нежели", въ бѣловомъ—„какъ"; стр. 11-я—вм. „причиняя"—„причинивъ"; стр. 19-я—вм. „окромѣ"—„кромѣ какъ"; стр. 25-я—послѣ слова „интригамъ" вставлены слова „и интригантамъ"; послѣ „ихъ" вставлено „двоякости"; вм. „людей же"—„о людяхъ". Стр. 350, строки 3 и 4—вм. „толикіе опыты"—„толико опытовъ"; стр. 7-я—запятая послѣ „васъ" должна быть перенесена послѣ слова „персонально"; стр. 8-я—послѣ „то есть" должно быть вставлено „къ"; стр. 12-я—вм. „исчезать"—„исчезнуть"; стр. 13-я—вм. „исчеканенная"—начеканенная"; стр. 20—вм. „многотрудный весьма"—„весьма многотрудный"; стр. 33-я—вм. „въ какихъ бы вы"—„вы въ какихъ бы". Стр. 351, строка 12-я—вм. „нанести"—„наносить"; стр. 18-я—вм. „объ"—„о"; стр. 19-я—вм. „награжденія", „оныхъ"—„награжденіе", „онаго"; стр. 29—вм. „оружіями россійскими"—„оружій россійскихъ"; стр. 30-я—вм. „дѣла соотвѣтствующаго"—„дѣлъ соотвѣтствующихъ"; стр. 31-я—вм. „если"—„еслибы".

Это же письмо напечатано въ книжкѣ: Переписка Императрицы Екатерины II съ графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ (Москва 1805 г., стр. 12—22) [2]), по *бѣло-*

---

[1]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки имп. Екатерины II, св. 3.

[2]) Эта книжка (всего 86 страницъ 8°) была напечатана вторымъ изданіемъ, въ Москвѣ же, въ 1808 г. (См. Роспись Россійскимъ книгамъ А. Смирдина, Спб. 1828, стр. 199).—Въ началѣ ея напечатанъ нижепомѣщаемый рескриптъ Императрицы Екатерины II къ князю М. М. Щербатову, не вошедшій въ составъ собранія „Бумагъ Императрицы", изданнаго Имп. Русскимъ Историческимъ Обществомъ (Срав. Отчетъ о чрезвычайномъ собраніи Общества 25 Ноября 1873 г., стр. VIII, въ томѣ XIII Сборника). *Рескриптъ къ князю М. М. Щербатову, сочинителю Россійской Исторіи.* „Князь Михайло Михайловичъ! Для будущихъ времянъ сіи письма будутъ любопытны; велите ихъ вѣрною рукою списывать: оригиналы мнѣ возвратите, а копіи у себя сохраните. Вы увидите изъ оныхъ многое множество вещей, если съ прилежаніемъ ихъ прочтете, и думаю, что не моя сторона останется слабѣйшая.

Получено Декабря 10 дня 1773 года".

*вому* списку съ немногими варіантами, изъ коихъ значителенъ только слѣдующій: стр. 349, строка 11-я снизу: „о всѣхъ *трудностяхъ* перехода чрезъ Дунай", а въ изданіи 1805 г.—„о всѣхъ *подробностяхъ* перехода чрезъ Дунай".

## 2390) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГЕРЦОГИНѢ КУРЛЯНДСКОЙ КАРОЛИНѢ [1]).

A Péterhof, ce 19 Juillet 1773.

Madame ma cousine. J'ai déjà fait parvenir les ordres nécessaires à mon ministre à Varsovie, pour qu'il travaille à faire avoir à Votre Altesse la confirmation de la diète sur son arrangement avec le duc son époux. Le ministre du Roi de Prusse fera cause commune avec lui. Votre demande est trop juste et sera trop bien recommandée pour qu'elle ne réussisse pas. Quant à ma garantie je vous ai déjà promis un soin particulier et une protection décidée pour vos intérêts. C'est avec bien du plaisir que je vous réitère ici la même assurance, et mon intention est, qu'elle ait pour vous le même effet et la même valeur que l'acte de garantie le plus authentique. Sur ce je prie Dieu, qu'il vous ait, Madame ma cousine, en sa sainte et digne garde.

De Votre Altesse

l'affectionnée etc.

## 2391) УКАЗЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ [2]).

Указъ нашему тайному дѣйствительному совѣтнику графу Панину.

По извѣстному вамъ особливому домогательству имѣете вы выдать изъ наличныхъ субсидныхъ денегъ двадцать пять тысячъ рублевъ тому человѣку [3]), о которомъ мы вамъ словесно повелѣли, взявъ съ него достовѣрную росписку, которая въ свое время имѣетъ быть предъявлена при разсчетѣ остающихся на насъ Шведскихъ долговыхъ денегъ.

Екатерина.

Въ Петергофѣ, Іюля 23 дня 1773 г.

---

[1]) М. Г. А. Курляндія, I, св. 2.

[2]) М. Г. А. Именные указы 1768—1778 г.

[3]) Рѣчь идетъ о Шведскомъ посланникѣ при русскомъ дворѣ, баронѣ Риббингѣ.

## 2392) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛАННИКУ И. М. СИМОЛИНУ ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ [1]).

(Безъ даты. Отвѣтъ Императрицы на письмо короля Датскаго о заключеніи трактата писавъ 27 Іюля 1773 г. см. № 2393).

J'ai l'honneur d'accompagner ci-joint, M-r, la réponse de l'Impératrice à la lettre du Roi sur la conclusion des traités actuels entre les deux cours. Quoiqu'il ne soit pas possible d'ajouter aux expressions, dont Sa Majesté Impériale s'est servie pour marquer sa satisfaction de ce grand évènement, vous ne manquerez pas, M-r, soit en remettant la lettre an ministère, soit en la présentant vous même à Sa Majesté Danoise, d'assurer que rien ne saurait donner une joie plus sincère à l'Impératrice, que de voir hors de toute atteinte l'union naturelle des deux monarchies et l'amitié sincère qui, subsiste entre elle et le Roi, affranchie de toutes considérations partielles dans leurs vues à concourir respectivement au bonheur de leurs peuples.

Ceci vous annonce déjà, M-r, que nous avons signé (m-r le vice-chancelier et moi avec m-r de Numsen) le traité d'alliance perpétuelle et l'acte séparé. Nous avons aussi procédé à l'échange des ratifications, et tous les instruments en sont envoyés à la cour de Danemark par son ministre, par le même courrier qui se charge de cette lettre. Les projets vous sont connus, je n'ai qu'à vous dire que nous avons admis et suivi sans changement l'article 3 proposé par la cour de Danemark. L'Impératrice, qui ne juge de ses propres avantages que proportionellement à ceux de son allié, ne pouvait qu'entrer dans les considérations, que le Roi lui a fait exposer sur la force et la nature du secours respectif; et surtout l'attention si délicate, avec laquelle Sa Majesté Danoise, sans être arrêtée par ces considérations, a remis à l'Impératrice le choix des deux articles et a fait expédier sa ratification sur l'un et l'autre, n'a pas permis à Sa Majesté de balancer sur ce qu'elle avait à faire. De plus elle pense, que lorsque le cas d'une alliance arrive, les dispositions respectives de deux cours règlent mieux que tout engagement quelconque leur concours effectif au besoin existant, et à cet égard elle n'a que des voeux à faire, que celles qui doivent subsister invariablement entre sa cour et celle de Copenhague, prennent règle de cette confiance que se montrent à l'envi l'un de l'autre, l'Impératrice et le Roi. J'ai l'honneur d'être etc.

---

[1]) М. Г. А. Данія III, св. 10.

## 2393) ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ДАТСКОМУ КОРОЛЮ ХРИСТІАНУ VII [1]).

Peterhof, ce 27 Juillet 1773.

Monsieur mon frère! Pénétrée moi-même de la plus vive satisfaction en voyant heureusement conclue une alliance intime et perpétuelle entre nos deux monarchies, l'objet de nos désirs personnels et le but de notre système politique, rien ne peut la rendre plus parfaite que la joie que Votre Majesté ressent de cet évènement et la façon dont elle l'exprime dans sa lettre. C'est à une connaissance également appréciée des intérêts de nos états et surtout à une confiance et une amitié, qu'aucune situation n'a pu faire chanceler, que nous devons d'avoir écarté tout sujet de réserve et d'inquiétude de notre union. C'est à la fidélité aux mêmes principes et aux mêmes sentiments, que nous devrons d'en développer et perpétuer tous les avantages à nos peuples. Tout ce qui peut à ce sujet établir la certitude dans l'esprit d'un allié m'est dit par Votre Majesté et mes propres dispositions en achèvent l'impression. Mes principes feront toujours le bonheur de nos états respectifs et la tranquillité des autres. Je les suivrai constamment et de concert avec Votre Majesté et avec cette activité, que donne toujours à une alliance une amitié aussi parfaite que celle avec laquelle je suis.

Monsieur mon frère,
de Votre Majesté
la bonne soeur, amie et alliée
Catherine.

## 2394) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОВѢРЕННОМУ ВЪ ДѢЛАХЪ ВЪ ПАРИЖѢ Н. К. ХОТИНСКОМУ [2]).

Петергофъ, 27 Іюля 1773 г.

На отправленіе въ Россію явившихся къ вамъ изъ Камчатки ушедшихъ здѣшнихъ подданныхъ [3]), вслѣдствіе письма вашего отъ 20 Іюля, по волѣ Ея Императорскаго Величества посылаю къ вамъ при семъ кредитивъ на 2000 р. Зная къ службѣ раченіе ваше, не сумнѣваюся, что вы стараться будете при семъ случаѣ оказать вашу исправность какъ въ отправленіи сюда тѣхъ людей, такъ и въ присылкѣ ко мнѣ счета, сколько на то употребили, дабы я оныя деньги могъ здѣсь выдать тому, отъ кого кредитивъ вамъ доставляю. Впрочемъ остаюсь и проч.

---

[1]) М. Г. А. Данія I, св. 1.
[2]) М. Г. А. Франція III, св. 13.
[3]) См. выше № 2377.

## 2395) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛАННИКУ И. М. СИМОЛИНУ ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ [1]).

Петергофъ, 30 Іюля 1773 г.

En vous faisant part, M-r, que m-r de Saldern s'est résolu de s'embarquer sur la frégate Danoise «la Christiansoe», qui est venue mouiller dans le port de Cronstadt, j'ai aussi l'honneur de vous prévenir qu'il va se rendre incessament à bord de ce vaisseau, afin de profiter encore de la bonne saison pour son trajet. Il aura soin de vous donner avis de son arrivée, et il se propose d'entretenir une correspondance exacte et suivie avec vous, pour vous mettre graduellement au fait de son opération, qu'il entamera aussitôt que faire se pourra avec le commissaire Danois, en conformité des traités provisionel et définitif.

Vous aurez la bonté de faire part de ceci au ministère Danois et vous y ajouterez que m-r de Saldern est muni de la part de Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand Duc d'amples instructions et des pouvoirs nécessaires sur la manière dont il doit procéder conformément aux susdits traités; surtout il lui est prescrit de tenir un protocole avec le commissaire de S. M. Danoise, pour convenir par des règles et des principes préalables sur l'exécution de tout ce qui peut concerner l'échange, dont leurs maîtres sont convenus. Les ordres donnés à m-r de Saldern portent expressément d'envoyer successivement la copie du dit protocole au Grand Duc.

Vous ne manquerez pas, M-r, de faire observer au ministère Danois la nécessité de cette forme de procéder dans une opération de cette importance, tant pour la dignité de l'objet, que pour obvier par la suite à toute explication arbitraire.

J'ai encore à vous charger de vous expliquer avec le ministère du Roi sur deux objets dont j'ai entretenu ici m-r de Numsen. Le premier est, que la chapelle de l'église russe à Kiel y soit conservée sur le même pied où elle a été sous le règne du Grand Duc et sous ses prédécesseurs, et qu'elle soit relevante de l'ambassade de Russie en Danemark. Cet objet nous importe par la raison de l'extension de notre commerce, que les traités d'échange et notre alliance ont en vue de favoriser spécialement, et se trouve fondé dans les principes de cette transaction à jamais mémorable, qui vient de détruire tout germe de mésintelligence dans la maison de Holstein, que toutes choses seront conservées *in statu quo.*

---

[1]) М. Г. А. Данія, III, св. 10.

Le second est que le Grand Duc espère, que tous ses serviteurs en Holstein, de quelque titre ou grade qu'ils soient, à qui telle convenance ne permet pas d'entrer au service du Roi, conserveront, selon leur caractère et titre, le même rang dont jouissent ceux du Roi, qui portent le même caractère ou titre.

Ces insinuations et ces ouvertures seront faites ministérialement par vous au ministère de Danemark. J'ai remis une copie de cette lettre à m-r de Saldern, qui vous en fera communication la première fois qu'il vous écrira, et quoique j'y aie détaillé les objets, je suis persuadé que généralement vous vous ferez un plaisir, de faire tous les offices, dont il vous requérera pendant la durée de sa commission. J'ai l'honneur d'être etc.

## 2396) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛАННИКУ ВЪ КОПЕНГАГЕНѢ И. М. СИМОЛИНУ [1]).

Петергофъ, 30 Іюля 1773 г.

J'ai mis sous les yeux de l'Impératrice, M-r, ce qui vous a été fait entendre par le prince Frédéric du désir qu'aurait le Roi de vous décorer d'un de ses ordres. Sa Majesté Impériale en tout temps, M-r, tiendrait compte à son ministre d'avoir mérité l'approbation de ce prince, et lui permettrait d'en recevoir des marques distinctives. Dans un moment qui vient de décider si heureusement de l'union perpétuelle des deux monarchies et de l'amitié inaltérable des deux branches de la maison de Holstein, l'Impératrice regarde la distinction que ce Roi veut vous faire comme une grâce qu'elle vous ferait elle-même et comme un témoignage de sa propre satisfaction. C'est dans ces termes, M-r, que Sa Majesté m'ordonne de vous notifier la permission qu'elle vous donne de recevoir le cordon que le Roi, son allié, vous a destiné, et qu'elle se plait a vous rendre cette décoration plus sensible par le contentement qu'elle en témoigne. J'ai l'honneur d'être etc.

## 2397) ОБЪЯСНЕНІЕ ПОБУДИТЕЛЬНЫХЪ ПРИЧИНЪ КЪ ЗАКЛЮЧЕНІЮ СЪ ДАНІЕЙ ЗАПАСНАГО ПО ГОЛШТИНСКИМЪ ДѢЛАМЪ ТРАКТАТА [2]).

(Трактатъ съ Даніей былъ заключенъ 1 Августа 1773 г.).

Извѣстно, что въ 28 день Февраля 1765 г. заключенъ между Ея Императорскимъ Величествомъ и королемъ Датскимъ трактатъ дружбы, гарантіи и союза, и что

[1]) М. Г. А. Данія, III, св. 10.

[2]) М. Г. А. Голштинія, IX, св. 1. Это „Объясненіе“ повидимому предназначено было для великаго князя Павла Петровича.

вторымъ сего трактата артикуломъ точно договоренось, чтобъ въ разсужденіи обращающихся между короною Датскою и герцогскимъ Голштейнъ-Готторпскимъ домомъ разныхъ споровъ, разрушающихъ толь часто доброе между Россіей и Даніей согласіе, учинить въ непродолжительномъ времени, черезъ назначиваемыхъ съ обѣихъ сторонъ министровъ, такое запасное распоряженіе, которымъ бы всѣ донынѣ бывшія распри удобнѣйшимъ и такимъ образомъ пресѣчены были, дабы Его Императорское Высочество при будущемъ совершеннолѣтіи, посредствомъ добрыхъ Ея Императорскаго Величества оффицій, побужденъ былъ въ дѣйство произвесть оную запасную сдѣлку.

Вслѣдствіе торжественныхъ сихъ, между Ея Императорскимъ Величествомъ и королемъ Датскимъ, обязательствъ, назначены были съ обѣихъ сторонъ въ 1766 и 1767 годахъ министры, которые, съѣхавшись въ Копенгагенѣ, по держаннымъ въ собраніяхъ своихъ пространнымъ протоколамъ, напослѣдокъ привели къ совершенству запасный съ шестью сепаратными артикулами трактатъ, который вскорѣ потомъ Ея Императорскимъ Величествомъ и Его Датскимъ Величествомъ, съ присовокупленіемъ торжественныхъ обѣщаній, апробованъ и ратификованъ.

Прежде вступленія въ точное раздробленіе всѣхъ артикуловъ запаснаго трактата, надобно объяснить тайныя побудительныя причины и основаніе онаго.

Тишина и спокойствіе во всѣхъ сѣверныхъ областяхъ были главнымъ предметомъ натуральнаго союза и безпрерывной дружбы между Россіей и Даніей. Франція, какъ извѣстно, съ начала сего столѣтія явными и потаенными инфлюенціями устремляла всѣ свои подвиги, чтобъ привлечь въ свою зависимость обоихъ сѣверныхъ королевствъ, Данію и Швецію. Весьма легко было Франціи имѣть Данію въ своихъ сѣтяхъ до тѣхъ поръ, пока не пресѣклись распри между сею короною и Голштейнъ-Готторпскимъ домомъ; слѣдовательно, не было возможности подумать о установленіи системы въ Сѣверѣ, опорствующей Франціи, ниже о надежномъ сбереженіи сѣвернаго покоя, пока не искоренятся споры между Даніей и Голштиніей, ибо единственно только изъятіемъ изъ среды сего камня претыканія установиться можетъ истинная и взаимная, между Россіей и Даніей, дружба и довѣренность.

Еще въ тогдашнее время прилагала Франція усерднѣйшее свое стараніе о произведеніи въ Швеціи той революціи, которая въ нынѣшнемъ году дѣйствительно и воспослѣдовала и довольно открыла происки Франціи къ возбужденію въ Сѣверѣ безпокойствъ. Безспорно, что тѣ причины, которыя побудили Ея Императорское Величество къ заключенію съ Даніей запаснаго трактата, нынѣ важнѣе еще стали, и заставляютъ уже исполнить оный трактатъ со стороны Его Императорскаго Высочества, хотя бъ и не было таковыхъ святыхъ обѣщаній и обязательствъ, каковы въ самомъ дѣлѣ суть, и которыя не подвергаютъ уже сумнѣнію совершеніе онаго трактата. Но Ея Императорское Величество имѣла еще особливые виды, относительные къ особенному Россійской Имперіи интересу.

Данія, по зависти къ ней со стороны Шведской, должна наблюдать безпрерывный съ Россіей союзъ; по сему правилу надобно датскую морскую силу почесть оградою для всей Балтики, слѣдовательно и не осмѣлится уже шведскій флотъ тамо появиться, когда россійскій и датскій, по установленнымъ правиламъ, соединенными пребудутъ. Есть еще и другія уваженія, основывающіяся на естественной пользѣ россійскаго мореплаванія и торговли, какъ изъ 1-го и 2-го сепаратныхъ артикуловъ упомянутаго трактата явствуетъ, и по которымъ для россійской торговли въ Балтикѣ и въ самомъ Зундѣ выговорены знатныя для переду выгоды.

Кромѣ реченныхъ уваженій, не безъ важности для Россіи и то примѣчаніе, что особа Россійскаго цесаревича и престола преемника, въ качествѣ герцога Голштинскаго, считается навсегда вассаломъ Германской Имперіи и Императора, и при каждомъ случаѣ, по спорнымъ германскимъ дѣламъ или же по одной Голштиніи, вовлекаема быть можетъ во многія хлопоты, не упоминая о разныхъ другихъ несходствахъ, которымъ подвергаетъ Его Императорское Высочество подобное вассальство по толикой отдаленности мѣста.

Съ означенными уваженіями соединяются и другія основательныя причины, по которымъ совершенное истребленіе всѣхъ по Голштиніи споровъ какъ нынѣ, такъ и для переду, всегда за нужно признано быть имѣетъ. Ея Императорское Величество, какъ извѣстно, о будущемъ прочномъ пристроеніи младшей линіи Готторпскаго дома щедрѣйшее попеченіе имѣть изволитъ. Тотъ же предметъ безъ сумнѣнія на сердцѣ лежать будетъ и у государя цесаревича, ибо Его Высочеству, оставаясь навсегда главою всего Готторпскаго дома, по одному сему званію приличествуетъ усердствовать о пристроеніи младшихъ принцевъ высокаго своего дому, безъ предосужденія Россійской Имперіи и безъ отягощенія ея.

Все вышеписанное побудило Ея Императорское Величество къ заключенію запаснаго трактата, которымъ размѣнъ Голштиніи на графства Ольденбургское и Делменгорстское установляется, и государю цесаревичу представляется полная свобода, либо оставлять оныя за собою яко эквивалентъ, или употребить оныя на сходное младшей линіи пристроеніе, къ пріобрѣтенію себѣ, у всѣхъ высокаго дому своего наслѣдниковъ и будущаго ихъ потомства, безсмертной славы.

Присемъ примѣчается, что герцогство Голштинское отягощено было почти двумя милліонами старыхъ и новыхъ долговъ, которые, поелику оныхъ еще не заплачено, въ силу запаснаго трактата Даніи одной достаются заплатить; графства же Ольденбургское и Делменгорстское отданы быть имѣютъ Его Императорскому Высочеству безъ малѣйшаго долгу, а сверхъ того выговорены для младшей линіи какъ деньгами, такъ и ренунціяціею датскою на епископство Любское знатныя выгоды; при чемъ и то уважаемо быть заслуживаетъ, что Россія и въ случаѣ уступки Его Императорскимъ Высочествомъ реченныхъ графствъ ближнему свойственному младшей линіи, всегда чрезъ него же и чрезъ доставляемый ему на имперскомъ собраніи голосъ имѣть будетъ надежную инфлюенцію, а съ меньшимъ предосужденіемъ, нежели въ такомъ случаѣ, когда связь вассальства обращаться будетъ между Самодержцемъ Россійской Имперіи и Римскимъ Императоромъ.

Теперь остается приступить къ прочтенію и разсмотрѣнію самого трактата, съ сепаратными его артикулами и приложеніями, для достовѣрнаго усмотрѣнія, какія не токмо для всего Голштинскаго дома, но и для самой Россіи, происходятъ существительныя для переду выгоды отъ прекращенія Голштинскихъ распрей.

Содержаніе заключеннаго въ Копенгагенѣ въ 11/22 день Апрѣля 1767 года, между Ея Императорскимъ Величествомъ и Его Датскимъ Величествомъ запаснаго трактата, изъ 34 артикуловъ состоящаго и принадлежащихъ къ тому 6-ти сепаратныхъ и секретныхъ артикуловъ. Начало онаго трактата изображаетъ побудительныя, обоихъ содоговаривающихся дворовъ, причины къ установленію сего трактата, а особливо увѣреніе о сохраненіи прочной въ Сѣверѣ тишины:

(Слѣдуетъ изложеніе трактата, вмѣстѣ съ сепаратными и секретными артикулами).

По учиненномъ теперь подробномъ разсмотрѣніи сего запаснаго трактата съ секретными артикулами, и по зрѣломъ уваженіи всѣхъ, со стороны Ея Императорскаго Величества, обязательствъ и обнадеживаній, Его Императорское Высочество по собственной своей прозорливости конечно удостовѣрится не токмо о томъ, съ какимъ блаженнымъ намѣреніемъ, для его отечества и всей сѣверной тишины, его Государыня мать заблаговременно разобрать, согласить и опредѣлить изволила всѣ предметы взаимныхъ обязательствъ того трактата, такъ какъ и о надобности произведенія въ дѣйство онаго къ славѣ Россійской Имперіи, но и о томъ, что по нынѣшнему положенію политическихъ въ Европѣ дѣлъ, тѣсное и неразрывное соединеніе Россійскаго и Датскаго дворовъ еще стало наипаче нужно, и что къ собственной, государя цесаревича, славѣ служить должно, когда Его Высочество, усердствуя толь благовременно о существительной Россійской Имперіи пользѣ, по внутреннему взобличенію своему исполнить торжественныя, всеавгустѣйшей Государыни матери своей, обѣщанія.

## 2398) ИНСТРУКЦІЯ НАЗНАЧЕННОМУ ВЪ ПАРИЖЪ ПОЛНОМОЧНЫМЪ МИНИСТРОМЪ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРУ КНЯЗЮ И. С. БАРЯТИНСКОМУ [1]).

*Быть по сему.*

(Апробована Ея Императорскимъ Величествомъ 25 Іюля 1773 г.).

Изъ прочтенныхъ здѣсь бумагъ могъ уже онъ, господинъ генералъ-маіоръ, подробно извѣститься, какъ о причинѣ случившагося предъ нѣкоторымъ временемъ пресѣченія во взаимномъ между Россіею и Франціею содержаніи, на обѣ стороны характеризованныхъ, министровъ, такъ и объ образѣ, коимъ настоявшій о томъ споръ собственнымъ Версальскаго двора упрежденіемъ изъ среды изъятъ былъ, скоро по отставкѣ отъ дѣлъ дюка Шуазеля и по вступленіи въ министерство нынѣшняго статскаго секретаря дюка Д'Егильона.

Въ семъ разсужденіи министерство почитаетъ за излишно объяснять вновь все донынѣ происходившее, а примѣчаетъ только здѣсь вкратцѣ, что кредитивная грамота написана и съ здѣшней стороны, въ отмѣну прежняго обычая, на латинскомъ языкѣ, по примѣру того, какъ Версальскій дворъ оное сдѣлалъ; что въ сей грамотѣ, слѣдуя французскому же примѣру, означено министерское качество однимъ наименованіемъ *Legatus*, и что тѣмъ не меньше надобно будетъ ему, господину генералъ-маіору, неотмѣнно требовать и домогаться, чтобъ онъ по сему наименованію легата принятъ и признанъ былъ отъ Версальскаго двора сущимъ полномочнымъ министромъ, подобно какъ при нашемъ дворѣ присвоилъ такое качество господинъ Дюранъ,

---

[1]) М. Г. А. Франція, III, св. 13. Концептъ, съ собственноручной апробаціей Императрицы, находится въ «Именн. указахъ 1768—1778 гг.» л. 287—321.

поданною имъ объяснительною запискою, по наименованію его въ королевской инструкціи полномочнымъ министромъ.

Не можетъ статься, чтобъ въ семъ случаѣ могло послѣдовать и самое малѣйшее затрудненіе, ибо инако Французскій дворъ самъ бы себѣ воспротивурѣчилъ, и самъ же бы собственное дѣло опровергнулъ: чего ради, предполагая несумнѣнно безспорное принятіе и признаніе его, господина генералъ-маіора, въ качествѣ полномочнаго министра, приступаетъ министерство Ея Императорскаго Величества далѣе къ описанію тѣхъ обрядовъ, коими ему по общимъ всѣхъ дворовъ обыкновеніямъ министерство свое открыть и установить должно; къ начертанію затѣмъ политической картины всѣхъ нашихъ сопряженій съ другими дворами, также и общей, всѣхъ Европейскихъ дворовъ между собою, связи, поколику оная до дѣлъ и службы Ея Императорскаго Величества относиться можетъ, а напослѣдокъ — къ положенію нѣкоторыхъ предварительныхъ правилъ къ будущему его руководству въ тѣхъ пунктахъ, кои по настоящему обозрѣнію легко представиться могутъ или слѣдствіемъ общей французской системы противу Россіи, или же отраслью частныхъ подвиговъ Версальскаго двора, по дѣламъ съ Россіею другихъ державъ.

Относительно первой части, то есть обрядовъ, коими г-ну генералъ-маіору, по общимъ обыкновеніямъ, министерство свое открыть и установить, довольно слѣдующихъ примѣчаній:

1-ое.

По прибытіи въ Парижъ, первое его попеченіе имѣетъ быть увѣдомить о томъ немедленно статскаго секретаря иностранныхъ дѣлъ и требовать у него времени для свиданія, на которомъ, по учиненіи пристойныхъ отъ имени Е. И. В. дружескихъ привѣтствій къ Е. В. королю Французскому, сообщить въ началѣ копію съ кредитивной своей грамоты (которая присемъ слѣдуетъ и съ копіею), а потомъ, условясь о вышеизъясненномъ для себя дѣйствіи употребленнаго въ оной грамотѣ наименованія *Legatus*, просить о исходатайствованіи ему пріемныхъ аудіенцій у короля, а затѣмъ и у всей королевской фамиліи.

2-ое.

Отъ употребительнаго при Французскомъ дворѣ этикета имѣетъ впрочемъ зависѣть образъ первыхъ г-на генералъ-маіора свиданій и визитъ, какъ съ знатными земскими особами и министрами, такъ и съ дипломатическимъ корпусомъ иностранцевъ, ибо Высочайшее Е. И. В. намѣреніе, въ разсужденіи министровъ ея при другихъ дворахъ, есть такое, чтобъ они, въ достодолжное охраненіе ввѣряемыхъ имъ характеровъ, отнюдь никогда и ни для чего не компрометировали достоинства оныхъ ни излишними для себя отъ другихъ требованіями, ни безвре-

менными и непристойными, опять съ своей стороны, уступками сверстникамъ своимъ въ таковыхъ случаяхъ, гдѣ бы кто изъ нихъ, съ примѣтною аффектаціею нѣкоего преимущества, изыскивать сталъ.

3-іе.

При поднесеніи Е. В. королю Французскому кредитивной Императорской грамоты, не оставитъ г-нъ генералъ-маіоръ препроводить оную пристойною отъ себя рѣчью по содержанію ея, а равномѣрно сдѣлать и всей королевской фамиліи сходственныя привѣтствія, когда онъ ей обыкновеннымъ образомъ представленъ будетъ, наблюдая бдѣннымъ окомъ какъ тутъ, такъ и въ обрядахъ самой у короля аудіенціи, чтобъ вездѣ обыкновенный этикетъ съ нимъ сохраняемъ былъ, безъ всякой отмѣны и новости, противу другихъ иностранныхъ министровъ одинаковаго качества.

4-ое.

Не къ обрядамъ уже легитимаціи принадлежитъ, чтобъ г-нъ генералъ-маіоръ, во все время будущаго своего министерства, наблюдая скромное и званію породы и качества его во всѣхъ частяхъ соотвѣтствующее поведеніе, паче всего въ самомъ началѣ употребилъ всевозможное стараніе подать о себѣ выгоднѣйшія импрессіи, и сдѣлать персону свою пріятною двору и всей публикѣ, а особливо министерству, ибо сей путь есть лучшій, надежнѣйшій и кратчайшій къ пріобрѣтенію общаго почтенія и повѣренности, слѣдовательно же и къ поспѣшествованію самыхъ дѣлъ и интересовъ Ея Императорскаго Величества. Извѣстное благоразуміе г-на генералъ-маіора не оставляетъ мѣста сумнѣнію, чтобъ онъ самъ собою не чувствовалъ сей истины въ полномъ ея пространствѣ, и чтобъ потому опять не обратилъ всѣхъ своихъ похвальныхъ способностей къ оправданію полагаемой на него, министерствомъ Ея Императорскаго Величества, совершенной въ томъ надежды.

Въ объясненіе и опредѣленіе обѣщанной выше сего политической картины всѣхъ нашихъ сопряженій съ другими дворами, также и общей всѣхъ Европейскихъ дворовъ между собою связи, слѣдуетъ здѣсь сказать:

1-е, что съ королемъ Прусскимъ имѣетъ Ея Императорское Величество точныя и тѣснѣйшія союзныя обязательства, по которымъ сей государь, во все время нынѣшней войны, подавалъ намъ чрезъ платежъ договорныхъ субсидій дѣйствительную помочь; что сіи обязательства, отъ времени по востребованію обстоятельствъ, распространяемы и апрессируемы были; что такимъ образомъ оныя, касаясь равно до всѣхъ нашихъ дѣлъ, именно и весьма ясными словами объемлютъ еще какъ польскія наши хлопоты, такъ не меньше и за-

пасныя наши мѣры противу схваченнаго королемъ Шведскимъ, въ отечествѣ своемъ, неограниченнаго почти самовластія, ибо Его Прусское Величество не только въ первыхъ принялъ и теперь продолжаетъ принимать формальное участіе, но и по поводу послѣднихъ призналъ уже, случившееся въ Швеціи, дѣйствительнымъ настояніемъ казуса его съ нами союза, и что напослѣдокъ онъ, взявъ на себя, въ мирной нашей съ Портою негоціаціи, общее и согласное съ Вѣнскимъ дворомъ употребленіе добрыхъ оффицій, не переставалъ донынѣ подавать съ своей стороны всѣ удобовозможные опыты истиннаго его къ нашимъ интересамъ доброжелательства и предпочтенія.

2-е. Съ Даніею имѣемъ мы равномѣрно весьма точные и ясные обязательства и договоры, коихъ и бывшее въ ней предъ симъ, чрезъ нѣкоторое время, коловратное правленіе поколебать не могло. Сіи обязательства, основываясь на правилахъ воздвигнутой Ея Императорскимъ Величествомъ сѣверной системы, относятся равно на всѣ наши политическія дѣла, а предпочтительно на Швецію, какъ общаго обѣимъ державамъ сосѣда, который разными своими внутренними изворотами взаимное ихъ вниманіе на себя обращать долженствовалъ, а нынѣ, по совершившейся въ правленіи предосудительной революціи, сугубо уже обращать долженствуетъ. Въ разсужденіи войны нашей съ Портою Оттоманскою, Его Величество король Датскій долженъ былъ платить намъ повсягодныя субсидіи; но Ея Императорское Величество изволила его отъ платежа оныхъ, въ самый первый годъ, уволить, дабы симъ способомъ облегчить Копенгагенскому двору распоряженіе и приготовленіе сильнѣйшихъ мѣръ противу Швеціи. Сіе снисхожденіе имѣло то полезное дѣйствіе, что Датскій дворъ, приводя силы свои изъ года въ годъ въ лучшее и почтительнѣйшее состояніе, съ одной стороны дошелъ напослѣдокъ до того, что отчасти можетъ уже имозировать безпокойному нраву молодого короля Шведскаго, а съ другой—въ распоряженіяхъ и приготовленіяхъ своихъ, могъ изворотиться собственными рессурсами безъ всякаго, подданнымъ своимъ излишняго для оныхъ, отягощенія, слѣдовательно же и безъ произведенія въ нихъ малѣйшей ненависти къ союзу нашему. Несумнительно, что толь полезная импрессія въ датской націи нынѣ весьма умножится, ибо негоціація о промѣнѣ на графства Дельменгорстское и Ольденбургское въ пользу младшей Голштинской линіи наслѣдныхъ въ Германіи земель Его Императорскаго Высочества государя великаго князя, достигнувъ теперь толь алчно желаннаго ею совершенства, разрушитъ уже въ конецъ самый корень временно бывшихъ по сю пору распрей и несогласій между Россіею и Даніею, а тѣмъ самымъ и освободитъ уже навсегда естественное согласованіе взаимныхъ ихъ статскихъ интересовъ отъ всякой посторонней зависимости.

3-е. Съ Швеціею настоитъ нынѣ одинъ Абовскій мирный трактатъ, ибо прежній союзный, въ 1758 году заключенный, срокомъ своимъ миновалъ и съ того времени не былъ возобновленъ. Съ здѣшней стороны было, правда, во свое время внушаемо о такомъ возобновленіи; но Шведскій сенатъ, составленный напослѣди изъ однихъ французскихъ креатуръ, отклонилъ оное въ угодность Версальскому двору. Вмѣсто того, со времени послѣдовавшей въ прошломъ году революціи, Его Величество король Шведскій, какъ самъ собою безпосредственно, такъ и чрезъ каналъ онаго двора, неоднократно уже забѣгалъ къ намъ съ предложеніемъ о новомъ союзномъ трактатѣ, подобно какъ онъ ту же пропозицію не однажды же дѣлалъ и Датскому двору, дабы симъ образомъ въ одномъ или другомъ мѣстѣ сюрпренировать безмолвное соглашеніе на революцію. Датскій дворъ, отклоняя отъ себя всѣ внушенія, изъяснялся необиновенно при всякомъ случаѣ, что имѣя съ Россіею точныя обязательства, не можетъ и не хочетъ мимо ея слушать никакихъ предложеній; съ нашей же стороны, при генеральныхъ привѣтствіяхъ о дружбѣ и склонностяхъ Ея Императорскаго Величества къ союзу, отсылаемо было всякое о томъ предложеніе до удобнѣйшаго времени, поставляя настоящее, по причинѣ продолжающейся у насъ съ турками войны, не таковымъ, чтобъ могло предъ публикою согласоваться съ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества достоинствомъ.

Не взирая однакожъ на сію политическую ухватку Его Шведскаго Величества и на всѣ его толь громко повсюду разславливанныя миролюбныя намѣренія, есть много причинъ думать и вѣрить, что онъ въ самомъ дѣлѣ намѣренъ былъ нарушить въ сосѣдствѣ миръ и учинить первую свою попытку на норвежскія границы, въ предубѣжденіи, что тамъ и датчане не готовы, и норвежцы рады будутъ случаю сбросить съ себя датское иго. Главная его цѣль могла тутъ быть, чтобъ неудовольствіе націи шведской, противу беззаконнаго его поступка, уменьшить приведеніемъ ея въ нужду обратить вниманіе и силы свои на другую сторону, а особливо такого сосѣда, къ которому она природную антипатію имѣетъ.

Извѣстно уже г-ну генералъ-маіору изъ прочтенныхъ имъ бумагъ, какимъ образомъ все сіе происходило, какія между тѣмъ чинимы были на разныя стороны деклараціи (изъ коихъ здѣсь, для будущаго его въ случаѣ нужды руководства, прилагаются двѣ копіи), и на какомъ опять основаніи остаются теперь въ нѣкоторой неподвижности общія дѣла въ Сѣверѣ, ибо пронесшійся вездѣ слухъ, будто Его Шведское Величество заключилъ съ Портою посредствомъ Версальскаго двора субсидный трактатъ, не имѣетъ, повидимому, истиннаго основанія, конечно же, не для того, чтобъ сей государь не былъ внут-

ренно готовъ и склоненъ появиться дѣйствующимъ лицомъ на театрѣ свѣта; но скорѣе, повидимому, для того, что онъ или не имѣетъ надежды, или же не нашелъ средства продать готовность свою къ тому за довольную и такую цѣну, коею бы въ состояніе приведенъ быть могъ исправить и наградить у себя всѣ внутренніе недостатки, къ чему обыкновенныхъ французскихъ и гишпанскихъ пособій весьма недостаточно.

4-е. Съ республикою Польскою имѣемъ мы два трактата, первый еще отъ 1686 г., а послѣдній, заключенный уже при нынѣшнемъ королѣ: но теперь можно сказать, что оба недѣйствительны стали, покуда производимая нынѣ въ Варшавѣ съ націею, подъ узломъ генеральной конфедераціи соединенною, тройная негоціація нашего, Вѣнскаго и Берлинскаго дворовъ не достигнетъ совершенства своего, въ чемъ однакожъ, по устроеннымъ заблаговременно мѣрамъ, сумнѣваться почти не можно, и вновь не подтвердить ихъ во всѣхъ тѣхъ частяхъ, кои при перемѣнныхъ обстоятельствахъ останутся въ существѣ своемъ неприкосновенны.

Какъ свойство легкомысленныхъ польскихъ головъ не позволило намъ произвесть и утвердить первый Ея Императорскаго Величества планъ въ разсужденіи республики, то есть, чтобъ при національныхъ, слѣдовательно же посторонними интересами не занятыхъ короляхъ, дать ей въ Сѣверной системѣ, слѣдовательно же и во всѣхъ дѣлахъ Европы, нѣкоторый россійскимъ интересамъ содѣйствующій активитетъ, въ качествѣ державы второго ранга: то по сей неудачѣ, единственно отъ короля и націи Польскихъ воспричинствованной, принужденъ былъ здѣшній дворъ, сообразуясь времени, обстоятельствамъ, да и самому естественному расположенію польскихъ духовъ, избрать другой планъ и стараться уже преклонить къ исполненію его и другіе сосѣдственные дворы съ тѣмъ, дабы каждому изъ оныхъ, по древнимъ своимъ государственнымъ претензіямъ, окружая собственныя свои границы, поставить республику въ состояніе свойственное посредственной державѣ, которая бы, межуя ихъ владѣнія одно отъ другого, сама собою ни для которой стороны важнаго перевѣса дѣлать не могла, а особливо оставляла Россіи безпечную свободу пользоваться землями владѣнія ея, къ сохраненію чрезъ нихъ участія своего въ общихъ дѣлахъ, а при томъ и дать ей порядокъ въ правленіи, сообразительный сему новому положенію, слѣдовательно же, прочный и надежный къ сохраненію въ ней внутренняго устройства и тишины.

Все сіе трактуется нынѣ въ Варшавѣ, и чаятельно одною нашею, и обоихъ намъ содѣйствующихъ дворовъ, инфлюэнціею скоро къ окончанію приведено будетъ, съ исключеніемъ тутъ всякой посторонней, а особливо французской, которая, повидимому, съ разрушеніемъ Бар-

ской и другихъ ей согласныхъ конфедерацій, совсѣмъ уже въ Польшѣ пресѣчена.

5-е. Съ Вѣнскимъ дворомъ продолжались дружеская корреспонденція и доброе согласіе, что до наружности касается, безпрерывно; но внутренно сей дворъ, или, лучше сказать, первенствующій его министръ князь Кауницъ, завидовали пріобрѣтенной нами въ дѣлахъ превосходной инфлюенціи, знаменитымъ нашимъ успѣхамъ противу Порты Оттоманской и тѣсному нашему союзу съ вѣчнымъ его соперникомъ королемъ Прусскимъ, даже до того, что съ Австрійской стороны, польскимъ противу Россіи поднявшимся мятежникамъ, всякое похлѣбство съ явнымъ убѣжищемъ дозволяемо было, а напослѣдокъ Вѣнскій дворъ доходилъ уже на границахъ своихъ до сумнительныхъ вооруженій и другихъ военныхъ оказательствъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ первая армія Ея Императорскаго Величества ополчалась и дѣйствовала противу турокъ. Весьма недалеко было отъ того, чтобъ сія остуда не превратилась въ формальный разрывъ между обѣими сторонами, къ чему и мы, и король Прусскій почти совсѣмъ уже изготовлялись; но, по счастію, здѣшній дворъ предуспѣлъ еще дружественными своими изъясненіями и поступками отвратить сіе зло, а потомъ, приглашеніемъ Вѣнскаго двора къ соучаствованію въ Польскомъ раздѣлѣ, перемѣнить и самый образъ мыслей онаго. Свидѣтельствуется то неоспоримымъ образомъ чрезъ послѣдовательное поведеніе Вѣнскаго двора, а особливо чрезъ ревностное употребленіе добрыхъ его оффицій въ мирной нашей съ Портою негоціаціи. Правда, теперь по разрывѣ вторичнаго въ Бухарестѣ конгресса, началъ опять являть князь Кауницъ, въ словесныхъ своихъ изъясненіяхъ съ нашимъ въ Вѣнѣ министромъ д. т. с. княземъ Голицынымъ, меньше доброй воли и меньше доброхотства; но нельзя однакожъ думать, чтобъ сія въ немъ перемѣна, еслибъ паче чаянія распространилась и на весь цесарскій дворъ, не взирая на собственныя вопреки склонности Ихъ Величествъ Императрицы и Императора Римскаго, могла опять возрасти до такого градуса, чтобъ прямо устремиться въ затрудненіе и поврежденіе нашихъ дѣлъ, а особливо нашихъ военныхъ операцій противу турокъ, доколѣ только князь Кауницъ содержанъ и оставленъ будетъ въ удостовѣреніи, что мы не помышляемъ болѣе, и впредь помышлять не хотимъ, о присвоеніи себѣ княжествъ Молдавскаго и Волошскаго.

6-е. Лондонскій дворъ имѣетъ съ нами трактатъ коммерціи, и сверхъ того вездѣ почти одинаковые статскіе интересы, почему обѣ стороны на взаимную одна другой дружбу смѣло полагаться могутъ, хотя донынѣ прежній союзный трактатъ и не возобновленъ еще, за повстрѣчавшимися трудностями въ соглашеніи отъ англичанъ на включеніе, въ случай союза, войны нашей съ Портою Оттоманскою, не

*

нынѣшней, яко до того уже начавшейся, но впредь быть могущей, или же въ дачѣ, на мѣсто сего условія, повсягодныхъ Швеціи субсидій. Сіе послѣднее требованіе натурально чинимо было прежде событія послѣдней шведской революціи, дабы англійскими деньгами замѣнить тогда французскія субсидіи, кои Версальскій дворъ употреблялъ термометромъ для Шведскаго правительства, по мѣрѣ большей или меньшей, въ разныя времена, нужды къ его видамъ и интересамъ при томъ дворѣ, ибо симъ однимъ способомъ могло бы французское властвованіе въ конецъ истреблено быть. Довольно было изъясняемо съ здѣшней стороны Англійскому министерству, что одержаніе сего пункта болѣе долженствуетъ интересовать самую Англію, нежели здѣшній дворъ, соглашающійся жертвовать общему благу собственною своею толь важною выгодою, каково есть помѣщеніе въ случай союза войны турецкой; но всѣ представленія остались тщетны, подъ претекстомъ принятаго Его Британскимъ Величествомъ, по желанію всей націи, непремѣннаго правила не давать никому въ мирное время субсидій, слѣдовательно же и невозможности получить отъ парламента противное тому соизволеніе.

Теперь, въ новомъ бытіи королевства Шведскаго, и мѣста не можетъ болѣе имѣть сей вопросъ, почему и самая негоціація наша съ Лондонскимъ дворомъ о взаимномъ союзѣ остается въ безмолвіи; но тѣмъ не меньше открылъ намъ оный, по случаю бывшихъ въ Швеціи вооруженій, что если король Шведскій начнетъ непріятельства, а Франція вздумаетъ подкрѣплять оныя съ своей стороны, въ такомъ случаѣ Его Британское Величество явно сей коронѣ воспротивится и выплетъ въ море превосходное число кораблей своихъ.

7-е. Съ Гишпаніею продолжается обыкновенная, между государями, пріязненная переписка; но вслѣдствіе извѣстныхъ обязательствъ Бурбонскаго пакта, является вездѣ и во всѣхъ дѣлахъ Мадридскій дворъ тѣнію Версальскаго, которая во всякомъ противу насъ случаѣ, не раздумывая, беретъ предосудительную сторону, ибо вопреки не настоитъ между обѣими державами такихъ интересовъ, кои бы ихъ безпосредственно соединять могли, когда взаимная ихъ коммерція въ самомъ еще младенчествѣ, и первые въ ней, съ нѣкотораго времени, учиненные опыты остаются почти безъ всякаго плода, по причинѣ недостатка довольныхъ капиталовъ въ собственной ихъ циркуляціи.

8-ое. Съ республикою Голландскою издревле продолжается пріязненная переписка и доброе согласіе, а съ подданными ея выгодная, на обѣ стороны, торговля. Въ Венеціи содержится съ здѣшней стороны повѣренный въ дѣлахъ, коего присутствіе тамъ въ разсужденіи нынѣшней войны и нужно, и полезно; но республика не соотвѣтствовала еще сему поступку здѣшняго двора, да и впрочемъ

изъ робости къ туркамъ, а можетъ быть нѣсколько и въ угодность Бурбонскимъ домамъ, мало оказываетъ намъ доброхотства, не имѣя впрочемъ безпосредственныхъ съ Россіею интересовъ по коммерціи. Не не у мѣста будетъ здѣсь упомянуть о короляхъ Сардинскомъ и Португальскомъ. Оба сіи государя, по естественному положенію земель своихъ, привязаны къ англійскимъ интересамъ, слѣдовательно же, по одинакости ихъ съ нашими, и можно думать, что имъ обоимъ установленіе безпосредственной съ Россіею корреспонденціи долженствовало бы быть пріятно, какъ начало политическаго зданія, которое послѣ въ ближайшее, и для нихъ прямо полезное, соединеніе удобно превращено быть могло бы; но съ другой стороны, страхъ отъ окруженія земель ихъ Бурбонскими владѣніями воздерживаетъ ихъ донынѣ употребить себѣ въ пользу учиненныя съ нашей стороны, подъ рукою, предложенія о взаимномъ отправленіи и содержаніи, на обѣ стороны, акредитованныхъ министровъ.

9-е. Остается напослѣдокъ прибавить о сосѣдственныхъ государствахъ Персидскомъ и Китайскомъ; первое изъ оныхъ давно уже не имѣетъ верховнаго начальника, и хотя во внутреннемъ своемъ состояніи гораздо ослабѣло, но тѣмъ не меньше представляетъ еще нѣкоторыя удобности къ полезному торгу; съ послѣднимъ же государствомъ и дѣйствительно происходитъ оный съ хорошимъ успѣхомъ.

Сверхъ сего частнаго, о каждой въ Европѣ области, начертанія, относительно къ интересамъ Имперіи, предлежитъ здѣсь описать и опредѣлить еще, къ окончанію всей политической картины, общественную ихъ между собою связь.

Руководство генеральныхъ дѣлъ раздѣляется между главными державами, по мѣрѣ какъ которая умѣетъ оное себѣ присвоивать. До самаго государствованія Великія Екатерины, Россія, при всѣхъ своихъ успѣхахъ въ Прусской войнѣ, играла только вторую роль, выходя вездѣ наружу вслѣдъ за своими союзниками. При вступленіи Ея Величества на престолъ настояли въ Европѣ двѣ партіи. Въ первой были Франція и Австрія, а за ними Гишпанія и знатная часть имперскихъ князей; въ другой противовѣсили имъ Англія и король Прусскій. Съ первою соединенъ былъ король Португальскій и нѣкоторые имперскіе принцы протестантскаго исповѣданія. Съ послѣднимъ же сдѣлался вдругъ изъ непріятеля, тѣснѣйшимъ союзникомъ Императоръ Петръ Третій, слѣдовательно же и тутъ Россія, перемѣня политическую свою систему, тѣмъ не менѣе осталась въ роли державы, отъ постороннихъ интересовъ зависимой. Хотя между тѣмъ дворы Лондонскій и Берлинскій, бывъ нѣсколько лѣтъ сряду въ тѣснѣйшемъ союзѣ, и пришли, до окончанія еще войны, въ явную между собой остуду, сколь скоро первенствовавшій въ Англіи министръ Питтъ,

нынѣшній графъ Чатамъ, лордомъ Бютомъ отъ дѣлъ удаленъ былъ: однакожъ пріобрѣтенная ими до того поверхность столь велика была, что Англія предуспѣла вынудить отъ Бурбонскаго дома весьма выгодный и славный миръ, съ удержаніемъ за собою многихъ и важныхъ завоеваній, а король Прусскій возмогъ отдѣлаться безъ всякой потери. Чѣмъ меньше Россія, въ разсужденіи скоропостижнаго Петромъ III перелома въ политической ея системѣ, могла имѣть инфлюэнціи въ сихъ мирныхъ негоціаціяхъ, кои основывали будущее положеніе всей Европы, тѣмъ труднѣе долженствовало ей послѣ быть пріобрѣсть и присвоить себѣ оную. Мудрость и твердость Ея Императорскаго Величества превозмогли однакожъ скоро надъ сими затрудненіями, и свѣтъ увидѣлъ вдругъ съ удивленіемъ, что здѣшній дворъ началъ играть въ общихъ дѣлахъ роль, роли первѣйшихъ державъ равную, а въ Сѣверѣ и весьма уже превосходную. Англія, имѣя съ нами одинаковые статскіе интересы, а сверхъ того обыкнувъ, по естественному положенію острова своего, взирать во время мира на дѣла и происшествія твердой земли весьма индифферентнымъ окомъ, увидѣла сію политическую перемѣну съ крайнимъ удовольствіемъ, по той причинѣ, что находила въ Россіи новаго, Франціи, соперника, облегчающаго собственное ея бдѣніе и заботы. Австрійскій домъ и король Прусскій находили себя толико отъ войны утомленными и изнуренными, что сначала мало помышляли о распространеніи инфлюэнціи своей далѣе предѣловъ Имперіи Римской, а послѣ увидя, что Россія начала сама собою и по собственной своей системѣ дѣйствовать, стали, по взаимной ихъ другъ къ другу ревности, наперерывъ искать ея дружбы и союза, но съ тою разнотою, что Вѣнскій дворъ, по прежней привычкѣ руководствовать ею по собственнымъ своимъ видамъ, имѣлъ и тутъ въ виду возвратить насъ въ зависимость его политики, а король Прусскій, напротивъ того, оставляя Ея Императорскому Величеству первенство въ общихъ съ нимъ дѣлахъ, искалъ только пріобрѣсть себѣ ея дружбу, и союзомъ ея оградить цѣлость и безпечность владѣній своихъ на будущія времена, испытавъ довольно самымъ искусствомъ, коликою завистію пылаетъ къ нему Вѣнскій дворъ, и что оный, несмотря на всѣ свои ренонсіаціи, конечно воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ къ отнятію изъ рукъ его княжества Силезскаго. Не трудно было Государынѣ Императрицѣ избрать, которая сторона выгоднѣе и полезнѣе для высочайшаго ея намѣренія, то есть для славы и достоинства Имперіи, тѣмъ больше, что Вѣнскій дворъ отъ войны еще находился въ тѣснѣйшемъ соединеніи съ Франціей, которой инфлюэнція вездѣ господствовала, а особливо въ Сѣверѣ противустояла возвращенію Россійской. Предпочтеніе Прусскаго союза не могло быть по вкусу Вѣнскаго двора, и для того оный, съ момента

удостовѣренія своего въ ономъ, началъ вездѣ способствовать французскимъ интригамъ вопреки нашихъ дѣлъ, сохраняя однакоже нѣкоторую умѣренность, да и всю наружную пристойность. Франція вопреки сему сугубо огорчалась, чувствуя, что инфлюэнція Россіи рождается и основывается на примѣтномъ ущербѣ собственной ея; первенствующій же министръ дюкъ Шуазель, полагая въ томъ персональную свою честь, сталъ хвататься за всѣ позволенные и непозволенные способы. Онъ, бія въ набатъ у всѣхъ Франціи союзныхъ дворовъ, распространилъ интриги свои повсюду, гдѣ только могъ повстрѣчаться съ нашими, къ утвержденію общей тишины клонящимися операціями. Въ Швеціи, растравляя разномысліе націи, искалъ онъ всѣми мѣрами опровергнуть вольности ея, и тѣмъ самымъ сдѣлать для насъ изъ сей короны опаснаго и активнаго сосѣда. Данію обольщалъ выгоднѣйшими предложеніями, внушая ей прямо, что Россія ее обманетъ въ надеждѣ полюбовной сдѣлки о Голштинскихъ земляхъ, а когда оная напослѣдокъ дѣйствительно на мѣрѣ постановлена и подписана была,—что обѣщанія своего въ существѣ никогда не исполнитъ, дабы тѣмъ Копенгагенскій дворъ содержать въ вѣчномъ порабощеніи. Въ Польшѣ вселялъ между легкомысленными и суевѣрными людьми фанатичество, а когда оное полнымъ пламенемъ возгорѣло, въ то время мятежникамъ, оружіе противу насъ воспріявшимъ, помогалъ не только тайно, но и явно совѣтомъ, деньгами и людьми. Главное же его стремленіе было при Портѣ Оттоманской, гдѣ самыя ненавистнѣйшія средства истощены были къ приведенію ея на войну; сверхъ всего того, и не довольствуясь удачею въ семъ главномъ своемъ проискѣ, началъ онъ изыскивать случаевъ къ персональнымъ двору нашему шиканамъ и обидамъ. Сюда принадлежитъ учиненное вдругъ нескладное затрудненіе въ разсужденіи Императорской титулатуры, въ корпусѣ королевскихъ къ Ея Императорскому Величеству грамотъ, несмотря на прежніе примѣры, также и нахальное въ Лондонѣ отхваченіе у нашего посла французскимъ занятаго имъ мѣста въ королевскомъ дворцѣ и на публичномъ балѣ.

Гишпанія, послѣдуя слѣпо правиламъ Версальскаго двора, повинуется натуральнымъ образомъ и ненависти его противу насъ; но оная, по малому знаменованію сей короны въ общихъ дѣлахъ, рождаетъ только пустое эхо.

Швеція, въ нынѣшнемъ ея состояніи, составляетъ съ Бурбонскимъ домомъ хорусъ. Король Шведскій обязанъ оному похищенною, у отечества своего, беззаконною властію, и мнитъ конечно находить твердость и обезпеченіе ея во французскомъ союзѣ, во французскихъ деньгахъ и во французскомъ покровительствѣ.

Данія напротивъ того величится передъ свѣтомъ союзомъ Ея

Императорскаго Величества съ нею, и полагаетъ въ ономъ лучшее для себя огражденіе противу внѣшнихъ своихъ недоброжелателей, а особливо противу короля Шведскаго, который первыми своими поступками въ политикѣ обнаружилъ свѣту, что слова и обѣты его подчинены честолюбію его. Сколь далеко теперь согласіе съ Версальскимъ дворомъ Вѣнскаго, оное до времени съ точностію здѣсь опредѣлено быть не можетъ. Конечно не по вкусу Франціи принятое имъ съ нами и съ королемъ Прусскимъ участіе въ раздѣлѣ польскихъ земель; но легко статься можетъ, что министерство ея, дѣлая изъ нужды добродѣтель, не трогаетъ сей струны потому, что дѣло уже сдѣлано, дабы инако вовсе не удалить отъ себя князя Кауница, а старается только о рѣшительномъ вновь привлеченіи на свою сторону сего высокомѣрнаго министра. Впрочемъ, главная Вѣнскаго двора политика устремляется на короля Прусскаго, и для того оный предпочтительно ищетъ пріобрѣтать себѣ друзей и союзниковъ внутри Имперіи Римской; но сія самая ревность удерживаетъ взаимно его по всѣмъ другимъ дѣламъ въ довольно тѣсныхъ предѣлахъ.

Англія не имѣетъ теперь другихъ, трактатами обязанныхъ, союзниковъ, кромѣ Португаліи и республики Голландской, а сверхъ того придерживается ея гораздо король Сардинскій съ того времени, какъ его положеніе стало заботливѣе прежняго, по причинѣ содруженія Франціи съ Вѣнскимъ дворомъ, въ которомъ казусѣ находятся и прочія италіанскія области всѣ, но безъ равной связи съ Великобританскою короной; собственная же ея политика простирается наипаче противу Франціи и Гишпаніи, поколику обѣ сіи державы на морѣ знатную фигуру дѣлать, да и въ коммерціи ей нѣкоторымъ образомъ, если не соперничать, по крайней мѣрѣ много препятствовать могутъ, почему и можно полагать, что Лондонскій дворъ, при всякомъ случаѣ, когда только который ни есть изъ Бурбонскихъ домовъ въ морѣ покажется, съ превосходными силами вопреки ему предстанетъ и весьма легко пойдетъ послѣ на драку; напротивъ чего на твердой землѣ, въ нынѣшнемъ своемъ внутренними парламентскими раздорами обремененномъ состояніи, едва-ли за что вступится.

Изъ всего вышеписаннаго не трудно будетъ г. генералъ-маіору сдѣлать точное заключеніе о степеняхъ инфлюэнціи въ дѣлахъ каждаго двора, о взаимной ихъ между собою связи, также и о томъ, что Россіи тѣсные и надежные союзники короли Прусскій и Датскій, а Франціи—короны Гишпанская, Обѣихъ Сицилій и Шведская.

Остается за симъ положить здѣсь обвѣщенныя выше сего предварительныя правила къ будущему руководству г-на генералъ-маіора въ тѣхъ пунктахъ, кои по настоящему обозрѣнію представляются или

слѣдствіемъ общей французской системы противъ Россіи, или же отраслью частныхъ подвиговъ Версальскаго двора по дѣламъ съ Россіей другихъ державъ.

Общая Франціи система противу насъ состоитъ въ томъ, чтобъ инфлюэнціи и знатности Имперіи, которыя нынѣ собственнымъ Версальскаго двора вездѣ по крайней мѣрѣ равновѣсить начали, поставлять сильнѣйшія препоны и чрезъ посредство оныхъ стараться возвратить Россію въ прежнее положеніе державы не собою дѣйствующей, а повинующейся чужимъ интересамъ. Вслѣдствіе сего плана дѣйствуютъ нынѣ при всѣхъ дворахъ французскіе министры, хотя теперешнему статскому секретарю дюку д'Егильону и должно отдать справедливость, что со времени его министерства наблюдается ими вся наружная пристойность, а здѣсь особливо и частыя, чрезъ г-на Дюрана, подаются увѣренія о прямыхъ дружескихъ сентиментахъ короля Французскаго къ Государынѣ Императрицѣ, также и о истинномъ его желаніи показать ей угодныя услуги, представляя къ тому средствами съ одной стороны — возобновленіе съ Швеціей оборонительнаго нашего союза, а съ другой — готовность свою ко способствованію, дружескимъ посредствомъ, миру нашему съ Портою Оттоманскою.

Сколько сіи французскіе отзывы ни разнствуютъ съ перваго взгляда отъ тѣхъ предосудительныхъ подвиговъ, кои Версальскій дворъ въ Константинополѣ и другихъ мѣстахъ противу насъ устрояетъ и производитъ, однакожъ внутренно, при всемъ ихъ наружномъ доброжелательствѣ, не заключаютъ они въ себѣ другой цѣли, кромѣ той же самой, чтобъ вывести насъ однимъ или другимъ образомъ изъ собственнаго, въ общихъ дѣлахъ, дѣйствованія по независимымъ правиламъ собственной же Россійской политики.

Видѣла чрезъ довольное время Франція, что всѣ ею, діаметрально противу насъ, направляемые подвиги не соотвѣтствовали желанію ея, и для того она, не пресѣкая ихъ, какъ крайнее средство, скоро или поздно, но всегда однакожъ нѣкоторое дѣйствіе ей обѣщающее, вздумала напослѣдокъ перевернуться и настроить батареи свои у насъ самихъ, пользуясь къ тому представившимися ей удобностями отъ шведской революціи и отъ прерванія мирной негоціаціи на Фокшанскомъ конгрессѣ, въ воспріятой повидимому тщетной надеждѣ, что усугубленіе нашихъ заботъ понудитъ насъ, съ радостію и безъ размышленія, ухватиться за ея, въ пору и кстати, чинимыя лестныя предложенія.

Тонка сія мысль, чтобъ дать намъ, въ собственномъ нашемъ дѣлѣ, ощутить недостатокъ собственныхъ нашихъ пособій; но тонкость Франціи не устояла однакожъ противу мудрости Ея Императорскаго

Величества, проникнувшей весьма скоро весь оный ковъ и отклонившей мечту пристойнымъ, но такимъ образомъ, что Франція тѣмъ не меньше осталась собственнымъ своимъ достоинствомъ обязана сохранять къ Россіи всю, между знатными державами нужную и обыкновенную, благопристойность. Статься потому можетъ, что Версальское министерство, не отвращаясь сею первою въ попыткѣ своей неудачею, и паки оную возобновитъ въ прежнемъ или другомъ какомъ видѣ, по мѣрѣ перемѣняющихся аспектовъ, для учиненія иногда какихъ-либо формальныхъ отзывовъ, или только внушеній г-ну генералъ-маіору. Невозможность предусмотрѣть и достаточно опредѣлить всѣ возможные обороты не дозволяетъ напередъ никакихъ точныхъ предписаній, и для того министерство Ея Императорскаго Величества довольствуется вкратцѣ ознаменовать къ руководству г-на генералъ-маіора: 1-е) что если съ французской стороны будетъ ему чинено какое-либо предложеніе формальнымъ образомъ, оное просто и безъ вступленія въ подробности принимать на доношеніе двору своему, съ однимъ генеральнымъ привѣтствіемъ о дружбѣ къ королю и о намѣреніи Ея Императорскаго Величества способствовать съ своей стороны всѣми удобными средствами распространенію и утвержденію оной и добраго согласія. 2-е) Если же только въ разговорѣ что-либо вновь внушаемо будетъ, отвѣтствовать на то сокращенно генеральными же терминами, прибавляя слегка и какъ бы собственно отъ себя, а отнюдь не именемъ двора, по пункту заключенія между Россіей и Швеціей оборонительнаго союза, какъ узла имѣющаго прекратить взаимную ихъ недовѣрку и обезпечить будущую дружбу, что Ея Императорское Величество и безъ того неотмѣнно желаетъ сохранить съ симъ сосѣдомъ миръ и доброе согласіе; что въ семъ случаѣ поведеніе Швеціи будетъ рѣшать и учреждать поведеніе Россіи и ея союзниковъ, и что напослѣдокъ здѣшній дворъ, по мнѣнію вашему, чаятельно не несклоненъ будетъ и съ своей стороны поступить на постановленіе прочныхъ и взаимно-полезныхъ обязательствъ съ Швеціей, сколь скоро удобное къ тому время настанетъ, ибо нынѣшнее, въ разсужденіи продолжающейся съ Портой войны, могло бы произвесть въ публикѣ несходственную съ достоинствомъ его импрессію, будто страхъ и опасеніе служили намъ въ негоціаціи главными, или же и единственными побужденіями. 3-е). Если же отъ дюка д'Егильона, или отъ кого другого постороннимъ образомъ, но всемѣрно по его же наущенію, говорено будетъ о принятіи французской медіаціи къ прекращенію войны съ турками подъ предлогомъ, что оная тутъ полезнѣе для насъ всякой другой быть можетъ, въ такомъ случаѣ, какъ и по пункту трактата съ Швеціей, отзываться собственнымъ же своимъ разсужденіемъ и безъ обязательства донести двору, если сего именно

требовано не будетъ, что вы, какъ министръ, знаете, что Ея Императорское Величество дружбу Его Христіаннѣйшаго Величества много почитать, а сентиментамъ и увѣреніямъ его вѣру совершенную подавать изволитъ; но что вы, въ то же время, имѣете причину думать, что единожды принятыя Ея Величествомъ добрыя оффиціи Вѣнскаго и Берлинскаго дворовъ не оставляютъ уже ей свободы пользоваться какою-либо другою медіаціей; что Ея Величество видѣла уже себя въ случаѣ отклонить, съ признаніемъ и не безъ сожалѣнія, подобное предложеніе отъ Англійскаго двора, но что впрочемъ вы персонально не сумнѣваетесь, что Ея Величество всякое отъ короля при Портѣ миру ея способствованіе, безъ обрядовъ и наружности медіаціи и добрыхъ оффицій, будетъ поставлять не въ меньшую цѣну, какъ бы оное и съ тѣми обрядами сопряжено было.

Встрѣчая таковыми общественными отзывами всякое французскаго министерства покушеніе, не оставитъ впрочемъ г-нъ генералъ-маіоръ простирать неутомленно всего своего бдѣнія и раченія къ точному наблюденію всѣхъ Версальскаго двора намѣреній, подвиговъ и оборотовъ, также и доносить сюда объ оныхъ какъ можно чаще, обстоятельнѣе и достовѣрнѣе, памятуя всегда, что министерство его въ таковомъ мѣстѣ, гдѣ концентрируется злоба, ненависть и ревность противу Имперіи, и что опять преподаваемыя имъ сюда свѣдѣнія могутъ и долженствуютъ, отъ большей части, служить основаніемъ нашихъ вопреки предохранительныхъ мѣръ, что̀ самое имѣетъ естественнымъ слѣдствіемъ ободрять и поощрять въ высшей степени собственное его любочестіе.

Въ заключеніе сей инструкціи слѣдуетъ здѣсь упомянуть еще: 1-е. Совѣтнику посольства Хотинскому, который донынѣ акредитованъ былъ при Французскомъ дворѣ въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, предписано указомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, съ коего при семъ копія, вручить г-ну генералъ-маіору по описи весь министерскій архивъ, подать всѣ нужныя свѣдѣнія и объясненія, какъ по дѣламъ, такъ и въ разсужденіи церемоніальныхъ обрядовъ, а при томъ и самому остаться при его канцеляріи, для исправленія дѣлъ службы Ея Императорскаго Величества.

2-е. Съ министрами Ея Императорскаго Величества, при другихъ дворахъ пребывающими, надобно г-ну генералъ-маіору производить переписку и откровенное сношеніе, поколику того поспѣшествованіе службы требовать будетъ; а дабы и они тоже съ своей стороны въ разсужденіи его чинили, о томъ отправленъ къ нимъ циркулярный рескриптъ, съ коего, для извѣстія, слѣдуетъ здѣсь списокъ.

3-е. Съ чужестранными, въ Парижѣ находящимися, министрами имѣетъ г-нъ полномочный министръ завести пріятельское обхожденіе, особливо же съ министрами союзныхъ дворовъ, изъ коихъ положеніе каждаго выше сего точно и ясно описано, содержать предпочтительно дружбу и откровенность, какъ и интересы государей ихъ предохранять, по пристойности собственнаго своего положенія, возбуждая въ нихъ персональнымъ своимъ поведеніемъ взаимную довѣренность, также и во всякихъ затруднительныхъ случаяхъ по министерскому характеру совѣтовать съ ними объ общихъ мѣрахъ, дабы оныя всегда одинаковы, слѣдовательно же тѣмъ и сильнѣе, были.

4-е. Хотя, для облегченія и поспѣшествованія взаимной нашей съ Франціей торговли, и учрежденъ въ Бордо здѣшній консулъ, по имени Витфотъ, которому г-нъ генералъ-маіоръ въ случаяхъ нужды покровительство министерскаго своего характера дозволять не оставитъ, однакожъ сіе обстоятельство не долженствуетъ препятствовать войти ему самому въ разсмотрѣніе свойствъ и удобностей французской торговли, также и представлять сюда свои мнѣнія, если онъ съ своей стороны возможетъ изыскать какія-либо новыя пособія къ распространенію или приведенію въ лучшее теченіе производимыхъ донынѣ, на обѣ стороны, торговъ.

5-е. Отъ вѣрнаго и надежнаго сохраненія цыфирныхъ ключей зависитъ вся безопасность министерской корреспонденціи, слѣдовательно же и самая польза службы, почему онъ, г-нъ генералъ-маіоръ, и не оставитъ содержать ихъ непремѣнно подъ своимъ ключемъ, а сверхъ того и остерегаться, чтобы не компрометировать ихъ еще и каковою-либо сюрпризою. Нерѣдко случается, что нарочно сообщаютъ иностранному министру бумагу, нѣкоего уваженія достойную, въ надеждѣ, что онъ отправитъ ее шифрованную на почтѣ, ибо тутъ не великаго уже будетъ стоить труда добраться чрезъ нее и до самаго ключа.

6-е. Къ особливой угодности послужитъ конечно Ея Императорскому Величеству, если г-нъ полномочный министръ, во время бытности своей при Французскомъ дворѣ, приведетъ себя въ состояніе познать съ достовѣрностію и сообщить сюда подробное описаніе внутренняго положенія онаго относительно до королевской фамиліи и до министровъ, дѣлами управляющихъ, количество нынѣшнихъ его доходовъ и національныхъ долговъ въ государствѣ и внѣ государства, королевскую казну обременяющихъ, дѣйствительнаго и наличнаго стата сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ, словомъ, всего того, что здѣшнее вниманіе на себя привлекать можетъ. Всѣ сіи свѣдѣнія имѣются здѣсь издавна, но потому и вѣроятно, что оныя во многихъ частяхъ отъ прежняго весьма отмѣнны стали.

7-е. Г-ну полномочному министру жалованья Ея Императорскаго

Величества, во время пребыванія его при Французскомъ дворѣ, производимо будетъ по 8000 руб. на годъ, которыя деньги ему переводимы будутъ чрезъ векселя, въ надлежащія времена, изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, изъ которой и опредѣленные на проѣздъ и экипажъ 10000 рублевъ имѣетъ онъ нынѣ получить; а почтовые и всякіе чрезвычайные расходы будутъ плачены по присылаемымъ отъ него въ Коллегію счетамъ.

Симъ образомъ г-нъ полномочный министръ достаточно приведенъ въ состояніе познать всѣ разныя сопряженія, дѣла и интересы, относящіеся до высочайшаго его двора, а потому и остается ему токмо частое и прилежное чтеніе сей инструкціи, дабы каждый предметъ оной предстоялъ всегда живо въ его памяти, слѣдовательно и при всякомъ представляющемся случаѣ, онъ могъ бы быть въ состояніи онымъ воспользоваться и обратить его въ исполненіе возложенной на него службы, по силѣ и содержанію сей инструкціи.

Дана въ С.-Петербургѣ, 8 Августа 1773 года.

Гр. Н. Панинъ.

Кн. Александръ Голицынъ.

## 2399) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛАННИКУ И. М. СИМОЛИНУ ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ [1]).

С.-Петербургъ, 26 Августа 1773 г.

J'ai l'honneur de vous envoyer ci-joint, M-r, un paquet du Collège de l'Amirauté, du contenu duquel je dois vous recommander particulièrement l'exécution. Nous attendons trois frégates d'Arkhangel, dont deux sont destinées à faire partie d'une escadre qui va être expédiée à l'Archipel sous le commandement du contre-admiral Greig. Il s'agit, M-r, comme vous le verrez plus amplement par les ordres de l'Amirauté, de faire tenir relâche à ces deux frégates jusqu'à l'arrivée de l'escadre, pour laquelle elles sont destinées, et que dans l'intervalle elles s'approvisionnent et s'équipent de tout le nécessaire pour la navigation à l'Archipel. La réquisition qui vous est faite, M-r, et que je vous réitère expressément ici, est donc que vous vous employez, autant qu'il peut dépendre de votre poste, à faire trouver aux commandants de ces deux vaisseaux toutes les facilités nécessaires pour remplir leur objet, et c'est à quoi je ne doute point que vous ne vous portiez avec tout le zèle dont vous êtes animé pour le bien du service de Sa Majesté Impériale. J'ai l'honneur d'être etc.

---

[1]) М. Г. А. Данія, III, св. 10.

(При депешѣ приложены два отношенія Адмиралтейской Коллегіи отъ 25 Августа 1773 г. къ Симолину объ оказаніи во всемъ содѣйствія имѣющимъ прибыть въ Копенгагенъ судамъ русской эскадры, отправляемой въ Архипелагъ, и о пріисканіи въ Копенгагенѣ надежныхъ лоцмановъ для проведенія ихъ вдоль береговъ Англіи).

## 2400) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 44 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

Петербургъ, 3 Сентября 1773 г.

Vous êtes déjà muni d'instructions, M-r, pour vous intéresser à la diète en faveur de la duchesse de Courlande, et vous savez l'objet qu'il s'agit de solliciter pour elle. Elle s'est adressée récemment à l'Impératrice et a réclamé son appui dans cette affaire par une lettre, dont je joins ici copie. Je vous envoie pareillement, M-r, copie de la réponse de Sa Majesté Impériale et conformèment aux promesses que renferme celle-ci, j'ai l'honneur de vous réitérer et confirmer les ordres antérieurs, qui vous ont été donnés sur le même sujet, savoir, que vous travailliez à obtenir à madame la duchesse la confirmation de la diète sur l'arrangement passé entre elle et le duc son mari. Vous vous concerterez avec m-r de Benoit, qui, comme il nous est connu, est muni d'ordres pareils, et vous ferez cause commune pour procurer l'effet de cette demande. J'ai l'honneur d'être etc.

## 2401) СОБСТВЕННОРУЧНЫЯ РЕЗОЛЮЦІИ ИМПЕРАТРИЦЫ [2]).

Аккредитованный при русскомъ дворѣ, по случаѣ бракосочетанія великаго князя Павла Петровича съ принцессою Гессенъ-Дармштадтскою, посланникъ Гессенъ-Дармштадтскаго ландграфа, Мозеръ, представилъ 4 Сентября 1773 г. промеморію о различныхъ нуждахъ и желаніяхъ ландграфа.

На § 1 промеморіи. Чтобъ дѣла Гессенъ-Дармштадтскаго ландграфа въ Вѣнѣ подкрѣпляемы были старательствомъ князя Голицына, о семъ писать можно къ нему.

На § 2 . . . . 1) Фельдмаршальскій титулъ я соглашаюсь дать ландграфу, но полкъ пѣхотный дать не можно, ибо у насъ генералитетъ не получаетъ полковъ, и сіе противно нашимъ учрежденіямъ военнымъ.

---

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 35.

[2]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки имп. Екатерины II, св. 4.

2) Третьему его сыну, если онъ желаетъ вступить въ нашу службу, я дамъ полковничій чинъ.

3) Денегъ взаймы дать не могу, по причинѣ войны и неимѣнію наличныхъ суммъ.

4) Снестись съ Берлинскимъ дворомъ, для подкрѣпленія дѣлъ ландграфскихъ въ Вѣнѣ, затрудненій не вижу. Сіе служитъ отвѣтомъ и на 3 § промеморіи.

## 2402) СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ФЕЛЬДМАРШАЛУ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

Графъ Петръ Александровичъ. Изъ письма вашего, отъ 8-го Августа, усматриваю я, съ одной стороны, съ удовольствіемъ чувства отрады и благодарности, кои въ васъ произвело мое рукописаніе, а съ другой продолжительное ваше сожалѣніе объ обратномъ вашемъ переходѣ чрезъ Дунай, которое послѣднее я съ вами раздѣляю непрерывно, хотя вы на сіе и поступили не отъ силы нудящей васъ, но по неимѣнію пропитанія, ибо злословія непріятеля нашего и его наушниковъ теперь повсюду, во всей силѣ, гремятъ. И хотя, съ самой первой вашей кампаніи, старанію вашему приписать надлежитъ утвержденіе оружія нашего на семъ берегу Дунайскомъ, зимованія арміи въ Молдавіи и Валахіи, въ справедливомъ предметѣ, чтобъ не начинать всякаго года кампанію прохожденіемъ опустошенныхъ земель и изнуреніемъ людей трудными и двойными маршами, и многіе поиски на супротивный берегъ, которыми вы черезъ то нашлися въ состояніи нанести непріятелю чувствительные вреды, но тѣмъ не меньше вы свѣтъ обязали ожидать отъ васъ подвиговъ, соотвѣтствующихъ многочисленнымъ побѣдамъ 1770 и 1771 гг., которыми вы принудили непріятеля приступить къ мирнымъ предложеніямъ, отобравъ все у него, даже что уже нынѣ всѣ пушки его вылиты 1772 года. Изъ сихъ побѣдъ ни одна въ памяти моей никакъ не затмѣнна, въ чемъ свидѣтельствуютъ мною щедро раздаваемыя, при всякомъ случаѣ, награжденія, не токмо служащимъ и трудящимся для пользы и службы имперіи, но и дѣтямъ и потомству ихъ, въ чемъ на васъ самихъ шлюсь, ибо вы сами живой примѣръ. Согласнаго я съ вами мнѣнія, что еслибы, по чувствамъ вами непріятелю нанесенныхъ ударовъ

---

[1]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки имп. Екатерины II, св. 3. Напечатано въ книжкѣ: Переписка Императрицы Екатерины II съ графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ. Москва, 1805 г., стр. 37—47. Также въ книгѣ: Переписка Имп. Екатерины II съ разными особами, стр. 42—50. Москва, 1807 г. (См. примѣч. на стр. 437).

и своей потери, велъ сей непріятель съ нами военное дѣло, то бы давно уже по дознанному вреду кончилъ оное; но упорство его въ заключеніи мира не есть упованіе на оружіе, но на тѣ средства, которыя надеждѣ его упасть не даютъ и падающаго, кстати и ко времени, подкрѣпляютъ не дѣломъ же, но химерными словами, коихъ мечтанія одни острія мечей вашихъ лишь разсыпать въ состояніи, тогда когда всѣ наши мирныя негоціаціи, какъ ракъ на мели, неподвижны и коротки суть. Желаніе мое есть получить миръ, но мысли мои всѣ устремлены къ войнѣ, и сіе неудивительно, ибо иной дороги не имѣю получить мое желаніе. Чистосердечно скажу: исполненія его ожидала я отъ васъ въ нынѣшней кампаніи; но возвращеніе ваше лишаетъ меня и сей надежды. Но оставимъ говорить о прошедшемъ, дабы мысли приближить къ будущему намъ предлежащему попеченію. Пишете вы ко мнѣ о неудобствахъ, въ которыя приведена наша пѣхота и кавалерія, и о вашихъ представленіяхъ, чтобъ потому прибавить людей въ роты первой, а другую поставить на легкую ногу, ради пользы службы и ко уменьшенію казенныхъ, на оную теперешнихъ, безплодныхъ расходовъ, и что вы уже докладывали, что приводъ рекрутъ поздній не подкрѣпляетъ, да обременяетъ армію, и что вы не видите, чтобъ обо всемъ томъ ваши доклады заслужили уваженіе. На сіе вамъ отвѣтствовать имѣю, что о прибавкѣ людей въ роты пѣхотныя я никакого прежняго представленія найти не умѣла, да и едва находится ли теперь къ тому способность; о кавалеріи же, какъ скоро отъ васъ представленіе учинено было, то я гр. Чернышеву приказала съ вами о томъ переписаться, и изъ вашей переписки я усмотрѣла, что вы сіе превращеніе учинить почитаете удобнѣе послѣ войны. Что до рекрутскаго набора и привода надлежитъ, то вамъ самимъ извѣстно, что государство не въ единой части военной состоитъ, но въ разныхъ; и дабы не разстроить самую важнѣйшую, то есть хлѣбопашество, потому въ осенніе мѣсяцы таковой наборъ и бываетъ; прошлогодній, по несчастію болѣзни, еще позднѣе обыкновеннаго назначенъ былъ. А чтобъ рекруты сколь можно въ приводѣ изнурены не были, то ежели вы такіе способы сверхъ тѣхъ, которые употребляются, открыли, прошу о томъ только дать знать, дабы оные употребить можно было. Симъ довольно ясно доказано, что ваши доклады не остаются безъ уваженія. Что же вы въ томъ увѣрены, что клевета неприкосновенна моему слуху, что пишете вы испытали собственнымъ вашимъ примѣромъ, удерживаясь пять лѣтъ въ вашемъ посту, сіе служитъ къ моему удовольствію, ибо вижу, что вы справедливо мыслите о моемъ прямодушіи и можете быть увѣрены, что я сужу по дѣламъ, а непріятелей того или другого не вѣдаю; да мнѣ до нихъ и дѣла нѣтъ, шли бы дѣла мои съ успѣхомъ. Употребляю же я людей по власти

мнѣ отъ Бога врученной, какъ за благополезно мнѣ, по совѣсти моей предъ Создателемъ и сходственнѣе съ честію, пользою и славою Имперіи за нужно разсудится. По мѣрѣ сей опредѣляю я имъ награжденія и содержанія по заслугамъ передо мною и по моей во всемъ благоугодности, въ чемъ паки васъ ставлю свидѣтелемъ, да и всю армію, ибо я, отъ перваго до послѣдняго, наградила знатною прибавкою жалованья недавно. Итакъ всѣ въ семъ случаѣ могущія произойти неудовольствія и роптанія, отъ кого бы то ни было, суть несправедливы и уваженія не заслуживаютъ, а еще менѣе должны онѣ вамъ препятствіе наносить въ вашихъ предпріятіяхъ теперешнихъ и будущихъ. О сихъ будущихъ вашихъ, на слѣдующую кампанію, видахъ и намѣреніи требую я отъ васъ нынѣ вашихъ мыслей, дабы, узнавъ оныя, я могла заблаговременно васъ снабдить нужными, по обращенію дѣлъ и по моему благоразсужденію, наставленіями, и дабы вы свободнѣе могли устремить мысли свои къ предпріятіямъ непріятелю чувствительнѣйшимъ, приказала я укомплектовать еще армію вашу пятью тысячами пятью стами старыхъ солдатъ изъ здѣшнихъ полковъ. Но какъ въ нынѣшней кампаніи вы приписываете главную причину вашего возвращенія изъ за Дуная недостатку тамъ въ пропитаніи, то мнится мнѣ, что вамъ надлежитъ брать всѣ нужныя мѣры, дабы въ будущей кампаніи въ Браиловѣ и во всѣхъ подунайскихъ магазинахъ провіантъ, по крайней мѣрѣ на полгода, заготовленъ былъ, и сіе какъ можно ранѣе, и если удобно есть, хотя бы въ Апрѣлѣ, все на мѣстѣ находилося, дабы дѣло тѣмъ испорчено не было, и вамъ бы въ теченіе кампаніи отъ сей нужной части препятства паки не нанеслось. Въ сіи подробности я съ вами вхожу, соотвѣтствуя чистосердечно откровенности вашей предо мною, которая во всякомъ случаѣ не инако какъ пріятна мнѣ быть можетъ, и которую я всячески умножать всегда старанье прилагаю. Журналы, присланные при реляціи вашей, я читала, но ничего весьма утѣшительнаго въ дѣйствіяхъ корпуса верхней Валахіи не находила, и не думаю, чтобъ тутъ таковыя быть могли. О болѣзненномъ припадкѣ вашемъ, который понудилъ васъ лечь въ постелю, весьма сожалѣю и совершенно оставляю на ваше благоусмотрѣніе отлучиться, куда способно и полезно для дѣла и для здоровья сами, по обстоятельствамъ и по тѣлеснымъ силамъ вашимъ, находить будете, дабы тѣмъ наискорѣе вы могли, къ удовольствію моему, придти въ состояніе сообщить мнѣ мысли ваши о будущей кампаніи, въ которыхъ надѣюсь найти бодрость духа, совокупленную съ тою твердостію, которая одна въ состояніи преодолѣвать препятствіе. Въ сей надеждѣ остаюсь къ вамъ непремѣнно доброжелательна.

Екатерина.

Сентября 8 ч. 1773 г.

## 2403) КОПІЯ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНАГО ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ. [1])

Графъ Никита Ивановичъ. Совокупленные важные ваши труды къ воспитанію сына моего и притомъ въ отправленіи дѣлъ обширнаго иностраннаго департамента, которые вы несли и отправляли съ равнымъ успѣхомъ толико лѣтъ сряду, часто, въ теченіе оныхъ, во внутренности сердца моего возбуждали чувства, раздѣляющія съ вами все бремя различныхъ сихъ, силу человѣку данную исчерпающихъ, упражненій; но польза Имперіи моей, по горячему моему всегдашнему попеченію о благомъ устройствѣ всего, мнѣ отъ власти Всевышняго врученнаго, воспрещала мыслить, прежде времени, облегчить васъ въ тягостныхъ упражненіяхъ, довѣренностію моей вамъ порученныхъ. Нынѣ же, когда приспѣла зрѣлость лѣтъ любезнѣйшаго сына моего, и мы, на двадцатомъ его году отъ рожденія, съ вами дожили до благополучнаго дни брака его, то, почитая, по справедливости и по всесвѣтному обыкновенію, воспитаніе великаго князя само собою тѣмъ оконченнымъ, за долгъ ставлю при семъ случаѣ вамъ изъявить мое признаніе и благодарность за всѣ приложенные вами труды и попеченія о здравіи и украшеніи тѣлесныхъ и душевныхъ его природныхъ дарованій, о коихъ, по нѣжности матерней любви и пристрастію, не мнѣ пригоже судить; но желаю и надѣюсь, что будущія времена въ томъ оправданіемъ служить имѣютъ, о чемъ Всевышняго ежедневно молю усердно. Окончавъ съ такимъ успѣхомъ, соединеннымъ съ моимъ удовольствіемъ, важную таковую должность и пользуясь утѣшеніемъ, отъ нея вамъ справедливо происходящимъ, обратите нынѣ съ бодрымъ духомъ всѣ силы ума вашего къ части дѣлъ Имперіи, вамъ отъ меня ввѣренной и на сихъ дняхъ вновь вамъ подтвержденной, и доставьте трудами своими согражданамъ вашимъ желаемый мною и всѣми твердый миръ и тишину, дабы дни старости нашей увѣнчаны были благословеніемъ Божіимъ благополучія всеобщаго, послѣ безчисленныхъ трудовъ и попеченій.

Пребываю вѣчно съ отмѣннымъ доброжелательствомъ

Екатерина.

Сентября 23-го дня, 1773 года.

---

[1]) М. Г. А. Турція II, св. 1. Напечатано въ книгѣ Н. Шильдера „Императоръ Павелъ I“, стр. 88. Спб. 1901 г.

## 2404) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 46 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

Петербургъ, 27 Сентября 1773 г.

Nous venons de recevoir notre traité définitif, mon cher baron, ainsi voilà le grand ouvrage terminé aussi promptement et avec autant de succès qu'on ait jamais pu se le promettre. Je ne vous dis que très brièvement et à la hâte que votre conduite a été approuvée en tout point; une autre fois je vous parlerai plus au long et d'office de la satisfaction de l'Impératrice. Ce sera par un courrier, que je ferai tout mon possible de vous expédier sous huit jours, et qui vous portera les ratifications et les résolutions sur tous les points accessoires à notre négociation. Dès à présent cependant je vais vous faire part du sentiment de Sa Majesté Impériale sur la mutation proposée par vous du grand généralat de Lithuanie. La cause du prince Sapieha Lui parait originairement juste, et Elle ne voit rien que de naturel à restituer les choses dans l'état qu'elles auraient eu sans la faveur et le besoin du moment, qui firent préférer le comte Oginski. Il n'y a aussi rien que de juste que celui-ci se ressente de la faute qu'il a faite, et le moyen le plus convenable à cela est de ne plus laisser en ses mains une autorité dont il a abusé. Sa Majesté Impériale est donc consentante au changement que vous avez proposé, mais Elle ne veut paraître en rien ici, soit pour ne point donner lieu au reproche d'avoir gêné la république dans un acte purement intérieur, soit pour n'être pas soupçonnée d'une haine ou vengeance personelle trop au dessous d'Elle. Vous pouvez ainsi laisser agir librement la délégation, et si elle règle que le comte Oginski, en rentrant dans sa patrie, ou sera privé, ou se démettra de la charge de grand général, et que le prince Sapieha, qui se trouve actuellement ici, en soit revêtu, cet arrangement ne souffrira aucune opposition d'ici. Si vous trouvez même que le plus grand nombre de vos amis le désire, vous pouvez les y encourager, mais de vous même et sans citer votre cour, dont vous afficherez hautement l'indifférence à ce sujet.

## ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ПРУССКОМУ КОРОЛЮ ФРИДРИХУ II.

30-го Сентября 1773 г. О пожаловании наслѣдной принцессы Прусской Луизы (рожденной принцессы Гессенъ-Дармштадтской) дамою большого креста ордена св. Екатерины. Напеч. въ Сборникѣ, т. XX, стр. 327.

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 35.

## ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ПРУССКОМУ КОРОЛЮ ФРИДРИХУ II.

30-го Сентября 1773 г. Извѣщеніе о бракосочетаніи Великаго Князя Павла Петровича съ Великой Княгиней Наталіей Алексѣевной (рождённой принцессой Гессенъ-Дармштадтской). Напеч. въ Сборникѣ, т. XX, стр. 328—329.

## 2405) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОСЛАННИКУ ВЪ ЛОНДОНѢ А. С. МУСИНЪ-ПУШКИНУ [1]).

3-го октября 1773 г.

Государь мой Алексѣй Семеновичъ! Въ приложенной при семъ, въ оригиналѣ и въ копіи, для извѣстія вашего, грамотѣ государя цесаревича къ королю Англійскому, усмотрите вы, что Его Высочество, на основаніи постановленнаго Ея Императорскимъ Величествомъ, въ качествѣ опекуна, съ Королевско-Датскимъ дворомъ запаснаго трактата, заключилъ нынѣ съ Его Величествомъ дефинитивный трактатъ, пресѣкающій всѣ распри размѣною Голштиніи на графства Ольденбургское и Делменгорстское, которыя уступаются его свѣтлости епископу Любскому, въ пользу младшей Голштейнъ-Готторпской линіи.

Съ онаго дефинитивнаго трактата и съ уступательнаго акта прилагаются при семъ точныя копіи, съ такимъ высочайшимъ отъ Ея Императорскаго Величества повелѣніемъ, чтобы вы какъ оныя, такъ и грамоту Его Императорскаго Высочества, на особливой аудіенціи, или же и черезъ министерство, подали королю, употребя при томъ стараніе, дабы Его Величество, яко помѣстный государь, принадлежащей къ означеннымъ графствамъ Люнебургской земли, изволилъ, въ надлежащей формѣ, дать свое соглашеніе на уступку сей части графства младшей Голштейнъ-Готторпской линіи. О употребленіи вашего въ семъ дѣлѣ домогательства согласиться вамъ надобно съ королевскимъ Датскимъ, въ вашемъ мѣстѣ, посланникомъ, которому и посланы о томъ отъ двора своего наставленія; слѣдовательно представляется уже общему вашему на мѣстѣ усмотрѣнію распоряженіе поступокъ вашихъ въ исполненіи всего вамъ порученнаго. О чемъ ожидая отъ васъ увѣдомленія, пребуду навсегда и проч.

[1]) М. Г. А. Англія, IX, св. 4.

## 2406) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ № 9 КЪ КН. В. М. ДОЛГОРУКОВУ [1]).

Нашему генералу-аншефу князю Долгорукову.

Калга-Султанъ, воспріявъ, при обстоятельствахъ отечества своего для него опасныхъ, и собственнымъ вашимъ подтвержденіемъ такими признанныхъ, въ границы Имперіи нашей и къ защищенію нашему прибѣжище, вслѣдствіе учиненнаго ему обнадеживанія и пріобрѣтеннаго къ тому и права своимъ поведеніемъ, соотвѣтствующимъ нашимъ о татарахъ видамъ, совершенно заслуживаетъ и того достоинъ, какъ самъ по себѣ, такъ и для могущихъ быть примѣровъ, чтобъ при сей постигшей его крайности видѣлъ самыми опытами продолженіе къ себѣ нашей монаршей милости.

Мы и будучи всемилостивѣйше склонны сему знаменитому татарину, сходственное съ его состояніемъ призрѣніе дѣйствительно оказать на все время, пока дѣла Крымскія не перемѣнятся, и онъ подъ нашимъ ближайшимъ попеченіемъ находиться будетъ, но между тѣмъ разсуждая съ другой стороны, по образу его жизни, а болѣе еще и по самымъ удобностямъ къ сношенію съ Крымомъ и съ Ногайскими татарами, и чтобъ слѣдовательно и представляющіеся впредь случаи, къ перемѣнѣ настоящей его судьбины, могли быть безъ отлагательства употреблены въ его пользу, за пристойнѣе однакоже потому находимъ остаться ему до времени и еще на границѣ, нежели взяту быть тотчасъ сюда ко двору нашему; ибо въ семъ послѣднемъ случаѣ онъ неминуемо имѣлъ бы оказаться какъ бы вовсе уже отторгшимся и навсегда удаленнымъ отъ своего отечества и отъ всѣхъ татаръ, къ обрадованію и подкрѣпленію своихъ недоброжелателей и къ погашенію памяти своей въ народахъ, еще и недавно искренно и усердно его почитавшихъ.

Итакъ имѣете вы, обнадеживая и удостовѣряя его, Калгу-Султана, высочайшею нашею милостію, покровительствомъ и призрѣніемъ, дать притомъ ему уразумѣть, во всей силѣ и знаменованіи, и сіи уваженія, требующія для собственной же его пользы не отставать совершенно отъ татаръ и не казаться отчаявшимся отъ участвованія ихъ дѣлъ и правительства, но въ готовности и состояніи напротивъ того находящимся, при первомъ способномъ къ тому происшествіи, явиться и вступить въ оное съ сущею дѣйствительностію; и къ чему вы еще прибавите, что онъ и самъ, по выѣздѣ изъ Крыма, предъявя вамъ желаніе имѣть для своего пребыванія такое мѣсто, гдѣ-бъ во всей

---

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3.

свободности и по своей волѣ обращаться могъ, согласнымъ видѣлся сему, при настоящемъ дѣлъ татарскихъ положеніи, за потребю нами признаваемому распоряженію. А на содержаніе его, Калги-Султана, назначиваемъ мы по пяти сотъ рублей на мѣсяцъ, которыхъ требовать вамъ отъ генерала-поручика Щербинина, по посланному нынѣ же къ нему указу; но дабы сей оставивший свое отечество Крымскій Султанъ, не представляя уже больше теперь въ лицѣ своемъ цѣлой и независимой области татарской, какъ при первомъ случаѣ его сюда пріѣзда было, убѣдился располагать свои расходы не по излишнему надѣянію къ нашей щедрости, а по дѣйствительному количеству дозволенныхъ ему, изъ единственнаго къ его собственнымъ заслугамъ снисхожденія, денегъ, нарочито однакоже достаточныхъ; для того прикажете вы ему оныя производить въ наличности и въ собственное распоряженіе, а притомъ и предупредить его не оставите, искусными и пристойными внушеніями, въ разсужденіи могущихъ быть инако со стороны его запросовъ излишнихъ; но мѣсто къ пребыванію онъ самъ же избрать можетъ по своему разсмотрѣнію; а вы и будете стараться, чтобъ имѣлъ тамъ всѣ возможныя удобности.

Со всѣмъ тѣмъ, ежели бъ онъ и послѣ объявленія нашей резолюціи, желательнымъ оказался не оставаться на границѣ, но чтобъ дозволено было ему сюда ко двору нашему пріѣхать, вы, ему не отказывая, вновь сюда донесете для снабдѣнія васъ дальнѣйшимъ нашимъ повелѣніемъ. Впрочемъ же пребываемъ къ вамъ Нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, 4 Октября 1773 года.

Екатерина.

## 2407) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ № 10 КЪ КН. В. М. ДОЛГОРУКОВУ [1]).

Нашему генералу-аншефу князю Долгорукову.

Во уваженіе представленія вашего о Шагинъ-Гиреѣ Султанѣ, живущемъ въ Таманской сторонѣ, по обстоятельству нетерпимости его въ Крымѣ, какъ напредъ сего законнымъ обрядомъ отверженнаго отъ тамошняго общества, но при всемъ томъ и находя однако же свойственнѣе съ его состояніемъ, чтобъ онъ и впредь въ Таманской околичности оставался, для доставленія къ вамъ потребныхъ извѣстій, нежели чтобъ по желанію его взятъ былъ сюда и тѣмъ самымъ неспособнымъ сдѣлался быть больше полезнымъ для нашей службы, мы всемилостивѣйше дозволяемъ вамъ, въ воздаяніе и поощреніе его усердія, наилучшимъ

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3.

образомъ вами засвидѣтельствованнаго, и въ призрѣніи его бѣдности, производить ему ежегодную дачу, по собственному вашему разсмотрѣнію, изъ суммы на чрезвычайные расходы вамъ опредѣленной, и о чемъ вы возвѣстите ему удобнымъ способомъ, обнадеживая его и впредь покровительствомъ нашимъ и неоставленіемъ, по мѣрѣ важности и пользы продолжаемой отъ него услужности. А впрочемъ пребываемъ къ вамъ Нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ С.-Петербургѣ, 4 Октября 1773 года.

Екатерина.

## 2408) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМЕРАТРИЦЫ. [1])

Въ письмѣ отъ 8 Октября 1773 г. посланникъ Гессенъ-Дармштадтскаго ландграфа Мозеръ, по случаю бракосочетанія в. кн. Павла Петровича съ дочерью ландграфа, предъявилъ Россійскому двору желанія своего государя [2]).

Отвѣтъ на Мозеревы предложенія.

На 1. Подписка, имъ требуемая, зависитъ единственно отъ воли великаго князя и великой княгини.

На 2. Я не думаю, чтобъ пристойно было объявить ландграфа фельдмаршаломъ, прежде нежели онъ изъ Австрійской службы выступитъ. По крайней мѣрѣ по сю пору еще инако поступлено не было со всѣми, кои къ намъ въ службы вступили, и то не столько изъ уваженія къ персонамъ, какъ дабы не завести со дворами, гдѣ они въ службѣ обрѣтаются, неумѣстные переговоры и ссоры.

3) Когда ландграфъ свободенъ будетъ отъ Австрійской службы, тогда обѣщанный ему чинъ объявленъ будетъ и съ жалованьемъ.

## 2409) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ КОНТРЪ-АДМИРАЛУ С. К. ГРЕЙГУ [3]).

Нашему контръ-адмиралу Грейгу.

Разсудили мы за благо пріумножить нѣсколькими кораблями флотъ нашъ, находящійся въ Средиземномъ морѣ, вслѣдствіе чего и повелѣли мы нашей Адмиралтейской Коллегіи изготовить къ отправленію четыре линейные корабля и два фрегата, снабженные по примѣру прежнихъ, въ Средиземное море отправленныхъ. Командиромъ надъ сею эскадрою, до

[1]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки имп. Екатерины II, св. 4.

[2]) См. выше № 2401.

[3]) М. Г. А. Турція, X, св. 3.

благополучнаго ея соединенія со флотомъ, находящимся въ Архипелагѣ васъ, по дознанной и многими опытами доказанной ревности вашей къ службѣ нашей, яко искуснаго мореплавателя и воина, избираемъ, въ полномъ удостовѣреніи, что найдемъ мы конечно въ васъ то же горячее усердіе и въ исполненіи вамъ порученнаго, которое мы пріобыкли видѣть во всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ.

Вы имѣете, по полученіи сей инструкціи, принявъ сію эскадру въ свою команду, идти немедленно съ самымъ первымъ способнымъ вѣтромъ въ путь, для соединенія съ находящимся въ Архипелагѣ флотомъ. Нѣтъ, кажется, вамъ нужды заходить или останавливаться въ какомъ-нибудь портѣ до соединенія эскадры вашей со флотомъ въ Средиземномъ морѣ, когда вы всѣмъ надобнымъ, а особливо водою въ Копенгагенѣ или Гельзинерѣ запасетесь, чѣмъ не токмо успѣшнѣе гораздо будетъ плаваніе ваше, но и менѣе издержки.

Въ проходѣ вашемъ черезъ Зундъ найдете вы, въ самомъ Копенгагенѣ или въ Гельзинерѣ, выписанныхъ Адмиралтейскою нашею Коллегіей англійскихъ пилотовъ, которые васъ своимъ каналомъ проведутъ; а получите о нихъ извѣстіе отъ пребывающаго двора нашего при Е. В. королѣ Датскомъ д. с. с. и полномочнаго министра Симолина [1]).

Сіе сдѣлано не токмо въ томъ намѣреніи, чтобъ доставить вамъ способъ успѣшнѣе произвести плаваніе ваше, но чтобъ и лишить могущей встрѣтиться нужды заходить для того въ англійскіе порты и имѣть о томъ заботу; а какимъ образомъ вамъ съ ними обходиться, и какую и какъ имъ за то сдѣлать плату, свѣдаете вы отъ упомянутаго полномочнаго министра Симолина, къ которому пребывающій нашъ въ Лондонѣ с. с. и полномочный министръ Мусинъ-Пушкинъ о томъ отписать не преминетъ, вслѣдствіе писаннаго къ нему, отъ адмирала нашего Алексѣя Нагаева, письма, съ коего здѣсь для извѣстія вашего приложена копія.

Однакожъ на случай, буде бы еще они туда не пріѣхали, чего кажется быть не можетъ, то не должны вы дожидаться ихъ, но сыскать, тутъ или на англійскихъ берегахъ, способныхъ, съ которыми то плаваніе и предпринять.

За излишнее находимъ мы входить и предписывать, какимъ образомъ вамъ учреждать плаваніе ваше, ибо въ томъ полагаемся совершенно на искусство, благоразуміе и расторопность ваши, и въ точную вашу волю оставляемъ; но почитаемъ за нужное объяснить о политическихъ нашихъ сопряженіяхъ съ тѣми державами, подлѣ которыхъ областей плаваніе ваше быть должно, дабы вы то знавъ, могли взять свои мѣры, какъ въ случаѣ, буде бы крайняя и необхо-

[1]) См. выше № 2399.

димая нужда понудила васъ зайти въ ихъ порты, такъ и равномѣрно, ежели бы встрѣтились съ ихъ военными или купеческими кораблями, имѣя о послѣднихъ въ незабвенной памяти, ибо то точная наша воля, чтобъ ихъ, которой бы христіанской державѣ они ни принадлежали, не только не осматривать ни подъ какимъ видомъ, но, напротивъ того, всякую возможную помощь подавать, а особливо датскимъ, прусскимъ и англійскимъ; ибо, повторяемъ вамъ, что нѣтъ нашего намѣренія препятствовать ничьей изъ христіанскихъ державъ коммерціи, какимъ бы то образомъ ни было.

Сіи суть тѣ самыя увѣренія, которыя мы, чрезъ нашихъ министровъ при всѣхъ дворахъ, сдѣлать разсудили при посылкѣ флота нашего въ Средиземное море, какъ вы то изъ приложеннаго экстракта увидите, по которымъ, въ точности исполняя, не сдѣлаете конечно никакого неудовольствія и не встрѣтите препятствія въ продолженіи пути вашего.

На походѣ представится, первое, Данія. Относительно къ сей коронѣ можете на нее совершенно надежны быть и свободно входить въ ея гавани, ибо вслѣдствіе тѣсной у насъ дружбы съ Его Датскимъ Величествомъ, увѣрены мы, что тамо эскадрѣ вашей всякая помощь съ охотой и поспѣшностію дана конечно будетъ.

За Даніей, рядомъ почти, слѣдуютъ республика Голландская, Англія и Франція. Съ первою находимся мы въ добромъ согласіи и дружбѣ; слѣдовательно и надобно вамъ почитать встрѣчающіяся ея эскадры дружественными и обходиться съ ними по общимъ морскимъ обрядамъ; ибо и голландцы, со своей стороны, въ разсужденіи салютаціи и другихъ морскихъ почестей неприхотливы. Гавани же ихъ конечно для васъ отперты будутъ, еслибъ необходимость къ нимъ повлекла. Объ Англіи справедливо можемъ мы сказать, что она намъ прямо доброжелательна, и одна изъ дружественнѣйшихъ нашихъ державъ, потому что политическіе наши виды и интересы весьма тѣсно между собою связаны и однимъ путемъ къ одинаковой цѣли идутъ. Кромѣ того, имѣемъ мы съ Великобританскою короной трактатъ дружбы и коммерціи, которымъ взаимная наша навигація въ земляхъ и владѣніяхъ обѣихъ сторонъ поставлена въ совершенной свободѣ. Довольно кажется было бы сихъ двухъ основаній къ удостовѣренію нашему, что порты Его Британскаго Величества будутъ отверсты эскадрѣ нашей, но и затѣмъ еще, начиная экспедиціи наши въ Средиземное море, изъяснилися мы откровенно съ королемъ Великобританскимъ и получили увѣреніе, что военные корабли наши приняты будутъ въ пристаняхъ его владѣнія за дружественные, и паки таковые снабжаемы всякою, по востребованію обстоятельствъ, нужною помощью. Сіе и самымъ дѣломъ исполнено въ разсужденіи нашего

адмирала Спиридова и другихъ нашихъ въ Средиземное море отправленныхъ эскадръ, и конечно въ разсужденіи васъ самихъ своего дѣйствія не имѣть не можетъ. При семъ случаѣ вамъ знать надобно, что въ самое то время соглашенось между нами было дружескимъ и скромнымъ образомъ, чтобъ съ обѣихъ сторонъ заблаговременно приняты были надлежащія мѣры къ упрежденію всякихъ о салютаціи требованій и споровъ между взаимными эскадрами и кораблями; вслѣдствіе того долгъ званія вашего будетъ въ проходѣ чрезъ каналъ не подавать съ своей стороны поводу къ таковому требованію, обращаясь въ сторону или инако удаляясь отъ встрѣчи съ англійскими военными судами, подобно какъ и они съ другой чаятельно оной миновать стараться будутъ. Можетъ быть не излишне еще и то, чтобъ вы, прежде вступленія въ каналъ, сняли совсѣмъ прочь заранѣе вымполъ и флагъ адмиральскій и проходили тутъ безъ оныхъ, дабы съ тѣмъ большею удобностію избѣжать требованія о спущеніи оныхъ. Мы надежно ожидаемъ отъ благоразумія, прозорливости и осмотрительности вашей, что вы въ семъ случаѣ будете умѣть согласоваться пристойнымъ образомъ взаимному нашему и Его Британскаго Величества желанію.

Положеніе наше съ Франціей можетъ столько же присвоено быть и Испаніи и королевству Обѣихъ Сицилій. Во Франціи имѣемъ мы, до прибытія туда новоназначеннаго полномочнаго министра князя Барятинскаго, повѣреннаго въ дѣлахъ, совѣтника посольства Хотинскаго, въ Мадридѣ дѣйствительнаго камергера и полномочнаго министра Зиновьева, а въ Неаполѣ никого. Со всѣми сими Бурбонскими дворами имѣемъ мы только наружное согласіе и можемъ, конечно, безъ ошибки полагать, что они не желаютъ намъ и оружію нашему добра; но съ другой стороны, нельзя же и того ожидать, чтобъ они шествію вашему, явно и вооруженною рукою, сопротивляться стали, не имѣя къ тому не только законной причины, ниже казистаго предлога, который бы предосудительное покушеніе, сколько ни есть, покрыть могъ. Сіе описаніе образа мыслей Бурбонскихъ дворовъ долженствуетъ рѣшить ваше къ нимъ поведеніе и показать, что вамъ, съ встрѣчающимися ихъ кораблями, хотя дружелюбно, но осторожно однакожъ обходиться, а гавани ихъ, кромѣ самой крайней нужды, обѣгать надобно, развѣ когда къ спасенію другого пути оставаться не будетъ. Таковыя диспозиціи Бурбонскихъ дворовъ въ разсужденіи насъ, по причинѣ настоящей войны нашей съ Портой Оттоманской, открываются отъ дня въ день болѣе, и намъ, по извѣстіямъ отъ всѣхъ сторонъ получаемымъ, надлежитъ ожидать, что не возмогши, ни по какому законному резону, явно насъ аттаковать, постараются они коварствомъ и хитростію искать самаго малѣйшаго къ привязкѣ предлога для нанесенія намъ

вреда и воспрепятствованія на востокѣ нашимъ операціямъ. Вслѣдствіе чего должны вы завсегда остерегаться отъ ихъ хитростей, а какъ натуральнѣйшій способъ для произведенія оныхъ въ дѣйствіе можетъ найденъ быть по поводу коммерціи ихъ въ Средиземномъ морѣ, то и должны вы наистрожайше наблюдать предписанныя вамъ ниже сего правила относительно коммерціи вообще всѣхъ нейтральныхъ націй.

Португальскій дворъ совсѣмъ внѣ всякихъ съ нами сопряженій; но какъ при всемъ томъ существо естественнаго положенія и интересовъ его требуютъ отъ него непремѣнно быть въ противныхъ Испанскому политическихъ правилахъ, то и не оказалъ онъ ни малѣйшаго затрудненія въ принятіи нашихъ кораблей, что онъ и съ вами учинитъ, если вы принуждены будете приставать къ его гавапямъ; въ таковомъ случаѣ можете вы адресоваться къ Борхерсу, учрежденному отъ насъ консулу въ Лиссабонѣ.

Что здѣсь о Португаліи говорено, можетъ справедливо относиться къ владѣніямъ короля Сардинскаго, ибо онъ, по настоящей его заботливой позиціи между Вѣнскимъ и Версальскимъ дворами, которыхъ соперничество дому его толь надобно, а прежде и толь полезно было, со многою вѣроятностію не не радъ будетъ видѣть флагъ нашъ въ Средиземномъ морѣ, яко новаго Бурбонскому пакту соперника, тѣмъ болѣе, что онъ по коммерціи не имѣетъ нужды менажировать турковъ.

Портъ, могущій вамъ быть полезнымъ въ Средиземномъ морѣ, есть островъ Мальта. Несмотря на политическія конекціи Ордена съ державами Бурбонскаго дома, коихъ подданные составляютъ знатную часть языковъ, права гостепріимства и государей удостовѣряютъ уже васъ о пристанищѣ въ Мальтѣ, еслибъ завела васъ туда необходимость, и тогда имѣете вы адресоваться къ маркизу Кавалькабо, который, не имѣя хотя характера, пребываетъ тамъ отъ насъ яко уполномоченный и доставитъ вамъ, за деньги, всю помощь, которая будетъ въ его силѣ, и которую натурально вы требовать можете.

Кромѣ выше оглавленныхъ итальянскихъ владѣній, представляется еще тамъ великое герцогство Тосканское, съ вольнымъ онаго портомъ Ливорною, республики Генуесская, Венеціанская и Рагузская, которая состоитъ подъ протекціей Турціи и имъ дань платитъ.

Ливорна, будучи вольнымъ для всѣхъ портомъ, не можетъ натурально и для васъ затворена быть, какъ вы сами имѣли уже случай неоднократно то испытать, поколику военныя эскадры могутъ участвовать въ неограниченной свободѣ и преимуществахъ вольнаго порта. Съ республикой Генуесской не имѣемъ мы безпосредственнаго сношенія; но хотя она въ политикѣ своей и привязана къ Бурбонскимъ домамъ, а особливо къ Франціи, которой недавно и подвластный ей

островъ Корсику совсѣмъ уступила, но тѣмъ не меньше однакожъ можно надѣяться, что она, по образу вольнаго своего правленія, не откажетъ эскадрѣ нашей въ нужномъ пристанищѣ, ибо такой отказъ былъ бы противенъ самой конституціи ея, и въ самомъ дѣлѣ не сдѣлала она никакого затрудненія принять приставшій туда одинъ изъ нашихъ военныхъ кораблей.

Въ разсужденіи республики Венеціанской настоятъ другія уваженія. Она издавна желаетъ ближайшаго съ нами соединенія, но по робости, отъ сосѣдства съ турками происходящей, не смѣетъ еще податься на явные къ тому способы. Безъ сомнѣнія, венеціанцы желаютъ намъ внутренно добра. Вамъ надобно будетъ, на семъ основаніи, распоряжать поступки ваши въ разсужденіи республики, сносясь и требуя совѣта, когда время допуститъ, отъ нашего въ Венеціи пребывающаго повѣреннаго въ дѣлахъ д. с. с. маркиза Маруція, который между тѣмъ не оставитъ съ своей стороны подавать вамъ всѣ нужныя свѣдѣнія. О республикѣ Рагузской, которая сама по себѣ гораздо не важна, примѣчено выше, что она состоитъ подъ протекціей турокъ и платитъ имъ дань. Правда, отрекается она отъ качества подданной, и забѣгала уже неоднократно ко двору нашему, чрезъ находящагося здѣсь своего посланника графа Раньина, съ просьбой, чтобъ навигація ея отъ непріятельской отличена была. Вы имѣете потому, еслибъ паче чаянія нужда заставила васъ искать прибѣжища въ портахъ сей республики, съ начала отозваться и обходиться съ нею дружелюбно, полагая, что она со своей стороны не отречется отъ допущенія кораблей нашихъ и отъ учиненія имъ за деньги всякой потребной помощи; въ противномъ же случаѣ можете вы оное себѣ, по необходимости, и силою доставить, трактуя тогда Рагузскія земли и кораблеплаваніе непріятельскими, но обыкновеннымъ однакожъ порядкомъ между просвѣщенными націями.

Что же касается до Африканскихъ въ Средиземномъ морѣ корсеровъ, выходящихъ изъ Туниса, Алжира и другихъ мѣстъ, то хотя и считаются они въ турецкомъ подданствѣ, однакоже тѣмъ не меньше оставляйте ихъ на пути въ покоѣ, если только они сами вамъ пакостей дѣлать не станутъ, и если опять не случится вамъ застать ихъ въ нападеніи на какое либо христіанское судно, ибо тутъ, не разбирая націи, которой бы оно ни было, имѣете вы бить ихъ и христіанъ отъ плѣна освобождать, дозволяя и въ прочемъ всѣмъ христіанскимъ судамъ протекцію нашу, поколику они ею отъ васъ на проходѣ пользоваться могутъ.

Нужда можетъ быть потребуетъ имѣть вамъ секретную переписку какъ во время плаванія вашего съ нѣкоторыми изъ нашихъ министровъ, находящихся при чужестранныхъ дворахъ; для чего и прила-

гаемъ здѣсь шифры, которыми вы къ нимъ писать и должны, имѣя ихъ всегда за своею печатью, и не инако оными заставлять писать какъ въ своемъ присутствіи.

На чрезвычайные расходы имѣете вы получить отъ нашей Статсъ-Конторы золотомъ десять тысячъ червонныхъ, да сорокъ тысячъ ефимковъ, изъ коихъ мы и вамъ на столъ тысячу двѣсти рублей всемилостивѣйше взять повелѣваемъ, увѣрены будучи, что вы достальныя сіи деньги, съ узаконеннымъ порядкомъ, по надобности и по вашему усмотрѣнію, въ расходъ употреблять будете, о которыхъ, по соединеніи вашемъ съ флотомъ, какъ счеты, такъ и остальныя, главнокомандующему отдать не преминете, равно какъ и журналъ плаванія вашего.

Наконецъ, призывая Бога въ помощь предпріемлемому вами мореплаванію для блага отечества, пребываемъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, 9 Октября 1773 года.

Екатерина.

### РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ВИЦЕ-АДМИРАЛУ А. Н. СЕНЯВИНУ.

9-го Октября 1773 г. Объ отпускѣ ему суммъ на постройку судовъ. Напеч. въ Сборникѣ, т. XIII, стр. 362.

### ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ПРУССКОМУ КОРОЛЮ ФРИДРИХУ II.

13-го Октября 1773 г. По поводу отъѣзда ландграфини Гессенъ-Дармштадтской изъ С.-Петербурга. Напеч. въ Сборникѣ, т. XX, стр. 329.

### 2410) СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ЧЕРНОВОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ШВЕДСКОМУ КОРОЛЮ ГУСТАВУ III [1]).

Ce 13 d'Octobre v. st. 1773.

Monsieur mon frère et cousin. J'ai reçu ce matin la lettre que Votre Majesté a bien voulu m'écrire de Jönköping du 3 d'Octobre. J'y ai vu avec satisfaction celle que Votre Majesté me marque au sujet de ma précédente. Je souhaite que le mariage de m-r le Duc de Sudermanie, qu'elle se propose de conclure, contribue à son contentement et à celui de toute la famille royale [2]); c'est conformèment à ce que j'en ai dit à Votre Majesté que je m'en suis expliqué aussi avec mon oncle, le Duc Evêque de Lubeck, en répondant à la lettre qu'il m'avait écrit à ce su-

[1]) Государств. Архивъ, IV, № 142.

[2]) Бракъ съ принцессою Гедвигою Ольденбургскою состоялся 7 Іюля н. с. 1774 г.

jet. Pour ce qui regarde l'article de la lettre de Votre Majesté, qui regarde la Princesse de Darmstadt, je n'ai rien à ajouter au portrait que j'en ai fait à Votre Majesté. Madame sa mère est sur son départ; le jour en est fixé pour après demain. Les arrangements, auxquels la prudence de Votre Majesté se voit obligée, au sujet des mariages des Princes ses frères, et que je ne peux qu'approuver, éloignent de deux ans au moins toutes vues ultérieures qu'elle pourrait former, et comme aucune proposition n'a été faite, ni qu'aucune parole ait été portée, les volontés des deux côtés restent parfaitement libres. En mon particulier je ne puis qu'être extrèmement sensible au désir que Votre Majesté me témoigne pour l'union étroite de nos maisons et des termes remplis d'amitié, dont elle veut bien se servir. Je ne négligerai assurèment aucune occasion pour lui prouver mes dispositions à cultiver son amitié, étant avec la plus haute considération,

Monsieur mon frère et cousin,
de Votre Majesté
la bonne soeur, cousine et voisine.

## 2411) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАМѢТКА ИМПЕРАТРИЦЫ. [1])

Въ письмѣ № 142, отъ 13 Октября 1773 г., посланникъ въ Варшавѣ баронъ Штакельбергъ доносилъ о совѣщаніи между польскими министрами и послами трехъ дворовъ объ установленіи торговли съ Польшею и приложилъ записку подъ заглавіемъ: Propositions pour le commerce aves les trois cours alliées de la part de la république de Pologne.

О семъ надобно отчасти выслушать мнѣніе нашей Коммиссіи о коммерціи, дабы избѣгнуть можно было въ семъ дѣлѣ великія ошибки, кои безъ того произойти могутъ.

## 2412) НОТА АВСТРІЙСКОМУ ПОСЛАННИКУ КНЯЗЮ ЛОБКОВИЧУ [2]).

(Вручена кн. Лобковичу 17 Октября 1773 г. на конференціи у гр. Н. И. Панина).

Les trois cours unies reconnaissent incontestablement, que le succès de leur commune négociation à Varsovie déjà conduite jusqu'à la conclusion de trois traités de cession, n'est dû qu'à l'unanimité et l'émulation d'efforts de leurs ministres respectifs. En faisant attention, que dans cette première partie de l'opération totale on n'a eu à combattre qu'un

[1]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки Имп. Екатерины II, св. 2, и Польша, III, св. 37.

[2]) М. Г. А. Австрія, IV, св. 3.

genre d'opposition, la répugnance d'un état à céder ses possessions, il parait évidemment, qu'on n'a pas moins besoin de cette unanimité dans la partie qui reste à exécuter, c'est à dire l'arrangement des affaires intérieures, puisque c'est là que va se manifester une multitude d'avis et d'intérêts différents, et qu'on aura à combattre, ou au moins à concilier, autant d'oppositions qu'il y a de partis en Pologne. Et quant à l'importance, on sent que c'est de l'état futur de la Pologne que dépendent et la sûreté des cessions mêmes. et la solidité du système actuel des trois cours.

Déjà les trois ministres ont remis à la délégation quatre des lois cardinales, et la dernière est l'établissement d'un conseil permanent. Le grand nombre des délégués et ceux qui jusqu'à présent ont le plus incliné à faire réussir les vues des trois cours, sont dans la conviction, que cet établissement ne manquerait pas par la suite de devenir l'instrument le plus dangereux du pouvoir arbitraire dans la main du Roi, si on n'y mettait pas un contrepoids, en retranchant des prérogatives de la couronne la distribution des charges, source intarissable de son influence sur ce corps.

Sur ces représentations, qu'ils ont faites à ce sujet aux trois ministres, celui de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies et celui de Sa Majesté Prussienne ont cru se conformer à ce que le plan d'opérations, admis conjointement par les trois cours, leur prescrivait, en arrêtant de servir ces vues prévoyantes de la délégation et de faire des ouvertures directes au Roi pour obtenir de lui la rénonciation à la distribution des charges.

En effet tous les points de ce plan sous le titre «Le rétablissement du gouvernement dans ses vrais principes» ne tendent, pour la plupart, à aucune autre fin, qu'à redresser en faveur de la nation l'équilibre de pouvoir trop penché du côté du Roi. Le point quatrième est le plus précis de tous; il y est nommèment dit, que *l'autorité et la dignité royales seront circonscrites par de nouvelles lois, rédigées plus convenablement à la forme du gouvernement républicain.* Il a paru même aux deux ministres, que l'espérance donnée à la nation dans le cours de la négociation sur l'appui, que recevraient d'eux les changements nécessaires à assurer sa liberté et son indépendance, et surtout la stipulation positive du traité actuellement signé, que le gouvernement sera à perpétuité libre, indépendant et républicain, leur faisait une loi de cette démarche auprès de la cour de Varsovie et de tous autres offices tendant au même but.

Le ministre de Leurs Majestés Impériales et Royales Apostoliques ne s'est pas trouvé du même avis, et il s'est abstenu sur cette affaire de faire cause commune avec eux. On est dans la ferme persuasion, que lorsqu'il aura fait rapport du cas à sa cour, il en recevra des ordres

propres à lui faire reprendre son activité sur le point, dont il est question et à la résolution duquel, indépendamment des raisons ci-dessus alléguées, on aurait pensé qu'il se serait jugé lui-même lié par le pas déjà fait de la présentation de la loi cardinale, à laquelle ce point est relatif. Mais le bien des affaires et l'instance de la chose ne permettent pas à la cour Impériale de Russie de négliger la précaution, surabondante sans doute, de porter le fait à la connaissance de Leurs Majestés Impériales et Royales et de les prier de vouloir bien faire parvenir à leur ministre la direction nécessaire à la circonstance, et elle croit de son devoir de lui représenter que rien ne contribuerait plus efficacement à assurer le reste des opérations, que si m-r le baron Revitzki était autorisé en général à condescendre et même à aider à tout ce qui sera désiré par la pluralité: un ouvrage aussi compliqué que celui de la pacification de la Pologne faisant éclore à chaque pas de nouveaux germes d'utilité ou de besoin, dont la confiance, que la nation polonaise a mise dans les dispositions des trois cours, les incline sans doute à la mettre en état de profiter. Quant au point même dont il s'agit, on ne se permettra aucun raisonnement pour en développer l'utilité relativement même aux intérêts des trois cours; on n'a rien de mieux à faire que de s'en remettre aux lumières profondes et à la sagacité du ministère de la cour Impériale et Royale.

A St.-Pétersbourg,
le 17 Octobre 1773.

## 2413) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ КН. Д. М. ГОЛИЦЫНУ ВЪ ВѢНУ [1]).

Nous voici revenus à de nouvelles négociations avec la cour où vous êtes, pour fixer les limites de ses acquisitions. V. E. se rappellera que tout à été un instant terminé au moyen d'une explication consentie par elle d'admettre le Seret pour le Podorze [2]), duquel il est mention

---

[1]) М. Г. А. Австрія, III, св. 25.

[2]) Въ первой статьѣ конвенціи 25 Іюля 1772 г. новая граница обозначена слѣдующимъ образомъ: „La rive droite de la Vistule depuis la Silésie jusqu'au delà de Sendomir et du confluent de la San, de là en tirant une ligne droite sur Francpol à Zamosk, et de là à Rubieszow et jusqu'à la rivière du Bug, et en suivant au delà de cette rivière les vraies frontières de la Russie rouge (faisant en même temps celles de la Volhynie et de la Podolie) jusque dans les environs de Zparraz, de là en droite ligne sur le Niester, le long de la petite rivière qui coupe une petite partie de la Podolie, nommée Podorze, jusqu'à son embouchure dans le Niester, et ensuite les fron-

dans la convention, et qui par les recherches faites sur les lieux ne se trouve point exister physiquement. Les Polonais étaient contents de cette explication, et elle remplissait entièrement le sens et la lettre du traité de partage. Mais peu avant la signature des traités de cession, la cour Impériale et Royale a changé de sentiment et s'est renfermée dans la répétition littérale de la convention entre les trois cours. De cette façon ce point se trouve renvoyé à la décision des commissaires des deux parts et causera de très grands embarras, si la cour Impériale et Royale persiste à vouloir faire reconnaître non le Seret, mais le Sbrucz pour le Podorze, entendu dans la convention. J'ai l'honneur de vous communiquer ci-joint les remarques qui ont été faites ici sur une ouverture à ce sujet du prince Lobkovitz, et que je lui ai communiquées verbalement. Je vous prie instamment, mon prince, de chercher l'occasion d'amener dans la conversation le prince Kaunitz sur la matière et d'appuyer fortement, par vos représentations, ce que j'ai dit ici au prince Lobkovitz.

---

tières accoutumées entre la Pokutie et la Moldavie". (По тексту, напечатанному въ Собраніи Трактатовъ и Конвенцій и проч., по порученію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ составл. Ф. Мартенсомъ. Томъ II, стр. 26).

Такъ какъ при изслѣдованіи проектированной границы на мѣстахъ рѣки Podorze, въ дѣйствительности, не оказалось, то графъ Н. И. Панинъ предложилъ провести границу по рѣкѣ Серетъ, впадающей въ Днѣстръ. Австрійское правительство не изъявило на это согласія и представило пространное объясненіе, которое было сообщено графу Панину при депешѣ князя Д. М. Голицына отъ 12/23 Декабря 1773 г. (М. Г. А. Австрія III, св. 25). Топографическое недоразумѣніе, возникшее по поводу несуществующей р. Podorze князь Кауницъ старается объяснить слѣдующимъ образомъ:

„En conséqueuce de ce que prescrit la convention, on a suivi très exactement de sa part *les vraies frontières de la Russie rouge, depuis le Bug jusque dans les environs de Sbarraz.*

„De là l'on a suivi de même *une rivière qui tombe en ligne droite dans le Niester.*

„*Au delà de Sbarraz*, qui est la seule façon dont peut s'entendre l'expression *des environs*, et au point où les frontières de la Russie rouge du district de Trembowla touchent les frontières de la Podolie, il n'est point de rivière qui y ait sa source et qui tombe en ligne droite dans le Niester, que le Sbrucz, qui d'ailleurs se nomme aussi Podorcze par plusieurs habitants du pays, et qui est la seule rivière dans laquelle il se rencontre les circonstances indiqueés. Cette rivière est exactement dans le cas des frontières désignées par la convention, dans laquelle il est dit: *qui fait en même temps les frontières de la Volhynie et de la Podolie;* le district de Trembowla se trouvant être incontestablement de la Russie rouge, et aboutissant aux frontières de la Podolie.

„Les termes de la convention disent encore: „*dans les environs* de Sbarraz, et de là en droite ligne sur le Niester, le long de la petite rivière, *qui coupe une petite partie de la Podolie*, nommée Podorcze, jusqu'à son embouchure dans le Niester". Et

V. E. aura l'attention de réitérer à ce ministre les assurances les plus positives, que rien n'est plus dans les dispositions de l'Impératrice que de favoriser en toute circonstance la convenance de la cour Impériale et Royale, que tel est non seulement son sentiment personnel, mais encore qu'il a été prouvé que son système politique, tout séparé qu'il est, est toujours propre à y être adopté; que c'est malgré elle et uniquement par la force des combinaisons réunies sur l'objet présent, qu'elle ne défère point aux désirs de Sa Majesté Impériale et Royale. A la suite de ces assurances V. E. voudra bien ajouter personnellement de ma part au prince Kaunitz, que si je n'ai pu représenter la chose à ma Souveraine sous une autre face, j'attends de sa justice et de sa pénétration, qu'il ne me supposera point, ce qui certainement ne saurait exister en moi, un sentiment contraire aux avantages de sa cour, mais bien plutôt que je repose toute ma confiance dans ses propreş lumières. et que je ne doute point que de ce coup d'oeil si vaste et si juste, dont il embrasse l'ensem-

---

il n'est que le Sbrucz, au lieu du dit Podorc̃ze, qui n'existe point, *qui coupe une petite partie de la Podolie* en ligne perpendiculaire depuis la frontière du district de Trembowla, qui est de la Russie rouge, jusque dans le Niester.

„Les limites ont donc été, par tout ce que ci-dessus, si clairement designées, qu'il eut été impossible aux ingénieurs de se tromper dans la démarcation qu'ils en ont faite; et il n'aurait même jamais pu s'élever le moindre doute à cet égard, s'il n'était arrivé que, manquant de toutes les connaissances locales qui auraient été nécessaires pour ne tomber dans aucune erreur de noms, lors des négociations sur la triple convention, on a pris, pour désigner la rivière en question, la moins commune de ses deux dénominations.

„Et enfin il est de fait que la convention, en déterminant les frontières de la Russie rouge, prescrit en même temps celles *de la Volhynie, de la Podolie*, et ensuite, après qu'on aurait suivi le cours de la rivière, *qui coupe une petite partie de la Podolie*, celle de la Pokutie, et par conséquent la continuation de cette frontière jusqu'au point où celles de Pokutie et Moldavie tombent dans le Niester.

„C'est par conséquent sur les régles prescrites par la convention même que la cour de Vienne fonde la démarcation de ses limites.“

На основаніи этого объясненія границею окончательно была признана рѣка Збручъ. Извѣстный Я. Ѳ. Головацкій повѣствуетъ въ своемъ географическомъ Словарѣ объ особой административной мѣрѣ, принятой Австрійскимъ правительствомъ, съ цѣлью закрѣпить за рѣкою Збручъ названіе Подгорце: подъ штрафомъ 25 гульденовъ запрещено было мѣстнымъ жителямъ употреблять первое изъ этихъ названій. (См. Словарь западнославянскихъ и югославянскихъ земель. Вильна. 1884. Стр. 239). Дѣйствительно, на топографической картѣ Галиціи, изданной въ Вѣнѣ (K. K. militär-geographisches Institut. 1880. Маштабъ 1 : 288,000) рѣка Збручъ обозначена именемъ „Podhorce“; но на другой картѣ, изданной тѣмъ же институтомъ и въ томъ же году (масштабъ 1 : 300,000) уже появляется названіе Zbruczj.

ble des intérêts de sa cour, il verra aussi, quel côté lui offre une convenance plus parfaite et des avantages plus grands, que ceux qui peuvent résulter pour elle de ses limites au Sbrucz et non au Seret. C'est pour un systême d'attaque et de défense vis-à-vis de la Turquie que lui importe la possession de cette nouvelle frontière et la construction d'une forteresse. Dans la même contrée il est d'autres points limitrophes des états héréditaires de la maison d'Autriche, dont l'acquisition sera aussi importante, et où pourra être formée une nouvelle frontière, tout aussi respectable. Je ne m'avance point jusqu'à calculer, s'il n'en coûterait pas moins de peine et d'efforts à obtenir cette nouvelle convenance, j'entends à la faveur de la circonstance de notre guerre avec la Turquie, qu'à forcer l'autre au préjudice de tout ce qui en peut résulter pour le concert sur le Pologne. Alors vous pouvez, mon prince, mettre sur le tapis ce qui s'est passé entre les deux cours par rapport à la Moldavie et à la Valachie. En faisant observer au ministre, que ce fut en la seule considération de la cour de Vienne, que celle de Russie se relâcha sur un systême tout formé par elle pour le sort futur de ces deux provinces, c'est-à-dire pour leur affranchissement de la domination des Ottomans, vous l'amenerez à la conséquence naturelle, que si jamais sa cour a cru avoir quelque obligation à la Porte, elle se trouve y avoir pleinement satisfait par cette modification aux conditions de paix de la Russie, obtenue en sa seule considération, et qu'à présent, au lieu de gèner un de ses voisins, la Pologne, pour sa convenance, il est présumable que dans une négociation on rendrait traitable la Porte à admettre tel arrangement, dont les deux cours seraient d'accord entre elles sur l'établissement de nouvelles limites des états de la cour Impériale et Royale. Dans cette partie je me rapporte à vous, mon prince, pour placer ces vues sous le jour le plus favorable, et comme la proposition d'un ministre qui n'écoute que son zèle pour la conciliation de ces différents intérêts. Au reste j'attendrai que vous me fassiez part de la façon, dont elle aura été reçue par le prince Kaunitz. J'ai l'honneur d'être etc.

A St-Pétersbourg
le 22 Octobre 1773.

## СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ФЕЛЬДМАРШАЛУ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

Напечатано по черновому списку въ Сборникѣ, т. XIII, стр. 365 — 366. Оно отнесено тамъ къ 28 Октября 1773 г., между тѣмъ, въ бѣловомъ подлинномъ спискѣ оно помѣчено самою Императрицею 24-мъ Октября. Варіанты: стр. 366, строка 3-я

[1]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки Имп. Екатерины II, св. 3.

*

вм. «унынья того» — «того унынья»; стр. 5-я вм. «вреднѣе» — «вредно»; стр. 9-я вм. «и» — запятая; стр. 18-я вм. «природными и свойственными дарованіями» — «природнымъ и свойственнымъ дарованіемъ»; стр. 22-я послѣ словъ «мнѣнія о» — должно быть вставлено слово «дѣйствіи»; стр. 23-я «дѣйствительно» опущено, вм. «соотвѣтствующей... именемъ и дѣлами» — «соотвѣтствующемъ... имени и дѣламъ»; стр. 27-я вм. «которое» — «котораго», «мнѣніе» опущено; вм. «немѣшкотно» — «не мѣшкавъ»; стр. 29-я вм. о «достаточномъ наполненіи» — «достаточное дополненіе»; стр. 30-я послѣ словъ «магазиновъ» вставлено: «изъ ближнихъ-ли къ вамъ польскихъ провинцій, или откуда вы за способнѣе найдете, въ чемъ Вѣнскій дворъ вамъ препятствовать не будетъ, ибо съ нимъ соглашенось, что пока война продолжится, намъ остаться въ занятыхъ нами мѣстахъ для пропитанія, и я отъ васъ требую»... и проч. Строка 31-я вм. «всего» — «все»; стр. 34 — 35 «къ вамъ» опущено.

Это же письмо безъ даты напечатано въ книжкѣ: Переписка Императрицы Екатерины II съ графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ, Москва, 1805 года, стр. 53 — 57. См. примѣч. на стр. 437.

## 2414) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ РЕЗОЛЮЦІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

Въ письмѣ отъ 25 Октября 1773 года, изъ Полтавы, князь В. М. Долгоруковъ писалъ гр. Н. И. Панину: «Получа всевысочайшій Ея Императорскаго Величества, отъ 4-го сего мѣсяца, рескриптъ касательно до опредѣленія Калгѣ-Султану на его содержаніе по 500 р. на мѣсяцъ, во всеподданнѣйшей моей на то реляціи не осмѣлился я никакъ принять дерзновенія объясняться при томъ, сколь нужное онъ и по сю пору имѣетъ столовое содержаніе, которое опредѣленный приставъ дѣлаетъ все самъ, но и тутъ по самой крайности и безъ всякихъ прихотей, а необходимо только одно нужное покупается, исходитъ по 20 р. на день, а меньше и быть никакъ невозможно, поелику однихъ чиновниковъ при немъ находится 20, да прочихъ татаръ 57, а всего 77 человѣкъ... Слѣдовательно, м. г., получа онъ таковое на свое содержаніе положеніе въ свое распоряженіе, никоимъ образомъ продовольствовать себя и содержать не можетъ, и хотя я въ немъ меньше всего интересованъ, но какъ онъ довольно не глупъ, да и предварительно я отъ него уже слышалъ мысли его, чтобъ заслать его въ такое мѣсто, гдѣ бы ни онъ никого, ни объ немъ никто не знали, онъ все съ превеликимъ удовольствіемъ пріймetъ и переносить будетъ, такое отчаянное мыслей расположеніе почитаю я происходитъ отъ гордости и пышности его, а не отъ чего иного, въ такомъ случаѣ за нужное разсудилъ я, чтобъ не огорчить его до крайности, удержался объявить ему о томъ, а прикажу продолжить его содержаніе по прежнему». Въ виду стѣсненнаго положенія Калги-Султана и невозможности на отпускаемые 500 рублей содержать свою свиту, «чему тамошніе (въ Крыму) недоброжелатели наши-и ему довольный случай имѣть будутъ укорять ихъ (его свиту), и намъ ни въ чемъ не вѣрить», кн. Долгоруковъ проситъ увеличить сумму на содержаніе Калги-Султана до 1000 рублей.

*Производить Калгѣ-Султану по тысячи рублевъ на мѣсяцъ.*

---

[1]) М. Г. А. Именные указы 1766 — 1779 гг. по Азіатскимъ дѣламъ, № 250.

## 2415) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [1]).

Нашему генералу-поручику Щербинину.

По представленіямъ вашимъ, отъ 13-го и 19-го Октября, о находящемся въ Кубанскихъ горахъ Казы-Гирей-султанѣ, происки-вающимъ сераскерской власти въ Ногайскихъ ордахъ, безъ соглашенія и подтвержденія Крымскаго правительства, и надобно-ли будетъ послѣ склоняющагося на него выбора допускать его, съ стороны нашей, въ распоряженія и предпріятія, въ разсужденіи сихъ ордъ по прежнимъ ихъ обыкновеніямъ начальству сераскерскому свойственныя, а ежели-бъ онъ и еще въ томъ чрезъ нѣкоторое время не предуспѣлъ, не разсудится-ли за полезно употребить домогательства въ пользу Калги-султана, какъ въ благонамѣреніи и доброжелательствѣ уже извѣстнаго, и между тѣмъ не дозволено-ли будетъ и опредѣленному при Ногайскихъ ордахъ приставу подполковнику Стремоухову, при открывающейся опасности въ дальнѣйшемъ его у татаръ пребываніи по случаю полученныхъ имъ извѣстій о турецкихъ судахъ и силахъ, у Таманскаго острова и по другимъ Кубанскаго кряжа мѣстамъ появляющихся, и начавшихся къ татарамъ подсылокъ для разврата въ пользу и содѣйствіе непріятельскихъ намѣреній, и наконецъ и по наступающему при сихъ обстоятельствахъ общему собранію и съѣзду для совѣщанія всѣхъ Ногайскихъ предводителей и мурзъ съ Кабардинскими владѣльцами и другими начальниками живущихъ за рѣкою Кубанью народовъ, уклониться въ предвареніе злодѣйской ихъ поползновенности со всѣми здѣшними людьми, подъ приличнымъ предлогомъ, въ какое либо пограничное мѣсто и остаться тамъ, продолжая и притомъ съ начальниками Ногайскими переписку, доколѣ не настанетъ удобнаго и безопаснаго времени къ нимъ назадъ возвратиться, или же, несмотря ни на что, долженствуетъ онъ у нихъ до послѣдней крайности держаться,—симъ вамъ въ наставленіе и резолюцію объявляемъ, что когда Казы-Гирей-султанъ, по всѣмъ прежнимъ и нынѣшнимъ подполковника Стремоухова примѣчаніямъ, имѣетъ силу и довѣренность въ Эдиссанскомъ начальникѣ Джанъ-Мамбетъ-беѣ и отъ него наиревностнѣйшимъ образомъ подкрѣпляется, а прочихъ Ногайскихъ ордъ начальники воспрепятствовать его выбору неспособными и онымъ подполковникомъ сочтены, Казы-Гирей же, сколько здѣсь извѣстно,

---

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски рескриптовъ къ Е. А. Щербинину 1770—1775. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Р., 1871 г., IV, стр. 159—162.

издавна въ особливомъ уваженіи находится не только у Кабардинцевъ, но у всѣхъ горскихъ народовъ, то весьма и вѣроятно, что онъ въ искательствѣ своемъ не замедлитъ быть удаченъ; напротивъ того, Калга-султанъ, отлучась изъ своего отечества и тѣмъ самымъ исключивъ себя отъ соучаствованія дѣлъ татарскихъ, въ совмѣстничество пронырливому Казы-Гирею никакъ употребленъ быть уже не можетъ, безъ совершеннаго также удостовѣренія о охотномъ и его Ногайцами принятіи, инако же всякая преждевременная попытка въ его пользу, а къ уничтоженію Казы-Гирея, въ случаѣ встрѣчающагося затрудниительства и неудачи, напрасно раздражила бъ сего послѣдняго, который при продолжаемомъ въ Ногайцахъ и частными начальствами управленіи, оставаясь однакоже въ свойственномъ Крымскому султану у нихъ почтеніи, а у прочихъ тамошнихъ народовъ въ силѣ, давно имъ пріобрѣтенной, отъ нашей же стороны ничего ожидать и надѣяться не имѣя, могъ бы, какъ легкомысленный и мстительный по дикости своей человѣкъ, сдѣлаться тягостнымъ злодѣемъ и развратителемъ всѣхъ магометанъ, жителей Кубанскаго кряжа; не меньше и престарѣлый Джанъ-Мамбетъ къ негодованію получилъ бы уже справедливую причину, видя все бывшее за него, Казы-Гирея, заступленіе свое неуваженнымъ и отверженнымъ.

Такимъ образомъ, за полезное находимъ мы представить Ногайскимъ ордамъ, по собственному ихъ соглашенію, выбрать себѣ въ сераскеры и Казы-Гирей-султана, тѣмъ больше, что, будучи онъ подвигомъ ихъ Ногайцевъ произведенъ, также чаятельно поставитъ за долгъ держаться нашей стороны, для сохраненія себя въ семъ толико для него вожделѣнномъ властительствѣ, и къ которому все право отъ нашего только попущенія получитъ, но не пріобрѣтая и притомъ ничего такого, чѣмъ татарская къ магометанству преданность убѣждена была бъ почитать сіе присвоенное имъ преимущество законнымъ и освященнымъ, поелику онъ, ни отъ Порты къ тому не назначенъ, при ея продолжаемой афектаціи въ пожалованіи въ Крымскіе чины, ни подтвержденія имѣть не будетъ отъ Крыма, по содержанію заключеннаго между нашею Имперіей и областію татарскою трактата, и признаннаго въ лицѣ хана тамошняго надъ всѣми татарами верховнаго начальства.

Вы дѣйствительно имѣете въ сходственность сихъ разсужденій, буде онъ Казы-Гирей-султанъ Ногайцами изберется въ сераскеры, сдѣлать ему привѣтствіе отъ собственнаго вашего только имени, но всю власть, принадлежащую по древнимъ Ногайскихъ народовъ обыкновеніямъ, и свободное употребленіе оной однакожъ ему оставить, стараясь и всегда содержать его въ надѣяніи къ сторонѣ нашей, пока изъ послѣдующаго времени и дальнѣйшаго его Казы-Гирей-султана

поведенія со всею подлинностію окажется, достоинъ-ли онъ будетъ ближайшаго нашего покровительства и утвержденія въ сераскерствѣ, или сдѣлаетъ нужнымъ свое уничтоженіе, по происходящей пользѣ или же предосужденію дѣламъ нашимъ, будучи онъ къ тому и другому, по своему проворству и предпріимчивости, кажется не неспособнымъ; но ежели бы напротивъ того онъ въ стараніяхъ своихъ не улучилъ совершенія, и тѣмъ оказалась бы равносильность ему воспрепятствовавшихъ предъ его пособниками и малая и впредь къ тому для него надежда, то пресѣкаясь уже всѣ настоящія сумнительства о представленіи и Калги-султана на сераскерство, начальство весьма нужное для содержанія Ногайскихъ ордъ въ порядкѣ и благоустройствѣ, а особливо при войнѣ продолжающейся, можете вы сами персонально изъясниться съ Калгою, съѣздя къ нему по близкому его отъ васъ пребыванію, пожелаетъ-ли онъ управлять Ногайцами и какими способами сіе намѣреніе наилучше и съ успѣхомъ исполнено быть имѣетъ, по его и тѣхъ ордъ обстоятельствамъ, а вашему общему разсмотрѣнію; и о чемъ вы тогда и сюда донесете, не оставляя и между тѣмъ принять всѣхъ нужныхъ мѣръ, кои бы въ предварительное облегченіе послужили, по собственному вашему распоряженію, до точной нашей на все дѣло резолюціи.

Что касается до другого вашего вопроса о подполковникѣ Стремоуховѣ, мы не ожидаемъ, чтобъ теперь, въ бытность его между Ногайскихъ татаръ, прямая опасность настоять могла, потому что, по полученнымъ здѣсь извѣстіямъ, всѣхъ непріятельскихъ судовъ къ Кубанскому кряжу приближенія миновались, а татары Ногайскіе, пока дѣйствительно не будутъ подкрѣплены турецкими войсками, едва-ли на противные поступки отважатся, сколько о семъ судить можно по всему прошедшему времени и по свойственной имъ робости, какъ и собранія татарскія кажется больше изъявляютъ ихъ страхъ отъ стороны нашей, нежели производятся въ видѣ и намѣренія самимъ сдѣлаться наступателями и явными противниками съ отторженіемъ отъ нашего союза; почему мы и соизволяемъ, чтобъ приставъ здѣшній непремѣнно находился въ ордахъ Ногайскихъ, особливо же, что отлученіе его, и нынѣ и во всякое время, не можетъ не оставить по себѣ худыхъ слѣдствій и толкованій, соображаясь съ понятіемъ татарскимъ, которое неминуемо представило бы имъ, будто мы въ необходимости отъ нихъ Ногайцевъ и отъ всѣхъ татаръ отступиться, предавая ихъ въ волю турецкую, а тѣмъ происки непріятельскіе и получили бы между ними все вниманіе, для чего, ежели бы и впредь когда сумнительство о сихъ татарахъ случилось и они развращенными оказываться стали, со всѣмъ тѣмъ прежде надобно будетъ рѣшиться на подкрѣпленіе здѣшняго пристава достаточнымъ числомъ войска, къ

его безопасности и предудержанію Ногайцевъ отъ противныхъ поползновенностей, нежели на его отъ нихъ удаленіе, и въ чемъ вы сходственно сему предписанію при настояніи подобнаго времени и поступить не преминете. Впрочемъ же пребываемъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ 4 Ноября 1773 года.

Екатерина.

## 2416) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ [1]).

Петербургъ, 5 Ноября 1773 г.

Милостивый мой государь, Евдокимъ Алексѣевичъ.

Слѣдующій при семъ высочайшій Ея Императорскаго Величества рескриптъ содержитъ полную резолюцію на присланныя вами изъ Москвы, отъ 13-го и 19-го Октября, представленія о Казы-Гиреѣ и Калгѣ-султанѣ и о дальнѣйшемъ подполковника Стремоухова между Ногайскихъ татаръ пребываніи.

Ваше прев-во изволите изъ онаго съ подробностью усмотрѣть, по какимъ причинамъ здѣсь заблагоразсуждено избранію Казы-Гирея-султана въ сераскеры надъ Ногайскими ордами не препятствовать, и когда напротивъ того о Калгѣ стараться будетъ можно, и чтобъ и приставъ здѣшній отъ Ногайцевъ не отлучался.

Дѣйствительная сему приставу опасность не могла инако настоять, какъ при подкрѣпленіи татаръ турецкими войсками, ибо въ семъ только случаѣ, ежели бъ увидѣли татары усиліе непріятельское, можетъ статься, попустили бы они себя во искушеніе къ нимъ пристать и предпріятіямъ ихъ содѣйствовать; но теперь такого сумнѣнія нѣтъ. Турецкія суда, сколько ихъ ни оказывалось при Кубанскихъ кряжахъ, по точнымъ развѣдываніямъ и осмотрамъ нарочно посланныхъ изъ здѣшней эскадры, такъ удалились, что нигдѣ ихъ больше не видно было, слѣдовательно, и остаются татары въ прежнемъ положеніи неспособными сами по себѣ къ отважнымъ и единомысленнымъ поступкамъ.

Пускай еще могла бъ причина подана имъ быть къ неудовольствію и колебленности происками почитаемаго ими Казы-Гирея-султана, ежели бъ мы хотѣли начальству его надъ ними противиться; напротивъ того, онъ долженствуетъ быть намъ обязаннымъ и благодарнымъ, узнавъ, что не только ему въ томъ препятствовать не будемъ, но и подкрѣплять его готовы, ежели онъ прямо доброжелательнымъ окажется; а при такихъ обстоятельствахъ я ничего предосудительнаго не предвѣщаю и изъ наступающаго у татаръ общаго собранія, которое больше означиваетъ кажется заботу

---

[1]) М. Г. А. Дѣла Крымскія. Отпуски писемъ гр. Панина къ Е. А. Щербинину 1771 — 1775. Напеч. въ Чтеніяхъ Об. Ист. и Др. Р., 1871 г. IV, стр. 162—163.

ихъ о собственной безопасности, нежели противныя умышленія. А ежели бъ нѣкоторые къ тому совѣты свои подавать восхотѣли, но Казы-Гирей-султанъ, который, по доношеніямъ подполковника Стремоухова, есть главнѣйшимъ возбудителемъ къ сему собранію, долженствуетъ такіе совѣты отвергнуть для собственной своей пользы, какъ имѣющей нужду въ здѣшнемъ соизволеніи на проискиваемое имъ начальство.

Ваше прев-во сообщите съ рескрипта копію и къ кн. Василію Михайловичу, для потребнаго съ его стороны содѣйствія. А каковы получены здѣсь татарскія письма при первой вашей депешѣ, съ оныхъ по требованію вашему прилагаются при семъ же копіи, купно и съ переводами. Впрочемъ пребываю и проч.

## 2417) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ № 11 КЪ КН. В. М. ДОЛГОРУКОВУ [1]).

Нашему генералу-аншефу князю Долгорукову.

Изъ полученныхъ отъ васъ и съ Кубани доношеній увѣдомились мы, что прибылъ въ Суджукъ-Кале, отправленный отъ Порты, Девлетъ-Гирей съ нѣсколькими султанами, для развращенія вступившихъ въ союзъ съ нами ордъ; а какъ статься можетъ, что пріѣдутъ они оттуда и въ Тамань, то почли мы за нужно всемилостивѣйше предписать вамъ на сей случай, чтобъ постарались вы освѣдомляться о томъ чрезъ надежныхъ людей, и, узнавъ заподлинно, что они тамъ находятся, послать туда партію и велѣть переловить ихъ, или же исполнить то другимъ образомъ, который вы удобнѣйшимъ къ сему признаете. И пребываемъ къ вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ Ноября 8 дня 1773 года.

Екатерина.

## ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ПРУССКОМУ КОРОЛЮ ФРИДРИХУ II.

19 Ноября 1773 г. Отвѣтъ на поздравительное письмо, по поводу бракосочетанія Цесаревича Павла Петровича. Напеч. въ Сборникѣ, т. XX, стр. 331—332.

## 2418) ДВѢ СОБСТВЕННОРУЧНЫЯ РЕЗОЛЮЦІИ ИМПЕРАТРИЦЫ [2]).

1) Въ канцелярской цидулѣ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 21 Ноября (2 Декабря) 1773 г., посланникъ въ Мадридѣ, Степанъ Зиновьевъ, просилъ уплатить

---

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3.

[2]) М. Г. А. Именные указы 1760 — 1779 гг. по Публичной Экспедиціи, №№ 347 и 348.

ему чрезвычайныя издержки его со дня его назначенія къ Испанскому двору, въ размѣрѣ 3177 рублей. Къ цидулѣ приложенъ счетъ чрезвычайнымъ расходамъ.

*Прикажите заплатить.*

2) Въ письмѣ къ гр. Н. И. Панину, отъ того же числа, Зиновьевъ повторялъ ту же просьбу, упрашивая заплатить ему какъ можно скорѣе. «Mes besoins sont si grands», писалъ онъ, «qu'un retardement de quelques semaines pourra me mettre dans des embarras cruels».

*Прикажите платить скорѣе.*

## 2419) РАЗСУЖДЕНІЕ ГРАФА Н. И. ПАНИНА ОБЪ УСЛОВІЯХЪ МИРА СЪ ТУРЦІЕЙ [1]).

Апробовано Ея Императорскимъ Величествомъ 23 Ноября 1773 года.

Когда, съ одной стороны, упорство Порты Оттоманской въ дѣлѣ татарскомъ, а особливо въ уступкѣ намъ на Крымскомъ полуостровѣ Керчи и Еникаля съ ихъ принадлежностями, встрѣтило до нынѣ трудности непреоборимыя; когда оныя повидимому вмѣсто всякаго ослабленія отъ времени и продолжительныхъ ей военныхъ злоключеній, такъ сказать, изо дня въ день вновь умножаются, и когда далѣе намѣреніе не одного уже правительства, но и всей націи турецкой, по вкорененному ея безчеловѣчію и звѣрству, кажется быть рѣшительно установленнымъ, лучше въ конецъ подвергнуть себя всѣмъ возможнымъ бѣдствіямъ и опасностямъ отъ продолженія войны, яко въ удаленной еще перспективѣ являющимся, нежели купить за сію цѣну миръ, впрочемъ, по собственному ея признанію, ей необходимо нужный и во всѣхъ другихъ частяхъ довольно выгодный, главнѣйше въ таковомъ предположеніи, что единымъ попущеніемъ Россіи утвердить себя въ Керчи и Еникалѣ лишится навсегда Константинополь внѣшней своей безопасности, слѣдовательно же и самая Имперія Оттоманская всей своей знати и твердости; а съ другой стороны, когда практическое испытаніе могло насъ удостовѣрить: 1-е, что содержаніе, оборона и снабденіе Керчи и Еникаля, еслибъ они остались въ нашихъ рукахъ, не только стали бы повсягодно требовать весьма великихъ расходовъ, но и были бъ еще неминуемо подвержены крайнимъ неудобствамъ и затрудненіямъ, по той причинѣ, что вся коммуникація долженствовала бы сокращаться въ одной навигаціи по Азовскому морю, которая въ каждую зиму нѣсколько мѣсяцевъ совсѣмъ невозможною бываетъ; 2-е, что, вопреки сему, естественное положеніе

---

[1]) М. Г. А. Турція, IX, св. 10.

Керчи и Еникаля не представляетъ въ замѣну никакихъ важныхъ выгодъ, ни для охраненія татаръ, ни для основанія на Черномъ морѣ собственнаго нашего кораблеплаванія, которое при опредѣленіи мирныхъ нашихъ кондицій предполагалось тутъ возможнымъ и удобнымъ, по однимъ теоретическимъ свѣдѣніямъ; ибо теперь напротивъ извѣстно уже, что ни одно изъ сихъ мѣстъ не имѣетъ ни гавани къ помѣщенію судовъ нѣкоторой величины, ниже какихъ либо преимуществъ предъ нынѣшними нашими для Чернаго моря, въ верху рѣки Дона заведенными, верфями, по совершенному въ окружности ихъ недостатку всякихъ матеріаловъ къ судовому строенію, почему оныя, равно какъ нынѣ чинится то съ готовыми уже судами, надлежало бы всѣ безъ остатка сплавливать рѣкою Дономъ изъ верховыхъ городовъ, и для того самаго продолжать и въ оныхъ строеніе годныхъ и надежныхъ къ перевозу морскихъ судовъ; но если бы и сего неудобства не было, какъ оно напротивъ того въ существѣ неоспоримымъ образомъ настоитъ, и строеніе судовъ въ Керчи или Еникалѣ мѣсто имѣть могло, то представилась бы опять невозможность содержать ихъ въ зимнее время при оныхъ, по примѣру тому, какъ въ прошлую зиму первый изъ новопостроенныхъ фрегатовъ принужденъ былъ носиться между льда по чистому морю; и когда наконецъ при сихъ, въ разсужденіи Керчи и Еникаля, критическихъ обстоятельствахъ назначается нынѣ далѣе практикою же, что лежащій, при самомъ устьѣ рѣки Днѣпра, городъ Кинбурнъ соединяетъ въ себѣ несравненно большія удобности для желаемыхъ нами выгодъ: 1-е въ обузданіи татаръ; 2-е въ надежномъ противувѣсіи городу Очакову, который для сего самаго предмета, въ первомъ своемъ бытіи, отъ турокъ заведенъ и до сего времени почитается отъ нихъ ключемъ Крыма; 3-е въ заведеніи на Черномъ морѣ собственнаго своего кораблеплаванія и безпосредственной торговли, потому что у сего города есть мѣсто для пристанища судамъ нарочитой величины, и что еще самая государственная экономія требуетъ открыть рѣкою Днѣпромъ, изъ прилегшихъ къ ней провинцій, какъ удаленныхъ отъ всякаго другого источника коммерціи, новый путь и совсѣмъ почти новое обращеніе по естественнымъ того края способностямъ, каковыхъ рѣка Донъ и протекаемыя ею земли наравнѣ имѣть не могутъ; какъ теперь Прусскій, въ Цареградѣ, министръ Зегелинъ, описывая графу Сольмсу, депешею своею отъ 11-го Октября, тогдашнее расположеніе въ министерствѣ Порты и учиненный ему отъ Рейсъ-Эфендія отзывъ о истребованіи имъ, Зегелинымъ, себѣ отъ здѣшняго двора власти ко вступленію съ нимъ въ предварительные переговоры, тутъ же, хотя и собственнымъ своимъ гаданіемъ и заключеніемъ, но именно однако-жъ примѣчаетъ, что уступка намъ Кинбурна, въ замѣну возвращенія крѣпости Бендерской и другихъ нашихъ завоеваній, не-

встрѣтитъ повидимому таковыхъ затрудненій, каковыя настояли въ разсужденіи Керчи и Еникаля:—то и остается разсмотрѣть подробно и опредѣлить съ точностію, которое изъ обоихъ альтернативныхъ пособій, къ достиженію Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества намѣреній, можетъ, съ исполненіемъ оныхъ, въ полной мѣрѣ скорѣе и надежнѣе доставить намъ столь нужный миръ.

Наступившее зимнее время удобно къ негоціаціи и можетъ съ пользою употреблено быть къ учиненію, безъ всякаго съ нашей стороны компрометированія, первой попытки чрезъ г. Зегелина, если только Ея Императорское Величество изъ человѣколюбія своего и матернѣй къ вѣрнымъ подданнымъ любви, соизволитъ, для скорѣйшаго доставленія имъ вожделѣннаго мира, удостоить высочайшей своей апробаціи сіе разсужденіе и новое альтернативное, въ существѣ прежняго повидимому полезнѣйшее, а для турокъ меньше прикрое, средство.

Въ семъ послѣднемъ случаѣ, довольно будетъ отозваться къ г-ну Зегелину, чрезъ графа Сольмса, чтобы онъ, въ качествѣ министра державы дружественной обѣихъ воюющихъ сторонъ, внушилъ Рейсъ-Эфендію, самъ собою и собственною своею идеею, чтобы Порта Оттоманская, отвергнувъ послѣднія наши мирныя кондиціи, учинила теперь, съ своей стороны, для возобновленія безплодно по сю пору идущей негоціаціи, какія либо новыя предложенія, а особливо представила Россіи, въ замѣну Керчи и Еникаля, почитаемыхъ ею ключемъ Константинопольской безопасности, уступку города Кинбурна, съ предоставленіемъ себѣ въ цѣлости города Очакова, что такимъ образомъ обѣ Имперіи имѣли бы равныя удобности для наблюденія татаръ въ новомъ ихъ политическомъ бытіи, которое впредь тѣмъ меньше доброму ихъ согласію вредить могло бъ, что татары, получая въ свои руки и въ свою власть всѣ нынѣшнія крѣпости на Крымскомъ полуостровѣ и на Таманскомъ острову, сдѣлались бы чрезъ то самое со всѣмъ особливымъ и отдѣленнымъ народомъ, безъ чего, конечно, никогда не согласится Россія на миръ; что для приведенія города Кинбурна въ такое состояніе, дабы оный собственною своею окружностію содержаться могъ, надобно уступить, вмѣстѣ съ онымъ, Россіи тотъ уголъ земли по здѣшнюю сторону рѣки Днѣпра, на которомъ оный лежитъ; и что напослѣдокъ уступка намъ всей пустой земли по ту сторону Днѣпра до рѣки Буга можетъ также способствовать къ склоненію двора нашего на принятіе Кинбурна въ замѣну Керчи и Еникаля, также и возвращенія Портѣ Бендеръ и другихъ отъ нея отнятыхъ городовъ во всей Бессарабіи.

Таковое г-номъ Зегелинымъ, собственнымъ его именемъ, чинимое внушеніе, возобновляя въ турецкомъ министерствѣ надежду мира, поставитъ оное въ необходимость открыть ближе истинныя свои мысли,

а чрезъ то и подается сему Прусскому министру поводъ склонить еще оное, либо на учиненіе ему, формальнымъ образомъ, желаемаго предложенія на вышеизображенныхъ основаніяхъ, или же, по отобраніи въ партикулярныхъ сношеніяхъ султанскаго соглашенія, заставить себя просить, чтобъ онъ сдѣлалъ оное двору нашему собственною своей мыслію, и такою, которая, по усмотрѣнію его, отъ стороны Порты дезавуирована не будетъ.

## 2420) РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ № 12 КЪ КН. В. М. ДОЛГОРУКОВУ [1]).

Нашему генералу князю Долгорукову.

Принявъ въ уваженіе благонамѣренность къ нашей сторонѣ Калги-Султана, число находящейся нынѣ при немъ его свиты и ваше объ ономъ представленіе, высочайше повелѣваемъ вамъ давать на содержаніе его со свитою по тысячѣ рублей на мѣсяцъ. И пребываемъ вамъ впрочемъ Императорскою нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, Ноября 28 дня 1773 года.

Екатерина.

## 2421) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ [2]).

Къ письму барона Штакельберга, посланника въ Варшавѣ, отъ 1 Декабря 1773 г. приложены были три піесы: 1) собственноручная записка короля Станислава-Августа къ барону Штакельбергу, 2) письмо къ нему же отъ оберъ-камергера графа П. Понятовскаго отъ 4 Декабря н. ст. и 3) прошеніе князей Августа и Антонія Сулковскихъ о пожалованіи имъ одного староства въ Бѣлоруссіи, взамѣнъ претензій ихъ въ 60,000 дукатовъ къ русской казнѣ. Препровождая эти документы, Штакельбергъ писалъ, по поводу записки короля:

„Si nous voulons essayer encore une fois de nous attacher ce prince et de sortir en Pologne de ce rôle d'opposition à la cour, pour le cas où de grandes raisons politiques ne l'exigent, il me parait qu 'il serait bon que V. E. m'écrivit une lettre ostensible analogue à ce système. Un melange adroit d'assurances d'amitié et de menaces de l'abandonner ferait, je crois, l'effet désiré. Le grand point cependant est de donner de quoi vivre à ce prince, en lui payant ses arrérages et en y portant les autres cours, suivant les traités et la justice. Le grand chambellan est dans la misère la plus affreuse; il jette de hauts cris de ce que la recommandation de l'Impératrice en faveur de Bra-

---

[1]) М. Г. А. Турція, X, св. 3. См. выше № 2414.

[2]) М. Г. А. Собственноручныя письма и записки Императрицы Екатерины II, св. 2, и Польша III, св. 37.

nicki, duquel encore nous n'avons pas lieu d'être extrèmement contents, l'ait privé du petit bâton. Il m'a chargé de la lettre ci-jointe pour V. E., ainsi que le prince Sulkowski—du mémoire qui accompagne également cette lettre. Je ne saurais refuser à cet homme la continuation du témoignage de ses talents extraordinaires et de sa conduite suivie et désintéressée, chose bien rare dans ce pays-ci. Quant au prince chambellan, il a été obligé de vendre son régiment et sa charge de grand chambellan à un jeune comte Potocki".

Записка короля Станислава-Августа къ барону Штакельбергу: „Vous venez d'être l'instrument du cruel sacrifice, dont je suis la victime innocente. Vous avez vu toute l'amertume de ma peine. Sans doute vous y avez compâti vous même, et vous devez désirer d'y porter remède et adoucissement. Mais il ne saurait y en avoir, tant que l'Impératrice ne me rend pas son amitié. Travaillez-y, je vous en conjure. Je suis malheureux de trop de façons et depuis trop longtemps, pour qu'enfin Elle n'en soit pas touchée. Ce dernier coup, je l'avoue, m 'a percé le coeur, parce qu 'il attaque ma dignité et surtout parce qu'il me vient directement d'Elle, d'Elle, envers qui pourtant mon coeur n'eut jamais de torts. Mais si enfin même Elle a pu m'en supposer, j'ai expié, je crois assez cher cette funeste opinion. Je vous prie encore, M-r, de rendre à l'Impératrice un compte exact de ma situation, de celle de tout ce qui me touche de plus près, et de celle de la Pologne entière, qui, dans son accablement, est bien peu en état de m'aider moi personnellement. Je ne vous en demande pas davantage, car malgré l'extrème bonheur qui environne votre souveraine, je crois pourtant son âme encore au-dessus de sa fortune et qu 'Elle sait se mettre à la place des malheureux".

Pour ce qui regarde le Roi et son frère, je vous prie d'imaginer ce qui pourrait se faire pour eux; d'abord je donnerai volontiers et porterai deux autres cours à rendre au Roi (si cela n'a pas encore été fait) ce qui lui revient jusqu 'à la prise de possession; il me semble que le c-te Czernischew a eu ordre d'en faire le compte, je le presserai de les présenter.

Le grand chambellan. C'est à vous d'imaginer quoi faire, je n'en sais rien.

Mais pour messieurs Sulkowsky, leur demande est ridicule; pour 60,000 ducats qu'ils prétendent leur être dûs, prétention qui mérite d'être examinée et qui jamais ne l'a été, ils me demandent 14,000 paysans en propre, qu 'ils n'auront point; j'aimerais mieux leur payer leur prétention, après mûr examen.

## СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ФЕЛЬДМАРШАЛУ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦЕВУ [1]).

6 Декабря 1773 года. Напеч. по черновому списку въ Сборникѣ, т. XIII, стр. 374—376. Варіанты: стр. 374, строка 1-я—„числа" опущено; стр. 6-я вм. „и"—

---

[1]) М. Г. А. собственноручныя письма и записки Имп. Екатерины II, св. 3.

„о“; стр. 21-я—„съ“ опущено; стр. 22-я—„не“ опущено; стр. 26-я—вм. „укоренившіяся мнѣнія“—„вкоренившееся мнѣніе“. Стр. 375, строка 9-я—вм. „къ дѣйствію“—„дѣйствіямъ“; стр. 14-я вм. „о чемъ“—„о семъ“; стр. 19-я—вм. „имперіи служащихъ“—„служащихъ имперіи“; стр. 21-я вм. „прилагаемые“—„прилагаемы“; стр. 31-я послѣ „дѣйствовать“ точка съ запятой; вм. „въ Архипелагѣ, кой флотъ“—„Архипелажской флотъ“.

Это же письмо напечатано въ книжкѣ: Переписка Императрицы Екатерины II съ гр. Румянцевымъ-Задунайскимъ, Москва, 1805 г., стр. 70—77.

## СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ ГРАФУ А. Г. ОРЛОВУ.

6 Декабря 1773 г. О награжденіи чинами Т. Аорѣлева, А. Маса и Г. Ризо. Напеч. въ Сборникѣ, т. I, стр. 95.

## 2422) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

(Декабрь 1773 г.).

Le comte Goertz, outre la lettre de cérémonie, m'a remis encore la lettre que je joins avec ma réponse à ce billet; vous la lui ferez remettre, s'il vous plait, la mienne s'entend.

(Напечатана по копіи въ Сборникѣ, т. XX, стр. 335, въ приложеніи къ письму короля Фридриха II къ Императрицѣ отъ 6 Декабря (25 Ноября) 1773 г. Отвѣтъ Императрицы на это письмо послѣдовалъ 4 Января 1774 г.,—напеч. тамъ же, стр. 337—338).

## 2423) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАМѢТКА ИМПЕРАТРИЦЫ [2]).

Въ реляціи отъ 8 Декабря 1773 г. за № 157, посланникъ въ Варшавѣ баронъ Штакельбергъ писалъ: La confédération n'ayant pas trouvé dans la forme prescrite le récès du grand-général comte Oginski, allait le dépouiller de sa charge, lorsqu'à point nommé un courrier a apporté ici un autre récès, qu'on a jugé légal et satisfaisant. Cet incident a sauvé m-r d'Oginski, au grand regret de la famille de Sapieha. Je me suis règlé dans cette affaire sur les ordres de Sa Majesté Impériale, en ne m'en mêlant pas directement. Je n'entre cependant pas moins dans la situation du général prince Sapieha,

---

[1]) Гос. Архивъ, X, № 69, л. 265—собственноручныя записки Имп. Екатерины II по дипломатическимъ сношеніямъ съ Англіей, Франціей и Пруссіей. Графъ Герцъ прибылъ въ Петербургъ для поздравленія съ бракосочетаніемъ в. кн. Павла Петровича 5 Декабря 1773 г., имѣлъ отпускную аудіенцію 6 Января 1774 г. (Бантышъ-Каменскій. Обзоръ внѣшн. сношеній Россіи, т. IV, стр. 75).

[2]) М. Г. А. Польша III, св. 37.

qui ne nous ayant jamais donné le moindre sujet de mécontentement, se voit de nouveau privé de l'espérance de réparer le passedroit, qui lui a été fait par m-r d'Oginski. Il reste cependant encore un moyen pour venir au secours du susdit prince: c'est de porter le grand-général à lui céder volontairement le grand bâton. Je regarde cela comme facile, en cas que Sa Majesté Impériale voulût mettre la restitution de ses biens héréditaires dans les nouvelles provinces à cette condition. Sans y compromettre l'Impératrice, je pourrais, pour ma personne, entrer dans cette négociation. Quoiqu 'une affaire particulière, je la regarde cependant assez importante pour la conservation de notre crédit en Pologne, car m-r de Saldern a fait revenir le prince Sapieha de ses voyages, en lui promettant le grand bâton.

*Ils feront Oginski et Sapieha comme ils voudront, et M-r Stackelberg les laissera faire.*

## 2424) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ И. А. ОСТЕРМАНУ ВЪ СТОКГОЛЬМЪ [1]).

St. Pétersbourg, ce 20 Décembre 1773.

Le Roi de Suède a fait parvenir à l'Impératrice, il y a plus d'une année, M-r, qu'à l'occasion de son voyage royal dans ses états, ce prince désirerait de venir voir l'Impératrice dans sa cour. La réponse de Sa Majesté Impériale fut, qu'elle sera toujours charmée d'avoir chez elle un tel hôte. A présent le Roi vous ayant fait l'honneur de vous reparler de ce voyage pour l'été prochain, l'Impératrice vous autorise à cette occasion de faire connaître que ses dispositions et son sentiment sur la visite du Roi son cousin sont toujours les mêmes. V. E. placera cette insinuation dans le temps et de la manière qu'il lui paraîtra le plus convenable, soit qu'elle trouve à propos de la produire dans un de ces entretiens, dont quelque fois S. M. l'honore, soit qu'elle s'en ouvre au ministère, et par lui la fasse parvenir au Roi. Mais dans l'un et l'autre cas, vous aurez pour objet, M-r, de marquer le désir sincère de S. M. I., de faire la connaissance personnelle d'un Roi son voisin, uni à elle par une estime réciproque et par des liens de la plus proche parenté. V. E. aura la bonté de m'informer, de quelle manière elle aura rempli cette commission. J'ai l'honneur etc.

## 2425) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ГРАФУ И. А. ОСТЕРМАНУ ВЪ СТОКГОЛЬМЪ [2]).

Отвѣтствуя на письмо в. с-ва отъ 22-го минувшаго Ноября, коимъ изволили вы меня увѣдомить о бывшемъ у васъ партикуляр-

---

[1]) М. Г. А. Швеція, III, св. 41. См. выше №№ 2181 и 2189.

[2]) М. Г. А. Швеція, III, св. 41.

номъ разговорѣ съ Его Величествомъ Королемъ Шведскимъ, примѣчу я здѣсь, что пріѣздъ Его Величества былъ бы намъ конечно пріятнѣе въ то время, когда у насъ миръ съ турками заключенъ уже будетъ, нежели при настоящихъ нашихъ хлопотахъ; однакожъ, когда онъ нынѣ вторичное оказалъ желаніе посѣтить всемилостивѣйшую нашу Государыню, при случаѣ чинимой имъ въ Финляндіи будущимъ лѣтомъ Эрикской поѣздки [1]), то и не позволяетъ намъ благопристойность препятствовать тутъ исполненію его намѣренія. Сей ради причины прилагаю я здѣсь, по высочайшей Ея Императорскаго Величества волѣ, французское письмо [2]), которымъ королю желаемый къ тому поводъ преподается, вслѣдствіе прежняго съ его стороны отзыва. Я предаю въ собственное в. с-ва благонзобрѣтеніе, какое опымъ сдѣлаете употребленіе предъ шведскимъ министерствомъ, словесное-ли только, или же, подъ видомъ персональной вашей къ нему довѣренности и для сохраненія всей точности здѣшнихъ выраженій, сообщить ему оное въ оригиналѣ.

Считая отъ сего времени навѣрное, что мы будущимъ лѣтомъ будемъ имѣть Его Шведское Величество гостемъ, нахожу я за нужное повторить здѣсь в. с-ву, во всѣхъ частяхъ, прежнее мое письмо отъ 7-го Апрѣля прошлаго года [3]) и требовать симъ благовременнаго и обстоятельнаго увѣдомленія о точномъ времени отъѣзда Его Величества въ Финляндію, какой путь онъ изберетъ, землею или водою, сколько въ первомъ случаѣ подъ свиту и багажъ лошадей потребно будетъ, въ которую пору должны онѣ на станціяхъ готовы быть, дабы въ работное время простою случиться не могло, сколь велика будетъ его свита въ числѣ придворныхъ и слугъ, не возьметъ-ли онъ съ собою котораго изъ принцевъ, братьевъ своихъ, и какія, по истинному характеру и нраву Его Шведскаго Величества, угощенія могутъ ему пріятнѣе быть; ибо всемилостивѣйшей Государынѣ угодно, чтобъ онъ, во время пребыванія его при дворѣ Ея Величества, которое, конечно, долго не продолжится, вседневно по его склонностямъ угощаемъ былъ. Всегда пребуду и проч.

Въ С.-Петербургѣ, 20-го Декабря 1773 г.

(въ шифрахъ).

---

[1]) М. Г. А. Швеція III, св. 41. Эрикская поѣздка — Eriksgata (gata = улица, дорога); такъ называется въ Швеціи, съ древнѣйшихъ временъ, путешествіе, предпринимаемое королемъ, по своему государству, вскорѣ послѣ вступленія на престолъ. — Обстоятельная историческая справка объ Eriksgata помѣщена въ Dr. N. Linder Nordisk Familjebok-Konversations-Lexikon, IV т., 5 вып., стр. 672 (Stockholm, 1881).

[2]) См. выше № 2424.

[3]) См. выше № 2189.

## 2426) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ ПОВѢРЕННОМУ ВЪ ДѢЛАХЪ ВЪ ПАРИЖѢ Н. К. ХОТИНСКОМУ [1]).

S.-Pétersbourg ce 24 Décembre 1773.

La lettre que je vous fais parvenir ci-jointe, M-r, est la réponse de l'Impératrice à la lettre de notification, que lui a écrite le duc d'Orléans sur la naissance du duc de Valois [2]). Vous la ferez parvenir aux mains de ce prince par la voie et de la manière que cela s'est pratiqué précédemment dans les cas pareils, en l'accompagnant d'un compliment de l'Impératrice et de l'assurance de son affection pour le duc d'Orléans et sa maison.

(*En chiffre*). Il s'est passé un inconvénient à la remise de la lettre de la notification du duc d'Orléans, dont je dois vous instruire. Le ministre de France m-r Durand, à qui elle était parvenue sans copie qui y fut jointe, l'a décachetée sous prétexte qu'il ne savait pas de quoi il s'agissait dans cette lettre. Et c'est dans cet état que cette lettre visiblement décachetée, et même en m'en faisant l'aveu, que ce ministre me l'a remise pour la présenter.

Comme ceci n'a été qu'une indiscrétion de lui, dont rien ne pourrait être justement imputé au duc d'Orléans, l'Impératrice a passé sur cette irrégularité, n'a point refusé la lettre et y a fait la réponse ci-annexée. Mais je serais bien aise, que cette circonstance ne reste pas ignorée dans la maison du duc d'Orléans, qui y verra un sentiment de défiance dans le ministère de France à son égard et particulièrement contraire à la bonne volonté de la cour de Russie.

Vous verrez donc à qui de la maison du duc d'Orléans, soit son chancelier ou autre, il conviendra mieux que vous faisiez ce détail. Vous rapporterez la chose comme elle s'est passée discursivement, sans affectation et sans la moindre apparence de la plainte. Je suis très parfaitement, M-r, etc.

## 2427) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 49 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [3]).

St.-Pétersbourg, le 31 Décembre 1773.

Le but, auquel ont visé en tout temps les boutefeux en Pologne, a été l'abolition ou au moins l'affaiblissement du *liberum veto*. Ce n'est qu'en sapant cet ancien principe du gouvernement polonais que

---

[1]) М. Г. А. Франція, III, св. 13.

[2]) Принцъ Людовикъ-Филиппъ, будущій король французовъ, родился 6 Октября (нов. ст.) 1773 г.

[3]) М. Г. А. Польша, III, св. 35.

certains esprits, dont le manège vous est connu, M-r, voyent de la possibilité à réaliser leurs idées favorites de domination dans l'intérieur et de représentation au dehors. Quelques succès, qu'ils ont eu à la diète précédente, les rendent plus hardis et plus exigeants à celle-ci, et ils ne croyent pas qu'on s'obstine à les arrêter dans leurs marche, puisqu'on a eu la condescendance de leur laisser faire le premier pas. Pour vous faire une idée nette de ceci, il est à propos que vous ayez présentes les circonstances et la tournure des choses vers la fin de la diète de 1768. Toute l'opération avait commencé avec le parti opposé à la cour, et par un changement de scène, c'est avec celle-ci qu'on a fini. Elle a sent l'utilité de sa coopération et n'a pas négligé de s'en prévaloir. On s'est prêté à ses vues, mais seulement jusque là où on pouvait le faire sans inconvénient. Le relâchement fait au *liberum veto*, auquel on a soustrait alors les affaires de détail, ne pouvait que faciliter le bon ordre, et n'était nullement dangereux. Il n'en serait pas de même si on allait au delà de ce premier pas et qu'on laissât prendre à la régence un degré d'activité qui tirerait cette puissance du système, dans lequel les trois cours se sont proposées de la maintenir. Vous conférerez donc à ce sujet avec vos collègues. Vous leur ferez sentir le danger de lâcher les mains aux polonais dans une entreprise de cette nature, et en vous réunissant tous les trois, vous devez maintenir l'accord des trois cours, tel qu'il est porté dans le plan, qui est de laisser sous la garde du *liberum veto* toutes les matières qui y ont été précédemment. Ce n'est pas assez de conserver sous cette loi la paix, la guerre et les alliances, il est encore très important d'y laisser les impôts, l'augmentation des troupes, le commerce, la monnaie et généralement toutes les matières d'état. S'entend que si vous êtes obligé de vous relâcher sur quelqu'une de ces matières, cette concession au moins ne soit point telle qu'il en puisse résulter une activité dangereuse dans l'état. C'est aux polonais à profiter de la diète actuelle sous une confédération, pour règler ce qui appartient à chaque partie de l'administration de la façon la plus avantageuse pour eux, et en cela vous pouvez les laisser faire; si ce n'est l'augmentation des troupes, sur laquelle vous avez une prescription fixe, et dont vous ne vous départirez point. Une autre vue des polonais, qui ne demande pas moins d'attention, c'est le projet de changer la forme de l'élection. Dans le système d'union où se trouvent les trois cours et qu'elles ont en vue de maintenir, leur intérêt s'accorde avec celui des polonais à ce que l'interrègne et l'élection des rois ne soit plus un champ malheureux de factions, de troubles et de guerres civiles. Mais l'abolition de la forme si ancienne de l'élection, pour lui en substituer une nouvelle, et le choix de celle-ci n'est pas un point sur lequel il faille se décider au hasard, avec précipitation, dans l'embrouillement de nombre d'autres affaires et

*

sur les premières idées de quelques têtes peu accoutumées à réfléchir. Cela mérite bien seul d'être l'objet d'un long examen et d'une négociation entre la Pologne et les trois cours, et vous jugez bien que ce n'est pas au moment de l'effervescence des esprits, et où la nouveauté des choses suffit pour en faire suspecter la durée. que peut être ouverte une telle négociation. A présent toute idée nouvelle de la part des polonais ne s'offrant aux trois cours que sous l'aspect de donner plus de force ou d'activité à la république, et par là même étant suspecte, celles-ci s'essayent mutuellement pour savoir ce que l'autre pense de cette idée, et chacune craint, avec raison, de s'expliquer la première, afin de ne point donner de la jalousie et des soupçons aux deux autres. Il n'en sera pas de même lorsque ces choses, ayant reçu plus d'affermissement par le temps, inspireront naturellement plus de confiance. La réunion des trois cours pour la revendication de leurs droits en Pologne a formé entre elles un nouveau système. La Pologne entre dans ce système comme une puissance intermédiaire tranquille, qui prévient le choc d'intérêts des trois autres et fortifie leur union. Lorsque celles-ci auront vu que réellement tel est l'effet obtenu de cette destination, elles s'appliqueront à perfectionner cet état, et un arrangement qui garantira de troubler l'élection d'un roi de Pologne se recommandera à elles par tous les motifs de leur propre intérêt. C'est alors que la négociation pourra s'entreprendre avec succès, parce qu'elle trouvera des esprits tranquilles et prévenus en sa faveur; mais pour le moment il est impraticable et même dangereux de la mettre en avant; et vous et vos collègues, il est de votre devoir d'empêcher qu'il ne soit rien innové par les polonais seuls dans cette diète sur un objet de cette importance.

Pour ce qui est du pouvoir des grands généraux et des grands trésoriers, vous pouvez vous règler sur ce qui sera du goût le plus général et abandonner ce point là à la pluralité, surtout à présent que vous avez réussi à préparer les choses vis-à-vis du Roi de façon que l'établissement d'un conseil permanent ne porte plus avec lui les dangers qu'on en appréhendait, et qu'on doit s'en promettre au contraire l'effet naturel de balancer les différents pouvoirs de l'état. Je ne saurais toucher cette matière sans vous faire des compliments sincères sur cette négociation. Sa Majesté Impériale a applaudi à vos succès et elle a approuvé toutes vos démarches pour y parvenir. Je m'explique en un autre endroit sur le compte que l'Impératrice tient au Roi de ses sacrifices. J'ai l'honneur d'être etc.

## 2428) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 51 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

Lorsque la délégation vous a fait la demande, M-r, qu'il plût aux trois cours de payer au Roi, sa vie durant, tout ce que ce prince tirait de revenu des biens domaniaux, dont il est privé par le partage, on ne pense pas qu'elle s'en soit promis d'autre effet, que de justifier à ses commettants de son zèle et de ses ressources dans la négociation dont elle était chargée. Les inconvénients qui résulteraient d'une pareille complaisance des trois cours sont trop frappants pour qu'on ait espéré de les dérober à leur attention. Quand même elles pourraient renoncer à l'objet d'intérêt qui s'y trouve, elles n'iront point favoriser l'idée d'une capitulation sur des prétentions évidentes et d'en avoir acheté du Roi la reconnaissance et la réalisation. Mais indépendamment de toutes les conséquences qui naissent de là et peuvent s'étendre à l'infini, vous avez, pour éluder une telle demande, un raisonnement direct aux polonais, que je ne doute point que vous ne maniez avec dextérité et avec succès. C'est qu'il est contre la dignité de la Pologne, contre la décence même, que son Roi soit publiquement le pensionnaire de cours étrangères, et cela de l'aveu et par une stipulation formelle de la république. On sait qu'il faut remplacer le vide des finances du Roi, et les trois cours s'en sont occupées dans leur plan. Mais ce remplacement ne saurait se faire ailleurs que dans l'intérieur de l'état. Vous et vos collègues vous êtes munis d'instructions à ce que cela s'effectue par des arrangements intérieurs, et celui qu'on a cru le plus praticable est la conversion d'une certaine quantité de starosties en biens royaux. Aucun expédient ne paraît plus raisonnable, et vous travaillerez à en poursuivre l'exécution. Si cependant les polonais en trouvent un autre et s'accordaient entre eux, vous pouvez favoriser leurs vues dès que vous n'y apercevez aucun inconvénient politique, vous attachant seulement de faire porter l'état du Roi au revenu annuel apprécié dans le plan des trois cours. Dans ceci vous engagerez vos collègues à agir de concert avec vous, et tous les trois vous appuyerez de tout votre pouvoir les intérêts du Roi.

Par le langage que je vous tiens ici, M-r, vous jugez que le dernier trait du Roi en souscrivant aux restrictions de ses prérogatives, nécessaires à la pacification de sa patrie, a effacé tout sujet de mécontentement antérieur. Vous êtes autorisé à assurer ce prince de l'ami-

---

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 35.

tié de l'Impératrice et du soin avec lequel elle cherchera dans toutes les occasions à procurer son bien-être et sa tranquillité. Vous commencerez à lui en donner une preuve par la promesse, que S. M. lui fera tenir compte de ce qui se trouve avoir été perçu de ses revenus, jusqu'au jour de la prise de possession des provinces récupérées, et que Sa Majesté va s'intéresser auprès de ses deux alliés pour que pareille faveur lui soit faite de leur part. Sa Majesté lui fera aussi bonifier l'inventaire de ce qui s'est trouvé en réalité dans ses économies. Les ordres sont donnés d'en arrêter le compte, et aussitôt que cela sera fait, les ordres de satisfaire le Roi seront donnés.

Ceci n'est qu'une faveur personnelle au Roi, parce que quant à la bonification des inventaires des terres des particuliers et des arrérages, vous pensez bien, M-r, que ce serait un abîme, dont on ne sortirait jamais. Si nous ne rejettions pas de telles réclamations dès le principe, nous nous y verrions bientôt forcés par l'affluence des demandes et l'exorbitance des évaluations et des titres de toute espèce qu'on nous produirait. Le plus court est de trancher net et de dire, que votre cour n'admettra qui que ce soit à aucune revendication de cette nature.

C'est aussi la même réponse que vous avez à faire sur la demande de laisser les starosties aux possesseurs actuels. Chacune des trois cours a pris à ce sujet les arrangements qu'elle a cru lui convenir. Les notres sont qu'il en a déjà été disposé en faveur de sujets de la Russie, et c'est une chose contre laquelle il n'y a plus à revenir. Si parmi ces starostes il s'en trouve qui aient bien mérité de nous dans les affaires présentes, vous chercherez à les consoler par la promesse de vous employer à leur procurer quelque avantage dans leur patrie, et réellement votre crédit et votre influence doit maintenant se diriger à faire, autant que vous le pourrez, le bien de ceux qui vous ont été utiles. Je suis avec une parfaite considération etc.

St.-Pétersbourg, le 31 Décembre 1773.

## 2429) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 52 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

С.-Петербургъ, 31 Декабря 1773 г.

Les plaintes de la délégation sur les prétendus excès commis en Ukraine, de la part des grecs non-unis, sont une affaire très délicate, M-r, et qui demande toute votre attention. C'est une proposition très

[1]) М. Г. А. Польша III. св. 35.

captieuse que de remettre les choses *in statu quo* de l'année 1764, et qui ne tend à rien moins qu'à annuler en entier la constitution de 1768 en faveur des grecs et des dissidents. Conformèment à cette constitution les églises enlevées à ceux-ci ont dû leur être restituées, et s'il y en a eu quelques unes qui l'ont été réellement, ce ne peut être qu'un très petit nombre, en comparaison de celles dont ils avaient été dépouillés précédemment et qui restent aux mains des catholiques romains et des grecs unis. Dans les circonstances actuelles le mieux pour nous et pour la délégation serait d'étouffer cette affaire, qui ne peut que ranimer l'esprit de fanatisme dans le peuple, qui a causé tant de troubles et de confusion. Pour nous, il ne convient point que nous souffrions que ce qui a été fait en exécution d'un traité conclu avec nous, soit annulé, et ceux que nous avons protégés avec tant de peines et d'efforts, abandonnés à la merci de leurs anciens persécuteurs. Vous êtes instruit par la réponse du maréchal Roumiantzof, que toutes les imputations à la charge des grecs sont exagérées et que si nous écoutions de notre côté avec autant de facilité qu'on le fait en Pologne tous les griefs des notres, nous aurions à produire des plaintes tout aussi graves et aussi multipliées. La seule règle qu'on puisse se faire, c'est que ce qui a été fait quant à la restitution des églises doit subsister, et pour ce qui est du bon ordre et de la tranquillité sur les lieux, comme il y va également de notre intérêt et de celui de la république, il n'y a pas de moyen plus efficace que d'y nommer des commissaires de part et d'autre de la façon que vous l'avez proposé. Sans doute que s'il se trouve des excès manifestes de part ou d'autre, ils pourront être redressés avec douceur et circonspection, mais le point des églises restituées aux grecs non unis, qui en manquaient par cette première privation, doit être inviolablement conservé.

Je viens naturellement à vous parler de l'affaire générale des dissidents. C'est un état bien critique et bien malheureux que vous perdiez l'espérance de les conserver dans la législation. C'est cependant un point, dont il ne vous est pas permis de vous relâcher, et les ordres de l'Impératrice, que je vous renouvelle ici, y sont préfixes.

Retournez vous, M-r, vers vos deux collègues, montrez leur que dans le plan convenu entre les trois cours il a été arrêté, comme un point irrévocable, le maintien des dissidents dans les places de nonces, et ouvrez-vous à eux que les dernières iustructions que vous recevez de votre cour, sont de maintenir ce point. Engagez les, comme ils le doivent à la fidélité du concert, à s'opposer en commun avec vous à ce qu'il ne soit pris dans la diète aucune résolution qui y soit contraire. Combattez avec force toute résistance nationale, et ne vous laissez ébranler par aucune considération que ce puisse être. Si vous voyez que

vos efforts ne puissent jamais réussir à ce que leur droit à la place de nonces soit maintenue dans la même force, qu'il a été statué dans la constitution de 1768, le seul tempérament qu'il vous soit permis d'admettre, c'est qu'on fixe à un certain nombre les dissidents qui pourront être élus pour une diète; tout ce qui passerait ce nombre étant censé invalidement élu, et en laissant passer sous silence la nécessité de les élire, il s'ensuivra que leur droit n'aura que peu ou point d'activité, mais au moins il sera conservé. Mais si celà même ne peut pas être obtenu, dites que vous ne voulez point entendre parler de l'affaire des dissidents, et que vous avez défense de votre cour de participer à quoi que ce soit qui les concerne. Leur exclusion de la législation prononcée dans une diète sous les auspices des trois cours serait un coup plus fatal pour eux, que toutes les constitutions antérieures qui les ont dépouillés, et Sa Majesté Impériale, qui par amour pour la paix fait le sacrifice de laisser passer et d'approuver leur rénonciation aux places du sénat et du ministère, ne trahira pas la justice et sa gloire, en souscrivant leur ruine et leur abandon total. C'est ici, M-r, que vous devez réunir tous vos talents et toute votre fermeté, et où vos succés ne peuvent manquer de vous faire un mèrite bien réel auprès de la cour. J'ai l'honneur d'être etc.

## 2430) ПРОЕКТЪ ПИСЬМА ГРАФА Н. И. ПАНИНА № 57 КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

Vous attendez une résolution, M-r, sur la conduite que vous avez à tenir dans l'affaire entre la cour de Saxe et le duc de Courlande pour une répétition de 200 mille écus, que forme celui-ci à la charge de l'autre. L'intention de Sa Majesté Impériale est que vous teniez à cet égard la même conduite qui fut prescrite à vos prédécesseurs, le prince Repnine et le prince Volkonsky; c'est-à-dire, que vous fassiez en sorte que cette affaire reste dans la première indécision et qu'elle ne soit ni résolue ni même agitée dans la diète. Et même c'est le seul parti juste et propre à contenter au même degré les deux parties, le duc restant dans l'espérance qu'en temps et lieu il pourra faire revivre ses prétentions, et la cour de Saxe se flattant que la rénonciation du Roi et de la république s'étend sur cette dette et qu'ainsi elle est quitte. On conçoit bien que dans le temps dont il est question, le duc de Courlande, en laissant cette somme à l'électeur de Saxe, Roi de Pologne, a cru par cette

---

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 35.

espèce de don gratuit engager ce prince à favoriser son élection, et comme de fait le Roi de Pologne entra dans les vues de la Russie et que Biron fut élu, il ne parait pas qu'il doive y avoir lieu à la répétition. Ce n'est que l'opposition d'intérêt, qui s'est rencontrée entre un prince de Saxe et le duc, et quelques tracasseries qui lui sont assez fréquemment suscitées de ce côté là, qui lui ont fait naître l'idée de faire revivre cette prétention et par là d'inquiéter et de chagriner à son tour la cour de Saxe. Qu'ils s'arrangent entre eux directement ou que l'affaire reste en suspend, c'est une chose qui nous est assez indifférente, mais du moins dans le cours de toutes ces affaires de Pologne, que nous terminons actuellement, la conduite de la cour de Saxe n'a pas assez bien mérité de nous, pour qu'en faveur de sa pleine tranquillité nous forcions un prince étranger à renoncer à une prétention quelconque.

En parlant du duc je trouve ici le moment de relever une proposition qui vous a été faite par la délégation, de décider dans la présente diète du sort de la Courlande pour être réunie à la république après l'extinction du duc régnant; je ne pense pas qu'on en vienne jusqu'à vouloir donner quelque effet à cette idée, mais en tous cas j'ai de Sa Majesté Impériale les ordres les plus précis à vous donner, que vous ayez à vous y opposer et que vous déclariez même, s'il en est absolument besoin, que Sa Majesté Impériale ne souffrira pas que la Courlande change d'état. Et aussi je ne crois pas que vos collègues soient jamais autorisés à consentir une pareille réunion.

C'est cet esprit de Saxe toujours en vigueur en Pologne, qui y entretient l'animosité contre la famille qui possède actuellement ce duché. On cherche à la montrer en toute occasion, et souvent les intérêts du duc s'en ressentent. J'ai déjà eu occasion de vous marquer de contenir un peu ces mauvaises dispositions, en montrant à découvert la protection et la bienveillance de Sa Majesté Impériale pour ce prince. Vous voudrez bien veiller à ce que dans cet esprit d'arrangements, auquel se livre la diète, il ne se passe rien à son préjudice, mais au contraire de le favoriser et de l'appuyer dans les choses justes qu'il pourrait demander pour le bon ordre et la tranquillité de son état. J'ai l'honneur d'être etc.

St-Pétersbourg, ce 31 Décembre 1773.

## 2431) ПИСЬМО ГРАФА Н. И. ПАНИНА КЪ БАРОНУ ШТАКЕЛЬБЕРГУ ВЪ ВАРШАВУ [1]).

С.-Петербургъ, 31 Декабря 1773 г.

En même temps que j'ai reçu de vous l'avis, M-r, dans votre № 159, qu'il se trame visiblement quelque chose dans la grande Pologne, le prince Lobkovitz m'a communiqué une note remise à vous trois par la délégation, tendante entre autres à former une confédération civile générale de tous les palatinats, ainsi qu'à laisser subsister la confédération actuelle jusqu'à la prochaine diète, à l'exemple de celle de 1764. Quoique je sois extrèmement satisfait de la réponse que vous y avez faite en commun, que ce ministre m'a pareillement communiquée, je ne saurais cependant que regretter, vu l'importance de la matière, que ces pièces ne me soient point parvenues de votre part, et je crains qu'elles ne se soient égarées à la poste. Quoiqu'il en soit, je ne saurais m'empêcher de vous faire part des idées que la connexion des deux circonstances fait naitre. Selon ce que vous me marquez, le bruit est général en Pologne, que c'est une puissance etrangère qui souffle ce nouveau feu qu'on croit y voir s'allumer. Si l'on entend par là une des trois cours alliées, j'ai de la peine à le comprendre, parce que jusqu'à présent je ne vois aucune altération dans leur concert qui m'induise à ce soupçon. Si l'on entend d'autres puissances de l'Europe, jalouses de ce qui s'est fait en Pologne, je ne saurais accorder cette nouvelle tentative avec leur tranquillité à laisser assoupir les troubles précédents, qu'il eut paru cependant plus facile d'entretenir, et je ne vois au dehors aucune mesure qui y corresponde. Cela me ramène à réfléchir sur cette note de la délégation et à imaginer, si ces troubles ne seraient pas un jeu de sa part pour nous faire consentir à ses demandes. Je vous prie instamment de suivre cette double circonstance dans tous les rapports. Je ne doute point que la marche des choses et le penchant des esprits dans toute cette diète, que vous êtes plus en état d'apprécier que nous ici, ne vous conduisent au dénouement de l'intrigue si c'en est une. Au reste vous ne sauriez être trop sur vos gardes dans une pareille situation; tâchez d'étouffer les premières semences de troubles dès qu'elles paraîtront, observez bien tous les mouvements de la diète, et à chaque nouvel aspect qui se produira, informez nous exactement, afin que nous sachions ce qu'il y aura à faire et vis-à-vis des polonais et vis-à-vis des autres cours

---

[1]) М. Г. А. Польша, III, св. 35.

## 2432) УКАЗЪ ИМПЕРАТРИЦЫ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ [1]).

Назнача мы особливую дачу сыну Грузинскаго владѣтеля Ираклія, по случаю его отсюда отпуска, всемилостивѣйше повелѣваемъ для того жъ въ награжденіе выдать пріѣхавшему съ нимъ и обще отпускающемуся католикосу Грузинскому 2,000 рублевъ, и произвесть обоимъ имъ въ дорогу кормовыхъ денегъ противъ того, какъ здѣсь выдавалось, считая на три мѣсяца 1,500 рублевъ; а въ прочемъ снабдить ихъ по обыкновенію дорожными возками и санями, офицера же, при нихъ отправляемаго, — и прогонами отсюда до Астрахани и до Кизляра, и сверхъ того и запасными для могущихъ случиться въ дорогѣ издержекъ деньгами, къ чему по представленному намъ исчисленію назначено, а именно: на возки 205 рублевъ, на прогоны 1,113 рублевъ 21 копѣйка, а на дорожныя издержки 100 рублевъ. Равнымъ образомъ соизволяемъ мы, чтобъ царевичъ и католикосъ, въ проѣздъ свой чрезъ Москву, и пока тамъ останутся, имѣли готовую квартиру, и употреблено было на наемъ оной, и другіе съ тѣмъ соединенные расходы, назначенное по тому же исчисленію число денегъ 200 рублевъ. Повелѣваемъ же и Грузинскому князю Павлу Андроникову, на искупленіе матери его, жены и двухъ сестеръ отъ Лезгинцевъ, и о чемъ съ прошеніемъ прибѣгнулъ онъ къ монаршему нашему милосердію, выдать 500 рублевъ. Наконецъ, имѣетъ Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ и къ пребывающему въ Грузіи повѣренному въ дѣлахъ, лейбъ-гвардіи нашей отъ бомбардиръ капитану-поручику Ивану Львову, на выѣздъ его оттуда, переслать 2,000 рублевъ, а для канцелярскаго при немъ находящагося служителя 300 рублевъ, требуя отъ Статсъ-Конторы, по сему нашему указу, какъ сихъ послѣднихъ денегъ, такъ и всѣхъ вышеозначенныхъ.

Екатерина.

Въ Санктъ-Петербургѣ, 31 Декабря 1773 года.

Къ сему указу приложены: „Извѣстіе о потребныхъ расходахъ на обратное отправленіе находящихся здѣсь сына Карталинскаго и Кахетскаго владѣтеля Ираклія и Грузинскаго католикоса Антонія“, и „Извѣстіе о дачахъ отправленнымъ въ Грузію и оттуда возвратившимся нижеписанныхъ чиновъ людямъ“ (капитанамъ Львову и Языкову, генералъ-маіорамъ Сухотину и гр. Тотлебену и одному регистратору).

---

[1]) М. Г. А. Именные указы 1766—1779 гг. по Азіатскимъ дѣламъ, № 251.

## 2433) ЧЕРНОВОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНЫМИ ЕЯ ПОПРАВКАМИ КЪ ШВЕДСКОМУ КОРОЛЮ ГУСТАВУ III [1]).

Monsieur mon frère et cousin! J'ai *déjà* [2]) témoigné *à V. M. la part sincère que je prends au* mariage de mon cousin, le Prince Charles frère de Votre Majesté, et de la Princesse de Holstein, lorsque le premier dessein m'en fut confié *par Elle* [3]). C'est avec satisfaction que j'apprends par la lettre de Votre Majesté, que cette union vient d'être définitivement arrêtée. Je souhaite toute sorte de bonheur aux futurs époux; chacun d'eux a des droits sur ma tendre affection, qui ne peuvent que s'accroître en se réunissant [4]). Je serai très empressée à *la leur marquer*. Je ne le serai pas moins à prouver les sentiments de *la* parfaite estime et *haute consideration*, avec lesquels je suis,

Monsieur mon frère et cousin,
de Votre Majesté
la bonne soeur, cousine et voisine.

A St-Pétersbourg ce Décembre 1773.

## 2434) КОНФИДЕНЦІАЛЬНАЯ НОТА, ВРУЧЕННАЯ ПРУССКОМУ ПОСЛАННИКУ ГРАФУ СОЛЬМСУ [5]).

(Безъ даты, 1773 г.).

Le ministère Impérial de Russie est trop accoutumé à traiter avec m-r le comte de Solms dans cet esprit de confiance et d'intimité, qui unit leurs souverains, pour lui dissimuler l'embarras, où se trouve la cour de Russie par l'invitation, qui vient de lui être faite par le Roi de Pologne de l'avis du conseil permanent, d'entrer en médiation, conjointement avec la cour de Vienne, sur le différend qui a arrêté l'ouvrage de la démarcation des acquisitions de Sa Majesté Prussienne. L'Impératrice sent combien il en coûte à son amitié pour le Roi de se mèler directement d'une pareille discussion. Mais d'autre part peut-elle ne pas convenir, que l'engagement précis sur le cas de la médiation lui fait une nécessité de ne pas s'y refuser? Elle désire vivement, que les choses

---

[1]) Госуд. Архивъ. IV, № 142.
[2]) Поправки Императрицы набраны курсивомъ.
[3]) См. выше № 2410.
[4]) Подчеркнуто Императрицей.
[5]) М. Г. А. Пруссія, IV, св. 5.

puissent encore s'arranger sans ce moyen, et elle prie le Roi de vouloir bien y concourir par toutes les condescendances, qui ne blesseront ni ses intérêts essentiels, ni l'équité de ses droits. Sa Majesté Impériale ne se représente qu'avec peine l'impression défavorable au système des trois cours avec la Pologne, si fort et si respectable par son union, qui ne manquera de résulter du besoin d'une médiation pour concilier les intérêts du Roi et de la république, quand ceux des deux autres cours avec elle ont pu être arrangés sans ce moyen. Il ne tardera pas à être publié et saisi avec avidité par les ennemis de ce système, que les liens en sont affaiblis du côté de Sa Majesté Prussienne et que le moment s'approche, où les intrigues, tant étrangères qu'intérieures en Pologne, pourront se reproduire avec plus d'effet. Sa Majesté, obligée de déférer à la réclamation de la république, y apportera, avec la justice et l'équité de médiatrice, les sentiments d'amitié, dont elle ne saurait jamais se départir envers un prince son allié et son ami intime, et elle souhaite, que le différend se trouve tel à l'examen, que ces règles de sa conduite concourent indivisiblement. C'est pourquoi le premier ordre donné au comte Stackelberg est de recevoir et rapporter exactement les raisons des démarcateurs prussiens pour justifier leur ligne, dont jusqu'à présent on a eu ici aucune information précise, parce que Sa Majesté Impériale après le renvoi qu'elle a fait originairement des affaires à une négociation directe avec la république, tant pour la démarcation avec le Roi, que pour celle avec la cour de Vienne, n'a voulu rien demander à savoir qui eût l'air qu'elle voulût s'y ingérer en rien. Et de là est arrivé que sur le dernier différend, c'est à dire celui qui arrête l'ouvrage de la démarcation, on n'a ici que la carte et les arguments du côté de la Pologne, et dans la nécessité de se rapprocher le plus naturellement qu'il est possible des termes, de la valeur et de l'intention de la convention, on ne doit point dissimuler que leurs prétentions ont un air d'équité.

## Второе прибавленіе къ 1772 году. (См. стр. 310).

### 2312/a) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

(Принадлежитъ къ печатному, на англійскомъ языкѣ, экстракту изъ сочиненія доктора Кенникота изъ Оксфорда, отъ 16 Декабря 1772 г.).

Je souscris pour trois exemplaires de cet ouvrage, ce qui fera la somme de vingt quatre livres sterling, que je vous prie de prendre chez Olsoufief.

## Прибавленіе къ 1773 году.

### 2334/a) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ РЕЗОЛЮЦІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ [2]).

„Г-нъ Гуннингъ вручилъ вице-канцлеру копію съ грамоты Англійскаго короля о рожденіи ему принца. Оная присемъ всенижайше прилагается, вмѣстѣ съ россійскимъ переводомъ, а посланникъ всенижайше испрашиваетъ высочайшаго приказанія королевскую грамоту поднести Ея Императорскому Величеству".

13 Февраля 1773 г.

*Воскресенье послѣ обѣдни.*

(Прислано въ Коллегію отъ его с-ва вице-канцлера, въ 14 д. Февраля 1773 г.).

---

[1]) Госуд. Архивъ, X, № 69, л. 9—Собственноручныя записки Имп. Екатерины II по дипломатическимъ сношеніямъ съ Англіей, Франціей и Пруссіей. Веніаминъ Кенникотъ (Kennicott)—1718—1783, англійскій богословъ; издалъ критически свѣренный еврейскій текстъ Ветхаго Завѣта (Оксфордъ, 1776—1780).

[2]) Госуд. Архивъ, X, № 69, л. 6—Собственноручныя записки Имп. Екатерины II по дипломатическимъ сношеніямъ съ Англіей, Франціей и Пруссіей.

## 2342/a) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ [1]).

(Сія собственноручная записка Ея Императорскаго Величества прислана къ его с-ву графу Н. И. Панину 29 (sic) Февраля 1773 г.).

Il n'y aurait rien de plus aisé que de réfuter ce mémoire, papier sur table, et surtout l'article de la journée de Tchesme et encore son arrivée à Lemnos, où il n'a jamais été appelé, et même il a été accusé d'avoir quitté son poste des Dardanelles, et il a forcé le capitaine de prendre la route, où le „Swetoslaw" périt. Tout ce qu'on peut dire, c'est qu'Elphingston est une espèce de fou, toujours entrainé par le premier mouvement, et qui n'a aucune suite dans l'esprit; et je ne sais, s'il se pourrait nettoyer de malversations, si l'on l'avait obligé de rendre compte de la somme extraordinaire à lui confiée, car il n'en a remis que 3,000 ducats à l'admiral Spiridof. Il est vrai qu'il vaut mieux assoupir cette affaire avec 5,000 roubles que de faire un éclat en Europe et du chagrin à la cour d'Angleterre, en exposant sa connivence envers nous et toutes les aides, qu'elles nous a donné et dont nous nous sommes très bien trouvés, à devenir publiques, ce qui pourrait les chagriner intérieurement et avoir des suites désagréables pour leur commerce du Levant. Il faut encore tâcher de racheter d'Elphingston la copie qu'il garde de ses instructions et les lettres du c-te Panine, afin que tôt ou tard il ne s'avise encore, pour nous tirer de l'argent, à les publier, car c'est un homme intéressé et chargé d'une nombreuse famille; et vous voyez qu'il se soucie peu de passer dans le monde pour un coquin, en publiant ce qui lui a été confié en secret, et d'enfreindre son serment qu'il a prêté de le garder. S'il les faisait publier, cela décréditera chez nous beaucoup toute sa nation et les étrangers, chose que Pouschkine [2]) peut lui faire remarquer et qui ne laissera pas que de faire effet sur lui. Au reste ses instructions sont telles, qu'elles ne peuvent nous faire aucun tort dans le monde, et si la conduite d'Elphingston était réfutée, tout le blâme retomberait sur lui; mais des plaidoyers publics de cette sorte ne valent jamais rien en soi, parce qu'elle (sic) donne beau jeu à la malignité des méchants.

---

[1]) Госуд. Архивъ, X, № 69, л. 4—5—Собственноручныя записки Имп. Екатерины II по дипломатическимъ сношеніямъ съ Англіей, Франціей и Пруссіей. Напечат. у Соловьева «Исторія Россіи», т. XXVIII, гл. 2-я, (кн. VI, стр. 666 — 667 по изд. товарищества «Обществ. Польза»).

[2]) А. С. Мусинъ-Пушкинъ, посланникъ въ Лондонѣ.

## 2375/a) НОТА ГРАФА Н. И. ПАНИНА ПРУССКОМУ ПОСЛАННИКУ ГРАФУ СОЛЬМСУ [1]).

(Вручена Прусскому министру графу Сольмсу 11 Іюня 1773 года).

C'est bien contre l'intention de l'Impératrice qu'il pourrait être présumé, que ses sentiments pour Sa Majesté Prussienne seraient susceptibles de quelque changement que ce puisse être. Ce serait aussi avec le regret le plus sensible qu'on aurait à se reprocher d'en avoir fait naître l'idée par aucune (?) expression dans les Reflexions confidentielles du comte Panine [2]). Mais on a été trop bien guidé dans ces Réflexions par le sentiment de l'union intime des deux cours et de son indissolubilité, pour qu'il ait pu s'y rien glisser de contraire à ce sentiment, qui n'est pas moins cher à l'Impératrice qu'au Roi son allié.

On n'a parlé de Dantzig que dans le sens des discussions, que cet objet peut entraîner vis-à-vis des polonais. On n'a point répété les termes convenus entre la cour de Russie et celle de Berlin sur ce différend, parce qu'on les considère comme un point immuable, auquel tout doit être ramené dans la négociation actuelle avec Dantzig; et on se rapporte à cette négociation comme devant probablement entraîner aussi le consentement des polonais. C'est assurèment tout ce qui peut être du sens et de la lettre de ce qui a été dit à ce sujet. Or, non seulememt les instructions du comte Golovkine portent la reconnaissance de la propriété du terrain, dans lequel le port a été creusé, et par une conséquence la souveraineté et le droit territorial de Sa Majesté Prussienne; tous les ordres qui lui ont été expédiés depuis l'ouverture de sa commission ne sauraient être plus pressants et plus énergiques à déterminer, même à forcer, par des démonstrations du mécontentement de l'Impéra-

---

[1]) М. Г. А. Пруссія IV, св. 5.

Документъ № 2375/а сохранился въ Московскомъ Главномъ Архивѣ въ крайне неисправномъ отпускѣ; поэтому редакція 118-го тома обратилась, черезъ любезное посредство директора Государственнаго и Спб. Главнаго Архивовъ М. И. Д., С. М. Горянинова, въ Берлинскій Тайный Государственный Архивъ съ просьбой сообщить ей копію съ подлинной ноты графа Панина къ графу Сольмсу. Таковой однако въ Берлинскомъ Архивѣ не найдено, почему редакція вынуждена печатать означенный документъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сохранился въ Московскомъ Архивѣ. Вмѣсто неоказавшейся ноты, Берлинскій Архивъ сообщилъ копію съ другой ноты графа Панина, подъ заглавіемъ „Réflexions confidentielles du comte Panine“, присланной гр. Сольмсомъ при депешѣ его отъ $^{4}/_{15}$ Іюня 1773 г. Отпуска этой ноты въ дѣлахъ Московскаго Главнаго Архива не имѣется; но на нее указывается въ нотѣ, врученной графу Сольмсу 11 Іюня. Она напечатана ниже сего, подъ № 2375/б, по списку, доставленному Берлинскимъ Архивомъ.

[2]) См. ниже № 2375/б.

trice, la ville de Dantzig à passer reconnaissance de cette souveraineté et droit territorial et à traiter d'un arrangement juste et amical. Voilà comme a pensé l'Impératrice dès le commencement, et comme elle pense et agit. Tous les faits le déposent et aucune parole ne le dément.

Par rapport à la ville de Thorn, on fera une distinction entre une simple propriété et un droit territorial. Une terre achetée purement et simplement est réservée au domaine... (?), dont elle a précédemment dépendu, mais si cette terre a été entièrement distraite de ce domaine pour être unie à un autre territoire, on ne saurait contester la validité d'un tel arrangement, quand il est fait par qui a droit de le faire. Or il est incontestable que la souveraineté du royaume de Pologne a pu, par des concessions, faire une telle distraction en faveur de la ville de Thorn, et que l'accroissement, qu'a pu recevoir par là son territoire, porte sur un titre tout aussi authentique que la concession primordiale même du territoire. La ville de Thorn peut donc être écoutée, quand elle réclame de telles concessions, et elle en allègue, par lesquelles les rois de Pologne lui ont cédé pour eux et leurs successeurs tout droit qu'il pouvait leur compéter à eux mêmes. Elle a exercé ce droit par tous les actes qui lui sont propres, les ensaisissements des terres, l'exercice de la haute et basse justice, l'établissement et la levée des impôts et autres; elle en était en pleine et paisible jouissance au moment où la convention des trois cours a été signée, conséquemment celle-ci dans la reserve de son territoire a eu naturellement en l'état, où se trouvaient alors son droit et sa possession (?). Il n'y a point eu en elle d'incapacité d'acquérir; il y a eu dans ceux, aux droits desquels elle est, pouvoir de céder; et il parait que c'est sur ces principes que l'on prononce en tout pays.

## 2375/6) ДОВѢРИТЕЛЬНЫЯ СООБРАЖЕНІЯ ГРАФА ПАНИНА ПО СОДЕРЖАНІЮ ПРОЕКТА ТРАКТАТА, СООБЩЕННАГО ЕМУ ГРАФОМЪ СОЛЬМСОМЪ.

Réflexions confidentielles du comte Panine sur le projet de traité que le comte de Solms lui a communiqué [1]).

Une coopération effective des trois cours à faciliter la conclusion du traité séparé de chacune d'elles avec la république est une obligation nécessaire de leur triple convention, et l'étroite amitié et l'alliance, qui, indépendamment de ce lien, subsistent entre Sa Majesté Impériale et Sa Majesté le Roi de Prusse ne sauraient laisser de doute que le ministre de l'Impératrice à Varsovie ne soit muni des instructions et des

[1]) См. примѣчаніе на стр. 512.

ordres les plus précis de s'employer à faire règler dans cet arrangement les intérêts du Roi, le plus à son avantage et à sa satisfaction qu'il sera possible d'effectuer.

En ceci il ne saurait y avoir de restrictions à la bonne volonté de la cour de Russie, que celles qui apporteraient malgré elle des difficultés invincibles, ou au moins de nature à ne pouvoir être écartées que par des moyens trop extrêmes. Et s'il peut en être pourvu d'un tel ordre, le comte Panine ne saurait les dissimuler sans manquer à la confiance dont le Roi veut bien l'honorer personnellement. Il s'expliquera donc confidemment à ce sujet avec m-r le comte de Solms.

Les trois cours ayant une triple convention qui est la base de toutes leurs opérations actuelles en Pologne, et le partage que chacune s'y adjuge ayant été notifié à la Pologne et à toute l'Europe, il est d'une considération majeure pour leur dignité vis-à-vis de toutes les autres puissances, pour la sûreté de leurs mesures et surtout pour leur parfaite union entre elles, qu'aucune ne paraisse sortir de l'esprit et des termes de la dite convention, devenue un titre et une obligation publique. On sentira qu'il est à prévoir et à craindre que l'Europe, étonnée et émue déjà du partage, ne ressente de plus fortes secousses d'envie et de haine, à proportion que les avantages pour l'une ou l'autre des trois puissances seraient poussés au delà de ce qu'elle en a pu raisonnablement concevoir à la première connaissance qui lui a été donnée de leur concert. Il n'est pas moins à appréhender que la Pologne ne se raidisse dans son opposition, selon qu'elle verra que ses pertes sont plus aggravées et que la crainte de son anéantissement fait plus d'impression sur toutes les cours neutres; mais ce qu'il importe peut-être le plus d'éviter, c'est que l'avantage qu'une des trois puissances se procurera au delà de la convention, ne soit pour les deux autres un point d'appui à d'autres prétentions, et vint-on à bout d'en convenir paisiblement entre soi et de les faire admettre de même à la Pologne, du moins est-il trop vrai que la rivalité, au lieu de s'éteindre, y trouvera un nouvel aliment, et qu'à la suite de toute l'opération on pourra difficilement supposer les trois cours dans ce degré d'intimité et cette parfaite union de système, qui cependant seule pourra consolider leurs nouvelles acquisitions, en contenant l'envie qui ne cherche pour percer que la moindre lueur de désunion entre elles.

De telles appréhensions conduisent naturellement le comte Panine à rechercher avec la plus grande impartialité ce qui pourra être dit et pensé sur l'exécution de la clause de la convention, qui fixe les nouvelles limites des états de Sa Majesté le Roi de Prusse.

Il est dit que Sa Majesté se mettra en possession de même que du district de la Grande Pologne en deça de la Netze, en longeant cette

rivière depuis la frontière de la Nouvelle Marche jusqu'à la Vistule près de Vordon et Solitz [1]), de sorte que la Netze fasse la frontière des états de Sa Majesté le Roi de Prusse et que cette rivière lui appartienne en entier.

Cette fixation des limites, dira-t-on, ne présente aucune idée d'une ligne qui doive remonter jusqu'à la source de la Netze, laquelle décline et s'éloigne des points de Vordon et Solitz et de la Vistule, mais plus naturellement celle du cours de la Netze jusqu'au point de cette rivière le plus voisin de Vordon et Solitz, jusqu'où elle serait prolongée par une ligne tirée du dit point. C'est sans doute ce que l'Europe et la Pologne auront compris, et les trois cours avoueront de bonne foi, que c'est aussi ce qu'elles ont entendu entre elles.

Il est porté dans la convention que cette rivière, la Netze, appartienne en entier à Sa Majesté Prussienne; sans doute que par là doit être signifié que la Pologne ne peut prétendre à une communauté de navigation ou d'autre droit quelconque sur cette rivière dans toute cette partie de son cours où elle fera la frontière des états de Sa Majesté le Roi de Prusse; mais un fleuve, qui dans la longueur de son cours arrose les états de différentes puissances, tantôt appartient en entier à l'une d'elles, tantôt appartient en commun à plusieurs, selon que les titres et possessions l'ont règlé, mais sans que l'expression en entier, dont on se sera servi pour exprimer le premier cas, emporte une propriété sur la totalité du cours du fleuve depuis sa source jusqu'à son embouchure. On ne se cachera point non plus que la prétention de la rive méridionale aura encore quelque chose de plus frappant pour les yeux critiques et jaloux, surtout puisque dans le même article il est nommément porté: en deça de la Netze; et tout cela fera la matière de discussions difficiles vis-à-vis de la Pologne.

Il s'en trouvera encore relativement aux villes de Thorn et de Dantzig, ou plutôt il en existe déjà avec les deux villes, auxquelles la Pologne, comme suzerain, voudra et doit prendre part.

On ne répétera point ici dans quels termes l'Impératrice a témoigné au Roi désirer, que les différends pour le port de la seconde de ces deux villes puissent s'arranger. On est actuellement à voir quelle issue auront les négociations actuelles sur cet objet; et probablement ce qui serait admis par Dantzig le serait aussi par la Pologne.

Cependant il n'est guère à espérer, que les polonais, en accordant la cession de tous les havres, rades et rivières, n'insistent avec opiniâtreté sur une exception en faveur de la navigation de Dantzig.

Les trois puissances, en stipulant entre elles l'exception du terri-

---

[1]) На нынѣшнихъ картахъ: Fordon и Schulitz на Вислѣ.

toire de Thorn et de Dantzig, n'ont rien déterminé sur les bornes ou l'étendue de ce territoire qui leur est inconnu, et qui ne saurait être définitivement règlé qu'avec la puissance, à qui la suzeraineté en demeure. Quant à elle, leur bonne foi ne saurait entendre ce territoire autrement que dans l'état où il a pu être au moment même de leur convention. Et sur ce fondement, si c'est jusqu'à l'année 1251 qu'il faut remonter pour trouver les titres de Thorn, on ne doit pas moins revenir jusqu'à l'année 1772, pour faire état de tous ceux qu'elle peut avoir, ce qu'elle a obtenu pendant tout ce temps de ses légitimes souverains, ou qu'elle a acquis par elle-même, ne lui appartenant pas moins légitimement. Mais toutefois, entre ces concessions et ces acquisitions il se présente une distinction naturelle à faire: c'est que toutes les terres qui lui ont été données ou qu'elle a acquises, qui touchent la ville et n'en sont séparées par aucune possession intermédiaire, semblent ne pouvoir être exclues de ce qu'on entend par son territoire, tandis que celles qui n'y touchent point immédiatement, mais sont enclavées dans les provinces aujourd'hui de la domination du Roi, pourront n'être considérées que comme des tenances féodales.

Le comte Panine ne dissimule point encore qu'il croit que la rénonciation aux armes et aux titres de Prusse souffrira de grandes difficultés, et comme c'est une chose qui se pratique sans inconvénient, que nombre de puissances en Europe conservent des titres dont elles ont perdu depuis des siècles les provinces, il se persuade qu'au besoin le Roi y insisterait d'autant moins, qu'un pareil emploi de titres est moins signifiant dans les mains des polonais que d'aucun autre état.

Il est bien positif que l'esprit du système des trois cours est que jamais à quelque titre que ce soit la réversion de la Prusse à la Pologne ne puisse avoir lieu, puisqu'elles se proposent la fixer dans un état de puissance intermédiaire, qui jamais ne puisse inquiéter leurs intérêts ou en troubler l'équilibre; mais si les polonais s'obstinaient à ne point porter spécialement la rénonciation à cette réversion dans le traité, que les délégués refusassent de signer sous prétexte qu'une stipulation si expresse n'a pas été prévue et qu'ils n'ont point d'ordres suffisants, en un mot, que les choses s'accrochassent là: Sa Majesté Prussienne ne jugerait-elle pas l'objet suffisamment prémuni, s'il était stipulé que généralement Sa Majesté le Roi et la république de Pologne renoncent à perpétuité à tous droits et prétentions quelconques, qu'elles peuvent avoir ou avoir eu sur aucune des provinces qui composent actuellement la monarchie Prussienne, sous quelque dénomination, prétexte, stipulation d'événements et de circonstances quelconques que les dits droits et prétentions aient jamais pu ou dussent jamais à l'avenir avoir lieu et s'exercer. Mais le comte Panine n'oublie pas, que le désir du Roi à ce sujet a été communiqué à

sa cour, et le ministre de l'Impératrice n'y omettra assurément aucun soin ni aucun effort.

A la suite de ceci le comte Panine ne saurait négliger de s'ouvrir à m-r le comte de Solms, qu'il lui parait qu'une chose très propre à accélérer la fin de toutes les affaires à la satisfaction commune, et aussi qui entre essentiellement dans les vues des trois cours pour fixer à perpétuité la Pologne dans son état de puissance intermédiaire, serait que dans ce même traité chaque puissance garantît à la Pologne toutes ses possessions, selon l'étendue et l'état où elles resteront après la conclusion des trois traités avec les trois cours.

# ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

стр.

10, строка 2-я снизу: вмѣсто „par“ должно быть „pas“.

12, » 20-я сверху: послѣ „инако“ должно слѣдовать „не“.

115, примѣчаніе 2-е: вмѣсто „№ 2288“ должно быть „№ 2290“.

127, при № 2214 вмѣсто даты: «раньше Іюня 1772 г.», должно быть: послѣ 8 Сентября 1770 г.». Объясненіе этой ошибки см. въ Оглавленіи, примѣчаніе къ № 2214.

218, къ примѣчанію 3-му прибавить: Подлинникъ записки Императрицы находится въ Государственномъ Архивѣ, (X, № 69, л. 355) въ дѣлѣ „собственноручныя записки Имп. Екатерины II по дѣламъ Турецкимъ“.

219, примѣчаніе 4-е: вмѣсто „№ 2265“ должно быть „№ 2266“.

228, строка 2-я сверху: вм. „кн. Василія Владиміровича Долгорукова“ должно быть „кн. Василія *Михаиловича* Долгорукова“. Тамъ же, дата № 2268 не „12 Августа“ 1772 г., а „12 *Сентября* 1772 г.“.

325. Въ дополненіе къ примѣчанію о Великоскитскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, проф. С. Л. Пташицкій крайне обязательно сообщилъ указаніе на имѣющееся, въ архивѣ Свят. Правит. Сѵнода, дѣло объ этомъ монастырѣ.—Дѣло это значится подъ № 222, 1766 года, Августа 29 дня, и озаглавлено такъ: „По доношенію Московской Святѣйшаго Сѵнода Конторы, коимъ представляется, что явившимся изъ состоящаго въ Польшѣ Крестовоздвиженскаго Великоскитскаго монастыря бывшему игумену Авраамію со іеродіакономъ и двумя монахами положеннаго по Палестинскому штату въ тотъ монастырь подлежащей милостинной дачи; такожъ и тому игумену съ свитою на пріѣздъ и отъѣздъ выдано съ 1761 по 1767 г. — 285 р. 92 к.“.

# АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.


Абду-Вели-паша, Крымскій чиновникъ. О назначеніи ему пенсіи 288.

Абдылъ-Керимъ-эффенди, мулла Эдиссанской орды. О письмѣ къ нему резидента въ Крыму Веселицкаго 2.

Августъ III, король Польскій. Упом. 196.

Авраамій, игуменъ Великоскитскаго Крестовоздвиженскаго монастыря въ Галиціи. О сборѣ имъ пожертвованій въ пользу монастыря въ Россіи 325.

Акай-ага, Эдиссанскій посланецъ въ Россіи. Упом. 13.

Андрониковъ, Павелъ, Грузинскій князь. О дачѣ ему денегъ на выкупъ изъ плѣна его матери, жены и сестеръ 507.

Антоній, католикосъ Грузинскій. Объ отправленіи его въ Грузію вмѣстѣ съ сыномъ Ираклія, владѣтеля Грузинскаго, и о дачѣ ему прогонъ и награжденія 507.

Антонъ-Ульрихъ, герцогъ Брауншвейгъ-Люнебургскій, супругъ правительницы Анны Леопольдовны. О наслѣдствѣ дѣтей его, 19.

Апрѣлевъ Т. Упом. 495.

Ассебургъ, бывшій Датскій министръ. Упом. 368.

Балжуръ, Зенгорскій владѣлецъ. Возвращенъ въ Китай съ 200 человѣкъ въ 1761 г. 34.

Баро-де-Бротаръ, французъ, сообщникъ С. Пушкина въ изготовленіи фальшивыхъ ассигнацій 40.

Барятинскій, кн. Иванъ Сергѣевичъ генералъ-маіоръ. Указъ о назначеніи его посланникомъ въ Парижъ 365. Инструкція ему 445—461. Упом. 474.

Бассевичъ, графъ, первый министръ Мекленбургъ-Шверинскаго двора. Предложилъ резиденту въ Гамбургѣ Гроссу купить коллекцію гравюръ Голштинскаго оберъ-камергера Берхгольца 115.

Бенуа, Прусскій посланникъ въ Варшавѣ. О замѣчаніи ему по поводу поведенія Прусскихъ войскъ въ Польшѣ 407. О внушеніяхъ ему по поводу прусскихъ домогательствъ при раздѣлѣ Польши, и по поводу диссидентовъ 429—430. Объ оказаніи имъ поддержки домогательствамъ герцогини Курляндской Каролины-Луизы 438. Дѣйствуетъ совмѣстно съ Штакельбергомъ въ вопросѣ объ ограниченіи власти Польскаго короля 479. О привлеченіи его къ совмѣстнымъ, съ русскимъ посланникомъ, дѣйствіямъ въ защиту правъ диссидентовъ 503—504.

Беньовскій, Морицъ-Августъ, произведшій бунтъ въ Камчаткѣ. Записка проф. Эбергарда о возможности нападенія его на Камчатку и мнѣніе о томъ Императрицы 365—366.

Бергъ, генералъ-поручикъ, у котораго находятся плѣнные Крымскіе татары 285.

Бернсторфъ, графъ, Датскій министръ. О возстановленіи его въ прежнемъ званіи 12. Объ объясненіи съ нимъ по поводу ложъ-

наго слуха, будто король Прусскій отсовѣтовалъ Россійскому правительству заключить съ Даніей договоръ по Голштинскому дѣлу 217. Записка Императрицы по поводу его писемъ 219. О назначеніи его на мѣсто гр. Остена 390.

Бернсторфъ, графъ, дядя предыдущаго. Объ уваженіи, которое питалъ къ нему гр. Панинъ 390.

Берхгольцъ, Голштинскій оберъ-камергеръ. О покупкѣ по смерти его коллекціи гравюръ Императрицей 115, 264.

Бибиковъ, Александръ Ильичъ, генералъ-поручикъ. Рескрипты къ нему Императрицы 116, 122—123, 216. Резолюціи Императрицы на его реляціяхъ 48, 49, 124. О соглашеніи съ нимъ Сальдерна для охраны короля Польскаго и русскаго войска въ Польшѣ 10. Извѣщеніе его о вступленіи въ Польшу двухъ отрядовъ русскаго войска 40—41. О совмѣстныхъ дѣйствіяхъ его съ Сальдерномъ 42, 58, 114. Вмѣшательство его въ столкновеніе ген. Суворова съ Австрійскимъ ген. д'Альтанъ 169. Бар. Штакельбергу предписывается оказывать ему содѣйствіе 185—186, 307. Объ отношеніи его къ епископу Каменецкому 266. О дачѣ ему наставленія сходственнаго съ рескриптомъ гр. Румянцеву 310. Упом. 145.

Вимсмбетъ-мурза, Эдиссанскій посланецъ въ Россіи 13.

Биронъ, Петръ, герцогъ Курляндскій. О разводѣ его съ женою герцогиней Каролиной-Луизой 138. Письма къ нему Императрицы 146—147, 329. О денежной претензіи его къ королю Польскому 504—505.

Биронъ, Эрнстъ-Іоганнъ, герц. Курляндскій. Императрица выражаетъ соболѣзнованіе по поводу его смерти герцогу Петру Бирону 329.

Борхерсъ, русскій консулъ въ Лиссабонѣ. Контръ-адмиралу Грейгу предписано обращаться къ нему за содѣйствіемъ при проходѣ русской эскадры 475.

Бранницкій, графъ, коронный гетманъ. О предпочтеніи, оказанномъ ему Императрицей, передъ гр. П. Понятовскимъ 493—494.

Брантъ, Датскій графъ, казненный одновременно съ Струэнзе. 24, 310.

Браунъ, Давидъ, Англійскій купецъ, бывшій русскимъ агентомъ въ Копенгагенѣ. Объ оставленіи имъ своего поста 389.

Бриль, генералъ-поручикъ, Иркутскій губернаторъ. Рескриптъ къ нему 30—31.

Булатъ-Шахъ-ага, казначей Калги-султана Шагинъ-Гирея. Упом. 283.

Бульонъ, герцогъ Годфридъ. Записка Императрицы по поводу тяжбы его съ кн. Радзивилломъ 397—398. Письмо къ нему Императрицы 408.

Бютъ, лордъ, Англійскій первый министръ. Заступилъ мѣсто Питта 454.

Валькруассанъ, генералъ французской службы, предлагавшій свои услуги Россіи. Отзывъ Императрицы о его предложеніи 159.

Ванъ-Свитенъ, Австрійскій посланникъ въ Берлинѣ. О конференціи его съ Прусскимъ королемъ 45.

Варавкинъ, секундъ-маіоръ. Отправленъ съ казначеемъ Калги-султана въ Крымъ 283, 288.

Вассифъ-Ахметъ-Эффенди. Посланъ графомъ Румянцевымъ съ письмомъ къ вел. визирю во время Фокшанскаго конгресса 419.

Велепольскій, Польскій магнатъ. 254.

Веселицкій, Петръ Петровичъ, канцеляріи совѣтникъ, потомъ—стат. совѣтникъ, резидентъ при ханѣ Крымскомъ. Резолюція Императрицы на рапорты его кн. Долгорукову 2. Недовольство гр. Панина его дѣйствіями въ Крыму 14—15, 51—57, 74, 77, 80, 88. Требовалъ уступки Россіи города Кафы 78. Объ оставленіи его резидентомъ въ Крыму по окончаніи чрезвычайной миссіи ген. Щербинина 85—

86. Назначается состоять при Щербининѣ 154. О сообщенныхъ имъ свѣдѣніяхъ относительно тяжелаго положенія русскихъ плѣнныхъ въ Крыму 260. О продолженіи переписки его съ Щербининымъ 331. О распространеніи манифеста къ Крымскому народу 384. О сообщеніи о всѣхъ происшествіяхъ въ Крыму гр. Панину и кн. Долгорукову 385 — 386. Упом. 73, 288.

Вессель, Польскій магнатъ. 254.

Викторъ-Амедей III, король Сардинскій. Отношенія его къ Россіи и Франціи 453, 456, 475.

Вилларъ, политическій преступникъ, заключенный въ Шпандау 126 — 127.

Винтфотъ, русскій консулъ въ Бордо. Кн. Барятинскому, посланнику въ Парижѣ, предписывается оказывать ему покровительство 460.

Волковъ, армейскій поручикъ, состоявшій при Волошскомъ господарѣ кн. Гика. 261.

Волконскій, кн. Михаилъ Никитичъ, бывшій посолъ въ Варшавѣ, Московскій главнокомандующій съ 1771 г. Копія съ письма къ нему Императрицы 431. О посольствѣ его въ Варшаву 177. Упом. 504.

Вольтеръ, французскій писатель. Упом. 27.

Воронецкій, политическій преступникъ, заключенный въ Шпандау. 126—127.

Высоцкій, Максимъ, Запорожскій полковой старшина. Обвиняется въ сношеніяхъ съ польскими мятежниками 127.

Вяжевичъ, аббатъ, преслѣдуемый въ Польшѣ. 42.

Гартенбергъ, банкиръ. Упом. 391.

Гедвига-Елисавета-Шарлотта, рожденная принцесса Гольштейнъ-Готторпъ-Ольденбургская, супруга Карла, герцога Зюдерманландскаго. О бракѣ ея 66, 477, 508.

Генрихъ, принцъ Прусскій. О содержаніи вдовствующей королевѣ Шведской 38. О перепискѣ его съ Императрицей см. Предисловіе.

Георгъ III, король Англійскій. Соболѣзнованіе Императрицы по поводу несчастія сестры его, королевы Датской 48. Увѣреніе гр. Панина въ дружественныхъ къ нему чувствахъ Императрицы 128—130, 132. Онъ, въ числѣ другихъ государей, гарантируетъ фамильный пактъ 1765 г. 191. Отвѣтъ на ноту его министерства относительно торговли по Вислѣ и правъ городовъ Торна и Данцига 326 — 328. Объ отношеніяхъ его къ Россіи и Швеціи 451—452, 473, 474. О письмѣ къ нему вел. князя Павла Петровича 468. О поднесеніи Императрицѣ грамоты его о рожденіи у него сына 510. Упом. 50, 267.

Герцъ, графъ, присланный королемъ Прусскимъ для поздравленія съ бракосочетаніемъ вел. кн. Павла Петровича. О передачѣ ему отвѣта Императрицы на письмо короля Прусскаго 495.

Гейлингъ, баронъ, камеръ-юнкеръ Баденскаго маркграфа, находящійся въ Варшавѣ. Ему поручено передать письмо Императрицы къ маркграфу 191.

Гейнрици, начальникъ стеклянныхъ заводовъ въ г. Лорѣ близь Вюрцбурга. Резолюція Императрицы по поводу его предложенія завести въ Россіи стеклянные заводы 111.

Гика, Григорій, Волошскій господарь, живущій въ Петербургѣ. Объ исходатайствованіи ему Молдавскаго господарства 103. Разрѣшеніе ему выѣхать обратно въ Молдавію и назначеніе ему пенсіи. 256 — 257, 261.

Голицынъ, кн. Александръ Михайловичъ, вице-канцлеръ. Записки къ нему Императрицы 330, 510. Подписалъ трактатъ съ Даніей 439. Подписи его на различныхъ документахъ 31, 111, 115, 190, 202, 256, 432, 433, 461.

Голицынъ, кн. Дмитрій Алексѣевичъ, посланникъ въ Гагѣ. Письма къ нему гр. Панина 40, 315, 373—374. Повелѣніе

Императрицы предписать ему препятствовать займу денегъ Швеціей въ Голландіи 271.

Голицынъ, кн. Дмитрій Михайловичъ, посланникъ въ Вѣнѣ. Письма къ нему гр. Панина 20—21, 29—30, 44—47, 117—118, 138—140, 167—169, 190—191, 228—230, 231—232, 296—298, 323—326, 332—335, 398—403, 480—483. О ходѣ переговоровъ его въ Вѣнѣ по поводу участія Австріи въ замиреніи Россіи съ Турціей 181—183. Разговоры его съ кн. Кауницемъ 451. Объ оказаніи имъ поддержки въ Вѣнѣ интересамъ ландграфа Гессенъ-Дармштадтскаго 462. Сообщилъ гр. Панину объясненіе Кауница по поводу разграниченія Австріи съ Польшей 481. Упом. 10, 22, 43, 163, 225, 305.

Головкинъ, гр. Иванъ Александровичъ, резидентъ въ Данцигѣ. Объ инструкціяхъ ему касательно спорной земли въ Данцигскомъ портѣ 408, 512.

Гольцъ, Прусскій посланникъ въ Парижѣ. Упом. 270—271.

Грейгъ, Самуилъ Карловичъ, контръ-адмиралъ. Объ уваженіи къ нему гр. Панина 42. Объ отправленіи подъ его командою эскадры въ Архипелагъ 461. Рескриптъ къ нему Императрицы 471—477. Упом. 43, 49.

Гроссъ, Ѳедоръ Ивановичъ, резидентъ въ Гамбургѣ. Предлагаетъ купить коллекцію гравюръ Голштинскаго оберъ-камергера Берхгольца 115. Объ уплатѣ ему издержанныхъ имъ на покупку этой коллекціи денегъ 264. Записка Императрицы по поводу его реляціи 365—366.

Гудрикъ, Англійскій посланникъ въ Стокгольмѣ. О склоненіи его къ совмѣстному съ русскимъ посланникомъ представленію декларації Шведскому правительству на случай ниспроверженія формы правленія въ Швеціи 204.

Гуннингъ, Робертъ, Англійскій посланникъ въ Петербургѣ. Министерская нота ему 326—328. Резолюція Императрицы о времени пріема его для поднесенія ей грамоты Англ. короля 510. Упом. 248.

Гуровскій, графъ, маршалъ Литовскій. О назначеніи ему содержанія 337—338, 405, 407.

Густавъ III, король Шведскій. Письма къ нему Императрицы 477—478, 508. Намѣреніе его посѣтить Россію 49, 63, 66—67, 496—497. О напечатаніи публикаціи его о бунтѣ въ Шонской провинціи 207. О произведенномъ имъ переворотѣ 202—204, 210—213, 214—215, 218, 220, 221, 226, 237, 272—277, 333—334. Намѣреніе его назначить къ русскому двору посла 267—268. О единствѣ интересовъ Россіи и Даніи по отношенію къ Швеціи 299—300. О враждебномъ положеніи, занятомъ имъ по отношенію къ Россіи 278—279, 395—397. Объ отношеніяхъ его къ Россіи 448—450, 452. О связи его съ Франціей 455, 456. Упом. 219, 255, 299.

Гюльзенъ, графъ, воевода Минскій. Письмо къ нему гр. Панина 257—258.

Д'Альтанъ, Австрійскій генералъ. О столкновеніи его съ ген. Суворовымъ 169.

Дандрій, переводчикъ. О выдачѣ ему жалованья 262.

Девлетъ-Гирей. О прибытіи его въ Суджукъ-Кале для возмущенія тамошнихъ ордъ противъ Россіи 489.

Де-Колонгъ, генералъ-поручикъ, командующій на Сибирскихъ линіяхъ. Указъ къ нему 431—432. Упом. 31, 433.

Денгисъ-мурза, Эдиссанскій посланецъ въ Россіи. Упом. 13.

Денгофъ, графъ, Прусскій посланникъ въ Стокгольмѣ. Его внушенія гр. Остерману по поводу брака принца Карла Зюдерманландскаго и предполагаемой поѣздки короля Шведскаго въ Россію 66.

Джанъ-Мамбетъ-бей, начальникъ Ногайской Эдиссанской орды. О благоволеніи

къ нему Императрицы 13—14. О назначеніи ему ежегоднаго содержанія 67—68, 83. О желаніи его отдать своихъ внуковъ на попеченіе подполковника Стремоухова 331. Письмо къ нему отъ кн. Долгорукова 384, 386. О довѣріи, оказываемомъ имъ Казы-Гирей-султану 485—486.

Долгоруковъ, кн. Василій Михаиловичъ, генералъ аншефъ, командующій 2-й арміей. Его донесеніе Императрицѣ 2. Рескрипты къ нему Императрицы 9, 25, 47, 116, 124, 127, 138, 361, 383—385, 387—389, 398, 436—437, 469—471, 489, 493. Письма къ нему гр. Панина 14—15, 51—57, 283—286, 385—386. Письмо его къ гр. Панину 484. О сношеніяхъ его съ Крымскимъ ханомъ 73, 78, 79, 82. Объ истребованіи у него ген. Щербининымъ офицеровъ для составленія свиты послѣдняго 75. О порученіи ему испортить Крымскія гавани 81. Объ отъѣздѣ его въ армію къ гр. Румянцеву 228. Отношеніе его къ вопросу о возвращеніи плѣнныхъ Крымскихъ татаръ 259—260. Форма письма его къ Крымскому хану 366—367. О распоряженіяхъ его противъ враждебныхъ Россіи Кабардинцевъ 393. Упом. 86, 87, 146, 155.

Долгоруковъ, кн. Владиміръ Сергѣевичъ, посланникъ въ Берлинѣ. Замѣтки Императрицы по поводу его реляцій 298, 398.

Дороѳей, іеромонахъ Великоскитскаго Крестовоздвиженскаго монастыря въ Галиціи. О сборѣ имъ пожертвованій въ пользу монастыря въ Россіи 325.

Дрейеръ, секретарь Датской миссіи въ Петербургѣ. Отзывъ гр. Панина о предполагаемомъ назначеніи его повѣреннымъ въ дѣлахъ при вел. кн. Павлѣ Петровичѣ 162. Гр. Панинъ проситъ его сообщить гр. Остену свѣдѣнія о Шведскихъ вооруженіяхъ 211. Императрица предписываетъ выразить ему свое неудовольствіе по случаю казни Струэнзе 310. Упом. 28, 50.

Дудинъ, капитанъ, уведенный съ командою Калмыками 1, 33. Объ освобожденіи его изъ плѣна 432, 433.

Дюранъ, Французскій полномочный министръ въ Россіи. Объ аудіенціи, данной ему Императрицею 269—271. О назначеніи русскаго министра въ Парижъ въ отвѣтъ на его назначеніе въ Петербургъ 365. О присвоеніи имъ званія полномочнаго министра 445. Увѣряетъ въ дружескихъ чувствахъ короля къ Императрицѣ 457. О подачѣ имъ письма герцога Орлеанскаго къ Императрицѣ распечатаннымъ 498.

Д'Эгиліонъ, герцогъ, Французскій министръ. Участіе его въ уплатѣ Швеціи субсидіи 9. Разговоръ его съ русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Хотинскимъ и мнѣніе о немъ Императрицы 269—271. Наблюдаетъ наружную пристойность въ сношеніяхъ съ русскимъ дворомъ 457. Объ отвѣтѣ ему отъ кн. Барятинскаго въ случаѣ, если онъ заговоритъ о принятіи медіаціи Франціи къ прекращенію войны съ турками 458—459. Упом. 445.

Елагинъ, Иванъ Перфильевичъ. Упом. 63.

Зиновьевъ, Степанъ Степановичъ, камеръ-юнкеръ, посланникъ въ Мадридѣ. Записка Императрицы по поводу того, что онъ забылъ подписать первую свою реляцію на ея имя 330. Резолюціи Императрицы на его просьбы объ уплатѣ чрезвычайныхъ издержекъ 489—490. Упом. 474.

Измаилъ-бей, рейсъ-эффенди, уполномоченный на мирномъ конгрессѣ. Упом. 62.

Измаилъ-мурза, Крымскій посолъ въ Петербургѣ. Объ отпускѣ его обратно въ Крымъ 69, 71.

Ираклій, владѣтель Грузинскій. Объ отправленіи сына его въ Грузію и дачѣ ему прогоновъ и денегъ на дорожныя издержки 507.

Іосифъ II, Императоръ Австрійскій. О поддержкѣ передъ нимъ интересовъ маркграфа Баденъ-Дурлахскаго 191—192. О соглашеніи его съ Россіей и Пруссіей относительно Польши 200. Письмо Императрицы къ нему 233 — 234. Контръ-проектъ секретнаго акта для обмѣна съ нимъ и королемъ Прусскимъ 294—296. Склонность его къ добрымъ отношеніямъ съ Россіей 451. Упом. 30, 90, 121—122, 167—168, 170—171, 297—298, 325—326, 334, 429, 479—480.

Іосифъ-Эммануилъ, король Португальскій. Отношенія его къ Россіи и къ Франціи 453, 456.

Кавалькабо, маркизъ Георгъ, повѣренный въ дѣлахъ при Мальтійскомъ орденѣ. Письма къ нему гр. Панина 370—371, 397. О продленіи его полномочій при новомъ гроссмейстерѣ 391. Объ оказаніи имъ содѣйствія эскадрѣ контръ-адмирала Грейга 475.

Казы-Гирей-султанъ. Объ избраніи его сераскиромъ надъ Ногайскими татарами 287, 485 — 487, 488 — 489. О сношеніяхъ его съ Кабардинцами 392—393.

Калга-султанъ, см. Шагинъ-Гирей.

Кантакузины, Молдавскіе князья. О защитѣ интересовъ ихъ на мирномъ конгрессѣ съ Турками 103.

Карлъ, принцъ Зюдерманландскій. О предполагаемомъ бракѣ его 66, 477, 508.

Карлъ-Евгеній, герцогъ Вюртембергскій. О порученіи, данномъ ему Вѣнскимъ дворомъ, относительно имущества маркграфа Баденъ-Дурлахскаго 191.

Карлъ-Фридрихъ, маркграфъ Баденъ-Дурлахскій. Содѣйствіе Императрицы въ дѣлѣ полученія имъ наслѣдства покойнаго маркграфа Баденъ-Баденскаго и письмо къ нему Императрицы по этому поводу 190—192.

Каролина, ландграфиня Гессенъ-Дармштадтская, мать В. Кн. Наталіи Алексѣевны. Объ отъѣздѣ ея изъ Петербурга 477, 478. Упом. 408, 477.

Каролина-Луиза, принцесса Вальдекская, супруга герцога Курляндскаго Петра Бирона. Письма къ ней Императрицы о разводѣ ея съ мужемъ 138, 438. О разводѣ ея съ мужемъ 146—147. О поддержкѣ ея домогательствъ при сеймѣ въ Варшавѣ 462.

Каролина-Матильда, королева Датская. О судьбѣ фаворита ея Струэнзе и отношеніе ея къ его заключенію 23—24, 36—37, 50. О разводѣ ея съ королемъ Христіаномъ VII 159—161.

Каткартъ, лордъ, Англійскій посолъ въ Петербургѣ. Отвѣтъ на два предложенія его о союзѣ съ Англіей 127—132. Нота ему отъ гр. Панина 132—137.

Кауницъ, князь, гр. фонъ-Ритбергъ, Австрійскій канцлеръ. Его недоброжелательство къ Россіи 3, 8. Похвала его способностямъ отъ гр. Панина 30. Его предложеніе о раздѣлѣ польскихъ земель 112. Кн. Д. Голицыну предписывается объясниться съ нимъ по этому поводу 117—118, 138—140. Мнѣніе Панина о 4 пунктахъ, сообщенныхъ имъ, касательно замиренія Польши 140—144. Участіе его въ дѣлѣ о французскихъ офицерахъ, бывшихъ при польскомъ войскѣ 145—146. Отказъ его отъ обязательствъ съ Турціей 164. Панинъ благодаритъ его за улаженіе вопроса о раздѣлѣ Польши 167. О степени участія Австріи въ мирныхъ переговорахъ съ турками 45, 168, 181—182, 229, 324. Объ участіи его въ столкновеніи ген. Суворова съ ген. д'Альтанъ 169. Особенность его дипломатическаго образа дѣйствій 175. О принятіи Императрицею его декларации 176. Его отношенія къ Россіи въ дѣлахъ Польши 20 — 21, 181 — 183, 231, 297 — 298, 332—335, 403. О содѣйствіи его награжденію кн. Лобковича орденомъ Золотого Руна 232. О представленіи ему

объясненія образа дѣйствій Россіи на мирномъ конгрессѣ съ турками 402—403. Объ отношеніи его къ вопросу о расширеніи предѣловъ части Польши, полученной королемъ Прусскимъ 429. Объ отношеніяхъ его къ Россіи 451. Франція старается привлечь его на свою сторону 456. Объясненіе его по поводу разграниченія Австріи съ Польшей 481—483. Упом. 46, 163, 170, 254, 296. 363, 398.

Каховскій, Михаилъ Васильевичъ, генералъ-маіоръ. Отправленъ въ Польшу для занятія присоединяемыхъ къ Россіи провинцій 41. Принимаетъ присягу отъ жителей вновь присоединенныхъ провинцій 282.

Кашкинъ, Евгеній Петровичъ, генералъ-маіоръ. Упом. 15.

Кейзерлингъ, графъ Германъ, бывшій посолъ въ Варшавѣ. О посольствѣ его въ Варшавѣ 177.

Кенникотъ, Веніаминъ, Англійскій богословъ. О подпискѣ Императрицы на 3 экземпляра его изданія Ветхаго Завѣта 510.

Клеопинъ, капитанъ. Упом. 335.

Коняевъ, капитанъ. Упом. 335.

Корфъ, баронъ Николай Андреевичъ, посолъ въ Швеціи въ 1746—1748 гг. О возвращеніи Финлею задолженныхъ имъ въ 1747 г. денегъ 147.

Красинскій, епископъ Каменецкій. Взятъ русскими войсками въ плѣнъ; резолюція Императрицы о немъ 248. Объ освобожденіи его изъ плѣна 266.

Красносляповъ, Александръ, поручикъ артиллеріи. Отправленъ при Волошскомъ господарѣ кн. Гика 261.

Крейцъ, Шведскій посланникъ въ Парижѣ. О разговорѣ его съ Хотинскимъ 270.

Кречетниковъ, Михаилъ Никитичъ, генералъ-маіоръ. Принимаетъ присягу отъ жителей вновь присоединенныхъ Польскихъ областей 282.

Крувельеръ, капитанъ французскаго судна, захваченнаго русскою эскадрою въ Архипелагѣ 304.

Ларрей, Датскій государственный дѣятель. Кандидатъ на постъ управляющаго иностранными дѣлами 368—369.

Ласій. Упом. 270.

Лауджандапъ (Лоуянджапъ), Зенгорскій начальникъ, бѣжавшій въ Россію. О невыдачѣ его обратно Китайскому правительству 1, 32, 34.

Лашкаревъ, переводчикъ. О выдачѣ ему жалованья 262.

Лобковичъ, князь, Австрійскій посланникъ въ С.-Петербургѣ. Передаетъ гр. Панину проектъ декларація о Польшѣ 29—30. Ноты ему отъ гр. Панина 30, 311—312. Сообщаетъ гр. Панину о конференціи Ванъ-Свитена съ Фридрихомъ II 44—45. Ложно подозрѣваемъ въ нескромности. 46—47. Поддерживаетъ представленіе Россійскаго двора объ оставленіи на время русскаго войска въ Польскихъ областяхъ, имѣющихъ отойти къ Австріи 113, 123. Отвѣтъ гр. Панина на сообщенные имъ 4 пункта касательно замиренія Польши 139, 140—144. О сношеніяхъ его съ гр. Панинымъ по вопросу объ участіи Австріи въ мирныхъ переговорахъ съ Портою и о плѣнныхъ французскихъ офицерахъ въ Польшѣ 145—146, 209. О подписаніи съ нимъ конвенціи о раздѣлѣ Польши 164, 174, 176. Конфиденціальная декларація ему 170—171. Ему поручено противиться заключенію мира Россіи съ Портой на условіяхъ уступки Молдавіи и Валахіи и независимости Крыма 181. О соглашеніи его съ гр. Панинымъ касательно присоединенія Польскихъ областей 206, 297, 305. О канцелярской ошибкѣ въ договорѣ о раздѣлѣ Польши и о пожалованіи ему ордена Золотого Руна 231—232. Хвалебный отзывъ Императрицы о немъ 233. Замѣтка Императрицы по поводу его ноты 308. О представленіяхъ ему въ пользу гр. Понятовскаго, брата Польскаго короля 406. Нота ему 478—480. Объясненія съ нимъ.

гр. Панина по поводу разграниченія Австріи съ Польшей 481. О сообщенной имъ гр. Панину нотѣ 506. Упом. 112, 117, 119, 144, 163, 167—168, 183, 296, 324, 332.

Логиновы, Михаилъ и Агаѳонъ, крестьяне помѣщика Челищева, бѣжавшіе въ Польшу 115.

Луиза, наслѣдная принцесса Прусская, рожд. принцесса Гессенъ-Дармштадтская. Упом. 467.

Луиза-Ульрика, вдовствующая королева Шведская. Объ увеличеніи ея содержанія 38—39.

Луренсъ, Рейнгольдъ, капитанъ погибшаго у береговъ Финляндіи голландскаго судна 255.

Львовъ, Иванъ, капитанъ-поручикъ, повѣренный въ дѣлахъ Грузіи. О выдачѣ ему денегъ на выѣздъ изъ Грузіи 507.

Людвигъ IX, ландграфъ Гессенъ-Дармштадтскій, отецъ вел. княгини Наталіи Алексѣевны. Резолюціи Императрицы по поводу представленій посланника его Мозера 462—463, 471.

Людовикъ XV, король Французскій. О соглашеніи его съ королемъ Шведскимъ 211. Объ аккредитованіи при немъ князя И. С. Барятинскаго 446—447. О дружескихъ чувствахъ его къ Императрицѣ 457, 459. Упом. 159.

Людовикъ-Филиппъ-Іосифъ, герцогъ Орлеанскій. О письмѣ его къ Императрицѣ съ извѣстіемъ о рожденіи сына 498.

Людовикъ-Филиппъ, герцогъ Валуа, впослѣдствіи — король Французовъ, сынъ предыдущаго. О письмѣ его отца къ Императрицѣ съ извѣстіемъ о его рожденіи 498.

Мамбетъ-бей, начальникъ Эдишкульской орды. Объ отдачѣ имъ его сына на воспитаніе подполковнику Стремоухову. 331.

Марія-Терезія, Императрица Австрійская. О соглашеніи ея съ Императрицей и королемъ Прусскимъ относительно Польши 200. Проектъ письма Императрицы къ ней 232—233. Контръ-проектъ секретнаго акта для обмѣна съ нею и королемъ Прусскимъ 294—296. Склонность ея къ добрымъ отношеніямъ съ Россіей 451. Упом. 60, 90, 121—122, 167—168, 170—171, 297—298, 325—326, 334, 429, 479—480.

Марковъ, секретарь посольства. Отправленъ въ Гагу для задержанія дѣлателя фальшивыхъ ассигнацій Баро де-Бротара 40.

Маруцци, маркизъ, русскій повѣренный въ дѣлахъ при Венеціанской республикѣ. Объ отношеніяхъ республики къ Россіи 452—453. Объ оказаніи имъ содѣйствія эскадрѣ контръ-адмирала Грейга 476.

Масъ, А. Упом. 495.

Мегмедъ-Гирей-мурза, Крымскій чиновникъ. О назначеніи ему пенсіи 288.

Медемъ, генералъ-поручикъ, Кизлярскій комендантъ. Рескриптъ къ нему Императрицы 391—394.

Местмахеръ, Иванъ Ивановичъ, повѣренный въ дѣлахъ въ Копенгагенѣ. Письма къ нему гр. Панина 11—12, 36—37, 210—213, 278—279. Письмо его къ гр. Панину 23—24.

Мещерскій, князь, канцеляріи совѣтникъ. Состоялъ при Волошскомъ господарѣ кн. Гика 261.

Мигай, актуаріусъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ, состоящій при Волошскомъ господарѣ Гика. Объ уплатѣ ему жалованья 261.

Млодзѣевскій, епископъ Куявскій. Письмо къ нему гр. Панина 335—336. О назначеніи ему вознагражденія 337, 405.

Мнишекъ, графъ. Сторонникъ Саксонской партіи и главный зачинщикъ смутъ въ Польшѣ 253—254. Мѣры противъ него со стороны министровъ 3-хъ дворовъ въ Варшавѣ 358.

Мнишки, графы. Враждебность ихъ къ

Россіи 58. Необходимость уменьшить ихъ богатство 143.

Мозеръ, посланникъ ландграфа Гессенъ-Дармштадтскаго. Резолюціи Императрицы на его представленія 462—463, 471.

Мосальскій, епископъ Виленскій. О письмѣ его къ Императрицѣ 381—382.

Муррей, Англійскій посолъ въ Константинополѣ. Объ участіи его въ мирныхъ переговорахъ съ Турками 106.

Мусинъ-Пушкинъ, Алексѣй Семеновичъ, посланникъ въ Лондонѣ. О повелѣніи ему сообщить Остъ-Индской компаніи о наблюденіи за дѣйствіями Беньовскаго 366. Письмо къ нему гр. Панина 468. Объ оказаніи имъ содѣйствія эскадрѣ контръ-адмирала Грейга 472. О внушеніи имъ Эльфинстону неблаговидности обнародованія документовъ, находящихся въ рукахъ послѣдняго 511.

Нагаевъ, Алексѣй Ивановичъ, адмиралъ. Упом. 472.

Наталія Алексѣевна, Вел. Княгиня. Упом. 408, 462, 468, 471, 478.

Нользъ, адмиралъ. О порученной ему комиссіи 61. Упом. 15, 20, 111, 159.

Нумзенъ, Датскій посланникъ при Россійскомъ дворѣ. Отзывъ Панина о его назначеніи посланникомъ 162. О сообщеніи ему относительно ложнаго слуха, будто король Прусскій отсовѣтовалъ Императрицѣ заключать съ Даніей договоръ по Голштинскому дѣлу 217. Сообщаетъ гр. Панину письма гр. Бернсторфа 219. Сообщилъ своему двору о начатіи переговоровъ Россіи съ Голштиніей 390. О заключеніи трактата съ Даніей, подписаннаго имъ 439.

Обресковъ, Алексѣй Михайловичъ, тайн. сов., полномочный посолъ на конгрессахъ въ Фокшанахъ и въ Бухарестѣ. Инструкція ему 90—110. Рескрипты къ нему Императрицы 158—159, 204, 208—209, 220—222, 236—242, 261—262, 315—321. Письма къ нему гр. Панина 165—166, 209—210, 214—216, 222—223, 242—244, 262—266, 289—294, 321—323. Гр. Панинъ рекомендуетъ его гр. Румянцеву 110—111. Записка Императрицы по поводу срока перемирія съ Турками 173. Объ оставленіи его при гр. Румянцевѣ на случай возобновленія переговоровъ съ Турками 225, 229—230, 250. О соглашеніи его съ гр. Румянцевымъ о продленіи срока перемирія и о мѣстѣ новаго конгресса 245—246. Резолюція Императрицы на его реляцію 256. О переговорахъ его съ Турками 362—364. О причинахъ разрыва мирнаго конгресса 399, 402. О дѣйствіяхъ его на Бухарестскомъ конгрессѣ 420—425. Упом. 112. 146, 176, 181, 227, 280.

Огинскій, князь, Литовскій великій гетманъ. Императрица не желаетъ вмѣшиваться въ лишеніе его гетманскаго званія 467. Резолюція Императрицы по поводу соперничества его съ кн. Сапѣгою въ дѣлѣ сохраненія за нимъ званія вел. гетмана 495—496.

Олсуфьевъ, Адамъ Васильевичъ, статсъ-секретарь. Упом. въ резолюціи Императрицы по поводу покупки коллекціи гравюръ Голштинскаго оберъ-камергера Берхгольца 115. Упом. 510.

Орловъ, гр. Алексѣй Григорьевичъ, генералъ-аншефъ. Рескрипты и письма къ нему Императрицы 21, 49, 110, 124, 125, 147, 158, 219, 298, 335, 359, 386, 495. Письма къ нему гр. Панина 21—23, 42, 43—44, 125—126, 147—148, 156—157, 303—304. О доставленныхъ имъ свѣдѣніяхъ объ островахъ Архипелага 108. О срокѣ перемирія его съ Турками 175, 364. Вліяніе его успѣховъ на ходъ мирныхъ переговоровъ въ Бухарестѣ 424.

Орловъ, гр. Григорій Григорьевичъ, ген.-

фельдцейхмейстеръ, полномочный посолъ на Фокшанскомъ конгрессѣ. Инструкція ему 90—110. Рескрипты къ нему Императрицы 158—159,204,208—209,219—220. Письма къ нему гр. Панина 144—146, 163—165, 174—176, 209—210, 214—216. Записка Императрицы по поводу срока перемирія съ Турками 173. О возобновленіи переговоровъ съ Турками вмѣстѣ съ Обресковымъ 221. Отзывъ гр. Панина о его поведеніи, вызвавшемъ разрывъ конгресса 222—223. Упом. 125, 157, 165.

Орловъ, гр. Иванъ Григорьевичъ. Упом. 147, 156, 210.

Орловъ, графъ Ѳедоръ Григорьевичъ Упом. 146, 165.

Османъ-эффенди, Турецкій уполномоченный на мирномъ конгрессѣ. О назначеніи его уполномоченнымъ 62, 225, 229. О возобновленіи конгресса 230. Чрезмѣрныя его требованія и отъѣздъ вызвали разрывъ конгресса 237. О склонности его къ миру 239. Внесенныя въ протоколъ слова его объ условіяхъ независимости Крыма 240. О передачѣ ему желанія Императрицы возобновить мирные переговоры 249. Упом. 263, 264, 265.

Остенъ, графъ, Датскій министръ иностр. дѣлъ. Письма къ нему гр. Панина 28 29, 50—51, 63—65, 160—163, 302—303. О стараніяхъ вернуть къ дѣламъ гр. Бернсторфа 12. О сообщеніи ему относительно шведскихъ вооруженій 211, 279. О сообщеніи ему относительно соглашенія съ королемъ Прусскимъ по дѣламъ Швеціи 213. О совѣщаніи съ нимъ по поводу вступленія вел. князя во владѣніе Голштиніей 301. Удаленіе его отъ дѣлъ 368.

Остерманъ, гр. Иванъ Андреевичъ, посланникъ въ Стокгольмѣ. Рескрипты къ нему Императрицы 35, 149, 202—204, 218. Письма къ нему гр. Панина 38—39, 65—67, 268—269, 271—278, 374—378, 496—497. Записки Императрицы по поводу его реляцій 49, 207, 217—218, 279. О сообщеніи ему объ уплатѣ Франціей Швеціи субсидныхъ денегъ 9. Императрица выражаетъ желаніе, чтобъ Датскій посланникъ въ Стокгольмѣ дѣйствовалъ съ нимъ за одно 300. Упом. 219, 267.

Павелъ Петровичъ, вел. князь, наслѣдникъ-цесаревичъ. О намѣреніи Сальдерна писать записки о времени воспитанія его 126. О назначеніи при немъ особаго повѣреннаго по дѣламъ Датскимъ 162. Письмо его къ королю Датскому 298—299, 301. О письмѣ его къ принцу Фридриху Датскому 302. О нездоровьѣ его 310. О назначеніи Сальдерна коммиссаромъ отъ него по обмѣну Голштиніи на Ольденбургъ и Дельменгорстъ 441. Записка о причинахъ заключенія по этому поводу трактата съ Даніей, предназначенная повидимому для него 442—445. Объ обмѣнѣ Голштиніи на Ольденбургъ и Дельменгорстъ 448. О бракѣ его съ принцессой Гессенъ-Дармштадтской 462, 466, 468, 471, 489, 495. О письмѣ его къ королю Англійскому 468.

Паназіодоросъ, грекъ, титулярный переводчикъ. О принятіи его на русскую службу и назначеніи ему жалованья 262.

Панинъ, гр. Никита Ивановичъ, дѣйств. тайн. совѣтникъ. Письма его: къ Сальдерну 9—11, 26—27, 40—42, 57—59, 112—114, 206—207; къ Местмахеру 11—12, 36—37, 210—213, 278—279; къ кн. В. Долгорукову 14—15, 51—57, 283—286, 385—386; къ кн. Д. М. Голицыну 20—21, 29—30, 44—47, 117—118, 138—140, 167—169, 190—191, 228—232, 296—298, 323—326, 332—335, 398—403; къ кн. Д. А. Голицыну 40, 315, 373—374; къ гр. А. Г. Орлову 21—23, 42, 43—44, 125—126, 147—148, 156—

157, 303 — 304; къ гр. Г. Г. Орлову 144—146, 163—165, 174—176, 209—210, 214—216; къ гр. Румянцеву 110—111, 226 — 228, 261, 361—364; къ гр. Остерману 38—39, 65—67, 268—269, 271—278, 374—378, 496—497; къ марк. Кавалькабо 370 — 371, 397; къ гр. Остену 28—29, 50—51, 63—65, 160—163, 302—303; къ Мусинъ-Пушкину 468; къ Обрескову 165—166, 209—210, 214—216, 222—223, 242—244, 262—266, 289—294, 321—323; къ Щербинину 87 — 90, 154 — 155, 234—236, 247—248, 286—288, 488—489; къ Станиславу — Августу 360 — 361; къ И. Симолину 216—217, 300—302, 368—369, 390, 439, 441—442, 461; къ гр. Гюльзену 257 — 258; къ Цегелину 249—250; къ бар. Раппе 27—28, 255; къ Штакельбергу 250 — 255, 266, 304—307, 329—330, 336—338, 358—359, 371—372, 378—382, 403—407, 427—430, 462, 467, 498—506; къ епископу Куявскому 335 — 336; къ Хотинскому 440, 498; къ епископу Краковскому 382; Записки и рескрипты къ нему Императрицы 40, 126—127, 310, 332, 438, 466, 511. Письма къ нему: гр. Сольмса 126—127; Местмахера 23—24; Зиновьева 490; Гросса 115, 264, 365 — 366; Хотинскаго 9, 408; Сальдерна 65, 159; Стахіева 147; гр. Остермана 279; кн. Д. Голицына 481; кн. Долгорукова 484. Мнѣніе его о положеніи политическихъ и военныхъ дѣлъ 2—8. Нота его англ. послу лорду Каткарту 132—137. Мнѣніе его о 4-хъ пунктахъ, сообщенныхъ Кауницемъ, касательно замиренія Польши 140—144, 183. Декларація его кн. Лобковичу 170—171. Записка и письма его къ Калгѣ-султану Шагинъ-Гирею 171 — 172, 433 — 436, 437. Нота его бар. Риббингу 267. Проектъ ноты его кн. Лобковичу 311—312. Ноты гр. Сольмсу 394—397, 408—412, 512—513. Вручаетъ ноту кн. Лобковичу 478. Разсужденіе его объ условіяхъ мира съ Турціей 490—493. О выкупѣ у адм. Эльфинстона писемъ гр. Панина, находящихся у него въ рукахъ 511. Довѣрительныя соображенія его по содержанію проекта трактата, сообщеннаго ему граф. Сольмсомъ 513 — 517. Подписи его на различныхъ документахъ 31, 111, 115, 202, 256, 432, 433, 461. Упом. 62, 114, 182, 194, 196, 219, 221, 261, 319, 332, 338, 416.

Панинъ, гр. Петръ Ивановичъ, генералъ-аншефъ. Упом. 52.

Петръ I, Императоръ Всероссійскій. Упом. 237.

Петръ III, Императоръ Всероссійскій. Перемѣнилъ политическую систему Россіи 453—454.

Пизани, Николай, переводчикъ, секретно принятый на русскую службу. О назначеніи ему жалованья 262.

Пини, совѣтникъ посольства. О выдачѣ ему жалованья 262.

Питтъ, Вилльямъ, лордъ Чатамъ, Англійскій первый министръ. При вступленіи своемъ въ министерство предложилъ назначить посла въ Россію 267. Смѣна его лордомъ Бютомъ повлекла за собой охлажденіе между Англіей и Пруссіей 453 — 454.

Платонъ, архіепископъ Тверской. Упом. 309.

Поннискій, графъ, Польскій посланецъ. Возвращеніе его въ Польшу и похвала ему отъ гр. Панина 335—336. О выраженіи ему удовольствія Императрицы по поводу его избранія въ предсѣдатели сейма и конфедераціи 405.

Понятовскій, графъ, братъ короля Польскаго. О возможности привлечь его къ занятію государственными дѣлами 406. Объ оказаніи ему матеріальной поддержки 494.

Понятовскій, графъ П., оберъ-камер-

геръ. О письмѣ его къ бар. Штакельбергу и замѣчаніе о немъ Императрицы 493—494.

Поссе, графъ, Шведскій сенаторъ. О предполагаемомъ назначеніи его посломъ при русскомъ дворѣ 268—269.

Потоцкій, графъ, воевода Кіевскій. Главный зачинщикъ смутъ въ Польшѣ. 253, 358.

Потоцкій, графъ. Гр. П. Понятовскій продалъ ему свой полкъ и свое званіе оберъ-камергера 494.

Потоцкіе, графы. Враждебность ихъ къ Россіи 58. Необходимость уменьшить ихъ богатство 143. О мѣрахъ противъ нихъ со стороны министровъ 3-хъ дворовъ въ Польшѣ 358.

Прозоровскій, кн. Александръ Александровичъ, ген.-поручикъ. О разговорѣ его съ Калгою-султаномъ 433—434, 435—436. Объ отпускѣ его для поправленія его дѣлъ и о доставленіи имъ письма къ Калгѣ-султану отъ гр. Панина 436—437.

Путятинъ, маіоръ, приставъ при Крымскомъ Калгѣ-султанѣ 284.

Пушкинъ, Сергѣй. Задержанъ за дѣланіе за границей фальшивыхъ ассигнацій 40.

Радзивиллъ, князь. Записка Императрицы по поводу тяжбы его съ герцогомъ Бульонскимъ 397—398. Письмо ея къ герцогу Бульонскому о томъ же 408.

Радзивиллы, князья. Враждебность ихъ къ Россіи 58. Необходимость уменьшить ихъ богатство 143. О мѣрахъ противъ нихъ со стороны министровъ 3-хъ дворовъ въ Варшавѣ 357.

Ранцау, д'Ашбергъ, Датскій сановникъ, сторонникъ Франціи. Отзывъ Панина по поводу его вліянія на отношенія Даніи къ Россіи 161—162. Удовольствіе Императрицы по случаю удаленія его отъ дѣлъ 299, 302.

Раньини, графъ, посланникъ Рагузской республики въ С.-Петербургѣ. Добивался признанія Россіей флота ея не непріятельскимъ 476.

Раппе, баронъ, губернаторъ г. Або. Письма къ нему гр. Панина 27—28, 255.

Ребиндеръ, баронъ. Явился къ Выборгскому вице-губернатору Энгельгардту съ извѣстіями о произведенномъ Спренгпортеномъ возмущеніи 205.

Ребиндеръ, генералъ-маіоръ. Отправленъ въ Польшу для занятія присоединяемыхъ къ Россіи провинцій 41.

Ревицкій, баронъ. Австрійскій посланникъ въ Варшавѣ. О склоненіи его къ мѣрамъ противодѣйствія королю Польскому 404. О содѣйствіи его въ привлеченіи гр. Понятовскаго, брата короля, къ занятію государственными дѣлами 406. О представленіи ему по поводу расширенія предѣловъ части Польши, полученной королемъ Прусскимъ, и по поводу диссидентовъ 429—430. Объ отношеніи его къ вопросу объ ограниченіи власти Польскаго короля 479—480. О привлеченіи его къ совмѣстнымъ съ русскимъ посланникомъ дѣйствіямъ въ защиту правъ диссидентовъ 502—503.

Рено, поручикъ. Отправляется курьеромъ въ Стокгольмъ 206.

Репнинъ, кн. Николай Васильевичъ, бывшій посолъ въ Варшавѣ. О посольствѣ его въ Варшавѣ 177. Упом. 504.

Рехтеренъ, графъ, Голландскій посланникъ въ Петербургѣ. Вопросъ о пожалованіи его въ камергеры по случаю его отозванія 373—374.

Рейнсдорпъ, генералъ-поручикъ, Оренбургскій губернаторъ. Объ отсылкѣ къ нему вышедшихъ изъ Китая Калмыкъ 432. Рескриптъ къ нему 433.

Ржевусскій, графъ, генералъ. Объ освобожденіи его съ сыномъ изъ плѣна 329.

Риббингъ, баронъ, Шведскій посланникъ въ Петербургѣ. Нота къ нему гр. Панина 267. О нотѣ его къ гр. Панину 268.

Передаетъ гр. Панину опасенія короля Шведскаго вслѣдствіе русскихъ вооруженій и увѣренія въ его миролюбіи 375, 377. О выдачѣ ему 25,000 рублей 438. Упом. 27—28, 255.

Ризо Г. Упом. 495.

Рипинскій, Мартинъ, староста г. Полоцка. У него живутъ бѣглые крестьяне помѣщика Челищева 115.

Роганъ, принцъ, Французскій посолъ въ Вѣнѣ. Ходатайствуетъ объ освобожденіи взятыхъ при занятіи Кракова французскихъ офицеровъ. 48, 145, 146. Отзывъ о немъ Императрицы по поводу ноты кн. Лобковича объ ограниченіи права иностранныхъ министровъ въ Вѣнѣ безпошлиннаго провоза товаровъ 308.

Романіусъ, генералъ-поручикъ, начальствующій корпусомъ войскъ, расположенныхъ въ Польшѣ 41. Смѣняетъ ген. Суворова, по случаю столкновенія послѣдняго съ Австрійскимъ генераломъ д'Альтанъ 169.

Румянцевъ, графъ Петръ Александровичъ, генералъ-фельдмаршалъ. Рескрипты и письма къ нему Императрицы 59, 60—63, 223—226, 244—247, 256—257, 390—391, 431, 437—438, 463—465, 483—484, 494—495. Письма къ нему гр. Панина 110—111, 226—228, 261, 361—364. Объ отправленіи къ нему И. Симолина для мирныхъ переговоровъ съ Турками 15, 43—44, 125. О представленіяхъ его вел. визирю 16. О предложеніи Порты вести мирные переговоры съ нимъ Австрійскому и Прусскому посланникамъ въ Константинополѣ 46. О скорѣйшемъ отправленіи русскихъ уполномоченныхъ въ его главную квартиру 107. О предписаніи ему держать войско въ Польшѣ для удаленія Австрійцевъ отъ Львова 113, 123. Объ отправленіи имъ увѣдомленія гр. А. Орлову о заключеніи съ Турками перемирія 125. Заключаетъ перемиріе съ Турками 147—148, 174—175. О разрѣшеніи гр. Г. Орлову остаться при немъ или вернуться въ С.-Петербургъ 220. Обрескову предписывается отправиться въ его главную квартиру на случай возобновленія мирныхъ переговоровъ съ Турками 221, 236. Ему поручены мирные переговоры съ Турками послѣ разрыва конгресса 228 — 230, 250. О сообщеніи Обресковымъ ему рескрипта Императрицы и письма гр. Панина 242, 244. О выраженной ему вел. визиремъ готовности возобновить мирные переговоры 248. Объ одобреніи Императрицею отвѣта его вел. визирю 263. Объ оказаніи имъ покровительства Великоскитскому Крестовоздвиженскому монастырю въ Галиціи 325. Сношенія его съ вел. визиремъ во время Фокшанскаго конгресса 418—419. О пропускѣ курьеровъ его безъ задержанія въ карантинѣ 431. Упом. 7, 219, 262, 310, 503.

Румянцевъ, графъ Михаилъ, сынъ фельдмаршала. Упом. 323.

Сабатье-де-Кабръ, Французскій повѣренный въ дѣлахъ въ С.-Петербургѣ. Передаетъ Панину жалобу своего двора 43. Дурное мнѣніе Панина о немъ 46—47. Упом. 60.

Сагибъ-Гирей, ханъ Крымскій. Грамоты Императрицы къ нему 69, 192 — 194. Форма письма къ нему отъ кн. Долгорукова 366—367, 384. О стараніяхъ Веселицкаго внушить ему объ ошибкѣ, сдѣланной имъ въ вопросѣ объ уступкѣ Россіи городовъ 2. О подписаніи имъ и обнародованіи соглашенія съ Россіей относительно независимости Крыма и уступки городовъ 4. Обязался управлять Крымомъ и Ногайцами независимо отъ Порты 13. О возобновленіи Веселицкимъ домогательства предъ нимъ относительно уступки городовъ 51, 52. Излишне допускать его присылать въ С.-Петербургъ прошенія и посланцевъ съ просьбой настоять на независимости Крыма

56—57. О просьбахъ его возмѣстить доходы, которые онъ имѣлъ, будучи въ подданствѣ Порты 67—68. О независимости Крыма 70. Объ отправленіи къ нему посольства 71, 72, 195. Объ опасеніяхъ его за независимость Крыма, угрожаемую Россіей 74. Объ аудіенціи Щербинина у него и вручении ему грамоты 75. О внушеніи ему значенія посольства Щербинина 76—77. Объ уступкѣ имъ Россіи двухъ городовъ 78, 80, 88—89, 151. Объ оставленіи прежнихъ соглашеній съ нимъ въ силѣ 81. О доходахъ его 82. Объ отношеніяхъ его къ Ногайцамъ, Кубанцамъ, Кабардинцамъ и проч. 83—84, 153—154, 288. О формѣ акта, подлежащаго размѣнѣ съ нимъ 85. Объ оставленіи при немъ Веселицкаго резидентомъ 86. О подаркахъ ему 88. О заключеніи съ нимъ договора 90, 151, 283, 287, 307, 331. Объ оставленіи ему турецкой артиллеріи и пороха 155. Недовѣріе его къ Россіи 171—172. Объ избраніи его 194. Двоедушіе его 234. О неудачѣ переговоровъ съ Турками о независимости Крыма 235. О полученіи отъ него акта о независимости Крыма 236. О склоненіи его къ признанію независимости Крыма 247. О снабженіи Веселицкаго наставленіями отъ Щербинина во время пребыванія его при ханѣ 308. О признаніи его независимымъ 434. Упом. 15, 87, 150.

Сакрамозо, кавалеръ Мальтійскаго ордена. Отзывъ Императрицы на ходатайство его о назначеніи его повѣреннымъ въ дѣлахъ ордена въ Петербургѣ 150. Удовольствіе Императрицы по случаю его прибытія и отправленіе его съ ея рекомендаціей въ Польшу для рѣшенія дѣла объ Острожскихъ владѣніяхъ ордена 369—371, 380—381. О продленіи его полномочій при Россійскомъ дворѣ при новомъ гроссмейстерѣ 391, 397.

Сальдернъ, Каспаръ, посолъ въ Варшавѣ. Рескрипты къ нему Императрицы 115, 126. Указъ ея объ отозваніи его изъ Варшавы 173—174. О томъ же 177. Письма къ нему гр. Панина 9—11, 26—27, 40—42, 57—59, 112—114, 206—207. Записки Императрицы по поводу его реляцій 65, 159. О сообщеніи имъ Бибикову свѣдѣній о долѣ, требуемой Австріей изъ польскихъ земель 122—123. Снабженъ общими указаніями для вознагражденія отдѣльныхъ лицъ за простой русскаго войска въ Польшѣ 148. Объ отвѣтѣ его кн. Д. Голицыну по поводу столкновенія ген. Суворова съ Австрійскимъ ген. д'Альтанъ 169. Характеристика дѣятельности его въ Варшавѣ 178. Обязанъ ознакомить бар. Штакельберга съ лицами, могущими имѣть вліяніе на поляковъ 188. О передачѣ имъ Штакельбергу канцелярскихъ служителей и архива миссіи 189. О дачѣ ему наставленій сходныхъ съ рескриптомъ гр. Румянцеву 310. Объ отправленіи его въ Данію 441—442. Обѣщалъ кн. Сапѣгѣ званіе великаго гетмана 496.

Сапѣга, князь. О назначеніи его Литовскимъ великимъ гетманомъ на мѣсто кн. Огинскаго 467. Резолюція Императрицы по поводу соперничества его съ кн. Огинскимъ въ этомъ дѣлѣ 495—496.

Сенявинъ, А. Н., адмиралъ. О рапортѣ его гр. А. Орлову о состояніи Азовской флотиліи 204. Упом. 20, 47, 214, 307, 335, 361, 477.

Симолинъ, Иванъ Матвѣевичъ, стат. совѣтникъ. Инструкція ему для мирныхъ переговоровъ съ Турціей 15—19. Указъ о назначеніи его посланникомъ въ Копенгагенъ 172. Письма къ нему гр. Панина 216—217, 300—302, 368—369, 390, 439, 441—442, 461—462. Резолюціи Императрицы на его реляціи 271, 389. Объ отправленіи его къ гр. Румянцеву 43, 125. О препровожденіи ему писемъ Императрицы къ королю и королевѣ Датскимъ 302.

Объ оказаніи имъ содѣйствія эскадрѣ контръ-адмирала Грейга 472.

Солтыкъ, епископъ Краковскій. Объ освобожденіи его изъ плѣна 329. О письмѣ его къ Императрицѣ и отвѣтѣ ему гр. Панина 372. Письмо къ нему гр. Панина 382.

Сольмсъ, графъ, Прусскій посланникъ въ С.-Петербургѣ. Записка его къ гр. Панину съ резолюціей Императрицы 126—127. Ноты ему 394—397, 408—412, 508—509, 512—513. Довѣрительныя соображенія гр. Панина по содержанію проекта трактата, сообщеннаго имъ 513—517. О разговорѣ съ нимъ гр. Панина по поводу вывоза хлѣба изъ Польши 41—42. О сообщенныхъ имъ депешахъ Цегелина и письмахъ короля Прусскаго 62, 145, 163, 176, 491—492. О подписаніи имъ договора о раздѣлѣ Польши 164. О соглашеніи съ нимъ относительно мѣръ для присоединенія Польскихъ областей 174, 176, 206. Подписалъ конвенцію 4 Января 1772 г. о Польшѣ 180. О соглашеніи съ нимъ относительно вознагражденія поляковъ за простой войскъ и о секвестраціи земель 297, 305. О передачѣ имъ кн. Лобковичу ратификаціи трактата о раздѣлѣ Польши 312. О представленіи ему по поводу поведенія прусскихъ войскъ въ Польшѣ 407. О представленіи ему по поводу соглашенія Пруссіи съ Польшей 428. Упом. 20, 21, 30, 38, 156, 169, 332, 338.

Спиридовъ, Григорій Андреевичъ, адмиралъ. Объ оказанномъ его эскадрѣ гостепріимствѣ въ англійскихъ портахъ 474. О деньгахъ, переданныхъ ему Эльфинстономъ 511.

Спренгпортенъ, баронъ, Георгъ-Магнусъ, Шведскій полковникъ. О произведенномъ имъ въ Финляндіи возмущеніи въ пользу короля Густава III 204—205, 210—211, 213.

Станиславъ-Августъ, король Польскій. Письма къ нему Императрицы 148—149, 359—360, 369—370. Письмо къ нему гр. Панина 360—361. Записка Императрицы по поводу его циркуляра о созывѣ сенатусъ-консиліума 282—283. Контръ-проектъ декларацiи ему отъ министровъ 3-хъ державъ 294—296. О покушеніи на его жизнь 10. О сохраненіи за нимъ соляныхъ промысловъ въ Краковскомъ воеводствѣ 121. О вознагражденіи его послѣ раздѣла за отнятыя земли его 141—143, 371—372, 501—502. О подачѣ ему декларацiи о раздѣлѣ Польши 176, 184, 185, 200—201, 206—207 Въ какія отношенія къ нему слѣдуетъ стать бар. Штакельбергу 186—187, 252—253, 379. О привѣтственной къ нему рѣчи бар. Штакельберга 189. Объ избраніи его на престолъ 196. О первыхъ годахъ его царствованія 177, 196—200. О томъ, что долженъ говорить ему бар. Штакельбергъ 250—251. Нѣтъ надобности объяснять ему причины освобожденія изъ заключенія епископа Каменецкаго 266. О понужденіи его поспѣшить окончательнымъ соглашеніемъ съ тремя дворами 304—305. О подачѣ ему новой декларацiи 306. О положеніи его согласно «Плану для поведенія трехъ министровъ въ Польшѣ» 339—357, 479. О понужденіи его придти къ соглашенію съ Мальтійскимъ орденомъ 381. О мѣрахъ противодѣйствія его поведенію во время сейма и о давленіи на него 403—407. Объ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ 450—451. Записка его къ бар. Штакельбергу 494. Объ учрежденіи при немъ постояннаго совѣта 500. О признательности Императрицы за добровольный отказъ его отъ его прерогативъ 501—502. О денежной претензіи къ нему герцога Курляндскаго 504—505. О предложенномъ имъ Императрицѣ посредничествѣ въ спорѣ его съ Прусскимъ королемъ по поводу разграниченія присоединенныхъ послѣднимъ польскихъ областей 508—509.

Объ отказѣ его отъ всякихъ правъ на области, присоединенныя къ Пруссіи 516.
Станлей, бывшій Англійскій посолъ при русскомъ дворѣ. Упом. 267.
Стахіевъ, Александръ Стахіевичъ, резидентъ въ Стокгольмѣ. Письмо его къ гр. Панину 147.
Стрекаловъ, Степанъ Ѳедоровичъ, директоръ канцеляріи Совѣта. Записка къ нему Императрицы 124.
Стремоуховъ, подполковникъ, состоящій при Ногайскомъ (Эдиссанскомъ) начальникѣ Джанъ-Мамбетъ-бекѣ. О сношеніи его съ пограничными командирами 83—84. Объ отдачѣ на его попеченіе сына Эдишкульскаго и внуковъ Эдиссанскаго начальниковъ 331. Объ отправленіи къ нему письма къ Джанъ-Мамбетъ-бею 384. О сообщеніи обо всѣхъ происшествіяхъ кн. Долгорукову 386, 388. О сношеніяхъ его съ ген. Медемомъ 394. О пожалованіи ему 3000 рублей 433. Объ удаленіи его изъ области Ногайцевъ въ какое-либо пограничное мѣсто 485, 487, 488. Донешенія его о Казы-Гирей-султанѣ 489. Упом. 68.
Струве, см. Штруве.
Струэнзе, графъ, фаворитъ королевы Датской Каролины-Матильды. О паденіи и казни его 23—24, 36—37, 160, 161, 310.
Ступишинъ, Выборгскій оберъ-комендантъ. О принятіи ему вмѣстѣ съ вице-губернаторомъ Энгельгардтомъ мѣръ для развѣдыванія хода возмущенія, произведеннаго Спренгпортеномъ 205.
Суворовъ, Александръ Васильевичъ, генералъ-маіоръ. О задержаніи имъ въ плѣну взятыхъ при занятіи Кракова франц. офицеровъ 48. О награжденіи его за взятіе Кракова 116. О столкновеніи его съ Австр. генераломъ д'Альтанъ 169.
Сулковскіе, князья Августъ и Антоній. О прошеніи ихъ о пожалованіи имъ одного староства въ Бѣлоруссіи 493—494
Суморокъ, Польскій пограничный комиссаръ. О требованіи у него выдачи бѣжавшихъ въ Польшу крестьянъ помѣщика Челищева 115.
Сухотинъ, генералъ-маіоръ. О дачѣ ему денегъ на выѣздъ изъ Грузіи 507.

Теняй-ага, Эдиссанскій начальникъ, бывшій посланцемъ Эдиссанской орды въ Россіи 13.
Тиръ, маіоръ, курьеръ. Упом. 44, 255.
Тотлебенъ, гр. Готлибъ-Куртъ-Генрихъ, генералъ-маіоръ. О дачѣ ему денегъ на выѣздъ изъ Грузіи 507.
Тугутъ, Австрійскій интернунцій въ Константинополѣ. Представитель Австріи на мирномъ конгрессѣ съ Турками 105. Дѣйствія его въ Константинополѣ 145, 168. О допущеніи вмѣшательства его въ мирные переговоры съ Турками 164, 165, 175, 208—209, 215, 225, 229—230, 324. Ему даны повелѣнія къ склоненію Турокъ къ миру 363.
Тургеневъ, генералъ-маіоръ, командующій войсками въ Крыму. Упом. 2.

Убаша, намѣстникъ хана Калмыцкаго. Упом. 33.

Фабрици, легаціонсъ-ратъ маркграфа Баденскаго въ Вѣнѣ. О соглашеніи съ нимъ кн. Д. Голицына для защиты интересовъ маркграфа Баденъ-Дурлахскаго передъ Вѣнскимъ дворомъ 191.
Фагель, Голландскій министръ. О письмѣ его по поводу назначенія гр. Рехтерена камергеромъ русскаго двора 373.
Фалкъ, Шведскій купецъ. Явился къ Выборгскому вице-губернатору Энгельгардту съ извѣстіями о произведенномъ Спренгпортеномъ возмущеніи 205.
Фалькенбергъ, графъ, Шведскій сенаторъ. Упом. 271.
Ферзенъ, графъ, Шведскій сенаторъ. О привлеченіи его на сторону Россіи 275.

Филиппина, принцесса Бранденбургъ-Шведтская. О сговорѣ ея за ландграфа Гессенъ-Кассельскаго 298.

Финлей, Р. Проситъ возвратить ему задолженныя бар. Корфомъ въ 1747 г. деньги 147.

Фонвизинъ, Денисъ Ивановичъ, секретарь гр. Панина. Упом. 166, 223.

Фридрихъ-Августъ, епископъ Любскій, дядя Императрицы. О письмѣ его къ Императрицѣ по поводу брака герцога Карла Зюдерманландскаго 477.

Фридрихъ II, король Прусскій. Письмо къ нему Императрицы 279—281. Можно разсчитывать на помощь его въ случаѣ войны съ Австріей 5. О зависти Австріи къ частямъ, имѣющимъ отойти къ нему и къ Россіи 6. О приступленіи къ плану раздѣла Польши вмѣстѣ съ нимъ 21. О подписаніи съ нимъ конвенціи о томъ 27. Требуетъ опредѣленія содержанія сестры своей, вдовствующей королевы Шведской Луизы-Ульрики 38 — 39. Императрица разсчитываетъ на его содѣйствіе въ задержаніи дѣлателя фальшивыхъ ассигнацій Бароде-Бротара 40. О соглашеніи между нимъ, Россіей и Австріей о раздѣлѣ Польши 41, 90, 125, 163 — 165, 200. О вывозѣ хлѣба изъ Польши въ его земли 41—42. О конференціи его съ Ванъ-Свитеномъ 44 — 45. О споспѣшествованіи его желаніямъ Императрицы въ дѣлѣ брака герцога Зюдерманландскаго 66. О стараніяхъ его склонить Порту къ мирнымъ переговорамъ съ Россіей 92. О долѣ его въ Польскомъ раздѣлѣ 117. Замѣчанія относительно этой доли 119—120, 122. Предлагаетъ выдать Россіи 2-хъ политическихъ преступниковъ 126 — 127. О признаніи имъ отношеній Россіи къ Турціи главной задачей русской политики 133. О соглашеніи его съ Австріей 135. Отношенія съ нимъ остаются въ томъ же положеніи 145. О дачѣ имъ Цегелину наставленій по поводу поведенія Австріи въ дѣлѣ замиренія Россіи съ Турціей 166. Совмѣстныя съ Россіей дѣйствія его въ дѣлахъ Польши 179—182, 196 — 197. Желательно, чтобъ онъ оказалъ давленіе на короля Шведскаго въ случаѣ угрозъ послѣдняго напасть на Россію 204. О соглашеніи его съ Россіей относительно Швеціи 213, 276. Ложный слухъ о данномъ имъ Россіи совѣтѣ не заключать съ Даніей соглашенія о Голштиніи 216 — 217. О наставленіяхъ его Цегелину 250. Контръ-проектъ секретнаго акта для обмѣна съ нимъ и съ Австрійскимъ дворомъ 294—296. О соглашеніи съ нимъ по поводу торговли по Вислѣ 327. Объ отношеніи его къ вопросу о торговлѣ съ Польшей 336. О предложеніи его назначить подъ команду короля Польскаго 2 баталіона иноземнаго войска 372. Объ отношеніи его къ Россіи въ виду враждебнаго положенія, занятаго Швеціей 394 — 397. О расширеніи предѣловъ полученной имъ части Польши 429—430. Объ оказаніи его посланникомъ въ Варшавѣ поддержки домогательствамъ герцогини Курляндской Каролины-Луизы 438. Объ отношеніяхъ его къ Россіи 447—448, 451, 453—454, 456. О передачѣ гр. Герцу отвѣта Императрицы на его письмо 495. О посредничествѣ Императрицы въ спорѣ его съ Польшей относительно разграниченія занятыхъ имъ областей 508—509. Объ отношеніяхъ Императрицы къ спорному дѣлу его съ Данцигомъ и Торномъ 512 — 513. Взглядъ Россійскаго двора на споръ его съ Польшей относительно разграниченія его съ нею 513 — 517. Упом. 7, 20, 39, 60, 173, 176, 191, 408, 467, 468, 477, 479, 489.

Фридрихъ V, король Датскій (1746—1766). О дружественныхъ къ нему чувствахъ Императрицы 300.

Фридрихъ, принцъ Датскій, единокровный братъ Датскаго короля. О письмѣ къ нему вел. князя Павла Петровича 301,

302. Увѣренность Императрицы въ склонности его къ союзу съ Россіей 368. Передаетъ Симолину желаніе короля наградить его орденомъ 442.

Фридрихъ, ландграфъ Гессенъ-Кассельскій. О сговорѣ его съ принцессой Филиппиною Бранденбургъ-Шведтскою 298.

Хименецъ, Францискъ, гроссмейстеръ Мальтійскаго ордена. Письма къ нему Императрицы 369, 391. Объ удовольствіи Императрицы по случаю возобновленія сношеній съ нимъ 370. Объ аккредитованіи при немъ маркиза Кавалькабо 397.

Хотинскій, Николай Константиновичъ, повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ. Письмо его къ гр. Панину 9. Циркулярный указъ ему 196—202. Реляціи его съ резолюціями на нихъ Императрицы 269—271, 408. Письма къ нему гр. Панина 440, 498. О сдачѣ имъ дѣлъ посланнику кн. Барятинскому 459. Упом. 397, 416, 474.

Христіанъ VII, король Датскій. Письма къ нему Императрицы 24, 48, 159—160, 299—300, 386—387, 440. О союзѣ его съ Россіей 12, 278, 301. Объ отклоненіи его отъ приведенія въ исполненіе казни надъ Струэнзе 37, 50. Гр. Панинъ проситъ передать королю свое удовольствіе по случаю улаженія его недоразумѣній съ Англіей 161. О соглашеніи съ нимъ относительно мѣръ обороны противъ Швеціи 212, 277, 278, 301. О письмѣ къ нему Императрицы и вел. князя Павла Петровича 301—302. О перемѣнѣ министерства въ Даніи 390. О заключеніи трактата съ Даніей 439—440, 442—445. О желаніи его наградить Симолина орденомъ 442. Объ отношеніяхъ его къ Россіи 448, 456, 473. Упом. 191.

Цегелинъ, Прусскій посланникъ въ Константинополѣ. Передаетъ просьбу Порты о назначеніи мѣста мирнаго конгресса 62. Представитель Пруссіи на мирномъ конгрессѣ съ Турками 105, 165—166, 225. Извѣстія его о дѣйствіяхъ Австріи въ Константинополѣ 145, 176. О недопущеніи вмѣшательства его въ мирные переговоры съ Турками 208—209. Письмо къ нему гр. Панина 249—250. Благодарность за старанія его привести Порту къ миру съ Россіей 409. О сообщенныхъ имъ графу Сольмсу извѣстіяхъ о настроеніи Порты 491. О внушеніяхъ, которыя ему надлежитъ сдѣлать для склоненія Порты къ мирнымъ переговорамъ 492—493. Упом. 61.

Цянь-лунъ, Китайскій императоръ. Упом. 1, 31.

Чарторыйскіе, князья. Старанія ихъ играть роль въ сближеніи Россіи съ Пруссіей 26. Необходимость уменьшить ихъ богатство 143. Отзывъ о нихъ Императрицы 283. Необходимость удалить ихъ отъ дѣлъ въ виду ихъ враждебнаго направленія 357—358.

Чацкій, Польскій плѣнникъ. Просьба объ его освобожденіи 372.

Челищевъ, секундъ-маіоръ, Торопецкій помѣщикъ. Проситъ о возвращеніи ему крестьянъ его, бѣжавшихъ въ Польшу 115.

Чернышевъ, гр. Захаръ Григорьевичъ, генералъ-губернаторъ присоединенныхъ отъ Польши областей 258. Резолюція Императрицы на его докладѣ 281—282. О перепискѣ его съ гр. Румянцевымъ по поводу переустройства кавалеріи 464. О побужденіи его представить счетъ того, что слѣдуетъ уплатить королю Польскому до присоединенія польскихъ земель къ владѣніямъ трехъ державъ 494.

Чернышевъ, гр. Иванъ Григорьевичъ, бывшій посолъ въ Англіи. Упом. 267.

Чингизъ-ханъ. Крымскіе ханы должны избираться изъ его рода 411, 434.

Чичаговъ, контръ-адмиралъ. Упом. 110.

Шагинъ-Гирей, Калга-султанъ, братъ Крымскаго хана. Записки и письма къ

нему гр. Панина 171—172, 258—260, 433—436, 437. Объ отправленіи писемъ его къ Крымскому хану 15. О переговорахъ съ нимъ. 57. О выраженномъ имъ желаніи, чтобы Крымъ охранялся Россіей отъ нападеній Турокъ 88. О задержаніи его въ Петербургѣ 155. Объ оказанномъ ему въ Россіи пріемѣ и обратномъ отпускѣ его въ Крымъ 192—195. О доставленіи письма его къ хану 234. Объ отправленіи его въ Крымъ 283—286. О письмѣ къ нему кн. Долгорукова 384. О пожалованіи ему занятой имъ въ Полтавѣ суммы и о выкупѣ заложенныхъ вещей его 387—388. Объ оказаніи ему покровительства и назначеніи содержанія 469—471, 484, 493. О предложеніи ему управлять Ногайцами 485—487, 488.

Шагинъ-Гирей-мурза, Крымскій посланецъ въ С.-Петербургѣ. Объ отпускѣ его обратно въ Крымъ 69, 71.

Шакъ, Датскій министръ. О ложности слуха, будто король Прусскій отсовѣтовалъ Россіи заключать съ Даніей трактатъ по дѣламъ Голштиніи 217. О передачѣ ему относительно мѣръ обороны на случай враждебныхъ дѣйствій со стороны Швеціи 279. Временно исправляетъ обязанности министра иностранныхъ дѣлъ 368, 390.

Шарло, французъ, взятый въ плѣнъ при штурмѣ Кракова. Упом. 59.

Шварцъ, Голландскій повѣренный въ дѣлахъ въ С.-Петербургѣ. Упом. 373.

Шеренъ, Зенгорскій начальникъ, бѣжавшій въ Россію. О невыдачѣ его обратно Китайскому правительству 1, 32, 34.

Шеферовъ, Иванъ, служившій при Кіевской губернской канцеляріи для заграничныхъ посылокъ. Резолюція Императрицы о назначеніи награжденія его вдовѣ 111—112.

Шеффферъ, графъ, Шведскій сенаторъ. О разговорѣ съ нимъ гр. Остермана по поводу предполагаемаго назначенія посла при русскомъ дворѣ 268, и по поводу переворота въ Швеціи 277, 278. Гр. Остерману поручено дать ему отвѣтъ на его слова по поводу русскихъ вооруженій и миролюбія короля Шведскаго 374—378.

Шиповъ, Сергѣй, гвардіи маіоръ. О пропускѣ курьеровъ гр. Румянцева безъ задержанія въ карантинѣ 431.

Штакельбергъ, баронъ Оттонъ-Магнусъ, посланникъ въ Варшавѣ. Указъ о назначеніи его 173—174. Инструкція ему 176—190. О времени прибытія его въ Варшаву 207. Рескрипты къ нему 256, 328. Резолюціи Императрицы на его депеши 248, 282—283, 478, 493—494, 495—496. Письма гр. Панина къ нему 250—255, 266, 304—307, 329—330, 336—338, 358—359, 371—372, 378—382, 403—407, 427—430, 462, 467, 498—506. О представленіи имъ декларації Императрицы королю Польскому 294. Объ оказаніи имъ поддержки герцогу Бульонскому въ тяжбѣ его съ кн. Радзивилломъ 397—398, 409. Объ оказаніи поддержки интересамъ герцогини Курляндской Каролины-Луизы 438. О сообщеніи имъ доводовъ Прусскихъ пограничныхъ коммиссаровъ въ спорномъ дѣлѣ разграниченія присоединенныхъ Пруссіей областей 509. О снабженіи его наставленіями по этому дѣлу 513. Упом. 248, 269, 335, 338.

Штруве, секретарь посольства при Имперскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ. Резолюція Императрицы на его реляцію 111.

Шуазель, герцогъ, французскій министръ. Интриги его противъ Россіи 455. Упом. 159, 270, 445.

Щербатовъ, кн. Михаилъ Михаиловичъ, историкъ. Рескриптъ къ нему Императрицы 437 (примѣчаніе).

Щербининъ, Евдокимъ Алексѣевичъ, генералъ-поручикъ, полномочный посолъ въ Крыму. Рескрипты Императрицы къ нему 11, 67—68, 138, 150—154, 307—308, 330—331, 433, 485—488. Инструкція

ему 72 — 87. Письма къ нему гр. Панина 87—90, 154—155, 234—236, 247—248, 286—288, 488—489. Объ отправленіи его посломъ въ Крымъ 52, 55, 56, 69, 71, 192—193. Гр. Панинъ надѣется, что онъ успокоитъ броженіе въ Крыму противъ Россіи 146. О прибытіи его въ Крымъ 166. О соглашеніи его съ Крымскимъ правительствомъ относительно выкупа плѣнныхъ 260. Объ увѣдомленіи его о ходѣ переговоровъ на конгрессѣ съ Турками 265. О заключеніи имъ договора съ Крымскимъ ханомъ 283, 289. Объ отправленіи къ нему Калги-султана 283—284. Объ оставленіи Ногайскихъ дѣлъ въ его вѣдѣніи 387. О выкупѣ имъ заложенныхъ вещей Калги-султана 388. О требованіи у него денегъ на содержаніе Калги-султана 470. Упом. 2, 171, 389.

Эбергардъ, Іоганнъ-Павелъ, профессоръ математики Геттингенскаго университета. Записка его о возможности нападенія Беньовскаго на Камчатку и мнѣніе Императрицы о томъ 365—366.

Экъ, почтъ-директоръ. Упом. 60.

Эльфинстонъ, адмиралъ, бывшій на русской службѣ. Замѣчанія Императрицы по поводу его записки объ экспедиціи въ Архипелагъ 511.

Энгельгардтъ, Выборгскій вице-губернаторъ. Письмо къ нему гр. Панина по поводу возмущенія, произведеннаго Спренгпортеномъ въ Финляндіи 204—206.

Энгельгардтъ, бригадиръ, находящійся съ командою въ г. Невелѣ. О предписаніи ему изловить бѣглыхъ крестьянъ помѣщика Челищева 115.

Эреншвертъ (Эренсвердъ), Шведскій генералъ въ Финляндіи. Объ установленномъ имъ въ Финляндіи кордонѣ для предупрежденія заноса чумы изъ Россіи 49, 66.

Юлинецъ, курьеръ. Упом. 29, 44.

Юліана-Марія, вдовствующая королева Датская. Письма къ ней Императрицы 19—20, 300. О значеніи ея въ Даніи и расположеніи ея къ гр. Бернсторфу 12. Объ отправленіи письма Императрицы къ ней 301, 302. Увѣренность Императрицы въ склонности ея къ союзу съ Россіей 368.

Юэль, Датскій государственный дѣятель. Кандидатура его на постъ управляющаго иностранными дѣлами 368—369.

Языковъ, капитанъ. О дачѣ ему денегъ на выѣздъ изъ Грузіи 507.

Ѳеодоръ Алексѣевичъ, царь. О покровительствѣ его Великоскитскому Крестовоздвиженскому монастырю въ Галиціи 325.

# СОДЕРЖАНІЕ

## ПЕРВЫХЪ СТА СЕМНАДЦАТИ ТОМОВЪ СВОРНИКА

## Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

---

**Томъ I.** Уставъ Русскаго Историческаго общества.—Рескрипты и письма императрицы Екатерины II на имя графа А. Г. Орлова. Сообщены княземъ Н. А. Орловымъ и изданы подъ наблюденіемъ А. Ѳ. Бычкова.—Бумаги изъ дѣла о самозванкѣ Таракановой. Сообщено изъ государственнаго архива К. К. Злобинымъ.—О мемуарахъ герцога Карла Фридриха, отца императора Петра III. Барона М. А. Корфа.—Письма императрицы Екатерины II къ принцу Нассау-Зигенъ. Сообщены княземъ П. А. Вяземскимъ.—Бумаги изъ дѣлъ о генералъ-прокурорѣ Глѣбовѣ и о сибирскомъ слѣдователѣ Крыловѣ.—Письма императрицы Екатерины II къ г-жѣ Жоффренъ. Сообщены А. Ѳ. Гамбургеромъ.—Переписка по дѣлу объ открытіи въ Бѣлоруссіи іезуитскаго новиціата, Князя М. А. Оболенскаго, и пр. . . . . .Цѣна 2 р.

**Томъ II.** Дипломатическія сношенія между Россіею и Швеціею въ первые годы царствованія императора Александра I. Статья К. К. Злобина.—Новые документы по дѣлу Новикова. Сообщены А. Н. Поповымъ.—Записка графа Поццо-ди Борго о немъ самомъ. Сообщено К. К. Злобинымъ.—Депеши графа Литты, посланника мальтійскаго ордена въ С.-Петербургѣ. Сообщены А. Ѳ. Бычковымъ; примѣчанія князя П. П. Вяземскаго.—Выписки о государственныхъ учрежденіяхъ, основанныхъ императрицею Екатериною II, съ 1762 по 1769 годъ. Сообщены графомъ А. С. Уваровымъ.—Извлеченіе изъ бумагъ графа Г. Г. Орлова. Сообщено княземъ Н. А. Орловымъ.—Записка барона Т. Димсделя о пребываніи его въ Россіи и пр. . . . . Цѣна 2 р.

**Томъ III.** Записка Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго о министерствахъ. Сообщена А. Н. Поповымъ.—Записка графа І. Каподистріа о его служебной дѣятельности. Сообщено изъ государственнаго архива въ С.-Петербургѣ.—Отвѣтное письмо графа І. Каподистріа Петро-Бею, вождю спартанцевъ.—Инструкція, данная императрицею Екатериною II-ю фонъ Ребиндеру. Сообщено А. Х. Бекомъ.—Письма императора Александра I-го къ княгинѣ З. А. Волконской. Сообщено княземъ А. Н. Волконскимъ.—Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи въ XVIII ст. Сообщено изъ дѣлъ саксонскаго государственнаго архива въ Дрезденѣ, профессоромъ Э. Германомъ. Цѣна 3 р.

**Томъ IV.** Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и приведенныя въ порядокъ Д. В. Полѣновымъ. Часть I. . . . . .Цѣна 2 р.

**Томъ V.** Письма императора Александра I и другихъ особъ царствующаго дома къ Ф. Ц. Лагарпу. Сообщено Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.—Проектъ князя М. Н. Волконскаго о лучшемъ учрежденіи судебныхъ мѣстъ, поданный императрицѣ Екатерины II въ 1775 г. Сообщено А. Н. Поповымъ.—Бумаги князя Н. В. Репнина. Сообщено изъ семейнаго архива княземъ Н. В. Репнинымъ.—Государственные доходы и расходы въ царствованіе императрицы Екатерины II. Сообщено А. Н. Куломзинымъ.—Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. Сообщено изъ дѣлъ саксонскаго государственнаго архива въ Дрезденѣ Э. Германомъ. Письма графа Петра Ивановича Панина къ сыну графу Никитѣ Петровичу. Сообщено графомъ В. Н. Панинымъ . . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ VI.** Письма адмирала Чичагова къ императору Александру I. Сообщено М. И. Богдановичемъ.—Бумаги графа П. И. Панина о пугачевскомъ бунтѣ. Сообщено графомъ В. Н. Панинымъ.—Государственные доходы и расходы въ царствованіе императрицы Екатерины II. Сообщено А. Н. Куломзинымъ.—Бумаги князя И. В. Репнина. Сообщено княземъ Н. В. Репнинымъ.—Записка князя А. А. Чарторижскаго императору Александру I, 26 Іюня 1807 года.—Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. Сообщено изъ саксонскаго государственнаго архива Э. Германомъ . . . . . Цѣна 3 р.

**Томъ VII.** Бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ государственномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Собраны и изданы, съ Высочайшаго соизволенія, по предначертанію Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, академикомъ Пекарскимъ (здѣсь помѣщено болѣе 400 преимущественно собственноручныхъ бумагъ императрицы, съ 1744 по 1764 годъ включительно). Часть I. . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ VIII.** Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и приведенныя въ порядокъ Д. В. Полѣновымъ. Часть II. . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ IX.** 1) Бумаги изъ архива дворца въ г. Павловскѣ, 1782 г. Сообщено княземъ П. А. Вяземскимъ. Документы эти напечатаны съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. 2) Переписка относительно несостоявшагося брака Густава-Адольфа IV съ Великою Княжною Александрою Павловною. 3) Переписка графа П. А. Румянцова съ графомъ Н. И. Панинымъ въ 1765 и 1771 гг. 4) Письма князя А. А. Чарторижскаго къ Н. Н. Новосильцеву. 5) Изъ бумагъ Ивана Ивановича Шувалова (письма Апраксина, Румянцова, Бутурлина и Салтыкова къ И. И. Шувалову). . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ X.** Бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ государственномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, съ 1765—1771 г. Собраны и изданы съ Высочайшаго соизволенія академикомъ Пекарскимъ. Часть II. Цѣна 3 р.

**Томъ XI.** Письма, указы и замѣтки Петра I, доставленные княземъ П. Д. Волконскимъ и Н. В. Калачевымъ, и извлеченные изъ архива Правительствующаго Сената. Всѣхъ документовъ свыше 600. Собраны и изданы академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ. . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ XII.** Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при Русскомъ дворѣ, съ 1762 по 1769 г. включительно. Сообщено изъ

англійскаго государственнаго архива и архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть I. . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ XIII.** Бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ государственномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ съ 1771—1774 г. Изданы академикомъ Я. К. Гротомъ. Часть III . . . . . Цѣна 3 р.

**Томъ XIV.** Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и изданныя Д. В. Полѣновымъ. Часть III . . . . . Цѣна 3 р.

**Томъ XV.** 1) Бумаги изъ архива дворца въ городѣ Павловскѣ. 2) Донесенія барона Мардефельда, прусскаго посланника при Петрѣ Великомъ. 3) Бумаги князя Репнина за время константинопольскаго посольства . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ XVI.** Бумаги Н. В. Репнина за время управленія его Литвою, издано Н. И. Костомаровымъ . . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ XVII.** Переписка имп. Екатерины II съ Фальконетомъ . .Цѣна 3 р.

**Томъ XVIII.** Донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи-Терезіи и государственному канцлеру, графу Кауницу-Ритбергу, съ 5-го января новаго стиля 1762 года по 24 іюля новаго стиля 1762 года и переписка графа Мерси съ русскимъ министерствомъ. Изданы Г. Ѳ. Штендманомъ. Часть I. Цѣна 3 р.

**Томъ XIX.** Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при Русскомъ дворѣ, съ 1770 по 1776 г. включительно. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива и архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть II . . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ XX.** 1) Дипломатическіе матеріалы сборнаго содержанія, относящіеся къ царствованію Петра Великаго. 2) Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. 3) Переписка императрицы Екатерины II съ королемъ Фридрихомъ II. Сообщено имперскимъ канцлеромъ, княземъ Бисмаркомъ, и государственнымъ канцлеромъ, княземъ А. М. Горчаковымъ. 4) Собственноручныя письма Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны (впослѣдствіи императрицы) къ барону Карлу Ивановичу Сакену, посланнику при датскомъ дворѣ. 5) Письма Великаго Князя Павла Петровича (впослѣдствіи императора Павла I) къ барону Карлу Ивановичу Сакену, посланнику при датскомъ дворѣ. 6) Проектъ императрицы Екатерины II объ устройствѣ свободныхъ сельскихъ обывателей. 7) Записка государственнаго секретаря А. Н. Оленина о засѣданіи Государственнаго Совѣта по полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра I. 8) Отчетъ о годичномъ собраніи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, происходившемъ 17-го марта 1877 г., въ Аничковскомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича. 9) Сотрудничество Екатерины II въ „Собесѣдникѣ“ княгини Дашковой. Сообщено академикомъ Я. К. Гротомъ.
Цѣна 3 р.

**Томъ XXI.** 1) Донесенія А. И. Чернышева императору Александру I, 1810 и 1811 гг. 2) Донесенія А. И. Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцову, 1811 года 3) Письма А. И. Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцову, 1809 г. 4) Донесенія императору Александру I князя А. Б. Куракина, 1811 и 1812 гг. 5) Донесенія князя А. Б. Куракина канцлеру Н. П. Румянцову, 1811 и 1812 гг. 6) Письма графа П. А. Шувалова императору Александру I, 1811 г. 7) Донесеніе барона Сухтелена императору Александру I, 1812 г. Сообщено

А. Н. Поповымъ изъ дѣлъ государственнаго архива въ С.-Петербургѣ. 8) Отчетъ о дѣлахъ 1810 г., представленный императору Александру I М. М. Сперанскимъ. Сообщено А. Ѳ. Бычковымъ . . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ XXII.** Дипломатическая переписка прусскихъ посланниковъ при Русскомъ дворѣ: 1) Донесенія графа Сольмса Фридриху II и отвѣты короля, съ 1763 по 1766 гг. 2) Шесть приложеній къ донесенію графа Сольмса королю отъ 15 (26) октября 1766 г., № 270. Сообщено изъ берлинскаго госуд. архива. Документы изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть I. .Цѣна 3 р.

**Томъ XXIII.** Письма императрицы Екатерины II барону Мельхіору Гримму. Сообщено изъ государственнаго архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ. Издано академикомъ Я. К. Гротомъ . . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ XXIV.** Донесенія нидерландскихъ посланниковъ о ихъ посольствѣ въ Швецію и Россію въ 1615 и 1616 гг. Сообщено изъ нидерландскаго государственнаго архива. Изданы А. Х. Бекомъ . . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ XXV.** Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева, съ 1704—1718 г., и другія бумаги. Съ портретомъ императора Петра Великаго. Изданы графомъ С. Д. Шереметевымъ. . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ XXVI.** Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени. Н. И. Григоровича. Съ гравюрою и снимками почерковъ. 1747—1787 гг. Томъ I . . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ XXVII.** Бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ государственномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, съ 1774 по 1778 годъ. собраны академикомъ Я. К. Гротомъ и напечатаны подъ наблюденіемъ Г. Ѳ Штендмана. Часть IV . . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ XXVIII.** Финансовые документы царствованія императрицы Екатерины II. Собраны и изданы А. Н. Куломзинымъ. Томъ I . . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ XXIX.** Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени. Н. И. Григоровича. Съ 2-мя гравюрами и планомъ 1788—1799 г. Т. II. . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ XXX.** Годы ученія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Т. I. . . . . Цѣна 4 р.

**Томъ XXXI.** Годы ученія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Т. II. . . . . .Цѣна 5 р.

**Томъ XXXII.** Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ профессора В. И. Сергѣевича. Часть IV. . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ XXXIII.** 1) Письма барона Мельхіора Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II, съ приложеніями. 2) Письма Эрнеста-Іоганна Бирона посланнику графу Герману Кейзерлингу. 3) Письма Дидро къ императрицѣ Екатеринѣ II, съ примѣчаніями . . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ XXXIV.** Донесенія французскихъ посланниковъ и повѣренныхъ въ дѣлахъ при Русскомъ дворѣ; повелѣнія правительства и отчеты о пребываніи русскихъ пословъ, посланниковъ и дипломатическихъ агентовъ, находившихся во Франціи, съ 1681 по 1718 годъ. Сообщено изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ. Напечатано подъ наблюденіемъ А. А. Половцова, А. Ѳ. Бычкова и Г. Ѳ. Штендмана. Часть I . . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ XXXV.** Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ

Польшею въ царствованіе Великаго Князя Ивана Васильевича, съ 1487 года. Напечатано подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова. Томъ I . . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ XXXVI.** Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ профессора В. И. Сергѣевича. Часть V . . . . . Цѣна 2 р.

**Томъ XXXVII.** Дипломатическая переписка прусскаго короля Фридриха II съ графомъ Сольмсомъ, посланникомъ при Русскомъ дворѣ. Сообщено изъ берлинскаго государственнаго архива. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть II. . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ XXXVIII.** Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Англіею. Съ 1581 по 1604 годъ. Изданъ подъ наблюденіемъ К. Н. Бестужева-Рюмина. Томъ II. . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ XXXIX.** Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при Русскомъ дворѣ, съ 1704—1708 г. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть III . . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ XL.** Дипломатическая переписка французскихъ посланниковъ и агентовъ при Русскомъ дворѣ, съ 1719—1723 годъ. Напечатано подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть II . . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ XLI.** Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ азіатскими народами: Крымомъ, Казанью, Ногайцами и Турціею, за время Великихъ Князей Іоанна III и Василія Іоанновича. Напечатано подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова. Томъ III . . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ XLII.** Бумаги императрицы Екатерицы II, хранящіяся въ государственномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, съ 1788 по 1796 годъ. Собраны академикомъ Я. К. Гротомъ и напечатаны подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть V. . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ XLIII.** Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ профессора В. И. Сергѣевича. Часть VI . . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ XLIV.** Письма барона Мельхіора Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II. Напечатано подъ наблюденіемъ члена совѣта Я. К. Грота. .Цѣна 3 р.

**Томъ XLV.** Финансовые документы царствованія императрицы Екатерины II, императоровъ Павла I и Александра I. Собраны и изданы А. Н. Куломзинымъ. Томъ II . . . . . Цѣна 3 р.

**Томъ XLVI.** Донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи-Терезіи и государственному канцлеру, графу Кауницу-Ритбергу. Изданы Г. Ѳ. Штендманомъ. Часть II. . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ XLVII.** Бумаги посланника Я. И. Булгакова съ 1779—1798. Рескрипты императрицы генераламъ Каховскому и Кречетникову и донесенія ихъ императрицѣ. Томъ изданъ Н. Ѳ. Дубровинымъ . . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ XLVIII.** Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II съ 1762—1764 г. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи магистра В. А. Уляницкаго. Часть I . . . . . Цѣна 3 р.

**Томъ XLIX.** Донесенія французскаго консула въ Петербургѣ Лави и полномочнаго министра при Русскомъ дворѣ Кампредона, съ 1722 по 1724 г. Напечатано подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть III. . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ L.** Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при Русскомъ дворѣ, съ 1708—1712 гг. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть IV . . . . . Цѣна 3 р.

**Томъ LI.** Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II, съ 1764—1766 г. Часть II. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи магистра Уляницкаго . . . . . Цѣна 3 р.

**Томъ LII.** Донесенія французскаго посла при Русскомъ дворѣ Кампредона, съ 1723—1725 гг. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть IV . . . . . Цѣна 3 р.

**Томъ LIII.** Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ нѣмецкимъ орденомъ въ Пруссіи. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова . . . . . Цѣна 2 р.

**Томъ LIV.** Переписка герцога Ришелье съ императоромъ Александромъ I, его министрами и частными лицами.—Бумаги извлечены изъ французскихъ и русскихъ архивовъ. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Общества А. А. Половцова . . . . . Цѣна 3 р.

**Томъ LV.** Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта 1726—1730 гг. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина. Часть I (февраль—іюль 1726 г.) . . . . . Цѣна 3 р.

**Томъ LVI.** Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта 1726—1730 гг. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина. Часть II (іюль—декабрь 1726 г.) . . . . . Цѣна 3 р.

**Томъ LVII.** Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II, съ 1766—1767 гг. Часть III. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи магистра Уляницкаго . . . . . Цѣна 3 р.

**Томъ LVIII.** Донесенія французскаго полномочнаго министра при Русскомъ дворѣ Кампредона, за 1725 г. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть V. . . . . Цѣна 3 р.

**Томъ LIX.** Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, съ 1533—1560 гг. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова . . . . . Цѣна 3 р.

**Томъ LX.** Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей для составленія Русскаго Біографическаго словаря. Часть I. А—Л . . . . . Цѣна 3 р.

**Томъ LXI.** Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при Русскомъ дворѣ, съ 1712—1719 г. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть V. . . . . Цѣна 3 р.

**Томъ LXII.** Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей для составленія Русскаго Біографическаго словаря. Часть II. М—Ѳ. . . . . Цѣна 3 р.

**Томъ LXIII.** Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта, съ 1 января по конецъ іюня 1727 г. Часть III. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина. . . . . Цѣна 3 р.

**Томъ LXIV.** Донесенія французскаго полномочнаго министра при Русскомъ дворѣ, Кампредона, и повѣреннаго въ дѣлахъ, Маньяна, 1726 и 1727 г. по 7 мая. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть VI. Цѣна 3 р.

**Томъ LXV.** Дипломатическіе акты, изъ архива князя Н. В. Репнина, относящіеся до Тешенскаго конгресса 1779 г., изданные профессоромъ Ѳ. Ѳ. Мартенсомъ. . . . . Цѣна 3 р.

**Томъ LXVI.** Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при Русскомъ дворѣ съ 1728—1733 г. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть VI . . . . . Цѣна 3 р.

**Томъ LXVII.** Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II, съ 1767—1768 г. Часть IV. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи магистра В. А. Уляницкаго . . . . . Цѣна 3 р.

**Томъ LXVIII.** Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ профессора В. И. Сергѣевича. Часть VII . . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ LXIX.** Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта, съ 1 іюля по конецъ декабря 1727 года. Часть IV. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина . . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ LXX.** Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Часть I. 1800—1802 гг. Изданы подъ редакціей А. С. Трачевскаго. Цѣна 3 р.

**Томъ LXXI.** Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, съ 1560—1570 гг. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова . . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ LXXII.** Дипломатическая переписка прусскаго короля Фридриха II съ графомъ Сольмсомъ, посланникомъ при русскомъ дворѣ. Сообщена изъ Берлинскаго государственнаго архива. Издана подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть III . . . . . Цѣна 3 р.

**Томъ LXXIII.** Бумаги графа Арсенія Андреевича Закревскаго. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина . . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ LXXIV.** Бумаги Высочайше учрежденнаго, 6 декабря 1826 г., „Особаго секретнаго комитета". Изданы подъ редакціею Предсѣдателя Общества. Цѣна 3 р.

**Томъ LXXV.** Донесенія французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ Маньяна, за 1727—1739 гг., и предписанія французскаго министерства. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть VII .Цѣна 3 р.

**Томъ LXXVI.** Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, за 1733—1736 гг. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть VII . . . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ LXXVII.** Дипломатическія сношенія съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Часть II. 1803—1804 гг. Изданы подъ редакціей А. С. Трачевскаго. Цѣна 3 р.

**Томъ LXXVIII.** Бумаги графа Арсенія Андреевича Закревскаго, 1812—1831 гг. Часть II. Изданы подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина. . . . .Цѣна 3 р.

**Томъ LXXIX.** Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта, съ января по конецъ іюня 1728 г. Часть V. Изданы подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина . . . . . Цѣна 3 р.

**Томъ LXXX.** Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ августа 1736 по конецъ 1739 г. Сообщена изъ англійскаго государственнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть VIII. Цѣна 3 р.

**Томъ LXXXI.** Донесенія французскаго повѣреннаго по дѣламъ, Маньяна,